МУЖЧИНА
И
ЖЕНЩИНА

Мужчина и женщина.
II.

Мужчина и женщина.

Мужчина и женщина.

Ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое ими въ современной культурной жизни.

Коллективный трудъ, въ которомъ приняли участіе:

Проф. Т. Ахелисъ, В. Бельше, И. Блохъ, К. Боринскій, Лили Браунъ, Ю. Вейсъ, В. Габерляндтъ, Т. Геллеръ, І. Колеръ, Р. Коссманъ, Альб. Молль, Фр. Цаннъ, Э. Цуккеркандль и др.

Авторизованный переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ дополненіями:

Проф. А. С. Догеля, Д. С. Клеменца, женщ.-врача А. Н. Шабановой и М. А. Энгельгардта.

3 тома, около 2000 страницъ съ приблиз. 1000 рис. въ текстѣ и 48 отдѣльн. приложеніями.

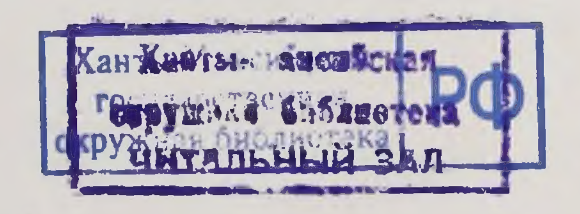
С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., с. д. № 75.

Мужчина и женщина.

Томъ II.

Переводъ **М. А. Энгельгардта.**

Подъ ред. и съ дополн.
проф. **А. С. Догеля** и **Д. С. Клеменца.**



Типо-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе“. Спб., Забалканскій просп., д. № 75.

Оглавленіе.

Списокъ иллюстрацій.

Рисунки въ текстѣ.

Отдѣльныя приложенія.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Судъ риса.

(По картинѣ ига Пассини.)

Возрасты любви. Бертеля Торвальдсена.

Введенie.

Основы отношенiй между мужчиной и женщиной.

Чтобы понять отношенiя между мужчиной и женщиной, нужно обратиться къ исторiи первобытнаго человѣчества, къ происхожденiю жизни вообще, къ животному мiру вплоть до его низшихъ формъ, и къ царству растенiй, не исключая его одноклѣтныхъ организмовъ. Все живущее связано съ парованiемъ, воспроизведенiемъ и размноженiемъ. До одноклѣтныхъ организмовъ включительно всюду можно констатировать слiянiе и дѣленiе. Уже у сувоекъ имѣются индивидуумы двухъ различныхъ формъ: мужскiе и женскiе. Чѣмъ выше мы поднимаемся по ступенямъ животнаго царства, тѣмъ очевиднѣе становится эта противоположность, тѣмъ яснѣе сказывается законъ, выражающiйся въ томъ, что эти различнаго вида индивидуумы стремятся вступить въ связь другъ съ другомъ. Безконечно разнообразны акты взаимнаго исканiя и нахожденiя; Вильгельмъ Бёльше со свойственнымъ ему мастерствомъ обрисуетъ ихъ въ слѣдующей главѣ. Но если въ низшихъ классахъ животныхъ отношенiя мужского индивидуума къ женскому опредѣляются только инстинктивнымъ побужденiемъ, то у человѣка къ нему присоединяется дѣятельность головного мозга, оказывающая существенное влiянiе на эти отношенiя. Духовныя силы выступаютъ на сцену и протягиваютъ невидимыя нити между мужчиной и женщиной, крѣпко опутывая и связывая оба пола: къ животному побужденiю присоединяется любовь.

Поэты и мудрецы всѣхъ временъ и народовъ пытались изслѣдовать сущность любви. Многiе изъ нихъ считали чувство любви одинаковымъ по значенiю съ половымъ побужденiемъ, — воззрѣнiе, которое высказывается и въ произведенiяхъ новѣйшихъ писателей, особливо естественно-историческихъ авторовъ. Всѣхъ рѣзче выражаетъ это Шопенгауэръ въ своемъ произведенiи „Мiръ какъ воля и представленiе“ въ слѣдующихъ словахъ:

„Всякая влюбленность, какой бы эфирной она ни притворялась, коренится исключительно въ половомъ побужденiи, мало

того, представляетъ изъ себя только болѣе точно опредѣленное, болѣе спеціализированное, именно въ строжайшемъ смыслѣ индивидуализированное половое побужденіе. Если, не упуская изъ виду этого обстоятельства, принять въ соображеніе, какую важную роль играетъ половая любовь, во всѣхъ ея степеняхъ и оттѣнкахъ, не только въ пьесахъ и романахъ, но и въ дѣйствительномъ мірѣ, гдѣ она на ряду съ любовью къ жизни является сильнѣйшимъ и энергичнѣйшимъ мотивомъ дѣятельности, захватываетъ добрую половину силъ и мыслей юной части человѣчества, составляетъ послѣднюю цѣль почти всякаго человѣческаго стремленія, оказываетъ вредное вліяніе на важнѣйшія событія, ежечасно прерываетъ серьезнѣйшія занятія; иногда сбиваетъ на время съ толку даже сильнѣйшія головы, не боится вмѣшиваться съ своими дурачествами въ дѣла государственныхъ людей и изслѣдованія ученыхъ, ухитряется засовывать свои любовныя записочки и локоны волосъ даже въ министерскіе портфели и философскіе манускрипты, ежедневно затѣваетъ самыя запутанныя и зловредныя исторіи, разрушаетъ самыя цѣнныя отношенія, разрываетъ прочнѣйшія связи, заставляетъ приносить себѣ въ жертву то жизнь или здоровье, то санъ, богатство и счастье, мало того,

Рис. 1. Осязаніе.

Рис. 2. Слухъ.

дѣлаетъ честнаго безсовѣстнымъ, вѣрнаго измѣнникомъ, словомъ, всюду выступаетъ, какъ враждебный демонъ, старающiйся

Рис. 3. Зрѣнiе. Рис. 4. Обонянiе. Рис. 5. Вкусъ.
Рис. 1—5. Пять чувствъ. Съ картины Ганса Макарта.

все извратить, запутать и ниспровергнуть; — если принять все это въ соображенiе, то невольно воскликнешь: Изъ-за чего шумъ? Изъ-за чего суматоха, возня, ужасъ и бѣдствiя? А

дѣло-то попросту въ томъ, что каждый Гансъ стремится найти свою Гретхенъ“.

Наши великіе поэты давно признали духовное содержаніе любви и много разъ изображали любовь, какъ жизнь души и сердца, въ ея различныхъ видахъ и уклоненіяхъ отъ нормы. Но любовь выражаетъ не только чувство, возникающее между двумя чуждыми, повстрѣчавшими другъ друга индивидуумами, а также и душевную связь между отцомъ и сыномъ, матерью и дочерью, братомъ и сестрой. Родительская любовь имѣетъ во всякомъ случаѣ глубоко эгоистическое основаніе, она усматриваетъ въ отпрыскѣ свое собственное „я“: плоть отъ моей плоти. И здѣсь наблюдаются извѣстныя уклоненія, такъ какъ только этимъ возможно объяснить, почему отецъ или мать питаютъ особенное пристрастіе то къ сыну, то къ дочери, и выраженіе „маминъ любимчикъ“ оказывается далеко не пустымъ словомъ.

Рис. 6. Тринадцатилѣтняя вѣнка, спереди.

То же можно сказать о братьяхъ и сестрахъ: часто двое изъ нихъ питаютъ особенную склонность другъ къ другу и на всю жизнь остаются вѣрными друзьями, тогда какъ остальные чуждаются другъ друга. Кромѣ опредѣленныхъ внѣшнихъ условій, причины этого явленія надо искать въ извѣстномъ душевномъ родствѣ, а также и въ извѣстныхъ различіяхъ ума и характера.

Но если не подлежитъ никакому сомнѣнію отсутствіе полового элемента въ любви родителей къ дѣтямъ или братьевъ и сестеръ другъ къ другу, то съ другой стороны установлено неопровержимыми фактами также и то обстоятельство, что лица одинаковаго пола и разныхъ половъ, одинаковаго возраста и разныхъ возрастовъ могутъ чувствовать взаимное влеченіе, могутъ всю жизнь питать глубочайшее чувство взаимной привязанности,

даже умереть другъ за друга, при чемъ однако въ этой любви не оказывается ни малѣйшихъ слѣдовъ полового побужденія. Если дѣло идетъ о двухъ лицахъ одного пола и возраста, то ихъ привязанность называютъ дружбой, большею частью невѣрно и неправильно, такъ какъ дружба очень часто представляетъ только преходящія отношенія двухъ связанныхъ товарищескимъ существованіемъ индивидуумовъ. Та дружба, которая принимаетъ участіе въ радости и горѣ друга и всегда готова пожертвовать для него имуществомъ и жизнью, есть не что иное какъ любовь.

Причины и происхожденіе любви. Мудрецы доискивались, поэты стремились, при помощи своей фантазіи, пояснить примѣрами, пытались описать всевозможными красивыми словами то, чего не знаютъ. Викторъ Гюго прославляетъ любовь какъ силу божественнаго происхожденія:

Божественная воля любовь во все вложила, —
Любовь, что вѣчно движетъ всѣмъ тѣмъ, что есть и было.

Шиллеръ также называетъ любовь „священнымъ лучемъ божества“, который

Въ душѣ горитъ, трепещетъ и играетъ,
Когда она родную призываетъ;
Тутъ нѣтъ борьбы, и выбора здѣсь нѣтъ;
Что Богъ связалъ—земля не разрываетъ.

Подобнымъ же образомъ Гердеръ усматриваетъ въ любви свойство живой природы.

Рис. 7. Тринадцатилѣтняя вѣнка, сзади.

Все, что твой взоръ пытливый наблюдаетъ,
Что неуклонно движетъ міръ впередъ,
Что тамъ, въ святой тиши небесъ, витаетъ,
И здѣсь, въ движеньи червяка живетъ,
Въ вѣтвяхъ шумитъ, въ волнѣ ручья играетъ,
И въ сердцѣ бьется, и на очи шлетъ
Слезу тяжелую, но скоро вновь
Въ нихъ зажигаетъ радость, есть... любовь.

Изслѣдователи души также занимались проблемой любви. Какъ врачъ вскрываетъ и расчленяетъ трупъ, такъ изслѣдуютъ они живую душу, — задача безконечно трудная, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ о подвижномъ, вѣчно измѣняющемся, невидимомъ образованіи, присущемъ единичнымъ индивидуумамъ въ безконечно разнообразныхъ проявленіяхъ.

Безъ сомнѣнія, женское существо — хотя это заявленіе можетъ показаться страннымъ на первый взглядъ—является активнымъ, дѣятельнымъ элементомъ любви, мужчина же пассивнымъ, страдательнымъ. Отъ женщины исходятъ всѣ невидимыя тонкія вліянія, возбуждающія любовное чувство въ мужчинѣ.

Рис. 8. Анна Каула. Съ портрета Іосифа Штилера.

Красота женщины самый извѣстный, но отнюдь не самый важный факторъ, который можетъ породить любовь. Красота въ свою очередь расчленяется на различныя понятія. Красотой называется благообразіе тѣла въ смыслѣ античной древности, форма, образованная согласно извѣстнымъ законамъ ученія о прекрасномъ (эстетики), которой мы восхищаемся прежде всего въ великихъ произведеніяхъ классической живописи и скульптуры.

Авторъ извѣстнаго произведенія „Красота женскаго тѣла“, женскій врачъ С. Г. Штрацъ, показалъ съ убѣдительной ясностью, что большинство женскихъ фигуръ, снятыхъ съ натуры, обнаруживаютъ тѣ или другіе недостатки въ формахъ своего тѣла. Онъ показалъ, что художникъ, который желаетъ создать идеально прекрасный образъ, частью сознательно, частью безсознательно устраняетъ недостатки модели. Можно отмѣтить и тотъ фактъ, что художникъ очень часто, находя, что его натурщица не во всѣхъ отношеніяхъ обнаруживаетъ идеально прекрасныя формы тѣла, соединяетъ въ своемъ произведеніи части различныхъ натурщицъ: отъ одной беретъ шею, отъ

другой спину, отъ третьей прекрасно сформированную руку и т. д.

Недостаточная красота многихъ натурщицъ объясняется отчасти тѣмъ, что онѣ принадлежатъ къ низшимъ классамъ, въ средѣ которыхъ недостатокъ ухода и плохое питаніе наносятъ ущербъ тѣлесной красотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, знаменитые живописцы нашего времени стараются имѣть натурщицъ изъ высшихъ круговъ общества. Всѣхъ извѣстнѣе въ этомъ отношеніи примѣръ вѣнскаго художника, Ганса Макарта, для роскошныхъ картинъ котораго служили натурщицами прекраснѣйшія женщины верхнихъ „десяти тысячъ" аристократіи. Зато какую роскошь женской красоты обнаруживаетъ передъ нами Макартъ въ своихъ „Пяти чувствахъ" (рис. 1—5): пышныя формы, полныя красоты и силы, здоровья и цвѣтущей жизни, и при всемъ томъ обвѣянныя дыханіемъ цѣломудрія.

По фотографіи Франца Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 9. Елена Седльмайеръ, дочь мюнхенскаго бюргера.
Съ портрета Іосифа Штилера

Только художники и врачи имѣютъ возможность наблюдать и изучать женское тѣло. Прошли тѣ времена, когда Парисъ только по снятіи всѣхъ покрововъ выдалъ премію за красоту богинѣ любви Венерѣ, явившейся на его судъ. Пассини въ своей великолѣпной картинѣ (см. снимокъ ниже) переноситъ насъ на эту стадію первобытнаго созерцанія красоты. Въ искусствѣ мы еще можемъ любоваться наготой, хотя многіе ворчатъ на это.

Такимъ образомъ, для огромнаго большинства мужчинъ этотъ моментъ красоты общаго строенія тѣла совершенно пропадаетъ. Мужчины видятъ женщину въ различныхъ уборахъ и нарядахъ, смотря по требованіямъ измѣнчивой моды, то зашнурованную въ тѣсный корсетъ, то въ фижмахъ и съ напудренными волосами, то въ плотно прилегающихъ къ тѣлу англійскихъ платьяхъ, то въ просторныхъ костюмахъ. О формахъ тѣла имъ ничего не извѣстно: онѣ закутаны, спрятаны, искусственно измѣнены, то неестественно увеличены, то ненормально

Рис. 10. Миссъ Грантъ.
Съ портрета Г. ф. Херкомера.

уменьшены. Извѣстно, какъ часто та или другая мода изобрѣталась какой-нибудь знатной дамой съ единственною цѣлью скрыть тѣлесный изъянъ. Всѣ остальныя подражали этой модной нелѣпости, хотя имъ, въ виду отсутствія этого изъяна, она была вовсе не нужна.

Пышная пластика дѣвственно расцвѣтающаго дѣвическаго тѣла изображена на рис. 6 и 7: снимкахъ спереди и сзади тринадцатилѣтней дѣвочки. Подъ бѣднымъ невзрачнымъ платьемъ эта удивительная красота совершенно пропадала. Мы понимаемъ, глядя на нее, насколько правы артисты женскаго туалета, стремящіеся къ тому, чтобы въ ихъ произведеніяхъ естественныя формы тѣла выступали возможно яснѣе. Конечно, они часто впадаютъ въ ошибку, стараясь усилить эти формы. Вопроса о гигіеническомъ значеніи подобныхъ платьевъ мы, разумѣется, здѣсь не касаемся. Такъ какъ костюмъ съ теченіемъ времени постоянно мѣняется, то понятно, что то же происходитъ и съ понятіемъ красоты, и не подлежитъ сомнѣнію, что иная хорошо сложенная фигура въ томъ или другомъ костюмѣ производитъ то хорошее, то безобразное впечатлѣніе. Такъ какъ однако въ извѣст-

По фотогр. Новаго Фот. общ. въ Штеглицъ-Берлинѣ.
Рис. 11. Француженка.

ный періодъ времени женскій нарядъ бываетъ обыкновенно однообразнымъ, то мы можемъ оставить въ сторонѣ это обстоятельство. Остается намъ ограничиться разсмотрѣніемъ самой верхней части тѣла, головы и шеи, безъ всякихъ покрововъ. Какое разнообразіе наблюдаемъ мы въ ряду прекрасныхъ женскихъ головокъ той или другой націи. Какой очаровательно нѣжной выглядитъ прекрасная баварка Анна Каула (рис. 8), дочь королевскаго баварскаго придворнаго агента Рафаэля Каула. Уже въ молодости она славилась своей красотой, а когда позднѣе вышла замужъ за гамбургскаго банкира Гейне, то слыла въ Гамбургѣ почти богиней и пользовалась такой популярностью, что каждый ребенокъ зналъ красавицу Гейне. (Ея портретъ въ костюмѣ наѣздницы можно было найти на бонбоньеркахъ во всѣхъ гамбургскихъ кондитерскихъ.) Тотъ же типъ нѣжной красоты представляетъ Елена Седльмайеръ (рис. 9), дочь башмачника въ Тростбергѣ, переселившаяся позднѣе въ Мюнхенъ и обратившая на себя вниманіе короля Максимиліана II, который содѣйствовалъ ея браку съ своимъ придворнымъ лакеемъ. Она была скромная, бережливая, рачительная хозяйка и умерла въ 1898 г. въ Мюнхенѣ, подаривъ жизнь десяти дѣтямъ.

По фотографіи Евг. Вейтъ въ Вѣнѣ
Рис. 12. Венгерка, двадцати шести лѣтъ.

Подобный же типъ мы встрѣчаемъ на портретѣ англичанки миссъ Грантъ (рис. 10); но здѣсь на ряду съ нѣжностью выступаетъ властное, можно сказать величавое, выраженіе. Головка француженки (рис. 11) обнаруживаетъ ту особенность, которую мы всего лучше можемъ охарактеризовать французскимъ же словомъ „пикантность“.

По фотографіи Евг. Вейтъ въ Вѣнѣ.
Рис. 13. Вѣнка.

Типъ настоящей расовой красоты представляетъ венгерка (Рис. 12), съ огненнымъ взглядомъ большихъ, осѣненныхъ черными бровями, глазъ. Тѣмъ спокойнѣе выглядитъ вѣнка (рис. 13), черты лица которой представляютъ удивительную смѣсь веселья и серьезности. Древне-греческій классическій типъ представляетъ гречанка (рис. 14) изъ нынѣшнихъ Аѳинъ. Совершенно своеобразное впечатлѣніе производитъ портретъ двадцатилѣтней румынки (рис. 15) изъ Яссъ.

Также разнообразны типы красоты другихъ расъ: молодыя зулуски (рис. 16), величественная красота кабильской женщины (рис. 17), черная, едва расцвѣтшая, дѣвушка негритянка (рис. 18), тупоумная красавица изъ Срединнаго Царства (Рис. 19), чувственность женщины изъ алжирскаго гарема (рис. 20) и лукаво смѣющейся дѣвушки еврейки изъ той же страны (рис. 21).

По фотографіи Кавра въ Аѳинахъ.

Рис. 14. Гречанка изъ Аѳинъ.

Во многихъ странахъ, населенныхъ не смѣшанными племенами, женскія лица представляютъ довольно однообразный типъ. Понятно, что если въ такой странѣ явится чуждая женская головка, то она привлекаетъ взоры мужчины какъ нѣчто необычайное, отличное отъ вульгарнаго типа. Сама по себѣ и среди своего родного племени она быть можетъ не считалась бы красавицей, но въ новой средѣ, на однообразномъ фонѣ, выдѣляется разительно. Изъ этихъ примѣровъ ясно, съ какихъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія можно разсматривать красоту какъ средство привлеченія.

Безконечно разнообразится женская красота съ помощью различныхъ примѣняемыхъ ею средствъ украшенія, каковы яркіе цвѣты на груди и въ волосахъ, драгоцѣнныя украшенія на рукахъ, на шеѣ, въ ушахъ, искусная прическа, не говоря уже о притираньяхъ и пудрѣ, которыя, при умѣломъ употребленіи, несомнѣнно увеличиваютъ красоту. Сама Венера, изъ пѣны рожденная, не пренебрегаетъ украшеніями, какъ изображаетъ Буше на своей характерной картинѣ „Туалетъ Венеры“ (рис. 22).

Мы познакомились съ красотой какъ средствомъ возбуждать чувство любви, но наряду съ ней играетъ не менѣе важную роль прелесть. „Прелесть,—говоритъ Шиллеръ,—есть подвижная красота, которая случайно возникаетъ въ своемъ субъектѣ и такъ же можетъ исчезнуть. Этимъ она отличается отъ постоянной красоты, неразлучной съ субъектомъ, вмѣстѣ съ нимъ данной. Венера можетъ снять свой поясъ и передать его на время Юнонѣ; но свою красоту она могла бы отдать только вмѣстѣ съ своей личностью. Безъ своего пояса она уже не обворожительная Венера, безъ красоты вовсе не Венера“.

Рис. 15. Двадцатилѣтняя румынка изъ Яссъ.

Прелесть, по Шиллеру, есть преимущество рода человѣческаго. Вѣтви дерева, волны потока, нива, члены животныхъ не обладаютъ прелестью движенiй. Движенiя, источникомъ которыхъ служитъ исключительно чувственность, принадлежатъ, при всей своей самопроизвольности, еще цѣликомъ природѣ, которая сама по себѣ никогда не возвышается до прелести. Конечно, и постоянныя черты могутъ обнаруживать прелесть, но эти постоянныя черты были первоначально движенiями, закрѣпившимися вслѣдствiе частаго повторенiя.

Очень часто возникновенiе любовнаго чувства обусловлено не красотой, а прелестью. Безобразныя, отталкивающiя формы оказываютъ иногда чарующее дѣйствiе вслѣдствiе прелести личности.

Сдѣлаемъ шагъ дальше. Особенныя движенiя лица, выраженiя, проявляющiяся въ звукахъ голоса, въ рѣчи, нерѣдко оказываются сильнѣйшими возбудителями любовныхъ чувствъ Мелодическiй голосъ возлюбленной, восхитительный тонъ ея разговора возбуждаетъ воспрiимчиваго къ нимъ мужчину, при

чемъ это возбужденіе не имѣетъ чисто чувственнаго характера. Портретъ, фотографія, даже мастерски выполненные, часто представляютъ безобразныя черты, которыя у живого оригинала удивительно преображаются и оживляютъ лицо возбуждающей прелестью.

Умъ женщины, проявленія ея разсудка, всѣ ея душевныя способности также оказываютъ вліяніе на возниковеніе любви у мужчины. Конечно, именно въ этомъ пунктѣ господствуетъ большое разнообразіе. Значительное образованіе часто пугаетъ мужчину, особливо если онъ видитъ, что оно превосходитъ его собственное. Другой, наоборотъ, радуется познаніямъ любимаго существа и хвалится ими. Самъ онъ можетъ быть дѣловымъ человѣкомъ, не придающимъ особеннаго значенія теоретическимъ знаніямъ.

Рис. 16. Зулусскія дѣвушки (Наталь).

Повидимому всего болѣе нравится мужчинѣ, если онъ встрѣчаетъ пониманіе и сочувствіе своимъ идеямъ и склонностямъ, если онъ имѣетъ основаніе думать, что его будущая жена окажется для него надежнымъ помощникомъ въ его профессіональной дѣятельности.

Нѣкоторые мужчины, живущіе чисто духовной жизнью, желаютъ, однако, наоборотъ, чтобы ихъ избранница оказалась хорошей хозяйкой и заботилась объ ихъ тѣлесномъ благополучіи.

„Любовь и любовныя объятія, — говоритъ Иванъ Блохъ, — не только цѣль рода, но и самоцѣль, они необходимы для жизни, развитія и внутренняго роста самого индивидуума“.

Большое значеніе для пробужденія и возникновенія любви имѣютъ также условія встрѣчи женщины съ мужчиной и мужчины съ женщиной. Часто говорятъ о демоническомъ вліяніи, оказываемомъ либо мужчиной на женщину, либо женщиной на мужчину. Каждому индивидууму присуща способность духовнаго принужденія, духовнаго господства, духовнаго порабощенія, которую мы характеризуемъ словомъ „внушеніе“. Встрѣчая ту или другую парочку и узнавая, что они находятся въ половой связи, мы часто удивляемся этому, такъ какъ намъ, объективнымъ наблюдателямъ, кажется, будто они не подходятъ другъ

къ другу. Внушенiе со стороны мужчины или со стороны женщины часто играетъ большую роль въ подобныхъ случаяхъ. Сила многихъ донъжуановъ заключается вовсе не въ обаятельныхъ свойствахъ красавца мужчины, а въ свойствахъ демоническаго духовнаго поработителя. Какъ за Гамельнскимъ крысоловомъ, за нимъ слѣдуетъ безвольная и безсильная толпа женщинъ. А какъ часто приходится слышать разсказы о той или другой куртизанкѣ, которая погубила такихъ-то и такихъ-то мужчинъ, доводила ихъ до разоренiя или самоубiйства, дѣлала несчастными, а затѣмъ отталкивала и бросала.

Рис. 17. Женщина племени Кабиловъ въ праздничномъ нарядѣ.

Лола Монтесъ (рис. 23) — извѣстный примѣръ такой демонической женщины. Какъ кротко выглядитъ ея сiяющее невинностью личико на портретѣ. Въ теченiе своей жизни она обладала четырьмя мужьями (два офицера, редакторъ газеты и врачъ), безчисленными любовниками, была фавориткой баварскаго короля Людовика I, сокрушала министерства, терроризовала чиновниковъ,

Рис. 18. Молодая дѣвушка съ Мадаскара (негритянка).

возбуждала студенчество и предводительствовала имъ, революціонизировала народъ, была причиной безчисленныхъ дуэлей, и до конца осталась неотразимой.

Наконецъ, значительную роль въ возбужденіи любовнаго чувства играетъ тотъ порывъ жизни и дѣятельности, который овладѣваетъ юношей въ моментъ его полной половой зрѣлости, внутренняя сила, заставляющая его вѣрить, что онъ завоюетъ міръ. Встрѣтившись въ этотъ періодъ съ женщиной, въ большинствѣ случаевъ низшаго класса, которая кажется ему слабой или достойной состраданія, онъ легко приходитъ къ убѣжденію, что судьба судила ему поднять до себя это существо, дѣйствовать и работать для него, чтобы обладать имъ, какъ своей исключительной собственностью.

Рис. 19. Китайская дѣвушка.

Иногда эти душевныя настроенія оказываются источникомъ чистой, достойной любви, которая на всю жизнь связываетъ два родственныя по духу существа. Иногда же любовное чувство разгорается въ пламя страсти, которая, подобно вулкану, погребаетъ подъ своимъ изверженіемъ счастье двухъ человѣческихъ существъ и кончается отказомъ отъ призванія, разрушеніемъ карьеры и самоубійствомъ.

* * *

Половыя отношенія начались не моногамнымъ бракомъ, какъ описывается въ Библіи, а хаосомъ дикаго полового смѣшенія. Первые люди вообще не знали брака въ нашемъ смыслѣ; всюду господствовало безпорядочное половое смѣшеніе, которое обнаруживалось частью въ формѣ многомужества, частью въ формѣ многоженства, частью же въ формѣ религіозной проституціи.

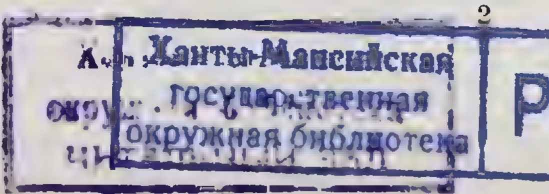
Этнографія даетъ намъ рядъ извѣстныхъ примѣровъ этихъ формъ брака. Одной изъ древнѣйшихъ былъ групповый бракъ. Не отдѣльные индивидуумы, но цѣлые роды вступали въ бракъ. Десять мужчинъ одного племени брали въ жены десять женщинъ другого племени, при чемъ каждый изъ десяти мужчинъ былъ

Рис. 20. Гаремная женщина (Алжиръ).

мужемъ каждой изъ десяти женщинъ. Въ случаѣ недостатка женщинъ имѣло мѣсто многомужество.

Рис 21. Еврейская дѣвушка изъ Алжира

Этимъ безпорядочнымъ половымъ общенiемъ объясняется, почему семья въ смыслѣ тѣснаго кровнаго родства состояла только изъ матери и ребенка. Только между ними отношенiя родства были безусловно ясны. Въ силу этого у первобытныхъ народовъ господствовало такъ называемое материнское право. Гораздо позднѣе развилась семья въ нашемъ современномъ смыслѣ, въ которой водворилось отцовское право. Развитiе отцовскаго права легко объяснимо въ связи съ развитiемъ многоженства. Только съ прогрессомъ куль-



туры возникъ при господствѣ отцовскаго права парный бракъ.

Современный бракъ. Какое множество спасателей человѣчества толкуютъ о немъ вкривь и вкось, пропагандируя свои предложенія реформъ въ пухлыхъ книгахъ, въ брошюрахъ и памфлетахъ, съ каѳедры и въ народныхъ собраніяхъ!

Наибольшаго вниманія заслуживаютъ въ этомъ отношеніи врачи, которые указываютъ и доказываютъ, какъ часто наслѣдственное предрасположеніе къ заболѣванію, пріобрѣтенныя до брака болѣзни и болѣзненныя вліянія, точно черви подтачиваютъ и разрушаютъ брачное и семейное счастье. Изъ незамѣтныхъ зародышей развивается часто страшное гніеніе за-

Рис. 22. Туалетъ Венеры. Съ картины Франсуа Буше.

живо. Большого вниманія заслуживаютъ предложенія для предотвращенія этого несчастія въ бракѣ, заносящаго болѣзнь въ семью.

Профессіональная дѣятельность и дѣторожденіе часто зависятъ отъ этихъ злыхъ демоновъ болѣзни, и, говоря о нихъ мы тѣмъ самымъ указываемъ на опасность, грозящую супружескому счастью.

Сюда примыкаетъ вопросъ о внѣбрачныхъ половыхъ отношеніяхъ. Если мы возьмемъ книгу французскаго академика Мишле „О любви“ и прочтемъ предисловіе къ этой книгѣ нѣмецкаго переводчика, извѣстнаго романиста Фридриха Шпильгагена, то будемъ внѣ себя отъ изумленія, узнавъ, что книга Мишле была объявлена безнравственной. Въ дѣйствительности это совершенно невинное произведеніе, въ которомъ указывается, что чувственный элементъ есть могущественный факторъ любви. Книга написана въ половинѣ прошлаго столѣтія, и міръ съ тѣхъ поръ шагнулъ далеко. Теперь куда откровеннѣе и правдивѣе называютъ вещи ихъ настоящими именами, не рискуя подвергнуться обвиненію въ безнравственности.

Внѣбрачныя отношенія половъ осуществляются въ самыхъ

разнообразныхъ формахъ, которыя различаются въ зависимости отъ вызвавшихъ ихъ причинъ, отъ общественныхъ классовъ, отъ мѣстныхъ условій и порядковъ вообще, отъ жизненной обстановки, въ которой сталкиваются полы. Иногда любовь въ духовномъ смыслѣ играетъ при этомъ извѣстную роль; но большею частью здѣсь дѣйствуетъ только низшее, инстинктивное побужденіе, часто проявляющееся безъ удержа; при чемъ именно мужчина, какъ сильнѣйшая и соціально болѣе независимая сторона, безпрепятственно слѣдуетъ до конца его необузданнымъ позывамъ.

А что оказывается въ концѣ? Иногда болѣзнь и отравленіе организма на всю жизнь, иногда моральное паденіе, спускъ въ самый низкій слой общества, въ элементы черни, гдѣ сутенеры и проститутки предаются своимъ печально-веселымъ оргіямъ. Для женщины часто сбывается пророчество Валентина въ Гётевскомъ „Фаустѣ“:

„Ты начала тайкомъ съ однимъ,
Придутъ и многіе за нимъ,
А дюжина перебываетъ,
И городъ весь тебя узнаетъ.

По фотографіи Франца Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 23. Лола Монтецъ.
Съ портрета Іосифа Штилера.

Проституція одна изъ самыхъ мрачныхъ главъ въ описаніи отношеній между мужчиной и женщиной. Женщина становится товаромъ, мужчина купцомъ. Большой городъ съ его кафе съ женской прислугой, съ его увеселительными заведеніями и садами, становится очагомъ проституціи. Въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ подражаютъ большимъ, только болѣе неуклюже, болѣе искренно, не такъ искусно маскируясь внѣшними приличіями.

Наряду съ общедоступнымъ рынкомъ женщинъ такъ называемыя „временныя отношенія“ образуютъ ядро великой арміи, написавшей на своемъ знамени всеобщее половое смѣшеніе и беззавѣтно слѣдующей за этимъ стягомъ.

Есть тысячи молодыхъ дѣвушекъ, вынужденныхъ зарабатывать хлѣбъ насущный,—извѣстные типы большого города, желающіе послѣ утомительнаго однообразія своего повседневнаго суще-

Рис. 24. У ногъ Венеры. П. Русселя.

ствованія попользоваться удовольствіями и развлеченіями городской жизни. Какъ легко здѣсь найти случай завести маленькую любовную интрижку! Не всѣ эти отношенія нужно считать тайной проституціей. Очень часто они приближаются къ настоящей любви и носятъ всѣ признаки таковой во всемъ, что касается духовныхъ отношеній обѣихъ сторонъ. Конечно, такіе случаи составляютъ меньшинство.

Болѣе высокую ступень свободныхъ половыхъ отношеній представляетъ жизнь куртизанокъ. Исторія знаетъ цѣлый рядъ выдающихся куртизанокъ, имѣвшихъ большое вліяніе на жизнь цѣлыхъ народовъ и государствъ. Не только извѣстные образы въ костюмахъ рококо изъ эпохи Людовиковъ встаютъ передъ нами, но и вполнѣ современныя дамы, еще и нынѣ живущія среди насъ. Сфера вліянія этихъ великихъ куртизанокъ осталась той же, хотя ихъ дѣятельность, быть можетъ, совершается болѣе за кулисами.

Любовное томленіе и любовная скорбь, безконечно разнообразныя ощущенія радости и страданія, связанныя съ отношеніями между мужчиной и женщиной, свѣтлые и темные пути, на которыхъ разыгрываются эти отношенія, — кто познакомилъ насъ съ ними? Наши великіе поэты воспѣвали ихъ, наши великіе драматурги воплощали ихъ въ классическихъ образахъ, наши романисты описывали ихъ въ романахъ и повѣстяхъ, наши скульпторы и художники увѣковѣчивали ихъ въ

своихъ мастерскихъ произведенiяхъ. Ромео и Джульетта, Фаустъ и Маргарита, Эгмонтъ и Клара, Вертеръ и Лотта, Фердинандъ и Луиза, и многiе другiе, — вотъ общеизвѣстные образы поэтическаго творчества. А какое множество частныхъ вопросовъ, теоретическихъ проблемъ, спорныхъ пунктовъ въ отношенiи любви, брака и его преобразованiй, значенiя любовныхъ отношенiй для отдѣльныхъ лицъ и для общества, трактовалось въ массѣ выдающихся произведенiй. Вспомнимъ, напримѣръ, о творенiяхъ Руссо „Новая Элоиза" и „Юлiя", въ которыхъ съ особенною силой подчеркивается естественная мощь любви. Романическая любовь съ ея грезами и душевной борьбой нашла прекраснѣйшее выраженiе въ „Ундинѣ" де ла Моттъ Фуке. Ибсенъ перенесъ на сцену проблему современныхъ половыхъ отношенiй. Зола изображалъ половое побужденiе во всѣхъ его формахъ согласно природѣ. Гюи де Мопасанъ рисовалъ всѣ виды и уклоненiя любовныхъ отношенiй въ своихъ разсказахъ „Мадмуазель Фифи", „Заведенiе Телье", „Наше Сердце", „Исторiя одной жизни", „Иветта" и др., какъ психологъ перваго ранга, до мельчайшихъ подробностей и со свойственнымъ французамъ изяществомъ. Наряду съ нимъ стоитъ Марсель Прево съ „Полудѣвами", „Письмами женщинъ" и др. Нѣмецъ Францъ Ведекиндъ разработалъ рядъ спорныхъ вопросовъ половой жизни въ драматической формѣ, не безъ фаустовскаго глубокомыслiя. Произведенiя Брiё, современнаго драматурга, выносятъ на театральныя подмостки изъяны половыхъ отношенiй. Вопроса о кормленiи новорожденныхъ Брiё коснулся въ одной изъ своихъ пьесъ, какъ раньше Зола въ знаменитомъ романѣ „Плодородiе", гдѣ этотъ вопросъ трактуется съ натуралистическою правдивостью. Въ

Рис. 25. Поцѣлуй. Огюста Родэна.

Рис. 26. Одиссей и сирены. Съ картины Отто Грейнера.

другой пьесѣ, „Les avaries“, Бріё драматически изображаетъ послѣдствія сифилитическаго зараженія для семейной жизни. Быть можетъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ сдѣлалъ это за нѣсколько столѣтій раньше еще болѣе великій авторъ, Шекспиръ, влагающій въ уста „Тимону Аѳинскому“ слѣдующее проклятіе:

Оставайтесь
Развратными навѣки...
Въ костяхъ мужчинъ вы сѣйте истощенье,
Параличемъ сводите ноги ихъ,
Энергію и живость разслабляйте,
Ломайте адвокатамъ голоса,

По фотографіи Келлера и Рейснера въ Берлинѣ.
Рис. 27. Двое людей. Стефана Зиндинга.

Чтобъ не могли они давать защиту
Кривымъ дѣламъ и ябеды гнусить;
Слугъ алтаря, кричащихъ противъ плоти,
И собственнымъ невѣрящихъ словамъ,
Заразою дарите; продолжайте
Проваливать и разрушать совсѣмъ
Вплоть до костей носы у тѣхъ, кто, слыша
Своимъ чутьемъ свой личный интересъ,

Рис. 28. По образу боговъ Съ картины Г. Семирадскаго.

Лишенъ чутья къ общественному благу;
Плѣшивьте всѣхъ мерзавцевъ завитыхъ;
Какимъ-нибудь страданьемъ надѣляйте
Тѣхъ храбрецовъ хвастливыхъ, что войной
Пощажены; все въ мiрѣ заражайте,
И заглушать старайтесь и сушить
Источники людского плодородья![1]

Въ этомъ проклятiи съ откровенной ясностью перечислены

[1] Переводъ П. И. Вейнберга.

Рис. 29. Первая любовь. Съ картины П. Бедини

Рис. 30. Кто этому повѣритъ! Съ картины Франца Дефреггера.

признаки сифилиса: исхуданіе, пораженіе голосовыхъ органовъ, опухоли на кожѣ, костоѣдъ, разрушеніе носа, выпаденіе волосъ, безплодіе.

За поэтами и прозаиками слѣдовали мастера кисти и рѣзца.

Въ заключительной главѣ этого тома историкъ культуры покажетъ, какъ живопись и скульптура, со времени возникновенія этихъ искусствъ до нашихъ дней, справлялись съ темой: мужчина и женщина и ихъ взаимныя отношенія. Мы, дѣти нашего времени, любуемся множествомъ современныхъ выдающихся произведеній искусства, въ которыхъ разнообразныя отношенія между мужчиной и женщиной находятъ согласное съ жизненной правдой выраженіе.

Рис. 31. Принцъ Августъ Прусскій передъ портретомъ Юліи Рекамье.
Съ картины Франца Крюгера.

Изъ массы этихъ великолѣпныхъ произведеній искусства назовемъ здѣсь лишь нѣкоторые типическіе образцы. Властное положеніе женщины и умоляющее мужчины изображено въ скульптурѣ Русселя: „У ногъ Венеры“ (рис. 24). Восхитительно прекрасно воплощаетъ Родэнъ въ своемъ „Поцѣлуѣ“ (рис. 25) упоеніе перваго поцѣлуя любви. Болѣе мощные, болѣе натуралистически сильные образы даетъ намъ Стефанъ Зинднигъ въ своей великолѣпной скульптурѣ „Двое людей“ (рис. 27): мужчина обнимаетъ нуждающуюся въ защитѣ, прибѣгающую къ нему и прильнувшую къ его устамъ женщину. Отуманивающую разсудокъ, соблазнительную природу женщины символизируетъ Отто Грейнеръ въ картинѣ, изображающей встрѣчу Одиссея съ сиренами (рис. 26). Генрихъ Семирадскій въ картинѣ „По образцу боговъ“ (рис. 28) выражаетъ то же самое, что наши классики прославляли, говоря о божественномъ происхожденіи любви. Любовныя чары эпохи рококо воспроизводитъ Бедини въ картинѣ „Первая любовь“ (рис. 29). Любовную жизнь крестьянства никто не изображалъ такъ удачно какъ Дефреггеръ. Прелестный образчикъ представляетъ его извѣстная картина

„Кто этому повѣритъ!“ (рис. 30.) Символъ платонической, чисто духовной любви даетъ намъ картина Крюгера „Принцъ Августъ Прусскій передъ портретомъ Юліи Рекамье“ (рис. 31.)

Сношенія обоихъ половъ при танцахъ и музыкѣ, въ гостиныхъ и въ общественныхъ собраніяхъ и вытекающія отсюда отношенія между мужчиной и женщиной также изображались въ разнообразныхъ формахъ. Любовь, любовная жизнь, любовныя отношенія, любовное завлеканіе и любовный гнѣвъ доставляютъ безконечно разнообразный матеріалъ для изобразительнаго искусства. Разсматривая эти произведенія, мы узнаемъ и замѣчаемъ многое, что можетъ ускользнуть отъ насъ въ потокѣ жизни. Искусство, нѣкогда привилегія богатыхъ людей, сдѣлалось теперь, благодаря основанію музеевъ, популярнымъ лекціямъ, учрежденію театровъ Уранія, представленіямъ кинематографовъ, общимъ достояніемъ всего народа. Храмы святой красоты открыты, и каждый можетъ входить въ нихъ, любоваться ея произведеніями, наслаждаться ея твореніями и поучаться законамъ жизни, которые въ нихъ открываются.

Юл. Вейсъ.

Творенiе. Съ картины Морица Швинда.

Глава первая.

Взаимное влеченiе половъ въ любви.

Вильгельма Бёльше.

Въ числѣ различныхъ основныхъ законовъ органическаго образованiя и преобразованiя, которые Гёте попытался изложить въ своей „Метаморфозѣ растенiй“, имѣется одинъ особенно важный законъ постоянной смѣны распространенiя и сжиманiя. Если мы прослѣдимъ развитiе однолѣтняго растенiя, утверждалъ Гёте, намъ бросится въ глаза замѣчательный ритмъ въ этомъ отношенiи. Прорастающее растеньице расширяется въ листья; листья стягиваются въ чашечку; вѣнчикъ означаетъ новое расширенiе, тычинки и пестикъ — сжатiе; плодъ — опять расширенiе и, наконецъ, сѣмена — высшую степень концентрацiи, изъ которой однако снова разрастается цѣлое растенiе.

Ни въ одной области органической жизни эта мысль не оправдывается такъ полно, какъ въ любви.

Въ любви организмовъ играетъ все болѣе возрастающую роль огромной важности факторъ: раздѣленiе половъ. Актъ размноженiя не связанъ съ единичнымъ индивидуумомъ, а раздробленъ на двѣ половины и распространенъ на двухъ индивидуумовъ. Устанавливается противоположность между мужчиной и женщиной. Намъ, людямъ, она такъ абсолютно присуща, что мы и представить себѣ не можемъ иныхъ отношенiй. Для одного ребенка требуется двое людей — родителей, противоположныхъ половъ.

Лишь очень поздно и съ трудомъ довелось намъ внести въ это представленiе поправку въ томъ смыслѣ, что такое раздѣленiе не является необходимымъ условiемъ для всей области жизни. Мы познакомились съ такими случаями, когда у живого существа процессъ воспроизведенiя можетъ совершиться и

безъ этой противоположности половъ. Но масса примѣровъ, гдѣ эта противоположность существуетъ, такъ подавляюще велика, и противоположность эта кажется такъ неразрывно связанной съ подъемомъ, съ прогрессомъ развитія, что наше первоначальное человѣческое воззрѣніе остается въ значительной степени правильнымъ. Очевидно, существуетъ всеобъемлющая закономѣрная необходимость любовной жизни, которая должна была всюду приводить къ раздѣленію половъ. Мы же съ этимъ раздѣленіемъ являемся на свѣтъ Божій, такъ какъ стоимъ на такой высокой ступени, гдѣ этотъ вопросъ уже давно рѣшенъ, и иного пути уже быть не можэтъ.

Но это раздѣленіе на два пола, въ свою очередь, столь же необходимо требуетъ — иначе исчезаетъ самая цѣль воспроизведенія — противоположнаго процесса: встрѣчи, соединенія, обратнаго стягиванія, по крайней мѣрѣ временно, разъединившихся половинъ. Для насъ, людей, это также само собою понятный, споконъ вѣка подразумѣвающійся, основной фактъ. Въ тѣсномъ смыслѣ здѣсь-то и начинается для насъ собственно любовная жизнь.

Съ древнѣйшихъ дней и съ каждымъ новымъ днемъ дѣйствуетъ среди насъ мощный факторъ, обезпечивающій это необходимое соединеніе. У насъ индивидуальность развита сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ природѣ. Требуются крайнія средства, чтобы преодолѣвать по временамъ это упорство, это самовластіе индивидуальности, — чтобы сдѣлать яснымъ для индивидуума, что въ одномъ пунктѣ своей организаціи онъ фактически лишенъ единства и можетъ его достигнуть, только примкнувъ къ другому индивидууму, при томъ въ существенныхъ чертахъ отличному отъ него.

Дѣйствію этого могущественнаго фактора придаетъ необычайную привлекательность его тѣсная и своеобразная связь съ нашими ощущеніями.

Ощущеніе неразлучно съ индивидуумомъ. Казалось бы, вѣроятность говоритъ за то, что насиліе надъ индивидуумомъ, которое должно имѣть мѣсто при каждомъ актѣ соединенія съ другимъ, должно быть болѣзненнымъ актомъ въ смыслѣ ощущеній. Глубокое изреченіе индійскаго мудреца: жизнь боится смерти, какъ человѣкъ любви, могло бы оказаться выраженіемъ повседневной практической мудрости. Но этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Природа обставила смерть всѣми ужасами страха и боли, хотя, по существу, смерть, быть можетъ, такъ же мало можетъ быть названа зломъ, какъ и любовь. Но природа не хочетъ (если ужъ выражаться, персонифицируя ее), чтобы смерти искали. Это не полезно. Напротивъ, исканіе любовнаго акта она поощряетъ насколько возможно. Пусть онъ совершается какъ можно чаще.

Природа (по крайней мѣрѣ въ извѣстной сферѣ своей дѣятельности, о которой здѣсь идетъ рѣчь) дѣйствуетъ преимущественно отрицательными средствами, но въ данномъ случаѣ за выполненіе лбовнаго акта она назначила крупную награду въ видѣ могучаго чувства счастья. Но она не ограничилась этимъ, она усыпала розами приближающагося счастья и весь ведущій къ этой наградѣ путь, все пространство, проходимое при сближеніи разъединенныхъ половъ. Ея аппаратъ работаетъ не чисто

Рис. 32. Жемчугъ. Г. Риланда.

механическимъ принужденіемъ, исключающимъ всякое ощущеніе. Влюбленные непросто притягиваются другъ къ другу, какъ два тѣла, подчиненныя закону тяготѣнія. Но и весь этотъ путь идетъ черезъ скалу ощущеній, и именно пріятныхъ ощущеній.

Въ большинствѣ случаевъ, задолго до наступленія рѣши-

тельнаго акта, отъ обоихъ индивидуумовъ, отъ женщины къ мужчинѣ и обратно, исходятъ пріятно дѣйствующія раздраженія. Болѣе или менѣе сильное предчувствіе конечной награды можетъ увеличивать это раздраженіе. Издавна установившаяся тѣсная связь извѣстныхъ раздраженій этого рода съ этимъ предчувствіемъ, съ этимъ общимъ вожделѣніемъ можетъ отчасти помогать его дѣйствію. Несомнѣнно однако, что въ немъ самомъ уже содержатся непосредственно источники пріятныхъ ощуще-

Съ фотографіи Франца Ганфштенгля въ Мюнхенѣ

Рис. 33. Молодая женщина убираетъ себѣ волосы.
Съ картины Пиръ Франциско Биссоло.

ній. Понятіе тѣлесной красоты у влюбленнаго мужчины по отношенію къ любимой женщинѣ безъ сомнѣнія не только эротическое, возникающее ассоціативно, потому что его раздраженіе съ незапамятныхъ временъ сливалось съ предпосылками любви. Идеалъ тѣлесной красоты у людей мѣнялся съ теченіемъ времени, мѣняется и нынѣ, на основѣ чисто эстетическихъ требованій и модъ, которыя, какъ таковыя, независимы отъ эротическаго элемента и слѣдуютъ линіямъ развитія человѣческаго пониманія красоты, а эти послѣднія намѣчаются отчасти чисто математически, какъ законы стиля и ритма, безъ всякой ассоціативной примѣси вообще. Эротическій элементъ долженъ уже

съ своей стороны многообразно приспособляться къ этой эстетической смѣнѣ.

Соотвѣтственно тому, прелесть красокъ и формъ одежды, прическа и украшенія (рис. 32—34) играютъ важную роль въ нашей любовной жизни, имѣющей цѣлью сближеніе половъ, далѣе ароматъ, духи, ритмически прекрасныя движенія, усиливающія всѣ дѣйствія тѣла, какъ танецъ, благозвучный голосъ (пѣніе) и т. под. Прекрасная роза на груди возлюбленной останется, быть можетъ, въ памяти какъ одно изъ сильнѣйшихъ впечатлѣній; ароматъ любимыхъ духовъ воскрешаетъ въ фантазіи весь образъ милой, возбуждая жгучее желаніе обладанія. Всѣ эти вещи — орудія эротической цѣли привлеченія, но они могутъ играть такую роль, потому что сами по себѣ способны вызывать пріятныя ощущенія. Мы будемъ представлять себѣ прекрасную дѣвушку съ прекрасной душистой розой, а не просто съ какимъ-нибудь отвратительнымъ предметомъ въ силу случайной связи мыслей. Пѣвецъ проникаетъ намъ въ душу только потому, что онъ поетъ прекрасно. Тонкій ароматъ носового платка, напоминающій намъ о милой, не будетъ запахомъ керосина или карболки. Съ любовнымъ вожделѣніемъ у насъ связано съ незапамятныхъ временъ множество вспомогательныхъ, содѣйствующихъ впечатлѣній, пріятныхъ сами по себѣ. Замѣчаніе, что любовь видитъ все въ солнечномъ свѣтѣ, имѣетъ еще глубокое значеніе. Отъ великой лучезарной цѣли ея томленія исходитъ какъ бы тайное влеченіе къ всему лучезарному. Всевозможныя цѣнности жизни используетъ она какъ служебныя средства. Межъ тѣмъ какъ суровая обязанность обыденщины идетъ своимъ путемъ, увѣренная, что достиженіе цѣли даетъ ей какъ разъ столько, сколько

Рис 34. Королева розъ. Съ картины Габріэля Макса.

нужно, чтобы избѣгнуть страданія, любовь, въ сознаніи своего бьющаго черезъ край счастья достиженія, уже на всемъ своемъ пути дѣйствуетъ средствами счастья, наряжается, манитъ и завлекаетъ и платитъ впередъ, неистощимая въ своихъ источникахъ.

Вся лучезарная ткань грезъ, которую человѣчество, съ его постоянно утончающимися ощущеніями, соткало вокругъ этого поприща любви, сіяетъ сама по себѣ такъ ярко, такимъ чистымъ свѣтомъ, что помѣщеніе всего этого въ рамки „привлеченія половъ“ можетъ показаться уничтожительнымъ. Что значитъ въ сравненіи съ этой внѣшней игрой любви, совершающейся съ такою затратой чувства и красоты, собственно центральный актъ, не чуждый естественной животной грубости?

Но такъ можетъ говорить лишь тотъ, кто никогда не могъ понять величія и святости этого акта. Отъ него зависитъ существованіе человѣчества, а до уровня этой цѣли не поднимается никакое другое человѣческое дѣло. Художникъ, истощившій все великолѣпіе красокъ, долженъ въ концѣ концовъ признаться, что слово „да будетъ свѣтъ!“ стоитъ предъ и надъ всѣми его усиліями. Такъ точно первичное и мощное: „Да живетъ изъ вѣка въ вѣкъ человѣчество!“ стоитъ надъ каждымъ единичнымъ подвигомъ въ предѣлахъ одного поколѣнія людей. Какъ живо отцвѣли бы навѣки прекрасныя розы и прекрасныя дѣвическія очи уже съ первымъ поколѣніемъ, много тысячъ лѣтъ тому назадъ, если бъ не существовало воспроизведенія розъ и людей! Если бы все наше человѣческое искусство имѣло дѣйствительно только о д н у цѣль (о чемъ на самомъ дѣлѣ и рѣчи нѣтъ) — украсить предпосылки этого вѣчнаго сохраненія человѣчества — то и въ такомъ случаѣ все его великолѣпіе оказалось бы недостаточно великимъ для этой цѣли.

Я думаю, что эта мысль вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаетъ намъ переходъ къ слѣдующему представленію: какъ самое раздѣленіе половъ, такъ и этотъ своеобразный аппаратъ ихъ возсоединенія, энергично дѣйствуетъ уже въ области низшаго органическаго міра.

Согласно воззрѣнію, котораго современный естествоиспытатель, несмотря на кое-какія сомнѣнія и недоумѣнія, уже не можетъ принципіально отвергнуть, самъ человѣкъ поднялся изъ этого низшаго міра жизни. Онъ самъ когда-то скрывался въ немъ. Было время, когда связь и дальнѣйшее развитіе этого міра были тождественны съ его собственнымъ развитіемъ. И между любовной жизнью этого міра и человѣческой нѣтъ рѣзкой непереходимой пропасти, ни въ ея выраженіи, ни въ ея существѣ.

Изслѣдованіе этихъ вещей въ области низшей, внѣ человѣческой жизни затрудняется не какимъ-либо этическимъ моментомъ, но именно тѣмъ, что я отмѣтилъ въ качествѣ характернѣйшаго признака этого любовнаго аппарата у людей: въ ея богатствѣ ощущеніями.

Чѣмъ сильнѣе наши процессы ощущеній, тѣмъ болѣе мы, люди, склонны мыслить ихъ въ исключительной связи съ крайне запутанными высшими процессами сознанія и мышленія въ индивидуумѣ.

Если хорошенькая дѣвушка прикалываетъ себѣ красную розу (рис. 35), то мы, конечно, готовы предположить, что это можно объяснить разнообразными мотивами ея индивидуальнаго мышленія: тѣмъ, что роза красивая вещь, что она въ данномъ случаѣ хорошо выглядитъ, идетъ, возбуждаетъ пріятное чувство у другихъ, что это принято, если хочешь украсить себя, и такъ далѣе. Но если заглянуть глубже, то и у людей уже можно замѣтить, какую, въ дѣйствительности, ничтожную роль играетъ въ безчисленныхъ случаяхъ этого рода разсчетъ сравнительно съ собственно ощущеніемъ и дѣйствіемъ.

Рис. 35. Дѣвушка съ розой.
Съ картины Ф. А. Каульбаха.

Когда средній человѣкъ находитъ прекраснымъ тѣло женщины и испытываетъ желаніе обладать имъ, онъ и не подозрѣваетъ, какое множество законовъ, принужденій, чисто инстинктивныхъ вліяній дѣйствуютъ на него въ данномъ случаѣ и толкаютъ его въ извѣстномъ направленіи, причемъ его сознаніе не даетъ себѣ никакого отчета во всемъ этомъ. Сколько тайныхъ законовъ, модъ, всевозможныхъ вліяній дѣйствуютъ на профана, стоящаго передъ прекрасной мраморной статуей (рис. 36), причемъ онъ и не подозрѣваетъ о нихъ. То же и въ отношеніи самого человѣческаго тѣла.

Конечно, дѣло не обходится здѣсь вовсе безъ сознанія. Всякое ощущеніе, какъ бы ни было оно импульсивно, само по себѣ уже предполагаетъ наличность извѣстнаго ощущающаго пункта, импульсивнаго пункта сознанія; этого мы не можемъ избѣжать. Но это сознаніе не просто думаетъ, рефлектируетъ.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что даже у

насъ, одаренныхъ разумомъ людей, значительная часть того, что относится къ области „взаимнаго влеченія половъ“, не подчинено ясной, разсуждающей волѣ индивидуума. Какъ самый актъ воспроизведенія имѣетъ значеніе, выходящее за предѣлы индивидуума, такъ и въ области нашего сближенія съ другимъ поломъ уже работаютъ, вмѣстѣ съ нами и черезъ насъ, закономѣрныя силы, которыя хотя и проходятъ сквозь нашу чувственную жизнь, но далеко не всегда сказываются въ нашемъ индивидуальномъ мышленіи. Правда, ихъ дѣйствіе само по себѣ осмысленное, то есть оно служитъ въ данномъ случаѣ такой цѣли, которую должно было бы одобрить и наше мышленіе, именно сближенію разъединенныхъ половъ. Но этотъ смыслъ осуществляется и осуществлялся бы, если бъ даже наше мышленіе, какъ таковое, не содѣйствовало ему или отсутствовало.

Это общее положеніе вещей, наличность котораго не трудно замѣтить даже у насъ, людей, стоящихъ на высшей ступени нашей культуры; но мы должны особенно имѣть его въ виду при описаніи любовной жизни органическихъ существъ, стоящихъ ниже человѣка.

Получается такое впечатлѣніе, какъ будто тамъ, на болѣе низкихъ ступеняхъ зоологической лѣстницы, въ той же мѣрѣ, въ какой убываетъ способность къ мышленію, рефлектированію и разсчитыванію индивидуума, возрастаетъ глубокое закономѣрное принужденіе, выходящее за предѣлы индивидуумовъ и поколѣній. Поэтому, совершенно какъ и у насъ въ подобныхъ случаяхъ, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что путь идетъ черезъ ощущенія, а каждымъ изъ этихъ ощущеній, тоже совершенно какъ у насъ, задѣвается извѣстная часть непосредственнаго личнаго сознанія. Но смыслъ дѣла не направляется этимъ сознаніемъ и этимъ ощущеніемъ; а минуетъ головы индивидуумовъ.

Итакъ, когда я говорю: полы привлекаютъ другъ друга также у низшихъ живыхъ существъ, стоящихъ ниже человѣка, то могу утверждать это совершенно спокойно, и мое утвержденіе остается вполнѣ правильнымъ — если только я при томъ ясно сознаю, что подобный способъ выраженія, подразумѣвающій активность и напоминающій о человѣкѣ, отнюдь не предрѣшаетъ, можетъ ли при этомъ индивидуумъ размышлять о своемъ поступкѣ или ощущеніи и оправдывать его смыслъ, — или онъ дѣйствуетъ только подъ вліяніемъ принудительнаго позыва (конечно, самъ по себѣ онъ имѣетъ смыслъ), который безотчетно побуждаетъ его къ этому дѣйствію и ощущенію; да вѣдь и относительно самого человѣка я не могъ бы того сразу рѣшить, и у него возможно какъ то, такъ и другое.

На ступеняхъ низшихъ, чѣмъ человѣкъ, болѣе вѣроятнымъ всегда является второй случай, такъ какъ и у людей онъ тѣмъ чаще, чѣмъ дальше они отстоятъ отъ вершины культуры съ ея сознательнымъ мышленіемъ.

Но объ антропоморфизмѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ онъ былъ бы налицо лишь въ томъ случаѣ, если бы мы положили въ основу нашихъ утвержденій то первое объясненіе, которое приписываетъ все мышленію и сознательному стремленію индивидуума; это было бы антропоморфизмомъ, тѣмъ болѣе курьезнымъ, что въ такой абсолют-

ной формѣ онъ не приложимъ и къ самому человѣку, тѣмъ болѣе къ существамъ, ниже его стоящимъ.

Послѣ этого разъясненія основныхъ пунктовъ, мы можемъ перейти и къ изученію міра, лежащаго внѣ человѣка; въ самой сжатой формѣ мы должна постараться охарактеризовать положеніе дѣла и убѣдиться что въ человѣкѣ передъ нами открывается только фаза въ гораздо болѣе широкой связи.

Рис. 36. Психея. Густава Эберлейна.

Человѣческое тѣло, какъ у мужчины, такъ и у женщины, состоитъ изъ многихъ милліоновъ клѣтокъ. Между этими клѣтками осуществляется раздѣленіе труда; онѣ входятъ въ составъ различныхъ органовъ, съ различной дѣятельностью, какъ мозгъ, сердце, пищеварительный аппаратъ и другіе. Но одинъ отдѣлъ этого клѣточнаго государства построенъ у обоихъ соединяющихся въ любви индивидуумовъ очень различно, именно половой аппаратъ. У одного онъ мужской, у другого женскій. У одного этотъ аппаратъ производитъ яйцевыя клѣтки и заключаетъ въ себѣ необходимыя условія для созрѣванія и дальнѣйшаго развитія этихъ яйцевыхъ клѣтокъ. У другого онъ производитъ сѣменныя клѣтки. Задача, отъ которой зависитъ въ послѣднемъ счетѣ воспроизведеніе, заключается въ соединеніи сѣменной клѣтки съ яйцевой (обѣ онѣ такъ малы, что стоятъ на границѣ или далеко за предѣлами человѣческой способности зрѣнія), при чемъ этотъ актъ долженъ привести къ настоящему сліянію воедино двухъ этихъ рѣшающихъ дѣло клѣтокъ; слѣдовательно, раздѣленіе въ этомъ интимнѣйшемъ пунктѣ снова совершенно устраняется.

Для рѣшенія этой задачи должны быть осуществлены три различныя возможности сближенія.

Во-первыхъ, должны сблизиться оба клѣточныя государства въ цѣломъ, то есть мужчина и женщина. Средствами для этого

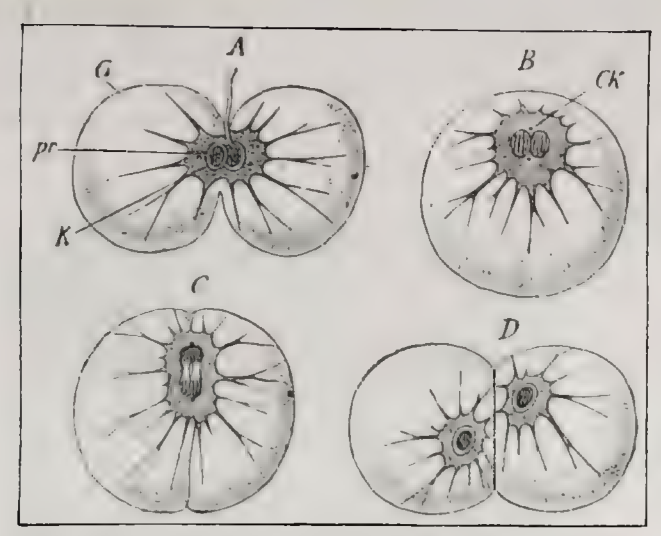


Рис. 37. Сліяніе и дѣленіе у одноклѣточныхъ простѣйшихъ животныхъ: ночесвѣтки. (По проф. Ишикава.)

Два одноклѣтныхъ существа сначала сливаются, что соотвѣтствуетъ акту взаимнаго оплодотворенія (AB), а затѣмъ снова дѣлятся (CD). G — студенистая оболочка клѣтокъ, pr собственно клѣточное тѣло, К клѣточное ядро, СК такъ называемыя центросферы.

служатъ имъ прежде всего органы чувствъ (глазъ, который позволяетъ человѣку узнавать другого на извѣстномъ разстояніи, и т. д.) и органы движенія, дающіе имъ возможность подойти другъ къ другу. У насъ, культурныхъ людей, къ этому присоединяются еще могучія, побѣждающія пространство, средства сношеній и передвиженія нашей техники, но, какъ и всѣ вообще орудія, это только расширенія нашихъ органовъ, а не что-либо принципіально новое. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что здѣсь приходится преодолѣвать пространство, которое можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ (при примѣненіи телеграфовъ и пароходовъ) равняться чуть ли не половинѣ земного экватора.

Второе требованіе — сближеніе обоихъ отдѣловъ этихъ клѣточныхъ государствъ: половыхъ органовъ, которымъ приходится пройти для этого уже очень незначительное пространство. Практически у насъ въ этомъ случаѣ дѣло идетъ только о послѣднемъ пространственномъ условіи выполненія перваго требованія.

Наконецъ, оста-

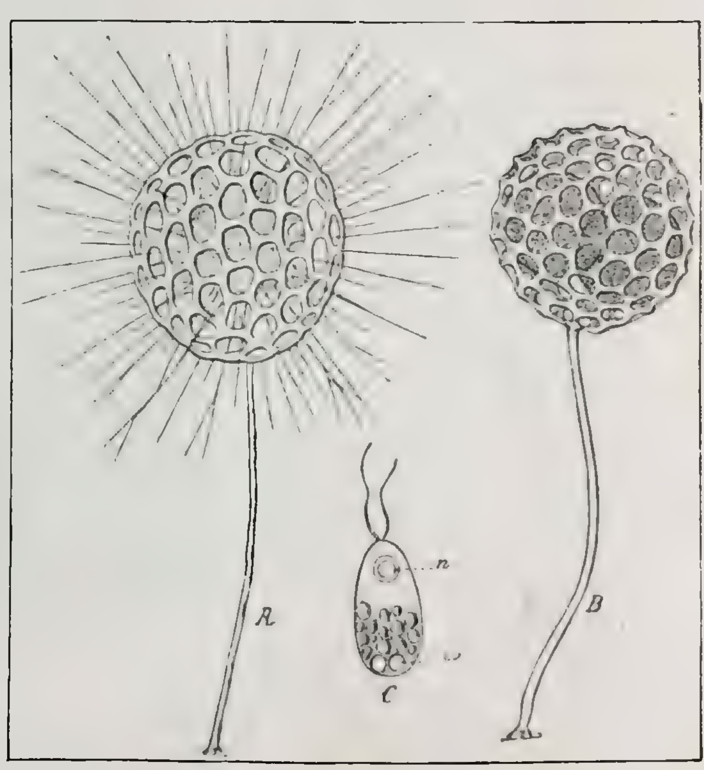


Рис 38. Размноженіе одноклѣточнаго простѣйшаго животнаго изъ порядка солнечниковъ: Clathrulina elegans.

A. Животное съ его ножкой, торчащей изъ кремневаго скелета. B. Начало размноженія. Клѣточная масса животнаго раздѣлилась на два шара (такъ называемыя цисты). Изъ такихъ цистъ могутъ выходить снабженныя жгутиками блуждающія споры (зооспоры), какъ C. (n = ядро, cv = сократительные пузырьки).

ется третье и послѣднее сближеніе: самостоятельное сближеніе сѣменной и яйцевой клѣточекъ внутри женскаго полового аппарата, которое можетъ разыгрываться также лишь на относительно очень маленькомъ пространствѣ.

Итакъ, съ точки зрѣнія „привлеченія половъ“ мы должны различать три ступени или стадіи: сближеніе обоихъ цѣлыхъ клѣточныхъ государствъ, сближеніе обоихъ различнополовыхъ органовъ, сближеніе обѣихъ освободившихся отдѣльныхъ клѣтокъ, которыя въ концѣ концовъ осуществляютъ рѣшающій актъ соединенія.

Рис. 39. Циста (см. рис. 38) солнечника Actinosphaerium Eichhorni (по Ф. Э. Шульцѳ) съ зародышевыми шарами.

Въ подобныхъ цистахъ совершаются у солнечниковъ также процессы сліянія, детали которыхъ вполнѣ соотвѣтствуютъ процессу оплодотворенія у высшихъ животныхъ.

Но если мы попытаемся распространить это описаніе на всю область жизни, то намъ придется немедленно внести поправки, частью упрощающія, частью усложняющія приведенныя выше отношенія.

У огромнаго множества животныхъ и растеній тѣло, совершенно какъ у насъ, состоитъ изъ безчисленныхъ клѣточекъ; эти клѣточки также образуютъ органы, въ томъ числѣ мужскіе и женскіе органы размноженія, и такъ же, какъ у насъ, сліяніе двухъ освободившихся клѣточекъ этихъ органовъ составляетъ самую сущность процесса воспроизведенія. Но такъ бываетъ не у всѣхъ живыхъ существъ. На ряду съ этими многоклѣточными организмами существуютъ одноклѣточные, у которыхъ весь индивидуумъ состоитъ изъ одной единственной клѣтки. Развитіе какъ животнаго, такъ и растительнаго міра начинается съ такихъ простѣйшихъ формъ, и

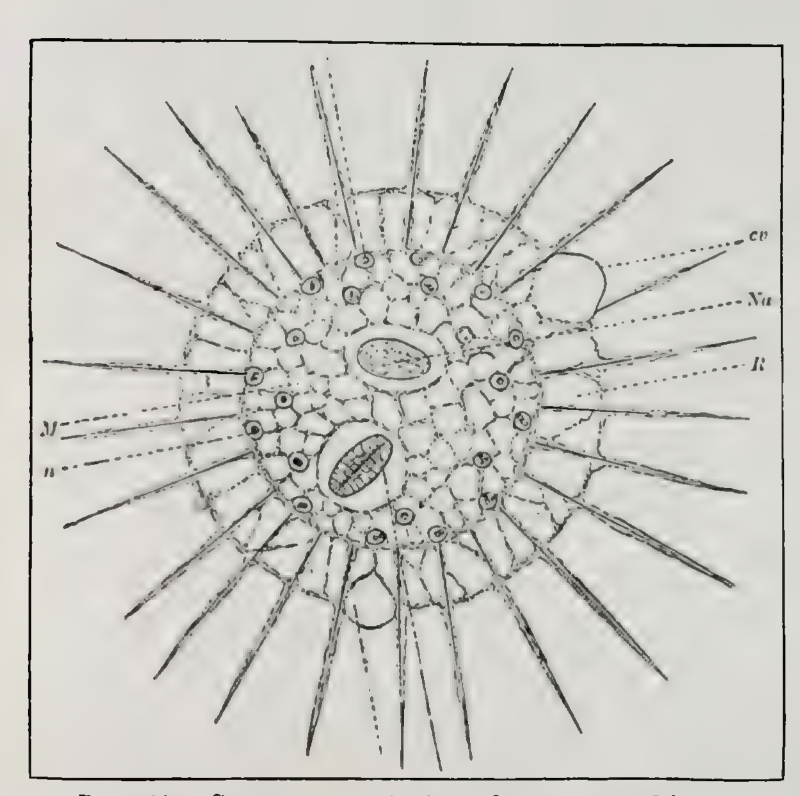


Рис. 40. Солнечникъ Actinosphaerium Eichhorni.

M = сердцевинное вещество съ ядрами (n), R = коровое вещество съ сократительными пузырьками (cv), Na = пищевая частица.

число ихъ необъятно велико; довольно сказать, что распространенныя повсюду въ такихъ чудовищныхъ массахъ бактеріи принадлежатъ еще къ этой ступени.

Если принимать для такихъ одноклѣточныхъ организмовъ раздѣленіе и соединеніе половъ, то мужчина и женщина въ ихъ цѣломъ могутъ здѣсь соотвѣтствовать только нашимъ сѣменной и яйцевой клѣткамъ. Ихъ сближеніе и соединеніе выражаются только въ одномъ актѣ, именно — встрѣчѣ и сліяніи этихъ двухъ клѣтокъ; сѣменное тѣльце представляетъ здѣсь всего самца, яйцо всю самку, и индивидуумы, дѣйствительно, цѣликомъ снова сливаются въ этомъ актѣ въ одинъ индивидуумъ. Привлеченіе половъ можетъ быть здѣсь только взаимнымъ привлеченіемъ этихъ двухъ, съ самаго начала самостоятельныхъ клѣтокъ.

Этотъ случай существуетъ. Раздѣленіе половъ и новое сліяніе ихъ захватываетъ и царство одноклѣточныхъ. Правда, эти организмы еще въ огромной степени обладаютъ способностью размножаться въ одиночку, безъ всякаго полового акта, простымъ самодѣленіемъ. Но наряду съ этимъ мы уже наблюдаемъ, что двѣ такія клѣтки могутъ при случаѣ сливаться. Ночесвѣтки (рис. 37), микроскопическіе свѣтящіеся клѣточные пузырьки, вызывающіе великолѣпное явленіе свѣченія моря, соединяются такимъ способомъ, который очень напоминаетъ сліяніе яйцевой и сѣменной клѣтокъ у высшаго животнаго. У такъ называемыхъ солнечниковъ (рис. 38—40), обитателей нашихъ прѣсныхъ водъ, наблюдаются случаи, представляющіе полную тождественность съ такимъ яйцевымъ процессомъ, — до того сходны всѣ подробности. У сувоекъ, другой группы издавна извѣстныхъ „инфузорій", имѣются уже одноклѣточные индивидуумы двухъ сортовъ, различныхъ по внѣшнему виду, такъ что здѣсь существуетъ и наружно различимая половая противоположность, соотвѣтствующая разницѣ между яйцевой и сѣменной клѣтками. Аналогія оказывается безусловно полной, если прослѣдить процессъ сближенія и, наконецъ, сліянія этихъ различныхъ индивидуумовъ.

Эти существа переживаютъ въ своей любовной жизни только третью ступень, отмѣченную выше у человѣка, и все привлеченіе половъ должно у нихъ сосредоточиваться на протяженіи этой ступени, почему оно и оказывается въ этомъ пунктѣ разнообразнѣе и дѣятельнѣе.

Если, однако, мы обратимся къ многоклѣтнымъ организмамъ, къ тѣмъ, у которыхъ организація соотвѣтствуетъ нашей: многоклѣточное тѣло, въ немъ половые органы и ожидающія сліянія яйцевыя и сѣменныя клѣтки, — то и здѣсь найдемъ огромныя группы (хотя не въ самыхъ верхнихъ рядахъ), у которыхъ развиты только двѣ ступени или даже, въ извѣстномъ смыслѣ, только одна, но зато оказываются самыя странныя усложненія.

Я говорилъ, что у насъ, людей, сближеніе половыхъ органовъ, то есть наша вторая ступень, представляетъ собственно только почти неотдѣлимый придатокъ первой, именно сближенія полныхъ индивидуумовъ, мужчины и женщины. У очень значительнаго числа животныхъ и у подавляющаго большинства растеній дѣло обстоитъ такъ, что первая ступень вообще ока-

зывается невозможной. Полныя особи не могутъ приближаться другъ къ другу, и было бы совершенно безцѣльно съ ихъ стороны приманивать другъ друга, такъ какъ они, частью уже съ молодости, частью, по крайней мѣрѣ, въ періодъ половой зрѣлости прикрѣплены къ мѣсту и не могутъ передвигаться съ этою цѣлью. Въ качествѣ крайнихъ примѣровъ можно взять двухъ моллюсковъ разнаго пола, прикрѣпленныхъ къ почвѣ, или мужской и женскій кусты можжевельника. Тутъ представляются только двѣ возможности. Или и здѣсь все должно быть предоставлено подвижнымъ яйцевымъ и сѣменнымъ клѣткамъ, онѣ должны отдѣляться отъ своихъ прикованныхъ къ мѣсту клѣточныхъ государствъ и разыскивать другъ друга собственными усиліями. Или же половые органы должны отдѣляться и сближать свое драгоцѣнное содержимое; въ этомъ случаѣ, стало быть, вторая ступень должна сдѣлаться самостоятельной.

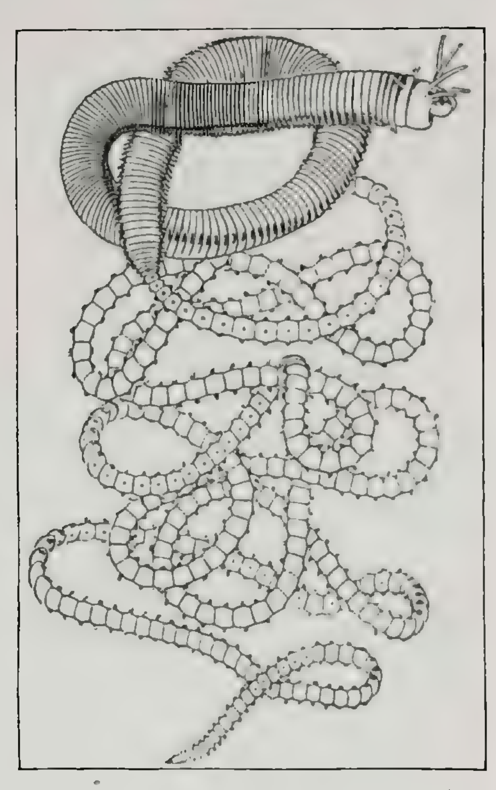


Рис. 41. Червь палоло (Eunice viridis).

Какъ ни невѣроятно оно кажется, но и второй случай часто осуществляется. У водяного растенія валлиснеріи (Vallisneria spiralis), укореняющагося на днѣ пруда, женскіе цвѣты (то есть женскіе половые органы), на длинныхъ стебелькахъ, распускаются на поверхности воды. Въ это время мужскіе цвѣты, то есть мужскіе половые органы, отрываются отъ основанія кустика, поднимаются на воздушныхъ пузырькахъ на поверхность пруда, и здѣсь, плавая, оплодотворяютъ женскіе цвѣты.

Совершенно подобнымъ же образомъ у нѣкоторыхъ червей, хотя и не приросшихъ къ мѣсту, но ведущихъ почти неподвижный образъ жизни, въ извѣстное время отрывается часть тѣла, содержащая мужскіе или женскіе половые продукты, то есть тоже половой органъ въ активномъ смыслѣ, и начинаетъ вести свободное самостоятельное существованіе. Особенно характерный примѣръ представляетъ червь палоло, живущій въ Южномъ океанѣ (рис. 41). Онъ ведетъ сидячій образъ жизни въ глубокихъ трещинахъ коралловыхъ рифовъ. Но въ извѣстное время его задній конецъ съ половыми продуктами (какъ у самца, такъ и у самки) отрывается и уплываетъ, извиваясь, въ море. Эти оторвавшіеся половые органы собираются въ извѣстныхъ мѣстахъ океана громадными полчищами и такимъ образомъ доставляютъ возможность сближенія и сліянія выбрасываемымъ ими въ воду половымъ продуктамъ. Опустѣвшій органъ умираетъ, тогда какъ тѣло червя, отъ котораго онъ оторвался, продолжаетъ жить въ разсѣлинѣ кораллового рифа и развиваетъ новый половой органъ. Отрываніе

органовъ происходитъ здѣсь съ календарною точностью при извѣстномъ положеніи луны, — фактъ хотя и точно установленный, но до сихъ поръ остающійся совершенно необъяснимымъ. Несомнѣнно одно, что у палоло, какъ и у валлиснеріи взаимное привлеченіе половъ сводится главнымъ образомъ къ взаимному приманиванію свободно движущихся, ставшихъ самостоятельными, половыхъ органовъ.

Но этотъ въ высшей степени удивительный способъ въ общемъ рѣдокъ, — какъ видно, онъ не особенно надеженъ. Большинство себялюбивыхъ домосѣдовъ въ животномъ и растительномъ мірѣ должно поэтому прибѣгать къ третьей ступени, то есть орудовать непосредственно сѣменными и яйцевыми клѣтками, — что, конечно, въ свою очередь представляетъ крайне оригинальный способъ. Отецъ и мать остаются неподвижными на своихъ мѣстахъ, болѣе или менѣе удаленные другъ отъ друга. Самостоятельно странствующихъ половыхъ органовъ нѣтъ. Разстояніе, которое нужно пройти, слишкомъ велико для половыхъ продуктовъ. Приходится искать посредника!

Въ простѣйшей формѣ эту роль играетъ подвижная промежуточная среда: вода, воздухъ. Устрицы выбрасываютъ свои сѣменныя тѣльца громадными массами въ воду и предоставляютъ ихъ волнамъ, которыя такъ близко приносятъ ихъ къ другимъ устрицамъ, производящимъ женскія яйцевыя клѣтки, что остатокъ пути эти клѣтки могутъ пройти уже сами. Во всякомъ случаѣ родители должны здѣсь находиться не слишкомъ далеко другъ отъ друга, и растрата силъ въ сѣменномъ матеріалѣ должна быть громадной, такъ какъ сколько его пропадетъ при такомъ открытомъ переносѣ!

У многихъ растеній, образующихъ заросли и лѣса на сушѣ, мужская цвѣтневая пыльца также „разсѣивается на вѣтеръ“. Ему ввѣряютъ сережки орѣха свою жизненную пыль, чтобы онъ перенесъ ее на женскіе цвѣты. Даже профану, незнакомому съ сутью дѣла, должно быть ясно, какая масса ея въ этомъ случаѣ пускается, дѣйствительно, на вѣтеръ и пропадаетъ безъ пользы.

Поэтому высшіе представители растительнаго царства далеко ушли отъ этой грубой формы. Всѣ наши высшія цвѣтковыя растенія пользуются въ качествѣ посредника въ любви уже не этой непостоянной стихіей, а другими живыми существами, и именно такими, которыя могутъ дѣлать то, къ чему растенія неспособны: свободно передвигаться съ мѣста на мѣсто. Быстро летающія насѣкомыя, вотъ главные посредники въ любви растеній. Они посѣщаютъ одинъ за другимъ множество цвѣтовъ одного и того же растительнаго вида. Въ одномъ они пачкаются пыльцей, въ другомъ осыпаютъ этой пыльцой пестикъ, женскій органъ растенія. Такимъ образомъ путь оказывается пройденнымъ, хотя ни сами растенія, ни ихъ половые органы, цвѣты, не трогались съ мѣста. Но почему же насѣкомыя такъ усердно посѣщаютъ растенія? Вѣтеръ, волны механически переносятъ все, что попадется. Что же побуждаетъ насѣкомыхъ? Растенія приманиваютъ ихъ. Вѣтеръ и вода не чувствительны, приманка, расчитанная на ощущенія, была бы по отношенію къ нимъ безполезной затратой труда. Другое дѣло насѣкомое. Его можно приманить. Правда, въ эротическомъ смыслѣ оно здѣсь не при-

нимается въ соображеніе, потому что его собственная эротическая жизнь не имѣетъ никакого отношенія къ эротической жизни растенія. Поэтому цвѣтокъ приманиваетъ его, возбуждая въ немъ другія ощущенія. Онъ предлагаетъ ему сладкій нектаръ. Но во всякомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ средствами приманиванія. И вотъ мы видимъ, что у растенія весь аппаратъ, развертываемый въ другихъ случаяхъ непосредственно съ любовными цѣлями, развертывается для косвенной цѣли привлеченія посредника въ любви. Здѣсь между нашими первой и третьей ступенями вмѣшивается въ дѣло сложный промежуточный процессъ, средства котораго, однако, по существу тѣ же: средства привлеченія путемъ воздѣйствія на чувства другого живого существа, при чемъ конечною цѣлью остается опять таки любовная цѣль.

Но если пути такъ многообразно различны, то мы готовы ожидать, что и самыя средства привлеченія представятъ намъ много поразительнаго и неожиданнаго въ широкихъ областяхъ жизни. На самомъ же дѣлѣ, этого, повидимому, нѣтъ, и именно потому, что дѣло идетъ въ этомъ случаѣ объ ощущеніи, то есть о чувственной жизни.

Чувственная жизнь организмовъ, по крайней мѣрѣ въ ея общихъ и главныхъ чертахъ, повидимому довольно однообразна. Старая грубая схема пяти чувствъ, въ ея традиціонномъ примѣненіи къ намъ самимъ, — то есть чувствительность къ свѣтовымъ, звуковымъ, вкусовымъ и обонятельнымъ раздраженіямъ и общее чувство осязанія, оказывается примѣнимой всюду въ качествѣ грубой основы. Въ отношеніи рѣзкой обособленности органовъ, границы сливаются по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся въ ряду существъ. Но чего-либо новаго, что было бы намъ чуждо, мы не встрѣчаемъ; тамъ же, гдѣ этого можно подозрѣвать, они не касаются именно любовнаго привлеченія. По существу, дѣятельность этого послѣдняго при преодолѣваніи разстояній, какъ кажется, почти цѣликомъ вмѣщается въ рамки первыхъ четырехъ рубрикъ.

Какого-нибудь особеннаго, дѣйствующаго на разстояніи, полового чувства, которое могло бы сближать полы непосредственно, безъ помощи другихъ чувствъ, насколько извѣстно, на основаніи всѣхъ понынѣ изслѣдованныхъ фактовъ, не существуетъ. Фантазія могла бы нарисовать что-нибудь подобное. Полы де оказываютъ другъ на друга какъ бы магнетическое вліяніе, воспріятіе котораго обусловлено скрытымъ, только на него реагирующимъ, органомъ чувства или особеннымъ общимъ чувствомъ. Но ничего подобнаго не извѣстно, а мощный приманивающій аппаратъ, имѣющій цѣлью соединеніе половъ и явно связанный съ извѣстными чувствами, говоритъ противъ существованія такого прямого пути. Вообще, и въ другихъ отношеніяхъ нигдѣ не удалось обнаружить такого, непосредственно примыкающаго къ магнитнымъ отношеніямъ земли, чувства, ни даже тамъ, гдѣ его искали очень упорно, какъ, напримѣръ, въ своеобразномъ инстинктѣ сѣверныхъ перелетныхъ птицъ, благодаря которому онѣ всякій разъ снова находятъ старые пути перелета.

Не представляетъ капитальнаго препятствія для сравненія также и то обстоятельство, что чувственное воспріятіе въ цѣпи организмовъ, въ общемъ, часто оказывается почти или вовсе не-

замѣтнымъ для насъ. У неподвижныхъ животныхъ оно часто до крайности ослабляется; у растеній, за очень рѣдкими, исчезающими исключеніями, оно вовсе неизвѣстно, по крайней мѣрѣ не спеціалистамъ, да и этими послѣдними очень долго отвергалось. Но, не говоря уже о томъ, что даже здѣсь отрицательный результатъ часто оказывается только ошибкой поверхностнаго наблюденія (объ органахъ чувствъ у растеній мы въ самое последнее время узнали поразительныя вещи), во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ не о коренной нечувствительности живого вещества, а объ атрофированіи, вслѣдствіе неупотребленія, первоначально существовавшей способности ощущать. Сидячій образъ жизни почти всюду приводилъ къ послѣдующему уменьшенію дѣятельности чувствъ. Доказательствомъ, что это явленіе не первичное, а вторичное, могутъ служить самыя низшія существа, одноклѣточныя, у которыхъ мы наблюдаемъ совершенно ясныя реакціи на свѣтовыя, вкусовыя и т. под. раздраженія, и при томъ сильныя реакціи. Хотя органы чувствъ, какъ таковые, здѣсь часто еще совершенно отсутствуютъ, но способность ощущать уже дана какъ свойство, присущее изначала клѣточной массѣ.

Итакъ, мы навѣрное не сдѣлаемъ ошибки — по крайней мѣрѣ большой ошибки — ежели прослѣдимъ возможности привлеченія половъ по всей главной линіи, отъ первичныхъ одноклѣточныхъ растеньицъ и инфузорій до человѣка, и по всѣмъ боковымъ линіямъ родословнаго древа жизни, при помощи той же самой простой руководящей нити, которая связываетъ и охватываетъ у насъ самихъ всѣ необходимыя сближенія и измѣненія разстояній въ любовной игрѣ, на почвѣ дѣятельности нашихъ органовъ чувствъ, — именно по тремъ главнымъ рубрикамъ внѣшнихъ чувствъ: тѣсно связанныя ощущенія вкуса и запаха, ощущенія свѣта и ощущенія звука.

При этомъ въ силу различныхъ соображеній удобно сохранять именно эту послѣдовательность.

У насъ, людей, чувство обонянія отнюдь не выступаетъ на первый планъ. Мы принадлежимъ къ той вѣтви млекопитающихъ, которую, въ виду поразительнаго регресса и атрофіи ея обонятельныхъ органовъ, называютъ „микросматической", „слабо обоняющей" (или „карликами обонянія") въ противоположность „макросматической", „сильно обоняющей" главной массѣ млекопитающихъ; только совершенно лишенные обонянія уступаютъ и намъ въ этомъ отношеніи... Во всякомъ случаѣ, въ нашей любовной жизни обоняніе играетъ довольно значительную роль, обусловленную въ особенности тѣмъ уже отмѣченнымъ нами свойствомъ, въ силу котораго ощущенія запаховъ обладаютъ особенною способностью вызывать у насъ дѣятельность фантазіи, воспоминанія, ассоціаціи. При томъ наше чувство обонянія не настолько слабо, чтобы мы не могли воспринимать извѣстные запахи, какъ непосредственно пріятные. Но въ высшей степени характернымъ свидѣтельствомъ недостатка тонкости и силы нашей обонятельной способности является то обстоятельство, что мы, люди, съ незапамятныхъ временъ, въ лицѣ всѣхъ дикихъ и культурныхъ народовъ, обнаруживали страсть душиться искусственно, и при томъ самыми острыми запахами.

Напомнимъ о розахъ на вакханаліяхъ древнихъ римлянъ и восточныхъ народовъ, о китайскихъ оргіяхъ съ мускусомъ, а также и о нашихъ бальныхъ залахъ, театрахъ и ночныхъ кафе. Соотвѣтственно тому, у значительнаго числа культурныхъ людей съ высшимъ образованіемъ воспріимчивость къ не искусственнымъ и не преувеличеннымъ запахамъ не развита даже настолько, чтобы быть въ состояніи отличить въ темнотѣ мужчину отъ женщины по чистому естественному запаху кожи. О положительномъ равнодушіи чудовищной массы культурныхъ людей ко всей жизни запаховъ и слѣдовательно къ любовной жизни, разсматриваемой съ этой стороны, свидѣтельствуютъ всѣ курильщики и курильщицы сигаръ и папиросъ.

Въ этомъ пунктѣ намъ приходится смиренно признать, что мы, „вѣнецъ творенія", представляемъ въ качествѣ микросматиковъ лишь исключеніе, а не явленіе нормальной силы въ общей жизни на землѣ. Быть можетъ, наша техника, при помощи соотвѣтствующихъ инструментовъ, возмѣститъ эту слабость, какъ, при помощи телескопа и микроскопа, она, въ поистинѣ сказочныхъ размѣрахъ, усилила нашу способность зрѣнія, далеко за предѣлы всѣхъ зрительныхъ способностей животнаго міра. Но въ настоящее время мы далеко отстали въ этомъ отношеніи отъ другихъ представителей животнаго царства.

Среди нихъ почти всюду запахъ (или, общѣе, лежащее въ его основѣ непосредственное химическое чувство) играетъ колоссальную роль во всѣхъ отношеніяхъ. Мы тѣмъ болѣе въ правѣ отвести ему первое мѣсто въ нашемъ вопросѣ о привлеченіи половъ, что именно самая первая и самая коренная форма, въ которой передъ нами обнаруживается его роль въ этомъ отношеніи, связана съ кореннымъ пунктомъ всего привлеченія половъ, снизу доверху, во всей живой природѣ. Даже насъ самихъ она захватила бы въ нѣкоторомъ глубочайшемъ смыслѣ, если бы наше знаніе въ извѣстномъ пунктѣ зашло дальше, чѣмъ теперь.

Эротическія привлеченія на основаніи обонятельныхъ ощущеній имѣютъ мѣсто уже у одноклѣточныхъ организмовъ, гдѣ вся любовь разыгрывается между двумя клѣтками. Но поразительно то, что они остаются затѣмъ присущими, какъ единственный доказуемый путь привлеченія посредствомъ ощущеній, любовнымъ процессамъ всѣхъ живыхъ существъ, вплоть до высшихъ организмовъ, поскольку эти процессы ограничиваются сближеніемъ двухъ клѣтокъ, сѣменной и яйцевой, — то есть въ самомъ интимномъ и послѣднемъ таинствѣ воспроизведенія.

Нѣтъ яйцевой клѣтки, относительно которой было бы извѣстно, что въ самой послѣдней части великаго любовнаго пути она примапиваетъ сѣменную клѣточку свѣтомъ или звукомъ; но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ труднѣйшій заключительный актъ вообще сколько-нибудь доступенъ нашему наблюденію, мы находимъ, съ увѣренностью или предположительно, химическія раздраженія и, такъ сказать, ощущенія запаха или вкуса. Это имѣетъ такое общее значеніе, что не будетъ слишкомъ смѣло даже о послѣднемъ сближеніи между яйцевой и сѣменной клѣтками въ живой женщинѣ высказаться въ томъ смыслѣ, что и здѣсь дѣло идетъ о подобномъ же раздраженіи, — при этомъ, конечно, подразумѣвается, что если не въ нашихъ большихъ

многоклѣтныхъ человѣческихъ индивидуумахъ съ ихъ головнымъ мозгомъ и нервнымъ аппаратомъ, то въ скрытой области нашихъ человѣческихъ половыхъ клѣтокъ химическое чувство все еще должно быть признаваемо самымъ главнымъ и самымъ дѣятельнымъ, такъ какъ безъ него не появился бы новый человѣкъ, безъ него сѣменная клѣтка не могла бы разыскать яйцевую въ темныхъ нѣдрахъ тѣла.

Что одноклѣточныя существа (вспомнимъ опять таки о всюду распространенныхъ бактеріяхъ) могутъ производить продукты обмѣна веществъ, которые должны имѣть вкусъ или запахъ для другихъ, одаренныхъ способностью къ обонятельнымъ или вкусовымъ, короче химическимъ ощущеніямъ, существъ, — установлено вполнѣ достовѣрно. Что одноклѣточные организмы замѣчаютъ химическія измѣненія, исходящія изъ какого-нибудь пункта окружающей ихъ среды, также не подлежитъ сомнѣнію, и реагируютъ они на эти раздраженія тѣмъ, что-либо устремляются въ направленіи къ нимъ, либо удаляются отъ нихъ. Нѣкоторыя инфузоріи бѣгутъ отъ растворяющейся въ водѣ крупинки соли поистинѣ въ паникѣ. Другія спѣшатъ, точно околдованныя, къ тому пункту, отъ котораго распространяется что-нибудь кислое или сладкое. Въ нашемъ собственномъ тѣлѣ нѣкоторыя относительно самостоятельныя клѣтки, такъ называемые лейкоциты (бѣлыя кровяныя тѣльца), сползаются къ тому пункту, гдѣ внѣдрившіяся бактеріи начинаютъ выдѣлять извѣстные продукты обмѣна. Правда, въ этомъ случаѣ, какъ и въ безчисленныхъ другихъ, „приманка“ оказывается пагубной для того, кто пускаетъ ее въ ходъ: лейкоциты приближаются, чтобы пожрать бактерій, что, по всей вѣроятности, играетъ важную роль въ процессахъ исцѣленія нашихъ бактеріальныхъ болѣзней. „Запахъ“ или „вкусъ“ привлекаетъ здѣсь какъ тонкій ароматъ блюдъ въ кухнѣ, и пожираніе оказывается убійствомъ, а не актомъ любви. Но много ли нужно, чтобъ тотъ же принципъ послужилъ дѣлу любви. Если женская клѣтка производитъ извѣстные химическіе продукты, пріятные для мужской, — если эти послѣдніе распространяются кругомъ и вызываютъ обонятельное или вкусовое раздраженіе у мужской клѣтки, то она устремляется къ этому мѣсту, гдѣ на этотъ разъ совершается уже актъ любви, то есть сліяніе! И возможно доказать, что это, дѣйствительно, происходитъ. Оно доказано для сложнѣйшихъ процессовъ оплодотворенія болѣе высокихъ организмовъ.

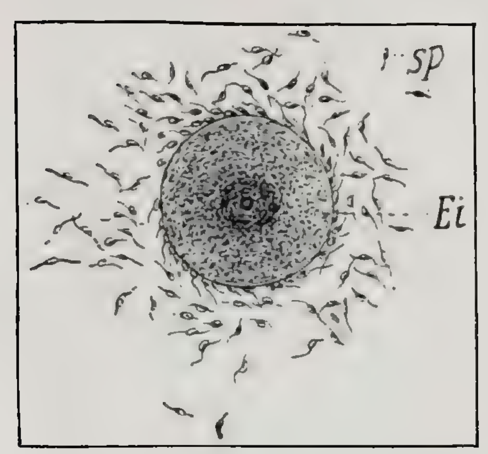


Рис. 42. Яйцевая клѣтка морской водоросли, окруженная подвижными сѣменными клѣтками. (По Шенку.)
sp = сѣменныя клѣтки, Ei = яйцевая клѣтка

Ботаникъ Пфефферъ впервые (уже почти двадцать лѣтъ тому назадъ) доказалъ это, безусловно внѣ всякихъ сомнѣній, для подвижныхъ сѣменныхъ клѣтокъ папоротниковъ. У низ-

шихъ многоклѣточныхъ растеній, напримѣръ нашихъ морскихъ водорослей, женскія яйцевыя клѣтки достигаютъ гигантской величины, напротивъ мужскія имѣютъ относительно ничтожные размѣры, но одарены быстрымъ движеніемъ (рис. 42). Онѣ собираются вокругъ толстой яйцевой клѣтки и окружаютъ ее, точно хотятъ взять штурмомъ. Но привлекаютъ ихъ, привлекаютъ и въ темнотѣ, несомнѣнно химическія дѣйствія, исходящія отъ самой яйцевой клѣтки. Пфефферъ показалъ, что у папоротниковъ весь женскій половой аппаратъ, включая и яйцевую клѣтку, содержитъ яблочную кислоту, то есть вещество, которое, будучи растворено въ водѣ, ощутимо и для нашего человѣческаго вкуса и обонянія на довольно далекомъ разстояніи. Онъ наполнилъ слабымъ растворомъ яблочной кислоты тонкую стеклянную трубочку, открытую на одномъ концѣ, и положилъ ее въ каплю воды, гдѣ кишѣли сѣменныя клѣтки папоротника. Сѣменныя клѣтки тотчасъ направились къ источнику яблочной кислоты, къ отвэрстію трубочки и въ самую трубочку; спустя пять минутъ уже около шестисотъ сѣменныхъ клѣтокъ были въ трубочкѣ. Не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ стремились къ яблочной кислотѣ. Яблочная кислота яйцевыхъ клѣтокъ была эротической приманкой! Для провѣрки опыта послужили сѣменныя клѣточки мховъ. Онѣ удалялись отъ непріятной для нихъ яблочной кислоты. Но когда кислота въ трубочкѣ была замѣнена тростниковымъ сахаромъ, онѣ жадно устремились въ нее. Сахаръ оказался для нихъ эротической приманкой.

Степень чувствительности, которую проявляютъ при этомъ сѣменныя клѣтки, превзошла всякія ожиданія. Опытъ еще удавался въ растворѣ яблочной кислоты въ 0,001 процента. Вполнѣ понятно, что сѣменныя клѣточки, достигающія только 0,015 миллиметра длины, могутъ воспринимать, какъ источникъ химическаго раздраженія, микроскопически маленькую яйцевую клѣтку.

У высшихъ растеній, даже послѣ того какъ главная часть любовнаго пути успѣшно пройдена (большею частью при посредствѣ насѣкомыхъ) и цвѣтневая крупинка, содержащая мужскую клѣточку, перенесена на такъ называемое рыльце женскаго полового органа, для мужской клѣтки предстоитъ еще пройти довольно запутанный путь, такъ какъ женская яйцевая клѣтка не лежитъ открыто на рыльцѣ, а скрывается глубоко внутри завязи; весь послѣдующій процессъ — выпусканіе цвѣтневой пылинкой длинной трубочки, которая внѣдряется въ завязь и такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, даетъ возможность клѣткамъ встрѣтиться — совершается очевидно подъ вліяніемъ такого химическаго приманиванія, которое указываетъ дорогу. Кажется, въ этомъ случаѣ яйцевая клѣтка имѣетъ подлѣ себя еще двѣ другія клѣтки, которыя работаютъ за нее, постоянно выдѣляя спеціальные привлекающіе запахи или вещества, вызывающія вкусовое раздраженіе. То обстоятельство, что яйцевыя клѣточки различныхъ организмовъ пользуются различными химическими приманивающими веществами, имѣетъ особенно важное значеніе въ томъ случаѣ, когда морская вода кишитъ всевозможными сѣменными клѣтками самыхъ разнообразныхъ животныхъ, ведущихъ сидячую жизнь, а яйцевыя клѣтки всѣхъ видовъ находятся тутъ

же по близости — такъ бываетъ, напримѣръ, на устричныхъ или коралловыхъ банкахъ — и каждой сѣменной клѣточкѣ необходимо попасть въ яйцо своего вида, минуя всѣ остальныя. Впрочемъ и совсѣмъ близко отъ насъ все это имѣетъ силу. Одинъ наблюдатель видѣлъ, какъ сѣменныя клѣтки высшихъ млекопитающихъ, кроликовъ и собакъ, быстро двигались въ своей жидкости по направленію къ кусочку слизистой оболочки женской матки; тогда какъ кусочки печени и другихъ, чуждыхъ половой дѣятельности, органовъ не оказывали никакого привлекающаго дѣйствія. Здѣсь, стало быть, весь женскій органъ, въ которомъ происходитъ актъ сліянія, дѣйствуетъ, приманивая сѣменныя клѣтки и указывая имъ путь послѣдняго странствованія; однако, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и при общемъ дѣйствіи органа должно въ концѣ концовъ вступить въ силу приманивающее дѣйствіе самой яйцевой клѣтки.

Не слѣдуетъ и здѣсь представлять себѣ эти послѣдніе акты преодолѣванія пространства и сближенія въ черезчуръ упрощенномъ видѣ. Для примѣра напомнимъ хотя бы объ удивительныхъ процессахъ у летучихъ мышей. Здѣсь спариваніе происходитъ поздней осенью; сѣменныя клѣтки проникаютъ въ матку, но въ ней должны оставаться цѣлую зиму живыми, не приступая къ послѣднему акту любви, такъ какъ только въ мартѣ или въ апрѣлѣ появляется въ яичникахъ первая яйцевая клѣтка, которая можетъ быть оплодотворена. Здѣсь, очевидно, привлеченіе сѣменныхъ клѣтокъ маткой, какъ органомъ многоклѣтной матери, представляетъ отдѣльный эротическій актъ, отличный отъ наступающаго лишь позднѣе акта привлеченія сѣменныхъ клѣтокъ яйцевой.

Но, какъ показываютъ намъ примѣры вообще, приманка со стороны органовъ, то есть наша вторая ступень, осуществляется также посредствомъ вкусовыхъ и обонятельныхъ раздраженій. Если отдѣлившіеся и плавающіе въ видѣ самостоятельныхъ червей любовные органы палоло имѣютъ еще какое-нибудь отношеніе другъ къ другу, кромѣ подчиненія тому лунному часу, который заставляетъ эти органы, какъ мужскіе, такъ и женскіе, милліонами одновременно собираться на поверхности океана, то, по всей вѣроятности, оно заключается въ такихъ же химическихъ раздраженіяхъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ и то обстоятельство, что эти отдѣлившіяся части палоло обладаютъ и для нашихъ человѣческихъ вкусовыхъ нервовъ очень рѣзкимъ, характернымъ, напоминающимъ икру, а, по мнѣнію другихъ, устрицы, кисловатымъ вкусомъ. Обитатели острововъ Самоа радуются, какъ празднику, появленію этихъ миріадъ обрывковъ червей, такъ какъ половыя части палоло считаются у нихъ лакомымъ кусочкомъ именно изъ-за этого вкуса.

Представленіе о сильно пахнущемъ органѣ этого рода, пожалуй, не покажется намъ привлекательнымъ. Но какъ легко и въ этомъ случаѣ можетъ совращаться наше вообще измѣнчивое человѣческое чувство, о томъ всего убѣдительнѣе свидѣтельствуютъ безупречнѣйшіе въ эстетическомъ отношеніи объекты нашей земной обстановки, именно любая роза или другой душистый цвѣтокъ, представляющій изъ себя не что иное, какъ половой органъ съ сильнымъ запахомъ, служащимъ для приманки.

Рис. 43. Насѣкомыя какъ посредники при оплодотвореніи цвѣтовъ.

Только приманивается въ этомъ случаѣ не сѣменная пыль или что-либо непосредственно принадлежащее растенію, а тѣ насѣкомыя (бабочки, пчелы, шмели, мухи), которыя переносятъ на себѣ эту пыльцу въ качествѣ посредниковъ въ любви (рис. 43).

Съ этою цѣлью половыя части растеній развиваютъ сильный запахъ, который во всемъ органическомъ мірѣ, стоящемъ ниже человѣка, принадлежитъ къ числу средствъ, дѣйствующихъ на наибольшихъ разстояніяхъ. Растенія и помимо эротическихъ цѣлей — колоссальные производители запаховъ. Многія изъ нихъ вырабатываютъ ароматическія вещества какъ разъ съ обратною цѣлью — устрашенія: какъ средство противъ пожиранія животными. При такихъ условіяхъ имъ не трудно было, разъ приближеніе нѣкоторыхъ животныхъ являлось, наоборотъ, желаннымъ, примѣнить то же начало и для цѣлей привлеченія съ такой же расточительной щедростью. Цѣлые острова, какъ, напримѣръ, Корсика, выдаютъ свое присутствіе на разстояніи нѣсколькихъ часовъ плаванія запахомъ „маки“, ароматической береговой растительности. Зондскіе острова такъ же далеко разсылаютъ ароматъ своихъ пряностей. Я помню, какъ въ желѣзнодорожномъ тоннелѣ на берегу Сициліи запахъ померанцевъ, лившійся со всѣхъ сторонъ, „сгустился“ до такой степени, что совершенно заглушилъ чадъ и запахъ угля въ поѣздѣ.

Не всѣ душистые цвѣты, приманивающіе животныхъ въ качествѣ посредниковъ, пахнутъ пріятно для нашихъ нервовъ. Есть между ними цвѣты, издающіе отвратительный запахъ падали, привлекающій мухъ и тому подобныхъ индивидуалистовъ вкуса; впрочемъ, тѣ, кому нравится лимбургскій сыръ, не должны находить этотъ запахъ особенно непріятнымъ. Но масса цвѣтовъ издаетъ запахъ дѣйствительно очаровательный для человѣческихъ носовъ. Мало того. Ароматъ многихъ цвѣтовъ оказываетъ и на насъ явственно эротическое возбуждающее дѣйствіе. Одуряющій ароматъ цвѣтущей жимолости въ теплый тихій вечеръ не безопасное любовное снадобье. Такъ же дѣйствуютъ гвоздика, резеда, туберозы, цвѣтущій каштанъ и многіе другіе. Ничто не можетъ лучше иллюстрировать однородность всѣхъ этихъ явленій. Къ той же бесѣдкѣ изъ жимолости, которая дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ па насъ, издалека слетаются въ тотъ же вечерній часъ крупные бражники (изъ ночныхъ бабочекъ). Исполинскій полосатый бражникъ запускаетъ въ глубокую трубочку цвѣтка свой огромный хоботокъ. Конечно, онъ долженъ подлетѣть вплотную къ кусту, чтобъ получить вкусовое ощущеніе, которымъ, въ послѣднемъ счетѣ, и приманиваетъ его цвѣтокъ, чтобы заставить прикоснуться къ половому органу ради своихъ цѣлей. Но предварительно привлекающая сила запаха уже подѣйствовала на безконечно большемъ разстояніи.

Вѣрнѣйшимъ доказательствомъ того, что бабочка, дѣйствительно, воспринимаетъ этотъ запахъ цвѣтка, и при томъ воспринимаетъ какъ пріятный, какъ заманчивый, можетъ служить для насъ въ этомъ случаѣ одно особенное обстоятельство, которое кстати подвинетъ насъ впередъ и въ отношеніи общаго вопроса.

Я сказалъ: насѣкомое само по себѣ не имѣетъ никакого отношенія къ любовной жизни растенія — любовная услуга, которую оно оказываетъ, перенося пыльцу, является для него самого чистой случайностью, къ которой оно совершенно равнодушно. Собственная любовная жизнь этихъ бражниковъ также не имѣетъ ничего общаго съ посѣщеніемъ цвѣтка. И тѣмъ не менѣе тутъ есть нѣкоторая скрытая связь. Въ любовной жизни

бабочекъ также играютъ чрезвычайную роль запахи, именно запахи, производимые самими бабочками. Но эти запахи, поскольку они непосредственно ощутимы для насъ, представляютъ большое сходство съ запахами цвѣтовъ. Есть бабочки, которыя сильно пахнутъ померанцемъ, ванилью. Большой полосатый бражникъ издаетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ сильный запахъ мускуса. Эти бабочки посѣщаютъ цвѣты не изъ непосредственно эротическихъ мотивовъ; но онѣ ищутъ ихъ, потому что запахъ цвѣтовъ напоминаетъ имъ нѣчто эротическое и во всякомъ случаѣ пріятенъ для нихъ. Тутъ возникаетъ вопросъ, не должна ли произойти путаница, если эротическій приманивающій запахъ бабочекъ производится въ такихъ массахъ сильно пахнущими цвѣтами, — чисто эротическая цѣль приманки можетъ пострадать отъ такой не эротической конкуренціи. Сколько разъ влюбленная ищущая бабочка найдетъ только цвѣтокъ! Но и здѣсь точное уясненіе фактовъ устраняетъ кажущееся недоразумѣніе.

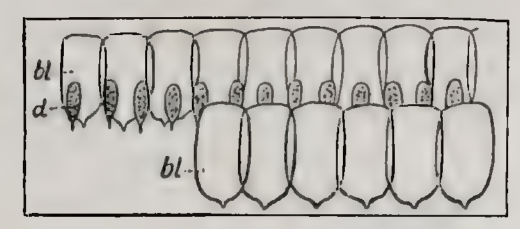


Рис. 44. Душистыя чешуйки верхняго крыла самца голубки (бабочка), Lycaena Menalcas. (По Ф. Келеру.)
bl = голубыя чешуйки, d = душистыя чешуйки. Сильно увеличено.

Сами бабочки производятъ два совершенно различныхъ эротическихъ запаха. Одинъ — запахъ, дѣйствующій на разстояніи, другой — собственно приманивающій и возбуждающій запахъ, который начинаетъ дѣйствовать когда полы, привлеченные первымъ запахомъ, уже находятся на близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Тотъ сходный съ цвѣточнымъ запахъ померанцевъ, ванили, мускуса и др., о которомъ шла рѣчь до сихъ поръ, относится только ко второй рубрикѣ. Онъ издается исключительно самцомъ, и именно въ то время, когда послѣдній находится по близости отъ самки. Интересно то, что это уже не запахъ самихъ половыхъ органовъ; онъ производится самцами въ особыхъ органахъ, которые могутъ находиться на совершенно другихъ частяхъ тѣла. У многихъ бабочекъ, напримѣръ у нашихъ, всѣмъ извѣстныхъ, бѣлянокъ и маленькихъ голубокъ, эти органы выдѣленія запаха имѣютъ видъ крошечныхъ чешуекъ (рис. 44 и 45). Какъ извѣстно, окраска крыльевъ бабочекъ зави-

Рис. 45. Отдѣльныя сильно увеличенныя душистыя чешуйки дневныхъ бабочекъ.
a — бѣлянки (Pieris), b — перламутренницы (Argynnis Paphia), c — сатира, d — голубки (Lycaena).

ситъ отъ тонкаго налета на нихъ, который, при грубомъ прикосновенiи, стирается какъ пыль. Пыль эта состоитъ изъ массы тонкихъ мелкихъ чешуекъ. Между этими бѣлыми или голубыми чешуйками находятся еще особенныя маленькiя душистыя чешуйки, которыя испаряютъ тонкiя ароматическiя вещества, выдѣляемыя лежащими подъ ними клѣтками. У нѣкоторыхъ бабочекъ эти душистыя чешуйки, въ формѣ волосковъ, соединяются группами въ опредѣленныхъ мѣстахъ, особенно на заднихъ крыльяхъ (рис. 46). Онѣ образуютъ здѣсь цѣлыя щеточки или кисточки, которыя могутъ распространять ароматическое вещество, какъ искусственный распылитель, такъ какъ выбрасываютъ его произвольно; иногда же онѣ лежатъ въ складкѣ крыла и начинаютъ дѣйствовать, когда складка внезапно раздвигается.

Рис. 46. Распыляющiй ароматическое вещество аппаратъ бабочки Zeuxidia Wallacei.
d — душистая кисточка.

Этотъ эротическiй возбуждающiй аппаратъ пускаютъ въ ходъ только самцы, находясь поблизости отъ самокъ; съ своимъ ароматомъ мускуса или ванили онъ дѣйствуетъ далеко не на такомъ большомъ разстоянiи, какъ запахъ цвѣтовъ. Существенно отличенъ отъ него запахъ бабочекъ, дѣйствующiй на значительномъ разстоянiи; онъ представляетъ собою эротическое средство сообщенiя между полами, которые онъ, такимъ образомъ, сводитъ вмѣстѣ. Этотъ собственно приманивающiй запахъ издается не самцомъ, а самкой, которую самецъ, какъ болѣе активная сторона, разыскиваетъ; у нѣкоторыхъ бабочекъ пассивность самки доходитъ до того, что она (напримѣръ, у нашей зимней пяденицы) совершенно неспособна летать. Этотъ женскiй запахъ во всякомъ случаѣ такъ тонокъ, что человѣческое обонянiе не воспринимаетъ его, и мы можемъ заключать о его существованiи только косвенно. Зато онъ очевидно дѣйствуетъ на большомъ разстоянiи. Самка бражника, пойманная и помѣщенная у открытаго окна въ большомъ городѣ, привлекаетъ иногда десятки самцовъ изъ самыхъ дальнихъ окрестностей, чѣмъ и пользуются собиратели насѣкомыхъ. Что здѣсь, дѣйствительно, играетъ роль запахъ, подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что у самцовъ большинства бабочекъ обонятельные органы развиты сильнѣе, чѣмъ у самокъ, которымъ нужно воспринимать только болѣе грубый запахъ цвѣтовъ и самцовъ, а не свой собственный, дѣйствующiй на далекомъ разстоянiи, болѣе тонкiй приманивающiй запахъ.

Если, такимъ образомъ, этотъ вопросъ разрѣшается удовлетворительно, то все же въ любовной жизни бабочекъ мы встрѣчаемъ уже здѣсь второе явленiе привлеченiя половъ, которое давно занимаетъ изслѣдователей, но и до сихъ поръ не такъ всесторонне разъяснено, какъ было бы желательно.

Когда мы видимъ яйцевую клѣточку, окруженную множе-

ствомъ сѣменныхъ клѣтокъ, привлеченныхъ ея эротическимъ приманивающимъ запахомъ, — сѣменныхъ клѣтокъ, изъ которыхъ въ концѣ концовъ только одной выпадетъ на долю дѣйствительное сліяніе съ яйцевой клѣткой, — мы принимаемъ, что побѣда достанется либо той сѣменной клѣткѣ, которая первая вступитъ въ соприкосновеніе съ яйцевой, либо той, которая случайно найдетъ наиболѣе удобное мѣсто для входа, либо, наконецъ, при абсолютно равныхъ условіяхъ соперничества, одолѣетъ сильнѣйшая, та, которая дѣйствуетъ энергичнѣе и быстрѣе всѣхъ. Можно также сказать: одержитъ верхъ наиболѣе возбужденная клѣтка, и въ такомъ случаѣ эта способность къ возбужденію является просто доказательствомъ силы, жизнеспособности и наибольшей зрѣлости для любовнаго акта. Приложимъ этотъ простѣйшій случай къ бабочкамъ, — въ такомъ случаѣ дѣло представится намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Самка привлекаетъ своимъ дѣйствующимъ на далекое разстояніе запахомъ. На приманку слетаются нѣсколько самцовъ, а не одинъ. Который же изъ нихъ достигнетъ цѣли? Мы скажемъ, какъ выше: первый, если они приближаются одинъ за другимъ. Если же ихъ явится нѣсколько разомъ, — сильнѣйшій. Онъ грубо отгонитъ остальныхъ и овладѣетъ пассивной самкой просто по праву сильнаго. Но какую роль можетъ здѣсь играть выдѣленіе самцами, подлетающими къ самкѣ, пріятнаго, подобнаго цвѣточному, запаха мускуса или ванили? Не есть ли этотъ запахъ т о л ь к о выраженіе ихъ собственнаго возбужденія, безъ всякой дальнѣйшей цѣли? Этому противорѣчитъ фактъ существованія особенныхъ органовъ, производящихъ запахъ, какъ, напримѣръ, вышеупомянутыхъ складокъ для душистыхъ чешуекъ, очевидно разсчитанныхъ на специальное внѣшнее дѣйствіе. Запахъ самца долженъ имѣть отношеніе къ самкѣ, какъ мы и приняли выше безъ колебаній. Онъ служитъ для возбужденія самки или для усиленія ея возбужденія, чтобы она не избѣгала самца, а отдавалась ему.

Противъ этого заключенія, какъ мнѣ кажется, тоже врядъ ли можно что-нибудь возразить.

Тотъ, кому часто случается наблюдать любовную жизнь нашихъ бѣлянокъ, равно какъ и другихъ животныхъ, до млекопитающихъ включительно, постоянно испытываетъ впечатлѣніе, какъ будто за встрѣчей половъ почти всегда слѣдуетъ извѣстное препирательство, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до послѣдняго акта. Въ этомъ препирательствѣ самецъ всегда крайне возбужденъ и энергично требуетъ акта. Самка же, напротивъ, жеманится и сопротивляется. Лишь постепенно она уступаетъ его настояніямъ; видимо, ей самой сообщается его возбужденіе, и доходитъ наконецъ до такой степени, что она уже не въ силахъ сопротивляться. Какимъ бы насильственнымъ ни казался послѣдній актъ (особенно въ виду крайняго возбужденія самца), но при сложности процессовъ, необходимыхъ для его совершенія, онъ конечно не могъ бы правильно осуществиться, если бъ самка не возбуждалась наконецъ до желанія совершить его.

У животныхъ, обладающихъ возбуждающими запахами, запахъ самца, очевидно, усиливаетъ и доводитъ до высшей степени это возбужденіе самки. Представимъ себѣ, что во время

этого препирательства не одинъ, а нѣсколько самцовъ осаждаютъ самку и дѣйствуютъ на нее своимъ запахомъ (это наблюдалось у многихъ бабочекъ и всегда можетъ быть подтверждено наблюденіемъ); въ такомъ случаѣ мы должны будемъ согласиться, что такая увеличенная сумма запаховъ быстрѣе и сильнѣе возбуждаетъ самку. Тѣмъ скорѣе достигнетъ цѣли самый энергичный, отважный и сильный изъ соперниковъ самцовъ. Но такъ какъ этотъ самецъ, остающійся, въ концѣ концовъ, побѣдителемъ, сильнѣйшій, то онъ обладаетъ и наиболѣе дѣятельными душистыми чешуйками: его запахъ окажется сильнѣйшимъ слагаемымъ въ суммѣ. Именно здѣсь заключается мысль, которую впервые развилъ не кто иной, какъ Чарльзъ Дарвинъ.

У многихъ животныхъ между возбужденными соперниками разыгрывается настоящая физическая борьба за обладаніе самкой (рис. 50). Сильнѣйшій одолѣваетъ, и ему естественно отдается самка, возбужденіе которой тѣмъ временемъ достигаетъ кульминаціоннаго пункта. Но, можетъ быть, возможно и иное. Можетъ быть самка и безъ такого боя уже предпочла одного изъ самцовъ, еще до испытанія силъ въ смыслѣ физической борьбы? Можетъ быть, она просто „выбрала“ сильнѣйшаго самца? Но чѣмъ же она руководилась при выборѣ? На это можно отвѣтить: запахъ самцовъ различается по степени, соотвѣтственно степени ихъ силы. Можетъ ли однако самка, которая вообще реагируетъ на этотъ запахъ, различить и эту разницу? Въ виду продолжительнаго дѣйствія запаховъ различной силы, возбуждается ли она всего сильнѣе тѣмъ именно самцомъ, который издаетъ сильнѣйшій запахъ и которому она въ концѣ концовъ отдается?

Чтобы не слишкомъ усложнять вопроса, не слѣдуетъ въ данномъ случаѣ слишкомъ тѣсно связывать слово „выбираетъ“ съ представленіемъ о размышленіи и высшихъ актахъ сознанія. Самка просто подчиняется сильнѣйшему вліянію, оказываемому на ея чувства, она отдается сильнѣйшему возбудителю, для чего не требуется сложнаго размышленія. Но, съ другой стороны, именно для этого случая съ запахомъ не слѣдуетъ предполагать нашу, человѣческую, въ данномъ случаѣ дѣйствительно тупую, способность воспріятія, такъ какъ она оказалась бы слишкомъ слабой для тонкостей этого различенія; надо подразумѣвать здѣсь животныя чувства, по меньшей мѣрѣ такой же силы, какъ, напримѣръ, чутье собаки къ запахамъ. Въ рамки полезности для дальнѣйшаго существованія вида этотъ „выборъ“ вполнѣ укладывается, такъ какъ самецъ, издающій наиболѣе сильный запахъ, eo ipso оказывается наиболѣе жизнеспособнымъ, наиболѣе энергичнымъ, — стало быть, результатъ остается тотъ же.

Вотъ, по моему мнѣнію, наиболѣе общія рамки, въ которыхъ эта мысль доступна обсужденію. Логически врядъ ли можно что-нибудь возразить противъ нея, разъ она высказана въ такой формѣ. Практика должна рѣшить, такъ ли происходитъ дѣло тамъ, гдѣ мы не наблюдаемъ правильныхъ боевъ между самцами, — практика, изслѣдованіе которой конечно крайне затрудняется въ виду интимности процессовъ, подлежащихъ наблюденію. Но въ нашемъ новѣйшемъ естествознаніи обсужденіе

этого вопроса привело къ гораздо болѣе широкому теоретическому спору.

Теорія Дарвина связала такъ называемый „половой отборъ“ (или „половой подборъ“) съ этимъ возможнымъ выборомъ со стороны самки. Эта теорія ищетъ, какъ и всѣ воззрѣнія Дарвина, историческаго объясненія для современнаго положенія вещей. Для нашего случая она принимаетъ, что, въ силу постояннаго подбора наиболѣе сильно пахнущихъ самцовъ для акта воспроизведенія, въ теченіе долгихъ періодовъ времени, этотъ запахъ самца долженъ былъ все болѣе и болѣе усиливаться. Если мы находимъ нынѣ такіе сложные аппараты для его производства и выдѣленія у самцовъ бабочекъ, то они представляютъ продуктъ долгаго историческаго развитія при посредствѣ постоянно практиковавшагося выбора лучшихъ, „отбора“, который здѣсь совершался на почвѣ ощущеній одного пола, именно женскаго, — слѣдовательно, „полового отбора“.

Но эта мысль получаетъ всю свою силу лишь послѣ того, какъ мы сопоставимъ ее съ еще болѣе замѣчательными фактами приманиванія посредствомъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній, которыя у бабочекъ и другихъ животныхъ частью комбинируются съ приманиваніемъ посредствомъ запаха, частью чередуются съ нимъ. Мы сейчасъ разсмотримъ это подробнѣе.

Относительно бабочекъ можно съ достаточной увѣренностью говорить о непосредственныхъ дѣйствіяхъ запаха въ эротической области. Первоначально чувства вкуса и обонянія, какъ мы и принимали на дѣлѣ выше, почти или вовсе не раздѣлялись. Даже у насъ они находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи, — достаточно напомнить хотя бы о керосинѣ. Но ихъ первоначальное единство есть просто результатъ того факта, что всѣ нижнія вѣтви родословнаго древа растеній и животныхъ развились въ водѣ. Въ водѣ же господствуетъ общая, недифференцированная способность къ ощущенію химическихъ измѣненій, которая, впрочемъ, какъ уже было однажды упомянуто, ближе стоитъ къ ощущенію вкуса. Характерно, что даже высоко развитыя животныя, каковы киты изъ млекопитающихъ, вернувшіяся къ водяной жизни отъ сухопутной, перестали пользоваться сложнымъ обонятельнымъ аппаратомъ млекопитающаго; ноздри (или у многихъ единственная непарная ноздря) служатъ имъ только какъ органъ дыханія.

Только сухопутное животное обладаетъ ясно обособленными вкусомъ и обоняніемъ, по крайней мѣрѣ, какъ многоклѣточный индивидуумъ; его сѣменныя и яйцевыя клѣточки остаются на старой ступени жизни въ водѣ. Ясно также, что въ качествѣ приманки, дѣйствующей на разстояніи, на сушѣ долженъ получить перевѣсъ запахъ, передающійся и черезъ сухой воздухъ. На этой ступени мы уже находимъ бабочку какъ продуктъ чрезвычайно успѣшнаго завоеванія суши, которое удалось членистоногимъ еще въ раннія дни исторіи земли.

У параллельнаго, хотя въ общемъ несомнѣнно высшаго, типа животныхъ, позвоночныхъ, мы находимъ и болѣе низкія, древнѣйшія ступени развитія, живущія еще въ водѣ и, слѣдовательно, стоящія ближе къ упомянутой индифферентной стадіи. Существуетъ ли взаимное эротическое привлеченіе посредствомъ химическихъ

дѣйствій среди рыбъ, — до сихъ поръ не выяснено. Но любовная жизнь рыбъ вообще такъ сложна, что, по всей вѣроятности, оно существуетъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, самый актъ носитъ еще крайне грубый, внѣшній характеръ: сѣменныя и яйцевыя клѣтки въ моментъ сильнѣйшаго возбужденія попросту выбрасываются въ воду, гдѣ и должны встрѣтиться благодаря движенію воды и собственному эротическому стремленію. Но этимъ не исключается сильнѣйшее, постепенно развивающееся и сложное эротическое возбужденіе самца и самки. Во многихъ случаяхъ собственно любовной игрѣ предшествуютъ далекія странствованія и соединенія въ общества, которыя приводятъ къ сближенію половъ. Миріады сельдей, внезапно соединившись, приближаются въ это время къ береговымъ отмелямъ. Другія полчища рыбъ устремляются въ устья извѣстныхъ рѣкъ, точно какая-то невидимая сѣть тащитъ ихъ изъ океана. Если не думать, что для этихъ удивительныхъ странствій у отдѣльныхъ рыбъ, въ силу унаслѣдованія, съ юности отпечатались въ мозгу цѣлыя карты морей и рѣкъ, то и здѣсь наиболѣе вѣроятнымъ объясненіемъ будутъ химическія раздраженія, которыя приманиваютъ и заставляютъ собираться рыбъ.

Замѣчательно, что именно рыбы пользуются репутаціей обладателей „скрытыхъ“ органовъ чувствъ, — то есть извѣстныхъ органовъ ощущенія, аппаратъ которыхъ (проводящіе нервы и т. д.) мы видимъ, но функцію которыхъ не можемъ разъяснить на основаніи того, что даютъ намъ наши чувства. Часть этихъ органовъ должна быть органами воспріятія давленія воды, въ которыхъ мы, люди, какъ сухопутные жители, не нуждаемся, почему у насъ они атрофировались. Напротивъ, другая часть этихъ таинственныхъ органовъ такъ явственно сгруппировалась вокругъ рта (губы и усы) и по своему строенію производитъ такое цѣльное впечатлѣніе органовъ вкуса или чего-нибудь подобнаго, что въ нихъ вполнѣ естественно предположить мѣсто воспріятія, какъ бы станцію этой химической „безпроволочной телеграфіи“.

Сравненіе нашей безпроволочной телеграфіи съ этими химическими процессами быть можетъ не такъ смѣло, какъ оно покажется на первый взглядъ. Съ одной стороны, конечно, громадное различіе существуетъ между электрическими волнами и тонкими, индивидуализированными химическими половыми взаимодѣйствіями удаленныхъ другъ отъ друга водяныхъ животныхъ. И тѣмъ не менѣе въ этихъ химическихъ невѣсомыхъ вкуса и обонянія и въ ихъ переносѣ скрывается какая-то тайна, которая въ своемъ практическомъ дѣйствіи осуществляетъ нѣчто вполнѣ подобное тому, что мы теперь съ изумленіемъ и пользою признали возможнымъ въ новой отрасли нашей электротехники.

Врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что въ любовной игрѣ соединившейся парочки рыбъ „вкусъ“ еще играетъ большую роль. Случается наблюдать (напр., у крупноплавниковыхъ), какъ съ цѣлью любовнаго возбужденія оба участника сцѣпляются жабрами и съ такой энергіей трутся другъ о друга въ этомъ своеобразномъ поцѣлуѣ, что обрываются куски слизистой оболочки рта. Сравненіе съ „поцѣлуемъ, сладкимъ для влюбленныхъ“, въ данномъ случаѣ не просто метафора. Мы касаемся здѣсь

исторіи происхожденія поцѣлуя, который еще и нынѣ (послѣ безконечныхъ превращеній) представляетъ у насъ, людей, въ своей спеціальной эротической формѣ, послѣднюю тѣнь такой „вкусовой приманки“ въ любви.

Но, обратившись отъ рыбъ къ сухопутнымъ позвоночнымъ, мы тотчасъ встрѣтимся съ дѣйствіями настоящихъ запаховъ.

Съ точки зрѣнія исторіи развитія, былъ, дѣйствительно, сдѣланъ шагъ впередъ (въ первичныя времена). По способу нашего вьюна, который дышитъ при помощи кишечника, водяныя животныя превратили въ легкое отростокъ своего кишечника, плавательный пузырь, — ступень, которую мы находимъ еще явственно выраженной у извѣстнаго цератодуса въ Австраліи. По способу нашихъ тропическихъ рыбъ, живущихъ въ саргассовыхъ и мангровыхъ заросляхъ, плавники въ то же время были превращены въ орудія хожденія и, наконецъ, сдѣлались подвижными въ сочлененіяхъ. Разъ выбравшись, наполовину или вполнѣ, на сушу, эти высшія позвоночныя имѣли передъ собою два пути. На одномъ старая чешуйчатая одежда рыбы превращалась въ панцырь, защищавшій тѣло отъ толчковъ и опасностей воздушнаго міра, уже не такого податливаго, какъ водяная родина. На другомъ, наоборотъ, обнаруживалась усиливающаяся тенденція совершенно отдѣлаться отъ тяжелой чешуи. Но это должно было идти рука объ руку съ попытками дать кожѣ болѣе легкую, но такую же надежную защиту.

Мы и теперь еще находимъ на землѣ группу изъ этого второго ряда: земноводныхъ [саламандры (тритонъ, рис. 47), лягушки, жабы и др.], совершенно голыхъ. Зато ихъ голая кожа усѣяна множествомъ железъ, выдѣляющихъ болѣе или менѣе ѣдкія жидкости съ крайне сильнымъ запахомъ. Эти соки служатъ нашимъ земноводнымъ главнымъ образомъ для защиты. Всякому извѣстенъ ѣдкій, большею частью отвратительно пахнущій чеснокомъ, защитный сокъ нашей огненной саламандры и чесночной и земляной жабъ, сокъ, который при химическомъ концентрированіи, становится настоящимъ ядомъ. Но какъ у высшихъ цвѣтковыхъ растеній ароматическое масло, служившее сначала средствомъ защиты противъ растеніеядныхъ животныхъ, впослѣдствіи превратилось въ извѣстныхъ случаяхъ въ средство привлеченія насѣкомыхъ, въ „сладкій запахъ“ или „нектаръ“, такъ и у животныхъ, надѣленныхъ такими железами, выдѣляемый послѣдними сокъ сталъ играть роль средства эротическаго привлеченія и возбужденія. Животныя начали и въ моменты полового возбужденія усиленно выдѣлять сокъ и испаренія, но этотъ сокъ и испаренія стали теперь дѣйствовать на нихъ, усиливая и разжигая половую страсть.

Эту перемѣну ролей мы наблюдаемъ, въ особенно рѣзкомъ проявленіи, у млекопитающихъ. Млекопитающее также принадлежало первоначально къ тому ряду, который, за немногими исключеніями, пренебрегъ чешуей и панцыремъ. Но, въ противоположность земноводнымъ, млекопитающее не сбросило свою чешую (первоначальное существованіе которой доказано), чтобы остаться съ абсолютно голой кожей, а выработало кожные органы, вначалѣ еще принадлежавшіе къ чешуѣ, приспособленные для защиты кожи, а въ особенности для сохраненія теплоты: волосы.

Рис. 47. Тритонъ въ брачномъ нарядѣ.

Железы, въ качествѣ защиты кожи, не имѣли для него значенія и соотвѣтственно тому приспособились у него для другихъ цѣлей. Важнѣйшая изъ нихъ та, которой млекопитающія обязаны своимъ названіемъ: приспособленіе нѣкоторыхъ железъ и ихъ выдѣленія, молока, для кормленія дѣтенышей. Другая цѣль была — использованіе ихъ въ эротическомъ отношеніи.

Железа съ ея сильнымъ выдѣленіемъ запаха фигурируетъ у большинства млекопитающихъ, какъ половая железа, служащая для эротическаго привлеченія половъ, частью какъ органъ, дѣйствующій на разстояніи, частью какъ органъ, дѣйствующій вблизи и усиливающій половую похоть.

Мимоходомъ отмѣтимъ случай, совершенно единичный среди млекопитающихъ и до настоящаго времени отнюдь не объясненный. У примитивнѣйшихъ и наиболѣе низко стоящихъ современныхъ млекопитающихъ, австралійскихъ утконосовъ (рис. 48), имѣется (вполнѣ развитая только у самца) въ высшей степени замѣчательная железа, которая сообщается съ крѣпкой, твердой, снабженной каналомъ роговой шпорой на задней ногѣ. Ея выдѣленіе, выбрасываемое черезъ шпору, повидимому, оказываетъ ядовитое дѣйствіе на нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ млекопитающихъ, но безвредно для человѣка; именно этотъ пунктъ еще не вполнѣ выясненъ. Но противъ предположенія, что здѣсь дѣло идетъ о чисто защитномъ приспособленіи, соотвѣтствующемъ выдѣленіямъ жабъ, говоритъ то обстоятельство, что шпора функціонируетъ только у самцовъ и что железа періодически распухаетъ, какъ будто для своего рода „течки". Можно, стало быть, предположить, что и здѣсь дѣло идетъ объ эротическомъ возбуждающемъ аппаратѣ, съ помощью котораго самецъ раздражаетъ самку. Но, въ такомъ случаѣ, дѣло должно быть чрезвычайно сложнымъ. Вѣроятно, шпора играетъ роль не только щекочущаго аппарата, но, дѣйствительно, впрыскиваетъ самкѣ подъ кожу жидкость,

выдѣляемую железой. Эта жидкость, вѣроятно, дѣйствуетъ на самку не какъ ядъ, а какъ возбуждающій наркотикъ, какъ aphrodisiacum, усиливая похоть. На насъ подобнымъ же образомъ дѣйствуетъ алкоголь и нѣкоторыя другія средства, которыя, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могутъ быть причислены непосредственно къ средствамъ, возбуждающимъ половое влеченіе, хотя очень грубымъ для нашихъ тонкихъ чувствъ и (алкоголь) опаснымъ по своимъ послѣдствіямъ. Но случай съ утконосомъ — если онъ дѣйствительно таковъ, какъ мы предположили — остается единственнымъ въ ряду всѣхъ позвоночныхъ и млекопитающихъ и представляетъ, до нѣкоторой степени, самостоятельную главу въ исторіи любовной жизни. Невозможнаго въ немъ нѣтъ ничего, такъ какъ утконосъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ (кладка яицъ, незначительная теплота тѣла и др.) поразительно отличается отъ всѣхъ остальныхъ млекопитающихъ и представляетъ изъ себя остатокъ низшаго первобытнаго міра, уклонившійся вдобавокъ въ сторону, по боковой линіи развитія, такъ что и въ этомъ пунктѣ онъ можетъ представлять особенность. Но окончательно этотъ вопросъ еще не рѣшенъ.

У массы млекопитающихъ эротическое привлеченіе посредствомъ выдѣленій железъ разыгрывается исключительно на почвѣ запаховъ. Большинство млекопитающихъ обладаетъ очень развитыми органами обонянія, и на эти органы дѣйствуютъ, какъ половое средство, выдѣленія железъ, обладающія часто очень рѣзкимъ запахомъ.

Какой чудовищной силы можетъ достигать запахъ этихъ выдѣленій, показываетъ примѣръ американской вонючки. Въ этомъ случаѣ острая и незаглушимая вонь служитъ, конечно, также оружіемъ. Но я думаю, что въ качествѣ таковаго при-

Рис 48. Австралійскіе утконосы.

мѣняется только концентрированная жидкость, выбрасываемая залпомъ, первоначальная же цѣль этого вещества, запахъ котораго доносится на огромномъ разстояніи, заключается въ привлеченіи половъ издали, при чемъ, конечно, оно выдѣляется въ разведенномъ видѣ, но непрерывно. Какъ далеко можетъ распространяться этотъ „призывный половой запахъ“ у млекопитающихъ, можно судить по красивому самцу маленькаго южноамериканскаго оленя пампасовъ, находящемуся въ берлинскомъ зоологическомъ саду. Въ данномъ случаѣ это рѣзкій запахъ лука, и даже для нашего несчастнаго обонятельнаго органа онъ слышенъ задолго до того, какъ вы подойдете къ рѣшеткѣ, окружающей большую лужайку, отведенную для этой антилопы. Воздухъ въ этой загородкѣ насыщенъ запахомъ лука долго послѣ того, какъ антилопа уже переведена въ хлѣвъ.

Но вся эта группа животныхъ, съ точки зрѣнія исторіи развитія, можетъ быть сведена къ нѣсколькимъ первичнымъ формамъ, еще не обладавшимъ рогами, типическій представитель которыхъ уцѣлѣлъ до настоящаго времени въ лицѣ мускусной кабарги [Moschus moschiferus (рис. 49)]. Этимъ именемъ все сказано. Мускусная кабарга называется такъ не только потому, что она пахнетъ мускусомъ, но и потому, что выдѣленія ея мускуснаго мѣшка съ незапамятныхъ временъ доставляли и доставляютъ ея землякамъ, китайцамъ, а черезъ нихъ и всей нашей культурѣ настоящіе мускусные духи. Но этотъ мускусный мѣшокъ есть не что иное, какъ железа на половой части самца мускусной кабарги.

Нашъ человѣческій носъ, какъ уже было замѣчено, въ этомъ случаѣ сходится съ обоняніемъ маленькаго оленя китайскихъ горъ: для него запахъ мускуса тоже пріятенъ, и болѣе того, вызываетъ чувственное возбужденіе. Почему именно мускусъ оказываетъ такое дѣйствіе, это вопросъ будущей химіи, которой удастся проникнуть въ тайну запаховъ. Несомнѣнно лишь то, что совершенно подобный запахъ часто встрѣчается въ животномъ царствѣ и всегда въ связи съ половымъ возбужденіемъ. О распространенности его свидѣтельствуютъ уже народныя названія: мускусный полипъ, мускусный жукъ. Крокодилы во время течки издаютъ запахъ мускуса; его же мы встрѣчаемъ у бабочекъ. Цѣлыя отдѣленія нашихъ зоологическихъ садовъ пахнутъ мускусомъ. Ничто такъ наглядно не изобличаетъ нашего сходства съ животными, какъ роль мускуса въ нашей эротикѣ.

Что мы неравнодушны и къ другимъ возбуждающимъ запахамъ нашихъ древнихъ родичей, показываетъ такъ называемая бобровая струя, которую наши аптеки до сихъ поръ, хотя все въ меньшихъ и меньшихъ количествахъ, продаютъ какъ средство противъ судорогъ и нервнаго утомленія. Но эта бобровая струя есть не что иное, какъ содержимое железы полового аппарата бобра — въ этомъ случаѣ самца и самки — железы, которая, выдѣляя сильно пахнущее вещество, служитъ любовнымъ цѣлямъ бобровъ.

Человѣкъ и на своей современной культурной высотѣ не обогатилъ область запаховъ, уже раньше выработанныхъ растеніями и животными. Его тончайшіе духи представляютъ смѣсь,

либо подражаніе благороднѣйшимъ ароматамъ цвѣтовъ. При этомъ отъ грубо эротическихъ запаховъ мы еще болѣе удалились; чѣмъ эстетически благороднѣе духи, тѣмъ слабѣе они дѣйствуютъ въ смыслѣ непосредственнаго грубаго возбужденія.

Во всякомъ случаѣ, въ извѣстныхъ кругахъ еще и нынѣ играетъ роль смутная вѣра: что именно человѣческія выдѣленія, принадлежащія къ сильнѣйшимъ производителямъ запаховъ, волосы и потъ, могутъ оказывать любовное дѣйствіе, понимаемое въ данномъ случаѣ болѣе или менѣе мистически.

До сихъ поръ эти выдѣленія играютъ главную роль въ народныхъ „симпатическихъ средствахъ“, имѣющихъ цѣлью при-

Рис. 49. Мускусная кабарга.

вораживать любовными чарами. Но даже и въ тѣхъ кругахъ, гдѣ эти снадобья тайной аптеки неизвѣстны, невинныя души наслаждаются локонами любимаго человѣка или дѣвушки, — существуетъ даже безвредный спортъ: отрѣзать волоса у знаменитыхъ артистовъ. Это — послѣднія, едва понятныя въ такой формѣ, волны великаго дѣйствія запаховъ въ взаимномъ привлеченіи половъ.

За химическимъ чувствомъ должно слѣдовать оптическое, если мы будемъ подниматься снизу вверхъ: чувство зрѣнія.

Зрѣніе также, несомнѣнно, существуетъ уже у одноклѣтныхъ животныхъ. Если я поставлю слѣпого въ комнатѣ съ ярко освѣщенной передней и остающейся въ тѣни задней стѣной, то онъ не сумѣетъ оріентироваться сообразно этой противоположности. Напротивъ, одноклѣтныя простѣйшія растенія, монады, бактеріи всѣхъ родовъ умѣютъ совершенно точно оріентироваться въ односторонне освѣщенной каплѣ, соотвѣтственно темной и свѣтлой сторонѣ. Обыкновенно онѣ переходятъ съ тѣневой стороны

на освѣщенную, иногда же, если свѣтъ черезчуръ ярокъ, уходятъ отъ него обратно въ тѣнь. Ясно: онѣ уже обладаютъ способностью ощущать свѣтъ. Къ этимъ настоящимъ одноклѣточнымъ существамъ примыкаютъ зооспоры, то есть простѣйшія воспроизводительныя клѣтки водорослей. Онѣ тоже направляются „къ свѣту". Гдѣ существуетъ это простое чувство свѣта, тамъ его можно утилизировать для взаимнаго привлеченія половъ, если клѣточка будетъ производить собственный свѣтъ, а другая на него стремиться. Мнѣ неизвѣстно ни одного подобнаго случая приманиванія свѣтомъ у собственно сѣменныхъ и яйцевыхъ клѣтокъ. Но въ высшей степени вѣроятно его существованіе, во многихъ случаяхъ, у безчисленныхъ настоящихъ одноклѣточныхъ организмовъ, такъ какъ многіе изъ нихъ свѣтятся, то есть производятъ собственный свѣтъ.

Бактеріи издаютъ такой яркій свѣтъ, что при немъ можно читать. Океаническія ночесвѣтки освѣщаютъ цѣлыя моря. Явленіе это такъ распространено и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ произвольно, что невозможно усматривать въ этомъ свѣченіи чисто случайное, побочное явленіе клѣточной жизни. Оно должно имѣть цѣль. Но для этихъ существъ, которыхъ половое назначеніе толкаетъ другъ къ другу и которые обладаютъ воспріимчивостью къ свѣтовымъ раздраженіямъ, какая же цѣль можетъ быть важнѣе эротическаго привлеченія посредствомъ свѣта? Все свѣченіе моря явится съ этой точки зрѣнія единымъ грандіознымъ любовнымъ приманиваніемъ. Мы имѣемъ убѣдительныя доказательства того, что у высшихъ животныхъ, гдѣ все можно прослѣдить гораздо отчетливѣе, свѣченіе, тамъ, гдѣ оно существуетъ, въ безчисленныхъ случаяхъ является настоящей любовной приманкой. Во мракѣ ночи и моря животныя с в ѣ т я т ъ другъ другу, какъ Геро Леандру, переплывавшему Геллеспонтъ.

Самый извѣстный и красивый примѣръ представляютъ наши свѣтляки или „Ивановы червячки", у которыхъ оба пола издаютъ очень яркій свѣтъ. Это жуки изъ группы такъ называемыхъ мягкокожихъ жуковъ, а не черви, но именно это народное смѣшеніе указываетъ намъ на важное явленіе. У итальянскихъ видовъ какъ самецъ, такъ и самка обладаютъ крыльями, и слѣдовательно, могутъ оба разыскивать другъ друга при свѣтѣ своихъ фонариковъ. Но у нашихъ туземныхъ формъ, то есть настоящихъ „Ивановыхъ червячковъ", самка дѣйствительно похожа по внѣшнему виду на червяка; она не обладаетъ крыльями, совершенно не умѣетъ летать и поджидаетъ, сидя въ травѣ, самца, летящаго, точно ракета, на любовное свиданіе. Въ этомъ случаѣ ясно видно, какъ удачное средство привлеченія, будучи разъ найдено, утилизируется такъ, что самка можетъ совершенно разстаться съ крыльями. Можно думать, что слѣдующею ступенью этого процесса будетъ сохраненіе способности свѣтиться только за самкой, сидящей въ травѣ или во мху: самецъ же избавится отъ опасности (которая заключается въ возможности привлечь и врага на яркій свѣтъ).

У тропическихъ жуковъ, которые, впрочемъ, не принадлежатъ къ настоящимъ свѣтлякамъ, а родственны нашимъ щелкунамъ (Elateridae), свѣтъ достигаетъ такой силы, что при немъ можно разбирать мелкую печать. Есть разсказъ объ англійскихъ

завоевателяхъ, которые не рѣшились приблизиться ночью къ вестъ-индскому берегу, принявъ огоньки влюбленныхъ жуковъ за факелы готовыхъ къ оборонѣ испанцевъ. Менѣе извѣстенъ фактъ существованія свѣтящихся дождевыхъ червей, уже не разъ подававшихъ поводъ къ разсказамъ о блуждающихъ огняхъ, появляющихся на влажной почвѣ. Нѣкоторыя растенія тоже издаютъ свѣтъ съ цѣлью привлеченія насѣкомыхъ, этого замаскированнаго любовнаго привлеченія. Профанъ, быть можетъ, удивится, услыхавъ о свѣтящихся растеніяхъ. Тѣмъ не менѣе они существуютъ. Правда, вспышки цвѣтовъ герани и мака въ теплые лѣтніе вечера есть только электрическое явленіе, въ родѣ огней св. Эльма, но многіе грибы дѣйствительно свѣтятся, и свѣченіе это имѣетъ цѣлью приманку, какъ и выдѣленіе запаха.

Бразильскій грибъ Dictyophora phalloidea выростаетъ изъ почвы дѣвственнаго лѣса въ какіе-нибудь два часа, съ явственнымъ трескомъ, затѣмъ лопается и выдѣляетъ запахъ особаго рода: рѣзкій запахъ гнилого мяса, приманивающій мухъ, разносящихъ его воспроизводительныя клѣтки. На случай же противнаго вѣтра или просто, чтобы оповѣщать своихъ гостей на болѣе далекомъ разстояніи, онъ при этомъ ярко освѣщаетъ свою внутренность, дѣйствуя такимъ образомъ на глаза мухъ.

Цѣлый міръ, волшебный міръ такихъ свѣтовыхъ дѣйствій, частью эротическаго, частью иного рода, открыли намъ глубоководныя изслѣдованія новѣйшаго времени. На извѣстной глубинѣ въ безднахъ океана царитъ вѣчная ночь. Никакое растеніе не можетъ жить тамъ, потому что не находитъ источника своей жизнедѣятельности, солнечнаго свѣта. Но постоянный дождь микроскопически малыхъ отмирающихъ одноклѣточныхъ растеньицъ (діатомеи) падаетъ въ эти бездны изъ болѣе высокихъ, освѣщенныхъ областей; ими питается чрезвычайно богатый формами міръ животныхъ, представители котораго, кромѣ того, разумѣется не отказываются и отъ мясной пищи, дѣятельно преслѣдуя другъ друга. Здѣсь, въ этомъ черномъ водяномъ тартарѣ, малѣйшая искорка свѣта должна играть важную роль. И тамъ, внизу, всѣ роды животныхъ имѣютъ свѣтящихся представителей. Горятъ, сверкаютъ, искрятся въ волшебныхъ переливахъ красокъ медузы и полипняки, оболочники, морскія звѣзды и черви, а, въ особенности, раки и рыбы.

Раки свѣтятся краснымъ свѣтомъ точно вареные или тащатъ за собою свѣтящуюся слизь. У рыбъ, по произволу ихъ, вспыхиваютъ и погасаютъ красные, зеленые, синіе огни, то изъ подобныхъ фонарямъ органовъ надъ или рядомъ съ большими глазами, то изъ цѣпевидныхъ органовъ по бокамъ тѣла, то изъ своеобразныхъ бородавчатыхъ образованій, колеблющихся передъ мордой на длинныхъ мясистыхъ стебелькахъ, точно электрическія лампочки. Въ многихъ случаяхъ эти утонченныя освѣтительныя приспособленія служатъ очевидно для охотничьихъ цѣлей. Въ послѣднемъ случаѣ покачивающаяся впереди свѣтящаяся лампа, за которой скрывается готовая схватить добычу пасть хищной рыбы, является настоящей приманкой, на которую маленькія рыбки бросаются, принимая ее за свѣтящагося червяка, при чемъ сами становятся жертвою большой. Но во многихъ другихъ случаяхъ и здѣсь повидимому несомнѣнно играетъ роль эротическое привлеченіе.

прежде всего во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ помимо этой положительной цѣли все свѣченіе можетъ только навлекать опасность, и, слѣдовательно, давно бы должно было исчезнуть въ мірѣ цѣлесообразныхъ приспособленій, какимъ является жизнь, если бъ эта невыгодная сторона не перевѣшивалась какой-нибудь значительной выгодой. Разительный примѣръ въ этомъ родѣ представляетъ великолѣпная каракатица, добытая экспедиціей Вальдивіи въ Южномъ полярномъ морѣ. Этотъ представитель рода Enoplotheutis имѣлъ не менѣе двадцати четырехъ свѣтящихся органовъ на своемъ тѣлѣ, именно по два на каждой изъ большихъ „рукъ", по пяти вокругъ каждаго глаза, остальные въ видѣ тройного ряда бугорковъ на брюхѣ. Любовная жизнь каракатицъ чрезвычайно дѣятельна и соотвѣтствуетъ высокой духовной и тѣлесной энергіи этихъ высшихъ представителей своего типа. (Каракатица принадлежитъ, подобно улиткѣ, къ типу мягкотѣлыхъ.) Въ неаполитанскомъ акваріумѣ можно по цѣлымъ часамъ наблюдать, какъ влюбленные самцы каракатицы дерутся изъ-за самки, какъ обладатель самки ревниво стережетъ ее и бѣшено защищаетъ. При этомъ самцы, смотря по темпераменту и настроенію, обнаруживаютъ яркую игру красокъ кожи, которая, какъ у хамелеона, быстро мѣняетъ цвѣтъ. Дѣятельный гнѣвъ при изгнаніи соперника порождаетъ совершенно иныя, гораздо болѣе яркія краски — напримѣръ зебровидную зигзагообразную полосатость, — чѣмъ бездѣятельное спокойствіе. При этомъ зрѣлищѣ трудно избѣжать предположенія, что и само половое возбужденіе можетъ вызывать здѣсь опредѣленныя краски, которыя, въ свою очередь, дѣйствуютъ возбуждающимъ и раздражающимъ образомъ на другого участника любовной игры.

Относительно вышеупомянутой удивительной каракатицы изъ морскихъ безднъ возникаетъ вопросъ, не играетъ ли ея свѣченіе въ этомъ смыслѣ двойную эротическую цѣль: свѣтъ вообще приманиваетъ издали, на близкомъ же разстояніи спеціальная игра красокъ усиливаетъ эротическую страсть другого пола, какъ у бабочекъ сладкій запахъ самца. Это возвращаетъ насъ отъ оптической стороны къ затронутымъ уже проблемамъ, заставляя въ то же время перейти отъ простого ощущенія свѣта, въ смыслѣ различенія темнаго и свѣтлаго, къ болѣе сложному зрительному акту дѣйствительной оцѣнки различныхъ к р а с о к ъ, а также и пластическихъ ф о р м ъ, въ его значеніи для эротики.

Какъ и всѣ наши чувства, зрѣніе лишь постепенно, въ теченіе органическаго развитія, образовало свой все болѣе и болѣе утончавшійся органъ.

Первоначально все живое вещество было чувствительно къ свѣту. Затѣмъ чувство свѣта ограничилось у одно- и многоклѣточныхъ организмовъ тѣмъ слоемъ тѣла, который одинъ практически годился для зрѣнія, именно наружнымъ покровомъ, кожей. Организмы „видѣли" всей кожей тѣла. Слѣдующій шагъ былъ сдѣланъ въ томъ смыслѣ, что въ отдѣльныхъ мѣстахъ кожи свѣтъ какъ бы концентрировался и поглощался для использованія организмомъ. У многоклѣточныхъ существъ отдѣльныя клѣточки и группы клѣтокъ спеціально приспособились для этого поглощенія свѣта. Они образовали чечевицы и фокусы, концентрирующіе свѣтъ на воспринимающей части живого вещества.

Этотъ шагъ, какъ мы знаемъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій, былъ сдѣланъ уже растеніями, которыя, какъ извѣстно, нуждаются въ свѣтѣ для построенія своего тѣла. Въ извѣстномъ уже раньше свѣтящемся мхѣ, а, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, во всѣхъ зеленыхъ клѣткахъ вообще, растенія устраиваютъ вспомогательные аппараты, служащіе для концентрированія свѣта.

У подвижныхъ существъ, то есть, прежде всего, у высшихъ животныхъ, пользующихся свѣтомъ главнымъ образомъ для того, чтобы съ его помощью оріентироваться въ пространствѣ, отыскивать пищу, избѣгать препятствій и враговъ, этотъ путь долженъ былъ привести, съ одной стороны, къ постепенно совершенствуемымъ чечевицамъ и вспомогательнымъ аппаратамъ этого рода, а съ другой ко все болѣе утонченной свѣтовой чувствительности за этими чечевицами. Въ такихъ концентрированныхъ „свѣтовыхъ органахъ" безусловно необходимымъ послѣдствіемъ явилось обостреніе способности различать противоположности свѣта, его разныя степени. Стали различаться цвѣта, какъ скала различныхъ свѣтовыхъ раздраженій, болѣе свѣтлыя и болѣе темныя мѣста, болѣе и менѣе значительныя по величинѣ свѣтовыя пятна, формы освѣщенныхъ тѣлъ, и, наконецъ, въ связи съ чувствомъ осязанія и при его содѣйствіи, болѣе близкія и болѣе далекія образованія, — такимъ образомъ была достигнута высшая ступень: пластическое, перспективное зрѣніе.

Стадіи этого процесса тянутся черезъ весь животный міръ до насъ. Явственно развитые органы зрѣнія встрѣчаются уже у животныхъ формъ, которымъ профанъ приписалъ бы что угодно, только не глаза: на краю колокола медузъ, на верхушкахъ лучей морскихъ звѣздъ, на краю мантіи сердцевидокъ. Но что этотъ органъ примѣняется уже въ только что указанномъ высшемъ значеніи животными, о томъ свидѣтельствуютъ съ безусловною достовѣрностью опять таки насѣкомыя своими посѣщеніями высшихъ растеній, въ качествѣ разносителей цвѣточной пыли. Сами по себѣ, какъ уже сказано, бабочки, пчелы, шмели, мухи и т. д. эротически не заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Но они видятъ, — видятъ краски и формы своими глазами несомнѣнно подобно тому, какъ мы ихъ видимъ.

Эти цвѣты во всѣхъ деталяхъ своего строенія съ точностью человѣческаго инструмента разсчитаны на посѣщеніе насѣкомыхъ и осуществленіе его цѣли: оплодотворенія. Всевозможнаго рода автоматическіе вспомогательные аппараты, дуги, подпорки, ловушки приспособлены не только вообще для насѣкомыхъ, но часто для извѣстныхъ видовъ насѣкомыхъ. Иногда цвѣтокъ широко раскрытъ, какъ у магноліи, такъ что крупные жуки могутъ доставать нектаръ и при этомъ осуществлять оплодотвореніе. Иногда, напротивъ, трубочка цвѣтка узкая и различной длины, для пчелъ, шмелей, бабочекъ. Нерѣдко по длинѣ ея можно точно опредѣлить, какая бабочка посѣщаетъ цвѣтокъ: трубочка вполнѣ соотвѣтствуетъ длинѣ ея хоботка. Кирказонъ и ароидникъ даже задерживаютъ мухъ въ плѣну на нѣсколько часовъ, пока тѣ не совершатъ опыленія. Что при такомъ крайнемъ приспособленіи для насѣкомыхъ цвѣты должны пытаться приманивать ихъ издали, это уже не гипотеза, а простое слѣдствіе изъ

факта. Одинъ изъ способовъ приманки, о которомъ уже было говорено, — запахъ. Но и ребенокъ можетъ замѣтить въ любомъ саду, что цвѣты еще болѣе обращаютъ на себя вниманіе своими красками. Развѣ не это неописуемое великолѣпіе красокъ прежде всего привлекаетъ наше человѣческое вниманіе? Что можетъ сравниться съ огненными красками клумбы пеларгоній или съ золотомъ группы примулъ? Но ближайшее разсмотрѣніе покажетъ, что дѣйствительными адресатами здѣсь опять таки могутъ быть только насѣкомыя.

Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ только цвѣты, то есть половыя части растеній, обладаютъ этимъ великолѣпіемъ красокъ. Тамъ, гдѣ (какъ, напримѣръ, у тропическихъ бугенвилій) настоящіе листья также принимаютъ великолѣпную красную или фіолетовую окраску, характерно то, что эти окрашенные листья сидятъ подлѣ самаго соцвѣтія, тогда какъ остальныя имѣютъ нормальный зеленый цвѣтъ [1]. Но опять таки лишь тѣ цвѣты обладаютъ крупной величиной и яркими красками, которые обычно посѣщаются и оплодотворяются насѣкомыми: тамъ, гдѣ роль любовнаго посредника беретъ на себя вѣтеръ, переносящій цвѣточную пыль съ соцвѣтія на соцвѣтіе, цвѣты остаются маленькими и невзрачными, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ наши сережковыя, напр. орѣшникъ и береза, наши злаки и нашъ хмѣль (цвѣты котораго остаются зелеными подобно листьямъ). Если же начать разбирать детали окраски нашихъ пестрыхъ цвѣтовъ, то не трудно убѣдиться, что краски распредѣлены такъ, чтобы служить указателями пути для глаза насѣкомыхъ.

Извѣстныя противоположности въ окраскѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, указываютъ на входъ въ нектарій, который долженъ быть найденъ насѣкомымъ. Уже въ восемнадцатомъ столѣтіи честный ректоръ въ Шпандау, Христіанъ Конрадъ Шпренгель сдѣлалъ это открытіе, которое доставило ему счастье и несчастье. Счастье, — потому что его наивная благочестивая душа усмотрѣла здѣсь удивительную гармонію, предустановленную Богомъ, между цвѣткомъ и насѣкомымъ: цвѣтокъ приманиваетъ насѣкомое своимъ нектаромъ, а насѣкомое избавляетъ его отъ вредныхъ послѣдствій самоопыленія и отдаетъ свою способность двигаться на службу его любви. Несчастье, — потому что современники не поняли его, и его важное само по себѣ открытіе принесло ему потерю мѣста и бѣдственную жизнь. Главнымъ образомъ миловидная незабудка съ ея невиннымъ личикомъ разъяснила ему, какія утонченныя средства примѣняются здѣсь для достиженія великой цѣли природы. Именно, желтое колечко внутри небесно-голубого вѣнчика есть ни что иное, какъ такой указатель пути къ накрытому столу для насѣкомаго, подобный издали видной вывѣскѣ гостиницы.

Въ девятнадцатомъ столѣтіи великій Дарвинъ сдѣлалъ это открытіе безспорнымъ достояніемъ изслѣдованія. Глазъ насѣ-

---

[1] Такія растенія есть и въ нашей флорѣ, напр. лѣсная Иванъ-да-Марья (Melampyrum nemorosum) съ фіолетовыми листями-прицвѣтниками, селезоночникъ (Chrysosplenium alternifolium) съ золотистыми зеленовато-желтыми листочками, окружающими невзрачный самъ по себѣ цвѣтокъ, и друг. Ко всѣмъ имъ прилагается то же правило: окрашенные листья сидятъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ цвѣтами. *Переводч.*

комаго такъ же, какъ нашъ, человѣческій глазъ, руководится извѣстными красками. Особенно ясно различаетъ ихъ глазъ бабочки. Конечно, когда большіе бражники разыскиваютъ вечеромъ цвѣты, способность различать краски приноситъ имъ мало пользы: тутъ надежнѣе дѣйствуетъ запахъ. Характерно однако, что бѣлоснѣжный вьюнокъ почти лишенъ запаха, такъ какъ его ослѣпительная бѣлизна и въ глубокой темнотѣ бросается въ глаза. Но когда усѣянный цвѣтами лугъ озаренъ дневнымъ свѣтомъ, дѣйствуетъ уже не просто бѣлое, какъ контрастъ, — дѣйствуютъ отдѣльные цвѣта, какъ таковые, предлагая себя, если можно такъ выразиться, на выборъ. И врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что извѣстныя насѣкомыя предпочитаютъ извѣстные цвѣта, болѣе возбуждаются ими, чѣмъ другими.

Бабочки, повидимому, предпочитаютъ темносиній и яркокрасный цвѣта. Этимъ можно объяснить, почему альпійскіе луга, на которыхъ опыленіе цвѣтовъ совершается почти исключительно при помощи бабочекъ, отличаются яркостью великолѣпныхъ синихъ горечавокъ и красныхъ альпійскихъ розъ. Здѣсь для растеній имѣло силу то, что было отмѣчено выше для бабочекъ: постоянное предпочтеніе красныхъ и синихъ цвѣтовъ насѣкомыми, на протяженіи тысячелѣтій, привело наконецъ къ вытѣсненію и вымиранію иначе окрашенныхъ цвѣтковыхъ растеній, такъ какъ, пренебрегаемыя бабочками, послѣднія не могли осуществлять перекрестнаго опыленія. Современныя краски альпійскаго луга, восхищающія нашъ взоръ, являются въ такомъ случаѣ результатомъ подбора со стороны порхающихъ по нимъ красивыхъ бабочекъ.

Въ этомъ направленіи работала мысль Дарвина и въ особенности его геніальнаго ученика Германа Мюллера. Они попытались перешагнуть черезъ простую, предустановленную Богомъ гармонію ректора Шпренгеля изъ Шпандау, добраться до подлиннымъ историческихъ вопросовъ, касающихся сущности вещей. Но путь къ этому, чѣмъ дальше, тѣмъ все труднѣе и тернистѣе, и наша мысль сначала только порхаетъ по ней, на подобіе бабочки.

Сущность этой новой мысли заключается въ томъ, что и здѣсь, какъ въ вопросѣ о запахахъ, только въ другомъ масштабѣ, это наслажденіе красками и выборъ красокъ со стороны животныхъ также должны играть роль въ ихъ собственной любовной жизни. Если бабочка предпочитаетъ у своихъ „трактирныхъ вывѣсокъ“, медоносныхъ цвѣтовъ, извѣстныя яркія краски и такимъ образомъ осуществляетъ ихъ подборъ, то не трудно придти къ заключенію, что и въ отношеніяхъ между собою эти бабочки обращаютъ вниманіе на яркія краски, и что при вышеописанномъ выборѣ самца самкою съ незапамятныхъ временъ какъ самые пахучіе, такъ и наиболѣе ярко окрашенные самцы производили сильнѣйшее впечатлѣніе на самку. Въ такомъ случаѣ и здѣсь весь родъ бабочекъ постоянно шелъ впередъ, вырабатывая, путемъ послѣдовательнаго брачнаго подбора, все болѣе и болѣе яркую окраску. Но кто не знаетъ такъ часто повторяемаго въ мировой литературѣ сравненія пестраго великолѣпія цвѣтовъ на лугу съ полчищемъ бабочекъ, которыя сами выглядятъ точно отдѣлившіеся отъ стебелька, свободно порхающіе пестрые цвѣты? Прекраснѣйшая лазурь горечавки, багряный цвѣтъ альпійской

розы не сравнятся съ небесноголубыми шелковистыми крылышками голубокъ (Lycaenidae), съ несравненнымъ темносинимъ отливомъ трепещущихъ крыльевъ антіопы, или съ красными полосками на крыльяхъ адмирала, съ червоннымъ золотомъ многоцвѣтницы (Polyommatus). Чего никогда не могъ достигнуть ни одинъ цвѣтокъ, то осуществили нѣкоторыя маленькія совки, такъ называемыя золотыя совки (Plusia), у которыхъ на верхней сторонѣ крыльевъ красуются золотыя полоски самаго яркаго металлическаго блеска. Кто когда-нибудь разсматривалъ въ коллекціи натуралиста при помощи увеличительнаго стекла нашихъ мельчайшихъ бабочекъ, въ особенности столь проклинаемыхъ молей, тому навѣрно не разъ казалось, что онъ попалъ на выставку художественныхъ издѣлій, гдѣ въ неисчерпаемомъ разнообразіи разложены вышитыя золотомъ и пурпуромъ кружевныя одежды.

Но все это лишь слабый отблескъ того, что доставляютъ въ этомъ отношеніи тропики. Самыя странныя, причудливыя экзотическія орхидеи съ ихъ огромными, въ ладонь величиной, удивительными цвѣтами не выдерживаютъ сравненія съ красотой порхающихъ по нимъ бабочекъ. Когда я вынимаю изъ коробки Urania croesus и показываю посѣтителю игру ея красокъ въ лучахъ свѣта, самый равнодушный, самый пресыщенный поражается этимъ неслыханнымъ великолѣпіемъ и невольно восклицаетъ: „Какъ возможно такое чудо?“ Это бабочка по очертаніямъ похожа на нашего махаона (ласточкинъ хвостъ), но гораздо большей величины. Переднія крылья вверху великолѣпнѣйшаго золотистосмарагдоваго цвѣта, по этому блистающему атласному фону раскинуто широкими петлями черное шелковое кружево. На гигантскихъ заднихъ крыльяхъ этотъ смарагдово-зеленый цвѣтъ, также оттѣняемый чернымъ кружевомъ, переходитъ сначала въ несравненный свѣтлый небесноголубой, но съ блескомъ драгоцѣннаго камня, подобнымъ голубоватому сіянію брильянта или голубому отливу колоссальнаго опала. Основаніе крыла свободно отъ кружевъ и чисто золотое. Въ этомъ яркозолотомъ солнцѣ мерцаетъ и переливается, какъ гигантское солнечное пятно, нѣжное, безъ рѣзкихъ очертаній облако, красное съ фіолетовымъ налетомъ. Нѣтъ такого драгоцѣннаго камня, рубина или аметиста, который хоть отдаленно подходилъ бы къ переливамъ этого фіолетоваго цвѣта въ пурпурнокрасный. Если эту бабочку, истиннаго Креза, вертѣть на свѣту, то при извѣстномъ положеніи, она разсыпаетъ искры, какъ бываетъ, когда свѣчка на рождественской елкѣ внезапно задѣнетъ прядь золотой канители. Здѣсь на заднемъ крылѣ прозрачнѣйшая зелень моря служитъ фономъ для кружева, но вотъ — словно полная луна потянула свою зеркальную полосу по темнозеленому океану — топленое золото заливаетъ всю ширину крыла. Легкой тѣнью выступаетъ оранжевый налетъ, нѣжный какъ нектаріи желтыхъ цвѣтовъ. Тамъ, гдѣ зелень моря окаймляется золотыми волнами, выступаютъ, точно пестрыя медузы, спасающіяся въ полосу тѣни отъ черезчуръ яркаго свѣта, сапфирноголубыя пятна, окаймленныя пурпуромъ. Наконецъ, извилистые края всего крыла обрамлены нѣжной, мягкой, шелковистой бѣловатой бахромой, какъ бы нѣжнымъ ореоломъ, въ которомъ это сказочное великолѣпіе предстаетъ передъ глазами профановъ.

Человѣческій языкъ слишкомъ жалкая вещь, чтобъ описать всѣ эти чудеса Urania croesus. Но еще чуднѣе этого естественнаго чуда мысль, что все это великолѣпіе результатъ зрительнаго наслажденія пестрой яркостью красокъ самихъ этихъ бабочекъ, въ связи съ эротическимъ возбужденіемъ, — стало быть, одинъ изъ тѣхъ цвѣтковъ, которые любовь насадила на своемъ пути. Сначала результатъ зрительнаго наслажденія самки, изъ-за которой вѣчно соперничали самцы; но затѣмъ, въ силу наслѣдственности, общее, постоянно нароставшее, достояніе обоихъ половъ. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе того, что самки всегда выбирали наиболѣе яркихъ самцовъ, потомки этихъ отборныхъ представителей, согласно общеизвѣстнымъ законамъ наслѣдственности, въ свою очередь являлись на свѣтъ съ задатками усиленной яркости красокъ; а такъ какъ въ образованіи каждаго новаго существа, все равно мужского или женскаго пола, отецъ, въ силу внутренняго закона наслѣдственности, участвовалъ въ такой же мѣрѣ, какъ мать, то этотъ выборъ, въ концѣ концовъ, оказывался на пользу самому женскому полу, сообщая и ему яркія краски.

Краски, — а также и формы. Краски уже сами по себѣ по существу дѣло формы. Когда мы видимъ зеленое, красное или голубое тѣло, мы собственно видимъ вмѣстѣ съ тѣмъ форму его поверхности, заставляющую его выдѣлять изъ бѣлаго свѣта и посылать въ нашъ глазъ зеленые, красные или голубые лучи. Бабочкино крыло можетъ еще рѣзче напомнить о томъ, что его краски связаны съ извѣстными образованіями, вышеупомянутыми чешуйками, которыя различаются, какъ явственныя формы, въ любое увеличительное стекло. Но красота, поразительность такого крыла вообще обусловлена не только красками. Его очертанія, его извилистый край съ хвостиками, какъ у махаона (тропическія бабочки представляютъ въ этомъ отношеніи еще болѣе экстравагантныя формы), тоже играютъ роль. У миловидныхъ птерофоридъ все крыло расщеплено на нѣжныя перистыя арабески. Есть даже удивительныя бабочки, у которыхъ расположеніе красокъ на поверхности крыльевъ вызываетъ впечатлѣніе рельефныхъ формъ. У великолѣпной бабочки Actias selene на верхнемъ краю передняго крыла бурый рисунокъ по блѣднозеленому полю до обмана напоминаетъ вѣточку съ цвѣточными почками, — при чемъ почка выступаетъ рельефно благодаря окружающей тѣни, правильно сходящей на-нѣтъ. Огромные нижніе глазки ночной бабочки Attacus polyphemus оттѣняютъ удивительно вѣрными тонами, которыхъ не могъ бы лучше воспроизвести никакой художникъ, пестрое боченковидное тѣло, выходящее наискось изъ чернаго отверстія и напоминающее коротенькій плодъ хвойнаго (напримѣръ, ягоду можжевельника или кипариса). Пластическая форма здѣсь опять-таки искусственно проецирована на плоскости, и сколько времени глазъ, осуществившій это путемъ подбора, самъ долженъ былъ практиковаться въ воспріятіи такихъ формъ!

Я думаю, что, при изслѣдованіи этого труднаго вопроса, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать одного. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ природѣ существуетъ чрезвычайное множество образованій, формы которыхъ построены по извѣстнымъ ритмическимъ законамъ и чаруютъ, какъ „прекрасныя", нашъ человѣческій глазъ, воспріимчивый къ такимъ гар-

моническимъ линіямъ. Но эти образованія, однако, не имѣютъ безусловно ни малѣйшаго отношенія къ „эротическому подбору“. Они встрѣчаются уже въ неорганическомъ мірѣ, какъ, напр., кристаллы. Въ области жизни они въ сильной степени развиты у въ высшей степени примитивныхъ одноклѣточныхъ существъ, частью такихъ, которыя еще не обладаютъ регулярнымъ половымъ воспроизведеніемъ, вообще же у такихъ, которыя, въ отношеніи своего зрительнаго аппарата, еще почти или вовсе не перешагнули стадіи простѣйшаго различенія темнаго и свѣтлаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что у такихъ примитивныхъ существъ еще и рѣчи быть не можетъ о сложномъ эротическомъ выборѣ въ томъ смыслѣ, какъ мы находимъ у бабочекъ. Но стоитъ пересмотрѣть атласъ рисунковъ, напримѣръ приложенный къ сочиненію Геккеля о радіоляріяхъ, чтобъ видѣть, какія изящныя орнаментальныя формы выработаны этими одноклѣтниками въ ихъ кремневыхъ панцыряхъ. Пока существуютъ только совершенно безпочвенныя предположенія (почти не заслуживающія этого названія) о причинной связи, которая могла бы намъ объяснить эту „тенденцію природы къ ритму“. Въ кристаллѣ (границы котораго по отношенію къ низшимъ органическимъ образованіямъ въ настоящее время послѣ удивительнаго открытія „жидкихъ кристалловъ“, колеб-лются быть можетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо) мы отодвинули бы эту ритмическую строительную силу въ область дѣятельности и свойствъ невидимыхъ элементовъ этого неорганическаго образованія, непредставимо малыхъ частицъ, называемыхъ молекулами. Почему эти молекулы въ процессѣ кристаллизаціи упорно и наперекоръ всѣмъ препятствіямъ стремятся или принуждаются къ сочетанію въ математически правильныя формы, математически гармоничныя отношенія, это неразрѣшимая тайна, — но это фактъ.

Можно установить въ качествѣ логическаго мірового закона, что вся міровая дѣятельность, всѣ міровые процессы, предоставленные самимъ себѣ, съ теченіемъ времени должны приводить къ гармоническимъ положеніямъ равновѣсія, къ извѣстному математическому расположенію частицъ, разсчитанному на постоянную убыль возмущеній; это лежитъ въ самой первичной логикѣ, которая связываетъ съ равновѣсіемъ, съ гармоніей, съ внутреннимъ взаимнымъ приспособленіемъ движеній возможность длительнаго существованія, тогда какъ все дисгармоническое постоянно растаптываетъ и стираетъ само себя. Этотъ логическій законъ, въ теченіе безконечныхъ періодовъ времени, сформировалъ изъ дикаго хаоса безпорядочно толкущихся молекулъ газа нашу звѣздную систему, нашу планетную систему, какъ длящіяся образованія, формы движенія которыхъ, охватываемыя глазомъ, какъ единое цѣлое, безъ сомнѣнія представляются удивительнымъ произведеніемъ небеснаго искусства, величественной симфоніей. Но этотъ космическій первичный законъ проявляется и въ другихъ областяхъ. Онъ дѣйствуетъ не только въ звѣздныхъ пространствахъ, но и въ приспособленіяхъ живыхъ существъ къ окружающей средѣ, и во всякой соціальной организаціи съ цѣлью взаимопомощи. Онъ господствуетъ въ духовныхъ явленіяхъ природы, гдѣ всякое приближеніе къ порядку, равновѣсію испытывается какъ счастье, какъ блаженство, а всякая дисгармонія—какъ боль.

Мы можемъ представить себѣ дѣйствіе этого закона и въ кристаллѣ и въ радіоларіи, и, безъ сомнѣнія, онъ, дѣйствительно, такъ или иначе находитъ здѣсь приложеніе. Но отсюда еще безконечное разстояніе до настоящаго, детальнаго пониманія. Этотъ простой законъ еще не объясняетъ намъ многообразія ритмическихъ расположеній частицъ въ кристаллахъ, не объясняетъ возникновенія нѣсколькихъ тысячъ различныхъ кремневыхъ орнаментовъ радіолярій. Здѣсь должны играть роль внутреннія колебанія, въ игру которыхъ нашъ грубый взглядъ не въ силахъ проникнуть. При изученіи органическаго міра часто испытываешь впечатлѣніе, какъ будто именно тамъ, гдѣ уже достигнута извѣстная грубая организація, извѣстныя общія защитныя приспособленія, избавляющія отъ самыхъ дикихъ формъ борьбы за существованіе и обезпечивающія извѣстное внѣшнее спокойствіе и длительное существованіе, именно тамъ и начинается таинственная внутренняя игра распредѣленія невидимыхъ мелкихъ частицъ, изъ которыхъ строится организмъ: лишь послѣ этого намъ начинаютъ бросаться въ глаза попытки образованія формъ на основѣ внутренняго, независимаго отъ грубыхъ внѣшнихъ приспособленій, ритма; получается даже впечатлѣніе, какъ будто, освободившись отъ внѣшнихъ заботъ, организмъ или видъ работаютъ все художественнѣе и тоньше, все ритмически одухотвореннѣе. На этой линіи (признавая ея причину въ тѣсномъ смыслѣ еще не опредѣленной ясно) стоятъ передъ нашими глазами, въ рядахъ растеній и животныхъ, безчисленныя, ритмически распредѣленныя и по извѣстнымъ молчаливымъ законамъ гармонизированныя краски и формы, возникающія непосредственно изъ глубочайшихъ нѣдръ формообразованія эти краски и формы, можно сказать, не нуждаются въ обходномъ пути, проходимомъ при посредствѣ чего-либо эротическаго или даже эротически возбужденнаго и выбирающаго глаза.

Но столь же вѣрнымъ кажется мнѣ второй пунктъ.

У большого числа животныхъ, стоящихъ уже не на самой низкой ступени, животныхъ съ богатой, тѣлесно и душевно очень дѣятельной, рѣзко распредѣленной между двумя полами любовной жизнью, эти ритмы формъ и красокъ, эти „прелести“ тѣла, накопились и разрослись въ несомнѣнной связи съ половой жизнью, съ эротикой. Нельзя однако отрицать и того, что именно эти животныя сами уже обладаютъ хорошо развитой способностью къ зрѣнію и различенію. Но, въ отношеніи этого зрѣнія, важно опять таки замѣтить слѣдующее.

Разъ уже глазъ животнаго вообще развился настолько, чтобы различать краски и формы, извѣстныя, вполнѣ опредѣленныя дѣйствія были неизбѣжны. Извѣстныя формы, извѣстныя сочетанія красокъ должны были дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ другія. Весьма распространенная ошибка въ этомъ отношеніи — мнѣніе, будто животныя должны обладать уже высокимъ „эстетическимъ пониманіемъ“, чтобы реагировать такимъ образомъ. Задолго до эстетическаго пониманія (о которомъ въ примѣненіи къ животнымъ, стоящимъ ниже человѣка, по всей вѣроятности, не можетъ быть и рѣчи въ собственномъ смыслѣ слова), у всякаго организма, надѣленнаго хорошимъ зрѣніемъ, уже дѣйствуютъ совершенно автоматически тѣ основные законы

эстетической оцѣнки, которые такъ превосходно разъяснилъ Фехнеръ.

Смѣна впечатлѣній дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ ихъ однообразіе. Ритмически единый, легко охватываемый какъ цѣлое при всемъ многообразіи деталей, гарантирующемъ отсутствіе монотонности, орнаментъ воспринимается глазомъ легче, чѣмъ безсвязный хаосъ разрозненныхъ деталей, и этой легкости воспріятія соотвѣтствуетъ гармоническое впечатлѣніе, пріятное впечатлѣніе. Подъемъ увлекаетъ, паденіе отталкиваетъ. Извѣстныя краски раздражаютъ непосредственно сильнѣе, чѣмъ другія: чистый голубой или красный цвѣта сильнѣе, чѣмъ бурый или сѣрый. При созерцаніи красокъ играютъ роль дополнительные цвѣта: глазъ легче переходитъ отъ краснаго къ зеленому (послѣ пристальнаго разсматриванія краснаго даже возникаетъ само собой впечатлѣніе дополнительнаго зеленаго), чѣмъ отъ краснаго къ синему. Эти и подобныя вещи воспринимаетъ и самый грубый дикарь, и малый ребенокъ, и можно считать не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію фактомъ, что и животное, разъ оно обладаетъ правильно устроеннымъ глазомъ, воспринимаетъ ихъ.

Въ сущности, это только приводитъ насъ къ другой мысли. Эти психическіе законы ощущенія тоже сводятся къ принципу гармоніи вещей. Конечно, есть нѣчто грандіозное въ идеѣ, что воспринимающая нервная система, въ сущности, выполняетъ и проявляетъ то самое, что въ другой связи извлекли изъ глубочайшихъ нѣдръ того же организма сами эти ритмы красокъ и формъ (до кремневыхъ панцырей радіоларій и еще дальше внизъ). Единство всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ явленій въ области жизни и, можетъ быть, всего міра становится при этомъ удивительно яснымъ, хотя мы и не должны скрывать отъ себя, что внутренніе переходы отъ одного проявленія къ другому еще отнюдь не уяснились для насъ.

Но если, какъ сказано, уже это тѣлесное „ритмизированіе" вещей всего сильнѣе выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда организмъ освобожденъ отъ извѣстныхъ грубыхъ требованій простой борьбы за существованіе, то, въ еще большей степени, это прилагается къ духовному воздѣйствію. Дикарь, которому угрожаетъ опасность отравленія ядовитыми плодами, срываетъ при случаѣ не ярко красный плодъ, а грязно-бурый, такъ какъ опытъ показалъ, что послѣдній болѣе безопасенъ. Такъ и у животныхъ вырабатываются въ борьбѣ за существованіе многообразныя ассоціаціи полезности, связанной съ извѣстными красками и формами, безотносительно къ непосредственнымъ дѣйствіямъ. Названныя выше насѣкомыя предпочитаютъ грязно-фіолетовые или бурые, при томъ вонючіе, цвѣты, потому что связываютъ съ ними представленіе о падали, которую привыкли разыскивать для кладки яицъ. Тотъ или другой яркій оранжевый или сѣрножелтый цвѣтъ избѣгается другими животными, потому что издавна ассоціировался для нихъ съ ядовитыми зубами, жаломъ или кожными выдѣленіями; въ самомъ дѣлѣ, такой окраской обладаютъ огненная саламандра, ядовитая ящерица Heloderma, осы и шершни, несъѣдобные бабочки и жуки и т. д. Такимъ образомъ, чистая реакція на эти непосредственныя дѣйствія формъ и красокъ наступитъ лишь тамъ, гдѣ такія ассоціаціи по воз-

можности устранены, а нервная система тѣмъ не менѣе находится въ состояніи возбужденія, которое дѣлаетъ ее очень воспріимчивой къ разницѣ раздраженій. Но это условіе всего полнѣе осуществляется въ періодъ любви и привлеченія половъ.

Въ періодъ любви болѣе грубая борьба за существованіе, дѣйствительно, какъ бы устраняется на время для животнаго. Любовь дѣлаетъ смѣлымъ, говорятъ и у насъ. Но она доходитъ до дерзости. Животныя, которыя въ другое время робко прячутся, въ вѣчномъ страхѣ попасться на глаза болѣе сильному врагу, выходятъ изъ своихъ убѣжищъ и бросаются въ глаза даже невнимательному. „Безмолвіе лѣса", которое часто дѣйствуетъ такъ устрашающе своей мертвой тишиной, есть въ большинствѣ случаевъ безмолвіе напуганной твари въ непрерывной борьбѣ за существованіе. Все прячется, все бѣжитъ; вамъ кажется, что вы одиноки среди растеній, хотя все вокругъ васъ кишитъ животными. Полная противоположность — рѣзкій, раздающійся съ самаго открытаго конца вѣтви, крикъ скрытнѣйшаго изъ скрытныхъ: влюбленнаго дятла; непрестанный призывъ кукушки; ревъ оленя во время течки (рис. 50), часами раздающійся въ лѣсу. Я могъ бы дотронуться палкой до парочки влюбленныхъ бѣлокъ, сбѣгающихъ тѣсными спиралями по стволу до самой земли, и нисколько не потревожить ихъ. Жаба во время любовнаго акта даетъ себя раздавить, не прекращая своего дѣла. Даже у тѣхъ видовъ животныхъ, гдѣ индивидуумы одного и того же вида при встрѣчѣ стараются растерзать и съѣсть другъ друга (пауки, кроты), періодъ течки представляетъ моментъ мира, табу; у пауковъ, правда, часто лишь на самый короткій промежутокъ времени. У очень многихъ животныхъ періодъ любви связанъ съ избавленіемъ отъ всякихъ хлопотъ по части добыванія пищи въ силу того простого обстоятельства, что они въ это время голодаютъ. Лососи голодаютъ во время ихъ любовнаго странствія вверхъ по рѣкамъ; морскіе коты голодаютъ въ теченіе всего любовнаго періода, который они проводятъ на берегу. Любовь питается сама собою: намъ снова приходится вспомнить человѣческіе афоризмы. Но именно этотъ пунктъ снова возвращаетъ насъ къ бабочкамъ.

Собственно питающееся животное у нихъ гусеница, которая не знаетъ любви. Любящее животное, бабочка, сосетъ нектаръ какъ бы изъ баловства, — какъ пьютъ шампанское, только для возбужденія. Здѣсь налицо всѣ условія, чтобы животное (по крайней мѣрѣ, въ теченіе короткой стадіи своего существованія) могло подняться на высоту воспріимчивости къ чистымъ различіямъ раздраженія самимъ по себѣ, безъ осложняющаго балласта другихъ инстинктивныхъ вліяній. И именно бабочки, именно эти стадіи любви въ метаморфозѣ насѣкомыхъ, являются намъ со всевозможными ритмически поразительными и прекрасными образованіями. Гусеница тоже не лишена подобныхъ образованій. Она очевидно тоже находится подъ вліяніемъ общаго, въ эту сторону дѣйствующаго, темнаго основного принципа. Но замѣчательно, что всѣ ея краски и формы приспособлены къ чисто защитнымъ цѣлямъ въ борьбѣ за существованіе. Она носитъ зеленую окраску съ тонкими жилками, чтобы быть менѣе замѣт-

ной на зеленомъ листѣ. Безъ глубочайшей тенденціи къ ритмическимъ образованіямъ и повтореніямъ это, я согласенъ, вѣроятно никогда бы не осуществилось. Но развитіе совершилось здѣсь вполнѣ очевидно только по линіи защитнаго приспособленія. Другія гусеницы одѣты волосками, предохраняющими ихъ отъ поѣданія. У бабочки же все это обстоитъ совершенно иначе. Ярко окрашенная верхняя сторона крыльевъ дневныхъ бабочекъ явно не служитъ для защиты; напомнимъ хотя бы о томъ, что у всѣхъ нашихъ туземныхъ видовъ отсутствуетъ именно зеленый цвѣтъ, наилучше защищающій въ лѣсу и на лугу. Волоски у нихъ служатъ, какъ мы уже видѣли, для распыле-

Рис. 50. Неудавшееся ухаживаніе (благородные олени). Съ картины К. Кронера.

нія запаховъ. Длинные хвостики, которые у экзотическихъ видовъ принимаютъ почти каррикатурные размѣры и часто (напримѣръ у великолѣпной Papilio Blumei) обладаютъ ослѣпительнѣйшимъ блескомъ драгоцѣнныхъ камней, — рѣдко приносятъ практическую пользу при спасеніи отъ враговъ. При всемъ томъ и здѣсь нѣтъ недостатка въ защитныхъ приспособленіяхъ. Верхнія крылья ночныхъ бабочекъ, поразительно напоминающія окраску стѣнъ, заборовъ, земли и хвороста, нижняя сторона крыльевъ дневныхъ, благодаря которой онѣ становятся совершенно незамѣтными на травѣ, пескѣ, камняхъ, а нѣкоторые тропическіе виды, подобно гусеницамъ, между листьями, относятся къ этой группѣ. Но тѣмъ поразительнѣе контрастъ формъ и красокъ на „красивыхъ" частяхъ! Тутъ ясно чувствуется, что въ ихъ образованіи участвовало и нѣчто другое. Это другое можетъ быть только любовь! Какая же еще сила есть у этихъ бабочекъ?

Бабочки, въ свою очередь, только единичный примѣръ изъ массы подобныхъ же отношеній поразительныхъ и, въ ритмиче-

скомъ, орнаментальномъ смыслѣ, „красивыхъ“ формъ высшихъ животныхъ въ ихъ любовной жизни.

Есть случаи, когда одни и тѣ же крупные колокольчики-цвѣты посѣщаются бабочками и такой же или немного большей величины крылатыми животными, — по своему строенію совершенно отличными отъ насѣкомыхъ. Эти животныя — колибри, то есть птицы и, слѣдовательно, позвоночныя. Относительно силы зрѣнія ихъ глазъ теперь нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: зрѣніе нѣкоторыхъ птицъ даже острѣе, чѣмъ у человѣка. Вообще, эти птицы рѣдко интересуются красками цвѣтовъ. Большинство ищутъ болѣе существенной пищи, чѣмъ капелька цвѣточнаго нектара. Только одна группа, къ которой принадлежатъ американскіе колибри, составляетъ исключеніе. Въ этихъ случаяхъ птица также служитъ обыкновенно посредникомъ въ любви растеній. Но тамъ, гдѣ это случается, мы также выносимъ впечатлѣніе, что извѣстный выборъ со стороны птицъ обусловилъ одностороннее усиленіе опредѣленныхъ красокъ. Таковъ, въ особенности, яркій красный цвѣтъ. Есть основаніе думать, что родоначальная форма нашихъ фуксій выработалась такимъ образомъ, при содѣйствіи птицъ, равно какъ и великолѣпный родъ банановидной strelitzia. Но большинство птицъ, посѣщающихъ растенія, ищутъ только плодовъ и зеренъ. Это тоже въ безчисленныхъ случаяхъ служитъ для воспроизведенія растеній: сѣмена, не поддающіяся пищеваренію, далеко разсѣиваются вмѣстѣ съ экскрементами птицъ и даютъ возможность прикованному къ почвѣ растенію распространяться на значительныя пространства. Въ такихъ случаяхъ плоды часто отличаются яркой окраской; напомню о свѣтло-красной брусникѣ, о земляникѣ, о кораллово-красныхъ ягодахъ рябины.

Но какъ животное, душевныя движенія котораго гораздо болѣе непосредственно доступны для насъ, чѣмъ душевныя движенія насѣкомыхъ, птица тоже доставляетъ намъ несомнѣннѣйшія доказательства того, что извѣстныя краски и формы привлекаютъ ее во всякое время, даже когда голодъ не играетъ никакой роли. Сорока крадетъ блестящіе металлическіе предметы, ключи, кольца, совершенно также, какъ хватается за нихъ ребенокъ. Она уноситъ ихъ и присваиваетъ, потому что вещь ей „нравится“. Конечно, отсюда до профессора эстетики, разъясняющаго стиль орнамента или огранки алмаза, разстояніе необозримое. Но оно не такъ велико до негритянки, украшающей свое голое тѣло ниткой пестрыхъ бусъ и готовой терпѣть голодъ ради этой блестящей вещицы, которая тѣшитъ ея глазъ, какъ вкусная пища языкъ. Но молодой парень, добивающійся обладанія дѣвушкой, даритъ ей бусы. Здѣсь прямой переходъ къ эротикѣ. Любовь пользуется для своихъ цѣлей и этимъ раздраженіемъ глазъ. И этотъ шагъ мы уже находимъ у птицъ.

Ярко красныя ягоды ѣстъ голодная птица; эротически возбужденная убираетъ ими свое гнѣздо. Бесѣдковыя птицы Австраліи строятъ въ періодъ любви родъ брачнаго гнѣзда, „брачной бесѣдки“, служащей не для вывода птенцовъ, а для любовныхъ игръ. Для ея украшенія онѣ крадутъ у фермеровъ блестящіе предметы: ножницы, ключи. Онѣ окружаютъ ее бѣлыми кремнями, вплетаютъ въ ея стѣны красныя ягоды и цвѣты. Также

пестрыя перья другихъ птицъ. Значитъ, онѣ могутъ находить чистое зрительное удовольствіе въ созерцаніи ярко окрашенныхъ птичьихъ перьевъ, и именно въ періодъ своего любовнаго настроенія! Но эти самыя перья на тѣлѣ птицъ представляютъ намъ, на ряду съ бабочками, второй примѣръ прекраснѣйшихъ орнаментальныхъ красокъ и формъ въ животномъ царствѣ.

Перо птицы есть не что иное какъ видоизмѣненная и приспособленная къ сохраненію теплоты тѣла чешуя пресмыкающагося. Эта чешуя обладаетъ уже у пресмыкающагося способностью принимать очень яркую окраску — напомнимъ хотя бы о нашихъ ящерицахъ — и перо унаслѣдовало эту способность въ повышенной степени. Шерсть млекопитающихъ, развивавшихся параллельно птицамъ, даже въ отдаленной степени никогда не достигала ничего подобнаго, — лишнее доказательство того, что она развилась не изъ чешуи. Въ противоположность безусловной пестротѣ птицъ, млекопитающее постоянно обнаруживало склонность къ неопредѣленнымъ цвѣтамъ, бурому, сѣрому, черноватому, — склонность, о которой мнѣ часто напоминаетъ наша современная человѣческая культурная одежда, тоже вернувшаяся отъ яркихъ нарядовъ старыхъ временъ къ этимъ рѣшительно безобразнымъ смѣшаннымъ краскамъ пограничной между свѣтомъ и тѣнью области: къ буйволовымъ, верблюжьимъ и медвѣжьимъ цвѣтамъ, по крайней мѣрѣ въ нашихъ мужскихъ костюмахъ.

Къ яркости красокъ, которыя у колибри, напримѣръ, соперничаютъ въ блескѣ съ металлами, присоединяется, какъ и у бабочекъ, ихъ распредѣленіе. Значительное число птицъ могутъ удовлетворить, въ смыслѣ сочетанія красокъ, самымъ строгимъ эстетическимъ требованіямъ художника. Маленькія австралійскія амандины представляютъ удивительно удачныя сочетанія соотвѣтственно дополнительнымъ цвѣтамъ. Ярко желтое брюшко принимаетъ по направленію къ груди вполнѣ соотвѣтствующую фіолетовую окраску. Спина цвѣта зеленаго лука съ чрезвычайно эффектной синеватой тѣнью, которая на шеѣ внѣдряется между зеленымъ и его дополнительнымъ кроваво-краснымъ, окрашивающимъ голову, при чемъ опять таки рѣзче выдѣляется на красномъ, благодаря полоскѣ густой тѣни. Въ глазкахъ павлина и фазана-аргуса (перья котораго употребляются для украшенія изящныхъ столиковъ и профанами часто принимаются за искусственную японскую работу) мы опять видимъ подражаніе рельефнымъ, пластичнымъ тѣламъ посредствомъ красокъ, какое уже видѣли у бабочекъ. Но перо само по себѣ, какъ тѣло, есть украшеніе. Хвостъ павлина распускается вѣеромъ. Всякому извѣстна лировидная форма хвоста тетерева, вполнѣ рѣзко выраженная у австралійской птицы-лиры. Но самые поразительные въ этомъ отношеніи примѣры мы находимъ среди парадисокъ, или райскихъ птицъ (рис. 51), къ которымъ близки и упомянутые выше строители брачныхъ бесѣдокъ.

Перо здѣсь, повидимому, освободилось отъ всякихъ полезныхъ, въ болѣе грубомъ смыслѣ, цѣлей. Маховыя перья, рулевыя перья хвоста, собственно согрѣвающій покровъ тѣла остаются у райскихъ птицъ болѣе или менѣе простыми; все сказочное великолѣпіе красокъ и формъ сосредоточивается въ спеціальныхъ

Рис. 51. Самецъ (вверху) и самка (внизу) большой парадиски (Paradisea apoda).

Самецъ въ токующей позѣ, срисовано съ натуры въ Берлинскомъ Зоологическомъ саду.

нарядныхъ перьяхъ. Иногда они поднимаются изъ-подъ крыльевъ, пышными снопами оранжевой, серебристо-бѣлой или (какъ у недавно открытой парадиски Рудольфа) кобальтово-синей окраски, въ такомъ изобиліи, что въ извѣстные моменты (въ со-

Рис. 52. Парадиска Альберта (Pterodophorus Alberti)

стояніи любовнаго возбужденія!) окутываютъ всю птицу, какъ разливающееся кругомъ сіяніе. Иногда они представляютъ придатки на самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ, родъ спеціальныхъ сверхкомплектныхъ нарядныхъ перьевъ на плечѣ или на головѣ. Изображенная на прилагаемомъ рисункѣ парадиска Альберта (рис. 52) носитъ за каждымъ ухомъ по длинному стержню, усаженному перламутровыми пластинками, которыя во время полета, въ лучахъ солнца, производятъ впечатлѣніе радуги, всюду сопровождающей птицу.

Подобно упоминавшимся выше распылительнымъ кисточкамъ бабочекъ, въ области запаховъ, эти приспособленія для восхищенія глазъ должны „развернуться", чтобъ оказать полное дѣйствіе. Павлиній хвостъ — наилучшій примѣръ; менѣе извѣстны, но еще пышнѣе, крылья фазана-аргуса (рис. 53). Это развертываніе происходитъ въ состояніи эротическаго возбужденія. Для него и нужно только возбужденіе: развертываніе происходитъ у птицы на основаніи того же принципа, что и сверканіе глазъ или вставаніе дыбомъ волосъ у насъ въ минуты возбужденія.

Но развернувшіяся перья, въ свою очередь, дѣйствуютъ, должны дѣйствовать на глаза другого пола. Гдѣ зрителями являются нѣсколько особей одного и того же пола, тамъ безусловно надо признать возможность эротическаго выбора наиболѣе „дѣйственнаго".

Впрочемъ, у многихъ птицъ, дѣйствительно, случается наблюдать продолжительное состязаніе самцовъ передъ самкой. Великолѣпные оранжевые самцы американскаго каменщика (Rupicola crocea) отплясываютъ передъ самками настоящіе брачные танцы. Въ этомъ отношеніи нужно избѣгать ошибки, къ которой могутъ подать поводъ нѣкоторые хорошо знакомые намъ примѣры. Нашъ домашній пѣтухъ сначала выдѣлываетъ самыя причудливыя тѣлодвиженія, какъ будто долженъ показать всю свою внѣшнюю

красоту и тѣмъ завоевать милости какой-либо изъ равнодушныхъ окружающихъ его красавицъ, но тотчасъ затѣмъ, и, повидимому, безъ всякаго отношенія къ предыдущему, набрасывается на любую курицу и грубо овладѣваетъ ею, руководясь единственно собственнымъ желаніемъ. Но не слѣдуетъ забывать, что здѣсь, не говоря уже объ измѣнившихся условіяхъ прирученія и плѣна, дѣло идетъ о полигамическомъ состояніи (многоженство),— то есть о такомъ состояніи, въ которомъ простая линія любовной жизни столкнулась съ соціальнымъ отношеніемъ: пѣтухъ превратился въ предводителя стаи, которая безвольно отдается ему, побуждаемая къ этому мотивами защиты (а не эротическими мотивами). При этомъ эротика оттѣсняется на задній планъ, и самка превращается въ „собственность" предводителя-мужа. Со

Рис. 53. Токующій самецъ фазана-аргуса.

стороны самокъ, входящихъ въ составъ стаи, конечно, уже не можетъ быть выбора, онѣ принадлежатъ своему предводителю eo ipso. Выборъ въ данномъ случаѣ можетъ имѣть мѣсто только со стороны представительницъ различныхъ стай, — токованіе пѣтуха могло мѣтить (или дѣйствовать, если выражаться чисто описательно) только на куръ, принадлежавшихъ къ другимъ стаямъ, которыя ради его „прекрасныхъ“ глазъ могли бы перебѣжать въ его свиту. Тамъ, гдѣ о такомъ переходѣ изъ другихъ стай не можетъ быть рѣчи, тамъ парадированіе стараго пѣтуха передъ и безъ того ему вѣрнымъ гаремомъ является простымъ пережиткомъ. Но сколько такихъ, ставшихъ безполезными, пережитковъ разсѣяно въ природѣ! Она сохраняетъ ихъ большею частью для того, чтобъ имѣть запасныя средства на всякій случай. Такъ токованіе пѣтуха несомнѣнно снова становится цѣлесообразнымъ по отношенію къ молодому самцу, желающему обзавестись собственнымъ гаремомъ. Далѣе, молодой и старый могутъ вступить въ состязаніе изъ-за одной и той же стаи. Я подробно обсуждалъ эти вопросы въ третьемъ томѣ моей книги „Любовь въ природѣ“.

Первоначальныя отношенія въ животномъ мірѣ очевидно не были организованы въ томъ смыслѣ, чтобы самка принадлежала и подчинялась абсолютно сильнѣйшему самцу, какъ полновластному пашѣ. Это исключало бы всякую мысль о „выборѣ“ со стороны самки. Но достаточно пересмотрѣть коллекцію бабочекъ, чтобы убѣдиться, что здѣсь, напримѣръ, самки въ большинствѣ случаевъ уже по внѣшнимъ размѣрамъ превосходятъ самцовъ.

Въ животномъ царствѣ мы найдемъ достаточно примѣровъ самокъ, достигающихъ поистинѣ исполинской величины сравнительно съ самцами. Очень часто, на среднихъ ступеняхъ животнаго царства, самка оказывается долговѣчнѣе самца. Чѣмъ опредѣленнѣе выпадаетъ на ея долю львиная часть въ дѣлѣ воспроизведенія вида — такъ какъ она носитъ, откладываетъ и затѣмъ оберегаетъ яйца — тѣмъ сильнѣе она вооружена природой. Она не слаба отъ того, что болѣе обременена, но обладаетъ двойною силой, такъ какъ должна выполнять двойную работу. И только тамъ, гдѣ образуются болѣе или менѣе значительные общественные союзы стадныхъ животныхъ, — союзы, очень выгоднымъ послѣдствіемъ которыхъ является защита еще безсильныхъ птенцовъ, — сила самки часто падаетъ, самка становится на одну доску съ птенцами. Но это осуществляется, какъ сказано, не въ пользу самца, какъ представителя пола, — а въ пользу представителя стаи. Принципіально такимъ предводителемъ можетъ оказаться и очень сильная самка, и подобные случаи дѣйствительно существуютъ. Только тамъ, гдѣ соціальный союзъ превратился въ полигамію, такъ какъ предводителемъ всегда былъ самецъ, осуществлявшій также свои половыя права, роль самки и въ этомъ смыслѣ стала другою. Но въ какой мѣрѣ еще сохраняется въ скрытомъ видѣ старое начало — именно какъ запасное средство на случай возстановленія прежняго положенія вещей — о томъ свидѣтельствуетъ любая насѣдка, защищающая своихъ цыплятъ; въ этомъ случаѣ, дѣйствительно, выродившаяся самка внезапно развертываетъ всю свою дремлющую силу.

Правда, есть тутъ одна сторона дѣла, которая, повидимому,

противорѣчитъ всему сказанному. На ряду съ сильными самками мы находимъ уже очень рано множество такихъ случаевъ, гдѣ самка разительно уступаетъ самцу, не столько въ величинѣ, сколько именно въ томъ, что насъ здѣсь занимаетъ: въ бросающихся въ глаза, нарядныхъ, „красивыхъ“ формахъ и краскахъ.

У бабочекъ, среди нашихъ туземныхъ видовъ, замѣчательный примѣръ представляетъ уже упомянутая зимняя пяденица (Cheimatobia brumata), маленькое насѣкомое, ненавистное садоводамъ изъ-за своей прожорливой гусеницы. Самецъ — не пышная, но хорошенькая бабочка, изящныя крылышки которой украшены тонкимъ шелковистымъ узоромъ. У самки же вмѣсто крыльевъ два не годные для летанія и едва замѣтные отростка. Но стоитъ минуту подумать, чтобы понять, въ чемъ тутъ дѣло.

Самка зимней пяденицы въ смыслѣ естественной цѣлесообразности несомнѣнно „болѣе благоразумная сторона“, благоразумная въ смыслѣ, такъ сказать, тѣлеснаго ухищренія. Летаніе безспорно имѣетъ практическое значеніе въ смыслѣ сближенія половъ. Но летаніе сопряжено также съ опасностью. Быть можетъ достаточно, если летать будетъ только одна сторона; въ концѣ концовъ, шансы окажутся болѣе благопріятными, если другая изберетъ болѣе благоразумную часть и не будетъ довѣряться воздуху съ носящимися въ немъ врагами. Мы уже видѣли такой опытъ у Иванова-червячка. Въ данномъ случаѣ мы находимъ его у бабочекъ. Что бабочка при случаѣ можетъ утрачивать способность къ полету, показываетъ удивительный видъ на островахъ Кергуэленъ въ Южномъ океанѣ, — видъ, совершенно не летающій, у котораго сохранились лишь зачатки крыльевъ у обоихъ половъ, такъ какъ постоянный сильный вѣтеръ на этихъ океанскихъ островахъ занесъ бы всякаго летуна въ море. У зимней пяденицы, которая обладаетъ еще тою особенностью, что выходитъ изъ куколки зимой и безъ вреда переноситъ холодъ, только самка зашла такъ же далеко. Этотъ опытъ съ ея стороны несомнѣнно оказался удачнымъ, такъ какъ бабочки эти гораздо многочисленнѣе, чѣмъ намъ желательно. Однако у нея не нашлось многихъ подражателей среди бабочекъ; видно у нихъ и безъ того дѣла идутъ хорошо. Во всякомъ случаѣ, это не вырожденіе бабочки, а именно опытъ.

Разсмотримъ теперь коллекцію жуковъ. Здѣсь окажутся цѣлые ряды, цѣлые порядки, у которыхъ самка выглядитъ совсѣмъ невзрачной въ сравненіи съ самцомъ. Самцы жуковъ-оленей, навозниковъ, носороговъ, въ особенности множество тропическихъ формъ, обладаютъ самыми поразительными орнаментальными образованіями своеобразной, причудливой красоты, — громадными клещами, рогами, отростками всякаго рода, которые придаютъ имъ ихъ характерную форму и радуютъ собирателя; у самокъ ничего подобнаго нѣтъ. Самый извѣстный примѣръ нашъ жукъ-олень. Въ этомъ случаѣ украшеніе представляютъ, въ дѣйствительности, верхнія челюсти самца. Тутъ можно серьезно опасаться поврежденія самки, такъ какъ эти „рога“ фактически не только украшеніе, но и аппаратъ для кусанія; слѣдовательно, при случаѣ они могутъ служить также для защиты. Во всякомъ случаѣ эта выгода не кажется мнѣ особенно значи-

тельной. Не такъ-то легко управляться съ этими громадными рогами, и помѣха, которую они, какъ огромный балластъ, представляютъ при летаніи и въ другихъ случаяхъ, должна перевѣшивать пользу. Близко родственные виды удобно обходятся и безъ нихъ. Такъ что самка, пожалуй, и въ этомъ случаѣ лучше защищена, такъ какъ менѣе бросается въ глаза. Вѣдь это жизненный законъ: выгоднѣе оставаться незамѣтнымъ безъ оружія, чѣмъ быть замѣтнымъ благодаря огромному оружію, которое поможетъ въ одномъ изъ трехъ или десяти случаевъ. Такъ несомнѣнно обстоитъ дѣло у жуковъ-носороговъ.

Сюда относится громадный, величиною въ рѣчного рака, жукъ-геркулесъ. Въ моей коллекціи онъ всегда вызываетъ у профановъ восклицаніе: Какимъ страшнымъ оружіемъ обладаетъ

Рис. 54. Самецъ (налѣво) и самка (направо) жука Chalcosoma Atlas.

этотъ самецъ! Комбинація меча и клещей! Исполинскій жукъ-атласъ (Chalkosoma Atlas) на Суматрѣ (рис. 54) представляетъ цѣлую комбинацію такихъ черныхъ какъ уголь грозныхъ приспособленій: огромные коровьи рога, между ними острый бугоръ, какъ у носорога, и огромный рогъ съ шипами, какъ у оленя. Какъ устрашающее средство они, дѣйствительно, могутъ считаться оружіемъ. Но кто не побоится ихъ, противъ того они не много помогутъ, такъ какъ это не челюсти, а, дѣйствительно, рога, отростки въ родѣ носорожьихъ, но безъ ударной силы послѣднихъ; они состоятъ изъ хрупкой хитиновой ткани насѣкомыхъ, не обладающихъ костянымъ скелетомъ, подобно настоящимъ быкамъ и носорогамъ. Все это грозное приспособленіе сводится, въ концѣ концовъ, къ простому украшенію, о практической пользѣ котораго не можетъ быть и рѣчи. Безъ сомнѣнія, на его осуществленіе затрачиваются силы животнаго, которыя могли бы примѣняться съ болѣе полезной цѣлью. Послѣднее мы и находимъ у лишенной украшеній самки. Она лучше защищена, такъ какъ

остается незамѣтной и тратитъ свои силы на полезныя цѣли. По логикѣ домохозяйства она сильнѣйшая сторона.

Обратимся теперь еще разъ къ птицамъ. У несказанно пышныхъ райскихъ птицъ самка представляется совершенно невзрачной и по окраскѣ напоминаетъ воробья. У золотого фазана и фазана Амгерста самка лишена всякихъ украшеній. Самка фазана лишена сказочнаго хвоста, самка аргуса обыкновеннѣйшая курица. Въ данномъ случаѣ простые лѣсничіе и сельскіе хозяева гораздо ранѣе Дарвина нашли объясненіе этому явленію. У самокъ окраска не нарядная, а предохранительная. Онѣ не блистаютъ, какъ эффектныя произведенія природы, а носятъ, по возможности, незамѣтную одежду работниковъ, окруженныхъ

Рис. 55. Самецъ-нарвалъ съ бивнемъ.

опасностями. Птица, несущая и высиживающая яйца, воспитывающая своихъ птенцовъ, должна какъ можно тщательнѣе прятаться. У самки нѣтъ избытка силъ, который могъ бы быть затраченъ на цѣли роскоши, да и ненужная ей роскошь наряда была бы для нея только источникомъ опасности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло не въ отношеніи къ женскому полу, какъ къ пасынку, которымъ пренебрегаетъ мать-природа, а въ великой логикѣ пользы, запрещающей ему роскошь.

Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ примѣры, въ которыхъ украшенія самцовъ становятся опасными для обладателей. Взгляните на рисунокъ китообразнаго животнаго сѣверныхъ полярныхъ морей — нарвала. Это оригинальное созданіе съ давнихъ временъ связано съ легендой о единорогахъ. Рисунокъ изображаетъ нарвала-самца. Изъ пасти его выступаетъ единственный колоссальный зубъ.

Эти зубы въ прежнія времена хранились въ церквахъ и кунсткамерахъ, въ нихъ видѣли рогъ легендарнаго единорога,

сомнѣваться въ существованіи котораго считалось религіознымъ преступленіемъ; имъ приписывали цѣлебную силу, порошокъ изъ нихъ давали безнадежно больнымъ, — короче сказать, это былъ одинъ изъ пунктовъ, относительно которыхъ у бѣднаго человѣчества заходилъ умъ за разумъ. Открытіе подлиннаго происхожденія этого зуба оказало отрезвляющее дѣйствіе. Оно, впрочемъ, не умаляетъ его достопримѣчательности, такъ какъ и въ качествѣ китоваго зуба онъ остается единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ. У взрослаго самца-нарвала имѣется только одинъ этотъ зубъ, далеко выдающійся изъ пасти. До сихъ поръ не удалось указать практическую цѣль этого зуба (слишкомъ слабаго по своей консистенціи, чтобы служить оружіемъ или ледорѣзомъ), — напротивъ, онъ производитъ впечатлѣніе полового признака (развившагося до почти опасной и тягостной для своего обладателя крайности), аналогичнаго декоративнымъ перьямъ райскихъ птицъ и рогамъ у жуковъ. У самокъ не встрѣчается такихъ придатковъ, и можно сказать: тѣмъ лучше для нихъ.

Съ точки зрѣнія Дарвиновскаго ученія, согласно которому естественный отборъ долженъ снова уничтожать возникающія у живыхъ существъ особенности, если онѣ оказываются въ постоянномъ противорѣчіи съ болѣе важными требованіями практической пользы, — легко понять, что во всѣхъ этихъ случаяхъ наслѣдственность по женской линіи постепенно должна была подвергаться поправкамъ въ томъ смыслѣ, что богатство ритма и орнаментики уступало практическимъ обязанностямъ самокъ. Самка, по внутреннимъ и внѣшнимъ причинамъ, не могла, въ концѣ концовъ, принимать участія въ выработкѣ украшеній.

Можетъ быть, по этому поводу не будетъ неумѣстно коснуться мимоходомъ современныхъ человѣческихъ отношеній. Вышеизложенныя разсужденія могутъ, пожалуй, навести на мысль, что и у насъ женщинѣ слѣдуетъ вести затворническую жизнь, всецѣло поглощенную домашнимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей, все же остальное, въ родѣ искусства и прочей „роскоши“ жизни, — не женское дѣло! Ничего нѣтъ несообразнѣе подобныхъ мнѣній! Уже съ давнихъ временъ искусство и родственныя ему высшія сферы духовной жизни являются не роскошью, но завѣтнымъ сокровищемъ человѣчества, отъ котораго зависитъ его дальнѣйшее развитіе и достоинство его настоящей жизни. А если такъ, то интересъ къ этимъ духовнымъ благамъ, знакомство съ ними, участіе въ ихъ разработкѣ являются попросту важнѣйшими предпосылками обязанностей матери и воспитательницы, какъ и всѣхъ, вообще, человѣческихъ обязанностей, и должны быть полезны при выполненіи связанныхъ съ ними задачъ.

Мысль, что чрезмѣрное развитіе формъ и красокъ въ данномъ случаѣ было снова урѣзано и ограничено въ интересахъ полезности, годится также для объясненія другого факта, который въ свою очередь, самъ является очень яркимъ доказательствомъ общей связи между возникновеніемъ этихъ „приманокъ для глазъ“ иэротикой. У множества животныхъ эти „красоты“ явленія временныя. Онѣ не представляютъ изъ себя постоянныхъ, существующихъ въ теченіе всей жизни, признаковъ этихъ животныхъ, а появляются тольковъ періодъ любви, и если эта любовь повторяется періодически въ те-

ченіе жизни, то и онѣ періодически появляются вмѣстѣ съ нею. Всякій знаетъ эти періодическіе сезоны любви у животныхъ. Каждому извѣстенъ не совсѣмъ поэтическій терминъ — течка, каждому извѣстно также и то, что у собакъ, оленей, птицъ и другихъ животныхъ періоды течки наступаютъ черезъ извѣстные промежутки времени, въ теченіе которыхъ эротическое возбужденіе совершенно отсутствуетъ. Здѣсь обнаруживается замѣчательное явленіе: развитіе этихъ тѣлесныхъ украшеній происходитъ параллельно съ повышеніемъ и пониженіемъ полового возбужденія, усиливается, даже, собственно, обнаруживается только въ періоды течки, ослабѣваетъ до почти полнаго исчезновенія въ періоды покоя. Всякому ясно, что эротическій моментъ является здѣсь безусловно опредѣляющимъ.

Примѣромъ можетъ служить, въ извѣстномъ смыслѣ, уже бабочка, поскольку она, какъ упомянуто выше, представляетъ собственно только любовную стадію продолжительнаго развитія, — стадію, которая поэтому одна обнаруживаетъ необычайную роскошь украшеній. Но бабочка заканчиваетъ свое существованіе на этой стадіи, она уже не переходитъ вторично на стадію любовнаго покоя въ формѣ гусеницы. Поэтому за подходящими примѣрами намъ нужно обратиться къ болѣе долговѣчнымъ позвоночнымъ животнымъ, гдѣ мы и найдемъ ихъ во всѣхъ классахъ, начиная съ рыбъ.

Даже тотъ, кто ничего не слыхалъ объ этихъ вещахъ, а имѣлъ дѣло съ высшими животными нашей родины въ качествѣ коллекціонера или охотника, долженъ былъ, въ концѣ концовъ, составить себѣ извѣстное мнѣніе объ интересующихъ насъ явленіяхъ. Онъ долженъ былъ сказать себѣ: всюду имѣются два пола: но есть еще нѣчто третье, которому не скоро найдешь подходящее мѣсто: въ извѣстный сезонъ нѣкоторыя животныя принимаютъ иную окраску и иной видъ, нежели въ другое время года; такъ бываетъ у рыбъ, у саламандръ, у птицъ, — въ этомъ скрывается какая-то тайна. Народная мысль всегда питала пристрастіе къ „превращеніямъ“ въ животномъ мірѣ. Народъ вѣрилъ въ людей, которые при помощи колдовства могутъ оборачиваться волками (оборотни), онъ же создалъ повѣрье о превращеніи кукушки въ ястреба. Лишь мало-по-малу изъ этой путаницы нелѣпыхъ представленій выдѣлились примѣры дѣйствительныхъ превращеній. Горностай лѣтомъ имѣетъ краснобурую шубу, а къ зимѣ мѣняетъ ее на бѣлую. Еще до Дарвина замѣтили, что здѣсь дѣло идетъ о приспособленіи къ зимнему цвѣту, цвѣту снѣга. Затѣмъ явился хамелеонъ, мѣняющій окраску своей кожи на глазахъ зрителей. Эта способность доставила ему, какъ рѣдкому иностранному гостю, громкую славу, хотя у нѣкоторыхъ туземныхъ животныхъ она обнаруживается въ еще большей степени, чѣмъ у хамелеона. Способностью быстро мѣнять цвѣтъ кожи обладаютъ наши древесныя лягушки и самыя разнообразныя рыбы нашихъ водъ. И въ этомъ случаѣ защитная окраска играетъ, по крайней мѣрѣ, хотя нѣкоторую роль. Все это, однако, еще не самые замѣчательные примѣры.

Существуетъ у насъ группа животныхъ, которыя съ давнихъ временъ пользуются особой любовью нашихъ школьниковъ, — любовью, которая, впрочемъ, сопряжена съ изряднымъ мученіемъ

любимыхъ животныхъ. Я имѣю въ виду нашихъ прудовыхъ саламандръ, или „тритоновъ“. Кто изъ насъ въ дѣтскіе годы не забавлялся ими? Ради нихъ мы обыскивали пруды съ рвеніемъ заправскаго зоолога, держали несчастныхъ животныхъ въ стеклянныхъ сосудахъ и, по большей части, на голодной діэтѣ. Съ зоологіей все это не имѣло ничего общаго. Это коллекторское рвеніе болѣе подходило къ типу собирателя почтовыхъ марокъ. Я помню, какія спекуляціи затѣвали мы съ нашими тритонами. Какъ гордились мы отборными экземплярами, у которыхъ гребни отличались особенно крупными зубцами, а нижняя сторона особенно яркой оранжевой или красной окраской. Попадались, впрочемъ, и ничего не стоящіе экземпляры — не всѣ были одинаковы. Среди нашихъ тритоновъ встрѣчались роскошные экземпляры — короли и императоры. Самки, у которыхъ не бываетъ настоящихъ гребешковъ, цѣнились всегда на нашей дѣтской биржѣ дешевле. Но и самцы не всегда находились на высотѣ своего положенія. Встрѣчались и вялые экземпляры, тоже безъ гребней. Брюхо у нихъ было тусклое, желтое; мы считали ихъ ненастоящими, и находка такого экземпляра не возбуждала никакой сенсаціи. Это были два разныхъ наряда — обыкновенный и брачный, съ существованіемъ которыхъ мы познакомились, еще не понимая ихъ значенія (см. рис. 47). Эти амфибіи, и въ особенности самцы, въ теченіе любовнаго періода имѣютъ совершенно иной видъ, чѣмъ въ другое время. Пора любви буквально вздуваетъ у нихъ гребень и окрашиваетъ брюхо (которое у водяныхъ животныхъ часто является казовой стороной) въ яркій цвѣтъ киновари. Прошло время любви — и такъ какъ передъ нами уже животныя, которыя любятъ не одинъ только разъ въ жизни, то они не погибаютъ; любовь и смерть не такъ тѣсно связаны у нихъ между собою, какъ у насѣкомыхъ. Съ прекращеніемъ любовнаго періода у нихъ расплывается гребень и исчезаютъ краски до слѣдующаго раза.

О какой-либо „пользѣ“, въ обычномъ смыслѣ, этого гребня не можетъ быть и рѣчи. Иначе почему же его не имѣть бы и самкамъ? Какую пользу можетъ приносить гребень со своими недоразвитыми, слабыми мускулами, достигающій у нѣкоторыхъ саламандръ ширины тѣла и только мѣшающій плаванью?

Многіе, достигнувъ зрѣлаго возраста, не могутъ понять, какъ это они могли считать тритона „красивымъ“! У насъ установилось убѣжденіе, что всѣ амфибіи отвратительны. Жаба вошла въ поговорку, какъ примѣръ безобразія, хотя и у нея есть нѣчто безусловно красивое, именно, глаза. Но всякій, кому случалось посѣщать акваріи нашихъ крупныхъ центровъ, не могъ не замѣтить, какъ красивы рыбы въ своей родной стихіи. Есть рыбы, ослѣпительную окраску которыхъ, отливающую финифтью и золотомъ, можно сравнить только съ окраской бабочекъ. Но, чѣмъ глубже мы проникаемъ въ эту чуждую и замкнутую для насъ жизнь, хотя бы тѣхъ же рыбъ, тѣмъ очевиднѣе и въ ней обнаруживается существованіе „брачныхъ нарядовъ“. И здѣсь мы находимъ не только простыя половыя отличія, напримѣръ въ тѣхъ признакахъ, которые заставляютъ англійскихъ рыбаковъ называть золотистаго съ сапфировыми пятнами гольца-самца „драгоцѣннымъ камнемъ“ или еще знаменательнѣе „женихомъ“,

а невзрачную самку той же рыбы „поганой рыбой“. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, самецъ во всемъ своемъ блескѣ является „драгоцѣннымъ камнемъ“ лишь на время: рыцаремъ въ брачномъ одѣяніи въ пору любви. Въ эту пору природа даетъ колюшкѣ ея положительно искрящійся зеленый верхній костюмъ и — для контраста — ярко красный для нижней части тѣла, а жаждущему любви старому рейнскому лососю его блестящій нарядъ: пурпурно-красное брюхо, красные зигзаги по голубому фону, идущіе черезъ голову, и красноватый отливъ плавникамъ. Очевидно, въ данномъ случаѣ чешуя является носительницей и создательницей этихъ красочныхъ чудесъ. Напомнимъ однакоже еще разъ, что самыя красивыя перья, въ концѣ концовъ, представляютъ собою лишь утонченное превращеніе чешуи. Въ виду этого насъ не удивитъ, что способность къ временному измѣненію окраски перьевъ обусловливаетъ самые изысканные образчики красоты у птицъ, при чемъ именно здѣсь мы находимъ самые яркіе примѣры.

Неопытный человѣкъ, который пожелаетъ собрать коллекцію чучелъ красивѣйшихъ европейскихъ птицъ въ самыхъ яркихъ образчикахъ и станетъ съ этою цѣлью пріобрѣтать шкурки отъ торговцевъ, по каталогу, не давая спеціальныхъ указаній, не разъ испытаетъ очень непріятное разочарованіе. Птицы, которыми онъ восхищался на картинкахъ, какъ истинными чудесами природы, оказываются невзрачными до неузнаваемости. Книги избаловали его, изображая птицъ въ моментъ наивысшаго напряженія жизненной энергіи, въ брачномъ нарядѣ; а ему присылаютъ ихъ въ безцвѣтномъ и сѣренькомъ будничномъ опереніи, которое такъ же отличается отъ брачнаго, какъ заношенный домашній халатъ отъ мундира съ золотымъ шитьемъ и орденами.

Одна изъ самыхъ хорошенькихъ птичекъ у насъ — сѣверная варакушка (Erithacus suecicus), которая, впрочемъ, попадается въ Германіи лишь какъ случайная гостья, останавливающаяся на отдыхъ во время перелета. Жизнь ея проходитъ среди рѣзкихъ контрастовъ: лѣтомъ въ тундрѣ, на моховыхъ равнинахъ побережья Ледовитаго моря, — зимой въ тропической Африкѣ. Между этими отдаленными стоянками она совершаетъ свой спѣшный перелетъ, о быстротѣ котораго превосходный наблюдатель птицъ на Гельголандѣ Гетке сообщилъ данныя, изумившія ученыхъ. Онъ утверждалъ, что перелетъ совершается съ быстротою сорока пяти нѣмецкихъ миль въ часъ, такъ что варакушка въ одну ночь перелетаетъ изъ сѣверной Африки на Гельголандъ; эти данныя многократно подвергались сомнѣнію, но до сихъ поръ не опровергнуты. Въ извѣстномъ и самомъ широкомъ смыслѣ, всѣ эти странствованія перелетныхъ птицъ относятся къ ихъ любовной жизни. Все еще, несмотря на цѣлый рядъ гипотезъ, остающееся загадочнымъ влеченіе побуждаетъ безконечныя стаи птицъ проводить періодъ размноженія, со всѣми его побочными явленіями, то есть, въ широкомъ смыслѣ слова, сезонъ любви, всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и притомъ удаленномъ иногда на сотни миль отъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ проводятъ большую часть года, и находящемся въ совершенно иныхъ физико-географическихъ условіяхъ; ради

этого онѣ обременяютъ себя массой труда и лишеній, что, съ точки зрѣнія полезности, кажется просто безсмысленнымъ. Собственно возможность сходиться обоимъ поламъ обезпечена для птицъ, пожалуй, лучше, чѣмъ гдѣ-либо въ царствѣ животныхъ. Птица, самое подвижное изъ сухопутныхъ позвоночныхъ животныхъ. Легко, какъ пухъ, переносятъ крылья представителей обоихъ половъ другъ къ другу по вольному воздуху; нигдѣ природа не разрѣшила проблемы летанія такъ блестяще, какъ въ строеніи тѣла птицы. Ни одно животное не обладаетъ такимъ острымъ зрѣніемъ, дающимъ возможность издалека различать другъ друга. Обоняніе развито у птицъ слабѣе, зато вмѣстѣ съ превосходнымъ зрѣніемъ онѣ обладаютъ превосходнымъ слухомъ, — сейчасъ мы будемъ говорить объ этомъ. А главное вотъ что: какъ будто съ цѣлью соединить всѣ способы для облегченія сближенія половъ, именно у птицъ, въ большинствѣ случаевъ, оба пола, даже и внѣ сезона любви и періодически наступающихъ эпохъ спариванія и гнѣздованія, держатся вмѣстѣ. Однажды спарившіеся индивидуумы даже во время перелетовъ не расходятся вполнѣ и не упускаютъ другъ друга изъ вида. Если мы не побоимся примѣнить здѣсь сравненіе съ человѣческими отношеніями (а бояться тутъ нечего, разъ мы знаемъ теперь, что человѣкъ тоже животное!), то скажемъ, что внѣ періода любви птицъ связываетъ дружба; дружба, которая не только заставляетъ держаться вмѣстѣ представителей одного и того же вида или пола, но и создаетъ индивидуальныя связи. Но именно этотъ пернатый народъ, такъ легко возстановляющій связь между полами, обреченъ на исполинскую работу миграціи: съ незапамятныхъ временъ таинственный законъ предписываетъ имъ, даже въ томъ случаѣ, когда оба пола давно живутъ вмѣстѣ, проводить свой сезонъ любви въ одномъ и томъ же мѣстѣ, — хотя бы оно было на сѣверномъ полюсѣ, а птицы находились подъ экваторомъ. Чтобы заплатить эту „дань мѣсту“, птицы должны напрягать свою способность къ передвиженію до такой степени, которая (въ примѣненіи къ схожденію половъ) по громадности преодолѣваемаго разстоянія ничуть не уступаетъ, если даже не превосходитъ, человѣческой, проявленной въ приведенномъ выше примѣрѣ, гдѣ дѣло идетъ о полуокружности земного шара. Это напоминаетъ влюбленныхъ, живущихъ на одной улицѣ, но отправляющихся, на основаніи какого-то стародавняго обычая, справлять свою свадьбу въ Америку. Такъ и птица является въ извѣстномъ смыслѣ жертвою историческаго рока, власть котораго восходитъ до древнѣйшихъ эпохъ исторіи земли. Вполнѣ добраться до корня этой загадки, по моему мнѣнію, не смогла еще ни одна изъ существующихъ гипотезъ; точно также въ настоящее время остается еще загадочнымъ, какимъ образомъ, въ каждомъ отдѣльномъ новомъ случаѣ, птица такъ безошибочно находитъ свой безконечный воздушный путь. „Мы окружены тайной!“ — говорилъ старикъ Гёте.

Вотъ эти-то птицы, которымъ такъ дорого достается любовь, блещутъ передъ другими исключительной яркостью брачнаго наряда, чему примѣромъ можетъ служить упомянутый выше великолѣпный летунъ — варакушка. Оба пола у нея, какъ и у райской птицы, рѣзко отличаются другъ отъ друга. Иногда ва-

ракушку называютъ еще синешейкой и это названіе указываетъ, что у нея синяя шейка, какъ у красношейки (малиновки) она красная. Но самка синешейки лишена этого украшенія, ея горло и шея — бѣловатыя съ желтоватымъ налетомъ и бурой каймой, въ общемъ очень невзрачныя. Только у самца на горлѣ блещетъ чудная лазурь. Но лазурь самца недаромъ напоминаетъ синеву небесъ. Онъ дѣйствительно имѣетъ кое-что общее съ небомъ, которое не всегда бываетъ чисто и прозрачно, а заволакивается иногда тучами или подергивается сѣрой дымкой. Только въ пору любви, весною, это небо маленькой птички блещетъ яркой лазурью. И на фонѣ этой лазури выступаетъ прекраснѣйшее украшеніе птички; маленькое солнышко, въ видѣ огненно-краснаго центральнаго пятна. Все это создаетъ удивительный красочный эффектъ. Послушаемъ несравненнаго описателя, старика Наумана. „Подбородокъ и горло до зоба; роскошная лазурь — между двумя черными пятнами по обѣимъ стоорнамъ шеи, внизу черная оторочка, въ видѣ крупнаго воротничка, шириною часто миллиметровъ въ шесть, отдѣленная бѣловато-желтой линіей отъ красиваго, ржаво-краснаго, грудного пояска, въ формѣ полумѣсяца часто до 100 миллиметровъ шириною, а на горлѣ среди лазури выступаетъ яркая, въ 8 mm. длиной и 12 mm. шириной, ржаваго цвѣта, звѣздочка“. Таковъ брачный нарядъ! Но куда дѣвается осенью все это великолѣпіе! Вмѣсто лазури тусклый аспидный цвѣтъ, красная звѣздочка расплывается въ бѣлесоватое пятно, всѣ контрасты стираются.

Одинъ примѣръ стоитъ массы другихъ. Не всегда разница красокъ такъ велика. Иногда только усиливается глянецъ и освѣжаются краски; но такъ или иначе періодъ любви всегда сказывается. Иногда, впрочемъ, картина запутывается, если сезонъ любви тянется очень долго. Въ такомъ случаѣ невзрачный нарядъ можетъ показаться лишь антрактомъ во время брачнаго торжества. Но и это только подтверждаетъ основной принципъ. Конечно, всякій изъ насъ знаетъ, какъ великолѣпенъ селезень обыкновенной дикой утки (Anas boschas), съ его золотисто-зеленой головой и шеей съ синимъ и фіолетовымъ отливомъ, представляющими рѣзкій котрастъ съ желтымъ клювомъ. Бѣлоснѣжное кольцо на шеѣ, окаймляющее каштаново-красный зобъ, свѣтло-сѣрое брюшко, восхитительная лазурь зеркальца крыльевъ, отороченная чернымъ и бѣлымъ, и исчерна-зеленоватыя приподнятыя спиральныя перья надъ бѣлымъ хвостомъ довершаютъ красоту птицы. Этотъ парадный костюмъ селезень носитъ около полугода — отъ осени до весны; онъ появляется съ первымъ пробужденіемъ полового чувства и сохраняется въ теченіе долгаго періода постепеннаго роста страсти и ея полнаго развитія. Но затѣмъ, лѣтомъ, самецъ точно превращается въ самку. Даже опытному человѣку случается въ это время смѣшать оба пола. Именно теперь, когда они эротически равнодушны другъ къ другу, они почти совсѣмъ одинаковы: селезень пріобрѣтаетъ окраску самки, гораздо болѣе простую.

Съ давнихъ поръ у орнитологовъ идетъ споръ, какъ происходятъ эти измѣненія въ окраскѣ. Самый простой способъ, конечно, линяніе: птица теряетъ перо, а на мѣсто его вырастаетъ другое, получше или похуже. Поэтому птицы должны линять

въ годъ столько же разъ, сколько разъ мѣняется ихъ опереніе. Однакоже не всѣ факты подтверждаютъ это объясненіе, и приходится искать другихъ способовъ. Науманнъ, величайшій изъ нѣмецкихъ орнитологовъ (я говорю о Іоганнѣ Фридрихѣ Науманнѣ), былъ того мнѣнія, что всѣ эти перемѣны происходятъ безъ линянія, вслѣдствіе того, что перья изнашиваются и, спустя нѣкоторое время, болѣе глубокіе слои, имѣющіе съ самаго начала другую окраску, чѣмъ внѣшніе, выступаютъ наружу; такимъ образомъ прекраснѣйшія краски брачнаго наряда обнаруживаются лишь постепенно; какъ дѣвочка въ сказкѣ ходитъ сначала въ отрепьяхъ и, лишь сбросивъ ихъ, является принцессой. Новые орнитологи предполагаютъ здѣсь еще третье, болѣе глубокое внутреннее явленіе, именно, непосредственное вторичное измѣненіе окраски держащихся въ тѣлѣ невылинявшихъ перьевъ. Здѣсь происходитъ нѣчто въ родѣ того, какъ если бы у человѣка подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія періодически сѣдѣли волосы. Только у птицъ, наоборотъ (до сихъ поръ еще невыясненнымъ путемъ), половое возбужденіе превращаетъ въ яркіе голубые или красные цвѣта невзрачныя дотолѣ краски оперенія.

Я не претендую рѣшать заранѣе, къ какому результату въ концѣ концовъ приведетъ эта борьба мнѣній. Для нашихъ соображеній всего интереснѣе послѣдній случай. Оказывается, что половое возбужденіе, любовная страсть имѣетъ силу придавать перьямъ птицы болѣе разнообразную и интенсивную окраску!

Разсмотрѣвъ съ ранѣе высказанной точки зрѣнія, — согласно которой простое опереніе самки имѣетъ чисто практическое значеніе средства укрываться отъ опасности, — это чередованіе яркаго брачнаго наряда и простой будничной одежды (очень похожей на костюмъ самки) у самца, мы и въ немъ признаемъ очень остроумный ходъ въ этой игрѣ: стало быть, и самецъ освобождается отъ параднаго оперенія (оно легко можетъ быть опасно для него, окруженнаго зоркими врагами) на то время, когда половой инстинктъ засыпаетъ. Естественный уборъ съ давнихъ поръ, насколько возможно, покровительствовавшій полезному, урегулировалъ, съ теченіемъ времени, и это явленіе. Все это опять-таки вполнѣ понятно. Но если въ тѣхъ случаяхъ, когда щегольство беретъ свое, оно вызывается самимъ эротическимъ чувствомъ въ вышеуказанномъ смыслѣ, то не исключена и возможность иного объясненія. Не является ли у этихъ высшихъ животныхъ эротическое возбужденіе еще болѣе непосредственной причиною появленія этой роскоши красокъ и формъ, независимой отъ выбора себѣ пары при посредствѣ зрительныхъ впечатлѣній? Не любовь ли, какъ таковая, сама по себѣ вызываетъ эти явленія — такъ что они обнаруживались бы и въ томъ случаѣ, если бъ у половъ не существовало глазъ и вся любовная игра происходила между слѣпыми?

Въ простѣйшей формѣ усиленная яркость красокъ у влюбленныхъ, согласно этому представленію, появляется приблизительно такъ же, какъ у насъ при сильномъ внутреннемъ возбужденіи краснѣетъ кожа на лицѣ. Но насъ могутъ спросить, какимъ образомъ ускореніе кровообращенія, повышеніе температуры, выдѣленіе или что бы то ни было въ этомъ родѣ можетъ

вызвать такіе чудные образчики игры красокъ, какъ красная звѣздочка на лазуревомъ полѣ у синешейки или великолѣпіе павлиньихъ перьевъ? Но что, если эротическій пылъ только присоединяется здѣсь къ тому общему скрыто дѣйствующему теченію, которое и безъ того побуждаетъ организмы къ развитію избытка чисто ритмическихъ, „красивыхъ“ образованій, и только усиливаетъ его дѣйствіе? Въ такомъ случаѣ объяснились бы самыя поразительныя явленія въ этомъ родѣ, то есть объяснились бы, какъ усиленіе факта, который самъ по себѣ пока остается для насъ необъяснимымъ.

Могутъ спросить, почему же, въ такомъ случаѣ, у птицъ, напримѣръ у райскихъ, самка въ своемъ эротическомъ возбужденіи, страсть которой, вѣроятно, не слабѣе, чѣмъ у самца, не пріобрѣтаетъ такого красиваго наряда, какъ самецъ? На это слѣдуетъ отвѣтить, что естественный подборъ наиболѣе полезныхъ свойствъ долженъ былъ ограничивать и подавлять чрезмѣрную роскошь. Подборъ каралъ истребленіемъ видъ, у котораго роскошь наряда развивалась до такихъ непомѣрныхъ размѣровъ, что начинала затруднять свободу движеній, онъ же ограничивалъ и подавлялъ опасную для самки роскошь оперенія. Въ этомъ случаѣ помогало и то обстоятельство въ жизни самки, о которомъ мы уже упоминали: лежавшее на ней бремя обязанностей, возникающихъ изъ послѣдствій любви, заставляло ее беречь тотъ избытокъ силъ, который самецъ могъ затратить на украшеніе себя. Это послѣднее соображеніе, замѣтимъ мимоходомъ, было высказано уже сто лѣтъ тому назадъ не кѣмъ инымъ, какъ Гёте. Въ своемъ „Первомъ наброскѣ общаго введенія въ сравнительную анатомію“ онъ говоритъ буквально слѣдующее: „Главный пунктъ всего женскаго существованія — матка. Повидимому, у всѣхъ болѣе совершенныхъ животныхъ на нее приходится затрачивать столько образовательной силы, что при формированіи другихъ частей нужно быть экономнымъ; этимъ я склоненъ объяснить меньшую красоту самки: на яичники потрачено такъ много, что на внѣшнія украшенія не можетъ хватить“.

Въ отрицательномъ смыслѣ дѣйствіе подбора является здѣсь совершенно достаточнымъ. Въ положительномъ же смыслѣ ни отборъ полезныхъ измѣненій вообще, ни половой отборъ въ частности недостаточны. Это положительное само по себѣ проявляется слишкомъ достаточно, такъ богато, что оказывается даже необходимымъ при случаѣ урѣзывать его избытокъ. Рѣчь здѣсь идетъ объ одномъ изъ великихъ основныхъ спорныхъ вопросовъ біологіи. Вполнѣ согласные относительно общаго принципа естественнаго развитія (и въ этомъ отношеніи всѣ по существу дарвинисты, такъ какъ великому Дарвину безусловно принадлежитъ слава этого воззрѣнія), біологи раздѣляются на два лагеря по вопросу о рѣшающемъ значеніи болѣе частнаго принципа дарвинизма — естественнаго отбора. Одни изъ нихъ считаютъ отборъ, — все равно, будь то отборъ полезныхъ измѣненій или же половой отборъ, — за вторичную отрицательную силу, которая только устраняетъ неприспособленное. Другіе же, наоборотъ, смотрятъ на отборъ, какъ на самостоятельную, возрастающую силу, способную едва замѣтныя уклоненія довести, путемъ постепеннаго накопленія, до высшихъ степеней закончен-

ности. Наглядно, въ антропоморфическихъ образахъ, можно это выразить такъ. По мнѣнію однихъ, сила судьбы (нѣкая великая причина въ общей цѣпи совершающагося) выбрасываетъ на арену жизни вполнѣ или почти готовыми какъ геніевъ, такъ и тупицъ, такъ что практическому ходу вещей остается только широко открывать двери однимъ — геніямъ — и выбрасывать за бортъ другихъ — тупицъ. По другимъ же, среди нормальныхъ головъ обнаруживаются крошечныя различія, едва уловимые плюсы или минусы; тутъ и вступаетъ въ силу практика жизни, превращая постепенно, въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній, крупинку въ гору, пока, наконецъ, процессъ, который въ первомъ случаѣ разомъ продѣлывается геніемъ, осуществится и здѣсь, но только въ длинномъ ряду поколѣній. Образъ, только что набросанный нами, однако, не только образъ. Ибо тотъ, кто разрѣшилъ бы этотъ вопросъ въ мірѣ растеній и животныхъ, тотъ, по крайнему моему разумѣнію, далъ бы намъ также и рѣшеніе вопроса о способѣ развитія человѣчества, онъ разрѣшилъ бы, такимъ образомъ, величайшую изъ всѣхъ историческихъ проблемъ. И наоборотъ, если бы намъ удалось вполнѣ понять нашъ собственный человѣческій законъ развитія, мы получили бы точку опоры для уясненія этого закона вообще въ органическомъ мірѣ. Прибавлю, однако, въ утѣшеніе тѣмъ, которые пугаются скороспѣлаго антропоформизма, что я отнюдь не намѣренъ объяснять одно другимъ, такъ какъ пока мы въ обѣихъ областяхъ еще не знаемъ, кто правъ. Но это не важное утѣшеніе для того, кто смотритъ на дѣло безъ предвзятыхъ мнѣній и не пугаясь словъ.

Дѣйствительное же наше утѣшеніе, наоборотъ, состоитъ въ томъ, что, работая въ разнообразныхъ областяхъ, мы наталкиваемся, въ концѣ концовъ, на однѣ и тѣ же проблемы. И такъ какъ работа эта безостановочно идетъ съ большой энергіей во всѣхъ областяхъ, то она и должна, въ конечномъ результатѣ, привести къ одной гармонической цѣли — продолбить одну и ту же скалу. И какія бы то ни были проблемы: духовныя или тѣлесныя, зоологическія или историческія или соціально-этическія — все равно, чѣмъ дольше мы ихъ изучаемъ, тѣмъ больше выясняются объединяющія ихъ черты. Ни одна работа, имѣющая значеніе для одной области, не пропадаетъ даромъ для другой. И почему бы, наконецъ, не открыться этой скалѣ, надъ которой такъ дѣятельно работаютъ, — и открыться не на быстрое „Сезамъ, отворись“, а уступая тысячамъ ударовъ топора, безостановочно падающихъ на нее со стороны искателей истины?

Пока для нашего случая довольно того, что большая вѣроятность говоритъ въ пользу предположенія, что „всѣ дороги ведутъ въ Римъ“, то есть, что развитіе шло не по одному какому-либо исключительному пути, а, дѣйствительно, были использованы всѣ логически мыслимые шансы. Въ этомъ смыслѣ Гегель правъ: по отношенію ко всѣмъ вещамъ, которыя мы можемъ мыслить вполнѣ и чисто логически, можно съ большой вѣроятностью допустить, что онѣ, дѣйствительно, были уже осуществлены гдѣ-либо логикой природы. Я считаю, поэтому, вполнѣ возможнымъ, что и въ любовной жизни оба названные фактора дѣйствовали совмѣстно: непосредственное усиленіе естествен-

ныхъ формъ красоты подъ вліяніемъ эротическаго возбужденія самого единичнаго любящаго существа, съ одной стороны, а съ другой, постепенно нарастающій, въ теченіе продолжительнаго времени, отборъ красивѣйшихъ признаковъ, наиболѣе ласкающихъ зрѣніе другого пола во время борьбы за обладаніе и въ періодъ осуществленія любви. Съ этой точки зрѣнія, самое цѣнное, теоретически, въ дарвиновской идеѣ „полового отбора“ заключается, быть можетъ, въ томъ, что уже самъ Дарвинъ усматриваетъ движущую силу вещей не только въ чемъ-то чисто внѣшнемъ, дѣйствующемъ, такъ сказать, черезъ головы живыхъ существъ, но допускаетъ и нѣчто внутреннее, внутренній процессъ въ живомъ существѣ. Пусть этотъ внутренній процессъ остается еще темнымъ. Я съ самаго начала сказалъ, что отнюдь не считаю этого вопроса исчерпаннымъ, если признать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ „сознательнымъ“ процессомъ, ибо этотъ вопросъ со всѣми примыкающими къ нему опредѣленіями мы въ безчисленномъ множествѣ случаевъ не можемъ себѣ хорошо уяснить даже относительно самого человѣка. Но именно поэтому, въ самомъ общемъ смыслѣ, весьма цѣнное значеніе имѣетъ во всѣхъ этихъ явленіяхъ понятіе о „собственномъ участіи отдѣльнаго существа“ — понятіе, которое такъ или иначе сохраняется любой теоріей. Несомнѣнно, это внутренній процессъ, когда птица самецъ расцвѣчиваетъ во время любовной страсти свою грудь блестящими красками, — все равно, какимъ бы то ни было образомъ, — внутренній процессъ, по крайней мѣрѣ для другой стороны, предпочитающей самца, щеголяющаго яркими красками.

Но врядъ ли найдется область въ жизни любви, въ которой такъ трудно было бы разобраться безъ понятія „собственное участіе“, какъ третья и послѣдняя область любовныхъ приманокъ, которой мы сейчасъ займемся. Мы говоримъ о выраженіи любовныхъ чувствъ при посредствѣ звуковъ, воспринимаемыхъ слухомъ. Отъ чириканья сверчка за шесткомъ до мелодическихъ трелей соловья тянется предъ нами безконечная цѣпь явленій, которыя намъ постоянно приходится признавать „активными дѣйствіями“ индивида. Ни одно изъ дѣйствій животныхъ не было такъ рѣшительно одухотворено наивнымъ человѣкомъ, такъ опредѣленно признано имъ за безусловно зависимое отъ воли и чувства животнаго, — какъ музыкальныя упражненія влюбленныхъ животныхъ. Птица поетъ потому, что это доставляетъ удовольствіе ей и другимъ. Даже лягушка по той же причинѣ квакаетъ. И сверчекъ чирикаетъ потому же. Отъ этого народное представленіе никогда не откажется. Тутъ много наивнаго, но много и такого, о чемъ стоитъ подумать изслѣдователю.

Разсудокъ простого человѣка особенно склоненъ приписать нечеловѣческому существу активную жизнь и волевую способность въ томъ случаѣ, когда слышитъ его голосъ. Животное существуетъ, находится налицо, чувствуетъ, когда оно кричитъ. Вотъ почему растенія долгое время считались безчувственными, — вѣдь роза не издаетъ ни малѣйшаго крика, когда ее срываютъ! Если бы устрицы, которыхъ мы ѣдимъ живыми, стонали при этомъ, онѣ бы никогда не попали къ намъ на столъ.

Причина этого кроется въ почти инстинктивномъ сравненіи живыхъ существъ съ нами самими. Но, кромѣ того, именно при музыкальныхъ упражненіяхъ животное выступаетъ предъ нами, какъ активно работающее. Какъ напрягается жаворонокъ, какъ надуваетъ свои звуковые мѣшки лягушка, какъ, совершенно по-человѣчески, съ такимъ горячимъ увлеченіемъ, на нашихъ глазахъ, дѣйствуетъ кузнечикъ своей ножкой, словно смычкомъ! Это уже, конечно, нѣчто бо́льшее, чѣмъ когда у птицы просто вырастаетъ голубое перо или у тритона брюшко становится огненно-краснымъ въ сезонъ любви. Единичное животное дѣлаетъ нѣчто во время своихъ музыкальныхъ упражненій: оно начинаетъ ихъ, прекращаетъ, когда ему мѣшаютъ, снова берется за нихъ, пробуетъ, упражняется, совершенствуется. Это можно сравнить въ отношеніи наглядности только съ поведеніемъ птицы, которая токуетъ, танцуетъ, распускаетъ перья, раздуваетъ ихъ колесомъ. Но здѣсь еще большой вопросъ: сознаетъ ли птица красоту своего оперенія. Развѣ она когда-либо глядѣлась въ зеркало? Что касается соловья, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ слышитъ свой голосъ. Чтобы найти нѣчто подобное въ зрительной области, надо обратиться къ бесѣдковой птицѣ: она, несомнѣнно, видитъ пестрыя перья именно какъ пестрыя, когда украшаетъ ими свое гнѣздо. Активно украшая гнѣздо, она дѣлаетъ то же, что дѣлаетъ соловей: она „занимается“. Но въ этой области болѣе, чѣмъ во всякой другой, бросаются намъ, людямъ, въ глаза индивидуальныя различія между животными. Здѣсь они даютъ о себѣ знать уже издали. Конечно, если я настрѣляю дюжины двѣ соловьевъ и сравню ихъ, то найду довольно индивидуальныхъ различій уже въ окраскѣ и величинѣ. Но это совершенно безцѣльное массовое убійство. Надо подождать, пока они запоютъ. У каждаго, — если послушать немного, — своя манера, своя особенность. И я бы не могъ болѣе опредѣленно и рѣзко выразить различіе между геніемъ и кропателемъ въ самой высокой человѣческой духовной работѣ, какъ сравненіемъ съ хорошимъ и дурнымъ пѣніемъ соловья. И умри когда-нибудь самое понятіе „врожденный геній“ въ человѣческомъ родѣ, его намъ вернетъ птицеводъ-канарейщикъ. Съ другой стороны, ни въ одной изъ способностей животныхъ не выступаетъ такъ ясно роль индивидуальнаго изученія, возможность этого изученія. А средство къ тому — ухо, только ухо. Поющая птица учится, когда она слушаетъ, — другихъ и себя самое. Но и здѣсь не слѣдуетъ преувеличивать значеніе вопроса о сознаніи. Спрашивается, какую собственно роль играетъ разсуждающее, обозрѣвающее сознаніе, когда ребенокъ учится перебирать клавиши фортепіано? являются ли дирижированіе оркестромъ или блестящая игра виртуоза въ строгомъ смыслѣ актами разсуждающаго сознанія? Въ складкахъ нашего мозга, какъ и въ мозгу самаго маленькаго животнаго, скрывается много такого, что и не снилось нашимъ школьнымъ мудрецамъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь открывается широкій путь къ изслѣдованію этихъ явленій въ любовной жизни и взаимномъ тяготѣніи другъ къ другу половъ.

Научныя воззрѣнія на исторію развитія органа слуха и чувства слуха претерпѣли въ новѣйшее время сильный переворотъ.

Прежде склонны были думать, что слухъ принадлежитъ къ числу чувствъ, развившихся очень рано, по крайней мѣрѣ въ животномъ царствѣ. Начало его стали искать въ глубинѣ водъ, и характерные слуховые органы были описаны у медузъ. Но затѣмъ мало-по-малу взглядъ этотъ измѣнился. Прежде всего, обратили вниманіе на тѣсную связь, существующую между опредѣленными органами слуховой области и другой областью, рѣзко обособленной отъ слуха собственно, а именно: на связь слуха съ способностью удерживать равновѣсіе, способностью, позволяющей животнымъ оріентироваться и держаться въ данномъ пространствѣ, сохраняя устойчивость. И вотъ точные опыты показали, что бо́льшая часть (а можетъ быть и всѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ) тѣхъ органовъ настоящихъ водныхъ животныхъ (до рыбъ включительно), которые раньше принимались за настоящіе слуховые органы, представляютъ скорѣе аппараты для оріентированія и равновѣсія. Кругъ существъ, обладающихъ слухомъ, значительно сузился противъ прежняго, включивъ въ себя, въ сущности, только сухопутныхъ членистыхъ и сухопутныхъ позвоночныхъ животныхъ, стало быть, только высшихъ въ интеллектуальномъ отношеніи представителей всѣхъ животныхъ формъ. Но если такъ, то все сказанное выше объ утонченности, объ одухотворенности (правильно понимаемой), о преимуществѣ и превосходствѣ именно этого чувства и объ его использованіи у животныхъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ этимъ новѣйшимъ воззрѣніямъ. Только въ любовной жизни наиболѣе высоко развитыхъ животныхъ можемъ мы ожидать звуковыхъ воспріятій, при чемъ я опять-таки провожу въ грубыхъ чертахъ параллель между высшими членистыми съ одной стороны и высшими позвоночными съ другой. Теоретически, при такой постановкѣ вопроса относительно этой „музыки любви“ у животныхъ, имѣетъ силу все то, что сказано выше о зрѣніи, — весь рядъ проблемъ до „полового отбора“ включительно; поэтому намъ нѣтъ надобности снова къ этому возвращаться: поскольку вопросы рѣшаются тамъ, они этимъ самымъ разрѣшаются и здѣсь. Но мы приведемъ два-три яркихъ факта изъ этой высшей области любовнаго привлеченія.

Вообще говоря, не трудно построить схему историко-эволюціонной связи между ощущеніями равновѣсія и слухомъ. Мы должны представлять себѣ органъ равновѣсія (таковой имѣется и у человѣка), какъ своего рода внутренній компасъ, сообразно которому чувствительные нервы постоянно оріентируются такъ, что весь корабль подвижного тѣла можетъ направляться прямо и цѣлесообразно. Нагляднѣе можно себѣ уяснить этотъ механизмъ, если сравнить его съ песочными часами, обѣ половины которыхъ находятся въ состояніи равновѣсія, т. е. въ обѣихъ песокъ находится на одномъ уровнѣ. Какъ только часы качнулись, песокъ вытекаетъ, нагружаетъ одну сторону больше — равновѣсіе нарушается, и эта неустойчивость автоматически отмѣчается вѣсовой разницей перегруженной половины. Въ принципѣ, органъ равновѣсія представляетъ полость, выстланную слоемъ тонкихъ чувствительныхъ волосковъ нерва. Въ этой полости плаваетъ, колышется легко и свободно маленькое тѣльце, известковая крупинка. Пока тѣло животнаго въ цѣломъ

сохраняетъ опредѣленное положенiе равновѣсiя, до тѣхъ поръ остается въ полномъ покоѣ и маленькое тѣльце среди нервныхъ рѣсничекъ. Но стоитъ только тѣлу смѣститься, пошатнуться или согнуться, — словомъ, выйти изъ состоянiя равновѣсiя, — какъ известковое тѣльце также начинаетъ колебаться криво, неправильно, односторонне, по направленiю къ тому или другому мѣсту вѣнца рѣсничекъ, какъ утратившая равновѣсiе магнитная стрѣлка въ компасѣ; оно сильнѣе давитъ на это мѣсто и возбуждаетъ въ нервѣ специфическое ощущенiе нарушенiя нормальнаго положенiя. Тогда все тѣло, подъ влiянiемъ нервнаго возбужденiя, дѣлаетъ движенiя, направленныя къ урегулированiю положенiя, — и цѣль эта достигается, разъ нервъ ощущаетъ известковое тѣльце снова въ состоянiи равновѣсiя. Это — вѣрный сигналъ, что вся масса тѣла также пришла въ равновѣсiе. Это подтверждается экспериментально: если разрушить у животнаго органъ равновѣсiя, то животному не удается сохранить устойчивость, и оно безпомощно опрокидывается.

Нетрудно понять, какимъ образомъ этотъ именно чувствительный механизмъ, предназначенный для измѣренiя колебанiй равновѣсiя, можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, стать исходнымъ пунктомъ развитiя слухового органа. Вѣдь этотъ послѣднiй, въ сущности, измѣряетъ не что иное, какъ колебанiя атмосфернаго давленiя, опредѣленныя воздушныя волны. Прежде всего явилась настоятельная необходимость, въ жизненныхъ интересахъ животныхъ, ставшихъ сухопутными и поселившихся въ этомъ вѣчно колеблющемся туда и сюда воздушномъ океанѣ, чтобы у нихъ выработался органъ-регистраторъ, органъ-измѣритель этихъ тонкихъ воздушныхъ колебанiй, воздушныхъ волнъ, — такой органъ, нервъ котораго взялъ бы на себя исключительно обязанность сообщать тѣлу о нарушенiяхъ покоя этой воздушной среды. Близость врага узнается, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, заблаговременно при помощи такихъ колебанiй, которыя этотъ аппаратъ воспринимаетъ и регистрируетъ, какъ „тоны" извѣстной высоты. Подобно тому, какъ на колебанiя равновѣсiя тѣло отвѣчаетъ соотвѣтственными полезными регулятивными движенiями, такъ и здѣсь, прислушиваясь къ посылаемымъ во-время сигналамъ регистрацiоннаго аппарата, животному удается избѣжать врага или обратиться въ бѣгство прежде, чѣмъ врагъ накроетъ его.

Но только ли враги обнаруживались этимъ путемъ? Вѣдь такимъ способомъ могло давать знать о себѣ также и желанное существо, звуковыя особенности котораго служили сигналомъ къ быстрѣйшему движенiю въ направленiи этого звука! Возможно также слѣдующее. Могли возникнуть ряды слѣдующихъ одна за другой звуковыхъ волнъ, не связанныхъ съ какой-либо опасностью и вообще приближенiемъ другого животнаго, но производившiя совершенно особое дѣйствiе. Расположенныя въ ритмическомъ порядкѣ, онѣ возбуждали въ нервѣ рядъ ритмически слѣдующихъ одно за другимъ ощущенiй, дѣйствовавшихъ поэтому „прiятно", согласно простымъ законамъ повторенiя, возрастанiя, смѣны и т. д. Организмъ же, съ своей стороны, реагировалъ на это вполнѣ цѣлесообразно вибрацiями, повторявшими эти ритмическiя раздраженiя, предполагая, что этотъ процессъ

возникалъ подъ вліяніемъ воздѣйствія извнѣ, а не былъ съ самаго начала результатомъ самостоятельной ритмической дѣятельности самого организма (въ указанномъ выше смыслѣ). Въ послѣднемъ случаѣ ухо являлось первоначально для этого рода собственныхъ колебаній, связанныхъ съ ощущеніями удовольствія, быть можетъ тоже только своего рода компасомъ, — органомъ равновѣсія. Но оставимъ это. Во всякомъ случаѣ, разъ ухо образовалось, оно должно было реагировать на дѣйствующіе на него издалека пріятные ритмы, должно было ихъ регистрировать. Что же, если именно это связывалось съ простымъ извѣщеніемъ, посредствомъ звука, о близости желаннаго существа? Если это существо желалось потому, что, будучи одного вида, оно представляло другой полъ? Если, словомъ, влюбленные посылали другъ другу вѣсти посредствомъ ряда ритмически пріятныхъ, раздражающихъ и возбуждающихъ нервы звуковыхъ колебаній?

Вотъ рамка, въ которую можно свободно уложить картину дѣйствительности, руководствуясь данными современной науки. Она захватываетъ и человѣка, который — мы снова повторяемъ это — отнюдь не представляетъ исключенія въ природѣ, а только ея высшее проявленіе. Наша человѣческая рѣчь возникла изъ оріентировки въ хаосѣ звуковъ окружающаго міра и изъ использованія собственныхъ, развившихся на основѣ этой оріентировки, звуковъ ради практическихъ цѣлей жизни. Изъ нашей потребности въ ритмическихъ звукахъ родились пѣніе и музыка. Нѣтъ надобности говорить, что наше любовное возбужденіе связано съ усиленнымъ влеченіемъ къ пѣнію и музыкѣ; это всѣмъ извѣстно.

Народное повѣрье связываетъ съ нѣкоторыми представителями изъ міра насѣкомыхъ мысль о смерти. У бабочки „мертвая голова“ оно находитъ (въ ея рисункѣ, во всякомъ случаѣ, очень характерномъ) символъ смерти — черепъ съ двумя скрещенными костями. Изслѣдователя всякихъ проявленій звука въ животномъ мірѣ эта бабочка интересуетъ болѣе потому, что, пойманная, она издаетъ рѣзкій звукъ. Въ данномъ случаѣ это, безъ сомнѣнія, не звукъ приманки, а предостерегающій звукъ, подобно громкому жужжанію осы. Страшный, какъ привидѣніе, черный, какъ уголь, жукъ, часто появляющійся въ погребахъ и склепахъ, получилъ прозвище „mortisaga“ — вѣстника смерти. Но ни одно насѣкомое не поражало такъ человѣческой фантазіи, какъ жукъ-„часовщикъ“. Изъ гнилыхъ стѣнъ, изъ старой мебели, словомъ, отовсюду, гдѣ ютятся излюбленные духи спиритовъ, раздается таинственно постукиваніе, часто правильно повторяющееся, точно тиканье часовъ. Оно предвѣщаетъ будто бы смерть или, по меньшей мѣрѣ, бѣду. Ученые, однако, расколдовали этого стучащаго домового, разыскавъ его въ лицѣ крошечнаго, сравнительно съ производимымъ звукомъ, жучка. Звукъ этотъ онъ производитъ такъ: средними лапками крѣпко упирается, а головой и шейнымъ щиткомъ энергично стучитъ о дерево. Тщательныя наблюденія твердо установили, что это постукиваніе совпадаетъ съ брачнымъ періодомъ. Оба пола практикуютъ его съ одинаковымъ рвеніемъ. Въ этомъ усматриваютъ „перестукиваніе“, т. е. сигналы, извѣщающіе о присутствіи и любовномъ томленіи какъ самца, такъ и самку. Но стукъ не прекращается еще долго послѣ

того, какъ они сошлись. Одна такая парочка жуковъ изъ вида Anobium tesselatum испытала на глазахъ наблюдателя всѣ радости сближенія. Но едва разошлись, самка снова подняла стукъ. Моментально застучалъ и самецъ, и, стуча, они все ближе и ближе подвигались другъ къ дружкѣ — пока снова не совокупились. Здѣсь стуки, очевидно, не имѣли значенія собственно подачи вѣсти о себѣ изъ далека, взаимнаго разыскиванія половъ. Они означали лишь наличность любовныхъ вожделѣній, стимулировали къ новому соитію. Легко себѣ представить, — хотя къ данному случаю это, можетъ быть, и не примѣнимо, — что такое прочно укоренившееся въ ряду безчисленныхъ поколѣній стремленіе влюбленныхъ насѣкомыхъ стучать можетъ привести къ соотвѣтственному измѣненію формы тѣла жука, — къ образованію особаго молоткообразнаго органа. Такіе именно органы, значеніе которыхъ не возбуждаетъ сомнѣній, имѣются у любителей музыки изъ порядка такъ называемыхъ полужесткокрылыхъ. Сюда принадлежатъ столь непріятные всѣмъ клопы, не предающіеся, однако, никакимъ музыкальнымъ упражненіямъ, о чемъ хозяйки, конечно, могутъ только пожалѣть, такъ какъ эти упражненія могли бы указать намъ мѣста ихъ свадебъ. Но сюда же принадлежатъ безусловно величайшіе концертисты въ мірѣ насѣкомыхъ: цикады (кобылки). Кто былъ на Капри, тотъ хорошо знаетъ, что такое этотъ концертъ въ извѣстное время. Это уже не влюбленная пѣвица, которую прославляетъ Анакреонъ, а полчище крикуновъ, которые поднимаютъ невѣроятный гвалтъ, свистятъ, трубятъ и бьютъ въ барабаны, точно міръ принадлежитъ имъ однимъ. Но вся эта шумная публика исключительно самцы, влюбленные, зовущіе, возбужденные самцы. Женская половина цикадъ молчитъ, слушаетъ только. К а к ъ она слушаетъ, ч ѣ м ъ — остается до поры до времени еще тайной, — какъ и по отношенію къ большей части насѣкомыхъ, такъ какъ до сихъ поръ не удалось еще открыть у нихъ органы слуха.

Зато мы знаемъ точно звуковые органы самцовъ. Насѣкомое, вообще, не имѣетъ связаннаго съ горломъ легкаго, подобно сухопутнымъ позвоночнымъ. Оно дышитъ при посредствѣ безчисленныхъ поръ, разсѣянныхъ по всему тѣлу. Поэтому его голосъ, даже въ томъ случаѣ, когда это, дѣйствительно, голосъ въ нашемъ смыслѣ, то есть звукъ, производимый сотрясеніемъ выдыхаемаго воздуха, не исходитъ изъ полости рта, и органъ его не связанъ съ головой. У самцовъ цикадъ звуковые аппараты помѣщены въ задней части груди. Тамъ открываются дыхательныя отверстія, которыя, при помощи особыхъ мускуловъ, стягиваются и превращаются въ „голосовыя щели“. Съ шумомъ выступающій выдыхаемый воздухъ отражается, кромѣ того, въ особыхъ органахъ, настоящихъ резонаторахъ, — пустотахъ въ груди, снабженныхъ колеблющейся перепонкой. Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что такія приспособленія, при достаточной величинѣ и силѣ животнаго, могутъ породить стрекотаніе, барабанный бой и свистъ значительной силы. И, однако, э т о еще не самое удивительное звуковое приспособленіе у насѣкомыхъ. Оно напоминаетъ (въ мірѣ насѣкомыхъ) наше пѣніе (музыку). Пѣніе считаемъ мы, конечно, искусствомъ, но все-таки „естественнымъ“. Болѣе утонченнымъ кажется намъ изобрѣтеніе особыхъ звуковыхъ

инструментовъ — скрипокъ и роялей, которыми управляетъ наша рука. Но какъ близко къ этому стоитъ уже настоящій кузнечикъ, — насѣкомое изъ группы прямокрылыхъ. Музыканты кузнечики — тоже только самцы; музыка ихъ порой достигаетъ такой силы, что трескотня кузнечиковъ бываетъ слышна на разстояніи англійской мили. Въ этомъ случаѣ удалось найти также слуховые органы у самокъ. Органы эти, по строенію своему, напоминаютъ барабаны-резонаторы цикадъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что за перепонкой барабана находится слуховой нервъ, вслѣдствіе чего она дѣйствуетъ какъ передающая звукъ „барабанная перепонка“ нашего уха; эти уши самокъ-кузнечиковъ помѣщаются большею частью на ногахъ. Но способъ, какимъ влюбленный и возбужденный кузнечикъ-самецъ производитъ музыку, представляетъ собою не что иное, какъ настоящую игру на скрипкѣ. Только онъ совершаетъ это еще не съ помощью внѣшнихъ инструментовъ, а пользуется нѣкоторыми наружными придатками своего тѣла, превращая ихъ въ скрипку и смычокъ. Активная дѣятельность животнаго извлекаетъ съ помощью скрипки и смычка опредѣленные, громкіе, правильно чередующіеся звуки, которые часто и нашему человѣческому уху не кажутся непріятными. Въ южныхъ странахъ охотно держатъ кузнечиковъ въ маленькихъ клѣткахъ, какъ у насъ канареекъ, — доказательство, что неразвитому человѣческому слуху игра нашего насѣкомаго кажется настоящей „музыкой“.

Троякимъ способомъ играютъ на скрипкѣ сверчки и кузнечики. Собственно сверчки поочередно трутъ однимъ надкрыльемъ о другое, при чемъ одно и то же надкрылье служитъ то скрипкой, то смычкомъ. На каждомъ надкрыльѣ роль смычка играетъ жилка на нижней его сторонѣ, Жилка эта снабжена болѣе чѣмъ сотней острыхъ зубчиковъ. Скрипка же представляетъ собою выдающуюся гладкую жилку на верхней сторонѣ противоположнаго надкрылья. У нашихъ кузнечиковъ роль смычка играетъ обыкновенно только лѣвое надкрылье; онъ всегда водитъ ея нижней жилкой по краю праваго надкрылья. Въ обоихъ случаяхъ надкрылье-скрипка откликается на это громкими звуковыми колебаніями. Зубчики здѣсь, по мнѣнію Вейсмана, „имѣютъ то же назначеніе, что канифоль для смычка скрипки: они поочередно то схватываютъ струну, то выпускаютъ ее и, такимъ образомъ, приводятъ въ состояніе звуковыхъ колебаній“. Но самую законченную форму скрипки мы находимъ у полевыхъ кузнечиковъ (прусиковъ), которые водятъ зазубреннымъ бедромъ задней ноги, какъ настоящимъ подвижнымъ смычкомъ, по жилкамъ надкрылья, точно по струнамъ скрипки.

Дальше этого, въ музыкальномъ отношеніи, не ушло насѣкомое. Чтобы достигнуть дальнѣйшаго усовершенствованія, ему необходимы были бы еще двоякаго рода вспомогательныя образованія: во-первыхъ, сосредоточеніе голосовой щели и легкихъ въ особомъ пунктѣ тѣла, подчиненномъ центральной нервной системѣ, во-вторыхъ, рука, которая могла бы пользоваться музыкальными инструментами. Первое осуществилось, и, повидимому, довольно рано, у сухопутныхъ позвоночныхъ живот-

ныхъ. Второе же удалось осуществить позвоночному лишь въ лицѣ человѣка. Лишь только позвоночное выходитъ изъ воды на сушу, какъ, напримѣръ, лягушка въ брачный періодъ, оно тотчасъ же начинаетъ неистово квакать и барабанить, и именно при помощи ротового отверстія, которое въ то же время становится легочнымъ отверстіемъ. И здѣсь квакаютъ только самцы. Уже здѣсь мы находимъ попытки (продолжающіяся затѣмъ вплоть до высшихъ позвоночныхъ!) образовать въ области гортани особыя приспособленія, въ родѣ резонатора цикадъ. Это — гортанные мѣшки самцовъ-лягушекъ, раздувающіеся при кваканіи въ толстые пузыреобразные резонаторы. Вскорѣ, однако, примѣшиваются къ первоначально отвратительному кваканію болѣе тонкіе, нѣжные ритмическіе тоны. Начало этого представляютъ уже наша лягушечьи концерты, которые не въ шутку, а въ серьезъ можно считать первыми попытками замирающихъ свистовъ и разсыпающихся трелей нашего соловья. Трели жерлянокъ, эти поистинѣ грандіозныя проявленія изливающейся въ пѣснѣ животной любви, въ болотахъ и ямахъ, мнѣ отнюдь не кажутся отвратительными; наконецъ, тропическія древесныя лягушки оглашаютъ по ночамъ дѣвственный лѣсъ звонкимъ, напоминающимъ колокольчикъ, кваканіемъ, которому, безъ сомнѣнія, нельзя отказать въ мелодичности.

У пресмыкающихся всѣ эти дарованія какъ будто снова пропадаютъ. Но еще вопросъ, такъ ли было у ихъ далекихъ первобытныхъ предковъ. Что изъ пресмыкающагося развилась птица, преобразовавшая кваканье древесной лягушки въ настоящую мелодію, это фактъ. До сихъ поръ своеобразное строеніе гортани птицъ, которая, какъ голосовой органъ, рѣзко отличается отъ гортани млекопитающихъ и человѣка, свидѣтельствуетъ о томъ, что родословная птицы совершенно иная. Но приспособленіе птицы къ воздушной средѣ сдѣлало ее легочнымъ животнымъ по преимуществу (съ своими воздухоносными ходами, распространяющимися отъ легкаго и проникающими даже въ глубь костей, птица, можно сказать, — „сплошь легкое"). Не мудрено, поэтому, что у нея развился громкій голосъ. Стоитъ только вспомнить крикъ хищной птицы или зовъ кукушки, чтобы убѣдиться, какъ звученъ голосъ птицы и какъ далеко онъ слышенъ, стоитъ вспомнить ликующія трели жаворонка въ полѣ, когда онъ подымается къ небесамъ, чтобы сообразить, какой силы достигаетъ его голосъ. А иволга съ ея ритмическимъ любовнымъ призывомъ... У соловья этотъ призывъ становится пѣсней. Изъ опыта искусственнаго обученія птицъ мы знаемъ, что границы возможнаго, въ смыслѣ усвоенія нашихъ человѣческихъ мелодій, опредѣляются здѣсь не строеніемъ гортани, а только интеллектомъ. Мой зеленый попугай, ежедневно высвистывающій и напѣвающій разныя знакомыя мнѣ мелодіи, удостовѣряетъ меня въ одномъ: этимъ именно мелодіямъ, какъ таковымъ, научилъ его человѣкъ; но способность ихъ воспроизводить — прирожденный даръ птицы.

Отнюдь не случайность, что лягушка, которая можетъ становиться на заднія лапы и держаться вертикально, квакаетъ, тогда какъ ящерица и черепаха, способныя двигаться только на четвереренькахъ, почти нѣмы; что птица, стоящая на двухъ заднихъ ко-

 Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Ухаживаніе.

По картинѣ Э. Вюннеберга.

нечностяхъ и летающая съ помощью переднихъ конечностей, гораздо лучше поетъ въ сезонъ любви, чѣмъ лягушка. Это даетъ намъ ключъ къ отношеніямъ у млекопитающихъ.

Какъ настоящія четвероногія, они ревутъ, мычатъ, трубятъ, хрюкаютъ и свищутъ. Но пѣнія здѣсь и слѣда нѣтъ. Но какъ только среди млекопитающихъ впервые появляется прямостоящее — обезьяна — возстановляется и способность къ пѣнію. И у обезьянъ мы снова видимъ попытку усилить голосъ — собственно у самцовъ — при помощи особыхъ, часто огромныхъ зобообразныхъ глоточныхъ мѣшковъ. Но, наряду съ силой, здѣсь обнаруживается уже и тонкость. Человѣкообразный (быть можетъ наиболѣе близкій къ человѣку по происхожденію) гиббонъ умѣетъ даже пропѣть правильно гамму. Онъ распѣваетъ ее очень монотонно, постепенно понижая голосъ, въ глубинѣ своего первобытнаго лѣса, какъ далекую приманку любви и близкое выраженіе полового вожделѣнія (на подобіе стука сверлильщика въ старомъ деревѣ). Въ родословномъ деревѣ гиббона, можетъ быть даже по прямой линіи, мы должны искать первобытныхъ предковъ человѣка. Во что обратилась гамма въ рукахъ человѣка, какъ чистое искусство и выраженіе любви, намъ хорошо извѣстно.

Мы довели наше изслѣдованіе до конца. Мы двигались отчасти отъ загадокъ къ загадкамъ, — кто могъ бы ожидать иного, имѣя дѣло съ великой книгой загадокъ природы? Есть старая поговорка: „то, что мы здѣсь видимъ въ зеркалѣ, то увидимъ тамъ лицомъ къ лицу“. Я вижу это „тамъ“ только въ далекой, все болѣе преуспѣвающей, все болѣе просвѣтляющейся эволюціи. Но самъ человѣкъ явился на землѣ уже просвѣтлѣніемъ. И онъ, дѣйствительно, смотритъ на себя, какъ на нѣчто безусловно свѣтлое, по отношенію къ чему все животное, все низшее, органическое является лишь отраженіемъ въ мутномъ, темномъ зеркалѣ. Но изслѣдованіе не можетъ допустить такого противопоставленія. Свѣтъ, который оно вноситъ, распространяется и вверхъ, и внизъ. Наша собственная любовная жизнь и любовныя домогательства болѣе слѣпы, чѣмъ мы думаемъ. (См. художественное приложеніе: „Вюнненбергъ. Домогательство любви“.) Намъ приходится изучать наше собственное сознаніе на животныхъ, сознаніе которыхъ представляетъ для насъ такую трудную проблему. Въ концѣ концовъ все сводится къ старому индійскому взгляду, согласно которому мы видимъ свой собственный ликъ всюду, куда ни взглянемъ. Великимъ, возвышеннымъ, огромнымъ, какъ міръ, является онъ намъ въ свѣтящихся туманныхъ пятнахъ и скопленіяхъ звѣздъ небеснаго свода. И наоборотъ, онъ кажется намъ малымъ, уродливымъ, какъ домовой, въ самцѣ-кузнечикѣ, наигрывающемъ на своей скрипкѣ любовную пѣсенку. Онъ восхищаетъ насъ въ роскошномъ опереніи птицы и яркихъ переливахъ ея красокъ, которыхъ мы создать не можемъ. „Это ты!“ слышится со всѣхъ концовъ вселенной. Это въ концѣ концовъ дружескій призывъ, открывающій намъ всюду двери. Изъ глубочайшихъ нѣдръ природы, раздѣлившей когда-то полы, раздается вѣчный призывный кличъ, снова соединяющій ихъ.

Рис. 56. Становище вновь открытаго пастушескаго племени въ Тибетѣ.

Глава вторая.

Культурная исторія брака.

Проф. д-ра философіи Т. Ахелиса, въ Бременѣ.

Въ настоящее время слѣдуетъ признать, что прежніе взгляды на происхожденіе семьи и въ связи съ этимъ на эволюцію брака совершенно несостоятельны. Нигдѣ мощное вліяніе современной этнографіи на исторію культуры, — какъ называютъ этотъ важный отдѣлъ міровой исторіи, — не сказалось такъ сильно, какъ именно въ этой области. Для всякаго безпристрастнаго судьи представляется совершенно неопровержимымъ, что безспорно установленные факты изъ жизни народовъ, не уживающіеся съ ходячимъ, извѣстнымъ изъ Библіи (см. художественное приложеніе: „Адамъ и Ева" Джоржоне) представленіемъ о патріархальномъ учрежденіи семьи, требуютъ самаго тщательнаго разсмотрѣнія, если мы хотимъ установить болѣе или менѣе удовлетворительную связь соціальныхъ явленій именно въ этой области. Ниже мы еще вернемся къ этому пункту, но предварительно замѣтимъ, что здѣсь различныя отношенія родства имѣли

Адамъ и Ева.

По картинѣ Джорджоне.

(Фотогравюра Фотограф Общ. въ Берлинѣ)

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

рѣшающее вліяніе на установленіе тѣхъ или другихъ формъ брака. Матріархатъ, — т. е. система родства исключительно по матери, судя по несомнѣннымъ даннымъ, предшествовавшая патріархату, — не могъ служить благопріятной почвой для возникновенія строго индивидуальнаго брака, съ котораго принято начинать исторію семьи. Новѣйшее, опирающееся на этнографію, сравнительное правовѣдѣніе, обогатившее уже насъ столь важными, по своимъ результатамъ, открытіями, — установило съ приблизительной достовѣрностью, что предтечей нашей индивидуальной семьи, а равно и исходнымъ пунктомъ дальнѣйшей эволюціи, были, такъ называемые, групповые браки въ простѣйшей формѣ основанныхъ на признаніи кровнаго родства по матери и сильно коммунистическихъ половыхъ сожительствъ. Одинъ изъ выдающихся изслѣдователей въ этой области, юристъ А. Г. Постъ въ Бременѣ, описываетъ эти весьма непрочныя, едва выходящія изъ рамокъ половыхъ отношеній, товарищества слѣдующимъ образомъ. У многихъ народовъ приходится наталкиваться на такіе взгляды, которые находятся въ полномъ противорѣчіи со всѣми индивидуальными формами брака. Основная мысль, повидимому, такова: каждый мужчина и каждая женщина уже появленіемъ своимъ на свѣтъ предназначены къ тому, чтобы вступить въ половыя сношенія съ любымъ мужчиной или женщиной извѣстной группы, такъ что сношенія эти не воспрещаются, хотя фактически они могутъ и не осуществляться. Это мысль, ничего общаго не имѣющая съ бракомъ, съ союзомъ мужчины и женщины, — все равно, будетъ ли онъ основанъ на принужденіи, или на договорѣ между двумя семьями или между главами этихъ семействъ, или же, наконецъ, между самими супругами.

Такіе групповые браки встрѣчаются, однако, фактически лишь въ видѣ единичныхъ явленій. Но есть цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ на то, что такія формы когда-то существовали. Этими групповыми браками ограничивается, по моему мнѣнію, теорія общности женъ. Подъ послѣдней слѣдуетъ разумѣть совершенно безпорядочное половое сожительство, — не только какъ фактическое состояніе, но и какъ правовое установленіе. Вполнѣ неустойчивыя брачныя отношенія между мужчиной и женщиной, если даже они во всякое время, по произволу любой изъ сторонъ, могутъ быть порваны, не представляютъ чего-либо особеннаго сравнительно съ болѣе прочными формами брака и не даютъ еще права признавать, что въ первобытное время было особое установленіе въ формѣ общности женъ, — что совершенно противорѣчило бы позднѣйшимъ человѣческимъ отношеніямъ. Какъ бы мы ни отнеслись къ вопросу о существованіи когда-то общности женъ, не только какъ фактическаго, но и какъ правового института (какъ думалъ въ свое время Бахофенъ, мнѣніе котораго, однако, въ послѣднее время отвергнуто большей частью изслѣдователей), — вѣрно одно, что въ первобытное время, — если позволительно употребить это выраженіе, — существовали очень непрочныя отношенія, съ сильно выраженной половой разнузданностью. Въ доказательство этого приводятся не безъ основанія многія племена Австраліи, а также и Африки, Индіи и т. д.

Къ этой же категоріи явленій относятся и случайные половые союзы — на опредѣленный срокъ или вообще въ видѣ пробы, — встрѣчающіеся у самыхъ различныхъ племенъ и при томъ весьма удаленныхъ другъ отъ друга пространственно, а также широко распространенный обычай религіозной проституціи или обычай австралійцевъ временно возвращаться, въ случаѣ исключительныхъ несчастій и опустошительныхъ эпидемій, къ общему обладанію женщинами, и многіе другіе.

Короче, — мы должны допустить, на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ, что задолго еще до собственно индивидуальныхъ формъ брака, къ разсмотрѣнію которыхъ сейчасъ переходимъ, существовали у бо́льшей части народовъ, — а по мнѣнію другихъ, повсюду, — отношенія поразительной нравственной непринужденности. Достойно вниманія, — прибавимъ мы въ заключеніе этого очерка, — что наиры — высшая благородная каста на Малабарскомъ берегу — не знающіе никакого индивидуальнаго брака, организованы строго матріархально, т. е. ведутъ свое родство только по материнской линіи. Многія изъ этихъ явленій, впрочемъ, только мѣстнаго характера, или же представляютъ собою продукты упадка и разложенія, а потому, само собою, не могутъ имѣть силы общеобязательнаго значенія. Даже у многихъ кочующихъ пастушескихъ племенъ мы находимъ въ настоящее время чистыя формы индивидуальнаго брака (см. рис. 56). Болѣе твердую почву почувствуемъ мы подъ ногами, когда обратимся къ тремъ извѣстнымъ правильнымъ формамъ индивидуальнаго брака, а именно: къ поліандріи, полигаміи и моногаміи. Здѣсь капризу и произволу противопоставлены опредѣленныя правовыя нормы.

I. Брачныя формы общаго характера.

1. Многомужество (поліандрія).

Многомужество далеко не имѣетъ всеобщаго значенія. Въ Африкѣ, напримѣръ, оно совсѣмъ не встрѣчается, а въ Европѣ оно было лишь единичнымъ явленіемъ.

Во всякомъ случаѣ многомужество не слѣдуетъ смѣшивать съ существовавшей вначалѣ, повидимому, повсемѣстно общностью женъ, хотя нѣкоторыми своими чертами — правомъ женщины, у нѣкоторыхъ племенъ, имѣть наряду съ собственно мужемъ какое угодно число возлюбленныхъ — оно соприкасается съ послѣдней. Но различіе состоитъ въ томъ, что въ поліандріи женщина имѣетъ сношенія съ опредѣленными мужчинами. Конечно, неизвѣстность происхожденія со стороны отца играетъ при этомъ большую роль. На это ясно указываетъ сообщеніе Цезаря о древнихъ кельтахъ Британіи, у которыхъ, по его словамъ, дѣти, рожденные въ многомужествѣ, принадлежали тому мужчинѣ, который первый вошелъ въ домъ женщины. О древнихъ арабахъ разсказывали, что у нихъ нѣсколько мужчинъ, — во всякомъ случаѣ не больше десяти человѣкъ, — жили съ одной женщиной. Въ случаѣ, если женщина забеременѣетъ и родитъ, она посылаетъ за всѣми своими мужьями, и когда они всѣ соберутся,

указываетъ на одного изъ нихъ какъ на отца ребенка. Послѣ этого ребенокъ считается его ребенкомъ. Въ другихъ случаяхъ женщина живетъ съ неопредѣленнымъ числомъ мужчинъ; она вступаетъ въ сношенія съ кѣмъ хочетъ. Она вывѣшиваетъ флагъ надъ своей дверью, и кто хочетъ вступить съ нею въ сношенія, идетъ къ ней. Если она забеременѣетъ и родитъ, къ ней собираются всѣ мужчины. Приглашенные эксперты указываютъ, на основаніи извѣстныхъ признаковъ, отца ребенка, и тотъ не можетъ отъ него отказаться. Однако, здѣсь мы, вѣроятно, уже имѣемъ дѣло съ вырожденіемъ, — какъ и въ томъ случаѣ, когда

Изъ соч. Фильхнера „Das Rätsel des Matschu".
Рис. 57. Гостепріемные хозяева въ Ришвармѣ (на Тибетскомъ плоскогорьѣ).

жена уступается гостямъ и родственникамъ, — что, въ свою очередь, само собою, легко можетъ выродиться уже въ профессіональную проституцію. Настоящая родина многомужества — плоскогорье Тибета и передне-индійскія области Гималая. Но именно здѣсь ходячее объясненіе этого явленія экономическими причинами — бѣдностью, не оправдывается, ибо многомужество практикуется по преимуществу богатыми.

Ученый путешественникъ Фильхнеръ обстоятельно описываетъ мирную жизнь одной супружеской четы на Тибетскомъ плоскогорьѣ, у которой онъ нашелъ гостепріимный пріютъ (рис. 57). Напротивъ, болѣе рѣшающее значеніе имѣло здѣсь, по мнѣнію французскаго ученаго Летурно, неравенство численности половъ, при чемъ убиваніе дѣтей женскаго пола также оказывало при

случаѣ вліяніе. Онъ различаетъ матріархальную и патріархальную форму многомужества. Первая представлена описанными выше отношеніями у наировъ Малабарскаго побережья, гдѣ родство ведется строго по материнской линіи, такъ что мѣсто родного отца во всѣхъ правовыхъ отношеніяхъ занимаетъ братъ матери (дядя). Вторая, патріархальная, организація исключаетъ, наоборотъ, всякую самостоятельность со стороны женщины, отдавая ее всецѣло во власть, — большей частью тиранническую, — мужа. Здѣсь многое теперь еще недостаточно выяснено, а потому лучше воздержаться отъ преждевременныхъ блестящихъ гипотезъ; напримѣръ, очень сомнительно мнѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, что многомужество непосредственно происходитъ отъ матріархата и представляетъ поэтому общій продуктъ эволюціи.

Здѣсь кстати слѣдуетъ упомянуть о нѣкоторыхъ переходныхъ формахъ, являющихся какъ бы отпрысками группового брака, когда этотъ послѣдній сталъ мало-по-малу преобразовываться въ отдѣльные союзы. Сюда принадлежатъ прежде всего, такъ коробящіе наше чувство, браки мальчиковъ, т. е. обычай помолвки несовершеннолѣтняго мальчика со взрослой дѣвушкой, которая, пока нареченный не возмужаетъ, живетъ съ другими родичами, обыкновенно со свекромъ. Рожденные отъ этого союза дѣти считаются, большею частью, дѣтьми мальчика, хотя часть ихъ нерѣдко переходитъ къ настоящему виновнику ихъ существованія. Этотъ обычай наблюдается, напр., у реддіевъ южной Индіи, у кавказскихъ племенъ, у чибчасовъ Новой Гренады, у батаковъ на Суматрѣ и т. д. И наоборотъ, иногда несовершеннолѣтнія дѣвушки обручаются и вѣнчаются со взрослыми юношами, при чемъ онѣ или возвращаются въ родительскій домъ, или же немедленно вступаютъ въ семью будущаго мужа своего. Пока невѣста не созрѣетъ, женихъ, по словамъ Поста, ищетъ любви у другой женщины. У ароваковъ онъ порою женится на другой, обыкновенно на вдовѣ, которая, большею частью, дается ему или рекомендуется его тестемъ, — разъ въ семьѣ послѣдняго имѣется такое подходящее лицо. Какъ только дѣвушка становится способной къ супружеской жизни, она вступаетъ въ свое право жены, а предмѣстница ея становится ея слугою. Часто дѣвушка даетъ обѣтъ воздержанія, въ чемъ ручаются ея родители. Въ случаѣ же нарушенія обѣта, родители невѣсты платятъ жениху за убытки или же возвращаютъ ему сумму выкупа, уплоченную имъ при помолвкѣ. Что касается жениха, то онъ въ половомъ отношеніи пользуется гораздо большей свободой.

Въ непосредственной связи съ многомужествомъ и групповымъ бракомъ находится болѣе извѣстная и болѣе распространенная форма брака — левиратъ. Въ случаѣ смерти мужа, вдова преемственно переходитъ къ его брату, который продолжаетъ родъ покойнаго, производя за него, въ качествѣ его представителя, дѣтей, естественно остающихся на его попеченіи и подъ его покровительствомъ. Въ Индонезіи, въ Индійскомъ архипелагѣ, наблюдается матріархальная форма. Супругъ при этомъ постоянно вступаетъ въ семью жены, а родившіяся отъ этого брака дѣти зачисляются въ родословную матери, съ правами наслѣдованія. Патріархальная же форма, которую прежде считали достояніемъ только евреевъ, пользуется гораздо болѣе широкимъ распространеніемъ (напр. у индусовъ) и представляетъ явленіе обыкновенное. Разновидностью левирата является индійская нійога, т. е. супружеское сожительство жены при жизни мужа съ братомъ или ближайшимъ родственникомъ послѣдняго. Нѣчто подобное встрѣчается и у чукчей и т. д. Есть другіе случаи, въ которыхъ обнаруживается связь между левиратомъ и такими своеобразными формами группового брака, какъ, напр., у туземцевъ Каролинскихъ острововъ. Однако, не всѣ явленія, которыя относятъ обыкновенно къ левирату, одинаковаго происхожденія. Важную роль, повидимому, играло въ этихъ формахъ брака воззрѣніе на женщину, какъ на достояніе рода, переходящее, въ качествѣ таковаго, по наслѣдству. Это приводитъ къ самымъ страннымъ послѣдствіямъ. Каффры наслѣдуютъ послѣ отца (или другого завѣщателя) также и женъ его. Сынъ не прикасается къ женамъ своего отца, но можетъ ихъ отдать въ постоянное или временное пользованіе другимъ мужчинамъ, и дѣти, рожденныя отъ такой связи, считаются дѣтьми покойнаго отца и, какъ таковыя, наслѣдуются сыномъ.

Если вдова вздумаетъ выйти замужъ, то она должна быть выкуплена у наслѣдниковъ; за послѣдними остаются и ея дѣти отъ умершаго мужа. Но такъ какъ матери съ трудомъ разстаются съ своими дѣтьми, то вдова большею частью предпочитаетъ не выходить совсѣмъ замужъ, оставаясь принадлежностью всѣхъ мужчинъ семьи, — что отнюдь не считается для нея позоромъ, — и рождая наслѣднику своего мужа дѣтей.

Въ большинствѣ случаевъ, однако, первоначальная связь между левиратомъ и поліандріей утратилась, и мы лишь случайно наталкиваемся у нѣкоторыхъ племенъ на такую связь. Къ такимъ случаямъ, напр., принадлежитъ установленіе индійскаго законодателя Ману, по которому дядя (по отцу) считается роднымъ отцомъ своего племянника, или тѣсно связанный съ проституціей, такъ называемый, трехчетвертной бракъ (въ Нубіи). Гельвальдъ описываетъ его такъ: супруга араба племени Гассаніе выговариваетъ себѣ три дня въ недѣлю, въ теченіе которыхъ она вольна отдаваться кому желаетъ, напр. пріѣзжему иностранцу. Дочери обыкновенно продаются тѣмъ, кто больше платитъ, какъ это порою имѣетъ мѣсто и въ христіанскихъ странахъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что у магометанъ, вслѣдствіе легкости у нихъ развода, всякія ошибки легко поправимы. У арабовъ Гассаніе, въ случаѣ свадьбы, собираются обыкновенно обѣ семьи, — жениха и невѣсты. Отецъ жениха предлагаетъ матери невѣсты важный вопросъ: сколько дней въ недѣлѣ брачный союзъ долженъ строго соблюдаться? Мать ставитъ на видъ, что три австрійскихъ талера, дойная корова и два быка, предлагаемые за ея дочь, ровно ничего не значатъ въ сравненіи съ молодостью и красотой ея дочери, а также и семейными ея связями, а потому, — заключаетъ мать, — она можетъ только согласиться, чтобы дочь ея оставалась вѣрной супружескимъ обязанностямъ лишь два дня въ недѣлю. Семья жениха становится при этомъ на дыбы, подымается шумъ, гамъ, крикъ; непосвященному кажется, что дѣло дойдетъ до кровопролитія. Но вмѣшиваются убѣленные сѣдиной посредники, умиротворяютъ обѣ стороны и приводятъ къ разумному равновѣсію предложенія и требованія. Семья жениха повышаетъ плату, а мать невѣсты изрекаетъ наконецъ рѣшеніе: въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и четвергъ, т. е. цѣлыхъ четыре дня въ недѣлю, молодая жена принадлежитъ мужу, остальные же дни всецѣло остаются въ ея распоряженіи. На этомъ обѣ стороны и сходятся, и, по случаю счастливаго окончанія переговоровъ, послѣ всяческихъ взаимныхъ положеній, все завершается здоровой выпивкой мериссанскаго пива

Рис. 58. Глава джаггов, Улелія (нѣмецкія владѣнія восточной Африки) съ двумя его женами; на заднемъ планѣ — акида).

2. Многоженство (полигинія).

Эта форма брака, ограниченная исключительно хозяйственными потребностями, чрезвычайно распространена. Въ то время какъ богатые и князья располагаютъ многими сотнями, даже тысячами женъ (король дагомейцевъ, напр., имѣлъ болѣе трехъ тысячъ, а король Уганды—болѣе семи тысячъ), бѣдный долженъ довольствоваться только одной женой. Глава джагговъ, Улелія (нѣмецкія владѣнія восточной Африки), имѣетъ довольно значительное количество женъ, изъ числа которыхъ онъ счелъ достойными сняться вмѣстѣ съ нимъ только двухъ (см. рис. 58). Иногда число наложницъ бываетъ ограничено закономъ (исламъ ограничиваетъ многоженство числомъ четырехъ женъ для свободныхъ), или, по крайней мѣрѣ, считается неприличнымъ и непринятымъ превзойти въ этомъ отношеніи извѣстную мѣру.

Наконецъ, одновременно уживается рядомъ многомужество и многоженство. Такъ, путешественники встрѣчали въ странѣ зулусовъ такіе примѣры: въ одномъ домѣ четверо мужчинъ жили съ одной женщиной, рядомъ—трое мужчинъ съ четырьмя женщинами и, наконецъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ—одинъ мужчина съ четырьмя женщинами.

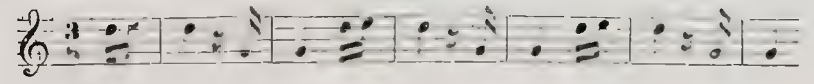
„Во время своихъ путешествій въ центральной части экваторіальной Африки, въ теченіе 1868—71 гг., Георгъ Швейнфуртъ посѣтилъ 21 мая 1870 года резиденцію короля мангбуту Мунзы. Это былъ мужчина около сорока лѣтъ отъ роду, высокаго роста, статный, крѣпкаго тѣлосложенія, энергичный на видъ. По мнѣнію путешественника, черты лица Мунзы нельзя было назвать некрасивыми, но въ нихъ было что-то непріятное, „нероновское“. У него была довольно густая на подбородкѣ, но рѣдкая на щекахъ борода клиномъ. Рѣзко бросались въ глаза его сильно оттопыренныя толстыя губы негра при кавказскомъ носѣ и почти ортогнатическомъ профилѣ. Глаза его горѣли дикимъ огнемъ животной чувственности, вокругъ никогда неулыбающагося рта играла предательская черточка алчности, насилія и жестокости.

„Сцена, изображенная на рис. 59 происходила въ громадной (100 футовъ длины, 40 футовъ высоты и 50 футовъ ширины) деревянной постройкѣ. Внутри оставалось свободнымъ обширное пространство; восемьдесять женъ короля сидѣли, хлопая въ ладоши, на низенькихъ скамейкахъ, окружая его въ одинъ рядъ съ трехъ сторонъ. Позади женщинъ, которыя, по случаю торжественнаго дня, были раскрашены самымъ причудливымъ образомъ, стояли воины въ полномъ боевомъ парадѣ; лѣсъ копьевъ упирался въ самую крышу. Всѣ музыкальные инструменты, какими располагалъ король, были налицо: котлы и деревянные барабаны, рожки и дудки, звонки и колокола.

„Голову короля украшалъ тяжелый покровъ изъ длинноволосой шкуры павіана; съ верхушки покрова свѣшивался длинный пучекъ перьевъ; руки у него были украшены хвостами виверръ а запястья пучками свиныхъ хвостовъ; густой передникъ изъ разнообразныхъ звѣриныхъ хвостовъ опоясывалъ его бедра; голыя ноги были унизаны брячавшими кольцами. Въ такомъ нарядѣ, въ такой обстановкѣ, носился въ бѣшеной пляскѣ король Мунза,

Рис. 59. Танецъ короля мангоуту Мунзы передъ его женами и воинами.

размахивая руками въ тактъ музыки, то касаясь ногами почти горизонтально пола, то взбрасывая ихъ высоко въ воздухъ. А музыка между тѣмъ неистовствовала, играя неустанно одинъ и тотъ же дикій мотивъ. Женщины съ поднятыми вверхъ руками



аккомпанировали музыкѣ, ударяя ладонями и отбивая тактъ. Приблизительно черезъ каждые полчаса наступала пауза, и Мунза отдыхалъ; затѣмъ бѣшеный танецъ возобновлялся снова, пока неожиданно разразившійся ливень не охладилъ разошедшагося танцора". (По Георгу Швейнфурту, „Im Herzen von Afrika", 2 часть, Leipzig, 1874.)

Многоженство, какъ форма брака, въ извѣстной степени одинаково свойственно какъ народамъ не вышедшимъ еще изъ естественнаго состоянія, такъ и культурнымъ. Мы остановимся здѣсь лишь на нѣкоторыхъ, болѣе важныхъ въ культурно-историческомъ отношеніи, примѣрахъ. Какъ у египтянъ, такъ и у евреевъ законъ и религія санкціонировали извѣстные взгляды и нравы, согласно которымъ сильнымъ міра разрѣшалось, для вящшаго утвержденія ихъ авторитета, владѣть многими женами.

Упомянутый уже историкъ культуры и этнографъ Гельвальдъ говоритъ: Еврейская рабыня—большей частью чужеземка, бывшая обыкновенно наложницей главы семьи или кого либо изъ его сыновей,—называлась ама. Это слово весьма древняго происхожденія, встрѣчающееся также и въ другихъ семитическихъ языкахъ. Отсюда можно заключить, что этотъ обычай существовалъ еще до раздѣленія семитической расы. Старой, бездѣтной женѣ ставилось въ заслугу, если она предлагала своему мужу рабыню въ наложницы. Однако, у еврейскихъ скотоводовъ, а равно и у земледѣльцевъ, сохранился споконъ вѣку обычай имѣть двухъ женъ. А у живущихъ въ Персіи евреевъ многоженство еще и по сіе время сохранилось. Правда, въ Библіи основы моногаміи уже опредѣленно выражены, такъ что можно бы было уже въ законѣ Моисея ожидать запрещенія многоженства. И тѣмъ не менѣе, Моисеевъ законъ умалчиваетъ объ этомъ, и поэтому многоженство терпѣлось и предполагалось дозволеннымъ. Это объясняется тѣмъ, что Библія въ ея современной формѣ получила свою окончательную редакцію лишь очень поздно, когда идея моногаміи пріобрѣла уже перевѣсъ. Не слѣдуетъ также забывать, что евреи въ священныхъ своихъ книгахъ квалифицируются какъ народъ, склонный къ чувственнымъ наслажденіямъ и не знающій въ нихъ мѣры. Въ древнѣйшія времена браки съ чужемцами были явленіемъ обыкновеннымъ. О патріархахъ баснословныхъ временъ и о Моисеѣ сообщается, что они брали въ жены чужеземокъ; въ эпоху судей браки между евреями и хананеянками были общимъ правиломъ; дѣвушекъ побѣжденнаго племени даже дѣлили между собою какъ добычу. Здѣсь, какъ и повсюду, при патріархальномъ строѣ нравственныя связи между мужемъ и женой были весьма слабы. Согласно обычному праву, мужъ обязанъ былъ одѣвать, кормить жену и выполнять по отношенію къ ней супружескія обязанности. Въ этомъ состояла брачная вѣрность мужа. Разъ мужъ это выполняетъ,—онъ вправѣ брать себѣ еще сколько угодно женъ и вступать также въ внѣбрачныя связи съ другими женщинами. Жена не имѣетъ права предъявлять по этому поводу къ мужу какія-либо претензіи. Извѣстно суровое право древняго римскаго главы семьи, т. е. представителя дома, принять ребенка въ семью посредствомъ символическаго обряда перенесенія черезъ порогъ или отверг-

нуть его. Точно также обстоитъ дѣло въ Срединной Имперіи (Китаѣ), гдѣ дѣти, особенно дочери, часто устраняются еще въ дѣтствѣ, чтобы избавиться отъ необходимости кормить ихъ. Съ другой стороны, дѣти представляютъ собой рыночный товаръ, который подчиняется закону спроса и предложенія. Однако, и здѣсь нѣтъ недостатка въ нѣжной материнской любви, что вполнѣ естественно. Рядомъ съ законной моногаміей практикуется и полигинія, — конечно, тѣми, которые болѣе богато надѣлены земными благами. Горячее желаніе имѣть какъ можно больше дѣтей было повсюду, по мнѣнію Гельвальда, главной причиной многоженства. Дѣти побочныхъ женъ увеличиваютъ состояніе главы дома. Весьма вѣроятно, что въ Китаѣ наложницами первоначально были рабыни. Въ настоящее же время онѣ набираются изъ низшихъ слоевъ общества, очень часто изъ дѣвушекъ легкаго поведенія, водившихъ до этого знакомство съ будущими своими господами въ домахъ терпимости. Отсюда — прямой выводъ, что китайскіе мужья, независимо отъ конкубината, не прочь еще погулять на сторонѣ.

Рис. 60. Вождь на нѣмецкихъ Соломоновыхъ островахъ съ его любимой женой.

Первая жена, законная, пользуется нѣкоторой властью надъ побочными женами и распредѣляетъ между ними работы. Въ остальномъ разница между китайской наложницей и европейской метрессой та, что первая — признанная, какъ бы узаконенная любовница. И въ настоящее время порою берутъ въ наложницы рабынь. Ибо въ Китаѣ существуетъ не только пожизненное рабство, но и наслѣдственное. Характернымъ признакомъ патріархальныхъ отношеній является то, что рабы здѣсь, какъ и въ старомъ Римѣ, почитаются за членовъ семьи, а раньше они даже носили фамиліи своихъ господъ. Но гражданскими правами рабы не

пользуются, они составляютъ только собственность своихъ господъ. Эти послѣдніе могутъ продать своихъ рабынь въ наложницы другимъ лицамъ, или собственникамъ публичныхъ домовъ, или же, наконецъ, сдѣлать ихъ своими собственными любовницами. Если китаецъ женится на одной изъ своихъ рабынь, то онъ предварительно извѣщаетъ объ этомъ своихъ друзей и сосѣдей для того, чтобы они явились къ нему на свадьбу. То же существуетъ и въ Японіи. Признанной закономъ главной женѣ принадлежитъ, само собою, своего рода верховное наблюденіе за всѣмъ домашнимъ обиходомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей же принадлежитъ роль примирительницы во всѣхъ возможныхъ конфликтахъ. Ея дѣти имѣютъ преимущественное право на наслѣдство. Или же, наоборотъ, всѣ дѣти, въ томъ числѣ и дѣти

Рис. 61. Киргизы въ Тоголакъ-матикѣ.

наложницъ, считаются дѣтьми главной жены. Часто вся семейная группа распадается на болѣе или менѣе обособленные отдѣлы. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ Постъ. У сѣверо-американскихъ индѣйцевъ полагается для каждой изъ многочисленныхъ женъ особая палатка, у племенъ же, имѣющихъ общіе дома для нѣсколькихъ семействъ, для каждой изъ женъ полагается особый очагъ, какъ, напр., у озаговъ. У многихъ племенъ Африки каждая изъ женъ имѣетъ свое отдѣльное домашнее хозяйство и свою особую собственность. Общіе мужья ихъ лишь періодически навѣщаютъ ихъ. На Микронезійскихъ островахъ жены тоже живутъ раздѣльно—въ особыхъ домахъ. У батаковъ на Суматрѣ во многихъ мѣстахъ мужъ обязанъ выстроить каждой изъ своихъ женъ особый домъ. У багобосовъ, живущихъ на югѣ острова Минданао, каждая жена живетъ въ отдѣльномъ домѣ съ своими дѣтьми; мужъ же обыкновенно живетъ съ главной женой, а у остальныхъ женъ онъ лишь гоститъ. На Танембарскихъ и Тиморлавскихъ островахъ случается, что одинъ мужчина имѣетъ 4—5 женъ, каждая изъ которыхъ живетъ отдѣльно. На

Луангѣ и Сермалѣ многіе мужчины имѣютъ отъ двухъ до пяти женъ, живущихъ каждая особо. На Ризарѣ богатые оставляютъ своихъ женъ жить въ особомъ помѣщеніи у ихъ родителей. У бѣдныхъ же всѣ жены живутъ подъ одною крышей, и всѣми управляетъ первая жена. Подобные же нравы существуютъ и на Соломоновыхъ островахъ. Одна изъ женъ избирается, какъ любимая (см. рис. 60). На Ветарѣ тоже нерѣдко бываетъ

Рис. 62. Киргизскія женщины.

что многія жены одного мужа живутъ вмѣстѣ подъ одной кровлей. У нуфорезовъ Новой Гвинеи, въ домѣ кайуа живетъ обыкновенно только одна жена. Вторая и третья жены его живутъ чаще всего на другихъ островахъ, куда раза два въ году наѣзжаетъ мужъ. У айновъ наложницы живутъ въ особыхъ юртахъ — либо въ томъ же селѣ, либо въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мужъ останавливается во время охоты или рыбной ловли. Только въ отсутствіи хозяйки дома разрѣшается наложницамъ посѣтить хозяйскій домъ. На Палаузскихъ островахъ мужъ обязанъ выдавать каждой изъ своихъ женъ установленную обычаемъ плату, держать каждую изъ нихъ въ особомъ домѣ или помѣщеніи и съ каждой обращаться сообразно ея рангу. У лампонговъ на Суматрѣ дома состоятъ изъ трехъ отдѣленій: прумну, балангань

Рис. 63. Жизнь женщинъ въ Алжирѣ. По картинѣ Евг. Делакруа.

и тенга; кромѣ того имѣется еще помѣщенiе для прiема гостей и иностранцевъ. Первая, по времени замужества, жена живетъ въ прумпу, вторая—въ балангапѣ, третья—въ пристройкѣ прумпу, четвертая—въ такой же пристройкѣ къ балангану. Наложницы же и жены, взятыя въ силу левирата, спятъ въ тенгу, гдѣ каждая имѣетъ особое, отгороженное цыновкой („кадьянгъ"), помѣщенiе.

Одинъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ многоженства, это — стремленiе по возможности укрѣпить положенiе своей семьи (вотъ почему нерѣдко практикуется, какъ, напр., въ Японiи, усыновленiе дѣтей), ибо отъ многочисленнаго потомства зависитъ влiянiе и мощь ея, что весьма ярко выступаетъ уже въ библiи. въ исторiи Авраама. Для всемiрныхъ завоевателей арабовъ, въ другихъ отношенiяхъ слишкомъ легко подпадавшихъ подъ влiянiе чужихъ народовъ, это было прямо долгомъ, продиктованнымъ чувствомъ самосохраненiя, тѣмъ болѣе, что они придавали большое значенiе кровнородственной связи. Основатель ислама,—по словамъ Гельвальда, — прежде всего имѣлъ въ виду увеличенiе своего народа. Вотъ почему онъ относится снисходительно къ серьезнымъ, по своимъ послѣдствiямъ, увлеченiямъ незамужнихъ женщинъ. Съ другой стороны онъ возвелъ бракъ до высоты религiознаго установленiя, сдѣлавъ его такимъ образомъ принудительнымъ. Долгъ всякой женщины вступать въ бракъ. Женщина, ведущая одинокую или вдовью жизнь раньше наступленiя нормальной старости, нарушаетъ сознательно божескую заповѣдь.

То же самое имѣетъ силу и относительно мужчины. И ничто не пользуется у послѣдователей ислама такой дурной славой, какъ безбрачіе. Поэтому безбрачіе почти не встрѣчается въ царствѣ ислама. Напротивъ, вступаютъ въ бракъ очень рано; мусульманскія женщины, имѣющія, скажемъ, сына 15 лѣтъ и дочь 9—10 лѣтъ, не знаютъ ни днемъ, ни ночью покоя, пока имъ не удастся пристроить своихъ дѣтей. Матери двѣнадцати лѣтъ и бабушки двадцати пяти — отнюдь не рѣдкость на Востокѣ, и нерѣдко подростокъ становится уже отцомъ, прежде чѣмъ онъ окончилъ свое ученіе. Но хотя и требуется извѣстное освященіе супруговъ передъ вступленіемъ въ бракъ, самое бракосочетаніе, по сущности своей, представляетъ чисто гражданскій договоръ, выражающійся въ слѣдующемъ: въ присутствіи кади, гражданскаго чиновника, и свидѣтелей призывается имя Аллаха, и молодые, а въ большинствѣ случаевъ даже только ихъ представители, заявляютъ, что они желаютъ вступить въ бракъ. Заключеніе брачнаго договора никогда не совершается въ мечети. Кади совершаетъ его въ домѣ одного изъ бракосочетающихся.

У киргизовъ (тюркскаго племени средне-азіатскихъ степей), принадлежащихъ къ магометанамъ-сунитамъ, многоженство господствуетъ большей частью только у богатыхъ, такъ какъ плата („колымъ“) за невѣсту довольно высока (см. рис. 61 и 62.) Что касается нравственной оцѣнки многоженства, то слѣдуетъ остерегаться судить его съ односторонней европейской точки зрѣнія. Не подлежитъ сомнѣнію, что моногамія развилась, какъ единственный признанный допустимымъ укладъ семьи, среди высшихъ культурныхъ народовъ (хотя именно въ нашемъ обществѣ, какъ извѣстно, встрѣчаются многія уклоненія отъ этого). Но съ

Рис. 64. Арабское жилище. По картинѣ A. Rigolot.

другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что въ различныхъ формахъ брака большую роль играютъ, — на что выше неоднократно было уже указано, — разнообразные хозяйственные мотивы. Замѣчательно, что отомаки, самые дикіе изъ индѣйскихъ племенъ въ Колумбіи, живутъ въ единобрачіи, между тѣмъ какъ другіе, сравнительно болѣе высоко стоящіе, народы признаютъ многоженство.

Въ заключеніе нашего изслѣдованія опишемъ въ общихъ чертахъ восточный гаремъ, о которомъ, къ слову сказать, у насъ нерѣдко высказываютъ совершенно неправильныя сужденія. Прежде всего, съ точки зрѣнія гигіеническихъ требованій, которымъ наша книга придаетъ огромное значеніе, мы должны признать гаремъ въ большинствѣ случаевъ опаснымъ очагомъ всякихъ заразныхъ болѣзней, такъ какъ необходимыя, по нашимъ понятіямъ, правила чистоты тамъ совсѣмъ не соблюдаются, — не говоря уже о противоестественныхъ порокахъ, процвѣтающихъ тамъ. Этотъ недостатокъ тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, чѣмъ нелѣпѣе роскошь, которая обыкновенно вводится въ нихъ, по крайней мѣрѣ высокопоставленными лицами. Такъ, расходъ хедива Измаила-паши на его гаремъ исчислялся ежегодно почти въ 6 милліоновъ марокъ. „Сладкую лѣнь гаремной жизни“ превосходно изобразилъ художникъ Эж. Делакруа (см. рис. 69). Но очень характерно для гарема то, что драгоцѣнные камни и жемчугъ уживаются даже въ такихъ великолѣпныхъ помѣщеніяхъ бокъ-о-бокъ съ грязью и нечистотой. У болѣе бѣдныхъ этотъ брачный рай ограничивается простой деревянной загородкой. Обитательницы гарема — нечего и говорить — внушаютъ намъ сожалѣніе, но сами онѣ совершенно довольны своей долей и никакъ не могутъ понять положенія европейской женщины. Несмотря на могучее вліяніе запада на востокъ, гаремъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій остается неизмѣннымъ оплотомъ ислама въ соціальномъ и религіозномъ отношеніяхъ, какъ удостовѣряютъ знатоки востока. Случалось даже, что и европейскія женщины противъ воли попадали въ гаремъ или же сами уходили туда по собственному побужденію и не хотѣли ужъ больше оттуда возвращаться. Разумѣется только богатымъ людямъ, какъ уже было упомянуто, доступно имѣть роскошный гаремъ. Бѣднымъ же такая роскошь не по средствамъ. У бѣдныхъ,—подчеркиваетъ Гельвальдъ,—женщина сама все дѣлаетъ своими рабочими руками, оборудываетъ сама все домохозяйство, или самое большее ей въ этомъ помогаетъ какая-нибудь родственница. А когда въ домѣ есть еще вторая жена, то онѣ часто живутъ очень дружно, хотя нерѣдко бываютъ другъ другу въ тягость изъ-за недостатка пропитанія. Гаремъ здѣсь во многихъ случаяхъ обращенъ въ прядильную и красильную мастерскія (см. рис. 64). Жена же земледѣльца помогаетъ мужу въ полевыхъ работахъ, трудится не покладая рукъ, день и ночь, отдыхая лишь нѣсколько часовъ во время сна. Стало быть, у земледѣльца столько помощницъ, сколько женъ — обстоятельство, столько же способствующее многоженству, сколько и основное положеніе ислама, по которому каждая дѣвушка обязательно должна принадлежать мужчинѣ. Въ болѣе бѣдныхъ странахъ, конечно, ни у одного земледѣльца нѣтъ двухъ

женъ, такъ какъ у него нѣтъ для нихъ ни мѣста, ни пропитанія, и онъ доволенъ тѣмъ, что можетъ прокормить одну жену и дѣтей.

3. Единобрачіе (моногамія).

Единобрачіе — обычная форма брака у всѣхъ культурныхъ народовъ, захваченныхъ европейскимъ просвѣщеніемъ. Христіанство и церковь, само собою, оказали выдающееся вліяніе, хотя и тутъ, надо признаться, дѣло не обходилось безъ компромиссовъ. Такъ, отецъ церкви Августинъ не осуждалъ многоженства, и фактически оно господствовало у многихъ христіанскихъ королей, напр. у большинства Меровинговъ (въ томъ числѣ Карлъ Великій и др.). И реформаторы тоже, какъ извѣстно, очень терпимо относились къ многоженству и главнымъ образомъ — по политическимъ мотивамъ. Происшедшій здѣсь переворотъ выразился прежде всего въ томъ, что бракъ изъ соціальнаго и гражданскаго акта, какимъ онъ прежде былъ, превратился въ религіозно-нравственный. И тутъ-то церковь, какъ исполнительница божественнаго промысла, вышла полной побѣдительницей, присвоивъ себѣ то, что раньше принадлежало другимъ учрежденіямъ или, по современной терминологіи — государству. И только нѣсколько десятилѣтій тому назадъ удалось, наконецъ, возстановить авторитетъ свѣтской власти, — по крайней мѣрѣ въ гражданско-правовомъ отношеніи. Тотъ переворотъ во взглядахъ на бракъ, который произвела церковь, основывался на извѣстномъ ученіи, признающемъ бракъ за таинство, благодаря чему неприкосновенность этого союза перешла въ нерасторжимость его. Если, оставивъ въ сторонѣ всякія церковныя воззрѣнія, станемъ на чисто культурно-историческую точку зрѣнія, то должны будемъ признать, что, несмотря на нѣкоторые эксцессы, имѣвшіе мѣсто, напримѣръ, въ средневѣковомъ культѣ любви, и несмотря на многія насилія и жестокости, — христіанскій идеализмъ содѣйствовалъ подъему нравственнаго уровня и укрощенію дикихъ чувственныхъ проявленій въ нецивилизованной части тогдашняго человѣчества. Колебанія и шатанія были и здѣсь, какъ и во всѣхъ установленіяхъ вообще. Такъ, извѣстный знатокъ славянскаго міра Фридрихъ Краусъ сообщаетъ объ одномъ любопытномъ обычаѣ у черногорцевъ, сохранявшемся также и въ Герцеговинѣ до оккупаціи ея Австріей. По этому обычаю женщинѣ разрѣшается вторично выйти замужъ въ томъ случаѣ, когда мужъ ея отсутствуетъ и при этомъ не подаетъ о себѣ никакихъ извѣстій. Обыкновенно первый мужъ терялъ всякое право на свою жену, разъ она со вторымъ мужемъ прижила дѣтей. Но если оба мужа настаиваютъ на своихъ правахъ, то женщина обязана вернуться въ домъ перваго мужа, оставивъ, однако, дѣтей отъ второго брака у отца послѣднихъ.

Изъ различныхъ соціальныхъ причинъ, породившихъ моногамію, особое значеніе, какъ причинный моментъ, имѣлъ медленный, но неуклонно развивающійся ростъ сознанія личности, ея самооцѣнки. Чѣмъ больше личность, со всей совокупностью сознанныхъ ею правъ и обязанностей, выдвигалась — сначала изъ доисторическаго коммунистическаго общежитія, а потомъ и

изъ патріархальныхъ организацій, — тѣмъ больше также устанавливалось соотвѣтственное соціальное равенство между мужчиной и женщиной, какъ это яснѣе всего выразилось въ моногаміи. Въ связи съ этимъ находилось все большее и большее укрѣпленіе личной собственности: во всѣхъ болѣе или менѣе цивилизованныхъ странахъ забота о наслѣдованіи личной собственности выдвигается, по своему значенію, на первое мѣсто; болѣе или менѣе правомѣрное упорядоченіе всѣхъ имущественныхъ вопросовъ образуетъ отнынѣ здоровую основу всѣхъ писанныхъ законовъ. Повсюду наслѣдованіе развивалось то по материнской, то по отцовской линіямъ, и только при господствѣ единобрачія всѣ дѣти безъ исключенія — какъ со стороны матери, такъ и со стороны отца — взяты подъ охрану закона. Но въ моногаміи болѣе непосредственно бросается въ глаза кровное родство съ родителями, — это самая ранняя и высокостоящая форма родства, какъ увидимъ ниже; происхожденіе дѣтей отъ одной и той же матери и одного и того же отца гарантируетъ прочность соціально-этическихъ устоевъ семьи. Такія явленія, какъ моногамія при материнскомъ правѣ, какъ это, напр., наблюдается у кассіасовъ сѣверной Бенгаліи и у кондовъ, — могутъ считаться исключеніями.

О различныхъ формахъ брачныхъ договоровъ и бракоразводовъ будетъ еще рѣчь въ связи съ другими явленіями; но уже здѣсь должно формулировать слѣдущее основное положеніе: исторія учитъ насъ, что всѣ высокостоящіе народы строго оберегали чистоту брака и вообще половыхъ отношеній, и что за всякимъ упадкомъ нравовъ по стопамъ слѣдовало и потрясеніе основъ общества.

II. Брачные договоры и бракоразводы.

Въ предлагаемомъ отдѣлѣ мы имѣемъ въ виду разсмотрѣть, съ одной стороны, то закономъ установленные, то обычаемъ, традиціей закрѣпленные способы, при помощи которыхъ мужчина вступаетъ въ обладаніе женщиной, а съ другой — какими способами этотъ союзъ можетъ быть снова расторгнутъ. Собственно брачныя церемоніи, которыя, къ слову сказать, у многихъ дикихъ племенъ совершенно отсутствуютъ, — будутъ предметомъ особаго разсмотрѣнія въ главѣ „Брачныя церемоніи и брачные обычаи“. Здѣсь же мы коснемся только нѣкоторыхъ обычаевъ, имѣющихъ мѣсто или во время свадебнаго пира, или же послѣ него. Такъ, въ старину сибирскіе тюрки имѣли обыкновеніе выводить новобрачныхъ на встрѣчу восходящему солнцу, — свѣтилу, которое вызываетъ къ жизни и оплодотворяетъ все органическое. У индѣйцевъ племени Крикъ женихъ посылаетъ невѣстѣ сало убитаго имъ самимъ медвѣдя, помогаетъ ей обрабатывать поле и сажать бобы, срастаніе которыхъ — символъ согласнаго брачнаго сожительства. Въ Туркестанѣ новобрачные пьютъ изъ одной чаши воду. У нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ юноша и дѣвушка ложатся, въ присутствіи гостей, на покрывало, въ которое эти послѣдніе завертываютъ ихъ. Широко также распространенъ обычай обмѣниваться кольцами. Дѣвственность невѣсты во всѣхъ почти случаяхъ играла рѣшающую роль: отсутствіе таковой давало поводъ къ расторженію помолвки, — это какъ бы

служило указаніемъ, что придетъ время, когда цѣломудріе пріобрѣтетъ особую цѣнность. Мѣстами свадьбѣ предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительное воздержаніе, или новобрачные постятся, или, наконецъ, брачное единеніе наступаетъ лишь послѣ нѣсколькихъ дней предварительнаго опыта. Также нерѣдко бываетъ, что невѣста сейчасъ послѣ свадебнаго пира возвращается назадъ къ ея родителямъ на нѣкоторое время, чтобы снова быть оттуда увезенной ея мужемъ.

1. Бракъ путемъ умыканія (похищенія).

Повсюду на землѣ, гдѣ только развился родовой бытъ, гдѣ мужчина въ сознаніи своей самовластной мощи держалъ въ рукахъ скипетръ и изъ всего сумѣлъ извлечь пользу для увеличенія своего благосостоянія и для усиленія своего вліянія,—мы встрѣчаемъ умыканіе женщинъ, освященное закономъ, но оно само собой исчезаетъ съ распаденіемъ этого быта, т. е. съ превращеніемъ его въ государство.

Картина Франца Штука изображаетъ двухъ представителей первобытныхъ людей, между которыми происходитъ единоборство изъ-за обладанія женщиной. Виновница этого единоборства — женщина — стоитъ спокойно въ ожиданіи исхода борьбы (см. рис. 65).

Въ тѣ далекія времена человѣческой исторіи, когда отдѣльныя орды жили своей строго обособленной жизнью, когда всякій, стоявшій внѣ родового союза, считался врагомъ, когда съ одной стороны, по римскому выраженію, „jus commercii et connubii“ еще не существовало, а съ другой младшее мужское поколѣніе рода было лишено старшимъ поколѣніемъ права владѣнія женщинами своего рода—въ тѣ времена молодое поколѣніе вынуждено было, не нарушая ничьихъ родовыхъ правъ, пріобрѣтать себѣ чужихъ женщинъ или какъ военную добычу, или же путемъ умыканія ихъ. Эти послѣднія составляли тогда, выражаясь въ терминахъ римскаго права, peculium castrense, на которую остальные члены рода не могли имѣть никакихъ претензій.

Ученый Постъ высказывается по поводу этого явленія, о которомъ преданія сохранили такую живую память (напр., сказанія о похищеніи сабинянокъ), слѣдующимъ образомъ: чрезвычайно широкое распространеніе умыканія, въ разнообразныхъ его проявленіяхъ, приводитъ неизбѣжно къ заключенію, что умыканіе, при извѣстныхъ формахъ организаціи, было нормальнымъ способомъ добыванія женщинъ.

Родовой бытъ удовлетворительно объясняетъ эти явленія тѣмъ, что общественная связь между отдѣльными родовыми союзами была часто очень слаба, и потому соглашеніе, имѣющее цѣлью бракъ между представителями различныхъ родовъ, представляло большія затрудненія. Поэтому такіе браки естественно возникали путемъ нарушенія родового права и послѣдующаго примиренія между заинтересованными родами. Умыканіе женщинъ, соотвѣтственно характеру родового строя, ведетъ къ войнѣ между родами. Но войны можно избѣгнуть посредствомъ уплаты опредѣленной пени; такимъ образомъ, умыканіе часто превращается непосредственно въ куплю-продажу невѣстъ. Впрочемъ,

при извѣстныхъ обстоятельствахъ умыканіе женщинъ становится настолько законной формой брака, что считается уже правонарушеніемъ отнять у похитителя похищенную имъ дѣвушку, а съ другой стороны, и самъ похититель не имѣетъ уже права по своему произволу отдѣлаться отъ нея. Такъ, въ Сезангѣ родители похищенной дѣвушки должны заплатить три гонга въ случаѣ увода ими своей дочери изъ дома похитителя; та же пеня налагается и на похитителя, если онъ вздумаетъ вернуть недавно похищенную имъ дѣвушку обратно въ родительскій домъ.

Бываетъ, что различныя формы брака встрѣчаются у одного

Съ разрѣш. „Photograph. Union" въ Мюнхенѣ.

Рис. 65. Борьба изъ-за женщины. По картинѣ Франца Штука.

и того же племени. Такъ, у южныхъ славянъ и у племени Галла въ Африкѣ практикуются умыканіе и свободный союзъ по предварительному соглашенію съ дѣвушкой, а у вотяковъ — дѣйствительный уводъ и фиктивный. У народовъ, низко стоящихъ въ культурномъ отношеніи, умыканіе — обычный, закономѣрный способъ добыванія женщинъ; добытая войною женщина — самая цѣнная добыча и, какъ таковая, считается особой собственностью счастливаго обладателя. При такихъ отношеніяхъ кровавая расправа въ полной силѣ, и она то и дѣло проявляется въ жестокой борьбѣ обѣихъ враждующихъ сторонъ. Но ужъ очень рано мы встрѣчаемъ попытки къ мирному соглашенію, пока не вырабатываются правомѣрныя вознагражденія и удовлетворенія. Такъ, въ Австраліи обычай умыканія приводитъ къ правильному поединку между похитителемъ дѣвушки, съ одной стороны, и

представителемъ интересовъ похищенной (отцомъ, мужемъ, женихомъ)—съ другой. Поединокъ происходитъ согласно установленнымъ формамъ. Похитителю вручаютъ щитъ, а противникъ бросаетъ въ него на нѣкоторомъ разстояніи копья и другія орудія. Удается претенденту отразить удары, — женщина остается за нимъ; въ случаѣ же пораженія его, представитель интересовъ женщины требуетъ выдачи послѣдней. Но первоначальныя враждебныя и натянутыя отношенія сохраняются еще долго въ брачныхъ обычаяхъ, въ формѣ различныхъ характерныхъ пережитковъ, а особенно въ символизаціи поединковъ.

Нижеслѣдующіе примѣры могутъ служить иллюстраціей сказаннаго.

Рис. 66. Свадьба у каффровъ.

У афганцевъ происходитъ символическій поединокъ между мужчинами, а женщины въ то время въ теченіе часа перепугиваются между собою. Конды во время свадебнаго пира демонстрируютъ битву между друзьями невѣсты, съ одной стороны, и жениха — съ другой. На Тонга во время свадебной церемоніи совершаются всякаго рода увеселительные бои, а въ Новой Зеландіи, если никто не спорилъ противъ брака дѣвушки, устраиваются для виду ссора и примиреніе. На островѣ Сумба на княжескихъ свадьбахъ завязывается, при оглушительномъ шумѣ, правильный бой между друзьями жениха, съ одной стороны, и конвоирующими невѣсту женщинами — съ другой. У лампонговъ женихъ уводитъ во время свадьбы невѣсту и прячетъ ее въ какомъ-либо домѣ. Спустя нѣкоторое время является отецъ во главѣ вооруженной толпы, разыскивая свою дочь. У входа въ кампонгъ жениха его встрѣчаютъ вооруженные люди. Между обѣими сторонами завязывается турниръ, при чемъ все предварительно такъ подстроено, что партія отца невѣсты терпитъ пораженіе. У реджанговъ, по окончаніи предварительныхъ брачныхъ переговоровъ между обѣими сторонами, женихъ уводитъ невѣсту на ночь. На другой день отецъ отправляется съ вооруженной толпой въ деревню, гдѣ живетъ женихъ. Тѣмъ временемъ отецъ жениха тоже собираетъ вооруженныхъ людей. Здѣсь, однако, дѣло не доходитъ до боя, а все ограничивается лишь

переговорами. Въ еще болѣе ослабленномъ видѣ представляется примѣрный бой у сіуксовъ. У нихъ, во время брака, производится стрѣльба черезъ головы бракосочетающихся родственниками, — какъ свидѣтелями брака.

Для предотвращенія кровавой мести, войнъ между родами, выработалась впослѣдствіи, — о чемъ ниже еще будетъ рѣчь, — система удовлетворенія, пеня, которая мало-по-малу привела къ браку путемъ купли-продажи. Къ послѣдней же категоріи относится требованіе салическаго закона, согласно которому похититель (женихъ дѣвушки) долженъ платить $6^1/_2$ шил. штрафа, а три ближайшихъ помощника его — 30 шил. и т. д. Или же долгое время послѣ брака все еще продолжаются натянутыя отношенія между зятемъ и новыми родственниками его. Порою даже послѣдніе открыто выказываютъ первому непріязненныя, враждебныя чувства, — особенно же это даетъ чувствовать теща. Мѣстами даже запрещалось зятю встрѣчаться и вступать въ разговоръ съ послѣдней. Въ другихъ мѣстахъ наблюдается еще болѣе непосредственный переходъ умыканія въ куплю, — какъ это явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ.

У галла или тобелорезовъ существуетъ такой обычай: если кто-нибудь желаетъ взять себѣ дѣвушку изъ враждебной деревни или недружелюбной семьи, то онъ поручаетъ это дѣло своимъ родственницамъ. Эти послѣднія въ числѣ двадцати и болѣе выслѣживаютъ свою жертву гдѣ-либо на водопоѣ, куда дѣвица приходитъ по-воду, въ лѣсу, когда она собираетъ топливо, овладѣваютъ ею, связываютъ ее, если она сопротивляется, и отводятъ въ домъ претендента-жениха. Въ случаѣ, если родичи дѣвушки намѣрены освободить ее силою, прочіе жители деревни выступаютъ въ качествѣ миротворцевъ между обѣими сторонами. До установленія брачной платы, дѣвушка можетъ бѣжать обратно въ свою семью, но ее строго стерегутъ. Наконецъ, на третій день приходятъ родственники, чтобы окончательно условиться въ цѣнѣ. Если претендентъ не прикасался еще къ дѣвушкѣ, то послѣдняя во всякомъ случаѣ должна его оставить. Въ противномъ же случаѣ — опредѣляется брачный выкупъ. У баттаковъ на Суматрѣ похититель долженъ оставить какой-нибудь знакъ, служащій указаніемъ, что онъ похитилъ дѣвицу, напр., часть одежды, оружіе. Разъ выкупъ уплаченъ, бракъ признается законнымъ. Если же похититель никакого знака не оставилъ, то умыканіе считается незаконнымъ, а похититель подвергается наказанію. На Серангѣ существуютъ одновременно и умыканіе, и бракъ при посредствѣ купли — какъ самостоятельныя формы брака. При умыканіи обрученные убѣгаютъ или въ лѣсъ, или въ домъ жениха.

У нѣкоторыхъ племенъ женихъ обязанъ предъ бѣгствомъ оставить на ложѣ невѣсты или оружіе, или гонгъ, или кусокъ холста. Какъ только родственники замѣтили бѣгство невѣсты, они принимаются искать ее съ шумомъ и гвалтомъ и по разысканіи передаютъ жениху за выкупъ, размѣры котораго въ этомъ случаѣ значительно ниже, чѣмъ при другой формѣ брака. И здѣсь, какъ и повсюду, дѣвушка считается собственностью жениха, а дѣти, рожденныя отъ этого брака, причисляются исключительно къ мужской линіи семьи. Если же родители не могутъ сговориться, то между обѣими семьями возникаетъ ссора, сопровождающаяся нерѣдко кровопролитіемъ и убійствомъ. Во всякомъ случаѣ брачнаго пира при умыканіи не бываетъ.

Въ окончательномъ результатѣ бракъ путемъ умыканія приводитъ повсюду къ тому, что жена и возможныя ея дѣти становятся собственностью мужа, и этимъ господство отца (патріархатъ) укрѣпляется во всѣхъ направленіяхъ. Очень любопытно поэтому одно явленіе у нѣкоторыхъ малайскихъ племенъ, состоящее въ томъ, что при обыкновенномъ бракѣ мужъ выходитъ изъ своей семьи и причисляется къ семьѣ своей жены (здѣсь большей частью господствуетъ строгая система родства по материнской

линіи (материнское право). При бракѣ же черезъ умыканіе все происходитъ совершенно наоборотъ: дѣти принадлежатъ мужу, а умыканіе затѣмъ вознаграждается уплатой выкупа.

2. Бракъ-покупка.

Бракъ путемъ купли — продуктъ уже болѣе мелкаго расчлененія родовъ. Онъ большей частью выростаетъ на основѣ патріархальной организаціи семьи, является плодомъ послѣдней. Эта форма брака принадлежитъ къ всемірно-историческимъ явленіямъ въ области права. Здѣсь уже рѣзко проявляется неограниченное господство и абсолютная власть главы дома, располагающаго по своему усмотрѣнію жизнью и имуществомъ находящихся подъ его опекой домочадцевъ. Жена большей частью покупается какъ товаръ опредѣленной стоимости, выраженной числомъ коровъ или количествомъ желѣза. Особенно ярко проявляется это у дагомейцевъ, король которыхъ торгуетъ дочерьми ради своей выгоды, что составляетъ очень доходную монопольную статью. Вообще, всего нагляднѣе проявляется этотъ обычай въ Африкѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Азіи. Тамъ рогатый скотъ, по заявленію Гельвальда, является мѣновой единицей. За быковъ покупаетъ каффръ своихъ женъ, за быковъ — продаетъ своихъ дочерей. Цѣна дѣвушки, смотря по ея красотѣ и рангу, занимаемому ея отцомъ, колеблется между 6 и 30 головами рогатаго скота. Цѣна обыкновенно уплачивается сполна впередъ, хотя и случается, что отецъ отдаетъ свою дочь, получая лишь задатокъ, но съ поручительствомъ въ уплатѣ остающейся части суммы. Вообще же брачный договоръ получаетъ лишь тогда окончательную силу, когда съ одной стороны доставляется скотъ, а съ другой — передается дѣвушка. Это вполнѣ аналогично обмѣну вѣнчальными кольцами, практикуемому у насъ: ихъ бракъ, впрочемъ далеко не прочный, послѣ этого обмѣна получаетъ правовую санкцію. Пріобрѣтеніе женъ куплей отнюдь не считается женщинами унизительнымъ для нихъ. Наоборотъ, женщина гордится этимъ, и чѣмъ больше заплатятъ за нее быковъ или коровъ, тѣмъ выше она цѣнитъ себя. Рис. 66 изображаетъ бракъ у каффровъ.

Характеренъ ихъ способъ выставлять на показъ чувственно-раздражающія части своего тѣла, при помощи украшеній и такъ называемой одежды. У готтентотовъ цѣны ниже, чѣмъ у каффровъ: дѣвушку отдаютъ за одного быка или корову. Особенно сильно распространена купля женъ у номадовъ, у которыхъ и отцовская власть очень велика. Господствовалъ этотъ обычай и у индусовъ, и у евреевъ, и не въ меньшей степени также у грековъ, римлянъ и германцевъ.

Какъ только древніе эллины выступили на арену исторической жизни, они оставили обычай купли женъ. Однако въ преданіяхъ имѣются несомнѣнныя указанія на то, что въ героическій періодъ греческой исторіи купля женъ считалась еще единственной нормальной формой вступленія въ бракъ. Это подтверждается также свидѣтельствомъ Аристотеля, по которому предки покупали себѣ женъ. Греческія эдны, — эти брачные подарки позднѣйшаго времени, — первоначально представляли

собою покупную цѣну невѣсты, уплаченную женихомъ; поэтому дѣвушки назывались alphesiboiai, что означаетъ „приносящія скотъ“, т. е. приносящія родителямъ доходъ въ видѣ скота, какъ цѣну ихъ купли-продажи. Иліада Гомера разсказываетъ намъ во многихъ мѣстахъ о томъ, какъ невѣста покупается женихомъ, при чемъ рѣшающимъ моментомъ является высота цѣны, предлагаемой женихомъ. Какъ въ Индіи, такъ и у грековъ временъ Иліады рогатый скотъ былъ настоящей мѣновой единицей. Го-

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгеля въ Мюнхенѣ.

Рис. 67. Выборъ жениха. По картинѣ художника Н. Корнел. Меяртъ.

меръ говоритъ: „А побѣжденнаго мужа рѣшилъ наградить онъ рабыней, въ разныхъ работахъ искусной, въ четыре быка оцѣненной“. И только при исключительномъ запросѣ на невѣсту уплатилъ Ифидамасъ сто головъ. Но мало-по-малу, какъ это имѣло мѣсто и въ Индіи, прямая купля все болѣе и болѣе оттѣсняется на задній планъ, и въ Одиссеѣ имѣются уже указанія на то, что купля стала замѣняться иной формой пріобрѣтенія женъ — подарками, при чемъ по мѣрѣ роста цивилизаціи прежняя покупная цѣна замѣнялась болѣе соотвѣтственной эквивалентной величиной. Позднѣе, какъ и при бракѣ путемъ умыканія, выступаютъ на сцену символическія формы покупки, или подарки, идущіе въ пользу невѣсты; эти подарки сообразуются съ соціальнымъ положеніемъ бракосочетающихся. Нерѣдко расходы эти выплачиваются не сразу, а по частямъ. Купля невѣсты, хотя и въ иной

формѣ, сохранилась и въ нашей европейской культурной жизни. Ярко выразилъ это художникъ Н. Корнелій Мёяртъ въ своей картинѣ „Выборъ жениха“ (рис. 67). Старикъ выкладываетъ предъ молодой женщиной свои сокровища, соблазняя ее на бракъ съ нимъ.

Вначалѣ въ этой чисто дѣловой брачной сдѣлкѣ заключалось много унизительнаго для лишенной всякой самостоятельности женщины. Частенько, хотя и не всегда, бракъ и въ позднѣйшее время отличается грубымъ, полнымъ дикаго произвола, характеромъ. Жена третируется лишь какъ вьючное животное,

Рис. 68. За плугомъ.

подвергается всякимъ униженіямъ. Сюда относится и упомянутое выше принужденіе жены къ проституціи (похвальное въ этомъ отношеніи исключеніе представляютъ кабилы, которые, оставаясь вѣрными своимъ законнымъ женамъ, не терпятъ конкубината). Но заслуживающіе довѣрія писатели рисуютъ намъ и другія картины. Вотъ, напр., что разсказываетъ Мустеръ объ арауканцахъ. Всѣ три жены главы племени живутъ очень дружно между собою, заботясь съ одинаковой любовью о всѣхъ дѣтяхъ безразлично. Жена, обязанная три года кормить грудью своего ребенка да ко всему этому еще обремененная тяжкой работой, имѣетъ гораздо меньше основаній ревновать вторую жену, чѣмъ у насъ. Только въ княжескихъ гаремахъ женщины — праздныя наложницы-рабыни. Купленная же за дорогую цѣну жена скотовода прежде всего — вѣрная и усердная работница. Она отнюдь не имѣетъ желанія вытѣснить изъ дома вторую жену, раздѣляющую съ ней работы; наоборотъ, она заинтересо-

вана въ томъ, чтобы удержать ее; даже самолюбіе подсказываетъ ей именно эту тактику. Ибо какъ только въ домѣ оказываются двѣ жены, старшая естественно становится главой и руководительницей дома; она становится, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ домашняго хозяйства, „госпожей“, а та „служанкой“. Понятна послѣ этого жена зулуса, которая часто буквально изъ кожи лѣзетъ, чтобы изъ своихъ трудовыхъ сбереженій купить вторую жену для своего мужа. Этимъ она не только облегчаетъ себѣ свой каторжный трудъ, но, въ лицѣ купленной ею второй жены, пріобрѣтаетъ для себя прислугу и тѣмъ самымъ поднимаетъ какъ престижъ всего дома, такъ и собственное свое значеніе въ домѣ. Рис. 68 лучше всякихъ словъ иллюстрируетъ положеніе женщины какъ рабочаго скота: погоняемая бичомъ, она въ упряжи съ осломъ пашетъ землю. Но женщина не только употребляется для тяжелой хозяйственной работы: она тоже участвуетъ, какъ воинъ, на полѣ брани. Рис. 69 представляетъ намъ престарѣлаго главу племени зулу въ средѣ его семейныхъ воиновъ (въ числѣ ихъ и женщины). Такая жена гордится своими заслугами и считается достойной похвалы; такъ же какъ Лія (въ библіи), когда, увѣрившись въ томъ, что она больше уже не родитъ, она дала Іакову прислугу свою Сильфу въ наложницы. Она была увѣрена, что совершаетъ похвальный и угодный Господу поступокъ. Это явленіе такъ часто повторяется въ патріархальномъ строѣ, что несомнѣнно было народнымъ обычаемъ. И Рахиль тоже дала своему мужу въ наложницы служанку свою Валлу. Это особенно практиковалось женщинами тогда, когда онѣ оказывались неспособными дать своему мужу потомство: этимъ способомъ онѣ стремились поднять положеніе семьи на должную высоту. Какъ извѣстно, и у

Рис. 69. Престарѣлый глава племени зулу въ средѣ его семейныхъ воиновъ (въ числѣ ихъ и женщины).

древнихъ римлянъ существовало coemptio, т. е. закономѣрная покупка женъ. И тѣмъ не менѣе, жена у римлянъ пользовалась высокимъ почетомъ. Малѣйшая непристойность по отношенію къ ней безпощадно наказывалась. То же самое можно сказать о нашихъ предкахъ, а также и о славянахъ: даже до сравнительно недавнихъ временъ у этихъ народовъ можно прослѣдить обычай купли женъ. Но что именно у германцевъ бракъ и жена высоко стояли, считались даже чѣмъ-то священнымъ, — это врядъ ли требуетъ особенныхъ доказательствъ. По мѣрѣ того какъ власть отца все болѣе и болѣе утверждалась, взгляды на происхожденіе дѣтей и право наслѣдованія ихъ кореннымъ образомъ мѣнялись. Вначалѣ естественный кровный союзъ, союзъ дѣтей съ матерью, легъ въ основу общественнаго уклада (матріархатъ, родство по матери, о чемъ ниже еще будетъ рѣчь). Теперь же принадлежность къ племени и къ наслѣдственной линіи рѣшалась уже по отношенію къ отцу — отцовскимъ правомъ. А это, съ своей стороны, должно было неизбѣжно привести къ радикальной ломкѣ народныхъ понятій. Отнынѣ уже **отецъ** собственно считается производителемъ, пробудителемъ зачаточной жизни, тогда какъ матери отводится лишь подчиненная роль: она лишь хранитъ въ своихъ нѣдрахъ ребенка. Въ высокой степени наглядно отражаетъ Орестъ этотъ переворотъ во взглядахъ. Когда Орестъ былъ обвиненъ въ тяжкомъ преступленіи — убійствѣ матери — и ему, согласно первобытному материнскому праву, грозила смертная казнь, тогда въ его защиту поднялся Аполлонъ, уже какъ провозвѣстникъ новаго принципа — отцовскаго права:

Не мать производительница своего ребенка,
Она только хранитъ и вынашиваетъ пробуждающуся жизнь;
Родитъ отецъ, а мать — только хранительница залога,
Другу — подруга, если это н оскорбляетъ боговъ.

Эринніи, до того вполнѣ увѣренныя въ своей побѣдѣ и своей мести, отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ положеніи вещей, какъ это явствуетъ изъ ихъ отвѣта:

Но этимъ ты подрываешь могучія силы сѣдой старины!
Ты, молодой богъ, ты хочешь насъ, стариковъ, сокрушить!

Тотъ же самый процессъ, какъ ниже убѣдимся въ этомъ, наблюдается и у египтянъ, индійцевъ, евреевъ, римлянъ и т. д., только у нихъ онъ не былъ освѣщенъ такъ ярко драматическимъ искусствомъ.

3. Отдѣльныя сопутствующія явленія.

а) Обрученіе дѣтей и дѣтскіе браки.

Какъ уже было упомянуто, нерѣдко малолѣтніе бываютъ обручены съ взрослыми. Порою происходитъ дѣйствительно фактическое брачное сожительство несовершеннолѣтней дѣвушки съ женихомъ. Но нерѣдко помолвленныхъ лишь сводятъ — символическій актъ брачнаго единенія, — затѣмъ дѣвушка возвращается снова въ родительскій домъ. Помолвка налагаетъ на невѣсту обязательство полового воздержанія, за что отвѣтственны родители дѣвушки. Въ случаѣ же нарушенія половой чистоты, до-

говоръ можетъ быть нарушенъ. Если же женихъ, наоборотъ, несовершеннолѣтенъ, то его мѣсто, какъ выше уже было указано, занимаетъ свекоръ, т. е. отецъ жениха. Случается также, что помолвка совершается не только въ раннемъ дѣтствѣ, но и до рожденія еще дѣтей. Здѣсь большую роль играетъ общественное и имущественное положеніе родителей помолвленныхъ. У средне-азіатскихъ тюрковъ договоръ о брачномъ союзѣ часто заключается родителями будущей четы. Практикуютъ это собственно наиболѣе состоятельные люди, при чемъ мотивы имущественнаго и политическаго свойства — родовая рознь и родовая месть — имѣютъ здѣсь рѣшающее значеніе. Имѣющій, напримѣръ, сына стремится породниться съ могущественнымъ или богатымъ сосѣдомъ. Брачный сговоръ заключается уже съ ранняго дѣтства, часто на третьемъ, но обыкновенно на шестомъ или восьмомъ году. Отецъ мальчика дѣлаетъ офиціальный визитъ отцу дѣвушки. Сговоры происходятъ въ присутствіи муллы, затѣмъ приступаютъ къ офиціальному пиршеству и послѣ произнесенія установленной молитвы (fatiha) подаютъ другъ другу руки, при чемъ мулла прикрываетъ ихъ полой своего кафтана. Сговоръ заключенъ. Договаривающіеся вступили въ отношенія свойства, — такъ называемаго кудманъ. Это значитъ, что этимъ они пріобщились къ опредѣленной степени кровнаго родства, налагающаго на нихъ обязательство защищать другъ друга въ случаѣ какой-либо обиды со стороны болѣе сильныхъ противниковъ.

Цѣль — обезопасить свою жизнь и свое имущество при посредствѣ родственныхъ связей и, такимъ образомъ, утвердить болѣе прочно положеніе своего рода, повсюду стоитъ на первомъ планѣ. Часто мы наблюдаемъ здѣсь аналогіи съ бракомъ путемъ купли, при чемъ опредѣленная часть цѣны выплачивается впередъ; вся же цѣна невѣсты (калымъ) уплачивается во время бракосочетанія. Порою же, вмѣсто этихъ выплатъ, фигурируютъ одни только подарки.

b) Бракъ за службу.

Рядомъ съ бракомъ путемъ умыканія и купли невѣстъ наблюдается еще у нѣкоторыхъ племенъ такъ называемый бракъ за услуги. Эта форма особенно распространена среди низшихъ слоевъ, бѣдныхъ и обездоленныхъ. И здѣсь, какъ повсюду въ правовой жизни, о заимствованіи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ обычай этотъ существуетъ у самыхъ далекихъ, по происхожденію, расъ. Бракъ за службу наблюдался среди камчадаловъ, евреевъ, бразильцевъ, батаковъ на Суматрѣ, лопарей и т. д. Срокъ службы различенъ, колеблется между однимъ и нѣсколькими годами. Во все время службы женихъ считается рабомъ въ домѣ жены, въ пользу которой онъ работаетъ, отдавая ей во всякомъ случаѣ значительную долю своего труда. Постъ объясняетъ этотъ брачный институтъ слѣдующимъ образомъ: первоначально мужчина, вступая въ бракъ, входилъ въ семью своей жены, переселялся въ ея юрту, оставался пожизненно рабомъ этой семьи, производя лишь дѣтей для нея; но по мѣрѣ того, какъ постепенно стала развиваться все болѣе и болѣе патріар-

хальная организація семьи, центръ тяжести кровнаго родства сталъ перемѣщаться въ сторону „отцовскую“, и отецъ понемногу, шагъ за шагомъ, высвобождалъ свою жену изъ ея семьи; служба въ семьѣ жены стала вознагражденіемъ за жену, которая по истеченіи условленнаго срока службы должна была слѣдовать за мужемъ въ его жилище; дѣти, которыя первоначально исключительно принадлежали семьѣ жены, зачисляются уже — сначала частью, а впослѣдствіи и исключительно — за отцомъ. На этой ступени развитія семьи создаются уже основы для возникновенія купли невѣстъ. Этимъ самымъ дается уже толчекъ для постепенной ликвидаціи права жениной семьи и для перехода родства по женской линіи къ мужской (агнатической), а также для перехода группового брака къ индивидуальному, примитивнаго періода брака къ патріархальному.

c) Препятствія къ браку.

Въ виду огромной массы развертывающихся здѣсь предъ нами явленій, мы должны ограничиться лишь самымъ необходимымъ. Можно только сказать, что тутъ нѣтъ такихъ ограниченій, нѣтъ такихъ запрещеній, которыя имѣли бы общее значеніе, и что всѣ они часто нарушаются. Возьмемъ, напр., близость кровнаго родства.

Что же мы видимъ? То она въ полной силѣ выступаетъ, какъ рѣшающій, въ отрицательномъ смыслѣ, моментъ, являясь препятствіемъ въ бракѣ, то, наоборотъ, она ровно ничего не значитъ, такъ что и кровосмѣшеніе не считается преступленіемъ даже между родителями и дѣтьми. Чтобы сохранить въ чистотѣ княжескую кровь, браки между братьями и сестрами представляютъ самое обыкновенное явленіе. А между тѣмъ, съ другой стороны, бракъ между дядей и племянницей или теткой и племянникомъ не разрѣшается. Въ другихъ случаяхъ нѣкоторые физическіе недостатки являются препятствіемъ, какъ, напр., импотенція и душевная болѣзнь, или твердо установляется опредѣленный возрастный бракъ, или же болѣе молодые братья и сестры не имѣютъ права вступить въ бракъ раньше старшихъ, или же, наконецъ, мужчина долженъ отличиться какимъ-нибудь подвигомъ прежде чѣмъ получить разрѣшеніе жениться. Тамъ, гдѣ различіе общественныхъ классовъ достигло уже высокой степени, оно является сильнымъ препятствіемъ для свободнаго вступленія въ бракъ, какъ это наблюдается и въ настоящее время еще. Въ особенности наложенъ запретъ на брачные союзы между свободными и рабами.

Въ этомъ отношеніи хорошей иллюстраціей могутъ служить индійскія кастовыя расчлененія. И даже тогда, когда эти противорѣчія сглаживаются съ теченіемъ времени, все-таки еще остается традиція былыхъ временъ, согласно которой рожденному въ низкомъ состояніи преграждается путь къ высшему благородному состоянію.

d) Расторженіе брака.

Существуетъ далеко не рѣдкій обычай, требующій, чтобы послѣ смерти одного изъ супруговъ оставшійся въ живыхъ по-

слѣдовалъ за покойникомъ. Чаще всего это обязательно для женщины, находящейся въ услуженіи и связанной супружескими узами, но иногда жены добровольно слѣдуютъ за умершимъ мужемъ. Въ иныхъ случаяхъ вдова обязана носить трауръ цѣлый годъ, а иногда ей безусловно воспрещается вторичное вступленіе въ бракъ.

Что касается собственно расторженія-развода, то опредѣляющимъ моментомъ здѣсь является прочность брачнаго союза. Порою бракъ до того непроченъ, что обѣ стороны во всякое время могутъ разойтись. И наоборотъ, въ иныхъ случаяхъ бракъ не расторгаемъ, особенно тамъ, гдѣ онъ считается священнымъ, — и только смерть можетъ положить конецъ брачнымъ узамъ. Иногда расторженіе брака совершается по взаимному только соглашенію, тогда какъ другія основанія для развода не признаются. При сильномъ развитомъ родовомъ правѣ, мужъ, буде онъ чувствуетъ крайнее отвращеніе къ женѣ, или въ случаѣ, если послѣдняя очень лѣнива, — обязанъ возвратить жену обратно къ родителямъ. Иногда, наоборотъ, это право принадлежитъ женѣ, разъ къ тому имѣются тѣ или иныя основанія. Одна изъ частыхъ причинъ развода — нарушеніе супружеской вѣрности и безплодіе жены. И, наконецъ, продолжительное отсутствіе одного изъ супруговъ. При этомъ часто необходима санкція или вмѣшательство старшихъ въ родѣ и представителей дома, а также и духовныхъ лицъ.

Рис. 70. Римская свадьба. Эд. Гильома.

Распредѣленіе дѣтей опредѣляется господствующей системой родства. При материнскомъ правѣ дѣти слѣдуютъ за матерью, а при патріархатѣ — за отцомъ, за исключеніемъ грудного ребенка, остающагося при матери. Тамъ, гдѣ матріархатъ и на-

тріархатъ существуютъ одновременно, мальчики переходятъ къ отцу, дѣвушки—къ матери. Или же къ отцу переходятъ взрослыя уже дѣти, а маленькія остаются при матери. Или же, наконецъ, невинной сторонѣ достаются всѣ дѣти, а виновной ни одного. Также въ широкихъ границахъ колеблется и право вторичнаго вступленія въ бракъ. Въ иныхъ случаяхъ оно вообще воспрещается, въ другихъ требуется опредѣленный промежутокъ времени, въ третьихъ, наконецъ, разрѣшается немедленное вступленіе въ бракъ. Точно такъ же вторичный союзъ разведшихся супруговъ то рѣшительно воспрещается, то, наоборотъ, не встрѣчаетъ никакихъ препятствій. Въ цѣломъ — здѣсь такое обиліе разнорѣчивыхъ и противорѣчивыхъ явленій, что нельзя ничего опредѣленнаго сказать въ этомъ отношеніи. Въ общемъ можно самое большее высказать такое положеніе: съ ростомъ цивилизаціи крѣпнетъ соотвѣтственно также и брачный союзъ. Принимаетъ бракъ священный характеръ, тогда расторженіе брака, совершающееся подъ санкціей религіознаго закона, становится весьма затруднительнымъ. Скульптура Гильома (рис. 70) „Римская свадьба" символизируетъ величіе и святость римскаго брака.

д) Кувада (симуляція родовъ мужемъ).

Кувада бросаетъ особый свѣтъ на процессъ постепенной ликвидаціи материнскаго права и замѣну его отцовскимъ. Обычай этотъ весьма распространенъ и встрѣчается даже въ Европѣ, у басковъ. Выражается этотъ обычай въ слѣдующемъ: послѣ рожденія ребенка, мужъ укладывается въ постель роженицы, принимаетъ поздравленія, выдерживаетъ постъ, извѣстный режимъ, подвергается разнымъ омовеніямъ и т. д. Этотъ на первый взглядъ карикатурно-смѣшной обычай симулировать женскіе роды имѣетъ, какъ показалъ французскій ученый Жиро-Тёлонъ, глубокій организаціонный смыслъ. Къ этому взгляду присоединяются въ настоящее время большинство изслѣдователей, какъ, напримѣръ, Бастіанъ, Липпертъ, Постъ и другіе.

Какъ въ самомъ дѣлѣ съ наглядностью доказать кровное родство дитяти съ отцомъ? Въ системѣ материнскаго родства дѣло это было ясно до очевидности: связь между матерью и ребенкомъ, установленная уже самымъ процессомъ родовъ, не представляла ни малѣйшихъ сомнѣній, и кровное родство не требовало доказательствъ. Мужъ же наоборотъ—не будучи въ состояніи доказать своего участія — и при томъ исключительнаго — въ актѣ рожденія ребенка,—вынужденъ въ данномъ случаѣ опираться либо на юридическое допущеніе, либо на вымыселъ. Но вымыслы и абстракціи чужды неразвитому мышленію первобытныхъ народовъ. Надо поэтому прибѣгнуть къ помощи конкретно-чувственныхъ дѣйствій или церемоній. Чтобы твердо установить родственныя отношенія между отцомъ и сыномъ, сочли необходимымъ продѣлывать весь актъ, связывающій ребенка съ матерью, т. е. актъ родовъ, и этимъ самымъ уравнять отца съ матерью, преобразовавъ перваго въ такъ сказать вторую мать. Мужъ, присужденный къ роли роженицы, долженъ подражать какъ акту родовъ, такъ и послѣдствіямъ ихъ. Благодаря этому дитя становится отпрыскомъ своего отца, какъ раньше оно было плодомъ

матери. Дитя получаетъ, такимъ образомъ, двойное происхожденіе. Изъ массы различныхъ способовъ, практикуемыхъ дикими племенами, чтобы установить кровную связь между отцомъ и ребенкомъ, этотъ способъ подражанія природѣ—самый обыкновенный символъ. Немного найдется обычаевъ, которые имѣли бы такое широкое распространеніе, какъ кувада. И то, что она встрѣчается въ самыхъ отдаленнѣйшихъ другъ отъ друга частяхъ земного шара, и упорная живучесть ея до нынѣшнихъ дней,—все это показываетъ, что прежде кувада была церемоніей, сокровенный смыслъ которой былъ—дать доказательство и твердое осно-

Рис. 71. Селеніе въ странѣ Баниссъ на Букѣ (нѣмецк. Соломоновы острова).

ваніе для признанія правъ отца. Здѣсь несомнѣнно кроются весьма практическія, глубоко захватывающія правовыя представленія. Отношенія родства, какъ мы ниже еще убѣдимся въ этомъ, задѣты этимъ самымъ чувствительнымъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь участвуютъ также эмоціональные мотивы, какъ удостовѣряетъ ученый путешественникъ Добрицгоферъ относительно абипоновъ. Этими эмоціональными мотивами объясняются тягостныя предписанія, налагающія постъ на продѣлывающаго куваду мужа. Этимъ постомъ молодая жизнь какъ бы гарантируется отъ возможной бѣды. При рожденіи ребенка какъ будто устанавливается черезъ куваду симпатическая связь его съ душой отца. Отсюда эта, съ виду столь странная и безсмысленная процедура, вытекающая, однако, логически изъ воззрѣній народовъ, живущихъ въ первобытномъ состояніи. Въ кувадѣ отецъ присваиваетъ себѣ ребенка, до тѣхъ поръ составлявшаго принад-

лежность исключительно матери. Основанный на фикціи обычай-символъ имѣетъ здѣсь такую же силу, какъ и церемонія Фатти Драга (соединеніе крови) у сакалавовъ.

III. Различныя системы родства.

Для развитія брачныхъ отношеній родство, какъ мы уже объ этомъ упомянули, имѣетъ въ высшей степени важное значеніе. Иногда кровное родство является препятствіемъ для вступленія въ бракъ, иногда же оно не имѣетъ никакого значенія. Съ другой стороны родствомъ же опредѣляется, какъ ниже точнѣе будетъ показано, порядокъ наслѣдованія, положеніе въ обществѣ и имущественное состояніе.

Но распредѣленіе отдѣльныхъ членовъ въ группѣ основывается на двухъ діаметрально противоположныхъ принципахъ: систематическомъ или классифицирующемъ и описательномъ. Въ то время какъ въ описательной системѣ родство основано на счетѣ всѣхъ поколѣній вплоть до общаго ихъ мужского или женскаго предка, — въ классифицирующей системѣ, наоборотъ, члены распредѣляются по различнымъ степенямъ родства, не обращая ни малѣйшаго вниманія на дѣйствительную степень родства. Тамъ опредѣляющимъ моментомъ служитъ личное отношеніе, здѣсь же — отношеніе опредѣленныхъ классовъ и группъ другъ къ другу.

Классифицирующая система родства находится несомнѣнно въ тѣсной связи съ вышеупомянутымъ групповымъ бракомъ и по всей вѣроятности представляетъ болѣе раннюю форму, хотя категорически насчетъ этого нельзя высказаться. Вторая форма, наоборотъ, кажется продуктомъ болѣе высокой цивилизаціи; господствуетъ она у всѣхъ арійскихъ, семитическихъ, монголо-татарскихъ и восточно-азіатскихъ народовъ; первая же преобладаетъ у океанійцевъ, индѣйцевъ, у племенъ Индіи не-арійскаго происхожденія и т. д. Въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранилась классифицирующая система у жителей Гаваи. Гавайскіе или Сандвичевы острова, находясь въ срединѣ Тихаго океана между восточнымъ берегомъ Азіи и западнымъ Сѣверной Америки, послужили исходнымъ пунктомъ переселенія по направленію къ южнымъ группамъ острововъ Меланезіи, лежащей къ сѣверо-востоку отъ Австраліи. Къ нимъ принадлежатъ также нѣмецкіе Соломоновы острова. Жители этихъ острововъ находятся на весьма низкой ступени культуры, какъ видно уже по рисунку 71.

У аборигеновъ названныхъ группъ острововъ различаютъ пять классовъ: 1) Дѣдушки и бабушки, 2) Родители, 3) Братья и сестры, 4) Дѣти, 5) Внуки. Въ третьемъ классѣ стою я, мои братья и сестры, двоюродные братья и сестры; во второмъ классѣ — мои родители и ихъ братья, сестры, двоюродные братья и сестры; въ первомъ — родители моихъ родителей и т. д. Четвертый классъ обнимаетъ моихъ дѣтей и ихъ двоюродныхъ братьевъ и сестеръ и т. д. Пятый — моихъ внуковъ и ихъ двоюродныхъ братьевъ и сестеръ. Всѣ члены одного класса — братья и сестры, при чемъ они раздѣляются на старшихъ и младшихъ по отношенію къ лицу говорящему. Дядя, тетка, племянникъ и племянница, двоюродный

братъ и двоюродная сестра не существуютъ, какъ понятія (выраженныя особыми словами). Дядя называетъ племянника сыномъ, племянникъ называетъ тетку матерью. Въ другихъ мѣстахъ эти различія сглаживаются и выравниваются разнообразными связями и переходными формами. Чаще всего воспрещается принадлежащимъ къ одной и той же группѣ вступать между собою въ бракъ.

Независимо отъ этого, на землѣ существуютъ три формы родства: древнѣйшая, признающая только родство основанное на естественной кровной связи, то есть родство по матери; вто-

Рис. 72. Главный начальникъ или Ироди Кабуа съ его семьей (Маршальскіе острова).

рая форма признаетъ лишь происхожденіе отъ отца; наконецъ, новѣйшая форма, свойственная и нашему времени, признаетъ родство съ обоими родителями. Первые два вида представляютъ собою непосредственные отпрыски первобытной родовой организаціи. Съ распадомъ послѣдней они исчезаютъ сами собою. Случайно можно еще встрѣтить различныя формы рядомъ одну съ другой, особенно въ переходныя времена. Здѣсь не играютъ роли какіе-либо антропологическіе моменты; повидимому народы принимали эти различныя формы послѣдовательно одну за другой. Результаты родства сохраняются съ тѣмъ большей устойчивостью, чѣмъ крѣпче были кровныя связи, скрѣплявшія первобытный родовой строй; поэтому съ упадкомъ послѣдняго ослабѣваетъ и соціальное значеніе этого родства. Родство не только опредѣляетъ внѣшнее положеніе дѣтей — принадлежность ихъ къ той или другой группѣ, но также и ихъ положеніе въ обществѣ, право наслѣдо-

ванія, состояніе и проч. Наконецъ на родствѣ основываются и имъ опредѣляются всякія правовыя отношенія и дѣйствія, имѣющія значеніе строго соціально-этическихъ обязанностей — съ кровавой местью и убійствомъ во главѣ. Съ теченіемъ времени исчезаетъ эта сторона вліяній родства. Остается только значеніе его для права наслѣдованія и для права вступленія въ бракъ.

1. Система материнскаго права.

Материнское право широко распространено на землѣ и наблюдается у совершенно чуждыхъ другъ другу племенъ, такъ что о заимствованіи или перенесеніи этого установленія не можетъ быть и рѣчи.

Съ полнымъ основаніемъ принимаютъ, что въ основѣ его лежитъ несомнѣнная, самою природою удостовѣренная, очевидность происхожденія (отъ матери), между тѣмъ какъ отцовство, наоборотъ, есть, говоря словами Жиро-Тёлона, исключительно продуктъ правовой предпосылки или легенды. Если въ этихъ примитивныхъ обществахъ возникалъ вопросъ, какъ опредѣлить происхожденіе и кровное родство кого-либо изъ ихъ членовъ, то исходной точкой являлась мать. Материнство, съ его наивнымъ конкретно-осязаемымъ характеромъ, давало полную возможность положить основу семьѣ; пуповина являлась единственнымъ рѣшающимъ моментомъ въ ходѣ идей первобытнаго человѣка, когда предъ нимъ возникала эта проблема. Система материнскаго родства, какъ одна изъ самыхъ раннихъ по всѣмъ вѣроятіямъ формъ, представляетъ фактъ, въ которомъ въ настоящее время ни одинъ безпристрастный изслѣдователь не сомнѣвается.

Въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга углахъ земного шара, у самыхъ различныхъ, совершенно чуждыхъ одна другой національностей открыта подавляющая масса документовъ, констатирующихъ и подтверждающихъ этотъ фактъ. Въ первое время къ этимъ документамъ относились съ насмѣшливой улыбкой, какъ къ курьезамъ, усматривая въ нихъ случайныя чисто мѣстныя явленія или продукты распада. Въ настоящее время такого рода возраженія оказываются совершенно несостоятельными. И внутреннее, психологическое обоснованіе этой системы родства, какъ уже замѣчено выше, вполнѣ ясно: дѣло идетъ здѣсь о самомъ яркомъ, несомнѣнномъ выраженіи естественной общности крови, очевидной именно по отношенію къ матери. Согласно этому взгляду, дитя не состоитъ въ родствѣ съ отцомъ, который только производитъ его; въ родствѣ же оно состоитъ лишь съ матерью. Поэтому мужчины пускаютъ постоянно отпрыски только въ чужіе роды, между тѣмъ какъ женщины рождаютъ для своего собственнаго рода, въ которомъ онѣ и остаются навсегда, — мущины вступаютъ въ родъ женщины. Эта система встрѣчается обыкновенно у большей части индѣйскихъ и океанійскихъ племенъ, у первобытной индѣйской расы, у многихъ семитически-хамитическихъ народовъ и, наконецъ, у негритянскихъ племенъ и племенъ Конго. Подобную семью мы видимъ на рис. 72, гдѣ изображенъ начальникъ или Іроди Кабуа Маршальскихъ острововъ со своимъ семействомъ. Этотъ рангъ до-

стается жителю Маршальскихъ острововъ отъ матери. Сынъ какой-нибудь Ироди — всегда Ироди, хотя бы его отецъ былъ только Кабуа, т. е. принадлежалъ къ низшему классу.

Остатки прошлаго, замѣтные пережитки всякаго рода, находятся еще у народовъ, которые въ историческія времена перешли уже въ патріархатъ; сюда относятся разсѣянныя у древнихъ писателей сообщенія о подобныхъ явленіяхъ.

Очень наглядно обнаруживаются эти столь необычныя для нашего пониманія явленія въ семейныхъ отношеніяхъ у малайцевъ на Суматрѣ. Бахо-

Рис. 73. Семья сакалавовъ на Мадагаскарѣ.

фенъ, который первый обратилъ вниманіе изслѣдователей на эти явленія, описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: малайскій самандей, т. е. тѣсный семейный кругъ (гецинъ), состоитъ изъ матери и ея дѣтей; отецъ не входитъ въ него. Родство, связывающее послѣдняго (отца съ его братьями и сестрами), считается болѣе тѣснымъ, чѣмъ родство съ женой и дѣтьми. Даже послѣ брака и несмотря на бракъ, онъ продолжаетъ оставаться въ томъ гецинѣ, къ которому принадлежатъ его братья и сестры, и домъ послѣднихъ, — а не домъ, въ которомъ живетъ его жена, — считается собственно его жилищемъ, его подлиннымъ кровомъ. Хотя онъ и можетъ помогать своей женѣ въ полевыхъ работахъ и время отъ времени даритъ ей одежду или оказываетъ иную поддержку, тѣмъ не менѣе, онъ прежде всего обязанъ помочь тому гецину, къ которому принадлежитъ по рожденію, и къ которому должно перейти въ наслѣдство достояніе его.

Бракъ отнюдь не ослабляетъ старыхъ, кровныхъ узъ родства, связывающихъ малайца съ его кровными родственниками, и никогда онъ не оставляетъ того круга, въ которомъ выросъ, чтобы пристать къ новому гецину, — жени-

ному. Старыя связи и отношенія сохраняютъ полную силу. Въ теченіе всей своей жизни мужъ и жена не образуютъ иного семейнаго круга (гецинъ), кромѣ того, которымъ каждый изъ нихъ обладаетъ въ своихъ братьяхъ и сестрахъ. Главою гецина обыкновенно считается старшій братъ съ материнской стороны, — Мамакъ, по прозванію. Это лицо по праву и обязанности считается собственно отцомъ дѣтей сестры. Послѣ смерти его, его замѣняетъ одинъ изъ мужскихъ членовъ самандея, къ которому мать принадлежитъ по рожденію, а не по браку. Этимъ замѣстителемъ является старшій сынъ. Если сыновья ея еще несовершеннолѣтніе, то мать сама вступаетъ въ управленіе гециномъ. И лишь въ томъ случаѣ, когда ни матери, ни братьевъ ея нѣтъ уже въ живыхъ, а дѣти еще несовершеннолѣтніе, отецъ становится главою семьи. Такъ какъ мужъ не обремененъ заботами о семьѣ и обыкновенно не слишкомъ безпокоится объ этомъ, то обязанности кормить семью лежатъ всецѣло на гецинѣ, къ которому принадлежитъ мать съ дѣтьми. Источникомъ служитъ имущество гецина, такъ называемая гарта поезака, составляющая неотчуждаемое общее достояніе гецина. Къ гецину обязательно переходитъ наслѣдство всякаго малайца, будь онъ женатъ или нѣтъ. Все его богатство достается тѣмъ его кровнымъ родственникамъ, которые, по понятіямъ малайцевъ, считаются наиболѣе близкими, какъ-то: братьямъ и сестрамъ, послѣ нихъ сестринымъ дѣтямъ, но никогда его женѣ или дѣтямъ, прижитымъ отъ жены. Въ теченіе своей жизни онъ, правда, пользуется правомъ кибахъ, т. е. правомъ donatio inter vivos (даръ при жизни); онъ можетъ, слѣдовательно, кое что и предоставить своимъ дѣтямъ, но и это лишь съ предварительнаго согласія его братьевъ и сестеръ; вообще же это не въ обычаѣ.

Завѣдываніе гартой поезакой принадлежитъ гецину. И въ этомъ отношеніи ему предоставлена широкая свобода, хотя гадатъ (обычное право) связываетъ его твердыми правилами. Въ случаѣ смерти всѣхъ мужчинъ гецина, послѣдній считается распавшимся, и гарта поезака дѣлится поровну между тѣми главарями тѣхъ гециновъ, которые ведутъ свое происхожденіе изъ распавшагося. Пока братья съ материнской стороны еще живы, дѣти матери не считаются еще правомѣрными дольщиками общаго имущества (гарты поезаки). Одна она только пользуется извѣстной долей этого послѣдняго, и лишь по смерти дядей (братьевъ матери), гецинъ, состоящій изъ матери и дѣтей, становится участникомъ опредѣленной доли. Мать при жизни братьевъ числится въ двухъ гецинахъ, но младшій гецинъ не признается еще правомѣрнымъ.

Подобныя первобытныя понятія встрѣчаются, какъ мы только что упомянули, во множествѣ и въ другихъ мѣстахъ. Собственно и своеобразное установленіе „кувада" находится въ тѣсной связи съ ними — поскольку здѣсь естественная, обусловленная кровнымъ родствомъ, связь воспроизводится искусственнымъ подражаніемъ ей. Такъ какъ мать считается единственной производительницей молодой жизни, то, согласно этому взгляду, дитя считается въ родствѣ лишь съ тѣми лицами, которыя обязаны своей жизнью тому же источнику бытія. Для женщины ближайшимъ мужскимъ родственникомъ является братъ отъ той же матери. Вотъ почему этотъ послѣдній— естественный защитникъ ея отъ всѣхъ возможныхъ опасностей, представитель гражданскихъ ея интересовъ, попечитель ея, на обязанности котораго лежитъ забота о выдачѣ ее замужъ. Та же мысль проводится и дальше; изъ старшихъ лицъ, братъ матери т. е. дядя со стороны матери, представляетъ для женщины предметъ особаго почтенія.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ признаковъ древней системы родства является, по мнѣнію Гельвальда, различіе между дядей со стороны матери и дядей съ отцовской стороны [по-нѣмецки: Oheim и Vetter, по-гречески: theios и patradelphos (patroos)].

Негры Волофы въ Сенегамбіи называютъ брата отца папае, а племянниковъ съ отцовской стороны — домае, т. е. дѣтьми, между тѣмъ какъ дѣтей брата по материнской линіи (пидхіайе) —

діаербале, т. е. племянниками и племянницами. Римляне тоже отличали дядю съ отцовской стороны, величая его patruus (pitraya по-санскритски) въ отличіе отъ дяди по матери, котораго звали avunculus (avunculus — уменьшительная форма отъ avus, т. е. дѣдъ или прародитель). Подобнымъ же образомъ различаютъ по-нѣмецки: Muoma или Muhme, собственно — материнская сестра или Matertera, и Base или отцовская сестра, — различіе, вытѣсненное теперь окончательно понятіемъ Tante. Братъ матери или Oheim стоитъ въ настоящее время у большого числа племенъ въ особыхъ отношеніяхъ къ своему племяннику. Лучше всего это можетъ быть выражено словами Тацита о германцахъ, когда онъ характеризуетъ avunculus: sanctiorem arctioremque hunc nexum sanguinis arbitrantur. Это значитъ: они считаютъ этотъ кровный союзъ болѣе священнымъ и болѣе тѣснымъ. Большая святость этихъ родственныхъ отношеній, взглядъ, что родство между дядей по матери и племянникомъ является болѣе тѣснымъ, чѣмъ между отцомъ и сыномъ, встрѣчается, между прочимъ, и у батаковъ на Суматрѣ, на островахъ Фиджи въ Тихомъ океанѣ, у племенъ кенаи Сѣверной Америки, у кассіевъ въ Ассамѣ, на Малабарскомъ берегу, у черныхъ Конго, въ Лоанго, Сенегамбіи и въ многочисленныхъ другихъ мѣстностяхъ, но преимущественно въ Африкѣ (рис. 73 изображаетъ семью сакалавовъ на Мадагаскарѣ), гдѣ это явленіе, какъ и повсюду, связано въ большинствѣ случаевъ съ матріархальнымъ родствомъ, слѣды котораго въ древности обнаруживаются у локровъ, этрусковъ и ликійцевъ. Сюда же относится сообщеніе Николая Дамасскаго, согласно которому у ликійцевъ имущество матери переходитъ по наслѣдству къ дочери, а не къ сыну, — опять-таки непререкаемое доказательство, что право наслѣдованія строго регулировалось у нихъ принципомъ матріархата.

Вліяніе материнскаго права чрезвычайно глубоко и разностороннe. Прежде всего слѣдуетъ подчеркнуть, — на что попутно уже было нами обращено вниманіе, — что повсюду, гдѣ браки заключались между лицами изъ разныхъ родовъ, дѣти присоединялись къ союзу матери. Это сохраняетъ свою силу на различныхъ ступеняхъ соціальной жизни,—все равно, имѣемъ ли мы дѣло съ тотемическими семьями, подотдѣлами какого-нибудь клана, семейными общинами, кастами и т. д. Тѣмъ самымъ опредѣляется и общественное положеніе ребенка, его принадлежность къ благородному или несвободному классу; если даже отцы были рабами, дѣти принадлежатъ къ свободному классу, разъ къ нему принадлежатъ матери. Такъ же наслѣдуются всякаго рода титулы и должности; обязанности опеки также падаютъ на ближайшихъ родственниковъ по женской линіи, играющихъ извѣстную роль при объявленіи совершеннолѣтія. Этотъ же основной принципъ распространяется и на право наслѣдованія. Наконецъ, и по отношенію къ кровавой мести, только тотъ обязанъ и имѣетъ право прибѣгнуть къ ней, кто такъ или иначе находится въ родствѣ съ убитымъ черезъ мать, по женской линіи.

Помимо прямыхъ свидѣтельствъ материнскаго права, имѣется еще цѣлый рядъ важныхъ пережитковъ до-историческаго характера, получающихъ для зоркаго взгляда изслѣдователя зна-

ченіе остатковъ ранѣе существовавшаго и широко распространеннаго установленія. Съ полнымъ правомъ можно указать на то, что выраженіе Blutsbruderschaft (буквально „братство крови“, соотвѣтствуетъ русскому „побратимство“) первоначально имѣло вполнѣ реальный смыслъ — обычая, при которомъ братающіеся смѣшиваютъ и пьютъ (или втираютъ другъ другу въ рану) кровь другъ друга, — обычая, къ которому при случаѣ и нынѣ прибѣгаютъ наши путешественники, если они желаютъ сохранить свою жизнь. Такъ, напр., самъ Стэнли побратался (посредствомъ обмѣна крови) съ грознымъ Мирамбо, Марсомъ Африки. Кровь — душа и жизнь (объясняетъ онъ), на этомъ основывались всѣ формы культа ветхаго завѣта.

Братья только потому братья, что въ ихъ жилахъ течетъ одна и та же кровь, и настоящіе родственники — consanguinei. Это не было для древнихъ лишь формою выраженія: они понимали это буквально и осуществляли, доказывали это на дѣлѣ. Если примѣсь крови обусловливаетъ родство, то и совершенно чужіе люди могутъ стать братьями — черезъ смѣшеніе крови. Эта своеобразная мысль развита съ такой логической послѣдовательностью, что не приходится удивляться тому, что тотъ же обычай смѣшенія крови и кровнаго братства распространенъ во всѣхъ частяхъ свѣта, населеніе которыхъ врядъ ли когда-либо имѣло даже возможность придти въ столкновеніе между собою. Сообщаютъ, какъ достовѣрный фактъ, что во время китайскихъ революцій мятежники рѣзали дѣтей, кровь которыхъ смѣшивали и пили для того, чтобы, пріобщившись такимъ образомъ, къ этому жизненному элексиру, связаться на жизнь и смерть другъ съ другомъ. Бастіанъ сообщаетъ о такъ называемомъ правѣ племянниковъ, существующемъ на западномъ берегу Африки. Состоитъ оно въ слѣдующемъ. Всѣ принцы разсматриваются какъ братья одной семьи, а потому не могутъ жениться на принцессахъ. Но имъ, однако, позволяется брать себѣ въ жены женщинъ изъ народа (фіотъ), — почему и дѣти ихъ не носятъ титула фуме (князя), а только мани-фуме (княжескіе сыновья), и лишены княжескаго званія. Наоборотъ, сыновья принцессъ всѣ — полные князья, хотя часто отецъ ихъ принадлежитъ къ простому народу (фіоту). Принцессы большей частью остаются незамужними, такъ какъ за князей, какъ за своихъ братьевъ, онѣ не могутъ выйти замужъ, а простой человѣкъ избѣгаетъ жениться на княжнѣ, ибо эти послѣднія могутъ по своей волѣ съ кѣмъ угодно завязать любовныя сношенія, между тѣмъ какъ мужъ долженъ быть воздержанъ и, какъ супругъ княжны, не имѣетъ права прикасаться ни къ какой другой женщинѣ. Какъ только принцесса родила сына, мужъ обязанъ купить для него двухъ рабовъ. Если же эта издержка ему не по силамъ, то онъ самъ становится рабомъ своего сына.

Только обѣднѣвшіе фіоты изъ страха всевозможныхъ преслѣдованій, ищутъ брака съ принцессами, видя въ этомъ свою защиту. То же самое наблюдается въ Анголѣ, гдѣ дядя по матери, имѣющій полную власть надъ своими племянниками, именуется отцомъ (tate). Отецъ не имѣетъ никакой власти надъ своимъ сыномъ, онъ не можетъ продать его, какъ это разрѣшается дядѣ по отношенію племяннику. Въ случаѣ развода дѣти слѣдуютъ за

матерью, ибо они принадлежатъ брату ея, какъ дядѣ дѣтей. Дѣти наслѣдуютъ матери, между тѣмъ какъ имущество отца переходитъ къ его брату или племяннику. Сюда же относится слѣдующее сообщенiе о Гвинеѣ, заимствованное Бастiаномъ у Босмана: правомѣрными наслѣдниками являются только братъ или дѣти сестры, такъ что старшiй сынъ въ семьѣ наслѣдуетъ имущество брата матери или его сына, если таковой имѣется; старшая же дочь послѣ сестры матери или ея дочери, если таковая есть. Находящiеся еще въ живыхъ со стороны отца родственники, — самъ отецъ, братья и сестры его, — не принимаются въ расчетъ и, слѣдовательно, къ наслѣдству никакого отношенiя не имѣютъ. Любопытно еще то обстоятельство, на которое Бастiанъ обратилъ вниманiе въ Ассамѣ на кладбищѣ кассiевъ, а именно: всѣ надгробные памятники членовъ семьи группируются вокругъ дяди по материнской линiи.

Очень характеренъ еще обычай, проявляющiйся въ томъ, что между тещей и зятемъ устанавливаются рѣзко выраженныя враждебныя или, по меньшей мѣрѣ, антипатичныя отношенiя.

Такъ, объ ашантiяхъ Бастiанъ разсказываетъ слѣдующее: теща и зять находятся тамъ въ почтительномъ другъ отъ друга отдаленiи; при встрѣчѣ опускаютъ глаза и отворачиваются; разговариваютъ между собою лишь тайкомъ.

То же сообщаютъ о каффрахъ или о живущихъ совершенно въ другой части свѣта сѣверо-американскихъ племенахъ, дакотахъ, ассинибояхъ, омагахъ и т. д.

Своеобразныя натянутыя отношенiя между супругами у дикаго разбойничьяго племени тубу въ Сахарѣ особенно глубоко чувствуются матерью: бракъ здѣсь теперь — бракъ путемъ купли, объясняетъ Липпертъ. Женщинъ мало въ этой бѣдной странѣ, работа ихъ тяжелая, цѣна ихъ поэтому высокая: верблюды, ослы, овцы и козы. Но и здѣсь старое перемѣшано съ новымъ: тогда какъ лопарь самъ, собственной персоной, причисляется къ семьѣ тещи, тубу уже уводитъ свою жену къ себѣ въ домъ, но она остается у него лишь на семь дней, а затѣмъ онъ снова возвращаетъ ее на болѣе продолжительное время домой — къ родителямъ. Поведенiе жены напоминаетъ намъ о временахъ самостоятельнаго хозяйства мужа и жены; никогда она не позволяетъ себѣ ѣсть въ присутствiи мужа, общаго стола у нихъ нѣтъ. Обычай предписываетъ даже проявлять враждебность въ отношенiяхъ. Она разговариваетъ съ нимъ, отворачиваясь отъ него; избѣгаетъ называть его по имени. Слѣдующiй обычай уноситъ насъ еще дальше назадъ: вступившiй въ бракъ мужчина теряетъ даже свое имя, какъ будто въ силу брака становится членомъ чужой семьи, онъ обозначается описательно только какъ отецъ своихъ дѣтей, какъ будто ребенокъ по имени и родству принадлежитъ только къ семьѣ. Даже родственники жены становятся къ мужу въ натянутыя и тяжелыя отношенiя. Для родителей, братьевъ и сестеръ жены онъ человѣкъ, имя котораго они по возможности избѣгаютъ называть, дѣлая это лишь въ случаѣ крайней необходимости. Если онъ находится въ обществѣ мужчинъ и въ это время мимо проходитъ его теща, то онъ обязанъ немедленно встать и удалиться; если же проходитъ

мимо шуринъ, то онъ остается на мѣстѣ, но шуринъ безостановочно продолжаетъ свой путь. Съ другой стороны онъ не имѣетъ права садиться въ обществѣ, гдѣ находится его шуринъ, а обязанъ удалиться, закутавъ лицо свое покрываломъ (литамомъ)...

Удивительно, съ какой самостоятельностью женщины тубу завѣдуютъ хозяйствомъ и въ отсутствіи мужей оборудываютъ общія дѣла. Мужъ, напримѣръ, цѣлыми годами не бываетъ дома, а домъ, дѣти, козы и верблюды остаются цѣликомъ на попеченіи жены, которая безъ посторонней помощи справляется: возится съ дѣтьми, смотритъ за домашними животными, продаетъ и покупаетъ, предпринимаетъ путешествія внутрь страны, мѣняя свое мѣстожительство.

Тибести держатся въ общемъ того мнѣнія, что женщины болѣе годятся для подобныхъ дѣлъ, чѣмъ мужчины. Въ самомъ дѣлѣ, тамошнія женщины не только усвоили манеры мужчинъ и привычку ихъ жевать табакъ, но воспитаніе и навыкъ развили у нихъ практическій смыслъ, закалили ихъ волю и энергію, такъ что онѣ ни въ чемъ не уступаютъ сильному полу. То же самое наблюдается у дикихъ туареговъ и у Ауладъ Солиманъ въ Сахарѣ.

Нѣкоторыя черты домашней обстановки тоже напоминаютъ объ устарѣлой, уже не признаваемой болѣе, организаціи, напр. самостоятельныя, замкнутыя другъ отъ друга собранія мужчинъ и женщинъ, особенно во время трапезы; далѣе, запрещеніе женщинамъ употреблять въ пищу нѣкоторыя блюда, какъ, напр., свинину и черепаху у жителей острововъ Южнаго моря. Лучшее лакомство — мясо убитаго врага (у людоѣдовъ) — считается исключительной прерогативой мужчинъ. То же встрѣчается, по словамъ историка культуры Липперта, въ Африкѣ. У зулу и бечуановъ земледѣліе предоставлено исключительно женщинамъ, а скотоводство — мужчинамъ, какъ два отдѣльныя занятія; и даже тамъ, гдѣ индустрія вытѣснила скотоводство или присоединилась къ нему, еще сохраняется раздѣльность мужскихъ и женскихъ занятій. Здѣсь мужчины и женщины, несмотря на брачный союзъ, образуютъ, по крайней мѣрѣ отчасти, обособленныя хозяйственныя товарищества, какъ роды въ языческихъ государствахъ; по крайней мѣрѣ мужчины держатся вмѣстѣ и сообща работаютъ на пользу своего дома и государства. Съ этою цѣлью они проводятъ день вмѣстѣ въ одномъ изъ общественныхъ домовъ, которые въ западной Африкѣ называются палаверами. Здѣсь, толкуя, какъ подобаетъ мужчинамъ, о политикѣ и угощаясь мѣстнымъ напиткомъ, они занимаются сшиваніемъ узкихъ холщевыхъ полосокъ въ толстую ткань. Женщины приносятъ въ эти собранія пищу и напитки, такъ что мужчины ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ, тогда какъ женщины ѣдятъ отдѣльно. (См. замѣчательный трудъ Шурца „Возрастные классы и союзы мужчинъ“, Берлинъ 1902, и К. фонъ-деръ-Штейненъ „Среди первобытныхъ народовъ центральной Бразиліи“: описаніе удивительной сцены въ средѣ лѣсныхъ индѣйцевъ, страшно возмущенныхъ тѣмъ, что онъ не постыдился ѣсть въ присутствіи своихъ безобидныхъ естественныхъ братьевъ.) [Рис. 74 представляетъ семью индѣйцевъ Ута (Мексика)]. Въ Спартѣ существовали извѣстныя сисситіи, встрѣчавшіяся впрочемъ и въ другихъ греческихъ государствахъ.

Нравственное значеніе первобытнаго матріархата сказывается еще и много позднѣе, въ эпоху патріархата, выражаясь въ наблюдаемомъ всюду почтеніи, даже со стороны мужчинъ, къ женщинѣ, а особенно къ матери. Такъ было у древнихъ германцевъ, у многихъ индѣйскихъ племенъ. (Рис. 75 изображаетъ молодого индѣйскаго вождя, съ глубокой нѣжностью глядящаго на свое дѣтище и готоваго энергично защищать свою жену). И рядомъ съ почтенной ролью совѣтницы мы встрѣчаемъ женщину порою даже въ отвѣтственной должности главы рода (напр., у гайдовъ сѣверо-западной Америки).

По фотогр. Эдвардса.

Рис. 74. Семья индѣйцевъ Ута (Мексика).

Въ центральной Африкѣ путешественникъ Нахтигаль нашелъ страну, извѣстную подъ именемъ Мбангъ-Не, т. е. Страны Королевы. Наконецъ, Гельвальдъ сообщаетъ, что одно изъ первобытныхъ китайскихъ племенъ управляется женщиной, носящей титулъ Нон-Такъ. Подданные оказываютъ своей правительницѣ всевозможныя почести. Они извѣстны подъ именемъ Нуэ-Кунъ, т. е. подвластные женщинѣ, и за это особенно презираются китайцами. Престолъ наслѣдуется опредѣленной династіей по женской линіи. Къ этой же категоріи явленій относится все то, что Нахтигаль сообщаетъ о племени баеле въ центральной Африкѣ. У баеле почтеніе къ родителю и къ старости повидимому слабо развиты. Какъ только сынъ достигаетъ зрѣлаго возраста, онъ отказывается отъ всякаго повиновенія отцу: ссорится и дерется съ нимъ, какъ съ постороннимъ человѣкомъ, нерѣдко даже, въ спорѣ изъ за какой-нибудь вещи, подымаетъ оружіе противъ своего родителя. Когда отецъ становится

старъ и дряхлъ, но имѣетъ еще молодую жену, то нерѣдко случается, что сынъ безъ дальнѣйшихъ околичностей присваиваетъ послѣднюю, хотя по мѣстному обычаю онъ можетъ вступить въ обладаніе женой отца лишь по смерти послѣдняго.

Также полны значенія и многочисленные пережитки прежнихъ взглядовъ и установленій въ религіозной области — опять-таки новое доказательство неразрывной связи соціальной жизни съ религіей. Ученый Бахофенъ впервые правильно оцѣнилъ важное значеніе обстоятельствъ, о которыхъ говорится въ трагедіи великаго греческаго поэта Эсхила „Орестія". Здѣсь сталкиваются устарѣвшее, но неохотно уступающее побѣдоноснымъ идеямъ новаго времени воззрѣніе матріархата и новое—патріархата. Конфликтъ представляется кореннымъ и неразрѣшимымъ, пока, наконецъ, благодаря посредничеству Аѳины, олицетворяющей въ себѣ мужчину и женщину, вырабатывается извѣстное примиреніе, при чемъ и старый грозный обычай кровавой мести замѣняется строго законнымъ смертнымъ приговоромъ.

Дѣйствіе основывается на извѣстномъ преданіи. Царь Агамемнонъ по возвращеніи съ войны съ Троей былъ убитъ своей женой Клитемнестрой и ея возлюбленнымъ Эгистомъ. Одновременно долженъ былъ пасть жертвой сынъ Агамемнона и Клитемнестры, Орестъ, но онъ нашелъ убѣжище у фокійскаго царя. Двадцати лѣтъ отъ роду вернулся Орестъ со своимъ другомъ Пиладомъ на родину и, по внушенію Аполлона, убилъ свою мать Клитемнестру и ея возлюбленнаго. За это его преслѣдуютъ богини мести, и Орестъ долго скитается, какъ безумный. Наконецъ, онъ рѣшается подчиниться судебному приговору аѳинскаго суда. На судѣ, въ качествѣ представительницы материнскаго права, выступаетъ въ трагедіи противъ Аполлона и Ореста богиня мести, Эриннія. Эриннія съ своей точки зрѣнія никоимъ образомъ не можетъ признать, что женщина, убившая своего мужа и отца своего ребенка, повинна въ убійствѣ кровнаго родственника. — „Вѣдь она не была родственна по крови мужу, котораго убила", — вотъ почему никакая эриннія не преслѣдовала ее своей местью за ея проступокъ. Месть обрушивается лишь на убійцу кровнаго родственника — кровь должна быть отмщена, вотъ почему месть постигла одного Ореста:

> Развѣ она тебя, запятнаннаго кровью, не носила
> Подъ своимъ сердцемъ? Проклинаешь ли ты кровь своей матери?

Но Аполлонъ вступился за Ореста, котораго онъ же подстрекнулъ на его поступокъ. Аполлонъ возвѣщаетъ предъ судьями о новомъ законѣ отцовскаго права:

> Не мать производительница своего ребенка,
> Она только хранитъ и вынашиваетъ проснувшуюся жизнь.
> Отецъ — производитъ, а мать только хранительница залога,
> Другу — подруга, если это только не оскорбляетъ бога.

Богини мести поняли всю серьезность положенія и важность происшедшаго переворота:

> Но этимъ ты подрываешь могучія силы сѣдой старины!
> Ты, молодой богъ, ты хочешь насъ, стариковъ, сокрушить!

Аѳина бросаетъ при голосованіи бѣлый камень въ урну и такимъ образомъ рѣшаетъ оправданіе матереубійцы. Она, родившаяся, по

преданію, безъ матери, однимъ ударомъ порываетъ связь съ прошлымъ.

Въ защиту Ореста бросаю я камень этотъ,
Ибо не было матери, которая меня родила.
Поэтому я считаю менѣе преступнымъ убійство женщины,
Которая сама убила своего супруга, главу дома.

Это былъ первый судебный уголовный судъ между смертными: въ прошломъ была только месть, а не судъ. Жалуясь, поетъ хоръ побѣжденныхъ богинь мести:

О, новые боги! древній законъ и первобытное право
Вы сокрушили, вырвали изъ моихъ рукъ.

Рис. 75. Молодой индѣйскій вождь съ его семьей.

Тѣ же самые соціально-религіозные отзвуки слышатся и въ извѣстныхъ сказаніяхъ объ амазонкахъ. Пусть многое, что сообщаетъ о нихъ Бахофенъ, особенно о будто бы всеобщемъ распространіи у нихъ гетеризма (проституціи), преувеличено, но, тѣмъ не менѣе, съ основными его идеями нельзя не согласиться. Амазонство явленіе довольно распространенное. Объясняется оно отнюдь не физическими и историческими особенностями даннаго племени, а скорѣе зависитъ отъ условій и состояній человѣческаго существованія вообще. Съ гетеризмомъ его сближаетъ всеобщность его. Одна и та же причина вызываетъ повсюду одно и то же слѣдствіе. Явленія амазонства вплетаются въ первобытную исторію всѣхъ народовъ. Ихъ можно прослѣдить отъ внутренней Азіи до запада и отъ скиѳскаго сѣвера до западной Африки. По ту сторону океана они не менѣе многочисленны, не менѣе достовѣрны и встрѣчаются даже въ близкія къ намъ времена, со всѣми сопутствующими имъ кровавыми актами мести мужскому полу. Законосообразность человѣческой природы придаетъ именно раннимъ ступенямъ развитія большей частью

типически всеобщій характеръ. Къ этому первому факту присоединяется и другой. Амазонство, несмотря на свое вырожденіе, все-таки обозначаетъ существенный подъемъ нравовъ. Чувство высшаго права материнства впервые здѣсь выступило противъ грубыхъ притязаній силы. Въ немъ кроются первые зачатки гинекократіи (господства материнства), основывавшей на власти женщинъ государственную культуру народовъ. Именно въ пользу этого исторія даетъ весьма поучительныя доказательства. Очень характерно наконецъ для миѳологическаго переходного періода, — детали котораго для насъ, пожалуй, навсегда останутся тайной, — выступленіе цѣлаго ряда героическихъ фигуръ новой уже эпохи, въ числѣ ихъ особенно Геракла, яркаго представителя отеческаго права. По мѣткому выраженію Діодора, Гераклъ поставилъ себѣ цѣлью осчастливить все человѣчество безъ исключенія, а потому онъ считалъ несправедливымъ оставить нѣкоторыя племена подъ презрѣннымъ игомъ женщинъ. Гераклъ, поэтому, повсюду выступаетъ какъ непримиримый врагъ женщинъ, какъ защитникъ и борецъ за отцовское право.

2. Патріархатъ.

Рѣзкую противоположность материнскому праву представляетъ, какъ уже было упомянуто, основанная не на кровномъ союзѣ, а на власти и господствѣ, система отцовскаго права. Послѣдняя тоже чрезвычайно широко распространена. Встрѣчается она у всѣхъ индо-германскихъ народовъ и т. д. Часто она встрѣчается наряду съ материнскимъ правомъ, какъ, напримѣръ, у негровъ. Очень характерно то обстоятельство, что встрѣчается не мало примѣровъ постепеннаго перехода матріархата въ патріархатъ, но никогда — наоборотъ. Можетъ быть, процессъ этотъ развертывался слѣдующимъ образомъ. Сначала дѣти рабынь и пріемныя дѣти составляли собственность отца, между тѣмъ какъ родныя дѣти его до тѣхъ поръ оставались подъ опекой брата матери, пока эта послѣдняя не превратилась въ силу покупки невѣстъ въ собственность мужа. Съ этой точки зрѣнія объясняется почти неограниченая власть патріарха надъ жизнью и имуществомъ своей семьи, простирающаяся, по Липперту, даже на самый нѣжный возрастъ. Отецъ при патріархатѣ прежде всего не имѣетъ никакихъ обязанностей. Дитя матери, находящееся подъ его опекой, не можетъ принадлежать никому, кромѣ него, но это право владѣнія не обязываетъ его ни къ чему. Только онъ и никто другой можетъ признать или усыновить ребенка; разъ онъ его не призналъ, это дитя уже не считается принадлежащимъ ему. Только послѣ пріема ребенокъ пріобрѣтаетъ защиту и пріютъ въ семьѣ, представителемъ которой является отецъ. У древнихъ германцевъ — объ этомъ намъ разсказываютъ древнія сѣверныя саги — новорожденнаго клали на землю, и глава семьи рѣшалъ его судьбу. Если онъ поднималъ или приказывалъ поднять его — ребенокъ становился его ребенкомъ. Въ противномъ случаѣ — его лишали жизни. И въ Римѣ встрѣчаемъ то же: рожденіе и поднятіе необходимы для признанія ребенка. Поднятіе (sublatio) составляло обязательное дополненіе родовъ. Сѣверные лѣтописцы, говоря объ отношеніяхъ къ дѣтямъ, имѣютъ

почти всегда въ виду тѣхъ дѣтей, которыя были подняты отцомъ, а не тѣхъ дѣтей, которыя онъ произвелъ или которыхъ родили ему, ибо производствомъ и рожденіемъ еще не устанавливаются отношенія дѣтей къ отцу, для этого необходимо поднятіе. Если оно не состоялось — дитя не признается. Наше чувство отказывается признать этотъ обычай, который когда-то имѣлъ такое широкое распространеніе на землѣ. Нѣтъ такого народа, нѣтъ такого первобытнаго племени, у котораго не игралъ бы большой роли обычай признанія или непризнанія дѣтей. И разсказы путешественниковъ, и народныя саги достаточно освѣщаютъ этотъ обычай. Повсюду непризнаніе ребенка первоначально считается неотъемлемымъ и несомнѣннымъ правомъ родителей; только при патріархатѣ мать устраняется отъ участія въ рѣшеніи этого вопроса. Вздумай она теперь умертвить своего ребенка, она рискуетъ быть обвиненной если не въ убійствѣ, то въ кражѣ имущества своего мужа. Воля же отца въ первобытное время не знала никакихъ ограниченій. Правда, можно было привести много основаній въ пользу непризнанія ребенка. Обыкновенно здѣсь прежде всего давала себя чувствовать горькая нужда семьи и невозможность воспитать дѣтей. Но съ теченіемъ времени и сюда вносится нѣкоторое смягченіе, уже въ силу того, что отецъ начинаетъ видѣть въ своемъ сынѣ будущаго соратника и помощника своего, а позднѣе, естественнаго наслѣдника своего могущества, — отчего естественно должна была вырабатываться извѣстная симпатическая связь.

Рис. 76. Семья мандарина.

Правовыя послѣдствія патріархата легко прослѣживаются до мельчайшихъ подробностей, какъ и при матріархатѣ, но въ обратномъ порядкѣ. Прежде всего относительно имени и порядка наслѣдованія. Дѣти обыкновенно причисляются къ роду отца, разъ родители принадлежатъ къ различнымъ союзамъ. Это вполнѣ сохраняетъ свою силу какъ по отношенію къ имени, такъ и къ благородству происхожденія и къ другимъ соціальнымъ

привилегіямъ. Исключительной прерогативой мужа является затѣмъ главенство надъ всѣми родственниками отцовской стороны, право жизни и смерти, продажи, обладанія имуществомъ, право на выдачу замужъ, на кровавую месть, войну и миръ и т. д., — часто послѣ развода дѣти остаются у отца, по крайней мѣрѣ, сыновья, между тѣмъ какъ дочери остаются при матери. И здѣсь, какъ, напр., въ древне-ирландскомъ правѣ, имѣются слѣдующія переходныя ступени. Похититель не имѣетъ права на дѣтей, зачатыхъ въ первый мѣсяцъ брачной жизни: они принадлежатъ семьѣ матери. Семья же можетъ ихъ продать похитителю. При насильственномъ уводѣ это зависитъ отъ воли жены. Если она захочетъ, похититель обязанъ ихъ купить. При уводѣ съ согласія женщины выборъ принадлежитъ, наоборотъ, отцу — желаетъ ли онъ ихъ купить или нѣтъ. Если онъ желаетъ, то семья жены обязана по закону продать ихъ ему. Повсюду узурпація порабощенной женщины является базисомъ, на которомъ развертывается власть мужчины. Покоривъ жену, онъ стремится распространить свое господство и на всю группу, ведущую свое начало изъ этого союза. Чтобы окончательно оправдать замкнутость этой организаціи, усилить во всѣхъ членахъ ея чувство зависимости, оставалось только установить общаго предка всего племени, блескъ и значеніе котораго усиливались ореоломъ религіозной санкціи. Въ этомъ находитъ свое объясненіе столь распространенный на землѣ культъ предковъ, отзвуки котораго слышатся еще и въ настоящее время въ праздникѣ всѣхъ святыхъ (такой именно праздникъ празднуется еще и понынѣ на Père Lachaise, въ Парижѣ). Подобно индусу, ежедневно приносящему своимъ предкамъ установленную жертву, и трезвый китаецъ, побуждаемый тѣмъ же чувствомъ, дѣлаетъ то же; онъ никогда не забываетъ во время праздниковъ оставлять своимъ предкамъ положенную имъ долю своей трапезы, совершенно такъ же, какъ гвинейскій негръ регулярно угощаетъ идоловъ своихъ предковъ пищей и питьемъ. Извѣстно, какое противодѣйствіе оказало населеніе Срединной имперіи попыткамъ проложить въ ихъ странѣ сѣть желѣзныхъ дорогъ. Послѣднія, согласно суевѣрію населенія, могутъ своимъ шумомъ и грохотомъ потревожить тѣни усопшихъ предковъ. Рис. 76 изображаетъ семью мандарина, напоминающую о нѣмецкой семьѣ; въ ней сказывается культъ родителей, породившій культъ предковъ. Культъ ларовъ и пенатовъ (почитаніе домашнихъ боговъ) у римлянъ тоже принадлежитъ къ послѣдней категоріи явленій, какъ и образы патріарховъ ветхаго завѣта или Гомера. Что бракъ путемъ умыканія долженъ былъ особенно усилить мощь и вліяніе отца, объ этомъ было уже сказано выше.

3. Родительское право.

Какіе бы споры ни велись вокругъ вопросовъ материнскаго и отцовскаго права (нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напримѣръ, Штарке и другіе, совсѣмъ отрицаютъ общее значеніе матріархата, и какъ намъ кажется — безъ достаточныхъ основаній), одно не подлежитъ сомнѣнію, что родительское право представляетъ собою болѣе позднюю ступень развитія, — продуктъ, такимъ обра-

зомъ, сравнительно болѣе высокой цивилизаціи. У полукультурныхъ народовъ оно встрѣчается лишь, какъ единичное явленіе, какъ, напр., въ Аккрѣ на Золотомъ берегу и у малайскихъ дайаковъ. Встрѣчается оно вообще тамъ, гдѣ бывшій родовой бытъ находится уже въ процессѣ упадка; отецъ, мать и дитя составляютъ уже здѣсь замкнутую группу — семью въ нашемъ смыслѣ слова. Дитя находится въ одинаковомъ родствѣ съ обоими родителями, такъ что первобытная кровная связь съ матерью и затѣмъ узурпированная властью отца связь уступили теперь свое мѣсто непосредственнымъ отношеніямъ дитяти къ обоимъ родителямъ. Эта система возникла изъ формъ, представлявшихъ смѣсь материнскаго и отцовскаго права, причемъ ни мужъ не перекочевывалъ въ семью жены, ни жена въ семью мужа, но оба вмѣстѣ основывали свою семью или жили оба, гдѣ хотѣли — у родителей ли жены, или мужа. Дѣти наслѣдуютъ въ такомъ случаѣ уже отъ обоихъ родителей и имъ предоставленъ свободный выборъ — пристать ли къ отцовской или материнской роднѣ. Въ случаѣ развода, сыновья остаются при отцѣ, дочери — при матери, или же это представляется на выборъ самимъ дѣтямъ. Но система, о которой идетъ рѣчь, могла образоваться также непосредственно изъ отцовскаго права, причемъ жена съ теченіемъ времени поднялась изъ прежняго презрѣннаго состоянія на болѣе высокую ступень равноправной подруги — помощницы своего мужа, хотя послѣдній, сообразно обычаю, продолжалъ занимать первенствующее по своему вліянію мѣсто. Въ итогѣ родительскія права никогда не достигали такого юридическаго значенія, какъ материнское и отцовское право. Сфера ихъ дѣйствія ограничивается лишь правомъ наслѣдованія, обязанностями содержать семью, давать приданое, опекать и т. д.

4. Искусственное родство.

Громадное значеніе первобытнаго кровнаго союза для существованія первичныхъ родовыхъ обществъ достаточно выяснено выше. Совершенно понятно и натурально, поэтому, если это естественное единство подкрѣпляется и развивается дальше еще искусственными какими-либо мѣрами. Самая элементарная и весьма распространенная искусственная форма родства это — питье сообща молока или обмѣнъ пуповиной. Не менѣе распространенъ уже упомянутый обычай пить кровь, причемъ еще произносится торжественная клятва. На Танембарскихъ и Тиморлаонскихъ островахъ, напримѣръ, по заключеніи побратимства произносится обыкновенно клятва, которая сопровождается, какъ это принято на Индонезійскомъ архипелагѣ, питьемъ смѣси изъ подслащенной морской воды, пальмоваго вина и другихъ составныхъ частей. Затѣмъ глава тѣхъ, которые выразили желаніе вступить въ кровный братскій союзъ (побратимство), выпускаетъ изъ нихъ небольшое количество крови, прибавляетъ ее къ смѣси и даетъ ее испить „братьямъ". При этомъ дается клятва и призывается страшное наказаніе на нарушителя клятвы. На Варваринскихъ островахъ заключающіе союзъ тоже должны принести клятву, причемъ при соблюденіи соотвѣтственныхъ формальностей производятся надрѣзы на ихъ тѣлѣ и вытекающая

изъ надрѣзовъ кровь смѣшивается съ саго и выпивается „братьями“. Нарушеніе такой клятвы влечетъ за собою, по народному повѣрью, болѣзнь или смерть нарушителя. Формы искусственнаго родства чрезвычайно многочисленны; въ простѣйшемъ видѣ весь процессъ выражается въ сплоченіи многихъ родовъ другъ съ другомъ въ одинъ большой родовой союзъ, отчего, конечно, значеніе и вліяніе отдѣльнаго рода также растетъ. То же происходитъ и при побратимствѣ, когда два лица соединяются для оборонительнаго и наступательнаго союза, клянутся стоять другъ за друга до смерти. Особенно важно побратимство въ случаяхъ, гдѣ требуется кровавая месть. Такъ, напр., у пегуелховъ двое мужчинъ при торжественной обстановкѣ заключаютъ дружескій между собою союзъ. Они являются другъ другу на помощь при первой необходимости и въ войнѣ готовы другъ за дружку отдать жизнь свою. У віандотовъ и многихъ сѣверо-американскихъ индѣйскихъ племенъ молодыя пары часто заключаютъ между собою неизмѣнный союзъ, скрѣпленный кровью, клянутся довѣрять другъ другу всѣ свои тайны и защищать другъ друга при всѣхъ обстоятельствахъ. Это побратимство можетъ распространиться на имущество и женъ и доходитъ до обмѣна именами. Дальнѣйшее, тоже довольно частое, подражаніе естественному родству представляетъ собою такъ называемое родство при посредствѣ воспитанія. Выражается оно въ томъ, что ребенокъ еще въ нѣжномъ возрастѣ отдается родителями на воспитаніе чужимъ людямъ, въ чужую совсѣмъ семью. Особенно этотъ обычай въ ходу среди княжескихъ семей, какъ, напр., у черкесовъ, у которыхъ отецъ снова можетъ увидѣть сына своего лишь послѣ того, какъ послѣдній достигъ возмужалости. Отношенія между пріемнымъ отцомъ и пріемнымъ сыномъ, само собою, проявляются многообразнымъ образомъ: то они интимныя, напоминающія собою кровное родство, какъ въ старомъ ирландскомъ правѣ между учителемъ и ученикомъ; то пріемный отецъ ручается за всѣ поступки пріемыша, то, наконецъ, устанавливается общее владѣніе имуществомъ.

О молочномъ родствѣ выше уже упомянуто. Оно основывается на томъ предположеніи, что черезъ питаніе материнскимъ молокомъ можетъ быть достигнуто общее происхожденіе, кровное родство. Сюда же принадлежитъ обычай пріема отдѣльныхъ лицъ въ члены своего рода, такъ, напр., военноплѣнныхъ, которые въ такомъ случаѣ становятся товарищами и членами рода, — конечно, при условіи, если они достойны того. То же мы находимъ въ сообщеніяхъ о древнихъ арабахъ, принимавшихъ въ свой родъ рабовъ и дѣтей, пріобщая ихъ такимъ образомъ къ своему роду. То же у черкесовъ, когда они входятъ въ побратимство съ подчиненными. Но особенно часто происходитъ пріемъ дѣтей въ чужой родъ — такъ называемое усыновленіе. Вмѣсто обыкновеннаго пріема дѣтей практикуется порой еще особый видъ пріема — пріемъ извѣстнымъ лицомъ другого лица въ качествѣ отца, матери или брата. Такъ именно бываетъ у намаква въ Африкѣ. Этимъ объясняется и другой обычай, согласно которому всякій чужой, особенно когда онъ появляется въ деревнѣ съ торговыми цѣлями, имѣетъ тамъ или отца или мать. Побудительный мотивъ—поддержать численность рода (какъ это въ другихъ слу-

чаяхъ достигается посредствомъ левирата или индійской нійоги), особливо, если бракъ остался безъ мужского потомства или данный потомокъ неправоспособенъ (напримѣръ, безумецъ или по какой-либо причинѣ лишенъ правъ). У нѣкоторыхъ племенъ галласовъ родственники умершаго, если онъ былъ единственнымъ сыномъ и не оставилъ потомковъ, отправляются на ближайшій рынокъ, гдѣ и покупаютъ молодого раба, котораго усыновляютъ, какъ сына покойнаго, передавая ему вмѣстѣ съ тѣмъ и имя послѣдняго. Этимъ сохраняется имя рода: оно не исчезаетъ безслѣдно со смертью послѣдняго его представителя. На островахъ Палау въ случаѣ бездѣтнаго брака женщина усыновляетъ чужихъ дѣтей. Такъ какъ здѣсь женщина является основательницей семьи, то только она можетъ усыновлять дѣтей. Во всякомъ случаѣ достойно вниманія то, что и при усыновленіи соблюдается отношеніе возрастныхъ различій, словно дѣло идетъ о дѣйствительномъ органическомъ происхожденіи. Точно также и въ Пенджабѣ никто не можетъ быть усыновленъ, если онъ не стоитъ хоть одной ступенью по возрасту ниже того, кто его усыновляетъ.

Вліяніе усыновленія крайне разнообразно. Большей частью вновь принятый ребенокъ выходитъ окончательно изъ стараго родового союза и входитъ въ союзъ новаго отца (что весьма важно съ точки зрѣнія правъ наслѣдованія), но иногда онъ сохраняетъ отношенія съ прежними родственниками, какъ, напр., въ Индіи, гдѣ сынъ имѣетъ въ дѣйствительности двухъ отцовъ.

Прибавимъ въ заключеніе, что и на европейской почвѣ еще сравнительно недавно удалось открыть тотъ же обычай, прослѣдить тотъ же въ основѣ ходъ мышленія. Мы имѣемъ въ виду славянскую семейную общину — задругу, въ которой общее семейное достояніе, въ случаѣ отсутствія или недостатка мужскихъ наслѣдниковъ, вынуждаетъ прибѣгнуть къ усыновленію. У русскихъ мы также находимъ пережитки античныхъ учрежденій въ существованіи молочнаго братства — важный фактъ, показывающій, какъ широко были распространены эти организаціи, не считающіяся ни съ какими условіями расы и прошлаго.

Какъ и во всякомъ великомъ культурно-историческомъ процессѣ эволюціи, такъ и здѣсь, въ той картинѣ разнообразныхъ формъ брака, которую мы только что развернули, выясняется, съ одной стороны, поразительное обиліе отклоненій, а съ другой — извѣстное единообразіе. Нѣкоторые обычаи, нравы и учрежденія имѣютъ несомнѣнно общее значеніе, общеобязательный характеръ, какъ, напримѣръ, первобытный родовой союзъ, единство крови, материнское право и такъ далѣе, такъ что о какомъ-либо подражаніи и заимствованіи и рѣчи быть не можетъ; различія расы и условій культурно-историческаго развитія, дающія себя знать въ другихъ отношеніяхъ, оказываются въ этомъ случаѣ лишенными значенія. Но, съ другой стороны, каждое соціальное новообразованіе должно, — по крайней мѣрѣ, посредственно, — оказать глубоко захватывающее вліяніе на народъ, племя. Это, само собою разумѣется, имѣетъ силу и относительно брака. Какъ бы мы ни отнеслись къ гипотезѣ первобытной безграничной общности женъ, для безпристрастнаго изслѣдователя фактовъ не подлежитъ сомнѣнію, что такъ называемый золотой вѣкъ — лишь прекрасный сонъ, миражъ, способный затронуть развѣ наше

чувство красоты, лишенный всякаго научнаго значенія. Несмотря на нравственное вырожденіе, отъ котораго страдаетъ современное общество, — хотя и въ этомъ отношеніи слишкомъ большую роль играетъ реторическое преувеличеніе, — не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что человѣческій родъ въ цѣломъ и общемъ (объ этомъ собственно и рѣчь идетъ, а не объ отдѣльныхъ особяхъ или отдѣльныхъ народахъ) въ нравственномъ отношеніи значительно подвинулся впередъ. Достаточно указать на слѣдующій фактъ: цѣнность человѣческой жизни значительно повысилась, а въ связи съ этимъ и уваженіе къ женщинѣ, и святость брака пріобрѣли большее значеніе.

Современный европеецъ ведетъ свою нареченную къ алтарю для союза на всю жизнь, родственники и знакомые сопровождаютъ брачный поѣздъ. Хорошей иллюстраціей служитъ рис. 77. Какая печать торжественности лежитъ на лицѣ жениха! — Несомнѣнно и религіозные взгляды сыграли здѣсь немалую роль. Только въ послѣднее время все болѣе и болѣе пробиваетъ себѣ дорогу воззрѣніе, согласно которому гражданскій бракъ долженъ имѣть силу совершенно независимо отъ церковнаго. Еще въ половинѣ семнадцатаго вѣка религіозная терпимость признала въ Голландіи правомѣрность гражданскаго бракосочетанія и одновременно съ этимъ въ Англіи, — правда, временно, — былъ введенъ гражданскій бракъ. Исходя изъ основного взгляда, что всѣ граждане равны предъ закономъ, французская революція выдвинула и гражданскій бракъ, какъ необходимое условіе такого равенства, а изъ Франціи система эта распространилась въ бо́льшей части другихъ странъ.

Лежащее въ основѣ гражданскаго брака воззрѣніе вытекаетъ изъ основного принципа современнаго публичнаго права, требующаго свободы исповѣданія и совѣсти. Пусть эта независимость отъ желѣзнаго гнета, эта болѣе легкая расторжимость неудавшагося брака ведетъ къ болѣе глубокому нравственному пониманію брака, — пока, за отсутствіемъ фактическаго матеріала, въ этомъ отношеніи приходится довольствоваться догадками — во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что признаніе святости брачнаго союза можетъ быть лишь благотворнымъ въ соціально-этическомъ отношеніи: объ этомъ свидѣтельствуетъ, оставляя въ сторонѣ другіе примѣры, уже древній Римъ. Что женскому цѣломудрію придается въ настоящее время (сравнительно съ доисторическими и древнѣйшими состояніями цивилизаціи вообще) все большая и большая цѣнность (изъ всѣхъ культурныхъ народовъ, насколько намъ извѣстно, только японцы предоставляютъ дѣвушкѣ до замужества безграничную свободу) — къ этому каждый непредубѣжденный человѣкъ отнесется съ сочувствіемъ, какъ къ цѣнному пріобрѣтенію современнаго сознанія. Нѣжныя отношенія, неоцѣнимая атмосфера интимной, дышащей любовью и проникнутой духовными интересами семейной жизни незамѣнимы въ особенности въ дѣлѣ воспитанія и нормальнаго развитія юношества. Все это, согласно нашему культурно-историческому пониманію, можетъ развернуться только въ единобрачіи, гдѣ жена является равноцѣнной, хотя бы и не во всемъ равноправной, спутницей своего мужа, дѣлящей съ нимъ горе и радость и оказывающей глубокое вліяніе на психическое развитіе

подрастающихъ дѣтей. Въ этомъ смыслѣ современное единобрачіе представляетъ высшую точку эволюціи, и пока еще не видно, можетъ ли быть достигнуто что-нибудь высшее. Иначе обстоитъ дѣло съ тѣми проблемами, которыя раньше семья не могла поставить, теперь же должна поставить и разрѣшить. Первобытная родовая организація опредѣляла для членовъ рода горизонтъ, за которымъ человѣчество переставало уже существовать для нихъ. Замѣчательно, что на языкѣ многихъ народовъ иностранецъ, чужой, означаетъ нечеловѣкъ. Эта первобытная соціальная организація, представляемая обыкновенно главою племени, заключала въ себѣ все то, что въ настоящее время у насъ представляется дифференцированнымъ — религію, право, нравы, искусство и прочее. О нравственномъ сожительствѣ, какое представляетъ или, по крайней мѣрѣ, должна представлять въ настоящее время семья, не могло быть тогда, само собою, и рѣчи. Вообще, на тѣхъ первыхъ ступеняхъ развитія господствовалъ гораздо болѣе тяжелый гнетъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Рис. 77. Брачный поѣздъ.

Представленіе о существованіи неограниченной свободы въ первобытныя времена оказывается, на основаніи всѣхъ историческихъ данныхъ, блестящей фантазіей, достойной, пожалуй, Руссо, но не подходящей для нашей трезвой эпохи. Личныя наклонности и дарованія не имѣли тогда никакой цѣнности: организація, какъ таковая, все рѣшала, игнорируя личныя соображенія.

Если, съ одной стороны, семья взяла на себя заботу о внутренней жизни (такъ можно назвать все, что относится къ области образованія чувства и сердца), то съ другой — государство сильною рукой руководитъ собственно воспитаніемъ и этимъ упорядочиваетъ отношенія индивида къ организаціи, какъ таковой, въ области правъ и обязанностей. А именно здѣсь особенно необходимо вмѣшательство этой мощной власти — чтобы устранить

нѣкоторыя нежелательныя аномаліи; это прежде всего имѣетъ силу относительно народнаго образованія — первой основы всякой здоровой культуры.

Здѣсь на первомъ планѣ должно стоять обязательное обученіе, какъ средство борьбы съ естественной инертностью, какъ побужденіе къ усидчивому труду. Не менѣе важно вмѣшательство государства и по отношенію къ возмутительной эксплоатаціи дѣтскаго труда на фабрикахъ. Здѣсь оно безусловно необходимо, оно должно установить иной порядокъ. Вся соціально-политическая защита, хотя она и не можетъ обойтись безъ содѣйствія личной самопомощи и поддержки, — дѣло государства. Это въ особенности имѣетъ силу въ примѣненіи къ хозяйственнымъ отношеніямъ, которыя съ своей стороны оказываютъ болѣе или менѣе глубокое вліяніе на нравственность. Гдѣ внѣшнія условія существованія для здоровой семьи отсутствуютъ (къ сожалѣнію, это у насъ слишкомъ частое явленіе, особенно въ большихъ городахъ), — тамъ необходимо вмѣшательство государства, для предотвращенія гибели семьи и вырожденія потомства. Это особенно важно, когда не соблюдены необходимыя гигіеническія требованія, когда жилища неудовлетворительны, а особенно — что важнѣе всего, — когда больны сами лица, готовыя вступить въ бракъ. Это можетъ, пожалуй, показаться очень суровымъ, но мы думаемъ, что простая человѣчность должна требовать государственнаго вмѣшательства, которое не допускало бы браковъ съ чахоточными, физически недоразвитыми, слабоумными или хилыми индивидумамами. Какая масса несчастій была бы этимъ избѣгнута!

Сантиментальныя изліянія и поверхностныя выраженія сочувствія не къ лицу серьезному наблюдателю, предъ которымъ открыта пропасть тѣлеснаго и духовнаго упадка, обнаруживающихся порою лишь случайно, но, большей частью въ устрашающей уже формѣ, во второмъ поколѣніи.

Впрочемъ, можно заранѣе предвидѣть, принимая во вниманіе нашъ упорный и близорукій либерализмъ, что разсчитывать на такое мудрое вмѣшательство государства пока еще преждевременно. Всякая такая попытка со стороны государства будетъ разсматриваться, какъ покушеніе на неотъемлемыя права личности, какъ на ограниченіе свободнаго ея самоопредѣленія.

Но принципіально, т. е. съ точки зрѣнія научнаго пониманія, нѣтъ основанія думать, что именно въ этой области, — какъ и въ отношеніи брака вообще, — не можетъ обнаружиться благотворная по нашему мнѣнію перемѣна взглядовъ.

Государству и человѣческому обществу можетъ быть только любо и пріятно получать крѣпкихъ, тѣлесно и духовно, гражданъ и членовъ общества, а не діабетиковъ, чахоточныхъ, кретиновъ и калѣкъ.

Но, чтобы не разсердиться, утѣшимся слѣдующими словами нашего великаго поэта:

„Пока философія не правитъ еще міромъ, до тѣхъ поръ всѣ стремленія будутъ поддерживаться голодомъ и любовью“ (Шиллеръ).

Рис. 78. Весенніе дни въ Венеціи. Съ картины С. Д. Паолетти.

Третья глава.

Свадебныя и обручальныя церемоніи.

Д-ра философіи Отто Генне амъ Ринъ, государственнаго архиваріуса въ Сентъ-Галленѣ.

Почему и какимъ образомъ при брачныхъ союзахъ между людьми совершаются торжественныя церемоніи, — это вопросъ низшей или высшей культуры. (Слово „церемонія" латинское — отъ города Церы въ Италіи, имѣвшаго для древнихъ римлянъ особое религіозное значеніе, быть можетъ, мѣста возникновенія ихъ богослуженія — или отъ богини Цереры?) Чѣмъ выше паритъ духъ человѣческій и чѣмъ глубже захватъ человѣческаго чувства во всѣхъ положеніяхъ жизни, тѣмъ сильнѣе проявляется его радость при счастливыхъ событіяхъ, и эти проявленія выражаются въ торжественныхъ обрядахъ. Ибо эти послѣдніе — продуктъ радости. А есть ли радость больше той, которая дается союзомъ съ любимымъ существомъ, союзомъ, въ которомъ впервые воплощается полный человѣкъ и изъ котораго возникаетъ новый. Весьма прискорбно, конечно, убѣдиться изъ фактовъ исторіи культуры, что любовь не съ самаго начала и не всегда, и не вездѣ была и есть зиждительница брака. Въ старое время, а у дикихъ племенъ еще и понынѣ — чисто животное половое влеченіе создаетъ связь между мужчиной и женщиной, — связь, которая въ этомъ случаѣ врядъ ли даже заслуживаетъ названіе брака. Даже на высшихъ ступеняхъ культуры симпатія далеко не всегда и не вездѣ является стимуломъ къ браку. Еще и теперь бракъ часто является средствомъ для продолженія рода, для передачи дѣтямъ почетнаго положенія, а также для пріумноженія матеріальнаго благосостоянія. Это, нерѣдко, заходитъ такъ далеко, что вѣнчаніе совершается даже между дѣтьми (напр., въ Индіи),

причемъ бракъ этотъ считается столь же нерасторжимымъ, какъ и бракъ между взрослыми.

У многихъ народовъ молодые новобрачные никогда раньше другъ друга въ глаза не видѣли. Спрашивается теперь: откуда же берется эта радость при бракѣ, когда самаго главнаго — любви — нѣтъ? Это радость тѣхъ, которые устроили бракъ, согласно своему желанію, и съ своей точки зрѣнія усматриваютъ въ этомъ бракѣ тріумфъ любви. Весьма возможно, что и у новобрачныхъ, въ виду общей радости, проявляемой близкими по поводу ихъ бракосочетанія, невольно зарождается любовь.

Кромѣ радости, есть еще другія побудительныя причины, ведущія къ торжественнымъ церемоніямъ при помолвкѣ. У людей, пытающихся уже проникнуть глубже въ основы жизни, это — представленіе о томъ, что надъ ними витаютъ извѣстныя силы, благожелательныя или враждебныя имъ. Эти настроенія порождаютъ на низшихъ ступеняхъ суевѣрія, т. е. вѣру, ни на чемъ не основанную, а на высшихъ — религію, т. е. болѣе или менѣе обоснованную вѣру. И эти настроенія проявляются въ столь же властныхъ брачныхъ обычаяхъ, какъ и тѣ обычаи, которые исключительно связаны съ чувствомъ радости. Наконецъ, названные обычаи служатъ также для правового укрѣпленія брака, какъ ненарушимаго союза.

Только у низко стоящихъ народовъ наблюдается, какъ общее правило, полное отсутствіе брачныхъ церемоній. Послѣднее можетъ, впрочемъ, вытекать изъ слишкомъ трезваго взгляда на вещи. Никакихъ торжественныхъ брачныхъ церемоній мы не встрѣчаемъ, напр., у эскимосовъ, у живущихъ на противоположномъ концѣ Новаго Свѣта огнеземельцевъ, у индѣйскихъ племенъ Калифорніи и Мексики и Техаса (команчи), дальше въ Великомъ океанѣ на островѣ Нукагивѣ, Новой Зеландіи, на Каролинскихъ и Соломоновыхъ островахъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Новой Гвинеи и Австраліи, у вымершихъ тасманійцевъ, у первобытныхъ жителей аракановъ и кассіевъ задней и передней Индіи, у первобытныхъ жителей Японіи, айновъ, въ Африкѣ у негровъ бондо и у другихъ.

Самый старинный обычай, находящійся въ связи съ союзомъ мужчины и женщины и далекій еще отъ того, чтобы быть бракомъ въ собственномъ смыслѣ, это — похищеніе женщинъ (умыканіе). На немъ лежитъ печать очень дикаго, но отнюдь не первобытнаго состоянія. Ибо въ первобытное время половой человѣческой жизни отдѣльныя племена жили особой жизнью и мужчины брали себѣ женщинъ по близости безъ всякихъ формальностей.

Эти внутренніе или домашніе браки (эндогамія) мѣстами сохранялись еще долго и встрѣчаются у нѣкоторыхъ племенъ, ведущихъ замкнутую жизнь въ глухихъ мѣстахъ, а также и у тѣхъ, которыя высоко ставятъ свой родъ и считаютъ ниже своего достоинства смѣшеніе съ чужимъ племенемъ.

Развитіе сношеній съ другими племенами приводило однако къ бракамъ съ чужими (экзогамія), а если отношенія эти не отличались мирнымъ характеромъ или въ собственномъ племени не хватало женщинъ — къ похищенію (умыканію) женщинъ.

Это послѣднее играетъ роль въ преданіяхъ многихъ народовъ, напр., въ римскомъ преданіи о сабинянкахъ. Оно особенно

было въ ходу у первобытныхъ жителей Америки отъ крайняго сѣвера до юга; встрѣчается ли оно тамъ еще и въ настоящее время — весьма сомнительно.

Во всякомъ случаѣ обычай этотъ еще и понынѣ играетъ роль въ брачныхъ церемоніяхъ, предписывающихъ, такъ сказать, жениху хоть для виду силой уводить невѣсту, которая съ своей стороны должна, хотя бы несерьезно, вопить, призывая на помощь, или же сопротивляться. Эта игра часто совершается на лошадяхъ или на водѣ на лодкахъ, или просто добычу забираютъ въ мѣшокъ или завертываютъ въ коверъ. Такое символическое похищеніе (умыканіе) встрѣчается въ различныхъ, часто еще грубыхъ формахъ въ Африкѣ и Австраліи, во внутренней Азіи и даже въ Европейской Россіи. Повсюду, гдѣ этотъ обычай еще сохранился, когда-то все это продѣлывалось очень серьезно и сопровождалось кровавыми стычками. Часто пережитки этого обычая въ брачныхъ церемоніяхъ настолько выродились, что ихъ съ трудомъ можно узнать.

Во всякомъ случаѣ оба эти явленія — бракъ съ чужеземками и умыканіе — не всегда сопровождаютъ другъ друга, такъ какъ послѣднее практиковалось и практикуется, повидимому, и внутри своего племени, а бракъ съ чужими совершался и безъ похищенія.

Первымъ шагомъ къ выходу изъ грубаго состоянія, похищенія женщинъ, подъ вліяніемъ смягченія нравовъ, былъ **бракъ путемъ купли**, развившійся, повидимому, изъ вознагражденія похитителемъ родителей похищенной. Какъ прежде, такъ иногда и теперь происходитъ также взаимный обмѣнъ женщинами, причемъ женихи въ обмѣнъ передаютъ другъ другу своихъ сестеръ или родственницъ, въ качествѣ женъ. Покупается жена работой, напр., у древнихъ евреевъ, какъ это извѣстно изъ исторіи Іакова; а также въ другихъ частяхъ свѣта: въ Европѣ — у древнихъ скандинавовъ. Позднѣе жены покупались за цѣнныя вещи, преимущественно за рогатый скотъ, у народовъ низкой культуры, а затѣмъ за всякіе подарки и за деньги. Купля женъ и понынѣ еще сохранилась у такъ называемыхъ первобытныхъ народовъ, но уже находится въ процессѣ разложенія. Покупная же цѣна сильно колеблется, смотря по состоянію жениха и качествамъ невѣсты.

Съ развитіемъ цивилизаціи женщина перестала разсматриваться и третироваться, какъ товаръ; мѣсто купли-продажи занялъ взаимный обмѣнъ подарками. Въ Индіи, по закону Ману (500 л. до Р. Х.), было запрещено высшимъ кастамъ покупать женъ, но обычай этотъ сохранился, какъ символъ, т. е. какъ добровольный даръ скотомъ. Греки и римляне почти не знали уже брака путемъ купли, когда выступили на арену исторической жизни. Германцы съ принятіемъ христіанства отказались отъ этой формы брака. Предполагается, что постепенное пониженіе покупной цѣны привело къ замѣщенію ея **приданымъ со стороны мужа**. Это послѣднее имѣло широкое распространеніе.

У евреевъ и магометанъ даръ со стороны мужа считается обязательнымъ, между тѣмъ какъ европейскіе законы не признаютъ этого. А съ другой стороны покупная сумма превратилась въ такъ наз. „утренній даръ“ (Morgengabe) и въ приданое

(въ нашемъ смыслѣ). Послѣднее невѣста получаетъ отъ отца, первый — отъ супруга послѣ брачной ночи. Эти обычаи проявляются въ разнообразныхъ формахъ, о чемъ болѣе подробно будемъ говорить въ шестой главѣ этого тома. То же самое относится къ подраздѣленію браковъ на моногамію и полигамію, а послѣднихъ на полигинію и поліандрію, о которыхъ мы не будемъ говорить, тѣмъ болѣе что при полигаміи только первый бракъ связанъ съ торжественными церемоніями.

Точно также мы не будемъ здѣсь разсматривать различія между материнскимъ и отцовскимъ правомъ, что уже сдѣлано въ предыдущей главѣ. Здѣсь укажемъ только, что у народовъ, сохранившихъ пережитки материнскаго права, т. е. принадлежность дѣтей матери (по причинѣ первоначальной неизвѣстности отца), законъ предписываетъ мужу переселиться въ домъ супруги, а не наоборотъ.

Брачные обычаи по существу распадаются на свѣтскіе и духовные. Въ общемъ первые, вѣроятно, наиболѣе древніе, ибо естественная цѣль брака для людей, стоящихъ на низкой ступени культуры, ближе чѣмъ идеальная. Свѣтскіе обычаи очень многочисленны, но всѣ имѣютъ цѣлью чувственно-конкретно демонстрировать союзъ супруговъ. Сюда относятся: соединеніе рукъ, объятія, поцѣлуй, выпущеніе крови и помазываніе ею, опрыскиваніе водою, постукиваніе головами другъ о друга, связываніе одежды, питье изъ одного сосуда, хожденіе или танцованіе вокругъ очага или какого-либо иного огня, обмѣнъ кольцами или другими драгоцѣнностями и т. д. Какъ украшеніе, особенно невѣсты, служатъ вѣнокъ, вѣнецъ, покрывало и красивыя одѣянія, а у многихъ первобытныхъ народовъ раскрашиваніе различныхъ частей тѣла.

Духовныя или религіозныя церемоніи появились лишь послѣ того, какъ моральное значеніе брака поднялось на нѣкоторую высоту. Это брачное освященіе совершается или безъ духовнаго лица, или при его посредствѣ.

Въ первомъ случаѣ приносятся жертвы и возносятся молитвы, во второмъ—жрецъ (священникъ) производитъ цѣлый рядъ дѣйствій, видоизмѣняющихся сообразно съ положеніемъ священства въ средѣ даннаго народа. Чѣмъ выше стоитъ это званіе, тѣмъ торжественнѣе обрядъ вѣнчанія. Долго еще послѣ введенія христіанства участіе духовенства въ совершеніи брака было далеко не повсемѣстнымъ явленіемъ; лишь постепенно оно стало общимъ правиломъ. Часто замѣщалъ священника отецъ той или другой стороны или какое-нибудь другое почетное лицо.

У народовъ, не освободившихся еще отъ того или другого суевѣрія, практиковались предсказанія. Такъ, у римлянъ авгуры предсказывали судьбу по полету птицы, въ Китаѣ и другихъ мѣстахъ астрологи предсказывали, руководствуясь расположеніемъ небесныхъ свѣтилъ, счастіе или несчастіе новобрачныхъ, причемъ въ случаѣ неблагопріятнаго предсказанія бракъ не совершался. Многообразно переплетаются между собою свѣтскія и духовныя церемоніи брака. Современный переходъ отъ исключительнаго церковнаго брака (не отрицая его) къ признанію юридическаго значенія гражданскаго брака, совершаемаго въ присутствіи должностного лица, относится къ правовой сторонѣ брака.

За вѣнчаніемъ слѣдуетъ обыкновенно свадебное торжество, конкретно-чувственное выраженіе совершившагося брака, часто сопровождаемое грубыми обычаями, непріятно дѣйствующими на брезгливыхъ людей, и почти всегда брачный пиръ, продолжающійся нерѣдко нѣсколько дней подрядъ, причемъ довольно часто, особенно въ деревняхъ, позволяютъ себѣ всякія излишества, порою кончающіяся ссорой и свалкой. Весьма распространено устройство свадебнаго поѣзда, въ которомъ участвуютъ новобрачные, дружки и гости. Въ Индіи такіе поѣзда отличаются значительной помпой и сопровождаются танцами, пѣніемъ, музыкой, стрѣльбой, комическими представленіями и т. п.

Совершенно своеобразный обычай наблюдается у нѣкоторыхъ низко стоящихъ племенъ, извѣстный подъ именемъ временной отсрочки супружескихъ отношеній и выражающійся въ томъ, что новобрачнымъ на нѣкоторое время, пока не исполнены извѣстныя требованія, возбраняются половыя сношенія.

Мы переходимъ теперь къ описанію брачныхъ обычаевъ у каждаго племени въ отдѣльности. Съ этой цѣлью мы ихъ расположимъ сообразно ихъ естественнымъ особенностямъ, культурно-историческому развитію и географическому положенію, переходя отъ Востока къ Западу.

Въ общемъ я пользовался слѣдующими матеріалами:

Boeck, Durch Indien ins verschlossene Land Nepal. Leipzig 1903.
Brunnhofer, Russlands Aufschwung und Niedergang. Bern 1906.
Guhl und Koner, Das Leben der Griechen und Römer. Berlin 1872.
Hellvald, Friedr. v. Die menschliche Familie nach ihrer Enstehung und natürlichen Entwicklung. Leipzig 1889, S. 275 ff.
Lauterer, Japan. Leipzig 1904.
Lefmann, Geschichte des alten Indien.
Mantegazza, Die Geschlechtverhältnisse des Menschen. Aus dem Italienischen. Iena 1868.
Ratzel, Friedr. Völkerkunde 2 Aufl. Leipzig und Wien 1894 I. Band, S. 112 f., 403 f., 556 f.
Schulz, Alwin. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesänger. Leipzig 1879.
Westermark, Eduard, Geschichte der menschlichen Ehe. Aus dem Englischen von Leop. Katscher und Romulus Grazer. 2 Aufl. Berlin 1902. S. 384 ff.
Wood, Natural history of Man.
Zehme, Arnold, Die Kulturverhältnisse des deutschen Mittelalters. Leipzig-Wien 1905.
Zeitschrift für Ethnologie (Berlin).

Америка.

У сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ, на границѣ Канады и Соединенныхъ Штатовъ, существуетъ обычай, по которому бракосочетающіеся берутся за оба конца палки въ метръ длины. Затѣмъ палка разламывается на столько кусковъ, сколько при этомъ присутствуетъ лицъ, причемъ старшій въ родѣ держитъ рѣчь къ новобрачнымъ. Куски тщательно сохраняются, очевидно, какъ доказательство состоявшагося брака.

Надовессы празднуютъ свадьбу тѣмъ, что черезъ головы брачной четы пускаются стрѣлы ихъ друзьями. У мускоджи женихъ обязанъ поставить домъ, снять жатву, убить дичь. Когда все это выполнено, тогда только онъ считается связаннымъ бракомъ.

Дѣвушка осаговъ ухаживаетъ за славнымъ воиномъ, предлагая ему маисовую трубку. Плата за невѣсту, впрочемъ, сильно распространена у индѣйцевъ. Въ Южной Америкѣ у юракаровъ родители устраиваютъ бракъ, какъ коммерческое дѣло. При этомъ присутствуютъ посаженный отецъ и посаженная мать. Пьютъ вмѣстѣ киху. Затѣмъ посаженная мать валитъ на землю невѣсту, а посаженный отецъ опрокидываетъ жениха на послѣднюю. Пира брачнаго при этомъ не бываетъ.

Замѣчательныя изреченія произносятся (или раньше произносились) у чибчасовъ (въ республикѣ Колумбія). Тамъ жрецъ обращается къ невѣстѣ съ такими вопросами:

1. Будете ли вы бохику (высшаго бога) любить больше вашего мужа?
2. Будете ли вашего супруга больше любить, чѣмъ дѣтей?
3. Будете ли вы любить вашихъ дѣтей больше, чѣмъ самое себя?
4. Осмѣлитесь ли вы ѣсть, когда вашъ мужъ голоденъ?

На 1, 2 и 3 вопросы слѣдуетъ утвердительный отвѣтъ, на 4 — отрицательный.

Мужа спрашиваютъ только: желаете ли вы эту женщину взять себѣ въ жены?

У индѣйскихъ племенъ гуахиро и араваковъ въ Венецуелѣ и Гвіанѣ господствуетъ эндогамія, т. е. браки въ той же семьѣ, такъ какъ эти послѣднія живутъ очень далеко другъ отъ друга. Невѣсты покупаются за опредѣленное число головъ скота, смотря по средствамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ господствуетъ матріархатъ, т. е. происхожденіе считается лишь по материнской линіи, а мужъ вступаетъ въ семью своей жены. Гуахиро запираютъ своихъ совершеннолѣтнихъ дочерей до замужества въ особыхъ палаткахъ, гдѣ онѣ цѣлыми мѣсяцами занимаются пряденіемъ и тканіемъ. Относительно близкихъ уже къ вымиранію абипоновъ сообщаютъ, что, по причинѣ высокой покупной цѣны невѣсты, браки тамъ поздно совершаются (юноши женятся на двадцать-девятомъ году, дѣвицы — выходятъ замужъ между 17 и 20 годами). Отъ обычая умыканія дѣвицъ остался пережитокъ въ такой формѣ: дѣвицу сажаютъ въ мѣшокъ или завертываютъ въ коверь и въ такомъ видѣ увозятъ къ жениху. Затѣмъ она въ торжественномъ шествіи несетъ подъ вытканной одной изъ ея подругъ одеждой домашнюю утварь и ткацкій станокъ въ хижину мужа. У арауканцевъ въ южномъ Чили практикуется умыканіе невѣсты въ ослабленной формѣ. Женихъ увозитъ невѣсту верхомъ на лошади, за нимъ слѣдуютъ тоже верхами его товарищи, причемъ арріергардъ пытается символическимъ сраженіемъ задержать родственниковъ невѣсты (см. рис. 79: „Церемонія похищенія невѣсты у арауканцевъ“).

Австралія и Океанія.

Объ обычаяхъ, существующихъ въ южной Австраліи (колонія Викторія), сообщаютъ слѣдующее. По соглашенію обѣихъ сторонъ опредѣляютъ день свадьбы и заготовляютъ съѣстные припасы (мясо кенгуру, яйца эму и лебедя). Сотни друзей и родственниковъ со стороны жениха и невѣсты собираются къ вечеру и садятся въ образуемый стрѣлами и луками кругъ около огня другъ противъ друга. Черная, украшенная красными предметами и перьями эму, невѣста вводится въ кругъ и представляется жениху, наряженному въ бѣлое. Послѣдній громогласно заявляетъ, что желаетъ взять въ жены дѣвицу. Слѣдуетъ банкетъ, глава рода приглашаетъ къ танцамъ и въ заключеніе новобрачные отводятся въ ихъ жилище. Однако, пиры и охота продолжаются еще долго. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ новобрачные не должны прикасаться другъ къ другу, а спятъ по обѣимъ сторонамъ огня, подъ надзоромъ каждый лица своего пола. Только черезъ два мѣсяца эта оригинальная стража удаляется.

Браки папуасовъ въ землѣ Императора Вильгельма въ Новой Гвинеѣ совершаются постоянно при помощи умыканія. Они такъ распространены, что холостые составляютъ рѣдкое исключеніе. Помолвки бываютъ здѣсь въ очень раннемъ возрастѣ, почти въ дѣтствѣ, но ихъ признаніе зависитъ, однако, отъ имущественнаго положенія, весьма мало доступнаго бѣднымъ, между тѣмъ какъ богатые позволяютъ себѣ имѣть нѣсколько женъ. Когда стороны сговорятся, тогда приступаютъ къ похищенію, удача котораго доставляетъ юношѣ большую славу. Счастливая пара бѣжитъ подъ защиту дружелюбнаго рода, откуда уже,

Рис. 79. Церемонія похищенія невѣсты у арауканцевъ.

послѣ медоваго мѣсяца, возвращается домой, и уплатой опредѣленной цѣны семьѣ жены бракъ узаконяется окончательно. Бываютъ и внѣбрачныя сожительства, но на это требуется согласіе дѣвушки.

Въ Новой Британіи, — нынѣ Новой Помераніи, — на архипелагѣ Бисмарка, мальчики четырнадцати лѣтъ и дѣвочки восьми предназначаются уже другъ для друга, причемъ представителемъ мальчика является его дядя (по матери), а дѣвочки — ея мать. Покупная цѣна невѣсты опредѣляется ея родственниками и выплачивается раковинами. Только ужъ въ зрѣломъ возрастѣ сходится эта супружеская чета, причемъ празд-

нуется свадебный пиръ, въ которомъ бананы и бетель занимаютъ первое мѣсто, но употребляются въ пищу и другія яства. При этомъ всѣ безъ приглашенія — и родственники, и знакомые — принимаютъ участіе въ пиршествѣ. Каждый гость держитъ краткую поздравительную рѣчь, но удаляется послѣ того, какъ получилъ свою долю въ трапезѣ и извѣстное число раковинъ, — все это за счетъ жениха. Въ ближайшіе два дня повторяется та же процедура, сопровождаемая танцами — и этимъ свадебный пиръ завершается, свадьба кончается, — само собою, лишь по названію

Рис. 80. Свадебная церемонія дайаковъ, на Борнео.

на всю жизнь, ибо жены нерѣдко убѣгаютъ отъ мужей, если роль вьючнаго скота становится слишкомъ тягостной для нихъ, — убѣгаютъ совсѣмъ или на время, причемъ, если покупная сумма возвращается, жена считается разведенной.

Жители южныхъ острововъ Тихаго океана довольствовались при бракосочетаніи весьма элементарными обычаями. На Таити „женихъ приносилъ родителямъ невѣсты и самой невѣстѣ какой-нибудь подарокъ“. Если подарокъ былъ принятъ, женихъ оставался въ домѣ невѣсты и вступалъ съ ней въ супружескую связь. На слѣдующій день послѣ первой ночи устраивался свадебный пиръ. У знатныхъ устраивались кромѣ того празднества и танцы и, наряду съ обыкновеннымъ освященіемъ брака жрецами, практиковались еще особые обычаи.

Родственницы невѣсты ранили себя легко зубомъ акулы, намачивали тряпку своей кровью и клали ее къ ногамъ невѣсты, сидящей съ женихомъ на цыновкѣ. Затѣмъ покрывали супружескую чету покровомъ, который хранился потомъ, какъ святыня. Еще проще дѣло происходило на Гавайскихъ островахъ, гдѣ женихъ бросалъ невѣстѣ кусокъ матеріи, а затѣмъ слѣдовалъ оффиціальный пиръ.

На островахъ Фиджи дѣвушекъ сговариваютъ почти что въ дѣтствѣ, что, однако, не мѣшаетъ жениху быть уже взрослымъ. Мать дѣвушки передаетъ жениху поясъ невѣсты, который она носитъ до замужества, а женихъ отвѣчаетъ подаркомъ. Сама свадьба происходитъ при шумѣ и трескѣ ужасныхъ инструментовъ, пѣніи и шутовскихъ представленіяхъ.

Азія.

а) Индонезія.

Можно наблюдать очень разумные брачные обычаи, различающіеся нѣсколько у отдѣльныхъ родовъ, среди знаменитыхъ охотниковъ за человѣческими головами, дайаковъ, на Борнео, славящихся тѣмъ, что въ войнѣ съ своими врагами они стремятся добыть какъ можно больше человѣческихъ головъ, наивно вѣруя, что обладатели послѣднихъ будутъ служить имъ на томъ свѣтѣ. У сибуйянъ-дайаковъ Лунду кладутся въ опредѣленномъ мѣстѣ двѣ желѣзныя колодки. Приведенные изъ противоположныхъ сторонъ деревни новобрачные помѣщаются рядомъ на эти колодки, въ знакъ того, что ихъ союзъ долженъ быть проченъ, какъ желѣзо. Затѣмъ жрецъ даетъ жениху и невѣстѣ по сигарѣ, немного арековыхъ орѣховъ и листья сири. Эти предметы новобрачные должны держать въ рукахъ, пока онъ совершитъ свои церемоніи. Послѣднія же состоятъ въ томъ, что жрецъ размахиваетъ надъ головой новобрачныхъ двумя курами или другими птицами и въ то же время держитъ рѣчь и испрашиваетъ у боговъ всякія блага для молодой четы (см. рис. 80). Затѣмъ онъ три раза ударяетъ ихъ головами другъ о дружку, а въ это время женихъ и невѣста обмѣниваются своими орѣхами, вкладывая ихъ другъ другу одинъ за другимъ въ ротъ. Этимъ ихъ союзъ открыто признается. Въ заключеніе куры умерщвляются. Кровью ихъ наполняются два бокала и по цвѣту крови жрецъ предсказываетъ будущую судьбу новобрачныхъ. По окончаніи всей этой процедуры начинается собственно брачный пиръ. — Церемонія у балау-дайаковъ Лингга много проще. Состоитъ она въ томъ, что мать жениха передаетъ торжественно родственникамъ невѣсты чашу, блюдо или какую-либо другую домашнюю утварь. Затѣмъ она приноситъ въ жертву на импровизованномъ алтарѣ нѣкоторое количество арековыхъ орѣховъ (бетель), а собравшіеся гости жуютъ ихъ, обсуждая въ то же время будущую судьбу новобрачной четы, особенно вознагражденіе, которое долженъ будетъ дать женихъ въ случаѣ развода.

На одномъ изъ Молуккскихъ острововъ, Церамѣ, альфуры, не смотря на ихъ скудное одѣяніе, отличаются чистотой брачныхъ отношеній. Отъ сосѣдей-магометанъ они рѣзко отличаются тѣмъ почтеніемъ и той свободой, которыми пользуется у нихъ

строго цѣломудренная женщина, и господствомъ моногаміи. Жена покупается или каждымъ членомъ въ отдѣльности, или же родомъ, при чемъ за нее уплачивается опредѣленная цѣна, или мужъ обязуется работать у ея родственниковъ.

На Явѣ брачный кортежъ у приближенныхъ мѣстныхъ князей, признающихъ протекторатъ голландцевъ, отличается большой помпой, вѣроятно по индійскому образцу, независимо отъ вліянія господствующаго здѣсь магометанства. Подъ звуки музыки и удары барабановъ, съ многочисленными знаменами, танцовщицами, въ сопровожденіи ликующихъ родственниковъ и гостей, кортежъ направляется въ домъ молодой четы. Верхомъ на

Рис. 81. Брачный поѣздъ на Явѣ.

богато убранной лошади, которую ведетъ мальчикъ, ѣдетъ женихъ въ позолоченной коронѣ и украшенный цѣпью съ золотыми бляшками. Невѣсту, тоже въ золотомъ головномъ уборѣ, несутъ въ креслѣ четверо мужчинъ (рис. 81).

И у гвинановъ на островѣ Луцонъ (группы Филиппинскихъ острововъ) существуетъ обычай помолвки дѣтей. Съ наступленіемъ зрѣлости такіе супруги, отпраздновавъ свое супружество, отправляются жить совмѣстно въ своемъ шалашѣ. Въ случаѣ же безплодія они, спустя годъ послѣ брака, могутъ развестись, при чемъ большей частью вступаютъ въ бракъ съ другими тоже разведшимися.

О христіанахъ илоканахъ того же острова сообщаютъ, что все дѣло о бракѣ улаживается отцами молодыхъ, безъ вѣдома послѣднихъ и безъ взаимнаго ихъ предварительнаго знакомства. Когда обрученіе получило уже огласку, знакомые являются съ поздравленіемъ и пожеланіемъ молодымъ счастья, при этомъ приносятъ съ собою подарки, какъ дополненіе къ расходамъ на свадебный пиръ, устраиваемый отцомъ жениха. Изъ церкви свадебное шествіе направляется въ домъ новобрачныхъ, гдѣ родители послѣднихъ подводятъ ихъ къ домашнему алтарю, у котораго поютъ Te deum, а затѣмъ танцуютъ и бражничаютъ.

Жители Андаманскихъ острововъ въ Бенгальскомъ заливѣ представляютъ карликовую, пре де очень дикую расу, прославившуюся сво й вороватостью и стрѣльбою отравленными стрѣлами. Въ настоящее же время, съ тѣхъ поръ какъ тамъ живутъ европейцы, они въ значительной степени присмирѣли и служать для поимки водворенныхъ тамъ преступниковъ, въ случаѣ побѣга послѣднихъ. Молодые люди сходятся у нихъ, по собственному желанію, уже въ самомъ раннемъ возрастѣ. Только рѣшивъ оставаться вмѣстѣ, они заявляютъ объ этомъ. Тогда близкіе брачной четѣ мужчины собираются, вооруженные, вокругъ огня, между тѣмъ какъ женщины танцуютъ. Нѣкоторые изъ мужчинъ отправляются въ поиски за невѣстой, которая скрывается. Какъ только она найдена, ее, несмотря на кажущееся ея сопротивленіе, приводятъ и сажаютъ на цыновку. Рядомъ съ ней усаживаютъ и жениха. Невѣста обнимаетъ его и обязательно плачетъ, между тѣмъ какъ женщины танцуютъ. И только на третью ночь новобрачные сходятся. Обыкновенно они остаются вѣрны другъ другу. Нарушеніе супружеской вѣрности — исключительное явленіе и наказывается смертью.

b) Монгольскіе народы.

Между остяками и самоѣдами въ Сибири купля невѣсты играетъ главную роль при заключеніи брака. Покупная цѣна выражается въ опредѣленномъ количествѣ оленей, смотря по состоянію покупателя. Если женихъ не въ состояніи уплатить „калымъ“, то онъ просто уводитъ дѣвушку, а отецъ послѣдней вознаграждаетъ себя за это уводомъ у похитителя какого-либо животнаго.

Если же калымъ уплаченъ, то невѣсту везутъ къ жениху на саняхъ въ сопровожденіи длиннаго кортежа гостей.

На родинѣ супруга кто-нибудь изъ друзей его устраиваетъ символическое похищеніе невѣсты. Удается это, тогда онъ получаетъ отъ отца невѣсты пять оленей, въ случаѣ же неудачи — супругъ обязанъ эту же сумму уплатить тестю. Пиръ состоитъ изъ сырого мяса и водки. У этихъ племенъ женщины считаются вещами и не имѣютъ даже своего имени.

Въ Тибетѣ, странѣ постоянно возрождающагося Далай-ламы, молитвенныхъ мельницъ и поліандріи, невѣста въ праздничной одеждѣ верхомъ на лошади отправляется туда, гдѣ ждетъ ее счастье семейной жизни. Всадникъ на бѣломъ конѣ, но не женихъ, сопровождаетъ ее. Это — родственникъ, являющійся здѣсь въ качествѣ проводника невѣсты. У палатки жениха ее встрѣчаетъ послѣдній вмѣстѣ съ ламой. Церемонія вѣнчанія начинается прежде всего съ заклинанія злыхъ духовъ, для чего служатъ развѣшенные на палаткѣ бѣлые и пестрые лоскутья матеріи (см. рис. 82). Свадебный кортежъ получаетъ отъ матери жениха угощеніе, состоящее изъ масла, молока и проч., и, кромѣ того, подарки, завернутые въ шелковыя и шерстяныя ткани. Главный лама даетъ невѣстѣ новое имя. Послѣ освященія каждый изъ бракосочетающихся беретъ въ ротъ конецъ деревяшки въ 6 дюймовъ длины. Мужъ расщепляетъ шерсть на волокна, а жена скручиваетъ ихъ въ нитку. Затѣмъ начинается пѣніе, и все завершается брачнымъ пиромъ. Супругъ— обыкновенно старшій сынъ въ семьѣ; со временемъ младшіе братья становятся совладѣльцами его супруги.

Въ столь причудливомъ и странномъ во многихъ отношеніяхъ для европейца „Срединномъ царствѣ“ — въ Китаѣ — нашъ взглядъ на бракъ, какъ на дѣло самихъ бракосочетающихся, кажется совершенно нелѣпымъ и чуждымъ: для китайцевъ

бракъ — дѣло семьи. Бракъ въ Китаѣ не основываетъ новой семьи, а только продолжаетъ старую. Не супругъ, а отецъ, пока онъ живъ, считается главой семьи; онъ главенствуетъ надъ женатымъ сыномъ, его женою и дѣтьми. За нимъ слѣдуетъ старшій сынъ его, потомъ старшій сынъ послѣдняго и т. д. Только интересы семьи рѣшаютъ, — долженъ ли и можетъ ли и когда именно вступить въ бракъ сынъ или внукъ. Въ интересахъ семьи совершаютъ помолвку мальчика съ дѣвушкой какъ можно раньше. Этой ранней помолвкѣ соотвѣтствуетъ и ранній бракъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда

Рис. 82. Тибетская свадьба. Съ оригинальнаго рисунка C. Arriens'a.

женихъ готовится къ научной или административной карьерѣ и подлежитъ государственному экзамену: въ послѣднемъ случаѣ бракъ отсрочивается до окончанія экзамена. Бракъ по любви не только не извѣстенъ, но и непонятенъ и немыслимъ для китайцевъ, не знающихъ, что такое чувство. Вступаютъ въ бракъ потому, что этого требуютъ обычаи и семья, вступаютъ въ бракъ съ тѣми, кого именно семья выбираетъ. Но и объ этомъ не приходится много заботиться, такъ какъ это дѣло свата, который, несмотря на то, что ремесло его пользуется дурной славой, въ этомъ отношеніи распоряжается вполнѣ самостоятельно. Всякія другія соображенія, кромѣ чисто дѣловыхъ, отступаютъ на задній планъ. Посредникомъ можетъ быть мужчина (сватъ) или женщина (сваха). Они обдѣлываютъ дѣло либо по дружбѣ, либо по профессіи. Сватъ (или сваха) самъ намѣчаетъ семью и будущую невѣстку, отправляется къ родителямъ послѣдней, знакомится, заводитъ разговоръ на разныя посторонніе темы, отъ которыхъ переходитъ къ цѣли своего посѣщенія, не давая однако замѣтить своихъ

намѣреній. Дѣло ведется съ чисто китайской медлительностью и притворнымъ равнодушіемъ. Если оно не налаживается при первыхъ переговорахъ, то сватъ не бросаетъ его: онъ неутомимъ и продолжаетъ вести свою линію. Необходимымъ моментомъ для этого народа, столь склоннаго къ астрологіи, является гороскопъ, предсказывающій судьбу молодыхъ, — о чемъ, впрочемъ, имъ не полагается до поры до времени ничего знать. Наконецъ, родители той и другой стороны вступаютъ въ непосредственные переговоры и сообщаютъ другъ другу день рожденія ихъ дѣтей. Если показанія гороскопа благопріятны, то помолвка совершается. Эта послѣдняя письменно излагается на длинныхъ красныхъ листахъ бумаги и, какъ удостовѣреніе заключеннаго акта, сохраняется на тотъ случай, если бы между молодыми возникли какія-нибудь разногласія. Съ этимъ документомъ отсылаетъ отецъ жениха подарки и приданое отцу невѣсты. Отвѣтъ тоже съ подарками отсылается съ подателемъ документа. Любимый предметъ подарковъ — домашняя птица, самцы. Состоявшаяся помолвка считается актомъ нерасторжимымъ. Если женихъ умираетъ до свадьбы, то невѣста считается вдовой и не имѣетъ права выйти замужъ. Если же невѣста раньше умерла, то женихъ особой церемоніей вѣнчается съ мертвой.

Отъ родителей жениха зависитъ назначить день свадьбы, — но при этомъ во всякомъ случаѣ принимается во вниманіе, насколько благопріятствуютъ браку астрологическія предсказанія. Если они благопріятны, отецъ невѣсты извѣщается объ этомъ письменно, и въ домѣ его подымаются плачъ и рыданія. Въ назначенный день посылаетъ женихъ празднично убранный поѣздъ съ музыкантами (рис. 83) въ домъ невѣсты, прося ее письмомъ черезъ отца сѣсть на носилки. Невѣста разодѣта по праздничному, платья ея затканы изображеніями драконовъ и другихъ символическихъ животныхъ. Окутанную покрываломъ, ее несутъ въ закрытыхъ носилкахъ, поѣздъ съ музыкой возвращается назадъ. Все еще закутанную покрываломъ, ее встрѣчаетъ женихъ и вводитъ въ свой домъ. Этимъ самымъ она становится уже женой, — если бъ даже жениха и не было дома. Если онъ дома, то она падаетъ ницъ предъ нимъ, какъ предъ своимъ господиномъ, при чемъ онъ приподымаетъ ея покровъ и — какъ это принято — въ первый разъ видитъ ея лицо! Оба тогда, преклоняя колѣни, приносятъ жертвы предкамъ. Затѣмъ супружеская чета отправляется въ комнату невѣсты, садится на брачную постель и выпиваетъ брачный напитокъ. Вечеромъ устраивается брачное пиршество съ роскошнымъ угощеніемъ. На это пиршество приглашаются многочисленные гости, вмѣстѣ съ дѣтьми, — приносящіе большей частью съ собою деньги и съѣстные припасы.

Бракъ у китайцевъ сохраняетъ свое обязательное значеніе не только при жизни, но и по смерти. Если мальчики умираютъ до помолвки, то они черезъ сватовъ (или свахъ) обручаются съ умершими дѣвушками того же возраста, что совершается ночью, при чемъ умершіе замѣняются ихъ изображеніями. Посылаются даже носилки, чтобы въ нихъ принести изображеніе и душу умершей невѣсты. Въ домѣ родителей умершаго жениха празднуется тихая свадьба, и сдѣ-

ланной изъ бумаги супружеской четѣ предлагается даже угощеніе.

Только въ этомъ случаѣ принимаютъ участіе жрецы со своими молитвами. Въ заключеніе бумажная супружеская чета и бумажные слуги и служанки сжигаются торжественно.

Съ меньшими церемоніями, гораздо проще, а то и совсѣмъ безъ церемоній, происходитъ второй и слѣдующіе браки у китайца-полигамиста. У бѣдныхъ, натурально, и первая — она же и послѣдняя — свадьба отправляется безъ всякой помпы.

Запрещается бракъ между кровными родственниками, лицами той же фамиліи, и между начальниками и подчиненными, а равно и лицами разныхъ поколѣній.

Многоженство богатыхъ, позволяющихъ себѣ еще кромѣ того и конкубинатъ, лишеніе молодыхъ права свободнаго выбора въ

Рис. 83. Китайскій брачный поѣздъ.

бракѣ, — все это представляетъ такое зло, что нерѣдко китаянки, личности далеко не забитыя, охотнѣе поступаютъ въ монастырь или накладываютъ на себя руку, лишь бы не выйти замужъ. Разводы, наоборотъ, очень рѣдки.

Въ Японіи сказываются одновременно какъ вліяніе китайскихъ взглядовъ на бракъ и брачныя церемоніи, такъ и дѣйствіе самобытныхъ взглядовъ и обычаевъ. Какъ и въ Китаѣ, въ Японіи не существуетъ брака по любви, а интересы семьи являются рѣшающимъ моментомъ. И здѣсь все дѣло устраиваетъ сватъ; однако полной свободой, какъ въ Китаѣ, онъ не пользуется, такъ какъ невѣста предварительно выбирается родителями жениха. Если семья невѣсты согласна на бракъ, то молодымъ людямъ разрѣшается встрѣтиться либо въ домѣ невѣсты, либо въ театрѣ, либо же на мосту. Спрашиваютъ, изъявляютъ ли они на бракъ согласіе. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта обмѣниваются подарками, состоящими изъ шелка и золотыхъ вещей, и назначается день свадьбы. На свадьбѣ супружеская чета выпиваетъ три стаканчика рисоваго вина—и бракъ заключенъ и граждански санкціонируется. Жена должна быть послушна мужу, но имѣетъ право уйти къ своимъ родителямъ и остаться тамъ навсегда, если бракъ не удовлетворяетъ ее. Разводъ очень легокъ и можетъ быть вызванъ простымъ неудовольствіемъ.

На принадлежащемъ въ настоящее время Японіи островѣ Формоза господствуютъ у такъ называемыхъ дикарей, живущихъ внутри острова, весьма свободные нравы. Мужчины и женщины соединяются публично, остерегаясь лишь присутствія дѣтей. Желающая выйти замужъ молодая дѣвушка отправляется въ общественный домъ. Молодой человѣкъ, избравшій дѣвицу, подаетъ ей знакъ игрой на бубнѣ, и она откликается на его зовъ; если молодые сходятся, то родители ихъ только извѣщаются объ этомъ. Затѣмъ слѣдуетъ выпивка съ приглашеніемъ сосѣдей, и бракъ считается заключеннымъ.

с) Индія.

Между различными племенами на островѣ Малакка Орангъ Бенуа придерживаются единобрачія и лишь глава пользуется привилегіей имѣть двухъ женъ. Внѣбрачныя дѣти такая же рѣдкость, какъ и невѣрность. Туземцы большею частью не знаютъ своего возраста, но принято, что юноши до шестнадцати и дѣвушки до четырнадцати лѣтъ не вступаютъ въ бракъ. Кромѣ уплаты покупной цѣны, никакихъ другихъ церемоній не наблюдается у нихъ. Зато брачное пиршество обязательно. Для этого женихъ доставляетъ рисъ, а отецъ невѣсты рыбу, и всѣ сосѣди приглашаются на пиръ. Къ полуночи разстаются безъ прощанія. Новобрачные живутъ въ хижинѣ родителей невѣсты, пока не пріобрѣтутъ собственной.

Въ древнѣйшемъ мѣстопребываніи индійскихъ арійцевъ, въ Пенджабѣ, согласно пѣснямъ Ригъ-Веды, сынъ былъ обязанъ вступить въ бракъ для продленія отцовскаго рода. Для этого сыну заранѣе напоминали, чтобы онъ искалъ руки какой-нибудь дѣвушки. Предложеніе дѣлали при посредствѣ друзей отцу, или, если онъ уже померъ, брату дѣвицы. Дѣло во всѣхъ подробностяхъ обсуждалось семьей невѣсты. Разъ договаривающіеся согласились, женихъ посылалъ подарки, происходила помолвка, и назначался день свадьбы.

Въ назначенный день богато одѣтый женихъ отправлялся съ своими семейными и также разряженными сватами къ дому невѣсты, гдѣ празднично разодѣтыя подружки ожидали поѣзда. Въ убранномъ цвѣтами домѣ приготовлялся пиръ.

Невѣста щеголяла въ діадемѣ и покрывалѣ. Обѣ стороны обмѣнивались подарками, и въ то время, когда подносили плоды, невѣста торжественно передавалась жениху предъ очагомъ, символомъ бога Агни, при чемъ отецъ или братъ вкладывалъ правую руку невѣсты въ правую руку жениха, который крѣпко сжималъ руку невѣсты, призывая защиту боговъ на ихъ брачный союзъ. Троекратно обходили они очагъ. Этимъ бракъ завершался. Затѣмъ слѣдовало пиршество, музыка и танцы до ночи. Потомъ новобрачные садились въ разукрашенную по-праздничному телѣгу, запряженную двумя бѣлыми быками, и кортежъ направлялся домой. Прощаніе невѣсты съ родительскимъ домомъ и со всѣми близкими не обходилось, конечно, безъ слезъ и причитаній. Нѣкоторое число гостей сопровождало кортежъ съ брачными пѣснями. Такъ подвигался кортежъ по направленію къ новому дому, гдѣ радостно встрѣчался родственниками и

гостями. Сопутствуемый всякими пожеланіями счастья, женихъ выносилъ изъ телѣги невѣсту и вмѣстѣ съ нею рука объ руку переступалъ порогъ дома, очагъ котораго съ этого момента переходилъ во владѣніе новобрачной. Оба зажигали брачные факелы, приносили жертву Агни, обходили очагъ и садились за первую трапезу въ своемъ новомъ домѣ.

На другой день послѣ свадьбы мужъ расплеталъ косы своей женѣ и надѣвалъ на нее женскую повязку.

Послѣ того какъ индійскіе арійцы завоевали область Ганга, но здѣсь, благодаря непривычному климату, ослабѣли и подпали подъ власть жрецовъ (брамановъ), — эти послѣдніе постановили, что только самостоятельный глава дома можетъ приносить всѣ, предписываемыя браманами въ различныхъ случаяхъ, жертвы. Каждому отцу взрослой, способной къ замужеству дѣвушки предписывалось также выдать ее замужъ. Выработались различныя формы брака, согласно дѣленію на касты. Самое пышное бракосочетаніе было, разумѣется, у брамановъ; оно называлось „божественнымъ“ и сопровождалось принесеніемъ большого числа жертвъ. Военной кастѣ (кшатріи) разрѣшалось вступать въ бракъ послѣ взаимнаго соглашенія между мужчиной и женщиной (бракъ бандарва), или же бракъ заключался путемъ умыканія невѣсты послѣ борьбы и побѣды (бракъ ракшаса).

Вайсіи (земледѣльцы) заключаютъ бракъ путемъ купли невѣсты. Всѣ эти роды браковъ хотя и считались законными, но „святымъ“ почитался лишь бракъ брамановъ. Формы брака по существу остались такими же, какими были во времена Ведъ, но въ нихъ введены были браманами жертвы и разныя молитвенныя формулы, — что и заняло въ бракѣ первенствующее мѣсто. Прибавились кое какіе новые обряды второстепенной важности: невѣсту опрыскиваютъ водою, усаживаютъ ее на красную воловью кожу, заставляютъ смотрѣть на полярную звѣзду и т. д. Новобрачные должны три ночи спать на полу, не прикасаясь другъ къ другу, и лишь послѣ этого они сближаются между собою.

Современные индусы — вообще большіе охотники до всякихъ формальностей — прибѣгаютъ къ нимъ также въ своихъ брачныхъ церемоніяхъ. Если родители жениха и невѣсты не обручили ихъ еще въ дѣтствѣ — что чрезвычайно распространено въ Индіи, — то отцу дѣвушки предоставляется рѣшить, принимаетъ ли онъ или нѣтъ предлагаемаго ему черезъ сваху жениха для его дочери. При этомъ достаточными родителями обращается должное вниманіе на тѣлесныя и духовныя качества жениха, въ особенности на обученіе и полученныя имъ ученыя степени. Отцы подобныхъ сыновей, съ своей стороны, повышаютъ свои требованія по отношенію къ будущей своей невѣсткѣ. Если они богаты, то не позволяютъ себѣ вступать въ пререканія по поводу брачныхъ расходовъ, которые порою превышаютъ лакъ рупій (около двухсотъ тысячъ марокъ). Отказъ со стороны отца невѣсты стараются обыкновенно оправдать ссылкой на неблагопріятныя предсказанія астрологовъ для предстоящаго брака. На касту тоже обращаютъ при бракѣ особенное вниманіе, — у образованныхъ бенгальцевъ меньше чѣмъ, напримѣръ, у раджа-

Рис. 84. Юная брачная чета въ брачномъ нарядѣ, окруженная ближайшими родственниками.

путовъ, у которыхъ отецъ изгоняется изъ касты, если онъ выдалъ свою дочь замужъ за человѣка низшей касты.

Предъ помолвкой практикуются въ Бенгаліи визиты съ подарками и угощеніями. Когда обѣ стороны сговорились, приступаютъ къ составленію брачнаго договора (паттра), для котораго обязательно требуется письменный матеріалъ мѣстнаго производства, но отнюдь не европейскій, при чемъ договоръ долженъ состоять изъ опредѣленнаго числа строкъ. За симъ слѣдуетъ брачная трапеза и взаимный обмѣнъ подарками туземнаго производства. До этого момента будущіе супруги обыкновенно въ глаза не видали другъ друга. Задолго до свадьбы домъ невѣсты тщательно украшается, т. е. полъ намазывается глиной съ высохшимъ коровьимъ пометомъ. Этотъ же матеріалъ употребляется для поддержанія брачнаго огня, зажженнаго внутри двора домашнимъ жрецомъ, который при этомъ обращается къ богамъ съ пѣснопѣніемъ. Обрученные намазываются въ особомъ помѣщеніи кокосовымъ масломъ, затѣмъ выходятъ на мѣсто бракосочетанія, гдѣ они, по старому обычаю, рука объ руку съ ихъ матерями ходятъ вокругъ очага. Браманъ вычерчиваетъ на лбу жениха священный знакъ его секты, а родители невѣсты въ это время капаютъ масло ей на голову. Оба новобрачные подвергаются испытанію въ ихъ знаніяхъ и взглядахъ. Но болѣе важны остальныя церемоніи, сильно, однако, различающіяся въ различныхъ областяхъ.

Въ Бенгаліи день свадьбы назначается астрологами. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ день является вторымъ праздникомъ помолвки обрученныхъ, бывшихъ до того еще дѣтьми. Отецъ невѣсты устраиваетъ большія празднества, съ роскошной обстановкой, — съ музыкой, освѣщеніемъ, фейерверкомъ и блестящимъ угощеніемъ и подарками; при этомъ женихъ держитъ въ рукахъ кокосовый орѣхъ, какъ символъ плодородія. Этимъ бракъ завершается. Но празднества на этомъ не заканчиваются. Глав-

ный праздникъ — тотъ, который посвященъ религіознымъ обрядамъ. Онъ начинается постомъ и принесеніемъ жертвъ; при этомъ въ пищу употребляются только молоко, печеніе и фрукты. Только мать жениха поглощаетъ огромное количество пищи, мать же невѣсты, наоборотъ, — ничего почти не ѣстъ; то и другое дѣлается въ силу предразсудка, дающаго поводъ къ разнымъ для насъ неинтереснымъ дѣйствіямъ. Въ Индіи очень распространенъ обычай, согласно которому женихъ и невѣста до дня свадьбы не видятъ другъ друга. Вечеромъ въ день свадьбы женихъ приходитъ за невѣстой. Въ богатой одеждѣ, на слонѣ или благородномъ конѣ, женихъ является въ сопровожденіи родственниковъ на лошадяхъ, музыкантовъ, пѣвцовъ, людей, несущихъ разные символическіе знаки, и мальчиковъ съ вѣерами и опахалами изъ хвостовъ яка. Предъ отправленіемъ своимъ женихъ заявляетъ матери, что онъ хочетъ привести ей дази (служанку). Поѣздъ представляетъ живописную картину, обращающую на себя всеобщее вниманіе. Въ домѣ невѣсты получаетъ женихъ отъ брата невѣсты или другого родственника арековый орѣхъ, который дѣвушка весь день держала во рту и который онъ съ кажущимся отвращеніемъ долженъ раскусить и съѣсть. Сидя на красныхъ шелковыхъ подушкахъ, онъ долженъ давать отвѣты на задаваемые ему вопросы, а потомъ въ красной шелковой одеждѣ идетъ къ домашнему алтарю, куда также въ красномъ шелкѣ и богатомъ убранствѣ, закрытая покрываломъ, приходитъ невѣста и гдѣ домашній жрецъ, выполнивъ цѣлый рядъ неинтересныхъ для насъ и отчасти неприличныхъ церемоній, соединяетъ, наконецъ, жениха съ невѣстой. И свекоръ участвуетъ въ этомъ: онъ опрыскиваетъ чету водою изъ Ганга и связываетъ ихъ платья вмѣстѣ, затѣмъ присутствующія женщины покрываютъ ихъ платкомъ, подъ которымъ они, т. е. женихъ и невѣста, въ первый разъ видятъ другъ друга. Всѣ эти и многія другія церемоніи, перечисленіе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, совершаются въ Индіи часто еще надъ малолѣтними женихомъ и невѣстой, при чемъ принимаются во вниманіе дѣтскіе вкусы; напр., достойныя сожалѣнія дѣти передаютъ другъ другу сласти. Мальчикъ беретъ дѣвочку, конечно лишь для виду, на нѣсколько часовъ въ домъ своихъ родителей. Но они уже

Рис. 85. Индусская невѣста знатнѣйшей расы.

безповоротно навсегда соединены, и когда подрастутъ, подлинная помолвка празднуется съ новыми и многочисленными церемоніями.

Если „супругъ" умираетъ еще въ дѣтствѣ, то маленькая его жена, по индійскимъ обычаямъ, становится вдовою и должна, подобно взрослымъ вдовамъ, отрѣшиться отъ всѣхъ радостей, вести аскетическій образъ жизни и выносить безропотно всякое пренебреженіе, ибо господствующій предразсудокъ или вѣрнѣе суевѣріе считаетъ ее виновницей смерти супруга.

Рис. 86. Брачная церемонія у племени совра (передняя Индія)

Брачные обычаи совра въ западной части передней Индіи (Декана) описываетъ Гуперъ слѣдующимъ образомъ: молодой человѣкъ, выбравшій самъ или черезъ друзей своихъ невѣсту, отправляетъ пословъ къ ея родителямъ, а въ заключеніе приноситъ имъ водки или другой какой-либо подарокъ. Если родители дали свое согласіе, то вкапываютъ три столба въ землю; тутъ собираются женихъ, невѣста и ихъ друзья. Обрученные сидятъ рядомъ, и головы ихъ поливаются водою. Имъ подносятъ различные подарки; чтобы отвратить злыхъ духовъ, приносятся въ жертву птицы и овцы. Вареное мясо, смѣшанное съ крупой, скатывается въ шарики и дѣлится между гостями, запивающими его водкой. Въ заключеніе устраиваютъ танцы, при которыхъ кричатъ и стучатъ ногами (рис. 86).

Наиры (или найеры) — туземцы Малабарскаго берега, воин-

ственная дравидская каста, распадающаяся на одиннадцать классовъ, замкнутыхъ какъ по отношенію другъ къ другу, такъ и по отношенію къ чужимъ, и готовыхъ отвѣтить кровавой местью на нарушеніе этой обособленности, что у нихъ считается оскверненіемъ. Они живутъ собственно безъ брака въ многомужествѣ, очень близко стоящемъ къ проституціи. Такъ какъ отецъ при подобныхъ обстоятельствахъ недостаточно извѣстенъ, то его мѣсто заступаетъ братъ матери. Дѣвушки выходятъ замужъ уже въ дѣтствѣ, при чемъ имъ надѣваютъ тали, — особый амулетъ съ изображеніемъ божковъ, замѣняющій наше обручальное кольцо. Представителемъ мужа — въ большинствѣ случаевъ нѣсколькихъ мужей — является наемный мужчина, которому это не даетъ никакихъ правъ. Свадьба продолжается четыре дня и связана съ большими пріемами гостей. Мужчины и женщины ѣдятъ отдѣльно и развлекаются танцами, пѣніемъ и музыкой. Обрученіе имѣетъ однако то лишь значеніе, что съ этого момента женщина, послѣ извѣстнаго промежутка времени, т. е. когда она созрѣетъ, имѣетъ право каждаго товарища по кастѣ или же кого-либо болѣе высокаго ранга взять себѣ въ мужья до тѣхъ поръ, пока это по душѣ будетъ обоимъ. Это расположеніе мужчина заслуживаетъ подарками и затѣмъ переходитъ въ семью женщины, гдѣ онъ остается до тѣхъ поръ, пока это обоимъ желательно, или же онъ навѣщаетъ свою жену лишь періодически, что колеблется, однако, между одной ночью и всей жизнью.

Африка.

a) Средняя и южная Африка.

Въ Абиссиніи гвоздемъ брачнаго пира служитъ банкетъ, настоящее обжорство, въ которомъ принимаетъ участіе всякій голодный. По окончаніи его кто-нибудь изъ мужчинъ приноситъ невѣсту на плечахъ и усаживаетъ въ кресло (собственно на деревянный чурбанъ); здѣсь она слушаетъ пѣніе и смотритъ на танцы. Затѣмъ приходитъ женихъ съ тещей и съ друзьями, и жрецъ или старикъ благословляетъ бракъ. Провожатые жениха обходятъ гостей и просятъ подарковъ для новобрачныхъ, сопровождая это пѣніемъ и музыкой. Если они ничего не получили, то берутъ сами, что подвернется имъ подъ руку, и имъ запретить этого нельзя, ибо они неприкосновенны. Во всякомъ случаѣ взятыя вещи могутъ быть выкуплены другими вещами, за исключеніемъ съѣстныхъ припасовъ.

Зажиточные классы суахели въ восточной Африкѣ празднуютъ бракъ десятью стадіями различнаго наименованія, изъ которыхъ три падаетъ на помолвку, четыре на брачный пиръ и три, наконецъ, на медовый мѣсяцъ.

Какъ только дѣвушка достигла возраста замужества, ее начинаютъ сватать. Расположенный къ дѣвушкѣ молодой человѣкъ засылаетъ близкаго родственника къ ея отцу. Прежде чѣмъ дать окончательный отвѣтъ, отецъ держитъ совѣтъ съ родственницами невѣсты, безъ согласія же ихъ и безъ самой невѣсты онъ ничего не предпринимаетъ, хотя эти послѣднія особыми правовыми полномочіями не пользуются. Вдовы и раз-

веденныя женщины пользуются въ этомъ отношенiи полной свободой. Относительно дѣвушекъ дѣло быстро улаживается; цѣна опредѣляется безъ торга, высота цѣны находится въ зависимости отъ положенiя невѣсты (свободная, вольноотпущенная, рабыня). Разъ это улажено, то отецъ невѣсты приглашаетъ жениха поднести родителямъ невѣсты подарокъ, по принятiи котораго входъ въ этотъ домъ другимъ молодымъ людямъ закрытъ. Если женихъ уже приготовилъ выкупныя деньги за невѣсту, онъ помѣщаетъ ихъ въ глиняный горшокъ, передаетъ вольноотпущенницѣ, ставящей его себѣ на голову, и въ такомъ видѣ торжественное шествiе съ пѣснями и неподдѣльнымъ ликованiемъ направляется въ домъ невѣсты, гдѣ горшокъ передается матери послѣдней для передачи отцу. Пьютъ вмѣстѣ кофе. Въ первый день свадьбы собираются всѣ женщины обоихъ семействъ у родителей жениха и приготовляютъ трапезу. Затѣмъ появляются приглашенные мужчины, и всѣ приступаютъ къ ѣдѣ. Женихъ затѣмъ приглашаетъ гостей къ собственно брачному пиру. Вечеромъ назначаются танцы, прочитывается религiозная пѣсня, припѣвъ которой повторяютъ присутствующiе, и затѣмъ слѣдуетъ воинскiй танецъ съ обнаженными мечами. Подобныя празднества, съ такими же и многими другими, совершенно непонятными для насъ, церемонiями, тянутся шесть дней. Слѣдующiй за симъ главный брачный праздникъ сопровождается ничего не говорящими намъ церемонiями и пѣснями, касающимися брачныхъ отношенiй, и завершается тѣмъ, что двое друзей сопровождаютъ жениха въ покой невѣсты. Одна изъ женщинъ — кунгви, остается въ спальнѣ новобрачныхъ и сторожитъ ихъ; ибо только на третiй день можетъ совершиться оплодотворенiе. Въ теченiе нѣсколькихъ медовыхъ недѣль супружеская пара остается невидимой для постороннихъ. За этимъ снова начинаются приглашенiя на пиры, — повторенiе вкратцѣ предыдущихъ. Суть дѣла здѣсь — въ подаркахъ новобрачнымъ, но и угощенiе играетъ не послѣднюю роль. Жениху нерѣдко при этомъ приходится потратить сумму въ шестьдесятъ двѣ рупiи, вслѣдствiе чего онъ становится порою жертвой индiйскихъ ростовщиковъ.

Зулусы кафферы въ южной Африкѣ не только воинственное, но весьма склонное къ церемонiямъ и этикету племя. При этомъ у нихъ женщина отнюдь не безправна и не въ такомъ рабскомъ положенiи, какъ у другихъ первобытныхъ народовъ; напротивъ, она часто имѣетъ голосъ при выходѣ замужъ, хотя и не всегда. Въ большинствѣ случаевъ дѣвушка должна выходить за того, кто больше даетъ, хотя бы противъ своей воли. Но случается, что дѣвушка избѣгаетъ этой участи бѣгствомъ и слѣдуетъ своей личной склонности. Искатель руки невѣсты, особенно когда онъ не первой молодости, не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что дѣвушка, которой онъ добивается, не отвергнетъ его, несмотря на похвалы, расточаемыя въ его пользу его будущимъ тестемъ. Если же молодые предназначены окончательно другъ для друга, то за симъ слѣдуетъ брачный праздникъ. Богато разодѣтая невѣста, сопровождаемая подругами, матерью и другими женщинами своего рода, отправляется, во главѣ кортежа, въ краль будущаго ея супруга. Родственники-мужчины въ пол-

номъ вооруженіи охраняютъ поѣздъ (рис. 87). На опредѣленномъ мѣстѣ собираются обѣ семьи и, чередуясь, танцуютъ и поютъ, сначала женщины, потомъ мужчины. Въ этихъ пѣсняхъ противоположная сторона елико возможно унижается, а собственная превозносится до небесъ. Такъ какъ плата за невѣсту состоитъ изъ воловъ или коровъ, то сторона жениха сѣтуетъ на то, что женихомъ слишкомъ много уплачено, между тѣмъ какъ сторона невѣсты утверждаетъ противное, расхваливаетъ добродѣтели и пре-

Рис. 87. Брачный поѣздъ у зулусовъ.

красныя качества невѣсты. Всему этому окружающіе ни капельки не вѣрятъ, но всего этого требуетъ этикетъ. Съ этого момента женихъ и невѣста — мужъ и жена. Въ большинствѣ случаевъ, однако, иниціатива сватовства принадлежитъ не жениху, а отцу невѣсты. Отецъ ищетъ себѣ зятя и по возможности состоятельнаго. Съ этой цѣлью онъ посылаетъ въ домъ жениха посредника, который крадучись приноситъ въ хижину подарокъ, незамѣтно исчезаетъ и спустя нѣкоторое время, по тому или другому поводу, начинаетъ открыто навѣщать домъ жениха. Натурально, ни для кого не тайна, о чемъ собственно идетъ дѣло. Если предложеніе принято, невѣста отправляется съ торжественнымъ поѣздомъ въ

краль ея избранника, гдѣ подвергается безстыдному осмотру и критикѣ, а затѣмъ начинается торгъ изъ за цѣны невѣсты.

У другого племени каффровъ, у басуто, церемоніи еще болѣе строги и, на нашъ взглядъ, еще комичнѣе. Рѣшающій голосъ при сватовствѣ имѣютъ оба отца—жениха и невѣсты. Желающій жениться сынъ долженъ освѣдомиться, купилъ ли уже ему отецъ невѣсту или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ онъ долженъ подчиниться или замѣнить себя братомъ. Во второмъ случаѣ отецъ снисходитъ къ его выбору, отправляется къ отцу невѣсты и заводитъ съ

Рис. 88. Покупка невѣсты у фановъ (западная Африка)

нимъ разговоры о томъ, о семъ, лишь постепенно переходя къ цѣли своего посѣщенія. Послѣ этого одна сторона старается какъ можно меньше дать, другая какъ можно больше выторговать, при чемъ обѣ жалуются на бѣдность, на тяжелыя времена. Если соглашеніе состоялось, наконецъ, то шлютъ къ дѣвушкѣ вѣстника, дѣлающаго видъ, что пришелъ попросить горсточку табаку. Послѣдній дѣйствительно тутъ же растирается на камнѣ и посылается свату. Табакъ этотъ торжественно нюхается въ обществѣ родственниковъ отца жениха. Затѣмъ посылаютъ невѣстѣ въ видѣ задатка опредѣленное количество скота (вся плата порою растягивается на многіе годы). Какъ символъ состоявшейся помолвки, невѣста носитъ на шеѣ цифру неуплаченной ей еще

суммы. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока она родитъ перваго ребенка, которому принадлежитъ опредѣленная доля этой доплаты. Присутствующіе при передачѣ скота люди выражаютъ радостное сочувствіе невѣстѣ ужасающими—для нашего слуха—криками. Затѣмъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней идетъ стряпня, ѣда и питье, а на ночь передавшіе скотъ требуютъ въ свое общество дѣвушку. Наконецъ, и женихъ подымается и доставляетъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ друзей нѣкоторую долю доплаты въ формѣ скота—и снова повторяется бражничанье и распутство во всю. Басуто практикуютъ настоящую проституцію. И лишь послѣ того, какъ все это продѣлано, невѣста забирается, наконецъ, женихомъ, но предварительно обливаютъ ее всю тепловатой водой, а голову смазываютъ жиромъ. Снова пьютъ и танцуютъ. Наконецъ, послѣдняя церемонія разыгрывается послѣ того, какъ супружеская пара вернулась уже домой и провела тамъ первую ночь. Какъ мужу, такъ и женѣ дѣлаютъ надрѣзы на суставахъ, и каждому изъ нихъ втираютъ кровь другого. Этимъ завершается свадьба.

Въ западной Африкѣ у фановъ (во французскомъ Конго) суть свадьбы состоитъ въ опредѣленіи покупной цѣны невѣсты, по поводу чего между женихомъ и отцомъ невѣсты происходятъ продолжительныя препирательства (рис. 88). Если удалось „дѣльце“ оборудовать, то женихъ обѣщаетъ выплатить всю сумму въ тотъ моментъ, когда явится за невѣстой. Женихъ и друзья его дѣлаютъ большія приготовленія къ празднику и приглашаютъ много гостей. Производится охота за слонами, собираются съѣдобныя растенія, и варится пальмовое вино. На брачный пиръ собирается деревня, и невѣста передается жениху по уплатѣ имъ условленной цѣны. Украшенія невѣсты состоятъ, какъ и у всѣхъ незамужнихъ женщинъ, исключительно изъ красной краски и всякихъ привѣсокъ и колецъ. Женихъ же блеститъ отъ жира и щеголяетъ подпиленными зубами и украшеніями изъ перьевъ. Въ концѣ концовъ начинается ѣда и питье въ теченіе трехъ или четырехъ сутокъ, при чемъ сну предаются на очень короткое время.

„Въ Анголѣ невѣста смазывается священной помадой и на время ее оставляютъ въ одиночествѣ: при этомъ читаются молитвы, чтобы бракъ былъ счастливымъ и чтобы родилось много сыновей“, ибо безплодныя женщины тамъ въ такомъ презрѣніи, что нерѣдко съ отчаянія накладываютъ на себя руки. „Спустя нѣкоторое время послѣ молитвенныхъ дней разряженная женщина переводится въ другую хижину и представляется народу, какъ замужняя уже“. Затѣмъ она уходитъ къ своему мужу, но живутъ они въ отдѣльныхъ хижинахъ.

Въ Карагуа (Африка, 3° южной широты, 3° восточной долготы) зашиваютъ невѣсту во время свадьбы въ черную шкуру, и въ такомъ видѣ среди шума и гама она вручается мужу.

У бубе́, на испанско-африканскомъ островѣ Фернандо По, матери обѣихъ сторонъ должны устроить помолвку жениха и невѣсты. Пять молодыхъ дѣвушекъ, одна меньше другой—самая послѣдняя дитя еще,—съ перьями попугаевъ на головахъ, окружаютъ чету, при чемъ матери связываютъ ее растительными волокнами и опять развязываютъ, затѣмъ четыре главныхъ персонажа по-

даютъ другъ другу пальмовое вино и пьютъ его. Съ танцами и пѣніемъ подвигается шествіе по направленію къ дому супруга, гдѣ молодую привѣтствуютъ имѣющіяся уже жены и дѣти послѣдняго,—если невѣста не первая жена.

Свадебное пиршество у негровъ Сахары продолжается, смотря по состоянію и общественному положенію бракосочетающихся, отъ одного дня до четырнадцати. Вечеромъ въ послѣдній день препровождается молодая жена съ музыкой въ домъ ея мужа, гдѣ оба должны безвыходно оставаться въ теченіе семи дней. Каждый вечеръ музыка играетъ предъ ихъ дверями, и въ теченіе всего времени они содержатся за счетъ своихъ друзей. На утро восьмого дня подымается новобрачный на пальму въ своемъ собственномъ саду или въ саду своего друга, срѣзаетъ верхушку пальмы, приноситъ сердцевину и самыя молодыя части женѣ и бьетъ ее ими по головѣ. Жена варитъ принесенное и предлагаетъ это въ ближайшій день своимъ родственникамъ.

b) Магометанскія страны.

Въ области ислама считается обязанностью вступить въ бракъ по возможности рано. „Матери двѣнадцати лѣтъ и бабушки двадцати пяти—отнюдь не рѣдкость“. Старыхъ дѣвушекъ нѣтъ, а къ холостякамъ относятся съ презрѣніемъ. „Бракосочетаніе совпадаетъ съ помолвкой. Это—чисто гражданскій актъ, при которомъ, въ присутствіи кади и свидѣтелей, являющихся нерѣдко представителями молодыхъ, призывается имя Аллаха и объявляется, что молодые желаютъ вступить въ бракъ“. Это обыкновенно совершается въ одномъ изъ домовъ бракосочетающихся, но отнюдь не въ мечети.

Свадьба (у персовъ арузи) празднуется, какъ радостное событіе. Имамъ (священникъ) освящаетъ ее молитвой. Моленія эти продолжаются недѣлю — у болѣе знатныхъ двѣ — и ничего не имѣютъ общаго съ церемоніями бракосочетанія. Обыкновенно молодые впервые видятъ другъ друга только на брачномъ пиру. Объ ихъ знакомствѣ заботятся не они сами, а ихъ родители. Мать жениха посылаетъ довѣренную женщину въ гаремы и въ бани въ цѣлью выбора невѣсты, и голосъ сына не имѣетъ здѣсь никакого значенія. Но сынъ долженъ платить покупную цѣну, установленную при заключеніи договора. Приданаго или иного обезпеченія жена не получаетъ. Супруги живутъ, обладая самостоятельно раздѣльными средствами. Такъ какъ свадьба только праздникъ радости, то о церемоніяхъ собственно вообще и рѣчи не можетъ быть; всюду онѣ носятъ мѣстный характеръ, что, при большомъ распространеніи ислама, приводитъ къ весьма большому разнообразію ихъ.

По англійскимъ свѣдѣніямъ, которыя очевидно относятся къ египетскимъ арабамъ высшихъ класовъ, оказывается, что тамъ смотрятъ на женщину буквально какъ на вещь, которую можно купить и продать, какъ, напр., домъ. Молодой арабъ, желающій жениться, не видитъ дѣвушки. Онъ обращается за этимъ къ знающему свое ремесло свату, катбею, который за него и дѣлаетъ визиты въ тѣхъ домахъ, гдѣ имѣются невѣсты, и о результатахъ своихъ поисковъ извѣщаетъ мать жениха. При под-

ходящемъ выборѣ мать уполномочиваетъ катбея вести переговоры относительно сватовства съ родителями избранной дѣвушки, о чемъ дѣвушку почти не спрашиваютъ и возраженія ея, если бы она на таковыя дерзнула, оставляются совершенно безъ вниманія. Законная помолвка состоитъ лишь изъ устнаго заявленія предъ чиновникомъ и свидѣтелемъ. Два-три дня спустя наступаетъ свадебный пиръ. Женихъ отправляется въ домъ невѣсты, которая, однако, не присутствуетъ въ тотъ моментъ, когда женихъ и отецъ ея, колѣнопреклоненные на коврѣ, подаютъ другъ другу руку, при чемъ „чтецъ" произноситъ рѣчь. За симъ новобрачные представляются другъ другу, но невѣста остается все-

По фотогр. Эдвардса.

Рис. 89. Арабская свадебная процессія.

таки подъ покрываломъ. Въ ближайшій день устраивается большой свадебный поѣздъ. Приданое кладутъ на верблюдовъ (рис. 89).

Арабскіе музыканты съ тамбуринами, борцы, скоморохи и фокусники показываютъ свое искусство. Завернутая красной, совершенно скрадывающей фигуру, шалью, невѣста, сидя на повозкѣ, направляется къ дому жениха. Послѣ того ужъ, какъ масса гостей разбрелась, при невѣстѣ остаются лишь мать и кормилица невѣсты. По данному знаку онѣ исчезаютъ, дверь отворяется, мужъ входитъ, приподнимаетъ шаль и въ первый разъ видитъ лицо своей супруги. При этомъ онъ произноситъ: „именемъ всеблагого бога да будетъ эта ночь благословенна", и увѣряетъ ожидающихъ его снаружи женщинъ, что онъ своимъ сокровищемъ восхищенъ, — все равно, такъ ли это въ дѣйствительности или нѣтъ.

У низшихъ классовъ въ Египтѣ невѣста также покупается. Торговую сдѣлку, послѣ долгихъ пререканій изъ-за цѣны невѣ-

сты, совершаютъ обыкновенно матери между собою. Цѣна невѣсты обыкновенно достигаетъ четырехъ золотыхъ монетъ, гиней или наполеондоровъ. За нѣсколько дней до свадьбы невѣста принимаетъ ванну, краситъ себѣ руки и ноги въ красный цвѣтъ корой альканны, брови и вѣки подводитъ сурьмой, всѣ волосы на тѣлѣ, кромѣ головы, выщипываетъ и жуетъ мастику. Въ ближайшую ночь играетъ музыка и танцуютъ, а невѣста сидитъ на диванѣ или на коврѣ. Послѣ полуночи появляется женихъ предъ невѣстой. Окружающія ее женщины разоблачаютъ ее, а мужъ лишаетъ ее дѣвственности. Способъ и манера, какими эта „операція" совершается, не поддается ближайшему описанію. Свадьба собственно этимъ и завершается. Но мужъ вступаетъ въ свои права лишь послѣ лѣченія воспаленія. Въ случаѣ, если у него не хватаетъ храбрости или желанія на вышеупомянутую „операцію", ее устраиваютъ за него женщины, сдѣлавшія изъ этого свою профессію. Несомнѣнно, этотъ гнусный обычай—арабскаго происхожденія, но онъ наблюдается и въ другихъ странахъ, куда арабы проникли. Весь ходъ этого дѣла показываетъ, что эти люди способны понимать бракъ только въ грубомъ, чувственно-половомъ смыслѣ.

Въ Марокко, гдѣ жизнь женщины протекаетъ такъ тускло, единственнымъ радостнымъ моментомъ ея, когда она что-нибудь значитъ, является время ея свадьбы. Невѣста тогда дѣлается центральной фигурой свадебнаго праздника, который у знатныхъ нерѣдко тянется недѣли и даже мѣсяцы.

Накапунѣ свадьбы невѣсту ведутъ подъ балдахиномъ, съ музыкой, въ сопровожденіи родственницъ и подругъ, въ общественныя бани. Тамъ ее моютъ, натираютъ тѣло мазями и всякими дорогими пахучими специями (см. художественное приложеніе „Украшеніе невѣсты"), завиваютъ и проч. У воротъ, ликуя, поздравляютъ ее музыканты, носильщики и всѣ присутствующіе. Всѣ эти восточныя сцены кажутся иностранцамъ чѣмъ-то сказочнымъ, волшебнымъ (рис. 90).

Европа.

а) Классическая древность.

О бракѣ древнихъ эллиновъ у насъ сохранились болѣе достовѣрныя свѣдѣнія изъ Аттики съ главнымъ ея городомъ Аѳины. Главной цѣлью брака было — рожденіе наслѣдниковъ, продолженіе рода. Любовь рѣдко играла тамъ роль, да при замкнутой жизни аттической женщины иначе и быть не могло. Для удовлетворенія потребностямъ сердца и ума въ распоряженіи аѳинянъ были гетеры, довольно доступныя за деньги и болѣе интеллигентныя, чѣмъ скромныя жены грековъ. Отъ жены аѳинскаго гражданина требовалось одно — равенство по происхожденію и зажиточность. Браки аѳинскихъ гражданъ или гражданокъ съ чужими (*ξένοι*) не считались законными; дѣти отъ такихъ браковъ считались незаконными (*νόϑοι*); Аѳинскіе горожане (*ἄστοι*) женились только на своихъ же согражданкахъ (*ἄσται*), однако бывали также и исключенія. Бракосочетанію предшествовала помолвка, во время которой велись переговоры относительно при-

Мужчина и женщина. II. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Одѣваніе невѣсты (Марокко).

Рис. 90. Накапунѣ свадьбы въ Марокко
Съ картины Р. Эрнста.

данаго, отъ качества котораго зависѣло положеніе жены въ семьѣ. Нерѣдко случалось, что дочери высокозаслуженныхъ, но не богатыхъ гражданъ, получали приданое либо отъ государства, либо отъ друзей.

Такимъ образомъ, этотъ обычай въ самое цвѣтущее время Греціи стоялъ въ явномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что практиковалось въ старое время гомеровскаго эпоса, когда герои пріобрѣтали себѣ женъ за богатые подарки. Приданое состояло изъ золота, одежды, украшеній, рабовъ и проч. и при разводѣ возвращалось обратно родителямъ жены. Предъ свадьбой приносились обыкновенно жертвы богамъ — покровителямъ брака. Прежде всего женихъ и невѣста должны были выкупаться въ источ-

никѣ Каллирое, открытомъ тираномъ Пизистратомъ, или же послать дѣвушку по воду въ этотъ источникъ для приготовленія ваннъ.

Въ день свадьбы устраивался въ домѣ родителей невѣсты, украшенномъ гирляндами зелени, брачный пиръ, въ которомъ, не въ примѣръ другимъ пирамъ, принимали участіе и женщины. По окончаніи праздника невѣсту усаживали въ повозку между женихомъ и его другомъ и везли въ новое, тоже разукрашенное зеленью, жилье мужа подъ звуки свадебнаго гимна (гименаіосъ), флейтъ,танцевъ, и привѣтствій со стороны встрѣчающихъ брачный поѣздъ гостей, при чемъ послѣдніе бросали въ экипажъ цвѣты и плоды. За медленно подвигавшейся повозкой шла мать невѣсты, сопровождаемая факельщиками и женщинами, несшими коробы съ приданымъ. Мать жениха ждала тоже съ факельщиками прибытія свадебнаго поѣзда у своего дома. Иногда здѣсь происходило угощеніе, при чемъ дѣлили между участниками пирогъ изъ сезамовой крупы, какъ символъ плодовитости. Затѣмъ новобрачные возвращались въ покои жениха (таламосъ), гдѣ молодая супруга въ первый разъ снимала съ себя покровъ въ присутствіи мужа, предъ дверью котораго пѣли „Эпиталаміи". На другой день или въ тотъ же вечеръ молодые получали подарки отъ родственниковъ и друзей. Съ этого момента жена показывалась уже публично безъ покрывала.

Изъ художественныхъ изображеній греческой свадьбы особенно выдается такъ называемая Альдобрандинская свадьба (рис. 91),—картина, нарисованная на стѣнѣ и открытая въ 1606 г. въ Римѣ. Она относится къ поздней эпохѣ классической греческой древности. Картина представляетъ три сцены: въ серединѣ — покой невѣсты и сама закутанная покрываломъ невѣста; рядомъ съ ней — покровительница жениха (Пейто, богиня-сваха), которая ободряетъ и уговариваетъ невѣсту, и дѣвушка, собирающаяся натереть невѣсту масломъ; налѣво изображены приготовленія къ купанью невѣсты; справа передъ входомъ въ домъ невѣсты отдыхаетъ въ ожиданіи женихъ съ вѣнкомъ на головѣ; а на авансценѣ — три дѣвушки: двѣ у жертвеннаго алтаря, одна съ лирой.

Формы бракосочетанія у древнихъ римлянъ были весьма разнообразны. Въ болѣе раннюю эпоху женщина переходила изъ власти отца (manus: означаетъ собственно рука) во власть ея мужа и этимъ теряла право на свое имущество. Однако въ болѣе позднее время выработался обычай, согласно которому, несмотря на замужество, женщина продолжала оставаться in manu ея собственной семьи, а потому не лишалась права владѣнія собственнымъ имуществомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отошло на задній планъ требовавшееся раньше освященіе брака жрецомъ, который сохранилъ только роль государственнаго чиновника. А это значитъ, выражаясь современнымъ языкомъ: гражданскій бракъ занялъ мѣсто церковнаго. Старѣйшая, освященная жрецомъ форма брака называлась confarreatio. Названа она такъ потому, что вмѣстѣ съ ягненкомъ приносился въ жертву также полбенный пирогъ, libum farreum. Въ этой формѣ совершался бракъ главнымъ образомъ у патриціевъ, — особенно у жрецовъ этого сословія, при чемъ, конечно, все это происходило на священномъ мѣстѣ и съ необходимыми въ данномъ случаѣ церемоніями. При первыхъ императорахъ форма эта стала все болѣе и болѣе вы-

ходитъ изъ употребленія, такъ какъ необходимое для этого число патриціевъ-жрецовъ все болѣе и болѣе уменьшалось. Гражданскій бракъ, проявившійся въ двухъ формахъ, практиковался съ столь же древнихъ временъ, какъ и религіозный, хотя и не пользовался такимъ уваженіемъ, такъ какъ считался бракомъ плебейскимъ. Первая форма выражалась, какъ у большинства народовъ, въ куплѣ невѣсты. Въ Римѣ, однако, эта форма сводилась къ одной лишь видимости.

При этой сдѣлкѣ, извѣстной подъ именемъ coemptio (купля), женихъ въ присутствіи пяти свидѣтелей бросалъ на желѣзные вѣсы самую старую римскую мѣдную монету — асъ, произносилъ при этомъ установленную формулу, — выражавшую (фиктивно) намѣреніе купить невѣсту, — и передавалъ эту монету отцу или опекуну невѣсты, затѣмъ бралъ невѣсту за руку и велъ ее домой къ жертвеннику.

По фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.

Рис 91. Стѣнная живопись такъ называемой Альдобрандинской свадьбы.

Другая форма была лишь признаніемъ дикаго брака (т. е. свободнаго брака), ставшаго по истеченіи года законнымъ въ силу usus'а, при чемъ однако онъ могъ быть порванъ во всякое время; во времена цезарей эта форма немало способствовала распущенности нравовъ.

Разнообразные виды бракосочетанія у римлянъ сопровождались церемоніями, отличавшимися чувственно-образнымъ характеромъ. Помолвка (sponsalia) не имѣла никакой обязательной силы, и для нея было совершенно достаточно устнаго заявленія жениха, при чемъ послѣдній передавалъ невѣстѣ кольцо. Въ вечеръ предъ свадьбой невѣста сбрасывала съ себя дѣвичье платье (toga praetexta) и одѣвала женское — бѣлую тогу, поясъ, покрывало и красную сѣтку. На другой день наблюдали за полетомъ птицъ, и если этотъ послѣдній, по суевѣрнымъ ихъ сужденіямъ, оказывался благопріятнымъ, то брачный договоръ подписывался. На вопросъ мужа, кто она, жена отвѣчала: „Ubi tu Caius, ibi ego Caia (Кай — весьма распространенное имя. Это значитъ: гдѣ ты хозяинъ, тамъ я — хозяйка или: я принимаю твое имя); затѣмъ подружка (pronuba) соединяла супруговъ. Потомъ слѣдовали моленія, жертвоприношенія и свадебный пиръ. Вечеромъ, по окончаніи пира, невѣсту какъ бы насильно уводили

(очевидно — пережитокъ изъ періода умыканія невѣстъ) изъ отцовскаго дома, и съ музыкой и факелами гости сопровождали невѣсту вплоть до дома супруга. У порога дома невѣсту подымали, дабы она не перешагнула черезъ него, такъ какъ это считалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Веретено и прялку несли за ней. Въ атріумѣ (крытомъ переднемъ дворѣ) стояло брачное ложе, и здѣсь супругъ принималъ свою молодую жену въ общество своихъ домашнихъ. Во время брачнаго поѣзда и по прибытіи его пѣлись свадебныя, иногда трогательныя, пѣсни.

b) Средніе вѣка.

Въ нѣмецкомъ обществѣ между временемъ переселенія народовъ и крестовыми походами, какъ изображаетъ ихъ пѣсня о Нибелунгахъ и Гудрунъ, купля невѣсты съ введеніемъ христіанства совершенно исчезла, и прежнее вѣно, выдаваемое мунтвальту (отцу или опекуну дѣвушки), превратилось въ подарокъ невѣстѣ, который она на другой день помолвки получала, какъ „утренній даръ". Какъ эквивалентъ, выдавалось мунтвальтомъ невѣстѣ приданое, „какъ доля наслѣдства движимаго имущества". При помолвкѣ чета вступала въ образуемый родственниками-мужчинами кругъ и послѣ взаимнаго выраженія согласія обнималась и цѣловалась, а мунтвальтъ санкціонировалъ союзъ. Такимъ образомъ они становились мужемъ и женою, — помолвка была въ то же время и вѣнчаніемъ. Обмѣнъ кольцами не получилъ тогда еще всеобщаго распространенія. По другимъ же свѣдѣніямъ, женихъ дарилъ невѣстѣ кольцо, какъ символъ прочнаго единенія, и пара обнималась и цѣловалась также и въ этомъ случаѣ.

Въ періодъ рыцарства и крестовыхъ походовъ, въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ столѣтіяхъ, совершенно исчезли въ Европѣ общественныя особенности отдѣльныхъ странъ и народовъ. Въ общественной жизни выработалось и распространилось единство взглядовъ на жизнь и міръ во всей области западной или римской церкви; стало быть, во всей средней, западной, и южной Европѣ, а также въ завоеванныхъ областяхъ Сиріи и Палестины. Рыцарство своей культурой, литературой, искусствомъ, соціальными навыками безраздѣльно доминировало надъ всѣмъ и сводило почти на-нѣтъ значеніе остальныхъ сословій: бюргерства и крестьянства.

Во время господства рыцарства первенствующее мѣсто, безъ сомнѣнія, заняла Франція. Отъ британскихъ острововъ до Іордана и Мертваго моря она наложила на это сословіе свою печать, опредѣлила его взгляды на жизнь и задавала ему тонъ.

То же самое, натурально, было и въ области брака и любви. Рыцари рѣзко различали эти два понятія, что и составляло своеобразную особенность ихъ взглядовъ. Вступали обыкновенно въ бракъ вовсе не изъ любви, а ради славы, чести, да и возможность деньгами и имуществомъ увеличить свое достояніе тоже играла здѣсь не послѣднюю роль. Своя супруга не пользовалась любовью, любовь принадлежала другой (напр., Тристанъ и Изольда), или предметомъ любви была дѣвушка, которая, по соціальному положенію или инымъ важнымъ соображеніямъ, не

могла выйти замужъ. Порою пускались въ разныя любовныя приключенія, искали ихъ, гнались за ними, какъ, напр., легкомысленный Гаванъ въ Парсивалѣ. Такова Minne того времени. Рыцарь, такимъ образомъ, избиралъ спутницу жизни не по влеченію сердца, а по холодному разсчету своего сословнаго положенія. Его жена должна была принадлежать къ одному съ нимъ сословію. Правда, бывали случаи, когда соединялись люди по любви, какъ, напр., Парсиваль и Кондвирамуръ. Но это, во-первыхъ, рѣдкое исключеніе, а во-вторыхъ, и въ такихъ случаяхъ не игнорировались сословныя соображенія. (Приведенные нами примѣры, правда, взяты изъ области поэзіи; но она была вѣрнымъ выраженіемъ дѣйствительной жизни рыцарства.)

Ужъ одно то, что многія дѣвушки не могли выходить замужъ безъ позволенія своего феодальнаго господина — вполнѣ иллюстрируетъ это положеніе вещей. Бездѣтныя же вдовы, наоборотъ, пользовались въ этомъ отношеніи полной свободою.

Единствомъ рыцарскихъ понятій въ западномъ христіанствѣ объясняется и то явленіе, что брачныя связи совершались далеко за предѣлами одной страны, нерѣдко между рыцарскими семьями отдаленныхъ другъ отъ друга странъ, напр. между Англіей и Испаніей. Рыцарь, услышавъ о дамѣ, бракъ съ которой много обѣщалъ его честолюбію или матеріальнымъ разсчетамъ, пускался самъ въ далекія приключенія или же посылалъ къ дамѣ своего довѣреннаго, — конечно, съ подарками. Кромѣ того нерѣдко происходили брачные союзы между западными рыцарями или благородными дамами съ соотвѣтственными лицами византійскаго двора, — конечно, когда это оказывалось выгоднымъ. Поводомъ къ этимъ связямъ послужили крестовые походы черезъ Константинополь. Чаще всего это случалось въ средѣ владѣтельныхъ особъ. Если какой-нибудь король или императоръ женился на княжеской дочери, то невѣсту встрѣчала на границѣ многочисленная толпа богато одѣтыхъ и разукрашенныхъ всадниковъ, устраивались праздники и турниры въ ея честь. Если между искателемъ и его избранницей не возникало никакихъ препятствій каноническаго характера, то помолвка завершалась передачей невѣстѣ подарковъ и мѣной колецъ или же клятвеннымъ обѣщаніемъ. Но помолвка могла быть нарушена, разъ явились обстоятельства, затрудняющія или дѣлающія невозможнымъ бракъ. При помолвкѣ назначалось и приданое. Вѣнчаніе обыкновенно было связано съ помолвкой или непосредственно слѣдовало за ней. Церковное вѣнчаніе требовалось духовенствомъ лишь съ восьмого вѣка. Однако много времени прошло, пока оно получило значительное распространеніе. Раньше всего оно утвердилось въ высшихъ сословіяхъ, между тѣмъ какъ низшія продолжали по-старому довольствоваться гражданскимъ бракомъ. „Hochgezite“ было общее названіе всякихъ празднествъ, но такъ какъ свадебныя отличались особеннымъ великолѣпіемъ, то терминъ „Hochzeit“ сохранился исключительно для обозначенія с в а д е б н ы х ъ празднествъ. Приглашались многочисленные гости — всѣ кто такъ или иначе былъ заинтересованъ въ торжествѣ; мать и отецъ жениха по этому поводу дѣлали самыя обширныя приготовленія. Пригонялись цѣлыя стада убойныхъ животныхъ; рыба, птица, медъ и вино заготовлялись массами,—

конечно, въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ устроителей праздника. Отъ гостей ожидались подарки, но и для нихъ заготовлялись въ свою очередь подарки въ формѣ дорогихъ тканей, платьевъ, украшеній и проч. Замокъ и городъ были полны приглашенными, и для тѣхъ, которымъ мѣста въ замкѣ не хватало, раскладывали палатки подъ открытымъ небомъ. Любопытные еще болѣе увеличивали давку и тѣсноту, привлекаемые музыкой, пѣніемъ и представленіями странствующихъ актеровъ. Съ помпой выступалъ женихъ въ сопровожденіи своей свиты по улицамъ, украшеннымъ знаменами и щитами съѣхавшихся рыцарей. Особенно блестящъ былъ брачный поѣздъ у высокопоставленныхъ, когда вѣнчаніе происходило въ церкви. Затѣмъ слѣдовалъ пиръ съ игрою музыкантовъ, щедро оплачиваемыхъ какъ женихомъ, такъ и гостями. По окончаніи пира устраивались турниры. Вечеромъ невѣсту провожали съ музыкой въ ея опочивальню, гдѣ ее разоблачала женская родня; послѣдняя удалялась, и къ молодой являлся затѣмъ ея мужъ; поэты того времени описывали слишкомъ детально этотъ моментъ. — На другой день новобрачныхъ навѣщали знакомые и друзья, поздравляли ихъ, приносили подарки, отпускали довольно прозрачныя шутки, но также и пожеланія всяческаго счастія; супругъ преподносилъ женѣ такъ называемый „утренній даръ“. Затѣмъ отправлялись въ церковь — и снова повторялось то же: празднества, танцы, музыка и пиръ горой. Все это продолжалось недѣли, а порой и мѣсяцы, сообразно съ средствами бракосочетающихся. Наконецъ, наступалъ день разставанія съ гостями. Провожали гостей со всякими добрыми пожеланіями, при чемъ происходилъ обмѣнъ подарковъ. Очень трогательно было прощаніе невѣсты съ родителями. Напутствуемая ихъ благословеніемъ и практическими указаніями, она слѣдовала за мужемъ въ его замокъ, гдѣ ихъ встрѣчали торжественно мужчины на лошадяхъ и поющія и танцующія женщины; улицы украшались гирляндами, вѣнками и коврами, колокола оглашали воздухъ своимъ радостнымъ перезвономъ.

О крестьянскихъ свадьбахъ временъ рыцарства въ Германіи намъ разсказываютъ два поэтическія произведенія.

Въ первомъ, въ „Мейерѣ Гелмбрехтѣ“, крестьянинъ вслѣдствіе нужды сталъ разбойникомъ и выдаетъ свою сестру за товарища. „Утренній даръ“ состоялъ изъ награбленныхъ платьевъ. Новобрачные входятъ въ кругъ, и, послѣ обычныхъ вопросовъ, ихъ соединяетъ старецъ (разумѣется, мірянинъ). Въ знакъ „вступленія во владѣніе“ мужъ, при звукахъ пѣнія, наступаетъ на ногу своей женѣ. Затѣмъ начинаютъ пировать и бражничать, но не успѣли они вернуться домой, какъ всѣ разбойники были пойманы и арестованы! Вторая поэма „Про свадьбу Метценъ“. Майеръ Берши (Бартоломей) и невѣста его Метци были вѣнчаны старымъ Нидунгомъ „безъ поученія и попа“. Невѣста принесла съ собою три колодки пчелъ и немалое количество рогатаго скота. Женихъ же принесъ невѣстѣ юхартъ земли, засѣянной льномъ, зерновый хлѣбъ, овецъ и птицъ, а въ придачу еще фунтъ пфенниговъ. Пригласили всѣхъ сосѣдей къ столу. Обильная грубая трапеза завершилась безпутнымъ бражничаніемъ и пьянствомъ. Супруги отправились на свое ложе, — о чемъ повѣ-

ствуется съ грубымъ юморомъ. На другой день Берши подарилъ своей женѣ супоросую свинью какъ „утренній даръ“. Подъ звуки барабана и дудокъ, при всеобщемъ ликованіи Метци одѣвается, идутъ въ церковь. На обратномъ пути домой супруга окружаютъ крестьяне и бьютъ. Затѣмъ пированіе снова начинается и продолжается пока не напьются до-пьяна. Въ такомъ состояніи гости приносятъ новобрачнымъ подарокъ сообща, стоимостью въ тридцать пфенниговъ. Затѣмъ танцуютъ. Музыканта дарятъ

Рис. 92. Вѣнчаніе въ XIV столѣтіи.

старымъ платьемъ, грязнымъ бѣльемъ и въ придачу даютъ нѣсколько геллеровъ. Потасовка съ тяжелыми пораненіями — финалъ этого празднества.

c) Новѣйшее время.

Въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за крестовыми походами, — т. е. въ началѣ четырнадцатаго столѣтія, — сохранились еще прежніе брачные обычаи у великихъ міра сего. Только церковное вѣнчаніе становилось все болѣе и болѣе общимъ явленіемъ (рис. 92). Въ эпоху процвѣтанія искусствъ, въ пятнадцатомъ, шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ, великіе художники, какъ, напр., Янъ Ван-

дейкъ, Гольбейнъ и другіе, приглашались своими коронованными покровителями отправиться ко двору писать портретъ принцессы на выданьи, чтобы женихъ могъ познакомиться съ ея внѣшностью. Многіе не довольствовались этимъ и поручали своимъ родственницамъ подвергать невѣсту самому тщательному физическому изслѣдованію! Въ семнадцатомъ вѣкѣ бывшіе прежде въ такомъ ходу турниры уступили мѣсто театру, балету, маскарадамъ и т. д. До тридцатилѣтней войны званые пиры становились все тоньше и роскошнѣе, съ блестящей обстановкой и драгоцѣнными украшеніями стола. Эта же кровавая и опустошительная бойня народовъ, казалось, положила конецъ роскоши, — но не надолго. Ввозъ кофе, чая и шеколаду въ Европу подорвалъ нѣсколько значеніе спиртныхъ напитковъ. Съ распространеніемъ книгопечатанія вошло въ моду печатать описанія княжескихъ свадебъ и украшать ихъ гравюрами участниковъ свадьбы. Описанія эти раздавались участвующимъ владѣтельнымъ князьямъ.

До восемнадцатаго вѣка существовалъ обычай публично символизировать княжескій бракъ. Женихъ или его замѣститель и невѣста ложились послѣ вѣнчанія, въ присутствіи двора, на парадное ложе, а затѣмъ слѣдовалъ брачный пиръ. Эти свадьбы были въ восемнадцатомъ столѣтіи необыкновенно роскошны, костюмы дѣлались изъ дорогихъ матерій съ богатыми украшеніями. При трубныхъ звукахъ, барабанномъ боѣ и пушечныхъ выстрѣлахъ двигался свадебный поѣздъ изъ церкви въ замокъ. „Утренній подарокъ“ еще былъ въ обычаѣ и часто состоялъ изъ дарственной записи, поднесенной на бархатной подушкѣ, или изъ серебряной или золотой чашки, наполненной драгоцѣнностями. По окончаніи пира устраивался въ честь молодыхъ танецъ съ двѣнадцатью факелами, танецъ, въ которомъ участвовали придворные кавалеры, камергеры или генералы. Наконецъ, общество „уводило молодыхъ на брачное ложе“, напутствуя ихъ назидательными рѣчами. Въ память бракосочетанія выбивались медали.

При австрійскомъ императорскомъ римско-германскомъ дворѣ въ Вѣнѣ, въ царствованіе Леопольда I (между семнадцатымъ и восемнадцатымъ столѣтіями), господствовалъ еще строгій и церемонный испанскій этикетъ. Здѣсь сватовство и свадьбы продолжались не меньше трехъ мѣсяцевъ. Женихъ долженъ былъ оказывать своей избранницѣ всяческое вниманіе; ежедневно утромъ справлялся о ея здоровьѣ, посылалъ ей цвѣты, которые она носила, подсаживалъ ее въ экипажъ, когда она отправлялась въ церковь, съ обнаженной головой сопровождалъ ее на лошади, являлся къ ней въ качествѣ гостя, услуживалъ ей, зимой каталъ ее въ санкахъ, и проч. Послѣ помолвки женихъ обязанъ былъ ей присылать разныя принадлежности дамскаго туалета: шелковые перчатки и чулки, кружева, драгоцѣнности и т. п. Каждый подарокъ долженъ былъ стоить не меньше ста талеровъ. Комнаты ея онъ долженъ былъ украсить коврами, подарить ей экипажъ и по меньшей мѣрѣ семь лошадей, и одѣть прислугу ея въ новую ливрею. Встрѣчныхъ подарковъ женихъ не получалъ, только ко дню вѣнчанія ему преподносили новое бѣлье. Въ день свадьбы оба, женихъ и невѣста,

По фотогр. Альберта и К° въ Мюнхенѣ.
Рис. 93. Поѣздка новобрачныхъ. Съ картины Морица ф. Швинда.

одѣвались во все бѣлое. Послѣ вѣнчанія устраивалось, какъ и повсюду, брачное пиршество съ танцами.

При свадьбахъ средняго класса главную роль играло богатство. Приданое и утренній подарокъ точно опредѣлялись до помолвки еще. Но предъявлялись также строгія требованія относительно характера и добраго имени невѣсты. Если послѣ свадьбы въ невѣстѣ открывался, паче чаянія, какой-либо изъянъ, то молодая жена рисковала быть отосланной обратно къ родителямъ. Такъ было въ шестнадцатомъ столѣтіи. Однако корыстныя цѣли смягчали щепетильность, — особенно въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ. Руководствуясь такими мотивами, молодая дѣвушка нерѣдко выходила замужъ за ста-

рика или молодой человѣкъ сочетался бракомъ съ дамой гораздо старше его. Предосудительнымъ считался бракъ между близкими родственниками, а равно и бракъ вдовца съ сестрой его жены. Помолвка (въ шестнадцатомъ вѣкѣ она называлась рукобитіемъ) ознаменовывалась обыкновенно званымъ обѣдомъ, и бракосочетаніе слѣдовало вскорѣ за ней. Въ тѣ времена надѣвали брачный вѣнокъ не только на невѣстъ, но и на жениховъ. До восемнадцатаго столѣтія украшали невѣстъ часто особаго вида коронами. Время вѣнчанія было въ шестнадцатомъ столѣтіи весьма различно, колеблясь между временемъ ранняго утра и поздняго вечера. Затѣмъ молодые ложились на роскошной кровати въ залѣ. Послѣ этого выносили кровать и устраи-

Рис. 94. Свадьба негровъ въ Америкѣ.

вали пиръ, за которымъ слѣдовали танцы. Невѣста дарила жениху какую-либо вещь собственной работы, а женихъ невѣстѣ — кольца, золотыя и серебряныя вещи и т. д. Богатые, разумѣется, давали болѣе щедрые подарки. Противъ расходовъ на свадьбу и на костюмы участвующихъ часто издавались ограничительныя мѣры, но безъ успѣха. Точно также и число приглашенныхъ на свадьбу администрація старалась ограничить только ближайшими родственниками. Но такъ какъ отъ гостей получали подарки, на это запрещеніе не обращали вниманія. Въ семнадцатомъ столѣтіи на свадебныхъ обѣдахъ было не менѣе шести различныхъ перемѣнъ, при чемъ каждая состояла изъ нѣсколькихъ блюдъ, у благородныхъ же бывало и больше. Свадьба продолжалась два дня, и каждый день пировали дважды на нѣсколькихъ столахъ. Число кушаній доходило до ста. Послѣ обѣда принимались подарки. Отпечатанныя стихотворенія, не-

рѣдко съ очень грубыми намеками, раздавались гостямъ. Обычай этотъ существовалъ еще въ девятнадцатомъ столѣтіи. Были дозволяемы при этомъ неприличныя шутки на словахъ и на дѣлѣ, и даже нарочно приглашались для этого опытные скоморохи. Пили до потери сознанія.

Послѣ тридцатилѣтней войны, которая заставила всѣхъ сократить свои расходы, и свадьбы приняли болѣе мягкій и чистый характеръ. На мѣсто грубыхъ шутокъ наканунѣ свадьбы

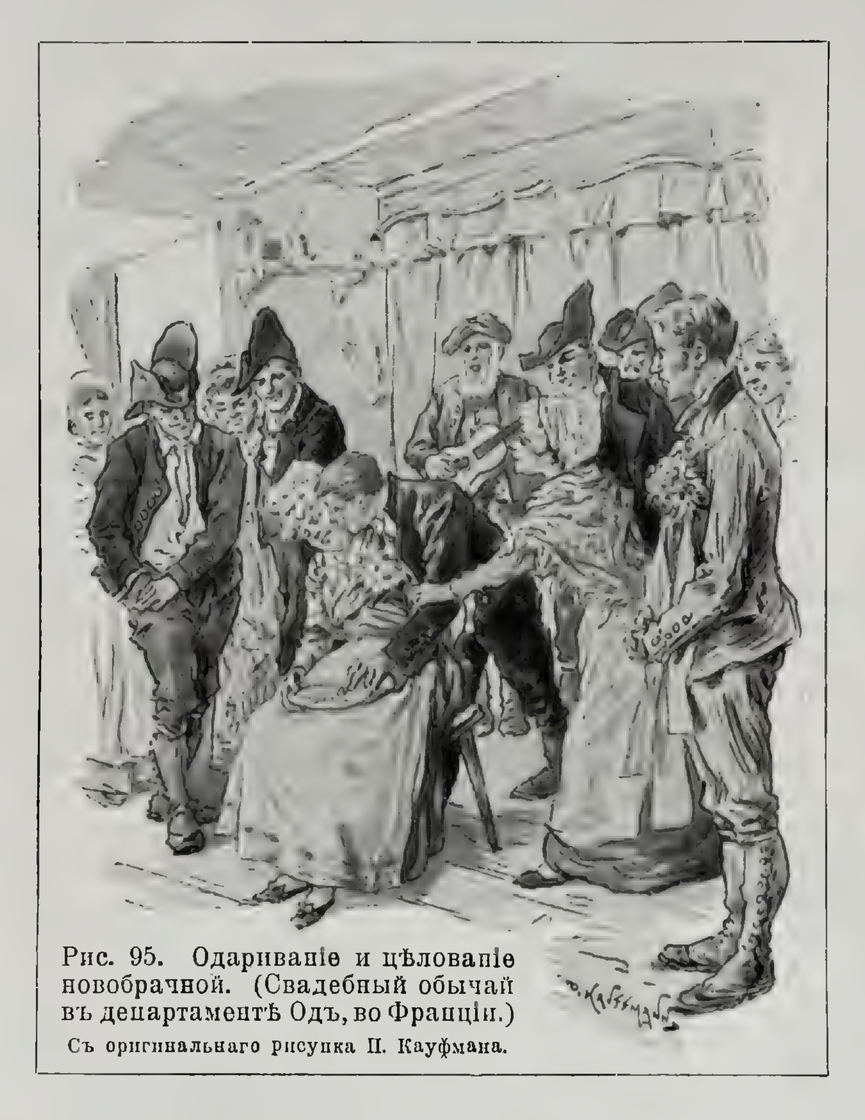


Рис. 95. Одариваніе и цѣлованіе новобрачной. (Свадебный обычай въ департаментѣ Одъ, во Франціи.)
Съ оригинальнаго рисунка П. Кауфмана.

и въ день свадьбы явились приличные разговоры съ музыкой и сценическими представленіями, имѣвшими отношеніе къ настоящему празднеству. Начиная съ восемнадцатаго столѣтія стали входить въ моду брачныя путешествія, — для состоятельныхъ, конечно. Менѣе достаточные довольствовались лишь недалекой прогулкой куда-нибудь, гдѣ можно было поразвлечься. У бѣдныхъ людей, само собою, все это праздновалось еще болѣе скромно и просто. Свадебная поѣздка въ то время, когда ходили еще только омнибусы, изображена на рис. 93. Такое путешествіе въ то время представляло идиллію. Молодая чета совершаетъ излюбленное путешествіе въ Венецію — таковъ типъ многихъ и многихъ брачныхъ путешествій. Неда-

Рис. 96. Надѣваніе колецъ на пальцы новобрачной ея родственниками. (Свадебный обычай въ департаментѣ Нижнихъ Альповъ, во Франціи.)
Съ оригинальнаго рисунка П. Кауфмана

ромъ этотъ сюжетъ такъ охотно былъ использованъ художниками (рис. 93).

По европейскому образцу устраивались свадьбы и въ другихъ частяхъ свѣта, заселявшихся европейцами, и не только у бѣлыхъ, но и у негровъ, перевезенныхъ ими въ Америку (рис. 94).

Кромѣ тѣхъ брачныхъ обычаевъ, съ которыми мы выше познакомились у высшихъ сословій, сохранились своеобразные обычаи въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и деревняхъ, не поддавшихся еще нивеллирующему вліянію времени.

О трехъ такихъ у насъ имѣются свѣдѣнія изъ Франціи. Въ мѣстечкѣ Солонь, на лѣвомъ берегу Луары (около Орлеана), въ день свадьбы, а именно послѣ брачнаго пира, устраиваются сборы подарковъ, предназначенныхъ для молодой четы. Молодая женщина передаетъ подружкѣ свой свадебный букетъ, который, при звукахъ музыки и танцевъ, передается отъ одного гостя другому, при чемъ каждый что-нибудь даритъ. Но подарки эти собираются также подругами невѣсты, при чемъ одна изъ нихъ ходитъ съ прялкой и поетъ пѣсенку, сложенную о прялкѣ, другая ходитъ съ кубкомъ, собирая подарки у гостей, третья подноситъ гостямъ вино, четвертая утираетъ имъ ротъ, пятая, наконецъ, въ благодарность обнимаетъ гостей.

Аналогиченъ съ этимъ обычай, наблюдаемый въ Кастельнодари (въ департаментѣ Одъ) около Средиземнаго моря. Тамъ послѣ вѣнчанія невѣста съ свадебными гостями отправляется въ домъ жениха, гдѣ она занимаетъ мѣсто на стулѣ. Затѣмъ каж-

дый изъ присутствующихъ подходитъ къ невѣстѣ и цѣлуетъ ее, опуская при этомъ въ тарелку, которую она держитъ на колѣняхъ, подарокъ (рис. 95). Тамошнее населеніе занимается рыбной ловлей, въ которой принимаютъ участіе и парни и дѣвушки. На этой-то ловлѣ завязываются знакомства, и затѣмъ происходятъ помолвки.

Рѣзко отличается отъ предыдущихъ двухъ примѣровъ третій. Въ Провансѣ, въ Нижнихъ Альпахъ, отецъ подаетъ своей дочери-невѣстѣ, предъ тѣмъ какъ она отправляется въ церковь, стаканъ съ водою, въ который опущена серебряная или золотая монета. Воду невѣста выпиваетъ, а монету оставляетъ при себѣ. Это — символъ разставанія съ родительскимъ домомъ, и дѣвушка при этомъ заливается слезами. Послѣ вѣнчанія молодая дѣвушка садится подъ открытымъ небомъ на камень, въ которомъ нарочно выдолблена вырѣзка для правой ноги, а лѣвая остается свѣшенной. Въ такомъ положеніи ее обнимаютъ родственники и молодой супругъ; каждый изъ нихъ надѣваетъ ей кольцо на одинъ изъ пальцевъ (рис. 96). Затѣмъ между жителями деревень обоихъ супруговъ завязывается примѣрное сраженіе — очевидно, пережитокъ когда-то бывшаго обычая умыканія невѣсты, теперь совершенно забытаго. Въ настоящее время этотъ обычай — знакъ уваженія къ невѣстѣ.

Во внутренней Далмаціи существуетъ своеобразный обычай сватовства. Вооруженный, какъ и всегда, направляется отецъ жениха съ 2—4 друзьями въ домъ отца невѣсты. Долго стучатся они, пока не откроются предъ ними двери. Начинается разговоръ съ хозяиномъ дома, при чемъ каждая изъ сторонъ не нахвалится добродѣтелями своихъ дѣтей. Кончается разговоръ тѣмъ, что сговариваются насчетъ приданаго. Прятавшаяся до

Рис. 97. Сватовство въ Далмаціи. По оригинальному рисунку О. Пинскера.

тѣхъ поръ дѣвушка появляется на сцену и знакомится съ искателемъ ея руки. Послѣдній передаетъ ей яблоко, къ которому прикрѣплены масличная вѣтка и кольцо. При этомъ дѣвушкѣ сообщаютъ о цѣли прихода (рис. 97). Лишь послѣ нѣкоторыхъ притворныхъ колебаній она даетъ свое согласіе, о чемъ женихъ торжественно оповѣщаетъ выстрѣломъ въ воздухъ. Нѣсколько дней спустя женихъ снова является и послѣ брачнаго пира подноситъ невѣстѣ разныя украшенія, принятіе которыхъ означаетъ, что помолвка заключена. Вскорѣ затѣмъ слѣдуетъ и вѣнчаніе.

Между вендами въ Нижней Лузаціи, въ Шпреевальдѣ, въ ходу въ высокой степени живописные поѣзда (рис. 99). Организація ихъ лежитъ на обязанности шафера (probatscha или podruzba), который въ знакъ своего положенія имѣетъ при себѣ ятаганъ на широкомъ бѣломъ шарфѣ. Новобрачные одѣты въ черное. Женихъ несетъ вѣнокъ въ рукѣ, невѣста — на головномъ уборѣ. Пять подружекъ одѣты въ разноцвѣтныя шапочки (гупашъ): юбки, передники и платки. Чтобы войти въ церковь, новобрачные должны дать денежный выкупъ; таковой же уплачивается и у дверей дома, гдѣ празднуется свадьба. Съ музыкой, танцами и попойками продолжается этотъ праздникъ цѣлую недѣлю.

Въ западной Пруссіи и въ пограничныхъ съ ней мѣстностяхъ бракъ заключается исключительно родителями бракосочетающихся. Если сватовство окончено, то женихъ отправляется вмѣстѣ со своимъ отцомъ къ родителямъ невѣсты. Позавтракавши, они всѣ, кромѣ невѣсты, отправляются въ церковь. По пути женихъ ведетъ разговоръ съ матерью невѣсты. По возвращеніи изъ церкви, оба мужчины осматриваютъ хозяйство, при этомъ невѣста наблюдаетъ за ними. Разъ женихъ не понравился невѣстѣ, то послѣдняя не показывается ему — и все дѣло рушится. Въ противномъ же случаѣ — она появляется во время ею же приготовленнаго обѣда и прислуживаетъ гостямъ, но сама не ѣстъ. Затѣмъ обсуждаютъ время отвѣтнаго визита. При этомъ мать жениха не упускаетъ случая показать сватьѣ всѣ богатства дома. Ѣдутъ вмѣстѣ въ городъ для покупокъ подарковъ, и въ одинъ изъ ближайшихъ воскресныхъ дней, послѣ обѣдни, совершается помолвка. Затѣмъ слѣдуютъ приглашенія къ свадебному обѣду, которыя составляются въ стихахъ, приличныхъ случаю, причудливо расфранченнымъ тысяцкимъ (Hochzeitbitter). Гости посылаютъ разныя пожертвованія — птицъ, молоко, масло и т. д. Наканунѣ предъ этимъ, въ „канунъ свадьбы" („Polterabend"), устраиваются всякія забавы, и чѣмъ больше посуды бываетъ побито, тѣмъ больше это предвѣщаетъ счастья. Въ день свадьбы невѣста освобождается отъ всякой работы и разодѣвается попраздничному. И женихъ тоже надѣваетъ свой лучшій костюмъ. Торжественный поѣздъ направляется съ музыкой въ церковь, священникъ встрѣчаетъ молодыхъ у дверей церкви и ведетъ ихъ къ алтарю. Послѣ вѣнчанія поѣздъ при звукахъ стрѣльбы возвращается въ домъ отца невѣсты. Женихъ впускается туда лишь послѣ того, какъ дастъ цѣлый рядъ обѣщаній. Супружеская чета ѣстъ прежде всего хлѣбъ-соль, затѣмъ ужъ садится за свадебный столъ, которымъ завѣдуетъ въ качествѣ церемоніймейстера, тысяцкій. Сначала произносится молитва. Свадебное меню

Рис. 98. Малорусская крестьянская свадьба. Съ картины И. К. Бодаревскаго.

имѣетъ свой установленный характеръ. Спичи произносятъ церемоніймейстеръ, священникъ и отецъ невѣсты. Трапеза завершается пѣніемъ гимна. Затѣмъ танцуютъ. Это повторяется на другой, иногда и на третій день.

Совершенно аналогичное видимъ мы въ Помераніи, Познани, Силезіи и Восточной Пруссіи. Разумѣется, въ этихъ провинціяхъ встрѣчаются извѣстныя различія, какъ областныя, такъ и между нѣмцами и поляками, протестантами и католиками, богатыми и бѣдными. Напр., въ Восточной Пруссіи тысяцкій ѣздитъ верхомъ, а свадебный пиръ бываетъ въ полночь. Въ Пруссіи на свадьбѣ играетъ роль „добрый человѣкъ" (dobrimacz). Въ Восточной Пруссіи этотъ титулъ принадлежитъ другу, стоящему около жениха и выступающему въ роли свидѣтеля за него. Въ Западной Пруссіи этотъ „добрый человѣкъ" является устроителемъ брака.

Въ другихъ областяхъ, какъ, напр., въ Эрмландѣ, активная роль въ сватовствѣ принадлежитъ не мужчинѣ, а дѣвушкѣ, ищущей жениха. Прежде всего она посылаетъ какого-нибудь знакомаго или родственника къ намѣченному въ качествѣ жениха молодому человѣку позондировать почву. Если дѣвушка нравится ему и предлагаемое приданое удовлетворяетъ его, то женихъ самъ является и предлагаетъ ей свою руку. Разъ они согласились, дѣвушка отправляется въ будущій свой домъ все лично осмотрѣть, и затѣмъ помолвка заключается въ присутствіи пастора.

Интересны еще другіе обычаи, о которыхъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Въ польской части Восточной Пруссіи и въ восточной части Помераніи, населенной кашубами, существуетъ такой обычай. Въ день свадьбы, послѣ снятія вѣнка съ невѣсты, послѣдняя садится на опредѣленное мѣсто съ пустой тарелкой на колѣняхъ. Въ эту тарелку юноши бросаютъ по монетѣ, послѣднимъ новобрачный. Все собранное находится въ распоряженіи невѣсты. Смыслъ этого обычая таковъ: женщина эта выкуплена своимъ мужемъ у прочихъ мужчинъ. Другой обычай извѣстенъ подъ именемъ „надѣванія чепчика" („Häubung"): вмѣсто торжественно снимаемаго вѣнка надѣвается вечеромъ въ день свадьбы чепчикъ. Фату невѣсты разрываютъ, что приноситъ счастье, а также вѣнокъ, обрывки котораго хранятся гостями. Разсмотрѣніе всѣхъ возможныхъ уклоненій въ свадебныхъ обычаяхъ завело бы насъ слишкомъ далеко.

У латышей (въ Курляндіи и южной Лифляндіи) невѣстѣ на голову надѣваютъ коронку изъ проволоки или папки, оклеенныхъ золотой бумагой и шелкомъ, которую она получаетъ отъ какой-нибудь почтенной женщины, хранящей это украшеніе для мѣстныхъ невѣстъ. Въ церковь новобрачные ѣдутъ съ своими въ особой повозкѣ; въ повозку бросаютъ носки и перчатки — что должно принести счастье будущимъ дѣтямъ. Предъ поѣздомъ гарцуютъ на лошадяхъ шаферы. На обратномъ пути поѣздъ бѣшено скачетъ; воздухъ оглашается звуками музыки и выстрѣловъ; машутъ платками и шляпами; брачная чета встрѣчается ликованіемъ, поцѣлуями и всяческими благопожеланіями. Прежнее меню въ настояще время вытѣсняется нѣмецкими блюдами. Раньше оно состояло изъ молочной каши съ горохомъ и

селедкой, кислой капусты съ саломъ, копченой баранины и пр. Послѣ трапезы невѣста принимаетъ подарки, которые состоятъ изъ серебряныхъ монетъ, бросаемыхъ ей черезъ столъ на колѣни. Чѣмъ богаче родители, тѣмъ дольше продолжается празднество, пока невѣста, послѣ трогательнаго прощанія, не отправится, наконецъ, въ новый свой домъ.

Относительно вѣнчальныхъ обычаевъ въ Россіи сообщимъ о бракосочетаніи великаго князя Василія III Ивановича, въ Москвѣ, въ 1525 году, съ Еленой Глинской. Когда невѣста, сопровождаемая блестящей свитой, направилась въ трапезную Кремля, гдѣ ее ожидалъ великій князь, ее встрѣтили съ двумя брачными

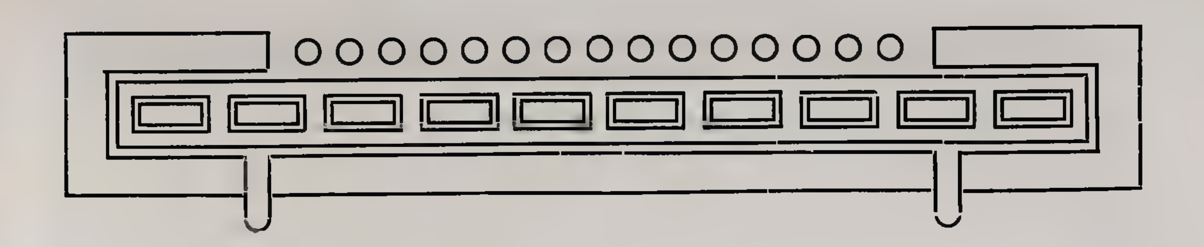
Рис. 99. Свадебный поѣздъ въ Шпреевальдѣ.

свѣчами въ фонаряхъ и двумя круглыми хлѣбами. Для молодыхъ были въ особой палатѣ поставлены два кресла, обитыя бархатомъ и дамаскомъ. На столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, стоялъ сосудъ съ хлѣбомъ и солью. Елена Глинская и сестра ея Анастасія сѣли въ кресла. Великій князь послалъ туда своего брата Юрія, который занялъ почетное мѣсто и приказалъ пригласить великаго князя. Послѣдній явился съ своей свитой, помолился, преклонившись, предъ образами и, попросивъ Анастасію уступить ему мѣсто, сѣлъ рядомъ съ невѣстой. Послѣ часовой молитвы высокопоставленнымъ молодымъ расчесали волосы, и брачныя свѣчи были зажжены отъ церковныхъ свѣчей. Невѣстѣ подали кичку и фату и обоихъ молодыхъ осыпали хмелемъ и ячменемъ и обмахивали собольими хвостами. Дружка жениха благословилъ и разрѣзалъ брачный пирогъ и сыръ и раздѣлилъ ихъ между свитой, а подружка со стороны невѣсты раздала платки. Затѣмъ поѣхали вѣнчаться въ церковь.

У простыхъ русскихъ людей было въ обычаѣ, что отецъ не-

вѣсты слегка ударялъ послѣднюю новой плеткой, говоря, что дѣлаетъ онъ это въ послѣдній разъ. Плетка эта затѣмъ передавалась жениху. На рис. 98 изображена малорусская крестьянская свадьба. Рисунокъ самъ за себя говоритъ и въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ не нуждается.

Намъ пора оглянуться на пройденный нами путь. Это — длинный путь. Мы видѣли, какъ радостное стремленіе обзавестись собственнымъ домомъ прошло всѣ стадіи культуры — отъ дикихъ, неразрывно связанныхъ съ суевѣріемъ и безчинствомъ формъ, черезъ разнообразныя промежуточныя, переходныя формы — къ обычаямъ благороднымъ и осмысленнымъ, отличающимся простотой и скромностью.



Глава четвертая.

Гигіена брака.

Профессора **Коссманна** въ Берлинѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ громадномъ числѣ случаевъ цѣль брака — интимная связь обоихъ супруговъ на всю жизнь. Кратковременная же связь, какъ это, напр., бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ виду ожидаемой смерти одной какой-либо стороны — явленіе крайне рѣдкое. Само собою понятно, какое громадное значеніе, въ виду такой цѣли брака, должно имѣть, для совмѣстной жизни супруговъ, состояніе ихъ здоровья. Болѣзни, особенно затяжного и длительнаго характера, будь то тѣлесныя или душевныя — все равно, превращаются для здороваго супруга въ подлинный крестъ, который приходится нести всю жизнь безъ радости супружескаго счастья. Это — съ одной стороны. А съ другой — больного супруга, помимо собственныхъ его страданій, доставляемыхъ болѣзнью, мучитъ еще сознаніе тѣхъ постоянныхъ терзаній, которыя онъ причиняетъ близкому, быть можетъ, горячо любимому человѣку.

Впрочемъ, цѣль супружества не только интимное сожительство супруговъ, но, въ большинствѣ случаевъ, для одной или обѣихъ сторонъ, также рожденіе потомства; или, по крайней мѣрѣ, имѣется въ виду половое общеніе и предполагается, что послѣдствіемъ его будетъ рожденіе дѣтей. И никто, конечно, не сомнѣвается въ томъ, что только здоровое потомство можетъ принести благо и счастье брачному союзу и что, наоборотъ, больное потомство является источникомъ постоянныхъ заботъ и горя въ семьѣ. Такимъ образомъ, здоровье вступающихъ въ бракъ является необходимымъ требованіемъ не только для нихъ самихъ, но и для рожденія возможно здоровыхъ дѣтей. Оба эти момента надо имѣть въ виду какъ до вступленія въ бракъ, такъ и послѣ того, чтобы, согласно имъ, поставить брачную жизнь на нормальную высоту. Съ этой точки мы должны разсмотрѣть, прежде всего, что требуется, согласно гигіенѣ, отъ лицъ, готовящихся вступить въ бракъ, — а затѣмъ, какъ эти лица должны вести себя, уже состоя въ бракѣ. Въ обоихъ отдѣлахъ мы будемъ имѣть въ виду какъ сохраненіе здоровья супруговъ, такъ и рожденіе возможно здороваго потомства.

Статистика различныхъ странъ, повидимому, показываетъ, что брачная жизнь, въ общемъ, способствуетъ сохраненію здоровья. Въ пользу этого, по крайней мѣрѣ, говорятъ цифры смертности въ различныхъ возрастныхъ группахъ, если сравни-

вать между собою женатыхъ и холостыхъ. У мужчинъ въ особенности, число смертныхъ случаевъ, считая на тысячу, во всѣхъ возрастныхъ классахъ гораздо выше среди холостыхъ. Можно, конечно, возразить на это, что наиболѣе тяжелые больные потому и не вступаютъ въ бракъ, что болѣзнь является этому препятствіемъ; далѣе, мужчины, профессія которыхъ связана съ большимъ рискомъ для здоровья и жизни, чаще остаются холостыми. Но это возраженіе отпадаетъ само собою, если принять во вниманіе смертность среди овдовѣвшихъ и разведшихся мужчинъ, для которыхъ вышеотмѣченныя причины — болѣзненное предрасположеніе и профессіональная опасность — никогда роли не играли.

Оказывается, что смертность и среди овдовѣвшихъ и разведшихся мужчинъ гораздо больше, чѣмъ среди живущихъ въ бракѣ. Въ нѣкоторыхъ возрастныхъ группахъ, особенно болѣе молодыхъ, смертность эта вдвое больше, чѣмъ у женатыхъ. Что касается женщинъ, то дѣло здѣсь представляется нѣсколько иначе, такъ какъ беременность и роды представляютъ во всякомъ случаѣ нѣкоторыя опасности, отъ которыхъ громадное число незамужнихъ женщинъ избавлено. Это обстоятельство и скрадываетъ нѣсколько относительную разницу въ величинѣ смертности у замужнихъ сравнительно съ незамужними. И тѣмъ не менѣе смертность среди овдовѣвшихъ и разведшихся женщинъ въ возрастѣ 25 лѣтъ превышаетъ на одну треть смертность соотвѣтственнаго возраста замужнихъ, а въ тридцати- и тридцатипятилѣтнемъ возрастахъ эта разница еще больше. И только въ сорока- и сорокапятилѣтнемъ возрастахъ, когда опасность отъ родовъ еще нѣсколько повышается, эта разница падаетъ замѣтно, но все-таки еще остается въ пользу замужнихъ женщинъ.

Опредѣлить, какіе собственно моменты брачной жизни обусловливаютъ благопріятный въ смыслѣ сохраненія здоровья результатъ, — представляется весьма затруднительнымъ. Для женщины главная выгода брачнаго союза заключается въ томъ, что бракъ снимаетъ съ нея нѣкоторую долю тяжести борьбы за существованіе, падающей теперь главнымъ образомъ на мужа; часто также въ домѣ мужа жена снова обрѣтаетъ уютный уголъ, который, быть можетъ, давно уже утратила, оставивъ родительскій домъ; наконецъ, во многихъ случаяхъ спокойствіе и здоровье жены въ мужниномъ домѣ болѣе обезпечено, чѣмъ въ родительскомъ, нерѣдко обремененномъ многочисленными членами, о которыхъ не подъ силу заботиться отцу семейства. Нельзя отрицать, что природа или, выражаясь на языкѣ дарвинистовъ, естественный отборъ спокон вѣку приспособилъ женскій организмъ именно къ рожденію и кормленію дѣтей. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что организмъ, разъ приспособившись къ извѣстной функціи, начинаетъ хирѣть, увядать и, наконецъ, болѣть, когда нормальная функція его почему-либо подавляется.

Что касается мужчины, то, исполнивъ свою работу, онъ, натурально, нуждается въ отдыхѣ и пищѣ, возстановляющихъ его силы. Это онъ получаетъ въ семьѣ, безъ хлопотъ и заботъ съ своей стороны. Овдовѣвшій или разведшійся мужчина, раньше привыкшій къ семейному режиму, долженъ самъ позабо-

титься о своемъ питаніи и отдыхѣ, долженъ или самъ готовить для себя пищу, или поручить это прислугѣ, или же, наконецъ, искать ея въ ресторанахъ, отеляхъ и проч. Въ первомъ случаѣ, при возвращеніи домой — опять заботы и безпокойство: онъ не знаетъ и не умѣетъ готовить пищу, онъ дѣлаетъ это небрежно, неумѣло и поспѣшно. Во второмъ случаѣ ему приходится полагаться на чужихъ людей, болѣе заботящихся о себѣ, чѣмъ о немъ; за расходы свои онъ едва получаетъ необходимое; прислуга, благодаря частымъ отлучкамъ его изъ дому, недисциплинирована, небрежна, не бережлива; наконецъ, ресторанная жизнь приноситъ съ собою также массу неблагопріятныхъ для здоровья вліяній, а главное — замѣну здоровой питательной пищи такой, которая приправлена разными раздражающими специями, большое употребленіе алкоголя, пребываніе въ испорченномъ, прокопченномъ табачнымъ дымомъ воздухѣ, сокращеніе часовъ ночного отдыха, ибо холостого никто дома не ожидаетъ, и т. д., и т. д. Не лучше дѣло обстоитъ съ неженатымъ молодымъ человѣкомъ. Правда, этотъ послѣдній еще не успѣлъ испытать удобствъ собственной домашней обстановки, но зато онъ недавно только жилъ въ родительскомъ домѣ; кромѣ того на этомъ классѣ холостыхъ людей особенно сильно сказывается вредное вліяніе ресторанной жизни. Нельзя также оставить безъ вниманія важность половой жизни для здоровья мужчины.

Для извѣстной, хотя бы очень незначительной части допустимо вредное вліяніе полового воздержанія, а для другой — большинства, наоборотъ, имѣютъ значеніе крайне вредныя послѣдствія внѣбрачныхъ половыхъ отношеній.

Объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже (см. 10-ю главу этого тома).

Обращаясь къ разсмотрѣнію тѣхъ нормъ, которыя необходимо соблюдать при вступленіи въ бракъ, мы должны прежде всего рѣшить вопросъ: какое значеніе имѣетъ возрастъ при вступленіи въ бракъ?

Случается, конечно, что браки заключаются исключительно ради цѣлей совмѣстнаго хозяйства, при чемъ половыя сношенія не принимаются вовсе во вниманіе. Чаще всего это бываетъ, когда въ бракъ вступаютъ люди престарѣлаго возраста. Но и здѣсь исключенія нерѣдки.

Есть мужчины, которые до глубокой старости сохраняютъ не только половое влеченіе, но даже и производительную силу.

Такіе мужчины нерѣдко женятся на очень молодыхъ дѣвушкахъ. Это наводитъ на очень серьезныя размышленія.

Что касается мужа, то въ большинствѣ такихъ случаевъ наблюдается быстрый упадокъ физическихъ силъ. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что онъ слишкомъ переоцѣнилъ свои половыя способности, и что сильное влеченіе къ молодой женѣ, съ одной стороны, а съ другой, быть можетъ, и страхъ признаться себѣ самому и женѣ въ своей несостоятельности заставляютъ его чрезмѣрно напрягать свои силы, чего, въ концѣ концовъ, не выдерживаетъ престарѣлый организмъ. Къ этому во многихъ случаяхъ присоединяется еще тяжелое душевное настроеніе, вполнѣ объяснимое, неизбѣжно вытекающее

изъ безвыходнаго его положенія и, конечно, еще постепенно возрастающій упадокъ его тѣлесныхъ силъ.

Что же касается жены, то опасность для ея здоровья отъ такого брака не такъ велика, хотя и для нея вовсе не безразлично, если вслѣдъ за непродолжительнымъ періодомъ половыхъ отношеній наступаетъ, благодаря импотенціи мужа, полное половое воздержаніе, или, что еще хуже — дѣлаются попытки, при помощи разныхъ возбуждающихъ средствъ, поддержать какъ-нибудь половыя сношенія.

Браки старыхъ женщинъ съ молодыми мужчинами (рис. 100), какъ это ни коробитъ наше эстетическое чувство, не

Рис. 100. Путь развратника. Рисунокъ В. Гогарта.

представляются столь опасными. Во многихъ подобныхъ случаяхъ дѣло и не доходитъ до полового сожительства. Но даже тамъ, гдѣ оно имѣетъ мѣсто, оно для женщины ни въ какомъ случаѣ не вредно: будутъ ли половыя сношенія часты, или весьма рѣдки, или же лишь періодическія — все равно. Что касается молодого мужа, то обыкновенно уже съ самаго начала наблюдается равнодушіе къ старой супругѣ, или оно появляется вскорѣ послѣ брака. Въ такихъ случаяхъ, для удовлетворенія своего полового влеченія, мужъ ищетъ связей на сторонѣ.

Нерѣдко при этомъ приходится наблюдать, что старая жена, принимая во вниманіе разницу ихъ возрастовъ, уже заранѣе подготовила себя къ этому и смотритъ сквозь пальцы на „шалости" молодого мужа. Въ такомъ случаѣ здѣсь могутъ насту-

нить лишь вредныя послѣдствія, связанныя съ внѣбрачными половыми отношеніями, о которыхъ подробнѣе трактуется въ 10-й главѣ этого тома. Наименѣе благопріятенъ для здоровья мужа такой бракъ въ томъ случаѣ, когда мужъ, совершенно охладѣвъ къ старой женѣ, воздерживается тѣмъ не менѣе, во имя святости брачнаго союза, отъ какихъ бы то ни было половыхъ сношеній, подавляя свое половое влеченіе. Въ такихъ случаяхъ могутъ порою развиться тяжелыя состоянія душевнаго угнетенія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что отнюдь нельзя рекомендовать браки между лицами, сильно различающимися своимъ возрастомъ.

Не менѣе опасными, хотя и по другимъ соображеніямъ, представляются браки, заключенные между очень юными особями. Само собою разумѣется, что заключеніе брака между индивидуумами, не достигшими еще половой зрѣлости, какъ это, напримѣръ, практикуется въ Индіи и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ, есть весьма дурной обычай, который можно считать безвреднымъ лишь въ томъ случаѣ, если связанныя бракомъ дѣти живутъ врозь до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ половой зрѣлости.

Въ цивилизованныхъ странахъ закономъ воспрещаются браки между еще незрѣлыми въ половомъ отношеніи субъектами. Но мы знаемъ, что у человѣка, и при томъ, насколько извѣстно, у всѣхъ человѣческихъ расъ, равно какъ и у многихъ животныхъ, время половой зрѣлости и время зрѣлости всего организма не совпадаютъ, т. е. половая зрѣлость наступаетъ раньше, чѣмъ совершится нормальное развитіе организма. Если бракъ заключается до окончательной формировки организма въ тѣлесномъ и душевномъ отношеніяхъ, то преждевременныя половыя траты, вызванныя этимъ раннимъ бракомъ, напрягаютъ до крайности производительныя силы организма, тѣлесныя и духовныя, что не можетъ считаться благопріятнымъ для его здоровья. Находящійся еще въ процессѣ развитія организмъ нуждается въ обильномъ притокѣ питательнаго матеріала и въ значительномъ отдыхѣ. Если у мужской половины наступитъ въ это время половая дѣятельность, при томъ внезапная и потому особенно сильная, то, при недостаточно благопріятныхъ обстоятельствахъ, это можетъ отразиться задерживающимъ образомъ на дальнѣйшемъ ростѣ и развитіи организма. Къ этому нерѣдко присоединяются тяжелыя заботы матеріальнаго характера, невозможность поставить свое хозяйство на надлежащую высоту, а потому и необходимость работать свыше силъ. Наконецъ, интимная жизнь двухъ юныхъ существъ, до того почти не знавшихъ другъ друга, предъявляетъ къ нимъ новыя, глубоко захватывающія эмоціональную сферу, требованія: они должны сжиться другъ съ другомъ; они должны научиться владѣть собою, другъ другу дѣлать уступки и т. д. И, тѣмъ не менѣе, наступаютъ конфликты, которые такъ или иначе надо уладить. Короче, и душевныя тяготы всякого рода то и дѣло обрушиваются на нервную систему.

Для женщины ко всему этому еще присоединяется возможная беременность, потомъ роды, затѣмъ кормленіе, — что опять-таки напрягаетъ до крайности силы молодого женскаго организма. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что съ гигіенической

точки зрѣнія для супруговъ несравненно выгоднѣе, если бракъ заключается не тотчасъ по наступленіи половой зрѣлости, а лишь послѣ того, какъ организмъ достигнетъ полнаго или почти полнаго развитія. Для мужчинъ у германскихъ и славянскихъ народовъ этотъ періодъ зрѣлости совпадаетъ приблизительно съ двадцативосьмилѣтнимъ возрастомъ, а у романскихъ народовъ, въ особенности же у семитическихъ, онъ наступаетъ на нѣсколько лѣтъ раньше.

Надо прибавить, что въ послѣдніе годы передъ завершеніемъ этого періода развитіе подвигается уже очень медленно, такъ что вступленіе въ бракъ немногимъ раньше срока врядъ ли представляется опаснымъ. Что же касается женщины, то относительно ея развитія даже и у авторитетныхъ ученыхъ медиковъ встрѣчаются еще очень ошибочныя мнѣнія. Такъ, Форель считаетъ, что развитіе нашей женщины заканчивается въ восемнадцать лѣтъ. Это, по нашему, слишкомъ ранній срокъ. У большинства германскихъ женщинъ даже развитіе тазовыхъ костей, т. е. того костнаго кольца, которое имѣетъ такое рѣшающее значеніе для женщины въ періодъ беременности и родовъ, — не завершается еще къ 20 лѣтнему возрасту. Также и окостенѣніе крестцовой кости, тоже существенной части таза, не заканчивается раньше указаннаго срока.

Окончательное же развитіе, а въ особенности полное окостенѣніе таза, наступаетъ лишь къ двадцатипятилѣтнему возрасту. Такъ же долго продолжается и процессъ развитія грудной клѣтки и облекающихъ ее мягкихъ частей, хотя, правда, это не всегда можетъ поддаваться точному учету. Для романскихъ и семитическихъ народовъ эти періоды развитія опять-таки заканчиваются на нѣсколько лѣтъ раньше. Конечно, отсюда еще не слѣдуетъ, что если нѣмецкая женщина выходитъ замужъ до двадцатилѣтняго возраста, то ей грозитъ серьезная опасность, ибо и здѣсь измѣненія въ послѣдніе годы развитія собственно невелики.

Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ женщинѣ выходить замужъ раньше двадцатилѣтняго возраста, а болѣе подходящимъ является возрастъ между 22—25 годами.

Послѣ двадцати-девяти лѣтъ начинаютъ развиваться въ мягкихъ частяхъ женщинъ, не рожавшихъ еще, измѣненія, неблагопріятныя для первыхъ родовъ. Мало-по-малу атрофируется совершенно часть эластическихъ волоконъ въ тѣхъ мягкихъ частяхъ, которыя при родахъ подвергаются особенно сильному растяженію. Это затрудняетъ прорѣзываніе головки плода, а когда плодъ, наконецъ, появляется на бѣлый свѣтъ, то потерявшія въ значительной степени свою эластичность мягкія части подвергаются разрывамъ, появляются раны, легко поддающіяся зараженію, — однимъ словомъ, нерѣдко остаются серьезныя поврежденія самаго разнообразнаго характера. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что самый благопріятный возрастъ для женщины, въ первый разъ вступающей въ бракъ, это возрастъ между двадцатью-двумя и двадцатью-девятью годами.

Выше мы уже говорили о вредныхъ послѣдствіяхъ чрезмѣрной разницы возраста между лицами, вступающими въ бракъ. Теперь мы знаемъ, что наиболѣе благопріятный для женщины брачный

возрастъ приходится между 22—29 годами, а для мужчины онъ падаетъ на двадцать-восьмой годъ. Отсюда слѣдуетъ, что наиболѣе нормальное возрастное отношеніе между мужчиной и женщиной — разница въ шесть лѣтъ въ пользу мужа.

Конечно, ничего серьезнаго не грозитъ ихъ здоровью и въ томъ случаѣ, когда эта возрастная разница нѣсколько меньше или даже совершенно сглаживается, то есть когда мужу двадцать-восемь лѣтъ, а женѣ болѣе двадцати-двухъ, но не болѣе двадцати-девяти лѣтъ. При этомъ слѣдуетъ только принять во вниманіе, что женщина вообще скорѣй старѣется, чѣмъ мужчина, и легко можетъ наступить охлажденіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, если женщина уже начинаетъ старѣть, а мужчина, наоборотъ, находится еще, какъ говорится, „въ соку". Умѣренное увеличеніе этой возрастной разницы, — примѣрно, до десяти — двѣнадцати лѣтъ, не представляетъ съ точки зрѣнія гигіены брака никакой опасности. Если женѣ, допустимъ, около двадцати-девяти лѣтъ, а мужу сорокъ или сорокъ-одинъ годъ, то, при нормальныхъ условіяхъ, онъ сохраняетъ еще полную силу въ половомъ отношеніи и остается таковымъ до тѣхъ поръ, пока жена способна еще рожать. Правда, у женщины половое влеченіе не угасаетъ одновременно съ потерей способности къ дѣторожденію, но, при нормальныхъ условіяхъ, оно съ годами постепенно падаетъ, такъ что нечего опасаться серьезнаго конфликта вслѣдствіе разницы возраста обоихъ супруговъ. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эта разница очень велика, наступаютъ вредныя послѣдствія, о которыхъ мы уже говорили.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду лишь вліяніе брачнаго возраста на здоровье супруговъ. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о вліяніи возраста супруговъ на ихъ потомство.

Прежде всего сама собою, такъ сказать, напрашивается мысль, что отъ юныхъ супруговъ, еще не завершившихъ своего тѣлеснаго и душевнаго развитія, не могутъ родиться здоровыя дѣти. Относительно мужа этого однако нельзя сказать. Раннее вступленіе въ бракъ вредитъ ему самому. Мнѣніе, будто половыя клѣтки юнаго мужеского индивидуума, если онѣ только зрѣлы (т. е. способны къ оплодотворенію), отличаются по своимъ свойствамъ отъ возникающихъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, — ни на чемъ не основано и повидимому опровергается опытами разведенія животныхъ. Наоборотъ, юный возрастъ супруги, разъ даже ея собственное развитіе задерживается черезчуръ раннимъ бракомъ, долженъ вредно отражаться на снабженіи плода питательнымъ матеріаломъ и кислородомъ. Это апріорное сужденіе вполнѣ подтверждается и опытами животноводовъ. Очень распространено мнѣніе, что и престарѣлый возрастъ родителей вліяетъ вредно на потомство. Съ этимъ, однако, невозможно согласиться.

Что касается женщины, то опытъ врачей учитъ насъ, что, въ общемъ, вѣсъ новорожденнаго растетъ съ числомъ послѣдовательныхъ родовъ, а, слѣдовательно, и съ увеличивающейся старостью женщины. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда женщина рожаетъ въ возрастѣ старше пятидесяти лѣтъ, — то есть того предѣльнаго возраста, когда женщина обыкновенно стано-

вится уже безплодной, — рѣдко обнаруживаются какіе-либо дефекты въ развитіи новорожденнаго. Что же касается мужчины, то многіе выдающіеся люди родились отъ престарѣлыхъ отцовъ. Если же, поддаваясь пессимизму, мы усомнимся насчетъ подлиннаго отцовства въ подобныхъ случаяхъ, то опыты надъ животными могутъ насъ успокоить, такъ какъ несомнѣнно доказано, что и отъ старыхъ самцовъ рождалось превосходное потомство.

Хорошимъ примѣромъ можетъ послужить знаменитый кровный жеребецъ, „Сэръ Геркулесъ", который въ возрастѣ 27 лѣтъ, — для лошади уже очень значительномъ, — произвелъ жеребятъ отъ 24 кобылъ, въ томъ числѣ двухъ знаменитыхъ впослѣдствіи жеребцовъ, а на двадцать восьмомъ году произвелъ еще знаменитую скаковую лошадь перваго класса „Lifeboat", — одного изъ лучшихъ производителей Сѣверной Америки.

Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, престарѣлый возрастъ родителей не внушаетъ какихъ-либо опасеній. Противоположные взгляды, встрѣчающіеся во многихъ популярныхъ медицинскихъ сочиненіяхъ, должны считаться безусловно ошибочными.

Есть еще вопросъ, который споконъ вѣку ставило себѣ человѣчество: допустимъ ли бракъ между близкими родственниками? Нѣмецкое законодательство воспрещаетъ бракъ между восходящей и нисходящей линіями, стало быть, между дѣтьми и родителями, внуками и дѣдами и бабками, а равно между братьями и сестрами, въ томъ числѣ такими, которые имѣютъ или только общую мать (единоутробными), или только общаго отца (единокровными). Католическая церковь идетъ еще дальше, запрещая бракъ между двоюродными братьями и сестрами.

Временами она заходила и дальше. Такъ, папа Григорій III запретилъ браки между родственниками четырнадцатой степени, а папа Захарій вообще запретилъ браки, гдѣ подозрѣвалась хоть какая-либо родственная связь. Однако мотивы, которыми руководствовалась здѣсь католическая церковь, какъ видно изъ заявленія величайшаго авторитета католической церкви, св. Ѳомы Аквинскаго, были не гигіеническаго, а чисто этическаго характера. Онъ указываетъ на то, что если допустить бракъ между лицами, принадлежащими къ одной семьѣ, то, въ виду ихъ близости и совмѣстной жизни, между ними сдѣлаются обыкновенными и внѣбрачныя половыя отношенія. Но вообще, причиной запрета браковъ между родственниками является опасеніе вырожденія потомства. Намъ остается разсмотрѣть, насколько основателенъ такой страхъ. На основаніи опытовъ надъ животными приходится въ общемъ отнестись отрицательно къ такой боязни. Скотоводъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: спаривая между собою повторно родственныя особи, онъ, въ сравнительно короткое время, достигаетъ значительнаго облагораживанія расы, такъ какъ отбираетъ для спариванія такихъ особей, у которыхъ обнаруживаются, въ болѣе сильной степени, желательныя или полезныя особенности, имѣвшіяся уже у ихъ родителей. Во всякомъ случаѣ съ этимъ связана и нѣкоторая опасность: если путемъ отбора усиливаются полезныя уклоненія, то тѣмъ же путемъ могутъ усилиться и вредныя. Скотоводъ поэтому зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы въ число отбираемыхъ для случки особей не

попала нечаянно особь съ какимъ-нибудь порокомъ, хотя бы въ другихъ отношеніяхъ она отличалась превосходными качествами.

Мы въ правѣ распространить выводы изъ этихъ опытовъ и на человѣка, — поскольку не имѣется доказательствъ противоположнаго характера. И на самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ. Мы знаемъ изъ исторіи, что у многихъ народовъ практиковались браки между родственниками, при чемъ никакихъ признаковъ вырожденія не обнаруживалось.

Родственные браки господствовали у древнихъ финикіянъ, мидянъ и персовъ. Царь Камбизъ женился на своей сестрѣ, король Артаксерксъ — на родной дочери, а сатрапъ Согдіаны, Сизимитресъ — на матери своей. И историки разсказываютъ объ этомъ, какъ о фактахъ, ничего ненормальнаго не представляющихъ. У египтянъ съ самыхъ древнихъ временъ разрѣшался бракъ между братьями и сестрами, и когда Птоломеи завоевали Египетъ, они усвоили себѣ этотъ обычай. Уже первый изъ нихъ, Птоломей Лагъ, поженилъ дѣтей своихъ, Птоломея Филадельфа и Арсиною, — брата и сестру по крови. Несмотря на длившіеся въ теченіе почти трехъ столѣтій браки между кровными родственниками въ этомъ семействѣ, послѣдняя въ этомъ родѣ, Клеопатра, съ своей стороны родившаяся отъ брака между братомъ и сестрою, была, какъ извѣстно, тѣлесно и духовно выдающаяся личность.

На это возражаютъ обыкновенно, что браки между близкими родственниками даютъ относительно много тупоумныхъ, глухонѣмыхъ и слѣпыхъ на извѣстные цвѣта (дальтонистовъ) дѣтей. Но давно извѣстно, что разъ существуетъ подобный предразсудокъ, всѣ факты, повидимому подтверждающіе его, отмѣчаются, тогда какъ противоположные оставляются безъ вниманія. Такъ и здѣсь. Добросовѣстная статистика вовсе не говоритъ за то, что отъ родственныхъ браковъ родится относительно много такихъ несчастныхъ. Такъ, напримѣръ, относительно англійскихъ учрежденій для глухонѣмыхъ доказано, что не болѣе пяти процентовъ ихъ питомцевъ происходятъ отъ родственныхъ браковъ, а между тѣмъ родственные браки, конечно, не всѣ, между очень близкими родственниками, гораздо многочисленнѣе; во Франціи, напримѣръ, они составляютъ двѣнадцать процентовъ общаго числа браковъ.

Мы должны, стало быть, принимать, что бракъ въ тѣхъ степеняхъ родства, при которыхъ онъ запрещенъ у насъ закономъ, самъ по себѣ безвреденъ для потомства. Нужно только, имѣя въ виду заключеніе такого брака, обратить особенное вниманіе на то, не обладаютъ ли оба индивидуума доказаннымъ такъ или иначе расположеніемъ къ одному и тому же заболѣванію.

Переходимъ теперь къ вопросу о томъ, какія другія свойства должны требоваться отъ вступающихъ въ бракъ въ интересахъ ихъ собственнаго здоровья и здоровья ихъ потомковъ. Въ короткихъ словахъ на этотъ вопросъ можно отвѣтить, что они должны вступать въ бракъ здоровыми, если хотятъ остаться здоровыми сами и дать начало здоровому потомству.

Никому, конечно, не придетъ въ голову жениться во время острой болѣзни, развѣ только онъ захочетъ на случай смерти обезпечить за своей невѣстой, путемъ заключенія брака, извѣстныя права, напримѣръ, на наслѣдство или на вдовій пенсіонъ. Болѣе возможны случаи вступленія въ бракъ, не дождавшись полнаго выздоровленія отъ острой болѣзни, если какія-либо

внѣшнія обстоятельства заставляютъ торопиться съ его заключеніемъ. Противъ такого легкомыслія слѣдуетъ настойчиво предостеречь, такъ какъ значительные запросы, которые состояніе новобрачныхъ предъявляетъ къ супругамъ, могутъ привести къ тому, что полнаго выздоровленія вообще не послѣдуетъ, а острая болѣзнь превратится въ затяжную. Затяжныя болѣзни, естественно, особенно опасны въ отношеніи послѣдствій, которыми онѣ угрожаютъ браку. Конечно, на болѣе легкихъ степеняхъ такихъ болѣзней большій покой, болѣе правильный образъ жизни и заботливый уходъ со стороны другого супруга часто дѣйствуютъ очень благопріятно, и именно заключеніе брака можетъ принести съ собой выздоровленіе, котораго иначе не послѣдовало бы. Но здѣсь мы не можемъ подробно излагать, въ какихъ случаяхъ это допустимо; мы должны, напротивъ, заявить что даже при легкихъ затяжныхъ болѣзняхъ не слѣдуетъ вступать въ бракъ, не посовѣтовавшись съ добросовѣстнымъ врачемъ. Недобросовѣстно вступать въ бракъ, если затяжная болѣзнь имѣетъ такой характеръ, что о полномъ исцѣленіи не можетъ быть рѣчи. И уже совершенно безсовѣстно дѣлать это въ томъ случаѣ, когда затяжная болѣзнь имѣетъ заразительный характеръ, такъ что больной можетъ быть увѣренъ или, по крайней мѣрѣ, считать весьма вѣроятнымъ, что онъ передастъ болѣзнь другому супругу. Послѣдствіемъ такого шага часто бываетъ не только тѣлесное страданіе ни въ чемъ неповинной другой стороны, но и жестокія душевныя муки самого виновника. Особенное затрудненіе заключается въ томъ, что пораженный заразительною болѣзнью часто самъ не знаетъ этого. Къ сожалѣнію, такъ бываетъ именно съ тѣми двумя болѣзнями, которыя особенно легко передаются при супружескомъ общеніи: т р и п п е р о м ъ и с и ф и л и с о м ъ. Многіе думаютъ, что уже давнымъ давно исцѣлились отъ первой болѣзни, на дѣлѣ же этого нѣтъ; и вотъ они вступаютъ въ бракъ и передаютъ болѣзнь женѣ, отчего ея здоровье часто разрушается на всю жизнь, такъ какъ у женщины эта болѣзнь переходитъ на внутренніе органы брюшной полости, вызывая въ нихъ тяжелыя нагноенія, а главное — срастаніе органовъ. Что касается с и ф и л и с а, то его явленія могутъ совершенно исчезнуть и не показываться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, такъ что даже врачъ не въ состояніи будетъ обнаружить какихъ-нибудь признаковъ болѣзни; и тѣмъ не менѣе болѣзнь можетъ снова развиться, и мужъ заразитъ жену прежде чѣмъ узнаетъ объ этомъ, а главное — самъ онъ рискуетъ превратиться въ неизлѣчимо больного, пораженнаго прогрессивнымъ параличемъ головного и спинного мозга, который лишитъ его способности къ движеніямъ или умственныхъ силъ и поставитъ его супругу въ печальное положеніе сидѣлки при безпомощномъ калѣкѣ (рис. 101) или идіотѣ. Поэтому никто, перенесшій трипперъ или сифилисъ, не долженъ жениться безъ разрѣшенія врача.

Что касается какихъ-либо тѣлесныхъ недостатковъ или уродствъ, то въ этомъ отношеніи не приходится давать какихъ-либо строгихъ совѣтовъ, такъ какъ лицо, съ которымъ обладатель такого недостатка намѣревается вступить въ бракъ, само можетъ судить о послѣдствіяхъ.

Относительно вліянія на потомство надо замѣтить прежде

всего, что сифилисъ, даже сифилисъ отца, передается дѣтямъ. Относительно чахотки этого нельзя сказать; но слабое развитіе грудной клѣтки, располагающее къ этой болѣзни, наслѣдуется дѣтьми. Въ высокой степени наслѣдственны также нѣкоторыя другія болѣзни, въ томъ числѣ всѣ душевныя или нерв-

Рис. 101. Больной мужъ.

ныя заболѣванія, глухо-нѣмота, многія глазныя болѣзни, именно дальтонизмъ и сильная близорукость, эпилепсія, подагра, тучность. Многія уродства, какъ заячья губа, лишніе пальцы на рукахъ и на ногахъ и т. п., также въ сильной степени наслѣдственны. Наслѣдственны ли также или хоть обнаруживаютъ ли тенденцію къ наслѣдственности сахарная болѣзнь и ракъ, еще не рѣшено наукой. Во всякомъ случаѣ долгъ по отношенію къ

ожидаемому потомству обязываетъ лицъ, пораженныхъ какимъ бы то ни было недугомъ, не вступать въ бракъ безъ разрѣшенія добросовѣстнаго врача.

Во всѣхъ этихъ вопросахъ добросовѣстный мужчина самъ можетъ рѣшить, какъ ему слѣдуетъ поступить. Но для молодой дѣвушки это врядъ ли возможно, и потому отецъ или опекунъ должны энергически вступаться за ея интересы и не разрѣшать брака, пока не убѣдятся въ отсутствіи перечисленныхъ выше препятствій.

Если эти соображенія приводятъ къ признанію полезной стороны въ томъ значительномъ вліяніи, которое въ старину принадлежало родителямъ въ вопросѣ о бракѣ ихъ дѣтей, то тѣмъ рѣзче встаетъ передъ нами вопросъ, какое же значеніе имѣетъ для благополучія брака взаимная любовь между полами. На это можно отвѣтить, что во всякомъ случаѣ въ высшей степени вѣроятно существованіе извѣстнаго безсознательнаго инстинкта, приводящаго къ взаимной склонности преимущественно такихъ индивидуумовъ разнаго пола, которые дополняютъ другъ друга въ важныхъ пунктахъ. Въ введеніи къ этой книгѣ (томъ I, часть 1-я) мы указывали, какое чрезвычайное значеніе имѣетъ въ животномъ царствѣ раздѣленіе половъ, предотвращающее вредное для гармоніи организма одностороннее развитіе отдѣльныхъ свойствъ. Выгоды такого уравнивающаго выбора супруговъ несомнѣнно существуютъ и для человѣка. Если непомѣрно длинный и худощавый мужчина вступаетъ въ бракъ съ такой же женщиной, то съ большою вѣроятностью можно ожидать, что потомство воспроизведетъ эту ненормальность роста въ еще сильнѣйшей степени, въ степени, вредной для здоровья. То же можно сказать о союзѣ ненормально маленькихъ или ненормально тучныхъ индивидуумовъ. То же имѣетъ силу и для свойствъ характера, такъ какъ и въ этомъ отношеніи соединеніе индивидуумовъ, обладающихъ одной и той же ненормальностью, ведетъ къ усиленію этой ненормальности. Но, кажется, дѣйствительно, существуетъ извѣстный компенсирующій инстинктъ, который сводитъ несходные характеры и лицъ съ неодинаковымъ тѣлосложеніемъ. Дѣвушка кроткаго нрава усматриваетъ свой идеалъ въ особенно дѣятельномъ и суровомъ мужчинѣ, который, наоборотъ, предпочитаетъ женщину мягкаго характера. Малорослые и карлики стремятся обладать рослыми женщинами. Очень рослые мужчины избираютъ маленькихъ, миніатюрныхъ женщинъ. Родители и опекуны должны давать волю подобнымъ инстинктамъ и, по возможности, поощрять ихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ счастье брака терпитъ глубокій ущербъ отъ нездороваго потомства. Но совершенно иначе обстоитъ дѣло съ прославленною романтиками любовью и мнѣніемъ, будто она является залогомъ счастливаго брака. Если подъ словомъ любовь подразумѣвать, какъ это и дѣлаютъ романтики, не господство только что указаннаго компенсирующаго инстинкта, не ту глубокую, истинную, но относительно спокойную симпатію, которая вытекаетъ изъ взаимнаго дополненія существъ, — а страсть, которая на время измѣняетъ характеръ человѣка, дѣлаетъ послѣдняго нечувствительнымъ ко всѣмъ остальнымъ вліяніямъ, побуждаетъ его пренебрегать самыми основательными опасеніями

и величайшими препятствіями, лишь бы только соединиться съ предметомъ этой страсти, то въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совпаденіемъ ненормально усилившагося полового побужденія и какого-нибудь особенно сильнаго внушенія. Такъ какъ половое побужденіе въ каждый данный моментъ можетъ усилиться вслѣдствіе чисто случайныхъ измѣненій въ состояніи тѣла, напримѣръ, вслѣдствіе усиленнаго питанія, уменьшенной работы и т. п., а внушеніе, направляющее его на извѣстную особу, можетъ явиться результатомъ совершенно случайныхъ заявленій третьихъ лицъ, совершенно несущественныхъ чувственныхъ впечатлѣній, въ родѣ хорошей музыки, пріятнаго запаха и т. п., а также и утонченныхъ пріемовъ соблазна со стороны этой самой особы, то не только нѣтъ ни малѣйшей гарантіи, но и никакой вѣроятности того, что эта любовная страсть сведетъ лицъ, подходящихъ другъ къ другу съ какой бы то ни было точки зрѣнія. Конечно, и при такихъ обстоятельствахъ случай можетъ привести къ благопріятнымъ результатамъ, но только случай. Особенно неблагопріятны шансы, разумѣется, въ томъ случаѣ, когда любовное опьяненіе достаточно сильно, чтобы заставить пренебречь матеріальными условіями брака. Совершенно невозможно супругамъ остаться тѣлесно и душевно здоровыми, если ихъ имущества и заработка не хватаетъ для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ матеріальныхъ потребностей. Если уже одинокій человѣкъ легко разстраиваетъ свое здоровье при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, то еще разрушительнѣе дѣйствуетъ сначала на душевное, а затѣмъ и на тѣлесное здоровье сознаніе, что любимый человѣкъ терпитъ нужду, болѣетъ изъ-за нея или не можетъ пользоваться во время болѣзни надлежащимъ уходомъ, сознаніе, соединенное съ упреками самому себѣ въ томъ, что довелъ его до такого бѣдственнаго положенія своимъ необдуманнымъ поступкомъ.

На этомъ мы закончимъ обсужденіе тѣхъ пунктовъ, которые надо принимать въ соображеніе при вступленіи въ бракъ, и обратимся къ разсмотрѣнію образа жизни въ бракѣ, способнаго сдѣлать его счастливымъ въ гигіеническомъ отношеніи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что множество гигіеническихъ правилъ имѣютъ совершенно одинаковое значеніе для жизни въ бракѣ и внѣ брака. Разсматривать ихъ здѣсь значило бы заходить слишкомъ далеко. Нашей задачей можетъ быть лишь отвѣтить на тѣ гигіеническіе вопросы, которые въ особенности или исключительно относятся къ брачнымъ отношеніямъ. Здѣсь также надо имѣть въ виду, во-первыхъ, здоровье супруговъ и, во-вторыхъ, здоровье потомства. Важнѣйшій изъ этихъ вопросовъ непосредственно связанъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что половыя отношенія — для одной стороны почти всегда, для другой нерѣдко — впервые начинаются вмѣстѣ съ бракомъ. Такъ какъ половое побужденіе очень часто является однимъ изъ главныхъ поводовъ къ браку, и во всякомъ случаѣ бракъ очень облегчаетъ половыя отношенія, то въ первое время послѣ свадьбы эти послѣднія часто осуществляются въ усиленной степени, такъ что приводятъ съ одной стороны къ разстройствамъ нервной системы и упадку силъ, съ другой—къ мѣстнымъ разстройствамъ.

Врядъ ли можно оспаривать, что обычай путешествія молодыхъ послѣ свадьбы способствуетъ такому излишеству. То обстоятельство, что молодые во время поѣздки постоянно остаются вмѣстѣ и не имѣютъ никакого серьезнаго занятія, несомнѣнно дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ вредно. Съ этой точки зрѣнія можно посовѣтовать или совершенно отказаться отъ брачнаго вояжа молодыхъ, или, по крайней мѣрѣ, елико возможно сокращать его. Если мужчина тотчасъ послѣ свадьбы возвращается къ своей профессіональной дѣятельности, а молодая жена немедленно берется за исполненіе несовсѣмъ легкихъ и новыхъ для нея обязанностей хозяйки, то это не можетъ не оказать умѣряющаго дѣйствія на ихъ чувственность.

Что касается умѣренности или неумѣренности, вредности или безвредности дальнѣйшихъ половыхъ отношеній, то этотъ вопросъ рѣшается весьма различно для различныхъ индивидуумовъ, и общаго правила здѣсь нельзя установить. Требуется только небольшое самонаблюденіе, чтобы найти надлежащую мѣру. Если настроеніе остается бодрымъ, работоспособность не падаетъ, сохраняется хорошій аппетитъ и правильное пищевареніе, и не обнаруживается повышенной чувствительности къ мелкимъ непріятностямъ, то можно быть увѣреннымъ, что нервной системѣ не предъявляется чрезмѣрныхъ требованій. Разумѣется, еще легче замѣтить, возникаютъ ли какія-либо мѣстныя поврежденія.

На время такъ называемаго послѣродового періода, то есть первыхъ шести недѣль по разрѣшеніи отъ бремени, половыя сношенія должны быть безусловно воспрещены. Съ точки зрѣнія эстетической, а также нѣкоторыхъ религіозныхъ воззрѣній половыя отношенія должны прекращаться также во время менструацій. Сопряжены ли они съ вредными послѣдствіями для здоровья, — сомнительно; во всякомъ случаѣ сношенія въ это время (при чемъ имъ должно предшествовать тщательное обмываніе женскаго органа) допустимы лишь съ разрѣшенія врача, если безплодіе брака даетъ поводъ къ такому опыту. Половыя сношенія въ теченіе беременности вообще безвредны. Женщинамъ, легко подвергающимся выкидышу, разумѣется слѣдуетъ отказаться отъ половыхъ сношеній въ тѣ мѣсяцы беременности, на которые приходился раньше выкидышъ. Точно такъ же въ послѣдніе мѣсяцы беременности, изъ опасенія повредить ребенку, должны быть приняты мѣры предосторожности, относительно которыхъ всего лучше посовѣтоваться съ домашнимъ врачемъ.

Не вполнѣ согласны врачи насчетъ того, вредитъ ли здоровью женщины или тѣлесному развитію потомства слишкомъ быстрое чередованіе состояній беременности. При совершенно нормальныхъ условіяхъ тутъ, до извѣстной степени, помогаетъ сама природа. Новорожденный долженъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ питаться материнскимъ молокомъ, и нормальная женщина, при правильномъ образѣ жизни, можетъ кормить младенца все это время. Въ теченіе этого періода кормленія женщина, при нормальныхъ условіяхъ, остается безплодной. Такимъ образомъ, и въ случаѣ продолженія половыхъ отношеній обезпеченъ промежутокъ, по крайней мѣрѣ, въ три четверти года между двумя

состояніями беременности. Этого вполнѣ достаточно — опять-таки при нормальныхъ условіяхъ — тѣмъ болѣе, что само кормленіе грудью заставляетъ женскіе половые органы сокращаться и такимъ образомъ снова возстановляетъ нормальныя отношенія. Если же мать не можетъ или не хочетъ сама кормить ребенка, то отсюда проистекаетъ двойной вредъ: во-первыхъ, съ отсутствіемъ раздраженія сосковъ груди связано отсутствіе нервнаго вліянія, вызывающаго сильное сокращеніе матки, а во-вторыхъ, уже въ первые мѣсяцы послѣ разрѣшенія отъ бремени снова происходитъ выдѣленіе способныхъ къ оплодотворенію яицъ изъ яичника, и, слѣдовательно, можетъ наступить новая беременность. Нужно согласиться, что нѣкоторыя женщины вполнѣ благополучно выдерживаютъ значительное число такихъ быстро слѣдующихъ одна за другой беременностей. Но вообще надо признать, что нормальная средняя конституція женщины, при нормальныхъ отношеніяхъ, требуетъ перерыва между двумя беременностями по крайней мѣрѣ въ девять мѣсяцевъ. Цѣлый рядъ соціальныхъ соображеній также дѣлаетъ нежелательнымъ непосредственное слѣдованіе родовъ, изъ года въ годъ. Во-первыхъ, это можетъ повести за собой матеріальную нужду, слѣдствіемъ которой явится недостаточное питаніе дѣтей и обремененіе матери заботами и работой. Гораздо менѣе основательно опасеніе за дальнѣйшую будущность дѣтей, хотя именно оно здѣсь очень часто играетъ роль. Исторія говоритъ намъ, что, въ общемъ, дѣти, очень рано оставшіяся безъ средствъ и предоставленныя самимъ себѣ, достигали особенно большихъ успѣховъ въ жизни, тогда какъ, напротивъ, дѣти, выросшія въ довольствѣ, относительно часто терпѣли неудачу или, во всякомъ случаѣ, далеко отставали отъ своихъ родителей, терпѣвшихъ въ молодости нужду.

Какъ бы то ни было, очень распространено и поддерживается даже публичной агитаціей стремленіе предотвращать съ помощью извѣстныхъ мѣръ предосторожности зачатіе при половыхъ сношеніяхъ супруговъ и ограничивать число дѣтей.

Здѣсь не мѣсто подробно излагать, какой опасностью это грозитъ дальнѣйшему существованію націи. Объ этомъ и о другихъ этическихъ соображеніяхъ, говорящихъ противъ такъ называемой системы двухъ дѣтей (Zweikindersystem), будетъ рѣчь въ восьмой главѣ: „Дѣти и бракъ“. Здѣсь насъ можетъ интересовать только вопросъ, насколько такія мѣры, предупреждающія зачатіе, вредятъ здоровью супруговъ. Нужно сказать, что въ этомъ отношеніи различныя средства дѣйствуютъ различно.

Всего вреднѣе для женщины приспособленія, съ помощью которыхъ въ матку вводится замыкающее её постороннее тѣло. Менѣе вредны, хотя отнюдь не безвредны, при томъ очень ненадежны, вводимыя во влагалища кольца съ перепонкой; еще безопаснѣе, но и еще ненадежнѣе, тоже вводимыя во влагалище пропитанныя медикаментами губочки. То же можно сказать объ аппаратахъ, вдувающихъ во влагалище порошокъ, который долженъ убить сѣмя. Совершенно безвредно и мало дѣйствительно омываніе влагалища тотчасъ послѣ совокупленія. — Перерывъ совокупленія, прежде чѣмъ сѣмя выльется во влагалище, съ теченіемъ времени отзывается на нервной системѣ женщины, такъ какъ она испытываетъ при этомъ половое раздраженіе, но не испытываетъ полового удовлетворенія; многіе мужчины тоже плохо выносятъ этого рода сношенія. Впрочемъ, мужчинѣ далеко не всегда удается своевременно выполнить этотъ маневръ, такъ что и онъ тоже ненадеженъ. Всего надежнѣе

и въ то же время наименѣе вредно отзываются на нервной системѣ чехлы, надѣваемые на мужской членъ, такъ называемые кондомы или презервативы, за исключеніемъ тѣхъ, которые натягиваются только на головку. Сравнительно съ кондомами изъ тонкой резины, кондомы, приготовленные изъ слѣпой кишки млекопитающихъ, такъ называемые презервативы изъ рыбьяго пузыря (Fischblasenpräservativs) имѣютъ то преимущество, что, сложенные и надѣтые на слегка смазанный масломъ членъ, почти не ощущаются обоими супругами. Во всякомъ случаѣ на лицъ съ тонкимъ эстетическимъ чувствомъ всѣ подобныя, болѣе или менѣе сложныя, приготовленія, предшествующія половому акту, дѣйствуютъ, возбуждая отвращеніе, и приводятъ поэтому къ душевнымъ возмущеніямъ, особенно у жены.

Одно, во всякомъ случаѣ, можно сказать относительно всѣхъ безъ исключенія приспособленій, имѣющихъ цѣлью предупредить зачатіе, именно вотъ что: безъ сомнѣнія, женскіе органы приспособились къ своимъ нормальнымъ функціямъ въ силу подбора, дѣйствующаго съ незапамятныхъ временъ, и всякое неправильное употребленіе этихъ органовъ должно быть вреднымъ для нихъ, какъ и для всякаго человѣческаго органа вредно неправильное употребленіе его. Сами половыя отношенія имѣютъ слѣдствіемъ усиленный притокъ крови къ женскимъ половымъ органамъ. Постоянное повтореніе этого прилива крови приводитъ постепенно къ длящемуся переполненію кровью и усиленному питанію этихъ частей. Беременность, разрѣшеніе отъ бремени и кормленіе младенца грудью возстановляютъ по существу первоначальное и нормальное состояніе органовъ. Если же эти моменты выпадаютъ или если они осуществляются только два раза въ теченіе всей половой жизни женщины, то нарушеніе правильныхъ отношеній принимаетъ затяжной характеръ. У женщинъ, которыя много лѣтъ подрядъ предавались половымъ сношеніямъ, не испытавъ беременности, врачъ почти всегда можетъ констатировать весьма значительное увеличеніе и переполненіе кровью половыхъ органовъ. Намъ здѣсь нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ, вытекающихъ отсюда, заболѣваній и поврежденій. Достаточно обратить вниманіе на то, что здѣсь, какъ и вообще въ человѣческой жизни, природа мститъ за всякое отступленіе отъ ея законовъ.

Всего вѣрнѣе можетъ разсчитывать на гигіенически-счастливый бракъ тотъ, кто постарается выбрать себѣ такую супругу, чьи предки-женщины, насколько это возможно установить, сами кормили своихъ дѣтей. Онъ можетъ при этомъ разсчитывать, что и его жена способна исполнить эту обязанность, и будетъ настаивать на ея исполненіи. Если онъ, кромѣ того, слѣдуя нашему совѣту, изберетъ не слишкомъ молодую супругу, то и безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ, въ силу естественнаго хода вещей, число дѣтей будетъ не такъ велико, чтобы здоровый, дѣятельный, счастливый въ бракѣ мужчина, при скромномъ образѣ жизни, не могъ прокормить ихъ и дать имъ надлежащее воспитаніе. Прибавимъ, что полное воздержаніе отъ брачныхъ половыхъ отношеній, о чемъ мы еще будемъ подробнѣе говорить въ другомъ мѣстѣ, разъ оно дѣйствительно необходимо для замедленія прироста семьи или для здоровья супруги, ничуть не повредитъ и мужу. Разумѣется, мы и при этомъ предполагаемъ нормальныя отношенія. Какъ помочь человѣку съ ненормальнымъ состояніемъ здоровья, оказавшемуся въ крайне трудномъ положеніи даже безъ своей вины, въ силу многочисленныхъ обязан-

ностей, налагаемыхъ брачнымъ состояніемъ, — это не касается гигіены; тутъ опытный врачъ долженъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ указать, какое изъ двухъ или нѣсколькихъ золъ слѣдуетъ предпочесть, какъ наименьшее.

Но и независимо отъ половыхъ сношеній, ихъ частоты, способа и рода ихъ осуществленія приходится много слышать и читать о вредномъ или благотворномъ вліяніи на потомство того или другого образа жизни супруги. Есть старинное суевѣріе, предписывающее родильницѣ остерегаться всякихъ необычайныхъ зрѣлищъ. Связанное съ глубокимъ душевнымъ волненіемъ зрѣлище необычайнаго явленія, сильнаго пожара, грозящей опасности, урода и т. п., можетъ будто бы имѣть послѣдствіемъ рожденіе ребенка, пораженнаго какой-нибудь болѣзнью или даже надѣленнаго такимъ же уродствомъ. Подобныя мнѣнія основаны на совершенно ошибочномъ представленіи объ отношеніяхъ между матерью и ребенкомъ въ ея утробѣ. Въ дѣйствительности ни нервы, ни сосуды, ни какія-либо организованныя составныя части матери не переходятъ на ребенка. Сообщеніе ограничивается передачей отъ матери ребенку переваренной пищи и кислорода. Стало быть, немыслимо, чтобы ребенокъ въ материнской утробѣ могъ подвергаться непосредственному вліянію чувственныхъ воспріятій матери. Вѣрно одно: что питаніе и, слѣдовательно, развитіе ребенка вообще могутъ пострадать, если переработка пищи самой матерью серьезно разстроится подъ вліяніемъ болѣзни или душевнаго волненія. Но и въ этомъ случаѣ вліяніе очень незначительно. Случается, что матери въ послѣднемъ градусѣ чахотки, незадолго до смерти, родятъ здоровыхъ дѣтей, которые въ этомъ случаѣ, до извѣстной степени, захватываютъ въ свою пользу послѣднее, что мать еще можетъ дать.

Изъ вредныхъ пищевыхъ средствъ, въ особенности изъ ядовъ, переходятъ отъ матери къ ребенку въ материнской утробѣ тѣ, которые обладаютъ способностью совершенно, какъ соль, растворяться въ жидкостяхъ тѣла. Въ этой растворенной формѣ они естественно могутъ проникать сквозь стѣнки кровеносныхъ сосудовъ и сквозь ткани, отдѣляющія материнскую сосудистую систему отъ сосудистой системы ребенка. Такъ, ребенокъ можетъ быть отравленъ морфіемъ или опіемъ, принимаемыми матерью. Яды, содержащіеся въ кофе и въ чаѣ, могутъ такимъ же путемъ повредить ребенку въ материнской утробѣ. Алкоголь хотя и сгораетъ въ материнскомъ тѣлѣ такъ быстро, что лишь въ незначительномъ количествѣ можетъ передаться ребенку въ материнской утробѣ, но и это, если мать употребляетъ въ большомъ количествѣ спиртные напитки, во всякомъ случаѣ можетъ повліять на него. Степень вредности этого вліянія зависитъ также отъ того, потребляетъ ли мать напитки, содержащіе только сравнительно безвредный этиловый (винный) спиртъ или также примѣси болѣе сложныхъ спиртовъ.

Существуетъ мнѣніе, что потребленіе алкоголя со стороны отца крайне вредно отзывается на здоровьѣ потомства. Теоретически это не особенно вѣроятно. Хотя и алкоголь, какъ мы только что замѣтили, растворяется въ жидкостяхъ тѣла и потому распространяется по всему тѣлу, но нѣтъ основанія думать, что онъ сильнѣе вліяетъ на клѣтки половыхъ железъ, чѣмъ на

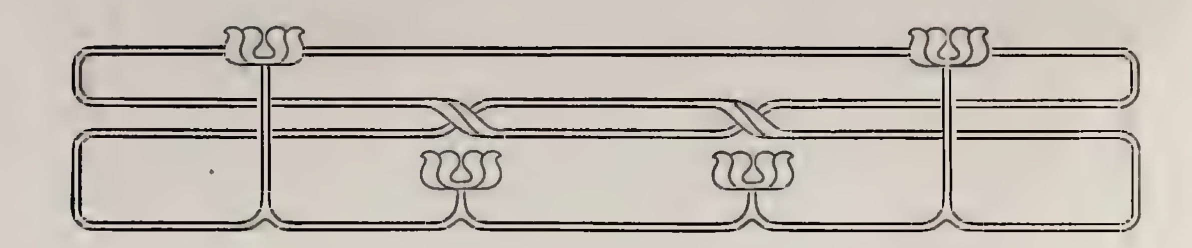
клѣтки любого другого органа. Мы знаемъ достовѣрно только то, что алкоголь вызываетъ на нѣсколько часовъ преходящее функціональное разстройство нервной системы и что лишь очень постепенно и при томъ не у всѣхъ индивидуумовъ наступаютъ подъ его вліяніемъ замѣтныя матеріальныя измѣненія отдѣльныхъ другихъ органовъ. Сѣменныя же клѣтки мужчины постоянно образуются заново и очень скоро теряютъ связь съ остальной тканью половой железы. Поэтому, врядъ ли онѣ успѣютъ потерпѣть ущербъ; въ худшемъ случаѣ можетъ пострадать сама половая ткань въ цѣломъ, что однако можетъ привести только къ поврежденію или прекращенію ея функцій, а, слѣдовательно,

Фотогр. изд. Леви въ Вѣнѣ.

Рис. 102. Крестьянская свадьба. Съ картины Питера Брюгеля Старшаго.

къ уменьшенію и прекращенію ея плодовитости. Это послѣднее дѣйствіе продолжительнаго потребленія алкоголя мы готовы признать; напротивъ, поврежденіе отдѣльныхъ сѣменныхъ нитей вслѣдствіе происшедшаго въ теченіе ихъ кратковременнаго существованія одно- или двукратнаго потребленія алкоголя въ высшей степени невѣроятно. Опытъ тоже говоритъ, по нашему мнѣнію, противъ этой гипотезы. Вслѣдствіе принятаго у насъ даже въ бѣдныхъ кругахъ обычая праздновать свадьбу пирушкой, воспроизведенной, напримѣръ, Питеромъ Брюгелемъ Старшимъ на его картинѣ „Крестьянская свадьба“ (рис. 102), первыя брачныя сношенія супруговъ происходятъ почти всегда послѣ того, какъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, мужъ, изрядно угостился спиртными напитками. Если бъ потребленіе алкоголя мужемъ дѣйствительно вредило потомству, то мы бы должны были наблюдать замѣтную разницу въ конструкціи дѣтей не въ пользу первенца.

Мы можемъ однако пойти дальше и обратить вниманіе на то, что въ настоящее время именно тѣ націи, которыя въ теченіе тысячелѣтій предаются сильному и временами даже чрезмѣрному потребленію алкоголя, въ особенности англійская и нѣмецкая, благодаря своему болѣе высокому интеллекту и болѣе сильному тѣлосложенію, завоевали преобладающія мѣста въ борьбѣ народовъ, тогда какъ магометанскія націи, и при томъ какъ семиты арабы, такъ и не семиты турки, у которыхъ потребленіе алкоголя вслѣдствіе религіознаго запрета представляетъ лишь исключительное явленіе, послѣ кратковременнаго расцвѣта снова давно уже подверглись упадку и регрессу, Повидимому, это говоритъ до нѣкоторой степени противъ мнѣнія о вредномъ дѣйствіи потребленія алкоголя на потомство. Собственно з а п о й, т. е. такое состояніе, при которомъ человѣкъ вообще не можетъ противостоять позыву къ потребленію алкоголя и чувствуетъ себя во всѣхъ отношеніяхъ разбитымъ и неспособнымъ къ дѣйствію, если не находится подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, конечно, не сулитъ ничего добраго въ отношеніи потомства. Но дѣло тутъ не въ алкоголѣ, а въ томъ, что только лица съ сильной прирожденной неврастеніей становятся рабами такого порока; при этомъ безразлично, ведетъ ли эта неврастенія именно къ алкоголизму; шансы для потомства остаются такими же неблагопріятными и въ томъ случаѣ, если отецъ не способенъ сопротивляться какой-нибудь другой порочной привычкѣ. Прирожденая неврастенія принадлежитъ именно къ тѣмъ нервнымъ болѣзнямъ, о которыхъ мы уже говорили, что онѣ въ высшей степени наслѣдственны.



Глава пятая.

Зарабатывающая дѣятельность и бракъ.

Профессора д-ра правъ и фил. Фридриха Цана въ Дюссельдорфѣ.

I. Историческій обзоръ.

Насколько мы можемъ прослѣдить бракъ въ исторіи человѣчества, основныя формы его всегда опредѣлялись заботой о пищѣ и содержаніи семьи. Разнообразіе способовъ удовлетворенія необходимыхъ жизненныхъ потребностей, измѣняющіяся формы промышленной дѣятельности, придавали браку чрезвычайно различный отпечатокъ на отдѣльныхъ стадіяхъ культурно-историческаго развитія; они и теперь еще составляютъ одну изъ главныхъ причинъ различія формъ брака въ отдѣльныхъ слояхъ населенія. Почти всегда въ бодрое морально-общественное жизненное единеніе мужчины и женщины, составляющее суть брачныхъ узъ, внѣдряется — какъ бы совершенно инородный элементъ — трудъ и забота о хозяйствѣ и добываніи средствъ: въ наиболѣе непосредственной формѣ у дикарей, болѣе косвенно, но не менѣе обременительно, у народовъ болѣе или менѣе высокой культуры.

Если оставить въ сторонѣ самыя раннія эпохи развитія современныхъ культурныхъ народовъ, характеризующіяся въ общественномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ индивидуальнымъ добываніемъ пищи, родовымъ или племеннымъ устройствомъ и материнскимъ правомъ, и обратиться къ древней патріархальной большой семьѣ, то въ ней мы найдемъ всестороннее соединеніе ея членовъ для всѣхъ хозяйственныхъ цѣлей; въ ней осуществляются производство, переработка и потребленіе всѣхъ продуктовъ, необходимыхъ для обезпеченія семьи, весь хозяйственный процессъ отъ начала до конца. Это эпоха такъ называемаго замкнутаго домашняго хозяйства. Семья, состоявшая изъ домохозяина съ его женами и дѣтьми, а также слугами, служанками и подчиненными, еще вполнѣ совпадала въ то время съ цѣлостной хозяйственной единицей. Числомъ членовъ измѣрялась сила и вліяніе семьи, такъ какъ ея увеличеніе означало умноженіе рабочихъ рукъ и повышеніе хозяйственной производительности. Власть надъ всѣми членами домохозяйства принадлежала безусловно домохозяину; его бракъ былъ первоначально полигамный, женщины покупались или похищались, такъ какъ никому не хотѣлось отдавать работоспособныхъ дочерей; ихъ положеніе было какъ нельзя болѣе скверное и немногимъ отли-

чалось отъ положенія рабовъ и рабынь; наряду съ послѣдними онѣ цѣнились, главнымъ образомъ, какъ рабочая сила. Въ качествѣ таковой онѣ конечно представляли большую цѣнность, такъ какъ главнѣйшая часть многостороннихъ и въ большинствѣ случаевъ тяжелыхъ работъ стариннаго патріархальнаго домохозяйства ложилась на женщину. Правда, уже съ самыхъ раннихъ временъ между полами существовало естественное раздѣленіе труда; охота, рыбная ловля, военное дѣло, приготовленіе оружія, обдираніе и свѣжеваніе животныхъ и тому подобныя работы были мужскимъ дѣломъ; но въ свободное отъ этихъ занятій время онъ „валялся на медвѣжьей шкурѣ“, тогда какъ на женщинѣ лежала постройка общей хижины, собираніе кореньевъ и плодовъ, позднѣе обработка поля, равно какъ и приготовленіе растительной пищи. Но въ патріархальной семьѣ развилось рѣзкое раздѣленіе труда между мужчиной и женщиной, детальное, регулируемое строгимъ обычаемъ распредѣленіе работъ между обоими полами. Построеніе хижины, обработка и уборка поля, приготовленіе муки изъ зерна, варка пива, горшечное дѣло (рис. 103), плетеніе корзинъ и циновокъ, пряжа, тканье (рис. 104) и т. д. долго лежали на плечахъ женщинъ. Всѣ эти обязанности, требовавшія разнообразныхъ навыковъ и умѣнья, дѣлали хозяйственное положеніе женщины чрезвычайно важнымъ, тогда какъ въ общественномъ отношеніи она была подчинена мужчинѣ какъ совершенно безправное существо. Съ безусловно неограниченной самостоятельностью мужчина дѣйствовалъ, какъ представитель семьи, въ внѣшнихъ сношеніяхъ и распредѣлялъ обязанности и имущество внутри. Не женатому мужчинѣ приходилось плохо, онъ долженъ былъ искать случая войти въ семью на положеніи пріемнаго члена, зависимаго или слуги.

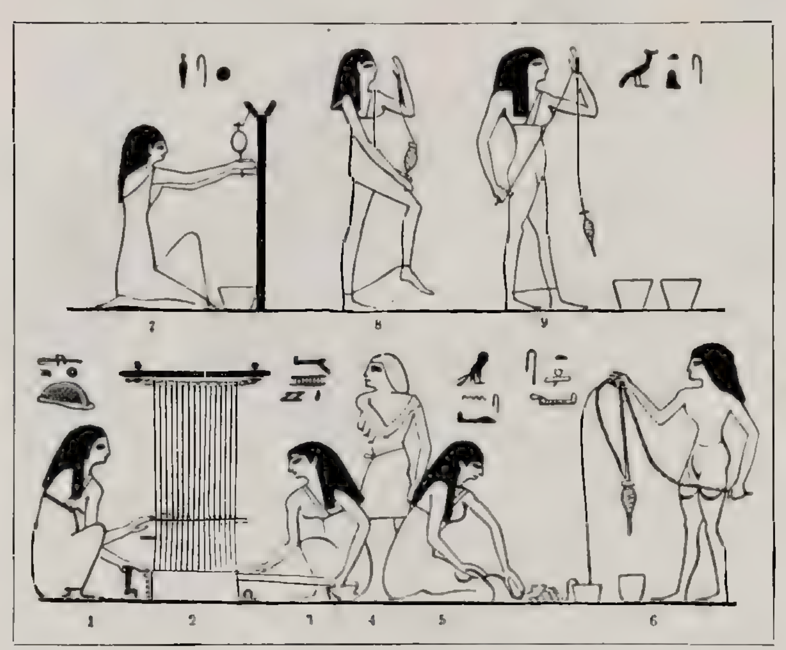
Рис. 103. Изготовленіе горшковъ въ Новой Гвинеѣ. По Финшу.

У современныхъ дикихъ или мало культурныхъ народовъ мы находимъ то же самое. У негровъ, почти всюду на востокѣ, у египтянъ, арабовъ, индусовъ, китайцевъ, японцевъ (рис. 105), малайцевъ и т. д. женщины должны исполнять гру-

быя, тяжелыя работы, мѣстами еще влачить плугъ, носить тяжести, молоть на ручной мельницѣ и т. д. На прилагаемой иллюстраціи „Индійскія женщины, мелющія хлѣбъ“, мы видимъ женщинъ современной Индіи за этой тяжелой работой, тогда какъ мужчины праздно толпятся или сидятъ на корточкахъ на заднемъ фонѣ.

По мѣрѣ культурнаго развитія народовъ въ этихъ отношеніяхъ между промышленной дѣятельностью и бракомъ медленно совершался глубокій и полный переворотъ.

Старинная патріархальная семья, состоявшая по меньшей мѣрѣ изъ десяти, а чаще двадцати, даже пятидесяти и больше членовъ, не могла удержаться. Многочисленные слуги и служанки старались освободиться и обзавестись собственными семьями, верховная государственная власть ограничивала полномочія домохозяина, а между отдѣльными большими семьями начинало водворяться хозяйственное раздѣленіе труда, дробившее ихъ на менѣе крупные союзы. Такимъ образомъ величина домохозяйствъ постепенно падала. Мало-помалу и женщинѣ удалось, благодаря ея хозяйственнымъ заслугамъ, завоевать себѣ нѣсколько лучшее положеніе; бракъ въ большинствѣ случаевъ сталъ моногамнымъ бракомъ, и женщина изъ рабыни все болѣе и болѣе превращалась въ товарища мужчины. Покупка женщинъ была упразднена, ея мѣсто заняли сватовство и облагороженное многими моральными обычаями обрученіе. Уваженіе мужчины къ женщинѣ возросло, тяжелыя работы, какъ постройка домовъ, обработка поля, болѣе грубыя ремесла, мало-по-малу были имъ взяты на себя.

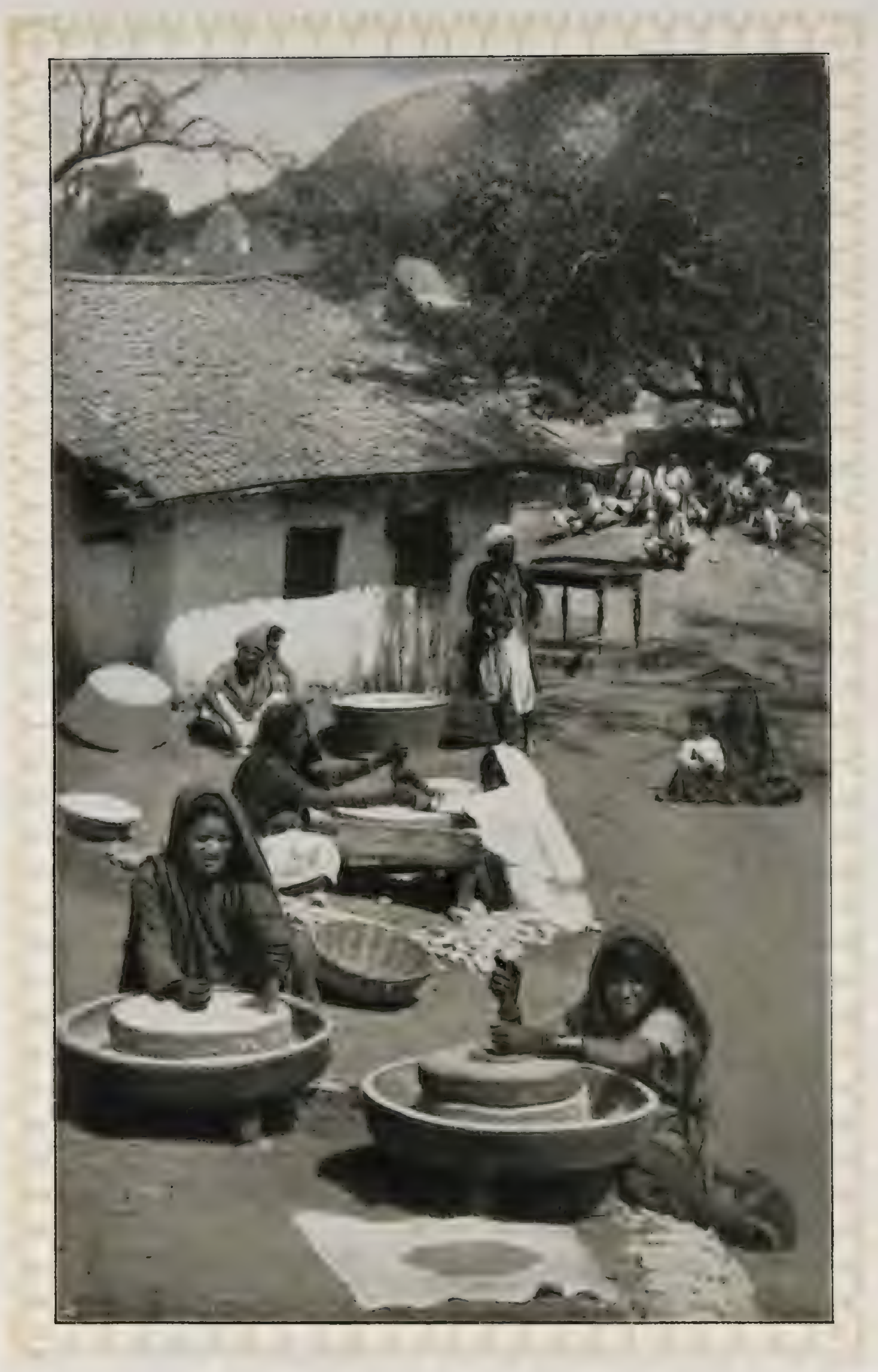


По соч. Шлимана: „Троя“.

Рис. 104. Египетскія женщины за пряжой и тканьемъ.

Фиг. 1 и 3: тканье. Фиг. 2: ткацкій станокъ. Фиг. 4: мужчина надзиратель. Фиг. 5: ческа. Фиг. 6: сученіе двойной нити для утка. Фиг. 7—9: сученіе простой нити на веретенѣ.

Облегченіе женщины, явившееся результатомъ этого, дало ей возможность посвятить свои силы преимущественно другимъ работамъ, болѣе сосредоточиться на собственно домашнемъ хозяйствѣ, больше и успѣшнѣе заниматься приготовленіемъ пищи, одеждой, сокращеніемъ хозяйственныхъ расходовъ, воспитаніемъ дѣтей и комфортомъ мужа, сосредоточившагося теперь преимущественно на добываніи средствъ. Но въ этой широкой, посто-



Мужчина и женщина. II. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Женщины въ Индіи, размалывающія рисъ.

явно разрастающейся сферѣ дѣятельности на долю женщины, несмотря на ея освобожденіе отъ другихъ работъ, приходилось еще столько разнообразныхъ обязанностей, что онѣ поглощали всю ея рабочую силу.

То же продолжалось и съ дальнѣйшимъ развитіемъ раздѣленія труда, когда отдѣльныя хозяйства стали организоваться односторонне, въ томъ смыслѣ, что городскія сосредоточились на ремесленномъ производствѣ, тогда какъ деревенскія стали чисто земледѣльческими хозяйствами, при чемъ тѣ и другія основывались на необходимости взаимнаго обмѣна земледѣльческими продуктами на произведенія ремеслъ. Въ этотъ періодъ „городского хозяйства“ или „городского и деревенскаго хозяйства“, какъ его обыкновенно называютъ, домашнее хозяйство и хозяйственное производство, потребительная община и производительная община тоже еще почти совпадаютъ.

Рис. 105. Японскія крестьянки за работой.

Та и другая лежатъ внутри опредѣленнаго бракомъ семейнаго круга. Но сравнительно съ предыдущей эпохой важное измѣненіе наступило въ томъ отношеніи, что теперь раздѣленіе труда между мужемъ и женой отвело первому главнымъ образомъ хозяйственно-производительную, второй домашнюю дѣятельность. Межъ тѣмъ какъ раньше на женщинѣ лежала главная работа по хозяйственному обезпеченію семьи, теперь работали оба, мужчина и женщина, каждый въ своей области.

Такъ произошло довольно точное разграниченіе мужской и женской работы; особенно ясно это проявилось въ городской промышленности, въ ремеслѣ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи доходили даже до полнаго устраненія ремесленнаго труда женщинъ изъ цеховъ и законодательнаго запрещенія его.

Но дѣятельность женщинъ и теперь еще была не легка. Заботы о домашнемъ хозяйствѣ требовали безконечно больше труда, чѣмъ нынѣ; подмастерья и ученики, батраки и батрачки еще принадлежали къ семьѣ, и о нихъ приходилось заботиться.

Сегантини въ своей картинѣ „Весна“ (рис. 106) изображаетъ крестьянку за несомнѣнно мужскимъ, а не женскимъ, занятіемъ, заставляя ее отводить лошадей въ хлѣвъ. До новѣйшаго времени дѣятельность „хозяйки“ въ городѣ и деревнѣ всецѣло со-

средоточивалась въ домѣ, разъ она хотѣла какъ слѣдуетъ исполнять свои домашнія обязанности; въ еще большей степени, чѣмъ теперь у среднихъ крестьянъ, гдѣ еще сохранился въ значительной степени тотъ же порядокъ.

Въ новѣйшее время — по существу только съ начала девятнадцатаго столѣтія — совершился второй великій переворотъ въ отношеніяхъ между промышленною дѣятельностью и бракомъ. Съ возрастающимъ раздѣленіемъ труда, водворявшимся благодаря колоссальнымъ техническимъ успѣхамъ, развитію средствъ сообщенія и кредита, у домашняго хозяйства отнимались одна за другой дальнѣйшія работы. Пряжа (ср. рис. 107), тканье, мыловареніе, портняжество, убой скота, хлѣбопеченіе и еще многія другія отрасли дѣятельности откололись

„Photograph. Union" въ Мюнхенѣ.
Рис. 106. Весна. Съ картины Джованни Сегантини.

такимъ образомъ отъ домашней работы и сдѣлались самостоятельными производствами.

Воспитаніе дѣтей также въ значительной степени перешло отъ родителей къ школѣ.

Въ результатѣ этого развитія семья все болѣе и болѣе теряла характеръ хозяйственной единицы. Домашнее хозяйство и хозяйственное производство стали все болѣе и болѣе разъединяться. Работа мужа все чаще стала сосредоточиваться въ совершенно обособленныхъ отъ семьи, часто далекихъ отъ его дома и входящихъ въ составъ гигантскаго производства мастерскихъ; женщинѣ также во многихъ случаяхъ приходилось искать заработка внѣ дома.

Производительная и потребительная организаціи, во времена „городского хозяйства" еще соединявшіяся въ семьѣ, теперь болѣе или менѣе рѣзко раздѣлились. Производительныя организаціи въ настоящее время представляютъ изъ себя самостоятельныя, совершенно обособленныя отъ домашняго хозяйства фабричныя производства или другія предпріятія, работающія исключительно для рынка, а семейная община вслѣдствіе этого сохранила характеръ только потребительной общины, организаціи для урегулированія потребленія. Насчетъ одной произво-

дительной организаціи живетъ теперь множество домохозяйствъ, то есть потребительныхъ общинъ. Лишь въ немногихъ отрасляхъ промышленности до сихъ поръ сохранилось соединеніе домашняго хозяйства и промышленнаго предпріятія, именно въ значительной части сельскаго хозяйства и въ нѣкоторыхъ домашнихъ индустріяхъ. Ниже будетъ указано болѣе точно, насколько еще сохранилась эта форма.

Результатомъ было постоянное уменьшеніе семьи и домохозяйства, состоящаго въ настоящее время въ среднемъ всего изъ четырехъ душъ. Семейная община потеряла свое прежнее значеніе и все болѣе и болѣе отступала на задній планъ сравнительно съ организаціями народнаго хозяйства, возникавшими теперь въ видѣ чисто производительныхъ хозяйствъ. Семейный союзъ становится вслѣдствіе этого менѣе прочнымъ, взрослыя дѣти выдѣляются изъ него раньше, чѣмъ въ прежнія времена, всѣ работоспособные члены семьи занимаются большую часть дня внѣ дома и сходятся въ немъ только на нѣсколько часовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда мужъ, жена и дѣти должны уходить на работу, чтобы найти средства къ существованію, этотъ современный способъ зарабатывающей дѣятельности грозитъ даже полнымъ уничтоженіемъ семейной общинѣ.

Рис. 107. Леди Гамильтонъ за прялкой.
Съ картины Джоржа Ромнэя.

По обычаю нашего времени, эту тенденцію, которая наблюдается лишь въ относительно маломъ числѣ домохозяйствъ и въ настоящее время въ широкихъ кругахъ несомнѣнно снова уступаетъ мѣсто усиленію семейнаго хозяйства, стараются обобщать и преувеличивать. Иные думаютъ совершенно устранить семейный строй въ нашихъ общественныхъ условіяхъ, замѣнивъ

бракъ системой такъ называемой „свободной любви". Но это значитъ, какъ видно изъ нижеизложеннаго, совершенно превратно представлять себѣ значеніе семейной общины, основанной на бракѣ, и тенденцію фактически совершающагося развитія.

Отношеніе между зарабатывающей дѣятельностью мужа и жены естественно не могло остаться прежнимъ при измѣнившемся положеніи дѣлъ. Прежде всего, раздѣленіе труда между обоими сравнительно съ прошлой эпохой еще сильнѣе измѣнилось въ пользу жены. Мужчина теперь всюду, главнымъ образомъ, пріобрѣтатель средствъ, женщина же еще болѣе облегчена въ своей домашней дѣятельности, такъ какъ многочисленныя, до сихъ поръ осуществлявшіяся въ домашнемъ хозяйствѣ женскія занятія, каковы пряжа, шитье, вязанье, хлѣбопеченіе и т. д., вытѣснены изъ домохозяйства и сдѣлались самостоятельными профессіями. Картина Габріэля Макса „Три сестры" изображаетъ домашнія занятія женщины такими рукодѣльями (рис. 108). Равнымъ образомъ вода, освѣщеніе, отопленіе доставляются теперь многимъ хозяйствамъ со стороны, а воспитаніе, обученіе и образованіе большею частью также выдѣлены изъ хозяйства.

Поэтому женская дѣятельность по части добыванія средствъ въ настоящее время значительно уступаетъ мужской, и женскій полъ можетъ все болѣе сосредоточивать свою любовь и свое рвеніе въ той области дѣятельности, которая указывается ему его конституціей и задачами материнства, и лежитъ не въ народно-хозяйственномъ производствѣ, а въ домѣ, въ семьѣ, въ домашнемъ хозяйствѣ и въ задачахъ воспроизведенія рода человѣческаго. Конечно, многія женщины лишены возможности осуществить свое естественное призваніе, призваніе брака или материнства, такъ какъ не всѣ дѣвушки могутъ выйти замужъ. Многимъ приходится поэтому искать собственнаго заработка. Кромѣ того, побудительнымъ мотивомъ принимать все большее и большее участіе въ народно-хозяйственномъ производствѣ для женщинъ служитъ еще то обстоятельство, что вслѣдствіе современнаго развитія ремеслъ, торговли и сношеній возможность домашняго производства — какъ уже упомянуто — значительно сузилась, домашнее хозяйство въ большинствѣ случаевъ ограничивается регулированіемъ потребленія, и освободившіяся такимъ образомъ рабочія силы ищутъ приложенія внѣ дома.

Но въ этомъ отношеніи въ настоящее время обнаруживается чрезвычайное разнообразіе въ различныхъ соціальныхъ слояхъ, равно какъ и въ различныхъ профессіяхъ. А изъ этого разнообразія вытекаетъ цѣлый рядъ соціальныхъ проблемъ, женскій вопросъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, вопросъ о сохраненіи семьи, о воспитаніи дѣтей и т. д.

Тамъ, гдѣ современныя отношенія существуютъ въ наиболѣе развитой формѣ, въ высшихъ слояхъ общества, у крупнаго землевладѣльца, промышленника, купца, у важныхъ чиновниковъ все бремя собственно добывающей дѣятельности лежитъ на мужѣ. Въ наиболѣе состоятельномъ кругу этого верхняго слоя жена, въ качествѣ „дамы", попросту ничего не дѣлаетъ. Горничная, кухарка и гувернантка освобождаютъ ее почти совершенно отъ всякой домашней работы, и она проводитъ все свое

время въ чтеніи романовъ, или въ обществѣ, или въ спортѣ и дилетантизмѣ разнаго рода, если только, утомленная пустотой подобнаго существованія, не постарается наполнить свою жизнь благотворительной дѣятельностью. Такой же образъ жизни ведутъ дочери.

Уже въ нижнихъ кругахъ того же слоя, гдѣ нельзя имѣть столько прислуги и помощниковъ, мать семейства и ея дочери могутъ имѣть больше дѣла.

То же мы находимъ въ среднемъ слоѣ общества, въ семьяхъ врачей, духовныхъ, учителей, среднихъ чиновниковъ,

Рис. 108. Три сестры. Съ картины Габріэля Макса.

купцовъ и болѣе состоятельныхъ ремесленниковъ. Тутъ для супруги находится достаточно дѣла въ хозяйствѣ, чтобъ поглотить всю ея энергію. Тутъ и домашнее хозяйство представляетъ въ большинствѣ случаевъ округленное, гармоническое цѣлое, тутъ оно всего совершеннѣе удовлетворяетъ своему назначенію. Мужу оно доставляетъ уютный покой, въ которомъ онъ нуждается послѣ своей работы, женѣ даетъ вполнѣ подчиненное ей маленькое царство, въ которомъ она княжитъ и володѣетъ, присматриваетъ за прислугой, гдѣ нужно, сама приложитъ руку и наведетъ порядокъ, чиститъ, штопаетъ, воспитываетъ дѣтей и т. д. Въ большинствѣ случаевъ для нея находится достаточно дѣла; примемъ въ соображеніе, что, напр. въ Германіи, прислуга имѣется только въ одномъ изъ девяти или десяти семействъ. Дочери, конечно, и здѣсь мало или вовсе не заняты. Но жизнь супруги въ этихъ классахъ совершенно наполнена домашней работой, и съ другой стороны задачи домашняго хозяйства тутъ довольно широкія.

Всѣмъ остальнымъ классамъ населенія угрожаетъ опасность, которая выражается въ томъ, что домашнее хозяйство, семья и бракъ не могутъ быть такими, какими имъ слѣдовало бы быть на современной ступени культуры, что забота о добываніи средствъ подтачиваетъ ихъ. Всего менѣе сказывается эта опасность въ тѣхъ кругахъ средняго слоя, гдѣ жена помогаетъ мужу въ его дѣятельности, какъ сотрудница: въ крестьянскомъ хозяйствѣ, у мелкихъ ремесленниковъ и мелочныхъ торговцевъ. Она отсутствуетъ или сказывается лишь слабо также въ самомъ верхнемъ слоѣ нашего рабочаго класса, такъ какъ здѣсь заработокъ мужа въ большинствѣ случаевъ оказывается достаточнымъ для содержанія жены и дѣтей.

Иначе обстоитъ дѣло въ среднихъ и низшихъ слояхъ рабочаго класса. Здѣсь семья обыкновенно не можетъ обойтись безъ подсобнаго женскаго заработка, и потому женѣ рабочаго приходится дѣлить свою дѣятельность между работой внѣ дома, большею частью на фабрикѣ, и заботами по домашнему хозяйству. Тамъ она должна быть фабричной работницей, прачкой, гладильщицей или швеей, дома хозяйкой и матерью. Такимъ образомъ жена рабочаго обременена двойными обязанностями, и очень естественно, къ сожалѣнію, что вслѣдствіе этого домашнее хозяйство сильно страдаетъ, что для него дѣлается только самое необходимое, что дѣти плохо воспитываются, смертность новорожденныхъ очень высока, у мужа нѣтъ домашняго очага, гдѣ бы онъ чувствовалъ себя уютно, и т. д.

Рѣзкія противоположности, внесенныя капиталистическимъ вѣкомъ въ промышленную дѣятельность и бракъ, объясняются тѣмъ, что мы въ данномъ отношеніи — какъ и во всѣхъ почти хозяйственныхъ и соціальныхъ явленіяхъ нашего времени — находимся въ переходномъ періодѣ, что, съ одной стороны, переходъ отъ средневѣковаго семейнаго и производительнаго хозяйства къ чистому, отдѣленному отъ производительной дѣятельности мужа, семейному хозяйству женщины еще совершается полнымъ ходомъ и до сихъ поръ осуществился вполнѣ лишь въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности, тогда какъ, съ другой стороны, — какъ мы это видѣли въ высшихъ кругахъ общества — развитіе уже перешло за эту цѣль, женщина уже совершенно отказывается отъ домохозяйства и предоставляетъ его оплачиваемой прислугѣ. Всякій переходъ связанъ съ затрудненіями и бѣдствіями. Такими бѣдствіями являются согласно вышеизложенному: пустота жизни женъ и дочерей въ высшемъ классѣ и дочерей въ среднемъ классѣ, а съ другой стороны обремененіе женщинъ, разрушеніе домохозяйства и семейной общины въ классѣ пролетаріевъ. Но мы уже теперь замѣчаемъ задатки преодолѣнія этихъ бѣдствій.

Женщины высшихъ состоятельныхъ классовъ, то есть пока только лучшія изъ нихъ, утомлены пустотою своего существованія и ищутъ серьезной работы и дѣятельности. Въ попеченіи о бѣдныхъ и больныхъ, въ общественной и частной благотворительности и соотвѣтственныхъ соціально-политическихъ областяхъ, многія изъ нихъ нашли дающее удовлетвореніе и вмѣстѣ съ тѣмъ благородное и полезное поле дѣятельности, на которомъ женщина, именно благодаря своимъ женскимъ талантамъ, мо-

жетъ достигнуть плодотворнѣйшихъ результатовъ. Къ этому присоединяется стремленіе къ умственной дѣятельности, желаніе поравняться съ мужчиной въ образованіи, которое побуждаетъ теперь тысячи женщинъ и дѣвушекъ высшихъ и среднихъ классовъ учиться или получать подготовку къ другимъ профессіямъ.

Если женщины и дѣвушки высшаго состоятельнаго класса стремятся къ этимъ новымъ областямъ дѣятельности исключительно изъ внутренняго побужденія, изъ жажды духовной работы, участія въ благахъ нашей культуры, то для большинства дѣвушекъ среднихъ классовъ стало абсолютной необходимостью работать для семьи и для обезпеченія собственной участи, такъ какъ доходовъ семьи обыкновенно не хватаетъ для ихъ содержанія и обезпеченія.

Въ томъ слоѣ, гдѣ мать семейства вполнѣ занята своими семейными обязанностями, стремленіе дѣвушекъ къ лучшему образованію, къ обезпеченію своей будущности и собственному заработку также вполнѣ законно. Оно представляетъ большой успѣхъ сравнительно съ прежнимъ состояніемъ, когда не рѣшались сознаться въ необходимости привлечь дочерей къ участію въ добываніи средствъ, считая это, въ силу закоренѣлыхъ предразсудковъ, неприличнымъ, и потихоньку добывали для нихъ на домъ шитье и вышиванье за ничтожную плату, оказывая, такимъ образомъ, конкурренцію дѣвушкамъ низшихъ классовъ. Одного, конечно, не слѣдуетъ забывать. Никогда никакое изъ этихъ новыхъ женскихъ призваній — какой бы успѣхъ они ни представляли сравнительно съ прежнимъ состояніемъ и какое бы ни давали внутреннее удовлетвореніе — не можетъ замѣнить для дѣвушки семейнаго призванія, ни въ народно-хозяйственномъ отношеніи ни въ отношеніи личнаго счастья. То, что женщина можетъ сдѣлать для общаго блага въ домашнемъ хозяйствѣ, болѣе цѣнно въ народно-хозяйственномъ отношеніи, чѣмъ дѣятельность искуснѣйшей женщины-врача, наилучшей учительницы, счетоводки или конторщицы; той радости, счастья и удовлетворенія, которыя она находитъ въ бракѣ, какъ товарищъ своего мужа, какъ мать и хозяйка, не дастъ ей никакое другое, хотя бы наилучшее, положеніе. Отсюда вытекаетъ для новаго направленія женской добывающей дѣятельности важная задача: не пренебрегать и домохозяйственнымъ воспитаніемъ и образованіемъ дѣвушекъ и принимать мѣры, чтобы не пострадала женская конституція, чтобы истинно-женскія качества кротости, сильной любви и самоотверженія не атрофировались въ грубой атмосферѣ добыванія денегъ. Другими словами: дѣвушки, избирающія себѣ какую-нибудь профессію, должны быть въ состояніи дѣлаться позднѣе умѣлыми матерями и домохозяйками, если на ихъ долю выпадетъ счастье любви и брака. Ибо благороднѣйшимъ призваніемъ женщины все-таки остается „призваніе матери“.

Фактически въ настоящее время почти всюду существуютъ курсы домоводства для молодыхъ дѣвушекъ, въ видахъ какъ общаго ознакомленія съ домохозяйствомъ, такъ и спеціальнаго профессіональнаго обученія съ цѣлью заработка, напр. въ качествѣ помощницы домохозяйки. Поваренные курсы (рис. 109), въ родѣ, напр., учрежденныхъ Песталоцци-Фребелевскимъ обще-

ствомъ въ Берлинѣ, даютъ возможность дочерямъ и молодымъ женамъ высшихъ классовъ основательно познакомиться со всѣми отраслями общей и утонченной кухни. Эта школа поваренного искусства обязана своимъ происхожденіемъ въ особенности поощренію со стороны тогдашней кронпринцессы Викторіи.

Наконецъ, въ низшихъ слояхъ общества соціальные успѣхи послѣдняго времени также смягчили много вредныхъ послѣдствій чрезмѣрной эксплоатаціи и обремененія женщинъ-работницъ, и движеніе въ этомъ направленіи отнюдь не остановилось, но продолжаетъ приносить все новыя улучшенія. Худшія послѣдствія, связанныя съ начальной стадіей индустріализма, давно устранены и уступили мѣсто болѣе выгоднымъ отношеніямъ. Ужасныя картины, которыя рисовало, напримѣръ, парламентское изслѣдованіе положенія рабочихъ въ Англіи, въ началѣ прошлаго столѣтія, картины бѣдственнаго положенія работницъ, дѣтскаго труда и разрушенія рабочей семьи, повторявшіяся и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ нѣмецкой промышленности еще въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, въ настоящее время нигдѣ больше не встрѣчаются. Благосостояніе низшихъ классовъ населенія повсюду повысилось, доходы рабочаго возросли, образъ жизни его улучшился, положеніе сдѣлалось болѣе обезпеченнымъ. Вслѣдствіе этого, много женщинъ, которымъ въ противномъ случаѣ пришлось бы искать заработка на сторонѣ, вернулись къ семьѣ и домохозяйству. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда женщина и теперь еще должна принимать участіе въ заработкѣ, страхованіе рабочихъ и рабочее законодательство значительно улучшили ея положеніе и устранили возможность крупныхъ злоупотребленій.

Измѣнившіяся формы домашняго хозяйства придали и современному браку иной характеръ сравнительно съ прежнимъ, и при томъ въ смыслѣ значительнаго улучшенія. Вслѣдствіе того, что семейная община отдѣлилась отъ производительной, свѣтлыя стороны брака только выиграли: безпокойство, труды и хлопоты пріобрѣтающей дѣятельности удалены изъ него и вліяютъ на него только косвенно; вслѣдствіе этого устранено много дрязгъ и непріятностей; семья превратилась въ болѣе гармоническую замкнутую въ себѣ единицу, въ мѣсто отдыха для мужа, лучшей и дающей наибольшее удовлетвореніе дѣятельности для жены и мирнаго счастья для всѣхъ членовъ семьи. Въ ней находитъ мужчина отдохновеніе послѣ напряженія, котораго требуетъ отъ него добывающая дѣятельность внѣ дома, и черпаетъ новыя силы, чтобъ изо дня въ день продолжать свои труды по обезпеченію семьи. Нравственное общеніе между мужчиной и женщиной стало чище, брачный союзъ идеальнѣе и интимнѣе и во многихъ отношеніяхъ деликатнѣе. Жизнь чувства и воспитаніе человѣка преуспѣваютъ въ такомъ домохозяйствѣ подъ кроткимъ руководствомъ матери семейства лучше, чѣмъ при прежней хозяйственной формѣ, а это опять таки не мало способствуетъ укрѣпленію альтруистическихъ мотивовъ въ мужчинѣ и развитію благородныхъ сторонъ его существа. Высокое призваніе женщины, — создавая упорядоченный, полный жизни семейный очагъ, облегчать мужчинѣ борьбу за существованіе, быть его вѣрнымъ товарищемъ въ хорошіе и дурные дни, дѣлить его радости, надежды и заботы, освѣжать его

дружбой и любовью въ часы его досуга. Это призваніе женщины при современныхъ большихъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ работоспособности мужчины, сдѣлалось важнѣе, чѣмъ когда-либо.

Безъ сомнѣнія, бракъ при такихъ условіяхъ повышаетъ работоспособность мужчины. Особенно важное значеніе имѣетъ это благотворное вліяніе брака для мужчины, избравшаго своей профессіей умственный трудъ, — тутъ оно сказывается наиболѣе очевидно. Не менѣе благотворны дѣйствія такого семейнаго хозяйства, правильно ведомаго женщиною, для дѣтей.

Рис. 109. Школа поваренпаго искусства въ Песталоцци-Фрёбелевскомъ домѣ въ Берлинѣ.

Врядъ ли можно удачнѣе охарактеризовать преимущества современнаго домашняго хозяйства передъ прежнимъ, чѣмъ это сдѣлано Густавомъ Шмоллеромъ въ слѣдующихъ словахъ: „Такимъ образомъ“ — въ современной семейной общинѣ — „жестокость и насиліе, эксплоатація и принудительный трудъ, которыхъ раньше едва ли можно было избѣжать въ семьѣ, выдѣлены въ предпріятія, на базаръ жизни и конкуренціи. Въ семьѣ же теперь создалось мѣсто для мира и уюта, для хозяйничанья съ любовью и нераздѣленнымъ интересомъ, какого прежде не могло быть... Работа женщины въ домѣ охватываетъ маленькій, но законченный гармоническій кругъ; супруга, которая приготовляетъ мужу обѣдъ, ласкаетъ его вечеромъ, приводитъ къ нему дѣтей, — становится въ своемъ служеніи разливающей счастье владычицей своего дома; она ежедневно, ежечасно видитъ передъ собою плоды своей дѣятельности, и знаетъ, что въ ея маленькомъ царствѣ начало и конецъ всѣхъ человѣческихъ стремленій“,

Вторая свѣтлая сторона новѣйшихъ превращеній семьи, заслуживающая особаго упоминанія, заключается въ подъемѣ положенія женщины. Женщина все болѣе и болѣе становится равноправнымъ товарищемъ мужчины, достоинство ея женскихъ преимуществъ и ея дѣятельности находитъ все болѣе общее и полное признаніе.

II. Зарабатывающая дѣятельность (Erwerbstätigkeit) и бракъ въ статистикѣ [1].

Взаимныя отношенія между зарабатывающей дѣятельностью и бракомъ, основныя формы и историческое развитіе котораго описаны на предыдущихъ страницахъ, можно точнѣе прослѣдить при помощи статистики. Она даетъ возможность оцѣнить значеніе различныхъ проблемъ и понять ихъ современныя тенденціи развитія.

За исключеніемъ ничтожно малаго остатка, тема „Заработывающая дѣятельность и бракъ" еще и нынѣ касается всего населенія. Какъ показываетъ нижеслѣдующій обзоръ, по новѣйшимъ даннымъ переписи населенія, круглымъ счетомъ 96 процентовъ нѣмецкаго народа организованы въ семейныя домохозяйства, то есть въ такія жилищныя и домохозяйственныя общенія, которыя непосредственно основываются на бракахъ или посредственно, по смерти одного или обоихъ супруговъ, вытекаютъ изъ нихъ. Только 1,5 процентовъ населенія живутъ одиночками, только 2,9 процентовъ соединены въ учрежденіяхъ.

	Число домохозяйствъ.	Въ процентахъ.	Число принадлежащихъ къ домохоз. лицъ.	Въ процентахъ.	Средняя велич. домохозяйствъ.
Одиночки	870,601	7,1	870,601	1,5	1,0
Семейныя домохозяйства .	11.308,081	92,2	53.866,405	95,6	4,8
Учрежденія	81,330	0,7	1.630,172	2,9	20,0
Всего	12.260,012	100,0	56.367,178	100,0	4,6

По этимъ даннымъ, въ Германіи живутъ въ одномъ домохозяйствѣ, въ среднемъ, 4,6 человѣкъ. Въ другихъ странахъ нормальное домохозяйство имѣетъ приблизительно тотъ же объемъ;

[1] Терминъ „Erwerbstätigkeit" переводится различно на русскій языкъ, большею частью словомъ „самодѣятельность", не соотвѣтствующимъ однако смыслу нѣмецкаго термина. Выраженіе „зарабатывающая дѣятельность" намъ кажется наиболѣе соотвѣтствующимъ смыслу нѣмецкаго термина (охватывающему всѣ вообще занятія, связанныя съ полученіемъ дохода, платы, вознагражденія). — Вставки, относящіяся къ Россіи, отмѣчены знаками [* — *]. Дать такую же картину (въ цифрахъ) развитія отношеній между зарабатывающей дѣятельностью и бракомъ для Россіи, какую авторъ даетъ для Германіи, къ сожалѣнію, невозможно. У насъ имѣются общія для всей страны данныя лишь для одного момента (1897 г.), но и они, благодаря неправильнымъ пріемамъ собиранія и обработки, страдаютъ огромными неточностями (ср., напр., Кадомцевъ. Профессіональный и соц. составъ населенія Европ. Россіи по даннымъ переписи 1897 г.) именно въ занимающемъ насъ здѣсь отношеніи; далѣе, такъ какъ перепись по типу 1897 г. не производилась раньше, не повторялась послѣ 1897 г., то не имѣется сравнимыхъ общихъ данныхъ для сужденія о развитіи этихъ отношеній во времени. Частныя изслѣдованія даютъ только возможность сказать, что въ общемъ это развитіе совершается въ томъ же направленіи, какъ въ Западной Европѣ.

Переводчикъ.

нѣсколько больше оно въ сельскихъ областяхъ Австро-Венгріи и Балканскихъ государствъ, особливо въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ „семейная община“; всего меньше во Франціи, гдѣ среднее число лицъ въ немъ 3,5. Въ этой странѣ незначительная средняя величина семьи зависитъ частью отъ большого числа одиночекъ, а главнымъ образомъ отъ малой рождаемости, результата широкаго распространенія двухдѣтной системы.

Что касается развитія домохозяйствъ во времени, то въ новѣйшее время наблюдается ихъ прогрессирующее уменьшеніе. Хотя имѣющіяся по этому предмету историческія данныя, въ виду недостаточно точной статистики, не всегда сравнимы, но это явленіе, вполнѣ соотвѣтствующее нашему экономическому и соціальному развитію, обнаруживается почти во всѣхъ странахъ. Необходимость раньше и энергичнѣе приниматься за поиски заработка, характеръ современныхъ отношеній обмѣна и производства ведутъ къ умноженію одиночныхъ хозяйствъ, къ прогрессирующему дробленію семейной общины; все меньшее и меньшее число лицъ пользуются благомъ совмѣстной семейной жизни. Въ Германіи въ 1871 г. еще 93,5 процентовъ всѣхъ домохозяйствъ были семейными домохозяйствами, а въ 1892 г. уже только 92,2 процента; среднее число лицъ на одно домохозяйство упало за тотъ же періодъ съ 4,70 на 4,59. Во Франціи въ 1856 г. считалось 4,11 лицъ на домохозяйство, въ 1901 г. только 3,55; въ Бельгіи то же число понизилось въ періодъ отъ 1846 по 1900 г. съ 5,55 на 4,71; въ Соединенныхъ Штатахъ отъ 1850 по 1900 г. съ 5,55 на 4,71. Это уменьшеніе домохозяйствъ тоже содѣйствуетъ упомянутому выше облегченію работы женщинъ по домашнему хозяйству.

Если изслѣдовать ближе составъ семейныхъ домохозяйствъ, то окажется, что они состоятъ почти на девять десятыхъ изъ членовъ семей, а въ остальной части изъ чуждыхъ элементовъ, каковы воспитанники, прислуга, подмастерья, жильцы, ночлежники или временные гости.

Нѣмецкія семейныя хозяйства представляютъ слѣдующій составъ:

47.979,041	членовъ семей = 89,1 процентъ.
1.337,321	домашней прислуги = 2,5 процентовъ.
4.550,043	другихъ лицъ = 8,4 процента.

Такимъ образомъ, семейные элементы составляютъ ядро домохозяйствъ. Этому соотвѣтствуетъ также то обстоятельство, что во главѣ большинства домохозяйствъ стоятъ мужъ и жена. Такихъ брачныхъ домохозяйствъ въ Германіи — какъ можно думать на основаніи подсчетовъ въ нѣкоторыхъ городахъ или маленькихъ государствахъ — въ настоящее время имѣется нѣсколько болѣе девяти милліоновъ или болѣе трехъ четвертей всѣхъ семейныхъ домохозяйствъ. Въ число ихъ входятъ домохозяйственныя организаціи, которыя представляютъ интересъ для главы о зарабатывающей дѣятельности и бракѣ.

Чтобъ получить болѣе точное представленіе объ этихъ семьяхъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, можно воспользоваться статистикой браковъ. По даннымъ послѣдней переписи, во всемъ населеніи Германіи имѣется:

	Мужчинъ.	Въ процентахъ.	Женщинъ.	Въ процентахъ.	Обоего пола	Въ процентахъ.
Холостыхъ и дѣвицъ . .	17.098,806	61,65	16.421,317	57,36	33.520,123	59,47
Состоящихъ въ бракѣ . .	9.797,924	35,32	9.794,955	34,21	19.592,879	34,76
Вдовыхъ	809,238	2,92	2.352,921	8,22	3.162,159	5,61
Разведенныхъ	31,279	0,11	60,738	0,21	92,017	0,16
Всего . . .	27.737,247	100,00	28.629,931	100,00	56.367,178	100,00

Такимъ образомъ состоящіе въ бракѣ какъ въ мужской такъ и въ женской части населенія составляютъ немного болѣе трети всего населенія. Напротивъ, холостые нѣсколько сильнѣе представлены въ мужской, вдовыя и разведенныя въ женской части населенія; это зависитъ оттого, что мужчины вообще позднѣе вступаютъ въ бракъ, чѣмъ женщины, что браки чаще кончаются смертью мужа, чѣмъ жены, и что овдовѣвшіе или разведенные мужчины чаще вступаютъ въ новый бракъ, чѣмъ овдовѣвшія или разведенныя женщины.

[* Приводимъ для сравненія подобную же таблицу для Россіи (кромѣ Финляндіи) по даннымъ переписи 1897 г.:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.	Въ процентахъ.
Холостыхъ и дѣвицъ . . .	35.700,925	32.852,969	68.553,894	54,5
Состоящихъ въ бракѣ . .	24.650,652	24.986,141	49.036,793	39,5
Вдовыхъ	2.053,804	5.226,464	7.280,268	5,8
Разведенныхъ	34,388	53,300	87,688	0,07
Не указавшихъ сем. пол. .	37,579	43,799	81,378	0,1
Всего . . .	62.477,348	63.162,673	125.640,021	100,0

Изъ таблицы видно, что процентъ состоящихъ въ бракѣ въ Россіи выше, чѣмъ въ Германіи (39,5 противъ 34,76%), процентъ разведенныхъ гораздо ниже (что объясняется затруднительностью развода въ Россіи). Какъ и въ Германіи, холостые сильнѣе представлены въ мужской (т. е. холостыхъ мужчинъ больше чѣмъ дѣвицъ), вдовыя и разведенныя (вмѣстѣ) въ женской части населенія *].

Если принять за число наличныхъ браковъ полусумму женатыхъ мужчинъ и замужнихъ женщинъ, то изъ выше приведенной таблицы окажется, что въ Германской имперіи налицо 9.796,440 браковъ. Сравнительно съ прежними подсчетами эта цифра свидѣтельствуетъ о значительномъ возрастаніи числа браковъ, что особенно рѣзко сказывается въ послѣднее десятилѣтіе и можетъ считаться отраднымъ явленіемъ, такъ какъ говоритъ о томъ, что вслѣдствіе улучшенія соціальныхъ и экономическихъ условій больше молодыхъ дѣвушекъ и молодыхъ людей могутъ вступать въ бракъ, чѣмъ раньше. Въ Германіи считалось:

	Браковъ.	На 10,000 жителей.
1871	6.885,231	1677
1880	7.688,343	1700
1885	7.928,532	1692
1890	8.385,547	1697
1900	9.796,440	1738

Правда, это явленіе обнаруживается не во всѣхъ классахъ, а только въ низшихъ, тогда какъ въ высшихъ классахъ теперь женятся позднѣе и рѣже, чѣмъ прежде. Такъ, напримѣръ, въ

трехъ главныхъ промышленныхъ отрасляхъ, земледѣліи, промышленности и торговлѣ, изъ 100 мужчинъ были женаты:

	1895	1882
Среди самостоятельныхъ хозяевъ . .	**86,17**	**86,37**
„ служащихъ	53,12	50,91
„ рабочихъ	41,05	40,48

Въ средѣ высшихъ чиновниковъ и представителей свободныхъ и артистическихъ профессій ростъ позднихъ браковъ еще сильнѣе, чѣмъ въ средѣ самостоятельныхъ предпринимателей.

Какъ извѣстно, число вступленій въ бракъ въ массѣ населенія, въ низшихъ классахъ, находится въ тѣсной связи съ условіями экономическаго и соціальнаго положенія. Чѣмъ лучше эти условія, тѣмъ больше молодыхъ парочекъ могутъ обвѣнчаться и тѣмъ болѣе возрастаетъ, по даннымъ статистики, число вступленій въ бракъ. Обратное дѣйствіе производитъ ухудшеніе отношеній. Конечно, извѣстное число дѣвушекъ не могли бы выйти замужъ даже при наилучшихъ жизненныхъ условіяхъ; какъ извѣстно, существуетъ значительный избытокъ женщинъ, который хотя и уменьшился нѣсколько благодаря мирному и благополучному развитію Германіи и ослабленію мужской эмиграціи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, но все еще составляетъ круглымъ счетомъ 900.000 душъ. По даннымъ таблицы, приведенной выше, въ составѣ всего населенія было 27.737,247 лицъ мужского и 28.629,931 лицъ женскаго пола, или — выражая разницу въ относительныхъ числахъ — на 100 душъ мужского пола приходилось 103,2 женскаго. Подобный же перевѣсъ числа женщинъ характеренъ для всѣхъ западно-европейскихъ государствъ; особенно высокъ онъ въ Даніи (105,2), Норвегіи (107,5), Великобританіи и Ирландіи (106,3), Испаніи (106,2) и Португаліи (109,0). Напротивъ, онъ едва замѣтенъ въ Венгріи (100,9); а еще далѣе на Востокъ въ балканскихъ государствахъ, Сербіи, Румыніи, Болгаріи, Греціи, обнаруживается даже значительный перевѣсъ числа мужчинъ.

[* Въ Россійской имперіи, по даннымъ переписи 1897 г., наблюдается приблизительно то же: перевѣсъ числа женщинъ на Западѣ, мужчинъ на Востокѣ (исключеніемъ является Польша). Именно, на 100 мужчинъ приходится женщинъ: въ Европейской Россіи (50 губерній) 104,28; въ Финляндіи (перепись 1900) 102,1; въ Польшѣ (10 губ.) — 99,53; на Кавказѣ (12 губ.) — 90,09; въ Сибири (9 губ.) — 94,26; въ Средней Азіи — 86,1. Число лицъ мужского пола въ Европейской Россіи было въ 1897 г. 45.749,575; женскаго 47.639,289; избытокъ женщинъ 1.909,714. Въ среднемъ, для всей имперіи (кромѣ Финляндіи) на 100 мужчинъ приходилось 101,05 женщинъ. *]

Перевѣсъ мужского населенія (какъ результатъ иммиграціи) наблюдается также въ государствахъ Новаго Свѣта. Особенно слабо представленъ женскій элементъ въ австралійскихъ колоніяхъ, также на Западѣ Соединенныхъ Штатовъ, тогда какъ на Востокѣ уже образовалось извѣстное равновѣсіе половъ.

Избытокъ женщинъ, съ которымъ мы должны считаться въ Германіи, существуетъ отнюдь не во всѣхъ возрастныхъ классахъ населенія. Напротивъ, въ составѣ населенія, еще не достигшаго двадцати лѣтъ, замѣчается перевѣсъ мужчинъ: ниже 15 лѣтъ

насчитывалось 99,53 лицъ женскаго пола на 100 мужскаго; въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ 99,53; въ возрастѣ отъ 18 до 20 лѣтъ 99,47. Только съ 20 года начинается перевѣсъ женщинъ и съ повышенiемъ возраста становится все значительнѣе. Далѣе, для правильной оцѣнки избытка женщинъ важно то, что онъ представляетъ не столько избытокъ дѣвицъ, сколько избытокъ замужнихъ женщинъ. Именно, на 100 лицъ мужского пола приходилось лицъ женскаго пола:

Въ возрастѣ.	Въ группѣ холостыхъ и дѣвицъ.	Состоящихъ въ бракѣ.	Вдовыхъ и разведенныхъ.	Въ населенiи вообще.
20—30 лѣтъ	76,8	158,3	280,7	100,8
30—40 „	94,3	100,1	335,9	101,6
40—50 „	124,7	93,2	431,9	105,5
50—60 „	142,0	86,3	384,3	113,0
60—70 „	169,9	70,9	288,3	118,8
70—80 „	191,8	52,9	212,4	125,8
Старше 80 л.	206,9	37,0	176,3	135,0
Вмѣстѣ	96,0	100,0	290,8	103,2

Въ виду этого избытокъ женщинъ въ составѣ всего населенiя не имѣетъ рѣшающаго значенiя для вопроса о призванiи жены и матери, онъ прiобрѣтаетъ значенiе только послѣ перехода за среднiй брачный возрастъ; это вопросъ не столько для дѣвушекъ, сколько для пожилыхъ вдовъ.

[* Въ Россiи, по даннымъ переписи 1897 г., въ возрастахъ моложе 1 г., отъ 5 до 6 л., отъ 9 до 10 л., отъ 10 до 16 л., отъ 21 до 25 л., отъ 40 до 50 л., наблюдается перевѣсъ мужчинъ надъ женщинами, въ остальныхъ перевѣсъ женщинъ. Если подводить итоги по десятилѣтiямъ во всѣхъ возрастныхъ классахъ, кромѣ 40 — 50 л., обнаруживается перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами. Приводимъ абсолютныя цифры:

Возрастъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
до 10 л.	13.094,402	13.359,380
10—20	17.131,007	17.208,511
20—30	10.145,066	10.215,904
30—40	7.893,941	7.912,107
40—50	5.873,596	5.832,868
50—60	4.110,800	4.210,657
60—70	2.664,196	2.745,512
70—80 и старше	1.638,420	1.653,212
Всего	62.451,428	63.038,351 *]

Въ дѣйствительности, однако, число женщинъ, которыя не имѣютъ возможности осуществить свое естественное призванiе къ брачной жизни, гораздо больше, чѣмъ можно заключить по величинѣ и значенiю избытка женщинъ. Много мужчинъ остаются холостыми, не хотятъ или не могутъ жениться; кромѣ того, очень неблагопрiятно дѣйствуютъ въ этомъ отношенiи различiя брачнаго возраста между обоими полами. Дѣвушки не только раньше созрѣваютъ для брака, чѣмъ мужчины, но и законодательство (германское) устанавливаетъ возрастъ вступленiя въ бракъ для дѣвушекъ на шестнадцатомъ, для мужчинъ на двадцать первомъ году; эта разница въ возрастѣ во многихъ случаяхъ еще значительно увеличивается вслѣдствiе затрудненiй, испытываемыхъ мужчинами въ нахожденiи заработка. Во многихъ, именно ученыхъ, профессiяхъ мужчинѣ не приходится думать о женитьбѣ

ранѣе тридцатилѣтняго возраста, такъ какъ не ранѣе этого возраста онъ получаетъ возможность зарабатывать достаточно для содержанія семьи. Такъ какъ вслѣдствіе этого мужья бываютъ, въ большинствѣ случаевъ, гораздо старше своихъ женъ, то естественнымъ результатомъ является значительное число вдовъ, почти втрое превосходящее число вдовцовъ. Кромѣ того, вообще большее число женщинъ имѣютъ возможность вступить въ бракъ, если мужчины женятся раньше. Это ясно показываетъ таблица на стр. 232 (вверху).

Послѣдствія разницы въ возрастѣ между мужемъ и женой наглядно уясняются тѣмъ фактомъ, что въ возрастѣ пятидесяти лѣтъ 11 процентовъ всѣхъ женщинъ остаются еще дѣвицами, и слѣдовательно на всю жизнь осуждены остаться безъ брачнаго спутника, а 40 процентовъ уже потеряли мужа и должны доживать вѣкъ вдовами или разводками, въ бракѣ же состоятъ только 49 процентовъ (ср. слѣдующую таблицу).

Общее число мужчинъ, достигшихъ возраста вступленія въ бракъ, то есть двадцати одного года и старше, равнялось, (въ Германіи), по даннымъ послѣдней народной переписи—14.726,784; изъ нихъ женаты были 9.793,671 или 66,5 процентовъ. Женщинъ, способныхъ къ вступленію въ бракъ (16 лѣтъ и старше) было 18.295,406, въ томъ числѣ 9.794,955 или только 53,5 процентовъ замужнихъ. О расчлененіи по возрастамъ мужчинъ и женщинъ, способныхъ къ вступленію въ бракъ, и о семейномъ состояніи тѣхъ и другихъ въ разныхъ возрастахъ, даетъ понятіе нижеслѣдующая таблица

Семейное состояніе.

а) Мужское населеніе.

Возрастные классы.	Холостые.	Женатые.	Вдовые или разведенные.	Всего.	Изъ 100 мужчинъ. Холостыхъ.	Женатыхъ.	Вдовыхъ или разведенныхъ.
20—30[1]	3.063,691	1.151,988	10,770	4.226,449	72,5	27,25	0,25
30—40	621,063	2.657.138	41,643	3.319,844	18,7	80,0	1,3
40—50	245,667	2.215,504	79,743	2.540,914	9,7	87,2	3,1
50 и старше	298,994	2.819,122	643,485	3.761,601	8,0	74,9	17,1
20 и старше[1]	4.229,415	8.843,752	775,641	13.848,808	30,54	63,86	5,6

б) Женское населеніе.

Возрастные классы.	Дѣвицы.	Замужнія.	Вдовыя или разведенныя.	Всего.	Изъ 100 женщинъ. Дѣвицъ.	Замужнихъ.	Вдовъ или разведенныхъ.
16—20	2.067,977	43,473	1,369	2.112,819	97,88	2,06	0,06
20—30	2.440,608	1.833,554	33,138	4.307,300	56,66	42,57	0,77
30—40	596,388	2.675,497	140,506	3.412.391	17,5	78,4	4,1
40—50	306,903	2.084,328	329,433	2.720,664	11,3	76,6	12,1
50 и старше	473,977	2.147,280	1.704,133	4.325.390	11,0	49,6	39,4
16 и старше	5.885.853	8.784,132	2.208,579	16 878,564	34,9	52,0	13,1

Итакъ, даже въ возрастныхъ классахъ отъ 30 до 50 лѣтъ только 76—77 процентовъ всѣхъ женщинъ выполняютъ главное

---

[1] Для возраста старше двадцати одного года, то есть собственно для возраста вступленія въ бракъ, цифръ не имѣется. Поэтому пришлось принять границей двадцать лѣтъ.

призванiе женщины, брачное призванiе; въ болѣе молодомъ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ только 42,5 процентовъ, въ возрастѣ старше 50 лѣтъ только 49,6 процентовъ. Мужчинъ, состоящихъ въ бракѣ, въ младшихъ возрастныхъ классахъ, до тридцати лѣтъ, меньше, чѣмъ женщинъ; нѣсколько больше въ возрастахъ отъ 30 до 40 лѣтъ, значительно больше въ болѣе зрѣлыхъ возрастахъ.

Разсмотрѣвъ статистически бракъ въ его отношенiи къ мужскому и женскому населенiю, мы займемся теперь организацiей зарабатывающей дѣятельности мужчины и женщины въ ея отношенiяхъ къ браку. Для Германiи имѣются данныя подсчета профессiй и занятiй 1882 и 1895 гг.[1]

Чтобы сравнить, прежде всего, характеръ зарабатывающей дѣятельности мужчинъ и женщинъ, сопоставляемъ общiя цифры, имѣющiяся по этому вопросу.

	Число зарабатывающихъ въ 1895.	Въ процентахъ.	Прибыль или убыль (—) сравнительно съ 1882: абсолютная	въ процентахъ.
а) Мужское населенiе.				
Самостоятельные	4.762,675	30,66	297,799	6,67
Служащiе	763,848	4,92	344,232	82,03
Домашняя прислуга	25,359	0,16	— 17,151	— 40,35
Помогающiе члены семей	910,641	5,86	1.491,546	17,57
Другiе работники	9.069,318	58,4		
Зарабатывающiе вообще	15.531,841	100,00	2.116,426	15,78
б) Женское населенiе.				
Самостоятельные	1.171,445	17,81	92,314	8,55
Служащiе	54,042	0,82	29,830	123,20
Домашняя прислуга	1.313,957	19,97	31,543	2,46
Помогающiе члены семей	1.158,944	17,62	883,146	27,99
Другiя работницы	2.879,962	43,78		
Зарабатывающiе вообще	6.578,350	100,00	1.036,833	18,71

Элементарная разница между мужскимъ и женскимъ трудомъ становится ясной изъ того факта, что изъ зарабатывающихъ мужчинъ 30,66 процентовъ, или 4,8 миллiоновъ, занимаютъ самостоятельное положенiе въ своей профессiи, при чемъ большею частью работаютъ внѣ дома; 4,92 процента, или 764,000, занимаются внѣ домашняго хозяйства въ качествѣ служащихъ, а 58,39 процентовъ, или 9 миллiоновъ, въ качествѣ обученныхъ или необученныхъ работниковъ, тогда какъ изъ зарабатывающихъ женщинъ только 17,81 процента, или 1,2 миллiона, занимаютъ самостоятельное положенiе, только 0,82 процента, или 54,000, заняты внѣ домашняго хозяйства въ качествѣ служащихъ, а 43,78 процентовъ, или 2,9 миллiона, въ качествѣ работницъ разнаго рода. Напротивъ того, число зарабатывающихъ мужчинъ, помогающихъ главѣ домохозяйства въ его дѣлѣ, только 911,000 (=5,86 процентовъ общаго числа), тогда какъ изъ зарабатывающихъ лицъ женскаго пола 2,5 миллiоновъ (=37,59 процентовъ общаго

[1] Аналогичныя данныя послѣдней переписи 1907 г., поскольку они даютъ этого рода свѣдѣнiя, будутъ разработаны не ранѣе 1910 г. и потому не могутъ быть использованы здѣсь.

числа) исполняютъ функціи, имѣющія тѣснѣйшее отношеніе къ семьѣ, именно 1,2 милліона въ качествѣ, женъ, дочерей и другихъ родственницъ, помогающихъ главѣ семьи въ его дѣлѣ и ремеслѣ, и 1,3 милліона въ качествѣ женской прислуги, работа которой исполняется въ семьѣ, хотя и не родной. Собственно домохозяйственная дѣятельность женщинъ не разсматривается въ статистикѣ какъ зарабатывающая дѣятельность и потому не является въ этихъ цифрахъ. Такимъ образомъ, мы не располагаемъ статистическими данными относительно наибольшей и наиболѣе цѣнной части женскаго труда, той, которая и для брака всего важнѣе.

Общее число членовъ семей, живущихъ въ семьѣ, не имѣя заработка на сторонѣ, достигаетъ, по новѣйшимъ даннымъ, въ Германской имперіи 27.517,285, т. е. 53 процентовъ населенія, по 2,4 на домохозяйство. Изъ этихъ членовъ семей было:

8.159,817 мальчиковъ младше 14 лѣтъ.
8 219,442 дѣвочекъ младше 14 лѣтъ.
690,244 лицъ мужского пола 14 лѣтъ и старше.
10.447,782 лицъ женскаго пола 14 лѣтъ и старше.

Большое число членовъ семей женскаго пола старше 14 лѣтъ объясняется тѣмъ, что сюда зачислено большинство замужнихъ женщинъ, именно всѣ тѣ, главное занятіе которыхъ заключается въ домашнемъ хозяйствѣ; съ другой стороны тутъ играетъ роль воспитаніе: дочь остается въ семьѣ, пока не выйдетъ замужъ или будетъ вынуждена найти себѣ собственный заработокъ, напротивъ, сынъ въ большинствѣ случаевъ долженъ по окончаніи народной школы подумать о заработкѣ, искать мѣста внѣ родительскаго дома. Для мужчины заработокъ внѣ семьи нормальное явленіе, для женщины исключеніе.

Безъ сомнѣнія, неправильно отказывать домохозяйственной дѣятельности женщинъ въ признаніи ея заработкомъ. Да и статистика держится этой точки зрѣнія только вслѣдствіе чрезвычайныхъ трудностей, съ которыми связана оцѣнка этого неоплачиваемаго женскаго труда. Такъ какъ невозможно же отстаивать ту точку зрѣнія, что воспитательная и домохозяйственная дѣятельность женщинъ можетъ считаться профессіей лишь въ томъ случаѣ, когда осуществляется въ чужой семьѣ за вознагражденіе. Тѣмъ болѣе, что заработокъ женщинъ внѣ семьи въ большинствѣ случаевъ немного приноситъ и много разрушаетъ. Если жена рабочаго зарабатываетъ въ годъ шестьсотъ марокъ и за то почти весь день оторвана отъ семьи, то народное хозяйство отъ этого ничего не выигрываетъ.

Оцѣнка внѣ-семейной зарабатывающей дѣятельности женщинъ, заслуживающей, съ точки зрѣнія вышесказаннаго, величайшаго вниманія, зависитъ, конечно, также и отъ того, какой именно профессіи посвящаетъ себя женщина. Въ этомъ отношеніи важно прежде всего установить, поскольку рѣчь идетъ о **самостоятельномъ** положеніи зарабатывающихъ женщинъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ завѣдуютъ сельскохозяйственнымъ, промышленнымъ или торговымъ предпріятіемъ, дѣло идетъ очень часто о завѣдываніи имѣніемъ, доставшемся вдовѣ, а не о профессіональномъ занятіи. Послѣднее можно сказать вообще лишь о такихъ женскихъ профессіяхъ, какъ шитье, стирка и т. д.,

или о самостоятельной практикѣ „свободныхъ профессій“, музыкантокъ, художницъ, актрисъ, нянекъ и т. п.

Означенныя въ статистикѣ подъ рубрикой служащихъ (Angestellte) 54,042 женщины и дѣвушки въ большинствѣ случаевъ счетоводки, бухгалтерши, кассирши, діаконисcы и т. д.

Болѣе благопріятной оцѣнки съ точки зрѣнія вопроса о зарабатывающей дѣятельности и бракѣ заслуживаютъ профессіи женской прислуги и членовъ семьи, помогающихъ главѣ семьи въ его занятіи, такъ какъ ихъ работа остается въ тѣснѣйшей связи съ семьей.

Изъ остальныхъ 2,9 милліоновъ женщинъ и дѣвушекъ, которымъ приходится зарабатывать деньги или средства существованія въ качествѣ обычныхъ работницъ, при томъ, болѣе чѣмъ наполовину, въ качествѣ необученныхъ помощницъ, большинство — 1,4 милліона — работаютъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ качествѣ прислуги или поденщицъ; 948,328 въ промышленности, въ томъ числѣ 739,755 на фабрикахъ; 270,478 въ торговлѣ и транспортѣ, а остальныя распредѣляются между заработками разнаго рода и службой въ разныхъ учрежденіяхъ, также въ качествѣ больничныхъ сидѣлокъ и т. п. Только объ этихъ 2,9 милліонахъ женщинъ и дѣвушекъ можно сказать, что онѣ оторваны своимъ заработкомъ отъ дома и семьи; но фактически число таковыхъ нѣсколько ниже, такъ какъ и въ этой группѣ есть лица, помогающія главѣ семьи въ его дѣлѣ.

[* Въ Европейской Россіи, изъ общаго числа (6.807,783) рабочихъ, женщинъ было въ 1897 г. 2.199,317 (32,3%); въ томъ числѣ въ сельскомъ хозяйствѣ 554,376 (30,2%), въ промышленности 384,079 (14,6%), въ составѣ прислуги, поденщиковъ и пр. 1.260,862 (54%). Точность этихъ цифръ, впрочемъ, подлежитъ большому сомнѣнію, въ виду ошибокъ, допущенныхъ переписью. Установить число зарабатывающихъ женщинъ вообще и распредѣлить ихъ по группамъ (самостоятельныхъ, помогающихъ и др.) при состояніи нашей статистики и неполнотѣ данныхъ переписи 1897 г. невозможно. *]

Болѣе подробная картина зарабатывающей дѣятельности женщинъ и отношенія послѣдней къ семьѣ и къ мужской работѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ, дана въ нижеслѣдующей таблицѣ. Дальнѣйшія подробности смотри въ третьемъ томѣ этого сочиненія въ главахъ: „Мужчина въ зарабатывающей дѣятельности“ и „Женщина въ зарабатывающей дѣятельности“.

Профессіональное положеніе.	Число зарабатывающихъ въ главной профессіи.		
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.
а) Въ сельскомъ хозяйствѣ.			
Самостоятельные	2.177,778	344,761	2.522,539
Хозяйственныя должностныя лица (управляющіе, инспектора и пр.), также вольнопрактикующіе, ученики	29,116	17,092	46,208
Надзирающій персоналъ (смотрители, дворецкіе и т. п.)	27,434	892	28,326
Конторскій и бухгалтерскій персоналъ	2,371	73	2,444
Сотрудники члены семей	881,488	1.017,379	1.898,867
Сельскохозяйственные батраки и батрачки	1.068,096	650,789	1.718,885
Сельскохозяйственные поденщики съ землей	315,399	67,473	382,872
Сельскохозяйственные поденщики безъ земли	813,543	631,757	1.445,300
Всего	5.315,225	2.730,216	8.045,441

Профессіональное положеніе.	Число зарабатывающихъ въ главной профессіи.		
	Мужчинъ.	Женщинъ.	Обоего пола.
б) Въ промышленности.			
Самостоятельные	1.385,270	389,105	1.774,375
Самостоятельные, занимающіеся на дому	157,002	130,387	287,389
Технически образованные служащіе (инспекторы производствъ, инженеры, химики и т. п.), также вольнопрактикующіе	49,426	66	49,492
Надзирающій персоналъ	100,895	4,225	105,120
Бухгалтерскій и конторскій персоналъ	104,100	5,033	109,133
Сотрудники члены семей	10,532	33,901	44,433
Сотрудники члены семей въ домашней промышленности	1,497	10,073	11,570
Подмастерья, ученики	3.322,107	486,335	3.808,442
Подмастерья и ученики въ домашней промышленности	29,366	14,121	43,487
Другіе пособники, обыкновенно не получившіе предварительнаго обученія	1.599,907	447,872	2.047,779
Всего	6.760,102	1.521,118	8.281,220
в) Въ торговлѣ.			
Самостоятельные	640,941	202,616	843,557
Служащіе	249,920	11,987	261,907
Сотрудники члены семей	15,406	94,527	109,933
Помощники въ торговлѣ и приказчики, разносчики, сидѣльцы, сидѣлицы, ученики	269,414	119,029	388,443
Другіе помощники	583,222	151,449	734,671
Всего	1.758,903	579,608	2.338,511

Изслѣдуя, на основаніи таблицы, помѣщенной на страницѣ 234, развитіе женской зарабатывающей дѣятельности, въ періодъ отъ 1882 по 1895 г., мы найдемъ, что число зарабатывающихъ женщинъ и дѣвушекъ увеличилось на 1 милліонъ или 18,71 процентовъ. Однѣхъ работницъ прибавилось круглымъ числомъ 900,000, изъ нихъ болѣе 400,000 въ промышленности, болѣе 200,000 въ торговлѣ и транспортѣ, болѣе 100,000 въ сельскомъ хозяйствѣ. Можетъ быть, на эти цифры для 1895 года повліялъ также болѣе точный подсчетъ помощниковъ изъ членовъ семей, но во всякомъ случаѣ онѣ показываютъ, что участіе женщинъ въ 1895 г. въ внѣ-семейной зарабатывающей дѣятельности было гораздо значительнѣе, чѣмъ въ 1882 г. Въ связи съ этимъ находится то обстоятельство, что усиленіе зарабатывающей дѣятельности приходится главнымъ образомъ на женщинъ молодыхъ возрастовъ, еще незамужнихъ; такія составляютъ круглымъ счетомъ 700,000 изъ 1 милліона.

При этомъ, однако, не слѣдуетъ забывать, что цифра зарабатывающихъ мужчинъ также сильно возросла, именно на 2 милліона, или 15,78 процентовъ, такъ что предложеніе мужскихъ рабочихъ рукъ врядъ ли бы могло еще усилиться, и о вытѣсненіи мужского труда женскимъ не можетъ быть рѣчи. Напротивъ, благодаря современному развитію промышленности, торговли и перевозки, вообще увеличилась возможность заработка; и ею пользуются, кромѣ мужчинъ, также всѣ тѣ лица женскаго пола, которыя не находятъ больше достаточнаго занятія въ современномъ домашнемъ хозяйствѣ, и въ виду повышенія жизненныхъ требованій и возрастанія расходовъ вынуждены искать заработка;

По фотогр. „Berlin. Illustrat.-Gesellschaft".
Рис. 110. Работницы на фабрикѣ консервовъ.

мужчины обращаются при этомъ къ новымъ, открываемымъ техникой и лучше оплачиваемымъ отраслямъ труда; женщины же, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, занимаютъ брошенныя мужчинами менѣе выгодныя мѣста, а также обращаются къ болѣе подходящимъ для нихъ, чѣмъ для мужчинъ, отраслямъ (различныя отрасли текстильнаго производства, фабрики консервовъ, табачныя и др.).

Разсмотрѣнныя до сихъ поръ цифры однако не вполнѣ охватываютъ сферу женскаго заработка, такъ какъ относятся лишь къ главнымъ занятіямъ женщинъ; колоссальная сфера побочнаго заработка женщинъ ими не затрагивается. Статистика собрала данныя и въ этомъ отношеніи и установила, что въ 1.746,326 случаяхъ женщины, кромѣ попеченія о домашнемъ хозяйствѣ или кромѣ какого-нибудь другого главнаго занятія, имѣютъ побочный заработокъ. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта цифра гораздо ниже дѣйствительной. Въ особенности, колоссальная работа на дому, практикуемая какъ побочный заработокъ женами рабочихъ и служащихъ, крестьянками и т. д., въ большинствѣ случаевъ скрывается изъ ложнаго стыда или изъ страха повышенія налоговъ. На это указываетъ также слѣдующій сводъ статистическихъ данныхъ о побочномъ заработкѣ женщинъ.

Профессія.	Число женщинъ имѣющихъ побочный заработокъ.	Въ процентахъ.
Сельское хозяйство	1.351,570	77,40
Промышленность	153,055	8,76
(Въ томъ числѣ домашняя	38,904	2,23)
Торговля и перевозка	221,084	12,66
Домашнее услуженіе.	9,329	0,53
Общественное услуженіе и т. д. . .	11,288	0,65
Всего . . .	1.746,326	100,00

Всего важнѣе для оцѣнки отношеній зарабатывающей дѣятельности и брака — опредѣлить участіе въ общемъ женскомъ заработкѣ замужнихъ женщинъ. Оно выясняется изъ нижеслѣдующей таблички семейнаго состоянія зарабатывающихъ женщинъ:

Семейное состояніе.	Число зарабатывающихъ женщинъ, включая домашнюю прислугу. 1895	1882	Возрастаніе въ періодъ отъ 1882 по 1885: абсолютное	въ процент.
Замужнія	1.057,653	714,060	343,593	48,12
Дѣвицы	4 545,766	4.827,457	693,240	14,36
Вдовыя и разведенныя .	974,931			
Всего . .	6.578,350	5.541,517	1.036,833	18,71

Итакъ, по послѣднимъ статистическимъ даннымъ, болѣе милліона или 12 процентовъ всѣхъ замужнихъ женщинъ должны были, кромѣ домохозяйственныхъ и материнскихъ заботъ о мужѣ и о дѣтяхъ, заниматься какой-нибудь спеціальной профессіей. Далѣе, статистическія данныя говорятъ, что эта зарабатывающая дѣятельность замужнихъ женщинъ съ 1882 г. сильно возросла, что не слишкомъ отрадное сочетаніе двухъ призваній, которое врядъ ли можетъ осуществляться женщиной безъ ущерба для того или другого, стало значительно болѣе частымъ явленіемъ. Въ какой мѣрѣ эти данныя соотвѣтствуютъ дѣйствительности, въ какой мѣрѣ они являются статистической иллюзіей, нельзя рѣшить: подсобная работа членовъ семей, какъ уже упомянуто, гораздо точнѣе учтена статистикой 1895, чѣмъ 1882 г., вслѣдствіе чего цифры зарабатывающихъ женщинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ домашней промышленности и въ торговыхъ дѣлахъ возросли уже по чисто формальнымъ основаніямъ. Во всякомъ случаѣ возрастаніе зарабатывающей дѣятельности женщинъ безъ сомнѣнія соотвѣтствуетъ дѣйствительности, хотя оно и не такъ значительно, какъ можно думать по вышеприведеннымъ цифрамъ.

Въ какихъ профессіяхъ и въ какихъ положеніяхъ добываютъ свой заработокъ замужнія женщины, показываетъ нижеслѣдующая таблица:

Профессіи.	Число зарабатывающихъ замужнихъ женщинъ въ 1895 г. Самостоятельныя.	Служащія.	Работницы.	Всего.	Напротивъ, въ 1882 г. всего было.
Сельское хозяйство . . .	46,720	1,039	567,542	615,301	442,218
Промышленность	83,554	774	166,338	250,666	148,913
Торговля и перевозка . .	55,244	640	73,292	129,176	62,716
Заработокъ разнаго рода .	—	—	—	28,595	25,193
Общественная служба и свободныя нрофессіи . .	—	—	—	22,643	18,599
Всего . .	185,518 [1]	2,453 [1]	807,172 [1]	1.046,381	697,639

Итакъ, болѣе половины зарабатывающихъ замужнихъ женщинъ заняты въ качествѣ работницъ въ сельскомъ хозяйствѣ, около четверти въ качествѣ работницъ въ промышленности, а почти всѣ остальныя ведутъ самостоятельно какое-либо сельскохозяйственное, промышленное или торговое предпріятіе.

Не всѣ эти зарабатывающія женщины принадлежатъ къ про-

[1] Сумма для сельскаго хозяйства, промышленности, торговли и пере-

летаріату, положеніе котораго въ особенности заслуживаетъ сожалѣнія. Поскольку дѣло идетъ о помощи въ занятіи главы семьи, — а это особенно часто имѣетъ мѣсто въ сельскомъ хозяйствѣ, — ихъ профессіональная работа не представляетъ такихъ отрицательныхъ сторонъ, часто ведется издавна и является привычной и не причиняющей большого ущерба семьѣ. Далѣе, самостоятельная зарабатывающая дѣятельность замужнихъ женщинъ не всегда должна считаться безусловно вредной, такъ какъ она имѣетъ болѣе важное общественное значеніе, и такъ какъ женщина часто исполняетъ лишь роль завѣдующей дѣломъ, не занимаясь имъ сама. Всего печальнѣе положеніе промыш-

Рис. 111. Ручная полировка карандашей.

ленныхъ работницъ (gewerbliche Arbeiterinnen), замужнихъ женщинъ, которыя не заняты въ дѣлѣ своего мужа, а имѣютъ работу внѣ семьи въ промышленности, въ подчиненномъ положеніи. Безъ сомнѣнія, отъ этого сильнѣйшимъ образомъ страдаютъ интересы семьи, а въ особенности дѣтей въ такихъ семьяхъ. Чтобы доставить цифровыя данныя для этихъ отношеній, которыя могли бы служить основой и для какихъ-либо законодательныхъ мѣропріятій, промышленная перепись установила для замужнихъ женщинъ особенную рубрику въ классѣ промышленныхъ рабочихъ. Ихъ оказалось 160,498, то есть нѣсколько болѣе 2 процентовъ всего промышленнаго рабочаго контингента и 14 процентовъ всѣхъ взрослыхъ промышленныхъ работницъ. Слѣдовательно, процентъ замужнихъ женщинъ, занятыхъ въ качествѣ работницъ въ нѣмецкой промышленности, не особенно великъ ни въ сравненіи съ общимъ числомъ рабочихъ, ни въ сравненіи съ количествомъ женщинъ работницъ. Во всякомъ случаѣ, въ 160,498 домохозяйствахъ жены уходятъ на промышленную работу внѣ дома. Но именно въ виду незначительнаго хозяй-

ственнаго значенія, которое, судя по этой цифрѣ, имѣетъ промышленный трудъ замужнихъ женщинъ, слѣдуетъ по возможности ограничивать его, устранять его огромный соціальный вредъ и возвращать этихъ женщинъ ихъ семьямъ и ихъ домохозяйству.

Въ какихъ отрасляхъ промышленности зарабатываютъ свой хлѣбъ эти 160,498 замужнихъ женщинъ, видно изъ слѣдующей таблицы:

Отрасли промышленности.	Число замужнихъ работницъ въ предпріятіяхъ съ персоналомъ изъ: 1—5	6—20	Свыше 20 лицъ.	Всего.
Садоводство, рыболовство, животноводство и т. п.	605	980	1,155	2,740
Промышленность . . .	5,887	11,314	123,603	140,804
Торговля и перевозка .	10,922	2,987	3,045	16,954
Всего . .	17,414	15,281	127,803	160,498

Почти девять десятыхъ заняты въ промышленности въ тѣсномъ смыслѣ (индустріи), главнымъ образомъ въ текстильной, а также въ производствѣ пищевыхъ и т. п. продуктовъ, немного болѣе одной десятой въ торговлѣ. При этомъ весьма замѣчательно, что въ промышленности замужнія женщины работаютъ главнымъ образомъ въ болѣе или менѣе крупныхъ производствахъ (болѣе 20 лицъ), а въ торговлѣ главнымъ образомъ въ мелкихъ (не болѣе 5 лицъ).

Растетъ или убываетъ число замужнихъ промышленныхъ работницъ, нельзя опредѣлить съ увѣренностью. Для производствъ съ болѣе чѣмъ пятью лицами послѣднія переписи даютъ слѣдующія цифры:

Годъ.	Замужнія работницы.	Процентъ взрослыхъ работницъ.
1875	81,233	21,7
1890	130,079	—
1895	134,917[1]	16,3

По этимъ даннымъ абсолютное число работницъ, занятыхъ въ промышленности, возросло, но по отношенію къ общему числу работницъ въ промышленности уменьшилось.

Положеніе фабричныхъ работницъ предметъ постояннаго наблюденія со стороны фабричныхъ инспекторовъ, отчеты которыхъ даютъ богатый матеріалъ въ этой области. Часто производились особенно подробныя изслѣдованія въ этомъ направленіи и публиковались министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, таковы: „Занятія замужнихъ женщинъ на фабрикахъ въ 1899 году“ (Берлинъ, 1901 г.), „Рабочій день работницъ старше 16 лѣтъ на фабрикахъ въ 1902 году“ (Берлинъ, 1903 г.), „Рабочій день фабричныхъ работницъ въ 1904 году“ (Берлинъ, 1905 г.). Изслѣдованіе фабричной работы замужнихъ женщинъ въ 1899 году констатировало въ Германіи всего 229,334 замужнихъ, вдовыхъ и разведенныхъ женщинъ, занятыхъ на фабрикахъ. Онѣ распредѣлялись по слѣдующимъ отраслямъ производства:

	Число.
Горное дѣло, рудники и солеварни, добываніе торфа.	1,333
Обработка камней и минераловъ	19,475
Обработка металловъ	10,739

[1] Число замужнихъ и вдовыхъ фабричныхъ работницъ вмѣстѣ опредѣляется на 1900 круглымъ счетомъ въ 230,000.

	Число.
Производство машинъ, инструментовъ и аппаратовъ	4,493
Химическая индустрія	4,380
Производство освѣтительныхъ продуктовъ, мылъ, жировъ, маслъ, лаковъ	1,162
Текстильная индустрія	111,194
Бумажное производство	11,049
Производство кожи	2,063
Производство деревянныхъ и рѣзныхъ предметовъ	5,635
Производство пищевыхъ и пр. продуктовъ	39,080
Производство одежды	13,156
Строительное дѣло	141
Полиграфическія производства	4,770
Другія отрасли промышленности	664
Всего	229,334

Причинами, побуждающими замужнихъ женщинъ идти на фабрику, являются, въ большинствѣ случаевъ, по даннымъ отчетовъ, матеріальная нужда семьи, смерть мужа, разводъ или расхожденіе, болѣзнь, потеря работоспособности, безработица, незначительность заработка или безпутство мужа. Относительно вреда фабричной работы замужнихъ женщинъ имѣется масса важныхъ указаній. Въ гигіеническомъ отношеніи многія индустріи связаны съ ущербомъ для здоровья, съ преждевременнымъ ослабленіемъ, съ вредными послѣдствіями для женскаго организма отъ работы во время беременности или вскорѣ послѣ родовъ, отъ долгаго стоянія [напримѣръ, въ текстильныхъ производствахъ, на фабрикахъ консервовъ (рис. 110), на карандашныхъ фабрикахъ при ручной полировкѣ карандашей (рис. 111) — эта послѣдняя работа, впрочемъ, чаще выполняется нынѣ автоматически дѣйствующими машинами], отъ постояннаго сидѣнія [напримѣръ, въ сигар-

Рис. 112. Сигарницы.

По фотогр. „Berlin. Illustr.-Gesellschaft“.

Рис. 113. Кирпичницы.

номъ производствѣ (рис. 112), въ производствѣ одежды и шляпъ] отъ черезчуръ тяжелой физической работы [напримѣръ, въ кирпичномъ производствѣ (рис. 114) и т. д.], наконецъ отъ вдыханія вредныхъ паровъ или обращенія съ ядовитыми веществами [напримѣръ, на свинцовыхъ, клееваренныхъ, спичечныхъ (рис. 114) и т. п. фабрикахъ]. Въ моральномъ отношеніи также указываются вредныя послѣдствія многими фабричными инспекторами. Но почти единогласна жалоба на вредныя послѣдствія фабричной работы для материнскаго и домохозяйственнаго призванія замужнихъ работницъ. Само собою понятно, что все, что въ современной промышленности дѣйствуетъ вредно на работницу, вдвойнѣ вредно отзывается на матери. Питаніе грудныхъ младенцевъ и старшихъ дѣтей ухудшается, смертность дѣтей повышается, домашній порядокъ, семейная жизнь, семейное благополучіе мужа и воспитаніе дѣтей страдаютъ. Косвенно все это оказываетъ неблагопріятное дѣйствіе на тѣлесное, духовное и нравственное развитіе всего рабочаго класса.

Поэтому необходимость возможнаго ослабленія этихъ вредныхъ послѣдствій въ настоящее время признается всѣми. Конечно, полное запрещеніе фабричной работы женщинъ пока совершенно неосуществимо. Въ цѣломъ нѣмецкая промышленность могла бы безъ замѣтнаго ущерба отказаться отъ сотрудничества женщинъ, но по частно-хозяйственнымъ основаніямъ приходится признать для многихъ замужнихъ женщинъ необходимость работать на фабрикахъ. Пока, слѣдовательно, можетъ быть рѣчь только объ улучшеніи положенія этихъ работающихъ замужнихъ женщинъ.

На этомъ пути уже въ послѣднее десятилѣтіе минувшаго столѣтія было приступлено къ введенію дѣйствительныхъ мѣръ охраны. По образцу значительно раньше развившейся англійской индустріи, закономъ 1891 г. объ охранѣ труда (вступилъ въ силу 1 апрѣля 1892 г.) запрещена ночная работа фабричныхъ работницъ, далѣе запрещенъ вообще женскій трудъ въ опасныхъ или вредныхъ для женскаго организма отрасляхъ промышленности. Въ качествѣ максимальнаго рабочаго дня установлено для фабричныхъ работницъ 11 часовъ, а наканунѣ праздниковъ и воскресеній 10 часовъ, съ часовымъ перерывомъ для

По фотогр. „Berlin. Illustr.-Gesellschaft".

Рис. 114. Работницы на спичечной фабрикѣ.

обѣда (по требованію самихъ работницъ полуторачасовымъ); въ теченіе четырехъ недѣль послѣ родовъ онѣ вовсе не должны работать, а въ теченіе слѣдующихъ двухъ недѣль могутъ работать только съ разрѣшенія врача.

Въ дополненіе къ введеннымъ уже мѣрамъ, предъявляется еще цѣлый рядъ дальнѣйшихъ требованій объ улучшеніи положенія фабричныхъ работницъ; относительно цѣлесообразности и осуществимости этихъ требованій, вышеупомянутыя изслѣдованія собрали обширный матеріалъ. Прежде всего требуется сокращеніе рабочаго времени съ 11 на 10 часовъ. Въ пользу этого, въ отчетахъ за 1902—1904 годы, высказываются почти всѣ фабричные инспектора. Нѣкоторые изъ нихъ требуютъ также удлиненія обѣденнаго перерыва съ одного на полтора часа и болѣе ранняго окончанія работы по субботамъ, чтобы замужнія работницы могли сдѣлать необходимыя закупки на воскресенье. Дальнѣйшія требованія высказываются въ смыслѣ желательности достигнуть болѣе широкой охраны матери, а въ особенности ро-

женицъ, обезпечить болѣе тщательный уходъ за грудными младенцами и болѣе дѣйствительную охрану матери въ послѣдній періодъ беременности и въ первое время по рожденіи ребенка. Наконецъ, чтобы обезпечить женщинѣ въ теченіе этого времени вознагражденіе за утрату заработка, все настоятельнѣе возбуждается вопросъ о страхованіи материнства. Краткое изложеніе главныхъ пунктовъ этихъ стремленій находимъ въ резолюціяхъ первой нѣмецкой конференціи о защитѣ интересовъ работницъ, состоявшейся въ Берлинѣ отъ 1-го до 5-го марта 1907 года, которая выставила слѣдующія требованія:

Въ видахъ уменьшенія всѣми признанныхъ вредныхъ послѣдствій, первая нѣмецкая конференція защиты интересовъ работницъ, требуетъ: 1) широкихъ мѣръ охраны для беременныхъ и роженицъ; 2) прямыхъ и косвенныхъ мѣръ, которыя облегчатъ фабричной работницѣ соединеніе профессіональной работы, обязанностей домохозяйки и материнства.

I. Въ видахъ охраны беременныхъ и роженицъ, брачныхъ и внѣбрачныхъ, конференція требуетъ введенія государственнаго страхованія материнства на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Установленное имперскими законами обязательное страхованіе больныхъ распространяется на сельскохозяйственныхъ и лѣсоводственныхъ рабочихъ, равно какъ и на прислугу, домашнихъ рабочихъ и промышленныхъ рабочихъ, работающихъ на дому, обоего пола.

2. Страхованіе больныхъ распространяется на всѣхъ членовъ семьи, живущихъ въ домохозяйствѣ участниковъ кассы, съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ оказываемыхъ пособій сравнительно съ самими участниками.

3. Существующіе уже въ законѣ о страхованіи больныхъ зачатки страхованія материнства преобразуются въ вполнѣ дѣйствительное страхованіе материнства, посредствомъ включенія матерей въ составъ лицъ, подлежащихъ дѣйствію закона о страхованіи больныхъ, при чемъ не дѣлается никакой разницы въ отношеніи взносовъ между участниками кассъ женскаго и мужского пола, состоящими или не состоящими въ бракѣ.

4. Пособія страховки материнства должны заключаться въ: a) пособіи въ теченіе шести недѣль до и шести недѣль послѣ родовъ, съ установленнымъ закономъ запрещеніемъ работы и возмѣщеніемъ заработной платы, за вычетомъ взносовъ, въ полномъ объемѣ для женщинъ, членовъ кассы; для членовъ семей женскаго пола въ объемѣ мѣстной заработной платы, получаемой взрослыми лицами женскаго пола; b) безплатной акушерской и врачебной помощи при осложненіяхъ беременности; c) безплатной помощи по домашнему хозяйству, въ случаѣ необходимости, по соображенію завѣдующаго кассой; d) пособіи на кормленіе младенца, въ размѣрѣ двадцати-пяти марокъ, тѣмъ матерямъ, которыя кормятъ еще по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, и дальнѣйшихъ двадцати-пяти марокъ тѣмъ, которыя продолжаютъ кормить еще по истеченіи трехъ мѣсяцевъ; однакоже, если врачъ запрещаетъ кормленіе, премія не должна выдаваться.

5. Кассы должны пользоваться правомъ доставлять или затрачивать средства на основаніе, веденіе или поддержку учрежденій, куда матери, имѣющія грудныхъ младенцевъ, могутъ

обращаться за совѣтами, убѣжищъ для беременныхъ, рожоницъ, матерей и грудныхъ младенцевъ, также на организацію помощи при кормленіи грудныхъ младенцевъ.

6. Предписанія о регулированіи труда или полномъ обязательномъ воспрещеніи послѣдняго для беременныхъ и рожениць должны быть приведены въ согласіе съ постановленіями о страховкѣ материнства.

7. При имѣющемъ быть впослѣдствіи объединеніи нѣмецкаго законодательства о страховкѣ должны быть приняты во вни-

По фотогр. „Berlin. Illustr.-Gesellschaft".
Рис. 115. Домашняя промышленность и семейная жизнь.

маніе задачи страховки материнства. Государство обязано оказать имъ матеріальную поддержку.

II. Въ видахъ облегченія соединенія фабричной работы и материнства надлежитъ добиваться осуществленія еще слѣдующихъ мѣръ, въ качествѣ важнѣйшихъ: 1. Сокращенія рабочаго времени. 2. Дальнѣйшаго ограниченія женскаго труда въ особенно опасныхъ для здоровья индустріяхъ, равно какъ и назначенія многочисленныхъ женскихъ должностныхъ лицъ, съ самостоятельнымъ кругомъ дѣятельности, въ области надзора за промышленностью. 3. Обученія молодыхъ дѣвушекъ домашнему хозяйству и уходу за дѣтьми или въ старшемъ классѣ народнаго училища или въ обязательной дополнительной школѣ. 4. Поощренія учрежденія пріютовъ для грудныхъ младенцевъ, яслей и дѣтскихъ садовъ главнымъ образомъ коммунами, ферейнами или на общественномъ основаніи. 5. Для облегченія домохозяйственной дѣятельности женщинъ, занятыхъ какимъ-либо профессіональнымъ трудомъ, къ рабочимъ домохозяйствамъ долженъ быть примѣненъ рядъ современныхъ приспособленій, какъ

центральное отопленіе, удобныя приспособленія для мытья и стирки въ домахъ для рабочихъ; облегченіе варки пищи при помощи газа, электричества и т. п. Цѣнные зачатки такихъ приспособленій имѣются въ отдѣльныхъ домахъ рабочихъ строительныхъ обществъ и должны быть еще болѣе приняты во вниманіе при дальнѣйшихъ жилищныхъ реформахъ.

Всѣ эти требованія клонятся къ тому, чтобы вернуть семьѣ, хотя бы до нѣкоторой степени, работающую замужнюю женщину и облегчить ей соединеніе фабричной работы и материнства. Равнымъ образомъ, въ настоящее время все больше и больше выдвигается вопросъ о помощи совершенно беззащитнымъ работницамъ въ ремеслѣ и домашней промышленности, положеніе которыхъ часто еще хуже, чѣмъ ихъ товарокъ на фабрикѣ. Рис. 115 изображаетъ клейку флейтъ, однообразную и плохо оплачиваемую ручную работу, надъ которой всѣ члены семьи, отъ мала до велика, какъ и во многихъ другихъ отрасляхъ домашней промышленности, корпятъ съ утра до вечера.

Развитіе промышленныхъ отношеній новаго времени — какъ показываетъ историческій очеркъ въ вступленіи къ этой главѣ — совершается въ томъ смыслѣ, что зарабатывающая дѣятельность все болѣе и болѣе уходитъ изъ семейной общины, которая превращается въ чисто потребительную общину, при чемъ производство благъ совершается внѣ ея. Хотя это развитіе длится уже нѣсколько столѣтій, но и до сихъ поръ еще имѣются обширныя области народнаго хозяйства, въ которыхъ сохранилась старая форма, соединяющая производство съ семьей, хотя и не такъ рѣзко выраженная, какъ раньше. Вотъ главныя цифры для крупныхъ отраслей народнаго хозяйства:

Занятія и полъ.		Число помогающихъ членовъ семей: въ главномъ занятіи.	въ побочномъ занятіи.	Всего.
Сельское хозяйство	мужской . .	881,488	164,347	1.045,835
	женскій . .	1.017,379	897,072	1.914,451
	Итого . .	1.898,867	1.061,419	2.960,286
Садоводство, животноводство, рыболовство.	мужской . .	1,718	976	2,694
	женскій . .	3,064	3,241	6,305
	Итого . .	4,782	4,217	8,999
Промышленность.	мужской . .	12,029	15,104	27,133
	женскій . .	43,974	57,456	101,430
	Итого . .	56,003	72,560	128,563
Торговля и перевозка.	мужской . .	15,406	18,253	33,659
	женскій. . .	94,527	155,341	249,868
	Итого .	109,933	173,594	283,527
Сумма вышеуказанныхъ занятій.	мужской . .	910,641	198,680	1.109,321
	женскій . .	1.158,944	1.113,110	2.272,054
	Итого . .	2.069,585	1.311,790	3.381,375

По этимъ даннымъ помогающіе члены семей составляютъ одну десятую всѣхъ зарабатывающихъ и одну шестую всего рабочаго персонала въ сельскомъ хозяйствѣ, торговлѣ и перевозкѣ. Для женскаго пола цифра вдвое больше, чѣмъ для мужского, частью потому, что дочери дольше, чѣмъ сыновья, остаются въ семьѣ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе широкаго распространенія вспомогательной работы замужнихъ женщинъ. Именно,

замужнія женщины составляютъ въ сельскомъ хозяйствѣ треть общаго числа помогающихъ членовъ семей женскаго пола, въ промышленности и торговлѣ — три пятыхъ. Для возрастного класса отъ 30 до 60 лѣтъ, на который приходится наибольшее число замужнихъ женщинъ, эта доля еще больше: въ сельскомъ хозяйствѣ 71, въ промышленности 85, въ торговлѣ 88 процентовъ.

Наиболѣе распространена вспомогательная работа женщинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ ихъ число превосходитъ даже число рабочихъ и работницъ, а въ дѣйствительности еще выше, чѣмъ указываетъ статистика. Въ особенности часто практикуется она въ хозяйствахъ средняго размѣра и крестьянскихъ. Рис. 116 даетъ одушевленную иллюстрацію этого сотрудничества. Не такъ часто практикуется она въ торговлѣ и перевозкѣ, всего рѣже въ промышленности. Здѣсь она имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ въ мелкихъ производствахъ; чѣмъ меньше производство, тѣмъ болѣе семейный характеръ оно носитъ. Изъ общаго числа помогающихъ членовъ семей въ промышленности и торговлѣ не менѣе восьмидесяти процентовъ приходятся на пять занятій: гостиничное и

Рис. 116. Земледѣліе. Съ картины А. Фурье.

Изъ соч. Гевеля „Machina coelestis".
Рис. 117. Іоганнъ Гевель и его жена, наблюдающіе звѣзды.

трактирное хозяйство, торговля разными товарами и продуктами, хлѣбопекарное, мясное, ткацкое производства; часто эта помощь заключается въ завѣдываніи продажей и въ большинствѣ случаевъ исполняется замужними женщинами. Въ домашней промышленности формы производства, о которыхъ идетъ рѣчь, и которыя для современной эпохи часто приходится признать отсталыми, также сохранились въ большомъ количествѣ. Сотрудницей мужа въ духовной работѣ жена является лишь въ единичныхъ случаяхъ. Жена астронома Гевеля вмѣстѣ съ мужемъ работала съ телескопомъ, изучая таинственное движеніе свѣтилъ небесныхъ (рис. 117). Въ новѣйшее время сообща работали супруги Кюри.

III. Требованія современности.

Какъ отнестись съ точки зрѣнія политико-экономической науки къ многочисленнымъ проблемамъ, которыя ставитъ передъ нами предыдущее изслѣдованіе?

Самое вредное воздѣйствіе зарабатывающей дѣятельности на бракъ обнаруживается — какъ мы уже видѣли — тамъ, гдѣ бракъ основанъ на участіи женщины въ заработкѣ, гдѣ безъ ея помощи нельзя обойтись. Здѣсь поэтому имѣетъ силу первое и важнѣйшее требованіе: по мѣрѣ возможности освободить женщину для ея истиннаго призванія матери и домохозяйки. Не можетъ женщина исполнять обязанности материнства и материнскихъ заботъ, если центръ тяжести ея

дѣятельности лежитъ въ промышленной жизни. Въ домашнемъ хозяйствѣ, если бракъ благословенъ дѣтьми, и при нынѣшнихъ упрощенныхъ способахъ хозяйствованія для женщины найдется достаточно работы: стряпать, чистить платье, убирать и держать въ порядкѣ квартиру и мебель, смотрѣть за дѣтьми и воспитывать ихъ, заботиться объ удобствахъ и отдыхѣ мужа, когда онъ приходитъ домой послѣ работы, — все это и нынѣ отъ нея требуется и всегда останется на ея обязанности. Въ сферѣ заботъ объ устройствѣ квартиры, о дѣтяхъ, о мужѣ — ея задачи безъ сомнѣнія даже значительно возросли сравнительно съ прежними временами. Требованія, предъявляемыя въ этомъ отношеніи къ домашнему хозяйству, при условіяхъ современной прогрессирующей культуры, всюду значительно увеличились сравнительно съ болѣе скромными и простыми отношеніями прежняго времени.

Въ особенности необходимо вернуться къ домашнему очагу тѣмъ замужнимъ женщинамъ, которыя при современномъ развитіи капитализма принуждены искать заработка внѣ дома и въ большинствѣ случаевъ лишены возможности заниматься домашней работой, — замужнимъ фабричнымъ работницамъ. Участь ихъ самихъ и ихъ семей достойна сожалѣнія. Большую часть дня мужъ и жена проводятъ въ мастерской, жена часто за тяжелой, вредной для здоровья работой. Продолжительное стоянье или сидѣнье въ большинствѣ индустрій, односторонніе пріемы работы, переноска тяжестей на кирпичныхъ заводахъ, ядовитые пары на фабрикахъ свинцовыхъ бѣлилъ и т. д., утомительная работа въ періодъ беременности, чрезмѣрное напряженіе силъ при одновременномъ исполненіи материнскихъ обязанностей и фабричной работѣ — дѣйствуютъ крайне вредно на организмъ женщинъ, вызываютъ малокровіе, женскія болѣзни, преждевременные роды и выкидышъ, повышаютъ смертность грудныхъ дѣтей, приводятъ къ тому, что старшія дѣти остаются безъ призора, и часто разрушаютъ семью и домашнее хозяйство. Этимъ самымъ существенно подрывается будущность нашего народа.

Въ этой области въ настоящее время опасность, равно какъ и необходимость государственной защиты, всѣми признана. Соціальное законодательство принесло уже много добра, проведя мѣры защиты замужнихъ женщинъ и матерей, сокращеніе ихъ рабочаго времени и т. д., неустанно стремится вносить въ эту область новыя и новыя облегченія и, надо надѣяться, скоро установитъ для фабричныхъ работницъ (въ Германіи) десятичасовой рабочій день.

Въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ работницы пролетаріата, находятся женщины, у которыхъ заботы о хозяйствѣ и работа по добыванію средствъ могутъ осуществляться одновременно и разомъ, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ домашней индустріи или въ мелочной торговлѣ, гдѣ обѣ задачи могутъ быть гармонически сплетены и связаны. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вредъ такого соединенія незначителенъ, какъ, напр., въ мелочной торговлѣ, гдѣ услуги кліентамъ и мелкія домашнія работы могутъ осуществляться одновременно, иногда же оно связано съ переутомленіемъ женщины и безпризорностью

дѣтей, какъ въ земледѣліи, напр., въ Баденѣ, гдѣ мужъ часто работаетъ на фабрикѣ, а почти всѣ тяжелыя полевыя работы лежатъ на женѣ. Здѣсь стало быть тоже не исключенъ разладъ между материнствомъ и профессіей; но вообще онъ не такъ тяжелъ и рѣзокъ. И здѣсь интересы женщины разбиваются, но ея жизнь все-таки не такъ раздвоена, какъ у фабричной работницы. Во всякомъ случаѣ, вполнѣ основательно требованіе избавить женщину отъ непосильнаго бремени, болѣе сосредоточить ея силы въ домашнемъ хозяйствѣ и по возможности облегчить ей связь материнства и профессіональной работы.

Наконецъ, слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ о третьей — пока еще незначительной — категоріи женщинъ, для которыхъ имѣетъ значеніе вопросъ о томъ, какъ совмѣстить призваніе и бракъ, именно, женщинъ, обезпеченныхъ матеріально и работающихъ на поприщѣ интеллектуальной, артистической или благотворительной дѣятельности не вслѣдствіе нужды, а изъ стремленія къ болѣе богатому содержанію жизни, къ болѣе удовлетворяющей и соотвѣтствующей ихъ образованію работѣ. Здѣсь вполнѣ возможенъ случай, когда ограниченіе женщины домашнимъ хозяйствомъ, которое въ этихъ кругахъ средства часто позволяютъ возложить на прислугу, — равносильно атрофированію способностей женщины, умаленію ея жизненнаго счастья и достоинства ея личности. Въ такихъ случаяхъ можно спокойно отстаивать освобожденіе женщины отъ домашнихъ обязанностей и слѣдуетъ предоставить ей возможность осуществлять свое призваніе даже по вступленіи въ бракъ.

Требованія, предъявлявшіяся въ послѣднія десятилѣтія съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ относительно преобразованія профессій и брака, очень многочисленны.

Одну изъ крайностей этого направленія представляютъ требованія нѣкоторыхъ сторонницъ женскаго равноправія, усматривающихъ идеалъ въ равенствѣ мужчины и женщины и желающихъ во что бы то ни стало добиться „хозяйственной самостоятельности женщины". Онѣ желали бы устранить материнское призваніе и отдѣльное домашнее хозяйство: мужчина и женщина работаютъ независимо другъ отъ друга, каждый самъ по себѣ, и встрѣчаются только въ часы досуга, обѣдъ готовится въ центральныхъ кухняхъ, дѣти воспитываются въ учрежденіяхъ. Бракъ, по мнѣнію однихъ, сохраняется, по мнѣнію другихъ долженъ уступить мѣсто свободной любви, и т. д.

Поверхностность этихъ идей очевидна: мужчина и женщина по самой природѣ своей неодинаковы и никогда не могутъ сдѣлаться одинаковыми. Промѣнять благотворную дѣятельность женщины въ семьѣ на ея „хозяйственную самостоятельность", осуществляемую посредствомъ заработка на сторонѣ, было бы, вопервыхъ, крайне вредно въ народно-хозяйственномъ смыслѣ, такъ какъ исполненіе домашней работы за плату чужими лицами обошлось бы дороже той суммы, которую женщина въ лучшемъ случаѣ можетъ заработать на сторонѣ, конкуррируя съ мужчинами, и было бы далеко не такъ благотворно, какъ современная, неоплаченная, но съ любовью исполняемая, домашняя работа женщины. Во-вторыхъ, сама женщина потерпѣла бы при этомъ большой ущербъ: что представляютъ изъ себя женскія профессіи

въ большинствѣ случаевъ, по даннымъ статистики? Непосильное напряженіе женскаго организма, механическіе пріемы, неквалифицированный трудъ, почти ничего такого, что представляло бы особенно высокую цѣнность въ моральномъ отношеніи. Напротивъ, положеніе женщинъ при такихъ условіяхъ безмѣрно ухудшится, не говоря уже о томъ, что счастье брака, счастье, которое дѣти доставляютъ главнымъ образомъ именно женской природѣ, чрезвычайно умалится и сократится какъ для женщины, такъ и для мужчины. Въ-третьихъ, ущербъ и распаденіе брака, которое должно послѣдовать за исполненіемъ упомянутыхъ требованій крайнихъ сторонницъ женскаго равноправія, также повредитъ прежде всего женщинамъ. Напротивъ, все, что охраняетъ и поощряетъ современный моногамный бракъ, охраняетъ и повышаетъ положеніе женщины. Сохраненіе его и современнаго семейнаго хозяйства гораздо важнѣе для женщины, чѣмъ для мужчины, такъ какъ въ „священныхъ благахъ“ семьи и дома она имѣетъ гораздо большую долю. Разумѣется, и для мужчины — какъ уже пояснено выше — домашній уютъ и семейное счастье ничѣмъ не замѣнимы. Оно же и въ общемъ народно-хозяйственномъ интересѣ, и потому мы видимъ, что вся современная соціальная политика стремится собственно къ тому, чтобы укрѣпить и улучшить семейную жизнь, возстановить ее тамъ, гдѣ она расшатана индустріализмомъ на первыхъ стадіяхъ его развитія. Отъ дальнѣйшаго развитія семейнаго хозяйства въ высокой степени зависитъ будущность народовъ.

Другое крайнее направленіе исходитъ изъ *точки зрѣнія индивидуализма* и невмѣшательства въ экономическую жизнь, выставляя *требованіе полной свободы конкурренціи между мужчиной и женщиной въ промышленной жизни*. Оно забываетъ, что неограниченная свобода соперничества означаетъ гибель слабѣйшихъ, что, слѣдовательно, женщина, которая, въ силу своихъ половыхъ задачъ, временами должна прекращать работу на цѣлые дни или недѣли, — женщина, которая не такъ сильна и вынослива, какъ мужчина, естественно будетъ имъ побѣждена. Поэтому женщина въ промышленной жизни безусловно нуждается въ защитѣ со стороны государства.

Наконецъ, прямую противоположность этому воззрѣнію представляетъ другое, наиболѣе распространенное, которое гласитъ кратко: „*Женщина принадлежитъ семьѣ!*“, и знать ничего не хочетъ о ея заработкѣ внѣ дома. Сторонники этого мнѣнія частью опасаются женской конкурренціи, паденія заработной платы вслѣдствіе массового предложенія дешевыхъ женскихъ рабочихъ рукъ, частью же изъ идеальныхъ соображеній или изъ выше изложенныхъ мотивовъ желаютъ воспрепятствовать вступленію женщины въ промышленную жизнь.

По поводу этого мнѣнія слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что *опасеніе конкурренціи женскаго труда* неосновательно. Женскій полъ обращается главнымъ образомъ къ совершенно опредѣленнымъ, особенно подходящимъ для женскаго труда, профессіямъ, въ которыхъ мужской трудъ и безъ того не играетъ важной роли. Но и тамъ, гдѣ женщины берутся за профессіи, до сихъ поръ принадлежавшія мужчинамъ, врядъ ли

можетъ быть рѣчь о вредномъ вытѣсненіи. Сильное возрастаніе женскаго труда въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій нигдѣ не создало безработицы для мужчинъ, — напротивъ, они обратились къ другимъ, болѣе подходящимъ для нихъ, отраслямъ. Стало быть, дѣло идетъ исключительно о дальнѣйшемъ развитіи раздѣленія труда между мужчиной и женщиной.

Далѣе, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что полное устраненіе женщинъ отъ зарабатывающей дѣятельности въ настоящее время совершенно невозможно. Даже для замужнихъ женщинъ, освобожденіе которыхъ для дома и семьи особенно необходимо, оно не такъ-то скоро будетъ достигнуто; лишь мало-по-малу ихъ положеніе можетъ улучшиться, рабочее время сократиться и число работающихъ внѣ дома значительно уменьшиться. Хотя въ народномъ хозяйствѣ участіе женщины въ національномъ производствѣ не такъ важно, чтобы безъ него нельзя было обойтись, но въ частномъ хозяйствѣ множества рабочихъ семей нужда, заставляющая женщину искать заработка, является сильнымъ препятствіемъ такимъ стремленіямъ. Иначе обстоитъ дѣло съ заработкомъ незамужнихъ женщинъ, дочерей и вдовъ.

Въ особенности для дѣвушекъ, при современныхъ отношеніяхъ, расширеніе зарабатывающей дѣятельности не представляетъ само по себѣ ничего опаснаго; вовсе даже нежелательно, чтобы онѣ сидѣли дома, гдѣ для нихъ мало найдется полезной работы. Дѣвушкамъ, не успѣвшимъ выйти замужъ, надо дать возможность самимъ содержать себя и находить въ своей профессіи извѣстное — хотя разумѣется недостаточное — возмѣщеніе семейнаго призванія, въ которомъ имъ отказано, и извѣстное внутреннее удовлетвореніе. Притомъ во множествѣ случаевъ семьи не могутъ отказаться безъ ущерба для себя отъ заработка дочерей; послѣднимъ приходится помогать родителямъ, приработывать. Домъ нынѣ слишкомъ тѣсенъ для всѣхъ дочерей.

Но профессія, избираемая молодой дѣвушкой, не должна оставаться цѣлью ея жизни; она должна быть такого рода, чтобы ее легко было бросить, если представится случай промѣнять ее на призваніе матери семейства, и чтобы она не соединялась съ какимъ-либо физическимъ или душевнымъ ущербомъ для материнскихъ способностей дѣвушки. Поэтому нужно позаботиться, чтобы дѣвушки наряду съ подготовкой къ какой-либо профессіи получали хорошее домохозяйственное воспитаніе. Далѣе, подготовка дѣвушекъ къ занятіямъ внѣ дома также должна быть по возможности тщательной, чтобы онѣ могли прилагать свои силы въ профессіяхъ, требующихъ знаній, а не въ тяжелой, плохо оплачиваемой, черной работѣ. Особенно важно это для дѣвушекъ, которымъ не удалось осуществить ихъ настоящее призваніе, призваніе матери; но эта опасность существуетъ для большинства дѣвушекъ: бракъ вѣдь не гарантированъ, не говоря уже о пожизненномъ обезпеченіи. Вдовѣ знакомство съ какой-либо профессіей также окажется въ высшей степени полезнымъ, оно поможетъ ей содержать семью послѣ смерти мужа и предотвратить ея распаденіе. Въ этой области также представляются важныя соціальныя задачи.

Вообще, тщательное воспитаніе дѣвушекъ именно въ наши дни является не только важной, настоятельной культурной задачей, но и прямымъ требованіемъ національнаго самосохраненія. Необходимо какъ слѣдуетъ подготовлять подрастающее женское поколѣніе къ постоянно растущимъ требованіямъ, которыя жизнь предъявляетъ къ женщинѣ, какъ супругѣ и матери, или при исполненіи ею какой-либо самостоятельной частной или общественной работы и при участіи въ дѣлахъ благотворительности. Чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ, нужны женщины просвѣщенныя, съ сильной волей и отзывчивымъ сердцемъ. Въ такомъ случаѣ семья останется источникомъ физической, духовной и нравственной силы народа. Разладъ между дѣйствительными способностями женщины и возможной для нея дѣятельностью, обнаруживающійся въ связи съ современнымъ хозяйственнымъ и соціальнымъ развитіемъ, тоже сгладится. Итакъ, школа дѣвушекъ — притомъ какъ низшая, такъ и средняя и высшая, и профессіональная, каждая въ своемъ родѣ — должна болѣе чѣмъ когда - нибудь стремиться дать надлежащее воспитаніе уму, волѣ и сердцу женской молодежи, вооружить ее научными и практическими знаніями, нужными для жизни, и такимъ образомъ сдѣлать работоспособной будущую женщину.

Съ фотогр. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 118. Мать и дитя
Съ картины Ф. А. Фонъ-Каульбаха.

Наряду съ этимъ, конечно, остается еще, въ качествѣ главной задачи, рѣшеніе вопроса о томъ, *какимъ образомъ обезпечить бракъ и съ тѣмъ вмѣстѣ материнское призваніе возможно большему числу дѣвушекъ.*

Ибо необходимость отказаться отъ брака гораздо тяжелѣе ложится на женщину, чѣмъ на мужчину, такъ какъ чувства ея тоньше, а любовь и материнство въ гораздо сильнѣйшей степени влекутъ ее къ семьѣ. Только въ исключительныхъ случаяхъ женщина можетъ найти въ какой-либо профессіи полное возмѣ-

щеніе материнскаго призванія; для массы же остаться въ дѣвушкахъ означаетъ утрату счастья въ жизни.

Одинъ взглядъ на картину Каульбаха (рис. 118) скажетъ больше, чѣмъ тысячи словъ, гдѣ искать истинное счастье женщины.

Вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, наиболѣе трудно разрѣшимый. Идеалъ, выходъ замужъ всѣхъ дѣвушекъ, вообще недостижимъ; десятая часть остается, какъ показываетъ приведенная выше статистика, въ дѣвушкахъ на всю жизнь. Рѣчь можетъ идти лишь объ уменьшеніи числа незамужнихъ. А это находится въ тѣсной связи со всѣмъ соціальнымъ вопросомъ; увеличить число браковъ можно только путемъ общаго подъема народнаго благосостоянія, путемъ улучшенія условій жизни и заработка, главнымъ образомъ въ среднихъ и низшихъ классахъ населенія, при помощи урегулированія рабочаго законодательства и попеченія о вдовахъ и сиротахъ.

Обезпечить для возможно большаго числа людей хозяйственныя предпосылки серьезной, длящейся всю жизнь любви между мужчиной и женщиной, какъ основы общенія родителей съ дѣтьми, вотъ суть вопроса о томъ, какъ соединить зарабатывающую дѣятельность и бракъ.

Примѣчаніе переводчика: Нельзя согласиться съ мнѣніемъ автора о „поверхностности“ взглядовъ тѣхъ сторонницъ женскаго равноправія, которыя проповѣдуютъ „хозяйственную самостоятельность“ женщинъ, приготовленіе пищи въ центральныхъ кухняхъ, общественное воспитаніе дѣтей и т. д. Дѣло въ томъ, что какъ показываютъ факты, женщины въ наиболѣе культурныхъ, наиболѣе свободныхъ и наиболѣе богатыхъ странахъ дѣйствительно стремятся къ самостоятельности хотя бы въ ущербъ семьѣ и браку. Въ С. Штатахъ С. Америки съ ихъ 350,000 учительницъ, 8,000 женщинъ-врачей, 3000 преподавательницъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и со всѣми ихъ эмансипированными женщинами число рожденій въ мѣстномъ населеніи такъ понизилось, что если бъ не постоянный наплывъ эмигрантовъ, населеніе страны уже пошло бы на убыль. Этотъ фактъ показываетъ, что бракъ и семья сами по себѣ не даютъ такого счастья женщинѣ, какъ утверждаетъ авторъ. Никто себѣ не врагъ, и если бъ американки не предпочитали „хозяйственной независимости“ семейному счастью, онѣ бъ не добивались ея въ ущербъ послѣднему (такъ какъ движеніе захватываетъ отнюдь не самые бѣдные классы населенія). Но по тому же пути направляются и всѣ остальныя культурныя государства. Что же съ этимъ дѣлать? Увѣщанія и ламентаціи, какъ показываетъ сама практика, не помогаютъ. Мѣры насилія, принужденія, запрещенія etc. — не годятся; начало принужденія и насилія вообще идетъ на убыль въ культурныхъ странахъ, и есть полное основаніе думать, что съ дальнѣйшимъ ихъ развитіемъ оно все болѣе и болѣе будетъ убывать. Стало быть, остается одно: пытаться предотвратить печальныя послѣдствія „хозяйственной самостоятельности“ женщинъ въ американскомъ смыслѣ при помощи общественныхъ организацій, замѣняющихъ семью. Во всякомъ случаѣ, эта сторона вопроса заслуживаетъ серьезнаго отношенія и обсужденія.

Рис. 119. Правосудіе.
Центральная группа монументальной картины Вальтера Ильнера въ министерствѣ юстиціи въ Дрезденѣ.

Глава шестая.

Правовыя основы брака.

Профессора д-ра Іосифа Колера, тайнаго совѣтника юстиціи въ Берлинѣ.

I. Соціальныя отношенія половъ.

Половыя отношенія людей прежде всѣхъ другихъ стали соціальными отношеніями, и эти соціальныя половыя отношенія находились въ связи со всѣмъ соціальнымъ укладомъ человѣческой жизни. Чѣмъ дальше мы проникаемъ въ прошлое, тѣмъ болѣе открывается намъ человѣческая природа созданной для групповой жизни и образующей болѣе или менѣе простыя или сложныя общины.

Человѣкъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи примѣру многихъ животныхъ, которыя ведутъ групповой образъ жизни и въ групповомъ существованіи находятъ радость и утѣху жизни. Конечно, виды животныхъ въ этомъ отношеніи очень отличаются. Иные живутъ по одиночкѣ, иные парами; часто у близкихъ видовъ мы находимъ самыя разнообразныя формы жизни, и надо признать, что у многихъ животныхъ половыя отношенія приняли форму единобрачія, и что у нихъ уже образовалась настоящая семейная жизнь.

Но совершенно ошибочно заключать отсюда, что первичной

формой человѣческихъ половыхъ отношеній не могъ быть групповой бракъ, такъ какъ человѣкъ долженъ стоять выше всѣхъ животныхъ по своему образу жизни. О высшемъ и низшемъ въ этомъ смыслѣ не можетъ быть рѣчи; значеніе имѣютъ только формы, которыя обезпечиваютъ отдѣльнымъ особямъ долгое существованіе и успѣшную жизнедѣятельность; а въ этомъ отношеніи извѣстно, что, въ концѣ концовъ, тѣ существа всего успѣшнѣе борятся съ неблагопріятными внѣшними вліяніями и внутренними зародышами гибели и осуществляютъ нѣчто длительное, которыя создали упорядоченныя группы или государства. Но это уже подразумѣваетъ побужденіе къ групповому браку.

Поэтому форма брака въ первобытномъ человѣчествѣ была групповая. Вся исторія приводитъ къ этому заключенію, и если намъ указываютъ на племена, живущія въ индивидуальныхъ брачныхъ отношеніяхъ, то эта ссылка не имѣетъ значенія научнаго доказательства, такъ какъ само собою разумѣется, что множество народовъ уже въ раннія времена должны были отказаться отъ группового брака, и притомъ въ такія времена, когда ихъ хозяйственное развитіе находилось еще на очень низкой ступени. Но это еще ничего не говоритъ объ ихъ болѣе раннемъ состояніи: ошибочно было бы думать, что такъ называемые дикари (Naturvölker) не имѣли исторіи и не обнаруживали развитія; развитіе совершается отнюдь не равномѣрно для всѣхъ культурныхъ областей. Напримѣръ, народъ можетъ пережить величайшія превращенія въ сферѣ семейныхъ отношеній, оставаясь въ хозяйственномъ отношеніи на самой ранней ступени. Конечно, этруски духовно стояли гораздо выше многихъ народовъ съ отцовскимъ правомъ, и тѣмъ не менѣе сохранили первобытное материнское право. Конечно, въ хозяйственномъ отношеніи вавилоняне далеко опередили индусовъ, и тѣмъ не менѣе не могли потягаться съ ними въ поэзіи и философіи. Утвержденіе, будто народы, стоящіе на низшей ступени развитія, представляютъ намъ картину первобытныхъ семейныхъ отношеній, безусловная методологическая ошибка, и всѣ построенные на ней выводы нужно отвергнуть. Напротивъ: нѣкоторые народы съ моногаміей, какъ напримѣръ ведды, — выродившіеся, изуродованные остатки когда-то обширныхъ группъ народовъ, которые, поэтому, ничего не говорятъ намъ о первобытныхъ отношеніяхъ.

Что человѣчество изначала вело соціальное существованіе, показываютъ тѣ племена, семейныя отношенія которыхъ несомнѣнно представляютъ намъ первобытнѣйшія формы, каковы въ особенности австралійцы, индѣйцы и отчасти также полинезійцы; это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что у такихъ народовъ мы находимъ переходъ отъ соціальнаго брака къ индивидуальному и можемъ выяснить, какія причины привели къ этому превращенію. Это доказывается также и множествомъ уцѣлѣвшихъ и сохранившихся до позднѣйшихъ временъ „пережитковъ“ (ср. мою „Urgeschichte der Ehe“ (1897), равно какъ и статью въ „Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft“). И нельзя сказать, что это развитіе совершалось у однихъ народовъ такъ, у другихъ иначе. Одинаковый ходъ развитія во всемъ человѣчествѣ доказывается цѣлымъ рядомъ историческихъ данныхъ, такъ что

въ каждомъ племени, которое намъ удается прослѣдить до первобытныхъ временъ, мы должны видѣть прообразъ человѣческаго развитія вообще. И если, поэтому, у ряда народовъ удается прослѣдить формы развитія отъ раннихъ до позднихъ ступеней, то несомнѣнно, что и другіе народы, которые обнаруживаютъ намъ только опредѣленную длительную стадію своего развитія, но не даютъ никакихъ историческихъ указаній, пережили подобное же развитіе; для историческаго познанія существенно важно только уяснить себѣ первоначальныя формы, существенно важно показать, что это дѣйствительно первоначальныя формы и что онѣ представляютъ исходный пунктъ позднѣйшихъ состояній человѣчества.

Рис. 120. Мужчины племени ильпонгвурра (центральная Австралія) съ рисунками тотемовъ.
По „Spencer & Gillen, The Natives Tribes of Central-Australia".

II. Тотемизмъ.

Нѣтъ ничего, что коренилось бы такъ глубоко въ первобытной жизни народовъ и было бы такъ тѣсно связано съ соціальными формами человѣческаго существованія, какъ тотемизмъ. Странная мысль, связывающая человѣка съ какимъ-либо животнымъ и усматривающая въ душѣ животнаго покровителя рода, мысль, что душа данной группы людей тождественна съ душою животнаго и такимъ образомъ связана съ внѣшнимъ міромъ въ этомъ направленіи, эта мысль распространена во всемъ человѣчествѣ. Группа, которая связана съ какимъ-либо групповымъ животнымъ (напримѣръ, тигромъ, пантерой, эму), чтитъ это животное, не смѣетъ его убивать, молитъ его о прощеніи, если причинитъ ему какое-нибудь зло, подражаетъ его движеніямъ въ своихъ танцахъ (это древнѣйшія формы танцевъ) и думаетъ, что послѣ смерти человѣка душа его переходитъ въ животное:

животныя — мѣсто пребыванія предковъ. Какъ развилась эта вѣра, невозможно объяснить съ помощью средствъ нашей теперешней душевной жизни.

Всѣ раціоналистическія объясненія такъ же неправильны, какъ и тѣ, которыя пытаются объяснить возникновеніе идеи бога **нашимъ** душевнымъ укладомъ. Человѣкъ приглядывается къ животному, замѣчаетъ у него побужденія и раздраженія, признаетъ въ немъ проявленіе болѣе или менѣе мощной силы, и это приводитъ его къ сравненію своего собственнаго существа съ животнымъ. То, что для насъ только сходство, для дикаря сразу становится одинаковостью или „тождествомъ". Но вся племенная группа, представляющая такое животное, составляетъ извѣстное единство, связанное съ нимъ и въ себѣ самомъ на жизнь и на смерть, дѣйствуетъ, какъ извѣстное цѣлое во всѣхъ превратностяхъ жизни, сообща нападаетъ и обороняется отъ врага и супротивника. Взгляните, напримѣръ, на группу ильпонгвурра въ центральной Австраліи, изображенную на рис. 120.

Этотъ тотемизмъ, еще откликающійся въ безчисленныхъ сагахъ и легендахъ нашей исторіи (сказка о Мелюзинѣ!), поражающій насъ въ миѳахъ и народныхъ сказаніяхъ, въ теченіе столѣтій, даже тысячелѣтій, находился въ связи съ заключеніемъ брака. Таковъ достовѣрный результатъ нашего изслѣдованія. Одинъ тотемъ вступаетъ въ бракъ съ другимъ, то есть мужчины одного вступаютъ въ половыя сношенія съ женщинами другого, — такимъ образомъ бракъ, если его можно называть этимъ именемъ, становился групповымъ, и оба тотема крѣпко держались другъ за друга, связанные самыми могущественными узами человѣческой жизни.

Первоначальное ли это состояніе? Придерживались ли этой двойственной системы, системы двойственныхъ группъ, съ самаго начала или ей предшествовало болѣе раннее состояніе, когда половыя сношенія совершались внутри одной и той же группы, когда еще не знали тотемизма или не придавали ему такого рѣшающаго значенія? У насъ есть очевиднѣйшія данныя для утвердительнаго отвѣта на второй вопросъ. Мы знаемъ, что именно этотъ переходъ, напр., у австралійцевъ играетъ огромную роль въ легендахъ и миѳахъ; у полинезійцевъ мы также находимъ ясныя воспоминанія о болѣе ранней эпохѣ брака и половыхъ отношеній внутри группы, и узнаемъ, что новая система утвердилась только при помощи строгихъ наказаній. Такимъ образомъ, это новшество должно было являться великимъ переворотомъ, и врядъ ли что-нибудь занимало древніе народы такъ сильно, какъ оно. Народы, не знающіе въ остальныхъ областяхъ жизни никакихъ наказаній, считаютъ чудовищнымъ преступленіемъ, достойнымъ смерти, нарушеніе закона о половыхъ отношеніяхъ. Должны были совершиться глубокія и важныя измѣненія, намъ же извѣстны только ихъ конечные результаты. Вѣроятно, это совершалось въ связи съ развитіемъ тотемизма, и мысль, что тотемъ не долженъ смѣшиваться съ самимъ собою, что ему слѣдуетъ искать полового общенія за своими предѣлами, оказалась громадной важности факторомъ образованія формъ человѣческаго общества.

Какъ бы то ни было, групповой бракъ по способу раздѣленія тотемовъ стоитъ въ началѣ нашей человѣческой культуры. Онъ

такъ распространенъ и оставилъ такіе глубокіе слѣды у позднѣйшихъ народовъ, перешедшихъ къ единобрачію, что не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь общечеловѣческое явленіе. Поистинѣ, переходъ отъ соціальнаго брака къ единобрачію есть одно изъ тѣхъ всемірно-историческихъ событій, которыя всего глубже запечатлѣлись въ сердцахъ народовъ. Повсюду можно найти доказательства, что воспоминанія объ этихъ сокрушительныхъ перемѣнахъ господствуютъ надъ ихъ мышленіемъ и поведеніемъ.

III. Воспоминанія о групповомъ бракѣ.

Во всѣхъ странахъ старое всегда считается хорошимъ и священнымъ, новое дурнымъ и демоническимъ; думаютъ, что это новшество внушено злымъ духомъ, однако, обойтись безъ него не могутъ и чтобы вывернуться изъ этого ужаснаго положенія, которое повидимому неотвратимо влечетъ людей къ погибели, условливаются съ міромъ духовъ или стараются избѣжать вліянія злыхъ силъ и отнять у нихъ случай проявиться, — иными словами, стараются по возможности ослабить треніе при столкновеніи съ злыми силами.

Этимъ только и объясняется цѣлый рядъ учрежденій, которыя представляютъ чистое издѣвательство надъ разумомъ, и тѣмъ не менѣе распространены по всей землѣ и имѣются у народовъ, которые никогда не вступали въ сношенія другъ съ другомъ и не обмѣнивались продуктами своей культуры.

Единобрачіе считается нечестивымъ поступкомъ; поэтому, стараются скрыть его отъ духовъ. Супруги при свадьбѣ держатся на заднемъ планѣ, они должны оставаться въ тѣни; тогда какъ родственники и знакомые устраиваютъ пиръ и предаются шумному веселью. Это мы находимъ по всей землѣ, на Кавказѣ такъ же какъ у австралійцевъ или у кафровъ. Соотвѣтственно тому непосредственное половое общеніе тотчасъ послѣ свадьбы считается опаснымъ, оно находится подъ проклятіемъ злыхъ духовъ; отсюда распространенный по всей землѣ обычай, предписывающій новобрачнымъ вступать въ половое общеніе лишь спустя нѣкоторое время послѣ свадьбы и соблюдаемый очень строго (ср. главу 3). Какъ это связывается съ вѣрой въ духовъ, мы видимъ изъ книги Товита и разсказаннаго въ ней повѣрья, будто злой духъ Асмодей опасенъ для новобрачныхъ. Отсюда и многіе обычаи, имѣющіе цѣлью защиту отъ злыхъ духовъ, и всѣ средства, примѣняемыя съ цѣлью отогнать вражьи силы отъ спальни новобрачныхъ. Отсюда и многіе свадебные обычаи, направленные противъ демоновъ: мечами, копьями, кинжалами, позднѣе выстрѣлами отгоняютъ бѣсовскія силы. Отсюда и слѣдующее явленіе: у нѣкоторыхъ народовъ новобрачные въ теченіе цѣлаго года послѣ свадьбы не должны никому показываться, и еще послѣ того все, относящееся къ половому общенію въ бракѣ, тщательно скрывается.

Но и другія послѣдствія этой мысли распространены по всей землѣ, таковъ въ особенности обычай отчужденія между мужемъ и родителями жены (Schwiegerscheu). Всѣ лица, которыя вступа-

ютъ въ близкія отношенія, становятся табу другъ для друга и должны избѣгать взаимнаго общенія, такъ какъ всякое напоминаніе о бракѣ возбуждаетъ гнѣвъ адскихъ духовъ. У нѣкоторыхъ народовъ это распространяется и на обрученныхъ: они не должны встрѣчаться до брака; но это рѣдко проводится, и слишкомъ противорѣчитъ естественнымъ чувствамъ, чтобы быть общепринятымъ. Общераспространеннымъ этотъ обычай является въ формѣ отчужденія между вступившимъ въ бракъ и родителями противоположной стороны: они не должны видѣться или по крайней мѣрѣ общаться. Правда, этотъ обычай пытались объяснить другими причинами, и въ самомъ дѣлѣ опасеніе взаимнаго полового сближенія между этими лицами могло содѣйствовать стремленію разъединить ихъ и не допускать до перваго сближенія. Но это основаніе могло бы объяснить только отчужденіе между соотвѣтствующими лицами разныхъ половъ; и точно, обычай, о которомъ идетъ рѣчь, выражается прежде всего въ отчужденіи между зятемъ и тещей, при чемъ, конечно, первоначальнымъ мотивомъ не могло быть опасеніе раздора между ними,—это современный мотивъ, чуждый древнимъ народамъ; у нихъ, наоборотъ, могли опасаться только чрезмѣрнаго сближенія между зятемъ и тещей и всего, что изъ него воспослѣдуетъ. Эта мысль, конечно, играла роль, но не одна она, такъ какъ у самыхъ разнообразныхъ народовъ земного шара, отъ австралійцевъ до африканскихъ племенъ, зять и тесть также должны избѣгать другъ друга. Поэтому, первоначальная мысль можетъ заключаться только въ слѣдующемъ: все, что разоблачаетъ единобрачіе и напоминаетъ духамъ объ этомъ ужасномъ нарушеніи древняго обычая, надо по возможности устранять. Здѣсь естественно замѣтить, что разъ подобные обычаи возникли, они держатся у народовъ съ огромнымъ упорствомъ даже въ позднѣйшія времена, когда всякое воспоминаніе о первоначальныхъ мотивахъ изгладилось; въ такихъ случаяхъ народы обыкновенно довольствуются ссылкой на то, что такъ повелось споконъ вѣка у ихъ предковъ.

IV. Экзогамія.

Изъ соціальнаго брака древнихъ временъ развилось правило, что вступающіе въ бракъ должны принадлежать къ различнымъ племеннымъ группамъ. Первоначально вступали въ бракъ группа съ группой, позднѣе отдѣльныя лица одной группы съ отдѣльными лицами другой. Поэтому, указанное правило, обычай экзогаміи, имѣется уже у дикарей, почти повсемѣстно. Запрещеніе брака между родственниками относится къ гораздо болѣе отдаленнымъ временамъ, чѣмъ мы думаемъ, и заходило гораздо дальше, чѣмъ теперь.

Но и церковное право среднихъ вѣковъ очень широко пользовалось запрещеніемъ браковъ, строгость котораго впрочемъ смягчалась частыми диспенсаціями (разрѣшеніями). Новое время вносило въ эту область все больше и больше свободы, и запрещенія родственныхъ браковъ въ нашихъ (нѣмецкихъ) гражданскихъ законахъ (§ 1310) сведено къ минимуму: запрещается бракъ между родными по прямой линіи и братьями и сестрами.

Своеобразную роль играло въ правѣ народовъ такъ называемое духовное родство: нѣкоторыя лица, напримѣръ лицо, игравшее роль отца при обрядѣ посвященія юношей, вступали съ посвящаемымъ въ такія отношенія, которыя соединялись съ запрещеніемъ брака, возникающимъ изъ отношеній отца къ ребенку. Въ христіанскомъ правѣ та же мысль проявилась въ запрещеніи брака между крестными родителями и крестными дѣтьми (cognatio spiritualis). Въ настоящее время оно большею частью отмѣнено.

Но сохранилось другое, именно запрещеніе брака между свойственниками по прямой линіи, особенно между зятемъ и тещей, свекромъ и невѣсткой. Но оно основывается первоначально на вышеупомянутомъ обычаѣ отчужденія.

Запрещеніе браковъ между свойственниками сохранилось и въ нашихъ гражданскихъ законахъ. Своеобразно также опредѣленіе нашего гражданскаго права, согласно которому не могутъ вступать въ бракъ два лица, изъ которыхъ одно имѣло половую связь съ родственникомъ другого по нисходящей или восходящей линіи (§ 1310). Непозволительно, стало быть, дѣвушкѣ выйти замужъ за любовника своей матери; одно время это было излюбленной темой французскихъ романовъ.

Нѣкоторые законы запрещаютъ бракъ между шуриномъ и золовкой, деверемъ и свояченницей, равно какъ и бракъ между дядей и племянницей, теткой и племянникомъ, но допускаютъ диспенсацію; такъ принято въ Италіи (статьи 59 и 68), Франціи (статьи 162—164), Голландіи (статья 88); еще дальше заходитъ Австрія, воспрещающая бракъ между двоюродными братьями и сестрами и распространяющая запрещеніе на свойственниковъ такъ же широко, какъ на родственниковъ, но и здѣсь возможна диспенсація (§§ 63, 64 и 83). Въ Испаніи также запрещеніе простирается очень далеко, также съ широкимъ допущеніемъ диспенсацій (статьи 84 и 85). Запрещеніе cognatio spiritualis испанское право признаетъ только для matrimonio canonico, но не для matrimonio civil. Швейцарскій законъ, статья 119, стоитъ въ общемъ на точкѣ зрѣнія германскаго права.

Примѣч. переводчика. По русскимъ законамъ безусловно запрещены браки до 4-й степени (двоюродные братья и сестры) родства и двухроднаго свойства (свойство между представителями двухъ родовъ: мужа и жены) и первой степени трехроднаго свойства (свойство между представителями трехъ родовъ, напримѣръ: мужа, жены и падчерицы или пасынка). Въ силу духовнаго родства запрещенъ бракъ воспріемника съ воспріятой (крестницей) и ея матерью (кумой), воспріемницы съ воспріятымъ (крестникомъ) и его отцомъ (кумомъ). Браки въ 5-й и 6-й степеняхъ родства и во 2-й, 3-й и 4-й степеняхъ трехроднаго свойства возможны съ разрѣшенія архіерея. Эти запрещенія имѣютъ силу для православныхъ; другія исповѣданія руководятся своими правилами.

V. Переходъ къ единобрачію.

Отъ соціальныхъ половыхъ отношеній человѣчество переходитъ къ индивидуальнымъ, и притомъ съ извѣстной необходимостью, по причинамъ психологическимъ и хозяйственнымъ. Психологическимъ, такъ какъ съ пробужденіемъ индивидуальной личности все болѣе и болѣе развивается стремленіе къ самовластію, и общность въ отношеніи половыхъ сношеній именно въ силу связанныхъ съ ними сильныхъ чувственныхъ индивидуальныхъ побужденій, влекущихъ одинъ полъ къ другому, перестаетъ соотвѣтствовать понятіямъ о счастьѣ. Общность начинаетъ все чаще и чаще встрѣчать препятствія, и отдѣльныя парочки все болѣе

и болѣе стремятся обособиться отъ остальныхъ; часто также извѣстное обособленіе является результатомъ борьбы и спора. Но и хозяйственныя условія не допускаютъ продолженія старой системы, такъ какъ увеличеніе числа людей въ связи съ недостаткомъ естественныхъ пищевыхъ средствъ обусловливаетъ раздробленіе, и такимъ образомъ сохраненіе общинныхъ отношеній становится невозможнымъ. Тотемная семья все болѣе и болѣе распадается на маленькіе кружки, которые, правда, нерѣдко снова сливаются, но уже не на основѣ правилъ тотема, а на основѣ особенностей хозяйственнаго промысла, и такимъ образомъ возникаетъ деревенская община. Но и другой элементъ вмѣшивается при этомъ въ развитіе брака, — элементъ, о которомъ у насъ будетъ рѣчь ниже.

Рис. 121. Индійская баядера или танцовщица при храмѣ.

Однакоже пережитки соціальнаго брака можно обнаружить всюду: таковы священные союзы съ половой общностью, или проституція при храмахъ (религіозный гетеризмъ). У различныхъ народовъ существуетъ обычай, въ силу котораго дѣвушки при храмахъ (въ Индіи „баядеры“, рис. 121) посвящаютъ себя на служеніе богамъ любви, — служеніе, выражающееся въ половомъ общеніи со всѣми посѣтителями храма, которое считается въ данномъ случаѣ издревле освященнымъ обычаемъ. Этотъ культъ Анаитисъ или Астарты былъ въ особенности распространенъ у семитическихъ народовъ. Мы находимъ его уже въ законѣ Гаммураби[1]; но еще во времена римлянъ храмовая дѣвушка, если она не была весталкой, была религіозной проституткой, и относительно іудеевъ извѣстно, что время отъ времени они возвра-

[1] Законъ Гаммураби, 6-го царя первой вавилонской династіи, жившаго около 2250 лѣтъ до Р. Х и прославленнаго своими культурными предпріятіями, состоитъ изъ 282 статей, написанныхъ клинописью на камнѣ въ $2^1/_2$ метра высоты. Онъ найденъ Моргаиомъ и Шейлемъ въ 1901 году. *Перев.*

щались къ старому культу. Когда отпалъ религіозный мотивъ, проституція приняла болѣе общій характеръ, когда же природа окончательно подчинилась необузданному эгоизму, возникла современная проституція, которая, благодаря болѣзнямъ, распространившимся въ человѣчествѣ съ пятнадцатаго столѣтія и вызванному ими полицейскому надзору, стала принимать все болѣе и болѣе странный и отвратительный характеръ, такъ что то, что раньше было нормальнымъ институтомъ человѣческихъ жизненныхъ отношеній, превратилось въ безчестіе и низость.

Попытки обосновать, въ противоположность проституціи, свободное половое общеніе на моральныхъ или по крайней мѣрѣ соціально-психологическихъ основаніяхъ не имѣютъ шансовъ на какой-либо успѣхъ, такъ какъ основываются на общественныхъ чувствахъ, давно отжившихъ свой вѣкъ.

VI. Единобрачіе, какъ насильственныя отношенія.

Бракъ въ формѣ единобрачія нашелъ другое основаніе въ господствѣ и насиліи. Кто владѣетъ женщиной, какъ господинъ, тому она принадлежитъ и въ половомъ отношеніи, рабыня есть въ то же время и жена. Этотъ родъ половыхъ отношеній возникаетъ, какъ скоро народы въ жестокихъ битвахъ начинаютъ присваивать себѣ женъ чуждаго племени, убивая мужчинъ и уводя женщинъ. Поскольку это дѣлается всѣмъ обществомъ, оно входитъ въ рамки соціальнаго брака и соотвѣтствуетъ вышесказанному. Но военныя нападенія не всегда имѣютъ соціальный характеръ: часто это индивидуальные походы и набѣги. Часто отдѣльные удальцы врываются во враждебную область и добываютъ тамъ женщинъ. Кромѣ открытой силы играютъ роль хитрость и коварство, такъ какъ правило, согласно которому успѣхъ все оправдываетъ, господствуетъ у дикарей подъ всѣми широтами. Такой, основывающійся на насиліи, бракъ является единобрачіемъ, такъ какъ именно при такихъ актахъ насилія личность выступаетъ на первый планъ: кто рискуетъ своей шкурой, тому не хочется дѣлить пріобрѣтенное добро съ другими. Этотъ мотивъ сохраняется и тогда, когда, какъ это было повсемѣстно, насиліе переходитъ въ покупку и семейству жены выдаютъ вознагражденіе за причиненный ему ущербъ. Здѣсь еще рѣзче подчеркивается индивидуальное право въ противоположность общему праву, и тотъ, кто рискуетъ не только своей личностью, но и своимъ добромъ, еще болѣе стремится къ единоличному обладанію женщиной.

Какъ глубоко проникаетъ этотъ мотивъ, показываетъ намъ повсемѣстное распространеніе брака посредствомъ умыканія (похищенія) и покупки, который мы встрѣчаемъ во всѣхъ частяхъ свѣта (ср. 2 главу, стр. 117 и сл. и 121 и сл.); всѣ культурные народы современной эпохи, то есть народы индогерманской, семитической и монгольской расъ, этимъ путемъ развили свой институтъ брака, такъ какъ у всѣхъ этихъ народовъ обнаруживаются какъ нельзя болѣе ясныя формы умыканія и покупки, частью въ ихъ свадебныхъ обычаяхъ, частью въ ихъ исторіи. Повсюду, изучая обычаи человѣчества, мы находимъ формы

Мужчина и женщина. II.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Похищеніе сабинянокъ.

По картинѣ П. П. Рубенса.

(Со снимка Браунъ, Клеманъ и К° въ Дорнахѣ.)

брака такого типа: женихъ опоясывается и вооружается, происходятъ притворныя сраженія, невѣста старается спастись бѣгствомъ. И повсюду, обращаясь къ древнимъ законамъ народовъ, мы находимъ, что за женщину выдается извѣстная сумма и что постепенно тѣмъ или другимъ способомъ этотъ обычай смягчается и бракъ-покупка преобразуется.

Насиліе также второй основатель брака, и именно единобрачія, въ противоположность соціальному половому общенію; поэтому оно всюду является въ человѣческихъ воспоминаніяхъ, въ историческихъ легендахъ и сказаніяхъ. Самое знаменитое изъ нихъ — римское сказаніе о похищеніи сабинянокъ, въ которомъ какъ нельзя яснѣе выражается историческая правовая идея брака-умыканія. Здѣсь римляне похищаютъ женщинъ другого племени, въ полномъ соотвѣтствіи съ идеями о скрещиваніи народовъ и идеей умыканія женщинъ, такъ какъ похищались не единоплеменницы, а женщины чужого племени. Продолженіе легенды, разсказывающей о примиреніи, вслѣдствіе вмѣшательства женщинъ, вполнѣ обосновано исторически и психологически; такъ какъ примиреніе женщины съ своей новой участью, за которую она подъ конецъ даже начинаетъ благодарить судьбу, обычное явленіе у этихъ народовъ; сравните, напримѣръ, разсказъ финской Калевалы, гдѣ похищенная женщина очень скоро примиряется съ своей судьбой, потому что ей дарятъ наряды и украшенія, а главное — потому что у ней есть теперь свой мужъ.

Понятно, что эта исторія сабинянокъ, которая такъ глубоко волнуетъ насъ, и, будя безсознательныя воспоминанія о прошлыхъ временахъ, кажется намъ такой естественной, служила темой для художниковъ, особливо такихъ, которые отличаются мастерствомъ передачи одушевленныхъ сценъ, какъ Рубенсъ напримѣръ.

Картина Рубенса (см. худож. прил. „Похищеніе сабинянокъ") обнаруживаетъ великую силу мастера, его неистощимый даръ изобрѣтательности, кипучую жизнь, безконечное разнообразіе ситуацій, мастерское изображеніе движущагося человѣческаго тѣла и иронію человѣчества, которая, возвышаясь надъ всѣми жизненными жребіями, улыбается горю, зная, что оно снова исчезнетъ въ порывѣ чувственной радости. Прибавьте огромную половую силу его фигуръ, ихъ бьющуюся жизнерадостность, фламандскую мужиковатость, въ соединеніи съ чувствомъ красоты, порожденнымъ эпохой Возрожденія, а главное геніальную композицію, которая, несмотря на множество мечущихся и толпящихся фигуръ, сохраняетъ для насъ впечатлѣніе единства, такъ какъ вся суматоха разрѣшается на замкнутыя группы, которыя въ свою очередь сгруппированы съ удивительнымъ чувствомъ формы. Разумѣется и здѣсь на переднемъ планѣ является знакомый образъ Елены Фурманъ[1].

Вообще же у римлянъ существовали какъ бракъ-покупка, такъ и бракосочетаніе въ храмѣ, при чемъ въ результатѣ обѣихъ формъ жена передавалась въ домохозяйство мужа, или, по выраженію римскаго права, отдавалась въ его руки (manus).

---

[1] Жена Рубенса, служившая ему натурой. *Перев.*

Черезъ это она становилась, наравнѣ съ дочерями, подданной мужа, а ея имущество присоединялось къ его состоянію, такъ какъ по римскимъ понятіямъ существовало лишь одно домохозяйство, принадлежавшее всецѣло хозяину дома. Эта форма брака, удѣлявшая женѣ такую же долю наслѣдства, какъ дочери, исчезла уже въ эпоху республики подъ вліяніемъ освободительныхъ стремленій римскихъ женщинъ; уже при первыхъ императорахъ оно встрѣчалось очень рѣдко. Раньше эта форма брака была до такой степени общимъ правиломъ, что даже въ случаѣ отсутствія покупки или храмового обряда manus мужа вступала въ силу, если супруги прожили вмѣстѣ годъ: по истеченіи года бракъ считался нормально заключеннымъ. Постепенно это измѣнилось, и формы брака-покупки и брака, совершаемаго жрецомъ, были тоже почти забыты.

Ихъ замѣнилъ свободный бракъ, при которомъ женщина не дѣлалась подвластной мужу и сохраняла свое собственное состояніе, слѣдовательно — имѣло мѣсто раздѣленіе имуществъ. При этомъ, однако, жена вносила извѣстную сумму на издержки брачной жизни; мужъ распоряжался этимъ имуществомъ въ теченіе брачной жизни, но въ случаѣ развода долженъ былъ вернуть взносъ жены; ему принадлежали только проценты, такъ какъ жена не хотѣла пользоваться благодѣяніями мужа, но желала и въ дѣлахъ имущественныхъ быть его равноправнымъ товарищемъ.

Нѣмецкое право также исходило изъ положенія, что жена поступаетъ подъ власть мужа. Это было связано съ покупкой, но власть осталась и послѣ того, какъ бракъ-покупка постепенно вышелъ изъ употребленія. Такимъ образомъ вышло, что бракъ лишаетъ женщину имущественной правоспособности, пока новое время не внесло перемѣны въ эти отношенія.

VII. Индивидуальный бракъ и многоженство.

Къ стадіи индивидуальнаго брака относится и многоженство, такъ какъ оно возникло изъ брака путемъ умыканія или покупки, и основывается на той мысли, что мужчина можетъ имѣть столько женъ, сколько онъ въ состояніи содержать; можетъ имѣть нѣсколькихъ женъ, какъ нѣсколькихъ лошадей, нѣсколько платьевъ. Такимъ образомъ многоженство развилось даже у высоко-культурныхъ народовъ; однако, оно часто переходитъ въ институтъ привилегированнаго конкубината, такъ какъ рѣдко сохраняются такія отношенія какъ въ исламѣ, гдѣ всѣ жены равноправны. Это ведетъ къ безконечнымъ дрязгамъ и серьезному разладу; особливо если дѣти отъ каждой жены остаются при матери. Въ такомъ случаѣ не только между супругами, но и во всемъ составѣ семьи возникаютъ такіе глубокіе раздоры, что семейный миръ становится невозможнымъ. Отъ этого всегда страдалъ мусульманскій востокъ, и большинство владѣтельныхъ родовъ тамъ гибло изъ-за семейныхъ и женскихъ интригъ.

Поэтому гораздо болѣе разумной оказывается другая система — если уже вообще сохранять многоженство, — при ко-

торой только одна изъ женъ считается главной, а остальныя побочными, такъ что онѣ подчинены въ домѣ главной женѣ, и дѣти ихъ также неравноправны ея дѣтямъ.

Такимъ образомъ устанавливается разъ навсегда опредѣленный порядокъ подчиненія, который не можетъ быть ниспровергнутъ никакими интригами. Таковы вавилонская и израильская системы, при которыхъ жена даже брала съ собою въ домъ мужа служанку, служившую въ то же время наложницей мужу. Примѣры изъ Ветхаго Завѣта, какъ Сарра и Агарь (рис. 122), общеизвѣстны,

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис 122. Изгнаніе Агари. Съ картины Говаерга Флинка

но мы находимъ подобную же систему уже въ законѣ Гаммураби: въ немъ сказано, что если жена приводитъ мужу служанку, то онъ не долженъ имѣть никакой другой побочной жены, развѣ если эта останется бездѣтной. Подобную же систему побочныхъ женъ мы встрѣчаемъ у восточно-азіатскихъ народовъ, также у буддистовъ; съ нея же начали и индогерманцы, и лишь послѣ того какъ побочная жена все болѣе и болѣе оттиралась на задній планъ, а наконецъ, и вовсе была устранена изъ семьи, перешли къ единобрачію (моногаміи), которое теперь у всѣхъ христіанскихъ культурныхъ народовъ считается единственной системой, соотвѣтствующей нравственному порядку.

Это естественно, такъ какъ лишь въ такой семьѣ возможна жизнь душа въ душу, только здѣсь возможно достойное положеніе женщины, только здѣсь возможны товарищескія отношенія

между членами семьи, только здѣсь возможна полная взаимная преданность, не возмущаемая постоянными подвохами и интригами. Конечно, и эта система имѣетъ свои недостатки, какъ, напримѣръ, возможность бездѣтной семьи, а главное опасность безбрачія многихъ женщинъ, которая въ современныхъ странахъ часто становится ощутительнымъ зломъ.

VIII. Левиратъ.

Съ различными способами заключенія брака, разсмотрѣнными выше, связана одна особенность брачнаго союза — та, которую называютъ левиратомъ или ужичествомъ (ср. 2 глава, стр. 104). Но этимъ именемъ обозначаютъ различныя явленія, подъ нимъ подразумѣваются не одинъ, а три института, которые не слѣдуетъ смѣшивать:

1. Групповой левиратъ, состоящій въ томъ, что хотя въ теченіе жизни мужа жена принадлежитъ ему одному, но съ момента его смерти выступаютъ на сцену групповыя отношенія: вдова достается брату умершаго и, именно, въ большинствѣ случаевъ младшему брату.

2. Простой патріархальный левиратъ, состоящій въ томъ, что жена считается собственностью мужа и потому достается его наслѣдникамъ вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ имуществомъ; при чемъ однако ея дѣти не должны прикасаться къ матери, — она достается дѣтямъ отъ другихъ женъ, обыкновенно же братьямъ покойнаго. Позднѣе женщина въ такихъ случаяхъ выкупалась ея семьей.

3. Нійога-левиратъ, своеобразіе котораго заключается въ томъ, что новый мужъ служитъ производителемъ взамѣнъ покойнаго мужа, дѣйствуетъ какъ бы въ качествѣ его представителя, такъ что ребенокъ, родившійся отъ этого новаго мужа, считается ребенкомъ покойнаго. Цѣль этого обычая создать потомство умершему, не оставившему дѣтей, „возстановить ему сѣмя“; все это извѣстно изъ исторіи Руфи, но существуетъ и у другихъ народовъ, такъ какъ повсюду считается, что умершій долженъ имѣть дѣтей, которыя приносили бы ему посмертныя жертвы, оберегали и защищали его алтарь. Только впослѣдствіи этотъ институтъ замѣнился усыновленіемъ.

IX. Бракъ и отцовство.

Новый и третій элементъ брака идея отцовства и происхожденія дѣтей отъ отца. Эта идея связана съ предыдущей, но не прочно, такъ какъ тамъ, гдѣ бракъ есть насильственный бракъ, ребенокъ принадлежитъ отцу безотносительно къ вопросу о происхожденіи. Въ теченіе тысячелѣтій народы считали, что каждый ребенокъ жены принадлежитъ мужу, не взирая на происхожденіе; жена даже обязана была отдаться третьему лицу, если мужъ умиралъ бездѣтнымъ; такъ возникла третья изъ вышеописанныхъ формъ левирата. Но эта мысль должна была уступить мѣсто новой идеѣ: только тотъ ребенокъ рожденъ въ бракѣ, который произведенъ на свѣтъ самимъ мужемъ; вос-

произведенie человѣчества регулируется теперь такимъ образомъ, что мужъ признаетъ законнымъ только того ребенка, который дѣйствительно рожденъ отъ него и связанъ съ нимъ плотью и кровью. Эта мысль возникла у народовъ сначала въ мистической формѣ. Думали, что душа ребенка имѣетъ таинственную связь съ мужемъ его матери, и поступки мужа отражаются на ребенкѣ какъ передъ рожденiемъ, такъ и въ теченie нѣкотораго времени послѣ родовъ. По всей землѣ, подъ всѣми широтами существуетъ обычай: мужъ въ критическiй перiодъ долженъ воздерживаться отъ извѣстныхъ вещей, иначе онъ напугаетъ и прогонитъ душу ребенка, и ребенокъ умретъ; или же въ нѣжномъ тѣлѣ ребенка объявятся злыя, пагубныя влiянiя, которыя, если и не убьютъ его, то испортятъ его характеръ, сдѣлаютъ его злымъ. Поэтому мужъ долженъ въ это время вести особенно сдержанный образъ жизни, отказаться отъ половыхъ сношенiй, отказаться отъ шумныхъ занятiй, воздерживаться отъ употребленiя извѣстной пищи. Такъ возникъ у многихъ народовъ институтъ, казавшiйся раньше совершенно непонятнымъ, институтъ кувады (ср. 2 глава, стр. 129), состоящiй въ томъ, что послѣ рожденiя ребенка мужъ проводитъ нѣсколько времени въ постели, точно больной. Это показалось очень смѣшнымъ миссiонерамъ; древнie писатели также сообщаютъ объ этомъ обычаѣ съ насмѣшкой мудреца, стоящаго выше подобныхъ глупостей; но въ подобныхъ вещахъ сказывается сила исторической идеи. Ребенокъ принадлежитъ мужу душевно, онъ принадлежитъ ему душевно и тѣлесно, и двойственное бытie супруговъ превращается въ счастливую тройственность.

При этомъ выступаетъ на сцену еще слѣдующiй моментъ:

Во времена соцiальнаго брака право еще не имѣло понятiя о супружеской вѣрности, развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что половыя сношенiя должны осуществляться внутри извѣстныхъ границъ. Преступленie кровосмѣшенiя поэтому гораздо древнѣе, чѣмъ преступленie нарушенiя супружеской вѣрности.

Только на дальнѣйшей стадiи брака, когда мужъ сталъ владѣть женой какъ предметомъ имущества, наступило значительное измѣненie въ томъ смыслѣ, что мужъ желалъ пользоваться женой единолично, какъ своей собственностью, и запрещалъ ей сношенiя съ третьими лицами иначе какъ съ его разрѣшенiя, такъ какъ право мужа уступать или ссужать свою жену третьему лицу было общепризнаннымъ. Такимъ образомъ возникла мысль о грѣхѣ нарушенiя супружеской вѣрности, нарушенiя брачнаго обѣта, разумѣется, крайне односторонняя, такъ какъ о грѣхѣ нарушенiя супружеской вѣрности мужемъ, въ томъ смыслѣ, что онъ оскорбляетъ этимъ свою жену, и рѣчи не было; вѣдь онъ пользовался правомъ кромѣ первой жены завести и вторую, и никакихъ ограниченiй для него въ этомъ отношенiи не полагалось.

Еще суровѣе стали относится къ нарушенiю супружеской вѣрности со стороны жены во времена религiознаго брака, такъ какъ здѣсь уже выступало на сцену поруганie святыни дома и оскорбленie домашнихъ боговъ, въ особенности предковъ, охранявшихъ семейный алтарь; и еще суровѣе на третьей стадiи, когда начали придавать главное значенie факту происхожденiя

ребенка отъ мужа: невѣрная жена дѣлаетъ сомнительнымъ отцовство, она похищаетъ дѣтей у ихъ отца!

Такимъ образомъ пришли къ жестокимъ, вплоть до смертной казни, наказаніямъ за нарушеніе супружеской вѣрности, а законы многихъ народовъ предоставили мужу право убить безъ долгихъ разговоровъ невѣрную жену, захваченную на мѣстѣ преступленія. Очень строги семитическіе законы, іудейскій, арабскій, предписывающіе побивать каменьями невѣрную жену; древніе вавилоняне въ этомъ отношеніи также были строги до свирѣпости: наказаніемъ у нихъ было потопленіе.

Фотогр. изд. Фотогр. Общ. въ Берлинѣ.
Рис. 123. Обвиненіе Іосифа женою Потифара.
Съ картины Рембрандта.

Впрочемъ и невѣрность со стороны мужа со временемъ стали считать преступленіемъ, но нестолько съ точки зрѣнія нарушенія супружеской вѣрности, сколько съ точки зрѣнія безнравственныхъ половыхъ отношеній, караемыхъ нѣкоторыми законами, напримѣръ, іудейскимъ и исламомъ, очень строго. Но вообще положеніе мужчины и женщины въ этомъ отношеніи совершенно различное, и это неравенство ведетъ къ тяжелымъ несправедливостямъ. Оттого-то, согласно извѣстному мѣсту Евангелія, Спаситель вступился за нарушительницу брачнаго обѣта, указавъ на грѣховность обвинявшихъ ее мужчинъ. Сцена эта послужила темой безчисленныхъ картинъ, въ томъ числѣ и знаменитой картины Тиціана (рис. 124), въ произведеніяхъ котораго грубая сила чувственности сочетается съ возвышенной идеальностью, и религіозное міросозерцаніе, хотя не особенно глубоко выраженное, не пропадаетъ однако подъ тяжестью реальной тѣлесности. Гораздо глубже изъ жизни выхвачена удивительная картина Рембрандта (рис. 123), изображающая сцену обвиненія Іосифа женой Потифара, клевета которой грозитъ гибелью многоиспытавшему юношѣ.

Въ настоящее время нарушеніе вѣрности со стороны мужа карается такъ же, какъ невѣрность жены, но лишь въ томъ случаѣ, если за этимъ слѣдуетъ разводъ, и только по жалобѣ. Наказаніе — тюремное заключеніе. Духъ времени требуетъ отмѣны наказанія за супружескую невѣрность, и съ полнымъ правомъ: нарушеніе супружеской вѣрности не можетъ быть поводомъ къ наказанію и мести, достаточно осужденія со стороны общества.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 124. Блудница передъ Христомъ. Съ картины Тиціана.

X. Бракъ, какъ сліяніе душъ.

Совершенно новая (четвертая) идея проникла въ брачное право благодаря допущенію возможности сліянія и соединенія душъ. Какъ душа отца съ душою ребенка, такъ души супруговъ вступаютъ въ таинственную связь между собою, при чемъ обѣ составляютъ одно, какъ бы единое существо, и потому всю жизнь остаются прилѣпленными другъ къ другу. Это мысль о соединеніи вступающихъ въ бракъ Богомъ, о заключеніи брака на небесахъ, которая проявляется у разныхъ народовъ въ безчисленныхъ формахъ, въ особенности въ формѣ соединенія пищи, лучшимъ примѣромъ котораго можетъ служить японскій обрядъ „санъ санъ кудо“: три кубка трижды опоражниваются обоими супругами, — трижды три и есть „санъ санъ кудо“. То же выражается въ обрядахъ смѣшенія крови, смѣшенія риса, приносимаго обѣими сторонами, и друг.

Въ этомъ смыслѣ дѣйствуетъ и жречество; бракъ освящается жрецомъ. Послѣдній произноситъ священныя изреченія, которыя

связываютъ души, и оба супруга дѣлаютъ семь шаговъ. Или женихъ и невѣста берутся за руки и получаютъ благословеніе; они соединяютъ руки надъ огнемъ домашняго очага, священникъ связываетъ ихъ одежды (у древнихъ мексиканцевъ) и такимъ образомъ высказывается мысль: высшія, небесныя силы навѣки соединяютъ души вступающихъ въ бракъ.

Конечно, точка зрѣнія, возвышающая бракъ на степень священнаго акта, очень возвышенна.

Въ этомъ случаѣ на супруговъ возлагается священнѣйшая обязанность соотвѣтствовать этой идеѣ общенія душъ, отрѣшиться отъ своей самобытности настолько, чтобы жить душа въ душу, дѣйствовать во имя однѣхъ и тѣхъ же цѣлей, служить однѣмъ и тѣмъ же святынямъ, стремиться къ однимъ и тѣмъ же идеаламъ. Разумѣется, подобныя возвышенныя мысли очень часто разбиваются о житейскую дѣйствительность и величіе идей терпитъ фіаско при столкновеніи съ мелкостью рода человѣческаго. Но во всякомъ случаѣ эта мысль и соединеніе брака съ религіей мощно содѣйствовали просвѣтленію этого института, укрощая въ то же время мужа и возвышая жену.

Понятіе о бракѣ, какъ соединеніи душъ, приводитъ къ допущенію возможности соединенія человѣческой души съ духомъ, ея вступленія въ таинственныя отношенія съ нимъ. Подобныя вещи часто случаются въ такой формѣ, что женщина соединяется съ какимъ-либо богомъ и становится его женой или невѣстой. Нерѣдко дѣвушка вступаетъ въ бракъ съ духомъ растенія, какъ это бываетъ въ Индіи (такъ наз. бракъ съ растеніемъ); и въ самомъ дѣлѣ, если признавать внутреннюю связь между душой человѣка и животнаго или растенія, то почему не въ такой формѣ? Правда, въ Индіи бракъ съ растеніемъ въ большинствѣ случаевъ практикуется просто какъ ухищреніе, съ цѣлью обойти какое-нибудь предписаніе закона; если, напримѣръ, обычай запрещаетъ младшей дочери выходить замужъ раньше старшей, то его можно обойти посредствомъ брака старшей дочери съ растеніемъ: младшая получаетъ въ такомъ случаѣ возможность слѣдовать влеченію своего сердца. Разумѣется, этотъ бракъ имѣетъ еще ту практически удобную сторону, что обвѣнчанная съ растеніемъ можетъ когда угодно сдѣлаться вдовой, для этого достаточно срѣзать или вырвать растеніе. Бракъ съ животными осуществляется не въ такой невинной формѣ, и пережитки его сохраняются до сихъ поръ въ формѣ такъ называемаго скотоложства, которое израильскій законъ каралъ смертью, какъ гнусное преступленіе. Это жестокое ветхозавѣтное наказаніе сохранилось до среднихъ вѣковъ, даже до семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій.

Мысль о союзѣ душъ превратилась въ католицизмѣ въ мысль о таинствѣ: бракъ былъ признанъ таинствомъ. Такъ какъ, однако, у германцевъ всюду практиковалась форма брака, какъ простого семейнаго договора, то мысль о таинствѣ не могла быть проведена въ томъ смыслѣ, что таинство сообщаетъ священникъ, а лишь въ томъ, что его сообщаютъ другъ другу вступающіе въ бракъ. Эта мысль сохранилась въ католицизмѣ и послѣ того какъ Тридентскій соборъ постановилъ, что бракъ обязательно долженъ совершаться въ присутствіи священника и двухъ сви-

дѣтелей. Но священникъ играетъ при этомъ роль пассивнаго зрителя. Онъ ничего не устанавливаетъ и потому не играетъ также роли оффиціальнаго лица въ нашемъ смыслѣ. Хотя обычай церковнаго благословенія сохранился и въ католическихъ странахъ, но не въ томъ смыслѣ, чтобы онъ былъ нуженъ для юридической состоятельности брака. Иначе развилось дѣло въ протестантскихъ странахъ, гдѣ пасторъ получилъ оффиціальное значеніе.

Но высокое достоинство, которое бракъ получаетъ вслѣдствіе церковнаго благословенія, нигдѣ не схвачено глубже и чище, чѣмъ въ „Sposalizio“ Луини (рис. 125) въ Саронно (въ Миланѣ). Картина эта невыразимой возвышенности: богоматерь выступаетъ навстрѣчу своему супругу въ сознаніи великаго мірового назначенія, служительницей котораго она является, и съ неизъяснимымъ чувствомъ высоты историческаго момента.

Церковный бракъ во многихъ государствахъ перешелъ въ гражданскій бракъ, установленіе, созданное естественнымъ правомъ и французской революціей и основывающееся на той идеѣ, что заключеніе брака существуетъ для людей всякой вѣры и всякаго міросозерцанія и что государство не можетъ ни предписывать религіознымъ общинамъ благословлять бракъ лицъ, чуждыхъ ихъ вѣрѣ, ни требовать отъ иновѣрующихъ подчиненія религіознымъ обрядамъ, которые святы только въ глазахъ вѣрующихъ. Религія не должна опускаться до превращенія въ пустую форму и безсодержательный обычай. Это естественно привело къ государственной формѣ брака, которая не исключаетъ церковнаго благословенія, но придаетъ ему совершенно другое значеніе: оно не касается болѣе гражданскаго заключенія брака, но означаетъ, что гражданскій бракъ сопровождается извѣстными религіозными послѣдствіями и что супруги, какъ таковые, принимаются въ составъ церковной общины.

Потребность найти какую-нибудь форму брака для людей иной вѣры или совсѣмъ не вѣрующихъ уже раньше привела къ вынужденнымъ гражданскимъ бракамъ, но этимъ создавалось очень неблаговидное положеніе. Англійское право въ 1836 году установило въ качествѣ закона такъ называемый „факультативный гражданскій бракъ“: вступающіе въ бракъ могутъ заключить церковный бракъ по правиламъ церкви или гражданскій въ соотвѣтствующемъ учрежденіи. Возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли предпочесть такое установленіе такъ называемому обязательному гражданскому браку. Указывали на то, что при такомъ порядкѣ церковный бракъ сохранитъ свое старое важное значеніе, а не будетъ простымъ дополненіемъ къ браку. Но обязательный гражданскій бракъ наилучше соотвѣтствуетъ раздѣленію властей и разницѣ интересовъ государства и церкви.

Это признаютъ и нѣмецкіе гражданскіе законы. Бракъ заключается чиновникомъ, который беретъ на себя гарантію правильности брака. Онъ отвѣчаетъ въ особенности за то, что женихъ и невѣста свободны, и, слѣдовательно, могутъ вступать въ бракъ. Оглашеніе, заимствованное изъ церковныхъ законовъ, имѣетъ цѣлью удостовѣриться въ отсутствіи препятствій, такъ какъ приглашаетъ всѣхъ, кому такія препятствія извѣстны, заявить о нихъ.

Существенное значеніе имѣетъ при этомъ заключеніи брака заявленіе вступающихъ въ бракъ. Оно происходитъ въ формѣ отвѣта жениха и невѣсты на вопросъ чиновника. Впрочемъ, бракъ считается дѣйствительнымъ и въ томъ случаѣ, если согласіе заявлено въ другой формѣ, лишь бы чиновникъ его удостовѣрилъ. Затѣмъ бракъ долженъ быть занесенъ въ книгу, что не существенно для его заключенія, но крайне важно для его доказательства, почему эти книги ведутся очень тщательно и подъ контролемъ государства. Требуются также двое свидѣтелей, но и это не существенно для дѣйствительности брака. По-

По фотогр. братьевъ Алинари во Флоренціи.
Рис. 125. Обрученіе Богоматери Съ картины Бернардино Луини.

добный же порядокъ заключенія брака принятъ въ швейцарскомъ проектѣ гражданскихъ законовъ (статья 137 и сл.) и въ французскихъ и итальянскихъ гражданскихъ законахъ (статья 34 и сл., 165 и 191; 93 и сл.).

Но не всѣ законодательства раздѣляютъ эту точку зрѣнія. Такъ, австрійское гражданское право стоитъ всецѣло на почвѣ церковнаго заключенія брака. Бракъ заключается соотвѣтственнымъ духовнымъ лицомъ, которое считается при этомъ органомъ государства, такъ что здѣсь происходитъ смѣшеніе государственной и церковной функціи, къ которому и должна была неизбѣжно привести такая форма брака. Позднѣйшее законодательство признало вынужденный гражданскій бракъ для такихъ случаевъ, когда священникъ отказываетъ въ заключеніи брака безъ достаточнаго основанія, и кромѣ того гражданскій бракъ для лицъ, не принадлежащихъ ни къ какой закономъ признанной церкви; эти изъятія даны въ законахъ 1868 и 1870 гг. Бракъ у евреевъ опредѣляется особыми постановленіями согласно статьѣ 124 и сл. гражданскихъ законовъ.

Испанскій законъ устанавливаетъ церковный бракъ для католиковъ, гражданскій для другихъ исповѣданій. Церковный опредѣляется постановле-

ніями Тридентскаго собора (гражданскіе законы статья 42 и 75 и сл.); впрочемъ мѣстный судья удостовѣряетъ бракъ (статья 77), но это не необходимо. Гражданскій бракъ заключается у juez municipal (статья 100). Заключающій бракъ можетъ также быть замѣненъ заступающимъ его мѣсто (съ особымъ полномочіемъ).

Въ Англіи и въ большинствѣ штатовъ Сѣверной Америки установленъ факультативный гражданскій бракъ, нѣкоторые же штаты, какъ, напр., Нью-Іоркъ, допускаютъ безформенные common law marriages (браки согласно обычному праву); впрочемъ законъ 1902 года вводитъ въ Нью-Іоркѣ оффиціальное удостовѣреніе за подписью двухъ свидѣтелей, заносимое въ книгу городского регистратора.

Прим. переводчика: Въ Россіи признается только церковный бракъ. Исключеніе сдѣлано для старообрядцевъ (зак. 1874 г.) и сектантовъ, не признающихъ духовныхъ лицъ (Высоч. ук. 17 окт. 1906 г.). Установленіе гражданскаго брака (по крайней мѣрѣ, факультативнаго), какъ общей нормы, является одною изъ насущныхъ потребностей нашего семейнаго права.

Идея единенія душъ еще даетъ себя чувствовать въ тѣхъ странахъ, гдѣ бракъ считается нерасторжимымъ, такъ какъ это основывается на представленіи, что связь, установленная высшимъ опредѣленіемъ, не можетъ быть расторгнута человѣческимъ рѣшеніемъ. Всего глубже проникся этой идеей католицизмъ, подъ вліяніемъ признанія таинства въ бракѣ. Ученіе это не существовало въ церкви съ самаго начала, но, разъ принятое, утвердилось какъ незыблемый догматъ. Другія исповѣданія, въ томъ числѣ греческая церковь, не такъ далеко заходятъ въ отношеніи нерасторжимости брака: они допускаютъ разводъ, но ограничиваютъ право новаго вступленія въ бракъ разведенныхъ; разводъ безъ возможности новаго брака тоже связанъ съ идеей объ извѣстномъ соединеніи душъ. Евангельское ученіе признавало, что бракъ можетъ быть расторгнутъ верховной властью. Эта мысль проникла и въ большинство современныхъ государствъ, такъ что нерасторжимость брака все болѣе и болѣе отживаетъ свой вѣкъ; тѣмъ не менѣе идея соединенія душъ еще находитъ сторонниковъ. Во всякомъ случаѣ мы уже не вѣримъ болѣе въ метафизическое сліяніе душъ въ силу акта бракосочетанія, но представляемъ себѣ, что благодаря постояннымъ общимъ стремленіямъ, въ связи съ сильными душевными движеніями, обусловленными тѣлесной связью (copula carnalis), подобная цѣль можетъ быть достигнута: различіе душевныхъ состояній и душевныхъ побужденій можетъ быть, хотя и не вполнѣ, но все же въ значительной степени, изглажено и двѣ натуры въ извѣстномъ смыслѣ сочетаются въ единство, которое служитъ залогомъ мирнаго существованія и успѣшной дѣятельности какъ въ семьѣ, такъ и въ человѣчествѣ. Съ этой мыслью вполнѣ совмѣстима тенденція нашего (германскаго) современнаго закона, признающая возможнымъ расторженіе брака, но лишь въ томъ случаѣ, если искреннее стремленіе къ единенію оказалось безплоднымъ. Такимъ путемъ церковныя представленія оказали сильное вліяніе на организацію брака, и хотя это учрежденіе приняло теперь другое направленіе, они не потеряны для человѣчества. И теперь еще имѣетъ значеніе то, что говоритъ по этому поводу Ѳома Аквинскій (III, qu. 29a, 2): сущность брака заключается въ нераздѣлимомъ соединеніи душъ, въ силу котораго каждый изъ супруговъ долженъ хранить нерушимую вѣрность другому.

Въ нѣкоторыхъ странахъ сохранилась нерасторжимость брака. Таково въ особенности ученіе австрійскаго права, еще вполнѣ проникнутаго церковной идеей; на первомъ планѣ стоитъ основное положеніе, что католическіе браки нерасторжимы даже въ томъ случаѣ, когда въ моментъ заключенія брака одна изъ сторонъ или даже обѣ стороны не принадлежали къ католичеству, а приняли его лишь впослѣдствіи. Разводъ допускается лишь въ томъ случаѣ, если въ моментъ вступленія въ бракъ обѣ стороны не принадлежали къ католичеству, а впослѣдствіи одна изъ нихъ приняла его; при такихъ условіяхъ сторона, оставшаяся не католической, можетъ требовать развода (Сводъ законовъ, статья 111 и 116). Только въ случаѣ безвѣстнаго исчезновенія можетъ послѣдовать признаніе безъ вѣсти пропавшаго умершимъ и брака расторгнутымъ (статья 112). Напротивъ, у некатоликовъ допускается разводъ, даже въ томъ случаѣ, когда единственнымъ мотивомъ его является непреодолимое отвращеніе, съ тѣмъ условіемъ только, что отвращеніе продолжалось и послѣ фактическаго разъединенія супруговъ. У евреевъ допускается разводъ по взаимному соглашенію, если супруги упорствуютъ въ своемъ рѣшеніи, несмотря на настоятельныя увѣщанія раввина, но и здѣсь можетъ быть еще назначенъ извѣстный срокъ съ цѣлью убѣдиться, не окажется ли возможнымъ возстановленіе брачныхъ отношеній; въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности только мужъ имѣетъ право требовать развода (ср. гражданскіе законы § 133 и 135).

Гражданскіе законы Италіи, въ остальномъ слѣдующіе французскимъ, также отвергаютъ въ статьѣ 148 и сл. разводъ; но тенденціи новаго времени и въ Италіи клонятся къ установленію этого института (ср. Teresa Labriola, Del divorzio).

Испанское право также признаетъ лишь расхожденіе супруговъ, а не расторженіе брака; процессы объ этомъ разбираются, если дѣло идетъ о церковномъ бракѣ, церковнымъ судомъ, если о гражданскомъ,—гражданскимъ (статьи 80 и 104 и сл. гражданскихъ законовъ).

Англія, несмотря на реформацію, до 1857 не признавала развода по суду, а только раздѣленіе стола и постели; такъ какъ разводы, опредѣлявшіеся духовными судами, неправильно назывались разводами,—на самомъ дѣлѣ это были случаи признанія недѣйствительности брака въ виду какихъ-либо мотивовъ, дѣлавшихъ его недѣйствительнымъ съ самаго начала. Разводъ въ нашемъ смыслѣ можно было осуществить только съ помощью парламента, который при извѣстныхъ обстоятельствахъ расширялъ раздѣленіе стола и постели до развода; такъ повелось съ семнадцатаго столѣтія. Разумѣется, подобные случаи были рѣдки и составляли привилегію богатыхъ. Только съ 1857 года, когда дѣла о разводѣ перешли къ гражданскому суду, сталъ возможенъ разводъ по суду (вслѣдствіе нарушенія супружеской вѣрности).

Въ Соединенныхъ Штатахъ тоже существовалъ когда-то разводъ въ силу законодательнаго акта; но этотъ порядокъ былъ отмѣненъ послѣдующими конституціями. Разводъ же, опредѣляемый гражданскимъ судомъ, былъ признанъ раньше, чѣмъ въ Англіи, и различно регулированъ законодательствомъ Штатовъ. Въ однихъ онъ дается легче, въ другихъ труднѣе; нѣкоторые, какъ Дакота, разрѣшаютъ его безъ всякихъ затрудненій, иные, какъ Южная Каролина, вовсе не допускаютъ развода по суду. Отсюда возникли злоупотребленія въ томъ смыслѣ, что за разводомъ стали обращаться въ такіе штаты, гдѣ онъ разрѣшался легко; случалось, что одинъ изъ супруговъ уѣзжалъ отъ другого, поселялся въ такомъ штатѣ и получалъ разводъ, хотя другой супругъ оставался въ другомъ штатѣ. Недавно однако высшій гражданскій судъ въ Вашингтонѣ призналъ въ дѣлѣ Haddock противъ Haddock подобныя постановленія о разводѣ недѣйствительными.

Впрочемъ и нѣмецкое право дозволяетъ (католикамъ) требовать вмѣсто развода прекращенія супружескаго общенія, при чемъ бракъ остается не расторгнутымъ: супруги могутъ затѣмъ снова сойтись и жить въ бракѣ, какъ раньше (но съ раздѣленіемъ имущества); пока этого не случилось, каждый изъ супруговъ можетъ требовать развода (§ 1575 сл. и 1586 сл.).

Швейцарское право также признаетъ кромѣ развода простое расхожденіе супруговъ, которое судья можетъ разрѣшить по прошенію, но можетъ опредѣлить и самъ, вмѣсто развода, если находитъ, что есть шансы на возстановленіе супружескихъ отношеній; расхожденіе опредѣляется на извѣстный срокъ или на неопредѣленное время, а затѣмъ можетъ быть, по прошенію, превращено въ разводъ (если срокъ не указанъ, — черезъ три года), § 169—171.

Примѣч. переводчика. По русскимъ законамъ разводъ можетъ быть постановленъ духовнымъ судомъ по жалобѣ одного изъ супруговъ въ случаѣ:

1) нарушенія супружеской вѣрности (прелюбодѣянія) съ той или съ другой стороны; 2) неспособности къ брачному сожитію (не ранѣе 3 лѣтъ со времени вступленія въ бракъ); 3) безвѣстнаго отсутствія въ теченіе не менѣе 5 лѣтъ; 4) лишенія всѣхъ правъ состоянія одного изъ супруговъ (зак. гражд., ст. 45 слѣд.).

Двоебрачіе также можетъ служить поводомъ для оставленнаго супруга требовать развода, при чемъ и второй бракъ признается недѣйствительнымъ,— и виновный осуждается на вѣчное безбрачіе.

Другихъ поводовъ не признается. Въ этомъ отношеніи наше законодательство отстало даже въ сравненіи съ своими источниками: византійскимъ правомъ, которое признавало заразительную болѣзнь („лихой недугъ" Ярославовыхъ законовъ) поводомъ къ разводу, и древне русскимъ обычаемъ, допускавшимъ разводъ въ случаѣ растраты женинаго имущества мужемъ или жестокаго обращенія съ женою.

Разводъ запрещается и католической церковью, но католическія страны до нѣкоторой степени исправляютъ вредныя послѣдствія этого запрещенія посредствомъ института разлученія супруговъ по суду (вслѣдствіе жестокаго обращенія, запойнаго пьянства и т. п.). Нашъ законъ категорически отвергаетъ разлученіе (Зак. гр., ст. 103).

Прелюбодѣяніе, какъ мотивъ для развода, должно быть доказано свидѣтельскими показаніями: сознаніе виновнаго не считается доказательствомъ. До 1904 года виновный въ прелюбодѣяніи, въ случаѣ развода, осуждался на вѣчное безбрачіе. Въ 1904 г. опредѣленіемъ синода виновному супругу предоставлено право вступить въ бракъ вторично, но только разъ, и притомъ послѣ семилѣтней церковной эпитиміи, которая можетъ быть сокращена архіереемъ до 2 лѣтъ (Уст. Дух. Консист., с. 253. Опр. свят. синода 18 марта и 30 апрѣля 1904 года).

Верхъ устарѣлости представляетъ порядокъ веденія дѣлъ о разводѣ. Архаическія формы процесса въ духовномъ (консисторскомъ) судѣ и въ особенности формальная теорія доказательства дѣлаютъ разводъ труднымъ и дорого стоящимъ. Создался особый типъ спеціалистовъ по бракоразводнымъ дѣламъ, добивающихся развода при помощи лже-свидѣтелей,—разумѣется, за хорошій гонораръ.

Прибавимъ, что по ст. 1585 прелюбодѣяніе карается по жалобѣ оскорбленной стороны, заключеніемъ въ монастырь или въ тюрьму на 4—8 мѣсяцевъ. Но это лишь въ случаѣ преслѣдованія виновнаго уголовнымъ судомъ, безъ просьбы о разводѣ. Если же оскорбленная сторона добивается развода (въ духовномъ судѣ), то наказанія за прелюбодѣяніе не налагается.

Другія вѣроисповѣданія руководятся своими правилами. Такъ, у лютеранъ поводомъ къ разводу могутъ служить злонамѣренное оставленіе супруга, жестокость, грубое обращеніе, развратъ и т. д.; цѣлый рядъ мотивовъ, частью очень странныхъ съ нашей точки зрѣнія (напр., занятіе одного изъ супруговъ добываніемъ руды), считаются достаточнымъ основаніемъ для развода у евреевъ; у магометанъ разводъ можетъ состояться по желанію мужа, по взаимному соглашенію (съ уплатой мужу за потерю жены!), вслѣдствіе взаимнаго отвращенія и др.

Независимо отъ развода, бракъ можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ въ рядѣ случаевъ, перечисленныхъ въ ст. 37 законовъ гражданскихъ: бракъ съ сумасшедшимъ, насильственный бракъ, браки въ запрещенныхъ степеняхъ родства, бракъ при живомъ супругѣ, браки лицъ, не достигшихъ законнаго возраста или перешедшихъ предѣльный возрастъ (80 лѣтъ), бракъ разведеннаго, если онъ лишенъ права вступать во вторичный бракъ, четвертый бракъ, браки монашествующихъ и духовныхъ, бракъ съ язычникомъ.

Дѣти отъ браковъ, признанныхъ недѣйствительными, зачислялись до закона 1902 въ разрядъ внѣбрачныхъ дѣтей, теперь же за ними сохраняются права дѣтей законныхъ.

XI. Реакція. Бракъ съ точки зрѣнія естественнаго права.

Гораздо ниже этого воззрѣнія стоитъ такъ называемое естественное право семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій, — оно пред-

ставляетъ даже высшую степень грубо матеріальной, животной оцѣнки жизни, въ особенности въ Вольфовскомъ Jus naturae, часть VII, глава 2. Бракъ разсматривается здѣсь, собственно, какъ учрежденіе для разведенія людей, съ чисто заводской точки зрѣнія, и въ этомъ смыслѣ обсуждается вся проблема брака. Міръ долженъ воспроизводиться, и въ видахъ воспроизведенія природа вложила въ насъ извѣстныя чувства и склонности. Съ точки зрѣнія естественнаго права все должно соотвѣтствовать своей цѣли, и потому человѣкъ долженъ обуздывать свои любовныя наклонности и страсти лишь постольку, поскольку это выгодно для продолженія рода человѣческаго; этимъ самымъ осуждается противоестественный развратъ и одобряется половая воздержность, сущность которой однако заключается въ подчиненіи своихъ побужденій цѣлямъ воспроизведенія и разнуздываніи ихъ только для этихъ цѣлей. Отсюда выводили: бракъ недѣйствителенъ, если съ той или съ другой стороны обнаруживается препятствіе для дѣторожденія, поэтому неспособные къ дѣторожденію мужчины или безплодныя женщины не могутъ вступать въ бракъ; поэтому также бракъ недѣйствителенъ у лицъ, питающихъ отвращеніе къ половымъ сношеніямъ, а равно и въ такомъ возрастѣ, который исключаетъ воспроизведеніе.

Сюда присоединяется еще и другое обстоятельство. Продукты брака, дѣти, не могутъ быть сразу выброшены въ общество, но требуютъ многолѣтняго воспитанія. Отсюда вытекаетъ, что мужъ и жена должны быть вмѣстѣ и заниматься не только рожденіемъ, но и воспитаніемъ дѣтей.

Поэтому же недопустимо и безпорядочное смѣшеніе половъ; только связь между двумя опредѣленными лицами можетъ соотвѣтствовать цѣли, такъ какъ только въ такомъ случаѣ, при достовѣрности отцовства и усиленныхъ взаимныхъ заботахъ можетъ преуспѣвать воспитаніе дѣтей. Въ виду этого отвергаются какъ многомужество, такъ и многоженство; послѣднее представляетъ еще ту невыгодную сторону, что люди, разумѣется, не ангелы, и нѣсколько женъ въ одной и той же семьѣ не уживутся безъ ссоръ и дрязгъ.

Такимъ образомъ обосновывается супружеская вѣрность, и бракъ признается правомъ одного супруга на тѣло другого, что привело еще у Канта къ благородному воззрѣнію на бракъ, какъ на взаимный наемъ половыхъ частей, вмѣстѣ съ которыми приходится, конечно, принимать и личность, такъ какъ эти части не отдѣлимы отъ нея.

Въ остальномъ бракъ разсматривается какъ договоръ, который самъ по себѣ, конечно, не требуетъ никакой формы, но у народовъ часто принимаетъ извѣстную форму, такъ что отдѣльному лицу приходится приспособляться къ общей формѣ. Но и обрученіе тоже связываетъ, какъ договоръ, и изъ двухъ послѣдовательныхъ обрученій первому должно принадлежать преимущество. Въ силу полового общенія обрученіе само собою становится бракомъ, — мысль, которую естественное право заимствовало у каноническаго.

На вопросъ, не допустимо ли въ извѣстныхъ случаяхъ и многоженство, именно въ случаѣ безплодія первой жены, естественное право отвѣчаетъ, что бракъ съ безплодной женщиной

недѣйствителенъ; вообще же число женщинъ и мужчинъ приблизительно одинаково, и многоженство привело бы къ тому, что много мужчинъ остались бы безъ этого драгоцѣннаго придатка къ жизни.

Переходя затѣмъ къ вопросу о расторжимости, ожидаемъ найти мысль, что договоръ можетъ быть уничтоженъ противоположнымъ договоромъ. Это дѣйствительно признается, пока нѣтъ дѣтей. При наличности дѣтей расторженіе брака отвергается въ интересахъ дѣтей и съ тѣмъ вмѣстѣ въ интересахъ цѣлей брака. Тѣмъ не менѣе естественное право тоже признаетъ расторжимость брака, именно въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности, притомъ не только со стороны жены, но и со стороны мужа, имѣя въ виду, что нарушеніе супружескаго обѣта, по самому существу договорнаго права, оправдываетъ расторженіе договора; такимъ же порядкомъ приходятъ и къ признанію допустимости развода въ случаѣ умышленнаго пренебреженія, отказа въ исполненіи супружескихъ обязанностей и непримиримой вражды, — въ послѣднемъ случаѣ также и потому, что при такихъ отношеніяхъ воспитаніе дѣтей не можетъ преуспѣвать, а, напротивъ, страдаетъ. Очень назидательно утвержденіе, что всякій, кто можетъ производить дѣтей и содержать семью, обязанъ вступить въ бракъ; далѣе, въ бракѣ обѣ стороны по существу равноправны, но жена можетъ передавать власть надъ собой мужу, и такъ какъ общепринято, что въ семьѣ господствуетъ мужъ, то жена дѣйствительно молчаливо передастъ власть, при заключеніи брака мужу, и становится подъ его начало. Эта власть мужа подразумѣваетъ и право наказывать жену, каковое наказаніе однако должно смягчаться супружеской нѣжностью.

Всѣ эти положенія характеризуютъ точку зрѣнія естественнаго права. Безъ всякой психологической глубины, безъ мысли о перемѣнахъ и превращеніяхъ, которыя во всѣ времена совершаются въ человѣчествѣ, устанавливается брачное право, стоящее на ступени коннозаводчика. Мысль, что соединеніе душъ мужчины и женщины можетъ имѣть и совершенно иное значеніе, кромѣ содѣйствія дѣторожденію и воспитанію дѣтей, чужда естественному праву. Связанное съ бракомъ развертываніе нравственныхъ человѣческихъ силъ, доходящее до взаимной жертвы, и огромное вліяніе союза мужской дѣятельной силы съ женской мягкостью и жизнерадостностью — совершенно не признаются. Человѣкъ принижается на степень производящаго и вскармливающаго дѣтей млекопитающаго; упускается изъ вида и то, что половые процессы не только служатъ цѣлямъ воспроизведенія, но и сами по себѣ представляютъ мощное соединеніе душъ и потому являются очагомъ дѣятельнаго самопожертвованія и альтруистическихъ заботъ. Совершенно упускается изъ вида также грандіозная щедрость природы, которая въ тысячѣ случаевъ пробуждаетъ въ человѣкѣ страсть, хотя только одинъ изъ этихъ случаевъ завершается воспроизведеніемъ; забываютъ, что въ мірѣ возникаетъ безчисленное множество зародышей, изъ которыхъ выживаетъ лишь одинъ, что природа даетъ съ расточительной щедростью, чтобы тѣмъ вѣрнѣе достигнуть цѣли въ единичномъ случаѣ.

Такимъ образомъ на мѣсто благородной щедрости природы выступаетъ скаредная домашная экономія, и, какъ бережливый хозяинъ, выдаетъ на расходы не больше, чѣмъ необходимо, такъ благовоспитанные супруги трудятся какъ разъ столько, ни больше ни меньше, сколько требуется для снабженія міра надлежащимъ количествомъ людей и людишекъ.

Все это воззрѣніе могло бы произвести комическое впечатлѣніе, если бъ не было такъ печально видѣть, до какого состоянія низости и огрубѣнія опустилось человѣчество въ теченіе столѣтій, пока наконецъ девятнадцатый вѣкъ не уничтожилъ такъ называемаго естественнаго права.

Но остатки его все еще сохраняются если не въ наукѣ, то въ народномъ мнѣніи, и курьезные аргументы ученія о естественномъ правѣ снова и снова повторяются въ брошюрахъ и газетахъ. Отброшено старинное представленіе о бракѣ, какъ о покупкѣ; но мысль, что бракъ есть взаимный наемъ тѣлъ другъ у друга, еще пошлѣе и противнѣе.

XII. Идеальное назначеніе брака.

Идеальная цѣль брака въ міровомъ развитіи не только воспроизведеніе рода человѣческаго, такъ какъ оно можетъ осуществляться и безъ брака, и не воспитаніе дѣтей, которое можно организовать совершенно иначе — напомнимъ, что у нѣкоторыхъ народовъ, напримѣръ, у спартанцевъ и ацтековъ, дѣти отбирались у семей и воспитывались вмѣстѣ въ общественныхъ учрежденіяхъ, при чемъ результаты получались не плохіе. Нѣтъ, эта цѣль есть идеальное соединеніе двухъ душъ ради высшаго душевнаго развитія, обусловленнаго тѣмъ, что неполнота душевныхъ свойствъ существа одного пола восполняется и изглаживается другимъ, а также и тѣмъ, что постоянное общеніе съ собственными дѣтьми, въ которыхъ возрождается болѣе или менѣе природа родителей, постоянно возстановляетъ свѣжесть и непосредственность души, предохраняя ее отъ оцѣпенѣнія. Это восполненіе душевной жизни ведетъ въ то же время къ внутренному соединенію интересовъ и тѣмъ самымъ къ взаимному улучшенію вслѣдствіе отреченія отъ эгоизма, вслѣдствіе готовности жертвовать собою ради другихъ существъ, которымъ преданъ всей душой. Такимъ образомъ бракъ представляетъ, кромѣ воспроизведенія и воспитанія дѣтей, необходимаго для существованія человѣчества, также высокое душевное совершенствованіе рода человѣческаго и чрезвычайное усиленіе отдѣльнаго лица, которому взаимная поддержка въ нѣдрахъ семьи сообщаетъ силу и твердость.

Такъ опредѣляетъ семью великій Гегель. Въ своей философіи права онъ признаетъ бракъ моральнымъ отношеніемъ, порицаетъ грубое представленіе Канта и считаетъ объективнымъ исходнымъ пунктомъ „свободное согласіе лицъ *составить одно лицо*, отказаться отъ своей природной и отдѣльной личности въ этомъ единствѣ, которое въ этомъ отношеніи является самоограниченіемъ, но и освобожденіемъ, такъ какъ въ немъ они обрѣтаютъ свое субстанціальное самосознаніе!“ Нельзя дать болѣе глубокаго опредѣленія.

Соединеніе половъ также просвѣтляется постояннымъ душевнымъ соединеніемъ, и то, что въ другихъ проявленіяхъ является слѣпымъ позывомъ, становится живой основой новыхъ душевныхъ связей и болѣе глубокаго взаимнаго познанія внутренняго существа. Не то существенно, что половая жизнь ведетъ къ воспроизведенію, а то, что осуществленіе половыхъ отношеній, которое обыкновенно приводитъ къ воспроизведенію, всегда содержитъ новое основаніе связи, новую силу взаимнаго просвѣтлѣнія душъ. Поэтому высшіе культурные народы приняли моногамію, какъ незыблемое правило, такъ какъ только при полной преданности опредѣленному существу и при совершенномъ довѣріи можетъ послѣдовать такое соединеніе душъ и душевное вліяніе. При многомужествѣ (поліандріи) женщинѣ противостоятъ нѣсколько мужей, каждый съ своими особыми стремленіями и чувствами, такъ что полное гармоническое сожитіе невозможно; многоженство же является постояннымъ очагомъ ревности, раздоровъ и интригъ въ отношеніи родителей и дѣтей, отчего, какъ уже замѣчено, погибали всѣ восточныя царства и династіи.

Это воззрѣніе на бракъ проникаетъ глубоко въ право. Правовой порядокъ не долженъ терпѣть никакихъ учрежденій, разсматривающихъ бракъ съ низкой точки зрѣнія; и если даже обыкновенная жизнь неспособна подняться на такую высоту, то право должно стремиться своимъ высокимъ воззрѣніемъ поднимать людей и приближать ихъ къ идеалу.

Слабъ человѣкъ! его манитъ
Житейскій пиръ, дразня лукаво;
Но неколеблемо стоитъ,
Какъ вѣчный стражъ, святое право.

Мысль, которую художникъ выразилъ въ картинѣ, предпосланной этой главѣ (рис. 119).

Часто разсматриваютъ бракъ, какъ денежное учрежденіе (Geldinstitut), но право не должно становиться на эту точку зрѣнія; иначе оно само будетъ содѣйствовать умаленію своего возвышеннаго идеала. Поэтому, напримѣръ, обманъ относительно имущественныхъ отношеній не долженъ разсматриваться, какъ мотивъ недѣйствительности брака; не то обстоятельство, что кто-либо оказался хуже обставленнымъ въ имущественномъ отношеніи, можетъ быть мотивомъ разрыва, а только нравственная низость того, кто согласился на такой обманъ. Равнымъ образомъ ремесло оплачиваемыхъ агентовъ по устройству браковъ противорѣчитъ институту брака, такъ какъ унижаетъ его до торговой сдѣлки. Это издавна признано французскимъ и англійскимъ правомъ, хотя въ новѣйшее время французское право, повидимому, снисходительнѣе относится къ этому. Въ области нѣмецкаго права я долго и тщетно пытался провести точку зрѣнія, согласно которой посредничество въ брачныхъ дѣлахъ отвергается правомъ, какъ недостойное брака, и договоры въ этомъ смыслѣ объявляются недѣйствительными. Конечно посредничество въ брачныхъ дѣлахъ древняго происхожденія какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ, и процвѣтало уже у дикихъ народовъ. Но раньше оно не имѣло такого коммерческаго характера, и посредникъ былъ скорѣе довѣреннымъ лицомъ, и получаемое имъ

вознагражденіе было скорѣе семейнымъ подаркомъ въ знакъ благодарности за дружескую любезность, чѣмъ платой за профессіональную дѣловую услугу. Но съ тѣхъ поръ какъ это дѣло утратило добродушную суть дружеской семейной услуги и превратилось въ профессію, оно вступило въ противорѣчіе съ достоинствомъ брака, и вдобавокъ несетъ съ собой очень серьезную опасность вліянія со стороны на неопытныхъ молодыхъ людей, такъ какъ агентъ получаетъ соотвѣтственно успѣху, и притомъ успѣху не идеальнаго, а подлиннаго юридически дѣлового брака со всѣми его несовершенствами и важными изъянами. Этимъ поощряются старанія путемъ уговоровъ, обмановъ и посуловъ, скрыванія недостатковъ и нахваливанія достоинствъ, и т. п. осуществить бракъ, который при естественномъ теченіи вещей и простой, не подготовленной искусственно встрѣчѣ молодыхъ людей на жизненномъ пути не состоялся бы. Я назвалъ такіе договоры договорами о внушеніи: они должны бы считаться въ этой области такими же недѣйствительными, какъ въ области завѣщанія.

Первоначально гражданскіе законы не хотѣли давать какого-либо опредѣленнаго постановленія на этотъ счетъ, а думали предоставить дѣло судебной оцѣнкѣ. Это было бы ошибкой, такъ какъ наши суды еще не привыкли оцѣнивать житейскія отношенія по ихъ внутренней природѣ, и цѣпляются за статьи закона. Поэтому было разумно со стороны составителей свода гражданскихъ законовъ осуществить въ § 656 предложенное мною требованіе права въ формѣ опредѣленнаго постановленія. Этотъ параграфъ признаетъ договоры о посредничествѣ въ брачныхъ дѣлахъ, какъ несогласные съ добрыми нравами, недѣйствительными (ничтожными), со всѣми послѣдствіями недѣйствительности.

Понятно, что при такой высотѣ идеала дѣйствительность не всегда соотвѣтствуетъ ему, и часто общеніе супруговъ не приноситъ имъ ожидаемаго просвѣтлѣнія и укрѣпленія. Часто требуется громадное напряженіе, чтобъ приспособиться другъ къ другу и сгладить разницу темпераментовъ и стремленій. Часто жизнь требуетъ извѣстнаго отреченія, приходится принимать возможное вмѣсто идеальнаго; но многое стирается временемъ, многія затрудненія преодолѣваются благодаря дѣтямъ и возбуждаемымъ ими новымъ стремленіямъ. Но если продолженіе брака въ моральномъ смыслѣ невозможно, если, въ особенности, одна сторона чувствуетъ себя до того униженной или отверженной, что истинно супружескаго отношенія къ другой нельзя ожидать, если отношенія такъ обострились, что жало изъ груди оскорбленной не можетъ быть удалено, то требованіямъ права врядъ ли соотвѣтствуетъ держаться несмотря ни на что за идеалъ, какъ будто онъ еще можетъ осуществиться, и настаивать на продленіи кажущагося брака, то есть формы съ чисто отрицательнымъ содержаніемъ. Поэтому, возможность развода соотвѣтствуетъ требованіямъ нашего времени, такъ какъ право не можетъ требовать, чтобы личность жертвовала собою неосуществимому идеалу и отказывалась отъ проявленія своей сущности только потому, что попробовала неудачно искать душевнаго просвѣтлѣнія въ сожитіи съ другой личностью. Разводъ

на основаніи моральныхъ причинъ, разрушающихъ взаимныя жизненныя отношенія, вполнѣ оправдывается; онъ содержится въ § 1568 гражданскихъ законовъ. Этимъ все сказано: другой причины развода не требуется; кромѣ того, въ случаѣ душевной болѣзни одного изъ супруговъ, разводъ разрѣшается въ томъ случаѣ, если болѣзнь влечетъ за собой неизлѣчимое тупоуміе и животное состояніе. Это формулировано въ § 1569 свода гражданскихъ законовъ и (менѣе удовлетворительно) въ § 163 и 164 швейцарскаго проекта.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 126. Вскорѣ послѣ свадьбы. Съ картины В. Гогарта.

Обыкновенно законы выдвигають на первый планъ, въ качествѣ основанія къ разводу, нарушеніе супружеской вѣрности, притомъ, въ настоящее время, какъ со стороны жены, такъ и со стороны мужа: нѣмецкіе гражданскіе законы въ § 1565, французскій Code civil въ статьяхъ 229 и 230 въ современной формѣ (законъ 1884). Нарушеніе супружеской вѣрности единственное основаніе къ разводу въ Англіи съ 1857 (20 и 21 Vict. c. 85 и нѣсколько позднѣйшихъ законовъ), также въ Нью-Іоркѣ. (О русскихъ законахъ см. примѣч. переводч. на стр. 277). — Раньше мужъ былъ въ привилегированномъ положеніи и нарушеніе вѣрности съ его стороны только въ томъ случаѣ могло быть поводомъ къ разводу, когда соединялось съ конкубинатомъ и т. п. злоупотребленіями. (Такое привилегированное положеніе еще продолжается въ Англіи). Кромѣ того въ законахъ указываются эксцессы, жестокости и т. п., въ особенности бѣгство, умышленное оставленіе супруга. Взаимное отвращеніе въ большинствѣ случаевъ не считается достаточнымъ, не допускается также разводъ по взаимному соглашенію. Сознательное зараженіе венерической болѣзнью, разумѣется, составляетъ поводъ къ разводу, даже безотносительно къ доказываемому имъ предшествовавшему нарушенію супружеской вѣрности.

Мастеръ современной сатиры Гогартъ (рис. 126) дѣлаетъ насъ

свидѣтелями супружеской сцены; картина носитъ печать свойственной ему склонности преувеличивать, но выхвачена изъ жизни; это яркая иллюстрація къ положенію: горе браку, если мужъ тряпка и не умѣетъ укротить сварливую жену; въ такомъ случаѣ она будетъ тиранизировать всѣхъ въ домѣ.

XIII. Обрученіе.

Вмѣстѣ съ единобрачіемъ возникло обрученіе. Первоначально оно есть не что иное, какъ договоръ о бракѣ, но съ тѣмъ, что брачная жизнь начинается позднѣе, потому ли, что женихъ и невѣста еще слишкомъ молоды или какія-либо другія обстоятельства мѣшаютъ исполненію брачнаго обряда, который часто допускается лишь въ извѣстные мѣсяцы и при соблюденіи особыхъ условій. Сюда присоединяется еще и то обстоятельство, что при бракѣ-покупкѣ невѣста передается лишь послѣ уплаты покупной суммы полностью, хотя обѣ стороны уже по предварительному договору считаются вступившими въ бракъ. Стало быть, такое обрученіе связываетъ; обѣ стороны уже вступили въ бракъ, но фактическому осуществленію брачной жизни мѣшаютъ извѣстныя препятствія. Особенную форму принимаютъ эти отношенія, когда вѣно (плата за невѣсту) должно быть выплачено работой, что часто встрѣчается въ жизни народовъ. Эти отношенія извѣстны изъ исторіи патріарховъ, всякій знаетъ о семи и еще семи годахъ службы Іакова Лавану, и о разочарованіи, которое испыталъ Іаковъ послѣ первыхъ семи лѣти, убѣдившись, что ему подсунули въ жены некрасивую Лію. Но это установленіе мы встрѣчаемъ и у малайцевъ, у индійскихъ и монгольскихъ племенъ (ср. 2 главу, стр. 126). Оно очень понятно, такъ какъ если женихъ долженъ отработать вѣно, то конечно всего охотнѣе сдѣлаетъ это въ семьѣ невѣсты, поблизости отъ своей милой. Къ тому же ему предоставляютъ въ это время извѣстныя льготы, что придаетъ состоянію обрученія особую прелесть. Отношенія Іакова и Рахили часто были предметомъ художественнаго изображенія, всего нѣжнѣе и искреннѣе передаетъ ихъ Пальма Веккіо (рис. 127), картина котораго (въ ней замѣтно сотрудничество Бонифаціо) является украшеніемъ Дрезденской галереи.

Съ измѣненіемъ формъ брака мѣняется и сущность обрученія: обрученные еще не считаются вступившими въ бракъ, ихъ отношенія еще не пріобрѣли прочности брака; обрученіе является только обязательствомъ вступить со временемъ въ бракъ. Оно переходитъ такимъ образомъ въ область долгового права: обрученные не вступили въ бракъ, но тотъ изъ нихъ, кто откажется отъ брака, нарушаетъ свое обязательство и не исполняетъ своего обѣщанія. Оттого къ этому обязательству относились очень строго, и отказывающуюся сторону принуждали къ браку или даже объявляли бракъ заключеннымъ in contumaciam (заочно, несмотря на отсутствіе одной стороны). Но самое употребительное средство, посредствомъ котораго вынуждалось исполненіе обязательства, денежное вознагражденіе: кто не желаетъ вступать въ бракъ, тотъ обязанъ вознаградить другую сторону, уплативъ ей все, что она получила бы въ имущественномъ от-

ношеніи въ случаѣ заключенія брака. Такъ старинное право различныхъ странъ материка Европы признаетъ искъ о нарушеніи обрученія; въ Англіи же оно признается и нынѣ: процессы о нарушеніи обрученія (breach of promise) играютъ тамъ большую роль.

Современное нѣмецкое право не признаетъ этого. Оно разсматриваетъ обрученіе не съ точки зрѣнія юридически-обязательнаго обѣщанія, а какъ учрежденіе свободнаго семейно-правового характера, цѣль котораго болѣе близкое знакомство сторонъ, намѣревающихся со временемъ вступить въ бракъ. Это не обѣщаніе вступить въ бракъ, а только заявленіе о намѣреніи со временемъ вступить въ бракъ; разъ намѣреніе чисто и искренно, то нельзя упрекнуть обрученнаго, если съ теченіемъ времени оно измѣнится. Высота брачныхъ отношеній требуетъ, чтобы каждый серьезно посовѣтовался самъ съ собой, убѣжденъ ли онъ, что заключеніе брачнаго союза съ извѣстной личностью можетъ привести къ осуществленію идеала брака. Поэтому, тотъ, кто отказывается отъ обрученія по добросовѣстнымъ мотивамъ, не можетъ считаться правонарушителемъ. Вопросъ, имѣется ли достаточное фактическое основаніе для отказа, устраняетъ чисто личный элементъ, который коренится въ совѣсти индивидуума, и подразумѣваетъ тысячи трудно опредѣлимыхъ и трудно объяснимыхъ мотивовъ; онъ переноситъ дѣло въ область объективнаго обсужденія и замѣняетъ глубокое душевное испытаніе, которому только самъ индивидуумъ можетъ подвергнуть себя, грубымъ и поверхностнымъ сужденіемъ третьихъ лицъ. Конечно только при очень низкой степени развитія можно требовать отъ отказывающагося, чтобы онъ указалъ, въ чемъ передъ нимъ провинилась другая сторона, за которой никакихъ пороковъ и пятенъ не числится: бракъ съ совершенно безупречной личностью еще не становится вслѣдствіе этого бракомъ, способнымъ осуществить идеалъ. Но чтобы убѣдиться въ этомъ, важно состояніе обрученія, которое даетъ возможность обрученнымъ и ихъ семьямъ ближе сойтись другъ съ другомъ, глубже заглянуть во взаимную душевную жизнь и въ то же время путемъ практическаго житейскаго соприкосновенія испытать, не обнаружится ли разногласіе между двумя сторонами.

Наши (нѣмецкіе) гражданскіе законы признаютъ, что тотъ, кто отказывается безъ достаточныхъ основаній, долженъ вознаградить другую сторону, равнымъ образомъ онъ долженъ возмѣстить ей издержки, сдѣланныя въ виду брака или отказъ отъ мѣста (§ 1298). И это собственно оправдывается лишь въ томъ случаѣ, если образъ дѣйствій отказывающагося является легкомысленнымъ или недобросовѣстнымъ, въ особенности, если онъ обручился безъ серьезнаго намѣренія, или поступалъ легкомысленно и необдуманно, или отказывается вслѣдствіе низкихъ денежныхъ мотивовъ.

Однако большинство современныхъ законодательствъ (не говоря объ англійскомъ) придерживаются подобной же точки зрѣнія; такъ, швейцарскій проектъ § 112: „въ такомъ случаѣ онъ обязанъ уплатить соотвѣтственную сумму за приготовленія, которыя были сдѣланы въ видахъ заключенія брака“; также Австрія въ § 45 и 46, Италія въ статьяхъ 53 и 54, Испанія въ статьяхъ 43, 44 и 1326.

Англія и Соединенные Штаты исходятъ еще изъ стариннаго воззрѣнія,

усматривая въ обрученіи обязательство, которое нельзя заставить исполнить, но за нарушеніе котораго виновный обязанъ вознаградить потерпѣвшую сторону, при чемъ „присяжные могутъ опредѣлить надлежащее вознагражденіе за оскорбленіе чувствъ, за позоръ и срамъ, за утрату общественнаго положенія и другіе подобные ущербы, какъ естественныя или вѣроятныя послѣдствія нарушенія“: the jury may give what seems reasonable in compensation for wounded feelings, for disgrace and shame, for loss of position in society and other like evils coming as natural and probable consequences of the breach (Bishop, Commentaries on marriage § 235). Конечно, покинутый женихъ въ большинствѣ случаевъ не получаетъ ничего.

Примѣч. переводч. По русскимъ законамъ вступленіе въ бракъ не можетъ быть обусловлено обязательствомъ; отказъ отъ обрученія или нарушеніе обѣщанія вступить въ бракъ не влекутъ за собой отвѣтственности, не могутъ даже служить поводомъ къ иску о возмѣщеніи издержекъ по приготовленію

Рис. 127. Іаковъ и Рахиль. Съ картины Пальма Веккіо.

къ свадьбѣ; договоры о вступленіи въ бракъ признаются ничтожными (равно какъ и договоры о вознагражденіи за содѣйствіе устройству брака; хотя промыселъ свахъ процвѣтаетъ въ извѣстныхъ кругахъ общества, но не можетъ опираться на условія, имѣющія юридическую силу).

XIV. Предпосылки брака.

Во времена покупки женъ бракъ былъ скорѣе дѣломъ семей, чѣмъ самихъ будущихъ супруговъ; на Востокѣ мы и теперь часто встрѣчаемъ то же: семья рѣшаетъ и семья отвѣчаетъ. Германское право также долго придерживалось этого взгляда по крайней мѣрѣ въ отношеніи невѣсты; напомнимъ хотя бы объ Ингеборгѣ и Фритьофѣ.

Наше современное мышленіе совершенно отказалось отъ этого взгляда и разсматриваетъ бракъ, какъ въ высшей степени личное дѣло самихъ вступающихъ въ бракъ, такъ что семья при этомъ можетъ самое большее совѣтовать, но отнюдь не принуждать. Соотвѣтственно тому, въ прежнія времена допускалось вѣнчаніе дѣтей или по крайней мѣрѣ обрученіе дѣтей: бракъ

считался заключеннымъ, хотя брачная жизнь наступала только послѣ совершеннолѣтія. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Индіи, обрученіе дѣтей было постояннымъ обычаемъ уже въ силу убѣжденія, что женщина обязательно должна быть замужней при наступленіи первыхъ регулъ, такъ какъ иначе будутъ убиты зародыши жизни. Современная жизнь требуетъ извѣстнаго возраста въ виду важныхъ послѣдствій на всю жизнь, но и теперь возрастъ вступленія въ бракъ устанавливается очень ранній. Нѣмецкое право требуетъ совершеннолѣтія отъ мужчины, не менѣе 16 лѣтъ отъ женщины (Гражданскіе Законы § 1303); французское и итальянское устанавливаютъ восемнадцать и пятнадцать лѣтъ, испанское всего четырнадцать и двѣнадцать (статьи 144, 55 и 83), австрійское — четырнадцать лѣтъ (Zivilgesetzbuch § 48 и 21); [* русское—восемнадцать и шестнадцать; предѣльный возрастъ для вступленія въ бракъ по русскимъ законамъ 80 лѣтъ: лица старше этого возраста не могутъ вступать въ бракъ (З. Г., ст. 5), на томъ основаніи, что „бракъ установленъ для продолженія рода человѣческаго, чего отъ имѣющаго за 80 лѣтъ надѣяться весьма отчаянно“ (постановленіе синода 1744 г, послужившее основаніемъ этого закона) *].

Отчасти, впрочемъ, ранній возрастъ уравновѣшивается тѣмъ, что согласіе родителей или опекуновъ требуется до болѣе поздняго момента. По нѣкоторымъ законодательствамъ родительское согласіе требуется до двадцатипяти- или двадцатичетырехлѣтняго возраста; по нѣмецкому только до совершеннолѣтія (21 годъ); но и раньше этого возраста согласіе можетъ быть замѣнено судебнымъ рѣшеніемъ, если лицо восемнадцати, девятнадцати или двадцати лѣтъ объявляется совершеннолѣтнимъ (§ 1305 и 1308). Большая ошибка со стороны закона въ томъ, что родительское согласіе требуется даже въ тѣхъ случаяхъ, когда родительская власть устранена (исключая случай въ § 1701)[1].

Капитальное значеніе имѣетъ также, разумѣется, ознакомленіе будущихъ супруговъ другъ съ другомъ. Но это такое трудное и личное дѣло, что законъ не можетъ ставить основательное ознакомленіе съ взаимными душевными свойствами условіемъ дѣйствительности брака. Во всякомъ случаѣ, бракъ долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ въ случаѣ фактической ошибки въ личности. Подобная ошибка возможна, если обрученіе происходитъ съ субъектомъ, знакомымъ не лично, а только по наслышкѣ, если, напримѣръ, дѣвушка обручается съ сыномъ X, а вѣнчается съ авантюристомъ, который выдалъ себя за него. Но подобные случаи рѣдки. Напротивъ, правильно признавать извѣстныя качества лица настолько важными, чтобы ошибка въ ихъ отношеніи считалась равносильной фактической ошибкѣ въ личности. Нѣкоторыя законодательства, какъ австрій-

---

[1] По русскимъ законамъ для вступленія въ бракъ требуется согласіе родителей, опекуновъ или попечителей, притомъ, не ограниченное возрастомъ (Законы гражданскіе, ст. 6); для состоящихъ на государственной службѣ (какъ гражданской, такъ и военной) также разрѣшеніе начальства (З. Г., ст. 9). За бракъ безъ родительскаго согласія полагается 4—8 мѣсяцевъ тюрьмы и лишеніе наслѣдства; но бракъ не расторгается. Письменнаго дозволенія отъ родителей не требуется. За бракъ служащаго безъ разрѣшенія начальства — выговоръ съ занесеніемъ въ послужной списокъ. *Переводч.*

ское (§ 57 и 58), ограничиваются опредѣленными случаями: напр., если невѣста оказывается уже беременной, о чемъ жениху не было извѣстно; другія считаютъ достаточнымъ уже простое отсутствіе дѣвственности. По § 1333 нѣмецкихъ гражданскихъ законовъ всѣ качества могутъ считаться существенными, если они настолько важны, что при разумномъ пониманіи брака могутъ служить основаніемъ для признанія его недѣйствительнымъ. Отсюда само собою вытекаетъ, что заблужденія насчетъ имущественныхъ отношеній сюда не относятся. Но извѣстныя глубоко захватывающія организмъ и потому измѣняющія свойства лица заболѣванія, въ особенности заразительныя венерическія болѣзни, приносящія часто неописуемое зло (ср. объ этомъ седьмую главу этого тома: „Болѣзни и бракъ“), конечно могутъ служить достаточнымъ поводомъ.

Возможность новаго брака, естественно, исключается для лица, уже связаннаго предыдущимъ бракомъ, почему двоеженство недѣйствительно, и притомъ по нашимъ (нѣмецкимъ, также и по русскимъ) законамъ недѣйствительно во всякомъ случаѣ, тогда какъ нѣкоторыя законодательства устанавливаютъ такое право: если первый бракъ прекратился (напримѣръ, вслѣдствіе смерти одного изъ супруговъ) раньше возбужденія дѣла о двоеженствѣ, то второй бракъ долженъ считаться дѣйствительнымъ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда другая сторона не знала о первомъ (Швейцарскій проектъ, статья 144). Двоеженствомъ, разумѣется, не будетъ вторичный бракъ, если первый уничтоженъ разводомъ, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что если разводъ состоялся въ силу законнаго приговора, онъ остается достаточнымъ основаніемъ, хотя бы впослѣдствіи приговоръ былъ отмѣненъ, напримѣръ, въ виду какихъ-нибудь вновь обнаруженныхъ данныхъ.

Если бракъ не расторгнутъ, а состоялось только разлученіе супруговъ, то вторичный бракъ, разумѣется, не можетъ имѣть мѣста; это опредѣленно высказано въ § 1586 нѣмецкихъ гражданскихъ законовъ. Въ австрійскомъ правѣ со времени декрета 1814 находимъ слѣдующую особенность. Если оба супруга были не-католическаго вѣроисповѣданія, а впослѣдствіи одна сторона приняла католичество, то, какъ уже упомянуто, другая можетъ, тѣмъ не менѣе, получить разводъ. Однако, разъ это случилось, она не можетъ вступить въ бракъ съ лицемъ католическаго вѣроисповѣданія; разведенная же сторона католическаго вѣроисповѣданія, несмотря на разводъ, не можетъ вообще вступить въ новый бракъ, такъ какъ должна считать узы стараго брака нерушимыми. Таково отношеніе къ браку со стороны католицизма. Нѣкоторыя законодательства считаютъ также возможнымъ въ случаѣ развода запрещать новый бракъ виновной сторонѣ; мы находимъ это въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи. Впрочемъ, въ С. Штатахъ въ настоящее время обыкновенно не признается подобное запрещеніе, если оно состоялось въ другомъ штатѣ; такъ принято, напр., въ Нью-Іоркѣ послѣ рѣшенія по дѣлу Торпъ противъ Торпъ.

Такую же силу какъ за бракомъ признаетъ католическая церковь (также и православная) за религіознымъ обѣтомъ безбрачія. Но большинство государствъ, въ особенности Германія

и Францiя, не признаютъ за такимъ обѣтомъ никакой гражданской силы: связанный съ нарушенiемъ его бракъ тѣмъ не менѣе дѣйствителенъ. Иначе въ Австрiи (§ 63), гдѣ обѣтъ сохраняетъ силу даже въ томъ случаѣ, если членъ ордена впослѣдствiи оставилъ (самовольно) орденъ или перемѣнилъ религiю; то же въ Испанiи (ст. 83). Въ Россiи бракъ между монашествующими и духовными лицами признается недѣйствительнымъ (Зак. Гражд., ст. 37).

Нарушенiе законовъ или преступленiе также можетъ явиться препятствiемъ, по крайней мѣрѣ относительнымъ, къ браку. Въ этомъ отношенiи особенную роль играетъ со временъ каноническаго права нарушенiе супружеской вѣрности, а затѣмъ злоумышленiе противъ жизни само по себѣ или въ связи съ нарушенiемъ супружеской вѣрности, или въ связи съ обѣщанiемъ вступить въ бракъ. Современные законы отчасти также сохранили эту точку зрѣнiя; такъ, у насъ имѣетъ силу постановленiе, согласно которому нарушитель или нарушительница супружеской вѣрности не имѣютъ права вступать во вторичный бракъ; это постановленiе вытекаетъ частью изъ мотивовъ предусмотрительности, чтобы двое лицъ не вздумали совершить прелюбодѣянiе въ разсчетѣ этимъ способомъ обезпечить себѣ возможность брака, — частью изъ тяжелыхъ осложненiй, къ которымъ можетъ привести такой вторичный бракъ. Опредѣленiе это имѣется въ нѣмецкомъ правѣ § 1312 и 1328 (но возможна диспенсацiя), въ французскомъ Code civil статья 298, въ испанскомъ сводѣ законовъ статья 84, австрiйскомъ § 67. Понятно также постановленiе, что тотъ изъ супруговъ, который покушался на жизнь другого, не можетъ вступить въ новый бракъ, тѣмъ болѣе, если онъ замышлялъ это по соглашенiю съ третьимъ лицомъ. Еще хуже, если двое вступили въ половую связь и замыслили убiйство обманутаго супруга. Такъ, въ Испанiи (статья 84) убiйство, въ Италiи (статья 62) убiйство и покушенiе на убiйство, въ Австрiи (§ 68) злоумышленiе противъ жизни въ связи съ обѣщанiемъ брака составляютъ препятствiе къ вступленiю въ бракъ.

Для разведенныхъ супруговъ французское право (Законъ 1884) даетъ своеобразныя постановленiя. Они снова могутъ вступить въ бракъ другъ съ другомъ (съ возстановленiемъ прежнихъ имущественныхъ отношенiй); въ такомъ случаѣ бракъ прiобрѣтаетъ удвоенную прочность, вторичный разводъ возможенъ только на основанiи наказанiй, связанныхъ съ лишенiемъ правъ. Но если одинъ изъ разведенныхъ супруговъ вступилъ въ бракъ съ другимъ лицомъ, а затѣмъ развелся и съ нимъ, то бракъ съ первымъ супругомъ для него невозможенъ (статья 295). Какъ разъ противоположное имѣетъ силу въ арабскомъ правѣ, гдѣ бракъ, расторгнутый тройнымъ талахомъ, расторгнутъ такъ основательно, что разведенные уже не могутъ болѣе вступить въ бракъ другъ съ другомъ; исключенiе дѣлается именно въ томъ случаѣ, если разведенная жена выйдетъ за другого мужа, но разведется и съ нимъ. Подобныя постановленiя нельзя признать желательными, тѣмъ болѣе, что разводъ, бракъ, новый разводъ и т. д. могутъ превратиться въ злоупотребленiе.

XV. Права и обязанности супруговъ въ современномъ бракѣ.

Нѣмецкое право устраняло женщину отъ дѣловой жизни; когда же за нею вообще была признана дѣловая правоспособность, то отступленіе отъ этого принципа часто дѣлалось для брака, въ которомъ женщина признавалась поступившей подъ опеку мужа и, слѣдовательно, утратившей правоспособность. Такимъ образомъ нѣкоторые, даже современные, законы, какъ напримѣръ Code civil, отказали замужней женщинѣ въ признаніи ея правоспособной. Французская революція остановилась передъ женскимъ вопросомъ; по отношенію къ нему она не обнаружила пониманія.

Новое нѣмецкое законодательство порвало со всей старой системой; оно признаетъ замужнюю женщину вполнѣ правоспособной, и если, напримѣръ, она ведетъ торговлю, то пользуется купеческими правами, хотя бы мужъ не давалъ своего согласія. Во всякомъ случаѣ это согласіе не лишено значенія, если бракъ не соединенъ съ раздѣленіемъ имущества, если онъ связанъ съ принятыми закономъ имущественными отношеніями или съ общностью имущества. Въ этомъ случаѣ согласіе означаетъ, что женина часть, несмотря на право мужа пользоваться ею, отвѣчаетъ за ея долги, а при общности имуществъ отвѣчаетъ все имущество, т. е. и мужнино состояніе.

При самостоятельности женщины легко можетъ случиться, что воля супруговъ разойдется, и въ такомъ случаѣ, если дѣло идетъ о чемъ либо, задѣвающемъ интересы обоихъ, необходимо установить какую-нибудь норму для разрѣшенія спора.

Тутъ мыслимы различныя системы. Или воля мужа и воля жены считаются равноправными — въ такомъ случаѣ, при нежеланіи уступить, рѣшеніе должно быть предоставлено третьему лицу; или волѣ одной изъ сторонъ дается преимущество, а другая должна сообразоваться съ нею. Есть и промежуточная система: вообще дается преимущество волѣ одной изъ сторонъ, но въ отдѣльныхъ случаяхъ допускается обращеніе къ третьему лицу.

Раньше, при всѣхъ обстоятельствахъ имѣла силу вторая система, дававшая преимущество волѣ мужа. Въ общемъ она сохранилась и до сихъ поръ, но съ нѣкоторыми смягченіями; при извѣстныхъ обстоятельствахъ воля мужа можетъ быть оспариваема судебнымъ порядкомъ.

Гражданскіе законы (нѣмецкіе) выражаютъ эту мысль въ такой формѣ, что, поскольку дѣло идетъ о совмѣстной жизни, рѣшаетъ мужъ; но обращеніе къ суду возможно, если рѣшеніе представляетъ злоупотребленіе правомъ (Bürgerliches Gesetzbuch § 1354). Злоупотребленіемъ оно признается въ случаѣ безусловной неразумности и если оно грозитъ существеннымъ ущербомъ жизненнымъ интересамъ жены; эта неразумность должна встрѣтить противодѣйствіе особливо въ томъ случаѣ, если мужъ отнимаетъ у жены возможность образованія и желаетъ принизить ее до состоянія неразсуждающаго существа, или если онъ вмѣшивается въ ея религіозныя чувства и посягаетъ на ея святыню или даже стремится навязать ей другую религію; неразумной

является воля мужа также въ томъ случаѣ, если онъ требуетъ отъ жены безнравственныхъ вещей или желаетъ сдѣлать ее свидѣтельницей отвратительныхъ сценъ, грубости и жестокости.

Особенное значеніе имѣетъ также такъ называемая хозяйская власть женщины: женщина должна завѣдывать домохозяйствомъ, то есть распоряжаться внѣшними дѣлами, необходимыми для обезпеченія насущныхъ потребностей семьи. Надлежащее осуществленіе этой дѣятельности возможно только при посредствѣ множества распоряженій, касающихся состоянія семьи и, слѣдовательно, состоянія мужа, который долженъ доставить средства для веденія хозяйства. Въ этой сферѣ, стало быть, женщина пользуется большими полномочіями. Мужъ можетъ отобрать ихъ у нея, но это отобраніе не должно быть злоупотребленіемъ, то есть не должно имѣть мѣста безъ достаточныхъ основаній и въ чрезмѣрной степени. Въ противномъ случаѣ жена можетъ обратиться къ суду; по швейцарскому проекту (§ 187), мужъ вообще только судомъ можетъ лишить ее хозяйской власти или ограничить послѣднюю.

Рѣшеніе мужа въ отношеніи совмѣстной жизни содержитъ въ частности также рѣшенія:

1. Относительно мѣстообитанія,

2. Относительно занятій жены внѣ дома и именно ея поступленія куда-либо на постоянную службу. Такъ, мужъ можетъ прекратить торговую дѣятельность жены, не позволяя ей вести дѣло внѣ дома, ни открыть торговлю въ домѣ; а въ отношеніи службы мужъ пользуется правомъ нарушить контрактъ жены, но подъ контролемъ суда.

Возможно ли такимъ способомъ примирить противоположныя воли жены и мужа, долженъ показать опытъ. Фактъ тотъ, что въ данномъ случаѣ защитой служитъ не столько само вмѣшательство суда, сколько вообще возможность прибѣгнуть къ суду, такъ какъ на дѣлѣ подобныя обращенія къ суду случаются рѣдко. Во всякомъ случаѣ важно то, что господству мужа положенъ извѣстный предѣлъ, и женщина можетъ пользоваться не только житейскими хитростями и вспомогательными средствами женственности, чтобы защищаться отъ неразумной тираніи, но находитъ въ этомъ отношеніи защиту со стороны права. Право же дѣйственно даже помимо суда.

По австрійскимъ законамъ (§ 92) жена, поскольку этого требуетъ домашній порядокъ, должна слѣдовать мѣрамъ, установленнымъ мужемъ.

Въ остальномъ слѣдуетъ допустить, что рѣшеніе мужа, поскольку оно остается въ границахъ разсудка, имѣетъ преимущество, такъ какъ бракъ, требующій постояннаго обращенія къ третьему лицу, врядъ ли можетъ назваться благополучнымъ. Именно въ томъ и заключается значительная часть душевной работы надъ самимъ собою, что супруги предоставлены самимъ себѣ и должны путемъ взаимнаго воздѣйствія стремиться къ возможно большему единодушію, не только въ томъ смыслѣ, что жена старается склонить мужа на сторону своей воли, но и наоборотъ; такъ какъ хотя мужъ по закону и считается главой семьи, но жена располагаетъ множествомъ психологическихъ средствъ борьбы съ его волей, и въ большинствѣ случаевъ рѣ-

шающимъ моментомъ является не принужденіе, а сила воли, внушенія и личности. Именно въ этой молчаливой борьбѣ двухъ существъ, живущихъ тѣмъ не менѣе въ мирѣ и взаимномъ уваженіи, заключается прелесть брака.

Поэтому, если женское движеніе требуетъ другого порядка вещей, то на такое требованіе можно возразить, что полное уравненіе въ томъ смыслѣ, чтобы юридически ни одна воля не пользовалась преимуществомъ, не соотвѣтствуетъ сущности брака и неосуществимо практически.

Нѣтъ основанія отвергать и постановленіе, согласно которому жена принимаетъ фамилію мужа (Bürgerliches Gesetzbuch § 1355, швейцарскій проектъ § 184); но, конечно, возможно дать ей право присоединять къ ней свою дѣвическую фамилію. Постановленіе, что въ случаѣ развода она теряетъ фамилію мужа, нельзя не признать послѣдовательнымъ; это устанавливаетъ французскій законъ 1893 г. (статья 299) и швейцарскій проектъ § 172. Но правильнѣе поступаетъ нѣмецкій законъ, предоставляя въ этомъ отношеніи выборъ женѣ и отнимая у нея это право лишь въ томъ случаѣ, если она виновная сторона (§ 1577). Основаніе слѣдующее: жестоко отнимать у невиновной женщины имя, нося которое она, быть можетъ, чувствовала себя раньше счастливой и которое связываетъ ее съ дѣтьми.

Примѣч. переводч. Невозможно согласиться съ авторомъ относительно неосуществимости полнаго равноправія мужа и жены въ томъ смыслѣ, чтобы ни одна воля не пользовалась юридическимъ преимуществомъ. Именно идеальная цѣль брака, на которой такъ настаиваетъ авторъ, исключаетъ юридическое, т. е. внѣшнее принужденіе, какъ элементъ закрѣпощенія, отнюдь не совмѣстимый съ идеальностью. Что касается практической осуществимости, то если полное равноправіе дѣйствительно вызоветъ необходимость постояннаго обращенія къ третьему лицу, то это лишь покажетъ, что данный бракъ не слѣдовало заключать. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ столкновенія будутъ улаживаться такъ же, какъ они теперь улаживаются даже въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ даетъ возможность прибѣгнуть къ суду, — т. е. взаимнымъ соглашеніемъ послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы. Во всякомъ случаѣ тенденція современнаго развитія культурныхъ націй — устраненіе всякихъ элементовъ закрѣпощенія изъ всѣхъ сферъ жизни (какъ бы медленно она ни осуществлялась), и семья не можетъ составить исключеніе въ этомъ отношеніи.

XVI. Имущественное брачное право.

Имущественныя отношенія въ теченіе брака должны носить отпечатокъ единства семейной жизни, и потому общность имуществъ является высшимъ идеаломъ, — который однако не долженъ быть осуществляемъ принудительно, а лишь добровольно. Нѣтъ раздѣленія мыслей и желаній, нѣтъ и раздѣленія имущества; что есть у одного, принадлежитъ и другому. Къ этому идеалу стремились многіе народы, нѣкоторые въ такой формѣ, что общность имущества должна устанавливаться не тотчасъ послѣ свадьбы, а черезъ нѣкоторое время, когда бракъ укрѣпится, именно послѣ рожденія дѣтей. Одинъ народъ былъ особенно приверженъ къ общности имуществъ, именно кельты, съ преобладаніемъ чувства и темперамента надъ практичностью, а подъ ихъ вліяніемъ и германцы, правда, не всѣ племена, а именно тѣ, которыя вступали въ соприкосновеніе съ кельтами.

Но эти отношенія идеалъ, который часто сталкивается съ житейской дѣйствительностью, и не всегда приводитъ къ добру. Установить ихъ можно лишь такимъ способомъ, что мужъ является подобнымъ собственнику распорядителемъ общаго имущества, а это хорошо лишь въ томъ случаѣ, если онъ проникнутъ семейными чувствами и супруги живутъ душа въ душу. Если же между ними, хотя бы по временамъ, возникаетъ разладъ, то мужъ можетъ наносить женѣ серьезнѣйшій вредъ, тѣмъ болѣе, что она часто оказывается при такихъ условіяхъ совершенно безпомощной, не имѣя въ своемъ распоряженіи имущества; а если онъ мотъ и пьяница, то случается, что женѣ приходится отдавать ему и свои скудные доходы и терпѣть съ дѣтьми нужду.

Эти отрицательныя стороны проявляются даже при такой формѣ общности имущества, которая ограничивается доходами. Правда, съ одной стороны эта форма представляетъ ту выгодную сторону, что здѣсь жена по праву пользуется частью доходовъ мужа, хотя бы сама не вела никакого дѣла, и сосредоточивала свои заботы на управленіи домашнимъ хозяйствомъ и обезпеченіи мужу душевнаго покоя, необходимаго для успѣшнаго исполненія профессіональныхъ и дѣловыхъ обязанностей. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ, и именно въ этомъ случаѣ, жена имѣетъ законное право на часть доходовъ мужа, и отнюдь не можетъ считаться дамой, живущей на счетъ мужа и ничего не получающей, кромѣ пищи и одежды. Но, съ другой стороны, и здѣсь возникаютъ недоразумѣнія вслѣдствіе того, что доходы — въ томъ числѣ и женины, если у нея есть какой-нибудь самостоятельный заработокъ — фактически оказываются въ рукахъ мужа.

Недоразумѣнія, возникающія вслѣдствіе дурного веденія хозяйства мужемъ, могутъ быть устранены лишь тѣмъ, что въ подобныхъ случаяхъ устраняется общность имущества и устанавливается раздѣленіе имуществъ; но это связано съ затрудненіями и потерей времени.

Вообще же общность имуществъ можетъ имѣть форму полной общности имуществъ, общности доходовъ и промежуточную общность движимости (Fahrnisgemeinschaft), при которой не только доходы, но и все движимое имущество, то есть движимые предметы — считаются общими и составляютъ общую собственность.

Противоположность всѣмъ этимъ системамъ представляетъ раздѣленіе имуществъ, которое въ свою очередь представляетъ двѣ формы: полное раздѣленіе имуществъ и раздѣленіе имуществъ въ связи съ правомъ пользованія и распоряженія, предоставляемымъ мужу. Послѣдняя форма пережитокъ стариннаго домашняго хозяйства; по раздѣленіи имуществъ обоихъ супруговъ сохранилась всё-таки мысль, что цѣлое должно служить дому и находиться въ завѣдываніи домохозяина. Хотя имущество было раздѣлено, но внѣшне оно осталось соединеннымъ, и то, что принадлежало женѣ, оказалось въ пользованіи мужа, при чемъ въ видахъ пользованія за нимъ признано право распоряженія. Но отсюда мужъ извлекаетъ средства на покрытіе семейныхъ расходовъ и, получая доходы съ женинаго имущества, обязуется съ своей стороны содержать жену и дѣтей.

Состояніе самого мужа осталось въ прежнемъ положеніи; оно осталось за мужемъ, какъ принадлежало ему раньше. Онъ пользовался имъ не какъ мужъ, а какъ обыкновенный собственникъ.

Эта система очень распространена въ саксонскомъ правѣ. Она же была системой прусскаго мѣстнаго права и сдѣлалась системой нѣмецкихъ гражданскихъ законовъ; но здѣсь власть мужа надъ имуществомъ жены значительно умалена.

Подобную же систему мы встрѣчаемъ и въ швейцарскомъ проектѣ подъ названіемъ связи имуществъ (Güterverbindung), но она даетъ мужу болѣе свободное положеніе; разъ онъ представляетъ достаточное ручательство за цѣлость состоянія, ему принадлежитъ право свободнаго распоряженія всѣми движимыми цѣнностями — точка зрѣнія, заслуживающая вниманія. Кромѣ того законъ представляетъ женѣ или ея потомкамъ долю въ той суммѣ, на которую состояніе увеличилось въ теченіе брачной жизни (такъ наз. Vorschlag), — тоже постановленіе, заслуживающее полнаго вниманія: жена пользуется выгодами общности пріобрѣтенія, не отвѣчая за убытки.

Наряду съ этимъ жена, конечно, можетъ имѣть собственную часть имущества, и таковою законъ въ особенности признаетъ то, что она пріобрѣтаетъ своей работой. Въ основѣ этого установленія лежитъ мысль, сказывающаяся въ англійскомъ законѣ: женскій заработокъ для женщины и только для женщины!

Противоположность этому представляетъ собственно раздѣленіе имуществъ, при которомъ каждый изъ супруговъ, слѣдовательно и жена, сохраняетъ за собой не только право собственности, но и право пользованія своимъ состояніемъ, что конечно не исключаетъ добровольной передачи женою своего имущества въ распоряженіе мужа, при чемъ онъ является не простымъ управляющимъ, но и защитникомъ и совѣтникомъ жены.

Впрочемъ, законная система имуществъ не исключительна; наше право, вѣрное основнымъ принципамъ права нѣмецкихъ городовъ, позволяетъ измѣнять въ брачныхъ контрактахъ принятую закономъ систему или даже замѣнять её совершенно другой, напримѣръ, общностью или полнымъ раздѣленіемъ имуществъ.

Итальянское право признаетъ изъ формъ общности имуществъ только общность доходовъ и отвергаетъ какъ полную общность, такъ и общность движимости. Въ остальномъ оно исходитъ изъ раздѣленія имуществъ и дотальнаго права, то есть устанавливаетъ такую форму обладанія имуществомъ, при которой жена передаетъ мужу приданое для пользованія въ теченіе брака; это внесенное имущество какъ бы принадлежитъ дому, и не можетъ быть отчуждено даже съ согласія обѣихъ сторонъ, иначе какъ съ разрѣшенія суда (Codice civile, статьи 1433, 1405). Въ остальномъ оно признаетъ раздѣленіе имуществъ съ извѣстнымъ смягченіемъ, въ томъ смыслѣ, что если мужъ безъ протеста со стороны жены распоряжается и пользуется ея имуществомъ, не входящимъ въ составъ приданаго, то онъ можетъ тратить только проценты и не обязанъ отчетомъ (статья 1429).

Испанское право допускаетъ всякаго рода сдѣлки въ брачномъ контрактѣ; закономъ же принята система общности доходовъ (sociedad de gananciales) (статья 1315); тогда какъ во Франціи законная система есть система общности движимости (статья 1400, сл.). Но въ южной Франціи почти всюду принята система раздѣленія имуществъ съ дотальнымъ правомъ, какъ въ итальянскомъ правѣ.

Въ Голландіи принята, какъ общее правило, полная общность имуществъ (Гр. Зак., ст. 174, сл.), также въ Норвегіи и Даніи, тогда какъ въ Швеціи и Финляндіи общность движимости.

Въ Англіи же, гдѣ раньше строгое право постановляло, что имущество

жены входитъ въ составъ домашняго имущества и находится въ исключительномъ обладанiи мужа. гдѣ имѣло силу положенiе, что подлинная личность женщины и ея законное существованiе отмѣняются на время брака: the very being or legal existence of the woman is suspended during the marriage (Blakstone I, 15), только въ семидесятыхъ годахъ (1870 и 1872) произошла перемѣна въ отношенiи заработка жены и ея сбереженiй, признанныхъ ея собственностью, которой она же и распоряжается; вскорѣ затѣмъ, въ 1882 г. (Married Women's Property Act 45 и 46, Vict. c. 75) было введено раздѣленiе имуществъ, нѣсколько измѣненное 5 декабря 1893 г. (56. 57 Vict. c. 63).

Законы объ обезпеченiи за женщиной ея заработка проведены также въ Данiи (1886), Норвегiи (1888), Финляндiи (1889). Во Францiи проектъ въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ еще не сдѣлался закономъ. Особыя постановленiя имѣются только относительно вкладовъ въ сберегательныя кассы; также въ Голландiи (законъ 25 мая 1880).

Но ближе всего къ современнымъ воззрѣнiямъ стоитъ регулированiе имущественныхъ отношенiй въ австрiйскомъ правѣ. Установлено раздѣленiе имуществъ; но если жена предоставляетъ свое состоянiе въ завѣдыванiе мужа, — а это предполагается, разъ она не препятствуетъ ему распоряжаться имъ по собственному усмотрѣнiю, — то онъ не обязанъ отчетомъ относительно доходовъ. Вообще взаимной отчетности нѣтъ, даже въ томъ случаѣ, когда доходы съ этого имущества получаютъ частью мужъ, частью жена. Жена можетъ лишить мужа права распоряженiя ея имуществомъ; но можетъ и передать ему свое имѣнiе въ постоянное пользованiе съ условiемъ не отбирать обратно: въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть лишенъ права распоряженiя только если оно грозитъ самому существованiю имущества; ср. § 1237 до 1241. Кромѣ того жена въ силу брачнаго договора можетъ вручить мужу приданое съ тѣмъ, что онъ пользуется доходами съ него; но оно остается собственностью жены и возвращается въ случаѣ расторженiя брака. За ней можетъ быть обезпечена, главнымъ образомъ самимъ мужемъ, также прибавка къ приданому (Widerlage), соотвѣтствующая Wittum'у римскаго и нѣмецкаго права. Кромѣ того, за женой часто обезпечивается пожизненное вдовье содержанiе; въ польскихъ же провинцiяхъ мужъ женѣ или жена мужу предоставляетъ право пользованiя имуществомъ послѣ смерти собственника — такъ называемый договоръ о пожизненномъ пользованiи (Advitalitätsvertrag).

Въ Соединенныхъ Штатахъ принято большею частью раздѣленiе имуществъ, въ нѣкоторыхъ общность доходовъ.

Во всякомъ случаѣ требованiемъ правосудiя является такой порядокъ, чтобы въ случаѣ развода, если вся вина лежитъ на одной сторонѣ, эта послѣдняя лишалась выгодъ, вытекающихъ изъ брачнаго контракта, тогда какъ невиновная сторона сохраняла бы ихъ за собой. Кромѣ того, справедливо, чтобы въ подобномъ случаѣ невиновная сторона получала отъ виновной денежное удовлетворенiе въ зависимости отъ обстоятельствъ и имущественныхъ отношенiй; ср. объ этомъ нѣмецкое право въ § 1578, 1584 и французское въ статьѣ 299 и 301, итальянское въ ст. 156, австрiйское въ § 1266.

Прим. переводч. Древняя Русь признавала раздѣльность имущества мужа и жены. Такъ, уставъ Владимiра Святого упоминаетъ о „пошибаньи промежу мужемъ и женою о животѣ“, то есть о спорѣ между супругами изъ-за имущества, — слѣдовательно, признаетъ раздѣльное обладанiе послѣднимъ. Согласно „Увѣщанiю Кирикову“, если мужъ вздумаетъ растрачивать имущество жены („порты ея грабити начнетъ“), то она можетъ требовать развода.

Московскiй перiодъ съ его крайнимъ порабощенiемъ женщины покусился было и на ея имущество, началъ „грабити ея порты“, сдѣлавъ приданое общею собственностью обоихъ супруговъ. Но послѣ Петра законодательство вернулось къ началу раздѣльности.

Въ современномъ русскомъ правѣ это начало проведено послѣдовательно, съ сравнительно незначительными противорѣчiями (Зак. Гр., ст. 109—118).

Жена сохраняетъ за собой свое имущество (ст. 109), приданое также остается ея собственностью (ст. 110); каждый изъ супруговъ можетъ продавать, закладывать, вообще распоряжаться своимъ имуществомъ, какъ принадлежавшимъ ему до брака, такъ и прiобрѣтеннымъ послѣ брака какъ ему вздумается (ст. 114). Нѣкоторыя оговорки (общее пользованiе приданымъ и др.) имѣются для Черниговской и Полтавской губ. (для этихъ губернiй наше законодательство вообще сохранило много постановленiй Литовскаго статута, когда-то въ нихъ господствовавшаго).

Въ противорѣчiи съ этими общими постановленiями находится запреще-

ніе замужнимъ женщинамъ давать на себя вексель безъ разрѣшенія мужа (Векс. Уст., ст. 6). не гармонирующее съ свободой распоряженія своимъ имуществомъ.

Дѣйствіе этой, въ общемъ разумной и здравой, имущественной системы въ значительной степени парализуется архаическимъ характеромъ постановленій объ остальныхъ правахъ и обязанностяхъ супруговъ. Правда, варварскій принципъ „подвластности" жены, обязанной „неограниченнымъ послушаніемъ" мужу (ст. 107), смягчается ст. 106, въ силу которой „мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное тѣло, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и облегчать ея немощи", — статьей, которая, очевидно, не допускаетъ грубости и жестокаго обращенія, и въ случаѣ проявленія таковыхъ можетъ служить опорой для жалобы.

Рис. 128. Составленіе брачнаго контракта. Съ картины Яна Стеена

Но ст. 46, признающая всякіе договоры между супругами о разлученіи ничтожными; ст. 103, согласно которой супруги неразлучны, и жена должна слѣдовать за мужемъ, — статья, выраженная такъ категорически, что жизнь лишь съ трудомъ обходитъ ее путемъ разныхъ ухищреній; право мужа требовать, чтобы жена не нанималась безъ его согласія на службу (З. Г., ст. 2202); наконецъ, невозможность расторженія брака (развода), по такимъ, уничтожающимъ всякій бракъ, поводамъ, какъ, напр., жестокое обращеніе, запой и распутство и т. п. — являются источникомъ угнетенія слабѣйшей стороны сильнѣйшей, ненужныхъ драмъ, загубленныхъ существованій. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ наше брачное право требуетъ коренного преобразованія.

Возможность полученія выгодъ отъ различныхъ формъ имущественныхъ отношеній въ бракѣ имѣетъ, конечно, то печальное послѣдствіе, что иногда бракъ превращается въ торговую сдѣлку между двумя семьями, идущую въ разрѣзъ съ сущностью брака. Тѣмъ не менѣе, должна быть дана возможность регулировать имущественныя отношенія въ брачномъ контрактѣ иначе, чѣмъ по закону; и въ концѣ концовъ подобный торгъ только пережитокъ тѣхъ древнихъ временъ, когда бракъ былъ покупкой женщины. Сцену этого рода даетъ намъ Янъ Стеенъ,

у котораго женихъ и невѣста, къ счастью, остаются чуждыми торгу, даже выражаютъ своими позами избытокъ любовнаго пыла, тогда какъ родители съ необыкновенной дѣловитостью и торгашескими минами диктуютъ контрактъ писцу, который привыкнувъ къ подобной дѣловитости и сверхдѣловитости, быстро записываетъ ихъ волю.

Такъ и здѣсь, послѣ того какъ идеалъ исчерпанъ, искусство беретъ на себя важную задачу возвысить въ область юмора мелочность дѣйствительной жизни.

XVII. Бракъ и дѣти.

Ребенокъ, родившійся отъ брака, находился прежде во власти семьи, по римскому праву въ неограниченной власти отца семейства. Во всякомъ случаѣ его личность была очень ограничена, такъ какъ семья представляла неразрывное единство: въ ней каждый находилъ свою силу и свою дѣйственность. Поэтому и имущество ребенка было частью семейнаго имущества, или, лучше сказать, онъ не могъ обладать никакимъ собственнымъ имуществомъ, такъ какъ все принадлежало семейному союзу, которому всѣ должны были служить, но въ которомъ зато всѣ находили источникъ своего существованія.

Эта идея отошла въ вѣчность. Ребенокъ есть самостоятельная личность, и власть семьи основывается теперь не на томъ, что отдѣльныя личности исчезаютъ въ единствѣ семьи, а на томъ, что дѣти требуютъ защиты и воспитанія; но эти права защиты и воспитанія были такъ пропитаны обязанностями, что именно ихъ сущность, какъ обязанностей, должна была оказаться главнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ ребенокъ можетъ въ настоящее время имѣть собственность, и если семья получаетъ доходы съ этой собственности, то лишь какъ уплату за то, что ребенокъ вскармливается и воспитывается въ семьѣ.

Съ этой точки зрѣнія опредѣляются семейныя отношенія дѣтей въ современныхъ законодательствахъ. Вслѣдствіе этого положеніе родителей по отношенію къ дѣтямъ пріобрѣло сходство съ опекой, по отношенію которой прежде всего и осуществилась перемѣна. Раньше, въ случаѣ отсутствія родителей, семейная власть надъ ребенкомъ переходила къ роднымъ, которымъ предоставлялось и право пользованія доходами съ его имущества. Но положеніе опекуна все болѣе и болѣе измѣнялось въ томъ смыслѣ, что онъ становился органомъ государства и уже не царилъ болѣе какъ членъ семьи во главѣ семейнаго единства, а только примѣнялъ права воспитанія и защиты, перешедшія затѣмъ въ обязанности воспитанія и защиты. Состояніемъ ребенка онъ уже не могъ распоряжаться.

Позднѣе эта роль опекуна сдѣлалась образцомъ для роли родителей и такимъ образомъ ихъ отношеніе къ имуществу ребенка измѣнилось: они не могли уже больше считать его семейнымъ имуществомъ, но должны были относиться къ нему, какъ къ чужому имуществу, находящемуся въ ихъ завѣдываніи, и поскольку доходы съ него поступали въ ихъ руки, они могли только пользоваться ими, соблюдая при этомъ интересы ребенка.

Вопросъ о томъ, сколько времени должно длиться такое состояніе, также былъ рѣшенъ соотвѣтственно этой идеѣ. Принципъ единства семьи и семейнаго имущества въ свое время приводилъ къ тому, что зависимое положеніе ребенка не измѣнялось все время, пока онъ оставался частью домохозяйства, хотя бы ему уже минуло совершеннолѣтіе. Только когда онъ выходилъ изъ состава семьи, его положеніе измѣнялось. Этотъ выходъ по римскому праву устанавливался формальнымъ актомъ, такъ какъ простая перемѣна мѣстожительства еще не означала выдѣленія изъ семейнаго состава. Иначе смотрѣло нѣмецкое право. Оно организовало семью мѣстную и хозяйственную: только тотъ былъ ея членомъ, кто находился въ мѣстной и хозяйственной связи съ домомъ и дворомъ. Перемѣна мѣста и хозяйства выдѣляла ребенка изъ семьи и дѣлала его самостоятельнымъ; но до этого выдѣленія сохранялись первоначальныя отношенія семейнаго единства.

Эта идея сохранилась у насъ лишь въ немногихъ пережиткахъ, напримѣръ въ правѣ родителей требовать отъ ребенка, живущаго въ ихъ домѣ, чтобы онъ по мѣрѣ своихъ силъ и знаній участвовалъ въ домашней работѣ (Bürgerliches Gesetzbuch, § 1617); нѣкоторыя законодательства воспрещаютъ даже совершеннолѣтней дочери оставлять при извѣстныхъ обстоятельствахъ родительскій домъ; такъ, въ Испаніи ст. 321 (до двадцатипятилѣтняго возраста, хотя совершеннолѣтіемъ считается двадцать-три). Вообще же господствуетъ мысль, что родительское право переходитъ въ право защиты и воспитанія и тѣмъ самымъ въ обязанность защиты и воспитанія; отсюда само собою слѣдуетъ, что родительская власть должна прекратиться, разъ прекратилась необходимость защиты и воспитанія, то есть по достиженіи совершеннолѣтія. Напротивъ, мѣстное и хозяйственное разъединеніе по современнымъ понятіямъ еще не прекращаетъ отношеній защиты и воспитанія, а самое большее — суживаетъ ихъ; такъ, напримѣръ, если несовершеннолѣтняя дочь выходитъ замужъ: въ этомъ случаѣ родительская власть еще остается, поскольку родители сохраняютъ право заступать мѣсто дочери.

Такъ по нѣмецкому праву; австрійское даетъ отцу возможность въ случаѣ основательной причины требовать продленія власти (§ 172) По французскому и итальянскому праву власть родительская прекращается съ совершеннолѣтіемъ и съ замужествомъ, которое можетъ состояться въ пятнадцатилѣтнемъ (восемнадцатилѣтнемъ) возрастѣ и влечетъ за собой уничтоженіе зависимости (статьи 372, 476 и 477; — 220, 310 и 311).

Во времена семейнаго единства и семейной власти владычествовалъ и распоряжался глава семьи. Правда, онъ часто былъ ограниченъ семейнымъ совѣтомъ и необходимостью считаться съ мнѣніемъ взрослыхъ членовъ семьи. Что главою семьи былъ отецъ, а не мать, само собою вытекало изъ патріархальной системы; поэтому онъ и распоряжался дѣтьми. Это единовластіе не имѣетъ никакого основанія теперь, когда дѣло идетъ исключительно о воспитаніи и защитѣ; правда, и здѣсь имѣетъ силу положеніе, что въ спорныхъ вопросахъ преимущество отдается мужу, но, оставляя въ сторонѣ подобные случаи, мать также должна пользоваться правомъ дѣйствовать отъ имени своего ребенка; въ случаѣ же прекращенія власти отца, именно по

смерти послѣдняго, вся власть переходитъ къ ней: мать въ этомъ случаѣ является не просто опекуншей, а носительницей родительской власти, какъ раньше отецъ. Отцовская власть превращается въ родительскую, — шагъ, который намѣченъ уже въ Code Civil (статьи 372, 384, сл. и 389, сл.) и вполнѣ осуществленъ въ болѣе новыхъ законахъ, именно въ нѣмецкомъ сводѣ гражданскихъ законовъ § 1626, сл. и въ швейцарскомъ проектѣ ст. 299 сл. При этомъ нѣмецкіе гражданскіе законы дѣлаютъ крупную ошибку въ томъ смыслѣ, что хотя и отнимаютъ у мужа, признаннаго виновнымъ при разводѣ, личное попеченіе надъ дѣтьми, но въ остальномъ сохраняютъ за нимъ родительскую власть вмѣстѣ съ правомъ пользованія доходами и представительства (§ 1635); ошибка эта устранена въ швейцарскомъ проектѣ (§ 179).

Религіозное воспитаніе дѣтей въ Германіи, къ сожалѣнію не регулировано гражданскими законами, но подчиняется самымъ разнообразнымъ системамъ. Прежде всего возникаетъ важный вопросъ, связываетъ ли въ этомъ смыслѣ брачный договоръ или нѣтъ. Цѣлый рядъ государствъ, напр. Баварія, Вюртембергъ, Саксонія, признаютъ нерушимость рѣшенія, установленнаго договоромъ, другія же исходятъ изъ того положенія, что носители родительской власти не должны себя связывать въ этомъ отношеніи, напримѣръ Баденъ (съ 9 октября 1860) и др. Независимо отъ этого, въ нѣкоторыхъ государствахъ имѣетъ силу принципъ, согласно которому сыновья воспитываются въ религіи отца, а дочери въ религіи матери, — постановленіе въ высшей степени не цѣлесообразное, переносящее вѣроисповѣдный раздоръ, если онъ даже улаженъ между родителями, въ молодое поколѣніе. Въ мѣстномъ правѣ Пруссіи былъ проведенъ этотъ принципъ, но позднѣе устраненъ и замѣненъ постановленіемъ, согласно которому вопросъ рѣшается религіей отца или взаимнымъ соглашеніемъ. Другія государства также устанавливаютъ право взаимнаго соглашенія; нѣкоторыя же рѣшаютъ, что при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ ребенокъ долженъ воспитываться въ религіи отца.

Изъ этихъ системъ должно прежде всего устранить систему договорнаго обязательства, вообще же надо признать, что главный носитель родительской власти рѣшаетъ и вопросъ о религіозномъ воспитаніи. Если онъ умираетъ до окончанія религіознаго воспитанія, то послѣднее должно продолжаться въ томъ же направленіи, если ребенокъ уже достигъ извѣстнаго возраста; въ противномъ же случаѣ право рѣшенія переходитъ къ оставшемуся въ живыхъ. Во всякомъ случаѣ надо признать единственно правильнымъ принципомъ невмѣшательство государства въ этотъ вопросъ, пока оба родителя живы и согласны насчетъ религіознаго воспитанія.

Баденскій законъ 9 октября 1860 г. постановляетъ въ § 3, что если право воспитанія переходитъ къ матери, то она можетъ измѣнить и религіозное воспитаніе, но только съ согласія государства.

Въ общемъ, удовлетворителенъ швейцарскій проектъ (статья 303), согласно которому рѣшаютъ родители, а договорное обязательство не имѣетъ силы.

Отношенія воспитанія и защиты приводятъ къ тому, что родителямъ приходится выступать въ качествѣ законныхъ представителей ребенка. Они могутъ предоставлять ребенку, перешагнувшему за семилѣтній возрастъ, дѣйствовать самому, съ ихъ согласія; но въ большинствѣ случаевъ они могутъ также дѣйствовать, не обращая вниманія на мнѣніе самого ребенка; они могутъ замѣщать ребенка. Конечно этотъ принципъ имѣетъ лишь ограниченную силу въ семейно-правовыхъ дѣлахъ. Напримѣръ, для усыновленія ребенка, если ему исполнилось четырнадцать лѣтъ, требуется его согласіе (Bürgerliches Gesetzbuch, § 1750), а при заключеніи брака, завѣщаніи и сдѣлкѣ о наслѣдствѣ завѣщателя не можетъ быть никакого замѣстительства.

Далѣе, отношенія воспитанія и защиты имѣютъ слѣдствіемъ то, что родители обладаютъ правомъ голоса при назначеніи будущихъ опекуновъ ребенка, — правда, подъ контролемъ опекунскаго суда: § 1776 сл. свода гражданскихъ законовъ, который, впрочемъ, дѣлаетъ ошибку, давая преимущество при всѣхъ обстоятельствахъ голосу отца, тогда какъ правильнѣе было бы предоставить окончательное рѣшеніе оставшемуся въ живыхъ. Правильнѣе поступаетъ швейцарскій проектъ, § 411, предписывая принимать въ соображеніе сообразно съ обстоятельствами, мнѣніе мужа или жены. Неправильно и то, что отецъ можетъ въ завѣщаніи назначить помощника матери, § 1687: это дѣло опекунскаго суда.

Отношеніе родителей къ имуществу ребенка также прежде всего есть отношеніе защиты и попеченія, такъ называемое управленіе имуществомъ (Vermögensverwaltung); сюда присоединяется право пользованія доходами съ имущества согласно вышеизложеннымъ правиламъ: доходы съ имущества должны уравновѣшивать издержки родителей. Можно бы было, конечно, установить, какъ для опекуновъ, веденіе счета издержекъ, параллельное счету доходовъ съ имущества; такимъ образомъ установилась бы отчетность такая же, какъ при опекѣ. Но проводить такъ далеко сходство съ опекой показалось нежелательнымъ, такъ какъ въ подобной отчетности родителей усмотрѣно было нѣчто если не унизительное, то мелочное и несовмѣстимое съ родительскимъ авторитетомъ. Поэтому отстаивалась мысль, что родителямъ принадлежитъ право пользованія безъ отношенія къ размѣрамъ расходовъ на ребенка. Въ этомъ смыслѣ и установилось родительское пользованіе. Сначала оно принадлежало отцу, но теперь признается и за матерью въ тѣхъ случаяхъ, когда она облечена родительской властью. Для нѣкоторыхъ видовъ дохода, впрочемъ, пользованіе исключается, именно для заработка ребенка, и для состоянія, которое подарено или отказано въ завѣщаніи ребенку съ соотвѣтственнымъ указаніемъ.

Поэтому можетъ случиться, что родители управляютъ состояніемъ ребенка съ правомъ или безъ права пользованія. Возможно также, что они обладаютъ правомъ пользованія безъ права управленія, если у нихъ отнято только послѣднее.

Но австрійское право не сохранило право пользованія за отцомъ, а обязываетъ его, какъ и опекуна, помѣщать на имя ребенка всю ту часть доходовъ, которая остается за вычетомъ издержекъ на воспитаніе, и представлять при этомъ отчетъ; только въ случаяхъ совершенной ничтожности дохода можно обойтись безъ этого (Zivilgesetzbuch, § 150). Такое постановленіе врядъ ли можно одобрить. Напротивъ, наши (нѣмецкіе) гражданскіе законы грѣшатъ въ томъ отношеніи, что предоставляютъ право пользованія отцу даже въ томъ случаѣ, когда его родительская власть отмѣнена, хотя бы онъ былъ

неоплатнымъ должникомъ (§ 1677, 1685); равно какъ въ томъ случаѣ, когда при разводѣ онъ признанъ единственной виновной стороной (§ 1635). Правильно смотритъ на дѣло швейцарскій проектъ, § 300.

Характеръ родительской власти, какъ права защиты и воспитанія, привелъ къ тому, что родители, подобно опекунамъ, находятся подъ извѣстнымъ контролемъ, и если не обязаны періодическимъ отчетомъ, то все же обладаютъ извѣстными правами надъ имуществомъ дѣтей только какъ опекунскими полномочіями, напр., по отношенію къ недвижимымъ имѣніямъ, поручительству и т. д. Но и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, если родительская дѣятельность плоха, вредна или даже пагубна, опекунскій судъ можетъ вполнѣ или отчасти отнять у родителей родительскія права (Bürgerliches Gesetzbuch, § 1640, 1642 сл., 1666 сл.).

Это мысль, которую можно только привѣтствовать, такъ какъ страдаетъ не одно имущество; но и тѣло и душа ребенка часто гибнутъ отъ дурного воспитанія. Для противодѣйствія организуются пріюты и другія учрежденія, исходящіе изъ мысли, что общество въ правѣ слѣдить за тѣмъ, чтобы подрастающее поколѣніе не попадало въ гибельныя условія, отъ которыхъ терпитъ ущербъ не только оно, но и все общество. Строгая замкнутость семьи должна уступить этой важной общественной потребности, и вмѣшательство общества и государства должно стать еще гораздо дѣятельнѣе, чѣмъ теперь.

Въ этомъ направленіи Англія проложила путь закономъ о защитѣ дѣтей, custody of children Act 1891, двумя законами о противодѣйствіи жестокому обращенію съ дѣтьми, prevention of cruelties to children Acts 1894 (17 августа 1894, 57, 58 Vict. c. 41) и 1904 (15 августа 1904, 4 Edw. 7 c. 15) и закономъ о защитѣ жизни ребенка, infant life protection Act 1897 (6 августа 1897, 60, 61 Vict. c. 57); раньше Act 1872.

Прим. пер. Бракъ и дѣти по русскимъ законамъ. Русское законодательство сохранило еще слишкомъ много слѣдовъ того времени, когда за ребенкомъ не признавалось никакихъ правъ по отношенію къ родителямъ, такъ что даже суровый тогдашній законъ долженъ былъ напоминать: „хотя чада воли родительской подлежать, но не яко скоты безсловесные“ (Духовный Регламентъ, по поводу насильственнаго постриженія дѣтей родителями въ монастырь).

Личная родительская власть прекращается единственно смертью (ст. 178) и лишеніемъ правъ состоянія; и не устраняется, а только ограничивается, поступленіемъ дѣтей въ училище, на службу и — для дочерей — въ замужество (ст. 179). Родители могутъ наказывать дѣтей (принимать „домашнія исправительныя мѣры“, ст. 165), при чемъ въ личныхъ обидахъ отъ дѣтей на родителей иска не пріемлется (ст. 168), а за упорное неповиновеніе и пороки родители могутъ подвергать совершеннолѣтнихъ дѣтей, безъ особаго судебнаго разсмотрѣнія, заключенію въ тюрьмѣ на 2—4 мѣсяца (ст. 165). Впрочемъ, это постановленіе противорѣчитъ другому закону, согласно которому заключеніе подъ стражу можетъ послѣдовать только по постановленію судебной власти, что и дало возможность Сенату фактически упразднить этотъ порядокъ: по рѣшенію Общаго Собранія 1888 г. № 4, родители могутъ осуществлять свое право заключенія дѣтей только путемъ обращенія къ судебной власти.

Извѣстное ограниченіе власти родительской кладутъ законы уголовные, которые караютъ родителей за вовлеченіе дѣтей въ преступленіе (Улож. Нак., ст. 1587) за причиненіе дѣтямъ увѣчій тѣлесныхъ и душевныхъ (ст. 1492), за доведеніе дѣтей жестокимъ обращеніемъ до самоубійства (ст. 1476: тюрьма и лишеніе нѣкоторыхъ правъ), за принужденіе къ браку или монашеству (ст. 1586), за умышленное развращеніе дѣтей (ст. 993, 998, 1583).

Но, карая родителей за такое отношеніе къ дѣтямъ, законъ, совершенно непослѣдовательно, сохраняетъ за ними родительскую власть въ полномъ объемѣ; хотя ясно, что такія злоупотребленія властью какъ систематическая

жестокость, умышленное развращеніе ребенка и т. п., должны бы влечь за собой ея ограниченіе или устраненіе. Проектъ новаго уголовнаго уложенія намѣчаетъ въ этомъ смыслѣ рядъ мѣръ.

Всѣ указанныя выше статьи закона говорятъ о власти „родительской", а не „отцовской". Но такъ какъ жена сама считается „подвластной" мужу, то фактически въ нихъ дѣло идетъ объ отцовской власти. Въ случаѣ же смерти отца права родительскія переходятъ къ матери (ст. 104).

Родители (ст. 172) обязаны давать дѣтямъ пропитаніе (до совершеннолѣтія) и воспитаніе, „доброе и честное, по своему состоянію"; дѣти обязаны содержать родителей по самую смерть (ст. 194) и оказывать имъ „чистосердечное почтеніе, послушаніе, покорность и любовь" (ст. 177). Заботу о внѣдреніи этихъ добродѣтелей законъ возлагаетъ на дѣйствительно высокій въ вопросахъ морали авторитетъ: полицію! „Полиція должна имѣть попеченіе... чтобы дѣти повиновались родителямъ", гласитъ ст. 122 устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій.

Дѣти православныхъ родителей или православнаго съ неправославнымъ воспитываются въ православной вѣрѣ, въ чемъ неправославная сторона при вступленіи въ бракъ выдаетъ росписку (ст. 67). Согласно указу 17 апрѣля 1905, если одинъ изъ супруговъ переходитъ въ другое исповѣданіе, дѣти остаются въ вѣрѣ другого супруга; если переходятъ оба, дѣти моложе 14 лѣтъ слѣдуютъ вѣрѣ родителей, дѣти старше 14 остаются въ прежней. Если изъ супруговъ нехристіанъ одинъ крестится, то родившіяся послѣ этого дѣти воспитываются въ его вѣрѣ.

Въ имущественномъ отношеніи современное законодательство сохранило древне-русское начало признанія за каждымъ членомъ семьи права собственности. Родители управляютъ имуществомъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей на правѣ опекунскомъ (ст. 180 сл.); по достиженіи совершеннолѣтія дѣти, хотя бы не отдѣленныя, сами распоряжаются своимъ имуществомъ; отдѣленныя дѣти распоряжаются какъ своимъ имуществомъ, такъ и выдѣленной имъ долей (ст. 193), которая, впрочемъ, въ случаѣ „явнаго непочтенія" со стороны дѣтей, можетъ, какъ и даръ, быть потребована обратно родителями (ст. 974).

Опека надъ собственнымъ имуществомъ малолѣтняго принадлежитъ отцу (ст. 226); на случай своей смерти родители могутъ назначать въ духовномъ завѣщаніи опекуновъ къ своимъ дѣтямъ (227); въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ опекуномъ остается другой (229).

XVIII. Внѣбрачныя дѣти.

Принимать въ семью дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, болѣе или менѣе воспрещалось правомъ. Правда, если мать, родившая внѣ брака, выходила замужъ, то въ прежнія времена ребенокъ естественно переходилъ къ ея мужу, тѣмъ болѣе имѣло силу это положеніе, если она вступала въ бракъ беременной, безотносительно къ тому, зачала ли она до брака отъ мужа или отъ другого лица. Напротивъ, отношеніе внѣбрачнаго ребенка къ его фактическому родителю было очень неопредѣленнымъ, такъ какъ не закрѣплялось никакими семейными отношеніями; а отношеніе къ материнской семьѣ принимало очень различныя формы.

Очень распространенная форма отношеній, принятая и римскимъ правомъ, давала внѣбрачнымъ дѣтямъ вполнѣ законное положеніе въ семьѣ матери, и притомъ не только по отношенію къ самой матери, но и по отношенію къ ея родственникамъ. Нѣмецкое право въ его старинной формѣ считаетъ дѣтей наложницъ придаткомъ къ семьѣ мужа. Но позднѣе это измѣнилось: имъ было отказано не только въ допущеніи въ составъ семьи мужа, но и въ семьѣ матери ихъ положеніе стало неполноправнымъ; это находилось въ связи съ жестокимъ воззрѣніемъ, согласно которому внѣбрачныя дѣти вообще отмѣчены судьбой и не могутъ

занимать полноправнаго положенія въ гражданскомъ правопорядкѣ, такъ какъ грѣхъ зачатія переходитъ на нихъ. Внѣбрачныя дѣти были устранены отъ должностей и цеховъ, и обречены такимъ образомъ на очень печальное существованіе.

Впослѣдствіи отъ этой жестокости отказались, но все право было далеко отъ предоставленія внѣбрачнымъ дѣтямъ полноправія въ ихъ семьѣ; англійскій законъ высказывался чрезвычайно рѣзко, что внѣбрачный ребенокъ не можетъ быть ничьимъ наслѣдникомъ, ни имѣть наслѣдниковъ, кромѣ тѣлесныхъ: Bastard cannot be heir to anyone, neither can he have heirs, but of his own body (Blakstone I, 16); и это вошло даже въ новые законы; именно внѣбрачному ребенку отказывали въ правѣ наслѣдованія: enfant bâtard ne succède. Онъ могъ пользоваться только правомъ содержанія, по отношенію къ матери и къ доказанному отцу, — пока мудрость Code civil (статья 340) не додумалась до пресловутаго запрещенія отысканія отцовства; къ родителю можно подойти лишь въ томъ случаѣ, если онъ самъ объявится! Code Civil проявляетъ также жестокость въ томъ отношеніи, что лишаетъ внѣбрачнаго ребенка и материнской семьи, хотя происхожденіе его отъ матери не возбуждаетъ сомнѣній; онъ признаетъ за нимъ права только по отношенію къ самой матери, да и тутъ умаляетъ его долю въ наслѣдствѣ; напротивъ, если отецъ призналъ внѣбрачнаго ребенка, то послѣдній получаетъ по отношенію къ нему права сына, правда съ уменьшеніемъ доли наслѣдства. Эти постановленія сохранились до послѣдняго времени въ связи съ варварскими законами о дѣтяхъ, происшедшихъ отъ кровосмѣшенія и нарушенія брачнаго обѣта, за которыми признается только право на алименты, а не на участіе въ наслѣдствѣ съ какой бы то ни было стороны. Только законъ 1896 нѣсколько повысилъ вышеупомянутую уменьшенную долю наслѣдства: раньше она равнялась, смотря по обстоятельствамъ, трети, половинѣ, тремъ четвертямъ, теперь половинѣ, тремъ четвертямъ или цѣлому (послѣднее въ томъ случаѣ, если оставившій наслѣдство не имѣетъ ни потомковъ, ни (живыхъ) предковъ, ни братьевъ, сестеръ или племянниковъ). Въ остальномъ новѣйшая практика нѣсколько улучшила отношенія къ родителю косвеннымъ путемъ, тѣмъ, что по крайней мѣрѣ признала за соблазненной право на вознагражденіе со стороны соблазнителя.

Французской системѣ слѣдуетъ также итальянскій законъ, только уменьшенная часть наслѣдства опредѣляется нѣсколько иначе; внѣбрачный ребенокъ получаетъ наслѣдство полностью, если наслѣдодатель не оставилъ ни потомковъ, ни предковъ, ни супруга (статья 743 сл.).

Испанскій законъ также слѣдуетъ этой системѣ, но съ значительнымъ умаленіемъ доли наслѣдства: даже когда нѣтъ на лицо ни потомковъ, ни предковъ внѣбрачный ребенокъ получаетъ не болѣе трети наслѣдства (статьи 840 и 842)!

Иначе смотритъ австрійскій сводъ гражданскихъ законовъ; въ немъ, правда, имѣется въ § 754 жестокое постановленіе, согласно которому внѣбрачныя дѣти только по отношенію къ матери обладаютъ тѣми же правами, что родившіяся въ бракѣ, но лишены права наслѣдованія послѣ родственниковъ съ матерни-

ской стороны; зато оно даетъ возможность установить отца, который, правда, въ такомъ случаѣ обязанъ только давать содержаніе ребенку (§ 163—171).

Вернувшись къ римскому праву, которое признаетъ за внѣбрачнымъ ребенкомъ всѣ права ребенка не только по отношенію къ матери, но и по отношенію къ родственникамъ съ материнской стороны, мы нѣсколько смягчили германскую грубость.

Что касается положенія родителя, то въ этомъ отношеніи наше законодательство обнаруживаетъ плачевную отсталость. Конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что надѣлять всѣми отцовскими правами и обязанностями лицо, которое можетъ быть родителемъ, небезопасно, и потому функціи такого возможнаго отца часто пытались ограничить самымъ необходимымъ. По этому вопросу нѣмецкое гражданское право сдѣлало шагъ впередъ, возложивъ на такого возможнаго отца обязанность воспитанія до шестнадцатилѣтняго возраста, притомъ не эвентуальную и случайную, а безусловную, — воспитанія, сообразно общественному положенію матери, такъ какъ ребенокъ принадлежитъ ей. Это можно лишь одобрить. Но совершенно невозможно согласиться съ тѣмъ, что это представляетъ крайній предѣлъ, особливо въ томъ случаѣ, если отцовство даннаго лица можно считать достовѣрнымъ, особливо, если онъ самъ признаетъ себя отцомъ ребенка. „Er ist ja der Vater, Er sagt es ja selbst“ „(Онъ отецъ, онъ самъ говоритъ это“). Въ этомъ отношеніи въ существовавшихъ доселѣ законодательствахъ обнаруживались уже значительные успѣхи. По отношенію къ признающему себя отцомъ, за ребенкомъ признавалось то полное, то частичное право наслѣдства, а древнее нѣмецкое право считало даже возможнымъ дѣлать ребенка полноправнымъ членомъ семьи, если остальные ея члены соглашались на это. Послѣдняго теперь нѣтъ; но по крайней мѣрѣ признаніе за ребенкомъ полнаго или частичнаго права законныхъ дѣтей по отношенію къ признающему себя отцомъ есть выраженіе нашего общаго правового убѣжденія. Къ сожалѣнію, гражданское законодательство не считается съ нимъ и потому крайне отстало.

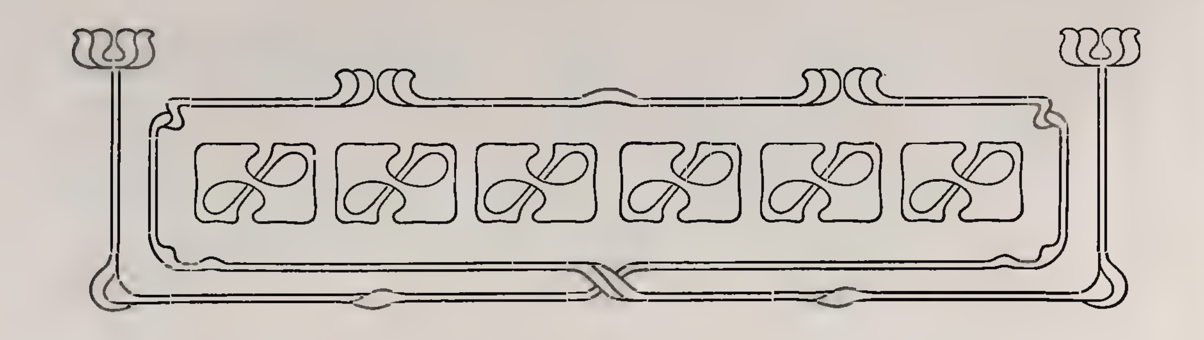
Лучше обстоитъ дѣло въ швейцарскомъ проектѣ, статья 488: въ семьѣ матери внѣбрачныя дѣти имѣютъ права родившихся въ бракѣ; но и въ отцовской семьѣ, если отецъ признаетъ ихъ или если онъ признанъ отцомъ по судебному рѣшенію, они пользуются правами дѣтей, родившихся въ бракѣ; только по отношенію къ брачнымъ родственникамъ той же степени родства они наслѣдуютъ въ половинной долѣ. Судебное рѣшеніе, впрочемъ, можетъ послѣдовать лишь при извѣстныхъ данныхъ; искъ о признаніи отцомъ можетъ привести также только къ обязательству давать содержаніе до совершеннолѣтія ребенка.

Бракъ не только обусловливаетъ законность дѣтей, рожденныхъ въ бракѣ, но въ большинствѣ законодательствъ имѣетъ и дальнѣйшія послѣдствія: во-первыхъ, зачатыя до брака, но родившіяся уже по вступленіи въ бракъ дѣти признаются родившимися въ бракѣ, а затѣмъ и родившіяся до брака дѣти могутъ быть узаконены обоими супругами. Противъ послѣдняго, впрочемъ, высказалось англійское право; еще въ XIII столѣтіи, когда при Генрихѣ III, духовныя особы заявили въ парламентѣ, что римско-католическая церковь признаетъ узаконеніе, свѣтскіе отвѣтили имъ заявленіемъ: nolumus leges Angliae mu-

tare („не хотимъ измѣнять законы Англіи"), и Блэкстонъ I, 16, защищалъ англійское право, какъ особенно нравственное! Американскія законодательства, особливо виргинское, примкнули въ этомъ отношеніи къ нашей системѣ.

Такимъ образомъ передъ современностью и будущимъ стоитъ еще много важныхъ задачъ въ смыслѣ улучшенія семейнаго права.

Прим. переводч. Въ Россіи, до закона 3 іюня 1902 года, внѣбрачныя дѣти, оффиціально признававшіяся „незаконными" или „незаконнорожденными"(теперь эти термины устранены, какъ оскорбительные, и замѣнены выраженіемъ: „внѣбрачныя"), не имѣли никакихъ правъ ни въ материнской, ни въ отцовской семьѣ, хотя бы отецъ соглашался ихъ признать. Законы 1901 объ узаконеніи и усыновленіи дали возможность родителямъ, по вступленіи въ бракъ, узаконять дѣтей, родившихся до брака; усыновленіе также во многихъ случаяхъ давало возможность надѣлить правами ребенка, родившагося внѣ брака. Но эти законы ничуть не затрагивали положенія дѣтей, остающихся по тѣмъ или другимъ причинамъ внѣбрачными. Только законъ 3 іюня 1902 года внесъ въ это положеніе кое-какія улучшенія, признавъ за внѣбрачными дѣтьми право, съ согласія матери и ея отца, если онъ живъ, носить дѣвическую фамилію матери, получать до совершеннолѣтія содержаніе отъ матери и отца (если послѣдній отрицаетъ свое отцовство, то вопросъ рѣшается судомъ) и наслѣдовать въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ матери. Кромѣ того, законъ 1902 г. исключилъ дѣтей отъ браковъ, признанныхъ недѣйствительными, изъ категоріи внѣбрачныхъ (раньше такія дѣти признавались „незаконными"). Но внѣбрачныя дѣти по-прежнему приписываются къ крестьянамъ или мѣщанамъ, каково бы ни было сословіе матери; не наслѣдуютъ въ родовомъ имуществѣ матери и какомъ бы то ни было имуществѣ отца.



Глава седьмая.

Болѣзни и бракъ.

Приватъ-доцента д-ра Юліуса Вейса, въ Вѣнѣ.

Устанавливаемая согласно извѣстнымъ соціальнымъ и законнымъ опредѣленіямъ, обыкновенно на всю жизнь, связь между мужчиной и женщиной, называемая „бракомъ“, можетъ различнымъ образомъ послужить поводомъ и причиной заболѣваній. Во-первыхъ, если одна сторона была больна передъ вступленіемъ въ бракъ, то эта болѣзнь можетъ развиться вслѣдствіе брачнаго общенія и быстро привести къ печальному концу. Даже болѣзнь, повидимому прекратившаяся ко времени вступленія въ бракъ, перешедшая въ необнаруживающееся, скрытое состояніе, можетъ внезапно проявиться вслѣдствіе брака и превратить здороваго человѣка въ больного и чахлаго. Это безъ труда пойметъ всякій, кто приметъ въ соображеніе, что бракъ создаетъ совершенно новыя физическія отношенія, что повседневный, изъ года въ годъ тянувшійся одинаково, обиходъ уступаетъ мѣсто совершенно новому режиму, что, наконецъ, на сцену часто выступаютъ новыя заботы и тревоги, которыхъ раньше не было, что борьба за существованіе часто вредитъ тѣлу, и именно тѣмъ его частямъ, которыя раньше были больны или расположены къ заболѣванію.

Съ другой стороны, возможно и то, что извѣстныя болѣзненныя явленія, отъ которыхъ одна сторона постоянно или временами страдала до брака, будутъ совершенно устранены или, по крайней мѣрѣ, существенно ослаблены бракомъ. Примѣры читатель найдетъ ниже при описаніи отдѣльныхъ случаевъ.

Если одна изъ сторонъ заражена какой-либо приличчивой болѣзнью, то понятно, что при многочисленныхъ тѣсныхъ соприкосновеніяхъ между супругами въ брачномъ общеніи, можетъ произойти переносъ болѣзнетворнаго начала на другую сторону. То же можно сказать о заразительныхъ болѣзняхъ, пріобрѣтенныхъ одною изъ сторонъ во время брака.

Если даже оба супруга вполнѣ здоровы, то брачныя отношенія могутъ чисто механическимъ способомъ повести къ поврежденіямъ и заболѣваніямъ. Вспомнимъ хотя бы о томъ, какія серьезныя опасности таятся въ материнствѣ, актѣ рожденія, кормленіи грудныхъ младенцевъ и т. д.

Наконецъ, здоровье или болѣзнь обоихъ супруговъ имѣютъ

особенное значеніе для жизни и здоровья потомковъ. Наслѣдственность играетъ большую роль въ возникновеніи болѣзней, и многіе зародыши и задатки заболѣваній воспроизводятся до „третьяго и четвертаго колѣна“.

* * *

Теперь мы разсмотримъ по порядку различныя группы болѣзней, и изслѣдуемъ, насколько онѣ вліяютъ на благополучіе обоихъ супруговъ, на состояніе брачнаго общенія и, наконецъ, на потомство, и въ какой степени онѣ подаютъ поводъ къ особымъ мѣропріятіямъ въ предупредительно-гигіеническомъ отношеніи. Начнемъ съ нервныхъ болѣзней.

Именно нервныя болѣзни стоятъ на границѣ между здоровьемъ и болѣзнью. Наша высоко-развитая культурная жизнь съ ея неугомоннымъ дѣловымъ рвеніемъ, съ ея желѣзными дорогами, автомобилями, телеграфомъ и телефонами, съ ея многочисленными дѣйствіями на наши органы зрѣнія и слуха, часто перекрещивающимися въ рѣзкихъ диссонансахъ, привела къ тому, что значительная часть представителей интеллектуальныхъ профессій страдаетъ нервностью и обнаруживаетъ болѣе или менѣе тяжкіе болѣзненные симптомы нейрастеніи. Отъ этой чрезмѣрной чувствительности нервовъ страдаютъ и женщины, поскольку онѣ принимаютъ все большее и большее участіе въ профессіяхъ, раньше принадлежавшихъ исключительно мужчинамъ; всѣ названныя обстоятельства сильнѣе дѣйствуютъ на нѣжную и легче раздражимую нервную систему женщины, поскольку, съ одной стороны, роскошная праздная жизнь высшихъ классовъ, часто превращающаяся въ погоню за удовольствіями, дѣйствуетъ на нервы и незанятой женщины, поскольку, съ другой стороны, едва вышедшія изъ дѣтскаго возраста дѣвушки бѣднѣйшихъ классовъ отравляются дымной атмосферой фабрикъ и душнымъ воздухомъ конторъ. Но нервная система женщины возбуждается и совершенно другими способами, въ связи съ дѣятельностью половыхъ органовъ, всѣ разстройства, заболѣванія, поврежденія которыхъ вліяютъ на нервную систему, такъ что возникаетъ своеобразная многоформенная болѣзнь, извѣстная подъ заимствованнымъ съ греческаго техническимъ названіемъ „истеріи“ (Mutterweh, „порча“, „кликушество“).

Представимъ же себѣ, что эти слабонервныя, чрезмѣрно чувствительныя личности вступаютъ въ бракъ другъ съ другомъ. Пока обѣ стороны свободны, онѣ могутъ, не стѣсняясь, давать волю своимъ впечатлѣніямъ и настроеніямъ. Но въ бракѣ каждая сторона должна постоянно принимать въ разсчетъ другую, должна приспособляться къ чувствамъ радости или огорченія другой стороны, должна владѣть собой и обуздывать себя. Если она неспособна на это, то возникаютъ неизбѣжныя столкновенія; то одна, то другая сторона чувствуетъ себя несчастной, усматриваетъ причину своего несчастья въ супругѣ, и вмѣсто любви часто начинаетъ развиваться ненависть. Если жъ до этого не доходитъ, если за спорами и ссорами слѣдуетъ примиреніе, то все же брачное счастье нарушено и остается нарушеннымъ, пока

не успокоятся больные нервы. Чрезвычайно важно, поэтому, чтобы женихъ ознакомился съ характеромъ своей невѣсты и еще до свадьбы предложилъ себѣ вопросъ, подходятъ ли его чувства и настроенія къ характеру избранницы. Она, разумѣется, тоже съ своей стороны должна поставить себѣ этотъ вопросъ. Если мужъ обладаетъ серьезнымъ, строгимъ, спокойнымъ характеромъ, то онъ въ состояніи ужиться съ женой, обладающей бурнымъ темпераментомъ. Если же онъ самъ страстный, сварливый, вспыльчивый человѣкъ, то ему подойдетъ спокойная, кроткая, успокоительно дѣйствующая подруга жизни. Если выборъ сдѣланъ такъ благополучно, то часто расположеніе къ нервному разстройству и нервность улучшаются, даже совершенно устраняются въ спокойномъ, тихомъ фарватерѣ брака.

Рис. 129. Выраженіе лица при болѣзни пучеглазія.

Но если у кого-либо изъ вступающихъ въ бракъ замѣтны явленія, которыя заставляютъ заключать о существованіи эпилепсіи (падучей) или болѣзни пучеглазія (рис. 129), — названной по имени описавшаго ее врача, Базедовской болѣзнью, — то отъ брака вообще слѣдуетъ воздержаться. То же, и еще въ сильнѣйшей степени, справедливо относительно такихъ случаевъ, когда одна изъ сторонъ страдаетъ болѣзнью головного или спинного мозга или душевной болѣзнью. Послѣдній случай вообще не долженъ бы былъ встрѣчаться на практикѣ, такъ какъ душевно-больные находятся подъ законной опекой, которая не разрѣшаетъ имъ брака. Но гигіенисты и врачи не разъ высказывали требованіе, чтобы лицамъ, пораженнымъ нервной болѣзнью, бракъ былъ воспрещенъ закономъ.

Но какой ужасный характеръ получаетъ бракъ, если въ теченіе брачной жизни одна сторона будетъ поражена заболѣваніемъ спинного или головного мозга или душевной болѣзнью. Всѣ эти болѣзни, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ затяжной характеръ, длятся многіе годы, и подчасъ бываетъ такъ, что

одна сторона, пышущая здоровьемъ должна видѣть подлѣ себя супруга больного, чахлаго, полумертваго, мучиться его болями и страданіями и долго-долго ждать, пока смерть не принесетъ избавленія. Правда, есть еще женщины-ангелы, которыя, какъ истинныя самаритянки, ухаживаютъ за больнымъ мужемъ годы и деся-

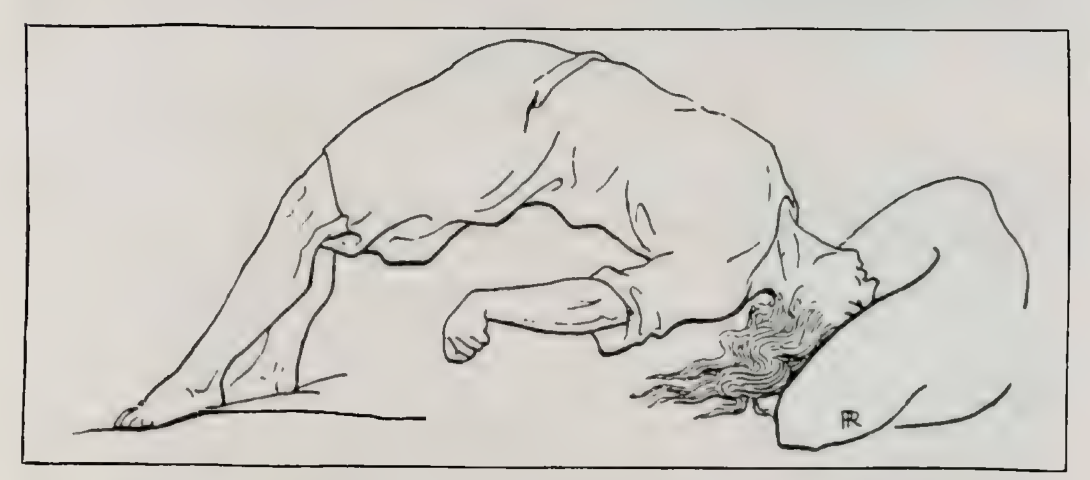
По „Charcot, Poliklinische Vorträge".

Рис. 130. Припадокъ судорогъ.

тилѣтія, часто такъ долго, что въ концѣ концовъ, сами заболѣваютъ. Мужчины такого же типа встрѣчаются гораздо рѣже; они вообще не способны къ ухаживанію за больными.

Всѣ эти нервныя болѣзни, въ особенности душевныя болѣзни, въ высокой степени наслѣдственны, и потому никто, ни мужчина, ни женщина, не долженъ брать на себя рискъ брака, если въ его роднѣ извѣстны случаи заболѣваній головного или спинного мозга, эпилепсіи, истеріи и душевныхъ болѣзней.

Опредѣлить нервное заболѣваніе и вытекающія изъ него послѣдствія невозможно даже для образованнаго человѣка, если



По „Charcot, Poliklinische Vorträge".

Рис. 131. Дугообразное выгибаніе тѣла при судорогахъ.

онъ не обладаетъ спеціальными знаніями. Исключеніе составляютъ уже довольно позднія стадіи страданій спинного мозга, при которыхъ больной обнаруживаетъ признаки паралича и нетвердую, ковыляющую походку, или душевныя болѣзни, въ которыхъ заявленія и дѣйствія больного сразу обнаруживаютъ болѣзненное направленіе его мозговой дѣятельности. Но въ началѣ заболѣ-

ванія спинного мозга или душевнаго разстройства только спеціалистъ-врачъ можетъ правильно опредѣлить состояніе больного. Правда, съ другой стороны, одинъ изъ супруговъ живущій съ другимъ много лѣтъ въ тѣсномъ общеніи и хорошо его знающій, можетъ замѣтить первыя проявленія начинающейся болѣзни гораздо легче, чѣмъ врачъ, который часто видитъ его въ первый разъ. Это можно сказать какъ относительно физическихъ, такъ и относительно душевныхъ болѣзней.

Медицина стремится теперь ознакомить профана съ признаками начинающейся болѣзни. Профанъ долженъ знать извѣстные признаки болѣзни, чтобы, замѣтивъ ихъ, немедленно увѣдомить врача, получить отъ него спеціальныя указанія и такимъ образомъ въ самомъ началѣ принять мѣры противъ развитія болѣзни. Чувство онѣмѣнія въ нижнихъ конечностяхъ, нетвердая походка, неправильности въ выдѣленіи мочи, наконецъ, молніеносныя боли то въ сочлененіяхъ, то во внутренностяхъ — признаки заболѣванія спинного мозга (сухотки спинного мозга). Образованіе зоба и глаза на выкатѣ главныя явленія такъ называемаго пучеглазія; дрожь въ рукахъ, запинающаяся, путающая слоги рѣчь— признаки такъ называемаго мѣстнаго уплотненія мозга. Сильныя головныя боли и разстройство зрительной способности, затѣмъ двойное зрѣніе (предметы двоятся въ глазахъ) и ослабленіе зрѣнія заставляютъ подозрѣвать образованіе опухоли въ мозгу.

По „Kirchhoffy, Lehrbuch der Psychiatrie".
Рис. 132. Безуміе (Paranoia).

Падучая обнаруживается припадками общихъ судорогъ тѣла, сопровождающихся безсознательнымъ состояніемъ. Но есть и болѣе легкая форма падучей, выражающаяся простой, кратковременной, то есть продолжающейся часто всего минуту или двѣ, потерей сознанія, такъ что больной нерѣдко самъ не подозрѣваетъ за собой этихъ болѣзненныхъ явленій.

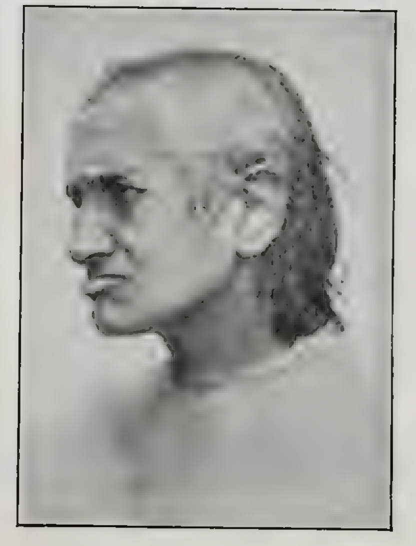
Истерія обнаруживается жалобами на боли и непріятныя ощущенія, которыя могутъ проявляться почти во всѣхъ частяхъ тѣла. Всего чаще истеричныя женщины жалуются на чувство стѣсненія въ груди и глоткѣ. Имъ кажется, „будто вверхъ, къ глоткѣ, подкатывается шаръ".

На болѣе высокихъ стадіяхъ истеріи обнаруживаются такіе же припадки, какъ при настоящей падучей (рис. 130). Характерно для этого состоянія дугообразное выгибаніе всего тѣла, какъ показываетъ намъ рис. 131. Только врачъ можетъ различить настоящую падучую отъ падучей истеричныхъ, и установить соотвѣтственное лѣченіе.

По „Kirchhoff'y, Lehrbuch der Psychiatrie“.
Рис. 133. Манія веселости.

По „Kirchhoff'y, Lehrbuch der Psychiatrie“.
Рис. 134. Меланхолія.

Измѣненія душевнаго состоянія всего легче можетъ замѣтить здоровый супругъ (или супруга), такъ какъ больной (или больная) внезапно начинаетъ обнаруживать странности, и именно въ интимныхъ сношеніяхъ высказываетъ такія мысли, которыя изобличаютъ душевное разстройство, тогда какъ въ присутствіи постороннихъ еще сдерживается и владѣетъ собой. Лишь постепенно и медленно онъ теряетъ способность сдерживаться и болѣзнь становится явной. Обыкновенно, душевное разстройство обнаруживается въ двоякой формѣ: какъ манія (рис. 133), которая можетъ дойти до бѣшенства, и какъ меланхолія, которая часто приводитъ къ самоубійству (рис. 134 и 135). Частый случай душевной болѣзни представляетъ прогрессивное размягченіе мозга, которое, съ одной стороны, выражается въ маніи величія, потерѣ чувства стыдливости и возбужденіи, съ другой же, часто сказывается меланхоліей, потерей памяти и способности оріентироваться. Нерѣдко также случается, что пьяница съ теченіемъ времени подвергается душевному разстройству, какъ это часто наблюдается въ рабочихъ классахъ, гдѣ алкоголь потребляется въ формѣ водки, а также среди трактирщиковъ, кабатчиковъ, служащихъ при винокуренныхъ или пивоваренныхъ заводахъ и т. д. Есть, дѣйствительно, рядъ профессій, которыя, въ силу связанныхъ съ ними занятій, располагаютъ къ душевнымъ разстройствамъ на почвѣ алкоголизма, и потому дѣвушка, которая выходитъ замужъ за представителя такой профессіи, должна предварительно убѣдиться, что ея будущій мужъ не принадлежитъ къ числу профессіональныхъ пьяницъ, и что ему не грозитъ рано или поздно душевное разстройство. Самая ужасная форма ея — бѣлая горячка, выражающаяся въ припадкахъ неистоваго бѣшенства, которымъ часто предшествуетъ состояніе устрашающихъ галлюцинацій (больному чудятся разныя животныя, особенно мыши).


По „Kirchhoff'y, Lehrbuch der Psychiatrie“.
Рис. 135. Меланхолія.

По „Kirchhoff'y, Lehrbuch der Psychiatrie“.

Рис. 136. Безуміе (Paranoia).

Сумасшествіе, или безуміе, (рис. 132 и 136) и идіотизмъ (рис. 137 и 138) двѣ главныя формы душевнаго разстройства. Особенный видъ душевнаго разстройства является результатомъ преждевременнаго обызвествленія артерій головного мозга и выражается ослабленіемъ памяти, забывчивостью, разсѣянностью, проявляющимися въ особенности въ преклонномъ возрастѣ и дающими картину такъ называемаго старческаго слабоумія. Преждевременно, то есть въ относительно молодыхъ годахъ, это отвердѣніе артерій наступаетъ у алкоголиковъ и лицъ, перенесшихъ тяжелую форму сифилиса.

Здѣсь можно упомянуть также о кретинизмѣ, развивающемся вслѣдствіе разстройства дѣятельности щитовидной железы въ юношескомъ возрастѣ; оно влечетъ за собой не только нарушеніе правильнаго роста костей и т. д., но и разстройства дѣятельности головного мозга, и пораженные кретинизмомъ остаются на низкой ступени духовнаго развитія (рис. 139). Кретинизмъ распространенъ въ нѣкоторыхъ гористыхъ областяхъ и часто соединяется съ образованіемъ зоба. У женщинъ самое благопріятное время для развитія душевныхъ разстройствъ — время прекращенія регулъ и преклонный старческій возрастъ.

Не слишкомъ рѣдко случаются душевныя разстройства у дѣвушекъ въ періодъ развитія. Позднѣе они прекращаются, но иногда длятся цѣлые годы. То же можно сказать о душевныхъ разстройствахъ во время беременности.

По „Kirchhoff'y, Lehrbuch der Psychiatrie“.

Рис. 137. Идіотъ.

Если врачи установили у одного изъ супруговъ неизлѣчимую душевную болѣзнь, то здоровой сторонѣ должно быть предоставлено право развода. Можно ли ей посовѣтовать воспользоваться этимъ правомъ въ

По „Kirchhoff'y, Lehrbuch der Psychiatrie“.

Рис. 138. Идіотка.

каждомъ данномъ случаѣ, это, конечно, зависитъ отъ очень разнообразныхъ обстоятельствъ. Положеніе дѣлъ одно, если жена тридцати-или сорокалѣтняго мужчины поражена неизлѣчимой душевной болѣзнью, и совсѣмъ другое, если это случилось, когда ему уже минуло пятьдесятъ или шесть десятъ лѣтъ. Равнымъ образомъ, естественно со стороны женщины, въ возрастѣ отъ двадцатипяти до тридцатипяти лѣтъ вторично попытать счастья въ бракѣ, если ея первый мужъ заболѣлъ неизлѣчимымъ помѣшательствомъ. Согласно постановленіямъ свода нѣмецкихъ гражданскихъ законовъ разводъ вслѣдствіе душевной болѣзни разрѣшается. Относящійся сюда § 1569 гласитъ: „Если одинъ изъ супруговъ постигнутъ душевной болѣзнью, если болѣзнь эта длилась не менѣе трехъ лѣтъ во время брачной жизни и достигла такой степени, что духовное общеніе между супругами прекратилось и надежда на возстановленіе этого общенія исключена, то другой супругъ можетъ требовать развода“. О русскомъ законодательствѣ см. примѣчаніе на стр. 276—277.

По Ифофену.
Рис. 139. Высшая степень кретинизма.

Въ католическихъ странахъ, напримѣръ въ Австріи, въ которыхъ нерасторжимость священныхъ узъ брака признана государствомъ, разводъ вслѣдствіе душевной болѣзни не разрѣшается такъ опредѣленно законами, и по § 111 австрійскаго свода гражданскихъ законовъ дѣйствительный бракъ между католиками прекращается только смертью.

Очень важенъ вопросъ о запрещеніи или разрѣшеніи брака въ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ или мать того или другого изъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, страдаютъ душевной болѣзнью. Такой бракъ надо елико возможно отсовѣтывать, особливо если дѣло идетъ о бракѣ дѣвушки, у которой больна мать, или мужчины, у котораго боленъ отецъ. Знаменитый берлинскій спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ профессоръ Мендель, высказывается по этому поводу слѣдующимъ образомъ: „Если при нормальныхъ обстоятельствахъ вообще происходитъ перекрестное унаслѣдованіе душевныхъ свойствъ, то есть дочь походитъ на отца, сынъ на мать, то при наслѣдственномъ помѣшательствѣ обнаруживается предпочтительно вліяніе матери на дочь, вліяніе отца на сына; и въ особенности дочь, обнаруживающая сходство съ душевно-больной матерью въ отношеніи тѣлосложенія, темперамента и характера, имѣетъ относительно большіе шансы на душевное разстройство“.

Съ другой стороны, надо признать, что наслѣдственное расположеніе одно, само по себѣ, не всегда приводитъ къ душевной болѣзни. Должны еще вмѣшаться вредныя вліянія, чтобы сдѣлать больнымъ мозгъ, способность котораго къ сопротивленію ослаблена предрасположеніемъ.

Далѣе существуютъ потомки душевно-больныхъ, которые, хотя и остаются душевно здоровыми, но принадлежатъ къ числу

такъ называемыхъ выродившихся или дегенератовъ. Сюда относятся также „истеричныя дѣти“. Это нервное заболѣванiе долго оставалось неизвѣстнымъ для дѣтскаго возраста. Бѣдныхъ крошекъ обвиняли въ капризахъ и притворствѣ, когда на самомъ дѣлѣ онѣ были больными. Называли ихъ одержимыми и лѣчили чудодѣйственными снадобьями. Фреска Доменикино изображаетъ такое исцѣленiе мальчика въ истерическомъ припадкѣ (рис. 140).

По фотогр. бр. Алинари во Флоренцiи.

Рис. 140. Святой Нилъ исцѣляетъ бѣсноватаго мальчика масломъ лампады, висящей передъ образомъ Богоматери.
Съ фрески Доменикино.

Такiя дѣти обнаруживаютъ также различныя ненормальности и часто страдаютъ отъ безпричиннаго ужаса и навязчивыхъ представленiй. Не слѣдуетъ также упускать изъ вида, что иногда дѣти душевнобольныхъ остаются здоровыми, но ихъ дѣти заболѣваютъ. Душевная болѣзнь перескакиваетъ черезъ поколѣнiе, и это также дѣлаетъ понятнымъ запрещенiе брака.

Можетъ ли индивидуумъ, который обнаруживалъ признаки душевной болѣзни, а затѣмъ вылѣчился, вступить въ бракъ? Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ для такихъ индивидуумовъ бракъ долженъ быть воспрещенъ. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ родителямъ скрывать душевную болѣзнь своего ребенка, напротивъ, они должны откровенно предупреждать о ней жениха или невѣсту до брака. Если они не дѣлаютъ этого, то

совершаютъ противозаконный поступокъ, и сводъ гражданскихъ законовъ Германской имперіи разрѣшаетъ въ этомъ случаѣ судебный искъ и расторженіе брака. Относящійся сюда параграфъ гласитъ:

„Можетъ требовать расторженія брака тотъ изъ супруговъ, который принялъ рѣшеніе вступить въ бракъ подъ вліяніемъ умышленнаго обмана насчетъ такихъ обстоятельствъ, которыя, будь они извѣстны ему, при разумной оцѣнкѣ сущности брака, побудили бы его воздержаться отъ вступленія въ бракъ. Если этотъ обманъ совершенъ не другимъ супругомъ, то расторженіе брака допустимо лишь въ томъ случаѣ, если онъ зналъ объ обманѣ при вступленіи въ бракъ. — На основаніи обмана касательно имущественныхъ отношеній бракъ не расторгается".

Весьма замѣчательны душевныя разстройства, наступающія въ періодъ обрученія. Женихъ боится, что не въ состояніи будетъ исполнить свои обязанности, невѣстой овладѣваетъ страхъ, что ей не справиться съ обязанностями хозяйки дома или что она недостаточно любитъ своего жениха и не сумѣетъ сдѣлать его счастливымъ. Иногда эти состоянія проходятъ безъ послѣдствій, иногда же развиваются въ настоящую болѣзнь только послѣ свадьбы.

Легочныя заболѣванія имѣютъ совершенно особенное значеніе для брака. При этомъ подразумѣвается главнымъ образомъ туберкулёзъ легкихъ или чахотка; другія легочныя заболѣванія, какъ бронхіальный катарръ, одышка, воспаленіе легкихъ, въ виду ихъ специфическихъ особенностей, сюда не относятся, такъ какъ, съ одной стороны, это болѣзненныя состоянія преходящаго характера, съ другой, они обусловлены характеромъ занятій или возрастомъ.

Туберкулёзъ легкихъ наступаетъ только вслѣдствіе зараженія туберкулёзной бациллой, слѣдовательно, есть инфекціонная болѣзнь. Но для развитія бациллъ нужны опредѣленныя условія, слабость всего тѣла, унаслѣдованная данной личностью отъ родителей. Если отецъ или мать больны чахоткой, то рано или поздно заболѣютъ ею и дѣти, которыя, въ свою очередь, передадутъ расположеніе къ болѣзни своимъ дѣтямъ, и т. д., пока наконецъ, послѣ цѣлаго ряда поколѣній это расположеніе не исчезнетъ, такъ что дальнѣйшіе потомки будутъ всю жизнь оставаться здоровыми, мало того пріобрѣтутъ извѣстный иммунитетъ, то есть невоспріимчивость къ зараженію туберкулёзной бациллой.

Наклонность къ заболѣванію туберкулёзомъ легкихъ часто перескакиваетъ черезъ поколѣніе и передается отъ дѣдовъ къ внукамъ или по боковой линіи, напримѣръ отъ дяди къ племянникамъ и т. д. Особенно сильные, хорошо питающіеся, живущіе при благопріятныхъ гигіеническихъ и соціальныхъ условіяхъ субъекты часто сопротивляются зараженію, остаются совершенно здоровыми или заболѣваютъ лишь легкими формами. Случается также, что въ цѣломъ ряду здоровыхъ по восходящей и нисходящей линіямъ поколѣній внезапно объявится единичная личность, заболѣвшая туберкулёзомъ, наслѣдственное происхожденіе котораго въ подобныхъ случаяхъ остается недоказаннымъ.

Въ качествѣ предупредительной мѣры безусловно должно имѣть силу запрещеніе браковъ въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ извѣстны случаи туберкулёза. Женихъ или невѣста должны тщательно

освѣдомляться, не страдала ли послѣдняя или первый кровохарканіемъ, катаррами верхушекъ легкихъ, скрофулезными опухолями лимфатическихъ железъ, нагноеніями костей и суставовъ (туберкулёзъ костей и сочлененій). Спокойный, внимательный наблюдатель часто уже по рубцамъ, замѣтнымъ на шеѣ и на краю нижней челюсти, по длинной, узкой, грудной клѣткѣ, по своеобразной блѣдности кожи, которая только на щекахъ переходитъ въ характерныя яркія пятна румянца, по кашлю, по наклонности къ поту и т. д. можетъ опредѣлить, что данная личность не принадлежитъ къ числу здоровыхъ. На откровенный вопросъ навѣрное послѣдуетъ откровенный отвѣтъ; въ случаѣ необходимости врачъ дастъ нужныя указанія.

Если легочное заболѣваніе наступаетъ уже въ бракѣ или если въ бракъ вступаютъ лица, страдающія только легкой формой туберкулёза, то болѣзнь обыкновенно быстро развивается въ первые годы брачной жизни, чахотка протекаетъ ускореннымъ темпомъ, иногда уже во время свадебнаго путешествія, иногда въ первый годъ брачной жизни, но особенно часто по рожденіи перваго ребенка.

Не всегда однако эта болѣзнь, остающаяся цѣлые годы въ скрытомъ состояніи, приводитъ къ смерти такъ быстро. Наступаютъ улучшенія, лихорадка періодически то проявляется, то исчезаетъ. Очаги болѣзни въ легкихъ объизвествляются и остаются строго ограниченными. Различные виды болѣзненнаго процесса, какъ его изображаетъ рис. 141, обусловливаютъ различіе внѣшнихъ признаковъ болѣзни. Иногда усиливается аппетитъ, больные увеличиваются въ вѣсѣ, иногда чувство голода исчезаетъ, обнаруживается отвращеніе къ ѣдѣ и послѣдствіемъ является быстрая убыль вѣса. Брачная жизнь вмѣсто мирнаго спокойнаго сожительства превращается въ постоянную разлуку супруговъ. Въ суровую осень и зиму больной долженъ отправляться на югъ, лѣтомъ куда-нибудь въ курортъ или въ санаторію.

Брачныя сношенія, беременность и роды вліяютъ на теченіе болѣзни очень неблагопріятно. Если правильнымъ лѣченіемъ и уходомъ удалось улучшить состояніе больной, то, при наступленіи новой беременности, это улучшеніе сходитъ на нѣтъ. Поэтому многіе врачи совѣтуютъ чахоточнымъ женщинамъ остерегаться беременности, рекомендуютъ примѣненіе противозачаточныхъ средствъ, въ случаѣ надобности даже искусственное прекращеніе наступившей беременности.

Болѣзни сердца не всегда составляютъ препятствіе къ вступленію въ бракъ. Бываютъ пороки сердечныхъ клапановъ, частью прирожденные, частью пріобрѣтенные, къ которымъ однако дѣятельность сердца вполнѣ приспособилась, такъ что они не причиняютъ никакихъ страданій. Неожиданности, конечно, не исключены и въ этомъ случаѣ: во время беременности, передъ родами и послѣ родовъ, пороки сердечныхъ клапановъ часто грозятъ женщинѣ серьезной опасностью. Въ это время отъ сердца требуется повышенная дѣятельность, и потому понятно, что по временамъ оно ослабѣваетъ. Въ такихъ случахъ, когда болѣзнь сердца уже до свадьбы обнаруживается неправильной сердечной дѣятельностью, опухолями на ногахъ, уменьшеніемъ выдѣленія мочи, само собою разумѣется, умѣстно строгое запрещеніе брака.

Наличность же сердечной болѣзни у мужчины гораздо менѣе опасна для брака, чѣмъ у женщины. Слѣдуетъ упомянуть также о томъ, что лица, часто страдавшія сочленовнымъ ревматизмомъ, въ большинствѣ случаевъ пріобрѣли и порокъ сердечныхъ клапановъ, такъ что имъ слѣдуетъ запрещать или, по крайней мѣрѣ, отсовѣтывать вступленіе въ бракъ.

Замужнимъ женщинамъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что злоупотребленіе спиртными напитками такъ же вредно, какъ неумѣренное потребленіе табака. Каждая разумная супруга будетъ по возможности удерживать мужа отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ алкоголю и табаку. Любящая супруга очень скоро узнаетъ, сколько рюмокъ выпиваетъ мужъ ежедневно, сколько сигаръ и папиросъ онъ выкуриваетъ, и сумѣетъ ласковыми увѣщаніями удержать его отъ злоупотребленія алкоголемъ и табакомъ, пока еще не поздно, то есть пока еще не наступили серьезныя разстройства. Гораздо легче бороться съ дурной привычкой въ самомъ началѣ, чѣмъ въ то время, когда она уже нанесла ущербъ организму или сдѣлалась второй натурой.

Но злоупотребленіе алкоголемъ и табакомъ приводитъ также нерѣдко къ преждевременному объизвествленію (склерозу) сосудовъ. Эта болѣзнь гораздо чаще встрѣчается у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ. Конечно, при этомъ играютъ роль и другія причины; въ особенности, сильныя тѣлесныя и душевныя напряженія, которымъ подвергается мужчина въ своей профессіональной дѣятельности, могутъ послужить поводомъ къ преждевременному отвердѣнію артерій. И въ этомъ отношеніи благоразумная жена можетъ удерживать своего мужа отъ чрезмѣрной работы и чрезмѣрнаго напряженія силъ, будетъ настаивать на томъ, чтобы онъ отдыхалъ, чтобы онъ время отъ времени отрывался отъ своей профессіональной работы и связанныхъ съ нею заботъ и волненій и отводилъ душу въ веселомъ домашнемъ кругу.

Если у мужчинъ часто бываетъ заболѣваніе (объизвествленіе, мѣшковидное расширеніе и т. д.) артерій, то у женщинъ то же самое случается съ венами. Именно, въ нижнихъ конечностяхъ вены расширяются, извиваются, срастаются часто въ небольшіе шнурки, вся нога принимаетъ неуклюжій безобразный видъ и образуются такъ называемыя опухоли ногъ, годами не поддающіяся лѣченію. Очень часто это состояніе въ первый разъ наступаетъ во время беременности и повторяется и усиливается съ каждымъ новымъ случаемъ послѣдней. Не безъ основанія народъ называетъ это явленіе „дѣтскими ногами“ (Kinderfüssen).

Болѣзни пищеварительныхъ органовъ имѣютъ, повидимому, мало вліянія на брачную жизнь. Въ дѣйствительности, однако, дѣятельность пищеварительнаго аппарата существенно вліяетъ на состояніе и настроеніе даннаго лица. Аппетитъ, регулярное принятіе пищи и цѣлесообразное перевариваніе ея поддерживаетъ функціи всѣхъ органовъ, тогда какъ нарушенія въ области желудочно-кишечной дѣятельности относящихся сюда железъ, печени, селезенки, поджелудочной железы оказываютъ вредное вліяніе на отправленія всѣхъ остальныхъ органовъ и, въ концѣ концовъ, ослабляютъ и губятъ тѣло.

Забота о пріобрѣтеніи и приготовленіи пищи падаетъ глав-

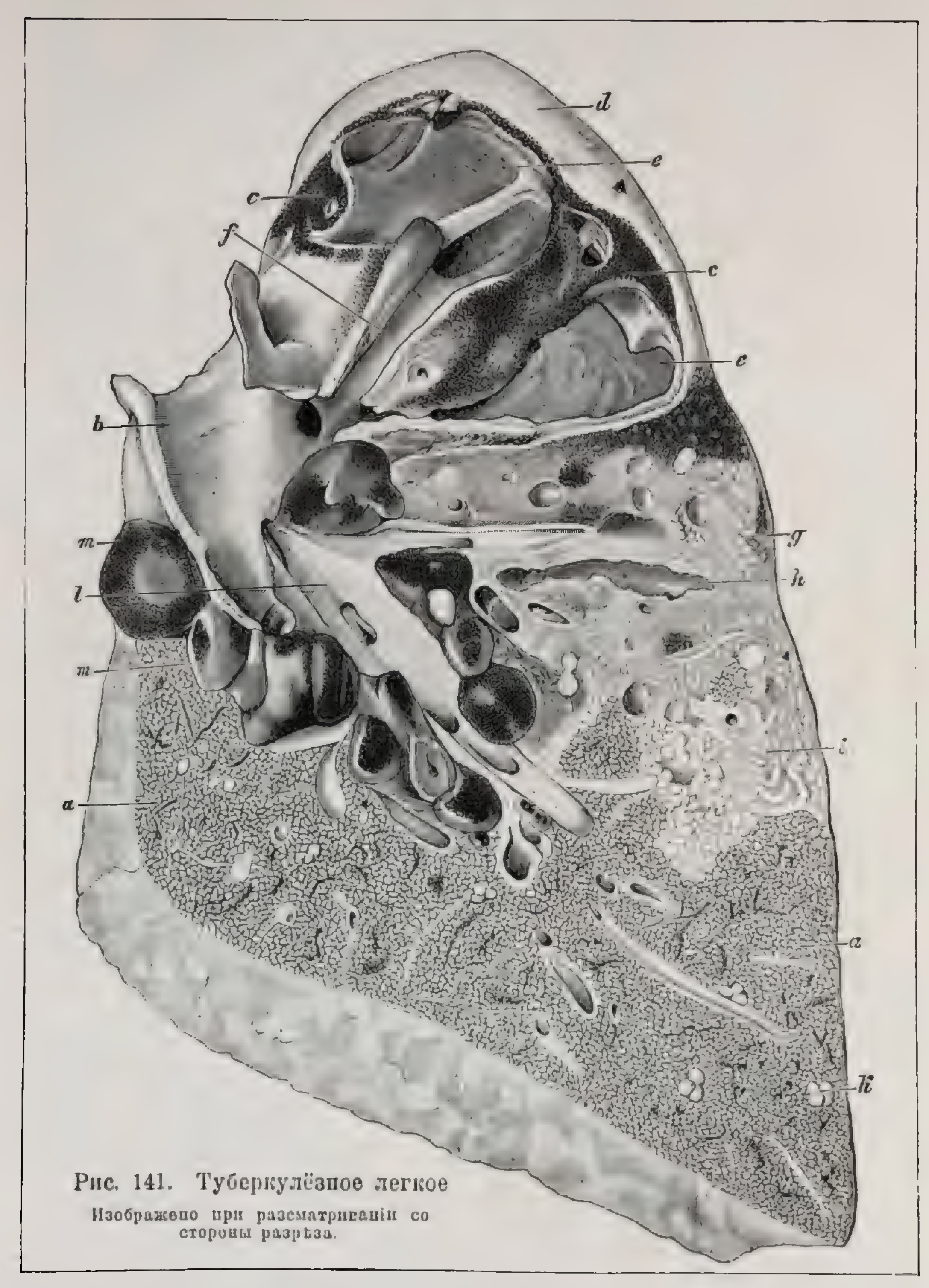


Рис. 141. Туберкулёзное легкое

Изображено при разсматриваніи со стороны разрѣза.

a — здоровая легочная ткань въ нижней долѣ легкаго, b — вскрытая вѣтвь бронхіальной трубки, c — отвердѣвшая легочная ткань въ верхушкѣ легкаго, d — утолщенная плевра, e — полость въ верхушкѣ легкаго, образовавшаяся вслѣдствіе болѣзненнаго процесса, f — бронхіальная трубка, ведущая въ полость, g — уплотненная ткань легкаго съ туберкулёзными узелками, h — разрѣзъ черезъ расширенную бронхіальную трубку, i — створаживающаяся усѣянная узелками часть легкаго, k — группа туберкулёзныхъ узелковъ, l — вскрытая легочная артерія, m — увеличенная и уплотненная лимфатическая железа.

нымъ образомъ на жену, такъ что отъ нея зависитъ оберегать въ этомъ отношеніи благополучіе мужа. Ея задача не только пріобрѣтать надлежащіе пищевые матеріалы, но и позаботиться о надлежащемъ ихъ приготовленіи. Щепетильнѣйшая чистота

необходима какъ въ этой области, такъ и во всѣхъ остальныхъ, касающихся тѣлеснаго благосостоянія. Каждая, вступающая въ бракъ дѣвушка должна пріобрѣсти посредствомъ практическаго ознакомленія всѣ необходимыя свѣдѣнія, касающіяся кухни и погреба. Если даже ея средства достаточны для того, чтобы поручать всякую ручную работу прислугѣ, то все же ей нужно самой руководить кухней, входить во всѣ подробности, отдавать распоряженія и лично завѣдывать хозяйствомъ. Теперь всюду даже въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Азіи, гдѣ японская культура соперничаетъ съ европейской, имѣются школы домашняго хозяйства, которыя могутъ посѣщаться дѣвушками.

Именно въ этомъ отношеніи браку приписывается чрезвычайно благотворное вліяніе: молодые люди, пищеварительные органы которыхъ болѣе или менѣе сильно страдаютъ отъ безпорядочной ресторанной и кухмистерской ѣды, часто не безупречной въ отношеніи продуктовъ, сразу избавляются отъ желудочныхъ разстройствъ, перейдя вслѣдствіе женитьбы къ правильному домашнему режиму. Не мало способствуетъ желудочнымъ разстройствамъ и излишнее употребленіе алкоголя, къ которому человѣкъ, изъ года въ годъ обѣдающій и ужинающій въ ресторанахъ, пріучается часто невольно, подъ вліяніемъ компаніи, проводящей за трактирнымъ столомъ вечера. Дома это неудобно, неловко, непріятно; женатый человѣкъ — оставляя въ сторонѣ исключительные случаи — предпочитаетъ отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ вечеромъ подлѣ супруги, въ кругу семьи (рис. 142).

Забота жены — устранять отъ супруга всякаго рода волненія передъ ѣдою и во время ѣды. Нехорошо, если жена встрѣчаетъ мужа, лишь только онъ ступилъ ногою въ домъ, всякаго рода непріятностями, разсказываетъ ему то и се, хотя знаетъ напередъ, что эти сообщенія еще болѣе возбудятъ нервы мужа, уже возбужденные его профессіональной дѣятельностью. Въ результатѣ онъ садится за столъ возбужденный и раздраженный, часто въ возбужденіи глотаетъ куски, не прожевавъ ихъ хорошенько, и въ такомъ случаѣ, разумѣется, плохо перевариваетъ. Спокойное и веселое настроеніе чрезвычайно облегчаетъ работу желудка и кишекъ, такъ какъ нервы этихъ органовъ находятся въ связи съ нервами остального тѣла и подъ вліяніемъ центральнаго органа, головного мозга. Все сказанное по поводу жены въ ея отношеніяхъ къ мужу, само собою разумѣется, приложимо и къ мужу въ его отношеніяхъ къ женѣ. Онъ долженъ соблюдать тѣ же предосторожности, такъ же щадить нервы жены, такъ же выбирать удобную минуту, чтобы поговорить съ ней о непріятностяхъ и докукахъ, безъ которыхъ, конечно, не обходится брачная и семейная жизнь.

Пищеварительный аппаратъ женщины особенно ненадеженъ во время беременности. Тошнота, рвота, отвращеніе къ извѣстнымъ видамъ пищи и пристрастіе къ другимъ характеризуютъ этотъ періодъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ эти разстройства достигаютъ такой степени, что врачъ совѣтуетъ прекращеніе беременности.

Слѣдствіемъ повторныхъ родовъ у женщинъ часто бываетъ состояніе разслабленія всѣхъ брюшныхъ органовъ, которое приводитъ къ очень непріятнымъ разстройствамъ пище-

варенія. Соотвѣтственныя врачебныя мѣропріятія, часто простое наложеніе брюшного бандажа, относительно примѣненія котораго опять-таки можетъ посовѣтовать только врачъ, часто приводятъ къ быстрому исчезновенію этихъ разстройствъ.

Вялость прямой кишки — недугъ, отъ котораго страдаетъ добрая треть человѣчества; женщины въ болѣе сильной степени, чѣмъ мужчины. Здѣсь можно предостеречь противъ неосторожнаго пользованія послабляющими средствами, нахваливаемыми безсовѣстной рекламой.

Рис 142. Въ семейномъ кругу. Съ картины А. Брулье.

Въ тѣсной связи съ желудочно-кишечными заболѣваніями находятся болѣзни печени. Внѣшне онѣ проявляются, правда, не во всѣхъ, но въ очень многочисленныхъ случаяхъ, желтухой. Конечно, было бы ошибкой приписывать нездоровый желтый цвѣтъ кожи исключительно болѣзни печени. Желтуха обнаруживается не только на кожѣ, но и на видимыхъ участкахъ соединительнотканной оболочки глаза. Если у кого-нибудь въ теченіе довольно долгаго времени обнаруживается этотъ родъ желтухи, то онъ указываетъ либо на упорный катарръ самой верхней части кишечнаго аппарата, либо на страданіе почекъ, которое, конечно, въ свою очередь, можетъ представлять весьма различный болѣзненный процессъ. Причиной такой упорной желтухи можетъ быть катарръ желчныхъ протоковъ, могутъ быть желчные камни, но также и перерожденіе печени, наблюдаемое въ особенности у запойныхъ пьяницъ. Можно упомянуть также о томъ,

что беременность представляетъ благопріятное условіе для образованія желчныхъ камней.

Вообще болѣзни пищеварительнаго аппарата и печени не составляютъ препятствія къ браку. Врачъ посовѣтуетъ развѣ подождать, пока болѣзненныя осложненія исчезнутъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ будетъ даже совѣтовать бракъ, въ надеждѣ, что правильное принятіе цѣлесообразной пищи, подъ наблюденіемъ любящей, разумной супруги, приведетъ къ возстановленію правильнаго пищеваренія. Исключеніе отсюда составляютъ, само собою разумѣется, глубокія органическія заболѣванія, въ родѣ рака, опухолей желудка, сморщиваніе печени и т. д. Имѣется ли налицо такая болѣзнь, можетъ, конечно, рѣшить только врачъ.

Болѣзни почекъ очень обыкновенны въ юношескомъ возрастѣ и часто являются слѣдствіемъ инфекціонныхъ болѣзней, особенно скарлатины. Подобныя воспаленія почекъ въ большинствѣ случаевъ излѣчиваются совершенно. Иногда остается слабость почекъ, извѣстная степень выдѣленія бѣлка, и въ такихъ случаяхъ врачъ, именно если дѣло идетъ объ особѣ женскаго пола, врядъ ли можетъ считать допустимымъ бракъ. Дѣло въ томъ, что почки и у совершенно здоровыхъ женщинъ страдаютъ во время беременности. Незначительныя выдѣленія бѣлка въ это время являются почти общимъ правиломъ; часто они принимаютъ опасный характеръ и приводятъ къ тяжелымъ осложненіямъ.

Упомянемъ также, что существуетъ форма выдѣленія бѣлка, наступающая только въ періодъ половой зрѣлости, въ особенности у малокровныхъ и худосочныхъ дѣвушекъ.

При наличности затяжныхъ, годами длящихся, страданій почекъ, бракъ безусловно долженъ быть запрещенъ.

Вслѣдствіе повторныхъ беременностей развивается по временамъ ослабленіе связокъ, прикрѣпляющихъ почки. Почка перемѣщается внизъ и прощупывается пальцами врача. Эта такъ называемая блуждающая почка приводитъ къ различнымъ тяжелымъ осложненіямъ и должна быть устранена соотвѣтственными бандажами или операціей.

Заболѣванія почечной лоханки, пузыря и мочеточниковъ, какъ заболѣваніе мочеотдѣлительныхъ органовъ подвигающееся снизу вверхъ, развивается иногда вслѣдствіе женскихъ болѣзней, причиной которыхъ, въ свою очередь, является зараженіе болѣзнетворными микробами разнаго рода.

Есть группа болѣзней, которыя выражаются не заболѣваніемъ какой-либо отдѣльной части тѣла, а общимъ разстройствомъ питанія, воспріятія и усвоенія питательныхъ матеріаловъ, или такъ называемаго обмѣна веществъ, почему они и называются болѣзнями обмѣна веществъ. Таковы сахарное мочеизнуреніе, ожирѣніе и подагра.

Сущность сахарнаго мочеизнуренія заключается въ болѣзненномъ увеличеніи количества сахара въ крови и соотвѣтствующемъ выдѣленіи сахара вмѣстѣ съ мочею. Діагнозъ болѣзни опирается на нахожденіе сахара въ мочѣ при ея химическомъ изслѣдованіи.

Опасность сахарной болѣзни существенно зависитъ отъ ея формы, такъ какъ есть различные степени и подвиды. Если сахарная болѣзнь обнаруживается въ юномъ возрастѣ, то въ большинствѣ случаевъ она протекаетъ очень быстро, причи-

няетъ сильное исхуданіе и приводитъ, или вслѣдствіе собственнаго разрушительнаго дѣйствія, или вслѣдствіе присоединенія туберкулёзнаго заболѣванія легкихъ, къ смертельному исходу еще въ молодыхъ годахъ. Понятно, что наличность сахарной болѣзни у молодого человѣка или дѣвушки представляетъ препятствіе къ вступленію въ бракъ.

Если эта болѣзнь обнаруживается въ зрѣлые годы, то, въ большинствѣ случаевъ, она принимаетъ затяжной характеръ. При правильномъ образѣ жизни и питаніи, регулируемомъ предписаніями врача, лица, страдающія сахарной болѣзнью, въ теченіе десятилѣтій сохраняютъ способность къ работѣ. Во всякомъ случаѣ, нужно считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что внезапное ухудшеніе болѣзни или какое-нибудь изъ ея послѣдствій (заболѣваніе почекъ, воспаленіе ткани въ связи съ случайнымъ пораненіемъ, легочный туберкулёзъ) могутъ привести къ смертельному исходу раньше, чѣмъ разсчитывали врачи и паціентъ.

Случаи обнаруженія сахарной болѣзни у обоихъ супруговъ подали поводъ къ предположенію о ея заразительности, но, въ дѣйствительности, такихъ случаевъ зараженія не бываетъ. Причина, почему иногда мужъ и жена заболѣваютъ одновременно или быстро другъ за другомъ, всего скорѣе заключается въ томъ, что одни и тѣ же вредныя условія оказываютъ вліяніе на обѣ стороны; доказано вѣдь, что душевное возбужденіе можетъ послужить поводомъ къ возникновенію сахарной болѣзни.

На брачной жизни эта болѣзнь отражается въ томъ смыслѣ, что ея послѣдствіемъ часто бываетъ мужское безсиліе; съ другой стороны, женщины, страдающія этой болѣзнью, становятся безплодными или, если забеременѣваютъ, то подвергаются большой опасности во время беременности и родовъ. Есть врачи, которые, въ случаѣ беременности при сахарной болѣзни, рекомендуютъ выкидышъ.

Есть форма выдѣленія сахара, наступающая во время беременности и исчезающая вмѣстѣ съ нею. Врачъ долженъ умѣть отличить ее отъ настоящей сахарной болѣзни, для чего требуются повторныя изслѣдованія мочи.

Дѣти больныхъ сахарной болѣзнью, въ большинствѣ случаевъ, рождаются слабыми и заболѣваютъ иногда уже въ дѣтскомъ возрастѣ или позднѣе сахарной болѣзнью. Одинъ врачъ курорта Нейенаръ, часто посѣщаемаго діабетиками (больными сахарной болѣзнью), сообщалъ, что изъ 2115 больныхъ 998 оказались наслѣдственными. Этотъ высокій процентъ (47%) опять-таки даетъ поводъ запрещать бракъ діабетикамъ и рекомендовать предупредительныя мѣры противъ зачатія въ случаѣ сахарной болѣзни одного изъ супруговъ.

Ожирѣніе, или болѣзненная тучность, въ 50—60% случаевъ обусловлена наслѣдственностью; въ остальныхъ — чрезмѣрнымъ питаніемъ, особенно обильнымъ потребленіемъ пива при недостаткѣ физическаго движенія. Наслѣдственное ожирѣніе обнаруживается, большею частью, уже въ дѣтскіе годы и въ годы половой зрѣлости; часто оно развивается только послѣ тридцати лѣтъ, особенно у женщинъ послѣ прекращенія регулъ.

Ожирѣніе обусловливаетъ общую слабость тѣла, такъ какъ мускулы недостаточно развиваются и прорастаютъ жиромъ. Такіе индивидуумы страдаютъ одышкой, легко подвергаются заболѣваніямъ верхнихъ дыхательныхъ путей и бронховъ, обнаруживаютъ, при сильномъ развитіи ожирѣнія, когда уже затрудняется кровообращеніе, припадки астмы и синюху (ціанозъ). Это,

Рис. 143. Сильная степень ожирѣнія и болѣзненная исхудалость

въ большинствѣ случаевъ, указываетъ на то, что сердце обросло жиромъ. Внутренніе органы также подвергаются ожирѣнію, отчего у женщинъ развивается безплодіе, и яичники и матка захватываются процессомъ ожирѣнія, что сказывается раннимъ прекращеніемъ регулъ. Вслѣдствіе ожирѣнія стѣнокъ артерій случаются разрывы послѣднихъ, которые могутъ повлечь за собою опасное, извѣстное подъ названіемъ удара, кровоизліяніе въ головной мозгъ. Рис. 143 изображаетъ сильную степень ожирѣнія въ противоположность крайней исхудалости.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, для мужчины, страдающаго ожирѣніемъ, бракъ не такъ опасенъ, какъ для женщины. Для него имѣетъ значеніе только мужское безсиліе, къ которому присоединяется отсутствіе влеченія къ половому акту и затруднительность послѣдняго. Ожирѣвшіе мужчины такъ же мало способны дать потомство, какъ ожирѣвшія женщины къ беременности и родамъ. Если же беременность наступаетъ, то ожирѣвшая женщина гораздо болѣе страдаетъ отъ различныхъ осложненій, связанныхъ съ беременностью, чѣмъ при нормальной полнотѣ. Всѣ вышеописанныя нарушенія правильной дѣятельности органовъ сказываются въ усиленной степени и грозятъ жизни женщины.

Полное запрещеніе брака для ожирѣвшихъ можетъ имѣть мѣсто лишь въ исключительныхъ случаяхъ высокой степени ожирѣнія. Во всякомъ случаѣ врачъ, если къ нему обратятся своевременно, посовѣтуетъ надлежащій курсъ лѣченія, чтобы предупредить всѣ тѣ опасности, которыми грозитъ высокая степень ожирѣнія. Если дѣло идетъ о холостыхъ индивидуумахъ, то разрѣшеніе на бракъ можетъ быть дано лишь по окончаніи лѣченія; если же о состоящихъ въ бракѣ, то умѣстно рекомендовать предупредительныя мѣры противъ зачатія, если сама природа не позаботилась объ этомъ.

Врачъ долженъ предупредить мужчину, который беретъ невѣсту изъ семьи, страдающей ожирѣніемъ, о возможности отсутствія дѣтей. То же должна имѣть въ виду дѣвушка, вступающая въ бракъ съ ожирѣвшимъ мужчиной.

Ожирѣніе обоихъ супруговъ случай очень обыкновенный; и въ такихъ случаяхъ, какъ при сахарной болѣзни, причиной ожирѣнія являются одинаковыя условія, дѣйствующія на обоихъ супруговъ.

Подагра, съ научной точки зрѣнія, отличается отъ ревматизма, который также поражаетъ мускулы и сочлененія. По своему значенію для брака проявленія обѣихъ этихъ болѣзней одинаковы: боли и потеря способности къ движенію въ различныхъ частяхъ тѣла и во всемъ тѣлѣ исключаютъ возможность наслажденія жизнью, отнимаютъ на время способность къ профессіональной дѣятельности, иногда же приводятъ къ длительному болѣзненному состоянію. Подагра и подагрическія заболѣванія проявляются, въ большинствѣ случаевъ, только въ концѣ тридцатилѣтняго, въ сорока- и пятидесятилѣтнемъ возрастѣ, въ особенности у лицъ, предававшихся неумѣренному потребленію мяса, вина и пива.

Въ случаѣ склонности мужа къ подагрическимъ заболѣваніямъ, жена можетъ предупредить развитіе болѣзни, предлагая ему соотвѣтственную пищу и удерживая его отъ потребленія алкоголя. Если мужчина располагаетъ уютнымъ, мирнымъ домашнимъ уголкомъ, то, въ большинствѣ случаевъ, онъ предпочтетъ его трактиру. Такимъ образомъ, бракъ можетъ предотвратить заболѣваніе.

Въ тѣсной связи съ разстройствами обмѣна веществъ находятся такъ называемыя болѣзни крови; заболѣваютъ или сама кровь, или мѣста образованія крови, каковыми мы признаемъ селезенку, лимфтаическіе узлы и костный мозгъ. Прирожден-

ная болѣзнь крови, кровоточивость, имѣетъ серьезное значеніе для брака и потомства. У лицъ, страдающихъ этой болѣзнью, происходитъ сильное кровотеченіе по самымъ пустымъ причинамъ, вслѣдствіе самаго незамѣтнаго пораженія, изъ носа, изо рта, изъ десенъ, изъ прямой кишки, мочевого пузыря, матки, словомъ, изъ всѣхъ полостей тѣла, изъ которыхъ только кровь можетъ изливаться наружу. Но иногда происходятъ и кровоизліянія во внутреннія полости тѣла, которыя представляютъ большую опасность для жизни. Страдающіе кровоточивостью постоянно находятся подъ угрозой смерти. Кровь у нихъ обладаетъ слабой способностью свертываться, артеріи легко разрываются, и если въ какомъ-нибудь мѣстѣ произошло пораненіе, кровь течетъ неудержимо, съ трудомъ останавливается. Болѣзнь, называемая кровоточивостью поражаетъ цѣлыя семьи, даже цѣлые роды. Мужчины изъ такихъ семей производятъ съ здоровыми женщинами большею частью здоровыхъ дѣтей, хотя бы сами страдали кровоточивостью Напротивъ, женщины изъ такихъ семей, всегда рожаютъ страдающихъ кровоточивостью дѣтей, хотя бы сами не страдали этой болѣзнью. Иногда также отецъ передаетъ свое расположеніе къ болѣзни черезъ здоровую дочь внукамъ, которые оказываются страдающими кровоточивостью. Извѣстны родословныя семей, пораженныхъ этою болѣзнью. Въ кантонѣ Граубюнденъ въ Швейцаріи существуетъ цѣлая деревня, жители, которой страдаютъ кровоточивостью (Тенна).

Люди, страдающіе кровоточивостью должны по возможности воздерживаться отъ браковъ, ихъ семьямъ слѣдуетъ вымирать. Если, поэтому, бракъ состоялся, то врачъ долженъ рекомендовать предупредительныя мѣры противъ зачатія.

Отъ кровоточивости отличаются скорбутъ и Верльгофова болѣзнь. Въ этихъ двухъ рѣдкихъ болѣзняхъ главнымъ признакомъ болѣзненнаго состоянія не является наслѣдственность, прирожденная наклонность къ кровотеченіямъ. Здѣсь кровотеченія изъ носа, изо рта, изъ десенъ и подкожныя возникаютъ самостоятельно у лицъ, дотолѣ здоровыхъ при появленіи скорбута, подъ вліяніемъ недостатка свѣжаго мяса и необходимаго количества соли (скорбутъ у мореплавателей), въ случаѣ же Верльгофовой болѣзни подъ вліяніемъ ревматическихъ причинъ. Лица, пораженныя той или другой изъ этихъ болѣзней, не должны вступать въ бракъ, пока не вылѣчатся вполнѣ, тѣмъ болѣе, что, при надлежащемъ режимѣ, лѣченіе этихъ болѣзней въ большинствѣ случаевъ бываетъ успѣшнымъ.

Недостатокъ крови, малокровіе, можетъ быть результатомъ очень различныхъ причинъ. Бываетъ постепенно развивающееся, постоянно усиливающееся и въ заключеніе приводящее къ смерти малокровіе, причина котораго заключается въ тяжеломъ заболѣваніи мѣстаобразованія красныхъ кровяныхъ клѣтокъ, костнаго мозга. Лица, страдающія этимъ недугомъ, обречены на смерть и, само собою разумѣется, не должны вступать въ бракъ. Кромѣ этого, очень рѣдкаго заболѣванія, опредѣлить которое можетъ только врачъ посредствомъ изслѣдованія крови при помощи спеціальныхъ аппаратовъ, существуетъ безчисленное множество видовъ простого малокровія, причиной котораго могутъ быть различныя обстоятельства. Повторныя кровотеченія изъ какого-

нибудь органа или даже одно единственное сильное кровотеченіе, хотя бы изъ вырваннаго зуба, могутъ причинить болѣе или менѣе сильную степень малокровія. Частыя кровотеченія изъ носа, кровотеченія изъ расширенныхъ артерій прямой кишки могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, причинить сильную степень малокровія. Недостаточное питаніе, преимущественно картофелемъ, свеклой и хлѣбомъ, сидячій образъ жизни, въ связи съ пребываніемъ въ душныхъ, рѣдко и плохо провѣтриваемыхъ помѣщеніяхъ (рабочіе и работницы въ мастерскихъ, портнихи и т. д.) или, наконецъ, занятія въ черезчуръ жаркихъ, чадныхъ кухняхъ (малокровіе кухарокъ) вызываютъ малокровіе, которое можетъ быть устранено только при соотвѣтственной перемѣнѣ образа жизни и профессіи.

Очень часто причиной малокровія у женщинъ являются слишкомъ сильныя или слишкомъ продолжительныя мѣсячныя очищенія. Если они продолжаются болѣе четырехъ дней и на четвертый день еще очень сильны, то это уже болѣзненное состояніе, противъ котораго женщины, только по невѣжеству своему, не прибѣгаютъ къ врачебной помощи. Только когда разовьется уже сильное малокровіе, онѣ являются къ врачу, жалуются на колотья и затруднительность дыханія, на стѣсненіе въ груди и тяжесть въ желудкѣ, словомъ, на всѣ тѣ явленія, которыми характеризуется малокровіе. Въ такихъ случаяхъ врачъ долженъ прежде всего принять мѣры къ ослабленію черезчуръ сильныхъ регулъ.

Особый видъ малокровія — блѣдная немочь. Не число красныхъ кровяныхъ тѣлецъ, которыхъ насчитывается около четырехъ съ половиной милліоновъ въ кубическомъ милиметрѣ крови, уменьшается въ этомъ случаѣ, какъ при остальныхъ формахъ малокровія, а количество красящаго вещества крови, находящееся въ каждомъ отдѣльномъ кровяномъ тѣльцѣ. Недомоганія при блѣдной немочи тѣ же, что при обыкновенномъ малокровіи. Но регулы не усиливаются, а становятся незначительными („очень блѣдными") и не наступаютъ по нѣсколько мѣсяцевъ.

Могутъ ли страдающіе блѣдной немочью вступать въ бракъ? Этотъ вопросъ часто ставится врачу. Отвѣтить на него можно только по отношенію къ каждому данному случаю. Прежде всего врачъ безусловно долженъ посовѣтовать цѣлесообразное лѣченіе. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ блѣдной немочи удается устранить недостатокъ красящаго вещества крови, конечно, не въ нѣсколько дней или недѣль, но въ нѣсколько мѣсяцевъ. Если это улучшеніе или исцѣленіе не наступаетъ, но данная особа остается въ другихъ отношеніяхъ здоровой и не слабой физически, то врачъ можетъ разрѣшить бракъ; бываетъ иногда, что послѣ брака блѣдная немочь совершенно исчезаетъ, что работа, которую приходится въ брачной жизни выполнять женскимъ половымъ органамъ, оказываетъ благотворное вліяніе на общее состояніе тѣла и крови. Съ другой стороны, было бы ошибкой считать бракъ лѣкарствомъ противъ блѣдной немочи.

Нѣкоторые виды малокровія возникаютъ только въ бракѣ подъ вліяніемъ значительной потери крови во время родовъ и неправильныхъ кровотеченій, развивающихся въ связи съ женскими болѣзнями (затяжное воспаленіе матки), возникшими въ

теченіе брачной жизни. Ясно также, что частые роды и повторное кормленіе грудью должны ослаблять тѣло матери и дѣлать его малокровнымъ.

Поэтому молодымъ супругамъ нужно настоятельно указывать на тяжелыя послѣдствія необузданнаго дѣторожденія. Хотя мы, врачи, вовсе не безусловные сторонники системы двухъ дѣтей, но стоимъ за извѣстное ограниченіе числа дѣтей [1]. Объ этомъ еще будетъ рѣчь на стр. 347.

Такъ какъ малокровіе, какъ выше объяснено, можетъ возникать вслѣдствіе весьма различныхъ причинъ, то врачъ только въ зависимости отъ его особенностей и характера можетъ запрещать или разрѣшать бракъ или дѣторожденіе, если бракъ уже имѣетъ мѣсто.

Болѣзни органовъ чувствъ имѣютъ вліяніе на заключеніе брака и брачный союзъ постольку, поскольку имѣютъ слѣдствіемъ замѣтное ослабленіе способности къ тѣлесной и профессіональной дѣятельности. Глазъ обладаетъ иногда извѣстными прирожденными пороками. Бываютъ прирожденныя помутнѣнія роговой оболочки, которыя, само собою разумѣется, существенно ослабляютъ способность зрѣнія. Радужная оболочка можетъ отчасти или вполнѣ отсутствовать.

Дѣти обоего пола могутъ наслѣдовать этотъ недостатокъ какъ отъ отца, такъ и отъ матери. Есть также форма помутнѣнія хрусталика, такъ называемое бѣльмо, встрѣчающееся какъ семейный недостатокъ, поражающій часто цѣлые роды. Иногда только отдѣльныя дѣти страдаютъ имъ. Такъ одна здоровая чета родителей съ здоровыми глазами имѣла одиннадцать дѣтей, изъ которыхъ четвертый, седьмой и одиннадцатый были поражены бѣльмомъ. Изъ четверыхъ дѣтей человѣка, у котораго бѣльмо случилось на тридцатомъ году, трое пріобрѣли тотъ же порокъ въ возрастѣ двадцати-восьми лѣтъ. Бѣльмо не представляетъ собою неизлѣчимаго порока и, когда достигнетъ зрѣлости, можетъ быть удалено оперативнымъ путемъ. Такъ было сдѣлано и въ послѣднемъ случаѣ.

Хрусталикъ, который, при нормальномъ состояніи глаза, образуетъ заднюю стѣнку передней камеры глаза, передняя стѣнка которой образована роговой оболочкой, можетъ иногда измѣнять свое мѣстонахожденіе и выпадать въ переднюю камеру глаза. Это такъ называемое перемѣщеніе хрусталика; оно также бываетъ прирожденнымъ или случается въ самомъ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, имѣетъ послѣдствіемъ тяжелыя разстройства зрѣнія и лишь съ трудомъ излѣчивается оперативно. Это выпаденіе хрусталика встрѣчается почти исключительно у дѣтей, родители которыхъ кровные родственники.

Заболѣванія сѣтчатой оболочки и глазныхъ нервовъ, приводящія къ полной слѣпотѣ, также встрѣчаются какъ наслѣдственныя болѣзни, при чемъ кровное родство родителей равнымъ образомъ играетъ несомнѣнную причинную роль. Прогрессивное отмираніе сѣтчатой оболочки, сопровождаемое исчезновеніемъ зрительныхъ нервовъ, часто встрѣчается въ связи съ идіотствомъ, глухонѣмотой, многопалостью и другими прирожденными уродствами.

---

[1] Совершенно ни на чемъ не основанная и безусловно вредная предупредительность господъ врачей! *Прим. ред.*

Дрожательныя движенія глазного яблока часто оказываются прирожденными. Непріятный наслѣдственный порокъ, — недостаточная подвижность верхняго вѣка, отчего глазъ не можетъ вполнѣ закрыться.

Очень своеобразный недостатокъ — прирожденная неспособность видѣть ночью („куриная слѣпота"). Такія лица обладаютъ вполнѣ здоровыми глазами, но неспособны видѣть при недостаточномъ освѣщеніи, вечеромъ. Они становятся точно слѣпые. Этотъ недостатокъ передается отъ отца отдѣльнымъ дѣтямъ, а отъ нихъ отдѣльнымъ внукамъ.

Наконецъ, заслуживаетъ упоминанія цвѣтовая слѣпота (дальтонизмъ), которая рѣдко распространяется на всѣ краски, но большею частью заключается въ смѣшеніи извѣстныхъ цвѣтовъ. Напримѣръ, не различаются зеленый и красный цвѣта. Въ этомъ случаѣ дѣло идетъ также о наслѣдственной, прирожденной, спеціальной формѣ слабости зрѣнія.

Болѣзни органа слуха вліяютъ на брачную жизнь лишь въ томъ отношеніи, что влекутъ за собой ослабленіе слуха или глухоту и вслѣдствіе того частичную или полную неспособность къ профессіональной дѣятельности. Для музыканта, актера, адвоката, врача и т. д. даже незначительное ослабленіе слуха можетъ означать гибель карьеры, тогда какъ писатель, ремесленникъ, скульпторъ и при полной глухотѣ могутъ выполнять свое призваніе.

Всякое заболѣваніе уха требуетъ своевременнаго обращенія къ спеціалисту, такъ какъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ оно можетъ грозить заболѣваніемъ мозга или смертельнымъ отравленіемъ крови.

Накожныя болѣзни во многихъ случаяхъ очень трудно излѣчимы, можно даже сказать часто неизлѣчимы, и всю жизнь мучатъ своего обладателя. Это можно сказать о различнаго рода лишаяхъ, при чемъ всегда нужно имѣть въ виду размѣры болѣзни. Тотъ, кому постоянно приходится возиться съ мазями и пластырями, конечно, не слишкомъ подходящая особа для брака. При этомъ надо также принять въ соображеніе, что эти болѣзни, часто появляющіяся на видныхъ мѣстахъ тѣла, производятъ отталкивающее, отвратительное впечатлѣніе и особенно портятъ красоту лица. Чешуйчатый лишай дѣлаетъ своего обладателя неспособнымъ къ браку, такъ какъ очень часто наслѣдуется дѣтьми. Очень обезображиваетъ волчанка (люпусъ), особая форма туберкулезнаго кожнаго заболѣванія, если она, какъ это часто бываетъ, появляется на лицѣ. Но, съ другой стороны, и это заболѣваніе можно совершенно устранить цѣлесообразнымъ лѣченіемъ, такъ что бываютъ случаи, когда врачъ можетъ разрѣшить лицу, раньше страдавшему такой болѣзнью, вступленіе въ бракъ. Равнымъ образомъ, всегда нужно спрашивать мнѣніе врача, если дѣло идетъ о болѣе или менѣе рѣдкихъ накожныхъ болѣзняхъ, изъ которыхъ многія обусловлены зараженіемъ микробами и потому могутъ передаться другой сторонѣ. Есть и безобидные въ этомъ смыслѣ лишаи, которые однако сильно обезображиваютъ. (Ср. также 2 главу части 2-ой I тома: „Красота женщины".)

Болѣзни двигательнаго аппарата, къ которымъ мы

относимъ заболѣванія костей, сочлененій и мускуловъ, важны для брака, именно по ихъ отношеніямъ къ беременности и родамъ. Хорошо развитый тазъ главное условіе правильнаго теченія родовъ. Врачи называютъ узкимъ тазомъ такой, поперечникъ котораго по крайней мѣрѣ на полтора-два сантиметра меньше нормальнаго. Англійская болѣзнь, проявляющаяся уже въ самомъ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, и размягченіе костей, которое развивается въ болѣе позднее время, большею частью въ связи съ беременностью, причиняютъ различныя измѣненія отдѣльныхъ тазовыхъ костей и всего таза, вслѣдствіе чего роды возможны лишь съ тяжелыми, большею частью смертельными поврежденіями ребенка и матери, или же совершенно немыслимы. Освобожденіе ребенка изъ материнской утробы осуществимо или посредствомъ разрѣзанія его на куски или посредствомъ кесарева сѣченія, т. е. вскрытія брюшной полости и матки и извлеченія ребенка черезъ эту рану. Эти операціи, если онѣ производятся опытными врачами, протекаютъ, въ большинствѣ случаевъ, благопріятно, но все же связаны съ извѣстной опасностью и, по возможности, должны быть избѣгаемы. Это достижимо лишь тщательнымъ предупрежденіемъ зачатія или, еще вѣрнѣе, запрещеніемъ половыхъ сношеній или запрещеніемъ брака. Искалѣченные индивидуумы не годятся для воспроизведенія и если мы не осуждаемъ ихъ на голодную смерть, какъ во времена спартанцевъ, то все же желали бы воспрепятствовать ихъ размноженію и наслѣдственной передачѣ ихъ недостатковъ.

Упомянемъ, далѣе, что въ высокой степени рахитическія формы таза, равно какъ и такъ называемый тазъ въ формѣ утинаго клюва вслѣдствіе размягченія костей, уже по механическимъ основаніямъ дѣлаютъ невозможнымъ половое общеніе.

Рахитическій тазъ представляетъ результатъ болѣзни, перенесенной въ дѣтствѣ, тазъ съ размягченными костями самъ по себѣ составляетъ болѣзнь. Размягченіе костей, впрочемъ, можетъ быть излѣчено, но обусловленное имъ измѣненіе формы таза уже не устраняется. Поэтому нормальные роды по излѣченіи размягченія становятся еще менѣе возможными, такъ какъ растяжимость костей отсутствуетъ, а неправильная форма таза остается.

Неправильная форма таза бываетъ также результатомъ искривленій позвоночнаго столба. Послѣднія могутъ быть чисто боковыми, прирожденными или развившимися вслѣдствіе неправильнаго положенія тѣла въ дѣтствѣ, на почвѣ наслѣдственнаго расположенія; или они происходятъ, большею частью соединяясь съ выдающимся въ видѣ горба искривленіемъ, вслѣдствіе туберкулоза позвонковъ, англійской болѣзни, поврежденій и перелома позвоночника. Сильная степень этого недостатка влечетъ за собой не только узость таза, но и узость грудной клѣтки, такъ что находящіеся въ ней органы, сердце и легкія, стискиваются, перемѣщаются, ихъ отправленія оказываются стѣсненными. Уже беременность сама по себѣ представляетъ въ этихъ случаяхъ большую опасность. Удушье, синюха, сильное распуханіе ногъ являются естественнымъ послѣдствіемъ, когда новое растущее тѣло, какъ тѣло ребенка въ материнской утробѣ, изо дня въ день суживаетъ и безъ того уже тѣсное простран-

ство. Часто врачъ принужденъ вызвать искусственный выкидышъ, такъ какъ дальнѣйшій ростъ плода грозитъ жизни матери. Роды протекаютъ съ опасностью для жизни, часто обнаруживается ослабленіе дѣятельности сердца и требуетъ немедленнаго цѣлесообразнаго вмѣшательства врача.

Неправильная форма таза можетъ происходить также вслѣдствіе прирожденнаго вывиха бедренного сочлененія. При одностороннемъ вывихѣ форма таза неправильная, при двустороннемъ входъ въ тазъ суженъ въ обоихъ поперечникахъ, крестцовая кость сильно изогнута впередъ, сами кости по своей консистенціи далеко не такъ крѣпки, какъ у нормальной женщины. Эта форма таза часто обусловливаетъ неправильное положеніе плода, которое дѣлаетъ необходимымъ врачебную помощь во время родовъ. По мнѣнію профессора Гоффа, выдающагося специалиста въ этой области, не слѣдуетъ запрещать женщинѣ съ неправильнымъ вслѣдствіе вывиха бедреннаго сочлененія тазомъ вступленіе въ бракъ, „но нужно внимательно слѣдить за ходомъ беременности, такъ какъ можно ожидать осложненій для матери и для ребенка“.

Особымъ послѣдствіемъ двусторонняго вывиха бедренного сочлененія является невозможность широко раздвинуть ноги. Она зависитъ отъ укорачиванія соотвѣтственныхъ группъ мускуловъ, обусловливающихъ сближеніе ногъ. Въ такихъ случаяхъ Гоффа „возвращалъ ногамъ способность раздвигаться“ посредствомъ оперативнаго разсѣченія укороченныхъ мускуловъ, и такимъ образомъ „доставилъ возможность выйти замужъ цѣлому ряду паціентокъ“.

Женщины, перенесшія въ дѣтствѣ часто случающееся туберкулёзное воспаленіе бедренного сочлененія, пріобрѣтаютъ косо суженный тазъ, подобный тазу при одностороннемъ вывихѣ бедренного сочлененія. При полномъ излѣченіи воспаленія бракъ можно разрѣшать безъ оговорокъ, такъ какъ форма таза не составляетъ препятствія къ браку. Напротивъ, половыя сношенія при сильномъ загибаніи ноги внутрь возможны только въ боковомъ положеніи, если этотъ недостатокъ не устраненъ операціей.

Заболѣванія мускуловъ такъ рѣдко случаются, что мы упомянемъ о нихъ лишь вкратцѣ. Рѣзко выраженные случаи атрофіи мускуловъ неизлѣчимы и, само собою разумѣется, дѣлаютъ невозможнымъ вступленіе въ бракъ. Довольно печально, если эти заболѣванія, что впрочемъ рѣдко случается, поражаютъ кого-либо изъ супруговъ въ позднемъ возрастѣ.

Затяжныя измѣненія сочлененій, обозначаемыя какъ уродующее воспаленіе суставовъ и хроническій сочленовный ревматизмъ, случаются большею частью у лицъ болѣе или менѣе пожилыхъ, давно уже состоящихъ въ бракѣ или отказавшихся отъ брака. Во всякомъ случаѣ, молодая дѣвушка, собирающаяся выйти замужъ за стараго ревматика, должна имѣть въ виду, что эта болѣзнь сопровождается не только страданіями, которыя портятъ настроеніе духа больного и дѣлаютъ его сварливымъ, но и болѣе или менѣе полной утратой способности къ движенію. Такъ что молодому существу предстоитъ участь сидѣлки.

Новообразованія, опухоли на наружныхъ частяхъ тѣла и на внутреннихъ органахъ, принадлежатъ къ числу самыхъ

страшныхъ болѣзней, какія только могутъ постигнуть мужчину и женщину. Есть, правда, совершенно невинныя формы опухолей, каковы жировыя опухоли на различныхъ мѣстахъ поверхности тѣла, мѣшковидныя опухоли, достигающія часто значительныхъ размѣровъ и портящія только красоту, наконецъ мускульныя опухоли (рис. 144), образующіяся главнымъ образомъ въ стѣнкахъ матки. Но подавляющее большинство опухолей злокачественны, такъ какъ, ограниченныя вначалѣ извѣстнымъ пунктомъ, онѣ постепенно разрастаются, захватывая сосѣдніе органы, и, что всего хуже, разсѣваютъ по всему тѣлу зародыши, изъ которыхъ развиваются новыя опухоли, разрушающія здоровье тѣла. Новообразованія выдѣляютъ ядовитыя вещества, тѣло худѣетъ, лицо принимаетъ мертвенный желтый оттѣнокъ и, постепенно теряя силы, больной подвигается навстрѣчу неизбѣжной смерти.

Рис. 144. Группа мускульн. опухолей матки.

Ракъ — болѣзнь преклоннаго возраста. Въ большинствѣ случаевъ онъ обнаруживается между сорока-пятью и пятьюдесятью годами, тогда какъ у старцевъ онъ такъ же рѣдокъ, какъ въ дѣтскомъ возрастѣ и до сорока лѣтъ. Поэтому, врачамъ рѣдко ставится вопросъ, можетъ ли вступить въ бракъ человѣкъ, страдавшій ракомъ и благополучно перенесшій операцію. Во всякомъ случаѣ, на такой вопросъ, разъ дѣло идетъ не объ упомянутыхъ выше невинныхъ формахъ опухолей, безусловно и безъ колебаній слѣдуетъ отвѣтить: нѣтъ. Наука собрала достаточно данныхъ, показывающихъ, что хотя лица, у которыхъ злокачественная опухоль была вырѣзана своевременно, въ самомъ началѣ своего мѣстнаго образованія, остаются здоровыми годы и десятилѣтія, но, въ концѣ концовъ, все-таки умираютъ отъ возобновившейся опухоли.

Конечно, продленіе жизни на десять лѣтъ имѣетъ огромное значеніе. Представимъ себѣ пятидесятилѣтняго человѣка, у котораго есть еще двѣнадцати-пятнадцатилѣтнія дѣти. Если удалось продлить его жизнь на десять лѣтъ, то это огромный выигрышъ не для него одного, но и для семьи. Дѣти, которыя десять лѣтъ тому назадъ остались бы безпомощными, теперь въ возрастѣ двадцати-двухъ — двадцати-пяти лѣтъ могутъ сами проложить себѣ путь, могутъ оказаться способными содержать себя и мать, по крайней мѣрѣ избѣжать нужды и нищеты.

Тѣ же соображенія имѣютъ силу для больной ракомъ женщины. Какое безконечное преимущество для дѣтей, если они хотя бы только въ теченіе ранняго дѣтскаго возраста не были лишены заботливаго ухода матери!

Поэтому врачъ можетъ только посовѣтовать: если кто-либо, мужчина или женщина, замѣчаетъ на какой-либо части тѣла измѣненіе, въ формѣ ли непосредственно замѣтной опухоли, или сильнаго увеличенія объема части тѣла, или кровотеченія или

гнойнаго выдѣленія изъ какой-нибудь полости, то данная особа должна обратиться за совѣтомъ къ врачу, не скрывая этого казуса изъ ложной стыдливости. Если у женщинъ, которыя уже находятся въ періодѣ прекращенія регулъ, наступаетъ сильное кровотеченіе изъ матки, то въ большинствѣ случаевъ причиной оказывается опухоль (рис. 145); то же можно сказать о кровотеченіяхъ изъ половыхъ частей, обнаруживающихся неправильно, въ неурочное для регулъ время. Ложный стыдъ, который часто мѣшаетъ женщинѣ обратиться къ врачу, приводитъ нерѣдко къ очень тяжелымъ послѣдствіямъ, такъ какъ въ случаѣ поздняго обращенія къ врачу приходится услышать отъ него: „Слишкомъ поздно! Операція уже невозможна. Новообразованіе захватило сосѣдніе органы и железы“. То же имѣетъ силу относительно столь часто встрѣчающагося рака грудныхъ железъ.

Неизлѣчимыя, не допускающія операціи новообразованія составляютъ величайшее мученіе для пораженныхъ ими лицъ и причиняютъ бездну огорченій и хлопотъ для ихъ близкихъ. Любящая, вѣрная до гроба супруга, часто заявляетъ себя истинной самаритянкой, день и ночь ухаживая за больнымъ, облегчая и утѣшая его, пока милосердная судьба не избавитъ его отъ мученій.

Ракъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, возникаетъ на почвѣ наслѣдственнаго расположенія, и въ виду возможности заболѣванія ракомъ дѣтей, отецъ или мать которыхъ умерли отъ этой болѣзни, благоразумнѣе не вступать въ бракъ съ членами такихъ семей.

Передается ли ракъ? Можетъ ли одинъ супругъ заразить другого ракомъ? На оба эти вопроса, которые имѣютъ особенное значеніе въ брачной жизни въ случаѣ заболѣванія ракомъ одного изъ супруговъ, до сихъ поръ нельзя отвѣтить съ увѣренностью ни отрицательно, ни утвердительно. Часто наблюдались случаи заболѣванія ракомъ у лицъ, ухаживающихъ за больными этой болѣзнью. Профессоръ Черни, директоръ института неизлѣчимыхъ больныхъ ракомъ въ Гейдельбергѣ, сообщаетъ, на основаніи богатыхъ данныхъ, что ему извѣстно много случаевъ послѣдовательной смерти жены и мужа отъ рака. Рядъ женскихъ врачей сообщаетъ наблюденія надъ ракомъ матки и обнаруженіемъ рака на мужскомъ членѣ у супруговъ.

На этомъ основаніи во всякомъ случаѣ слѣдуетъ лицамъ, ухаживающимъ за больнымъ ракомъ — въ большинствѣ случаевъ это выпадаетъ именно на долю женщины, — по возможности избѣгать загрязненія пальцевъ и лица выдѣленіями и кровью раковыхъ опухолей и тщательно мыться послѣ каждаго соприкосновенія. Съ другой стороны половое общеніе между супругами, въ случаѣ заболѣванія одного изъ нихъ ракомъ, особливо если мѣстомъ новообразованія являются половыя части, слѣдуетъ совершенно прекратить.

Половыя болѣзни понятно имѣютъ тѣснѣйшую связь съ брачнымъ общеніемъ. Различаютъ три вида половыхъ зараженій: мягкій шанкръ, сифилисъ и трипперъ.

Мягкій шанкръ, въ большинствѣ случаевъ, появляющійся на мужскомъ членѣ или на внутренней сторонѣ жен-

скихъ срамныхъ губъ; это, сравнительно, безопасная болѣзнь въ томъ смыслѣ, что она излѣчивается въ теченіе одной-двухъ недѣль и не влечетъ за собой дальнѣйшихъ послѣдствій. Непріятнымъ осложненіемъ его бываетъ иногда воспаленіе паховыхъ лимфатическихъ узловъ, которое, въ большинствѣ случаевъ, требуетъ оперативнаго лѣченія и излѣчивается въ нѣсколько недѣль.

Сифилисъ, какъ и предыдущая болѣзнь, на своихъ первыхъ стадіяхъ обнаруживается въ формѣ опухоли, края которой тверды на ощупь; отсюда названіе твердый шанкръ, въ противоположность только что описанному мягкому. Онъ появляется обыкновенно на наружныхъ половыхъ частяхъ, на мужскомъ членѣ, рѣже на срамныхъ губахъ или на краю нижняго конца матки, у такъ называемаго маточнаго зѣва; иногда же на губахъ, на носу, даже на пальцахъ. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ причиной зараженія являются обыкновенно не половыя сношенія, а случайныя соприкосновенія съ выдѣленіями сифилитическихъ больныхъ, поцѣлуи и т. п.

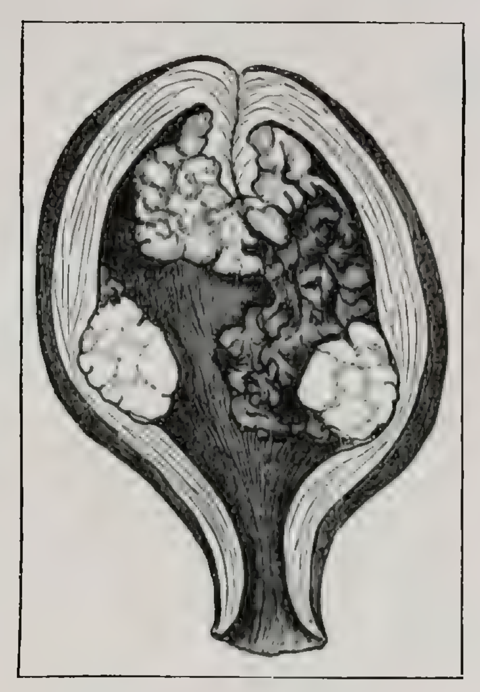


Рис. 145. Ракъ матки.

Сифилитическая опухоль излѣчивается, но болѣзнь этимъ не кончается; спустя нѣсколько недѣль, она снова обнаруживается накожными сыпями, бугорками на задней части тѣла и на половыхъ частяхъ, опухолями во рту, на языкѣ, на губахъ, общимъ распуханіемъ железъ, отрубевиднымъ шелушеніемъ ладоней и подошвъ, слѣзаніемъ и обламываніемъ ногтей и выпаденіемъ волосъ.

Всѣ эти болѣзненныя явленія наступаютъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ послѣ зараженія съ неправильными перерывами. Все это время больной долженъ находиться на попеченіи врача. Даже временное отсутствіе болѣзненныхъ явленій не доказываетъ исцѣленія. На третьемъ или четвертомъ году послѣ обнаруженія первыхъ явленій болѣзни сифилисъ обыкновенно угасаетъ.

Раньше пяти лѣтъ сифилитикъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ жениться, если не хочетъ заразить свою жену, но и этотъ срокъ только условный и имѣетъ силу лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда на третьемъ и четвертомъ году болѣзненныя явленія не обнаруживались или обнаруживались лишь въ самой слабой степени.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ тутъ наблюдаются большія различія; бываетъ и такъ, что болѣзнь, несмотря на постоянное, энергичное, цѣлесообразное лѣченіе, не прекращается вполнѣ и постоянно проявляется снова и снова (злокачественный сифилисъ). Такимъ лицамъ бракъ долженъ быть воспрещенъ совершенно.

Если врачъ разрѣшаетъ бракъ, то этимъ онъ только даетъ понять, что въ тѣлѣ даннаго лица уже не содержатся продукты, способные передать заразу; но онъ никогда не можетъ поручиться, что черезъ шесть, восемь, десять, пятнадцать лѣтъ не проявятся опухоли, являющіяся поздними послѣдствіями сифилиса. Эти такъ называемыя гуммозныя опухоли не заразительны, и опасны преимущественно въ тѣхъ случаяхъ, когда поражаютъ внутренніе органы (головной мозгъ, спинной мозгъ и т. д.), но при правильномъ лѣченіи быстро проходятъ. Призракъ сухотки спинного мозга и размягченія головного мозга также грозитъ тому, кто въ своей юности перенесъ сифилисъ, хотя отнюдь не всѣ случаи этихъ заболѣваній спинного и головного мозга могутъ быть отнесены на счетъ сифилитическаго зараженія.

Если не вполнѣ вылѣчившійся индивидуумъ, еще не перешедшій заразительной стадіи, вступаетъ въ бракъ, то послѣдствія бываютъ самыя печальныя. Во-первыхъ, жена можетъ сама заразиться отъ мужа, или, если она остается, повидимому, здоровой, то не родитъ, роды замѣняются послѣдовательными выкидышами, или, наконецъ, дѣти родятся, но обнаруживаютъ злокачественныя сифилитическія сыпи и часто умираютъ еще въ младенческомъ возрастѣ, если только соотвѣтственнымъ уходомъ и лѣченіемъ не удается сохранить жизнь ребенку. Сифилитическихъ дѣтей должна кормить сама мать, если же это невозможно, ихъ нужно выкармливать искусственно. Тяжкое преступленіе — поручить сифилитическаго младенца здоровой кормилицѣ и этимъ заразить и ее.

Наслѣдственность сифилиса сказывается иногда и въ болѣе поздніе годы тѣмъ, что дѣти сифилитическихъ родителей обнаруживаютъ признаки болѣзни въ возрастѣ отъ десяти до пятнадцати лѣтъ. Эти признаки, по большей части, тѣ же, что мы наблюдаемъ въ самыхъ злокачественныхъ формахъ сифилиса, именно образованіе опухолей на нёбѣ и въ носу, отчего происходитъ прободеніе костей, и образуются тѣ „провалившіеся носы“, по которымъ даже профанъ узнаетъ болѣзнь.

Эта печальная картина, къ счастью, не примѣняется ко всѣмъ случаямъ сифилиса. Тысячи сифилитиковъ послѣ двухлѣтняго цѣлесообразнаго лѣченія болѣзни выздоравливаютъ окончательно, женятся, имѣютъ сильныхъ, здоровыхъ, цвѣтущихъ дѣтей, — не въ каждомъ случаѣ ядовитость возбудителя болѣзни, каковымъ признается недавно открытая форма спирохэты (рис. 146), одна и та же.

Особенно печальной становится брачная жизнь, если мужъ уже во время брака пріобрѣтаетъ венерическую болѣзнь посредствомъ внѣбрачныхъ половыхъ отношеній. Брачное общеніе обусловливаетъ зараженіе жены, и затѣмъ оба супруга страдаютъ тѣлесно и душевно.

По мнѣнію знаменитаго криминалиста, Листа зараженіе сифилисомъ надо разсматривать какъ тѣлесное повреждені, къ которому приложимъ § 223. По опредѣленіямъ свода гражданскихъ законовъ Германской имперіи сифилисъ не составляетъ повода къ разводу; однако можетъ служить мотивомъ къ расторженію брака при посредствѣ § 1333, который имѣетъ въ виду „заблужденіе одного изъ супруговъ насчетъ качествъ другого су-

пруга, которыя при знаніи первымъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ и разумной оцѣнкѣ сущности брака удержали бы его отъ вступленія въ бракъ“. Въ свою очередь § 109 австрійскаго общаго свода гражданскихъ законовъ указываетъ въ числѣ „важныхъ основаній“, могущихъ послужить поводомъ къ разводу: „упорный, связанный съ опасностью зараженія тѣлесный недугъ“. О русскомъ законодательствѣ см. примѣч. на стр. 276—277.

Трипперъ считался прежде совершенно невиннымъ заболѣваніемъ, которое долженъ перенести каждый молодой человѣкъ, если не хочетъ сдѣлаться предметомъ сострадательной насмѣшки. Теперь мы знаемъ, что трипперъ, воспаленіе слизистой оболочки мочевого канала, причиняемое трипперной бактеріей (рис. 147), является причиной самыхъ тяжелыхъ и упорныхъ женскихъ болѣзней и влечетъ за собой безплодіе, причиной котораго является то мужчина, то женщина, заразившіеся триппероМъ.

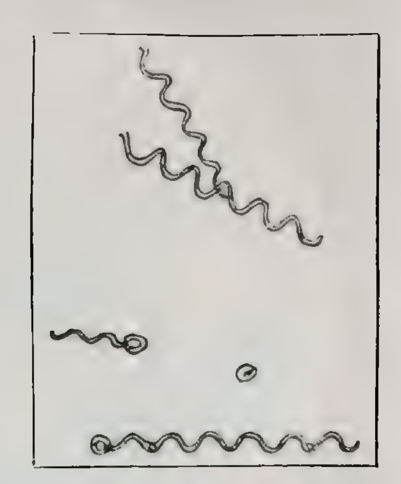


Рис. 146. Spirochaeta pallida, недавно открытый возбудитель сифилиса.

Не воспаленіе слизистой оболочки мочевого канала, какъ таковое, — воспаленіе въ тысячахъ случаевъ легко излѣчиваемое, — а частыя послѣдующія заболѣванія, вызванныя трипперомъ, каковы воспаленіе придатковъ сѣменныхъ железъ (предстательныхъ железъ), катарръ пузыря, суженіе мочевого канала,— приводятъ къ длящимся болѣзненнымъ состояніямъ, которыя вліяютъ на брачныя отношенія и брачное общеніе. Органы, выработывающіе сѣмя, тестикулы, остаются здоровыми, но выводные пути сѣмени разрушаются или зарубцовываются, истеченіе сѣмени встрѣчаетъ механическое препятствіе. Членъ напрягается, жидкость выбрасывается, но она содержитъ только слизь и выдѣленія придаточныхъ железъ половыхъ органовъ и не содержитъ сѣменныхъ нитей. Къ этому присоединяется замѣчательный фактъ, что если въ извергаемой жидкости и содержатся иногда сѣменныя нити, то неподвижныя и мертвыя. Это отмираніе сѣменныхъ нитей объясняется тѣмъ, что сѣменные пузырьки и предстательныя железы не выдѣляютъ жидкости. Жидкость, выдѣляемая сѣменными пузырьками и предстательными железами, поддерживаетъ движеніе и жизнь сѣменныхъ нитей; она для нихъ то же, что вода для рыбъ. Затяжное воспаленіе предстательной железы измѣняетъ продуктъ ея выдѣленія; онъ теряетъ свою нормальную кислую реакцію и становится щелочнымъ, и уже это измѣненіе обусловливаетъ смерть сѣменныхъ нитей. Такимъ образомъ, связь процессовъ становится ясной: трипперъ, замыканіе выводныхъ путей сѣмени, или трипперъ, затяжное воспаленіе сѣменныхъ пузырьковъ и предстательной железы, недостаточное или химически измѣненное выдѣленіе жидкости этими железами, отмираніе сѣменныхъ нитей, во всякомъ случаѣ, конечный результатъ — безплодіе мужчины.

А что происходитъ съ половыми органами женщины, если

въ нихъ проникаетъ бактерія триппера? Влагалище воспаляется, краснѣетъ и распухаетъ, устье мочевого канала изъязвлено, выдѣленіе мочи затруднено и соединяется съ болью; воспаленіе поднимается дальше вверхъ, въ матку, и захватываетъ всю ея внутреннюю оболочку; вслѣдствіе воспаленія слизистыхъ оболочекъ, непрестанно выдѣляется густой гной, такой же, какъ изъ мочевого канала мужчины. Но еще выше поднимается воспаленіе въ яичники, наполняющіеся вслѣдствіе этого гноемъ: образуются съ одной или съ обѣихъ сторонъ гнойные мѣшки, послѣдствіемъ которыхъ бываютъ различныя осложненія. Если такой мѣшокъ лопается, гной выливается въ брюшную полость и ведетъ къ смертельному воспаленію брюшины. Къ счастью, такой исходъ рѣдокъ. Въ большинствѣ случаевъ, женщины страдаютъ отъ этихъ болѣзненныхъ процессовъ недѣли, мѣсяцы, годы. Яичко не пристаетъ къ воспаленной слизистой оболочкѣ, да и проникающіе въ матку сѣменныя нити гибнутъ въ гноѣ, такъ что по различнымъ причинамъ зачатіе не можетъ произойти.

По „Bumm, Grundriss zum Studium der Geburtshilfe".
Рис. 147. Бактерія триппера въ гнойномъ выдѣленіи женщины.

Зараженіе жены происходитъ въ большинствѣ случаевъ вскорѣ послѣ первой брачной ночи, а послѣдствія его часто длятся всю жизнь.

Возможность зараженія не имѣетъ никакого отношенія къ количеству истеченія, а только къ присутствію или отсутствію въ немъ бактерій триппера. Разрѣшеніе на бракъ можетъ быть дано лишь въ томъ случаѣ, если выдѣляющійся изъ мочевого канала гной или находимыя въ мочѣ нити не обнаруживаютъ при тщательномъ микроскопическомъ изслѣдованіи трипперныхъ бактерій. Если увѣренность не безусловная, то половыя сношенія могутъ быть разрѣшены только съ употребленіемъ кондома, чѣмъ, конечно, достигается искусственное безплодіе. Въ виду опасности безплодія слѣдуетъ также отсовѣтовать бракъ мужчинамъ, которые перенесли воспаленіе придатковъ сѣменной

железы или только что выдержали воспаленіе предстательной железы.

Упомянемъ также, что мужчины, заболѣвшіе трипперомъ, очень часто по минованіи болѣзни подвергаются такъ называемой триппериой нейрастеніи. Страхъ заразить молодую довѣрчивую жену, страхъ безплодія часто самъ становится причиной безплодія.

Женскія болѣзни, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ собою заболѣванія половыхъ органовъ, — этимъ сказано почти все объ ихъ отношеніяхъ къ браку. Цѣлый рядъ острыхъ и затяжныхъ женскихъ заболѣваній обусловленъ трипперпымъ зараженіемъ, о ходѣ котораго мы уже говорили. Очень рѣдки, въ сравненіи съ послѣднимъ, катарры слизистыхъ оболочекъ, во-

Рис. 148. Яичники, наполненные гноемъ.

спаленія матки, воспаленія соединительной ткани вокругъ матки, воспаленія яйцеводовъ, обусловленныя ревматическими причинами или зараженіемъ другими бактеріями во время родовъ. Затяжныя воспаленія матки часто случаются у женщинъ при половыхъ сношеніяхъ, прерываемыхъ передъ истеченіемъ сѣмени, съ цѣлью предотвратить зачатіе. Съ другой стороны, всякое затяжное воспаленіе матки приводитъ, въ большинствѣ случаевъ, къ длительному безплодію, такъ какъ къ измѣнившейся слизистой оболочкѣ матки не могутъ прикрѣпиться яички (яйцевыя клѣтки) яичекъ. Если же дѣло доходитъ до зачатія, то часто случается выкидышъ или роды протекаютъ съ особенными осложненіями. О ракѣ матки была рѣчь выше.

Осложненія, связанныя съ женскими болѣзнями, выражаются въ боляхъ, въ острыхъ случаяхъ въ лихорадкѣ, въ появленіи такъ называемыхъ бѣлей, въ жгучей боли при мочеиспусканіи, въ судорогахъ во время регулъ, большею частью очень обильныхъ и болѣзненно продолжительныхъ. Ясно, что для такихъ женщинъ половыя сношенія, по крайней мѣрѣ на время, становятся невозможными, что эти женщины часто не въ силахъ исполнять даже своихъ хозяйскихъ обязанностей, не говоря уже о томъ, чтобы помогать мужу въ его дѣлахъ. Часто не столько эти мѣстныя страданія сами по себѣ дѣлаютъ женщину больной и неспособной къ работѣ, сколько обусло-

вленная ими нервность, которая нерѣдко граничитъ съ помѣшательствомъ или фактически непосредственно переходитъ въ него.

Послѣдствіемъ хроническаго воспаленія матки являются перемѣщенія, изъ которыхъ наичаще встрѣчаются перегибъ назадъ и отклоненіе назадъ Конечно, такія перемѣщенія могутъ происходить и вслѣдствіе ослабленія связокъ, какъ результатъ частыхъ беременностей и родовъ, безъ всякаго воспаленія, и вслѣдствіе опухолей въ брюшной полости, напримѣръ, кисты яичника (рис. 149). Сюда присоединяются выпаденіе матки и выпаденіе влагалища.

Такъ какъ всѣ перемѣщенія сопровождаются осложненіями (боль въ поясницѣ, запоры, нарушеніе правильнаго мочеиспусканія) и иногда являются причиной женскаго безплодія, то врачъ долженъ своевременно принять мѣры къ возстановленію нормальнаго положенія матки и ея закрѣпленію посредствомъ маточнаго кольца.

Подобнымъ же образомъ устраняются выпаденія, хотя въ крайнихъ случаяхъ можетъ помочь только оперативное лѣченіе. Операція часто уже потому необходима, что половыя сношенія становятся невозможными въ силу механическихъ препятствій.

Если оплодотворенное яичко пристало къ загнутой назадъ маткѣ, то послѣдняя можетъ выпрямиться сама собою; но можетъ случиться и такъ, что беременная матка будетъ защемлена въ полости таза, и въ такомъ случаѣ, при отсутствіи своевременной врачебной помощи, жизни матери грозитъ крайняя опасность.

Ненормальности въ области женскихъ половыхъ органовъ имѣютъ особое значеніе для вопроса о допустимости брака и для выясненія опасностей брака, особливо беременности. Бываетъ прирожденная атрофія матки, регулы отсутствуютъ, зачатіе невозможно, слѣдовательно, бракъ долженъ быть безусловно воспрещенъ. Въ такихъ случаяхъ всегда нужно тщательно изслѣдовать, не имѣемъ ли мы дѣло съ гермафродитизмомъ (двуполостью). Много лицъ съ мужскими половыми железами воспитывались какъ дѣвочки, обручались и выдавались замужъ. Гораздо рѣже случаи воспитанія лицъ женскаго пола въ качествѣ мальчиковъ. Наружныя половыя части могутъ ввести въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго пола даннаго индивидуума. (Такъ было, напримѣръ, съ гермафродитомъ Мари Мадленой Лефоръ. Всю жизнь она считалась мужчиной и только вскрытіе обнаружило ея женскую природу [Рис. 150 и 151)]. Это случается у женскихъ гермафродитовъ вслѣдствіе укорачиванія влагалища и увеличенія клитора, на подобіе мужского члена (рис. 151), у мужскихъ вслѣдствіе атрофированія мужского члена и щелевиднаго раздѣленія обѣихъ половинъ мошонки, отчего онѣ напоминаютъ большія губы женщинъ. Опредѣленіе пола въ послѣднемъ случаѣ затрудняется тѣмъ, что часто въ то же время мужскія половыя железы (тестикулы) не опускаются въ мошонку, а остаются въ брюшной полости или на пути въ мошонку въ паховомъ каналѣ—особенность, которая встрѣчается и у не-гермафродитовъ и носитъ названіе „скрытости яичекъ“.

Послѣдствія гермафродитизма очень разнообразны и, конечно, очень важны. Половыя сношенія затруднены. Это имѣетъ силу

въ особенности относительно тѣхъ женскихъ индивидуумовъ, у которыхъ внѣшнія половыя части напоминаютъ мужскія, но женская природа легко обнаруживается. Еще въ большей степени это имѣетъ мѣсто относительно индивидуумовъ, у которыхъ имѣются атрофированныя внѣшнія мужскія половыя части, почему ихъ воспитываютъ по недоразумѣнію какъ женщинъ, между тѣмъ какъ точное изслѣдованіе—часто, впрочемъ, только операція — обнаруживаетъ у нихъ сѣменныя железы, т. е. показываетъ ихъ мужскую природу. Такія кажущіяся женщины часто обнаруживали склонность къ мужчинамъ и выходили замужъ, такъ что происходилъ бракъ между двумя мужчинами.

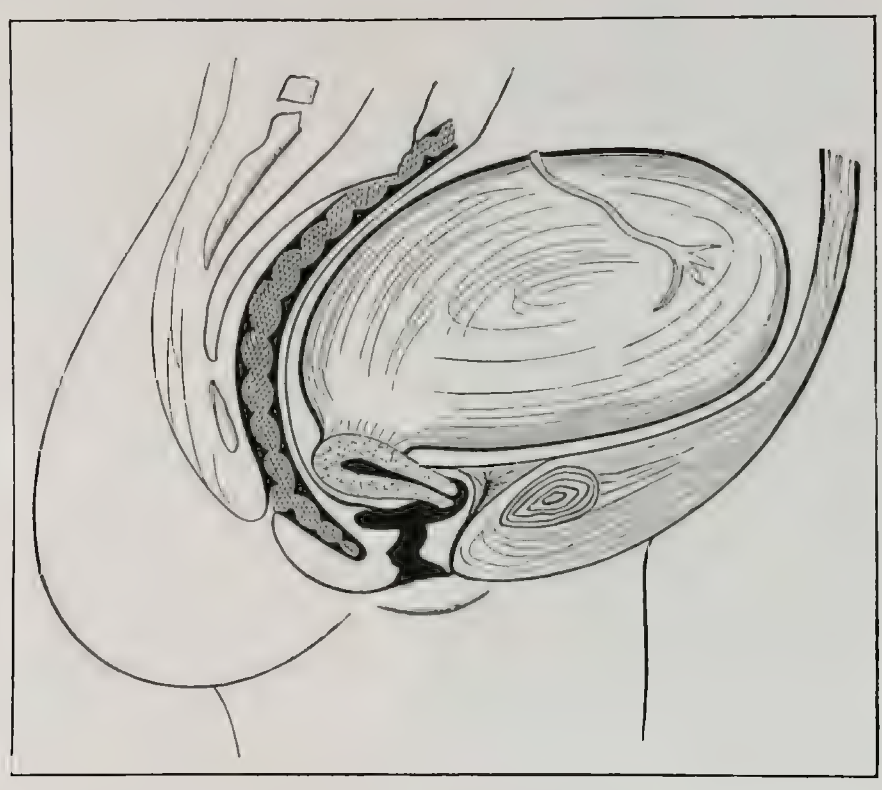
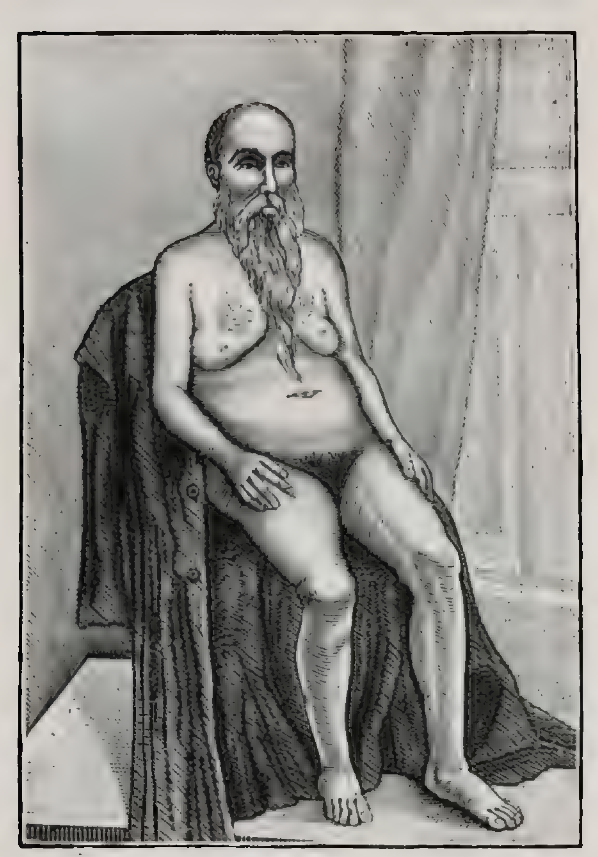


Рис. 149. Опухоль яичника, наполняющая нижнюю часть брюшной полости и смѣщающая матку назадъ.

Половое влеченіе у мужскихъ и женскихъ гермафродитовъ обнаруживается иногда къ своему, иногда къ противоположному полу, иногда, наконецъ, къ обоимъ поламъ, такъ что подобныя лица одинаково любятъ имѣть сношенія съ мужчинами и съ женщинами.

Такіе браки между лицами одного пола приводятъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ: невѣрности, склонности мужского гермафродита, фигурирующаго въ качествѣ женщины, къ женщинамъ и т. д. Само собою разумѣется, затруднительность и неудовлетворительность полового общенія и безплодіе брака служатъ поводомъ къ дальнѣйшимъ раздорамъ и несчастью. Не малую роль играетъ и душевное возбужденіе, которое рано или поздно овладѣваетъ такими гермафродитами и проявляется особенно рѣзко, если истинный полъ обнаружится и тѣмъ не менѣе сохранится склонность къ своему полу.

Какими мѣрами должно противодѣйствовать возможности брака гермафродитовъ? Если няньки или родители замѣчаютъ вскорѣ послѣ рожденія какія-нибудь особенности въ половыхъ частяхъ младенцевъ, которыя кажутся имъ ненормальными, то слѣдуетъ обратиться къ врачу. Если у дѣвочки въ періодъ наступленія половой зрѣлости не появляются регулы, или если у лицъ мужского пола въ тотъ же періодъ не случаются по временамъ напряженіе члена и ночныя истеченія сѣмени, то недостаточно спросить совѣта у врача, а требуется еще точное обслѣдованіе со стороны врача-спеціалиста.



По Дебьерру.

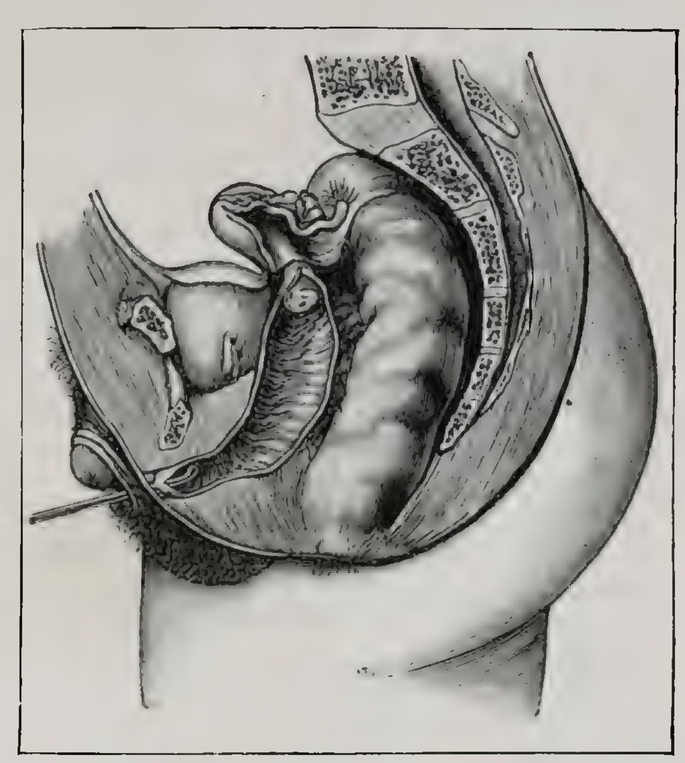
Рис. 150. Гермафродитъ Мари Мадлена Лефоръ въ шестидесятилѣтнемъ возрастѣ.

Предшествующія описанія рисуютъ картину мученій, горя, тѣлесныхъ и душевныхъ страданій. Двое молодыхъ людей, искренно любящіе другъ друга, подходящіе другъ къ другу по своимъ наклонностямъ и характеру, основываютъ семейный очагъ, неустанно хлопочутъ и трудятся, радуются дѣтямъ — счастье ихъ безоблачно. Но является болѣзнь, иногда внезапно и неожиданно, иногда потихоньку и тайкомъ, и застилаетъ своей черной тѣнью солнце чистой невозмущаемой радости жизни. Кормилецъ отнимается у семьи на недѣли, мѣсяцы, даже годы—а то и навсегда; мать отнимается у дѣтей, по временамъ или постоянно, во всякомъ случаѣ съ неисчислимыми послѣдствіями для нуждающихся въ заботливомъ уходѣ крошекъ: никакая воспитательница, никакая мачеха не можетъ замѣнить матери. Или другая картина — родители здоровы, но дѣти являются на свѣтъ Божій калѣками, уже въ самомъ раннемъ младенческомъ возрастѣ, благодаря наслѣдственнымъ задаткамъ, подвергаются болѣзнямъ, послѣдствія которыхъ сохраняютъ на всю жизнь. Изуродованные члены, кривыя спины, вдавленные, плоскіе носы — Каинова печать грѣха.

Можемъ ли мы предупредить все это зло и бѣдствіе? Не во всѣхъ случаяхъ, если дѣло идетъ о случайно пріобрѣтенныхъ болѣзняхъ. Мы не можемъ предвидѣть зараженія тифомъ, воспаленія легкихъ, сочленовнаго ревматизма; самыя сильныя, самыя здоровыя личности становятся жертвами этихъ заболѣваній, вызываемыхъ бактеріями. Напротивъ, во всѣхъ тѣхъ

случаяхъ, когда дѣло идетъ о болѣзни, расположенiе къ которой передается наслѣдственно, ее можно предсказать. Дѣти туберкулёзныхъ родителей, въ большинствѣ случаевъ, заболѣваютъ туберкулёзомъ; въ семьѣ, гдѣ наблюдались ракъ, эпилепсія, душевное разстройство — ограничимся этими тремя главными типами болѣзней—можно ожидать дальнѣйшаго появленія этихъ страшныхъ бичей человѣчества. Значенiе сифилиса и триппера, значенiе уродливостей и ненормальностей развитія для обладающихъ ими и ихъ потомковъ—достаточно ясно и вразумительно изложено выше.

Къ числу требованiй разумныхъ друзей человѣчества, заботливыхъ гигienистовъ, и дальновидныхъ врачей принадлежатъ строгое, закономъ установленное, запрещенiе браковъ при извѣстныхъ наслѣдственныхъ расположенiяхъ къ болѣзни и при наличности самихъ болѣзней, обязательное медицинское освидѣтельствованiе всѣхъ кандидатовъ и кандидатокъ въ бракъ по образцу освидѣтельствованiя новобранцевъ, строгая уголовная и гражданская отвѣтственность за передачу заразительной болѣзни однимъ изъ супруговъ другому.



По Дебiерру.

Рис. 151. Наружныя и внутреннiя половыя части гермафродита Мари Мадлены Лефоръ.

Металлическiй зондъ, подъ увеличеннымъ на подобiе члена клиторомъ, введенъ въ сильно суженное влагалище, на верхнемъ концѣ котораго имѣется атрофированная матка.

Еще рѣшительнѣе, но столь же основательны требованiя, относящiяся къ половому общенiю между лицами, не связанными бракомъ. Въ отношенiи ихъ также должно имѣть силу запрещенiе половыхъ сношенiй и запрещенiе дѣторожденiя въ случаѣ возможности передачи болѣзни или расположенiя къ болѣзни. Равнымъ образомъ за доказанное тѣлесное поврежденiе при этихъ сношенiяхъ, особливо за венерическое зараженiе, должна слѣдовать законная кара.

Наконецъ, охранѣ брака должно способствовать освобожденiе врача отъ обязанности хранить врачебную тайну. Въ настоящее время, всякiй врачъ, сообщившiй о болѣзни пользовавшагося его услугами пацiента, подлежитъ наказанiю по закону; мало того, къ нему можетъ быть предъявленъ искъ объ убыткахъ, причиненныхъ нарушенiемъ врачебной тайны пацiенту. Французскiй законъ воспрещаетъ сообщенiе о болѣзни своего пацiента третьимъ лицамъ даже въ томъ случаѣ, когда самъ пацiентъ дастъ разрѣшенiе на это.

Конечно, полная отмѣна врачебной тайны имѣла бы и вред-

ныя послѣдствія. Не говоря уже о томъ, что врачъ, въ большинствѣ случаевъ, не знаетъ о предстоящемъ бракѣ своего бывшаго паціента, отмѣна тайны привела бы къ скрыванію болѣзней. Больные обращались бы только къ такимъ врачамъ, со стороны которыхъ нельзя ожидать сообщенія объ ихъ болѣзни. Многіе даже вообще стали бы избѣгать врачей и обращаться къ шарлатанамъ. Но можно бы было достигнуть цѣли другимъ путемъ. Если бы бракъ зависѣлъ отъ разрѣшенія соотвѣтственнаго оффиціальнаго учрежденія, если бы это учрежденіе могло безъ указанія причинъ отсрочивать разрѣшеніе, то всѣ тѣ врачи, съ которыми женихъ, невѣста и ихъ семьи имѣли дѣло, могли бы, по требованію этого учрежденія, сообщать ему свое мнѣніе подъ обязательствомъ служебной тайны.

Нѣчто подобное дѣлается и теперь въ случаяхъ застрахованія жизни: каждый желающій застраховаться долженъ назвать врачей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло въ теченіе своей жизни и которые затѣмъ опрашиваются страховымъ обществомъ относительно его здоровья.

Свидѣтельства врачей, которые раньше пользовали жениха, невѣсту и ихъ семьи, не сдѣлали бы, однако, излишнимъ новаго врачебнаго освидѣтельствованія со стороны спеціальнаго, для этой цѣли назначеннаго врача. Тщательное изслѣдованіе всѣхъ органовъ тѣла обоихъ вступающихъ въ бракъ является неотвратимымъ требованіемъ будущаго. Оффиціально назначенный врачъ сообщаетъ письменное мнѣніе соотвѣтственному учрежденію, а это послѣднее выдаетъ разрѣшеніе на бракъ или отказываетъ въ немъ на время или навсегда, не указывая причинъ.

Но особенно важныя и серьезныя задачи предстоятъ врачу въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь поражаетъ кого-либо изъ супруговъ уже послѣ брака. Его совѣты относительно образа жизни, способа питанія, разумной мѣры покоя и движенія, устраненія нервныхъ возбужденій, оставленія службы и должности должны приниматься въ соображеніе и, по возможности, исполняться. Въ такомъ случаѣ часто удается устранить болѣзнь въ зародышѣ, остановить ея дальнѣйшее развитіе, продлить вѣкъ паціента.

Съ полнѣйшимъ основаніемъ можетъ врачъ при многихъ заболѣваніяхъ или даже только въ виду возможности заболѣванія запрещать дѣторожденіе и рекомендовать всѣ тѣ средства, которыя имѣютъ цѣлью предупрежденіе зачатія. Болѣе подробно объ этомъ уже говорилось въ томѣ I, часть 2, стр. 224 сл., и на стр. 211 этого тома.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ врачъ выскажется не за предупрежденіе зачатія, а за запрещеніе половыхъ сношеній вообще. Это имѣетъ силу въ случаяхъ мѣстныхъ воспалительныхъ явленій женскихъ половыхъ органовъ, при которыхъ нужно остерегаться прилива крови къ послѣднимъ, обусловленнаго половыми сношеніями; далѣе, въ такіе періоды, когда женщину необходимо беречь, особливо послѣ тяжелыхъ родовъ, изнуряющихъ болѣзней отдѣльныхъ органовъ или всего тѣла. Для мужчины отказъ отъ половыхъ сношеній обязателенъ въ особенности въ случаѣ мѣстныхъ воспалительныхъ заболѣваній мочевого канала, сѣменныхъ канатиковъ, тестикулъ или пузыря —

эти заболѣванія въ большинствѣ случаевъ сами обусловлены половымъ внѣбрачнымъ общеніемъ и, уже на этомъ основаніи, являются мотивомъ прекращенія брачныхъ половыхъ сношеній. Наконецъ, предписаніе временнаго воздержанія отъ полового общенія умѣстно по отношенію къ мужчинамъ, страдающимъ мужскимъ безсиліемъ. Часто оно зависитъ только отъ истощенія вслѣдствіе предшествовавшей неумѣренности, и можетъ быть устранено отдыхомъ; часто причиной является общая нервность, чрезмѣрное раздраженіе всѣхъ нервовъ. Въ такомъ случаѣ надо добиться успокоенія нервовъ, возстановить ихъ нормальную дѣятельность.

Медицина имѣетъ серьезныя, существенныя задачи, важность которыхъ еще не оцѣнена народнымъ сознаніемъ. Съ дѣятельностью врача все еще связываютъ представленіе о чемъ-то таинственномъ; въ большой публикѣ все еще живетъ вѣра въ чудесныя исцѣленія — ихъ требуютъ отъ законныхъ или, если они отказываются, отъ незаконныхъ представителей врачебнаго искусства. Естественно-научное образованіе должно сдѣлать яснымъ для всѣхъ, что хотя врачебное искусство обладаетъ драгоцѣннымъ сокровищемъ цѣлебныхъ средствъ разнаго рода, съ помощью которыхъ можно вліять на органическую дѣятельность и органическія разстройства, но, съ другой стороны, всѣ болѣзни, постигающія тѣло, слѣдуютъ извѣстнымъ законамъ, по большей части, непреложнымъ. Главная задача медицины заключается въ предупрежденіи болѣзней; къ этой области относятся ея величайшіе успѣхи, напримѣръ, предупрежденіе тифа посредствомъ хорошей питьевой воды, устраненіе перемежающейся лихорадки посредствомъ осушки болотистыхъ мѣстностей, предотвращеніе ревматизма, туберкулеза, скрофулеза и цѣлаго ряда глазныхъ и накожныхъ болѣзней посредствомъ гигіеническаго устройства жилищъ, наконецъ, серьезное противодѣйствіе болѣзнямъ пищеварительнаго аппарата, сердца и артерій, подагрѣ, скорбуту и т. д., разъясненіемъ правилъ цѣлесообразнаго питанія, и вреда, наносимаго здоровью злоупотребленіями алкоголемъ, кофе, чаемъ, никотиномъ и т. д.

И въ области брака предупрежденіе болѣзнетворныхъ вліяній одна изъ главныхъ задачъ медицины. Ей должно оказать содѣйствіе и помощь разумное, дальновидное законодательство. Такія соціальныя реформы не могутъ осуществляться внезапно: онѣ должны вводиться постепенно, и масса будетъ привѣтствовать и принимать ихъ тѣмъ охотнѣе, чѣмъ шире распространится знаніе и пониманіе глубокихъ причинъ существующихъ золъ, къ числу которыхъ принадлежатъ болѣзни и болѣзнетворныя вліянія.

Рис 152. Семейство Лессепсъ.

Глава восьмая.

Дѣти и бракъ.

Профессора д-ра Р. Космана, въ Берлинѣ.

Вотъ наслѣдіе отъ Господа: дѣти; награда отъ него — плодъ чрева", — говоритъ третій стихъ псалма 126. Обоснованіе этого утвержденія дано въ слѣдующихъ стихахъ: „что стрѣлы въ рукѣ сильнаго, — то сыновья молодые. Блаженъ человѣкъ, который наполнилъ ими колчанъ свой! Не останутся они въ стыдѣ, когда будутъ говорить съ врагами въ воротахъ". При условіяхъ, когда самопомощь была почти единственной защитой человѣка противъ супротивника, семья съ наибольшимъ числомъ сыновей была наиболѣе способной къ сопротивленію и потому наиболѣе богатой. Современныя культурныя отношенія сильно измѣнили это; многодѣтная семья, если она не обладаетъ наслѣдственнымъ состояніемъ, почти навѣрняка обречена на извѣстную степень нужды. Если же благодаря умѣнью и счастью удалось скопить богатое состояніе, то при современныхъ законахъ о наслѣдствѣ, достаточно немногихъ многодѣтныхъ поколѣній, чтобы раздробить его.

Но и сами дѣти въ многодѣтныхъ семьяхъ находятся теперь въ гораздо менѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ въ малодѣтныхъ. При значительныхъ расходахъ на питаніе, одежду, обученіе, короче на все, вообще, воспитаніе дѣтей до тѣхъ поръ, пока они не вста-

нутъ на свои ноги, легко можетъ случиться, что самый дѣльный отецъ и самая рачительная мать окажутся не въ состояніи подготовить дѣтей для такого же общественнаго положенія, какое занимаетъ отецъ. Такимъ образомъ, мы нерѣдко видимъ, что именно благодаря многочисленности дѣтей новое поколѣніе спускается на одну или нѣсколько ступеней на лѣстницѣ человѣческой культуры. Но этого мало: тѣлесная сила и здоровье также страдаютъ въ переполненной дѣтской. Пища скуднѣе, опрятность не такъ тщательно соблюдается, доступъ воздуха недостаточенъ, надзоръ и предохраненіе дѣтей отъ всякаго рода опасностей, возможныхъ въ суматохѣ, затруднительнѣй, вѣроятность, что кто-либо изъ дѣтей заразится какой-либо болѣзнью, гораздо больше, а заболѣваніе одного ребенка почти навѣрное влечетъ за собой заболѣваніе остальныхъ; короче сказать — дѣтская смертность въ многодѣтной семьѣ выше, чѣмъ въ малодѣтной.

Все это обстоятельства, бросающіяся въ глаза всякому, способному наблюдать. Понятно, что они все болѣе и болѣе приводятъ не только къ намѣренному ограниченію количества дѣтей въ отдѣльныхъ семьяхъ, но и къ появленію людей, даже цѣлыхъ обществъ, которыя ведутъ дѣятельную пропаганду въ этомъ смыслѣ, и мы видимъ, что количество дѣторожденій все болѣе и болѣе понижается во всѣхъ странахъ.

Въ Германской имперіи это пониженіе не особенно замѣтно. Въ теченіе десятилѣтія отъ 1840 до 1850 года число рожденій на 1000 жителей равнялось 37,5. Въ слѣдующее десятилѣтіе оно понизилось до 36,8, въ десятилѣтіе, послѣдовавшее за великой войной, поднялось до 40,7, затѣмъ снова понизилось до 37. Но въ другихъ странахъ пониженіе гораздо значительнѣе и постояннѣе. Подробныя цифры приведены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Страны.	1861 —1870	1871 —1875	1876 —1880	1881 —1885	1886 —1890	1891 —1895
Франція	26,3	25,5	25,3	24,7	23,1	22,6
Великобританія и Ирландія	—	34,1	33,8	32,1	30,3	29,6
Англія и Уэльсъ	35,2	35,5	35,4	33,5	31,4	30,5
Шотландія	35,0	35,0	34,7	33,3	31,4	30,7
Ирландія	—	27,1	25,5	23,9	22,8	22,9
Италія	37,5	36,8	36,8	37,9	37,6	36,3
Нидерланды	35,3	36,1	36,4	34,8	33,6	33,0
Швейцарія	—	30,3	31,5	28,9	27,7	28,2
Австрія	38,5	39,5	38,9	38,3	37,7	37,5
Венгрія	43,5	42,7	44,1	44,5	43,5	41,6
Бельгія	31,6	32,2	31,9	30,9	29,3	29,2
Данія	31,0	30,8	32,0	32,5	31,6	30,3
Швеція	31,4	30,7	30,3	29,4	28,8	27,5
Норвегія	30,9	30,1	31,5	30,8	30,5	30,3
Европейская Россія	50,5	50,8	47,8	48,5	48,5	46,5
Финляндія	34,7	37,1	36,9	35,5	34,6	31,5

Мы видимъ изъ этой таблицы, что въ особенности Франція, Англія, Швейцарія, также Бельгія и Швеція обнаруживаютъ сильное и непрерывное паденіе рождаемости. Въ

Англіи это движеніе въ послѣдніе годы такъ усилилось, что уже въ сильной степени привлекаетъ вниманіе предусмотрительныхъ людей. Цифры, приведенныя въ таблицѣ, продолжали падать и въ послѣдующіе годы, и въ 1904 понизились уже до 27,9. Въ виду этихъ обстоятельствъ были предприняты статистическія изслѣдованія, показавшія внѣ всякихъ сомнѣній, что дѣло идетъ здѣсь не объ естественномъ пониженіи плодородія расы вслѣдствіе вырожденія, а о совершенно добровольномъ и намѣренномъ ограниченіи числа дѣтей. Убыль обнаруживается въ особенности тамъ, гдѣ преобладаютъ болѣе богатые классы, то есть обладатели капитала, боящіеся его раздробленія, а затѣмъ тамъ, гдѣ многочисленныя женщины работаютъ на фабрикахъ, особливо съ тѣхъ поръ какъ родильницамъ запрещена работа въ теченіе четырехъ недѣль послѣ родовъ, а также и тамъ, гдѣ дѣти лишь въ позднемъ возрастѣ могутъ найти себѣ заработокъ. Кромѣ того, Фабіанское общество разослало значительное число вопросныхъ листовъ лицамъ среднихъ слоевъ общества, безъ всякаго выбора, съ просьбой вернуть ихъ обратно съ отвѣтами, безъ подписи, — съ цѣлью выяснить, насколько распространено намѣренное ограниченіе числа дѣтей. Оказалось, что въ почти девяноста процентахъ браковъ существуетъ искусственное ограниченіе. Впрочемъ, почти всякій женскій врачъ имѣлъ случай убѣдиться, до какой степени хотя бы въ Германіи укоренилось искусственное ограниченіе дѣторожденій.

Можно, пожалуй, придти къ заключенію, исходя изъ тѣхъ же основаній, которыя мы указывали, говоря о значеніи многодѣтности для отдѣльныхъ семей, что такое пониженіе рождаемости и для государства скорѣе полезно, чѣмъ вредно. Государство тоже не обладаетъ неограниченными средствами для прокормленія, воспитанія и образованія своего подростающаго поколѣнія, и легко себѣ представить, что тамъ, гдѣ это поколѣніе черезчуръ велико, трудность существованія до того возрастаетъ, что и государство страдаетъ отъ этого. Производительность почвы можетъ оказаться недостаточной для прокормленія, такъ что потребуется дорого обходящійся ввозъ изъ-за границы; соперничество между индивидуумами, которымъ невозможно всѣмъ найти работу и достаточное вознагражденіе, принимаетъ насильственныя формы, и приводитъ къ росту количества преступленій; масса нуждающихся грозитъ обществу переворотомъ. Но и состояніе здоровья ухудшается вслѣдствіе крайней нужды, возникаютъ эпидеміи и массами губятъ населеніе, сдѣлавшееся менѣе способнымъ къ сопротивленію, и, въ концѣ концовъ, возрастаніе смертности уравновѣшиваетъ высокую рождаемость настолько, что число способныхъ къ защитѣ мужчинъ не увеличивается.

Но такое сравненіе государства съ семьей хромаетъ во многихъ отношеніяхъ. Въ семьѣ время, въ теченіе котораго дѣти только причиняютъ большіе расходы, не совпадаетъ съ тѣмъ, когда они сами способны къ заработку; кромѣ того именно, періодъ наибольшихъ расходовъ для очень многихъ семей совпадаетъ съ наименьшими доходами главы семьи. Въ государствѣ это постоянно выравнивается, въ томъ смыслѣ, что когда возрастаетъ число дѣтей — что можетъ произойти лишь постепенно —

возрастаетъ и число способныхъ къ заработку индивидуумовъ. Далѣе, между тѣмъ какъ дѣти, способныя къ заработку, обыкновенно выдѣляются изъ семьи и, съ своей стороны, заводятъ новую семью, выселеніе изъ государства при нормальныхъ условіяхъ не достигаетъ значительныхъ размѣровъ, и заработокъ прироста населенія идетъ на пользу самому государству. Такимъ образомъ, въ государственной жизни усиленіе прироста населенія означаетъ не пониженіе благосостоянія, какъ въ семьѣ, а повышеніе, и притомъ до такой степени, что съ увеличеніемъ народонаселенія эмиграція убываетъ, а не растетъ. Такъ, въ Германіи въ 1881 эмигрировало 221,000 человѣкъ, а въ послѣдніе годы эта цифра понизилась до 35,000, хотя ежегодный приростъ населенія равняется 900,000. Что производительность почвы, вслѣдствіе быстраго прироста населенія, можетъ оказаться недостаточной, съ этимъ, конечно, приходится согласиться. Но, какъ неоспоримо доказываетъ возрастаніе богатства Германіи, связанное съ быстрымъ приростомъ населенія въ послѣдніе годы, это можетъ вполнѣ уравновѣшиваться повышеніемъ заработной платы, которое и при возрастаніи цѣнъ на съѣстные припасы обезпечиваетъ благосостояніе населенія. Остальныя, теоретически допускаемыя вредныя стороны также не подтверждаются практическимъ опытомъ. Правда, число обвинительныхъ приговоровъ за преступленія и нарушенія закона въ Германіи нѣсколько возросло, не только абсолютно, но и относительно. На 100,000 лицъ, отвѣтственныхъ за преступленія, число обвиненій въ 1882 году было 1,032, а въ 1899 — 1,236, но это кажущееся возрастаніе можетъ быть объяснено улучшеніемъ полиціи и судопроизводства. Во всякомъ случаѣ, во Франціи, гдѣ населеніе уже давно почти не возрастаетъ (съ 1902 по 1906 приростъ населенія, включая и иммиграцію, составилъ всего 290,322 души), уваженіе къ законамъ значительно уменьшилось. Правда, число заключенныхъ тамъ въ послѣднее десятилѣтіе понизилось съ 43,000 на 23,000, но это пониженіе объясняется отчасти введеніемъ условнаго осужденія, при которомъ отбываніе наказанія откладывается до рецидива; съ другой стороны, число лицъ, уклонившихся отъ наказанія, съ 87,000 въ 1896 году, возросло до 103,000 въ 1905 году. Опасность эпидемій въ Германіи несмотря на значительный приростъ населенія уменьшается. Это яснѣе всего обнаруживается въ уменьшеніи смертности, которая понизилась въ Германіи съ 28,2 въ годы 1871—75 на 20,6 въ 1900, и теперь ниже, чѣмъ во Франціи, гдѣ она въ 1871—75 достигала 24,9, теперь же понизилась до 21,2.

Правда, приходится вмѣстѣ съ тѣмъ согласиться, что очень высокая цифра рождаемости приноситъ съ собой и повышенную смертность дѣтей, по крайней мѣрѣ, при современныхъ условіяхъ. Если сравнить смертность въ первыя пять лѣтъ жизни въ различныхъ странахъ, то Саксонія съ 107,4 на тысячу оказывается сильно отставшей отъ Франціи съ 46,6 и Даніи съ 43 на тысячу. Въ отношеніи общей смертности также обнаруживается эта разница, хотя и не такъ рѣзко. Такъ, въ Саксоніи въ 1895—1899 годы смертность была 24,7, во Франціи 22,3, въ Даніи 18,5. Послѣднія цифры показываютъ, однако, что убыль не уравновѣшивается прибылью, такъ что государствамъ съ такимъ уменьше-

ніемъ рождаемости, какъ во Франціи, грозитъ опасность вымиранія. Для Франціи эта опасность обнаруживается уже такъ ясно, что само правительство смотритъ на нее съ большимъ смущеніемъ. „Двухдѣтная система“ (Zweikindersystem) во Франціи получила такое распространеніе, что плодовитость тамошнихъ браковъ въ 1891 году составляла только 2,17, а имѣя въ виду непрерывное пониженіе, наблюдаемое уже съ начала прошлаго столѣтія, можно думать, что въ настоящее время эта цифра, считая и внѣбрачныя рожденія, понизилась уже до двухъ или еще ниже. Это значитъ также — такъ какъ для рожденія этихъ двухъ, въ среднемъ, дѣтей требуется тоже двое лицъ, — что уже

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 153. Семейство сэра Балтазара Гербье.
Съ картины П. П. Рубенса.

достигнута остановка роста населенія, даже пониженіе его цифры, хотя бы всѣ рождающіеся индивидуумы, въ свою очередь, рождали новыхъ дѣтей. Такъ какъ этого не бываетъ и врядъ ли это можетъ быть достигнуто при какомъ бы то ни было улучшеніи условій народнаго здравія, то поддержаніе населенія на прежнемъ уровнѣ во Франціи возможно только путемъ вселенія (иммиграціи) чуждыхъ элементовъ. Но если даже оно происходитъ въ достаточныхъ размѣрахъ, то все же этотъ процессъ ведетъ къ вымиранію собственно французскаго народа. Если вселяющіеся элементы сохраняютъ свой характеръ, если они вступаютъ въ бракъ между собою, то происходитъ въ сущности не что иное, какъ завоеваніе страны мирнымъ путемъ. Но если даже вселяющіеся элементы смѣшиваются съ туземными, то доля французской крови въ образующейся такимъ путемъ смѣшанной расѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе уменьшается и, стало быть

мы и въ этомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ вымиранiемъ нацiи. Но если нельзя отрицать, что этотъ роковой процессъ на нашихъ глазахъ истребляетъ высоко-культурную, когда-то могущественную нацiю, то мы не должны забывать, что и нашему отечеству рано или поздно грозитъ та же участь, если мы не найдемъ путей и способовъ противодѣйствiя искусственному ограниченiю плодородiя, начинающему укореняться и у насъ.

Но уже задолго до того какъ начнется это вымиранiе нацiи, констатируемое чисто ариѳметическимъ путемъ, уменьшенiе рождаемости уже начинаетъ оказывать вредное дѣйствiе другимъ путемъ, препятствуя процессу естественнаго отбора, поддерживающему нацiю въ здоровомъ состоянiи[1].

Врядъ ли найдутся въ мiрѣ два индивидуума вполнѣ одинаковые, хотя бы они принадлежали къ одной и той же расѣ. Даже родные братья и сестры обнаруживаютъ только извѣстное семейное сходство, которое не мѣшаетъ даже постороннему различать ихъ индивидуально. У близнецовъ бываетъ иногда, но далеко не всегда, чрезвычайное сходство; но если даже близнецы происходятъ изъ одного яйца — наиболѣе рѣдкiй случай, — то и въ этомъ случаѣ сходство никогда не заходитъ такъ далеко, чтобы, по крайней мѣрѣ, материнскiй глазъ не могъ въ скоромъ времени достовѣрно различать ихъ, и довольно часто тѣлесное сходство идетъ рука объ руку съ очень значительнымъ различiемъ характеровъ и умовъ. Въ введенiи къ этой книгѣ показано, какъ, вслѣдствiе раздѣленiя половъ, зародышевыя вещества безчисленныхъ предковъ соединены въ каждомъ индивидуумѣ; данное тамъ описанiе процесса оплодотворенiя даетъ возможность понять, что это соединенiе не можетъ происходить по какому-либо опредѣленному численному отношенiю, а лишь такъ, что, вѣроятно, въ клѣточномъ ядрѣ (хроматинѣ) беретъ перевѣсъ зародышевое вещество того или другого предка или цѣлаго ряда предковъ. Этотъ фактъ бросается въ глаза и въ повседневной жизни; всякому извѣстно, что у дѣтей одной и той же семьи обнаруживается то поразительное сходство съ дѣдомъ съ материнской стороны, то съ дядей съ отцовской стороны, а въ семьяхъ, обладающихъ портретами предковъ, нерѣдко бросается въ глаза поразительное сходство того или другого ребенка съ лицомъ, умершимъ столѣтiя тому назадъ.

Разница индивидуумовъ одинаковаго происхожденiя не ограничивается однако такими признаками, которые имѣютъ значенiе исключительно для распознаванiя, но очень часто обусловливаетъ весьма различную степень способности къ самосо-

[1] Однимъ изъ послѣдствiй естественнаго отбора въ человѣческомъ обществѣ является то самое вымиранiе нацiй, котораго такъ боится авторъ. Въ самомъ дѣлѣ, именно соперничество, боязнь утратить преимущества положенiя и состоянiя заставляетъ „отборные" экземпляры, побѣдителей въ борьбѣ, ограничивать свою рождаемость (извѣстно, что „двухдѣтная система" введена и практикуется главнымъ образомъ богатыми классами общества). Въ виду такихъ результатовъ отбора трудно говорить о его благотворномъ и здоровомъ дѣйствiи. Притомъ же борьба (а стало быть и ея результатъ, отборъ) отнюдь не ослабѣваетъ въ человѣческомъ обществѣ вслѣдствiе уменьшенiя рождаемости, такъ какъ ведется не за существованiе въ буквальномъ смыслѣ слова, а за лучшiя мѣста, за богатство, за власть, комфортъ, роскошь и проч.

Прим. перев.

храненію и весьма неодинаковую цѣнность индивидуума для общества. Величина, крѣпость скелета, сила мускуловъ, развитіе отдѣльныхъ органовъ, въ особенности головного мозга, сердца, легкихъ, гармоническое отношеніе между частями тѣла, острота органовъ чувствъ, сила и характеръ прирожденныхъ влеченій, проницательность ума, способность къ сопротивленію болѣзнямъ: все это свойства, въ отношеніи которыхъ даже родные братья и сестры, дѣти одного отца и одной матери могутъ быть очень несходными. И если мы примемъ въ качествѣ масштаба естественную способность родителей къ сопротивленію вреднымъ вліяніямъ и ихъ работоспособность въ общественномъ смыслѣ, то довольно часто найдемъ у одного изъ дѣтей значительное повышеніе сравнительно съ этимъ масштабомъ, у другого, наоборотъ, существенное пониженіе. Нерѣдки случаи, когда родители оказались достаточно сильными въ борьбѣ, чтобы поддержать собственное существованіе, но пониженіе способностей ихъ потомковъ ведетъ къ пораженію въ соперничествѣ съ болѣе сильными индивидуумами; и если даже этого не случится въ первомъ же поколѣніи, то все же часть потомковъ менѣе способнаго индивидуума неизбѣжно окажется такъ малоспособной, что ея самосохраненіе будетъ невозможнымъ. Ясно, такимъ образомъ, что при посредствѣ двудѣтной системы, которая сама по себѣ не допускаетъ возрастанія населенія, необходимо должно наступить его уменьшеніе, такъ какъ и при ней отдѣльные индивидуумы будутъ по своимъ качествамъ опускаться ниже минимума способности къ самосохраненію.

Къ этому надо прибавить еще слѣдующее. При современныхъ отношеніяхъ нельзя помѣшать вселенію чуждыхъ элементовъ въ культурное государство, въ которомъ условія соперничества въ силу убыли народонаселенія сдѣлались болѣе благопріятными. Такимъ образомъ, отпрыскамъ туземной расы приходится имѣть дѣло съ конкуррентами, къ которымъ масштабъ способностей, имѣвшій силу для туземцевъ, неприложимъ. Приходится сравнить туземное подрастающее поколѣніе съ средними способностями иммигрантовъ, чтобы опредѣлить, какими шансами на успѣхъ въ борьбѣ за существованіе обладаетъ туземная раса. Если она еще обладаетъ значительнымъ плодородіемъ, то шансы на то, что въ ея потомствѣ найдутся по крайней мѣрѣ отдѣльные индивидуумы, не уступающіе иммигрантамъ или даже превосходящіе ихъ, довольно велики. Въ такомъ случаѣ, хотя относительно многіе индивидуумы изъ туземцевъ потерпятъ пораженіе въ борьбѣ съ иммигрантами, но немногіе избранные, благодаря своему плодородію, все-таки обезпечатъ своей расѣ успѣхъ въ борьбѣ. Такимъ образомъ туземная раса скоро поднимется выше существующаго средняго уровня способностей и избѣжитъ опасности быть заглушенной иммиграціей.

Разсмотримъ, наконецъ, отношеніе къ сосѣднимъ народамъ, оставляя въ сторонѣ иммиграцію; мы убѣдимся, что и тутъ двудѣтная система или всякое близкое къ ней ограниченіе плодородія, въ концѣ концовъ, должны оказаться гибельными. Какъ изъ двухъ живущихъ въ одной и той же странѣ расъ болѣе плодородная, съ ея усиленнымъ подборомъ, быстрѣе при-

способляется къ условіямъ борьбы за существованіе и вслѣдствіе этого беретъ верхъ надъ менѣе плодородной, - такъ, по той же причинѣ, изъ расъ, живущихъ въ разныхъ областяхъ, одолѣваетъ болѣе плодородная. Между ними тоже происходитъ и въ мирныя времена непрерывное соперничество, въ которомъ онѣ оспариваютъ другъ у друга не землю, а преобладаніе и вліяніе. Но если это соперничество привело къ тому, что одна изъ двухъ сосѣднихъ націй превосходитъ другую числомъ населенія, военными способностями, богатствомъ и международнымъ вліяніемъ, то, въ большинствѣ случаевъ, не трудно будетъ найти внѣшній предлогъ для открытой войны, которая отниметъ у болѣе слабой націи новый кусокъ ея земли. Стало быть, и въ

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 154. Корнелисъ де-Восъ. Художникъ и его семья.

этомъ отношеніи для націи является вопросомъ жизни поддержаніе плодородія на такой высотѣ, чтобы выпалываніе индивидуумовъ, оказывающихся ниже средняго уровня, не сопровождалась пониженіемъ жизни населенія. Но выпалываніе болѣе или менѣе значительнаго числа индивидуумовъ, не соединяющееся съ пониженіемъ или даже соединяющееся съ повышеніемъ цифры населенія, возможно, разумѣется, лишь въ томъ случаѣ, если плодородіе даетъ избытокъ населенія. Только въ случаѣ полигаміи возможно поддержать высоту расы безъ избытка рожденій. При полигаміи всѣ женскіе индивидуумы могутъ быть утилизированы для произведенія потомства, тогда какъ между мужчинами можетъ происходить очень интенсивный отборъ, такъ что только каждому пятому или десятому, или даже сотому мужчинѣ удастся произвести потомство. Такой сильный отборъ между мужскими индивидуумами, вѣроятно, оказался бы доста-

точнымъ, чтобы не только предохранить расу отъ вырожденія, но и повысить ея годность. Но врядъ ли требуются подробныя объясненія, чтобъ доказать, что полигамическія учрежденія сами по себѣ, въ свою очередь, приносятъ значительный вредъ въ борьбѣ за существованіе съ другими націями. Или глава семьи, если содержаніе значительнаго числа женъ и всего ихъ потомства ляжетъ на него одного, окажется въ еще болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ при многодѣтномъ моногамномъ бракѣ; или оставшіеся неженатыми мужчины будутъ вынуждены помогать ему въ добываніи средствъ на содержаніе, что снова приведетъ къ зависимости или рабству большей части мужского населенія со всѣми вредными послѣдствіями такихъ отношеній. И на дѣлѣ мы видимъ, что націи, у которыхъ принята полигамія, не въ силахъ взять верхъ въ соперничествѣ народовъ.

Если, такимъ образомъ, многодѣтный моногамный бракъ остается наилучшимъ средствомъ сохранить за націей силу и способность къ развитію, то спрашивается, какъ же обезпечить многодѣтность, въ виду вышеприведенныхъ основаній, дѣйствующихъ противъ нея, и въ виду стремленій нео-мальтусіанцевъ.

Естественная плодовитость людей совершенно достаточна для осуществленія интенсивнаго отбора. Оставляя въ сторонѣ ранній возрастъ, когда женщина уже плодородна, но еще находится въ періодѣ физическаго развитія и потому, какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ этого тома (стр. 201 и сл.), не должна выходить замужъ, мы можемъ, для опредѣленія нормальнаго плодородія, начать съ 21 года и считать, что плодородіе прекращается, въ среднемъ, въ возрастѣ 46 лѣтъ. Стало быть, для воспроизведенія остаются 24 года. Такъ какъ беременность длится около 280 дней, а слѣдующее за ней время кормленія грудью, въ теченіе котораго, при нормальныхъ условіяхъ, новая беременность не должна наступать, по крайней мѣрѣ столько же, то, оставляя въ сторонѣ рѣдкіе случаи рожденія двойней и тройней, нормально роды могутъ происходить разъ въ полтора года. Но число родовъ нѣсколько уменьшается вслѣдствіе того, что беременность наступаетъ не всегда тотчасъ послѣ полового общенія, а также вслѣдствіе того, что къ концу періода дѣторожденія замѣчается, быть можетъ, нѣкоторое ослабленіе плодородія и, во всякомъ случаѣ, ослабленіе полового влеченія. Такимъ образомъ, при совершенно нормальныхъ условіяхъ состоянія здоровья, можно считать пятнадцать дѣтей на каждый бракъ естественнымъ числомъ, что означаетъ коэффиціентъ размноженія въ 7,5. Если даже, въ виду неизбѣжности болѣзней и преждевременнаго прекращенія брака вслѣдствіе смерти одного изъ супруговъ, значительно понизить это число, то и коэффиціентъ размноженія 5 или 4 (т. е. десять или восемь дѣтей на бракъ) приводитъ еще къ очень интенсивному отбору. При коэффиціентѣ размноженія 5 четыре пятыхъ всѣхъ индивидуумовъ могли бы умирать, не оставляя потомства, а цифра населенія все-таки не понизилась бы.

Но чтобы сдѣлать возможнымъ такое плодородіе культурной націи, нужны совсѣмъ другія учрежденія, чѣмъ нынѣ существующія. Въ настоящее время оно возможно почти исключительно въ тѣхъ классахъ населенія, гдѣ образъ жизни очень

простъ, а молодое поколѣніе очень рано принимается за производительную дѣятельность. Въ сельскомъ населеніи вслѣдствіе негигіеническихъ условій жизни смертность дѣтей очень велика. Уже поэтому число дѣтей въ отдѣльныхъ семьяхъ сильно уменьшается. Издержки воспитанія этихъ дѣтей относительно невелики. Найти для нихъ помѣщеніе даже бѣднѣйшимъ не особенно трудно, такъ какъ стоимость земли не высока, а работа, происходящая главнымъ образомъ на воздухѣ, уменьшаетъ требованія относительно помѣстительности и удобствъ квартиры. Та же работа на воздухѣ, связанная съ большимъ напряженіемъ физическихъ силъ, допускаетъ употребленіе главнымъ образомъ растительной пищи, которая обходится значительно дешевле животной. Обученіе также ничего не стоитъ или обходится очень дешево. Въ періодъ обязательнаго посѣщенія школы остается еще достаточно времени, чтобы помогать родителямъ въ сельскохозяйственныхъ работахъ, а въ относительно раннемъ возрастѣ ребенокъ совсѣмъ оставляетъ школу, и съ этого момента становится цѣннымъ сотрудникомъ въ работахъ родителей, такъ что его содержаніе врядъ ли причиняетъ имъ расходъ; скорѣе наоборотъ — большое число дѣтей приноситъ имъ выгоду. Для городского рабочаго населенія условія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тѣ же. Но здѣсь не только издержки на помѣщеніе при значительномъ числѣ дѣтей очень чувствительны, но многодѣтнымъ семьямъ вообще становится все труднѣе и труднѣе находить квартиру, такъ какъ домохозяева предпочитаютъ бездѣтныя и малодѣтныя семьи. Возможность содержать самого себя, при удачѣ даже помогать родителямъ изъ своего заработка, наступаетъ здѣсь приблизительно въ томъ же возрастѣ, какъ для сельскаго населенія. Смертность дѣтей въ городскомъ рабочемъ населеніи въ большинствѣ случаевъ нѣсколько выше.

Поднимаясь въ тѣ слои населенія, которымъ присущи, съ одной стороны, способность, съ другой — стремленіе пріобрѣсти путемъ соперничества возможно болѣе благопріятное жизненное положеніе, подняться на болѣе высокую ступеньку лѣстницы классовъ, мы видимъ, что это чрезвычайно затруднено издержками воспитанія. Необходимость для этой цѣли безупречной въ гигіеническомъ отношеніи квартиры, укрѣпляющаго, не исключительно растительнаго питанія, всегда опрятной и соотвѣтствующей положенію родителей одежды требуетъ уже значительныхъ расходовъ. Къ этому прибавляется еще и то обстоятельство, что обученіе съ самаго начала или по крайней мѣрѣ на своихъ болѣе высокихъ ступеняхъ уже не получается безплатно, а высшее образованіе обходится даже очень дорого. Но этого мало, продолжительность собственно обученія на много лѣтъ больше, чѣмъ въ низшихъ слояхъ населенія. Если юноша хочетъ открыть себѣ путь къ высшимъ положеніямъ, по крайней мѣрѣ насколько они обусловлены образованіемъ, то ему приходится приблизительно до девятнадцати лѣтъ посѣщать среднюю школу, затѣмъ нѣсколько лѣтъ университетъ, да и потомъ еще часто нѣсколько лѣтъ довершать образованіе, не имѣя собственнаго заработка и нуждаясь въ поддержкѣ со стороны родителей. Средства, необходимыя для того, чтобы дать такое образованіе сколько-нибудь значительному числу дѣтей, — оставляя въ сто-

ронѣ случаи, когда семья располагаетъ крупнымъ наслѣдственнымъ состоянiемъ, — могутъ быть добыты лишь очень немногими отцами. И если они добываются, то родителямъ приходится отказываться отъ откладыванiя сбереженiй съ цѣлью обезпечить себя подъ старость, когда работоспособность значительно понизится или совсѣмъ исчезнетъ. Между тѣмъ нашъ нѣмецкiй законъ не обязываетъ дѣтей, когда они начнутъ получать доходы, возвращать родителямъ, работоспособность которыхъ тѣмъ временемъ понизилась, полученное отъ нихъ въ годы воспитанiя, и обычая такого не установилось; и понятно, что родители обыкновенно не хотятъ принимать отъ дѣтей такую, не установленную закономъ, поддержку, какъ добровольный даръ, т. е. какъ милостыню.

Все это условiя, которыя должны противодѣйствовать рожденiю и воспитанiю большого количества дѣтей въ тѣхъ именно слояхъ населенiя, размноженiе которыхъ особенно цѣнно для государства; но эти условiя нельзя признать нормальными или цѣлесообразными. Первая и необходимѣйшая реформа въ этой области должна заключаться въ томъ, чтобы дѣти, пока ихъ родители живы, были обязаны закономъ отдавать родителямъ точно опредѣленную долю своего дохода[1]. Въ виду законнаго обязательства, родители, особливо если законъ совпадаетъ съ добровольнымъ желанiемъ, не будутъ стѣсняться принимать то, что собственно является только возвращенiемъ части ихъ затратъ, сдѣланныхъ раньше. Но ясно, что при такомъ постановленiи закона возможно хорошее воспитанiе и возможно высокое образованiе возможно большаго числа дѣтей представляетъ своего рода застрахованiе старости для родителей. Будетъ уже не жертвой, приносимой во имя родительскаго долга, а въ извѣстномъ смыслѣ дѣломъ разсчета и обезпеченiя собственной старости затратить средства, которыя могли бы быть сбережены, на увеличенiе своей семьи и подготовку дѣтей къ успѣшной борьбѣ за существованiе. Но съ другой стороны существенное облегченiе родителей достижимо также, если образованiе подрастающаго поколѣнiя будетъ въ гораздо большей степени, чѣмъ теперь, совершаться на счетъ государства. Правда, обученiе въ народныхъ школахъ въ большинствѣ культурныхъ странъ, дается безплатно, или, по крайней мѣрѣ, дѣти бѣднѣйшихъ родителей освобождаются отъ платы. Но эта школа даетъ лишь очень, очень скудное образованiе. Дополнительная школа, въ нѣкоторыхъ странахъ тоже безплатная, не измѣняетъ существенно этого положенiя. Разъ дѣло идетъ о томъ, чтобы ребенокъ, въ возрастѣ, когда онъ считается уже достаточно зрѣлымъ для самостоятельнаго заработка въ низшихъ профессiяхъ, отказался отъ этого заработка и продолжалъ подготовку къ болѣе выгоднымъ профессiямъ, безплатность всюду прекращается, и, кромѣ отказа отъ возможнаго со стороны ребенка заработка, родителямъ приходится дѣлать такiя денежныя затраты, что лишь состоятельные или имѣющiе хорошiй зарабо-

---

[1] Въ Россiи законъ обязываетъ дѣтей не имущимъ средствъ родителямъ доставлять пропитанiе и содержанiе по самую смерть (Зак. Гражд., ст. 194), при чемъ за отказъ въ доставленiи содержанiя полагается арестъ до 3 мѣсяцевъ (Уст. о нак., ст. 143). *Прим. перев.*

токъ родители въ состояніи взять на себя подобныя жертвы въ отношеніи нѣсколькихъ дѣтей. Но вообще даже тѣ профессіи, которыя требуютъ болѣе или менѣе высокаго образованія, не такъ доходны, чтобы дать средства на доставленіе нѣсколькимъ дѣтямъ такого же образованія, какое получилъ отецъ. Такимъ образомъ родителямъ представляется на выборъ или по возможности ограничить количество дѣтей или дать дѣтямъ менѣе полное образованіе, чѣмъ полученное отцомъ, и такимъ образомъ осудить ихъ на пониженіе на общественной лѣстницѣ. Слѣдовательно, именно представители высшихъ общественныхъ слоевъ, если только счастливая случайность или заслуги, хорошо оплачиваемыя въ матеріальномъ смыслѣ, не поставятъ ихъ въ исключительно благопріятное имущественное положеніе, побуждаются, можно даже сказать, вынуждаются къ искусственному ограниченію числа дѣтей. Для государства же это особенно вредно. Такъ какъ, если случай и, при существующихъ условіяхъ, чисто имущественныя отношенія выдвигаютъ въ эти слои многихъ мало способныхъ и негодныхъ людей, то все же въ общемъ, въ среднемъ, въ эти высшіе общественные слои попадаютъ и наиболѣе способные и годные люди. И это осуществлялось бы въ еще гораздо большей степени, если бъ дороговизна образованія не препятствовала многимъ выдающимся людямъ подниматься изъ низшихъ слоевъ общества и не заставляла дѣтей многихъ выдающихся людей спускаться въ низшіе слои. Именно въ отношеніи высшихъ слоевъ общества государство настоятельнѣйшимъ образомъ заинтересовано въ воспитаніи возможно большаго числа дѣтей. А это достижимо лишь при возможно большемъ пониженіи издержекъ образованія. Конечно, для государства нѣтъ никакого разсчета обезпечивать безплатное образованіе мало способнымъ дѣтямъ, которыхъ, само собою разумѣется, много найдется и въ этихъ слояхъ, но тѣмъ необходимѣе для него доставить возможность безплатнаго высшаго и университетскаго образованія дѣтямъ, которыя сумѣютъ извлечь изъ него пользу. Устраненіе негодныхъ элементовъ, само собою разумѣется, можетъ осуществиться только посредствомъ строгихъ вступительныхъ экзаменовъ, а не посредствомъ возвышенія издержекъ образованія. Противъ вступительныхъ испытаній ничего нельзя возразить. Мы считаемъ даже необходимымъ принимать на казенное содержаніе молодыхъ людей, которые будутъ отмѣчены своими учите-

По фотогр. бр. Алинари во Флоренціи

Рис. 155. Семейный портретъ.

Съ картины Личиніо де-Порденоне.

лями, какъ особенно способные, если родители затруднятся содержать ихъ во время ученья. Это, конечно, можетъ осуществляться только въ формѣ болѣе или менѣе крупныхъ конвиктовъ, вредныя стороны которыхъ намъ извѣстны. Но лучше, если такіе особенно одаренные молодые люди претерпятъ эти вредныя послѣдствія, чѣмъ если они будутъ вынуждены спуститься въ нижніе слои общества, или увѣренность родителей, что они въ состояніи будутъ дать высшее образованіе только одному или двумъ сыновьямъ, заставитъ ихъ ограничить число дѣтей.

Другая помѣха плодородію заключается въ современномъ принципѣ *жалованья*. Государство первое провело принципъ очень значительной разницы въ размѣрахъ жалованья, уплачиваемаго гражданскимъ и военнымъ служащимъ, соотвѣтственно возрасту; частныя профессіи послѣдовали этому примѣру. Въ результатѣ, частный служащій, гражданскій чиновникъ или офицеръ, если они обзаведутся семьей въ молодомъ возрастѣ, располагаютъ ничтожнымъ содержаніемъ какъ разъ въ то время, когда воспитаніе сколько-нибудь значительнаго числа дѣтей требуетъ особенно крупныхъ издержекъ; при чемъ, правда, у нихъ имѣется въ виду полученіе гораздо большаго содержанія въ преклонные годы, когда дѣти, быть можетъ, уже сдѣлаются самостоятельными, такъ что и деньги будутъ тратиться не на воспитаніе молодежи, столь важное для государства, а на роскошь, или откладываться для составленія капитала. Противъ реформы въ этой области можно возразить, что высокое жалованье связано не съ возрастомъ, а съ болѣе значительными услугами со стороны получателя, и что тотъ, кто уже въ молодые годы умѣетъ оказать такія услуги, получаетъ гораздо больше, чѣмъ иной престарѣлый субалтернъ. Такой порядокъ нужно, съ одной стороны, признать справедливымъ; съ другой, онъ представляетъ ту выгоду, что поощряетъ соревнованіе въ дѣлѣ службы. Мы возразимъ на это, что, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло идетъ о государственной службѣ, всякій индивидуумъ обязанъ сдѣлать для отечества все, что онъ можетъ сдѣлать по мѣрѣ своихъ способностей, и отнюдь нельзя выводить права на болѣе высокое вознагражденіе изъ того обстоятельства, что одному, благодаря его способностямъ, легко дается работа, для другого вообще недоступная. Какъ на войнѣ простой солдатъ, готовый пожертвовать отечеству послѣдней каплей крови, достоинъ по меньшей мѣрѣ той же чести, что и полководецъ, такъ и въ мирной работѣ достоинство человѣка должно измѣряться не матеріальной стоимостью его услугъ, а усердіемъ въ исполненіи его личныхъ обязанностей. Если же внутри равноспособныхъ группъ желательно подстрекнуть соревнованіе, то этого можно съ успѣхомъ достигнуть при помощи внѣшнихъ отличій, и нужно даже признать, что соревнованіе, возбуждаемое деньгами, не только морально, но и практически уступаетъ чистому честолюбію.

Но гораздо важнѣе другое возраженіе, именно то, что матеріальное уравненіе чиновниковъ и офицеровъ путемъ повышенія низкаго и пониженія высокаго жалованія, въ виду малаго числа лицъ, получающихъ высокіе оклады, лишь очень незначительно улучшило бы положеніе младшихъ служащихъ, получающихъ маленькое жалованье. Съ этимъ нельзя не согласиться,

но можно тѣмъ не менѣе утверждать, что и незначительное повышеніе низшихъ окладовъ уже можетъ оказать благопріятное вліяніе на плодородіе. Конечно, эта мѣра должна сопровождаться другими, дѣйствующими въ томъ же смыслѣ.

Къ нимъ принадлежитъ прежде всего принятіе въ разсчетъ количества дѣтей при опредѣленіи размѣровъ жалованья на государственной службѣ. Если государство исходитъ изъ того принципа, что находящіеся на его службѣ люди сами по себѣ обязаны давать всю работу, какую могутъ дать по своимъ способностямъ, оно же съ своей стороны обязано не вознаграждать ихъ соотвѣтственно результатамъ ихъ трудовъ, а просто обезпечить имъ достаточное содержаніе, то отсюда очевидно слѣдуетъ, что оно не можетъ выдавать холостяку даже приблизительно такую же сумму, какъ отцу десятерыхъ дѣтей. Стало быть, реформа въ этомъ направленіи должна состоять въ слѣдующемъ: государство выдаетъ относительно низкое, но почти или вовсе не повышающееся соотвѣтственно рангамъ, основное жалованье, которое при женитьбѣ увеличивается на извѣстную долю, а затѣмъ при рожденіи каждаго ребенка снова увеличивается, быть можетъ на нѣсколько болѣе высокую долю.

Хотя нельзя заставить частную промышленность послѣдовать примѣру государства, но можно думать, что она сама это сдѣлаетъ, конечно съ извѣстными ограниченіями. Она будетъ платить холостяку дешевле, чѣмъ теперь, такъ какъ и государство будетъ платить ему дешевле; а семейному дороже, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ найдетъ лучше оплачиваемую должность на государственной службѣ.

Въ тѣсной связи съ этимъ соображеніемъ стоитъ также вопросъ о взиманіи налоговъ сообразно числу дѣтей. Отъ налога на холостяковъ давно уже отказались, между прочимъ и въ Германіи, главнымъ образомъ потому, что его одного недостаточно для устраненія безбрачія. Не жена, по крайней мѣрѣ въ массѣ народа, а дѣти удорожаютъ домашнее хозяйство. Поэтому льготы въ отношеніи налоговъ, для того, чтобы имѣть успѣхъ, должны сообразоваться не съ простымъ фактомъ брака, а съ наличностью и количествомъ дѣтей. Прусская система налоговъ даетъ небольшую льготу отцу многочисленныхъ дѣтей. Но полученіе ея связано съ цѣлой процедурой, и притомъ она такъ ничтожна, что въ сравненіи съ дѣйствительными издержками воспитанія дѣтей не составляетъ разсчета даже для неимущихъ семей. Въ этой области, стало быть, можно и должно осуществить еще очень значительную реформу.

Но, повидимому, гораздо важнѣе всего вышеуказаннаго в л і я н і е р о с к о ш и. Мы не должны скрывать отъ себя, что систематическое ограниченіе числа дѣтей есть явленіе вполнѣ современное, которое обнаружилось въ нашемъ отечествѣ только недавно и, къ счастью, еще въ незначительной степени, тогда какъ въ Англіи и Америкѣ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, во Франціи уже въ теченіе полувѣка приняло внушительные размѣры. Но всѣ издержки и затрудненія, которыя обиліе дѣтей неизбѣжно приноситъ съ собою, существовали съ незапамятныхъ временъ, а между тѣмъ не приносили ущерба плодородію націй. Это объясняется тѣмъ, что въ широкихъ слояхъ народа

потребность комфорта была развита далеко не въ такой степени; какъ нынѣ. Врядъ ли мы ошибемся, утверждая, что необычайно быстрый подъемъ Пруссіи, двѣсти лѣтъ тому назадъ маленькой и бѣдной страны, на такую высоту, какъ нынѣ, когда она стоитъ во главѣ Германской имперіи, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ея граждане, пренебрегая всѣмъ, что относилось къ удовлетворенію тѣлесныхъ нуждъ и требованій, работали на пользу своего отечества и ставили свою гордость въ томъ, чтобы оставить многочисленныхъ и дѣльныхъ дѣтей. Я самъ, родившійся и выросшій въ провинціи, которая

Рис. 156. Семейство Бегасъ. Съ картины Карла Бегасъ.

можетъ считаться ядромъ прусскаго государства, хорошо помню то время, когда для прусскаго чиновника, даже занимавшаго самое высокое положеніе, считалось просто зазорнымъ украшать свою квартиру или предлагать гостямъ роскошное угощеніе, а въ домѣ графа или барона, владѣнія котораго занимали половину квадратной мили, обстановка была проще, чѣмъ у нынѣшняго полицейскаго вахмистра или сапожника въ Берлинѣ.

При такихъ условіяхъ въ тѣ времена хватало средствъ воспитать полдюжины, а то и цѣлую дюжину графчиковъ или барончиковъ, такъ какъ ни они, ни ихъ родители, ни челядинцы не находили ничего огорчительнаго въ томъ, что имъ приходи-

Мужчина и женщина. II. Т-во „Просвѣщеніе“ въ С.-П.

Золотая свадьба.

По картинѣ Вальтера Фирле.

лось ужинать вареным картофелемъ съ солью, въ лучшемъ случаѣ съ бутербродомъ на придачу.

Конечно, мы не станемъ спорить, что наше стремленіе сдѣлать свои жилища свѣтлѣе, просторнѣе и опрятнѣе и украшать свое существованіе искусствомъ вполнѣ законно. Но то, что дѣйствительно важно для здоровья, достижимо при весьма скромной затратѣ средствъ. Мы же предаемся крайне дорого стоящимъ излишествамъ, загромождаемъ наши квартиры всевозможными предметами роскоши, почти совершенно отказываемся отъ болѣе дешевой вегетаріанской пищи ради мясной, пріучаемъ себя къ потребленію большихъ количествъ возбуждающихъ средствъ въ родѣ вина, пива, табаку, кофе, чая, — а извѣстно, какъ дорого стоятъ хорошіе сорта этихъ продуктовъ, — и, въ общемъ, ѣдимъ и пьемъ втрое больше, чѣмъ нужно для удовлетворенія нашихъ потребностей. Искусство и общественныя развлеченія представляютъ большую цѣнность для націй, но они должны, какъ въ классической древности и даже еще въ средніе вѣка, по крайней мѣрѣ въ странахъ средиземноморскаго побережья, быть общественнымъ дѣломъ. Государство должно украшать общественныя зданія и площади образцовыми произведеніями искусства, доставлять гражданамъ безплатно зрѣлища и музыкальныя развлеченія, устраивать помѣщенія, въ которыхъ они могли бы брать въ часы досуга ванну, предаваться гимнастическимъ упражненіямъ, слушать чтеніе поэтическихъ произведеній или научныя лекціи и читать книги. Въ такомъ случаѣ гражданину не будетъ надобности осуществлять въ собственномъ домѣ, въ сущности очень жалкое, возмѣщеніе того, что можетъ дать государство; попытка соперничать, въ отношеніи роскошной обстановки, съ тѣми помѣщеніями, которыя государство предоставляетъ каждому, явится излишней, и отецъ семейства естественно ограничится устройствомъ для своей семьи простого, здороваго, но безпритязательнаго жилища, въ которомъ было бы мѣсто для работы, для общаго стола, и для ночного отдыха. Если бы удалось осуществить это, переложить на государство всѣ тѣ издержки, которыя теперь служатъ роскоши частныхъ лицъ, то повышеніе расходовъ на жизнь, связанное съ увеличеніемъ числа дѣтей, врядъ ли бы приводило къ примѣненію противозачаточныхъ средствъ, въ сущности противныхъ всякой здоровой натурѣ.

Конечно, отъ однихъ только предлагаемыхъ нами измѣненій въ законодательствѣ врядъ ли можно ожидать полнаго успѣха. Соображенія о непосредственныхъ выгодахъ или убыткахъ управляютъ міромъ и господствуютъ въ особенности тамъ, гдѣ развитіе разсудка создаетъ значительныя препятствія для инстинктовъ. Можно опасаться, что и при безплатномъ высшемъ образованіи, при повышеніи окладовъ многодѣтныхъ отцовъ, при болѣе справедливой раскладкѣ податей и т. п. большинство гражданъ все-таки найдетъ болѣе выгоднымъ довольствоваться возможно меньшимъ числомъ дѣтей. Единственная, непосредственно бьющая въ цѣль, мѣра, на которую мы можемъ указать, заключается въ налагаемомъ на работоспособныхъ дѣтей обязательствѣ оказывать солидную поддержку состарѣвшимся родителямъ; но такъ какъ и въ настоящее время лишь очень малая часть населенія

склонна, въ молодые годы, думать о старости, такъ какъ даже существующіе способы застрахованія старости используются далеко не въ полной мѣрѣ, то отнюдь нельзя быть увѣреннымъ, что разсчетъ на обязательную, предписанную закономъ, поддержку со стороны дѣтей въ далекомъ будущемъ удержитъ большинство молодыхъ супруговъ отъ ограниченія числа дѣтей, выгоднаго въ настоящемъ. Вдобавокъ, осуществленіе этой законодательной реформы вѣроятно встрѣтитъ протестъ со стороны всѣхъ тѣхъ, кому оно не сулитъ никакой выгоды или даже сулитъ ущербъ. Можно опасаться, стало быть, что само правительство, которому слѣдуетъ вносить подобные проекты, не рѣшится на это, изъ опасенія утратить популярность; можно также опасаться, что если подобные законопроекты и будутъ внесены, то не встрѣтятъ сочувствія въ парламентѣ. И здѣсь господствуютъ въ настоящее время у всѣхъ культурныхъ народовъ соображенія о непосредственной выгодѣ, и каждый депутатъ пуще всего боится заслужить неудовольствіе со стороны избирателей, хотя бы мѣра, за которую онъ будетъ голосовать, несомнѣнно принесла отечеству величайшую пользу въ отдаленномъ будущемъ.

Болѣе быстраго и сильнаго дѣйствія можно ожидать отъ внушенія. Всякому извѣстно, что за немногими исключеніями каждый человѣкъ склоненъ считать своей выгодой, счастьемъ или честью то, что всѣ, кого онъ видитъ и слышитъ, признаютъ таковымъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самое непродолжительное размышленіе показало бы ему, что эта выгода, счастье, честь существуютъ только въ воображеніи, а на повѣрку-то подъ ними скорѣе скрываются ущербъ, несчастье и стыдъ. Насколько же легче было бы возстановить посредствомъ такого внушенія общее уваженіе къ многодѣтности, которая и сама по себѣ его несомнѣнно заслуживаетъ. Въ прежнія времена религія, священныя книги которой еще во многихъ мѣстахъ сохраняютъ древнее еврейское отношеніе къ дѣтямъ, какъ Божіему благословенію, оказывала внушеніе въ этомъ смыслѣ. Теперь, когда такое множество людей находятся внѣ вліянія церкви, потому ли что просто не посѣщаютъ ея, или потому, что сознательно отвергаютъ ея вліяніе, врядъ ли она въ состояніи съ успѣхомъ противодѣйствовать грозящему злу. Еще менѣе способна на это школа, которая устраняется отъ обсужденія какихъ бы то ни было проблемъ, связанныхъ съ воспроизведеніемъ. Искусство и поэзія при случаѣ еще прославляютъ дѣторожденіе, но имъ приходится приспособляться ко вкусамъ публики и потому все болѣе и болѣе обращаться къ такимъ задачамъ, которыя не имѣютъ ничего общаго съ занимающими насъ здѣсь.

Быть можетъ, могло бы имѣть успѣхъ дѣйствіе почетныхъ отличій, выдаваемыхъ высшимъ установленіемъ въ государствѣ. Мы уже имѣемъ нѣчто подобное, напримѣръ, въ Пруссіи, гдѣ въ случаѣ седьмого сына крестнымъ отцомъ считается самъ король. Такъ какъ, однако, онъ самъ никогда не выполняетъ эту обязанность, ни лично, ни черезъ какого-нибудь высокопоставленнаго замѣстителя, то вся честь заключается въ томъ, что имя короля, въ качествѣ крестнаго отца, заносится въ метрическую книгу, къ этому присоединяется обыкновенно небольшой денежный подарокъ... и такъ какъ семеро сыновей у одной и той же

пары случай все-таки рѣдкій, то этого обычая далеко не достаточно. Конечно, не выходитъ за предѣлы осуществимаго назначеніе почетной награды уже за пятаго ребенка одной и той же супружеской пары, при чемъ награда, разумѣется, должна представлять нѣчто выдающееся. Она должна состоять не только въ денежномъ подаркѣ, но и въ обезпеченіи будущности новорожденнаго, при чемъ роль воспріемника играетъ какое-нибудь дѣйствительно высокопоставленное лицо или государство. Можно выдавать также какіе-нибудь знаки отличія, носимые публично; вѣдь и теперь они выдаются во многихъ торжественныхъ случаяхъ, при юбилеяхъ, напримѣръ, и т. п., лицамъ, за которыми никакихъ особыхъ заслугъ не числится.

Всего важнѣе было бы, конечно, снова пробудить инстинктъ, который и теперь еще господствуетъ у многихъ племенъ и, очевидно, господствовалъ у нашихъ предковъ. Онъ и теперь еще одушевляетъ значительную часть даже цивилизованныхъ народовъ, что обнаруживается въ зависти, съ какою масса смотритъ на многодѣтныхъ отцовъ, и въ гордости, съ какою послѣдніе допускаютъ изображать себя въ кругу дѣтей и внуковъ, чему примѣры читатель найдетъ въ рисункахъ 152—157 и худ. прилож. „Золотая свадьба“. Дѣйствительные инстинкты, то есть прирожденныя побужденія, если только они не находятся уже въ процессѣ вырожденія, сильнѣе всякихъ разсужденій и у здороваго человѣка могущественнѣе всякаго внушенія. Это достаточно ясно обнаруживается въ инстинктѣ самосохраненія, въ половомъ побужденіи, въ случаяхъ голода. Поэтому для жизнеспособности государства было бы крайне важно, если бъ удалось привить составляющимъ его индивидуумамъ или вновь пробудить въ нихъ наслѣдственное побужденіе къ произведенію возможно болѣе многочисленнаго потомства. Происхожденіе такого наслѣдственнаго побужденія не можетъ быть объяснено ничѣмъ, кромѣ подбора, то есть наличность такого побужденія должна такъ существенно облегчать побѣду въ борьбѣ за существованіе, что соперники, не обладающіе этимъ побужденіемъ, рано или поздно должны гибнуть въ борьбѣ съ обладающими имъ. Въ концѣ концовъ остаются только такіе, которые обладаютъ этимъ полезнымъ побужденіемъ и передаютъ его потомкамъ.

Такъ какъ при существующихъ обстоятельствахъ отдѣльный человѣкъ и даже семья въ теснѣйшемъ смыслѣ слова, состоящая изъ супруговъ и ихъ ближайшихъ потомковъ, должны усматривать не облегченіе, а затрудненіе борьбы за существованіе въ наличности многочисленныхъ дѣтей, то всякая вѣроятность того, что многодѣтные индивидуумы или ихъ потомки будутъ переживать, а малодѣтныя семьи вымирать, исключена. Но можно утверждать, что въ государствѣ, состоящемъ изъ болѣе или менѣе значительныхъ, не одинаковыхъ въ отношеніи расы, составныхъ частей, та часть будетъ подавлять остальныя, которая отличается особенно сильнымъ дѣторожденіемъ. Если, напримѣръ, такое государство представляетъ, подобно австрійскому, союзъ коронныхъ земель, которыя находятся въ рѣзкомъ соперничествѣ и добиваются каждая руководящаго вліянія на общій ходъ дѣлъ, различаясь по языку, правамъ и происхожденію, то, конечно, при прочихъ равныхъ условіяхъ, страна, въ

которой населеніе растетъ всего быстрѣе, постепенно возьметъ верхъ надъ остальными, подчиняя ихъ или приводя къ вымиранію. Первые признаки такого процесса свѣдущій человѣкъ уже можетъ распознать въ выбранномъ нами примѣрѣ. Инстинктивное побужденіе, направленное къ размноженію, естественно, можетъ наслѣдоваться только путемъ непосредственнаго происхожденія, то есть, въ нашемъ примѣрѣ, лишь въ томъ случаѣ, если составныя части крупнаго общественнаго организма заботятся о поддержаніи чистоты происхожденія въ своихъ предѣлахъ и строжайшимъ образомъ исключаютъ браки съ лицами чуждой расы. Именно на этомъ сочетаніи инстинкта, направлен-

Рис. 157. День рожденія дѣдушки.
Съ картины Ферд. Георга Вальдмюллера.

наго къ размноженію, съ отвращеніемъ къ бракамъ съ лицами чуждыхъ расъ, основывается, главнымъ образомъ, мощное развитіе, въ отношеніи численности и силы, іудейскаго народа всюду, гдѣ ему обезпечены гостепріимство и безопасность. Съ точки зрѣнія жизнеспособности современныхъ культурныхъ государствъ желательно, чтобы и остальныя части ихъ населенія замыкались въ подобныя же крупныя расовыя единицы и по возможности заботились о сохраненіи чистоты происхожденія и о развитіи инстинкта, направленнаго къ увеличенію числа индивидуумовъ.

Не трудно было бы доказать, что это въ свою очередь достижимо лишь въ томъ случаѣ, если каждое изъ этихъ племенъ расчленяется на болѣе или менѣе крупные подъ-отдѣлы, которые съ своей стороны также вступаютъ въ дѣятельное соперничество между собою, заботясь о сохраненіи тѣхъ же двухъ побужденій. Мы видимъ, такимъ образомъ, что вообще систематическое рас-

членепіе всего государства на родственныя по происхожденію единицы высшаго и низшаго порядка, до семьи включительно, является единственнымъ средствомъ обезпечить развитіе тѣхъ свойствъ, которыя опасны или сомнительны, въ отношеніи выгоды, для индивидуума, но имѣютъ огромное значеніе для сохраненія цѣлаго.

При этомъ снова и снова выдвигается значеніе извѣстнаго патріотическаго самоотверженія, и врядъ ли можно спорить, что и побужденіе имѣть возможно многочисленное потомство требуетъ, при современныхъ условіяхъ, со стороны отца семейства большого самоотверженія, но тѣмъ благотворнѣе оно для того государства, въ числѣ гражданъ котораго много такихъ отцовъ семейства.

Почти съ достовѣрностью можно доказать, что японская имперія проявила на указанномъ пути ту всѣхъ насъ изумляющую и достойную подражанія энергію патріотическаго самоотверженія, которая въ теченіе одного человѣческаго поколѣнія превратила полудикую страну въ великую міровую державу. Правда, теперь мы видимъ и тамъ дѣйствіе силъ, развивающихъ личное себялюбіе и подавляющихъ семейное чувство и гордость извѣстными родовыми качествами, и такимъ образомъ нарушающихъ основанія, на которыхъ построено это гордое государство.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 158. Баня. Съ картины Корнеліуса Гольштейна.

Глава девятая.

Внѣбрачныя половыя отношенія.

Профессора д-ра Р. Космана, въ Берлинѣ.

Въ вступительной главѣ этого сочиненія, трактовавшей о раздѣленіи половъ, я указалъ на то, что половое побужденіе должно разсматривать прежде всего, какъ инстинктъ, объясняемый чисто механически, предпосылки котораго даны въ унаслѣдованной организаціи приблизительно такъ же, какъ въ конструкціи машины дана способность выполнять опредѣленныя движенія, разъ освобождаются, напримѣръ посредствомъ перестановки рычага, извѣстныя силы напряженія. Далѣе, я указалъ на то, что это половое побужденіе безусловно необходимо для существованія животныхъ организмовъ всюду, гдѣ воспроизведеніе можетъ происходить только при посредствѣ совокупленія двухъ индивидуумовъ. Само собою понятно, что всѣ тѣ животныя, у которыхъ яйцо должно быть оплодотворено въ материнскомъ тѣлѣ или, по крайней мѣрѣ, въ тотъ моментъ, когда оно оставляетъ материнское тѣло, не могутъ не погибнуть, если значительное ослабленіе или даже исчезновеніе полового побужденія привело къ тому, что яйцо или вовсе не вступаетъ въ соприкосновеніе съ сѣменными тѣльцами или вступаетъ несвоевременно или только въ рѣдкихъ случаяхъ.

Все это, разумѣется, имѣетъ силу и относительно человѣка.

Значительное ослабленіе или исчезновеніе полового побужденія, поскольку мы подразумѣваемъ подъ нимъ прирожденный инстинктъ, не могло бы даже осуществиться въ дѣйствительности, такъ какъ тѣ семьи или племена, у которыхъ это ослабленіе инстинкта начинаетъ переходить извѣстную мѣру, погибаютъ въ борьбѣ за существованіе и вымираютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы вѣдь видимъ, что у людей, во время созрѣванія зародышевыхъ клѣтокъ, если организмъ совершенно здоровъ, неизмѣнно обнаруживаются признаки пробужденія полового инстинкта.

Человѣческая культура обладаетъ, какъ намъ извѣстно, въ бракѣ учрежденіемъ, регулирующимъ удовлетвореніе полового инстинкта въ томъ смыслѣ, что соединенные брачными узами индивидуумы разнаго пола ограничиваютъ свои половыя отношенія другъ другомъ. Было бы однако ошибкой думать, что это ограниченіе есть исключительно человѣческій обычай, обязанный своимъ установленіемъ интеллекту. Въ животномъ царствѣ найдется также не мало примѣровъ постоянства половыхъ отношеній въ томъ смыслѣ, что индивидуумы, вступившіе въ половую связь, постоянно остаются вмѣстѣ и поддерживаютъ половыя сношенія только другъ съ другомъ. При этомъ, какъ и у многихъ человѣческихъ націй, самецъ составляетъ одну — такъ называемую полигамную — семью съ нѣсколькими самками и ихъ общимъ потомствомъ, или отношенія ограничиваются одной и той же парочкой, то есть семья остается моногамной. Есть даже въ животномъ царствѣ примѣры пожизненныхъ моногамныхъ отношеній (журавль, орелъ, голубь), а у попугайчиковъ инсепараблей смерть одного изъ супруговъ рѣдко переживается другимъ.

На древнѣйшей ступени человѣческой культуры бракъ по всей вѣроятности установился также, какъ простое продолженіе первыхъ половыхъ отношеній между двумя индивидуумами, такъ что добрачныхъ половыхъ отношеній вообще не существовало.

Этому противорѣчатъ, повидимому, наблюденія надъ многими изъ такъ называемыхъ дикихъ племенъ, у которыхъ самъ бракъ соблюдается отнюдь не строго, и кромѣ того нравы допускаютъ самое свободное половое общеніе для не состоящаго въ бракѣ индивидуума. Но выводить отсюда, что первоначальнымъ состояніемъ человѣчества было безпорядочное половое смѣшеніе, врядъ ли допустимо. Вообще, было бы неосновательно думать, что культура этихъ, такъ называемыхъ дикихъ, народностей представляетъ застывшую раннюю ступень человѣческой культуры; многое говоритъ за то, что въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ болѣе или менѣе выродившимися племенами. Пренебреженіе къ постоянному, пожизненному половому общенію, господствующее у многихъ низкостоящихъ племенъ, также, по всей вѣроятности, явилось слѣдствіемъ упадка нравовъ; за это говоритъ тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ, столь же первобытныхъ народностей очень высоко цѣнится дѣвическое цѣломудріе и брачная вѣрность, а также и то обстоятельство, что на многихъ полинезійскихъ островахъ и въ Австраліи первые путешественники еще застали такіе, съ нашей точки зрѣнія чистые, нравы, тогда какъ позднѣе, вслѣдствіе соприкосновенія съ европейскими моряками, тамъ водворилась

отчасти крайняя распущенность нравовъ. Нѣчто въ родѣ переходнаго состоянія мы находимъ тамъ, гдѣ внѣбрачныя или добрачныя отношенія регулируются спеціальными предупредительными мѣрами, очевидно потому, что на твердость характера индивидуумовъ уже нельзя больше положиться. Относительно мягкія предупредительныя мѣры этого рода примѣняются на Филиппинскихъ островахъ, гдѣ незамужнія дѣвушки туземныхъ племенъ должны спать всѣ вмѣстѣ въ общихъ спальняхъ, чтобы контролировать другъ друга (рис. 159). Гораздо грубѣе вспомогательныя средства, примѣняемыя у восточно-африканскихъ народовъ, главнымъ образомъ абиссинцевъ, у которыхъ оперативнымъ путемъ замыкаютъ половыя части дѣвушекъ и только непосредственно передъ свадьбой раскрываютъ ихъ снова, тоже оперативнымъ путемъ.

Рис. 159.
Молодая незамужняя игорротка (Филиппинскіе острова) передъ спальней дѣвушекъ.

Что у культурныхъ народовъ въ собственномъ смыслѣ слова воздѣйствіе среды имѣетъ весьма существенное значеніе, вслѣдствіе чего эпохи строгаго соблюденія теоретическихъ правилъ цѣломудрія чередуются съ эпохами крайней распущенности нравовъ — фактъ общеизвѣстный. Мы знаемъ, что въ Греціи въ эпоху ея высшаго культурнаго расцвѣта все значеніе положенія замужней женщины сводилось къ тому, что она была матерью признанныхъ закономъ дѣтей, вообще же не только холостые, но и женатые мужчины предавались внѣбрачнымъ половымъ отношеніямъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и даже въ противоестественныхъ формахъ. Въ Римѣ также уже къ концу до-христіанской эпохи водворилось крайнее одичаніе нравовъ. При этомъ, разумѣется, нужно принимать въ разсчетъ, что рабство

Мужчина и женщина. II. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Торговля невольницами.

По картинѣ В. Жиро.

въ обѣихъ странахъ весьма благопріятствовало этому упадку нравовъ. Купленная рабыня (на прилагаемомъ снимкѣ: „Продажа рабынь“ — читатель найдетъ художественное изображеніе этого торга) въ глазахъ римлянъ не обладала никакими человѣческими правами, и мысль, что половыя сношенія съ нею означаютъ невѣрность супругѣ или могутъ уронить молодого человѣка въ глазахъ его будущей подруги жизни, была бы совершенно непостижимой для римлянина. Во всякомъ случаѣ, свободнорожденныя молодыя дѣвушки, до наступленія всеобщаго упадка нравовъ въ императорскую эпоху, считались неприкосновенными.

По „Martin, Deutsches Badewesen“.

Рис. 160. Минеральныя ванны подъ открытымъ небомъ.
Съ картины Ганса Бека Старшаго (1547)

Древніе германцы, насколько можно положиться на относящіяся къ нимъ сообщенія, соблюдали величайшую воздержность въ отношеніи внѣбрачныхъ половыхъ сношеній. Но въ средніе вѣка нравы страшно выродились и въ Германіи. Нѣкоторые историки культуры предполагаютъ, что этотъ упадокъ нравовъ принесли крестоносцы, возвращавшіеся изъ своихъ походовъ. Повидимому, совершенно особенную роль играли въ то время бани. До насъ дошли не только сообщенія писателей, но и изображенія, показывающія, что въ баняхъ и купальняхъ оба пола мылись или, поскольку дѣло идетъ о минеральныхъ цѣлебныхъ источникахъ, лѣчились вмѣстѣ, почти или совершенно голыми (рис. 158, 160 и 161). Правда, мы не должны забывать, что въ началѣ среднихъ вѣковъ господствовалъ обычай, сохранившійся въ отдаленныхъ углахъ, какъ напр. въ Исландіи, до новѣйшихъ временъ, въ силу котораго женщины и даже дѣвушки собственноручно мыли лицъ мужского пола, и притомъ не только членовъ семьи, но и гостей, при чемъ именно

простота и чистота нравовъ исключали мысль о чемъ-либо предосудительномъ. Но въ позднѣйшій періодъ средневѣковья, какъ видно изъ описаній сатириковъ того времени, эти нравы приняли существенно иную окраску, и бани, дѣйствительно, стали все болѣе и болѣе превращаться въ мѣста разврата. Замѣчательно, что этотъ обычай, все болѣе и болѣе удаляясь отъ своихъ первоначальныхъ мотивовъ, сохранился до восемнадцатаго столѣтія, такъ что подъ конецъ считалось неприличнымъ для одинокаго мужчины брать ванну отдѣльно отъ другихъ, въ сторонѣ отъ всякихъ зрителей. Зато въ восемнадцатомъ столѣтіи, дѣйствительно, развилась крайняя безнравственность въ высшихъ кругахъ. Геніальный Гогартъ въ цѣломъ рядѣ сатирическихъ

Рис. 161. Минеральныя ванны. Рисунокъ Ганса Зебальда Бегама.

картинъ ѣдко бичуетъ сомнительную мораль этого общества (рис. 162). Бракъ считался только общественной обязанностью, и само собою подразумѣвалось, что мужъ предоставляетъ содержаніе своей жены ея ухаживателю, „cavaliere servente“ или „cicisbeo“, который сопровождаетъ и оберегаетъ ее въ обществѣ. Въ Италіи карнавалъ превратился въ поощреніе величайшей распущенности, тѣмъ болѣе, что почти всюду было въ обычаѣ ношеніе масокъ. Наши теперешніе маскарады только остатокъ старинной итальянской распущенности нравовъ; но и они однако представляютъ очень благопріятныя условія для половой распущенности.

Было бы, однако, ошибкой считать вообще танцы признакомъ упадка нравовъ. Искусство танцевъ достигло высокаго расцвѣта въ первыя десятилѣтія девятнадцатаго столѣтія. Танцы сдѣлались своего рода спортомъ. Молодые люди съ радостью вступали въ состязаніе въ граціи и ловкости съ царицей бала въ „танцѣ подушки“ (рис. 163).

Однако во всѣхъ этихъ вещахъ мы, очевидно, можемъ видѣть только случайныя условія, въ которыхъ никогда не будетъ недостатка, разъ начинаютъ дѣйствовать подлинныя причины паденія нравовъ. А эти подлинныя причины мы усматриваемъ, для нашихъ культурныхъ отношеній, въ трудности заключенія брака. Требованіе отказаться отъ всякихъ добрачныхъ половыхъ отношеній и относиться къ женщинѣ, съ которой впервые вступилъ въ половыя отношенія, какъ къ супругѣ на всю жизнь, при простыхъ условіяхъ жизни и работы нельзя назвать чрезмѣрнымъ. При такихъ условіяхъ борьба за существованіе не требовала отъ молодого человѣка образованія, заканчивающагося лишь много лѣтъ спустя послѣ достиженія половой зрѣлости. Юноша, достигшій половой зрѣлости, былъ уже работоспособенъ въ такой же мѣрѣ, какъ десятью годами позднѣе. Къ тому же совмѣстная работа мужчины и женщины, дѣлая возможнымъ раздѣленіе труда, улучшала условія заработка для обоихъ супруговъ. Поэтому не было никакого основанія откладывать бракъ, разъ у обоихъ индивидуумовъ пробудилось въ сколько-нибудь сильной степени половое чувство.

Современныя культурныя отношенія существенно измѣнили это состояніе. Отчасти, но въ сравнительно малой степени, это измѣненіе зависитъ отъ того, что женщина, по крайней мѣрѣ въ такъ называемыхъ высшихъ кругахъ, превратилась до нѣкоторой степени въ предметъ роскоши. Въ отношеніи способности къ заработку она значительно уступаетъ мужчинѣ или даже вовсе не обладаетъ ею; часто даже она предъявляетъ очень большія требованія на услуги и тратитъ большія суммы на наряды и другіе предметы, служащіе исключительно для украшенія существованія. Съ другой стороны необычайные успѣхи въ области какъ тѣлесной, такъ и духовной дѣятельности привели къ тому, что юноша, достигшій половой зрѣлости, хотя бы онъ получалъ наилучшее возможное образованіе, можетъ въ это время успѣшно конкуррировать съ другими развѣ въ наиболѣе плохо оплачиваемыхъ профессіяхъ. Если же онъ хочетъ успѣшно соперничать съ другими въ высшихъ профессіяхъ, то долженъ работать еще въ теченіе долгаго времени послѣ наступленія половой зрѣлости, частью безплатно, частью за вознагражденіе, котораго едва хватаетъ на поддержаніе собственнаго существованія. При такихъ обстоятельствахъ онъ не можетъ, если не надѣленъ величайшимъ легкомысліемъ, взять на себя заботу о женѣ и ожидаемомъ отъ брака потомствѣ. Поэтому въ культурныхъ странахъ обычный или даже установленный закономъ возрастъ вступленія въ бракъ, по крайней мѣрѣ для мужского пола, далеко переходитъ за предѣлы того времени, когда половое побужденіе начинаетъ сказываться уже довольно сильно.

Отсюда вытекаетъ, какъ дальнѣйшее уклоненіе отъ естественныхъ отношеній, привычка зрѣлаго въ половомъ отношеніи мужчины къ безбрачной жизни, а эта привычка легко приводитъ къ тому, что мужчина, даже добившись, наконецъ, такого заработка, который дѣлаетъ возможнымъ бракъ, отказывается отъ женитьбы. Слѣдствіемъ этого въ свою очередь является то обстоятельство, что значительное число индивидуумовъ не только мужского, но и женскаго пола по собственному желанію или поневолѣ

остается безбрачнымъ, хотя половое побужденіе у нихъ вовсе не ослаблено.

Дальнѣйшимъ естественнымъ послѣдствіемъ этого является чрезвычайное распространеніе при современныхъ культурныхъ условіяхъ добрачныхъ половыхъ отношеній въ самомъ широкомъ масштабѣ, а отчасти также и нарушенія супружеской вѣрности, тамъ, гдѣ это вошло въ обычай.

Наша задача разсмотрѣть здѣсь, какими вредными послѣдствіями сопровождается эта распущенность, съ одной

Рис. 162. Путь развратника. Съ рисунка В. Гогарта.

стороны для индивидуума, съ другой для общества; также, достигаютъ ли цѣли мѣропріятія, предлагаемыя и примѣняемыя въ видахъ устраненія или уменьшенія этихъ вредныхъ послѣдствій; далѣе, если окажется, что ихъ нельзя уменьшить, можемъ ли мы утѣшаться тѣмъ соображеніемъ, что дѣло идетъ здѣсь о неизбѣжномъ, коренящемся въ самой человѣческой природѣ, злѣ; наконецъ, мыслимы ли такія учрежденія, посредствомъ которыхъ даже при иныхъ возможныхъ культурныхъ отношеніяхъ можно бы было существенно ограничить потребность въ внѣбрачныхъ половыхъ отношеніяхъ.

Что касается вредныхъ послѣдствій, приносимыхъ внѣбрачными отношеніями индивидууму, то на первомъ мѣстѣ нужно поставить обусловленное ими распространеніе болѣзней. Само собою разумѣется, понятіе брака подразумѣвается при

этомъ не исключительно въ смыслѣ церковнаго или юридическаго установленія. Отношенія, которыя въ чисто тѣлесномъ смыслѣ могутъ быть названы бракомъ, то есть заключаются въ половыхъ отношеніяхъ, ограничивающихся одной и той же парочкой, хотя бы они и не имѣли внѣшней формы установленнаго брака, препятствуютъ распространенію болѣзней совершенно такъ же, какъ освященный церковью и юридически оформленный бракъ. Но вообще такія отношенія въ нашемъ культурномъ мірѣ рѣдки. Если они существуютъ въ теченіе нѣкотораго времени, то обыкновенно та или другая сторона уже раньше практиковала половыя отношенія на сторонѣ и, въ большинствѣ случаевъ, будетъ практиковать ихъ послѣ. Но, конечно, главнымъ образомъ распространенію болѣзней благопріятствуютъ тѣ половыя отношенія, при которыхъ та и другая сторона, не заявляя претензій на какую бы то ни было, хотя бы кратковременную вѣрность, вступаетъ въ половыя отношенія со многими другими индивидуумами. Каждая изъ этихъ сторонъ подвергается при этомъ гораздо болѣе значительной опасности зараженія, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что вступаетъ въ половое общеніе съ индивидуумомъ нецѣломудреннымъ, который, быть можетъ, уже зараженъ болѣзнью, во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что въ теченіе короткаго времени имѣетъ общеніе съ большимъ числомъ такихъ индивидуумовъ, среди которыхъ по простому разсчету, вѣроятно, должно быть тѣмъ больше зараженныхъ, чѣмъ больше само число. Съ другой же стороны и сама эта сторона, заразившись, подвергаетъ опасности зараженія тѣмъ большее число индивидуумовъ, чѣмъ больше число тѣхъ, съ которыми она вступаетъ въ общеніе. Слѣдствіе этого то, что большинство индивидуумовъ, практикующихъ такія внѣбрачныя половыя отношенія, заболѣваютъ. Подъ заболѣваніями въ данномъ случаѣ подразумѣваются отнюдь не исключительно такъ называемыя половыя болѣзни. Есть, во-первыхъ, множество прилипчивыхъ болѣзней, правда, относительно неопасныхъ, причиняемыхъ какъ животными паразитами (вши, плащицы, чесоточные клещи), такъ и грибками, живущими на кожѣ или въ кожѣ, которыхъ легко заполучить при такихъ сношеніяхъ. Далѣе, изъ затяжныхъ болѣзней имѣетъ значеніе туберкулезъ, который такъ распространенъ, что при интимномъ тѣлесномъ соприкосновеніи съ многими лицами опасность зараженія очень велика. Острыя заразительныя болѣзни, каковы оспа, скарлатина, корь, дифтеритъ, также передаются подобнымъ же путемъ и тѣмъ легче, чѣмъ больше число индивидуумовъ, съ которыми человѣкъ вступаетъ въ сношенія. Конечно, главную роль играютъ половыя болѣзни въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова. Подробности о нихъ сообщены на стр. 206 и стр. 332 и слѣд. этого тома, такъ что здѣсь мы можемъ ограничиться ссылкой.

Непосредственный ущербъ для здоровья вслѣдствіе зараженія индивидуума, однако, не единственный вредъ, связанный съ неурегулированнымъ удовлетвореніемъ полового побужденія. Въ очень многочисленныхъ случаяхъ, особенно у мужчины, здоровье расшатывается также вслѣдствіе неумѣренности въ половыхъ сношеніяхъ. Спеціальныя причины этого довольно разнообразны.

Если въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ исчезло отрицательное отношеніе къ внѣбрачнымъ половымъ отношеніямъ, то примѣръ другихъ дѣйствуетъ заразительно на индивидуума, и тѣмъ въ сильнѣйшей степени, что обыкновенно воздержаніе считается даже чѣмъ-то постыднымъ или, по крайней мѣрѣ, смѣшнымъ. Вслѣдствіе этого, особливо въ большихъ городахъ, внѣбрачныя отношенія часто практикуются уже юношами, находящимися еще въ періодѣ самаго дѣятельнаго тѣлеснаго развитія, которое — такъ какъ оно тоже предъявляетъ большія требованія къ тѣлу — естественно страдаетъ отъ этого. То же дѣй-

Рис. 163. Танецъ подушки. Съ картины К. Герпфера.

ствіе нравовъ или безнравственности окружающей среды приводитъ къ развитію своеобразнаго молодечества, которое побуждаетъ многихъ гордиться тѣмъ, что они практикуютъ половыя сношенія въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ нужно для удовлетворенія самопроизвольно возникающаго полового побужденія. Это послѣднее искусственно разжигается скабрезными разговорами, чтеніемъ порнографическихъ произведеній, соотвѣтственными представленіями въ театрахъ и кафе-шантанахъ (рис. 164), что необходимо должно приводить сначала къ временному, потомъ къ постоянному утомленію нервной системы. Уже въ первомъ случаѣ, то есть въ случаѣ временнаго утомленія, результатомъ этого злоупотребленія является по меньшей мѣрѣ пониженіе работоспособности; если же наступаетъ постоянное утомленіе нервной системы, то передъ нами одинъ изъ тѣхъ случа-

чаевъ пріобрѣтенной неврастеніи, которые превращаютъ человѣка въ безполезнаго члена общества и въ наказаніе не только для своей семьи, но и для себя самого, такъ какъ дѣлаютъ его вѣчно недовольнымъ, вѣчно несчастнымъ.

Дальнѣйшее слѣдствіе, вытекающее изъ этихъ формъ внѣбрачныхъ или, скажемъ лучше, добрачныхъ отношеній, это ихъ разстраивающее вліяніе на позднѣйшее брачное общеніе. Если человѣкъ, привыкшій къ постоянной смѣнѣ въ половыхъ отношеніяхъ, а главное къ искусственному возбужденію полового побужденія, вступаетъ въ бракъ, то обыкновенно, спустя относительно короткое время, и тутъ онъ испытываетъ то же чувство пресыщенія однообразіемъ, которое раньше побуждало его къ постоянной смѣнѣ. Въ болѣе благопріятномъ случаѣ отсюда возникаетъ охлажденіе чувства къ женѣ, которое послѣдняя вскорѣ замѣчаетъ и очень часто принимаетъ, какъ глубокое несчастіе, порождающее въ концѣ концовъ и въ ней дурное отношеніе къ мужу. Въ худшемъ случаѣ мужъ возвращается къ привычкамъ и образу жизни своего добрачнаго періода, вслѣдствіе чего семейное счастье, разумѣется, совершенно разрушается. Только въ исключительныхъ случаяхъ замужняя женщина не будетъ знать и подозрѣвать о невѣрности супруга, въ большинствѣ случаевъ взаимному довѣрію между супругами приходитъ конецъ, также какъ и благотворному вліянію на дѣтей хорошаго примѣра.

Въ заключеніе должно упомянуть также о р а з л а г а ю щ е м ъ в л і я н і и в н ѣ б р а ч н ы х ъ п о л о в ы х ъ о т н о ш е н і й н а з а р а б о т о к ъ и с о с т о я н і е. Въ старыхъ произведеніяхъ, изображающихъ парижскіе нравы, мы читаемъ о нетребовательности — можно сказать, почти трогательной — молодыхъ дѣвушекъ, дѣлившихъ въ теченіе многихъ лѣтъ комнату съ такими же нетребовательными студентами, мывшихъ и штопавшихъ ихъ скудное бѣлье, готовившихъ скромный обѣдъ и съ утра до вечера корпѣвшихъ надъ какой-нибудь работой, чтобы внести свою долю въ это общее домохозяйство. Въ подобномъ случаѣ расходы, причиняемые этими отношеніями, врядъ ли больше тѣхъ, которыхъ потребовала бы одинокая жизнь молодого студента. Нетрудно видѣть, однако, что подобныя отношенія представляютъ собственно не что иное какъ временный бракъ, вредныя стороны котораго естественно относятся къ совершенно иной области, чѣмъ вредныя стороны собственно внѣбрачныхъ отношеній, которыя мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду: хотя и теперь подобныя связи очень обыкновенное явленіе, но, за рѣдкими исключеніями, онѣ обходятся гораздо дороже. Совмѣстная жизнь почти совершенно вышла изъ моды. Какое бы то ни было содѣйствіе женской стороны уменьшенію расходовъ на жизнь мужской исключено. Предъявляются относительно большія требованія на наряды, а главное, женская половина требуетъ увеселеній, совмѣстнаго посѣщенія ресторановъ, кафе-шантановъ, театровъ, кабачковъ (рис. 165), а въ хорошее время года — совмѣстныхъ прогулокъ или даже поѣздокъ, такъ что для мужской стороны расходы на подобныя отношенія окажутся, пожалуй, не меньше, а часто и гораздо больше, чѣмъ на настоящее брачное домохозяйство, если оно ведется соотвѣтственно положенію мужа. Въ случаѣ же отказа

отъ такихъ болѣе или менѣе прочныхъ отношеній, напримѣръ вслѣдствіе фактической невозможности найти требуемыя ими средства, мужчина опять таки посѣщаетъ тѣ же кафе, бары, танцъ-залы (рис. 166 и 167) и другія увеселительныя мѣста, въ которыхъ обыкновенно завязываются вполнѣ мимолетныя связи. Все это также требуетъ издержекъ, далеко не соотвѣтствующихъ расходамъ на простой, сообразующійся со средствами, образъ жизни учащагося молодого человѣка. Содержатели увеселительныхъ заведеній, служащихъ для завязыванія этихъ нежелательныхъ отношеній, получаютъ колоссальныя суммы, пропадающія для здороваго народнаго производства. До нѣкоторой степени въ

Рис. 164. Полусвѣтъ въ варьетэ. Съ оригинальнаго рисунка Эдм. Эделя.

предѣлахъ издержекъ, которыя могутъ быть сдѣланы безъ особеннаго ущерба, остаются только половыя отношенія, завязываемыя прямо на улицѣ, но здѣсь зато опасность зараженія болѣзнями возрастаетъ въ такой степени, что полное разрушеніе здоровья является почти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ.

Для женской половины отсюда вытекаютъ еще тѣ вредныя послѣдствія, которыя связаны съ внѣбрачной беременностью.

Мы имѣемъ пока въ виду только господствующіе въ настоящее время законы и нравы. Съ этой точки зрѣнія не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ внѣбрачная беременность приноситъ женской сторонѣ величайшій вредъ. Есть, конечно, лица женскаго пола, одаренныя исключительными талантами, которыя, особливо если они проявляютъ эти таланты въ области искусства, безъ труда добываютъ средства на воспитаніе внѣбрачныхъ дѣтей, и въ такой сте-

пени возбуждаютъ удивленіе людей, что критика ихъ моральнаго поведенія отступаетъ совершенно на задній планъ. Есть, далѣе, женщины съ такой исключительной энергіей, что она даетъ имъ силы не только заработать средства на содержаніе себя и своихъ внѣбрачныхъ дѣтей, но и пріобрѣсть уваженіе со стороны окружающихъ. Наконецъ, есть и такіе круги, въ которыхъ къ подобнымъ вещамъ относятся совершенно равнодушно. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ незамужняя мать подвергается осужденію, которое крайне затрудняетъ ей добываніе средствъ къ жизни какимъ-либо честнымъ и пристойнымъ способомъ и дѣлаетъ для нея почти невозможнымъ общеніе съ по-

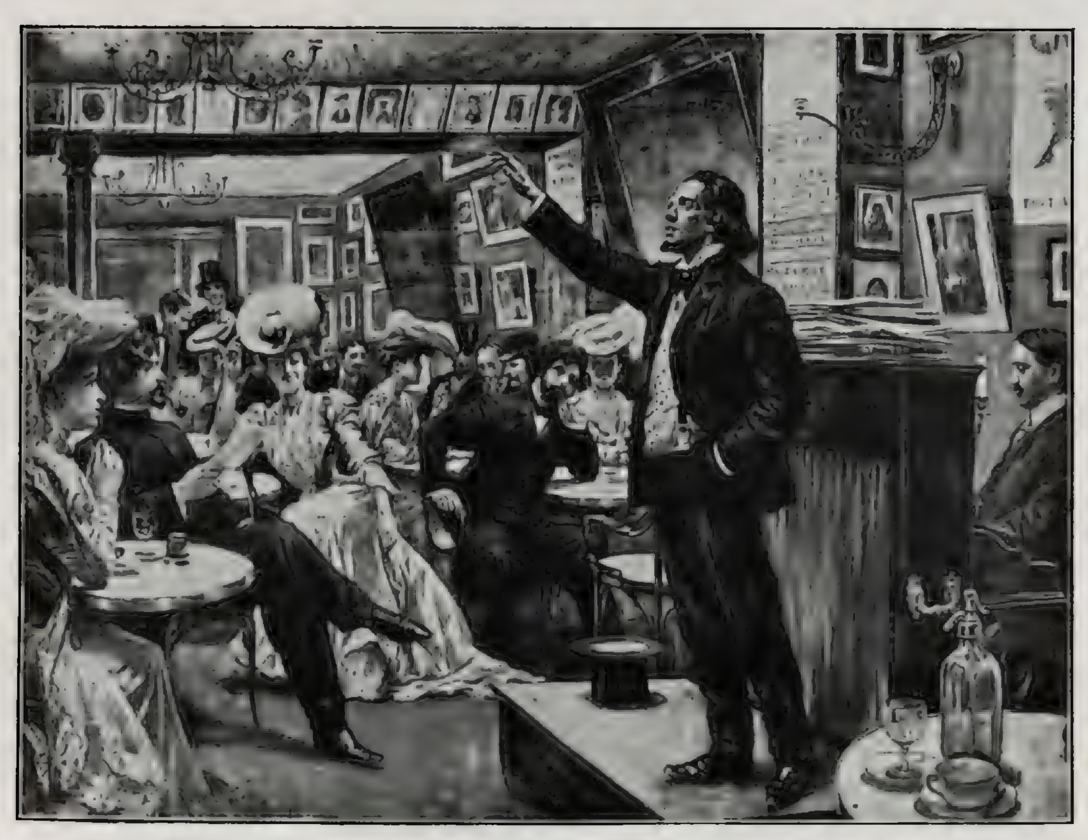


Рис. 165. Въ парижскомъ кабачкѣ. Рис. съ натуры Эд. Кукуэля.

рядочными кругами общества. До нѣкоторой степени эти предразсудки оправдываются тѣмъ соображеніемъ, что незамужняя мать отдалась мужчинѣ вслѣдствіе крайняго легкомыслія или чрезмѣрно развитаго полового влеченія, или тѣмъ, что мужчина, которому она отдалась, не нашелъ ее достойной занять положеніе жены. Хотя это соображеніе во многихъ случаяхъ крайне несправедливо, но нельзя не признать, что часто оно соотвѣтствуетъ дѣйствительности, чѣмъ и объясняется извѣстная осторожность по отношенію къ женщинѣ, родившей внѣ брака, пока не представится возможность убѣдиться, что въ данномъ случаѣ справедливость требуетъ болѣе благопріятнаго сужденія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и неблагопріятнаго положенія, въ которомъ оказывается внѣбрачный ребенокъ по нашимъ законамъ. Пусть эти законы совершенно несправедливы и нецѣлесообразны, но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что требуется

большое равнодушіе къ собственнымъ отпрыскамъ, чтобы при господствѣ такихъ законовъ, не задумываясь, производить на свѣтъ внѣбрачныхъ дѣтей.

Если въ деревнѣ и въ маленькихъ мѣстечкахъ послѣдствіемъ внѣбрачныхъ половыхъ отношеній всегда является рожденіе внѣбрачныхъ дѣтей, то въ большихъ городахъ вошли въ обычай вытравливаніе плода и примѣненіе средствъ, предупреждающихъ зачатіе. При существующемъ законодательствѣ, которое грозитъ за искусственный выкидышъ тюремнымъ заключеніемъ какъ матери, такъ и врачу, помогавшему ей, вытравленіе плода, по крайней мѣрѣ въ Германіи, гдѣ государственная власть строже слѣдитъ за исполненіемъ существующихъ законовъ, чѣмъ во Франціи, можетъ быть предпринято только лицами, стоящими на очень низкомъ уровнѣ нравственности. Такъ какъ я уже подробно говорилъ объ этомъ предметѣ во второй части перваго тома, то здѣсь достаточно ссылки на сказанное тамъ.

Рис. 166. Въ берлинскомъ танцовальномъ залѣ.
Съ оригинальнаго рисунка Эдм. Эделя.

Обращаясь теперь къ вреду для общества, нельзя не замѣтить, что практика внѣбрачныхъ отношеній между людьми, удовлетворяющими всѣмъ условіямъ для нормальнаго брака, вообще уменьшаетъ число браковъ. Если даже отъ этого не потерпитъ ущерба столь необходимый для государства приростъ населенія, то нельзя считать безразличнымъ, будутъ ли дѣти воспитываться въ брачномъ союзѣ или при одной матери. Глубокая реформа въ дѣлѣ воспитанія, быть можетъ, способна устранить это различіе; но при существующихъ обстоятельствахъ не приходится отрицать, что внѣбрачныя дѣти, вслѣдствіе небрежнаго ухода, выпадающаго имъ на долю, далеко не такъ цѣнны для государства, какъ родившіяся въ бракѣ. Но сверхъ того нужно

имѣть въ виду, что даже при одинаковой плодовитости приростъ населенія не останется тѣмъ же самымъ, если уменьшится число браковъ, такъ какъ смертность дѣтей, родившихся внѣ брака, именно вслѣдствіе небрежнаго ухода или даже умышленнаго замариванія („фабрики ангеловъ“) значительно превышаетъ смертность дѣтей, родившихся въ бракѣ. Но и плодовитость не можетъ остаться той же самой, если число браковъ уменьшается въ пользу внѣбрачныхъ отношеній, такъ какъ, отчасти вслѣдствіе указанныхъ выше основаній, вытравленіе плода и предупрежденіе зачатія играютъ въ настоящее время гораздо большую роль при внѣбрачныхъ отношеніяхъ, чѣмъ при брачныхъ. Наконецъ, надо упомянуть еще и о томъ, что вслѣдствіе привычки къ примѣненію противозачаточныхъ средствъ эти послѣднія начинаютъ проникать и въ бракъ, вслѣдствіе чего даже брачная плодовитость уменьшается. Замѣчательно, что нѣкоторые ученые, много потрудившіеся надъ разъясненіемъ этого вопроса, не придаютъ значенія этому вреду, даже пропагандируютъ примѣненіе средствъ, предупреждающихъ зачатіе, такъ какъ опасаются вредныхъ послѣдствій чрезмѣрной плодовитости брака. Однако достаточно заглянуть въ статистику, чтобъ убѣдиться, что во многихъ изъ значительнѣйшихъ культурныхъ государствъ предупредительныя мѣры противъ зачатій нашли уже такое широкое примѣненіе въ бракѣ, что этимъ государствамъ, какъ, напримѣръ, Франціи, грозитъ неизбѣжное вымираніе туземнаго населенія (болѣе подробно объ этомъ на стр. 345 и слѣд.); да и въ нашемъ (нѣмецкомъ) отечествѣ это явленіе, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ, принимаетъ уже такіе размѣры, что, конечно, государство имѣетъ полное основаніе безпокоиться не о вредныхъ послѣдствіяхъ избыточнаго населенія, а объ опасностяхъ, которыми грозитъ умышленное ограниченіе рождаемости.

Но и независимо отъ вопроса о населеніи внѣбрачныя половыя отношенія причиняютъ государственному цѣлому значительный вредъ. Все, что мы сказали выше о распространеніи прилипчивыхъ болѣзней, подразумѣваетъ также значительный вредъ для государства. Эти прилипчивыя болѣзни не только въ свою очередь отчасти ослабляютъ плодовитость и уменьшаютъ существующее населеніе вслѣдствіе повышенія смертности, но и значительно понижаютъ цѣнность выздоровѣвшихъ индивидуумовъ для государства. У однихъ болѣзнь уничтожаетъ способность къ военной службѣ, у другихъ понижаетъ производительность въ гражданской жизни, для очень многихъ означаетъ значительную затрату государственныхъ средствъ, которыя требуются на лѣченіе несостоятельныхъ больныхъ и на содержаніе совершенно неспособныхъ къ дѣятельности лицъ.

Наконецъ — хотя это отнюдь не самое маловажное — мы должны упомянуть, что и остальныя моральныя отношенія въ обществѣ жестоко страдаютъ отъ внѣбрачныхъ половыхъ отношеній. Въ главѣ, посвященной проституціи, будетъ сказано объ этомъ ущербѣ, поскольку онъ причиняется профессіональной проституціей. Здѣсь же мы особенно подчеркнемъ лишь то обстоятельство, что нормальный бракъ въ высшей степени располагаетъ супруговъ къ бережливому, умѣренному, трудолюбивому образу жизни, а супруга къ пунктуальному исполненію взятыхъ на себя

профессіональныхъ и служебныхъ обязанностей; что воспитаніе дѣтей въ упорядоченномъ домохозяйствѣ при содѣйствіи отца даетъ гораздо болѣе благотворные результаты, чѣмъ воспитаніе внѣбрачныхъ дѣтей, значительная часть которыхъ, вслѣдствіе недостаточнаго надзора, развращается и превращается въ преступниковъ.

Конечно, какъ отдѣльныя лица, такъ и государство стараются предотвратить указанныя выше вредныя послѣдствія, признавая однако, что внѣбрачныя половыя отношенія неустранимы и представляютъ неизбѣжное зло.

Рис. 167. Въ танцовальной залѣ. Съ оригинальнаго рисунка Эдм. Энгеля.

Что касается опасности зараженія, то особенно часто примѣняется кондомъ или презервативъ, чехолъ для мужского дѣтороднаго члена, приготовляемый изъ тонкаго каучука или слѣпой кишки рогатаго скота (будто бы изъ рыбьяго пузыря). Нельзя не согласиться, что это средство существенно уменьшаетъ опасность зараженія, но отнюдь не представляетъ абсолютно надежной защиты; во-первыхъ, потому что онъ готовится изъ тонкаго, легко разрывающагося матеріала, чтобы по возможности меньше препятствовать чувственному наслажденію, во-вторыхъ, потому что трипперъ, а тѣмъ болѣе сифилисъ, могутъ передаваться и другимъ, болѣе или менѣе косвеннымъ путемъ. Еще ненадежнѣе, какъ кажется, примѣненіе дезинфецирующихъ, то есть убивающихъ зародыши болѣзни средствъ, хотя бы оно происходило тотчасъ послѣ совокупленія. Всего надежнѣе впрыскиваніе нѣсколькихъ капель двадцатипроцентнаго раствора протаргола въ мочевой

каналъ. Для женщины эти средства не имѣютъ никакого значенія въ смыслѣ защиты. Разумѣется, передачѣ другихъ болѣзней, въ родѣ туберкулеза, дифтерита и т. д., они не могутъ помѣшать у обоихъ половъ.

Въ виду важнаго значенія половыхъ болѣзней для государства, послѣднее также уже давно пытается примѣнять мѣры, направленныя къ ограниченію ихъ распространенія. Главнымъ его средствомъ издавна былъ полицейскій и врачебный контроль надъ профессіональными проститутками. Вопросъ — затрагивающій въ очень сильной степени и интересы профановъ, — представляетъ ли заключеніе проститутокъ въ особыя заведенія, дома терпимости, соотвѣтствующее этой цѣли и допустимое, несмотря на множество серьезныхъ сомнѣній, средство, будетъ подробно разсмотрѣнъ въ 11 главѣ („Проституція"). По нашему мнѣнію, оно совершенно недѣйствительно, такъ какъ констатированіе болѣзни на самыхъ раннихъ стадіяхъ, равно какъ и въ позднѣйшемъ, скрытомъ состояніи, невозможно или чрезвычайно трудно, и такъ какъ, при массѣ посѣтителей въ публичныхъ домахъ, въ промежуткѣ между двумя посѣщеніями врача для проститутки представляется масса случаевъ заразиться самой и передать заразу многочисленнымъ посѣтителямъ.

Чтобы предотвратить рожденіе внѣбрачныхъ дѣтей, не прибѣгая къ воспрещенному закономъ вытравливанію плода, стараются воспрепятствовать самому зачатію, то есть оплодотворенію женскаго яйца. Объ этомъ предупрежденіи зачатія я уже говорилъ болѣе подробно на стр. 211 и 212. Здѣсь напомнимъ лишь вкратцѣ, что оно вообще не примѣняется во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда половое общеніе происходитъ до нѣкоторой степени непредумышленно, въ пылу страсти.

Итакъ, мы видимъ, что остается масса вредныхъ послѣдствій внѣбрачныхъ половыхъ отношеній, предотвращеніе которыхъ до сихъ поръ невозможно. По поводу этого утѣшаются мыслью, что это необходимое зло, съ которымъ всѣмъ намъ, худо ли, хорошо ли, приходится мириться. Съ этимъ, однако, можно согласиться лишь постольку, поскольку подобное соображеніе примѣнимо ко всѣмъ вообще злоупотребленіямъ, проступкамъ и преступленіямъ, а отнюдь не въ томъ смыслѣ, что здѣсь дѣло идетъ о нормальномъ явленіи, которое правила воспитанія, нравы и законы должны до нѣкоторой степени санкціонировать. Справедливо, что половое побужденіе — естественный инстинктъ, который проявляется при извѣстныхъ условіяхъ съ чрезвычайной силой, а въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть неодолимымъ. Но совершенно ошибочно утвержденіе, будто неудовлетвореніе его при нормальныхъ условіяхъ можетъ повлечь за собой вредныя послѣдствія для человѣка.

И въ данномъ случаѣ будетъ вполнѣ правильно обратиться къ гораздо болѣе простымъ отношеніямъ животнаго міра, чтобы пріобрѣсти правильное пониманіе физіологическихъ отношеній у человѣка. Правда, у высшихъ животныхъ мы видимъ, что у самки лишь опредѣленные періоды такъ называемой течки, соотвѣтствующіе менструаціоннымъ періодамъ женщины, связаны съ возбужденіемъ полового влеченія, и что, съ другой стороны, самка только въ теченіе этихъ періодовъ возбуждаетъ половое влеченіе въ самцѣ. Поэтому о неудовлетвореніи полового инстинкта можетъ быть рѣчь лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда два или нѣсколько самцовъ борятся изъ-за одной самки, при чемъ

побѣжденному, естественно, приходится удаляться съ поля сраженія, не удовлетворивъ своего инстинкта. Напротивъ, у нашихъ домашнихъ животныхъ мы находимъ болѣе удобный и вполнѣ удовлетворительный случай наблюдать послѣдствія неудовлетворенія полового инстинкта. Всякому извѣстно, что для коровы, кобылы и т. д. не послѣдуетъ ни малѣйшаго замѣтнаго вреда оттого, что хозяинъ пропуститъ время течки, не накрывъ ее быкомъ или жеребцомъ. Быки и жеребцы, хотя и приходятъ въ возбужденіе, почуявъ корову или кобылу, такъ что въ эти моменты съ ними труднѣе справиться, чѣмъ когда-либо, однако тоже не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ упадка здоровья или силы, если ихъ не допускаютъ къ случкѣ. У быковъ это случается, въ силу практическихъ основаній, рѣже, но изъ нашихъ жеребцовъ фактически лишь незначительная часть вообще допускается до случки съ кобылами, и мы видимъ, напримѣръ, что скаковыя лошади часто въ теченіе многихъ лѣтъ съ величайшимъ успѣхомъ продолжаютъ свою дѣятельность, требующую такого крайняго тѣлеснаго напряженія, оставаясь все это время безъ случки. Только послѣ того, какъ дѣятельность жеребца на скачкахъ закончилась, онъ употребляется иногда въ качествѣ племенного животнаго, при чемъ оказывается, что вынужденное цѣломудріе въ теченіе молодости, ничуть не ослабило его производительныхъ способностей.

Человѣческія отношенія оказываются настолько сложнѣе, что гораздо труднѣе разрѣшить вопросъ о вредныхъ послѣдствіяхъ полового воздержанія у людей. Во всякомъ случаѣ, мы прежде всего должны указать, что именно тотъ періодъ, въ которомъ половое побужденіе у самокъ животныхъ вообще только чуть пробуждается, а у женщины сказывается замѣтно сильнѣе, представляетъ для послѣдней періодъ воздержанія, согласно господствующимъ обычаямъ и предписаніямъ большинства религій; далѣе, что весьма значительное число дѣвушекъ, которымъ не представляется случая вступить въ бракъ, фактически остаются дѣвственными, и врачи, спеціально занимающіеся женскими болѣзнями, не указываютъ никакихъ вредныхъ послѣдствій этого цѣломудрія. Мы намѣренно отказываемся отъ ссылки на такія отношенія, при которыхъ предписывается цѣломудріе, но нельзя опредѣлить, насколько этотъ обѣтъ цѣломудрія соблюдается въ дѣйствительности, равно какъ остается неяснымъ, слѣдуетъ ли приписать тѣ или другія заболѣванія воздержанію или, наоборотъ, половымъ излишествамъ. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что люди въ цвѣтѣ лѣтъ и пышущіе здоровьемъ безъ всякаго вреда предпринимаютъ многолѣтнія экспедиціи въ пустынныя страны, особливо въ полярныя области, въ теченіе которыхъ имъ совершенно не представляется случаевъ для удовлетворенія полового побужденія; по крайней мѣрѣ, никогда не сообщалось о томъ, что кто-либо изъ участниковъ подобныхъ экспедицій пострадалъ вслѣдствіе воздержанія. Мало того, то обстоятельство, что многіе изъ этихъ людей вскорѣ послѣ возвращенія предпринимали новыя экспедиціи, повидимому, свидѣтельствуетъ о томъ, что отсутствіе половыхъ сношеній не причиняло особыхъ страданій. Вдобавокъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ лицами, которыя раньше имѣли половыя сношенія, что, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ болѣе труднымъ воздержаніе. Одного этого примѣра достаточно, чтобы показать, что для дѣйствительно здоровыхъ, нормальныхъ людей внѣбрачныя половыя отношенія отнюдь не необходимы. Надо, однако, сознаться, что въ сутолокѣ нашей современной цивилизаціи раздраженія полового побужденія такъ сильны и случаи къ его удовлетворенію такъ доступны, что врядъ ли внѣшнія

препятствія, какъ въ случаѣ съ полярными путешественниками, могутъ побудить отдѣльныхъ лицъ къ половому воздержанію, если у нихъ нѣтъ для этого внутреннихъ психологическихъ мотивовъ; надо также признать, что у значительнаго числа индивидуумовъ отчасти прирожденная конституція, отчасти вліянія воспитанія привели къ слабости нервовъ, при которой психологическіе мотивы просто не въ силахъ одолѣть половое побужденіе; наконецъ, вѣрно и то, что у отдѣльныхъ, уклоняющихся отъ нормы или болѣзненныхъ лицъ борьба между половымъ побужденіемъ и препятствующими ему представленіями приводитъ къ ущербу для здоровья.

Во всякомъ случаѣ, даже при нашихъ современныхъ учрежденіяхъ, отдѣльная личность въ состояніи устранить съ своего пути большую часть этихъ искусственныхъ раздраженій инстинкта, а, съ другой стороны ограничить его, при устройствѣ своей жизни, цѣлесообразными предѣлами. Съ этой точки зрѣнія глупо дѣйствуетъ тотъ, кто развлекается чтеніемъ поэтическихъ произведеній, изображающихъ половыя сношенія соблазнительными красками, въ особенности такихъ, которыя исходятъ изъ стоящаго въ противорѣчіи съ фактами предразсудка, будто страсть, неодолимо влекущая къ половымъ отношеніямъ, представляетъ нѣчто вполнѣ естественное даже для благородныхъ натуръ, и такимъ образомъ, путемъ внушенія, приводятъ читателя къ пессимистическому убѣжденію, что и онъ безсильная игрушка половыхъ страстей. Въ еще большей степени, чѣмъ относительно чтенія, это имѣетъ силу въ отношеніи театра, такъ какъ здѣсь предлагаемое зрѣнію, часто доходящее до полной иллюзіи изображеніе половыхъ страстей не только дѣйствуетъ непосредственно на половое побужденіе, но и оказываетъ особенно сильное вліяніе. Глупо дѣйствуетъ и тотъ, кто посѣщаетъ такія мѣста, гдѣ проституція выставляетъ на показъ свои болѣе или менѣе сомнительныя прелести, съ цѣлью уловленія мужчинъ (рис. 168). При этомъ наиболѣе опасенъ тотъ видъ проституціи, который прикрывается какой-либо иной, большею частью мнимо артистической дѣятельностью. Это относится въ особенности къ тѣмъ видамъ мимическаго или вокальнаго искусства, за которые „артистки“ не получаютъ ничего или такъ мало, что, очевидно, они служатъ только предлогомъ, почти не скрывающимъ дѣйствительной цѣли: предложенія оплачиваемыхъ половыхъ отношеній. Во многихъ городахъ служанки въ кафе и ресторанахъ должны привлекать посѣтителей соблазнительнымъ въ половомъ отношеніи поведеніемъ или даже сдѣлать проституцію своимъ ремесломъ. Кто ищетъ такихъ случайностей, хотя бы не изъ полового инстинкта, тому, разумѣется, нечего удивляться, если этотъ инстинктъ будетъ у него возбуждаться. Далѣе, къ числу предупредительныхъ средствъ, которыми отдѣльная личность во всякомъ случаѣ можетъ располагать, принадлежитъ воздержаніе отъ чрезмѣрнаго потребленія особенно сытныхъ блюдъ и возбуждающихъ напитковъ. Если очень модная въ настоящее время агитація особенно осуждаетъ въ этомъ отношеніи алкоголь, то, конечно, это большая односторонность. Именно, наши спиртные напитки, какъ и многіе другіе напитки, производятъ возбуждающее дѣйствіе, особливо на половой инстинктъ, только при потре-

бленіи ихъ въ незначительномъ количествѣ. При потребленіи въ большихъ количествахъ они подавляютъ его. Пиво даже содержитъ составную часть—хмѣль,—которой приписываютъ значительное подавляющее дѣйствіе на половое побужденіе. Но возбуждающими свойствами незначительныхъ количествъ алкоголя, которыя, какъ извѣстно, усиливаются вслѣдствіе прибавленія углекислоты въ пѣнящихся винахъ, обладаютъ, по меньшей мѣрѣ въ той же степени, и нѣкоторые другіе продукты потребленія, въ особенности шоколадъ, чай и кофе, также мясной бульонъ; мало того, объ этихъ средствахъ нельзя сказать, что при потребленіи въ большихъ количествахъ они оказываютъ наркотическое дѣйствіе, понижающее возбужденіе, какъ алкоголь. Правильная точка зрѣнія, стало быть, будетъ та, что всякій противодѣйствующій утомленію, возбуждающій нервы продуктъ потребленія можетъ, если обстоятельства направляютъ вниманіе именно на половыя отношенія, возбуждать половой инстинктъ, и такимъ образомъ умѣренность въ потребленіи подобныхъ средствъ, полезная и по другимъ соображеніямъ, можетъ быть рекомендована и съ этой точки зрѣнія.

Если избытокъ питанія возбуждаетъ половой инстинктъ, то уже отсюда слѣдуетъ, что напряженная тѣлесная дѣятельность противодѣйствуетъ ему. Въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не благопріятствуетъ половому инстинкту, какъ праздность, тогда какъ дѣятельное тѣлесное движеніе, въ особенности на чистомъ воздухѣ, усиливающемъ энергію дыханія, сдерживаетъ его. Съ этой точки зрѣнія очень полезны различные виды спорта, при чемъ однако надо имѣть въ виду, что при ѣздѣ верхомъ или на велосипедѣ сѣдло должно быть устроено такъ, чтобы всякое механическое раздраженіе половыхъ органовъ было исключено. Если при такомъ спортѣ сходятся молодые люди обоего пола, то и это можно считать только полезнымъ, такъ какъ именно при такихъ состязаніяхъ въ тѣлесныхъ играхъ и упражненіяхъ отношенія половъ принимаютъ характеръ простоты, не допускающей того, чтобы при взглядѣ на особу другого пола или при разговорѣ съ нею фантазія тотчасъ направлялась къ половымъ отношеніямъ. Разумѣется, и сношенія во время спорта могутъ приводить къ такимъ злоупотребленіямъ; дѣло каждаго отдѣльнаго лица стремиться къ тому, чтобы изъ соединенія молодыхъ людей съ цѣлями спорта были устранены такіе элементы, которые и сюда вносятъ половое вожделѣніе. Въ заключеніе можно также, ради полноты, упомянуть о томъ, что пребываніе въ постели должно ограничиваться временемъ дѣйствительнаго сна, и что необходимо строгое регулированіе пищеваренія, такъ какъ связанный съ закупориваніемъ кишекъ приливъ крови къ органамъ брюшной части тѣла также обусловливаетъ усиленіе полового побужденія. На томъ же основаніи нельзя признать раціональнымъ современный женскій костюмъ, поскольку онъ обусловливаетъ приливъ крови къ животу. Дѣло тутъ не только въ черезчуръ тѣсной шнуровкѣ корсета, какъ обыкновенно думаютъ. Корсетъ, надѣтый свободно, такъ что между нимъ и тѣломъ можно просунуть руку, все-таки чрезвычайно стѣсняетъ брюшное дыханіе. Если одинъ новѣйшій авторитетъ въ области заболѣваній органовъ дыханія усматриваетъ въ дыханіи верхней частью грудной

клѣтки, выражающемся въ такъ называемомъ „волненіи груди" у лицъ женскаго пола, естественный отличительный признакъ пола, то это — ошибка. Этотъ способъ дыханія является скорѣе дурной привычкой вслѣдствіе искусственнаго стѣсненія брюшного дыханія платьемъ, привычкой, отъ которой профессіональныя пѣвицы должны отдѣлаться, чтобъ достигнуть успѣха въ своемъ искусствѣ. Стѣсненіе брюшного дыханія также благопріятствуетъ застаиванію крови въ органахъ брюшной части тѣла со всѣми его вредными послѣдствіями.

Мы указали, что можетъ сдѣлать самъ индивидуумъ для обузданія своего полового побужденія. Что касается государства, то его первая задача — заботиться, насколько это въ его власти, о томъ, чтобы половое побужденіе, удовлетвореніе котораго посредствомъ брака отсрочивается на много лѣтъ позднѣе наступленія половой зрѣлости, не достигало такого болѣзненнаго преобладанія, которое почти принуждало бы молодежь къ внѣбрачнымъ половымъ отношеніямъ.

Рис. 168. Вечерняя прогулка.
Съ оригин. рисунка Эдм. Эделя.

Въ этомъ отношеніи надо прежде всего указать на совершенно превратныя понятія о достоинствѣ „стыдливости", господствующія въ нашихъ современныхъ учрежденіяхъ, организуемыхъ государствомъ, и развившіяся подъ вліяніемъ направленія мысли, которое само по себѣ нельзя не признать противоестественнымъ. Я имѣю въ виду прежде всего мнѣніе, будто голое человѣческое тѣло само по себѣ должно возбуждать половое побужденіе, почему изображеніе и созерцаніе его противны чувству здоровой стыдливости. Въ дѣйствительности вѣрно обратное. Легко убѣдиться — опытомъ или путемъ опроса достойныхъ довѣрія лицъ, — что въ тѣхъ жаркихъ странахъ, гдѣ населеніе даже публично ходитъ полураздѣтымъ, видъ голаго тѣла не вызываетъ чувственнаго возбужденія ни у одного изъ половъ. То же можно сказать

о тѣхъ профессіяхъ, представители которыхъ постоянно имѣютъ дѣло съ совершенно раздѣтыми лицами, при чемъ осматриваютъ ихъ не бѣгло, а чрезвычайно внимательно, какъ, напр., художники, скульпторы и врачи. Исключая морально развращенныхъ лицъ, нагота въ этихъ профессіяхъ вовсе не дѣйствуетъ на половое побужденіе. Оно возбуждается лишь въ томъ случаѣ, если заигрывающее поведеніе изображаемой особы наводитъ на мысль о половыхъ отношеніяхъ. Это можетъ случиться уже вслѣдствіе умышленнаго закутыванія или прикрыванія отдѣльныхъ частей тѣла, тѣсно связанныхъ съ половымъ общеніемъ. Такъ, у многихъ морально здоровыхъ людей именно фиговый листокъ на голыхъ статуяхъ въ нашихъ музеяхъ оскорбляетъ чувство стыдливости, такъ какъ привлекаетъ къ закрываемому имъ мѣсту вниманіе зрителя, которое иначе вовсе бы не остановилось на немъ, разъ что въ самой статуѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на половыя отношенія. Но и вполнѣ одѣтая фигура можетъ вызывать въ зрителѣ половыя представленія, если своими тѣлодвиженіями наводитъ на мысль о наготѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что простая нагота человѣческаго тѣла такъ же мало служитъ чувственнымъ цѣлямъ, какъ и простая одежда; тогда какъ особа, обнажающая часть тѣла, которую можно поставить въ связь съ половой дѣятельностью, съ цѣлью привлечь вниманіе зрителя именно къ этой части тѣла, возбуждаетъ и половыя представленія, особливо если своими тѣлодвиженіями подчеркиваетъ умышленность этого обнаженія. Именно это утонченное средство возбужденія полового влеченія пользуется, какъ извѣстно, самымъ широкимъ распространеніемъ въ современномъ культурномъ обществѣ. Правда, многія морально чистыя личности просто слѣдуютъ въ этомъ отношеніи предписаніямъ господствующей моды, безъ всякой задней мысли, но во всякомъ случаѣ изъ этой моды, въ особенности женской, вырастаютъ искусства, стремящіяся сдѣлать изъ смѣси закрытаго и обнаженнаго средство раздраженія полового инстинкта (рис. 169). Прозрачныя ткани, умышленная гладкость плотно прилегающаго платья на особенно сильно выдающихся частяхъ тѣла, приспособленіе одежды такимъ образомъ, что кажется, будто она вотъ-вотъ свалится съ обнаженныхъ плечей, и разныя другія подобныя же средства придумываются женщинами, которыя ставятъ свою гордость въ возбужденіи половой похоти, или ихъ профессіональными помощниками и помощницами, модными мастерами и мастерицами, и дѣйствуютъ въ этомъ смыслѣ даже при посредствѣ такихъ дѣвушекъ и женщинъ, которыя слѣдуютъ модѣ безъ всякихъ эротическихъ цѣлей, единственно изъ подражанія. Вдобавокъ это искусство одѣванія даетъ возможность поддѣлывать формы тѣла при помощи разныхъ суррогатовъ и вызывать иллюзію красоты, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Итакъ, если въ дѣйствительности возбужденіе полового влеченія повседневно практикуется при помощи полнаго или неполнаго одѣванія тѣла съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ посредствомъ изображенія совершенно нагого тѣла, то обязанность государства не оказывать никакихъ препятствій этому послѣднему, а напротивъ, пріучать молодежь съ раннихъ лѣтъ къ зрѣлищу неодѣтаго человѣческаго тѣла. Правда, трудно ска-

зать, въ какой степени это осуществимо, при нашихъ климатическихъ условіяхъ, въ отношеніи живого человѣческаго тѣла. Господствующіе нравы, естественно, не могутъ измѣниться по манію руки; сама по себѣ здравая мысль, что всего правильнѣе было бы предоставлять дѣтямъ обоего пола заниматься гимнастикой и играми по возможности безъ одежды, безъ сомнѣнія не скоро осуществится. Зато можно требовать, чтобъ дѣти съ малыхъ лѣтъ пріучались видѣть голое человѣческое тѣло на рисункахъ, картинахъ, скульптурныхъ произведеніяхъ, и чтобы наши общественныя мѣста какъ можно обильнѣе украшались такими произведеніями, разумѣется, безъ фиговыхъ листковъ. Такимъ образомъ мы придемъ наконецъ къ тому, что видъ голой особы другого пола не будетъ казаться человѣку чѣмъ-то неприличнымъ или раздражающимъ половой инстинктъ. Само собою разумѣется, въ позахъ и жестахъ тѣла въ этихъ произведеніяхъ не должно заключаться ни малѣйшаго намека на половыя отношенія, ни стыдливо прикрытаго, ни кокетливо привлекающаго вниманіе, и если я требую полнѣйшей свободы въ изображеніи наготы, то, съ другой стороны, считаю необходимой крайнюю строгость въ отношеніи публичнаго изображенія половыхъ отношеній. Я не отрицаю, что половыя отношенія тоже фактъ естественный и слѣдовательно могутъ быть темой искусства. Я согласенъ даже съ тѣмъ, что искусство именно въ этой области можетъ выполнять и должно выполнять свою задачу: облагороживать въ своихъ произведеніяхъ естественныя состоянія и процессы. Но я того мнѣнія, что, дѣлая это, оно не должно навязываться вниманію тѣхъ, въ чьихъ интересахъ, при данныхъ обстоятельствахъ, держаться въ сторонѣ отъ такихъ вліяній. Если, стало быть, изображенія, способныя оказывать возбуждающее дѣйствіе въ половомъ отношеніи, допускаются государствомъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они бросаются въ глаза всякому, кто ихъ не ищетъ, то я нахожу это неправильнымъ. Я думаю, что тѣ, кто обвиняетъ государство въ лицемѣрной стыдливости, если оно требуетъ удаленія подобныхъ изображеній съ витринъ и т. п., неправы; можетъ быть, впрочемъ, это объясняется тѣмъ, что въ разумность побудительныхъ мотивовъ властей никто не вѣритъ, въ виду ихъ вообще нелѣпаго вмѣшательства въ искусство.

Рис. 169.
Дама парижскаго кафешантана.

Чрезвычайно трудный вопросъ, какъ быть въ этомъ отношеніи съ нашими собраніями произведеній искусства. Въ высшей сте-

пени желательно, чтобы наша молодежь знакомилась съ произведеніями великихъ мастеровъ прошлыхъ временъ и настоящей эпохи. Но, какъ бы мы ни относились собственно къ изображенію нагого тѣла, мы не можемъ не видѣть, что среди безцѣнныхъ произведеній искусства не мало найдется такихъ, которыя не только изображаютъ половыя отношенія, но и трактуютъ ихъ такъ, чтобы непосредственно дѣйствовать на половое побужденіе. Собирать такія произведенія въ особыхъ залахъ, недоступныхъ для юношества, было бы въ извѣстномъ смыслѣ варварствомъ, такъ какъ, въ концѣ концовъ, наши собранія произведеній искусства должны служить не воспитанію юношества, а искусству, а потому произведенія должны въ нихъ размѣщаться не по сюжетамъ, а по характеру исполненія, т. е. по мастерамъ, школамъ, техникѣ, эпохамъ искусства. Трудно найти удовлетворительный выходъ изъ этой дилеммы.

Почти также затруднителенъ вопросъ о сценическомъ искусствѣ. Мы можемъ признавать это состояніе нездоровымъ,— но фактъ тотъ, что половой вопросъ до такой степени господствуетъ въ нашемъ современномъ культурномъ мірѣ, что, само собою разумѣется, долженъ быть предметомъ драматическаго искусства. Но нельзя отрицать, что именно въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя имѣютъ высокое художественное достоинство и представляютъ благодарнѣйшій матеріалъ для актера, сужденія авторовъ о половыхъ вопросахъ ошибочны и иногда положительно опасны. Имѣя въ виду особенно сильное дѣйствіе драматическаго искусства, безспорно слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что неспособная къ самостоятельной критикѣ толпа, и главнымъ образомъ молодежь, ломится именно на такія пьесы. Но я знаю, что вмѣшательство государства съ цѣлью устраненія подобныхъ представленій возбудитъ всеобщее недовольство, такъ какъ приведетъ къ устраненію многихъ, въ художественномъ отношеніи очень цѣнныхъ, произведеній, да сверхъ того распространится и на безупречныя въ моральномъ отношеніи пьесы, въ виду неспособности власти разбираться въ подобныхъ вещахъ; поэтому я считаю возможнымъ ожидать улучшенія этого состоянія лишь отъ постепеннаго измѣненія взглядовъ публики. Во всякомъ случаѣ, остается еще вопросъ, въ правѣ ли и обязано ли государство запрещать лицамъ, еще находящимся въ стадіи физическаго развитія, посѣщеніе такихъ театровъ, гдѣ половой вопросъ трактуется съ цѣлью возбуждать похоть.

Такія же затрудненія представляетъ вопросъ о распространеніи книгъ для чтенія. И здѣсь стремленіе ограничивать распространеніе или совершенно уничтожать произведенія, трактующія о половомъ вопросѣ съ такими пріемами, которые дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ на половой инстинктъ, привело къ невыносимой опекѣ надъ публикой. Съ другой стороны естественны жалобы, что подобныя произведенія во множествѣ читаются незрѣлой молодежью съ цѣлью полового возбужденія, и что результатомъ этого являются всѣ тѣ нерадостныя послѣдствія, которыя охарактеризованы нами выше. Съ этой точки зрѣнія вмѣшательство государства съ цѣлью воспрещенія публичнаго восхваленія такихъ произведеній, если оно умышленно подчеркиваетъ ихъ интересъ въ смыслѣ возбужденія полового ин-

стинкта, а также ограниченія продажи подобныхъ книгъ несовершеннолѣтнимъ, не кажется нецѣлесообразнымъ. Во всякомъ случаѣ противъ этого можно возразить, что цѣль подобныхъ запрещеній, какъ показалъ опытъ, никогда не достигается, такъ какъ распространители этого рода произведеній всегда находятъ пути и средства уклониться отъ контроля, а также и потому, что запрещенія со стороны государства только подстрекаютъ любопытство и потому скорѣе способствуютъ, чѣмъ препятствуютъ распространенію.

Въ виду всѣхъ этихъ затрудненій приходится спросить себя, не будетъ ли всего правильнѣе со стороны государства отказаться отъ опеки надъ публикой, хотя бы юной, и искать другихъ средствъ. По существу дѣла вся эта атмосфера чрезмѣрной чувственности, въ которой выросли упомянутыя произведенія искусства и которую они въ свою очередь распространяютъ вокругъ себя, представляетъ нѣчто противоестественное, что должно возбуждать отвращеніе въ здоровомъ человѣкѣ, получившемъ здоровое воспитаніе. Поэтому представляется возможнымъ, посредствомъ дѣйствительно здороваго воспитанія нашего юношества, добиться съ теченіемъ времени того, что все это искусство будетъ отвергнуто, какъ нѣчто въ полномъ смыслѣ слова искусственное, и потеряетъ свою прелесть въ глазахъ культурнаго человѣчества. Прежде всего, по нашему мнѣнію, ребенка нужно воспитывать такъ, чтобы онъ, уже въ то время, когда о пробужденіи полового влеченія не можетъ быть и рѣчи, имѣлъ понятіе о естественныхъ половыхъ отношеніяхъ и процессахъ. Если начать съ объясненія этихъ отношеній у простѣйшихъ растительныхъ и животныхъ формъ, затѣмъ объяснить эти процессы у высшихъ растеній, гдѣ они являются для насъ чисто механическими, не касаясь пока животныхъ, и связать все это съ простымъ объясненіемъ остальныхъ тѣлесныхъ процессовъ, то рѣшительно не видно, какимъ образомъ это можетъ нанести какой-либо ущербъ чувствамъ ребенка. Если даже затѣмъ присоединить сюда объясненіе процессовъ совокупленія у высшихъ животныхъ, то и въ томъ нѣтъ ничего опаснаго, тѣмъ болѣе, что нельзя помѣшать ребенку случайно наблюдать эти процессы у нашихъ домашнихъ животныхъ. Но всякій безпристрастно судящій человѣкъ долженъ сознаться, что эти процессы сами по себѣ, оставляя въ сторонѣ предшествующую имъ любовную игру и борьбу, такъ некрасивы, что зрѣлище ихъ можетъ вызывать половое возбужденіе только у лицъ съ болѣзненными наклонностями. Можно даже пойти дальше и высказать мнѣніе, что зрѣлище половыхъ отношеній у животныхъ должно отрезвлять и отталкивать и, слѣдовательно, подавлять половое побужденіе зрителя, если онъ еще не сбитъ съ толку всевозможными противоестественными вліяніями. Въ пользу такихъ вліяній какъ нельзя успѣшнѣе дѣйствуетъ практикуемое въ нашемъ современномъ воспитаніи тщательное скрываніе этого предмета. Любопытство ребенка подстрекается въ высшей степени, онъ старается разузнать объ этомъ у старшихъ товарищей, у прислуги и въ худшихъ произведеніяхъ литературы, и такимъ образомъ не только вводится въ заблужденіе, но и совершенно теряетъ ту простоту, которая соста-

вляетъ его лучшую защиту противъ соблазняющаго возбужденія полового инстинкта.

Еще далѣе заходитъ вредное дѣйствіе этой нелѣпой скрытности, отнимая у учителя случаи, которыми онъ могъ бы воспользоваться съ отличнымъ успѣхомъ, случаи съ своей стороны повліять на душу ребенка, усиливая ея устойчивость противъ полового раздраженія; такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что у каждаго человѣка и тѣмъ болѣе у ребенка можно преодолѣвать всякое раздраженіе посредствомъ соотвѣтственнаго противораздраженія и даже заранѣе значительно повышать способность сопротивленія извѣстнымъ раздраженіямъ. Отказываться отъ этого средства, которое могло бы оказаться такимъ благотворнымъ для нашего юношества, одна изъ величайшихъ ошибокъ нашего современнаго воспитанія. Мы убѣждены, что посредствомъ простого, откровеннаго объясненія половыхъ отношеній, цѣль котораго, разумѣется, не нужно сообщать ребенку, можно значительно понизить, въ интересахъ нашего юношества, роль полового вопроса и снова поставить его на мѣсто, соотвѣтствующее его важности, или, точнѣе сказать, неважности сравнительно со многими другими вопросами, возникающими передъ молодыми людьми, когда они вступаютъ въ жизнь.

Рука объ руку съ этими мѣропріятіями государства можетъ, по нашему мнѣнію, идти строгое преслѣдованіе профессіональной проституціи. Пока медицинская наука считала возможнымъ существенно уменьшить распространеніе половыхъ болѣзней посредствомъ полицейскаго и врачебнаго контроля надъ профессіональными проститутками, до тѣхъ поръ покровительство проституціи, которое до извѣстной степени оказывается государствомъ, какъ бы оно ни возмущало моральное чувство, имѣло за себя хоть кажущіяся основанія практической цѣлесообразности. Теперь объ этомъ и рѣчи не можетъ быть, такъ какъ изъ нашихъ свѣдѣній объ этихъ болѣзняхъ и ихъ излѣченіи съ достовѣрностью вытекаетъ теоретическій выводъ, что всѣ наши мѣры контроля могутъ уменьшить опасность заболѣванія развѣ на нѣсколько процентовъ, а съ другой стороны, практическій опытъ показываетъ намъ, что цифра заболѣванія зависитъ вовсе не отъ большей или меньшей строгости надзора за профессіональной проституціей въ томъ или другомъ городѣ или той или другой странѣ, а только отъ того, въ какой степени гигіеническія учрежденія и привычки публики облегчаютъ быстрое и раціональное пользованіе и лѣченіе этихъ болѣзней. Опасеніе, что въ случаѣ устраненія профессіональной проституціи половой инстинктъ мужской молодежи приведетъ къ тому, что большее число женъ и дочерей почтенныхъ семействъ будетъ соблазнено, тоже притянуто за волосы. Поскольку эти женщины и дѣвушки доступны соблазнителю, послѣдній и теперь предпочитаетъ ихъ проституткамъ, частью потому, что это больше льститъ его тщеславію, частью потому, что это не причиняетъ расходовъ. Доступность же женщинъ и дѣвушекъ изъ почтенныхъ семей вообще зависитъ не отъ большаго или меньшаго числа тѣхъ, въ интересѣ которыхъ лишить ихъ этой почтенности, а отъ нравовъ, господствующихъ въ семьѣ, и отъ вліянія окружающей среды и окружающихъ примѣровъ.

Само собою разумѣется, что безпрепятственное, терпимое государствомъ, а вслѣдствіе того и обществомъ, какъ нѣчто вполнѣ естественное, существованіе элегантной проституціи и появленіе мужчинъ изъ такъ называемаго хорошаго общества съ дамами этого класса въ публичныхъ мѣстахъ, приводитъ лишь къ тому, что женщины и дѣвушки почтенныхъ семей начинаютъ относиться болѣе снисходительно, менѣе строго къ общественнымъ послѣдствіямъ внѣбрачныхъ отношеній. Мы, слѣдовательно, того мнѣнія, что терпимость государства по отношенію къ проституціи не охраняетъ почтенную семью, а напротивъ грозитъ ей опасностью.

Наконецъ, въ виду того обстоятельства, что всѣ принимаемыя въ настоящее время и возможныя въ будущемъ мѣропріятія государства оказываются недостаточными, чтобы вполнѣ подчинить половой инстинктъ власти разсудка, мы должны признать необходимымъ также пониженіе средняго возраста вступленія въ бракъ, то есть преобразованіе относящихся сюда законовъ въ томъ смыслѣ, чтобы лицо, достигшее половой зрѣлости и вполнѣ развитое физически, могло при нормальныхъ условіяхъ заключать бракъ немедленно или послѣ непродолжительнаго періода воздержанія.

Мы уже указали на то, что откладываніе брака на дальній срокъ объясняется, главнымъ образомъ, повышенными требованіями насчетъ образованія молодого человѣка. Это обстоятельство неустранимо; быть можетъ его вредныя стороны будутъ даже усиливаться вслѣдствіе возрастающихъ требованій борьбы за существованіе. Но само государство подаетъ въ этомъ отношеніи дурной примѣръ частнымъ предпринимателямъ, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ или вовсе не платитъ поступающимъ на службу или выдаетъ имъ жалованье, далеко не достаточное для содержанія семьи, хотя бы ихъ образованіе уже давало имъ возможность оказывать ему цѣнныя услуги. Съ точки зрѣнія интересовъ государства, для него такъ важно избавить своихъ служащихъ, на которыхъ ему приходится опираться въ трудныхъ обстоятельствахъ, отъ гибельныхъ для здоровья, понижающихъ работоспособность и часто убивающихъ сознаніе долга внѣбрачныхъ отношеній, что ему слѣдовало бы преодолѣть всѣ финансовыя затрудненія, чтобы облегчить своимъ служащимъ раннее вступленіе въ бракъ и основаніе семьи. Во всякомъ случаѣ, совершенно нераціоналенъ пріемъ постепеннаго увеличенія жалованья въ такихъ границахъ, какія приняты нынѣ. Совершенно нераціонально выдавать чиновнику, достигшему пятидесятилѣтняго возраста и съ тѣмъ вмѣстѣ вліятельнаго и почетнаго положенія, содержаніе, впятеро и вдесятеро бóльшее того, которое онъ получалъ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, такъ какъ издержки на содержаніе семьи, соотвѣтствующее требованіямъ гигіены, для пятидесятилѣтняго отца семейства не выше, чѣмъ для тридцатилѣтняго, а доставлять первому возможность болѣе роскошнаго образа жизни не въ интересахъ государства, такъ какъ матеріальныя приманки вообще не должны служить стимуломъ для соревнованія служащихъ.

Кромѣ уравненія жалованья и окладовъ въ пользу младшихъ служащихъ желательно безплатное обученіе дѣтей или,

по крайней мѣрѣ, пониженіе платы за ученіе, такъ какъ, независимо отъ другихъ, вытекающихъ отсюда выгодъ, этимъ существенно облегчится вступленіе въ бракъ и, слѣдовательно, въ среднемъ существенно понизится возрастъ вступленія въ бракъ.

Кромѣ этихъ реформъ, цѣль которыхъ съ одной стороны помѣшать чрезмѣрному раздраженію полового инстинкта, съ другой сдѣлать доступнымъ его возможно раннее удовлетвореніе въ бракѣ, требуются, конечно, и мѣропріятія, направленныя къ уменьшенію зла, вытекающаго изъ внѣбрачныхъ половыхъ отношеній, которыя во всякомъ случаѣ будутъ существовать, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ.

Мы уже показали, что терпимость къ публичнымъ домамъ только содѣйствуетъ распространенію половыхъ болѣзней, такъ какъ въ нихъ одна и та же проститутка имѣетъ дѣло съ гораздо большимъ числомъ посѣтителей, чѣмъ если она занимается своимъ ремесломъ за свой собственный счетъ и страхъ. Бѣглый врачебный осмотръ, разъ или два въ недѣлю, не уравновѣшиваетъ этой разницы. Во всякомъ случаѣ въ интересахъ государства организовать врачебный надзоръ какъ можно дѣйствительнѣе. Всего вѣрнѣе оно добьется этого, если само будетъ платить достаточному числу врачей съ тѣмъ, чтобы они установили ежедневные часы безплатнаго осмотра и лѣченія тѣхъ проститутокъ, которыя добровольно обратятся къ нимъ за совѣтомъ и помощью. Въ высшей степени вѣроятно, что тѣ проститутки, которыя всячески стараются уклониться отъ теперешняго принудительнаго осмотра, охотно и часто будутъ пользоваться возможностью добровольнаго и безконтрольнаго обращенія къ врачебной помощи. Не трудно убѣдиться, что проститутки, располагающія хорошими средствами, отнюдь не боятся на свой счетъ приглашать врача при малѣйшихъ подозрительныхъ признакахъ; часто даже у такихъ особъ наблюдается ипохондрическая боязнь зараженія, заставляющая ихъ обращаться ко врачамъ безъ всякаго дѣйствительнаго повода къ опасенію.

Въ высшей степени благотворная реформа уже осуществляется у насъ, поскольку наши большіе госпитали, раньше отказывавшіе въ пріемѣ больнымъ половыми болѣзнями на томъ основаніи, что они сами виноваты въ этихъ заболѣваніяхъ, теперь начинаютъ принимать ихъ. Государство и городскія управленія съ своей стороны должны настаивать на томъ, чтобы доступъ этого рода больнымъ въ госпитали былъ елико возможно обезпеченъ посредствомъ безплатнаго содержанія неимущихъ или отсрочки платежа бѣднымъ, также посредствомъ болѣе комфортабельнаго устройства самихъ госпиталей, предоставленія больнымъ возможности развлекаться, поскольку это не противорѣчитъ цѣлямъ лѣченія, и благожелательнаго отношенія къ нимъ со стороны служебнаго персонала. Если даже явленія болѣзни не такъ тяжелы, чтобы требовать помѣщенія больного въ госпиталь, то послѣднее все же полезно, въ томъ отношеніи, что больной, во время своего пребыванія въ госпиталѣ, безвреденъ для другихъ и не можетъ содѣйствовать распространенію своего недуга.

Въ видахъ противодѣйствія этому распространенію слѣдовало бы также энергичнѣе, чѣмъ это дѣлается теперь, преслѣдовать и наказывать лицъ, которыя завѣдомо для себя передали

свою болѣзнь другому лицу. Современное законодательство хотя и допускаетъ это, но обставляетъ такими ограниченіями, что законъ остается практически почти недѣйствительнымъ. Можно бы было гораздо чаще привлекать къ отвѣтственности больныхъ, если бъ всякій врачъ былъ обязанъ выдать больному половой болѣзнью, обратившемуся къ нему за совѣтомъ, печатный листокъ съ правилами, которыхъ онъ долженъ придерживаться, чтобъ не заразить своихъ ближнихъ, и съ указаніемъ на то, что какъ брачныя, такъ и внѣбрачныя половыя отношенія воспрещаются ему закономъ, пока онъ не получитъ врачебнаго удостовѣренія о выздоровленіи. Эта мѣра будетъ еще дѣйствительнѣе, если одновременно съ уголовной отвѣтственностью предоставить пострадавшему право гражданскаго иска, о чемъ больной тоже предупреждается въ упомянутомъ печатномъ листкѣ. Въ качествѣ дополнительной мѣры можетъ быть публикуемо время отъ времени властями оффиціальное предостереженіе, съ указаніемъ на уголовныя и гражданскія послѣдствія сознательнаго переноса половыхъ болѣзней.

Наконецъ, наши законы должны спеціально принять подъ свою защиту замужнихъ женщинъ, заразившихся половой болѣзнью по винѣ мужа. Въ этомъ случаѣ недостаточно предоставить женѣ право развода, но, имѣя въ виду, что послѣдствіемъ зараженія является продолжительная или даже пожизненная болѣзнь и почти полная невозможность вторично выйти замужъ, необходимо установить закономъ солидное матеріальное вознагражденіе, выдаваемое разведенной женѣ виновнымъ мужемъ.

Кромѣ распространенія болѣзней благодаря внѣбрачнымъ половымъ отношеніямъ, мы уже упоминали, въ качествѣ вредныхъ послѣдствій этихъ отношеній, о безпризорности внѣбрачныхъ дѣтей и широкомъ распространеніи вытравленія плода, практикуемомъ безъ примѣненія необходимыхъ мѣръ предосторожности.

Вопросъ о наказуемости вытравленія плода представляетъ чрезвычайно трудную проблему. Если, съ одной стороны, государство исходитъ изъ воззрѣнія, что всякая человѣческая жизнь, хотя бы въ утробѣ матери, находится подъ охраной закона, то воззрѣніе это легко можетъ привести къ черезчуръ крайнимъ, наконецъ даже безсмысленнымъ выводамъ, такъ какъ въ концѣ концовъ и яйцевая клѣточка живое существо, и на этомъ основаніи можно, пожалуй, утверждать, что государство должно защищать ее отъ гибели, которая неминуемо грозитъ ей, если она останется неоплодотворенной.

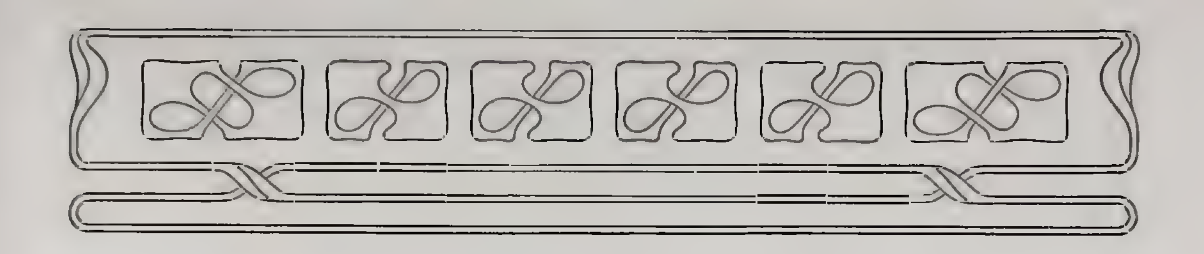
Такія и подобныя соображенія привели къ установленію искусственной границы, за которой плодъ въ материнскомъ тѣлѣ признается существомъ, имѣющимъ право на защиту со стороны закона. Католическая церковь утверждаетъ, что зародышъ женскаго пола получаетъ душу на сороковой день беременности, а мужского на пятидесятый, такъ что до этого срока убійство плода въ материнской утробѣ должно быть ненаказуемо.

Но и съ чисто практической точки зрѣнія можно поставить вопросъ, не слѣдуетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, предпочесть удаленіе плода изъ матки въ теченіе первыхъ пяти или шести недѣль

беременности, въ случаяхъ внѣбрачнаго зачатія, тѣмъ вреднымъ послѣдствіямъ, къ которымъ приводитъ защита со стороны государства этого, находящагося еще на первыхъ стадіяхъ развитія, зародыша. Эти вредныя послѣдствія: невозможность для матери продолжать свою профессіональную дѣятельность, которая, быть можетъ, позволила бы ей прилично устроиться; изгнаніе изъ семьи и, можетъ быть, изъ приличнаго общества, такъ часто слѣдующее за внѣбрачнымъ материнствомъ; тяжелыя матеріальныя бѣдствія; часто обращеніе къ преступнымъ вытравливательницамъ плода и, какъ послѣдствіе этого, матеріальное разореніе, тяжелый недугъ, смерть; въ другихъ случаяхъ поступки отчаянія, самоубійство и дѣтоубійство; если же внѣбрачный ребенокъ явится на свѣтъ, — его безпризорность тѣлесная и духовная, появленіе новаго кандидата въ преступники; а если исключительная сила характера матери и внѣбрачнаго ребенка окажутся достаточными для бодрой борьбы за существованіе, — крайне тяжелое положеніе послѣдняго въ обществѣ, связанное съ безчисленными неудачами и разочарованіями.

Если общее правовое воззрѣніе или законодатель не могутъ рѣшиться на измѣненіе тѣхъ опредѣленій, въ силу которыхъ вытравленіе плода наказуемо при всякихъ обстоятельствахъ, то, по крайней мѣрѣ, нужно всячески стремиться къ тому, чтобы существующія постановленія не причиняли обществу вреда вмѣсто пользы. Одна изъ вредныхъ сторонъ нашего дѣйствующаго законодательства можетъ быть устранена только реформой послѣдняго въ томъ смыслѣ, что мать, виновная въ вытравленіи плода, остается безнаказанной, а отвѣтственности подвергаются лишь тѣ лица, которыя производили вытравленіе. Это даетъ возможность матери или, если смерть или болѣзнь помѣшаютъ ей, мужу, отцу или другому ея представителю преслѣдовать судебнымъ порядкомъ лицъ, производившихъ вытравленіе, не опасаясь отвѣтственности за соучастіе.

Таковы, по нашему мнѣнію, тѣ мѣры, съ помощью которыхъ государство можетъ до нѣкоторой степени уменьшить опасности внѣбрачныхъ половыхъ отношеній. Какъ видимъ, онѣ отнюдь не достаточны, и единственнымъ надежнымъ средствомъ противъ гибельныхъ, какъ для индивидуума, такъ и для общества, послѣдствій внѣбрачныхъ половыхъ отношеній остается отказъ отъ нихъ.



Глава десятая.

Кокотки и куртизанки.

Привать-доцента д-ра мед. и фил. Вилли Гельпаха въ Карлсруэ.

Мужчина и женщина отличаются другъ отъ друга не только по строенію половыхъ органовъ. Вся совокупность тѣлесныхъ свойствъ здоровой и вполнѣ развитой женщины существенно отличается отъ совокупности тѣлесныхъ свойствъ здороваго и развитого мужчины, а многія отдѣльныя черты еще усиливаютъ это впечатлѣніе.

Наука называетъ эти проявленія пола въ свойствахъ, не относящихся непосредственно къ половой дѣятельности, „вторичными половыми признаками", и говоритъ намъ, что сюда принадлежатъ также различія въ душевной жизни мужчины и женщины. Къ числу душевныхъ особенностей мужчины причисляютъ также характеръ его полового побужденія. Что половое побужденіе у женщины имѣетъ иной характеръ, чѣмъ у мужчины, слѣдуетъ уже изъ материнской роли женщины; все то, что мы подразумѣваемъ подъ материнскимъ чувствомъ, естественно отсутствуетъ у мужчины; а что отцовское чувство не одинаково съ материнскимъ, на то указываютъ опять таки простые факты: самое кратковременное участіе отца въ воспроизведеніи, тогда какъ мать въ теченіе всего періода беременности, родовъ и кормленія грудью остается въ тѣснѣйшей связи съ ребенкомъ и переживаетъ бездну страданій и радостей. И въ самомъ дѣлѣ, изученіе душевной жизни подтверждаетъ, что половое побужденіе и непосредственно съ нимъ связанныя переживанія во всѣ времена имѣли для мужчины совершенно иное значеніе, чѣмъ для женщины. Въ короткихъ словахъ эту разницу можно выразить такъ: у женщины половое чувство, вожделѣніе и удовлетвореніе гораздо тѣснѣе связаны съ общимъ состояніемъ души въ остальныхъ отношеніяхъ, со всѣми другими желаніями, надеждами, разочарованіями, склонностями, гораздо тѣснѣе переплетаются съ ея личностью вообще, съ чувствами и характеромъ; у мужчины же они въ гораздо большей степени образуютъ особый отдѣлъ душевной жизни, гораздо легче вытѣсняются на время другими интересами, и въ свою очередь, опять таки на время, вытѣсняютъ все остальное, не вступая, однако, въ тѣсную связь съ этой остальной душевной жизнью.

Это душевное различіе должно было играть важную культурно-историческую роль, когда развитіе въ какомъ-нибудь пунктѣ доходило до установленія одинаковыхъ внѣшнихъ

условій для половой жизни мужчины и женщины. Пока половая жизнь въ человѣческомъ обществѣ сохраняла характеръ безпорядочнаго общенія мужчинъ и женщинъ (при чемъ происхожденіе потомства естественно должно было считаться по матери, такъ какъ отца нельзя было установить), до тѣхъ поръ мужчина могъ находить соотвѣтственное удовлетвореніе своимъ быстро смѣняющимся вожделѣніямъ путемъ ухаживанія или насилія. Но тамъ, гдѣ преобразованіе хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній, въ связи съ измѣненіемъ обычаевъ и религіозныхъ представленій, приводило къ установленію союза одного мужчины съ одной женщиной, то есть къ единобрачію или моногаміи, тамъ половой характеръ мужчины неминуемо побуждалъ его къ попыткамъ разорвать эти рамки. Не говоря уже о вынужденномъ воздержаніи, которое налагалось на мужчину беременностью жены и кормленіемъ ребенка, сказывалась и полигамическая, какъ выражаются нынѣ, натура мужчины: стремленіе къ удовлетворенію полового влеченія на томъ самомъ объектѣ, который это влеченіе возбуждалъ, не взирая на другія, быть можетъ противодѣйствующія этому влеченію, впечатлѣнія. Законодательство, которое у всѣхъ почти народовъ рано или поздно приходило къ сознанію необходимости хорошаго потомства и слѣдовательно обязанности защищать это потомство отъ повреждении, еще болѣе обострило тяжелое положеніе мужчины, окруживъ спеціальными предохранительными мѣрами дѣло воспроизведенія и вообще тѣлесную органическую дѣятельность женщины, напримѣръ запрещая совокупленіе во время менструацій, въ теченіе извѣстной части періода беременности и въ теченіе нѣкотораго времени послѣ родовъ. При такихъ обстоятельствахъ должна была развиться особая форма любовной жизни, существовавшая наряду съ бракомъ, но предназначенная не для произведенія потомства, а исключительно для удовлетворенія мужского полового вожделѣнія. Куда бы мы ни оглянулись, всюду за единобрачіемъ слѣдуетъ, какъ его тѣнь, внѣбрачная любовная связь, которую создаетъ и организуетъ исключительно спросъ со стороны мужчины на этотъ предметъ роскоши. Предложеніе, удовлетворяющее этотъ спросъ, въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ принимало различный характеръ и носило различныя имена. Двѣ спеціальныя формы этого предложенія представляютъ к о к о т к и и к у р т и з а н к и (или м е т р е с с ы).

Понятіе, соотвѣтствующее этимъ двумъ названіямъ, такъ же неясно ограничено, какъ понятіе проституціи, къ которой принадлежатъ кокотки и, по крайней мѣрѣ примыкаютъ, куртизанки. Не можетъ быть и рѣчи, конечно, о признаніи всякой любовной половой дѣятельности женщины внѣ брака или даже внѣ единобрачія за проституцію; и если въ полунаучныхъ сочиненіяхъ говорится иногда, что человѣческій бракъ начался проституціей, то есть безпорядочнымъ половымъ общеніемъ всѣхъ со всѣми или насильственнымъ принужденіемъ женщины къ исполненію желаній мужчины, то этотъ способъ выраженія безусловно слѣдуетъ отвергнуть. Насиліе еще и въ бракѣ играетъ большую роль, оно и теперь сказывается въ обѣтѣ брачнаго послушанія, въ понятіи о брачной обязанности; а половыя отношенія женщины, не ограничивающіяся однимъ мужчиной, тѣмъ

менѣе могутъ быть названы проституціей, что понятіе это въ высшей степени неопредѣленное. Въ своемъ ходячемъ значеніи, давно укоренившемся и потому заслуживающемъ сохраненія, это слово указываетъ не только на способъ, но и на побудительныя причины половыхъ отношеній, то есть на способъ и побудительныя причины вступленія женщины въ половое общеніе съ мужчиной. Способъ — внѣбрачный, при чемъ совершенно безразлично, усматривается ли цѣль брака главнымъ образомъ въ воспроизведеніи или въ хозяйственномъ, общественномъ и духовномъ союзѣ; побудительныя причины — пріобрѣтеніе денегъ. Итакъ, содержаніе проституціи — внѣбрачныя половыя отношенія съ цѣлью добыванія денегъ.

Разумѣется, о культурѣ можно сказать то же, что великій изслѣдователь и философъ Лейбницъ установилъ относительно природы: она также не дѣлаетъ скачковъ. Между проституціей и непроституціей существуютъ переходы, промежуточныя формы, и часто бываетъ трудно, даже невозможно, отнести эти промежуточныя формы въ ту или другую группу. Бракъ именно со стороны женщины можетъ быть вызванъ такими мотивами, которые по меньшей мѣрѣ очень близко стоятъ къ матеріальной выгодѣ, и можетъ принимать при такихъ условіяхъ форму, которая очень мало отличается отъ простой связи съ куртизанкой. Но если въ политическихъ статьяхъ бракъ часто характеризуется какъ замаскированная проституція, на томъ основаніи, что при его заключеніи разсудочныя соображенія и чисто матеріальные разсчеты часто имѣютъ больше значенія, чѣмъ склонность и вообще сердечные мотивы, то это, во-первыхъ, несостоятельное обобщеніе, вытекающее изъ незнанія дѣла, а во-вторыхъ, если бы даже эти утвержденія соотвѣтствовали дѣйствительности, то они еще не составляютъ признаковъ проституціи. Невозможно называть проституціей такія отношенія, при которыхъ жена приноситъ мужу деньги и половое удовлетвореніе, получая въ обмѣнъ идеальныя выгоды, каковы положеніе домохозяйки, соціальное положеніе, независимость отъ собственной семьи и главнымъ образомъ материнство и материнское достоинство. Такіе браки, въ которыхъ жена уважаетъ въ мужѣ обладателя соціальнаго положенія и отца дѣтей, вовсе не оказываются, какъ показалъ опытъ, менѣе счастливыми и менѣе достойными, чѣмъ средній бракъ въ рабочемъ классѣ, являющійся результатомъ, продиктованнымъ привычкой или обязанностью, половой страсти, дающей начало новой жизни, но часто очень быстро угасающей. Съ другой стороны нельзя отрицать, что отношенія между мужемъ и женой, вначалѣ казавшіяся очень близкими къ проституціи, иногда въ дальнѣйшемъ теченіи все болѣе и болѣе приближаются къ браку, независимо отъ того, переходятъ ли они подъ конецъ въ формальный бракъ или нѣтъ. При всемъ томъ, можно признавать существованіе всѣхъ этихъ переходныхъ формъ между бракомъ и проституціей и тѣмъ не менѣе придерживаться вышеустановленнаго понятія о проституціи. Въ дѣйствительности врядъ ли можно найти опредѣленныя границы, но наука должна ихъ устанавливать, такъ какъ ея первая предпосылка — извѣстный порядокъ въ изслѣдуемой дѣйствительности. Мы раздѣляемъ растеніе и животное, хотя намъ извѣстно, что

они связаны незамѣтными переходами при посредствѣ царства протистовъ, которыхъ съ такимъ же правомъ можно назвать животными, какъ и растеніями; мы раздѣляемъ здоровье и болѣзнь, хотя знаемъ, что они неразрывно связаны при посредствѣ ненормальностей. Съ такимъ же правомъ мы различаемъ бракъ и проституцію, какъ двѣ противоположныя формы половыхъ отношеній, развившіяся въ человѣческой культурѣ; что бы ни представлялъ изъ себя бракъ, но проституція есть внѣбрачное предложеніе половыхъ наслажденій въ цѣляхъ добыванія матеріальныхъ средствъ. Въ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ при этомъ объ откровенной денежной платѣ за половыя отношенія. Но оплата можетъ принимать и болѣе замаскированный видъ и форму; и характернымъ остается лишь то, что именно оплата представляетъ существенную цѣль (для отдающейся стороны). Живетъ ли женщина на чистыя деньги, заработываемыя посредствомъ половыхъ отношеній, или предпочитаетъ нѣчто въ родѣ вознагражденія натурой, и состоитъ ли послѣднее изъ полнаго содержанія или ограничивается доставкой извѣстной роскоши (туалетовъ, развлеченій и т. п.), это не составляетъ разницы, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ побудительной причиной предложенія половыхъ наслажденій является полное или частичное „содержаніе“. Конечно, въ подобныхъ случаяхъ эта причина уже не такъ исключительна, какъ при уплатѣ наличными деньгами; у женщины, находящейся „на содержаніи“, разсчетъ и склонность иногда переплетаются въ удивительный клубокъ. На это указываетъ уже большая продолжительность отношеній. Чистѣйшая форма проституціи та, при которой соединеніе половъ происходитъ исключительно ради полового акта и оканчивается по уплатѣ денегъ отдающейся сторонѣ пользующимся.

Но именно болѣе элегантныя и утонченныя формы проституціи, представляющія рядъ градацій отъ кокотокъ къ куртизанкамъ, часто представляютъ промежуточныя звенья между этой подлинной и болѣе сложными формами внѣбрачнаго предложенія половыхъ наслажденій ради матеріальныхъ выгодъ. Какъ далеко можетъ заходить эта неясность, показываетъ тотъ фактъ, что въ самыя различныя эпохи существовали женщины, положеніе которыхъ между бракомъ и проституціей остается неопредѣленнымъ даже съ точки зрѣнія культурно-историческаго изслѣдованія. Именно, въ такіе вѣка, когда половая нравственность расшатывалась, когда потребность къ разнообразію въ чувственныхъ наслажденіяхъ овладѣвала даже замужними женщинами и направленіе это проявлялось, не стѣсняясь публичностью,— въ такіе вѣка, словомъ, какъ вѣкъ Вавилона наканунѣ его разрушенія Александромъ, Перикла въ Аѳинахъ, цезарей изъ родовъ Юлія и Клавдія въ Римѣ, новаго Рима и другихъ маленькихъ итальянскихъ государствъ въ эпоху Возрожденія, миннезингеровъ въ нѣмецкомъ средневѣковьѣ, Людовика XIV во Франціи и его мелкихъ подражателей въ Германіи, — границы между бракомъ и проституціей стираются болѣе чѣмъ когда-либо въ общемъ водоворотѣ чувственной распущенности, и является уже дѣломъ личнаго вкуса или личной моральной точки зрѣнія, причислять ли такую-то знаменитую или пресловутую куртизанку, жившую временно или постоянно въ бракѣ,

не отдавшуюся ради матеріальныхъ выгодъ и другимъ, къ свѣтской проституціи или нѣтъ.

Въ такія времена обыкновенно обнаруживается и **мужская проституція**. Сказанное выше о разницѣ полового чувства мужчины и женщины объясняетъ тотъ фактъ, что спросъ на объекты полового наслажденія вообще исходитъ отъ мужчинъ, такъ какъ стремленіе къ разнообразію въ половыхъ отношеніяхъ такъ сказать врождено мужчинѣ. Мы уже упоминали, что законодательство часто, а обычай почти всегда принимаетъ подъ свою защиту дѣло воспроизведенія потомства, осуществляемое женщиной, и тѣмъ самымъ налагаетъ извѣстную узду на проявленія полового вожделѣнія въ этой области: нарушеніе брачнаго обѣта со стороны женщины часто каралось по-истинѣ драконовскими наказаніями, да и теперь наказывается гораздо строже, чѣмъ грѣшки мужа. Такимъ образомъ, вообще мужчины являются вожделѣющими, а женщины вожделѣнными. Поэтому мужская проституція развивается обыкновенно только для удовлетворенія противоестественныхъ, именно гомосексуальныхъ половыхъ побужденій мужчинъ, какъ и спеціальная форма женской проституціи для удовлетворенія аналогичныхъ вожделѣній женщины. Этотъ родъ противоестественной мужской проституціи фигурируетъ и на улицахъ нашихъ современныхъ столицъ вмѣстѣ съ обыкновенной женской проституціей. Но мужчины, которые предлагаютъ себя за плату женщинамъ, могли (оставляя въ сторонѣ единичные случаи) находить спросъ лишь въ такіе вѣка, когда появлялось много состоятельныхъ женщинъ, искавшихъ разнообразія въ половой любви. Этого рода мужская проституція сильно развивалась, напримѣръ, въ императорскомъ Римѣ, и всюду, гдѣ она пріобрѣтала болѣе или менѣе важное значеніе, на этой почвѣ расцвѣтали нравы мужчинъ-кокотокъ и любимцевъ. Именно тамъ, гдѣ развивалась распущенность дворовъ, какъ во Франціи при Людовикахъ XIII и XIV, „любимцы“ играли важную роль. Въ качествѣ такихъ фаворитовъ выдвигались мужчины, которые ради выгодъ предлагали свою мужскую силу вліятельнымъ женщинамъ. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что они часто добивались не матеріальныхъ выгодъ, а власти и участія въ управленіи, почему и слово „проституція“ сюда не подходитъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ эти мужчины, удовлетворяя высокопоставленныхъ дамъ, искали и находили въ этомъ и собственное удовольствіе. То обстоятельство, что мужчина, предлагая свою мужскую силу, фактически живетъ не многимъ иначе, чѣмъ онъ жилъ бы и безъ того, именно вступая въ связь съ многочисленными женщинами, дѣлаетъ понятіе мужской проституціи именно въ ея утонченныхъ формахъ очень неточнымъ и неопредѣленнымъ. Вдобавокъ, мужчина рѣдко дѣлаетъ изъ этого занятія свое жизненное призваніе, уже потому, что, вслѣдствіе быстраго истощенія мужской половой силы, не можетъ, какъ женщина, быть къ услугамъ во всякій данный моментъ, а также и потому, что половая жизнь не такъ тѣсно связана со всѣмъ его внутреннимъ существомъ, чтобы наполнить его. Поэтому мужчины, предлагающіе за вознагражденіе свою мужскую силу, почти всегда имѣютъ и какую-нибудь другую профессію. Вслѣдствіе этого, ихъ проституиро-

ваніе принимаетъ болѣе или менѣе случайный характеръ. Мы увидимъ, что у женщинъ „метрессы“ часто выходятъ изъ сферы проституціи именно потому, что ихъ хозяйственное существованіе основывается на какой-нибудь спеціальной профессіи. Занятіе какой-либо гражданской профессіей всегда придаетъ ея представителю особый отпечатокъ, не только внѣшній, но и моральный, который держитъ его на извѣстномъ разстояніи отъ цеха всѣхъ, добывающихъ свой хлѣбъ исключительно половымъ распутствомъ. Наконецъ, надо помнить и то, что мужчина, въ противоположность женщинѣ, не можетъ совершить половой актъ, если самъ не испытываетъ чувственнаго возбужденія. Онъ, слѣдовательно, вообще не можетъ (независимо отъ упомянутаго выше истощенія) предлагать себя когда угодно и кому угодно, если только природа не надѣлила его совершенно исключительной мужской силой или если низкая ступень культурнаго развитія не надѣлила его способностью возбуждаться безразлично при видѣ всякаго женскаго мяса. Вслѣдствіе этого и настоящая мужская проституція набирается изъ среды грубаго и неразвитаго человѣческаго матеріала. Ея утонченныя формы остаются исключеніемъ; цѣлаго класса кокотокъ мужского пола, предлагающихъ себя къ услугамъ женщинъ, еще нигдѣ не бывало, а всѣ фавориты, игравшіе роль въ качествѣ любовныхъ рабовъ царствующихъ и придворныхъ женщинъ, еще дальше стоятъ отъ настоящей проституціи, чѣмъ многія куртизанки въ женской средѣ. Скорѣе можно сравнить ихъ съ тѣми любовниками, для которыхъ выборъ объекта ихъ любви опредѣляется смѣсью чувственнаго влеченія и холоднаго разсчета. Что эти формы половыхъ отношеній сильно отзываются проституціей, къ которой въ концѣ концовъ очень часто и приводятъ, — это такъ же вѣрно, какъ и то, что ихъ все-таки нельзя причислить къ проституціи.

Во всякомъ случаѣ, участіе мужчинъ въ этихъ формахъ полового распутства такъ несоразмѣрно мало, что, говоря о кокоткахъ и куртизанкахъ, можно удовольствоваться лишь упоминаніемъ при случаѣ о мужскихъ варіантахъ этихъ культурно-историческихъ явленій. Да и само по себѣ это изслѣдованіе не распространяется на всевозможныя формы проституціи, а ограничивается лишь тѣми, которыя подразумѣваются подъ терминами „кокотка“ и „куртизанка“. Конечно, неимовѣрно трудно выдѣлить эту спеціальную область изъ всей сферы полового торга. Вѣдь и проституція вообще незамѣтно переходитъ въ просто половыя отношенія; еще болѣе это можно сказать о кокоткахъ по отношенію къ остальной проституціи. Откроемъ энциклопедическій словарь, — въ немъ слово „Mätresse“ (куртизанка, метресса) переведено ничего не значущимъ нѣмецкимъ словомъ „Geliebte“ (любовница), а слово „Kokotte“ опредѣляется какъ „свѣтская проститутка“. Разговорный языкъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ оправдываетъ энциклопедическій словарь, въ первомъ же нѣтъ, такъ какъ придаетъ слову „Mätresse“ болѣе опредѣленное значеніе: особы женскаго пола, которая въ болѣе или менѣе элегантныхъ формахъ доставляетъ мужчинѣ удовлетвореніе его любовныхъ потребностей въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, получая при этомъ отъ него полное содержаніе или предметы роскоши, при чемъ однако въ выборѣ

мужчины сообразуется до нѣкоторой степени съ своей склонностью и вслѣдствіе того можетъ помимо чисто тѣлесныхъ отношеній представлять въ его глазахъ извѣстную сердечную и душевную цѣнность. Характеръ сплетенія этихъ различныхъ качествъ и степень проявленія каждаго отдѣльнаго изъ нихъ опредѣляютъ отношеніе метрессы къ проституціи. Если чисто половой элементъ и чисто матеріальный разсчетъ господствуетъ надъ всѣми остальными, то метресса, разумѣется, есть не что иное, какъ проститутка высшаго разбора, кокотка, ангажированная на болѣе продолжительной срокъ, и въ такихъ случаяхъ положеніе метрессы бываетъ обыкновенно только эпизодомъ въ существованіи кокотки, которое оно вела раньше и къ которому возвращается спустя нѣкоторое время. Если же устанавливается душевная и интеллектуальная связь, не менѣе серьезная, чѣмъ только что упомянутыя половыя и матеріальныя отношенія и существующая наряду съ ними, то союзъ получаетъ существенно иную окраску; онъ можетъ удержаться и послѣ того, какъ пройдетъ любовный пылъ и наступитъ отрезвленіе, все болѣе и болѣе укореняться въ душѣ и сердцѣ и превратиться въ родъ вольнаго брака, переходъ котораго въ формальный бракъ будетъ зависѣть въ концѣ концовъ только отъ извѣстныхъ внѣшнихъ случайностей.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что рядъ безчисленныхъ градацій ведетъ отъ сравнительно благородныхъ формъ положенія метрессы къ существованію настоящей кокотки. Напротивъ, настоящая кокотка обыкновенно ничѣмъ не отличается внутренно, то есть прежде всего въ побудительныхъ мотивахъ своей профессіи, отъ любой проститутки. Отличіе кокотки отъ средняго уровня проститутки чисто внѣшнее. Кокотка живетъ на широкую ногу, одѣвается съ большимъ изяществомъ и роскошью, старается болѣе походить на свѣтскую даму въ своихъ повадкахъ, манерахъ, разговорѣ и, чтобы дополнить образъ, быть можетъ напускаетъ на себя притворную любовь, — короче сказать, влагаетъ въ свою профессію извѣстную утонченность, степень которой, конечно, можетъ быть весьма различной, такъ какъ съ одной стороны бываютъ и всегда бывали кокотки, которыя умѣютъ съ большимъ искусствомъ разыгрывать изъ себя влюбленныхъ и страстныхъ, артистки своей профессіи или, по крайней мѣрѣ, виртуозы половой любви, а съ другой, и гораздо чаще, бываютъ и такія, у которыхъ внѣшняя роскошь плохо прикрываетъ животную натуру, не смягченную даже случайнымъ добродушіемъ средней проститутки.

Трудность различенія зависитъ главнымъ образомъ оттого, что, оставляя въ сторонѣ поддонки проституціи, каждая проститутка въ тайнѣ мечтаетъ о возможно болѣе роскошномъ существованіи, о нарядахъ и развлеченіяхъ и стремится осуществить эти мечты по мѣрѣ своихъ силъ. Это, само собою разумѣется, обусловливаетъ извѣстный выборъ по отношенію къ любовникамъ. Чтобы осуществить эти мечты, проститутка должна стараться выманить какъ можно больше денегъ и подарковъ у покупателя, во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ полагается по средней „таксѣ“, которая вообще не особенно высока. Методъ собственно кокотки заключается въ томъ, чтобы продаваться не иначе какъ за вы-

сокую цѣну, то есть требовать необычайно большую плату, или дѣйствовать хитростью. Обыкновенно примѣняется то и другое поочередно или разомъ. Отъ свѣтскаго вивера требуютъ сразу большую сумму, тогда какъ неопытнаго провинціала заманиваютъ въ сѣти скромными требованіями, а затѣмъ уже всевозможными хитростями и уловками облегчаютъ его на большія суммы. Короче сказать, опредѣлить, въ какомъ пунктѣ кончается средняя проститутка и начинается кокотка, не удается, даже принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства. Надо удовольствоваться опредѣленіемъ, согласно которому кокотками называются тѣ представительницы любовнаго ремесла, которыя обнаруживаютъ извѣстную элегантность въ всѣхъ своихъ повадкахъ и вслѣдствіе того доступны не всякому встрѣчному, просто потому, что для доставленія себѣ роскоши могутъ пользоваться болѣе богатыми и болѣе щедрыми элементами міра мужчинъ, ищущихъ чувственной любви.

По фотогр. бр. Алипари во Флоренціи.
Рис. 170. Греческая гетера.
Рельефъ трона Афродиты въ музеѣ термъ въ Римѣ.

Этимъ собственно уже сказано, что явленіе кокотокъ такъ же старо, какъ самой проституціи. Можно даже сказать, что на извѣстныхъ раннихъ ступеняхъ цивилизаціи оно всюду играло въ сферѣ проституціи болѣе значительную роль, чѣмъ на позднѣйшихъ. Чѣмъ болѣе растетъ проституція въ количественномъ отношеніи, тѣмъ меньше становится участіе роскошныхъ формъ въ ея общей массѣ; кромѣ того, извѣстная терпимость, съ какою прежнія времена относились къ внѣбрачнымъ любовнымъ похожденіямъ мужчинъ, съ теченіемъ времени исчезаетъ, уступая мѣсто болѣе строгимъ моральнымъ воззрѣніямъ. Напримѣръ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно въ высшихъ слояхъ общества и въ настоящее время отвращеніе къ половой распущенности мужчинъ гораздо сильнѣе, чѣмъ раньше; сюда нужно прибавить и то обстоятельство, что всюду, за исключеніемъ быть

можетъ рабочаго класса и крестьянства, прежняя простота и откровенность въ отношеніи половыхъ вещей исчезла. При такихъ обстоятельствахъ хотя добрачное удовлетвореніе своихъ чувственныхъ влеченій все еще считается необходимымъ для мужчины, но къ внѣбрачному относятся не особенно снисходительно и требуютъ по крайней мѣрѣ, чтобы подобныя увлеченія по возможности скрывались отъ общества. Но элегантной проституціи этимъ наносится ударъ въ самое чувствительное мѣсто. Вѣдь ей хочется выставлять свое искусство на показъ толпѣ зрителей, хвастаться своими туалетами и развлеченіями, — да и покровители ея желаютъ того же; имъ лестно показать, какую красоту и утонченность они могутъ себѣ доставить за свои деньги, а если продѣлывать все это при закрытыхъ дверяхъ, то вся прелесть такого времяпровожденія исчезнетъ. Не слѣдуетъ также забывать, что духъ времени, который только терпитъ и по возможности преслѣдуетъ проституцію во всякой формѣ, неизбѣжно исключаетъ ее изъ круга болѣе или менѣе утонченныхъ культурныхъ наслажденій. Вслѣдствіе этого кокотки утрачиваютъ возможность подняться на извѣстный уровень въ области общественнаго и духовнаго развитія, и для нихъ остается только тратить деньги на наряды и угощенія. Это въ свою очередь отбиваетъ у мужчины охоту пользоваться такими женщинами, такъ какъ разница между ними и лучшими средними проститутками сводится къ внѣшности, очарованіе которой именно для болѣе требовательныхъ любителей очень невелико. Оттого мы и видимъ, что между элегантностью проституціи и терпимостью къ ней существуетъ тѣсная связь. Чѣмъ больше отвращеніе къ публичному выступленію внѣбрачныхъ половыхъ отношеній, тѣмъ грубѣе средній уровень проституціи и тѣмъ меньше процентъ болѣе утонченныхъ кокотокъ. Это наблюдается, напримѣръ, въ Германіи и Англіи, и именно въ ихъ столицахъ, Берлинѣ и Лондонѣ, тогда какъ Парижъ, въ противоположность имъ, остается ареной многочисленной утонченной проституціи. Но тѣсная связь относительно приличныхъ формъ проституціи, вырабатывающихся подъ вліяніемъ болѣе требовательнаго вкуса и участія въ утонченныхъ наслажденіяхъ, съ терпимымъ отношеніемъ къ проституткамъ и менѣе рѣзкимъ обособленіемъ ихъ существованія отъ остального человѣчества, довольно часто отмѣчалась именно въ послѣднее время, въ виду нѣкоторыхъ ужасающихъ порожденій нашей современной столичной жизни. Къ сожалѣнію, отнюдь не замѣчается, чтобы съ огрубѣніемъ проституціи и ея рѣзкимъ обособленіемъ отъ міра порядочныхъ женщинъ общественная нравственность или хотя бы только общественное физическое здоровье что-нибудь выиграли. Напротивъ, нищета, болѣзнь и преступленіе особенно упорно слѣдуютъ по пятамъ за самой низменной проституціей. Общее уваженіе къ женщинѣ также отнюдь не развивается параллельно съ презрѣніемъ къ проституткѣ, и утонченность нравовъ конечно ничего не выигрываетъ оттого, что въ часы половыхъ приключеній окружающая среда представляетъ верхъ безсовѣстности и развращенности. Если, стало быть, моралисты съ особеннымъ озлобленіемъ громятъ элегантныя формы проституціи, въ томъ убѣжденіи, что онѣ несутъ съ собою признаніе любовнаго ремесла, даже извѣстное уваженіе

и почтенiе къ нему, отравляющiя моральное самосознанiе буржуазнаго общества и усиливающiя пристрастiе къ позолоченной грязи, то въ теорiи это выходитъ очень разумно; на практикѣ же мораль, кажется, ничуть не выигрываетъ тамъ, гдѣ пожеланiя этихъ теоретиковъ нравственности осуществляются. Обыкновенная проституцiя во всякомъ случаѣ не уступаетъ въ безнравственности ея болѣе элегантнымъ формамъ.

Но мы начали съ утвержденiя, что вообще процентъ кокотокъ въ составѣ проституцiи идетъ на убыль. Мнѣнiе это подтверждается до извѣстной степени и въ обратномъ направленiи, такъ какъ изъ него слѣдуетъ, что явленiе кокотокъ вообще было началомъ и источникомъ проституцiи — впрочемъ, въ пестрой смѣси съ явленiемъ метрессъ, которое и въ древнiя времена, какъ нынѣ, не отдѣлялось ясно отъ настоящей проституцiи. Во всякомъ случаѣ, возникаетъ вопросъ, гдѣ, то есть въ какихъ культурно-историческихъ явленiяхъ, надо искать начала проституцiи.

Проституцiя очень стара, но говорить, что она такъ же стара, какъ человѣчество, значитъ допускать крайнее преувеличенiе и путаницу понятiй. Болѣе допустимо утвержденiе, что проституцiя такъ же стара, какъ культура. Во всякомъ случаѣ и съ этимъ утвержденiемъ связано такое обобщенiе понятiя „проституцiя", которое плохо уживается съ опредѣленiемъ, даннымъ нами выше. Именно, подъ проституцiей въ этомъ случаѣ понимается предложенiе половыхъ отношенiй ради какихъ-либо выгодъ, хотя бы не матерiальныхъ. Обратимся къ двумъ излюбленнымъ и дѣйствительно выдающимся примѣрамъ: такъ называемой гостепрiимной проституцiи и такъ называемой религiозной проституцiи. Обѣ эти формы французъ Дюфуръ, посвятившiй исторiи проституцiи шеститомный трудъ, противопоставляетъ настоящей, „легальной" (по его выраженiю) проституцiи. Въ чемъ же онѣ заключаются?

Въ короткихъ словахъ, „гостепрiимная проституцiя" („гостепрiимный гетеризмъ") выражается въ обычаѣ предоставлять гостю не только помѣщенiе и ночлегъ, ѣду и питье, но и собственную жену или дочь для полового употребленiя. Этотъ обычай упоминается, напримѣръ, въ Библiи, въ извѣстной исторiи дочерей Лота, которыхъ отецъ предлагаетъ двумъ явившимся къ нему, странникамъ [1], и до сихъ поръ еще существуетъ у народовъ, остановившихся на низкой культурной ступени, — даже у нѣкоторыхъ человѣческихъ обществъ, стоящихъ на высокой ступени культуры, мы находимъ извѣстные, конечно смягченные, остатки его: гостю хотя и не предлагаютъ никого изъ членовъ семьи, но считаютъ долгомъ позаботиться объ удовлетворенiи его половыхъ потребностей. Утверждали, что цѣль этого обычая расположить гостя въ пользу хозяина и такимъ образомъ получить извѣстную выгоду за предоставленiе половыхъ наслажденiй. Это объясненiе, однако, основывается на очень поверхностной

---

[1] Лотъ предлагалъ своихъ дочерей содомлянамъ, вмѣсто двухъ странниковъ, которыхъ содомляне требовали отъ него; но о предложенiи Лотомъ дочерей странникамъ Библiя не упоминаетъ (Бытiя, XIX).

Прим. перев

психологіи. Ни одинъ обычай въ жизни народовъ не вытекаетъ изъ такихъ грубыхъ разсчетовъ, которые могутъ имѣть мѣсто развѣ въ душѣ трактирщика низшаго разряда. Во всякомъ случаѣ, изъ какихъ бы мотивовъ ни выросло гостепріимство, — но, ставши „обычаемъ“, оно уже не могло имѣть ничего общаго съ подобными соображеніями. Но если бы даже они играли роль въ томъ или другомъ случаѣ, то все же подобное предоставленіе собственной дочери гостю будетъ только сводничествомъ, то есть половымъ соединеніемъ двухъ лицъ при посредствѣ третьяго, преслѣдующаго при этомъ какія-либо выгоды; само же по себѣ подобное соединеніе не представляетъ проституціи, такъ какъ послѣдняя является только тамъ, гдѣ женщина предлагаетъ себя добровольно ради какихъ-либо выгодъ. Здѣсь же она, напротивъ, повинуется обычаю, и ея предоставленіе себя гостю имѣетъ такъ же много или такъ же мало общаго съ проституціей, какъ бракъ старѣющейся дѣвушки съ не слишкомъ влюбленнымъ въ нее мужчиной, съ цѣлью обезпечить за собой идеальныя и соціальныя выгоды брака. Если все это назвать проституціей, то невозможно найти ея предѣлы.

Немногимъ лучше обстоитъ дѣло съ „религіозной проституціей“ („религіозный гетеризмъ“). Въ ней половое предложеніе себя играетъ роль жертвы, приносимой какому-нибудь богу или богинѣ. Въ такихъ случаяхъ или самый актъ считается жертвою, или получаемая за него плата вносится въ качествѣ жертвы. Конечно, цѣль всякой жертвы склонить божество, которому она приносится, къ снисходительному выслушиванію просьбъ или удостовѣрить его въ своемъ поклоненіи. Но опять таки, жертву предписываетъ въ данномъ случаѣ религіозный обычай, сознаніе священной обязанности, коренящееся въ народной вѣрѣ, а отнюдь не разсчеты отдѣльной отдающейся женщины. Самъ по себѣ, стало быть, этотъ видъ полового предложенія такъ же мало заслуживаетъ названіе проституціи, какъ родственное явленіе въ области гостепріимства, о которомъ мы говорили выше.

Правда, вѣрно то, что настоящая проституція въ началѣ своего развитія большею частью примыкаетъ къ гостепріимному и религіозному гетеризму. Именно, нѣкоторыя смѣшанныя формы гостепріимнаго и религіознаго гетеризма, повидимому, часто оказывались исходнымъ пунктомъ настоящей проституціи. Такія смѣшанныя формы мы встрѣчаемъ, между прочимъ, въ практикѣ культа Венеры. Какъ извѣстно, Венера есть римское названіе богини чувственной любви и красоты, которая у народовъ Востока и грековъ носила различныя имена: Мелита, Анаитисъ, Афродита и т. д. Геродотъ, отецъ исторіографіи, подробно описалъ намъ этотъ культъ и связанные съ нимъ обычаи, какъ они практиковались въ особенности въ Вавилонѣ. Изъ его описаній ясно, что въ нихъ переплетались гостепріимныя и религіозныя половыя отношенія. Каждая вавилонянка должна была разъ въ жизни отдаться чужеземцу. Она получала за это деньги, но деньги эти жертвовались богинѣ, и самое предоставленіе женщинъ чужеземцамъ происходило при храмѣ. Чужеземцы прогуливались въ храмовомъ саду, и каждый выбиралъ себѣ женщину по своему вкусу. Выбранная была обязана повиноваться ему и довольствоваться самымъ скромнымъ

вознагражденіемъ. Само совокупленіе происходило внѣ храма. Этотъ актъ былъ обязателенъ для вавилонянки только разъ въ жизни. Подобные же обычаи въ разнообразныхъ варіантахъ мы находимъ у всѣхъ восточныхъ народовъ.

Не трудно понять, что эти обычаи должны были существенно измѣниться въ дурную сторону, когда ихъ религіозное содержаніе испарилось, а это неизбѣжно должно было случиться въ эпоху общаго упадка вѣры. А исторія показываетъ намъ, что этотъ упадокъ всегда наступаетъ рано или поздно, въ особенности въ связи съ развитіемъ городской жизни. Мы знаемъ, какъ въ цвѣтущихъ греческихъ колоніальныхъ городахъ на берегу Малой Азіи развилось философское мышленіе, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, острая сѣкира теоретическаго сомнѣнія принялась подрубать и безъ того уже подгнившіе корни религіозной жизни. Мы видимъ — чтобы взять другой и болѣе близкій къ намъ примѣръ, — какъ въ эпоху нѣмецкаго средневѣковья расцвѣтъ городовъ медленно, но вѣрно приводитъ къ порчѣ нравовъ и вырожденію вѣры. Да намъ даже нѣтъ надобности ходить такъ далеко за примѣрами: и теперь въ большихъ городахъ массы оказываются враждебными или равнодушными къ религіи, въ которой онѣ воспитываются, тогда какъ деревня хранитъ привязанность къ вѣрѣ отцовъ. Эта темная тѣнь городского развитія, повидимому, почти неизмѣнно сопровождаетъ тотъ свѣтъ, который это самое развитіе приноситъ человѣку въ видѣ болѣе высокаго образованія и просвѣщенія, а также въ видѣ благосостоянія и утонченности нравовъ.

Разъ, такимъ образомъ, глубоко религіозная окраска вышеописаннаго предложенія женщинъ иностранцамъ слиняла, дальнѣйшее сохраненіе этого обычая грозило внести крайне опасныя измѣненія въ его характеръ. Въ исторіи всѣхъ религій мы встрѣчаемъ тотъ фактъ, что внѣшнія формы обычаевъ продолжаютъ жить, послѣ того какъ ихъ первоначальное значеніе совершенно забыто, и въ этомъ именно испоконъ вѣка заключалась одна изъ главныхъ опасностей для религіозной жизни, одна изъ главныхъ причинъ опошленія и омертвѣнія этой жизни. То же и здѣсь. Половое предложеніе постепенно стало пользоваться религіозной формой какъ предлогомъ. Его побудительный мотивъ — подчиненіе священному обычаю, исчезъ; его замѣнили сладострастіе или жадность, или то и другое въ отвратительной смѣси. Мы читаемъ о финикіянкахъ, что онѣ уже не жертвовали богинѣ, а клали въ свой карманъ деньги, полученныя отъ чужеземцевъ за совокупленіе; что онѣ уже не ограничивались однократной жертвой богинѣ, а стремились повторять ее какъ можно чаще; что онѣ перестали довольствоваться малѣйшимъ даромъ, а торговались изъ-за его величины, и такимъ образомъ наживали приданое, которое тѣмъ вѣрнѣе обезпечивало имъ бракъ, чѣмъ большихъ размѣровъ достигало. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь изъ смѣси религіознаго и гостепріимнаго гетеризма развилась настоящая проституція.

При этомъ мы встрѣчаемъ замѣчательное явленіе: связь проституціи съ бракомъ въ такой формѣ, что вступленію въ бракъ предшествуетъ занятіе любовнымъ ремесломъ. Подобный же обычай у японцевъ возбуждалъ, какъ извѣстно, удивленіе

всѣхъ, кто впервые основательно ознакомился въ послѣднія десятилѣтія съ обычаями и особенностями этой замѣчательной вѣтви желтой расы. У нихъ тысячи молодыхъ дѣвушекъ въ періодъ между наступленіемъ половой зрѣлости и бракомъ занимаются проституціей, и это занятіе не налагаетъ никакого пятна на ихъ позднѣйшую жизнь въ бракѣ. При существованіи такихъ обычаевъ проституція, разумѣется, никогда не понижается до такого уровня грубости и вырожденія, какъ тамъ, гдѣ она пользуется презрѣніемъ и устраняется отъ всѣхъ высшихъ пріобрѣтеній культуры. И какъ скромная и непритязательная дѣвушка японскихъ чайныхъ домовъ (рис. 178), по свидѣтельству всѣхъ наблюдателей, выгодно отличается отъ нашихъ европейскихъ проститутокъ, такъ, безъ сомнѣнія, и та проституція, которая развилась на древнемъ Востокѣ изъ гостепріимныхъ обычаевъ и религіознаго культа, въ теченіе вѣковъ отличалась своей внутренней и внѣшней утонченностью отъ проституціи, которую мы привыкли видѣть. Она приближалась въ главномъ къ практикѣ метрессъ и куртизанокъ или къ практикѣ дѣйствительно утонченныхъ кокотокъ. Это сходство усиливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ началѣ этой проституціей пользовались, главнымъ образомъ, мужчины изъ богатыхъ слоевъ общества. Всѣ сохранившіяся извѣстія свидѣтельствуютъ также о томъ, что представительницы любовнаго ремесла примѣняли всевозможныя средства привлеченія поклонниковъ: утонченный уходъ за тѣломъ, музыку, танцы, благоуханія; мало того, что онѣ старались привлечь и привязать къ себѣ мужчинъ духовными и эстетическими интересами.

Не требуется особенной проницательности, чтобы убѣдиться, что всѣ эти свойства въ настоящее время присущи только высшимъ и рѣдчайшимъ формамъ проявленія проституціи. Граница между метрессой и кокоткой, между любовницей, избранной на болѣе продолжительное время, и купленной для однократнаго полового акта, была, конечно, еще менѣе рѣзкой на тѣхъ начальныхъ стадіяхъ проституціи, чѣмъ позднѣе и въ настоящее время. Безъ сомнѣнія, въ Вавилонѣ и Іерусалимѣ процентъ утонченныхъ, дѣйствовавшихъ всѣми средствами искусства, проститутокъ былъ гораздо выше, чѣмъ въ Аѳинахъ Перикла и въ императорскомъ Римѣ, не говоря уже о современныхъ столицахъ.

Въ этомъ отношеніи насъ не должны сбивать съ толку жалобы и проклятія, которыя мы находимъ въ религіозныхъ книгахъ, какъ, напримѣръ, іудейскихъ пророковъ. Отчасти они даже прямо громятъ утонченность, съ помощью которой мужчины заманиваются блудницами; отчасти же — все еще сохранявшуюся связь этого ремесла съ религіозной практикой, что въ глазахъ этихъ благочестивыхъ людей унижало и грязнило ихъ собственную религію или открывало доступъ чуждымъ религіознымъ представленіямъ и обычаямъ, то есть отпаденію отъ истиннаго Бога.

Исторія израильскаго народа, какъ она изложена въ книгахъ Ветхаго Завѣта, переполнена описаніями этихъ отпаденій. Мы знаемъ, что поклоненіе Ваалу и Астартѣ, которое и теперь еще излагается нашимъ дѣтямъ въ школѣ, на урокахъ Закона Божія, какъ омерзительнѣйшее отпаденіе народа іудеевъ отъ ихъ Бога,

находилось въ тѣснѣйшей связи съ необузданными оргіями половыхъ наслажденій; что въ царствованіе Соломона введеніе языческихъ культовъ шло рука объ руку съ чувственной распущенностью, примѣромъ которой служилъ самъ царь съ своими сотнями метрессъ; что внѣшній дворъ Іерусалимскаго храма служилъ рынкомъ не только для продавцовъ жертвенныхъ животныхъ и мѣнялъ, но и для живого женскаго товара. Эта связь религіи и проституціи впослѣдствіи распалась, и именно христіанство нанесло ей смертельный ударъ; тѣмъ не менѣе Христосъ простилъ Маріи Магдалинѣ ея грѣхи на томъ основаніи, что она много любила; и эта раскаявшаяся блудница въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ оставалась покровительницей своихъ, въ большинствѣ случаевъ гораздо менѣе склонныхъ къ раскаянію, товарокъ по ремеслу. Только протестантизмъ неумолимо порвалъ связь между плотскимъ и священнымъ.

Если, такимъ образомъ, древнее любовное ремесло въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ современное, организовалось по типу метрессъ и кокотокъ, то и его представительницы въ среднемъ стояли на болѣе высокой ступени жизни и образованія, чѣмъ большинство современныхъ кокотокъ и метрессъ.

Мы должны помнить, что связь между чувственнымъ и духовнымъ въ древности была гораздо тѣснѣе, чѣмъ нынѣ. Въ греческомъ языкѣ создалось даже слово, характеризующее одновременно красиваго (тѣлесно) и хорошаго (духовно) человѣка: это слово — „*καλοςκαγαϑος*“ — выражаетъ идеалъ человѣка, къ которому стремились эллины. Но какъ подъ хорошимъ, именно хорошимъ съ государственно-гражданской точки зрѣнія, подразумѣвалось „добро“ моральное, такъ, съ другой стороны, понятіе прекраснаго всегда обнимало чувственную жизнь: моральное ученіе древнихъ въ лучшія времена древности было государственнымъ ученіемъ, а Афродита была одновременно богиней красоты и богиней половой жизни. И тѣ проявленія чувственности, которыя теперь такъ рьяно преслѣдуются въ качествѣ „противоестественныхъ“, практиковались тогда безъ всякаго стѣсненія; нашла же любовь мужчины къ мужчинѣ и женщины къ женщинѣ безсмертные памятники въ произведеніяхъ философа Платона и въ стихахъ лезбіянки Сафо. Даже чувственныя отношенія между людьми и животными окружались своего рода эстетическимъ и религіознымъ почтеніемъ, напримѣръ въ исторіи Леды и лебедя (послужившей позднѣе темой знаменитыхъ картинъ и изваяній). Если въ древности государствомъ ставились ограниченія и препятствія чувственной жизни, то вытекали они не изъ какихъ-либо побужденій морали и приличія, получившихъ такое значеніе въ настоящее время, а изъ соображеній цѣлесообразности или религіозныхъ основаній или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Половой морали въ современномъ смыслѣ тѣ времена вообще не знали. Она развилась впервые благодаря христіанству, когда же, спустя полторы тысячи лѣтъ, и христіанскому міру грозила ея утрата, была спасена для современности благодаря сифилису, вторгшемуся въ среду европейскихъ культурныхъ народовъ. Такъ какъ само собою разумѣется, только тамъ можетъ быть рѣчь о морально-половыхъ воззрѣніяхъ или правилахъ, гдѣ половыя отношенія уже сами по себѣ считаются нрав-

ственными или безнравственными. По отношенію къ мужчинѣ древность вообще не знаетъ такихъ воззрѣній или правилъ, а по отношенію къ женщинѣ признаетъ только въ ея качествѣ супруги и матери. Какъ таковая, женщина принуждалась, отчасти угрозами драконовскихъ каръ, къ строгой брачной вѣрности. Но если она избирала жребій независимой любовницы, то отъ ея талантовъ и успѣховъ зависѣло пріобрѣсти такое же почетное положеніе, какое занимали ея замужнія товарки.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что христіанство, при всей его ненависти къ плотскимъ вожделѣніямъ и наслажденіямъ, далеко не въ такой степени обострило и углубило противоположность между замужними женщинами и представительницами половой любви, какъ современное развитіе со времени реформаціи. Въ средніе вѣка „дѣвы радости“ (Freudenmädchen) составляли цехъ, который во всякомъ случаѣ не пользовался такимъ презрѣніемъ, чтобы его представительницы считались недостойными принимать участіе въ торжественныхъ встрѣчахъ монарховъ — роль, которая перешла мало-помалу къ пресловутымъ „дѣвамъ въ бѣлыхъ одеждахъ“. Да и тотъ фактъ, что Лютеръ далъ оффиціальное разрѣшеніе на двойной бракъ Филиппа Гессенскаго — хотя это разрѣшеніе было политическимъ актомъ и реформаторъ рѣшился на него не безъ тяжелой борьбы съ своей совѣстью — во всякомъ случаѣ показываетъ, что общество и сама церковь относились съ гораздо большей терпимостью къ чувственнымъ увлеченіямъ.

По фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.
Рис. 171. Аспазія. Античное изваяніе.

Но если разрывъ между обществомъ и утонченными формами проституціи въ древности только намѣчался, то понятно, что кокотки и куртизанки того времени имѣли въ различныхъ отношеніяхъ вліяніе, совершенно иного рода, чѣмъ нынѣ, на своихъ любовниковъ или, при посредствѣ своихъ любовниковъ, на общественныя отношенія. Въ самомъ дѣлѣ, число куртизанокъ, за которыми можно признавать политическое, художественное, вообще культурное значеніе, съ античныхъ временъ постоянно убывало. Имена

знаменитыхъ жрицъ свободной и покупной любви, сохраненныя исторіей новыхъ временъ и даже послѣдняго столѣтія, не окружены такимъ блескомъ и обаяніемъ (и чѣмъ ближе къ современности, тѣмъ меньше), какъ имена знаменитыхъ куртизанокъ древности. Вліяніе внѣбрачныхъ связей на могущественныхъ людей принимаетъ все болѣе и болѣе односторонній, вредный, развращающій характеръ. Достаточно окинуть взглядомъ галлерею знаменитыхъ жрицъ Венеры, чтобы замѣтить это постепенное опошленіе, огрубѣніе и ухудшеніе внѣбрачныхъ половыхъ отношеній, слѣдующее какъ тѣнь за утонченіемъ и углубленіемъ нашихъ нравственныхъ понятій и сужденій.

Одно изъ древнѣйшихъ, дошедшихъ до насъ, именъ куртизанокъ — имя египетской куртизанки Родописъ, практиковавшейся въ своемъ искусствѣ за 600 лѣтъ до Рождества Христова при царѣ Амазисѣ, извѣстномъ по стихотворенію Шиллера „Поликратовъ перстень“. Она была родомъ изъ Ѳракіи и попала въ Египетъ, привезенная сводникомъ, который заставлялъ ее, какъ рабыню, заниматься проституціей, наживая на этомъ деньги. Отъ этого положенія она была избавлена Хараксомъ изъ Митилены, братомъ лезбійской поэтессы Сафо, который, плѣнившись ея достоинствами, далъ ей деньги на выкупъ изъ рабства. Однако Родописъ осталась вѣрной своему новому отечеству и своему ремеслу. Вскорѣ она сдѣлалась одной изъ знаменитѣйшихъ кокотокъ страны и нажила, по словамъ историковъ, колоссальное богатство. Слава ея распространилась далеко за предѣлы Египта, между прочимъ и въ Греціи. Ея первымъ любовникомъ послѣ выкупа на волю былъ безсмертный греческій баснописецъ Эзопъ. Онъ былъ калѣка, славившійся своимъ безобразіемъ, и можно бы думать, что обладаніе тѣломъ прекрасной Родописъ стоило ему не малыхъ денегъ. На самомъ дѣлѣ, онъ заплатилъ только своимъ остроуміемъ; говорятъ, будто Родописъ отдалась ему за то, что онъ посвятилъ ей одну изъ своихъ басенъ. Она продолжала также поддерживать отношенія съ своимъ освободителемъ Хараксомъ, который впрочемъ только время отъ времени требовалъ ея милостей. Въ угоду ему она избрала своимъ мѣстожительствомъ городъ Навкратисъ, куда Хараксъ пріѣзжалъ по временамъ въ качествѣ виноторговца. Въ промежуткахъ между его посѣщеніями она продавалась другимъ искателямъ. Въ концѣ концовъ царь Амазисъ пожелалъ сдѣлать ее своей метрессой. Она согласилась съ условіемъ, что ей позволено будетъ сохранять связь съ Хараксомъ. Эта привязанность, въ связи съ тѣлесной красотой и духовными дарованіями Родописъ, часто воспѣвалась въ греческой поэзіи; подъ именемъ Дорики эта кокотка часто прославлялась поэтами какъ при ея жизни, такъ и позднѣе. Цѣлый вѣнокъ легендъ создался вокругъ ея имени. Ея вліяніе и власть преувеличивались, послѣ ея смерти, до самыхъ невозможныхъ размѣровъ. Разсказывали, будто она выстроила на свои деньги одну изъ знаменитыхъ египетскихъ пирамидъ, Микеринову; другое преданіе приписываетъ ту же постройку одному изъ любовниковъ Родописъ, желавшему доставить ей удовольствіе. Ни одно изъ этихъ преданій не выдерживаетъ исторической критики, такъ какъ пирамида гораздо старше Родописъ. Но оба характеризуютъ тогдашнее отношеніе къ подобной куртизанкѣ. Не находили ничего

страннаго въ томъ, что она построила пирамиду на деньги, вырученныя за свое ремесло, или что ея поклонники могли расчитывать угодить ей подобнымъ дѣломъ. Прибавьте сюда другую легенду, согласно которой Родописъ употребила часть своего состоянія на подарки храму Аполлона, а также разсказъ о платѣ, которую она получила отъ Эзопа: все это ясно показываетъ, что современники видѣли въ подобной куртизанкѣ не только раздавательницу плотскихъ наслажденій, но и находили въ ея личности черты достоинства, благородства, духовныя дарованія и эстетическіе интересы.

Какую серьезную роль играли въ то время чувственно и духовно утонченныя кокотки, видно изъ той славы, которой пользовался Навкратисъ, новая родина Родописъ, какъ очагъ блудницъ. Изъ него вышелъ цѣлый рядъ кокотокъ, знаменитыхъ въ исторіи культуры, въ томъ числѣ Архидика, которая требовала за свою любовь такія неслыханныя суммы, что разоряла даже очень богатыхъ людей. Слава Навкратиса привлекала знатныхъ гостей изъ далекихъ странъ. Это явленіе превращенія города въ разсадникъ кокотокъ мы не разъ встрѣчаемъ въ древности. Въ новѣйшее время только столица Франціи пріобрѣла такую славу.

Во всякомъ случаѣ, всѣ признаки указываютъ на то, что проституція, какъ самостоятельное явленіе, то есть какъ продажа своего тѣла за матеріальныя блага, находилась въ связи съ городской жизнью и денежнымъ хозяйствомъ. На тѣхъ ступеняхъ развитія человѣческаго общества, когда господствовалъ земледѣльческій бытъ и каждая семья удовлетворяла свои жизненныя потребности на счетъ собственнаго производства, когда люди ѣли мясо своего скота, носили одежду, которую сами пряли и ткали, короче сказать, во времена деревенскаго и натуральнаго хозяйства, для расцвѣта проституціи не хватало главнаго стимула, именно возможности получать деньги за предложеніе половыхъ наслажденій. Въ деревенскомъ и натуральномъ хозяйствѣ отношенія складываются такъ, что каждый имѣетъ то, что ему требуется, и никто не имѣетъ значительнаго избытка. Поэтому ни нужда, ни алчность не могутъ побуждать къ проституціи. Только возникновеніе денегъ пускаетъ въ ходъ эти двѣ силы; только деньги доставляютъ возможность своему обладателю пріобрѣтать разнообразныя другія блага и удовольствія. Но деньги являются вмѣстѣ съ торговлей, торговля сосредоточивается на рынкахъ, а рынки зародыши городовъ. Такимъ образомъ, торговля, денежное хозяйство и городская жизнь неразрывно связаны въ своемъ развитіи. Эту стадію развитія называютъ иногда „средневѣковьемъ“ народовъ. Но мы подразумѣваемъ подъ этимъ терминомъ обыкновенно лишь одно средневѣковье, именно европейское; историческое изслѣдованіе однако показываетъ, что та же ступень хозяйственнаго развитія, какую пережили европейцы въ средніе вѣка, повторяется въ исторіи всѣхъ народовъ, — греческое средневѣковье имѣло мѣсто за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова, японское закончилось всего тридцать лѣтъ тому назадъ. Поскольку развитіе проституціи тѣсно связано съ денежнымъ хозяйствомъ и городской жизнью, его тоже можно назвать дѣтищемъ средневѣковья. Она регулярно выступаетъ впервые въ этой фазѣ жизни народовъ какъ самостоятельное явленіе,

независимое отъ обязанностей гостепріимства и религіи. Мы находимъ его тамъ, гдѣ впервые скопляется богатство: дворы монарховъ и торговые рынки самые раннiе разсадники блуда. Пользованіе кокотками составляетъ какъ бы принадлежность возникающей роскоши. Этимъ объясняется также, почему отъ проституціи требуютъ обыкновенно того же, чего требуютъ отъ роскоши: особенныхъ наслажденій, особенной утонченности, какой не даетъ хлѣбъ насущный, въ данномъ случаѣ бракъ. Бракъ служитъ для воспроизведенія, а тотъ, кто ищетъ утонченныхъ любовныхъ наслажденій, находитъ ихъ у блудницы. Эти отношенія неизбѣжно развиваютъ сначала утонченную проституцію. Изложенныя обстоятельства еще болѣе поясняютъ и подтверждаютъ сдѣланное нами раньше замѣчаніе, что проституція именно на своей начальной стадіи состояла почти исключительно изъ практики куртизанокъ и кокотокъ. Женщина подобная Родописъ является передъ нами въ качествѣ куртизанки и кокотки, и какъ хорошо согласуется со всѣмъ вышесказаннымъ тотъ фактъ, что обладаніе ею дѣлили царь и купецъ. То же повторяется постоянно въ подобныя времена: любители утонченныхъ половыхъ наслажденій, стекавшеіся въ Навкратисъ, состояли отчасти изъ сыновей знати, отчасти изъ купцовъ, короче сказать изъ обладателей денегъ. Этому соотвѣтствовали и требованія искателей. Для такихъ любителей дѣло шло не просто объ удовлетвореніи половыхъ потребностей, но и о возможной утонченности и разнообразіи. Этого искали они, и кокоткамъ приходилось позаботиться о томъ, чтобы поклонники находили у нихъ то, чего искали.

Рис. 172. Нинонъ де Ланкло.
Съ картины неизвѣстнаго художника.

Все это очень важно для пониманія занимающихъ насъ

здѣсь явленій. Какъ на всякомъ рынкѣ, такъ и здѣсь, гдѣ предметомъ торга была половая любовь, торговля регулируется отношеніями между спросомъ и предложеніемъ, а предложеніе въ широкихъ размѣрахъ зависитъ отъ спроса, его силы и характера. Мы видимъ, что въ тѣ ранніе времена спросъ мужчинъ на половыя отношенія могъ существовать почти исключительно какъ спросъ на особенно роскошныя формы чувственныхъ наслажденій. Если мы сравнимъ съ этимъ современное положеніе вещей (о которомъ еще будетъ рѣчь ниже), то намъ сразу бросится въ глаза глубокая разница въ характерѣ спроса на внѣбрачныя половыя отношенія. Чрезвычайная затруднительность вступленія въ бракъ такъ значительно отсрочиваетъ возможность половой дѣятельности для тысячъ молодыхъ людей всѣхъ слоевъ общества, а съ другой стороны городская жизнь такъ ускоряетъ пробужденіе полового инстинкта и такъ усиленно раздражаетъ его, что въ результатѣ развивается громадный спросъ на половыя отношенія вообще, уже безъ отношенія къ ихъ утонченности. Иными словами, господствуетъ огромный спросъ на среднюю проституцію — на женщинъ, которыя отдаются за умѣренную, доступную и для небогатыхъ людей плату. Вслѣдствіе этого утонченныя формы внѣбрачной любовной жизни совершенно заглушаются средними и грубыми, почему уменьшается не только относительное значеніе утонченныхъ формъ, но вѣроятно и абсолютное число ихъ представительницъ. Не должно забывать, что любовное ремесло при всякихъ обстоятельствахъ остается путемъ отверженія, и что массы обыкновенныхъ уличныхъ и бордельныхъ проститутокъ, стоящія на нижнемъ концѣ этого пути, дѣйствуютъ, подобно колоссальному магниту, на всѣхъ выше стоящихъ товарокъ по ремеслу. Паденіе въ пучину проституціи и для кокотки часто происходитъ съ головокружительной быстротой. Разстройство денежныхъ дѣлъ, болѣзнь, утрата красоты (вслѣдствіе болѣзни или беременности), разрывъ съ любовникомъ — все это и многое другое можетъ, того и гляди, привести къ паденію. Далѣе, мы должны имѣть въ виду, что развитіе послѣднихъ столѣтій постоянно все болѣе и болѣе удаляетъ насъ отъ единства между чувственно прекраснымъ и морально высокимъ, что всего лучше доказывается судорожными усиліями многихъ передовыхъ людей вновь соединить эти раздѣлившіяся силы. Но вслѣдствіе этого и представительницамъ міра кокотокъ, стоящимъ на относительно высокой ступени, теперь несравненно труднѣе, чѣмъ прежде, блистать духовными качествами и усваивать себѣ культурную утонченность. Онѣ сдѣлались гораздо болѣе односторонними объектами чистой чувственности. Съ тѣмъ вмѣстѣ стирается внутренняя граница между ними и средними проститутками, да и внѣшняя, опредѣляемая роскошью, въ наши дни разносторонней и дешевой имитаціи всѣхъ предметовъ роскоши выступаетъ далеко не такъ рѣзко, какъ въ старину. Массовое развитіе проституціи страшно понизило уровень всей внѣбрачной половой жизни и непрерывно содѣйствуетъ разрушенію стариннаго значенія кокотокъ и куртизанокъ, какимъ оно является намъ въ образѣ Родописъ.

Но тотъ же ходъ развитія наблюдается уже въ самой древности. У народовъ Востока, у грековъ, у римлянъ мы такъ же

замѣчаемъ, что съ распространеніемъ внѣбрачныхъ половыхъ потребностей и связаннымъ съ этимъ возрастаніемъ средней проституціи утонченныя формы чувственности отступаютъ на задній планъ. Этому паденію (за которымъ въ концѣ концовъ всегда слѣдуетъ реакція строгой моральной проповѣди) предшествовалъ въ Греціи расцвѣтъ практики кокотокъ, пріобрѣтшихъ безсмертную славу. Въ эпоху высшаго духовнаго и артистическаго расцвѣта греческой жизни, во времена того эллинизма, который и теперь кажется нашимъ педагогамъ самой утонченной школой для юношескаго ума, въ центрѣ этой единственной духовной жизни въ Аѳинахъ, представительницы любовнаго ремесла принимали видное участіе въ культурѣ своей эпохи. Это такъ называемыя гетеры (что значитъ собственно „подруги") (рис. 170). Безъ сомнѣнія, позднѣйшее изслѣдованіе, которое часто рисовало греческую жизнь черезчуръ розовыми красками, закрывая глаза на ея темныя стороны, преувеличивало, подчасъ очень сильно, и духовное, эстетическое и политическое значеніе гетеръ; преувеличивало въ особенности контрастъ между гетерами и замужними женщинами. Греческій бракъ, въ качествѣ фона для гетеризма, рисуютъ самыми сѣрыми красками; замужнихъ женщинъ — вялыми, невѣжественными, безучастными къ духовной и эстетической жизни, поглощенными хозяйствомъ и дѣторожденіемъ, гетеръ — жрицами Афродиты и Аѳины, богини чувственности и богини мудрости, сіяющими красотой, опытными въ искусствѣ любовнаго завлеченія, въ умѣньѣ выставить красоту своего тѣла, въ заботѣ о своихъ прелестяхъ, при этомъ высоко и разносторонне одаренными, музыкальными, увлекающимися поэзіей и не лишенными поэтическаго творчества, друзьями философовъ и философіи, освѣдомленными въ политическихъ дѣлахъ и умѣющими вліять на нихъ, моделями безсмертныхъ произведеній художниковъ и скульпторовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вдохновительницами этихъ послѣднихъ, короче сказать, во всѣхъ отношеніяхъ стоящими на уровнѣ самыхъ утонченныхъ проявленій культуры своего времени. Это необходимо подправить соотвѣтственно современнымъ знаніямъ, такъ какъ подобныя краски черезчуръ размалевываютъ контрастъ. Конечно, греческое законодательство поставило женщину въ рамки, которыя во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ намъ замкнутое и безцвѣтное существованіе восточной женщины. Безспорно, съ другой стороны, и то, что духовный уровень гетеръ достигалъ такой высоты, до которой, быть можетъ, уже нигдѣ не поднимался въ позднѣйшія эпохи, что поэтому и вліяніе ихъ не исчерпывалось завлеченіемъ мужчинъ съ помощью своихъ физическихъ прелестей (такъ какъ такимъ способомъ во всѣ времена на политику и культуру вліяли и метрессы, стоявшія на очень низкомъ уровнѣ), но простиралось и на духовныя силы, дѣйствовавшія въ данный моментъ. Но то и другое было сильно преувеличено легендой, и какъ въ картину жизни замужней женщины нужно подбавить свѣта такъ, въ изображеніе гетеризма слѣдуетъ внести не мало тѣни.

Аѳинская проституція распадалась на три слоя. Въ составъ нижняго входили проститутки домовъ терпимости, въ составъ верхняго гетеры. Промежуточное положеніе между ними занимала группа проститутокъ, любовное ремесло которыхъ соединя-

лось съ музыкальной профессіей, — подобно тому какъ въ современныхъ столицахъ часть проститутокъ прикрываетъ свое ремесло какой-нибудь другой профессіей, напримѣръ трактирныхъ служанокъ. Собственно гетеры, которыхъ правильно называли царицами проституціи, чувствовали себя внѣ остальныхъ двухъ классовъ проститутокъ и были довольно рѣзко отдѣлены отъ нихъ постановленіями закона. Ихъ исключительная роль въ цвѣтущее время развитія греческой жизни легко объясняется тѣмъ, что чувственныя наслажденія казались греку безусловно необходимой принадлежностью утонченной жизни, а законъ ставилъ замужнюю женщину въ такое положеніе, что ей почти невозможно было доставлять ихъ мужу продолжительное время. Грекъ жилъ общественной жизнью, на рынкѣ и въ народныхъ собраніяхъ, тогда какъ жена его была строго привязана къ дому. Это, естественно, подрывало тѣсный союзъ между мужемъ и женой и способствовало приманкамъ кокотокъ. Гетеры присутствовали на празднествахъ и въ театрахъ, на судебныхъ засѣданіяхъ и преніяхъ ученыхъ школъ, и всюду могли выставлять на показъ свои тѣлесныя прелести, такъ какъ и въ отношеніи одежды не были стѣснены строгими правилами, установленными для женщинъ. Правда, былъ такой періодъ греческой жизни, когда граница между ними и замужними женщинами стерлась, такъ какъ супруги вліятельныхъ мужчинъ тоже рѣшались выступать публично и вліять на общественныя дѣла; объ этомъ свидѣтельствуетъ примѣръ Аспазіи (рис. 171), жены Перикла, которая долгое время считалась потомствомъ за самое блестящее явленіе гетеризма, но въ настоящее время окончательно вычеркнута изслѣдованіемъ изъ списковъ проституціи. Конечно, ее нельзя помѣстить въ классъ среднихъ греческихъ женщинъ. Она была эмансипированная женщина, уроженка колоній, учительница краснорѣчія и какъ въ духовномъ, такъ и въ чувственномъ слѣдовала влеченіямъ своего темперамента. Периклъ, женившійся на ней, не былъ ея единственномъ обладателемъ, но она не торговала своей любовью, а дарила свою благосклонность такимъ мужчинамъ, которые были ей родственны по духу. Ея свободный образъ жизни послужилъ примѣромъ для многихъ греческихъ гражданокъ; дѣвушки и женщины, питавшія интересы къ духовной культурѣ, выступали на общественное поприще, посвящали себя философіи или изящнымъ искусствамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ получали возможность свободно располагать своей любовью. Съ этого времени въ почтенныхъ буржуазныхъ женщинахъ вкоренилось недовѣріе къ эмансипаціи женскаго духа. Въ послѣднія десятилѣтія также довольно часто высказывалось по поводу женщинъ и дѣвушекъ, выступавшихъ изъ рамокъ существованія хозяйки, жены и матери на арену общественной дѣятельности, подозрѣніе, что подобный шагъ грозитъ опасностью женской добродѣтели, что эмансипація духа неизбѣжно окажется также эмансипаціей плоти.

Кто можетъ отрицать крупицу истины въ этомъ преувеличеніи? Не распущенность нравовъ, конечно, но требованіе права свободно распоряжаться своимъ тѣломъ и при извѣстныхъ условіяхъ ставить эту свободу выше обычаевъ и законовъ, оказывалось до сихъ поръ неотдѣлимымъ отъ какой бы то ни было

формы женскаго освободительнаго движенія. Мы увидимъ ниже, что именно въ наше время переходъ тысячъ дѣвушекъ къ профессіональной дѣятельности привелъ ихъ въ то же время къ принципу и практикѣ свободной внѣбрачной любви.

Одна изъ знаменитѣйшихъ настоящихъ кокотокъ эпохи греческаго расцвѣта Лаиса — блудница, которая изображается, какъ типическая представительница своего ремесла въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Лессинга.

Правда, въ сообщеніяхъ о ея жизни много путаницы благодаря тому, что были двѣ знаменитыя кокотки этого имени, Лаиса старшая и Лаиса младшая, судьбы которыхъ, сами по себѣ темныя, вдобавокъ безнадежно перепутались въ преставленіи потомковъ. Во всякомъ случаѣ большая часть того, что передано потомству о Лаисѣ, относится, кажется, къ старшей носительницѣ этого имени. Ея мѣстожительствомъ былъ Коринѳъ, столица греческаго богатства и роскоши, привлекавшая массу посѣтителей изъ всѣхъ греческихъ городовъ. Проституція во всѣхъ ея оттѣнкахъ процвѣтала здѣсь, какъ нигдѣ, такъ что Коринѳъ пріобрѣлъ громкую, хотя и сомнительную, славу города наслажденій и пороковъ. Лаиса была привезена сюда ребенкомъ. Знаменитый живописецъ Апеллесъ „открылъ“ ее и воспиталъ для ея призванія. Когда она была въ цвѣтѣ лѣтъ, красота ея, слава которой распространилась далеко въ глубь Азіи, соперничала съ дарованіями. Лаиса занимаетъ положеніе на границѣ между куртизанкой и кокоткой. Она продавалась только за громадныя суммы, но даже и тѣмъ, кто предлагалъ ихъ ей, указывала дверь, если искатель былъ ей не по вкусу; если же мужская красота и сила воспламеняли ея вожделѣніе, она отдавалась даромъ. Двое знаменитыхъ философовъ того времени, Діогенъ и Аристиппъ, были ея любовниками, съ тою разницей, что Аристиппъ платилъ за ея любовь, а Діогенъ пользовался ею безплатно. Разсказываютъ, что самъ Діогенъ смѣялся по этому поводу надъ своимъ товарищемъ, но получилъ въ отвѣтъ: „Развѣ тебѣ кажется неудобнымъ жить въ домѣ, если раньше въ немъ жили другіе?“ Во всякомъ случаѣ Лаиса поддерживала связь съ Аристиппомъ, чтобы пополнить свое философское образованіе — философская школа, впрочемъ, вполнѣ подходившая для кокотки, такъ какъ Аристиппъ принадлежалъ къ направленію киренаиковъ, усматривавшихъ цѣль существованія въ чувственномъ наслажденіи жизнью. Великій ораторъ Демосѳенъ тоже сблизился было съ Лаисой, но ея требовательность напугала его. Напротивъ, она тщетно пыталась всѣми ухищреніями своего искусства поколебать цѣломудріе юнаго побѣдителя на коринѳскихъ играхъ, Эвбата; философъ Ксенократъ также отказался отъ сближенія съ нею. Повидимому, эта кокотка поставила цѣлью своего честолюбія имѣть любовниками всѣхъ знаменитыхъ людей своего времени. Она напоминаетъ въ этомъ отношеніи французскую куртизанку семнадцатаго столѣтія, Нинонъ де Ланкло (рис. 172), въ салонѣ которой собирался цвѣтъ парижскаго общества. Мало-по-малу Лаиса, подобно многимъ позднѣйшимъ представительницамъ того же ремесла, загубила свою красоту и дарованія неумѣреннымъ употребленіемъ вина. Она продолжала и въ старости заниматься своимъ ремесломъ, но, кажется, главнымъ обра-

зомъ изъ-за нужды, такъ какъ громадныя суммы, полученныя отъ первыхъ любовниковъ, были ею истрачены на удовлетвореніе своихъ капризовъ и честолюбія: она заказывала на нихъ всевозможныя произведенія искусства, картины, статуи, храмы. Убѣдившись, что ея красота увяла, она пожертвовала свое зеркало Афродитѣ, на томъ основаніи, что оно только напоминаетъ ей объ утратахъ. Самъ безсмертный Платонъ поэтически воспѣваетъ этотъ поступокъ. Конецъ Лаисы покрытъ мракомъ. Говорятъ, что она занималась кромѣ своего стараго ремесла сводничествомъ и была застигнута смертью въ объятіяхъ любовника, купившаго ея увядшее тѣло. — Лаиса быть можетъ самый характерный образчикъ греческой кокотки. Въ ней сочетается голая продажность съ высшимъ расцвѣтомъ всѣхъ тѣлесныхъ прелестей и честолюбиваго стремленія стоять въ центрѣ культуры своего времени. Такія явленія возможны только въ атмосферѣ греческаго міровоззрѣнія, „καλοκαγαϑεια“ (=сущность прекраснаго и хорошаго), ставящаго чувственное украшеніе существованія наряду и наравнѣ съ его духовнымъ богатствомъ. Своеобразная особенность греческаго культурнаго расцвѣта также довала возможность женщинамъ играть дѣятельную роль въ духовной жизни. Греческая жизнь насквозь проникнута односторонними артистическими стремленіями; это проявляется въ философіи, въ наукѣ, даже въ политикѣ; всюду честолюбіе устремляется къ совершенству формы и красивой внѣшности, — духомъ краснобайства, часто изысканнаго, вѣетъ на насъ отъ греческой жизни. Сами мужчины въ значительной степени заражены женственностью. Именно такая жизнь должна была порождать женщинъ, соединявшихъ съ распущенностью чувствъ эстетитеческій дилеттантизмъ. Наклонности свѣтскихъ проститутокъ всегда сообразуются съ наклонностями свѣтскихъ мужчинъ ихъ времени. Какъ позднѣе ихъ интересы направлялись къ турнирамъ, или къ охотѣ, или къ азартной игрѣ, или къ спорту, такъ въ Греціи, а особливо въ Аѳинахъ, отъ нихъ требовалось участіе въ эстетическихъ интересахъ. Своеобразіе эллинской культуры въ томъ и заключается, что она, какъ никакая другая раньше или послѣ нея, умѣла слить въ нѣчто единое сильнѣйшее чувственное прожиганіе жизни съ высшей одухотворенностью существованія. Можно считать или не считать это идеаломъ, но во всякомъ случаѣ оно остается безсмертнымъ культурнымъ по-

Рис. 173. Графиня Лихтенау.
Съ старинной гравюры.

двигомъ, который всегда будетъ возбуждать изумленіе. Никогда уже, впослѣдствіи, духовныя цѣнности, представляемыя искусствомъ, наукой, философіей, не признавались такъ безспорно за высшія и главнѣйшія. Эта одухотворенность греческой жизни, именно потому, что она шла рука объ руку съ чувственностью, набросила и на самую чувственность и на самыя плотскія ея проявленія духовное покрывало. Міръ только разъ видѣлъ такую одухотворенную свѣтскую проституцію, какъ греческая. Всего менѣе проявлялась она у народа, который обыкновенно ставится рядомъ съ греческимъ въ качествѣ второго представителя древности.

Совсѣмъ иная духовная атмосфера охватываетъ насъ, когда мы переходимъ съ эллинской почвы на римскую! Въ полной противоположности натуры грековъ и римлянъ въ значительной степени коренилось для всѣхъ потомковъ величіе древности, изъ нея вытекало въ теченіе столѣтій для нѣмецкой культуры значеніе древности для образованія юношества. Рѣзко, почти безъ всякихъ промежуточныхъ явленій, противостоитъ римскій родъ культуры греческому — политическій артистическому, чтобъ выразить эту разницу однимъ словомъ. У грековъ громадная сила чувственнаго созерцанія, воспріимчивости къ формѣ и ритму, изобразительной и поэтической фантазіи, сама нравственная и политическая жизнь нѣчто въ родѣ художественнаго представленія, вѣчно длящагося театра, а тамъ, гдѣ эти черты вырождаются, распущенность, разслабленность, изнѣженность, женственность съ противоестественными наклонностями, но все же подъ чарующимъ покровомъ красоты. У римлянъ отсутствіе всего этого, доходящее порою до убожества; поэзія, искусство, философія, миѳъ, религія — главнымъ образомъ разсудочныя и всегда доступныя чуждымъ вліяніямъ, почему и вырядившіяся въ концѣ концовъ въ греческія павлиньи перья; но тѣмъ грандіознѣе мощь политической воли, политической дальновидности, самообладанія, подчиняющаго маленькія цѣли и желанія великимъ, личныя общимъ; совершенство законодательства, творчества и организаціи государственныхъ формъ, служившее образцомъ въ теченіе тысячелѣтій; и вся римская исторія, являющаяся въ этомъ ясномъ и неизмѣнномъ освѣщеніи строгой мужественности, какъ безошибочный ходъ отъ основанія города къ созданію міровой державы. Тѣни, сопровождающія этотъ блескъ, должны быть иными, чѣмъ у эллиновъ, и онѣ дѣйствительно были иными. Это грубость и дикость, не смягченныя никакимъ эстетическимъ проблескомъ. Римская литература, также какъ и греческая, оставила намъ классическое описаніе пира; но стоитъ сравнить этотъ пиръ Трималхіона съ пиромъ Платона, чтобъ видѣть противоположность двухъ міровъ.

Само собою понятно, что чувственная любовная жизнь воспринимаетъ свою господствующую окраску отъ этого общаго характера народа. Римская исторія сообщаетъ намъ цѣну гордаго женскаго цѣломудрія: кому не извѣстенъ разсказъ о смерти Виргиніи? Римлянка-дочь, римлянка-супруга и въ особенности римлянка-мать, увѣковѣченная покорностью Каріолана, — вотъ безсмертные типы римской женщины. То, что остается внѣ ихъ, боится дневного свѣта. Какъ и повсюду въ городахъ Италіи

очень скоро развилась проституція разныхъ оттѣнковъ. Но какъ близки эти оттѣнки другъ другу, какъ сливаются — отчего и трудно ихъ точно различить — въ сравненіи съ родственными явленіями Греціи. Никогда римскія кокотки не превращались въ нѣчто большее плотскаго средства удовлетворенія половой похоти. Нельзя себѣ даже представить, чтобъ онѣ могли играть какую бы то ни было роль въ общественной жизни республики. Эта жизнь вращалась около такихъ духовныхъ полюсовъ, которые находились совершенно внѣ сферы женственности, и притомъ чисто плотской женственности. Самыя знатныя римскія дамы полусвѣта обѣдали и развлекались съ своими кавалерами при закрытыхъ дверяхъ. То, что у грековъ могло завоевать сочувствіе даже судей, личное появленіе гетеры, въ Римѣ безъ сомнѣнія послужило бы толчкомъ къ обвинительному приговору. Что же привлекательное могло развиться изъ этого положенія вещей, когда, съ развитіемъ жизни огромнаго города, съ возрастаніемъ богатства и роскоши и наконецъ съ пересадкой греческихъ модъ, нравы пошатнулись, армія проститутокъ выросла, внѣбрачныя половыя наслажденія сдѣлались правиломъ и противоестественныя наклонности достигли расцвѣта? Ровно ничего — достаточно окинуть бѣглымъ взглядомъ жизнь позднѣйшей республики и императорской эпохи, чтобы убѣдиться въ полной несравнимости нравовъ греческаго и римскаго полусвѣта. Конечно и римскіе поэты прославляли своихъ незаконныхъ возлюбленныхъ, съ большой откровенностью и не безъ лирической прелести, какъ показываютъ стихи Катулла, Тибулла, Проперція; возлюбленныя Горація, извѣстныя каждому нѣмецкому гимназисту, зубрившему въ школѣ латынь, были конечно предметомъ не платоническаго только обожанія съ его стороны, а Овидій, тоже освященный нашими школами, Овидій, чувственность котораго превосходила своими размѣрами даже его носъ, подарилъ одну изъ самыхъ вольныхъ любовныхъ книгъ, какія только есть въ міровой литературѣ, своимъ современникамъ, такъ какъ превосходилъ ихъ всѣхъ опытностью по этой части. Но что бы мы знали о представительницахъ продажной красоты, воспѣтыхъ въ этой поэзіи, если бъ имъ не посчастливилось утолять иногда чувственныя вожделѣнія стихотворцевъ? Ничего. Съ исторіей Рима, съ политикой, съ общественной жизнью, со всѣмъ, чѣмъ великъ и значителенъ и до сихъ поръ достоинъ удивленія Римъ, ихъ дѣятельность и похожденія не имѣютъ ни малѣйшей связи. Даже въ императорскую эпоху, которая служитъ одной изъ любимѣйшихъ темъ для мрачнаго изображенія нравовъ, практика куртизанокъ представляетъ явленіе большого соціальнаго, но ничтожнаго историческаго значенія. Картина чувственной распущенности высшихъ классовъ и императорскаго двора являетъ намъ все тѣ же образцы разнузданности, развращенности, противоестественности; тщетно ищемъ мы среди всѣхъ этихъ женщинъ выдающагося ума, утонченнаго или одухотвореннаго вкуса, личности, способной вліять на политику или дать толчокъ духовной жизни. Повидимому имя Мессалины (рис. 115 во 2 части перваго тома) занесено огненными буквами на скрижали исторіи нравовъ, и до сихъ поръ еще это имя остается нарицательнымъ для женщины, ненасытной въ чувственныхъ вожделѣніяхъ и ни

передъ чѣмъ не останавливающейся въ погонѣ за половыми наслажденіями. Но этимъ и исчерпывается содержаніе этого имени, и ни Мессалина, ни какая бы то ни было изъ многихъ мессалинъ, которыхъ видѣлъ императорскій Римъ, не представляютъ хотя бы самаго отдаленнаго сходства съ греческими гетерами.

Въ наше время римлянъ часто сравниваютъ съ англичанами и пруссаками: съ первыми ихъ сближаетъ удивительный политическій инстинктъ и сознательное стремленіе къ міровому господству; съ послѣдними военный и бюрократическій духъ и бѣдность всѣмъ, что называютъ дарами грацій, утонченнымъ вкусомъ и эстетическимъ пониманіемъ. Для всѣхъ трехъ народовъ характернымъ признакомъ является яркое выраженіе специфически мужественнаго начала. И, безъ сомнѣнія, въ связи съ этимъ находится тотъ фактъ, что у всѣхъ трехъ проституція приняла грубѣйшія формы, нѣтъ никакихъ связующихъ нитей между общественной жизнью и тайными наслажденіями и даже представительницамъ высшаго полусвѣта чужды всякія болѣе или менѣе тонкія черты, всякая духовность, всякая связь съ культурой, политической или артистической, общественной или философской. Въ древнемъ Римѣ, какъ и въ современномъ Лондонѣ, и въ новѣйшемъ Берлинѣ, мужчины высшихъ сословій, отцы и сыновья родовой и денежной аристократіи такъ же обязательно имѣли оплачиваемыхъ подругъ, какъ въ Аѳинахъ и въ Парижѣ. Но какъ бы по молчаливому соглашенію всѣхъ эти подруги не существуютъ для остального міра. Имъ нанимаютъ квартиры, покупаютъ платья и драгоцѣнности, исполняютъ всѣ ихъ капризы, только не показываются съ ними въ обществѣ. Да и невозможно это, потому что часто онѣ только тѣло, одѣтое въ шелка и брилліанты; умъ и образованіе у нихъ отсутствуютъ. Если у нихъ есть что-нибудь свое, оригинальное, то онѣ стыдятся этой особенности, стараются отдѣлаться отъ нея и усвоить манеры и разговоры элегантнаго общества. Чувство и серьезные интересы кажутся имъ несовмѣстимыми съ ихъ образомъ жизни. Почему же? Но двумъ основаніямъ. Тамъ, гдѣ женщина, какъ домохозяйка, супруга и мать, окружена своего рода культомъ — а это мы и находимъ у римлянъ, британцевъ и сѣверныхъ нѣмцевъ, — гдѣ поэтому чувственная привлекательность, кокетливость и игривость женщины цѣнится относительно низко, тамъ вообще разстояніе между женщинами, которыя посвящаютъ себя вышеуказанному тройственному призванію, и тѣми, которыя преимущественно отдаются служенію плоти, превращается въ глубокую, непереходимую пропасть. „Или-или“ господствуетъ, и то, что не подчиняется законамъ пристойности во всемъ ихъ объемѣ, во всей ихъ строгости, безжалостно отбрасывается въ область непристойнаго. Это можетъ заходить такъ далеко, что даже на женщинъ, морально безупречныхъ, но соединяющихъ пылкій темпераментъ съ наклонностью къ внѣшней роскоши, посматриваютъ искоса и положеніе ихъ въ обществѣ, наряду съ ихъ товарками, ведущими простой и суровый образъ жизни, оказывается вовсе не легкимъ. Это обостряется еще и другимъ обстоятельствомъ, тѣмъ именно, что у такихъ народовъ интересы мужчины направлены односторонне на извѣстныя профессіи, всего сильнѣе на

такія абсолютно серьезныя вещи, какъ военное дѣло и управленіе, техника и наука, тогда какъ болѣе эстетическая сторона культурной дѣятельности цѣнится гораздо ниже, театръ и чтеніе, салонная жизнь и болтовня игнорируются мужчинами или даже презираются и избѣгаются, какъ недостойное мужчины времяпровожденіе. Послѣдствіемъ является то, что серьезнымъ занятіямъ противопоставляются въ качествѣ отдыха только грубыя физическія наслажденія: спортъ, хорошая ѣда и питье, чисто плотское наслажденіе любовью, и собственно только какъ декорація и приправа къ нимъ низшія формы зрѣлищъ, какія можно найти въ циркѣ, въ кафешантанѣ, въ танцклассахъ, въ опереткѣ и балетѣ. Естественно, мужчина съ такими узкими рессурсами не цѣнитъ и въ женщинѣ склонности къ тѣмъ силамъ эстетической культуры, которыя связываютъ легкомысліе съ полнотой духовной жизни: у своей жены она показалась бы ему несовмѣстимой съ его идеаломъ подруги жизни, а въ любовницѣ, отъ которой онъ требуетъ не остроумныхъ разговоровъ, не высшихъ интересовъ вообще, даже не игриваго кокетства, а просто удовлетворенія своихъ чувственныхъ вожделѣній, подобная склонность показалась бы ему просто скучной и невыносимой. Въ мірѣ же полусвѣта если не масса, то характеръ предложенія всегда приноровляется къ спросу; и если мы прибавимъ къ этому, что, благодаря духовной гибкости женщины, въ средѣ женщинъ даннаго народа развиваются обыкновенно именно тѣ формы жизни и жизненные интересы, которые могутъ разсчитывать на благопріятную оцѣнку со стороны мужчины, — то станетъ вполнѣ понятно, что и дамы высшихъ слоевъ полусвѣта остаются чуждыми эстетическому и интеллектуальному образованію, если ихъ кавалеры не ставятъ ни во что этого образованія. Но этимъ самымъ, такъ какъ вся область моральныхъ жизненныхъ интересовъ и серьезныхъ житейскихъ обязанностей совершенно устранена изъ ихъ существованія, посвященнаго вѣчно смѣняющимся чувственнымъ наслажденіямъ, онѣ неумолимо отдѣляются отъ міра нравственныхъ женщинъ и смѣшиваются съ проституціей, отличаясь отъ нея только роскошью и притязаніями. Мужчинѣ, который ищетъ ихъ, онѣ въ сущности внушаютъ не больше уваженія, чѣмъ любая проститутка; онъ предпочитаетъ ихъ только потому, что онѣ въ чисто внѣшнихъ отношеніяхъ, благодаря заботамъ о своемъ тѣлѣ и о своей обстановкѣ, болѣе соотвѣтствуютъ его повседневнымъ привычкамъ!

Вслѣдствіе этого, связь высшаго полусвѣта съ средней проституціей становится во всѣхъ отношеніяхъ болѣе тѣсной, чѣмъ тамъ, гдѣ онъ играетъ роль въ общественной жизни и участвуетъ въ наслажденіяхъ высшими культурными благами. Проституткѣ низшаго разбора очень легко сдѣлаться кокоткой высшаго ранга, если для этого требуются только чисто внѣшнія условія, и обратно — съ высотъ полусвѣта очень легко соскользнуть въ болото уличной проституціи, если опять таки для этого достаточно утратить лишь извѣстныя внѣшнія преимущества. Въ дѣйствительности послѣднее, конечно, случается чаще, чѣмъ первое: исторія нравовъ свидѣтельствуетъ, что и высоко стоящія въ духовномъ отношеніи жрицы чувственности, по крайней мѣрѣ на закатѣ своей жизни, очень часто кончаютъ па-

деніемъ въ трясину, если возрастъ погубилъ ихъ прелесть, пьянство разрушило ихъ тонкую духовную организацію, а расточительность привела къ нуждѣ, заставляющей продаваться первому встрѣчному. Обыкновенно, бывшая куртизанка, если только она не получила хорошаго обезпеченія отъ какого-нибудь изъ позднихъ любовниковъ, прибѣгаетъ къ ремеслу сводни — изъ міра порока переходитъ въ міръ преступленія. Обратное, то есть превращеніе обыкновенной проститутки въ даму полусвѣта, конечно не представляетъ особенно рѣдкаго случая; но этотъ путь недостаточенъ для набора полнаго контингента дамъ высшаго полусвѣта, даже тамъ, гдѣ, какъ въ упомянутыхъ странахъ, онъ легко доступенъ. Нуженъ толчокъ въ видѣ особенныхъ тѣлесныхъ прелестей или особенныхъ случайностей; сама по себѣ женщина, которая дышитъ воздухомъ повседневной проституціи, въ большинствѣ случаевъ слишкомъ безвольна, чтобы усвоить хотя бы только внѣшнія преимущества, необходимыя для того, чтобы подняться въ куртизанки. Поэтому, высшій міръ кокотокъ, даже у тѣхъ народовъ, гдѣ онъ ни въ отношеніи своихъ достоинствъ, ни въ отношеніи своего значенія не отличается существенно отъ проституціи и, во всякомъ случаѣ, по отношенію къ міру приличныхъ женщинъ, смѣшивается въ одну кучу съ нею, рекрутируется только случайно изъ проститутокъ, а въ наибольшей своей части изъ представительницъ извѣстныхъ профессій, которымъ приходится для пополненія своихъ средствъ къ существованію прибѣгать къ кошельку кавалеровъ, и которыхъ самый родъ занятій располагаетъ къ легкому и чувственному отношенію къ жизни. Тутъ можно указать въ первую голову на циркъ, театральный хоръ, балетъ. Особенная духовная утонченность не свойственна этимъ профессіямъ, какъ таковымъ, и представительницамъ ихъ, конечно, нѣтъ надобности культивировать свой духъ искусственно, разъ любовникъ не требуетъ ничего подобнаго.

Довольно. Мы связали эти соображенія съ сравненіемъ римлянъ, британцевъ и пруссаковъ, и изъ этой параллели будетъ ясно, что поразительное сходство внѣбрачныхъ формъ любовныхъ отношеній у этихъ трехъ народовъ не зависитъ отъ простыхъ случайностей, а коренится въ особенностяхъ всего строя жизни и культуры. Господствующій классъ даже при желаніи (которое можетъ возникнуть вслѣдствіе того, что международныя связи до нѣкоторой степени возвышаютъ надъ среднимъ уровнемъ народа), не можетъ безъ церемоній отбросить установившіеся обычаи и воззрѣнія; то, что осуждается внизу и въ среднихъ слояхъ, вверху можно практиковать лишь тайно, если даже самъ негодуешь на эту „узость взглядовъ". Въ Германіи этотъ гнетъ народнаго воззрѣнія всегда былъ особенно силенъ. „Счастливая семейная жизнь" монарха считается здѣсь одной изъ сильнѣйшихъ опоръ, какую монархическая форма государства можетъ имѣть въ сердцахъ народа. Правда, смотрятъ сквозь пальцы на извѣстныя вольности высшихъ классовъ, знаютъ, что „вверху" смотрятъ легко на извѣстныя вещи, и при случаѣ судачатъ объ этомъ, но вниманіе, оказанное куртизанкѣ публично, вызвало бы слишкомъ сильное негодованіе; монархъ, аристократъ, богачъ, офицеръ могутъ имѣть на содержаніи метрессъ, но такъ, чтобы

это не было вызовомъ общественному мнѣнію. Въ результатѣ, на страницахъ прусской исторіи за три столѣтія врядъ ли можно указать имя хоть одной дамы полусвѣта (куртизанки), хотя въ хроникѣ интимной жизни дворовъ и знати онѣ фигурируютъ очень часто. Только разъ въ этой исторіи фаворитка играла общественную роль, и возбудила этимъ несказанное негодованіе, которое жестоко отомстило ей по смерти ея царственнаго покровителя. Эта женщина, которая впрочемъ была только внѣбрачной любовницей, а вовсе не кокоткой, графиня Лихтенау (рис. 173), а ея любовникъ король Фридрихъ Вильгельмъ II.

Ея настоящее имя было Вильгельмина Энке, она была дочь полкового трубача въ королевской капеллѣ. Ея старшая сестра вышла замужъ за русскаго графа, въ домѣ котораго тогдашній кронпринцъ познакомился съ тринадцатилѣтней Вильгельминой. Сначала между ними развилась чисто духовная связь; кронпринцъ взялъ ее въ Потсдамъ и далъ ей возможность получить хорошее образованіе. При этомъ онъ взялъ на себя преподаваніе исторіи и по мѣрѣ того какъ Вильгельмина подростала, и расцвѣтала ея своеобразная чувственная красота, къ духовной связи присоединилась плотская, при чемъ однако и первая не была заброшена. Фридрихъ Великій былъ крайне раздраженъ сплетнями, которыя вызвала эта связь его племянника, и заставилъ Вильгельмину обвѣнчаться съ камердинеромъ, — впрочемъ, этотъ бракъ никогда не былъ дѣйствительнымъ бракомъ. Въ эти годы дѣвушку привязывала къ наслѣднику престола дѣйствительно безкорыстная склонность; такъ какъ кронпринцъ по скупости короля располагалъ лишь очень скудными средствами, и на сотню дукатовъ въ мѣсяцъ, которые онъ въ концѣ концовъ для нея выхлопоталъ, она должна была содержать мать и двухъ дѣтей, прижитыхъ ею отъ кронпринца. Только по смерти Фридриха Великаго, со вступленіемъ на престолъ кронпринца, началось для Вильгельмины лучшее время. Бракъ ея былъ разведенъ, она получила въ подарокъ нѣсколько домовъ, и кромѣ того ей было назначено содержаніе въ триста луидоровъ въ мѣсяцъ. Въ 1796 г. она получила титулъ графини Лихтенау и крупное имѣніе въ Маркѣ. Этотъ шагъ, результатомъ котораго было оффиціальное принятіе любовницы въ придворное общество, возбудилъ гнѣвъ общества противъ этой женщины, которую стали считать утонченной хищницей, эксплоатирующей короля. Въ теченіе года это настроеніе до того усилилось, что, когда въ 1797 г. король умеръ, Фридрихъ Вильгельмъ III, уступая давленію общественнаго мнѣнія, велѣлъ арестовать графиню и заключить ее на три года въ крѣпость. Она должна была вернуть все, землю, дома и полмилліона талеровъ, которые ея царственный любовникъ подарилъ ей незадолго передъ смертью. По освобожденіи изъ крѣпости, она вышла замужъ, въ сорокавосьмилѣтнемъ возрастѣ, за двадцатитрехлѣтняго гитариста, Франца Гольбейна, — но спустя три года послѣдовалъ разводъ, такъ какъ молодой мужъ сталъ увлекаться другими женщинами. Впослѣдствіи онъ достигъ мѣста директора городского театра въ Вѣнѣ, и еще два раза былъ женатъ. Это интермеццо снова возбудило общественное мнѣніе противъ графини, которая въ концѣ концовъ выпустила въ свѣтъ двухтомную защиту, чрезвычайно ловко и остроумно написан-

ную книгу. Отчасти благодаря этой книгѣ, отчасти благодаря вліянію Наполеона, она получила обратно часть своего состоянія. Умерла она въ Бреславлѣ, въ 1820 г., шестидесяти-шести лѣтъ, одинокая и разочарованная. Изъ ея двоихъ дѣтей, получившихъ при рожденіи титулъ графовъ Маркъ, мальчикъ умеръ въ девятилѣтнемъ возрастѣ, а дочь вышла впослѣдствіи замужъ за какого-то польскаго аристократа.

Именно исторія графини Лихтенау чрезвычайно ярко характеризуетъ невозможное положеніе любовницы монарха въ томъ случаѣ, когда общественное мнѣніе строго относится къ подобнымъ вещамъ. Вильгельмина Энке вѣроятно избѣжала бы всякихъ преслѣдованій, если бъ король не дѣлалъ попытокъ вынудить у общества почтеніе къ ней. Противъ этого возмутилось общественное мнѣніе и обрушилось на то лицо, которое всего менѣе заслуживало этого негодованія: на графиню. Между тѣмъ это была несомнѣнно выдающаяся по уму и вовсе не плохая по нравственнымъ качествамъ женщина; въ ней не было слѣдовъ кокотки, и даже куртизанкой ее нельзя назвать, такъ какъ она искренно любила кронпринца и удовлетворяла не только его чувственность, но и умъ и его сердечное влеченіе, королю же оставалась честной и вѣрной подругой, самоотверженно ухаживавшей за нимъ до его послѣдняго часа, хотя чувственныя отношенія между ними совершенно прекратились. Эта женщина была совершенно неправильно оцѣнена современниками и только потомство очистило ея образъ отъ пятенъ, наложенныхъ злословіемъ и подозрительностью. Теперь извѣстно, что, будучи возлюбленной кронпринца, она долгіе годы жила въ нуждѣ; извѣстно, что она довольствовалась ролью подруги короля, и не хотѣла принимать титула, такъ какъ предвидѣла бурю, которую вызоветъ это пожалованіе; извѣстно, наконецъ, что она никогда не вмѣшивалась въ политическія интриги, несмотря на всѣ попытки завлечь ее въ нихъ. Она довольствовалась обществомъ литературныхъ и философскихъ умовъ, которое собирала въ своемъ салонѣ, и неустанно стремилась расширить и углубить собственное образованіе. Можно сказать, что она представляетъ хорошій типъ берлинской буржуазки: непосредственная и естественная чувственность, безъ кокетства и утонченности, веселый характеръ и сердечная теплота, а главное, искреннее и серьез-

Рис. 174. Франсуаза Добинье, маркиза Ментенонъ.
Гравюра К. Фике съ картины П. Миньяра.

ное уваженіе къ образованію и духовной культурѣ. Случай устроилъ такъ, что она сдѣлалась любовницей кронпринца, но эту любовную связь она пережила какъ настоящій бракъ: вначалѣ съ искренней влюбленностью, къ которой присоединялась общность духовныхъ интересовъ, позднѣе въ искренней и безкорыстной дружбѣ. Не доставало только оффиціальнаго клейма. Но это не ея вина, такъ какъ не она создала мораль, которая дѣлаетъ невозможнымъ женитьбу короля на простой гражданкѣ.., При всемъ томъ, и несмотря на отсутствіе какихъ-либо доказательствъ виновности, на ея долю выпали негодованіе и травля, какъ неизбѣжное послѣдствіе половой морали, господствовавшей въ обществѣ. Эта мораль до сихъ поръ почти не измѣнилась. Исторія графини Лихтенау и теперь разыгралась бы точно такъ же, какъ сто лѣтъ тому назадъ: это объясняется своеобразнымъ духовнымъ направленіемъ сѣверно-германскаго народнаго характера. То же самое было бы возможно въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Швеціи; также и въ римской республикѣ.

И не только было бы возможно, но, по всей вѣроятности, неизбѣжно такъ бы и случилось во всѣхъ этихъ странахъ, какъ неизбѣжно оно было у насъ, — тогда какъ, наоборотъ, во Франціи и Италіи, въ Россіи и Венгріи, даже въ Австріи подобная исторія представляется совершенно невѣроятной. Такъ какъ ни въ одной изъ этихъ странъ высшій полусвѣтъ не отдѣляется отъ высшаго свѣта такъ рѣзко, чтобы нельзя было проникнуть изъ перваго во второй. И если мы всмотримся внимательнѣе, то найдемъ въ культурной жизни высшихъ слоевъ Парижа и Вѣны, Будапешта и Петербурга, и современнаго Рима гораздо больше греческаго духа, чѣмъ римскаго. Власть чувственно прекраснаго выдвигается на первый планъ и набрасываетъ свой покровъ даже на трезвую прозу оффиціальной жизни, на дѣла, управленіе и политику. Дѣла и управленіе носятъ здѣсь черты распущенности, а политика, какъ въ древней Греціи, даже въ своихъ серьезнѣйшихъ выступленіяхъ смахиваетъ на театральное представленіе. Само моральное негодованіе разыгрывается здѣсь ради пафоса, въ который оно рядится. Въ этихъ именно странахъ (само собою разумѣется, прибавимъ мы) общественныя дѣла часто во многомъ, въ безконечно большемъ, чѣмъ у насъ, и нерѣдко въ существенно важномъ зависятъ отъ женщинъ, — отъ женщинъ, для которыхъ въ тысячу разъ важнѣе обладать красотой и привлекательностью, изяществомъ и кокетствомъ, чѣмъ добродѣтелями супруги, домохозяйки и матери. Здѣсь между свѣтской дамой, которая, несмотря на весь свой флиртъ, не упускаетъ изъ вида рамокъ, предписываемыхъ моралью, и продажной дамой полусвѣта существуютъ тысячи переходныхъ ступеней, и возможность оффиціально выступать въ обществѣ опредѣляется не столько общеобязательными правилами приличія, сколько качествами личности.

Жизнь одной изъ знаменитѣйшихъ фаворитокъ нашего времени яркая иллюстрація этихъ отношеній. Эмма Чинизелли родилась въ семьѣ странствующихъ акробатовъ и сначала готовилась къ ходьбѣ по канату, но, вслѣдствіе несчастной случайности, сдѣлалась наѣздницей. Своей ослѣпительной красотой она всюду производила фуроръ и въ 1860 г. обратила на себя

вниманіе итальянскаго короля, Виктора Эммануила (уже тогда получившаго за свои любовныя похожденія прозвище Rè Galantuomo). Она сдѣлалась любовницей короля и родила ему дочь. Только спустя два года морганатическая супруга короля узнала о своей соперницѣ и потребовала разрыва съ Чинизелли. Вознагражденная съ королевской щедростью, она уѣхала, продолжая подвизаться на поприщѣ наѣздницы, которому никогда не измѣняла. Шумный тріумфъ достался ей на долю въ 1866 г., въ Будапештѣ, гдѣ аристократическое общество забыло изъ-за нея о войнѣ и холерѣ. Въ своихъ дальнѣйшихъ странствованіяхъ она попала въ 1877 г. въ Петербургъ. Однимъ изъ первыхъ претендентовъ на ея любовь явился здѣсь государственный канцлеръ князь Горчаковъ...

Нельзя не признать, конечно, что даже такіе примѣры нашего времени — только слабый отблескъ власти и значенія придворныхъ куртизанокъ тѣхъ вѣковъ, черезъ которые мы перескочили, проводя параллель между римлянами, британцами и пруссаками, и на которые стоитъ оглянуться хоть бѣглымъ взглядомъ. На границѣ среднихъ вѣковъ и новаго времени, и далеко въ глубь этого послѣдняго, то есть, приблизительно, въ періодъ между нѣмецкой реформаціей и французской революціей, практика придворныхъ куртизанокъ переживала эпоху своего расцвѣта, и при случаѣ вліяла даже на историческія событія своего времени.

Всеобщій упадокъ нравовъ, начавшійся въ средніе вѣка въ рыцарствѣ (миннезингеры!) и заразившій позднѣе буржуазію, нашелъ, для широкихъ массъ очень дѣйствительное противоядіе въ реформаціи и, позднѣе, контръ-реформаціи, — настолько дѣйствительное, что съ семнадцатаго столѣтія въ буржуазной средѣ водворяется та строгость приличій, добрыхъ нравовъ и воспитанія, которая нерѣдко доходила до фарисейской мелочности и безсердечности и получила характерную кличку „мѣщанской морали“. Разнузданность чувственной любовной жизни сосредоточилась въ дворянствѣ и при дворахъ. Какъ извѣстно, абсолютизмъ достигъ своего всемірно-историческаго, блестящаго развитія во Франціи, гдѣ Людовикъ XIV, король-солнце, формулировалъ новый образъ правленія въ знаменитой формулѣ l'état c'est moi (государство — это я). Жизнь короля-солнца украшена вереницей любовныхъ похожденій, при чемъ однако чувственныя наслажденія никогда не наполняли всецѣло этотъ выдающійся умъ. Послѣ идиллической юношеской связи король послѣдовательно попадаетъ въ сѣти двухъ куртизанокъ, имена которыхъ сохранила исторія.

Первая была маркиза де Монтеспанъ (см. худож. приложеніе), принадлежавшая къ родовой аристократіи и вышедшая замужъ за аристократа, которая, въ качествѣ фрейлины королевы, пріобрѣла благосклонность короля. Цѣлыхъ десять лѣтъ она оставалась любовницей Людовика, который развелъ ее съ мужемъ. Изъ этого положенія ее вытѣснила только воспитательница ея дѣтей. Эта послѣдняя, госпожа Ментенонъ (рис. 174), происходила изъ старой гугенотской семьи. Еще молодой дѣвушкой она перешла въ католицизмъ и сдѣлалась женой поэта Скаррона. По смерти его ей пришлось испытать тяжелую нужду. Приглашенная въ качествѣ воспитательницы

Госпожа Монтеспанъ, играющая на арфѣ.

По картинѣ Каспара Нетчера.

(Фотограф. издательство Ф Брукмана въ Мюнхенѣ.)

Т во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

маркизой Монтеспанъ, она попалась на глаза королю, и, хотя ея тѣлесныя прелести уже сильно увяли, сумѣла быстро завоевать его благосклонность своимъ умомъ и остроуміемъ. Людовикъ далъ отставку Монтеспанъ (которая удалилась послѣ этого въ монастырь), и съ 1760 г. Ментенонъ сдѣлалась его оффиціальной фавориткой. Она не довольствовалась удовлетвореніемъ чувственныхъ вожделѣній короля. Напротивъ, она до такой степени овладѣла его умомъ и сердцемъ, что этотъ могущественный властелинъ, по смерти своей супруги, тайно обвѣнчался съ Ментенонъ. Ея вліяніе на политику было по временамъ очень значительнымъ, и благочестивая до ханжества, подобно своей бывшей патронессѣ, она дѣйствовала въ строго клерикальномъ духѣ.

Прибавивъ сюда идиллическую связь короля съ дѣвицей Лавальеръ, предшествовавшую отношеніямъ къ Монтеспанъ, далѣе знаменитый сантиментальный романъ юности, когда король былъ на волосокъ отъ женитьбы на Маріи Манчини (рис. 175), не состоявшейся только вслѣдствіе вмѣшательства ея дяди, кардинала Мазарини (не смѣшивать эту Манчини съ ея сестрой Гортензіей, которая своими любовными похожденіями при лондонскомъ дворѣ сумѣла пріобрѣсти безсмертіе въ исторіи культуры), — и сопоставивъ всё это, — мы найдемъ, что вся любовная жизнь короля-солнца, несмотря на его измѣнчивость, не лишена извѣстнаго благородства, такъ какъ вытекаетъ изъ склонностей, болѣе или менѣе глубокихъ и направленныхъ на духовныя преимущества. Женщины, дѣлившія ложе съ Людовикомъ, отличаются многими симпатичными качествами и умомъ; онѣ сами цѣнили разнообразіе въ любви, но не имѣли ничего общаго съ грубыми кокотками, отдающимися исключительно ради матеріальныхъ выгодъ.

Только преемникъ великаго короля спустился въ болото чувственной жизни. Обвѣнчанный еще почти мальчикомъ съ Маріей Лещинской, Людовикъ XV сначала былъ счастливъ въ бракѣ, потомъ охладѣлъ къ своей супругѣ, и вступилъ въ связь съ нѣкоей дѣвицей де Мальи и, послѣдовательно, съ двумя ея сестрами. Затѣмъ въ его жизнь вступила женщина, ставшая типомъ политической куртизанки, имя которой пріобрѣло всемірную славу — маркиза Помпадуръ (рис. 176). Дочь маленькаго чиновника и безнравственной женщины, воспитанная въ семьѣ одного изъ любовниковъ матери, она вышла замужъ за откупщика податей, была принята при дворѣ, получила дворянство и плѣнила Людовика XV своими прелестями. При этомъ она пользовалась тѣлесными средствами только для удовлетворенія своего честолюбія. Сама не обладая настоящей чувственностью, она однако сумѣла сдѣлаться необходимой королю и, когда половая связь очень быстро прекратилась, сохранила неограниченное господство надъ его умомъ. У ней хватило хитрости не навязываться съ своими прелестями пресыщенному любовнику, а напротивъ — самой заботиться объ удовлетвореніи его половыхъ потребностей при помощи другихъ женщинъ. Извѣстно, что она держала въ своихъ рукахъ нити политики, даже веденія войны, что, раздраженная остротами Фридриха Великаго и польщенная письмомъ Маріи Терезіи, она впутала Францію въ войну съ Пруссіей, что она назначала и смѣняла министровъ и генераловъ.

Съ фотогр. Фотогр. Общ. въ Берлинѣ.
Рис. 175. Марія Манчини. Съ портрета П. Миньяра.

Во всякомъ случаѣ, если въ сферѣ чувственности она не отступала даже передъ поощреніемъ противоестественныхъ похотей короля, чтобы сдѣлаться ему необходимой въ качествѣ помощницы и сводницы, то ея необузданное честолюбіе сообщаетъ ей извѣстное величіе. Могло бы быть еще хуже, и стало еще хуже. Послѣднее пятилѣтіе жизни короля отмѣчено именемъ графини Дюбарри (рис. 177). Дочь чиновника, какъ и Помпадуръ, рано оставшаяся сиротой и воспитанная въ монастырѣ, она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была проституткой въ Парижѣ, пока не попала въ объятія графа Дюбарри, а затѣмъ короля. Она тоже пыталась руководить политикой, но ея хватало только на низкія интриги грубой натуры. Обладая тѣлесной красотой и изощрен-

ная во всѣхъ пріемахъ противоестественной чувственности, она держала короля въ своихъ рукахъ до его смерти. Ея кончина отмѣчена ироніей исторіи: она, воплощеніе наиболѣе выродившейся формы придворнаго куртизанства своей эпохи, сдѣлалась жертвой великой революціи, затопившей эту эпоху въ потокахъ крови. Королевская проститутка кончила свои дни тамъ же, гдѣ королевская власть: на гильотинѣ...

То, что французская революція осуществила во Франціи, что уже столѣтіемъ раньше было осуществлено подобнымъ же переворотомъ въ Англіи, въ Германіи осуществила только революція 1848 г.: мы подразумѣваемъ устраненіе абсолютизма и вытѣсненіе аристократіи изъ ея господствующаго положенія, съ тѣмъ чтобы вернуть буржуазіи ея всемірно-историческую роль, которую она уже начинала играть во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. Съ тѣхъ поръ культура историческихъ народовъ сдѣлалась по существу буржуазной — хозяйственная жизнь и искусство, политика и воспитаніе и, не на послѣднемъ планѣ, мораль. Но требованіе буржуазной морали — безусловная чистота нравовъ со стороны женщины и сохраненіе внѣшнихъ приличій со стороны мужчины; это не зависитъ отъ національныхъ различій, которыя придаютъ разнообразную окраску моральнымъ воззрѣніямъ въ деталяхъ.

Въ Германіи, какъ и въ Италіи, во Франціи, какъ и въ Скандинавскихъ странахъ, въ старой Англіи, какъ и въ молодой Америкѣ буржуазія безжалостно выбрасываетъ изъ своей среды „падшую дѣвушку“, то есть дѣвушку, чувственная страсть которой не дождалась разрѣшеннаго закономъ и церковью удовлетворенія при посредствѣ мужа. Мало того, грѣхъ матери взыскивается съ ребенка: внѣбрачный ребенокъ всю жизнь несетъ клеймо своего рожденія. На похожденія мужчины смотрятъ сквозь пальцы, пока онъ не выступаетъ съ ними публично. Буржуазія знаетъ, что во многихъ кругахъ взгляды гораздо свободнѣе, но не претендуетъ на нихъ и требуетъ только, чтобы эта свобода осуществлялась при закрытыхъ дверяхъ; въ противномъ случаѣ виновный безпощадно „изобличается“, чему примѣры можно найти въ политической жизни послѣдняго времени. То же имѣетъ силу относительно монарховъ. По внѣшности ихъ брачная жизнь должна быть примѣрной, по меньшей мѣрѣ неуязвимой, иначе монархическія чувства будутъ поколеблены. Врядъ ли кому-нибудь изъ современныхъ монарховъ придетъ въ голову имѣть оффиціальную любовницу, вмѣшивающуюся въ политическія дѣла. Помпадуръ, получающая льстивыя письма отъ Маріи Терезіи, стала теперь невозможнымъ явленіемъ. Оффиціально сама корона, какъ и аристократія, подчиняется буржуазной морали.

Даже такія профессіи, которыя искони пользовались привилегіей болѣе свободныхъ нравовъ, какъ артистическія всѣхъ родовъ и прежде всего театръ, подчиняются этой морали, чтобъ заслужить благоволеніе буржуазіи. Правда, это еще далеко не достигнуто, такъ какъ для многихъ буржуазныхъ семей все еще ударъ, если ихъ дочь сдѣлается актрисой или сынъ музыкантомъ, — ударъ, съ которымъ примиряетъ только успѣхъ, часто только слава. Но общественныя связи между буржуазіей и представителями искусствъ становятся тѣмъ многочисленнѣе и

тѣснѣе, чѣмъ чаще артисты заключаютъ узы почтеннаго буржуазнаго брака съ почтенной буржуазной дѣвицей, отъ котораго родятся почтенныя буржуазныя дѣти, дѣлающія впослѣдствіи почтенную буржуазную карьеру... Буржуазія съ каждымъ десятилѣтіемъ все болѣе и болѣе господствуетъ надъ міромъ и вмѣстѣ съ нею господствуетъ ея нравственность.

Неразрѣшимый вопросъ: точно ли отъ этого міръ сдѣлался нравственнѣе. Отвѣтъ зависитъ отъ того, какимъ масштабомъ мѣрить. Проституція не уменьшилась, это несомнѣнно. Бѣдствія, къ которымъ она приводитъ, даже увеличились, такъ какъ половыя болѣзни стали болѣе распространенными. Уменьшилось ли число нарушеній брачнаго обѣта, то есть не возросло ли оно пропорціонально возрастанію числа браковъ, — это большой вопросъ. Впечатлѣнія и приблизительныя оцѣнки въ такихъ вещахъ обманчивы, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они не подсказаны предвзятымъ мнѣніемъ. Пусть буржуазія подчинила аристократію своимъ законамъ, пусть ей удалось то же самое въ отношеніи пролетаріата, — но тотъ, кто подчиняетъ, всегда испытываетъ на себѣ вліяніе подчиняемаго, а переходъ отъ безсилія къ власти, отъ ничтожества и зависимости къ господству и самоопредѣленію не можетъ не сопровождаться глубокимъ измѣненіемъ внутренняго существа самого побѣдителя, изглаживаніемъ его угловъ, и граней. На нашихъ глазахъ воззрѣнія буржуазныхъ круговъ на половую мораль измѣняются, — становятся болѣе „распущенными", какъ выражаются поклонники старины, болѣе „свободными", какъ говорятъ энтузіасты будущаго. Вотъ уже десять лѣтъ въ буржуазномъ обществѣ разрѣшено говорить о половыхъ различіяхъ. Въ газетахъ, которыя читаютъ буржуа и его супруга, уже лѣтъ пять печатается слово сифилисъ. Въ жизнь буржуазныхъ женщинъ вторглись двѣ преобразующія силы: профессія и спортъ. Онѣ заставили отказаться отъ того боязливаго надзора, который тяготѣлъ надъ буржуазной дѣвушкой, не позволяя ей ни на минуту оставаться одной съ мужчинами. Повсюду серьезнѣйшимъ образомъ обсуждается вопросъ, въ какомъ возрастѣ и отъ кого подрастающее поколѣніе обоего пола должно получать свѣдѣнія о половыхъ вещахъ, — а необходимости этого не отрицаютъ уже самые заскорузлые, такъ какъ слишкомъ ясно, что въ противномъ случаѣ пріобрѣтаются неполныя, искаженныя и тѣмъ болѣе опасныя свѣдѣнія объ этихъ вещахъ путемъ чтенія (которое теперь и въ фельетонномъ романѣ преподноситъ гораздо большія дозы эротизма, чѣмъ четверть вѣка назадъ) и наблюденій надъ уличной жизнью. Словомъ, то, что считалось нѣкогда нравственнымъ воспитаніемъ, подвергается въ послѣднія десятилѣтія глубокому преобразованію, принципы, считавшіеся священными, падаютъ одинъ за другимъ, и совершенно новое зданіе готово возникнуть на развалинахъ стараго.

Какую роль будетъ играть въ этомъ новомъ строѣ мужской міръ? Мы не знаемъ этого. Но общее преобразованіе жизни, безъ сомнѣнія, не можетъ не отразиться на половой дѣятельности буржуазной мужской молодежи. Возможность брака постоянно отодвигается на все болѣе и болѣе поздній возрастъ. Бракъ двадцатилѣтняго теперь исключеніе; въ настоящее время тотъ, кто захотѣлъ бы жениться въ двадцатилѣтнемъ возрастѣ, рискуетъ

вызвать не только удивленіе, но и сожалѣніе, негодованіе, насмѣшки. Десятилѣтіе между двадцатью и тридцатью годами для все болѣе и болѣе широкихъ круговъ мужчинъ становится періодомъ холостого существованія. А это десятилѣтіе сильнѣйшаго полового влеченія, сильнѣйшей потребности жить! Если, съ одной стороны, связь съ родительскимъ домомъ, его мораль,

Рис. 176. Маркиза Помпадуръ.
Гравюра Рич. Густона съ портрета Т. Мерсье.

его вліяніе, вообще, расшатались, а съ другой чувственныя раздраженія разрослись въ такомъ громадномъ разнообразіи, какъ въ современныхъ большихъ городахъ, — то и спросъ на добрачныя половыя наслажденія долженъ былъ соотвѣтственно возрасти, въ такой степени, что добрачное половое удовлетвореніе сдѣлалось въ мірѣ буржуазной мужской молодежи само собою подразумѣвающимся правиломъ, а отказъ отъ него исключеніемъ.

Часть этого спроса все еще удовлетворяется проституціей. Но только часть. Наряду съ нею развилась новая форма половыхъ отношеній, которая входитъ въ обычай во все болѣе широкихъ кругахъ — такъ называемая „связь“ (Verhältniss).

„Связь“ означаетъ демократизацію куртизанства. Ея суще-

ствованіе подтверждаетъ вышеуказанный процессъ взаимодѣйствія: побѣдитель навязываетъ побѣжденному свои законы и самъ воспринимаетъ его обычаи. Аристократія подчинилась требованію внѣшняго уваженія къ принципамъ буржуазной морали, но зато привила буржуазіи внутреннюю потребность въ метрессѣ. Отношенія къ метрессѣ называются на буржуазномъ нѣмецкомъ языкѣ „Verhältniss“, а любовникъ, также на буржуазномъ нѣмецкомъ языкѣ, носитъ названіе „Schatz“ (милый) или „Freund“ (другъ). Остальное въ маломъ все то же, что въ большомъ. Разумѣется, „милый“, будетъ ли это студентъ, комми или представитель какой-нибудь другой профессіи, не можетъ затрачивать на свою связь такихъ средствъ, какъ кавалеръ на метрессу; да и связь, въ свою очередь, почти не требуетъ расходовъ. Большею частью дѣвушка занимается какой-нибудь профессіей — служитъ въ магазинѣ, въ пивной, шьетъ и т. д, — которая кое-что приноситъ, тогда какъ метресса, если и имѣетъ профессію, то очень часто такую, которая ничего не приноситъ, а только помогаетъ овладѣть карманомъ поклонника, какъ это особенно часто бываетъ въ театральномъ мірѣ. Банкетъ превратился въ скромную закуску, ложа въ театрѣ въ посѣщеніе концерта въ пивной, дорогой туалетъ въ блузу, поясъ, шляпку отъ Вертгейма или Тица, брилліанты и жемчуга въ дешевую имитацію, поѣздка въ Герингсдорфъ или Ниццу въ воскресную прогулку въ Розентальхенъ или Хундекеле. Разумѣется, есть много градацій, и честолюбіе подруги нерѣдко заключается въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе превратиться въ метрессу настоящаго кавалера. Переходъ къ кокоткамъ тоже совершается здѣсь почти незамѣтно. Подобно многимъ метрессамъ, тысячи подругъ ухитряются въ концѣ концовъ превратиться въ законныхъ женъ, и, подобно многимъ метрессамъ, тысячи подругъ, съ быстротою, пропорціональной количеству мѣняемыхъ любовниковъ, соскальзываютъ по наклонной плоскости своей половой жизни въ проституцію. Это зависитъ отъ личности или отъ житейскихъ обстоятельствъ. Мы видѣли, что и названіе метрессы или куртизанки было только общимъ обозначеніемъ самыхъ разнообразныхъ формъ внѣбрачныхъ половыхъ, отношеній, — стоитъ только припомнить образы Монтеспанъ, Ментенонъ, Помпадуръ и Дюбарри, чтобы ясно представить себѣ разнообразіе формъ проявленія куртизанства. Въ области „связей“ обстоитъ точно такъ же.

На парижской почвѣ эта форма отношеній расцвѣла уже давно въ практикѣ гризетокъ. Правда, отношенія къ гризеткамъ во многихъ случаяхъ гораздо болѣе приближались къ временному браку, чѣмъ у насъ; гризетки часто дѣлили съ своими любовниками не только ихъ скромныя развлеченія, но и всѣ непріятности и даже настоящую нужду. Полное сожитіе было основой этого. Такое сожитіе у насъ невозможно въ виду постановленій закона и полицейскаго рвенія по насажденію морали, и уже поэтому связь ограничивается случайными развлеченіями и взаимнымъ чувственнымъ удовлетвореніемъ. Но тогда какъ наблюдатели современной французской жизни съ сожалѣніемъ констатируютъ вытѣсненіе гризетокъ болѣе или менѣе прикрытой проституціей, практика „связей“ у насъ постоянно распространяется. Главное, она постепенно поднимается вверхъ, именно, на

женской сторонѣ. Жизнь большого города и профессіональная самостоятельность затрудняютъ контроль надъ женской жизнью со стороны семьи и общественнаго мнѣнія; а незачѣмъ скрывать отъ себя, что именно этотъ контроль является важной опорой половой морали. Однимъ изъ симптомовъ этой перемѣны является распространеніе (которое можно считать прискорбнымъ или, наоборотъ, желательнымъ) взгляда, что жена также не обязана давать мужу отчетъ о своей добрачной половой жизни, какъ онъ не считаетъ себя обязаннымъ давать ей отчетъ.

Все это кипитъ и бродитъ у насъ на глазахъ. Никто не можетъ предвидѣть, къ чему оно приведетъ. Одни боятся возрастающей безнравственности въ средѣ буржуазіи, другіе надѣются па „свободный бракъ", какъ плодъ всходящаго нынѣ посѣва. Быть можетъ, исторія не оправдаетъ ни тѣхъ, ни другихъ; вѣдь она часто стремится къ такимъ цѣлямъ, о которыхъ ея участники и не подозрѣваютъ. Мы вообще живемъ въ эпоху переходовъ, кризисовъ, расшатыванія, и половая жизнь, въ ея идейномъ и практическомъ осуществленіи, стоитъ въ значительной степени подъ знакомъ такихъ процессовъ. Семья, воспитаніе, бракъ, дѣти, вѣрность, цѣломудріе — все это колеблетъ критика, колеблетъ и потребность, которая прорастаетъ сквозь отжившія формы этихъ святынь и стремится разрушить ихъ.

Быть можетъ единственная вѣрная позиція въ этой сутолокѣ распаденія — молчаливая терпимость. Въ высшей степени многозначительно то обстоятельство, что мягкимъ вѣяніемъ этихъ двухъ силъ проникнутъ отвѣтъ, данный прусскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ фонъ Бетманъ-Гольвегомъ въ ландтагѣ одному Іереміи, оплакивавшему развращенность большихъ городовъ, — одна изъ самыхъ свободныхъ и человѣчныхъ рѣчей, какія когда-либо произносились въ парламентѣ. Многое можно измѣнить, многое улучшить, но по существу дѣла извращенія полового побужденія всегда останутся тѣнью самого этого творящаго жизнь побужденія.

Проституція во всѣхъ ея формахъ неразлучный спутникъ высшей семейной культуры. Гдѣ она не играетъ серьезной роли, какъ въ Турціи, тамъ собственно нѣтъ семейной культуры, тамъ господствуетъ многоженство и рабство женщины. Чѣмъ выше стоитъ семейная жизнь въ мнѣніи народа, тѣмъ грубѣе проявляется половое увлеченіе; а чѣмъ легче относятся къ идеаламъ материнства и супружеской вѣрности, тѣмъ болѣе привлекательныя формы принимаетъ внѣбрачная любовная жизнь. А гдѣ больше безнравственности, въ грубости или привлекательности — этотъ вопросъ до скончанія вѣка будетъ дожидаться отвѣта, который удовлетворилъ бы всѣхъ. Если мнѣ скажутъ: въ грубости, — я отвѣчу, что именно на почвѣ привлекательности шаткость нравовъ распространяется въ такіе круги, которые въ противномъ случаѣ оставались бы нравственными; если мнѣ скажутъ: въ привлекательности — я отвѣчу, что въ промежуточныхъ формахъ между приличіемъ и легкомысліемъ сохраняется гораздо больше нравственныхъ побужденій, чѣмъ тамъ, гдѣ эти промежуточныя формы безъ церемоній зачисляются въ проституцію.

Такимъ же неразрѣшимымъ, какъ этотъ вопросъ, остается и болѣе частный: заслуживаетъ ли предпочтенія пользованіе настоящей проституцией или тѣми промежуточными формами внѣбрачныхъ половыхъ наслажденій, какія создаетъ куртизанство.

Съ эстетической точки зрѣнія конечно второе, но съ этической? — очень многіе утверждаютъ: первое, — именно потому, что отношенія при немъ чисто плотскія и мимолетныя, не угрожающія опасностью для духа. Насъ здѣсь не занимаетъ эта сторона дѣла. Къ сожалѣнію, и другая, которая насъ касается, такъ же трудно разрѣшима. Куртизанство, утонченный полусвѣтъ, — есть ли это умирающая форма предложенія тѣла? Хвалители чувственныхъ наслажденій прошлаго утверждаютъ это и указываютъ на Парижъ. Или эта форма, утрачивая утонченность и исключительность, распространяется и захватываетъ еще болѣе широкіе круги, чѣмъ проституція уличная и домовъ терпимости? Распространеніе „связей“, о которомъ мы сейчасъ говорили, повидимому указываетъ на послѣднее. Рѣшеніе опять-таки не дается.

Рис 177. Госпожа Дюбарри.

Безъ сомнѣнія неправы тѣ, которые и въ куртизанкѣ, и въ кокоткѣ высшаго ранга, и въ аѳинской гетерѣ, и въ демимонденкѣ современнаго Парижа усматриваютъ проявленіе извѣстной формы душевной болѣзни, прирожденнаго душевнаго вырожденія женственности. Конечно, въ мірѣ „наслаждающихся жизнью“ въ женской средѣ много слабоумія, много прирожденной никуданегодности. Но спрашивается, почему эти верхніе слои, такъ сильно потрясенные культурой, доставляютъ такъ мало матеріала для проституціи и именно для ея утонченнѣйшихъ формъ? Прирожденная негодность почти всюду является въ одномъ и томъ же процентномъ отношеніи. Почему даже демимонденки высшаго стиля почти всегда „поднявшіяся съ низовъ“? Почему извѣстныя профессіи поставляютъ наибольшее число кандидатокъ для куртизанства, теперь для „связей“? Нѣтъ, здѣсь рѣшаютъ соціальныя силы, и даже конечная судьба негодныхъ отъ рожденія рѣшается только соціальнымъ положеніемъ этихъ нищихъ духомъ. Развѣ одна на тысячу найдется такая, которая заслуживаетъ названіе „прирожденной проститутки“ — „прирожденной кокотки“ — „прирожденной куртизанки“. То, что здѣсь, при этихъ обстоятельствахъ, становится кокоткой, тамъ, при другихъ обстоятельствахъ, было супругой и

матерью — быть можетъ, чувственно холодной, быть можетъ, наоборотъ, черезчуръ чувственной, быть можетъ, склонной къ нарушенію брачнаго обѣта; но во всякомъ случаѣ матерью и супругой. Авторъ извѣстнаго „Дневника погибшей“ — типъ наслѣдственно порочнаго, отъ рожденія ненормальнаго существа; и тѣмъ не менѣе при другихъ соціальныхъ обстоятельствахъ она могла бы выйти замужъ и соблюдать внѣшнія приличія.

Какая именно роль въ каждомъ данномъ случаѣ принадлежитъ прирожденнымъ наклонностямъ, какая вліянію общественныхъ условій, этого мы не можемъ знать, и въ этомъ отношеніи одинъ случай отличается отъ другого. Но что здѣсь играютъ роль оба фактора, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Всякое объясненіе, упускающее изъ вида какой-либо изъ этихъ факторовъ, ошибочно; но антропологическое ученіе, которое упускаетъ изъ вида соціальную жизнь и объясняетъ всё прирожденными задатками, заблуждается сильнѣе, чѣмъ соціально-психологическое, отвергающее всякія прирожденныя наклонности. Явленіе куртизанокъ, явленіе кокотокъ, — это, какъ и вся проституція, главнымъ образомъ соціальнопатологическій, народнопатологическій, культуропатологическій процессъ: ненормальная (въ большинствѣ случаевъ только слегка ненормальная) наклонность только благодаря соціальнымъ условіямъ, строю народной жизни, состоянію культуры приводитъ къ извѣстному результату. Къ сожалѣнію, эта точка зрѣнія на разбираемыя явленія еще слишкомъ нова, и не успѣла привести къ значительнымъ результатамъ въ смыслѣ изслѣдованія. До сихъ поръ ограничивались

По фотогр. Н. П. Эдвардса.

Рис. 178. Японскій чайный домъ.

откапываніемъ и пересказомъ разныхъ исторій и анекдотовъ. Накопился огромный матеріалъ. Пора наконецъ подвергнуть его серьезному изслѣдованію, вывести изъ исторій и анекдотовъ законы соціальнаго быта и историческаго развитія.

Тотъ, кто спустя два—три десятилѣтія будетъ писать о метрессахъ и кокоткахъ, вѣроятно, въ состояніи будетъ глубже и ярче освѣтить законы и связь этихъ явленій, чѣмъ это возможно для насъ.

Рис. 179. Ландскнехты въ домѣ терпимости.
Неизвѣстнаго художника фламандской школы.

Глава одиннадцатая.

Проституція.

Профессора д-ра Ф. Яновскаго, въ Прагѣ.

Это общеупотребительное нынѣ названіе профессіональной торговли своимъ тѣломъ, вошедшее почти во всѣ сколько-нибудь распространенные языки, произведено отъ латинскаго слова prostituere: выставляться впередъ, выставляться публично.

Насколько понятно происхожденіе этого слова, настолько же затруднительно его точное опредѣленіе; въ спеціальной литературѣ оно формулируется различно. Древнѣйшее дано въ Пандектахъ, но оно не совсѣмъ удовлетворительно, такъ какъ притягиваетъ для объясненія palam — sine delectu — pecunia accepta (публично — безъ выбора — за деньги), что не совсѣмъ правильно. Обращаясь къ литературѣ по этому вопросу, слѣдуетъ прежде всего привести опредѣленіе Дюфура, основательнаго историка проституціи, который говоритъ: „Я того мнѣнія, что слово проституція происходитъ отъ prostitum и обозначаетъ всѣ безнравственныя дѣйствія, которымъ предается тѣло“. Это опредѣленіе по нашему мнѣнію все еще слишкомъ широкое, такъ какъ въ немъ недостаточно подчеркнуты пріобрѣтательная и ремесленная стороны дѣла. Гораздо ближе подходятъ къ точному опредѣленію новѣйшіе авторы, занимавшіеся этимъ вопросомъ. Такъ, Флешъ и Вертгеймеръ даютъ слѣдующее опредѣленіе: „Въ ней (проституціи) мы видимъ существующую, наряду съ бракомъ, форму половыхъ отношеній, происхожденіе которой объясняется съ одной стороны одомашниваніемъ человѣка, которое называется развитіемъ культуры, и вытекающимъ изъ него непомѣрнымъ усиленіемъ полового влеченія, а съ другой стороны соціальными препятствіями къ законному браку“. Въ работѣ Гельпаха, разсматривающей проституцію, какъ соціально-патологическую проблему, проститутки опредѣляются, какъ „люди,

предлагающiе другимъ половыя наслажденiя въ обмѣнъ за доставленiе средствъ къ существованiю и въ общемъ соотвѣтственно размѣрамъ доставляемыхъ средствъ". (Ср. предыдущую главу о „кокоткахъ и куртизанкахъ" того же автора, стр. 395—396). На нашъ взглядъ это одно изъ лучшихъ опредѣленiй, такъ какъ подчеркиваетъ характерное обстоятельство продажи тѣла, и выдѣляетъ проституцiю, изъ другихъ видовъ свободной любви. Северусъ опредѣляетъ проституцiю какъ „предоставленiе лицами женскаго пола самихъ себя (Sellbstpreisgebung weiblicher Personen) неопредѣленному числу мужчинъ для половыхъ цѣлей", при чемъ упускается изъ вида мужская проституцiя, правда, гораздо менѣе развитая. Наконецъ, приведемъ еще опредѣленiе Блашко въ его превосходной работѣ по гигiенѣ: „Проституцiя есть такая форма внѣбрачныхъ половыхъ отношенiй, при которой для одной стороны, женской, мотивомъ является не личная склонность и не чувственное побужденiе (по крайней мѣрѣ не оно главнымъ образомъ), а исключительно и главнымъ образомъ заработокъ",—на нашъ взглядъ одно изъ лучшихъ опредѣленiй.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы не можемъ поставить себѣ цѣлью обстоятельно разсмотрѣть вопросъ о проституцiи во всемъ его обьемѣ, и подробно изложить ея значенiе, историческое развитiе, вопросъ о регламентацiи, отношенiя, существующiя въ различныхъ странахъ; наша цѣль дать сжатый очеркъ, который помогъ бы читателю орiентироваться въ этомъ вопросѣ. Проституцiя безъ сомнѣнiя одинъ изъ важнѣйшихъ соцiальныхъ вопросовъ (доказательствомъ этого служитъ уже громадная литература) и конечно одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, окончательное рѣшенiе которыхъ, если оно вообще возможно, будетъ достигнуто только въ самомъ отдаленномъ будущемъ. Врачи и моралисты, соцiальные политики, филантропы, юристы — всѣ они внесли свою долю, правда скорѣе въ выясненiе сущности этой запутанной проблемы, чѣмъ въ ея разрѣшенiе. Древнее, почти столь же древнее, какъ родъ человѣческiй, какъ „зло, присущее человѣчеству" (Жаннель), это соцiальное и бiологическое явленiе, съ этической точки зрѣнiя болѣзненное, нельзя замолчать, нельзя обойти, нельзя устранить спорами; и какъ бы ни осуждать его съ этической точки зрѣнiя, но, какъ обстоятельно показалъ Штромбергъ, съ точки зрѣнiя практической и, главнымъ образомъ, — замѣтимъ здѣсь же — на основанiи врачебно-гигiеническихъ мотивовъ съ нимъ нужно считаться, несмотря на воинственные крики аболицiонистовъ, несмотря на всѣ недостатки современной системы регламентацiи. Оно слишкомъ глубоко коренится въ физiологическихъ отношенiяхъ, особливо въ половомъ побужденiи, съ одной стороны, и въ соцiальныхъ отношенiяхъ, ставящихъ препятствiя къ его закономъ дозволенному удовлетворенiю, съ другой, чтобы удовлетворительное рѣшенiе этого вопроса оказалось возможнымъ при существующихъ обстоятельствахъ. И тѣмъ не менѣе надъ этой задачей стоитъ потрудиться. Если мы примемъ въ соображенiе хотя бы только одну ея сторону, если мы обратимъ вниманiе на страшный ущербъ, наносимый проституцiей здоровью людей, на распространяемые ею, именно, какъ регламентированной, такъ и въ особенности тайной проституцiей, сифилисъ и венерическiя болѣзни, которыми отравляются цѣлыя поколѣнiя и часто заражаются ни въ чемъ неповинные члены семей и общества, если мы примемъ въ разсчетъ тѣсную связь проституцiи съ преступленiемъ, то мы не въ состоянiи будемъ оставить безъ вниманiя эти вопросы, рекомендовать по отношенiю къ нимъ политику

невмѣшательства, которой требуютъ аболиціонисты и моралисты. Конечно, искорененіе проституціи остается на всѣ времена утопической проблемой. Мирныя и насильственныя попытки въ этомъ направленіи потерпѣли жалкое фіаско, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Гельпахъ. Успѣхъ мирныхъ попытокъ— что, конечно, весьма прискорбно съ этической точки зрѣнія — ничтоженъ, и дѣятельность такъ называемыхъ „Magdalenenstifte" (убѣжища для раскаявшихся проститутокъ), такъ же какъ и воспитательные опыты, принесли до сихъ поръ мало плодовъ. Насильственное же искорененіе всегда терпѣло самое жалкое фіаско: драконовскія мѣры, усердіе полиціи и палачей, костры, уничтоженіе притоновъ,—всѣ эти мѣры никогда никакой пользы не приносили; подобно всѣмъ мѣрамъ искорененія, онѣ „приводили только къ безконечному злу для осчастливленнаго ими народа: развитіе доносовъ и шпіонажа, распространеніе тайной проституціи и умноженіе зараженій — таковы были каждый разъ ихъ непосредственные результаты, такими они и впредь останутся" (Гельпахъ). Выдающіеся писатели сходятся на томъ, что проституція связана съ существованіемъ рода человѣческаго, съ его глубочайшими и сильнѣйшими побужденіями. Задачей соціальнаго политика и соціальнаго патолога теперь и въ будущемъ, насколько о немъ можно судить, остается выяснять тѣ мѣры, какія могутъ привести къ смягченію вредныхъ сторонъ этого явленія. Конечно, и эта тенденція не должна быть односторонней, какою она была до сихъ поръ, и дѣлать объектомъ изслѣдованія и мѣропріятій только проституирующую женщину, — она должна заняться изслѣдованіемъ также второго участника этого учрежденія, мужчины; необходимо, прибѣгая къ употребительному нынѣ способу выраженія, изучать не только предложеніе, но и спросъ, тѣмъ болѣе, что, по справедливому выраженію Нотхафта, борьба съ предложеніемъ помимо борьбы съ спросомъ совершенно безнадежна.

Обращаясь теперь прежде всего къ историческому развитію проституціи, мы видимъ, что и здѣсь примѣняется тройственное дѣленіе проституціи, предложенное впервые Рабюто, именно различаютъ гостепріимную, религіозную и легальную проституцію. Въ послѣднее время высказывалось даже мнѣніе, что проституція была первичной формой брака, мнѣніе, которое, какъ и теорія гостепріимной проституціи, съ полнымъ основаніемъ отвергается новѣйшими изслѣдованіями. Если мы будемъ считать главнымъ признакомъ проституціи заработокъ, то и религіозную проституцію придется исключить, о чемъ уже было сказано на стр. 403 и сл. Преимущественно у восточныхъ народовъ мы видимъ связь храмовой службы съ проституціей, и время главныхъ храмовыхъ праздниковъ, на которые народъ стекался массами, было временемъ самыхъ разнузданныхъ оргій. Культы Мелитты, Астарты, Діаны, также культъ Митры, который мы позднѣе встрѣчаемъ въ Римѣ, культъ Бэла славились стеченіемъ дѣвушекъ, отдававшихся пилигримамъ за плату, которую онѣ жертвовали божеству. Что эти обычаи распространялись въ обществѣ и уже въ то время давали толчокъ къ развитію профессіональной проституціи, о томъ свидѣтельствуютъ историческіе источники древняго міра. Культъ Изиды въ Египтѣ соединялся съ подобными же оргіями Въ связи съ этимъ находится почитаніе фаллуса, какъ символа мужской силы и плодородія. Какъ сообщаетъ намъ Библія, израильскіе законодатели уже должны были энергично бороться съ проституціей и имѣли уже понятіе о прилипчивыхъ болѣзняхъ, противъ которыхъ предписывали предупредительныя мѣры Пророки уже громили безнравственность своего времени, дома терпимости, содержавшіеся въ большинствѣ случаевъ ассиріянками, и культы языческихъ боговъ, соединявшіеся съ половыми оргіями. Цари, какъ водится, оставались глухими къ этимъ увѣщаніямъ, а въ особенности мудрый Соломонъ, имѣвшій

сотни женщинъ въ своемъ гаремѣ, что, впрочемъ, кажется не мѣшало ему заниматься регламентированіемъ, конечно очень примитивнымъ, проституціи. Въ Индіи мы находимъ, какъ показалъ Рихардъ Шмидтъ въ своихъ новѣйшихъ работахъ, равнымъ образомъ очень развитую проституцію. „Девадазисъ“ вполнѣ соотвѣтствовали храмовымъ прислужницамъ (гіеродуламъ) восточныхъ божествъ. Уже эпоха Ведъ знаетъ професcіальную проститутку, которая иногда требовала за свою благосклонность до тысячи золотыхъ монетъ и часто предпринимала поѣздки съ этою цѣлью. Учителя гетеръ (pithamarde) наставляли ихъ въ любовномъ искусствѣ и въ искусствѣ эксплоатаціи мужчинъ. Острова Малой Азіи, а въ особенности Кипръ съ храмомъ Афродиты въ Пафосѣ, образовали мостъ для распространенія проституціи въ Грецію въ видѣ культа, не Афродиты Ураніи, а Афродиты Пандемосъ. И здѣсь проституція явилась сначала въ формѣ храмовой службы, именно въ культѣ Венеры и Адониса, по вскорѣ вмѣсто нея развилась профессіональная проституція какъ въ метрополіи, такъ и въ колоніяхъ какъ разъ въ эпоху наивысшаго политическаго и культурнаго расцвѣта Греціи, такъ что вызвала уже мѣры регламентаціи со стороны Солона. Такимъ образомъ около 594 были устроены, обложены налогомъ и сданы въ аренду правительствомъ первые дома терпимости (Порнейонъ)! Тѣ, кто проповѣдуетъ теперь государственные или городскіе дома терпимости, имѣютъ очень древнихъ предшественниковъ. Существованіе проституціи, до извѣстной степени узаконенной, не мѣшало, какъ и въ наши дни, развитію тайной проституціи, которой занимались флейтистки (авлетриды) и диктеріады (вольныя проститутки). Не было недостатка и въ Maisons de passe. Соотвѣтственно общему развитію Эллады на этой почвѣ выросъ гетеризмъ, демимондъ, который можетъ быть названъ аристократіей этого міра и часто имѣлъ значительное вліяніе на государственныхъ людей и философовъ. Имена Аспазіи, Лаисы, Фрины, Незиры и т. д. заняли свое мѣсто въ исторіи культуры. Кажется, Коринфъ былъ высшей школой для гетеръ (ср. также объясненія Гельпаха въ предыдущей главѣ). Въ Греціи, однако, развилась также, вслѣдствіе пересаженнаго съ Востока порока педерастіи, мужская проституція.

Какъ образованіе и высокая культура Эллады вліяли на образованіе римлянъ, какъ религія Греціи опредѣлила развитіе римскаго культа, такъ и проституція была перенесена въ Италію, гдѣ въ послѣдніе годы республики и въ началѣ императорской эпохи достигла громаднаго распространенія. Застали ли римляне проституцію на мѣстѣ своего поселенія — вопросъ въ настоящее время еще нерѣшенный Въ общемъ, кажется, въ первое время республики, когда она еще принуждена была отбиваться отъ многочисленныхъ внѣшнихъ враговъ, господствовала значительная чистота нравовъ; только введеніе половыхъ культовъ вѣроятно дало толчекъ и развитію проституціи. Особенно славились въ этомъ отношеніи луперкаліи, къ которымъ впослѣдствіи присоединились и флореаліи (240 до Р. Х.). Культъ Пріапа также пользовался большимъ распространеніемъ. Всего сильнѣе проявилась проституція, какъ уже упомянуто, въ послѣдніе дни республики и въ императорское время, и поэты и сатирики императорской эпохи, Ювеналъ, Марціалъ и Персій — истинный рудникъ свѣдѣній о римской проституціи, какъ показываетъ Жаннель. Въ Римѣ развилась, если можно такъ выразиться, грандіозная проституція, которая совмѣщала въ себѣ всѣ нынѣ существующія формы и во многомъ была еще необузданнѣе и безстыднѣе чѣмъ теперь (см. также стр. 417 и сл. этого тома). Очень скоро, во второмъ столѣтіи послѣ Р. Х., развилась организованная въ дома терпимости и даже разрѣшенная закономъ проституція, на которую выдавалось эдилами, завѣдывавшими ею, особое разрѣшеніе (licentia stupri). Но и вольныя уличныя проститутки существовали въ то время (gueastus). Учрежденіе въ родѣ современнаго полицейскаго надзора мы находимъ уже тогда. Однако купанья, таверны, даже театры пользовались хорошей славой. По закону проститутки были безправными. Любопытно, что уже въ то время существовали Maisons de passe, въ которыхъ проститутки назначали свои свиданія. Бытописатели императорской эпохи изображаютъ отдѣльные бордели (lupanaria), государственныя и частныя, въ которыхъ часто имѣлись даже списки проститутокъ. Темныя стороны этихъ учрежденій, въ особенности эксплоатація проститутокъ хозяевами и хозяйками (leno, lena) также напоминаютъ о современныхъ отношеніяхъ, равно какъ и сводничество. Многочисленныя предписанія относительно одежды имѣли въ виду установить внѣшніе признаки проститутокъ, въ составъ которыхъ входила и аристократія демимонда, scortae nobiles. Послѣднія пользовались иногда большимъ вліяніемъ на государственныхъ людей, поэтовъ и задающее

тонъ аристократическое общество Рима. Какъ и въ нашихъ большихъ городахъ, проститутки въ древнемъ Римѣ придерживались извѣстныхъ улицъ, изъ которыхъ пользовалась особенной славой via sacra. Число мужчинъ-проститутокъ было въ тѣ времена въ Римѣ довольно значительно, что объясняется развитіемъ педерастіи, особенно сильнымъ въ позднѣйшую эпоху, не говоря уже объ актерахъ и гладіаторахъ, продававшихся дамамъ. Кромѣ женщинъ, добровольно предававшихся проституціи, ряды послѣдней пополнялись рабынями, которыхъ господа, въ видахъ наживы, заставляли заниматься проституціей. Эти отношенія усилились до колоссальныхъ размѣровъ въ позднѣйшую императорскую эпоху, благодаря цезарямъ: исторія Тиверія, Калигулы, Мессалины и Нерона представляетъ разительныя доказательства этого. Послѣ введенія христіанства положеніе значительно измѣнилось. Ученіе Христа, его высокое внутреннее достоинство при широкомъ распространеніи, котораго христіанство достигло уже задолго до того, какъ сдѣлалось государственной религіей, оказало значительное вліяніе на отношеніе къ проституціи, не говоря уже о томъ, что общій уровень нравственности, благодаря христіанству, рѣшительно повысился. Церковь должна была, опираясь на свои правила вѣры и морали, осудить всякую проституцію, что мы и находимъ, въ особенности, у апостола Павла; она не могла вступать въ сдѣлки съ проституціей, и результатомъ былъ рядъ попытокъ подавить проституцію строгими законами, что, разумѣется, какъ всегда, привело къ полнѣйшей неудачѣ, несмотря на самыя суровыя наказанія.

Церковь и государственная власть уже въ то время соединились для совмѣстной борьбы съ проституціей, однако успѣхъ, въ особенности позднѣе, былъ ничтожный; на мѣсто отрубленной головы у гидры выростали двѣ новыя. Въ началѣ христіанской эры, когда послѣдователи новаго ученія ограничивались небольшимъ кружкомъ, моральный моментъ дѣйствовалъ болѣе непосредственно; но когда, позднѣе, христіанство сдѣлалось государственной религіей и цѣлыя народности обратились къ новой вѣрѣ, оно перестало оказывать на массы внутреннее вліяніе, вытѣсненное пагубными внѣшними вліяніями. И если у юныхъ народностей, къ которымъ перешла руководящая историческая роль, вначалѣ господствовало строгое воззрѣніе, какъ у всѣхъ народовъ, которые пріобрѣтаютъ господство борьбой и тяжелыми усиліями, не затронутые роскошью и изнѣженностью утонченной культуры, то на почвѣ разрушающейся Римской имперіи они также нашли свою Капую, и даже отличавшіяся наибольшей чистотой нравовъ германскія племена (готы, лангобарды, франки и т. д.) недолго противились соблазну проституціи, какъ сообщаетъ намъ исторія. Отлученія соборовъ оказывались безсильными противъ безнравственности, распространившейся даже въ средѣ духовенства. Самыя суровыя наказанія константиновскаго законодательства, конституціи Теодориха, вестготскаго закона, даже знаменитый декретъ Рекареда, грозившій за проституцію варварскимъ наказаніемъ въ триста ударовъ плетьми, остались безсильными противъ развитія новаго зла. Соприкосновеніе съ римской культурой, роскошью и утонченными пороками позднѣйшей императорской эпохи погубило строгое моральное міровоззрѣніе завоевателей; такъ какъ восточно-римская имперія вскорѣ поравнялась въ этомъ отношеніи съ западно-римской, и христіанство въ Византіи также не могло воспрепятствовать колоссальному распространенію проституціи и связаннаго съ нею упадка нравовъ. Изъ германскихъ племенъ въ особенности у франковъ развились конкубинатъ, двоеженство и проституція со всѣми ихъ послѣдствіями. О нѣкоторыхъ короляхъ Меровингахъ и Каролингахъ сообщаютъ, что у нихъ имѣлись настоящіе серали (гинекеи), не уступавшіе восточнымъ учрежденіямъ этого рода. Карлъ Великій пытался дѣйствовать противъ испорченности духовенства капитуляріемъ 805 г., преувеличенная строгость котораго (угрозы тюремнымъ заключеніемъ, тѣлеснымъ наказаніемъ), какъ всѣ подобныя мѣры, привела къ развитію тайной проституціи, предававшейся своимъ оргіямъ въ разныхъ притонахъ. При преемникахъ Карла Великаго, въ числѣ которыхъ было немало настоящихъ выродковъ, положеніе дѣлъ не только не улучшилось, но проституція распространялась все болѣе и болѣе, благодаря блестящему примѣру сверху, и не только въ землѣ франковъ, но и во всемъ тогдашнемъ мірѣ, сначала въ южныхъ странахъ, потомъ и въ остальныхъ, пока не приняла постепенно всѣ тѣ формы, которыя мы находимъ нынѣ.

Особенно сильное распространеніе получила проституція въ Италіи, гдѣ Римъ и другіе города вскорѣ пріобрѣли печальную славу въ этомъ отношеніи; исторія папъ того времени изобилуетъ примѣрами, иллюстрирующими царившее при ихъ дворѣ распутство и необузданную преданную всякимъ порокамъ

жизнь ихъ любимцевъ. Мы уже находимъ въ тогдашней Италіи бордельную проституцію, находимъ куртизанокъ, то есть представительницъ вольной проституціи, играющихъ вліятельную роль въ государственной и соціальной жизни и достигающихъ такой власти, передъ которой пасуетъ сама тіара. Италіи же мы обязаны первыми попытками дѣйствительной регламентаціи въ средніе вѣка, то есть законодательными мѣрами, которыя до нѣкоторой степени признавали проституцію. Отъ полнаго запрещенія сдѣлали шагъ къ терпимости, и съ того времени до нашихъ дней отношеніе къ этому соціальному вопросу колеблется между этими двумя полюсами, такъ какъ и строгіе законы Рожеровъ I и II и Вильгельма Сицилійскихъ, изданные въ XII столѣтіи (отрѣзаніе носа, плети и т. д.), ни къ чему не привели. Однимъ изъ старѣйшихъ указовъ о терпимости является эдиктъ Бенедикта II, разрѣшившій въ XI столѣтіи

Рис. 180. Домъ терпимости въ средніе вѣка. По А. Шульцу.

устройство бордели въ Римѣ. Сикстъ IV даже обложилъ дома терпимости налогомъ, мѣра, которая съ тѣхъ поръ получала все большее и большее распространеніе и особенно часто встрѣчается въ нѣмецкихъ городахъ. Венеціанская республика тоже вскорѣ усвоила точку зрѣнія оффиціальной терпимости и фискальнаго интереса. Развитію проституціи въ средніе вѣка, какъ показалъ рядъ историковъ, значительно содѣйствовало рыцарство и крестовые походы. Если въ первыя времена рыцарства его идеальный характеръ, идеальное воззрѣніе на любовь и выдвиганіе на первый планъ благородныхъ сторонъ характера (мужество, самопожертвованіе, защита слабыхъ) внесли нѣкоторое улучшеніе въ соціальныя отношенія, то позднѣе дѣла вовсе не совпадали съ этими теоретическими правилами, а учрежденные, главнымъ образомъ въ Провансѣ, „дворы любви“ (Cours d'amour) и вся вообще практика трубадуровъ до того выродились, что послужили новымъ толчкомъ къ развитію половой распущенности и проституціи. Оргіи, происходившія въ связи съ турнирами, представляютъ яркое доказательство этого; турниры превратились въ сборные пункты проституціи, которая собирала здѣсь большіе доходы. Крестовые походы, при всей идеальности и возвышенности ихъ основного мотива, также оказали далеко не благопріятное вліяніе на нравственность. За ополченіями тянулся, какъ извѣстно, огромный хвостъ всякаго сброда, среди котораго видную роль играли проститутки; быть можетъ, къ этому времени относится установленіе roi de ribauds („король блудниковъ“), котораго мы встрѣчаемъ позднѣе во времена ландскнехтовъ уже подъ менѣе благозвучнымъ титуломъ „Hurenweibel“ („фельдфебель шлюхъ“). Кромѣ того, крестоносцы ознакомились

на Востокѣ съ противоестественными пороками, въ родѣ педерастіи и другихъ, которые затѣмъ получили широкое распространеніе.

Къ раннему средневѣковью относится также регламентація проституціи Іоанной I, королевой обѣихъ Сицилій, служившая съ тѣхъ поръ не разъ основой дальнѣйшихъ подобныхъ же установленій. Королева приказала соединить авиньонскую проституцію въ бордель, обитательницы которой должны были носить на лѣвомъ плечѣ красную петлю. Она поставила начальницу надъ борделью, приказала хирургу производить еженедѣльно осмотръ проститутокъ и запретила доступъ въ нее евреямъ. Что касается посѣщенія борделей, то уже въ то время мы находимъ цѣлый рядъ запрещеній; такъ, священникамъ посѣщеніе бордели было мѣстами безусловно запрещено, мѣстами же разрѣшалось только днемъ, а не ночью.

Довольно разнообразное законодательство и многочисленныя постановленія заставляютъ думать, что и въ Англіи и во Франціи проституція была настолько распространена въ средніе вѣка, что приходилось подумать о ея регламентаціи. Уже Генрихъ II англійскій издалъ первый регламентъ, изъ котораго явствуетъ, что въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, бани были излюбленными притонами проституціи.

Во Франціи, гдѣ позднѣе проституція расцвѣла въ самыхъ пышныхъ формахъ, бордели существовали уже въ XII столѣтіи, именно въ Парижѣ, но не пользовались доброй славой. Позднѣе проституція до того развилась въ этой странѣ, что противъ нея сочли необходимымъ примѣнить насильственныя мѣры, которыя, впрочемъ, принесли здѣсь такъ же мало пользы, какъ и въ другихъ странахъ. Особенно извѣстны въ этомъ отношеніи ордонансы Людовика IX, который съ 1253 пытался пресѣчь это зло, развившееся въ особенности благодаря крестовымъ походамъ. Проституція была безусловно запрещена, проститутки строго наказывались, изгонялись и т. д. Съ другой стороны, король открылъ имъ путь къ улучшенію, разрѣшивъ поступать въ монастырь Filles de Dieu, — первый опытъ убѣжищъ (Magdalenenstiften), которыя мы такъ часто встрѣчаемъ впослѣдствіи. Позднѣе король самъ убѣдился въ безплодіи насильственныхъ мѣръ, которыя только поощряли развитіе тайной проституціи, и былъ принужденъ допустить особые дома проститутокъ, подчинявшіеся особому регламенту. Ордонансы Людовика IX служили и впослѣдствіи основой всѣхъ оффиціальныхъ мѣропріятій позднѣйшихъ королей. Сюда присоединилось установленіе извѣстныхъ значковъ для проститутокъ, запрещеніе той или другой одежды, подчиненіе особымъ властямъ. Но рядомъ съ этой, до извѣстной степени терпимой закономъ, проституціей въ тѣ времена какъ и нынѣ существовала тайная, ускользавшая отъ контроля и потому гораздо болѣе опасная для здоровья.

Обращаясь къ Германіи, мы находимъ, что столь прославленные Тацитомъ за свою чистоту нравы германцевъ позднѣе оставляли желать многаго. Походы въ Римъ, крестовые походы, громадно развившаяся торговля городовъ, возростающее богатство представляли благопріятную почву для развитія проституціи, которая, впрочемъ, здѣсь скоро была гораздо лучше и обстоятельнѣе регламентирована законами. За періодомъ попытокъ насильственнаго устраненія и варварскихъ наказаній проститутокъ послѣдовала, именно въ имперскихъ городахъ, эпоха терпимости и сосредоточенія проституціи въ борделяхъ, пользовавшихся извѣстными привилегіями и служившими доходной статьею для казны. Бордельные хозяева находились подъ контролемъ городского управленія и подчинялись извѣстнымъ правиламъ. Такіе дома (рис. 180) были въ Майнцѣ, Ульмѣ, Страссбургѣ, Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Франкфуртѣ и др. Даже число проститутокъ въ домѣ часто опредѣлялось администраціей, также время обѣда и т. п. Хозяину помогала спеціально для этого назначенная женщина; таксы для посѣтителей также регулировались оффиціально. Надзоръ за борделями поручался или полиціи или начальникамъ учрежденій для призрѣнія нищихъ, такъ называемымъ „Bettelherren", которые время отъ времени предпринимали осмотръ домовъ терпимости. Въ нѣкоторыхъ городахъ бордели отдавались въ аренду членамъ магистрата. Мѣстами проститутки должны были носить особенную одежду. Издававшееся иногда запрещеніе женатымъ посѣщать бордели, судя по сохранившимся судебнымъ протоколамъ, не выполнялось. Характерно для нравовъ того времени, что при посѣщеніи городовъ царствующими особами гостю и его свитѣ предоставлялось безплатное пользованіе домами терпимости. Въ Швейцаріи бордели часто соединялись съ общественными банями. Бани вообще, какъ уже упомянуто, играли особенную роль въ этомъ отношеніи въ Германіи и смежныхъ странахъ. Уже обычай совмѣстнаго мытья (рис. 181), очень распространенный, и связанныя съ необы-

чайно долгимъ пребываніемъ въ банѣ пирушки располагали къ половымъ наслажденіямъ (ср. также стр. 367 и сл.). Обстоятельные и основанные на использованіи громаднаго литературнаго матеріала труды Бауэра и Кудека даютъ намъ много свѣдѣній въ этомъ направленіи. По справедливому замѣчанію Бауэра, „по мѣрѣ того какъ средневѣковье достигало своего кульминаціоннаго пункта, половая жизнь развивалась все откровеннѣе, пока не перешла отъ наивности къ безстыдству“. Наряду съ терпимой закономъ проституціей, сосредоточивавшейся въ домахъ терпимости, существовала масса тайныхъ проститутокъ, занимавшихся своимъ ремесломъ при посредствѣ сводницъ. Наивныя воззрѣнія среднихъ вѣковъ характеризуетъ также то обстоятельство, что проституткамъ предоставлялась спеціальная роль въ торжественныхъ процессіяхъ при пріемѣ монарховъ и высокихъ гостей. Пользованіе проституткой могло также составлять извѣстную привилегію; Бауэръ упоминаетъ, что деканъ Вюрцбургскаго собора пользовался въ деревнѣ Мартинсгеймъ правомъ получать ежегодно въ ноябрѣ двѣнадцать лошадей, обѣдъ и дѣвицу. Въ числѣ учрежденій для исправленія проститутокъ важную роль играли учрежденія бегинокъ.

Такъ же, какъ въ имперскихъ германскихъ городахъ, организовалась

Рис. 181. Средневѣковая баня.

Миніатюра на пергаментѣ пятнадцатаго столѣтія, хранящемся въ Бреславльской городской библіотекѣ.

проституція и въ другихъ мѣстахъ, какъ показываетъ въ особенности превосходная работа Шранка о проституціи въ Вѣнѣ. Хотя и здѣсь герцогами примѣнялись вначалѣ строгія мѣры, но уже Рудольфъ Габсбургскій въ XIII вѣкѣ долженъ былъ издать извѣстныя правила для проститутокъ, находившихся тогда подъ надзоромъ палача. Позднѣе снова взяла верхъ система репрессій, пока въ правленіи герцога Альбрехта III (четырнадцатое столѣтіе) не появился первый домъ терпимости въ Вѣнѣ, позднѣе явились пожалованія права на устройство дома терпимости, а подъ конецъ и здѣсь дома терпимости стали отдаваться въ аренду городскимъ совѣтомъ и сдѣлались такимъ образомъ однимъ изъ источниковъ городскихъ доходовъ. По Энею Сильвію, взгляды и сообщенія котораго, правда, не отличаются объективностью, безнравственность и проституція въ то время уже очень распространились въ Вѣнѣ.

Внутреннія отношенія въ домахъ терпимости (рис. 179) въ общемъ были тѣ же, что въ имперскихъ нѣмецкихъ городахъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличались отъ нихъ. Здѣсь начальницей была „Frauenmeisterin“ (въ противоположность хозяину бордели, называвшемуся также „Kuffian“, въ Германіи), назначавшаяся вначалѣ гофмаршаломъ, позднѣе совѣтомъ. Былъ также особый судья для проститутокъ (Frauenrichter). — Но въ противовѣсъ распущенности и усиленію проституціи развилась повсемѣстно, особливо къ концу среднихъ вѣковъ, но въ сущности уже раньше, оппозиція, совпавшая отчасти съ реформаціоннымъ движеніемъ въ церкви. Германскіе проповѣдники, а также Савонаролла, Виклефъ, Вальдгаузеръ, Гуссеръ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ громили распущенность высшихъ классовъ, въ особенности духовенства, и не одними только словами и писаніями постарались осуществить переворотъ въ моральныхъ и этическихъ воззрѣніяхъ современниковъ. Ихъ усилія въ нѣкоторыхъ странахъ (напримѣръ, въ Чехіи) сопровождались успѣхомъ; вообще, повидимому реформаторское движеніе, подготовившее великую реформаціонную эпоху, охватило болѣе широкія массы населенія и во многихъ мѣстахъ привело къ улучшенію. Такъ объясняется констатируемое всѣми авторами, занимавшимися этимъ предметомъ, обстоятельство, что бордели въ эту эпоху пришли въ упадокъ, не были такъ выгодны, какъ раньше, и часто закрывались. Но настоящая эпоха упадка для домовъ терпимости и ихъ суррогатовъ (бани и т. п.) наступила лишь послѣ того какъ въ концѣ пятнадцатаго столѣтія появился сифилисъ съ такими тяжелыми послѣдствіями, какія лишь рѣдко проявляются теперь, и распространился по всей Европѣ, какъ страшная эпидемія, свирѣпствовавшая въ теченіе всей первой четверти шестнадцатаго столѣтія. Конечно, ни религіозное вліяніе, ни дѣйствіе этой страшной болѣзни не были такъ сильны, чтобы привести къ полному уничтоженію проституціи. Правда, бордели все больше и больше приходили въ упадокъ, но тайная проституція продолжала развиваться и надолго получила перевѣсъ надъ публичной и регламентированной. Сифилисъ, относительно происхожденія и древности котораго мнѣнія современныхъ историковъ медицины все еще расходятся, впервые обнаружился какъ эпидемія въ войскѣ Карла VIII, во время осады Неаполя, и былъ быстро распространенъ этимъ войскомъ, состоявшимъ изъ французовъ, нѣмцевъ и швейцарцевъ. Конечно сифилисъ обнаружился не въ его современной формѣ, но гораздо сильнѣе, и разрушеніе кожи, слизистыхъ оболочекъ и костей, наступающее теперь лишь какъ поздняя форма запущенной болѣзни, проявлялось тогда вскорѣ послѣ обнаруженія болѣзни и часто приводило къ смертельному исходу, съ быстротой, какая теперь наблюдается только при самыхъ тяжелыхъ инфекціонныхъ болѣзняхъ вродѣ холеры. Зараженіе происходило частью при посредствѣ половыхъ органовъ, частью другими способами Обитатели Европы заболѣвали тысячами и существовавшихъ госпиталей не хватало для ихъ помѣщенія. На этой степени, однако, великая эпидемія сифилиса держалась недолго. По истеченіи первыхъ трехъ десятилѣтій шестнадцатаго столѣтія злокачественный характеръ болѣзни началъ ослабѣвать и приблизительно къ половинѣ этого вѣка она приняла тѣ формы, какія мы наблюдаемъ нынѣ. Конечно мѣры, принимавшіяся противъ распространенія болѣзни, не отличались гуманностью и часто имѣли варварскій характеръ. Напримѣръ, постановленіемъ Парижскаго парламента и королевскимъ указомъ всѣ пришлые элементы, больные этой болѣзнью, изгонялись изъ Парижа, и возвращеніе было имъ воспрещено подъ страхомъ смертной казни. Больнымъ предписывалось, подъ страхомъ висѣлицы, сидѣть дома и никуда не выходить, бѣдные больные отправлялись въ Сенъ-Жарменъ, но врачебной помощи имъ не оказывалось.

Если мы спросимъ, какъ отразилось распространеніе страшной эпидеміи на мѣрахъ противъ проституціи, то увидимъ, что сильная рука закона снова

обратилась къ энергичнымъ репрессивнымъ мѣрамъ, которыя ускоряли и безъ того уже происходившій упадокъ домовъ терпимости и, какъ водится, содѣйствовали развитію тайной проституціи. Бѣглый обзоръ отношеній въ различныхъ странахъ всего лучше покажетъ это. Такъ, во Франціи послѣ прекращенія великой эпидеміи сифилиса въ 1560 и 1565 появились ордонансы, строжайшимъ образомъ запрещавшіе проституцію, и тѣмъ не менѣе, какъ доказываетъ Паранъ Дюшатле, потребовалось много лѣтъ, чтобы очистить отъ борделей только Парижъ, при чемъ, разумѣется, удалось закрыть лишь публичныя, а частныя остались. На бумагѣ ордонансы продолжали существовать, а въ 1619 были даже возобновлены.

Въ Шотландіи указъ Іакова IV грозилъ сифилитическимъ проституткамъ наложеніемъ клейма на щеку. Также преслѣдовали проститутокъ въ нѣмецкихъ городахъ, гдѣ и безъ того закрылось много веселыхъ домовъ; въ Женевѣ проститутки подвергались наказанію плетьми, а въ случаѣ рецидива наказывались отрѣзаніемъ носа. Гражданамъ, посѣщавшимъ бордели, грозили отсѣченіе руки и конфискація имущества. Въ Ульмѣ послѣдняя бордель была закрыта въ 1531 году, въ Базелѣ 1539, въ Нюрнбергѣ 1562, въ Франкфуртѣ также были закрыты дома терпимости, а проститутки наказывались окунаніемъ въ воду. Въ Италіи принимались энергичныя мѣры, до смертной казни и галеръ, въ качествѣ наказанія за проституцію. Въ Неаполѣ былъ учрежденъ спеціальный судъ для проституціи. Папа Павелъ II также принималъ строгія мѣры противъ проституціи, но уже Юлій II принужденъ былъ отвести ей извѣстныя улицы. Объ упадкѣ значенія проституціи въ эпоху Возрожденія не станетъ говорить никто, знакомый съ исторіей нравовъ этой, въ другихъ отношеніяхъ блестящей и значительной, культурной эпохи. Куртизанки и метрессы играли роль, напоминающую о подобныхъ же отношеніяхъ въ древней Греціи. Въ Миланѣ послѣ непродолжительнаго періода репрессій были отведены улицы проститутокъ, а въ семнадцатомъ столѣтіи не только въ самомъ Миланѣ, но и во многихъ городахъ Ломбардіи были возстановлены бордели. Въ Испаніи уже въ силу религіозныхъ основаній проституція преслѣдовалась очень строго, однако уже во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія необузданность тайной проституціи заставила разрѣшить бордели. Возникли даже Maisons de passe, конечно доступные только проституткамъ, и получили оффиціальную регламентацію наряду съ борделями. Врачебные осмотры, сначала оплачивавшіеся самими проститутками, позднѣе устраивались на казенный или общественный счетъ. Въ Португаліи отношенія сложились такъ же; строгіе ордонансы Альфонса V, грозившіе за проституцію плетьми, изгнаніемъ и даже смертной казнью и отличавшіеся отъ подобныхъ же эдиктовъ другихъ странъ только тѣмъ, что карали одинаково мужчину и женщину, оказались совершенно безполезными, и въ этой странѣ установилась еще болѣе широкая система молчаливой терпимости, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ Германіи въ эпоху реформаціи наступилъ по крайней мѣрѣ временный поворотъ къ лучшему, какъ это наблюдается всюду, гдѣ важные религіозные и соціальные вопросы захватываютъ широкія массы и вожаки борятся противъ безнравственности. Борьба направлялась въ особенности противъ борделей, затѣмъ противъ распущенности тогдашняго духовенства, которое къ сожалѣнію слишкомъ часто давало поводъ къ негодованію общества. Отмѣна безбрачія была благотворной реформой въ этомъ направленіи; совершенно иными послѣдствіями сопровождались многочисленныя религіозныя войны, создававшія почву для необузданной проституціи. Изъ знаменитой книги Фрундсберга извѣстно какую роль игралъ такъ называемый „Hurenweibel“, начальникъ бандъ проститутокъ, сопровождавшихъ войска ландскнехтовъ. По нѣкоторымъ, правда не вполнѣ достовѣрнымъ, извѣстіямъ армію Альбы сопровождали тысяча двѣсти проститутокъ. Эпоха Тридцатилѣтней войны конечно не могла улучшить эти отношенія; правда, бордели все болѣе и болѣе забывались, зато тѣмъ сильнѣе расцвѣтала тайная проституція, а подъ вліяніемъ Франціи, которое къ концу XVII вѣка начинало сказываться все сильнѣе и сильнѣе, упадокъ нравовъ и проституція расцвѣтали и въ другихъ странахъ, хотя принимая иныя формы. Распущенность придворныхъ нравовъ, съ ихъ куртизанками, въ отношеніи которой подавали такой блестящій примѣръ короли и князья семнадцатаго и въ особенности восемнадцатаго столѣтія, сказывалась на обществѣ, прививала подобныя же отношенія въ дворянствѣ и обнаруживалась въ другихъ сословіяхъ и классахъ, равно какъ и въ необузданной, часто буйной жизни студенчества. Вліяніе дурного примѣра, подаваемаго дворомъ, мы можемъ ясно прослѣдить во Франціи отъ временъ Карла IX до временъ Генриха IV, и далѣе до „ко-

роля-солнце“, Людовика XIV, который съ своимъ Parc aux Cerfs служилъ блестящимъ примѣромъ для всѣхъ остальныхъ монарховъ; это было только дальнѣйшее развитіе скандальныхъ отношеній французскаго двора, продолжавшаго традиціи Генриха IV, Екатерины Медичи и Маргариты Наварской, при чемъ женщины играли часто такую же дѣятельную роль, какъ мужчины. Вообще же слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ противоположность отношеніямъ среднихъ вѣковъ и начала новаго времени, среднее сословіе семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій принимало относительно наименьшее участіе въ этомъ упадкѣ нравовъ, гораздо меньшее, чѣмъ нынѣ.

Для того чтобы ознакомиться съ развитіемъ проституціи до начала девятнадцатаго столѣтія, когда она начала принимать свои современныя формы, всего лучше по моему мнѣнію разсмотрѣть эти отношенія въ Парижѣ и Вѣнѣ. Вначалѣ Людовикъ XIV также склонялся къ широко распространенной системѣ репрессивныхъ мѣръ и первые его эдикты дышатъ еще варварскимъ духомъ его предшественниковъ, но очень скоро регламентація (и слѣдовательно оффиціально допускаемая терпимость) приближается къ позднѣйшимъ отношеніямъ. Ордонансъ отъ 20 апрѣля 1684 г. подчиняетъ парижскую проституцію вѣдѣнію спеціально для этой цѣли учрежденнаго полицейскаго чиновника, подъ контролемъ котораго она и оставалась съ тѣхъ поръ. Правда, эдиктъ еще устанавливаетъ наказанія за проституцію, но другой уже намѣчаетъ относительно несовершеннолѣтнихъ проститутокъ мѣры, напоминающія о новѣйшихъ стремленіяхъ къ призрѣнію и даже предписываетъ для нихъ принудительное воспитаніе. Ордонансъ отъ 21 іюля 1713 г. даже присоединяетъ къ регламентаціи извѣстныя мѣры для защиты проститутокъ, предписывая въ случаѣ обвиненія ихъ судебно-полицейское разслѣдованіе и предоставляя имъ право апеллировать къ высшей инстанціи. Изъ позднѣйшихъ указовъ также явствуетъ, что во Франціи въ ту эпоху терпѣлась проституція не только въ борделяхъ, но и въ формѣ современныхъ fille de carte, и что вмѣшательство властей имѣло мѣсто лишь въ случаѣ грубаго злоупотребленія или жалобы сосѣдей. На допросахъ проститутки ссылались на нужду и другіе, дѣйствующіе и нынѣ, мотивы. Тогдашняя проституція предпочитала извѣстныя улицы или сосредоточивалась на нихъ по распоряженію властей. Raccolage, блужданіе по извѣстнымъ улицамъ („der Strich“), выглядываніе изъ окна и заманиваніе прохожихъ были запрещены подъ страхомъ обрѣзанія волосъ и заключенія въ госпиталь. Эти предписанія мѣнялись соотвѣтственно полицейскому режиму, но содержатся еще въ извѣстномъ распоряженіи Ленуара отъ 16 ноября 1778 г., которое послужило, можно сказать, исходнымъ пунктомъ для всѣхъ позднѣйшихъ предписаній и образцомъ для другихъ странъ.

Это предписаніе, какъ и всѣ остальныя, имѣло цѣлью устраненіе тайной проституціи и сосредоточеніе проститутокъ въ борделяхъ ради лучшаго надзора; но не достигло своей цѣли. Вѣкъ Людовика XV и Регента, конечно, не способствовалъ уменьшенію распущенности и проституціи; только въ эпоху Людовика XVI обнаруживается нѣкоторое улучшеніе отношеній. Затѣмъ разразилась революція и наряду съ политическими и соціальными пріобрѣтеніями этой эпохи вопросы проституціи сдѣлались по крайней мѣрѣ предметомъ общественнаго обсужденія. Революція собственно дала свободу проституціи. 1791 годъ принесъ отмѣну всякой регламентаціи; регламентація въ этомъ направленіи казалась, по справедливому замѣчанію Парана Дюшатле, покушеніемъ противъ свободы личности.

Такимъ образомъ проституція получила полную свободу, наступило состояніе, при которомъ всѣ прежде существовавшія стѣсненія исчезли, и проституція получила возможность проявить себя вполнѣ свободно, то есть осуществился, такъ сказать, аболиціонизмъ позднѣйшей эпохи. Наступила блестящая эпоха пресловутаго Палэ-Рояля, проститутки играли видную роль и претендовали на званіе богинь разума. Отношенія становились все скандальнѣе и скандальнѣе, такъ что уже конвентъ долженъ былъ заняться этимъ вопросомъ, но ни его попытка, ни мѣры, принятыя Директоріей въ 1796 г., не имѣли замѣтнаго успѣха. Состояніе улучшилось, когда въ восьмой годъ республики полицейская префектура взяла это дѣло въ свои руки, и начала энергичнѣе дѣйствовать противъ крайнихъ проявленій проституціи. Палэ-Рояль, бывшій до тѣхъ поръ главной квартирой проститутокъ, былъ очищенъ; вообще съ этого времени начинается строгій режимъ, правда, не опиравшійся на законное основаніе, но въ большинствѣ случаевъ зависѣвшій отъ усмотрѣнія полиціи, какъ это отчасти сохранилось и до сихъ поръ. Попытки, предпринимавшіяся уже въ эпоху реставраціи въ 1816 и 1822 гг., создать закон-

ную почву для отношенія администраціи къ проституціи, остались тщетными. Нельзя отрицать, впрочемъ, что предшествовавшая реставраціи блестящая императорская эпоха дала хорошій примѣръ въ этомъ отношеніи. Въ теченіе первыхъ десятилѣтій девятнадцатаго вѣка во Франціи развилась мало-помалу полная система регламентаціи, существующая и нынѣ, и послужившая образцомъ для другихъ городовъ и странъ.

Теперь мы дадимъ, въ видахъ сравненія съ парижскими отношеніями, краткій очеркъ развитія проституціи въ Вѣнѣ и Берлинѣ, такъ какъ отношенія въ другихъ столицахъ сходны съ этими. Сифилисъ быстро распространился въ Вѣнѣ (какъ видно изъ превосходной работы Шранка); уже въ 1495 г. обнаружилась сильная эпидемія, и лучшимъ доказательствомъ того, что число заболѣваній въ этой области не быстро убывало, служитъ учрежденіе госпиталя или по крайней мѣрѣ заполненіе его сифилитическими паціентами въ 1548 г. въ Сенъ-Маркѣ, и убѣжища въ Вѣнѣ. Конечно, и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, послѣдовали, до нѣкоторой степени въ качествѣ реакціи, вызванной эпидеміей, репрессивныя мѣры, каковы полицейскіе законы Карла V, усиленные въ правленіе Фердинанда I постановленіями 1524 г., но въ особенности 1527 года. При этомъ строгомъ режимѣ закрылись почти всѣ бордели, а строгій полицейскій указъ 1542 г. почти совершенно запрещалъ проституцію, какъ и позднѣйшія постановленія того же монарха. Разумѣется, тѣмъ сильнѣе развивалась тайная проституція. Въ правленіе Максимиліана II предписанія, кажется, выполнялись не такъ строго По крайней мѣрѣ на это указываетъ относящійся ко временамъ Максимиліана полицейскій списокъ подозрѣваемыхъ въ проституціи и ведущихъ вольный образъ жизни, также какъ и распущенные нравы въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, послужившіе предметомъ записки, составленной въ 1572 г. нижне-австрійскимъ правительствомъ. Именно, монастыри миноритовъ, августинцевъ и ордена проповѣдниковъ заслужили очень плохую репутацію. Постановленія Рудольфа II также боролись съ проституціей, въ большинствѣ случаевъ, разумѣется, тщетно, равно какъ и его преемника Фердинанда II, принимавшаго еще болѣе строгія мѣры; а въ патентѣ Фердинанда III отъ 1645 г. предписывались даже облавы съ цѣлью вылавливанія какъ бродягъ и подозрительныхъ лицъ, такъ и проститутокъ. Такимъ же запретительнымъ духомъ проникнуты нѣкоторые патенты Леопольда I, что, однако, не могло помѣшать возникновенію домовъ терпимости въ связи съ кабаками и дальнѣйшему развитію проституціи, несмотря на учрежденіе смирительнаго дома. Вообще въ это время распущенность повидимому сильно распространилась также въ высшихъ кругахъ общества, причемъ не малую роль играли дамы театральнаго міра. Въ царствованіе Маріи Терезіи снова начались строгости противъ проституціи. Запретительныя мѣры снова выступили на первый планъ, и проститутки, арестованныя полиціей и продержанныя нѣкоторое время въ смирительномъ домѣ, ссылались въ Темешваръ или Коморнъ въ Венгріи, — судьба, постигавшая также сводниковъ и сводницъ. Терезіанское уложеніе о наказаніяхъ (1769 г.) также назначало проституткамъ строгія кары (сѣченіе, заключеніе въ смирительномъ домѣ и т. д.). Однако, всѣ эти мѣры, также какъ закрытіе ночныхъ кафе, запрещеніе женской прислуги и т. п., принесли мало пользы. Стремленія великой императрицы увѣнчались устройствомъ не столько знаменитой, сколько пресловутой комиссіи о цѣломудріи, на учрежденіе которой большое вліяніе имѣли, по Шранку, пользовавшіеся расположеніемъ Маріи Терезіи іезуиты (1757 г.). Расцвѣтъ дѣятельности этой комиссіи, вѣдѣнію которой были подчинены проституція и всѣ дѣла, относившіяся къ частной или общественной нравственности, приходится на 1751 — 1768 гг. и связанъ съ развитіемъ системы шпіонства и доносовъ, о которой упоминаютъ сообщенія современниковъ. Проститутки наказывались плетьми, заточались въ монастырь, запирались въ смирительный домъ и ссылались. Тѣмъ не менѣе тайная проституція развивалась и имѣла связи даже въ высшихъ сословіяхъ. Дѣятельность этой пресловутой комиссіи была прекращена, кажется, въ 1773 г. Къ тому же времени относится учрежденіе домовъ покаянія. Въ слѣдующее царствованіе Іосифа II проституція повидимому значительно возрасла въ Вѣнѣ; въ 1782 г. насчитывалось въ Вѣнѣ, по Шранку, болѣе 3.000 проститутокъ при 270.000 жителей. Въ то время особенно дурной славой пользовались горничныя, какъ представительницы тайной проституціи, и почти всѣ путешественники того времени, оставившіе письменныя сообщенія, говорятъ о распространеніи проституціи, о безстыдствѣ проститутокъ, „предлагающихъ себя публично“ и т. д. Такъ называемый „Strich“, подстереганіе мужчинъ, на кладбищахъ уже тогда пользовался славой. Одинъ изъ тогдашнихъ авторовъ опредѣляетъ ежедневный за-

работокъ этихъ „кладбищенскихъ нимфъ“ въ шесть гульденовъ. Впрочемъ, постановленія, изданныя при Іосифѣ II, также еще сохраняютъ наказанія для проститутокъ, вызывающихъ общественное раздраженіе, хотя и смягченныя сравнительно съ прежними; такъ, имъ остригались волосы или предписывалось носить особенную одежду. Полицейскія облавы также были въ то время въ ходу, и арестованныхъ проститутокъ заключали въ кармелитскій монастырь, гдѣ назначали имъ принудительныя работы. Но всѣ репрессивныя мѣры оставались тщетными, такъ что въ концѣ концовъ обратились къ попыткамъ регламентаціи.

Именно, обнаружившаяся въ то время сильная эпидемія сифилиса вызвала съ разныхъ сторонъ предложенія, о которыхъ сообщаетъ Шранкъ въ своей уже неразъ цитированной нами работѣ. Между прочимъ предлагалось даже учрежденіе санитарнаго совѣта и возстановленіе борделей. Знаменитый Зонненфельсъ также высказывался противъ чрезмѣрныхъ строгостей и предлагалъ рядъ соціальныхъ предупредительныхъ мѣръ, хотя къ борделямъ отнесся отрицательно. Леопольдъ II отмѣнилъ публичныя наказанія проститутокъ. При абсолютномъ правленіи Франца I, опиравшемся на учрежденную въ то время тайную полицію, которая слѣдила, между прочимъ, и за проститутками, пытались попрежнему примѣнять строгія мѣры, по онѣ ни къ чему не вели, и въ эпоху Вѣнскаго Конгресса, публичная и явная проституція были въ полномъ цвѣту. При этомъ періоды, когда полицейская власть смотрѣла сквозь пальцы, смѣнялись періодами строгостей, внезапныхъ облавъ и набѣговъ, жертвы которыхъ отправлялись частью въ госпиталь, частью ссылались на родину. Новые строгіе законы противъ сводничества и притоновъ проституціи приносили мало пользы, такъ что даже начальники полиціи, какъ графъ Зауранъ, указывали на невозможность устранить проститутокъ, и доказывали, что нужно ограничиться главнымъ образомъ борьбою съ заразными болѣзнями и мѣрами противъ сводничества. Умноженіе рабочихъ домовъ также приносило сомнительную пользу.

Наряду съ проституціей, которая сильно развилась въ первыя десятилѣтія девятнадцатаго вѣка и особенно процвѣтала въ извѣстныхъ кафе и танцклассахъ, развилось, какъ и въ другихъ столицахъ, сутенерство („Strizzi“, „Kappelbuben“, „коты“), которое связывало проституцію съ міромъ уголовныхъ преступниковъ; положеніе это начало улучшаться только въ шестидесятыхъ годахъ. Кромѣ проституціи собственно развился, такъ сказать, гетеризмъ, который, часто подъ защитой высшихъ классовъ, сказывался непріятными явленіями. Послѣдовавшая за 1848 годомъ реакція, опиравшаяся на военный и церковный авторитетъ, пыталась затянуть возжи и въ этой области, а разрушеніе ограды (бастіоновъ) уничтожило многіе (и притомъ опаснѣйшіе) притоны проституціи

Дальнѣйшее развитіе проституціи уже не относится къ этому историческому очерку; мы еще будемъ говорить о современномъ положеніи вещей.

Бросимъ еще бѣглый взглядъ на развитіе проституціи въ Берлинѣ. И въ этомъ городѣ мы встрѣчаемъ на переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени всѣ тѣ репрессивныя мѣры, о которыхъ намъ уже часто случалось упоминать въ этомъ очеркѣ: отсѣченіе головы, утопленіе, даже смерть на кострѣ были и здѣсь популярными мѣропріятіями противъ сводниковъ. Позднѣе поступали умѣреннѣе: брили проституткамъ волосы или выставляли ихъ къ позорному столбу. Со временемъ конечно убѣдились въ безплодіи подобныхъ мѣръ, разрѣшили бордели, предписали ихъ обитательницамъ особые костюмы, и строго слѣдили за тѣмъ, чтобы внѣ борделей никто не занимался проституціей. Для борделей были отведены извѣстныя улицы; надзоръ за ними поручался палачу или его помощнику. Однако къ концу семнадцатаго столѣтія отношенія, повидимому, значительно ухудшились, и тайная проституція развилась до такой степени, что спеціально для упорныхъ проститутокъ былъ учрежденъ смирительный домъ въ Шпандау. Предпринятое въ 1698 уничтоженіе борделей вообще не привело къ цѣли. Въ царствованіе Фридриха Вильгельма пришлось снова разрѣшить бордели и дать имъ регламентъ, который, впрочемъ, былъ существенно измѣненъ въ 1792. По даннымъ анонимнаго сочиненія „Die Sinnenlust und ihre Opfer“ („Чувственность и ея жертвы“) въ Берлинѣ въ 1795 было на 173.000 жителей 54 бордели и 257 зарегистрированныхъ полиціей проститутокъ, не считая многочисленныхъ тайныхъ. Уже въ 1808 было насчитано, при населеніи около 150.000, зарегистрированныхъ проститутокъ 933 и не зарегистрированныхъ 764. Число борделей нѣсколько понизилось (съ 50 на 43). Указомъ Фридриха Вильгельма III отъ 1809 года бордели были переселены въ глухія улицы. Позднѣе въ самомъ населеніи

все болѣе и болѣе возростало враждебное отношеніе къ домамъ терпимости, такъ что мало-по-малу почти всѣ тридцать-три бордели Берлина очутились за Королевской Стѣной, гдѣ занимали по свидѣтельству указаннаго источника пятьдесятъ-два дома. Полиція въ то время составила для нихъ подробныя правила, регулировавшія также отношенія между хозяиномъ бордели и проститутками. Отношенія въ борделяхъ были въ то время почти тѣ же, что нынѣ, та же система безсовѣстной эксплоатаціи проститутокъ, съ которой мы познакомимся ниже. Правительство уступило, наконецъ, давленію мнѣнія вліятельныхъ круговъ, находившему поддержку и со стороны церкви, и указомъ отъ 15 февраля 1843 было рѣшено уничтоженіе борделей, завершившееся къ концу 1845. Повторилась та же исторія, которую намъ уже часто приходилось излагать: тайная проституція развилась до чрезвычайности и половыя болѣзни быстро усилились, такъ что послѣ короткаго переходнаго періода бордели снова стали допускаться (1849), что опять таки вызвало сильную борьбу, закончившуюся въ 1856 новымъ закрытіемъ борделей. Послѣдствія были тѣ же, что и раньше При закрытіи борделей ссылались на уложеніе о наказаніяхъ, которое воспрещаетъ всякаго рода сводничество.

Примѣч. переводчика. Въ Россіи репрессивныя мѣры правительства противъ проституціи начинаются со временъ Алексѣя Михайловича. Указы 1649 и 1698 гг. предписываютъ строгое наблюденіе за развратными женщинами, на которыхъ налагаются болѣе или менѣе свирѣпыя кары. Указы 1718. 1728, 1736 говорятъ главнымъ образомъ о преслѣдованіи тайныхъ домовъ терпимости. Такъ, сенатскій указъ 1736 предписываетъ строгое преслѣдованіе вольныхъ домовъ, въ которыхъ „вольнодумцы содержатъ непотребныхъ женокъ и дѣвокъ, что весьма противно христіанскому благочестивому закону“; „тѣхъ женокъ и дѣвокъ“ указъ предписываетъ „высѣчь кошками и изъ тѣхъ домовъ выбить вонъ“.

„Непотребныя женки и дѣвки“, однако, размножались быстро, проституція росла, число вольныхъ домовъ увеличивалось, тѣмъ болѣе, что въ теченіе всего XVIII столѣтія дворъ, а за нимъ и высшее общество подавали примѣръ вольныхъ нравовъ съ усердіемъ и энергіей, превосходившими даже западные образцы. При Елизаветѣ Петровнѣ были уже роскошные дома терпимости, несмотря на указы о розыскѣ и наказаніи „кроющихся (т. е. тайныхъ) непотребныхъ дѣвокъ и женъ“.

Въ 1763 сильное распространеніе сифилиса въ войскахъ вызвало указъ о розысканіи — путемъ опроса больныхъ — и лѣченіи женщинъ, отъ которыхъ заражались солдаты.

Уставъ о благочиніи 1782 воспрещаетъ категорически проституцію, сводничество и дома терпимости. А въ то же время назначаются мѣстности для вольныхъ домовъ: жизнь брала верхъ надъ мѣропріятіями.

Павелъ I со свойственной ему рѣшительностью предписалъ въ 1800 выслать всѣхъ проститутокъ въ Иркутскъ.

Репрессивныя мѣры продолжались и въ XIX ст. съ такимъ же успѣхомъ, какъ и раньше. Только въ 1843 проституція признана терпимою. Изданы правила для содержательницъ домовъ терпимости. Въ большихъ городахъ (далеко не во всѣхъ, впрочемъ) постепенно учреждены врачебно-полицейскіе комитеты для контроля надъ проституціей. Фактически проституція находится съ тѣхъ поръ въ почти безконтрольномъ вѣдѣніи общей полиціи и служитъ для нея источникомъ значительныхъ — формально, разумѣется, недозволенныхъ— доходовъ.

Итакъ, мы видимъ въ зеркалѣ исторіи, которая, по словамъ стариннаго изреченія, является превосходной наставницей, что весь этотъ древній вопросъ о проституціи и теперь еще обрѣтается въ томъ же положеніи, какъ въ прошлыя столѣтія, что рѣшеніе этого вопроса въ соціологическомъ и административномъ отношеніи колеблется туда и сюда между двумя полюсами: терпимостью и репрессивными мѣрами (запретительной системой). Прошлыя времена не разрѣшили этого вопроса, такъ же какъ и наше время; мало того, въ наше время благодаря болѣе сложнымъ соціальнымъ и хозяйственнымъ отношеніямъ, вопросъ еще больше запутался. Объ устраненіи прости-

туціи никто не можетъ думать серьезно; можно находить это въ высшей степени прискорбнымъ съ этической точки зрѣнія, но съ существованіемъ ея приходится считаться какъ съ даннымъ, неустранимымъ фактомъ; такъ какъ еще не являлся и никогда не явится Геркулесъ, способный обезглавить эту гидру.

Теперь мы намѣрены заняться состояніемъ проституціи въ наше время, сдѣлать краткій обзоръ ея формъ и изслѣдовать, изъ какихъ источниковъ она вытекаетъ; далѣе мы займемся самой проституціей, мотивами, которые толкаютъ дѣвушекъ на этотъ путь. Нашей задачей будетъ также разсмотрѣть состояніе проституціи въ различныхъ странахъ, затѣмъ мы обратимся къ возбуждающему столько споровъ вопросу о регламентаціи и наконецъ къ тѣмъ преобразованіямъ, которыя предлагаются особливо въ послѣдніе годы, когда общественное мнѣніе начинаетъ все съ большимъ вниманіемъ заниматься этимъ вопросомъ.

Необходимость заниматься вопросомъ о проституціи безъ сомнѣнія очевидна; мы не можемъ закрывать на нее глаза, мы не можемъ становиться на точку зрѣнія молчаливой терпимости, которую въ большинствѣ случаевъ заняли и занимаютъ такъ называемые аболиціонисты. Въ особенности же мы, врачи, которымъ ежедневно приходится наблюдать послѣдствія необузданной и ничѣмъ не связанной проституціи, первые должны заниматься ею, такъ какъ она является главнѣйшимъ источникомъ половыхъ болѣзней, которыя съ ихъ непредвидѣнными послѣдствіями представляютъ громадную и постоянно растущую соціальную опасность. А особенно важно то обстоятельство, что половыя болѣзни распространяются не только половымъ путемъ, но легко могутъ передаваться и невиннымъ, и что процентъ невинныхъ сифилитическихъ заболѣваній очень высокъ. Немаловажно и то, что сифилисъ болѣзнь наслѣдственная, отравляющая такимъ образомъ безчисленныя поколѣнія. Эти обстоятельства, къ которымъ мы еще обратимся, разсматривая вопросъ о регламентаціи, и побудили, главнымъ образомъ, врачей, соціологовъ и юристовъ пристально заняться въ новѣйшее время изученіемъ вопроса. Можно сколько угодно сѣтовать и громить проституцію съ этической точки зрѣнія, можно вмѣстѣ съ Штромбергомъ признавать ее болѣзненнымъ явленіемъ вырожденія, но нельзя уничтожить ее декретомъ, приходится считаться съ нею тѣмъ болѣе, что о невозможности ея устраненія свидѣтельствуетъ исторія всѣхъ временъ. Главная причина заключается, съ одной стороны, въ развитомъ у всякого нормальнаго человѣка половомъ побужденіи, а съ другой въ невозможности удовлетворять его во всѣхъ случаяхъ въ законной формѣ (въ бракѣ). Хотя, по признанію большинства современныхъ авторовъ, это побужденіе первоначально дано человѣку природой, какъ импульсъ къ воспроизведенію, и слѣдовательно его основная цѣль сохраненіе рода, однако, нельзя отрицать, что позднѣйшія соціальныя, культурныя и другія фазы развитія человѣческаго общества не всегда сохраняли эту цѣль ясной для сознанія, такъ что Крафтъ-Эбингъ, одинъ изъ первыхъ писателей въ этой области, могъ сказать, что половое побужденіе часто является влеченіемъ къ половымъ актамъ безъ какого-либо логическаго обсужденія этихъ актовъ, ихъ послѣдствій и т. д. Совершенно правильно, поэтому,

различаетъ Рохледеръ въ своихъ сочиненіяхъ побужденіе къ совокупленію (Begattungstrieb) и побужденіе къ воспроизведенію (Fortpflanzungstrieb), которое, конечно, рѣже встрѣчается у мужчины, чѣмъ первое (см. также 4 главу въ томѣ I, 2 часть „Половая жизнь женщины“). Конечно, облагороженіе полового влеченія къ существу другого пола находитъ, по совершенно справедливому замѣчанію Рохледера, признаніе со стороны государства въ учрежденіи брака, и съ точки зрѣнія этической, раздѣляемой большинствомъ религій, это единственный правильный способъ удовлетворенія полового побужденія; обращеніе Мантегацца: „Женитесь, бракъ былъ и остается самой справедливой, самой здоровой и самой идеальной формой любви!“ и нынѣ должно быть правиломъ для человѣческой половой жизни. Въ виду всего этого не можетъ быть и рѣчи о безнравственности полового побужденія самого по себѣ, такъ какъ въ этомъ побужденіи, присущемъ каждому человѣку въ силу его анатомическаго (физическаго) строенія, мы должны видѣть нѣчто естественное, законное. Теперь слѣдуетъ поставить вопросъ, многимъ ли мужчинамъ возможно вступить въ бракъ въ тотъ періодъ, когда половое побужденіе проявляется наиболѣе бурно. Всѣ соціальныя отношенія, условія заработка и т. п. приводятъ къ тому, что необходимыя для устройства семьи матеріальныя средства пріобрѣтаются довольно поздно, не говоря о множествѣ другихъ обстоятельствъ, которыми мы здѣсь не можемъ заниматься. Отсюда вытекаетъ, что значительное число мужчинъ и женщинъ, достигшихъ половой зрѣлости, не могутъ удовлетворять свое половое побужденіе законнымъ способомъ, въ бракѣ, и потому вынуждены искать иныхъ способовъ удовлетворенія; поэтому, возникаетъ, выражаясь современнымъ языкомъ, значительный спросъ, слѣдствіемъ котораго является столь же обильное предложеніе, частью въ формѣ проституціи, частью въ формѣ такъ называемыхъ связей или „отношеній“ (Verhältniss), которыя не всегда легко отграничить отъ проституціи. Правда, тутъ выступаютъ на сцену моралисты съ совершенно основательнымъ заявленіемъ, что воздержаніе до брака есть лучшее средство противъ проституціи и ея вредныхъ послѣдствій. Это, конечно, правильно; авторъ этихъ строкъ убѣдился на основаніи многолѣтняго врачебнаго опыта, что половое воздержаніе (исключая крайне рѣдкіе случаи) не приноситъ здоровью рѣшительно никакого вреда, и стремленія Риббинга, Герцена, Толстого, Бьернсона, Нейсера и др. воздѣйствовать въ этомъ смыслѣ на молодежь, разумѣется, заслуживаютъ полнаго одобренія и поддержки.

Тѣмъ не менѣе, намъ не приходится полагаться на убѣжденіе, что это воздержаніе вскорѣ, въ достижимомъ будущемъ, сдѣлается общимъ достояніемъ всѣхъ людей; для него необходимы извѣстная степень твердости характера, нравственное воспитаніе и кромѣ того цѣлый рядъ внѣшнихъ условій (среда, окружающіе и т. д.), такъ что средній человѣкъ, если даже принимать въ соображеніе только бѣлую расу, еще долго будетъ удовлетворять свое половое побужденіе и внѣ законныхъ формъ брака. Слѣдовательно, долго еще будетъ существовать и проституція, которая идетъ навстрѣчу этому удовлетворенію, и опасности которой долго еще будутъ занимать врачей, соціологовъ

и юристовъ. Стремленіе искоренить ее до сихъ поръ, какъ показываетъ исторія и разумное разсужденіе, оказывалось глупымъ предпріятіемъ; единственная достижимая цѣль — уменьшить ея вредъ. Мы должны, какъ это подчеркиваютъ многіе авторы, считать проституцію соціальной болѣзнью (Штромбергъ), объясненія которой нужно искать въ біологическихъ и соціологическихъ законахъ современнаго человѣчества.

Теперь мы обращаемся къ формамъ или подвидамъ проституціи, и съ тѣмъ вмѣстѣ къ вопросу, какимъ образомъ женщина (мужская проституція относительно рѣдкое явленіе)

Рис. 182. Улица домовъ терпимости въ Гамбургѣ.

проституируетъ. Здѣсь прежде всего должны мы различать два вида проституціи: явную или публичную (находящуюся подъ контролемъ властей) и тайную, которая въ санитарномъ отношеніи гораздо опаснѣе и въ сущности не совсѣмъ правильно называется тайной, такъ какъ часто выступаетъ довольно открыто. Съ административной и въ особенности съ регламентативной точки зрѣнія это различеніе, впрочемъ, вполнѣ правильно. Въ отношеніи явной проституціи, которая называется также легализированной, и къ которой принадлежатъ дѣвушки, зарегистрированныя въ полиціи и подвергающіяся правильному медицинскому осмотру, нужно опять таки различать два вида: 1) проституція, сосредоточенная въ домахъ терпимости, либо разсѣянныхъ по городу, либо, какъ это принято въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ городахъ, соединенныхъ въ извѣстныхъ улицахъ (рис. 182 изображаетъ извѣстную улицу домовъ терпимости въ Гамбургѣ); 2) вольная, находящаяся подъ надзоромъ, проституція, представляемая проститутками, живущими на своихъ квартирахъ, въ выборѣ которыхъ онѣ, однако,

связаны полицейскими предписаніями. Иногда (это зависитъ отъ мѣстныхъ обычаевъ странъ или городовъ) этого рода проститутки пользуются для своей профессіи особыми квартирами свиданій (Maisons de passe). Первая категорія по французской терминологіи — Filles de maison, вторая — Filles de carte.

Обращаясь теперь сначала къ вопросу о борделяхъ, мы находимъ, что это одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ, такъ какъ сторонники и противники этого учрежденія упорно отстаиваютъ свои точки зрѣнія. Одно, впрочемъ, можно утверждать, вполнѣ объективно, именно, что въ новѣйшее время число противни-

Рис. 183. Народный танцъ-залъ въ Парижѣ, какъ мѣсто дѣйствія проституція.

ковъ возросло и что само учрежденіе отчасти, повидимому, пережило свой вѣкъ, такъ какъ мы всюду можемъ констатировать значительное уменьшеніе числа борделей, именно въ послѣднія три десятилѣтія. Причина перваго обстоятельства заключается въ томъ, что отношенія, господствующія въ борделяхъ, которыя превращаютъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ рабынь и часто дѣлаютъ ихъ только объектомъ капиталистической эксплоатаціи, совершенно не соотвѣтствуютъ современнымъ соціальнымъ воззрѣніямъ; объясненіе второго обстоятельства надо искать въ томъ, что въ настоящее время спросъ на свободно живущую проституцію болѣе значителенъ, почему и предложеніе больше. Дюрингъ, который въ послѣднее время подробно занимался этимъ вопросомъ, указываетъ на то, что относительное преобладаніе вольной проституціи совпадаетъ съ эпохами повышенія благосостоянія, которыя дозволяютъ раньше вступать въ бракъ или благопріятствуютъ „связямъ“, не говоря уже о томъ, что сами проститутки стремятся къ лучшему соціальному положенію и относительной

свободѣ; такъ какъ при жизни на своихъ квартирахъ онѣ (такъ можно думать, по крайней мѣрѣ) болѣе свободны и въ выборѣ посѣтителей, чѣмъ при рабьихъ отношеніяхъ бордели, давно уже извѣстныхъ должностнымъ лицамъ, но дошедшихъ до свѣдѣнія публики только благодаря извѣстному процессу Риля въ Вѣнѣ. Конечно, защитники борделей, какъ напримѣръ Вольфъ, не безъ основанія указываютъ на то, что число послѣднихъ убываетъ отчасти вслѣдствіе развитія другихъ формъ проституціи, каковы ночные кафе, чайные салоны, Brasserie aux femmes, танцъ-залы и т. п. Рисунокъ танцъ-зала въ одномъ изъ рабочихъ кварталовъ Парижа (рис. 183) ясно иллюстрируетъ признаки убѣжища проституціи. Защитниками борделей являются главнымъ образомъ врачи, придающіе важное значеніе тому, что при сосредоточеніи проституціи въ особыхъ домахъ всего лучше осуществляется врачебный контроль, — основаніе, конечно, очень важное и не лишенное справедливости. Правда, съ другой стороны, нельзя не согласиться съ противниками борделей, указывающими, что бордельныя дѣвушки при массѣ посѣтителей такихъ мѣстъ чаще рискуютъ заразиться, но при этомъ не нужно забывать, что болѣзни при частыхъ осмотрахъ быстрѣе опредѣляются и могутъ быть сдѣланы безвредными. Въ послѣднее время съ разныхъ сторонъ указывалось, что главная цѣль бордели „очистить улицу отъ проституціи, устранить населеніе домовъ отдѣльно живущими проститутками, предупредить моральное зараженіе семьи, пагубный примѣръ для дѣтей, для женской молодежи“ (мнѣніе Дюринга). Конечно, это очень хорошая мысль; въ маленькомъ городкѣ она осуществима; но въ большомъ городѣ, гдѣ регламентація захватываетъ лишь незначительную часть проституціи (не болѣе одной десятой, по мнѣнію лучшихъ знатоковъ вопроса), она не имѣетъ почвы. Противники борделей подчеркиваютъ въ особенности то обстоятельство, что въ нихъ нѣтъ дѣйствительной потребности, какъ показываетъ постоянное уменьшеніе ихъ числа, что онѣ не законны, такъ какъ находятся въ противорѣчіи съ уголовнымъ законодательствомъ почти всѣхъ странъ, что онѣ вызываютъ развратъ, что онѣ превращаютъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ рабынь (Дюрингъ). Послѣднее обстоятельство имѣетъ особенно вѣское значеніе, такъ какъ всѣ дѣвушки, по справедливому замѣчанію Елены Фуртъ, въ большей или меньшей степени становятся неоплатными должницами хозяина, должны принимать отъ него содержаніе и одежду за огромную плату, такъ что, несмотря на большіе доходы, оказываются вѣчно въ долгу и вынуждены терпѣть самое грубое обращеніе, принимать всякаго посѣтителя, хотя бы въ ущербъ своему здоровью, и подчиняться его противоестественнымъ вожделѣніямъ. Далѣе, въ пользу борделей приводилось то соображеніе, что онѣ уменьшаютъ сутенерство, но оно такъ же мало оправдалась въ дѣйствительности, какъ и надежда на уменьшеніе тайной проституціи благодаря домамъ терпимости. По нашему мнѣнію, признавая всѣ вредныя стороны борделей, нужно, тѣмъ не менѣе, рѣшать вопросъ объ нхъ цѣлесообразности на основаніи мѣстныхъ соображеній: въ маленькихъ городкахъ онѣ быть можетъ имѣютъ смыслъ, но въ большихъ существованіе ихъ не оправдалось многолѣтнимъ опытомъ.

Нельзя отрицать, что отдѣльныя вредныя стороны, напримѣръ касающіяся соціальнаго положенія дѣвушки, могутъ быть устранены строгимъ надзоромъ со стороны интеллигентной и неподкупной полиціи, какъ это съ успѣхомъ было осуществлено въ Страссбургѣ, Грацѣ, въ новѣйшее время въ Прагѣ и въ другихъ мѣстахъ. Если хозяинъ знаетъ, что ему, какъ въ Страссбургѣ, грозитъ закрытіе въ случаѣ доказаннаго нарушенія закона, если полиція устанавливаетъ плату за содержаніе и помѣщеніе, запрещаетъ потребленіе спиртныхъ напитковъ, если полиція, какъ въ Грацѣ, является посредникомъ уже при заключеніи контракта, если хозяину, подъ страхомъ лишенія концессіи, запрещено продавать что бы то ни было дѣвушкамъ и т. д., то отдѣльныя злоупотребленія могутъ быть устранены. Конечно, есть великое зло, связанное съ домами терпимости, особливо въ послѣднія десятилѣтія, поистинѣ позорное пятно нашего просвѣщеннаго вѣка, а именно торговля дѣвушками. Благодаря стремленіямъ филантропическихъ обществъ, особенно дѣятельно проявлявшимся въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій, благодаря трудамъ соціальныхъ политиковъ, юристовъ и членовъ администраціи, былъ впервые собранъ огромный матеріалъ, разоблачившій ужасныя вещи относительно торговли бѣлыми рабынями или бѣлымъ товаромъ, какъ ее называютъ. Эти явленія, находящіяся въ тѣсной связи съ существованіемъ домовъ терпимости, которые постоянно получаютъ новый матеріалъ благодаря этой торговлѣ, обратили на себя, наконецъ, вниманіе правительствъ, и привели къ международнымъ переговорамъ, время отъ времени возобновляемымъ. Изъ работъ Генне амъ Рина, Шранка, Швиммера и др., а въ особенности изъ сообщеній различныхъ, въ томъ числѣ еврейскихъ, женскихъ обществъ, мы можемъ видѣть, какъ широко развита эта торговля. Часто она ведется съ открытымъ забраломъ, но часто бываетъ и такъ, что порядочныя молодыя дѣвушки завлекаются самыми заманчивыми посулами, нанимаются въ гувернантки, компаньонки, а въ концѣ концовъ при помощи грубѣйшихъ средствъ насилія помѣщаются въ дома терпимости. Торговля эта существуетъ почти во всѣхъ странахъ; въ Германіи Гамбургъ долгое время считался узловымъ пунктомъ отправки этого человѣческаго матеріала, главнымъ образомъ въ Южную Америку, въ меньшемъ количествѣ въ Сѣверную; также Пештъ, снабжавшій балканскія страны; отдѣльные пункты Австріи (Вѣна), затѣмъ пункты, откуда подъ названіемъ музыкантовъ отправлялись въ балканскія страны дѣвочки, едва вышедшія изъ дѣтскаго возраста, въ большинствѣ случаевъ становившіяся потомъ проститутками. Россія покрываетъ свой спросъ, по Генне амъ Рину, изъ Восточной Пруссіи, Померапіи и Познани, обыкновенно черезъ Ригу; Швейцарія также доставляетъ матеріалъ. Иногда для этой цѣли пріобрѣтаются совсѣмъ маленькія дѣвочки; извѣстно, какую сенсацію вызвали въ свое время сообщенія мистера Стэда въ англійской „Pall Mall Gazette“.

По Розенбаху источники торговли дѣвушками распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ Россіи 17, въ Италіи 11, въ Германіи 8, во Франціи и Испаніи по 5, въ Галиціи 40, въ остальной Австро-Венгріи 10, въ остальныхъ странахъ 9 процентовъ.

Хотя стремленія положить предѣлъ этой торговлѣ, проявившіяся въ новѣйшее время, сопровождались успѣхомъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе вмѣшательства правительствъ, но причина ея коренится въ печальныхъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ, къ которымъ мы еще вернемся. По соображеніямъ Гитти въ среднемъ ежегодно происходитъ до тысячи такихъ покупокъ. Какъ видимъ, возраженія противъ борделей очень вѣски; статистическія же изслѣдованія показываютъ намъ, что, какъ мы уже видѣли, число борделей изъ года въ годъ убываетъ. Такъ, въ Парижѣ оно за пять лѣтъ понизилось съ 199 съ 2.008 проститутками на 47 съ 387 проститутками; правда, зато число квартиръ свиданій (Maisons de passe) возросло въ теченіе трехъ лѣтъ съ 64 на 76 (235 дѣвушекъ и 313) Въ числѣ сторонниковъ борделей есть и такіе, которые высказываются за принудительные и государственные дома терпимости, въ послѣднее время даже за устройство городскихъ публичныхъ домовъ. Что подобныя мѣропріятія захватываютъ лишь незначительную часть проституціи, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія; тайная проституція будетъ существовать, какъ существуетъ теперь рядомъ съ домами терпимости. Блашко совершенно правильно замѣчаетъ по этому поводу: „Предпосылкой борделей является вольная проституція, изъ которой онѣ набираютъ своихъ дѣвицъ, и которая должна всегда существовать наряду съ ними. То же можно сказать о принудительныхъ домахъ терпимости, такъ какъ насильно можно запирать въ бордели лишь такихъ дѣвушекъ, относительно которыхъ исключено сомнѣніе въ томъ, что онѣ проститутки“. Упомянутое выше уменьшеніе числа домовъ терпимости, тотъ фактъ, что они, можно сказать, выходятъ изъ моды, объясняется по Блашко, который въ этомъ случаѣ примыкаетъ къ Перрену, въ отношеніи женщины естественнымъ, свойственнымъ всѣмъ существамъ, стремленіемъ къ свободѣ, а въ отношеніи мужчины (мы бы прибавили: по крайней мѣрѣ болѣе порядочнаго круга) желаніемъ создать себѣ хоть иллюзію завоеванія. Это воззрѣніе раздѣляетъ и Дюрингъ. Въ видахъ осуществленія лучшаго надзора и контроля, въ нѣкоторыхъ городахъ пришли къ идеѣ сосредоточить дома терпимости на особыхъ улицахъ, контрольныхъ или бордельныхъ улицахъ (Бременъ и т. д.) съ той разницей, правда, что квартиры, напр. въ Элененштрассе въ Бременѣ, сдаются непосредственно проституткамъ, добровольно подвергающимся регистраціи. Эти контрольныя улицы образуютъ связующее звено между вольными проститутками и борделями, конечно съ преимуществомъ лучшаго контроля и безъ вреднаго явленія сутенерства, которое сильно развито въ первой категоріи проститутокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ способъ сосредоточенія представляетъ ту выгоду, что защищаетъ дѣвушекъ отъ эксплоатаціи хозяевами. Въ Бременѣ и Дортмундѣ, въ Эссенѣ, гдѣ эта система осуществлена всего полнѣе, она, повидимому, оправдалась на практикѣ.

Какъ видимъ изъ этого сжатаго обзора, учрежденіе домовъ терпимости, безспорно, представляетъ много вредныхъ сторонъ, изъ которыхъ самыми серьезными являются безсовѣстная эксплоатація и бѣлое рабовладѣльчество, равно какъ и торговля дѣвушками; другой вопросъ, конечно, требуютъ ли бордели упраздненія или преобразованія, организованнаго именно въ смыслѣ лучшей защиты дѣвушекъ. Этотъ вопросъ до сихъ поръ остается открытымъ и, можетъ быть, разрѣшимымъ только съ мѣстной точки зрѣнія. Во всякомъ случаѣ, должны быть удовлетворены требованія, предъявляемыя различными авторами, въ особенности Ганауэромъ, именно устранены сношенія съ сутенерами, запрещено потребленіе спиртныхъ напитковъ, гарантирована закономъ и контролемъ со стороны властей свобода дѣвушекъ, введены строжайшія правила насчетъ чистоты и частаго осмотра дѣвушекъ.

Вторую форму проституціи представляетъ регламентація хотя и зарегистрированныхъ, но свободно живущихъ проститутокъ, Filles isolées или Filles de carte французской администраціи. Въ послѣдніе годы число ихъ растетъ и теперь онѣ составляютъ, особливо въ большихъ городахъ, въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и т. д., значительное большинство проституціи, особливо если при-

числить къ нимъ служащихъ въ Animierkneipen, Brasserie aux femmes и т. п.; онѣ зарегистрированы, подчинены полицейскимъ предписаніямъ въ отношеніи своихъ квартиръ и обязаны являться на осмотръ. Въ настоящее время это любимая форма проституціи. Въ большинствѣ случаевъ дѣвушки могутъ свободно выбирать квартиру, полиція запрещаетъ имъ только селиться подлѣ церквей, школъ, общественныхъ построекъ, ограничиваетъ число живущихъ въ одномъ домѣ (двумя-тремя), каждая въ особой квартирѣ, далѣе запрещаетъ имъ заниматься своей профессіей на извѣстныхъ улицахъ, заманивать мужчинъ и выглядывать изъ оконъ или отводитъ имъ извѣстныя улицы. Между этими и бордельными дѣвушками происходитъ регулярный обмѣнъ. Нѣкоторыя принимаютъ посѣтителей на своихъ квартирахъ. Но это возможно только для наилучше поставленныхъ; болѣе бѣдныя довольствуются квартирами свиданій въ гостиницахъ низшаго разбора или въ Maisons de passe, число которыхъ растетъ соотвѣтственно убыванію числа домовъ терпимости. Впрочемъ, эти дома являются также притонами тайной проституціи. О возрастаніи числа такъ называемыхъ Maisons de passe въ Парижѣ свидѣтельствуютъ цифры оффиціальныхъ сообщеній. Если положеніе свободно живущихъ проститутокъ представляется болѣе благопріятнымъ, то не слѣдуетъ все-таки забывать, что, избавленныя отъ рабьяго режима домовъ терпимости, онѣ подвергаются эксплоатаціи со стороны своднеи, домохозяевъ, а главное пресловутыхъ сутенеровъ (Louis), такъ что имъ очень мало остается отъ ежедневнаго заработка, часто значительнаго. Установленное статистикой число вольныхъ зарегистрированныхъ проститутокъ (filles des cartes soumises) превосходитъ уже въ теченіе десятилѣтій число бордельныхъ дѣвушекъ; въ Парижѣ, напримѣръ, уже двадцать лѣтъ тому назадъ въ домахъ терпимости насчитывалось всего 772 дѣвушки, а одиночекъ 3.198. О регламентаціи этого класса проституціи мы еще будемъ говорить ниже.

Главную часть проститутокъ составляетъ второй большой классъ: ускользающая отъ всякой регламентаціи тайная проституція (filles insoumises), размѣры которой неопредѣлимы. Въ соціальномъ отношеніи она представляетъ величайшее зло, тѣсно связанное съ преступностью и половыми болѣзнями, главнымъ источникомъ которыхъ является этотъ видъ проституціи. Какіе круги она охватываетъ, трудно сказать; невозможно даже перечислить всѣ круги, изъ которыхъ она набираетъ своихъ членовъ, — они простираются отъ проститутокъ самаго низкаго разбора до женщинъ свѣтскаго общества. Мартино даетъ мѣткую характеристику этого явленія въ слѣдующихъ строкахъ: „Если бы я обладалъ могуществомъ семейнаго демона, Асмодея сказки, и могъ сорвать покровъ, прикрывающій язвы парижской жизни и представить моему читателю различные типы и слой тайной проституціи, онъ увидѣлъ бы слѣдующее. Во-первыхъ, хаотическую массу публичныхъ женщинъ, которыя снуютъ по площадямъ, улицамъ, вокзаламъ, предлагая себя прохожему, заманивая и преслѣдуя его, беря всякаго, у кого только есть деньги въ карманѣ. Нѣсколько надъ ними стоитъ группа независимыхъ, которыя устраиваютъ свое существованіе на извѣстный ладъ и посвящаютъ своей профессіи извѣстные часы, при чемъ

относятся къ кліентамъ съ нѣкоторымъ выборомъ. Еще выше на соціальной лѣстницѣ, но морально ниже предыдущихъ группъ, стоитъ женщина, принадлежащая къ извѣстному кругу общества, имѣющая соціальное положеніе и добывающая тайной проституціей средства, которыхъ она не можетъ найти въ своей нормальной средѣ". Это мѣткое описаніе авторитетнаго врача и знатока проституціи характеризуетъ не только парижскія отношенія, но и тайную проституцію вообще, которая съ одной стороны граничитъ съ такъ называемой свободной любовью, съ другой съ явленіемъ „связей". Отъ „pierreuse" (уличной проститутки) низшаго разбора до живущей на содержаніи у какого-нибудь жуира дамы полусвѣта много переходныхъ ступеней. Въ различныхъ танцъ-залахъ, кабакахъ, ресторанахъ съ женской прислугой и т. д. мы находимъ массы тайныхъ проститутокъ. Тайная проституція считаетъ въ своихъ рядахъ представительницъ самыхъ разнообразныхъ профессій: натурщицъ, шансонетныхъ пѣвицъ, даже актрисъ низшаго ранга, балеринъ, такъ называемый лучшій классъ демимонда (лоретки, кокотки, гризетки, дѣвушки, прислуживающія въ пивныхъ и т. п.), отельныхъ горничныхъ, работницъ и прислугу и т. д. Въ отношеніи двухъ послѣднихъ категорій интересны данныя Блашко, согласно которымъ число работницъ, занятыхъ въ берлинской промышленности, въ составѣ проституціи понизилось въ теченіе пяти десятилѣтій съ 71 процента на 43, тогда какъ за тотъ же періодъ участіе женской прислуги въ проституціи возросло съ 7,1 на 51,3 процента. Блашко объясняетъ это тѣмъ, что условія заработка въ теченіе этого періода улучшились для работницъ, а также тѣмъ, что духовный и нравственный уровень берлинскаго населенія въ настоящее время значительно выше, чѣмъ полвѣка назадъ. Что касается причинъ, доводящихъ вышеперечисленныя категоріи до тайной проституціи, то это въ большинствѣ случаевъ недостаточная заработная плата, неблагопріятныя условія заработка, которыя въ силу „желѣзнаго закона заработной платы" сказываются на женщинахъ сильнѣе, чѣмъ на мужчинахъ; при этомъ, конечно, играютъ роль и другія причины, какъ страсть къ удовольствіямъ, нарядамъ и т. п., къ которымъ мы еще вернемся ниже. Число дѣвушекъ, занимающихся тайной проституціей, нельзя опредѣлить даже приблизительно въ отдѣльныхъ городахъ, такъ какъ цифры, приводимыя различными авторами и основанныя на полицейскихъ отчетахъ о незарегистрованныхъ проституткахъ, не надежны. Цифры колеблются изъ года въ годъ въ гораздо большей степени, чѣмъ цифры зарегистрованныхъ проститутокъ; такъ какъ хотя ежегодно много дѣвушекъ вступаетъ въ ряды тайной проституціи, но много и уходитъ изъ нихъ, вступая въ бракъ, или въ продолжительную связь, или найдя занятіе и т. д. Помимо вышеуказанныхъ опасностей тайной проституціи, она связана съ еще болѣе печальнымъ соціальнымъ явленіемъ, именно тѣмъ, что къ проституціи привлекаются несовершеннолѣтнія дѣвочки, едва вышедшія изъ дѣтскаго возраста [1], даже воспитываются спеціально

[1] Въ Россіи даже не вышедшія. По даннымъ Дубровскаго и др. въ составѣ тайной проституціи у насъ есть дѣвочки, начиная отъ десятилѣтняго возраста, двѣнадцатилѣтнія же не рѣдкость. *Перев.*

для проституціи безсовѣстными родителями или поставщиками живого товара и своднями.

Тайныя проститутки для вида занимаются извѣстными профессіями, заводятъ швейныя мастерскія, парфюмерную торговлю или, особенно въ Швейцаріи, табачную торговлю, стирку бѣлья. Тайная проституція обдѣлываетъ свои дѣла въ собственныхъ квартирахъ, въ квартирахъ свиданій, въ спеціальныхъ притонахъ, въ меблированныхъ домахъ низшаго разбора, въ Maisons de passe, или также имѣетъ дѣло съ своими кліентами на ихъ квартирахъ.

Съ общей соціальной точки зрѣнія тайная проституція есть рѣшительно опаснѣйшая, такъ какъ она благопріятствуетъ постоянно усиливающемуся распространенію венерическихъ заболѣваній, очень часто содѣйствуетъ зараженію невинныхъ и завѣдомо способствуетъ преступности (въ формѣ сутенерства).

Теперь мы переходимъ къ важному вопросу, почему женщина проституируетъ; каковы ея побудительные мотивы; откуда берутся проститутки; каковы ихъ свойства; какова ихъ конечная судьба? Эти вопросы, какъ излагаетъ Гельпахъ, изучались и рѣшались главнымъ образомъ съ двухъ сторонъ, экономической и антропологической. Сторонники перваго рѣшенія усматриваютъ причину главнымъ образомъ въ экономическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ, сторонники второго считаютъ проститутку тѣлесно предрасположенной къ этой профессіи, представительницей вырожденія. Обращаясь къ наиболѣе извѣстнымъ авторамъ, занимавшимся этимъ вопросомъ, мы видимъ, что, напр. по мнѣнію Парана Дюшатлэ, произведеніе котораго, несмотря на свою устарѣлость, можетъ и нынѣ считаться за standart work, всякая дѣвушка — за немногими исключеніями, — становящаяся проституткой, уже предавалась половымъ наслажденіямъ раньше, чѣмъ обратилась къ проституціи; въ качествѣ другихъ рѣшающихъ причинъ онъ указываетъ лѣность и отвращеніе къ работѣ, далѣе соціальную нищету и плохія условія заработка. Послѣднія еще и нынѣ играютъ роль; конечно — въ виду уже упомянутаго выше улучшенія условій труда — не такую значительную, какъ раньше и какъ утверждаетъ соціалъ-демократія. Опытъ не подтверждаетъ также мнѣнія, высказываемаго съ той же стороны, будто соблазнителемъ въ большинствѣ случаевъ является представитель выше стоящихъ общественныхъ круговъ, такъ какъ первый соблазнитель въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ принадлежитъ къ одному и тому же кругу съ соблазненной. Дальнѣйшими причинами Паранъ Дюшатлэ считаетъ тщеславіе, стремленіе нравиться и наряжаться; далѣе для многихъ дѣвушекъ измѣна любовника, ставящая ихъ въ безвыходное положеніе, семейные раздоры, дурное обращеніе со стороны родителей и родственниковъ; далѣе дѣйствуетъ также долгое пребываніе въ комнатахъ отъ жильцовъ, въ госпиталяхъ также вліяніе находящихся тамъ проститутокъ, заманиваніе со стороны сводниковъ и сводницъ, часто также дурной примѣръ семьи (наложницы и т. п.). Далѣе уличная торговля, которой часто съ дѣтскихъ лѣтъ занимаются дѣвушки бѣдныхъ семей, также способствуетъ ихъ обращенію въ проститутокъ. Гораздо рѣже случается, что жены и вдовы проституируютъ ради прокормленія семьи. Такъ часто приводимая въ качествѣ основанія исклю-

чительная чувственность играетъ, конечно, наименѣе важную роль; болѣе важно злоупотребленіе спиртными напитками, вообще благопріятствующее проституціи. Въ новѣйшее время бросается въ глаза высокій процентъ женской прислуги въ составѣ проституціи (ср. на стр. 457 цифры Блашко); здѣсь опять-таки большую роль играетъ продолжительное пребываніе безъ мѣста. Болѣе рѣдкая причина проституціи, въ послѣднее время, однако, распространяющаяся въ большихъ городахъ, это побужденіе дѣвушки къ проституціи со стороны ея любовника (souteneur), который дѣлаетъ ее источникомъ своихъ доходовъ и ведетъ праздную жизнь на счетъ проститутки. Въ этомъ пунктѣ, какъ мы уже указывали, проституція тѣсно соприкасается съ преступностью.

Курьеза ради приведемъ здѣсь таблицу, представленную Лепплеромъ международному конгрессу въ Брюсселѣ и указывающую причины проституціи для 582 парижскихъ проститутокъ. Изъ нихъ проституировали вслѣдствіе лѣности, пристрастія къ развлеченіямъ и роскоши 281, изъ нужды и безработицы 162, изъ равнодушія и подъ вліяніемъ дурного примѣра 34, изъ мизантропіи 4, по приказу и принужденію любовника или мужа 26, съ досады на измѣну любовника или мужа 73, и ради избѣжанія брака 2. Нѣкоторые авторы, какъ Жаннель, приписываютъ также особенное вліяніе незаконности дѣтей и утверждаютъ, что среди проститутокъ находится много незаконныхъ дочерей, — что, однако, вообще не подтверждается другими авторами. Нельзя отрицать, что развившаяся въ новѣйшее время безнравственная, часто даже порнографическая, литература, содѣйствующая преждевременному пробужденію половыхъ инстинктовъ, оказываетъ дурное вліяніе.

Что касается безработицы, которой отдѣльные авторы приписываютъ большую роль въ качествѣ причины проституціи, то въ послѣднее время Штрембергъ и Нотхафтъ показали, что роль этого фактора нѣсколько преувеличивается: порядочная, морально стойкая дѣвушка часто, несмотря на всѣ лишенія и бѣдствія, избѣгаетъ обращенія къ проституціи. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Штрембергъ указываетъ на то обстоятельство, что тринадцать процентовъ проститутокъ (въ Дерптѣ) откровенно сознавались, что съ дѣтства не имѣли никакого занятія и ни разу ничего не заработали честнымъ трудомъ. Остальные восемьдесятъ семь процентовъ ссылались, правда, на занятія, которыми будто бы заработывали средства къ жизни прежде чѣмъ обратились къ проституціи, однако при ближайшемъ разслѣдованіи оказывалось въ большинствѣ случаевъ, что работали онѣ очень не долго и при этомъ мѣняли мѣста.

Съ нѣкоторыхъ сторонъ, именно со стороны церкви, указывалось на то, что недостатокъ религіознаго воспитанія и вообще упадокъ религіи въ низшихъ классахъ народа будто бы служатъ причиной проституціи дѣвушекъ; при этомъ обыкновенно ссылаются на то безспорно замѣчательное и почти всюду констатированное обстоятельство, что среди проститутокъ почти нѣтъ евреекъ, что объясняютъ ихъ глубокою религіозностью — значительную роль въ числѣ причинъ проституціи въ послѣднее время приписываютъ жилищному или квартирному вопросу. Мы обязаны работамъ Пфейфера (Гамбургъ), Кампфмейера (Берлинъ), Шрейбера (Берлинъ) и т. д. основательнымъ выясненіемъ „жилищной нужды“ большихъ городовъ и ея отношенія къ проституціи. На основаніи главнымъ образомъ берлинской статистики

жилищъ (явленія въ другихъ большихъ городахъ тѣ же, въ Лондонѣ даже еще хуже) названные авторы развертываютъ ужасающую картину этой квартирной нужды.

Такъ, изъ работы Пфейфера мы узнаемъ, что по даннымъ берлинской статистики въ этомъ городѣ имѣлось 470.977 квартиръ, изъ нихъ болѣе двухъ третей состояли самое большее изъ двухъ отапливаемыхъ комнатъ каждая; въ нихъ помѣщалось 1.286.950 жильцовъ, то есть болѣе двухъ третей общаго числа жителей (1.827.447) душъ); хозяйствъ съ ночлежниками насчитывалось 61.765 съ 72.011 ночлежниками и 20 781 ночлежницами. По разсчету Шрейбера въ 27.000 комнатахъ спали вмѣстѣ по шести и болѣе лицъ разнаго возраста и пола. Характерно указаніе Пфейфера, что изъ 4.086 квартиръ, состоящихъ изъ одной только кухни, въ 35 оказались еще жильцы (кромѣ хозяевъ квартиры) и въ 181 ночлежники. Въ общемъ насчитано 1.995 квартиръ, въ которыхъ въ одной единственной комнатѣ помѣщались родители, дѣти, ночлежники числомъ до 10, въ 48 случаяхъ даже ночлежники и ночлежницы вмѣстѣ.

Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что подобныя отношенія прямо культивируютъ проституцію. Подобныя же отношенія господствуютъ и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ, какъ показываютъ излѣдованія соціалъ-демократической партіи, напримѣръ въ Мюнхенѣ, Магдебургѣ, Гамбургѣ, Билефельдѣ и т. д. Какая распущенность развивается при этомъ, какія картины видятъ подрастающія дѣти, о томъ мы не станемъ распространяться. Какую роль играетъ жилищная нужда въ распространеніи туберкулеза, общеизвѣстно. Это обстоятельство въ большинствѣ случаевъ служитъ мотивомъ широкихъ реформаторскихъ стремленій новаго времени въ этой области, но такую же причинную роль жилищная нужда играетъ и въ распространеніи проституціи и половыхъ болѣзней. Здѣсь играетъ роль еще одно обстоятельство, къ которому мы вернемся ниже, при изложеніи реформаторскихъ стремленій въ отношеніи проституціи, именно призрѣніе сиротъ и покинутыхъ дѣтей. Въ новѣйшее время высказывалось также и такое мнѣніе по вопросу о проституціи, будто проститутки уже въ силу своихъ прирожденныхъ наклонностей предопредѣлены для этой профессіи, то есть, что наклонность къ проституціи объясняется отчасти свойствами характера. Уже Паранъ Дюшатлэ говоритъ, что онѣ по натурѣ наглы и безстыдны, хотя и желаютъ иногда казаться пристойными; часто у нихъ наблюдается полное отсутствіе самыхъ элементарныхъ религіозныхъ представленій, иногда же наоборотъ, говоритъ Паранъ Дюшатлэ, проститутки отчасти фанатичны и суевѣрны, лживы, легкомысленны, очень неопрятны, лѣнивы, склонны къ алкоголизму, раздражительны и вспыльчивы, сварливы; отмѣчаетъ онъ у нихъ и склонность къ татуированію. По Ломброзо и др. проститутки въ большинствѣ случаевъ родятся таковыми, и у нихъ мы находимъ нравственное слабоуміе, обусловленное прирожденными свойствами; лишь незначительную часть ихъ составляютъ случайныя проститутки, которыхъ толкнули на этотъ путь внѣшнія обстоятельства. Конечно, то основаніе, изъ котораго исходитъ Ломброзо, именно, что нормальная женщина обладаетъ слабо развитымъ моральнымъ чувствомъ и сходна въ этомъ отношеніи съ ребенкомъ, что, слѣдовательно, женщина есть морально несовершеннолѣтняя, безусловно ошибочно. Въ качествѣ дегенеративныхъ признаковъ у проститутокъ Ломброзо указываетъ на вмѣстимость черепа, часто незначительную у проститутокъ (ме-

нѣе 1200 куб. сантим.), также другія особенности черепа и аномаліи въ устройствѣ зубовъ. Далѣе Ломброзо перечисляетъ: болѣзненное строеніе таза, отношенія величинъ различныхъ частей тѣла, аномаліи окраски кожи, выраженія лица, сильное развитіе волосяного покрова, типъ кретиноида, аномаліи образованія уха, половыхъ частей, ненормально быстрое половое развитіе, преступный типъ лица. Подобно Ломброзо, Тарновскій тоже признаетъ у проститутокъ moral insanity, выражающуюся въ отсутствіи чувства стыда и въ моральномъ идіотизмѣ, и связанную иногда съ преступностью. Соотвѣтственно тому имъ свойственны жадность, корыстолюбіе, страсть къ вымогательству, воровству, игрѣ. Ломброзо между прочимъ утверждаетъ, что проституція есть форма выраженія и проявленія въ общественной жизни преступныхъ наклонностей у женщинъ, какъ преступленіе у мужчины. У случайныхъ проститутокъ Ломброзо констатируетъ отсутствіе или слабую выраженность дегенеративныхъ признаковъ, случайныя проститутки легче возвращаются къ нормальной жизни, если протянуть имъ руку помощи. Ихъ, въ общемъ тоже обладающихъ слабоватымъ моральнымъ сознаніемъ, обыкновенно толкаютъ на путь проституціи внѣшнія обстоятельства (соблазнъ, сводничество, нужда и т. д.). Само собою понятно, что небрежное воспитаніе и злая судьба играютъ большую роль также у этого типа проститутокъ. Штрембергъ также присоединяется къ мнѣнію Тарновскаго, Ломброзо и объясняетъ съ ихъ точки зрѣнія различныя особенности характера проститутокъ, ихъ непостоянство, тупость ихъ половыхъ чувствъ, притворство, лживость и т. п.

Относительно ихъ связи съ преступностью Штрембергъ выражается такъ: „онѣ не отрицаютъ своей принадлежности къ паразитамъ культурнаго міра и преступнымъ слоямъ населенія, используя въ видахъ своей выгоды общественныя слабости. Поэтому онѣ часто играютъ роль помощницъ и укрывательницъ при совершеніи преступленія“.

Эти воззрѣнія Ломброзо встрѣтили сильныя возраженія. Авторъ этихъ строкъ, на основаніи своихъ многолѣтнихъ врачебныхъ изслѣдованій, долженъ сказать, что явленія, указываемыя Ломброзо, встрѣчаются вообще рѣдко, такъ что, повидимому, его ученіе имѣетъ лишь ограниченное значеніе. Оно имѣетъ силу, какъ это указываетъ Блашко въ своей замѣчательной работѣ, лишь относительно небольшого процента проститутокъ, тогда какъ соціальныя условія играютъ несомнѣнно гораздо болѣе значительную роль. Блашко замѣчаетъ совершенно правильно: „Если ученіе Ломброзо справедливо, то среди проститутокъ должны быть представлены всѣ слои женскаго населенія въ тѣхъ же самыхъ пропорціяхъ, какъ во всемъ женскомъ населеніи. Если, какъ мы видѣли, этого нѣтъ на дѣлѣ, то этимъ самымъ доказывается ошибочность ученія Ломброзо, этимъ самымъ доказывается и то, что внѣшнія условія жизни извѣстныхъ слоевъ населенія сильнѣе толкаютъ ихъ на путь проституціи, чѣмъ другіе слои“.

Интересный вопросъ также судьба проститутокъ. Изъ старыхъ авторовъ имъ занимался въ особенности Паранъ Дюшатлэ, изъ новыхъ Штрембергъ. Первый изъ нихъ указываетъ на то,

что значительное число проститутокъ, которымъ опротивѣла ихъ профессія, выходятъ изъ состава проституціи.

Нѣкоторыя, и притомъ нерѣдко, выходятъ замужъ или становятся прачками, торговками, при чемъ иногда занимаются своей старой профессіей, но съ выборомъ, или заводятъ мелочныя лавченки, поступаютъ на службу, становятся прислугой въ трактирахъ или, въ особенности въ пожиломъ возрастѣ, въ домахъ терпимости; далѣе, иныя живутъ въ конкубинатѣ, иныя становятся воровками, иныя, однако немногія, поступаютъ въ убѣжища для раскаявшихся проститутокъ, иныя путемъ бережливости сколачиваютъ себѣ небольшое состояніе.

Теперь мы переходимъ къ одному изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ, къ вопросу о регламентаціи проституціи, то есть о врачебно-полицейскомъ, слѣдовательно, государственномъ, вмѣшательствѣ, относящемся къ проституціи, какъ къ неизбѣжному злу, съ которымъ нужно считаться, и пытающемся ограничить посредствомъ соотвѣтственныхъ мѣропріятій соціальный и гигіеническій ущербъ, наносимый проституціей. Этотъ родъ и способъ воздѣйствія наиболѣе древній; мы видѣли уже въ средніе вѣка попытки въ этомъ направленіи; въ новое время, съ одной стороны, вслѣдствіе измѣнившихся соціальныхъ отношеній, съ другой — вслѣдствіе расширенія нашихъ знаній объ опасности проституціи въ смыслѣ распространенія болѣзней, эти попытки разработаны въ цѣлую систему, которая хотя и обнаруживаетъ различія въ зависимости отъ соціальныхъ и правовыхъ условій различныхъ странъ, но по существу вездѣ одна и та же. Вездѣ дѣло идетъ о мѣропріятіяхъ, которыя прежде всего стремятся установить, занимается ли данная женщина проституціей, съ цѣлью устранить тайную проституцію и превратить её въ зарегистрованную полиціей явную, затѣмъ подчинить проститутокъ постоянному врачебному надзору и въ случаѣ полового заболѣванія отправлять ихъ въ госпиталь, то есть подвергать принудительному лѣченію.

Таковы, вкратцѣ, основы регламентаціи и когда мы обратимся ниже къ деталямъ регламентаціи проституціи въ отдѣльныхъ странахъ, то увидимъ, что эти основы оказываются налицо всюду и что побудительные мотивы къ нимъ съ одной стороны полицейскаго характера, но большею частью гигіеническаго, имѣющіе въ виду распространеніе и крайнюю опасность половыхъ болѣзней (трипперъ, мягкій шанкръ, сифилисъ). Всѣ эти пріемы, соотвѣтственно постановкѣ дѣла на родинѣ регламентаціи, во Франціи, можно выразить въ трехъ словахъ: 1. Inscription, регистрація или занесеніе проститутки въ оффиціальный списокъ. 2. Visite sanitaire, регулярный, обыкновенно два-три раза въ недѣлю, осмотръ спеціальными, для этой цѣли назначенными врачами. 3. Internement, принудительное помѣщеніе зараженной половой болѣзнью проститутки въ больницу до излѣченія или до перехода болѣзни въ незаразительную стадію. Рѣзкую противоположность этому воззрѣнію, защищаемому главнымъ образомъ представителями администраціи и большинствомъ врачей, представляетъ взглядъ такъ называемыхъ аболиціонистовъ, требующихъ уничтоженія всякаго надзора и регламентаціи проституціи, при чемъ они отвергаютъ эти мѣропріятія отчасти съ религіозной

и моральной точекъ зрѣнія, указывая, съ одной стороны, что государство такимъ образомъ защищаетъ и культивируетъ проституцію, дѣлая её до нѣкоторой степени законной, а съ другой, что регламентація есть покушеніе на свободу человѣческой личности и въ большинствѣ случаевъ остается безполезной. Это движеніе возникло въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ прошлаго столѣтія въ Англіи и постепенно пріобрѣло почву на материкѣ. Какъ будто въ силу какой-то ироніи судьбы даже во Франціи, колыбели регламентаризма, вліяніе аболиціонистскаго движенія сказалось такъ сильно, что послѣдняя назначенная правительствомъ комиссія пришла къ заключеніямъ, которыя можно назвать аболиціонистскими. Прежде чѣмъ перейти къ подробному разсмотрѣнію мотивовъ, выставляемыхъ аболиціонистами, я долженъ замѣтить, что въ качествѣ врача рѣшительно высказываюсь въ принципѣ за систему регламентаціи, въ согласіи съ большинствомъ врачей, конечно не за распространенную нынѣ систему, а за подвергнутую коренной реформѣ. Кто, подобно врачу, знакомъ съ ужасающими опустошительными послѣдствіями половыхъ болѣзней, источникомъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ является проституція (регламентированная, а въ особенности тайная), тотъ не можетъ слѣдить за естественнымъ ходомъ вещей, скрестивъ руки на груди. Когда видишь, что заболѣваніе приноситъ многолѣтнія страданія и нерѣдко смерть не только „виновной" (по терминологіи аболиціонистовъ) части населенія, но поражаетъ и невинныхъ индивидуумовъ, разрушая ихъ здоровье и истребляя цѣлыя поколѣнія, то невозможно согласиться съ требованіемъ аболиціонистовъ предоставить вещи самимъ себѣ. Врачъ, которому не разъ, даже несчетное число разъ приходилось быть свидѣтелемъ того, какъ трипперъ, занесенный въ семью мужемъ, заражаетъ молодое невинное существо, часто дѣлаетъ его безплоднымъ и больнымъ на всю жизнь, какъ сифилисъ, вслѣдствіе зараженія мужемъ жены наслѣдуется дѣтьми и превращаетъ ихъ въ соціально-малогодныхъ субъектовъ, — врачъ, который видѣлъ, какъ сифилисъ, занесенный не половымъ путемъ, заражаетъ цѣлыя семьи, даже становится эндемическимъ, — врачъ, говорю я, не можетъ одобрить равнодушнаго невмѣшательства въ эти отношенія, и будетъ того мнѣнія, что государство, которое, опираясь на научныя завоеванія, съ такимъ успѣхомъ борется съ другими инфекціонными болѣзнями, и въ данномъ случаѣ не только въ правѣ, но и обязано по возможности охранять общество. Совершенно справедливо замѣчаетъ Фингеръ: „предупреждать эти болѣзни, какъ и всѣ остальныя инфекціонныя заболѣванія, обязанность государства. Какъ въ отношеніи чумы, холеры, дифтерита и т. д. государство ставитъ своей задачей предупреждать распространеніе болѣзни, изолируя зараженныхъ, устанавливая надзоръ надъ подозрѣваемыми, что часто не можетъ быть осуществлено безъ ограниченія свободы частныхъ лицъ, такъ должно оно поступать и въ отношеніи такъ называемыхъ венерическихъ болѣзней". Большинство врачей вообще сторонники регламентаціи. Совершенно правильно говоритъ также Ганауэръ: „впрочемъ, для здороваго человѣческаго разсудка польза контроля, хотя бы и скромная, доказывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что благодаря врачебному изслѣдованію открываются и устра-

Рис. 184.
Готова къ ночной прогулкѣ.

няются источники зараженія, которые въ противномъ случаѣ продолжали бы дѣйствовать и ежедневно заражать новыхъ и новыхъ индивидуумовъ".

Допустимъ, что зараженная проститутка принимаетъ ежедневно отъ четырехъ до шести (даже до десяти) мужчинъ, — какихъ ужасающихъ размѣровъ достигнетъ въ такомъ случаѣ распространеніе половыхъ болѣзней! Мы видимъ также, — и еще вернемся къ этому, — что послѣ прекращенія регламентаціи въ странѣ цифра заболѣваній половыми болѣзнями значительно возросла. Въ томъ же смыслѣ высказываются ф. Нотхафтъ и Максъ Іозефъ.

Теперь ознакомимся съ сущностью регламентаціи и прежде всего съ французскими мѣропріятіями, которыя послужили образцомъ регламентаціи для другихъ государствъ. Въ Парижѣ и въ большинствѣ другихъ городовъ Франціи основой регламентаціи служитъ административное распоряженіе 15 октября 1878 года, которое въ отношеніи регистраціи устанавливаетъ добровольное и принудительное записываніе (Inscription volontaire, inscription d'office).

Совершеннолѣтнія, въ случаѣ добровольнаго заявленія, записываются безъ дальнѣйшихъ формальностей, относительно несовершеннолѣтнихъ рѣшаетъ административная комиссія. Дѣвушки младше восемнадцати лѣтъ вообще не записываются. Принудительное записываніе основывается либо на доносѣ, вѣрность котораго провѣряется полиціей, либо на данныхъ, собранныхъ полиціей въ подозрительныхъ отеляхъ, въ Maisons de passe, или на улицѣ (заманиваніе мужчинъ), или инымъ какимъ-нибудь способомъ и убѣждающихъ полицію въ наличности проституціи. Этимъ наблюденіемъ за нравами (service de moeurs) занимается спеціальная полицейская бригада. Что при этомъ происходятъ грубыя злоупотребленія, давно уже доказано. Захваченныя дѣвушки, большею частью принадлежащія къ тайной проституціи, подвергаются врачебному изслѣдованію, а затѣмъ отпускаются съ предостереженіемъ или, въ случаѣ надобности, отправляются въ больницу (до сихъ поръ въ Сенъ Лазаръ); если дѣвушка будетъ задержана вторично, то передается вышеупомянутой комиссіи, и если она согласна работать или вернуться въ семью, то отпускается вторично. Если же она заявляетъ, что желаетъ заниматься проституціей, то въ случаѣ, если у ней есть семья, послѣдняя извѣщается объ этомъ, если же семьи нѣтъ или она отказывается принять дѣвушку, послѣдняя записывается принудительно, особливо если это уже не первый случай. Число зарегистрованныхъ проститутокъ достигало въ Парижѣ въ 1906 году 5.776, —

ничтожная дробь сравнительно съ огромнымъ количествомъ тайныхъ проститутокъ. Что касается записыванія несовершеннолѣтнихъ, то отъ него теперь въ большинствѣ случаевъ отказываются; несовершеннолѣтнія въ большинствѣ случаевъ отправляются въ основанное въ 1903 году убѣжище въ Кламарѣ или въ другія Institutions charitables. Послѣ записи проститутка въ рѣдкихъ случаяхъ поступаетъ въ домъ терпимости (filles de maison), часто на короткое время, такъ какъ это учрежденіе, какъ мы уже видѣли, падаетъ, — въ большинствѣ же случаевъ остается одиночкой и называется fille soumise, isolée или fille de carte Она получаетъ билетъ, въ послѣднее время вмѣстѣ съ фотографіей, на оборотной сторонѣ котораго обыкновенно напечатаны полицейскія правила, и обязуется, по крайней мѣрѣ разъ въ двѣ недѣли, являться для врачебнаго осмотра въ диспенсарій (центральное бюро для изслѣдованія проститутокъ). Этотъ продолжительный срокъ несомнѣнно большая ошибка, дѣлающая иллюзорнымъ значеніе изслѣдованія; осмотръ долженъ производиться, по крайней мѣрѣ, дважды въ недѣлю, чтобы уменьшить опасность зараженія (какъ это принято въ Брюсселѣ, Копенгагенѣ, Гамбургѣ, Вѣнѣ и т. д.; въ Ганноверѣ даже четыре раза въ недѣлю); если проститутка не является регулярно къ осмотру, она приводится насильно и подвергается штрафу, въ случаѣ же заболѣванія принудительно помѣщается въ госпиталь. Что касается полицейскихъ предписаній, то проститутки не должны появляться на улицахъ ранѣе семи часовъ и не могутъ оставаться на нихъ позднѣе одиннадцати; онѣ не должны наряжаться (какъ исполняется это предписаніе, показываютъ рисунки 184 и 185), не должны приглашать мужчинъ, выглядывать изъ оконъ своихъ квартиръ и останавливаться на улицахъ. Имъ запрещено пребываніе подлѣ церквей и школъ, далѣе, на нѣкоторыхъ бульварахъ, въ Елисейскихъ Поляхъ, въ садахъ Тюльери и Люксембургъ и т. д. Но элегантная проституція появляется въ обществѣ жуировъ на всѣхъ общественныхъ развлеченіяхъ (напр., на скачкахъ и т. п.) или катается въ элегантныхъ экипажахъ по самымъ оживленнымъ улицамъ (рис. 186). Онѣ не могутъ также посѣщать извѣстныя

Рис. 185. Парижскій демимондъ.

общественныя заведенiя, селиться въ домахъ, гдѣ есть пансiоны или экстернаты, дѣлить свою квартиру съ мужчиной или съ другой проституткой, жить въ меблированныхъ комнатахъ. Вычеркиванiе изъ списка проститутокъ происходитъ по ихъ личному заявленiю, послѣ удостовѣренiя въ томъ, что онѣ перестали заниматься проституцiей.

Таковы въ общемъ основы регламентацiи проститутокъ въ Парижѣ; мы находимъ ихъ вездѣ, и сообщимъ здѣсь вкратцѣ только объ отношенiяхъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Мы можемъ быть тѣмъ кратче, что основы въ общемъ тѣ же, что въ Парижѣ.

Въ Берлинѣ, гдѣ, какъ видно изъ нашего краткаго историческаго очерка, дома терпимости запрещены, проституцiя терпится и находится подъ контролемъ полицiи. Законная терпимость исключена какъ старымъ прусскимъ уголовнымъ закономъ, такъ и новымъ имперскимъ уголовнымъ законодательствомъ, но власти, какъ и въ Австрiи, попросту вынуждены терпѣть проституцiю, которая не желаетъ исчезать съ лица земли. Поэтому и здѣсь проститутки записываются, принудительно или добровольно, получаютъ билетъ и обязаны разъ въ недѣлю являться для врачебнаго освидѣтельствованiя, въ случаѣ же заболѣванiя также помѣщаются въ госпиталь. Записыванiе часто происходитъ на основанiи доносовъ; при первомъ задержанiи дѣвушки, если онѣ оказались здоровыми, получаютъ въ большинствѣ случаевъ только предостереженiе, такъ же и при второмъ, но уже съ составленiемъ протокола и угрозой отдачи подъ спецiальный санитарно-полицейскiй контроль, или регистрацiи, въ случаѣ повторенiя. Если дѣвушки заявляютъ о своемъ желанiи поступить въ исправительное заведенiе или, если ихъ требуетъ къ себѣ семья, то регистрацiи не происходитъ; точно такъ же онѣ отпускаются, если докажутъ, что занимаются какой-либо честной профессiей. Но въ Берлинѣ, какъ и въ Парижѣ, принудительное

Рис. 186. Дамы парижскаго полусвѣта.

По фотогр. Эд. Франкля въ Берлинѣ.

Рис. 187. Берлинскій сутенеръ поджидаетъ свою „милую“ послѣ контроля

записываніе не предоставлено одному лицу, а соотвѣтственной коллегіи. Больныя дѣвушки большею частью принудительно лѣчатся въ такъ называемомъ городскомъ пріютѣ. Полицейскій надзоръ за проститутками основывается на постановленіяхъ 1850, 1876 и 1897. Въ этихъ постановленіяхъ изложены предписанія для проститутокъ относительно посѣщенія оживленныхъ улицъ и общественныхъ заведеній; объ успѣхѣ этихъ предписаній можно судить по Фридрихштрассе и другимъ мѣстамъ. Такъ же мало исполняются и другія предписанія (относительно приглашенія мужчинъ и т. п.). Предписанія для врачей относительно изслѣдованія проститутокъ отличаются строгостью. Несмотря на всѣ эти предписанія, именно въ Берлинѣ проституція выступаетъ особенно замѣтно. Множество ночныхъ кафе, пивныхъ, танцъ-залъ и т. п. благопріятствуютъ проституціи. Сутенерство въ Берлинѣ также очень развито, и это обстоятельство также связано здѣсь съ большимъ процентомъ преступности. Сутенеръ постоянный спутникъ проститутки, которая „работаетъ“ для него. Онъ провожаетъ свою „милую“ даже на осмотръ (рис. 187). Въ отношеніи выбора квартиръ здѣсь также имѣютъ силу упомянутыя выше предписанія. Сводничество въ Берлинѣ сильно развито и содѣйствуетъ проституткамъ сдачей меблированныхъ комнатъ, устройствомъ для вида прачешныхъ, мастерскихъ, мелочныхъ лавочекъ. Такъ называемые на жаргонѣ этого міра „Putzmeister'ы“ также содѣйствуютъ проституціи, выдавая проституткамъ удостовѣренія, будто онѣ находятся у нихъ на службѣ, и т. д. Что наряду съ зарегистрованной проституціей въ Берлинѣ сильно развита тайная, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, такъ какъ число зарегистрованныхъ проститутокъ часто смѣхотворно мало; въ послѣднее десятилѣтіе насчитывалось по Блашко

846 дѣвушекъ, находившихся подъ контролемъ полиціи нравовъ! Въ послѣднее время берлинская полицейская власть сдѣлала огромный шагъ къ устраненію вредныхъ послѣдствій тайной проституціи, особливо въ смыслѣ ограниченія половыхъ заболѣваній. Цѣль мѣропріятія, о которомъ идетъ рѣчь, по Блоху заключается въ томъ, чтобы подчинить врачебному контролю, надзору и лѣченію тѣхъ изъ массы неконтролируемыхъ проститутокъ, которыя подозрѣваются въ профессіональномъ развратѣ, но, какъ способныя къ улучшенію, не зарегистрованы. На приглашеніе полицейскихъ властей и совѣта нѣмецкаго общества борьбы съ половыми болѣзнями, извѣстное число врачей спеціалистовъ изъявили готовность осматривать дѣвушекъ, указанныхъ

По фотогр. Берл. Иллюстр. Общества.

Рис. 188. Берлинскій „Scheunenviertel“ (улица проститутокъ).

имъ полиціей и выдавать имъ (безъ сообщенія въ полицію) свидѣтельства о состояніи здоровья на особыхъ карточкахъ. Дѣвушка можетъ выбирать любого изъ этихъ врачей. Заполненную карточку она отсылаетъ въ полицію, и если дѣлаетъ это регулярно, то остается свободной отъ контроля.

О проституціи въ Вѣнѣ даетъ намъ свѣдѣнія превосходное и основательное сочиненіе Шранка. Въ общемъ, основой регулированія проституціи здѣсь до сихъ поръ служитъ полицейское постановленіе отъ 6 февраля 1873 г., пополнявшееся по мѣрѣ надобности въ позднѣйшіе годы. Что касается формъ проституціи, то дома терпимости существуютъ въ незначительномъ количествѣ, большинство же проститутокъ занимаются своей профессіей какъ одиночки, снабженныя такъ называемыми „книжками о здоровьѣ“ (Gesundheitsbücher). Отдѣльныя правила регламентаціи такія же, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

Шранкъ пишетъ: „Въ Вѣнѣ каждая женщина, которая постоянно, доказанно и завѣдомо занимается профессіональнымъ развратомъ, считается вла-

стями проституткой. Записываніе производится добровольно въ соотвѣтственномъ полицейскомъ коммисаріатѣ, тогда какъ лица, задержанныя по доносу или самой полиціей, обязаны доказать, что они занимаются честной профессіей, въ противномъ случаѣ имъ выдаютъ книжки о здоровьѣ. Каждая проститутка записывается въ книгу въ центральномъ управленіи и на особый листокъ въ коммисаріатѣ, на этомъ листкѣ отмѣчаются и ея заболѣванія. Что касается врачебнаго освидѣтельствованія, то каждая проститутка обязана дважды въ недѣлю, именно черезъ каждые три дня, являться для освидѣтельствованія. Послѣ того какъ ей будутъ объявлены это и другія полицейскія предписанія, она подписываетъ протоколъ. Въ книжкѣ о здоровьѣ отмѣчается результатъ врачебнаго освидѣтельствованія; если проститутка не явилась, то врачъ немедленно даетъ знать полиціи, послѣ чего данная проститутка доставляется въ больницу, такъ какъ врачебный осмотръ проститутокъ на дому безусловно воспрещенъ. Освидѣтельствованіе однако не безплатное, проститутка должна платить за него по таксѣ. Книжки о здоровьѣ выдаются только лицамъ старше девятнадцати лѣтъ. Полицейскій надзоръ лежитъ на обязанности общей и сыскной полиціи. Время отъ времени предпринимаются также облавы. Въ Вѣнѣ проститутки, не принадлежащія къ числу мѣстныхъ уроженокъ, въ случаѣ нарушенія полицейскихъ предписаній, такихъ же, какъ въ другихъ городахъ, высылаются на родину". Что число тайныхъ проститутокъ въ Вѣнѣ очень велико, въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія; на „Strich" (ловлѣ мужчинъ) онѣ также замѣтны на улицахъ Кернтеръ, Красной Башни, на Верхнемъ Рынкѣ, какъ на Фридрихштрассе въ Берлинѣ. О невѣроятныхъ порядкахъ въ вѣнскихъ домахъ терпимости, особливо при недостаточномъ полицейскомъ надзорѣ, свидѣтельствуетъ недавній процессъ „Риля".

Такимъ, поясненнымъ на примѣрѣ трехъ столицъ, способомъ организована регламентація въ большинствѣ странъ; поэтому, мы можемъ ограничиться относительно ихъ краткими указаніями и остановиться только на нѣкоторыхъ исключеніяхъ. Хотя дома терпимости запрещены параграфомъ 180 нѣмецкаго имперскаго уголовнаго уложенія 1871—1876 гг., но они существуютъ въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напр., въ Хемницѣ, Дюссельдорфѣ, Галле, Кёнигсбергѣ, Гамбургѣ и т. д. Гамбургъ обладаетъ въ дѣйствующемъ отчасти еще и нынѣ регламентѣ 1834 года очень хорошими правилами относительно санитарной стороны и защиты бордельныхъ дѣвушекъ отъ хозяевъ. Несмотря на упомянутый выше параграфъ, дома терпимости допускаются и нынѣ, съ той разницей, что въ большинствѣ случаевъ сосредоточиваются на спеціальныхъ улицахъ (см. рис. 182). Въ Дрезденѣ нѣтъ домовъ терпимости, но имѣются улицы, отведенныя для проституціи, также въ Лейпцигѣ. Въ Бременѣ имѣются контрольныя улицы (бордельныя улицы), также въ Эльберфельдѣ, Эрфуртѣ и т. д. Въ другихъ большихъ городахъ также есть улицы, исключительно населенныя проститутками, напримѣръ „Scheunenviertel" въ Берлинѣ (рис. 188) или улица Шпиттельбергъ въ Вѣнѣ.

Что касается внѣ-германскихъ странъ, то въ Англіи въ настоящее время проституція не регламентирована. Что она кишитъ тамъ и проявляется въ скандальнѣйшихъ вещахъ, доказалъ процессъ, возбужденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ противъ мистера Стэда за его разоблаченія въ „Pall Mall Gazette"; оказалось, что въ Лондонѣ существуютъ цѣлыя компаніи, занимающіяся доставкой дѣвушекъ (большею частью полудѣтей) для цѣлей проституціи. Дома терпимости, которыхъ раньше было очень много, существуютъ теперь въ меньшемъ количествѣ, — они не разрѣшены, но терпятся. Въ періодъ отъ 1864 по 1886 были, впрочемъ, въ виду огромнаго распространенія венерическихъ болѣзней въ арміи и флотѣ, въ четырнадцати гарнизонахъ и пор-

тахъ приняты такъ называемые Contagions diseases acts (акты о заразныхъ болѣзняхъ), устанавливавшіе извѣстную регламентацію проституціи, которые во многихъ отношеніяхъ выгодно отличаются отъ постановленій другихъ странъ. Но, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ лиги аболиціонистовъ, эта регламентація была снова отмѣнена (1886) и старое состояніе возстановилось. такъ что Англія теперь обладаетъ самой необузданной (послѣ Америки) проституціей.

Въ Бельгіи введена довольно строгая регламентація, по французскому образцу, подвѣдомственная бургомистрамъ различныхъ городовъ. Существуютъ какъ дома терпимости, такъ и вольная проституція.

Рис. 189. Алжирскія проститутки.

Въ Голландіи нѣтъ настоящаго контроля. Что касается формы проституціи, то и здѣсь существуютъ дома терпимости и вольная проституція.

Въ Италіи проституція была сначала (lex Cavour) строго регламентирована, но въ 1888 регламентація была отмѣнена Криспи (lex Crispi), а лѣченіе и врачебное освидѣтельствованіе облегчены для проститутокъ учрежденіемъ dispensarii celtici. Дома терпимости существуютъ и время отъ времени подвергаются полицейскому осмотру. Принудительнаго помѣщенія въ госпитали для проститутокъ не существуетъ.

Въ Швейцаріи, за исключеніемъ Женевы, регламентаціи не существуетъ; въ нѣкоторыхъ притонахъ заболѣвшія проститутки принудительно помѣщаются въ госпиталь.

Въ Болгаріи введенъ врачебно-полицейскій котроль, большею частью въ формѣ бордельной системы; въ отдѣльныхъ городахъ разрѣшена и практика вольныхъ проститутокъ. По офи-

ціальному сообщенію д-ра Верона въ послѣднее десятилѣтіе было 62 бордели съ 360 проститутками и 87 вольныхъ проститутокъ.

Въ Россіи сифилисъ очень распространенъ, въ отдѣльныхъ губерніяхъ онъ принимаетъ прямо повальный характеръ. Проституція въ Россіи строго регламентируется (съ 1844 года). Проститутки, живущія частью въ домахъ терпимости, частью на своихъ квартирахъ, подвергаются врачебному освидѣтельствованію въ домахъ терпимости дважды въ недѣлю, одиночки разъ въ недѣлю; въ случаѣ заболѣванія отправляются въ госпиталь. Послѣдній конгрессъ о сифилисѣ высказался въ пользу тщательной регламентаціи.

Прим. перев. Больныхъ сифилисомъ въ Россіи еще въ 1896 насчитывалось медицинскимъ департаментомъ 993.000, но по мнѣнію спеціалистовъ эту цифру слѣдуетъ по меньшей мѣрѣ удвоить. Зарегистрованныхъ проститутокъ считается въ настоящее время 34,000 — несомнѣнно, ничтожная доля дѣйствительной цифры!

Какъ въ Германіи и другихъ странахъ, въ Россіи также существуетъ извѣстное противорѣчіе въ законахъ о проституціи. Можно указать статьи законовъ, которыя совершенно запрещаютъ занятіе проституціей (ст. 155 т. XIV Уст. пред. прест.); въ то же время изданы и издаются правила о домахъ терпимости, о врачебно-полицейскомъ контролѣ и т. д.

Практика регламентаціи у насъ вообще не справляется съ законами и осуществляется по усмотрѣнію полиціи, которой принадлежитъ въ этомъ случаѣ почти безконтрольная власть. Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ общей грубостью и жестокостью нашихъ нравовъ, приводитъ къ тому, что положеніе проститутокъ въ смыслѣ жестокаго обращенія, оскорбительнаго отношенія, грубой эксплоатаціи у насъ хуже чѣмъ гдѣ-либо, а польза регламентаціи — весьма спорная и на Западѣ, какъ видно изъ изложенія автора окончательно сходитъ на нѣтъ.

Проститутка по закону во всякое время можетъ оставить домъ терпимости; долги не могутъ служить основаніемъ къ ея насильственному задержанію; взысканіе долговъ допускается лишь въ извѣстной суммѣ. Такъ какъ ни сами проститутки, ни полиція обыкновенно не знаютъ этого (послѣдняя часто и не желаетъ знать), то на практикѣ насильственное задержаніе проститутокъ въ домахъ терпимости обыкновенное явленіе. Несовершеннолѣтнія не могутъ (по закону) находиться въ домахъ терпимости.

Въ прежнія времена у зарегистрованныхъ проститутокъ отбирались паспорта, взамѣнъ которыхъ вручались имъ такъ наз. „желтые билеты". Въ настоящее время желтые билеты выдаются только проституткамъ домовъ терпимости; одиночки же сохраняютъ свои паспорта, въ дополненіе къ которымъ получаютъ особые секретные листки съ помѣтками о регистраціи. Регистрація по закону необязательна (рѣшеніе сената отъ 23 февраля 1892 года); на дѣлѣ же полиціей установлена принудительная регистрація. Время отъ времени устраиваются облавы („общій сборъ бродячихъ женщинъ"), при чемъ задержанныя женщины подвергаются осмотру, а больныя отправляются въ госпиталь. Проститутка освобождается отъ надзора: въ случаѣ выхода замужъ; по собственному заявленію, если разслѣдованіе подтвердитъ, что она измѣнила образъ жизни; по ручательству благонадежнаго человѣка.

Въ Босніи и Герцеговинѣ регламентація была введена спустя довольно долгое время послѣ австрійской оккупаціи, именно, какъ видно изъ отчета Глюка, въ 1880 году. Проститутки регистрируются, въ случаѣ надобности принудительно, и подвергаются врачебному освидѣтельствованію каждые три дня, у себя на квартирѣ или въ полиціи, при чемъ больныя принудительно помѣщаются въ госпиталь. Живутъ онѣ большею частью въ домахъ терпимости, лишь въ видѣ исключенія по своимъ квартирамъ. Мѣнять квартиру онѣ могутъ только съ разрѣшенія властей, и въ большинствѣ случаевъ могутъ жить лишь на извѣстныхъ улицахъ. Отношеніе хозяевъ домовъ терпимости къ

дѣвушкамъ также строго регулировано, и приняты мѣры для предупрежденія эксплоатаціи послѣднихъ. Тайная проституція, сводничество и устройство притоновъ строжайшимъ образомъ преслѣдуются. Эти правила, примѣненныя сначала въ Сераево, были въ 1887 распространены и на другіе города.

Въ Турціи, по сообщенію Дюринга, не существуетъ никакой регламентаціи, по крайней мѣрѣ въ дѣйствительности, а не только на бумагѣ. Больныя венерической болѣзнью дѣвушки отправляются, если полиціи случится задержать ихъ, въ госпиталь, но послѣ выхода изъ него не подвергаются освидѣтельствованію

Рис. 190. Алжирская танцовщица.

и контролю. Сифилисъ въ Турціи очень распространенъ, принимая мѣстами повальный эпидемическій характеръ. Подобныя же отношенія существуютъ и въ другихъ странахъ средиземноморского побережья (Марокко, Триполи, Алжиръ), гдѣ проститутки въ большинствѣ случаевъ фигурируютъ въ качествѣ танцовщицъ, баядерокъ и т. п. (Рис. 189—191.)

Въ Швеціи проституція подвергается надзору, но домовъ терпимости нѣтъ. Собственно регламентація основывается на постановленіи 1839 года, видоизмѣненномъ на другихъ основаніяхъ въ 1875. Врачебное освидѣтельствованіе бываетъ разъ въ недѣлю. Больныя проститутки принудительно помѣщаются въ госпиталь.

Въ совершенно иной формѣ осуществлена въ новѣйшее время регламентація проституціи въ двухъ сѣверныхъ государствахъ, Даніи и Норвегіи, гдѣ раньше проституція терпѣлась и отчасти была регламентирована.

Датскій законъ 30 марта 1906 года, собственно, отмѣняетъ регистрацію и подчиняетъ проститутокъ закону о бродягахъ, ка-

рая ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ принудительными работами. Это бываетъ въ случаѣ рецидива послѣ предупрежденія. Дома терпимости запрещены. Половое зараженіе наказывается по жалобѣ потерпѣвшаго. Всѣ лица, зараженныя половыми болѣзнями, могутъ лѣчиться на общественный счетъ. Больные обязаны также являться къ врачу, который долженъ сообщать объ этомъ властямъ.

Въ Норвегіи уже въ 1901 году былъ принятъ проектъ закона, обязующаго лицъ, больныхъ венерическими болѣзнями, являться къ врачу для освидѣтельствованія. Во всякомъ случаѣ

Рис. 191. Триполитанская танцовщица въ Сфаксѣ.

врачъ обязанъ доносить о заболѣваніяхъ. Проститутки подвергаются принудительному контролю.

Противъ всѣхъ этихъ постановленій, стремящихся осуществить регламентацію, возникло въ Англіи аболиціонистское движеніе, поставившее своей цѣлью уничтоженіе всякой регламентаціи. Движеніе, быстро организовавшееся въ Англіи, гдѣ во главѣ его стала миссъ Жозефина Бутлеръ, вскорѣ пріобрѣло въ этой странѣ большое вліяніе, а затѣмъ распространилось и на материкѣ, особливо въ Германіи. Въ Англіи оно добилось, какъ мы уже упоминали, отмѣны Contagions diseases act, что привело въ санитарномъ отношеніи къ сильнѣйшему распространенію сифилиса. Аболиціонисты отвергаютъ регламентацію прежде всего изъ религіозныхъ и нравственныхъ основаній и считаютъ ее тяжкимъ посягательствомъ на личную свободу, поощреніемъ проституціи со стороны государства.

Врачи, какъ, напримѣръ, очень заслуженный Блашко, высказывающіеся противъ регламентаціи, не раздѣляя воззрѣній або-

лиціонистовъ, имѣютъ въ виду въ большинствѣ случаевъ современныя правила регламентаціи, которыя, какъ мы уже не разъ замѣчали, нуждаются въ коренномъ преобразованіи. Во всемъ движеніи аболиціонизма заслуживаетъ одобренія только стремленіе, — къ которому мы еще вернемся и которое безъ сомнѣнія имѣетъ извѣстное значеніе въ смыслѣ предупрежденія половыхъ заболѣваній, — стремленіе къ улучшенію проститутокъ, открытію для нихъ убѣжищъ, пріисканію работы и т. п.

Въ предыдущихъ отдѣлахъ мы старались дать картину историческаго развитія проституціи, ея положенія въ различныхъ странахъ; мы изложили сущность регламентаціи, указали ея недостатки, — теперь же переходимъ къ стремленіямъ, ставящимъ своей цѣлью улучшеніе проституціи. Если ее нельзя устранить, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, стремиться смягчить вредныя послѣдствія проституціи. Этой проблемой занимались въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій конгрессы выдающихся изслѣдователей и врачей, но рѣшеніе этого вопроса и въ особенности удовлетворительное рѣшеніе еще не найдено и повидимому не такъ-то скоро будетъ найдено.

Въ заключеніе этой статьи приведемъ здѣсь главнѣйшія предложенія. Множество проектовъ реформы распадается, если можно примѣнить медицинское обозначеніе къ этому соціальному вопросу, на двѣ большія группы, на предупредительныя и на лѣчебныя мѣры. Подъ предупредительными мѣрами мы подразумѣваемъ тѣ, которыя имѣютъ цѣлью воспрепятствовать развитію или росту проституціи, — это въ большинствѣ случаевъ соціальныя мѣры; лѣчебныя же — тѣ, которыя имѣютъ дѣло съ уже развитой проституціей и стремятся уменьшить ея вредъ, а также улучшить участь проститутокъ. Что касается первой группы, то къ ней надо причислить и тѣ мѣры въ самомъ широкомъ смыслѣ, которыя предлагаются выдающимися юристами и главнымъ образомъ имѣютъ въ виду устраненіе противорѣчія между уголовными законами (въ особенности австрійскими и германскими), карающими сводничество, и вынужденной терпимостью къ проституціи. Въ измѣненіи нуждаются параграфы 512 и 513 австрійскаго, и 180 и 361 нѣмецкаго уголовнаго уложенія. Въ задачу автора этихъ строкъ, не юриста по спеціальности, не входитъ подробное изложеніе этихъ стремленій; приведемъ здѣсь только мнѣнія Листа и Шмёльдера о наказуемости передачи половыхъ болѣзней. Прекрасная работа Листа занимается тѣсно связаннымъ съ проституціей вопросомъ о передачѣ половыхъ заболѣваній, и знаменитый криминалистъ такъ формулируетъ свое мнѣніе: „Тотъ, кто, зная, что онъ страдаетъ заразной половой болѣзнью, совершитъ совокупленіе, наказывается тюремнымъ заключеніемъ до двухъ лѣтъ, съ которымъ можетъ соединяться лишеніе гражданскихъ правъ. Если этотъ поступокъ совершенъ однимъ изъ супруговъ по отношенію къ другому, то судебное преслѣдованіе возбуждается только по жалобѣ потерпѣвшей стороны“. Подобное же предложеніе дѣлаетъ Шмёльдеръ.

Теперь обратимся къ предупредительнымъ мѣрамъ, предлагаемымъ различными врачами въ видахъ предупрежденія и лучшаго регулированія проституціи Цѣлый рядъ спеціалистовъ указываетъ на то, что педагогія должна принимать мѣры про-

тивъ вредныхъ послѣдствіи проституціи въ нравственномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ, ведя въ этомъ смыслѣ воспитаніе ребенка съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Такъ, уже съ нѣжнѣйшаго возраста родители должны заботиться о томъ, чтобы ребенокъ не испытывалъ впечатлѣній, преждевременно пробуждающихъ чувственность и колеблющихъ моральныя положенія, преподаваемыя школой. По мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ нужно избѣгать постановки чувственныхъ изображеній въ тѣхъ мѣстахъ, которыя часто посѣщаются учениками школъ, подвергать болѣе строгой цензурѣ

Собств. М. Зелигманна въ Парижѣ.
Рис. 192. Въ варьетэ. Съ картины Абеля Трюше.

порнографическую литературу и принимать мѣры противъ ознакомленія съ нею подрастающей молодежи. Родители должны также слѣдить за тѣмъ, чтобъ дѣти не посѣщали театровъ и другихъ увеселительныхъ мѣстъ, выставокъ и проч., гдѣ даются пьесы, опасныя въ нравственномъ отношеніи, или выставляются подобныя же изображенія.

Такъ же вредно дѣйствуютъ варьетэ, кабачки, ночные кафе и т. д., гдѣ артистками являются тайныя проститутки (рис. 192). Всѣ эти увеселительныя мѣста — очаги проституціи, хотя есть различныя переходныя ступени между концертными залами и танцъ-залами, гдѣ отплясываютъ пресловутый канканъ или, въ новѣйшее время, кэкъ-уокъ (рис. 196).

Прекрасное средство противъ ранняго развитія чувственности представляетъ разумный, укрѣпляющій тѣло и закаляющій душу, спортъ. — Очень важную роль играетъ уже упомянутый выше жилищный вопросъ и пріемъ ночлежниковъ, съ которыми свя-

зано такъ много вреда, въ особенности для дѣтей бѣдныхъ классовъ. Уже сожитіе многихъ лицъ разняго пола, разговоры, часто безстыдные, въ присутствіи дѣтей, не говоря уже о сценахъ, которыя часто разыгрываются у насъ на глазахъ, закладываютъ въ юныя души гибельный ростокъ, который позднѣе, съ наступленіемъ половой зрѣлости, развертывается при первомъ внѣшнемъ толчкѣ и приводитъ къ половымъ излишествамъ, а дѣвушекъ къ проституціи. Какъ пагубно дѣйствуетъ пріемъ ночлежниковъ на нравственность подрастающей молодежи, какъ часто ночлежники становятся первыми соблазнителями молодыхъ, едва вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста дѣвушекъ, извѣстно всякому врачу, который имѣлъ дѣло съ проституціей въ особенности по обязанностямъ службы. Мы видимъ, такимъ образомъ, что требованіе здоровыхъ и дешевыхъ квартиръ вполнѣ оправдывается и съ этой стороны, что, поэтому, усилія правительствъ и союзовъ, направленныя къ разрѣшенію этого вопроса въ послѣднее время, и съ этой точки зрѣнія можно только горячо привѣтствовать. Есть и еще одно обстоятельство, тѣсно связанное съ жилищнымъ вопросомъ. Это проживаніе проститутокъ въ домахъ, гдѣ есть много дѣтей, которые такимъ образомъ имѣютъ передъ глазами дурной примѣръ. Правда, противъ этой опасности принимаются въ нѣкоторыхъ городахъ полицейскія мѣры; наилучшіе результаты даетъ сосредоточеніе проституціи въ извѣстныхъ контрольныхъ или бордельныхъ улицахъ. Но именно въ міровыхъ столицахъ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, проститутки, несмотря на всѣ запрещенія, показываются въ кричащихъ туалетахъ на самыхъ оживленныхъ улицахъ (рис. 193).

Въ мѣткихъ выраженіяхъ рисуетъ Адель Шрейберъ опасность, которой грозятъ дѣтскому міру, въ особенности низшихъ классовъ, всѣ упомянутыя выше обстоятельства, и придаетъ особенное значеніе безпризорности дѣтей, которыхъ родителямъ, уходя на работу, поневолѣ приходится предоставлять самимъ себѣ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда самимъ дѣтямъ приходится зарабатывать хлѣбъ въ качествѣ цвѣточницъ, разносчиковъ, разсыльныхъ и т. д. Дѣтскіе сады, дѣтскія убѣжища и пріюты, къ которымъ мы сейчасъ обратимся, безъ сомнѣнія могутъ сдѣлать много добра въ этомъ отношеніи.

Въ послѣднее время стоятъ также за ознакомленіе дѣтей, въ особенности мальчиковъ, съ половыми вещами, о чемъ уже говорилось въ другихъ мѣстахъ этой книги, — требованіе, предъявляемое не только врачами, но и послѣдними конгрессами по школьной гигіенѣ, равно какъ педагогами. Здѣсь естественно на долю школьнаго врача въ старшихъ классахъ средней школы выпадаетъ благодарная задача. Ему надлежитъ прежде всего объяснить молодежи важность полового вопроса, указать на вредныя послѣдствія полового раздраженія (онанизмъ, раннее совокупленіе и т. д.), убѣдить, что воздержаніе въ молодости разумно и никогда не сопровождается вредными послѣдствіями, обратить вниманіе на опасность половыхъ заболѣваній и т. д. Для учениковъ высшихъ школъ подобныя лекціи введены въ большинствѣ высшихъ школъ Германіи и Австріи. Постановка этого вопроса — большая заслуга со стороны нѣмецкаго общества борьбы съ половыми заболѣваніями, успѣвшаго сдѣлать

такую массу полезнаго за короткое время своего существованія. — Весьма благодѣтельное вліяніе, простирающееся за предѣлы дѣтскаго возраста и способное въ особенности предохранить отъ проституціи многихъ несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ (filles mineures), оказываетъ такъ называемое „попечительное воспитаніе“ (Fürsorgeerziehung), которое введено въ Пруссіи закономъ 2 іюля 1900, и въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, особливо въ связи съ усиліями частныхъ лицъ, обѣщаетъ большой успѣхъ и, на основаніи уже достигнутыхъ результатовъ, заслуживаетъ самой настоятельной рекомендаціи.

Шиллеръ въ своихъ разсужденіяхъ о законѣ призрѣнія справедливо замѣчаетъ, что дѣвушекъ толкаетъ на путь проституціи не столько нужда, какъ утверждаютъ Бебель, Гиршъ, Блашко и др., сколько отсутствіе надлежащаго воспитанія, связанное съ недостаткомъ моральнаго сознанія и обусловленное домашними отношеніями, квартирной нуждой, дурнымъ примѣромъ, преступностью родителей, пьянствомъ, отвращеніемъ къ труду и т. д. Совершенно правильно говоритъ Нейссеръ: „Самое важное не дожидаться полной безпризорности молодежи, но позаботиться, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ это дѣлается теперь, о воспитаніи и уходѣ за дѣтьми, о защитѣ молодыхъ дѣвушекъ и доставленіи имъ заработка по окончаніи школы, если мы хотимъ серьезно противодѣйствовать развивающемуся во всевозможныхъ формахъ моральному упадку молодежи, проявляющемуся въ преступности, бродяжничествѣ и нищетѣ, а также и въ проституціи“.

Что недостаточное образованіе также играетъ важную роль, въ томъ не можетъ быть сомнѣнія. Изъ всего, что говоритъ Шиллеръ, слѣдуетъ, что средства борьбы съ проституціей нужно видѣть прежде всего въ правильномъ воспитаніи и разумномъ образованіи женской молодежи. Такова задача государства, которую оно можетъ осуществить путемъ разумнаго воспитанія безпризорныхъ, чѣмъ удовлетворитъ насущную соціально-политическую потребность. Это воспитаніе по выше цитированному прусскому закону можетъ осуществиться либо въ семьѣ, либо въ учрежденіяхъ; издержки беретъ на себя государство. Достигнувъ четырнадцати лѣтъ, питомцы поступаютъ въ услуженіе, и для нихъ назначается

Рис. 193. Дамы парижскаго полусвѣта.

такъ называемый попечитель (Fürsorger). Несовершеннолѣтніе, обнаруживающіе наклонность къ преступленіямъ, бродяжничеству и проституціи, помѣщаются въ заведенія. Дѣвушки обучаются ручнымъ работамъ, какими имъ придется заниматься въ позднѣйшей жизни, въ нихъ стараются развить чувство чести и нравственную воспріимчивость. Статистика свидѣтельствуетъ о хорошихъ результатахъ этихъ попытокъ. Шиллеръ приводитъ статистическія данныя пастора Кольба, согласно которымъ 87,4 процента питомцевъ надо считать спасенными для гражданской жизни. Совершенно правильна точка зрѣнія Шиллера, что благодаря такимъ мѣропріятіямъ по крайней мѣрѣ предложеніе сильно уменьшится. Именно продленіе срока призрѣнія до 18-лѣтняго возраста составляетъ большое преимущество новаго закона.

Въ отдѣльныхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ случаяхъ попечительное воспитаніе можетъ продолжаться до совершеннолѣтія.

Перечисленныя мѣры могутъ съ успѣхомъ противодѣйствовать самопроституированію несовершеннолѣтнихъ. Другая соціальная мѣра должна заключаться въ самой энергичной борьбѣ съ торговлей дѣвушками, о которой мы достаточно говорили выше. Въ послѣдніе годы большинство европейскихъ государствъ рѣшилось, наконецъ, энергически взяться за это дѣло и привести въ исполненіе постановленія конгрессовъ, собиравшихся также и по офиціальной иниціативѣ.

Что вообще стремленія, направленныя къ подъему народнаго благосостоянія, противодѣйствуютъ распространенію проституціи, что всѣ усилія въ этомъ направленіи оказываютъ благопріятное дѣйствіе, это, разумѣется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ Блашко, противникомъ регламентаціи, когда онъ говоритъ въ своей замѣчательной работѣ по гигіенѣ проституціи: „Если удастся повысить потребленіе народа, достигнуть прочнаго улучшенія его благосостоянія (standard of life) и этимъ самымъ понизить средній возрастъ вступленія въ бракъ, улучшить хозяйственное положеніе женщины и этимъ самымъ повысить оцѣнку ея достоинствъ, то такимъ способомъ будетъ сдѣлано главное. Дѣйствительная защита рабочихъ (и работницъ), обезпеченіе права свободы союзовъ, покровительство незаконнымъ дѣтямъ, созданіе лучшихъ жилищъ для состоящихъ и не состоящихъ въ бракѣ, борьба съ алкоголизмомъ, облагороженіе народныхъ нравовъ посредствомъ сокращенія рабочаго времени и удлиненія и облагораживанія часовъ досуга, основаніе читаленъ, народныхъ театровъ, поощреніе физическаго спорта, — эти и тысячи подобныхъ мѣропріятій, способныхъ повысить матеріальный и нравственный уровень народа, способны также понизить потребность и предложеніе проституціи“. Все это справедливыя слова, но невольно возникаетъ вопросъ, точно ли въ далекомъ, пока даже необозримо далекомъ будущемъ, когда всѣ эти вопросы будутъ разрѣшены, проституція значительно уменьшится. При всемъ уваженіи къ мнѣніямъ автора, мы, исходя изъ основаній, изложенныхъ выше, при обсужденіи причинъ проституціи, не можемъ съ увѣренностью отдаться этой надеждѣ. Мы не должны забывать, что одной изъ главныхъ

Мужчина и женщина. II. Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Домъ терпимости (Марокко).

причинъ является присущее роду человѣческому половое побужденіе, безспорно одно изъ сильнѣйшихъ побужденій. Въ новѣйшее время была также сдѣлана попытка оказать противодѣйствіе распространенію проституціи посредствомъ лучшей и болѣе строгой организаціи попеченія о незаконныхъ дѣтяхъ, именно въ смыслѣ болѣе строгаго разысканія отцовъ и возложенія на нихъ издержекъ воспитанія въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что предупредительныя мѣры противъ проституціи не могутъ быть дѣломъ какого-нибудь одного общественнаго слоя, но что общество (семья), государство и можетъ быть также школа, равно какъ и церковныя учрежденія — должны соединить свои усилія въ борьбѣ съ проституціей, какъ таковой, и въ особенности, какъ источникомъ половыхъ болѣзней.

Теперь мы переходимъ ко второй части нашихъ заключительныхъ замѣчаній, именно къ вопросу о лѣчебныхъ мѣропріятіяхъ, и, заявивъ себя сторонниками регламентаціи, попробуемъ разсмотрѣть предложенія, направленныя къ улучшенію современной, несомнѣнно требующей серьезнаго преобразованія, системы регламентаціи.

Что касается, прежде всего, формъ проституціи, то, какъ уже замѣчено выше, число домовъ терпимости постоянно убываетъ, и главная масса проститутокъ предпочитаетъ жить на вольныхъ квартирахъ. Если разсмотрѣть вопросъ о домахъ терпимости объективно, то придется сказать, что за ними есть извѣстныя преимущества и вредныя стороны. Преимущества заключаются въ томъ, что проституціи не такъ легко выступать на улицахъ и возможенъ лучшій контроль надъ проститутками въ административномъ отношеніи; вредныя стороны — въ томъ, что обитательницы домовъ терпимости подвергаются самой безсовѣстной эксплоатаціи со стороны своихъ хозяевъ, терпятъ сильнѣйшій ущербъ въ отношеніи личной свободы, не могутъ отказать никому изъ гостей, и въ заключеніе, какъ это констатировано всюду, вслѣдствіе обилія посѣтителей въ домахъ терпимости, заражаются гораздо чаще, чѣмъ filles de carte. Наконецъ, слѣдуетъ указать на то, что дома терпимости очень часто становятся пунктами самой наглой торговли дѣвушками, что обитательницы ихъ куплены въ самомъ настоящемъ смыслѣ слова, часто противъ своей воли и съ примѣненіемъ грубаго насилія. Не только на Востокѣ дѣвушки публичныхъ домовъ часто представляютъ типъ рабынь (см. иллюстрацію: „Въ публичномъ домѣ [Марокко]“), но и въ большихъ городахъ Европы мы находимъ то же самое. Весь вопросъ — домъ терпимости или вольная квартира? — часто можетъ быть рѣшенъ только съ мѣстной точки зрѣнія: въ маленькихъ городкахъ предпочтительнѣе домъ терпимости, въ большихъ вольная квартира. Но если стоять за сосредоточеніе всей проституціи въ домахъ терпимости, то нужно многое измѣнить въ существующихъ постановленіяхъ. Во-первыхъ, нужно строго слѣдить за тѣмъ, чтобы дома терпимости не помѣщались въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они могутъ явиться общественнымъ соблазномъ; для этого всего удобнѣе учрежденіе, по примѣру Бармена, Бремена, Эльберфельда и т. д., спеціаль-

ныхъ улицъ, которыя въ большинствѣ случаевъ строятся исключительно для этой цѣли отдѣльными предпринимателями. Идея строить государственные или городскіе дома терпимости неосуществима. Важно, однако, чтобы договоръ бордельныхъ хозяевъ съ дѣвушками заключался при вмѣшательствѣ полиціи, чтобы принужденіе къ пьянству и пьянство съ гостями въ домахъ терпимости было запрещено, далѣе, чтобы дѣвушка ежедневно могла выходить изъ бордели, а главное, чтобы хозяевамъ было запрещено продавать дѣвушкамъ наряды, украшенія и т. п., такъ какъ этимъ путемъ достигается обремененіе дѣвушки долгами и ея превращеніе въ бѣлую рабыню. Условія вознагражденія, право выхода и т. д. также должны быть означены въ контрактѣ Очень важно также постановленіе относительно врачебныхъ освидѣтельствованій; послѣднія должны происходить три раза въ недѣлю и быть безплатными, такъ какъ при теперешней системѣ платныхъ, въ большинствѣ случаевъ, освидѣтельствованій, они слишкомъ тяжело ложатся на дѣвушекъ. Вознагражденіе врачамъ должны выплачивать государство или городъ; освидѣтельствованіе должно происходить не въ самомъ домѣ терпимости, такъ какъ здѣсь оно будетъ производиться недостаточно тщательно, а въ назначенныхъ для этой цѣли офиціальныхъ пунктахъ. Властямъ слѣдуетъ время отъ времени производить строгую неожиданную ревизію, которая провѣряетъ, исполняются ли всѣ условія контракта и полицейскія предписанія. На указанныхъ условіяхъ, и съ обязательствомъ немедленной отправки въ больницу заболѣвшей можно разрѣшать дома терпимости. Необходимо установить строгій надзоръ для предупрежденія торговли дѣвушками.

Что касается системы свободно живущихъ проститутокъ, то въ настоящее время она, повидимому, все болѣе и болѣе укореняется по причинамъ, приведеннымъ выше. Нельзя отрицать, конечно, что она не представляетъ такихъ удобствъ для контроля надъ состояніемъ здоровья, какъ проституція въ домахъ терпимости. Такъ какъ, однако, нужно считаться съ данными обстоятельствами, то именно здѣсь особенно важны преобразованія, въ которыхъ настоятельно нуждается существующая система. Прежде всего, администраціи слѣдуетъ добиваться устраненія тайной проституціи и превращенія ея въ контролируемую, — стремленіе, конечно осуществимое лишь отчасти, но къ осуществленію котораго надо стремиться иначе, чѣмъ теперь, не одпѣми только грубыми полицейскими мѣрами, но и болѣе гуманнымъ путемъ, при помощи болѣе широкихъ предупредительныхъ мѣропріятій, какъ мы сейчасъ увидимъ. Справедливо говорить Нейссеръ въ одномъ изъ своихъ замѣчательныхъ рефератовъ, превосходно освѣщающемъ весь вопросъ о регламентаціи: „Если принять въ соображеніе это возникновеніе проституціи изъ общихъ соціальныхъ отношеній и соучастіе всего общества въ ея существованіи, то отсюда слѣдуетъ, что мы не должны безъ церемоній привлекать къ отвѣтственности и наказывать за вредныя послѣдствія проституціи отдѣльную проститутку. Это тѣмъ менѣе допустимо, чѣмъ менѣе отдѣльное лицо или законодатель считаютъ возможнымъ обойтись безъ проституціи, какъ средства полового удовлетворенія мужчинъ, лишенныхъ возможности же-

ниться. Но не только несправедливо наказывать отдѣльное лицо за зло, которое не имъ создано, которое даже дѣлаетъ его несчастнымъ, но и совершенно безцѣльно пытаться посредствомъ наказанія и преслѣдованія отдѣльныхъ индивидуумовъ достигнуть чего-либо тамъ, гдѣ въ силу общихъ причинъ постоянно выростаютъ новыя поколѣнія такихъ анти-соціальныхъ элементовъ“.

Съ нашей точки зрѣнія мы должны постоянно указывать на то, что гуманное и цѣлесообразное регламентированіе ведетъ къ устраненію и ограниченію значительнаго числа половыхъ заболѣваній и потому представляетъ большія выгоды въ соціальномъ отношеніи. Совершенно отвергать всякую регламентацію на томъ основаніи, что современная регламентація во многихъ отношеніяхъ требуетъ преобразованія, кажется намъ совершенно нелогичнымъ. Вышеуказанное стремленіе по возможности превратить тайную проституцію въ контролируемую, безъ сомнѣнія, имѣетъ основаніе, если принять въ разсчетъ, что, напримѣръ, въ Берлинѣ контролируется только 1,9, а въ Брюсселѣ только 0,5 на тысячу жителей.

Соотвѣтственно вышеизложеннымъ замѣчаніямъ, всякая регламентація распадается на три группы мѣропріятій: регистрація (записываніе), врачебное освидѣтельствованіе и помѣщеніе въ госпиталь проститутокъ. Мы укажемъ теперь на предложенія, дѣлавшіяся въ послѣднія десятилѣтія относительно улучшенія соотвѣтственныхъ постановленій. Прежде всего мы должны упомянуть о тѣхъ предложеніяхъ, которыя имѣютъ въ виду внести единство и улучшить постановку общаго надзора за проституціей со стороны органовъ администраціи. Сюда относится созданіе собственнаго санитарнаго учрежденія, состоящаго изъ врачей и представителей полиціи, которымъ должно принадлежать наблюденіе и контроль надъ всей проституціей въ отдѣльныхъ городахъ. Такія учрежденія предлагаются Рихардомъ, Жаннелемъ и др.; подобная система уже введена въ Италіи и дала хорошіе результаты.

Особенно обстоятельно въ послѣднее время занимался этой идеей Нейссеръ, выработавшій планъ санитарныхъ комиссій, которыя, конечно, могутъ дѣйствовать лишь на почвѣ общаго законодательнаго регулированія проституціи, служащаго для нихъ основой и справедливо требуемаго Нейссеромъ. Конечно, этотъ законъ можетъ быть лишь общимъ закономъ, приспособляемымъ къ мѣстнымъ условіямъ посредствомъ мѣстныхъ уставовъ, также утверждаемыхъ въ законодательномъ порядкѣ. Эти санитарныя комиссіи должны по Нейссеру состоять: 1. — изъ врача, въ качествѣ предсѣдателя, 2. — изъ судей, 3. — изъ постороннихъ лицъ (по образцу суда шёффеновъ или третейскаго). Всѣ лица, опасныя для общественнаго благосостоянія въ виду полового заболѣванія или половой распущенности, представляются этой комиссіи, или о нихъ сообщаютъ врачи. (Это предложеніе объ обязательномъ сообщеніи со стороны врача вызвало рѣзкую критику въ виду нарушенія профессіональной тайны.) Санитарная комиссія распоряжается относительно надзора надъ этими лицами, она же является центральнымъ мѣстомъ помощи желающимъ исправиться.

Что касается регистраціи проститутокъ, то прежде всего изъ нея должны быть исключены несовершеннолѣтнія; ихъ слѣдуетъ помѣщать въ заведенія попечительнаго воспитанія, продолжающагося до восемнадцати лѣтъ, а въ случаѣ необходимости и дольше. Здѣсь представляется удобнымъ для соотвѣтственныхъ органовъ власти входить въ сношенія съ частными благотворительными обществами для пріисканія работы, такъ же какъ и съ офиціальными учрежденіями, преслѣдующими тѣ же цѣли, въ видахъ улучшенія матеріаль-

наго положенія данныхъ лицъ. Упорные и буйные элементы помѣщаются въ официальныя и частныя исправительныя заведенія.

Въ отношеніи добровольной регистраціи можно бы сдѣлать попытку указывать являющимся добровольно путь къ лучшей жизни, и особливо вначалѣ относиться къ нимъ именно такъ, какъ мы сейчасъ указывали. Пріисканіе работы могло бы въ этомъ случаѣ оказать большую услугу. Далѣе, въ каждомъ случаѣ, когда это осуществимо, надо увѣдомлять семью данной дѣвушки (какъ и дѣлается, впрочемъ, въ большинствѣ городовъ), въ видахъ принятія ею надлежащихъ мѣръ, и только когда всѣ эти средства оказались безполезными, — устанавливать надзоръ. Что касается принудительной регистраціи, то она должна быть обставлена всевозможными мѣрами предосторожности. Это прежде всего надо сказать относительно полицейскихъ мѣропріятій. Персоналъ, которому поручается наблюденіе надъ подозрѣваемыми въ проституціи дѣвушками и задержаніе ихъ, долженъ быть особенно интеллигентнымъ и воспитаннымъ, долженъ дѣйствовать съ особеннымъ тактомъ, чтобы не происходило тѣхъ возмутительныхъ недоразумѣній, тѣхъ грубыхъ оскорбленій порядочныхъ дѣвушекъ, о которыхъ, къ сожалѣнію, слишкомъ часто приходится читать въ газетахъ. Задержанію или наказанію данной дѣвушки должно предшествовать продолжительное наблюденіе и тщательная провѣрка всѣхъ обстоятельствъ. Послѣ того, на первый разъ, и на второй, должно ограничиться предостереженіемъ, предпринять всѣ вышеуказанные шаги (какъ и дѣлается, напримѣръ, въ Берлинѣ), увѣдомить полицію, и только въ случаѣ повторенія или доказанной проституціи прибѣгать къ принудительной регистраціи. Если дѣвушка оказалась больной, ее слѣдуетъ отправить въ госпиталь или, какъ мы уже упоминали при описаніи пріемовъ берлинской полиціи, передавать врачу для свободнаго пользованія.

Относительно принудительной регистраціи нѣкоторые врачи предлагаютъ устанавливать ее судебнымъ порядкомъ, — предложеніе, формулированное уже Фурнье, Рихардомъ, Бутте и др., и нашедшее приложеніе въ вышеупомянутомъ проектѣ санитарныхъ комиссій Нейссера. Эти предложенія, конечно, заслуживаютъ полнаго вниманія, въ особенности въ томъ случаѣ, какъ это подчеркиваютъ Ганауэръ и др., если контрольныя мѣропріятія регулированы закономъ, и проститутки не остаются, какъ это въ большинствѣ случаевъ бываетъ теперь, безправными и беззащитными жертвами полицейскаго произвола. Ганауэръ даже требуетъ, чтобы кромѣ участія судьи „всякой обвиняемой въ проституціи были предоставлены всѣ тѣ гарантіи въ отношеніи защиты, отсрочки рѣшенія, обжалованія и проч., какія вообще даетъ уголовное и гражданское судопроизводство“.

Разъ тѣмъ или другимъ способомъ состоялась регистрація, дальнѣйшей мѣрой, именно въ отношеніи вольныхъ проститутокъ, является выдача имъ билета или книжки о здоровьѣ. Нарушеніе существующихъ предписаній со стороны проститутки карается судьей, какъ предлагаетъ Нейссеръ, по жалобѣ полиціи; въ случаѣ повторныхъ серьезныхъ нарушеній допустимо заключеніе въ убѣжища и рабочіе дома. Далѣе, здѣсь нужно указать еще на одно обстоятельство, о которомъ мы уже упоминали выше, именно на жилищный вопросъ, особливо по отношенію къ

свободно живущимъ проституткамъ. Этотъ вопросъ, разбиравшійся также на одномъ изъ собраній нѣмецкаго общества борьбы съ половыми болѣзнями, въ послѣднее время подробно обсуждался Кампфмейеромъ; этотъ же вопросъ, какъ уже упомянуто, даетъ поводъ къ распоряженіямъ властей, отводившихъ для проститутокъ особыя улицы (контрольныя улицы), городскія части и т. д. Нужно признать справедливымъ рѣшеніе упомянутаго собранія, что предписанія относительно найма квартиръ проститутками должны быть установлены законодательнымъ порядкомъ и что сдача такихъ квартиръ можетъ быть разрѣшена только лицамъ, не имѣющимъ при себѣ взрослыхъ или малолѣтнихъ дѣтей и сдающихъ квартиры исключительно проституткамъ. Далѣе, въ подобныхъ квартирахъ должна имѣться особая комната, спеціальная кровать для проститутки. При квартирѣ должно находиться спеціальное отхожее мѣсто. Лица, которыя сдаютъ квартиры проституткамъ съ цѣлями ростовщической эксплоатаціи послѣднихъ, подвергаются штрафу и въ случаѣ упорства — лишенію права сдавать квартиры. Мастерски изображаетъ Кампфмейеръ пагубное вліяніе квартиръ проститутокъ на ихъ сосѣдей, называя ихъ мѣстомъ убійства душъ и тѣлъ. Особенно гибельно дѣйствуетъ подобный примѣръ на подрастающую молодежь. Въ большинствѣ городовъ, въ особенности въ Германіи и Австріи, существуютъ относящіяся къ этому предмету постановленія, содержанія которыхъ заключаются въ большинствѣ случаевъ въ слѣдующемъ. Проституткамъ:

1) запрещается нанимать квартиры подлѣ церквей, школъ, общественныхъ зданій и на людныхъ улицахъ, 2) запрещается нанимать комнаты съ окнами на улицу и квартиры въ нижнемъ этажѣ, 3) разрѣшается нанимать квартиры лишь на извѣстныхъ улицахъ (это правило существуетъ только въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ — въ Дрезденѣ), 4) (тоже лишь въ нѣкоторыхъ городахъ) разрѣшается нанимать квартиры только въ извѣстныхъ домахъ. Малолѣтнимъ, а также, въ особенности, лицамъ, извѣстнымъ за сутенеровъ, запрещается посѣщать эти квартиры.

Совершенно правильно замѣчаетъ по поводу всѣхъ этихъ постановленій Кампфмейеръ: „Даже самыя рѣшительныя полицейскія предписанія, стремящіяся совершенно устранить проституцію отъ сношенія съ общественной и семейной жизнью, никогда не достигаютъ этой цѣли, такъ какъ обширныя группы тайныхъ проститутокъ нельзя подчинить санитарнымъ и полицейскимъ постановленіямъ относительно найма квартиръ“. О вѣрности замѣчанія Кампфмейера можетъ судить каждый, кому случалось обращать вниманіе на публику извѣстныхъ увеселительныхъ заведеній (American Bar'ы, павильоны съ шампанскимъ и т. п.) или заглядывать за кулисы большихъ и малыхъ театровъ (см. рис. 194). Кампфмейеръ настоятельно требуетъ законодательныхъ постановленій въ духѣ вышеупомянутыхъ заключеній, которыя устранили бы указанные недостатки, и осуществленіе которыхъ было бы поручено спеціальному органу надзора за квартирами, состоящему изъ почетныхъ должностныхъ лицъ. Подобныя же постановленія должны быть изданы относительно ночлежниковъ.

Дальнѣйшее мѣропріятіе регламентаціи представляетъ врачебное освидѣтельствованіе проститутокъ. Что современный способъ освидѣтельствованія, что вся его система неудовлетворительна и доставляетъ сильнѣйшее оружіе въ руки противникамъ регламентаціи, съ этимъ всѣ согласны. Изложить вкратцѣ главныя требованія можно въ слѣдующихъ словахъ: освидѣтельство-

Рис. 194. За кулисами.

ваніе должно происходить часто и быть безплатнымъ. Недостатки современныхъ методовъ освидѣтельствованія признаются всѣми врачами. Фингеръ говоритъ въ обстоятельной работѣ: фактъ тотъ, что среди дѣвушекъ, признаваемыхъ врачами, производящими освидѣтельствованіе, здоровыми, бываютъ зараженныя. Фингеръ усматриваетъ причину этого явленія, имѣющаго мѣсто несмотря на спеціальныя знанія врача, въ неудовлетворительности помѣщенія, въ которомъ происходитъ освидѣтельствованіе, въ недостаткѣ вспомогательныхъ средствъ, въ недостаточномъ числѣ врачей сравнительно съ числомъ подвергаемыхъ изслѣдованію проститутокъ (въ Парижѣ 23 врача на 4,500 дѣвушекъ, къ которымъ нужно еще прибавить 14,571 задерживаемыхъ по подозрѣнію; всего лучше поставлено это дѣло въ Вѣнѣ, гдѣ имѣется 47 врачей на 2,000 проститутокъ), въ недостаткѣ времени и вслѣдствіе этого поверхностномъ изслѣдованіи. Далѣе, освидѣтельствованіе производится слишкомъ рѣдко, два раза въ мѣсяцъ, обыкновенно же разъ или два раза въ недѣлю. Хожденіе на осмотръ принадлежитъ къ числу регулярныхъ занятій зарегистрованныхъ проститутокъ (рис. 195). Далѣе, освидѣтельствованіе не всегда производится соотвѣтственно уровню научныхъ знаній и опыта (такъ, въ Парижѣ только въ 1884 предписано примѣненіе зеркала), такъ

что многія больныя проститутки, именно больныя трипперомъ, а также находящіяся на вторичной стадіи сифилиса, когда онъ существуетъ въ скрытой формѣ, продолжаютъ заниматься своей профессіей. Въ особенности изслѣдованіе на трипперъ, какъ впервые потребовалъ Нейссеръ, должно производиться особенно тщательно, то-есть сопровождаться микроскопическимъ изслѣдованіемъ выдѣленія. Далѣе Фингеръ, въ согласіи съ остальными авторами, подчеркиваетъ совершенно правильно, что изслѣдованіе должно производиться въ соотвѣтственныхъ помѣщеніяхъ (не въ домахъ терпимости, какъ это еще дѣлается мѣстами) и быть безплатнымъ, и что унизительное для врача полученіе гонорара отъ проститутки должно быть отмѣнено (какъ во Франціи, Россіи и друг.). Врачъ, который производитъ освидѣтельствованіе въ теченіе трехъ-четырехъ часовъ, долженъ посвятить каждой дѣвушкѣ по крайней мѣрѣ десять минутъ и ограничиться 50—60 лицами. Наименьшая частота освидѣтельствованій два раза въ недѣлю (въ Ганноверѣ четыре раза въ недѣлю), дѣвушекъ домовъ терпимости три (по Нейссеру ежедневно). Подобные же взгляды высказываютъ Штрембергъ и Нейссеръ, требующіе точныхъ предписаній и для свидѣтельствующихъ врачей. Нейссеръ требуетъ также, чтобы, кромѣ полицейскихъ врачей, санитарный надзоръ и амбулаторное пользованіе проститутокъ были возложены на офиціальныя поликлиники для кожныхъ и половыхъ болѣзней, именно, устроенныя при больницахъ, и на отдѣльныхъ спеціалистовъ, надѣленныхъ нужными для этого полномочіями. Полицейскій контроль, осуществляемый въ полицейскихъ помѣщеніяхъ, долженъ быть ограниченъ упорными и ненадежными проститутками. Издержки беретъ на себя государство или городъ. Можно также обратиться къ услугамъ женщинъ-врачей, приглашаемыхъ при случаѣ въ качествѣ полицейскихъ врачей (что

По фотогр. Эд. Франкля въ Берлинѣ.

Рис. 195. Берлинская проститутка („Sittenmädchen“), идущая на осмотръ.

иногда дѣлается въ Германіи). Лица, подозрѣваемыя въ проституціи, могутъ быть подвергнуты освидѣтельствованію и, если окажутся больными, лѣченію со стороны врачей, при чемъ, если они будутъ исполнять врачебныя предписанія, то не регистрируются (подобный способъ, какъ выше упомянуто, введенъ недавно берлинской полиціей).

Подобную же процедуру предлагаетъ и Северусъ. Одно очень важно, а именно, и въ особенности относительно тайной проституціи, предоставленіе неимущимъ больнымъ возможности лѣчиться. Надо увеличить число поликлиникъ, учреждать диспенсаріи (по образцу Dispensarii celtici въ Италіи), — предложеніе, за которое горячо высказываются также Блашко, Фингеръ, Нейссеръ, Максъ Іозефъ и т. д. Слѣдовало бы также въ подобныхъ институтахъ или клиническихъ амбулаторіяхъ отпускать безвозмездно медикаменты неимущимъ больнымъ, на счетъ общественныхъ фондовъ. — Весьма важно также, чтобы у всѣхъ зарегистрованныхъ имѣлись упомянутые выше карточки, билеты, книжки о здоровьи. Цѣль этихъ удостовѣреній, по Нейссеру, не только облегченіе для полиціи контроля надъ регулярностью предписываемаго проституткамъ врачебнаго освидѣтельствованія, но и въ доставленіи возможности посѣтителямъ различать дѣйствительно подвергающуюся санитарному контролю проституцію отъ тайной. Билетъ долженъ выдаваться, по Нейссеру, санитарной полиціей и отбираться врачемъ въ случаѣ заболѣванія. На билетѣ должны имѣться фотографія и отмѣтки о времени и результатахъ освидѣтельствованія.

Третій вопросъ регламентаціи — помѣщеніе венерическихъ больныхъ въ госпиталь, — мѣра, въ пользу которой высказываются даже противники регламентаціи. Эти госпитали устраиваются исключительно для проститутокъ, какъ это принято въ Копенгагенѣ, Парижѣ, Петербургѣ, или — что предпочтительнѣе — проститутки принимаются въ отдѣленія для половыхъ болѣзней въ общихъ больницахъ. Къ сожалѣнію, число кроватей оказывается недостаточнымъ для проститутокъ, больныхъ половыми болѣзнями и для венерическихъ больныхъ вообще, и совершенно несоотвѣтствующимъ потребности, такъ что больныхъ часто приходится выпускать до полнаго исцѣленія, если въ данный моментъ они не могутъ уже передавать заразу. Мысль устраивать убѣжища или пріюты для выпущенныхъ проститутокъ неосуществима; гораздо лучшіе результаты даетъ обязательное пользованіе и отпускъ безплатно медикаментовъ. Настоятельной необходимостью является, какъ указываетъ Нейссеръ, повсемѣстное устройство госпиталей съ отдѣленіями для больныхъ половыми болѣзнями и основательная подготовка врачей въ этой спеціальной области. — Въ заключеніе, нужно еще указать на то, что вычеркиваніе дѣвушекъ изъ списка проститутокъ не должно быть затрудняемо и что союзъ съ частной благотворительностью и въ этомъ направленіи можетъ принести много добра.

Таковы вкратцѣ предложенія реформъ, которыя, конечно, существенно поднимутъ значеніе регламентаціи и помогутъ ей достигнуть цѣли, которую Штрёмбергъ такъ удачно характеризуетъ словами: „Цѣль регламентированія заключается въ томъ,

Рис. 196. Дамы парижскаго полусвѣта, танцующія канканъ.

чтобы въ видахъ устраненія опасности венерическаго зараженія для населенія постоянно слѣдить за состояніемъ здоровья проститутокъ, какъ можно своевременнѣе опознавать ихъ венерическія заболѣванія и какъ можно успѣшнѣе лѣчить ихъ, принимая въ уваженіе личныя права, но подчиняя ихъ благу населенія и не признавая неискоренимаго порока законнымъ ремесломъ".

Мы закончили наше изложеніе вопроса о проституціи, давъ краткій очеркъ ея возникновенія, ея соціальнаго и гигіеническаго значенія. Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что дѣло идетъ о вопросѣ, достойномъ труда и хлопотъ, которые затрачены столѣтіями на его урегулированіе, но что разрѣшеніе этого вопроса еще таится въ необозримой дали будущаго.

По фотогр. Фотограф. Общ. въ Берлинѣ.
Рис. 197. Вакханалія. Съ картины П. П. Рубенса.

Глава двѣнадцатая.

Болѣзненныя проявленія полового влеченія.

Приватъ-доцента д-ра барона Альбр. ф. Потхафтъ, въ Мюнхенѣ.

— —

Относительно полового влеченія въ мірѣ профановъ господствуютъ самыя противорѣчивыя и часто крайне странныя воззрѣнія. Иные раздѣляютъ мнѣнія людей 1793 и ихъ потомковъ въ отношеніи обожествленія народнаго начала. Половое побужденіе и половая жизнь для нихъ табу, нѣчто священное. Они готовы воскурять фиміамъ великимъ богинямъ плодородія и воспроизведенія въ модернизированномъ культѣ природы. Большинство равнодушно проходитъ мимо тайнъ бытія; видитъ, что судьбы отцовъ совершаются и надъ ними, и принимаетъ это безъ размышленій; такъ какъ знаетъ: и для дѣтей уготованы тѣ же судьбы. Третья группа пользуется половымъ влеченіемъ съ отвратительнымъ цинизмомъ, съ животною грубостью и полагаетъ, что оно существуетъ только для удовлетворенія минутной похоти. Поэтическія и склонныя къ фантазироваю натуры про-

славляютъ его, какъ источникъ всякаго земного счастья, тогда какъ рьяные міроненавистники, наоборотъ, проклинаютъ его, какъ адскую отраву и дьявольское ослѣпленіе. Всѣхъ этихъ крайностей долженъ остерегаться человѣкъ, мыслящій естественно-научно. Онъ привыкъ отыскивать и находить цѣлесообразное въ окружающемъ мірѣ, и его философское образованіе говоритъ ему, что вещь не можетъ быть хорошей или плохой сама по себѣ, но что она дѣйствуетъ хорошо или дурно, только вступая въ отношенія съ другими вещами. Побужденіе, которому всѣ мы обязаны своимъ существованіемъ, само по себѣ не можетъ представлять ничего дурного, но оно будетъ дурнымъ въ глазахъ того страннаго философа-пессимиста, который считаетъ жизнь зломъ и, слѣдовательно, рожденіе ребенка преступленіемъ по отношенію къ нему. Это побужденіе дало человѣку возможность основать семью, общину и государство; оно сдѣлало его господиномъ надъ землею, на которую онъ наложилъ печать своей культуры. Оно водило его перомъ, рѣзцомъ и кистью при созданіи великолѣпнѣйшихъ произведеній искусства. Въ видахъ полового воспроизведенія мужчина и женщина пріобрѣтаютъ въ годы зрѣлости высшую тѣлесную прелесть и испытываютъ страстное стремленіе всецѣло принадлежать другъ другу, что мы называемъ любовью. Любовь оплодотворяетъ умъ и пробуждаетъ благороднѣйшія душевныя качества; опытъ показалъ даже, что строгіе пуритане, которые тщательно устраняютъ изъ своихъ религіозныхъ системъ самый легкій намекъ на культъ любви и чувственную радость, никогда не находятъ живого отклика въ массѣ искренно вѣрующихъ. Чувственный актъ самъ по себѣ явленіе общее человѣку и самымъ низшимъ животнымъ, и оплаченное спариваніе съ проституткой или похотливыя дѣйствія обыкновеннаго жуира ничѣмъ не отличаются отъ случки жеребца или племенного быка. Человѣка возвысило и возвышаетъ надъ животнымъ то, что онъ соединяетъ съ половымъ побужденіемъ и половымъ наслажденіемъ любовь, что онъ осуществляетъ въ формахъ брака основное положеніе моногаміи, то есть принадлежность одного мужчины одной женщинѣ, и беретъ на себя обязанности, вытекающія изъ любовныхъ отношеній. Если подобныя же отношенія встрѣчаются у животныхъ, напримѣръ, у многихъ птицъ, живущихъ парами, что, впрочемъ, часто продолжается только въ теченіе періода высиживанія, то здѣсь они создались не въ силу разсужденія и свободной воли, а дѣйствіемъ инстинкта животнаго.

Первоначальное состояніе „промисквитета“, то есть безпорядочнаго соединенія всѣхъ мужчинъ со всѣми доступными имъ женщинами, хотя оно часто принимается, какъ фактъ, не можетъ быть научно доказано для „первобытныхъ людей“. Наблюденія надъ низшими первобытными племенами, поскольку таковыя вообще существуютъ, не дали доказательствъ въ пользу этого мнѣнія; напротивъ, мы можемъ сказать, что тѣ первобытныя племена, у которыхъ мы находимъ общность женъ, находятся уже на низшей стадіи культуры, когда позднѣе пріобрѣтенныя права расширенной семьи, клана или рода, вытѣснили ранѣе существовавшія и древнѣйшія права болѣе тѣсной семьи. Далѣе, мы находимъ и у культурныхъ народовъ стараго и новаго времени гетеризмъ, въ формѣ ли обыкновенной проституціи за деньги, или въ формѣ народнаго обычая, ритуальнаго, религіознаго правила, закономъ установленнаго многомужества, проституированія невѣстъ и вдовъ, дефлорированія дѣвушекъ посторонними и т. д. Усматривать въ этомъ гетеризмѣ не выраженіе

культуры, направившейся до ложному пути, а остатокъ первоначальнаго, общераспространеннаго промисквитета, какъ это дѣлаютъ даже нѣкоторые выдающіеся фольклористы, разумѣется, совершенно неосновательно.

Всякое многоженство человѣка противоестественно, въ чемъ легко убѣдиться, принявъ въ соображеніе, что отношеніе числа мужчинъ къ числу женщинъ въ населеніи почти всѣхъ странъ равно 1:1, и что отклоненія въ ущербъ мужчинамъ, обусловленныя войною, вскорѣ снова выравниваются.

Послѣ войнъ Карла XII въ Швеціи (1700—1721) насчитывалось 1,250 женщинъ на 1,000 мужчинъ; но уже въ 1760 было 1,120 женщинъ на 1,000 мужчинъ, въ 1780 г. 1,081 женщина на 1,000 мужчинъ. Послѣ наполеоновскихъ войнъ во Франціи отношенія были: 1,050 женщинъ на 1,000 мужчинъ, въ 1836 уже 1,037 на 1,000, въ 1861 1,001 на 1,000.

Итакъ, въ половомъ влеченіи, направленномъ на одну женщину, мы видимъ желанное и въ силу необходимости обнаруживающееся естественное приспособленіе, служащее для сохраненія рода человѣческаго. Уже на этомъ основаніи можно сказать, что половое влеченіе не есть самоцѣль, и что вообще тамъ, гдѣ вопросъ о сохраненіи рода не играетъ роли, половыя отношенія, по меньшей мѣрѣ, не представляютъ естественной потребности, часто даже противоестественны. При нашихъ современныхъ культурныхъ отношеніяхъ, воспроизведеніе людей желательно только въ бракѣ. Поэтому, всякія внѣбрачныя половыя отношенія настолько же противорѣчатъ культурѣ, насколько въ силу своего полигамическаго характера идутъ въ разрѣзъ съ естественно моногамнымъ половымъ побужденіемъ человѣка. Также и чудовищныя предложенія современныхъ реформистовъ разрѣшить вполнѣ или для извѣстныхъ случаевъ многомужество и многоженство, чтобы доставить половое удовлетвореніе каждому человѣку, не только противокультурны, но и противоестественны. Притомъ они не достигаютъ цѣли. Всякое ослабленіе моногаміи посредствомъ покровительства внѣбрачнымъ отношеніямъ, или облегченія (государственнаго) развода, введенія „пробныхъ браковъ“, многомужества, многоженства или двубрачія, обезпечиваетъ, правда, болѣе или менѣе значительному числу женщинъ извѣстный періодъ спариванія (но не бракъ!), беременность и, слѣдовательно, обладаніе ребенкомъ, также случайную половую дѣятельность, но не спокойную, доставляющую душевное удовлетвореніе половую жизнь; оно низводитъ женщину съ высокаго, почетнаго положенія, занимаемаго ею въ настоящее время въ культурномъ мірѣ, въ положеніе проститутки или добычи охотника-мужчины.

Противъ этихъ ясныхъ требованій логики въ новѣйшее время возникла рѣзкая оппозиція, въ большинствѣ случаевъ со стороны писателей, которые находятъ, что половое воздержаніе противорѣчитъ ихъ политическимъ, религіознымъ и общественнымъ воззрѣніямъ, можетъ быть также и ихъ собственнымъ влеченіямъ; но есть и врачи, которые считаютъ половое воздержаніе вреднымъ, а внѣбрачныя половыя отношенія вполнѣ допустимыми, если только они не грозятъ зараженіемъ половою болѣзнью. (Противъ такихъ писаній мы рекомендуемъ не рекламированную правда, но превосходную книгу: профессоръ Седедъ Риббингъ, „Здоровая половая жизнь“ [Gesundes Geschlechtsleben]).

Однако, спокойное врачебное наблюденіе не даетъ основанія для такихъ утвержденій. Правда, извѣстное безпокойство обнаруживается иногда, какъ результатъ полового воздержанія, въ особенности у мужчинъ, которые обыкновенно ведутъ невоздержную жизнь; но его легко устранить работой и умственными занятіями. Отдѣльныя первнобольныя личности могутъ, конечно, испытывать и болѣе тяжелыя послѣдствія; но это уже не нормальные случаи, и мы совершенно отрицаемъ за нѣкоторыми, часто выдающимися, психіатрами право обобщать и распространять на здоровыхъ выводы, сдѣланные изъ наблюденій надъ больными. Утверждали также, будто нормальный человѣкъ не можетъ противостоять своему побужденію. Это утвержденіе звучитъ оскорбительно для многихъ воздержныхъ людей, которымъ, такимъ образомъ, люди, часто не обладающіе необходимымъ опытомъ и способностью къ самообузданію, предоставляютъ на выборъ причислять себя или къ ненормальнымъ людямъ или къ фарисеямъ.

Рис. 198. Достопочт. Т. Р. Мальтусъ.
Съ портрета Дж. Линноля.

Исходя изъ того факта, что воздержаніе возможно для людей, знаменитый англичанинъ Мальтусъ (рис. 198) предлагалъ въ свое время, чтобы предотвратить опасность чрезмѣрнаго возрастанія населенія, ограничивать число дѣтей посредствомъ воздержанія супруговъ. Современные же „сексуальные этики" хотятъ разрѣшить свободу любви, только съ примѣненіемъ извѣстныхъ противозачаточныхъ средствъ. И это называется неомальтусіанствомъ!

Фактически очень значительное число мужчинъ живетъ при полномъ или почти полномъ воздержаніи. Тѣ, которые не вполнѣ воздержны, дѣлятся на три группы: мужчинъ, избѣгающихъ, въ силу своихъ убѣжденій, половыхъ отношеній, но поддающихся иногда соблазну, то есть тѣхъ, которыхъ всякій распутникъ называетъ лицемѣрами и фарисеями, тѣхъ, по отношенію къ которымъ цитируютъ слова поэта: „ich weiss, sie trinken heimlich Wein, und predigen öffentlich Wasser" („Я знаю ихъ: пьютъ потихоньку вино, а вслухъ проповѣдуютъ воду"), хотя они заслуживаютъ скорѣе благодарности за свои усилія, чѣмъ насмѣшки надъ своей слабостью. Далѣе, какъ отчасти воздержныхъ, можно охарактеризовать людей, которые въ качествѣ жениховъ или мужей хранятъ вѣрность своимъ супругамъ, хотя бы обычай, беременность, роды, болѣзнь и т. п. причины въ теченіе многихъ мѣсяцевъ не допускали полового общенія. Наконецъ, на основаніи своего врачебнаго опыта, мы можемъ только подтвердить, что даже довольно распутные мужчины, заболѣвъ половою болѣзнью, разомъ оказываются способными къ якобы недоступному для нихъ воздержанію. Какъ бы ни была различна сила полового влеченія у разныхъ лицъ, но если возможны длящіеся по нѣскольку мѣсяцевъ промежутки между отдѣльными половыми актами, то эта частичная воздержность доказываетъ возможность и полнаго воздержанія; нельзя уже говорить о непреодолимомъ естественномъ влеченіи, если оно можетъ быть преодолѣваемо въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Исторія также свидѣтельствуетъ, что самыя разнообразныя государственныя, религіозныя и моральныя учрежденія требовали и, большею частью, осуществляли воздержаніе, и что отъ воздержанія не

погибъ еще ни одинъ народъ, тогда какъ отъ невоздержности уже многіе. „Если существованіе полового влеченія, — говоритъ одинъ писатель, — представляетъ мощный естественный факторъ развитія, то и его временное (также полное) обузданіе является моральнымъ культурнымъ факторомъ чрезвычайно важнаго значенія". Тотъ, кто стоитъ за половую дѣятельность лицъ, не состоящихъ въ бракѣ, не можетъ считаться поборникомъ образованія и прогресса: онъ враждебный просвѣщенію реакціонеръ худшаго сорта, желающій отодвинуть развитіе человѣчества на тысячи лѣтъ назадъ. Тотъ, кто болтаетъ о противоестественности воздержаной жизни, упускаетъ изъ вида, что естественность половыхъ сношеній еще не означаетъ, что природа ихъ требуетъ, — забываетъ, что при внѣбрачныхъ половыхъ отношеніяхъ желаніе избѣжать ихъ послѣдствій приводитъ обыкновенно къ противоестественнымъ мѣрамъ противъ зачатія, что обладаніе какимъ-нибудь органомъ еще отнюдь не равносильно праву имъ пользоваться; онъ долженъ, наконецъ, разъ онъ желаетъ предоставить каждому человѣку право на удовлетвореніе его побужденія на томъ основаніи, что правила воздержанія, годныя для „холодныхъ" натуръ, не годятся для „нормальныхъ" теплокровныхъ, — онъ долженъ принимать и послѣдствія своего, допускаемаго въ уваженіе къ личнымъ различіямъ, отрицанія временныхъ, личныхъ и общественныхъ ограниченій. Такъ какъ половое влеченіе пробуждается у людей не въ одномъ и томъ же возрастѣ, то онъ долженъ разрѣшить бракъ или свободную любовь многимъ школьникамъ и старшимъ дочерямъ; а такъ какъ сила его различна, то онъ долженъ разрѣшить нарушеніе брачнаго обѣта или грубо вынужденныя сношенія съ женой въ то время, когда она вслѣдствіе беременности и т. п. нуждается въ прекращеніи ихъ, такъ же какъ и половыя отношенія туберкулезныхъ, душевнобольныхъ, эпилептиковъ и даже сифилитиковъ, — долженъ весь вредъ, возникающій благодаря проституціи, совращенію порядочныхъ женщинъ и дѣвушекъ, венерическому зараженію и существованію беспризорныхъ незаконныхъ дѣтей, считать меньшимъ зломъ, чѣмъ соблюденіе извѣстнаго моральнаго предписанія Конечнымъ результатомъ этого должно явиться разрушеніе брака; и потому, радикальные „преобразователи міра" вполнѣ послѣдовательно требуютъ „свободной любви", не связанной ни съ какими обязанностями для наслаждающихся ею, и государственнаго воспитанія дѣтей; и, къ сожалѣнію, изъ женскихъ устъ раздалось требованіе предоставить и женщинѣ то же право, исполненіе котораго сдѣлало бы ее жертвой развратниковъ; это требованіе не считается съ женскимъ характеромъ, требующимъ вѣрности и привязанности со стороны мужчины, а слѣдовательно, и неосуществимо, хотя должно представлять вполнѣ послѣдовательную утопію въ глазахъ всякаго, кто желаетъ полной разнузданности мужчины.

Въ отношеніи самаго полового побужденія мы здѣсь напомнимъ только, что оно можетъ появляться вслѣдствіе возникновенія въ памяти половыхъ образовъ, вслѣдствіе чувственныхъ впечатлѣній, получаемыхъ всей областью чувствующихъ нервовъ, и вслѣдствіе непосредственнаго раздраженія половыхъ частей. Раздражающе дѣйствуетъ прежде всего тѣло лица другого пола или части его (напримѣръ бюстъ, волосы, руки, ноги, также одежда, украшенія и т. п.); далѣе, чувственныя впечатлѣнія изъ области пластическихъ и изобразительныхъ искусствъ, чувственное чтеніе и разговоры. Изъ запаховъ на многихъ людей раздражающимъ образомъ дѣйствуетъ запахъ пота. Въ томъ же смыслѣ дѣйствуетъ слишкомъ обильное и роскошное питаніе при маломъ трудѣ, и, въ особенности, алкоголь. Всѣ эти впечатлѣнія дѣйствуютъ не только мимолетно, но и очень глубоко и длительно, создавая образы, воспроизводимые воспоминаніемъ. Привычка также дѣйствуетъ раздражающимъ образомъ на возникновеніе новыхъ чувственныхъ возбужденій. Фантазія и образы, сохраняемые памятью, тоже оказываютъ очень сильное вліяніе. Во время наступленія половой зрѣлости всѣ виды половыхъ впечатлѣній оказываютъ болѣе длительное дѣйствіе, и душевныя состоянія этого періода могутъ опредѣлить

всю будущую половую жизнь человѣка. (См. объясненія Молля и Блоха, т. I, 1 часть, с. 58 сл. и с. 72 сл.).

Наперекоръ всѣмъ женскимъ эмансипаціоннымъ стремленіямъ мужчина при половыхъ отношеніяхъ представляетъ нападающую, требующую сторону, женщина отказывающую или допускающую, и эти отношенія такими и останутся. Если женщина добивается удовлетворенія своей естественной склонности, то она достигаетъ этого не прямымъ выраженіемъ желанія, а раздраженіемъ чувствъ мужчины; въ этомъ отношеніи стыдливая сдержанность, непорочность, доброта и — усиленіе женской красоты украшеніями, нарядомъ, одеждой оказались самыми дѣйствительными средствами и, отчасти безсознательно, примѣняются теперь каждой женщиной. Такимъ образомъ, для цѣлей спариванія и воспроизведенія въ домохозяйствѣ природы планомѣрно допускается извѣстная слабость мужчины и использованіе ея женщиной.

Посредствомъ противоестественнаго злоупотребленія этой слабостью женщина можетъ сдѣлать половыя отношенія источникомъ пріобрѣтенія и ремесломъ; такъ возникаетъ проституція (см. предыдущую главу).

Однако, сношенія съ проститутками можно разсматривать не какъ признакъ болѣзненности, а какъ признакъ разнузданности полового влеченія. У проститутки оно, во всякомъ случаѣ, представляетъ признаки вырожденія. Поскольку возрастающій спросъ на проституцію является признакомъ нравственнаго вырожденія народа и поскольку у культурныхъ народовъ нравственный упадокъ тѣсно связанъ съ душевнымъ вырожденіемъ человѣка, постольку и проституцію можно, въ извѣстныхъ границахъ, считать если не болѣзнью, то слѣдствіемъ болѣзненнаго состоянія.

Подобно проституціи, мастурбація (онанизмъ) сама по себѣ не можетъ быть причислена къ болѣзненнымъ проявленіямъ полового влеченія; только при извѣстныхъ обстоятельствахъ, если въ основѣ ея лежитъ ненормальная или слишкомъ ранняя раздражимость, или если она переходитъ извѣстныя границы, она представляетъ изъ себя нѣчто иное, чѣмъ замѣну, во всякомъ случаѣ очень нежелательную, нормальнаго полового удовлетворенія у людей, которымъ оно недоступно по внѣшнимъ причинамъ. Но онанизмъ тѣсно связанъ съ болѣзненными проявленіями полового влеченія въ томъ отношеніи, что представляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ ихъ возникновенія. Поэтому совершенно непонятно, какъ можетъ Форель видѣть въ этой опасной привычкѣ нѣчто неважное, даже естественное (онъ говоритъ „о вынужденномъ онанизмѣ“).

У представительницъ женскаго пола онанизмъ гораздо менѣе распространенъ, чѣмъ у мужчинъ, такъ какъ у женщины, соотвѣтственно ея естественной сильной склонности къ соединенію съ однимъ только мужчиной, даже высшія степени порока вытекаютъ обыкновенно только изъ этого неудовлетвореннаго желанія; вслѣдствіе сказаннаго у женщинъ противоестественное раздраженіе практикуется не столько ради него самого, сколько для замѣны естественнаго раздраженія, почему и болѣзненныя проявленія полового побужденія среди нихъ должны встрѣчаться рѣже, чѣмъ среди мужчинъ.

Ненормальности полового влеченія наблюдаются прежде всего въ двухъ направленіяхъ: въ направленіи силы и въ направленіи вида.

Самое обыкновенное количественное уклоненіе заключается въ чрезмѣрно-сильномъ половомъ влеченіи. Но что такое чрезмѣрно-сильное половое влеченіе? Возрастъ и полъ, климатъ, національность, темпераментъ, индивидуальныя склонности и особенности, тѣлосложеніе и образъ жизни имѣютъ существенное значеніе и должны приниматься въ разсчетъ при оцѣнкѣ этого понятія. Извѣстно, что перемѣна дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, и бракъ, если бы даже за нимъ не было другихъ преимуществъ, уже потому долженъ считаться благодѣ-

тельнымъ учрежденіемъ съ врачебной и этической точки зрѣнія, что онъ понижаетъ половое влеченіе и половую дѣятельность. Въ большихъ городахъ, гдѣ раздраженія съ удвоенной силой дѣйствуютъ на чувства, гдѣ случай всюду подстерегаетъ человѣка, а усиленная борьба за жизнь и погоня за наслажденіями повышаютъ нервность, половое влеченіе должно быть сильнѣе, чѣмъ при деревенской простотѣ нравовъ и мирной обыденщинѣ. Въ предписаніяхъ всѣхъ религій относительно поста таится, быть можетъ, сознаніе того, что обильное питаніе, въ особенности мясное и спиртные напитки усиливаютъ половое влеченіе. Извѣстна поговорка: „Праздность есть мать всѣхъ пороковъ". Кто могъ бы упрекнуть испанца, француза, итальянца за то, что у сѣвернаго германца или у эскимоса начинаетъ казаться уже чрезмѣрнымъ? Съ наступленіемъ половой зрѣлости половое влеченіе быстро развивается до своей наибольшей высоты, на которой остается отъ двадцатаго до сорокового года, а затѣмъ начинаетъ постепенно понижаться. Женщина въ половомъ отношеніи гораздо менѣе похотлива, чѣмъ мужчина; часто половое влеченіе и потребность развиваются у нея только при сношеніяхъ съ мужчиной. Поэтому, раннее и слишкомъ сильное половое вожделѣніе женщины можетъ считаться ненормальнымъ, пожалуй, даже болѣзненнымъ. Что касается темперамента, то сангвиники, повидимому, отличаются наибольшей похотливостью. Не всегда половая сила соединяется съ тѣлесной силой вообще. Истинные богатыри могутъ быть очень умѣренными, а совершенно слабаго сложенія люди ненасытными. Истощеннымъ чахоточнымъ даже приписываютъ особенную склонность къ половому распутству. Лютеровское изреченіе: „дважды въ недѣлю", и Гуфеландовское правило о сближеніи мужчины и женщины разъ въ недѣлю, два предписанія, наиболѣе извѣстныя въ кругу профановъ, но подходящія далеко не для всѣхъ случаевъ. Надо, поэтому, брать масштабомъ индивидуальную наклонность. Пока тѣлесное благосостояніе не нарушено, и послѣ сношеній наступаетъ скорѣе состояніе успокоенія, чѣмъ длительнаго утомленія, граница еще не перейдена. Чрезмѣрно частыя половыя сношенія могутъ повести за собой рядъ разстройствъ, львиная доля которыхъ приходится на нервную систему. Жалобы на постоянную тяжесть въ головѣ и ослабленіе памяти, вялость, пониженіе работоспособности, но также и на всевозможныя „нервныя" разстройства чувствъ очень обыкновенное явленіе. Естественно страдаетъ также мускульная сила и, по крайней мѣрѣ временно, половая способность. Впрочемъ, большинство этихъ разстройствъ причиняются не чрезмѣрными нормальными половыми сношеніями, а онанизмомъ, такъ какъ въ первомъ случаѣ защитой отъ болѣе глубокихъ, длительныхъ разстройствъ является быстро наступающая временная неспособность, тогда какъ при онанизмѣ противоестественное раздраженіе можетъ давать удовлетвореніе и въ такомъ случаѣ, когда естественныхъ силъ уже не хватаетъ для совокупленія съ женщиной. (Ср. также т. I, 1 часть, 3 глава.)

Эти состоянія чрезмѣрной половой дѣятельности, когда половое влеченіе само по себѣ нормально и повышается лишь намѣренно или при помощи внѣшнихъ раздражающихъ средствъ.

не слѣдуетъ также смѣшивать съ болѣзненно повышеннымъ половымъ влеченіемъ. Оно имѣетъ мѣсто, если влеченіе достигнетъ такой высоты, что нарушаетъ границы, налагаемыя культурой, моральными и общественными предписаніями. Въ такомъ случаѣ оно можетъ грубѣйшимъ образомъ оскорблять предписанія стыдливости и общественной нравственности. Его дѣятельность уже не скрывается отъ общественности и не затрудняется попирать права другихъ, связанныя съ ихъ честью и самой жизнью. Все мышленіе и чувствованіе такихъ несчастныхъ подчиняется ихъ болѣзненному влеченію, тотчасъ по удовлетвореніи требующему новаго удовлетворенія. Они могутъ оказаться неспособными къ другимъ серьезнымъ, благороднымъ стремленіямъ, къ сотрудничеству въ работѣ на пользу общую, такъ какъ зудъ постояннаго раздраженія вѣчно снова и снова толкаетъ ихъ желанія и помыслы, а то и ихъ дѣйствія въ нездоровомъ направленіи половой дѣятельности. Несмотря на всѣ попытки пробудить къ жизни моральныя, религіозныя, соціальныя и разсудочныя противо-представленія, послѣднія быстро сходятъ на нѣтъ, и честь и свобода, счастье, даже самая жизнь подобныхъ людей постоянно находятся подъ угрозой, подобно тому, какъ сами они угрожаютъ чести и безопасности другихъ.

Особенно важны преходящіе, имѣющіе характеръ припадка, повышенія полового побужденія; въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ помутнѣніемъ сознанія, съ состояніемъ душевной смуты, съ непреодолимымъ влеченіемъ къ покушенію на тѣло или хотя бы только на стыдливость другихъ людей. Эти припадки часто не что иное, какъ замѣщенія (эквиваленты) эпилептическихъ припадковъ; они особенно легко наступаютъ подъ вліяніемъ алкоголя. Кромѣ того, они случаются при маніакальныхъ возбужденіяхъ, при періодическомъ помѣшательствѣ, во время прогрессивнаго размягченія мозга, послѣ головныхъ ранъ и опухолей мозга. У идіотовъ и наслѣдственно поврежденныхъ индивидуумовъ случаются иногда грубыя покушенія на родственницъ, дѣтей и т. д., но, въ большинствѣ случаевъ, онанизмъ, скотоложство и обнаженіе половыхъ частей. Но и тамъ, гдѣ обнаруживается только сатиріастическое состояніе безъ признаковъ опредѣленной душевной болѣзни, нужно признать все-таки наличность болѣзненнаго душевнаго состоянія.

Почву, на которой развивается болѣзнь, доставляетъ душевное вырожденіе. Такъ какъ на той же почвѣ вырожденія возникаютъ и большинство другихъ извращеній полового влеченія и неспособность къ развитію правильныхъ моральныхъ понятій (нравственное слабоуміе, moral insanity), то образуются сочетанія количественнаго и качественнаго уклоненія отъ нормы полового влеченія. Въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣло можетъ доходить до отвратительнѣйшихъ преступленій: изуродованія жертвы, массоваго убійства, совокупленія съ трупами и растерзанія ихъ.

Смотря по степени, съ какою дѣйствуютъ задерживающія представленія, противодѣйствующія чрезмѣрному половому влеченію, мы находимъ различныя степени чрезмѣрнаго полового побужденія, отъ такъ называемыхъ преступниковъ противъ личности и нравственности до опытныхъ охотниковъ за женщинами, которые обыкновенно умѣютъ избѣжать столкновенія съ закономъ и сохранить внѣшнее приличіе, но для которыхъ не святы ни дѣвиче-

ская честь, ни мирный покой супружескаго счастья, и которые не отступаютъ даже передъ кровосмѣшеніемъ для удовлетворенія своихъ скотскихъ вожделѣній. Наименѣе опасны тѣ, которые хотя и не недоступны моральнымъ соображеніямъ, чуждымъ для лицъ первой категоріи, но, тѣмъ не менѣе, всѣми своими помыслами устремляются къ женщинѣ, всегда склонны и способны удовлетворять свою чувственность и для которыхъ все земное счастье и душевный миръ зависятъ отъ того, въ какой мѣрѣ утолено ихъ половое побужденіе. Для женщины имѣетъ силу то же, что для мужчины, съ той разницею, что, благодаря менѣе активному половому чувству и большей силѣ задерживающихъ представленій, здѣсь рѣже развиваются Мессалины и „садистки". Въ случаѣ тяжелыхъ формъ, при которыхъ, безъ сомнѣнія, играютъ роль длительныя душевныя разстройства или, по крайней мѣрѣ, импульсивныя вынужденныя дѣйствія съ временнымъ омраченіемъ разсудка, больные не могутъ быть отвѣтственными за свои поступки. Въ отдѣльныхъ случаяхъ часто очень трудно отличить наказуемыя дѣйствія преступныхъ здоровыхъ людей отъ ненаказуемыхъ аффектовъ больныхъ. При этомъ форма проступка можетъ быть весьма различная, соотвѣтственно остальнымъ душевнымъ свойствамъ даннаго лица, у стариковъ болѣе нелѣпая, напр., обнаженія, у садистовъ же преступленіе можетъ принимать и упомянутыя выше отвратительныя формы.

Противоположность чрезмѣрному половому побужденію представляетъ отсутствіе полового влеченія, но, по понятнымъ причинамъ, оно гораздо рѣже занимаетъ врача, судью или общественное мнѣніе, чѣмъ первое. У такихъ людей половой аппаратъ образованъ такъ же нормально, какъ у первой группы, и дѣятельность его въ тѣхъ случаяхъ, когда половое влеченіе пробуждается, такова же, какъ у здоровыхъ. Но само половое влеченіе отсутствуетъ или проявляется недостаточно сильно. Такое состояніе можетъ быть прирожденнымъ или пріобрѣтеннымъ. Послѣднее случается при нѣкоторыхъ болѣзняхъ и можетъ оказаться первымъ симптомомъ болѣзней спинного и головного мозга, сахарнаго мочеизнуренія и хроническаго отравленія алкоголемъ. При этомъ влеченіе, естественно, не всегда совершенно отсутствуетъ, но часто лишь крайне понижается; часто также въ случаѣ совокупленія отсутствуетъ чувство сладострастія; часто совокупленіе оказывается совершенно невозможнымъ. Евнухи и кастраты, если операція произведена послѣ наступленія половой зрѣлости, въ возрастѣ лѣтъ двадцати, въ теченіе многихъ лѣтъ могутъ сохранять половое влеченіе и способность къ сближенію съ другимъ поломъ; если же кастрація производится въ дѣтскомъ возрастѣ или въ годы наступленія половой зрѣлости, то влеченіе и способность или вовсе не развиваются, или, если уже успѣли возникнуть, атрофируются. При такомъ раннемъ кастрированіи не исключено и вліяніе послѣдняго на тѣлесное развитіе. Извѣстенъ обычай сохранять посредствомъ кастраціи еще не переломившіеся красивые голоса мальчиковъ; получается высокій звонкій дѣтски-женскій сопрано въ соединеніи съ сильнымъ тембромъ мужчины. Отмѣчаются также ранняя старость, вялость и одутловатость чертъ лица. Нерѣдко также утверждали, что измѣняется и характеръ, что такіе кастраты теряютъ всѣ лучшія, благороднѣйшія чувства, исключая извѣстной вѣрности своему господину, но это не доказано. Причина духовной порчи многихъ недобровольныхъ кастратовъ заключается, вѣроятно, въ окружающей средѣ, въ озлобленіи, вызванномъ необходимостью отказаться отъ слишкомъ самостоятельной, пришпоривающей мужество и дающей содержаніе жизни дѣятельности, а не въ отсутствіи весьма проблемати-

ческаго вліянія на организмъ сѣменныхъ железъ. Такъ, трудолюбивые, нравственно порядочные, духовно бодрые и обнаруживающіе интересъ къ общественнымъ дѣламъ русскіе скопцы, совершающіе надъ собой операцію кастрированія изъ религіознаго фанатизма, представляютъ прямую противоположность надѣленнымъ всѣми дурными свойствами гаремнымъ евнухамъ; точно также врачебное наблюденіе показываетъ, что у юношей, подвергшихся оперативной кастраціи вслѣдствіе туберкулеза сѣменныхъ железъ, у дѣвушекъ, потерявшихъ яичники вслѣдствіе опухолей, утрата половыхъ железъ не сопровождается перемѣной душевныхъ свойствъ. Другія причины пониженія полового влеченія — всѣ сильныя разстройства питанія, необузданное половое распутство и половое воздержаніе. Послѣднее временно повышаетъ половое влеченіе, такъ какъ въ неопорожниваемыхъ половыхъ органахъ происходитъ переполненіе. Но затѣмъ постепенно дѣятельность не употребляемыхъ болѣе органовъ падаетъ и влеченіе ослабѣваетъ. Тѣ писатели, которые говорятъ о невозможности преодолѣть половой голодъ, знакомы — если они вообще потрудились хоть сколько-нибудь ознакомиться съ дѣломъ — только съ реакціями первой стадіи воздержанія.

Пониженіе полового чувства до исчезновенія въ старости — естественное явленіе. Это и хорошо. Кто даетъ жизнь, долженъ давать ее въ расцвѣтѣ, а не въ упадкѣ силъ. Но и мужчины, и женщины могутъ сохранять влеченіе и способность къ половымъ сношеніямъ еще и въ старческомъ возрастѣ; женщины, стало быть, уже послѣ окончательнаго прекращенія регулъ, причемъ у насъ нѣтъ основанія считать эти явленія болѣзненными. Дѣло идетъ здѣсь просто о болѣе продолжительномъ сохраненіи способностей, связанномъ съ большей стойкостью полового аппарата и, въ большинствѣ случаевъ, съ болѣе продолжительнымъ сохраненіемъ общей бодрости тѣла. Напротивъ, въ патологическихъ случаяхъ болѣзненное влеченіе сохраняется въ уже совершенно изможденномъ тѣлѣ; оно можетъ проявляться, когда тѣло уже утратило силы, иногда необычайно интенсивно у человѣка, раньше очень умѣреннаго въ половомъ отношеніи, и въ такомъ случаѣ часто въ формѣ, ясно обнаруживающей болѣзненный характеръ. Это вторичное пробужденіе полового влеченія въ старческомъ возрастѣ можетъ вести за собой не только оскорбленіе общественнаго нравственнаго чувства, но и ущербъ для личной безопасности. Безстыдныя дѣйствія (онанизмъ, практикуемый надъ самимъ собою и надъ другими, обнаженія половыхъ частей, при болѣе слабомъ проявленіи болѣзни, а въ началѣ ея безстыдныя рѣчи, мины и дѣйствія) часто совершаются публично и съ такимъ отсутствіемъ стѣсненія, что виновника можно было бы заклеймить, какъ чудовище, если бъ мы не знали, что это больной человѣкъ. Главнѣйшими жертвами этихъ людей являются дѣти; такъ какъ взрослые немедленно дадутъ отпоръ подходамъ и безстыднымъ выходкамъ этихъ душевнобольныхъ старииковъ или, по крайней мѣрѣ, если и допустятъ ихъ, то лишь въ томъ случаѣ, когда они сопровождаются доказательствами половой способности, чего, естественно, въ большинствѣ случаевъ не бываетъ. Часто также при этомъ выборѣ дѣтей играетъ извѣстную роль извращеніе нравственнаго

чувства. Рѣже случаются безнравственныя покушенія на взрослыхъ. Причиной этой болѣзни является отупѣніе въ старческомъ возрастѣ, обусловленное измѣненіями сосудовъ и нервовъ головного мозга. Но такъ какъ моральная слабость и исчезновеніе задерживающихъ представленій обнаруживаются обыкновенно раньше, чѣмъ остальные признаки отупѣнія, и такъ какъ память, другія свойства характера и острота мысли, при поверхностномъ изслѣдованіи, часто кажутся неизмѣнившимися, то ясно, что такіе люди должны вступать въ столкновеніе съ судомъ изъ-за своихъ половыхъ дѣйствій. Въ такихъ случаяхъ судебному врачу не всегда удается убѣдить судью въ болѣзненномъ душевномъ состояніи преступника, тѣмъ болѣе, что послѣдній въ началѣ болѣзни такъ осторожно совершаетъ свои дѣйствія, что, обыкновенно, избѣгаетъ публичнаго скандала и разоблаченія. Отсюда судья заключаетъ, что извѣстная степень пониманія имѣется налицо; а уголовное уложеніе европейскихъ странъ исключаетъ наказуемость дѣйствія лишь въ томъ случаѣ, если доказана безсознательность или болѣзненное разстройство душевной дѣятельности, несовмѣстимое съ свободнымъ рѣшеніемъ воли; но такъ какъ послѣднее на раннихъ стадіяхъ болѣзни не исключено, а только уменьшено вслѣдствіе болѣзненнаго позыва, то ежегодно извѣстное число стариковъ, которымъ, по-настоящему, мѣсто въ больницѣ, попадаютъ въ тюрьму. Правосудіе въ этомъ случаѣ вступаетъ въ достойное сожалѣнія противорѣчіе не только съ сужденіемъ врача, но и съ общественнымъ мнѣніемъ.

Такъ же какъ старческій возрастъ, дѣтскій возрастъ самъ по себѣ долженъ былъ бы характеризоваться отсутствіемъ полового влеченія. Но и здѣсь по временамъ обнаруживаются противорѣчивыя явленія. Мы говоримъ не объ онанизмѣ школьныхъ дѣтей, такъ какъ здѣсь дурной примѣръ пробуждаетъ неестественно рано *нормальное* влеченіе. То же случается въ еще болѣе раннемъ возрастѣ благодаря глистамъ, суженію крайней плоти и другимъ мѣстнымъ заболѣваніямъ и ненормальностямъ. О *ненормальномъ* или анормальномъ влеченіи можетъ быть рѣчь лишь въ томъ случаѣ, когда такія внѣшнія раздраженія отсутствуютъ, и единственно въ силу болѣзненныхъ задатковъ (частичнаго духовнаго вырожденія) развивается, наперекоръ возрасту, половое влеченіе. Обыкновенно и въ этомъ случаѣ другіе признаки духовной слабости отсутствуютъ. По весьма понятнымъ причинамъ, преждевременное половое влеченіе можетъ обнаружиться только въ попыткахъ онанизма. Послѣдній неимовѣрно распространенъ. Его случалось наблюдать даже у шестимѣсячныхъ младенцевъ. Ясно, что въ такомъ раннемъ возрастѣ это зло еще большее, чѣмъ у дѣтей постарше; такія крошки подвергаются поэтому обыкновенно тяжкимъ душевнымъ разстройствамъ, которыя обусловлены отчасти ихъ болѣзненнымъ предрасположеніемъ, отчасти слѣдствіемъ этого предрасположенія, онанизмомъ.

Естественное отсутствіе всякаго полового влеченія въ дѣтскомъ возрастѣ пріобрѣтаетъ, однако, болѣзненное значеніе, если и съ наступленіемъ зрѣлости не обнаруживается полового влеченія, если, стало быть, дѣтское состояніе продолжается и въ болѣе позднемъ возрастѣ. На такихъ юношей и мужчинъ дѣ-

вушка или женщина не дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ; послѣднія также не испытываютъ влеченія къ такимъ мужчинамъ. Попытки вызвать, „какъ у другихъ“, половое влеченіе, половое вожделѣніе и половой актъ, обыкновенно, кончаются жалкой неудачей или даютъ совершенно неудовлетворительный результатъ. Женщины, вступающія въ бракъ по сердечной склонности или изъ экономическихъ соображеній, терпятъ по обязанности объятія мужа, но не вожделѣютъ ихъ и не находятъ въ нихъ никакого или почти никакого наслажденія. Результатомъ, однако, можетъ быть несчастный бракъ, если очень чувственный мужъ встрѣчаетъ холодность со стороны жены или даже неохоту и отвращеніе, доходящія до сопротивленія. „Отсутствіе полового аппетита“ (geschlechtliche Appetitlosigkeit) у мужчины имѣетъ гораздо меньшее значеніе, такъ какъ такіе мужчины не женятся и ведутъ обыкновенно спокойный, довольный образъ жизни, не возмущаемый неутоленнымъ половымъ влеченіемъ. Причина этого очень рѣдкаго въ крайнихъ, но очень обыкновеннаго въ смягченныхъ формахъ явленія заключается опять-таки въ прирожденномъ частичномъ психическомъ вырожденіи. Но если оно ограничивается лишь этой стороной дѣятельности головного мозга, то въ остальномъ могутъ проявляться геніальныя способности. Яркимъ примѣромъ является знаменитый англійскій сатирикъ Джонатанъ Свифтъ, который въ своихъ „Путешествіяхъ Гулливера“ такъ описываетъ половую жизнь „гуингмовъ“, какъ можетъ описывать только человѣкъ, которому эти вещи совершенно чужды, который ихъ не ощущалъ и не понималъ.

Степень половой безчувственности бываетъ очень различна. Между тѣмъ какъ въ крайнихъ формахъ вся область полового мышленія, чувствованія, вожделѣнія, способности и хотѣнія точно вычеркнута изъ жизненнаго содержанія даннаго лица, въ болѣе легкихъ случаяхъ обнаруживаются всѣ степени ослабленія нормальной картины. Иногда само по себѣ слабое или отсутствующее побужденіе можетъ быть вызвано искусственно; иногда его хватаетъ только на мастурбацію, а не на половое сближеніе; иногда его удовлетвореніе хотя и не соединяется съ особеннымъ чувственнымъ возбужденіемъ и наслажденіемъ, но оказывается достаточнымъ для удовлетворенія другой стороны въ супружествѣ; иногда половое влеченіе проявляется лишь по временамъ, эпизодически, напримѣръ, подъ вліяніемъ алкоголя или опредѣленныхъ лицъ; къ несчастью, въ бракѣ такимъ лицомъ рѣдко бываетъ другая сторона. Такихъ людей называютъ „холодными натурами“ или, какъ назвалъ ихъ одинъ изслѣдователь, „лишенными полового аппетита“. Такъ какъ половое влеченіе и половая дѣятельность у различныхъ людей слишкомъ различны, чтобы можно было установить какія-либо общія нормы и числовыя данныя, то эти „холодныя натуры“ представляютъ какъ бы связующее звено между, съ одной стороны, несомнѣнно болѣзненными, вполнѣ или отчасти лишенными полового чувства, людьми, съ другой — совершенно нормальными, но съ очень скромнымъ половымъ влеченіемъ.

Апостолы необузданной половой жизни пользуются этими „холодными натурами“, чтобы называть всѣхъ воздержныхъ въ половой жизни людей ненормальными. Это очень поверхностное отношеніе къ вопросу, которое, однако, не остается безъ вліянія на массы, охотно вѣрящія тому, что имъ пріятно слышать. Половое воздержаніе, какъ мы уже говорили, вполнѣ доступно здоровымъ людямъ; болѣзненное предрасположеніе, вообще говоря, чаще обнаруживается въ чрезмѣрной раздражимости, чѣмъ въ отсутствіи естественной раздражимости. Добровольно воздержный отличается также въ глазахъ каждаго внимательнаго наблюдателя отъ человѣка, вынужденнаго къ воздержанію болѣзненнымъ предрасположеніемъ, хотя бы и не обнаруживающаго никакихъ другихъ признаковъ вырожденія; хотя первый, какъ и второй, отвергаетъ половое влеченіе, половое наслажденіе и половой актъ, но дается ему это не безъ борьбы, которая, конечно, не всегда имѣетъ бур-

ный характеръ, но по временамъ достигаетъ такой интенсивности, что ведетъ къ пораженію, къ временному забвенію правила. У второго все это происходитъ безъ борьбы; или другими словами: нормальный воздержный человѣкъ борется противъ полового влеченія, воздержный въ силу болѣзненнаго предрасположенія борется за половое влеченіе. Если нормальный воздержный человѣкъ послѣ болѣе или менѣе короткаго или долгаго, смотря по индивидуальнымъ особенностямъ, періода борьбы перестаетъ испытывать приступы полового возбужденія, то все же и послѣ этого его задѣваетъ все, что намекаетъ на половую жизнь и любовь, на половыя различія и признаки, въ окружающей средѣ, профессіи, искусствѣ и религіи; тогда какъ болѣзненно воздержный остается совершенно незатронутымъ всѣми этими вещами, относится къ нимъ совершенно безучастно и не воспринимаетъ ихъ.

Ничего общаго съ половою безчувственностью не имѣютъ нѣкоторыя другія состоянія, съ виду сходныя съ нею, и обнаруживаемыя извѣстными индивидумами, у которыхъ отсутствуютъ или недоразвиты половыя железы (кретины, идіоты, гермафродиты).

* *
*

Наряду съ вышеописанными количественными уклоненіями отъ нормальнаго полового влеченія и полового чувства, не менѣе важную роль играютъ отклоненія качественныя. Они безъ сомнѣнія означаютъ еще большее удаленіе отъ нормальныхъ естественныхъ наклонностей, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда остаются менѣе замѣтными для окружающихъ, чѣмъ нѣкоторыя количественныя уклоненія. Для всѣхъ этихъ случаевъ характерно то, что представленія и дѣйствія, которыя у нормальныхъ людей сопровождаются отсутствіемъ полового чувства или, по крайней мѣрѣ, не имѣютъ къ нему никакого отношенія, въ этихъ случаяхъ связаны съ чувствомъ полового вожделѣнія. Это половое побужденіе и эти дѣйствія надо признать извращеніями, такъ какъ они идутъ въ разрѣзъ съ естественнымъ назначеніемъ полового влеченія: сближеніемъ половъ въ видахъ воспроизведенія. (Въ случаяхъ онанизма возбужденіе обыкновенно бываетъ нормальнымъ и только дѣйствіе извращеннымъ.) Нормальному человѣку мерзости, совершаемыя подобными индивидумами, кажутся непонятными. Онѣ станутъ понятнѣе, если имѣть въ виду, что эти лица часто невропаты (нервнобольные), выродившіеся или ставшіе невропатами. Послѣднее обусловливаетъ почти исключительно онанизмъ, имѣющій мѣсто въ большинствѣ случаевъ при противоестественныхъ половыхъ ощущеніяхъ: „уранизмѣ“, „лесбійской любви“; въ данномъ случаѣ, его почти можно назвать причиной. У такихъ невропатическихъ (нервнобольныхъ) существъ вожделѣнія, какъ половое влеченіе, достигаютъ обыкновенно особенной силы, напротивъ, задерживающія впечатлѣнія моральнаго, эстетическаго и правового характера слабѣе, особливо если предшествующее, часто длившееся годами распутство понизило моральное міросозерцаніе индивидуума, порождающее задерживающія представленія. Гибельное сочетаніе чрезмѣрной силы полового побужденія съ качественнымъ извращеніемъ полового чувства побуждаетъ многихъ изъ этихъ людей къ поступкамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ законами государства, общества и всякаго религіознаго исповѣданія; вслѣдствіе этого они становятся отчасти непосредственно опасными для общества. Врачу приходится въ такомъ случаѣ, какъ спеціа-

листу, разъяснять суду болѣзненное состояніе, извращеніе подсудимаго, чтобъ добиться его оправданія или болѣе мягкаго наказанія. — „Извращенію“ (Perversion) противополагается „извращенность“ (Perversität), отдѣльное извращенное дѣйствіе; послѣднія могутъ совершаться и вполнѣ здоровыми, отнюдь не невропатическими индивидуумами, жалкими развратниками, которые ищутъ ненормальныхъ раздраженій, чтобы повысить свою падающую половую способность и, благодаря своему распутству, утрачиваютъ моральное и эстетическое чувства. Эта послѣдняя группа, естественно, и съ врачебной точки зрѣнія, вполнѣ отвѣтственна за свои поступки.

Число нормальныхъ извращенныхъ, правильнѣе — нормальныхъ людей, доходящихъ до извращенностей безъ болѣзненнаго побужденія, до прошлаго столѣтія считалось очень значительнымъ, при чемъ попросту всѣ герои подобныхъ происшествій, не обнаруживавшіе явной, несомнѣнной для каждаго, душевной болѣзни, считались только глубоко испорченными нравственно людьми. Затѣмъ изслѣдованія, въ особенности вѣнской школы, разъяснили болѣзненность многихъ подобныхъ состояній. Въ настоящее время, наоборотъ, въ особенности въ кругахъ профановъ, часто обнаруживается склонность приписывать извращенныя дѣйствія болѣзненному душевному состоянію даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдняго нѣтъ налицо. Въ поискахъ „утонченныхъ наслажденій“ человѣкъ, у котораго, въ противоположность животному, дѣятельность мысли вліяетъ на половое влеченіе и половой актъ, часто не довольствуется простымъ половымъ ощущеніемъ и нормальнымъ способомъ удовлетворенія. Его половое „алканіе раздраженій“ (Reizhunger) побуждаетъ его къ новымъ и необычайнымъ способамъ раздражать себя и утолять это раздраженіе. Поэтому, мы и находимъ всевозможныя извращенности по всей землѣ у дикихъ и культурныхъ народовъ. Существованіе ихъ у дикарей не можетъ, однако, служить основаніемъ для вывода, который иногда дѣлается отсюда, именно что вырожденіе не можетъ играть здѣсь никакой роли. Такъ какъ, во-первыхъ, большинство дикарей вовсе не первобытные люди, а только люди иной культуры, по большей части болѣе первобытнаго типа, во-вторыхъ, и дѣйствительно первобытные люди не свободны отъ вырожденія. Но пріобрѣтенный характеръ многихъ этихъ извращенностей становится яснымъ, если принять въ соображеніе ближайшія обстоятельства, при которыхъ они проявляются. Извѣстная извращенность, напримѣръ дѣйствіе „Cunnilingus“, то есть лизанія женскихъ половыхъ частей для собственнаго полового удовлетворенія, господствуетъ у одного племени, у другого же процвѣтаетъ педерастія. Послѣдняя была своего рода модой не только у древнихъ грековъ, но и теперь играетъ роль у нѣкоторыхъ народовъ, у которыхъ всѣ вообще мужчины вступаютъ въ сношенія какъ съ женщинами, такъ и съ мужчинами. Нельзя отрицать вліянія климата. Можно, вообще, сказать, что въ теплыхъ и жаркихъ странахъ, гдѣ половая зрѣлость наступаетъ раньше, половое влеченіе дѣйствуетъ интенсивнѣе и женскія половыя части увядаютъ преждевременно, наклонность къ половому разнообразію и повышенію возбужденія сильнѣе, чѣмъ на сѣверѣ. Ослабленіе половой способности должно приводить къ тому, что данное лицо ищетъ способовъ усилить раздраженіе. Этимъ объясняется отчасти, почему въ горныхъ странахъ, гдѣ благодаря климату чаще встрѣчаются половые импотенты, случаи извращенности тоже чаще, почему на Востокѣ, въ Китаѣ и другихъ странахъ, гдѣ съ ранней юности предаются половымъ излишествамъ, половая извращенность встрѣчается особенно часто, почему во времена половой распущенности умножаются и противоестественные пороки, почему у нѣкоторыхъ племенъ, женщины которыхъ трудно возбуждаются въ половомъ отношеніи, распространены искусственныя и частью противоестественныя средства раздраженія (раздражающія кольца, укушенія насѣкомыхъ, раздраженіе пальцами и губами, укусы и другія пораненія половыхъ частей). — Въ культѣ многихъ религіозныхъ системъ половой актъ играетъ значительную роль, а изображенія половыхъ частей являются предметомъ суевѣрнаго поклоненія. Загадка зачатія и воспроизведенія, плодородіе народа и домашняго животнаго, благо, вытекающее изъ воспроизведенія, необходимо должны были приводить первобытныхъ людей къ воззрѣнію, ставящему эти вещи подъ покровительство божества и считающему ихъ дѣйствіями божества. Поскольку обряды культа могли

принимать въ соображенiе только половой актъ, а не актъ зачатiя, это вело къ затемненiю первоначальныхъ религiозныхъ представленiй. Но разъ половой актъ и сладострастiе становились предметомъ почитанiя, какъ таковые, ради нихъ самихъ, это могло, даже должно было распространиться и на противоестественные акты. Такимъ образомъ, у многихъ народовъ древняго и новаго времени педерастiя и содомiя входили въ число обрядовъ культа. Идея жертвы, самоотреченiя также можетъ ввести въ религiозный культъ половыя идеи и дѣйствiя. Какъ метафизика полового начала приводитъ къ божеству, такъ идея божественной творческой силы и необходимости приводитъ къ половымъ представленiямъ, предписанiямъ, запрещенiямъ и ритуальнымъ дѣйствiямъ. Половое влеченiе и религiозный экстазъ ведутъ къ состоянiямъ высшаго опьянѣнiя страстью и могутъ такимъ образомъ вызывать, пополнять, связывать другъ друга. — Далѣе, для возникновенiя половыхъ извращенiй имѣютъ огромное значенiе соблазнъ и примѣръ. Поэтому мы находимъ ихъ, какъ эндемическiя явленiя, у отдѣльныхъ народовъ, въ извѣстныя эпохи, но также и въ предѣлахъ народа тамъ, гдѣ дѣйствуютъ соблазнъ и примѣръ: таковы дома терпимости, ночлежки и массовыя квартиры, гаремы, школы, интернаты всякаго рода, части войскъ, суда, тюрьмы. И если въ деревнѣ сожитiе животныхъ и зрѣлище половыхъ актовъ между животными побуждаетъ къ половымъ дѣйствiямъ нормальнаго и ненормальнаго характера, то въ городахъ дѣйствуютъ раздражающимъ образомъ на половое чувство непристойныя литературныя произведенiя и изображенiя, но также и произведенiя настоящаго искусства. Особенно опасна въ этомъ отношенiи порнографiя, замаскированная научностью или художественностью. — Извѣстные одуряющiе яды, каковы гашишъ, опiумъ и алкоголь, чрезвычайно благопрiятствуютъ возникновенiю извращенностей у людей, нормальныхъ въ другихъ отношенiяхъ; гомосексуальные сны у нормальныхъ въ половомъ отношенiи людей не представляютъ ничего необыкновеннаго. — Но эти состоянiя приводятъ къ тѣмъ извращенностямъ, которыя возникаютъ вслѣдствiе длительнаго измѣненiя душевной дѣятельности на почвѣ ненормальныхъ задатковъ или ставшихъ ненормальными сочетанiй влеченiй и представленiй. Только о нихъ идетъ рѣчь ниже.

Дѣйствiя, которыя причиняютъ тѣлесную и душевную боль, равно какъ и представленiя о такихъ дѣйствiяхъ, у нормальнаго человѣка вообще препятствуютъ возникновенiю половыхъ раздраженiй; иное наблюдается въ болѣзненныхъ случаяхъ. Здѣсь мы видимъ, что совершенiе надъ другимъ или испытыванiе на себѣ дѣйствiй, причиняющихъ боль, приводятъ къ удовлетворенiю полового сладострастiя. Шренкъ-Ноцингъ и Эйленбургъ назвали это извращенiе „болевожделѣнiемъ“ (алголагнiя). Болѣе извѣстны и популярны названiя двухъ группъ этихъ явленiй, данныя Крафтъ-Эбингомъ: садизмъ и мазохизмъ.

Крафтъ-Эбингъ отвергаетъ названiе „болевожделѣнiе“. По его мнѣнiю, сущность садизма или мазохизма заключается не въ причиненiи или испытыванiи боли, а въ сладострастно ощущаемомъ вожделѣнiи къ власти или рабству. Такъ какъ во многихъ случаяхъ и мазохистъ стремится только къ послѣднему, то упрекъ Крафтъ-Эбинга, конечно, справедливъ; выраженiе „болевожделѣнiе“ неудовлетворительно. Но и мнѣнiе Крафтъ-Эбинга, что здѣсь дѣло идетъ только объ исканiи и сладострастномъ испытыванiи власти другого, не исчерпываетъ всей сложности явленiя. Во всякомъ случаѣ, названiя садизмъ и мазохизмъ получили право гражданства; и мы сами отчасти будемъ пользоваться ими для удобства изложенiя.

Мы подразумѣваемъ подъ „болевожделѣнiемъ“ всякое сочетанiе причиняющаго боль воздѣйствiя въ самомъ широкомъ смыслѣ (то есть насильственнаго или издѣвательскаго) одного человѣка на тѣло или на душу другого, съ сладострастнымъ половымъ ощущенiемъ активной или пассивной стороны. Обыкновенно при этомъ участвуютъ лица разнаго пола; но и друзья однополой любви бываютъ не чужды „садизму“ и „мазохизму“; это совпаденiе двухъ различныхъ качественныхъ измѣненiй

полового влеченія и полового чувства легко объясняется тѣмъ, что обѣ ненормальности возникаютъ изъ одного и того же корня — невропатическаго предрасположенія.

„Садизмъ“, активное, дѣятельное болевожделѣніе, названъ по имени пресловутаго маркиза де-Сада (рис. 199), перваго и наиболѣе значительнаго беллетристическаго представителя этой ненормальности, которой онъ самъ страдалъ.

Донатіенъ Альфонсъ-Франсуа маркизъ де-Садъ, родившійся въ 1740 г. въ Парижѣ, происходилъ изъ древней знатной провансальской дворянской семьи. Внѣшность его отличалась мягкой, женственной прелестью, хотя знатокъ человѣческой природы могъ бы прочесть порочность въ его чертахъ. Порочнымъ же и распущеннымъ де-Садъ былъ задолго до того, какъ сдѣлался „садистомъ“; участіе въ семилѣтней войнѣ не сдѣлало его лучше; напротивъ, быть можетъ, ея кровавый опытъ и послужилъ первымъ толчкомъ для проявленія его ненормальности. Другое условіе заключалось въ неудачномъ бракѣ. Отецъ заставилъ его жениться на молодой дамѣ, которая ему не нравилась. Жена обладала прекрасными качествами, такъ какъ, несмотря ни на что, хранила вѣрность молодому развратнику, даже когда онъ попалъ въ тюрьму; ея вліянію онъ, вѣроятно, обязанъ тѣмъ, что дважды ускользалъ отъ ареста за дерзкія похожденія; но бракъ оставался для де-Сада ненавистными узами, такъ какъ онъ пылалъ страстью къ сестрѣ своей жены; позднѣе онъ даже склонилъ ее уйти изъ монастыря и жилъ съ ней счастливо, но не долго, такъ какъ ея смерть прервала эту связь. Въ развитіи его ненормальности, вѣроятно, играла роль не столько ненависть къ женскому полу, возникшая вслѣдствіе потери одной женщины, сколько совершенно необузданный развратъ, которому онъ окончательно предался послѣ ея смерти и который дѣйствовалъ на его несомнѣнно невропатическую натуру. Онъ велъ образъ жизни большинства французской знатной молодежи передъ революціей, быть можетъ, даже еще болѣе необузданный. Уже на первомъ году своего брака онъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за эксцессы въ домѣ терпимости; данныя о его похожденіяхъ противорѣчивы; онъ сначала заткнулъ ротъ нѣкоей Розѣ Келлеръ, а затѣмъ сѣкъ ее до крови въ непотребной позѣ (по другимъ же показаніемъ, искололъ ее ланцетомъ). „Шутка“, которую сыгралъ онъ съ своими гостями, попытавшись возбудить въ нихъ половое влеченіе, посредствомъ конфетъ со шпанскими мушками, имѣла результатомъ массовое отравленіе съ нѣсколькими смертными случаями, и навлекла на нашего „героя“ смертный приговоръ за отравленіе и содомію. Правда, приговоръ былъ отмѣненъ, но вскорѣ за тѣмъ по тайному приказу онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Венсенскую тюрьму, потомъ въ Бастилію и, наконецъ, въ Шарантонъ. Ему было пятьдесятъ лѣтъ, когда въ 1790 г. постановленіе народнаго собранія дало ему свободу вмѣстѣ съ остальными государственными преступниками. Но уже въ 1793 г. онъ былъ снова арестованъ по политическимъ основаніямъ, по приказу Комитета Общественнаго Спасенія. Еще разъ онъ получилъ свободу 9 термидора 1793 г. Въ 1800 г. онъ снова попалъ въ тюрьму, на этотъ разъ окончательно; онъ издалъ памфлетъ противъ Жозефины Бонапартъ и Наполеона (Zoloé et ses deux acolytes); Наполеонъ не сталъ церемониться и посадилъ старика сначала въ тюрьму Санъ Пелажи, потомъ, какъ сумасшедшаго, въ Шарантонъ. Конечно, это былъ только, какъ говоритъ одинъ писатель, довольно употребительный въ то время способъ отдѣлываться отъ неудобныхъ лицъ, такъ какъ де-Садъ, несмотря на свой ненормальный темпераментъ, не былъ подлинно сумасшедшимъ. Онъ умеръ 2 декабря 1814 г., въ возрастѣ семидесяти лѣтъ, въ Шарантонѣ, проведя въ заключеніи, въ общей сложности,

Рис. 199. Маркизъ де-Садъ.
Съ литографіи.

двадцать-семь лѣтъ жизни. Де-Садъ обладалъ мягкимъ, отнюдь не кровожаднымъ характеромъ. Въ эпоху революціи онъ разыгрывалъ филантропа, спасъ отъ эшафота тестя и тещу, несмотря на ихъ враждебное къ нему отношеніе, и черезъ это навлекъ на себя самого подозрѣніе якобинцевъ. Съ этими свойствами характера, съ привлекательными чертами лица, женской формой черепа, съ непоколебимой любовью къ нему свояченицы жены, къ которой онъ такъ дурно относился, съ мягкими отзывами современниковъ, видѣвшихъ въ немъ только „aimable mauvais sujet“ („милаго шалуна“), плохо вяжется его писательская дѣятельность. Романы де-Сада сплошное прославленіе похоти и жестокости. Въ нихъ прославляются содомія и кровосмѣшеніе; герои разсказовъ постоянно находятся въ состояніи сатиріазиса; жертвой является не столько проститутка, сколько порядочная женщина. Сѣченіе женщинъ мужчинами, а также и наоборотъ, публичное оскверненіе отравленной женщины мужемъ и его друзьями, потоки крови, убійство, развратъ, презрѣніе къ женщинѣ, выражающееся въ издѣвательствѣ, торжество и проповѣдь порока, распиливаніе, разрываніе половыхъ частей ногтями, удушеніе и т. д. — таковы продукты беллетристическаго искусства этого ужаснаго писателя. Характерная черта романовъ де-Сада не ихъ скабрезность — въ этомъ отношеніи многіе другіе французскіе писатели того времени не менѣе грязны, — а соединеніе сладострастія и жестокости. Передъ другими порнографическими произведеніями того времени мерзости де-Сада имѣютъ по крайней мѣрѣ то преимущество, что они — совершенно забыты и трудно выносимы.

Дѣятельное „болевожделѣніе“, садизмъ, то есть ощущеніе полового сладострастія при истязаніи человѣка или животнаго, или только при видѣ, при представленіи такихъ истязаній, стремленіе совершать такія дѣйствія ради возбужденія половыхъ ощущеній, представляетъ, повидимому, довольно распространенную вещь. Слѣды его — какъ и всѣхъ извращеній — мы находимъ уже у нормальнаго человѣка. Кусаніе и мученіе любимаго человѣка, примѣненіе насилія и грубаго обращенія при половыхъ сношеніяхъ явленіе повседневное. Обыкновенно грубыя дѣйствія исходятъ со стороны мужчины, такъ какъ ему вообще принадлежитъ нападающая роль въ любовныхъ отношеніяхъ; но и женщина проявляетъ склонность къ насильственнымъ дѣйствіямъ, особливо къ любовному кусанію.

Завоеваніе женщины мужчиной на низшей ступени культуры происходитъ не безъ примѣненія насилія; мы встрѣчаемъ здѣсь бракъ посредствомъ умыканія, который еще и понынѣ существуетъ во многихъ мѣстахъ или по крайней мѣрѣ воспроизводится въ свадебныхъ обычаяхъ (ср. также стр. 117 сл. и 154). Такое притворное похищеніе мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у феллатовъ, сенегальскихъ негровъ, киргизовъ, малайцевъ, туркменовъ и бедуиновъ, даже у цивилизованныхъ народовъ Европы. Настоящее умыканіе или по крайней мѣрѣ примѣненіе насилія при вступленіи въ бракъ существуетъ на австралійскомъ архипелагѣ, у эскимосовъ, въ центральной Африкѣ и у средне-азіатскихъ номадовъ. И въ странахъ съ мирнымъ бракомъ есть женщины, которымъ нравится сначала быть завоеванными, мужчины, на которыхъ легкое сопротивленіе дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ. Въ Венгріи и Южной Россіи есть области, гдѣ молодая жена съ гордостью показываетъ груди, искусанныя мужемъ, гдѣ она считаетъ себя не любимой, пока не испытала побоевъ мужа. Говоритъ же русская пословица: „Милаго побои недолго болятъ“, а другая: „люблю жену какъ душу, трясу ее какъ грушу“. То же сообщаетъ Россо о женщинахъ итальянской каморры, а врачи и полицейскіе чиновники большихъ городовъ знаютъ, какъ любовно относятся женщины пролетаріата къ избивающимъ ихъ грубымъ

мужьямъ. Но какъ любовь можетъ порождать извѣстныя жестокости, такъ и, наоборотъ, изъ жестокости можетъ вытекать половое возбужденіе, какъ показываетъ примѣръ грабившихъ, убивавшихъ и насиловавшихъ солдатъ прошлыхъ временъ.

Между нормальнымъ и болѣзненнымъ состояніемъ нѣтъ вполнѣ рѣзкой границы. Болѣзненное есть только усиленіе отношеній, существующихъ уже у здороваго. Оно характеризуется тѣмъ, что равновѣсіе между обоими нервными процессами, процессомъ полового возбужденія и гнѣвнаго, побуждающаго къ насильственнымъ дѣйствіямъ, аффекта, нарушается односторонне въ пользу послѣдняго, потому ли, что побужденіе къ насильственнымъ дѣйствіямъ усиливается до безмѣрныхъ и чудовищныхъ размѣровъ, до ужаснаго и отвратительнаго, или потому, что при умѣренномъ повышеніи этого побужденія обнаруживается ослабленіе въ ходѣ развитія нормальнаго полового возбужденія. Стало быть, садизмъ выражается безмѣрнымъ усиленіемъ процесса, который при развитіи нормальнаго полового чувства играетъ лишь очень подчиненную роль или отсутствуетъ. Его акты могутъ, поэтому, сопровождать половыя отношенія или слѣдовать за ними, они могутъ подготовлять или вполнѣ замѣщать его; во всякомъ случаѣ они необходимы для достиженія полнаго полового наслажденія. Степень этихъ актовъ бываетъ весьма различная; она варьируетъ отъ простыхъ мысленныхъ представленій и грубыхъ непристойностей до тяжкаго насилія и истязанія и достигаетъ высшей точки въ сладострастномъ убійствѣ. Какая степень достигается въ каждомъ данномъ случаѣ, зависитъ отъ силы ненормальнаго возбужденія, отъ направленія мыслей индивидуума, на которое случайности имѣютъ большое вліяніе, и отъ силы еще возникающихъ у индивидуума противопредставленій моральнаго или разсудочнаго характера; но такъ какъ прирожденная дегенерація, часто въ союзѣ съ распутствомъ, не даетъ осуществиться этимъ противопредставленіямъ, то дѣло доходитъ всегда до садистическаго акта.

Къ наиболѣе обыкновеннымъ проявленіямъ принадлежатъ побои, сѣченіе, подкалываніе, душеніе и рѣзаніе женщины.

Такъ, объ одномъ эпилептикѣ сообщаютъ, что во время совокупленія онъ откусилъ женщинѣ носъ и проглотилъ его. Маркизъ де Садъ находилъ высшее наслажденіе въ сѣченіи проститутокъ. Извѣстны и „подкалыватели дѣвушекъ“, которые, предательски нанося раны женщинамъ, испытываютъ половое удовлетвореніе; да и вообще видъ крови сильнѣйшимъ образомъ возбуждаетъ многихъ, такъ что иногда они наносятъ раны самимъ себѣ. Въ другихъ случаяхъ примѣняютъ другія возмутительныя насилія: нанесеніе побоевъ, душеніе, уколы иголками, вырываніе волосъ, кусаніе и г. д.; и въ особенности маленькіе, ускользающіе отъ полицейскаго контроля, дома терпимости являются мѣстами такихъ дѣйствій.

Иногда такія „подкалыванія“ проявляются эпидемически, какъ бы въ силу массового внушенія и духовнаго зараженія. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія „подкалыватели“ (Piqueurs), наносившіе женщинамъ раны ножами, наводили страхъ на парижанъ. Въ древнемъ Римѣ при императорахъ также былъ случай эпидемическаго распространенія подобныхъ явленій. Они прекратились только, когда большое число преступниковъ было казнено.

Многіе изъ этихъ людей страдаютъ половымъ безсиліемъ, женщина совершенно не возбуждаетъ ихъ; совокупленіе можетъ даже возбуждать въ нихъ отвращеніе. Но обыкновенно они отлича-

ются чрезвычайно повышенной половой возбудимостью. Первыя проявленія этой способности возбуждаться благодаря причиненію насилія или зрѣлищу таковаго часто обнаруживаются еще задолго до наступленія половой зрѣлости, и значеніе ихъ остается неяснымъ для самого индивидуума. У уранистовъ съ садическими наклонностями жертвами, въ большинствѣ случаевъ, по понятнымъ причинамъ, оказываются мальчики, а не взрослые. Эти „любители ченія мальчиковъ" (Knabengeissler) встрѣчаются однако и среди людей, обладающихъ нормальнымъ половымъ чувствомъ; въ исторіяхъ болѣзней въ большинствѣ случаевъ сообщается, что сцены сѣченія дѣтей родителями или учителями уже въ раннемъ дѣтствѣ вызывали у такихъ индивидуумовъ болѣе или менѣе сильное половое раздраженіе, особливо ежели соединялись съ обнаженіемъ тѣла; часто это приводило такихъ дѣтей къ онанизму. Въ подобныхъ случаяхъ мальчики стараются въ играхъ воспроизводить сцены сѣченія товарищей, испытывая при этомъ извѣстное пріятное ощущеніе. Въ позднѣйшей жизни можетъ установиться нормальная половая дѣятельность; но можетъ также наступить неспособность возбуждаться въ половомъ отношеніи женщинами, или, по крайней мѣрѣ, такой субъектъ долженъ во время сношеній съ женщинами представлять себѣ сцены сѣченія дѣтей, чтобъ сохранить половое возбужденіе и половую способность. Въ такихъ случаяхъ, конечно, играетъ роль онанизмъ, большею частью практиковавшійся интенсивно въ теченіе многихъ лѣтъ. Виновнику жестокихъ дѣйствій надъ дѣтьми обыкновенно не вполнѣ ясно, что сладострастное ощущеніе, которое онъ испытываетъ при такихъ дѣйствіяхъ и старается вызвать такими дѣйствіями, направлено собственно на женщинъ и продѣлывается надъ неподходящими объектами только вслѣдствіе отсутствія подходящихъ; онъ можетъ относить ихъ исключительно къ акту истязанія, не усматривая отношенія къ полу истязуемаго или къ представляемой въ воображеніи женщинѣ. Эти любители сѣченія мальчиковъ могутъ представлять большую опасность для ближнихъ, если оказываются въ такомъ положеніи, которое ставитъ дѣтей въ зависимость отъ нихъ. Въ школахъ и пансіонахъ происходятъ иногда и получаютъ огласку ужасающія исторіи въ этомъ родѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ „воспитатель" засѣкъ до смерти сына важнаго нѣмецкаго чиновника; болѣзненно извращенное половое влеченіе видно уже изъ того, что этотъ негодяй раздѣлъ дѣтей прежде чѣмъ привязать ихъ и начать сѣченіе. Еще болѣе свирѣпствовалъ одинъ русскій „педагогъ", Саниченко, „который ежедневно подвергалъ сѣченію въ своемъ присутствіи до пятидесяти воспитанниковъ и приходилъ при этомъ въ настоящій экстазъ", съ „каннибальскимъ выраженіемъ разсматривалъ всякаго новичка", то и дѣло назначалъ наказанія и чуть не до смерти засѣкъ одного ребенка. Гуманистъ Юдэлль (Udall), бывшій одно время директоромъ Итонской школы и славившійся тѣмъ, что постоянно и по самымъ ничтожнымъ поводамъ назначалъ тѣлесныя наказанія, признался позднѣе, что онъ продѣлывалъ со своими воспитанниками всякія половыя непотребства.

Это, конечно, рѣдкіе, крайніе случаи, но менѣе рѣзкіе бываютъ гораздо чаще. Они попадаютъ подъ рубрику „злоупотребленія правомъ наказанія со стороны учителя" и истинный смыслъ ихъ остается непризнаннымъ!

Насильственное воздѣйствіе на женщину часто выражается не въ такихъ дѣйствіяхъ какъ вышеописанныя. Вмѣсто побоевъ

сѣченія, пораненія и проч. могутъ быть гнусныя дѣйствія иного рода. Самое омерзительное это пачканіе женщины слюной, сѣменемъ, мочей и испражненіями, и удовлетвореніе полового вожделѣнія посредствомъ лизанія ногъ, половыхъ частей и зада мужчины женщиной. И эти мерзости можно получать отъ проститутокъ за соотвѣтственную плату, что слѣдуетъ замѣтить всѣмъ тѣмъ фантазерамъ, которые высказываются противъ врачебныхъ и полицейскихъ мѣръ относительно проституціи на томъ основаніи, что мѣры эти уничтожаютъ чувство стыдливости проститутокъ и затрудняютъ имъ возвращеніе къ порядочной жизни. Другіе субъекты, не располагая проститутками, орошали мочею дамъ на улицѣ (напримѣръ, часто упоминаемый Грейфсвальдскій студентъ). Не столько отвратительны, сколько смѣшны тѣ, которые вымазываютъ своихъ возлюбленныхъ или нанятыхъ проститутокъ сажей или масломъ. Но у всѣхъ этихъ „героевъ“ общее то, что омерзительное или смѣшное пачканіе создаетъ у нихъ половое возбужденіе и удовлетвореніе, и что оно возникаетъ изъ стремленія по возможности унизить женщину, по возможности дать ей почувствовать ея зависимость. Извѣстны же въ литературѣ случаи, когда неслыханныя требованія садиста къ женѣ — напримѣръ, лизать ему сапоги — предъявлялись почти публично. Весьма вѣроятно, что проказы, съ виду мальчишескія, которыя время отъ времени приводятъ въ негодованіе и пугаютъ женщинъ, въ родѣ пачканія дамскихъ платьевъ на улицѣ краской, сажей, обливанія ихъ кислотами, отчасти совершаются людьми, ненормальными въ половомъ отношеніи. Вышеупомянутое пачканіе масломъ или сажей приводитъ насъ къ явленію, которое Крафтъ-Эбингъ называетъ символическимъ садизмомъ. Въ этихъ случаяхъ съ цѣлью полового возбужденія предпринимаются совершенно нелѣпыя дѣйствія, которыя однако для выполняющаго ихъ имѣютъ символическое значеніе насильственныхъ дѣйствій.

Французскій судебный врачъ Таксиль сообщаетъ, что въ парижскихъ домахъ терпимости къ услугамъ садистовъ предоставляется наполненный воздухомъ пузырь, имѣющій форму плети. Они могутъ такимъ образомъ доставлять себѣ иллюзію сѣченія проститутокъ. — Паскаль разсказываетъ объ одномъ субъектѣ, который довольствовался тѣмъ, что ежемѣсячно отрѣзывалъ у своей возлюбленной прядь волосъ; Крафтъ-Эбингъ о — другомъ, который съ такимъ же успѣхомъ намыливалъ и брилъ лица проституткамъ.

Истязаніе и оскверненіе женщины можно назвать средней степенью садизма. Отсюда развитіе ведетъ по двумъ линіямъ: одна приводитъ къ самымъ тяжелымъ формамъ, къ сладострастному убійству, другая къ самымъ легкимъ, къ жестокимъ представленіямъ, къ „идеальному садизму“.

Сладострастное убійство характеризуется, хотя и не всегда, извѣстными чертами. Оно особенно охотно совершается посредствомъ удушенія, при чемъ жертва обыкновенно уродуется. Въ большинствѣ случаевъ вырѣзываются части внутренностей, всего чаще дѣтородные органы. Случается и настоящій каннибализмъ, питье крови убитой и пожираніе частей ея тѣла. Сладострастный убійца долженъ считаться душевно-больнымъ въ вышеизложенномъ смыслѣ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ даже отсутствуетъ пониманіе наказуемости ихъ преступленій. Въ большинствѣ случаевъ у сладострастныхъ убійцъ чрезмѣрная половая

раздражительность соединяется съ ненормальнымъ влеченіемъ. Одинъ индивидуумъ убиваетъ женщину во время или передъ совокупленіемъ, осуществляя послѣднее надъ трупомъ или онанизируя передъ нимъ, для другого же садистическій актъ самъ по себѣ достаточенъ, чтобы вызвать половое возбужденіе и удовлетвореніе.

Ломброзо сообщаетъ о нѣкоемъ Филиппе, который сознавался, что ему доставляло наслажденіе душить проститутокъ послѣ совокупленія. — Тотъ же авторъ разсказываетъ, что другой индивидуумъ (Грасси) ночью, когда онъ, охваченный вожделѣніемъ къ одной родственницѣ, встрѣтилъ съ ея стороны сопротивленіе, нанесъ ей нѣсколько ранъ ножемъ въ животъ, убилъ двухъ родственниковъ, поспѣшившихъ къ ней на помощь, затѣмъ удовлетворилъ свою похоть надъ проституткой, и, въ заключеніе, зарѣзалъ отца и нѣсколько штукъ скота въ хлѣву. — Нѣкій Андреасъ Бихль (сообщается у Фейербаха), совершившій рядъ сладострастныхъ убійствъ, сознался, что, вскрывая и разсѣкая по-мяснически одну изъ своихъ жертвъ, онъ былъ охваченъ жгучимъ желаніемъ пожирать куски ея мяса. — Не совсѣмъ достовѣрна исторія графа Шатобріана, который открылъ жилы своей невѣрной женѣ, а затѣмъ удовлетворилъ свою похоть надъ умершей или лишившейся чувствъ. — Судебный писецъ Альтонъ отмѣтилъ послѣ своего злодѣянія въ записной книжкѣ: „сегодня убилъ молодую дѣвушку; она была красива и горяча". — Убійца Тиршъ, человѣкъ со странностями, получивъ отказъ отъ одной женщины, воспылалъ ненавистью къ женскому полу, задушилъ въ лѣсу старуху-нищую, отказывавшуюся удовлетворить его требованія, вырѣзалъ у нея половыя части и груди, сварилъ ихъ дома съ клецками (!) и съѣлъ. — До каннибализма дошелъ также Леже, который изрѣзалъ у двѣнадцатилѣтней дѣвочки половые органы, съѣлъ часть ея сердца и пилъ кровь. — Моро де Туръ разсказываетъ объ убійцѣ, который, когда ему не удалось покушеніе на молодую дѣвушку, убилъ ея пятидесятитрехлѣтнюю мать, затѣмъ оскверпилъ ея трупъ, потомъ бросилъ его въ воду, но вытащилъ, и еще разъ осквернилъ совокупленіемъ. — Убійца Менесклу, происходившій изъ душевно-больной семьи и самъ нервно-больной, изнасиловалъ четырехлѣтнюю дѣвочку, разрѣзалъ на куски трупъ, вырѣзалъ у него половыя части и воспѣлъ свой подвигъ въ непристойномъ стихотвореніи. — Въ случаѣ Вергени, описанномъ Ломброзо, мы имѣемъ дѣло съ субъектомъ, который уже двѣнадцати лѣтъ испытывалъ сладострастное ощущеніе, глядя какъ рѣжутъ куръ. Душа горничныхъ, онъ приходилъ въ состояніе крайняго возбужденія. Жизнь его жертвы зависѣла отъ того, быстро или нѣтъ наступало у него изліяніе сѣмени. Въ первомъ случаѣ (четыре раза) онъ не доводилъ до конца удушенія, но въ двухъ другихъ случаяхъ задушилъ женщинъ, вскрылъ ихъ трупы, вырѣзалъ внутренности и искромсалъ половые органы. Онъ также съ жадностью пилъ кровь жертвы. Садистическаго акта оказывалось достаточнымъ; въ половое общеніе онъ не вступалъ. Убійца происходилъ изъ больной семьи, самъ обнаруживалъ признаки тѣлеснаго и душевнаго вырожденія и ненормально повышенную половую раздражимость — Джэкъ-потрошитель остался неразысканнымъ, но трупы его жертвъ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что это былъ сладострастный убійца садистъ. Его злодѣйства совершены въ промежутокъ времени отъ декабря 1887 по сентябрь 1889, въ Вайтчапелѣ, подозрительномъ кварталѣ Лондона, въ ночное время. Ему приписываютъ одиннадцать убійствъ, жертвами которыхъ были исключительно проститутки; онъ убивалъ ихъ, повидимому, ударомъ ножа въ шею, сзади. Смотря по времени, которымъ онъ располагалъ, трупы оказывались болѣе или менѣе расчлененными, внутренности искусно вскрыты и части ихъ удалены. Полового акта, повидимому, никогда не происходило. — Другой „потрошитель" былъ Ваше. Онъ съ дѣтства обнаруживалъ буйный, жестокій, злобный и коварный характеръ, былъ выгнанъ изъ монастыря за преступленіе противъ нравственности, совершилъ противоестественное покушеніе на ребенка, нигдѣ не уживался, покушался на самоубійство на военной службѣ, не разъ нападалъ съ оружіемъ на товарищей по полку, выстрѣлилъ изъ револьвера въ дѣвушку и, несомнѣнно, страдалъ одно время маніей преслѣдованія. Къ сожалѣнію, онъ былъ выпущенъ изъ сумасшедшаго дома, какъ „выздоровѣвшій". Въ періодъ времени съ мая 1894 по августъ 1895 этотъ ужасный человѣкъ, во время своихъ скитаній по Франціи, убилъ не менѣе семнадцати человѣкъ (женщинъ, дѣтей и молодыхъ парней); сознался онъ въ одиннадцати убійствахъ. Сначала онъ душилъ свои жертвы, затѣмъ пере-

рѣзывалъ имъ горло. Трупъ, мужской или женскій, онъ уродовалъ, оскверналъ или насиловалъ. При убійствѣ имъ овладѣвало, повидимому, настоящее упоеніе. Тѣмъ не менѣе, именно Ваше и вышеупомянутый Джекъ-потрошитель дѣйствовали вполнѣ обдуманно и планомѣрно какъ во время преступленія, такъ и послѣ него и не могутъ быть названы душевно-больными въ тѣсномъ смыслѣ слова. — Наконецъ, чтобы заключить этотъ рядъ негодяевъ, можно упомянуть объ испанцѣ Гарайо, который, проживъ спокойно сорокъ-одинъ годъ, сбился съ пути послѣ двухъ несчастныхъ браковъ. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ задушилъ шесть женщинъ, большею частью проститутокъ, но не всегда пользовался ими послѣ убійства въ половомъ отношеніи, нѣкоторыхъ онъ изрѣзалъ или вырѣзалъ имъ почки и внутренности; свои злодѣйства онъ совершалъ исключительн оосенью или весною. Повидимому, онъ былъ эпилептикъ.

Рис. 200. Неронъ.
Съ бюста, находящагося въ Луврѣ, въ Парижѣ.

Исторія знаетъ рядъ чудовищъ, бывшихъ сладострастными убійцами или по крайней мѣрѣ кровожадными садистами. Ужаснѣйшій изъ всѣхъ — маршалъ Жиль де-Рецъ (Рэ), казненный въ 1440 за то, что въ теченіе четырнадцати лѣтъ (по другому указанію восьми) замучилъ и убилъ сто-сорокъ (по другимъ, менѣе достовѣрнымъ, даннымъ отъ 700 до 800 дѣтей). И здѣсь мы находимъ характерное перерѣзаніе горла, вскрытіе труповъ и отдѣленіе частей трупа (сохраненіе особенно красивыхъ женскихъ головъ). Убійца насиловалъ умирающихъ и мертвыхъ дѣтей и, по его словамъ, испытывалъ при совершеніи этихъ гнусностей невыразимое блаженство. Интересно то, что этотъ злодѣй дошелъ до своихъ преступленій подъ вліяніемъ чтенія Светонія, описывающаго гнусности римскихъ цезарей [1]). Это сознаніе представляетъ интересъ и для современности, въ виду колоссально разросшейся популярной литературы о половыхъ извращеніяхъ. Есть, къ сожалѣнію, издательства, печатающія только „историческія" книги объ однополой любви, убійствѣ, сладострастіи и жестокости, — все это подъ флагомъ научности и, само собою разумѣется, въ разсчетѣ на чувственность. Чтеніе подобныхъ произведеній, конечно, не воспитаетъ сладострастныхъ убійцъ, но посодѣйствуетъ воспитанію флагеллантовъ, любителей сѣченія мальчиковъ и т. п. — Болѣе извѣстны звѣрства, порожденныя сладострастіемъ и жестокостью, римскихъ цезарей, казни, истязанія, убійства и насилія Нерона (рис. 200), Тиберія, Каракаллы (рис. 201), Геліогабала (рис. 202) и друг., мрачныя сцены кроваваго сладострастія въ дворцахъ греческихъ императоровъ и ихъ преемниковъ султановъ. Въ исключительныя эпохи, когда рушатся узы порядка, садизмъ становится эндемическимъ и захватываетъ массы народа. Такъ, солдатъ прошлаго времени не довольствовался насилованіемъ женщины, но при этомъ истязалъ и убивалъ ее. Одинъ писатель указываетъ на то, что среди оборотней, которыхъ средневѣковое суевѣріе обвиняло въ терзаніи дѣтей и изъ которыхъ нѣкоторые были осуждены и казнены,

Рис. 201. Каракалла.
Съ бюста въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

[1] Нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что историческій Жиль де-Рэ, казненный за что-то католической церковью, неповиненъ въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ. Легенда же дѣлаетъ его представителемъ цѣлаго рода садистовъ, такъ какъ съ той же фамиліей де-Рэ связаны преданія о Раулѣ Синей Бородѣ и нѣкоей Беатрисѣ де-Маллеонъ, ѣвшей сердца дѣтей. (См. Baudoin въ Bull. Soc. Anthr., 1909, № 4.) *Прим. перев.*

могли находиться садисты. Матеріалъ для этого, испорченные дегенераты, въ изобиліи доставлялся массовымъ бродяжничествомъ того времени. Римскій народъ апплодировалъ, когда на его аренахъ обнаженныя христіанскія дѣвушки отдавались на растерзаніе звѣрямъ или на поруганіе гладіаторамъ. О садистическихъ звѣрствахъ бѣлыхъ носителей культуры и христіанства надъ черными женщинами сообщаетъ исторія англійской, французской и, къ сожалѣнію, также нѣмецкой колонизаціи. Во время французской революціи женщины не разъ были убиваемы и затѣмъ обезчещиваемы; наиболѣе извѣстенъ случай принцессы Ламбаль. (Одинъ изъ толпы несъ на пикѣ вырѣзанныя половыя части трупа.) — Въ популярныхъ изложеніяхъ число садистовъ часто преувеличивается. Всѣ авторы звѣрствъ зачисляются въ эту категорію. При такомъ отношеніи можно зачислить въ садисты всякаго завоевателя, всякаго насильника, всякаго деспота, старающагося поддержать свою власть кровью. Но отнюдь не слѣдуетъ превращать случайное совпаденіе сладострастія и жестокости въ взаимную причинную связь. Эти люди были опустошителями и насильниками, какъ ложно направленныя сильныя натуры, чуждыя угрызеній совѣсти и съ колоссальнымъ властолюбіемъ; чувство власти и мстительность заставляли ихъ находить удовольствіе въ жестокостяхъ; но это удовольствіе не имѣло ничего общаго съ ихъ половымъ вожделѣніемъ. — Грубыя и жестокія натуры, находящія удовольствія въ жестокостяхъ, производимыхъ надъ тѣломъ другого, будутъ проявлять грубость и жестокость и при половыхъ отношеніяхъ. Такимъ способомъ они создаютъ себѣ двойное „удовольствіе“ разомъ. Исторія рабства, войнъ, гнусностей бѣлыхъ цивилизаторовъ подъ тропиками, гоненій христіанъ и гладіаторскихъ боевъ въ древнемъ Римѣ часто представляетъ примѣры этого соединенія сладострастія и жестокости. Жажда разнообразія или опьяняющее чувство противоположности между собственнымъ наслажденіемъ и чужимъ страданіемъ также могутъ служить для ослабѣвающихъ развратниковъ поводомъ къ „садистическимъ“ поступкамъ.

Рис. 202. Геліогабалъ.
Съ бронзоваго медальона 222 года по Р. Х.

Сладострастное убійство можетъ практиковаться и надъ животными. Многіе сладострастные убійцы начинали съ жестокостей надъ животными, такъ какъ остатокъ моральной робости, страха или отсутствіе подходящаго случая удерживали ихъ отъ преступленій надъ людьми. Актъ жестокости можетъ здѣсь, какъ и тамъ, подготовлять половой актъ, сопровождать его, слѣдовать за нимъ, какъ необходимая принадлежность, или вполнѣ замѣщать его; половымъ актомъ является содомія или онанизмъ. Садистъ или самъ совершаетъ истязаніе и убійство или опьяняется зрѣлищемъ ихъ, на бойняхъ, или — въ послѣднемъ случаѣ, естественно, въ болѣе жестокихъ формахъ — заставляя нанятыхъ лицъ (проститутокъ) совершать ихъ. Жертвами служатъ обыкновенно куры, гуси, кролики и другія мелкія животныя, но также иногда и рогатый скотъ. Извѣстно не мало случаевъ, когда извращенные молодые пастухи вызывали массовую смертность среди ввѣренныхъ имъ коровъ, нанося имъ тяжкія пораненія влагалища. Какъ и у остальныхъ садистовъ, у истязателей животныхъ степень еще остающихся моральныхъ и правовыхъ задерживающихъ представленій опредѣляетъ степень жестокости извращеннаго поступка. Непрерывная цѣпь переходовъ ведетъ отъ знаменитаго поэта Ломброзо, котораго возбуждало уже разсѣченіе убитыхъ животныхъ и вообще видъ кроваваго мяса, къ выродившимся китайцамъ, насилующимъ гусей, отрубая имъ, для повышенія своего наслажденія, головы.

При перечисленіи отдѣльныхъ сладострастныхъ убійствъ мы

уже упоминали о каннибализмѣ и оскверненіи труповъ. Какъ ни ужасна похоть человѣка, который не боится обнимать трупъ, но все-таки эти гнусности, гдѣ объектомъ вожделѣнія является еще теплое тѣло полуживой и оказывающей сопротивленіе жертвы, болѣе понятны нормально чувствующему человѣку, чѣмъ ужасающія оскверненія труповъ, производимыя надъ уже окоченѣвшими тѣлами умершихъ отъ естественныхъ болѣзней или даже надъ спеціально для этой цѣли вырытыми трупами. Въ отдѣльныхъ случаяхъ здѣсь часто все дѣло въ безграничной чувственности морально низменнаго индивидуума, сознанію котораго ужасъ и святость смерти настолько чужды, что не могутъ служить препятствіемъ для его похоти. Это имѣетъ мѣсто при оскверненіи труповъ сторожами, учащимися и тѣми убійцами, которые убиваютъ только для того, чтобы лишить жертву возможности сопротивляться. Но есть и такіе случаи, въ которыхъ несомнѣнно предпочтеніе труповъ живымъ женщинамъ. Принимаютъ, что безволіе, безграничная беззащитность трупа возбуждаетъ болѣзненно извращеннаго мужчину. Напротивъ, садизмъ несомнѣнно является причиной въ тѣхъ случаяхъ, когда осквернитель трупа не довольствуется удовлетвореніемъ своей похоти, но еще бьетъ и рѣжетъ трупъ, или находитъ удовлетвореніе въ нанесеніи побоевъ и ранъ трупу. Это называется некросадизмомъ.

Въ литературѣ извѣстны два случая, когда посѣтители домовъ терпимости требовали, чтобы проститутка, одѣтая въ бѣлое и набѣленная, изображала трупъ и лежала неподвижно на постели. Одинъ извращенный священникъ даже прочелъ передъ совокупленіемъ съ „мертвой“ заупокойную обѣдню.— Всего лучше извѣстенъ случай сержанта Бертрана. Послѣдній происходилъ изъ порочной семьи и былъ страннымъ, замкнутымъ, любившимъ одиночество человѣкомъ; уже въ дѣтствѣ онъ проявлялъ поразительный инстинктъ разрушенія; преждевременно достигнувъ половой зрѣлости и будучи чрезвычайно возбудимымъ въ половомъ отношеніи, онъ неумѣренно предавался онанизму. Предаваясь этому пороку, онъ представлялъ себѣ мысленно совокупленіе съ женщинами, ихъ послѣдующее истязаніе, а позднѣе совокупленіе съ трупами. Позднѣе онъ добывалъ трупы животныхъ, вскрывалъ ихъ, вынималъ внутренности и въ присутствіи ихъ предавался своей привычкѣ. Будучи солдатомъ, онъ убивалъ для той же цѣли безхозяйныхъ лагерныхъ собакъ. Наконецъ, въ теченіе 1847, 1848 и 1849 гг. онъ вырылъ на различныхъ кладбищахъ значительное количество, большею частью женскихъ, труповъ; поступалъ съ ними такъ же, какъ раньше съ животными, и въ заключеніе разрѣзалъ ихъ на куски. Лишь позднѣе онъ осквернилъ трупъ совокупленіемъ и повторилъ это еще три раза; его возбужденіе было при этомъ такъ велико, что онъ забывалъ объ опасности, которой подвергался. Онъ попался наконецъ, когда одинъ кладбищенскій сторожъ ранилъ его выстрѣломъ. Что здѣсь дѣло идетъ о больномъ человѣкѣ, а не о чудовищѣ, несомнѣнно. За это говоритъ способъ совершенія преступленій, возбужденіе, въ которое они его приводили, неодолимое влеченіе, которому онъ не въ силахъ былъ сопротивляться, и, не въ послѣдней степени, то обстоятельство, что этотъ человѣкъ былъ искренно религіозенъ безъ ханжества, добродушенъ, любимъ своими товарищами, начальниками и друзьями.

Сравнительно съ этой ужасной группой сладострастныхъ убійцъ, убійцъ животныхъ, осквернителей труповъ, идеальный садизмъ можетъ считаться довольно безобидной формой этого явленія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ одною изъ формъ духовнаго онанизма; но обыкновенно представляемыя картины имѣютъ сладострастный или возбуждающій чувственность характеръ, здѣсь же ихъ содержаніе кровавое, иногда совершенно лишенное полового элемента. Какъ тамъ, при нормальной формѣ, такъ и здѣсь представленіе уже одно, само по себѣ, можетъ привести

къ желанному результату, или оно сопровождается онанизмомъ. Если сильное моральное чувство налицо, днемъ подобныя представленія могутъ подавляться; во снѣ же они всплываютъ и приводятъ къ истеченію сѣмени. Нерѣдко въ этихъ явленіяхъ случайное происшествіе имѣетъ рѣшающее значеніе. Видъ текущей крови, избиваемаго кнутомъ животнаго, быть можетъ случайно совпавшій съ непроизвольнымъ или вызваннымъ половымъ возбужденіемъ, навсегда связываетъ у индивидуума, расположеннаго къ этому въ силу болѣзненныхъ нервныхъ задатковъ, представленіе подобныхъ сценъ съ половымъ возбужденіемъ.

Рис. 203. Екатерина Медичи.
Съ старинной гравюры.

Мазохизмъ, пассивное болевожделѣніе, внѣшне является прямой противоположностью садизму, активной формѣ. Какъ садизмъ находитъ удовлетвореніе въ причиненіи насилія, такъ мазохизмъ находитъ его въ перенесеніи насильственныхъ дѣйствій. Садизмъ, говоритъ одинъ писатель, есть сладострастіе палача, мазохизмъ — сладострастіе мученика. Садизмъ есть какъ бы безмѣрное усиленіе болѣе мужескаго начала, мазохизмъ таковое же болѣе женскаго, поскольку мужчинѣ въ любви принадлежитъ роль нападающаго и вынуждающаго, женщинѣ роль преслѣдуемой и терпящей. Въ дѣйствительности противоположности, конечно, не такъ рѣзки; такъ, мы часто находимъ дѣятельное и пассивное болевожделѣніе соединенными у одного и того же индивидуума, и садизмъ такъ же мало свойственъ исключительно мужчинамъ, какъ мазохизмъ исключительно женщинамъ. Естественное, правовое и соціальное положеніе мужчины по отношенію къ женщинѣ, конечно, неблагопріятно для совершенія садистическихъ дѣйствій женщинами; поэтому наблюденія надъ женскимъ садизмомъ не часты. Проявленія женскаго мазохизма не такъ рѣдки, потому что онъ болѣе соотвѣтствуетъ женской натурѣ, и внѣшнія условія жизни женщины довольно благопріятны для него; но на томъ же основаніи онъ не такъ рѣзко отличается отъ нормальнаго пассивнаго подчиненія женщины, и потому ускользаетъ отъ наблюденія. Отъ крайнихъ же проявленій его женщину гораздо сильнѣе, чѣмъ мужчину, удерживаютъ нравы, стыдъ, уваженіе къ собственному достоинству и зависимость отъ воли сожителя.

Историческими представительницами женскаго садизма являются, напримѣръ, Валерія Мессалина, которая возбуждалась при видѣ сѣченія молодыхъ дѣвушекъ, Екатерина Медичи (рис. 203), съ особеннымъ наслажде-

ніемъ сѣкшая собственноручно своихъ красивѣйшихъ фрейлинъ, Екатерина II, русская императрица, о которой сообщаютъ, что она заставляла лакеевъ сѣчь горничныхъ, а горничныхъ сѣчь лакеевъ, леди Пеннойеръ, которая въ 1760 г. высѣкла свою горничную и подробно описываетъ ея задъ. Напротивъ, знаменитая своей кровожадностью графиня Елизавета Баторій (умерла 1614), умертвившая шестьсоть-пятьдесятъ дѣвушекъ, чтобы брать ванны изъ ихъ крови, очевидно не извращанный въ половомъ отношеніи субъектъ, какъ утверждаютъ популярныя изложенія, а кровожадное чудовище (быть можетъ, душевно-больная). Врачи-писатели сообщали въ послѣднее время о женщинахъ, находившихъ свое высочайшее наслажденіе въ кусаніи до крови, даже колоніи иглою мужчины, и ради этого наслажденія, придаточнаго къ любовному акту, охотно отказывались отъ самого любовнаго акта. Въ качествѣ садистки можно еще назвать Маргариту Валуа, которая, послѣ ночи, проведенной съ любовникомъ, приказывала сбрасывать его съ башни или топить и наслаждалась этимъ зрѣлищемъ. Графиня Сивилла Баденская и княгиня Любомирская также умерщвляли своихъ любовниковъ на-утро, послѣ проведенной ночи, подвергая ихъ предварительно самымъ утонченнымъ пыткамъ.

Названіе мазохизмъ дано Крафтъ-Эбингомъ по имени писателя Леопольда Захеръ-Мазоха, который въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ рисовалъ преимущественно мужчинъ съ такимъ извращеннымъ побужденіемъ. Во всякомъ случаѣ имя выбрано не совсѣмъ удачно уже потому, что именно у Захеръ-Мазоха не такъ легко найти рѣзкую границу между активнымъ и пассивнымъ болевожделѣніемъ, какъ слѣдовало бы соотвѣтственно воззрѣніямъ Крафтъ-Эбинга. Хотя чувство Захеръ-Мазоха было вполнѣ чувствомъ терпящаго любовника, но идеаломъ его не было господство женщины — въ его глазахъ симптомъ упадка, — а равноправіе половъ.

Захеръ-Мазохъ родился 1836 въ австрійской Польшѣ. Въ жилахъ его текла главнымъ образомъ славянская, но также испанская и нѣмецкая (чешская?) кровь. Русская нянька рано познакомила его съ мягкими, унылыми былинами, пѣснями и сказками своей родины. Обстановка и воспитаніе его были славянскія. Славянинъ видитъ въ любви борьбу половъ и считаетъ женщину побѣдительницей въ этой борьбѣ. У многихъ славянскихъ расъ женщина безспорно отличается энергіей дѣятельности и силой воли. Поэтому мужчина у многихъ славянъ видитъ въ женщинѣ свою побѣдительницу. Ея положеніе, слѣдовательно, діаметрально противоположно положенію ея западной товарки, и „мазохизмъ“, до извѣстной степени, нормальное явленіе въ Польшѣ и Малороссіи.

Это сантиментальное, мягкое, пассивное направленіе славянства оказало значительное вліяніе на все духовное развитіе писателя. Захеръ-Мазохъ безъ сомнѣнія самъ былъ слабъ и пассивенъ по натурѣ. Черты лица у него рѣшительно женственныя (рис. 204). Десятилѣтнимъ мальчикомъ онъ уже вздыхалъ по одной красивой и важной родственницѣ; все ея существо и ея дорогія шубки производили глубочайшее впечатлѣніе на его воспріимчивую натуру; она же охотно пользовалась маленькими услугами съ его стороны и позволяла ему присутствовать при своемъ туалетѣ. Когда онъ однажды, надѣвая ей туфли, поцѣловалъ ей ногу, она, смѣясь, дала ему довольно сильную затрещину, которая привела его въ восторгъ. Но особенно глубокое и длительное впечатлѣніе произвело на него одно происшествіе, свидѣтелемъ котораго онъ оказался случайно: мужъ засталъ однажды жену съ любовникомъ; супруга выгнала его кулаками и, когда онъ вернулся въ отчаяніи (!), всхлипывая, прекрасная мегера избила его хлыстомъ (при чемъ досталось и Захеръ-Мазоху). Еще ребенкомъ онъ съ особенной охотой читалъ описанія жестокостей, казней и мучительствъ; съ наступленіемъ же половой зрѣлости мѣсто дѣтскихъ фантазій заняли представленія жестокихъ женщинъ; осталось у него и пристрастіе къ мѣхамъ, къ женщинамъ въ мѣховыхъ шубкахъ и съ хлыстомъ; оно господствовало въ его снахъ, въ его эстетическихъ вкусахъ и его поэтическомъ творчествѣ.

Воспоминаніе о другомъ женскомъ образѣ, о молодой дѣвушкѣ, родственницѣ, которая въ революціонную эпоху 1848 г. съ пистолетами за поясомъ помогала тринадцатилѣтнему мальчику на баррикадѣ, тоже, вѣроятно, оказало длительное вліяніе.

Впослѣдствіе Захеръ-Мазохъ отличился, какъ преподаватель, какъ солдатъ и какъ писатель. И такого человѣка могла сдѣлать своимъ рабомъ женщина безъ серьезнаго образованія, изъ простого званія, характеръ которой всѣ писатели рисують въ неблагопріятномъ свѣтѣ! Читая его романы, она узнала захеръ-мазоховскій идеалъ женщины. Она разыграла изъ себя соотвѣтственный типъ и заставила этого слабовольнаго человѣка разорвать свое обрученіе съ достойной, очаровательной, молоденькой дѣвушкой и жениться на ней, отъ которой онъ ожидалъ исполненія своихъ желаній, осуществленія импонирующей ему безграничной власти. Мечты поэта и суровая дѣйствительность оказались въ рѣзкомъ противорѣчіи; его „владычица" стала демономъ многихъ лѣтъ его жизни: безгранично мучила и позорила его, отбила его отъ друзей, расточала его средства, не заботилась о его умирающемъ ребенкѣ и открыто обманывала его съ безсовѣстнымъ любовникомъ, пока, наконецъ, онъ не развелся съ нею.

Другая, нормальная женщина, Гульда Мейстеръ, искренно полюбила несчастнаго человѣка и рѣшилась раздѣлить съ нимъ жизнь. Такимъ образомъ, съ 1883 по 1896 для него еще расцвѣло позднее лѣто любви подлѣ доброй и заботливой женщины, настоящей жены, скрашенное общимъ уваженіемъ, которое оказывали ему жители его поздней родины, Линдгейма въ Таунусѣ.

Точно ли Захеръ-Мазохъ былъ „мазохистомъ", какъ утверждаетъ Крафтъ-Эбингъ и свидѣтельствуетъ общераспространенное мнѣніе? Тотъ, кто спокойно прочтетъ вышеизложенное, затруднится отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ, и, пожалуй, вынужденъ будетъ отвѣтить на него отрицательно. Захеръ-Мазохъ былъ слабый, мягкій человѣкъ, конечно, съ несовсѣмъ устойчивою нервной системой. На такую натуру изображенія и представленія жестокостей и насилій могли оказывать особенно сильное и длительное дѣйствіе. Случайности, случайныя соединенія жестокости и любви, съ которыми онъ рано познакомился, также должны были дѣйствовать на него совершенно иначе, чѣмъ на нормальную натуру; они опредѣлили его направленіе, какъ поэта; но чтобы они опредѣлили его собственное половое направленіе, кажется сомнительнымъ, такъ какъ его дурныя отношенія съ Лаурой Рюммелинъ сводятся отчасти къ его поэтической причудливости, отчасти къ простому половому послушанію, къ половому рабству. Часто случается, что мужчина попадаетъ всецѣло въ руки женщины, но такіе люди только слабовольные рабы женщинъ, а не мазохисты. Захеръ Мазоха привелъ къ гетерѣ не идеальной мазохизмъ, а романтическій бредъ и мечтательный идеализмъ, а затѣмъ удерживало его при ней половое подчиненіе.

Его позднѣйшая жизнь была жизнью нормальнаго человѣка. Въ этомъ главное различіе между Захеръ-Мазохомъ и де-Садомъ, который всегда и всюду былъ садистомъ. Если героинямъ захеръ-мазоховскихъ романовъ вмѣсто шубъ и хлыстовъ дать амазонку и сокола, если ихъ рабовъ-мужчинъ одѣть вмѣсто сюртуковъ и шапокъ въ латы и шлемы рыцарей тринадцатаго столѣтія, то разница между романтическимъ женоугодливымъ „мазохизмомъ" Захеръ-Мазоха и „мазохистской" романтикой рыцарей эпохи миннезингеровъ не будетъ слишкомъ замѣтной.

Послѣдствія пассивнаго болевожделѣнія для общества не такъ важны, какъ послѣдствія активнаго; они не даютъ матеріала для суда. Но для обладателя такой ненормальности она крайне пагубна; во многихъ случаяхъ она дѣлаетъ его половымъ импотентомъ; это безсиліе можетъ возникнуть двумя путями: душевнымъ, когда ненормальныя представленія и позывы пересиливаютъ и подавляютъ нормальное влеченіе къ женщинѣ, если оно вообще существовало раньше, и посредствомъ ослабленія полового центра въ спинномъ мозгу вслѣдствіе онанизма, часто безудержнаго. Правда, къ самоубійству мазохизмъ не приводитъ; инстинктъ самосохраненія слишкомъ могущественъ у человѣка, хотя не невозможно, что иной подлинно душевно больной съ идеями болевожделѣнія наложитъ на себя руки. Такимъ образомъ, сладострастное убійство садиста не находитъ антитезы въ сладострастномъ самоубійствѣ мазохиста. Но желаніе такого конца, сладострастное представленіе о самоубійствѣ и смерти

отъ руки возлюбленной имѣетъ мѣсто, судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ. Но самый тяжелый ущербъ, выпадающій на долю мазохиста, наносится его мужественности. Рабъ женщины можетъ въ другихъ отношеніяхъ проявлять выдающіеся душевныя и тѣлесныя свойства и характеръ, но онъ не мужчина. Такъ какъ мужчина долженъ покорять и господствовать, а не покоряться и терпѣть, — таковъ законъ природы.

Противоестественное направленіе можетъ до такой степени овладѣть человѣкомъ, что онъ становится совершенно нечувствительнымъ къ нормальнымъ раздраженіямъ; но рядомъ съ ненормальнымъ влеченіемъ можетъ сохраниться и нормальная воспріимчивость и нормальное половое чувство. Во всякомъ случаѣ, какъ и при активномъ болевожделѣніи, необходима невропатическая основа; исключеніе составляютъ развѣ лишь тѣ, несомнѣнно рѣдкіе, случаи, когда человѣкъ до того погрузился въ половое рабство („Hörigkeit“, какъ называетъ его Крафтъ-Эбингъ), такъ долго соединялъ чувство осуществляемой надъ нимъ тираніи съ чувствомъ любви къ тиранящей, что, въ заключеніе, сталъ испытывать наслажденіе въ самомъ подчиненіи тираніи. Но, вообще, можно сказать: болевожделѣющій, — какъ мазохистъ, такъ и садистъ — такимъ родился. Прирожденнымъ является, разумѣется, не окончательное состояніе, какимъ мы его наблюдаемъ позднѣе, а расположеніе къ ненормальности. Сущность же расположенія заключается, вѣроятно, въ извѣстнаго рода легкой раздражимости аппаратовъ головного мозга, доступныхъ, при болѣзненномъ состояніи невропата, раздраженіямъ, которыя на здороваго не могутъ оказывать вліянія, и въ затрудненномъ отграниченіи одной области представленій отъ другой.

Рис. 204. Леопольдъ Захеръ-Мазохъ.

Какъ при дѣятельномъ болевожделѣніи, такъ и при пассивномъ, мы находимъ самыя разнообразныя степени, отъ простыхъ мысленныхъ представленій идеальнаго мазохиста и нелѣпыхъ дѣйствій символиста, черезъ рядъ пажей, „рыцарей“ и флагеллантовъ, до самыхъ безобразныхъ и отвратительныхъ дѣйствій самоуниженія. Какая степень будетъ достигнута, сохранится ли

или нѣтъ нормальная половая жизнь наряду съ болѣзненнымъ влеченіемъ, превратитъ ли извращенный свои представленія и позывы въ поступки, — все это зависитъ отъ степени извращенности и отъ остаточной силы моральныхъ и эстетическихъ противодѣйствующихъ мотивовъ.

Какъ и при активномъ болевожделѣніи, извращенныя дѣйствія и при пассивномъ могутъ предшествовать половому общенію, сопровождать его или замѣщать. Какъ и тамъ, первыя проявленія пассивнаго болевожделѣнія обнаруживаются, въ большинствѣ случаевъ, до наступленія половой зрѣлости; первоначально въ этихъ ощущеніяхъ можетъ совершенно отсутствовать какая бы то ни было связь съ половыми представленіями. Какъ тамъ отношеніе къ садизму, такъ и здѣсь отношеніе поступковъ индивидуума къ мазохизму (напримѣръ, отталкивающее самоуниженіе, привычное свинство) не сознается.

Относительно численности людей, страдающихъ этой ненормальностью, нѣтъ точныхъ данныхъ. Но, по утвержденію Крафтъ-Эбинга, подобныя натуры не рѣдки. Во всякомъ случаѣ къ признаніямъ старыхъ мазохистовъ надо относиться осторожно. Мазохизмъ принадлежитъ къ числу аномалій, воспитываемыхъ внѣшними условіями, какъ и садизмъ и извращенное половое чувство. Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ большею частью примѣръ, въ отношеніи же садизма и мазохизма—чтеніе, которое порождаетъ у расположенныхъ къ этому индивидуумовъ убѣжденіе въ томъ, что они страдаютъ болевожделѣніемъ. Какъ Жиль де-Рецъ былъ приведенъ къ своимъ звѣрствамъ чтеніемъ Светонія, такъ романы Захеръ-Мазоха безъ сомнѣнія пагубно дѣйствовали на развитіе пассивныхъ натуръ.

Пассивное болевожделѣніе, какъ и активная форма и противоестественное половое влеченіе, можетъ существовать всегда или проявляться только по временамъ, періодически.

Такъ, Гаммондъ и Тарновскій сообщаютъ о двухъ примѣрныхъ супругахъ и отцахъ семействъ, на которыхъ по временамъ „находило“: они отправлялись въ домъ терпимости, заставляли проститутокъ хлестать, бить и топтать себя, а затѣмъ, „вылѣчившись“ на нѣкоторое время, возвращались домой.

Эти любители сладострастно воспринимаемаго причиненія боли соотвѣтствуютъ любителямъ сѣченія мальчиковъ и дѣвочекъ. Какъ здѣсь сцены сѣченія, видѣнныя въ дѣтствѣ, могутъ опредѣлить все позднѣйшее развитіе половой жизни, такъ полученіе побоевъ можетъ расположить невропатическихъ индивидуумовъ къ пассивизму, т. е. къ ненормально легкому соединенію представленія объ ощущеніи побоевъ съ сладострастными чувствами. Особенно опасно дѣйствуютъ такія тѣлесныя наказанія, если они выполняются недостаточно энергично, чтобы силою боли заглушить всѣ другія возбужденія и когда ребенокъ не только невропатиченъ, но и — что, впрочемъ, есть слѣдствіе ненормальной нервной системы — обнаруживаетъ преждевременную половую возбудимость.

Самый извѣстный примѣръ Жанъ Жакъ Руссо (рис. 205), который въ своей „Исповѣди“ сообщаетъ намъ, что въ восьмилѣтнемъ возрастѣ онъ былъ высѣченъ своей воспитательницей, дѣвицей Ламберсье, при чемъ испытывалъ, кромѣ боли и стыда, сладострастное ощущеніе, такъ что съ тѣхъ поръ постоянно желалъ снова подвергнуться сѣченію. Однако, воспитательница при од-

Мужчина и женщина. II. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Флагелланты.

номъ изъ повтореній наказанія, вѣроятно, замѣтила, какое своеобразное дѣйствіе производятъ ея удары на ребенка. Она прекратила наказанія и удалила мальчика изъ своей спальни. Съ теченіемъ времени Руссо, который, какъ извѣстно, лишь въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ былъ посвященъ въ тайны любви госпожею Варренсъ, развился въ мечтателя, грезившаго объ унизительныхъ, страдательныхъ сценахъ по отношенію къ женщинамъ, въ исполнителя смѣшныхъ самооголеній и нервно-больного человѣка; мужчиной Руссо, несмотря на свое литературное значеніе, не сдѣлался.

Эйленбургъ указываетъ на то, что исповѣдь Руссо въ свое время очевидно оказала свое вліяніе въ смыслѣ пропаганды названной ненормальности; по крайней мѣрѣ, изъ многочисленныхъ французскихъ и англійскихъ литературныхъ произведеній второй половины восемнадцатаго столѣтія видно, что среди мужской молодежи склонность подвергаться сѣченію со стороны дамъ, по возможности пышныхъ, роскошныхъ и нарядныхъ, представляла нерѣдкое явленіе.

Рис. 205.
Жанъ Жакъ Руссо.
Съ гравюры Боллингера.

Мы находимъ здѣсь, стало быть, еще примѣръ пагубнаго вліянія половой модной литературы на индивидуумовъ съ извѣстными предрасположеніями. Слѣдовательно, Руссо дѣйствовалъ такъ же, какъ Захеръ-Мазохъ и — къ сожалѣнію — люди науки, чьи произведенія, написанныя ради серьезныхъ цѣлей, перелистываются непризванными изъ любопытства и чувственности, служатъ нерѣдко источниками для популярной псевдонаучной литературы, преспокойно выбирающей изъ нихъ главнымъ образомъ то, что можетъ подѣйствовать на чувственность.

Корни мазохизма, какъ и садизма, таятся въ человѣкѣ, еще здоровомъ. Въ особенности самобичеваніе и его сочетаніе съ сладострастными ощущеніями происходить и независимо отъ всякихъ болѣзненныхъ отношеній между мужчиной и женщиной. Бичеваніе, какъ выраженіе подчиненія волѣ божества, какъ искупленіе нанесеннаго божеству оскорбленія, играетъ важную роль въ исторіи религій, въ жизни многихъ угодниковъ и святыхъ, какъ и въ установленіяхъ различныхъ орденовъ; еще въ восемнадцатомъ столѣтіи бичеванія въ испанской церкви были въ постоянномъ употребленіи. Въ большихъ общинахъ бичующихся тринадцатаго и четырнадцатаго столѣтій религіозный бредъ достигалъ эпидемическаго распространенія (см. иллюстрацію: „Флагелланты".) Мученики, которые съ сіяющими глазами и пѣніемъ гимновъ встрѣчали смерть, святые, испытывавшіе безконечно сладострастное чувство подъ ударами бича, стигматизированные, которые воспроизводили на рукахъ и ногахъ раны Христа, сопровождавшіяся сильнѣйшей, но невыразимо сладострастной болью, — всѣ они испытывали боль, какъ наслажденіе, потому что представленія ихъ мозга о наслажденіи самопожертвованія оказывались гораздо сильнѣе чувства боли, быть можетъ недостаточно передаваемаго чувствами и въ экстазѣ слабо воспринимаемаго головнымъ мозгомъ. Разумѣется, было бы ошибкой говорить, какъ дѣлаютъ нѣкоторые писатели, о сладострастно воспринимаемой боли кающихся и святыхъ.

Не то мы находимъ въ модномъ движеніи флагеллантизма: послѣднее, особенно у тайныхъ сектъ, часто принимало эротическую окраску и иногда

доходило до такихъ безпутствъ, что вызывало суровыя преслѣдованія и строгія запрещенія со стороны церкви. Мало общаго съ покаяніемъ имѣли сцены конца шестнадцатаго столѣтія, когда Генрихъ III Французскій подвергался бичеванію со стороны своихъ любовницъ въ публичныхъ процессіяхъ. То же можно сказать объ испанскихъ флагеллантахъ, которые, по словамъ графини д'Ольнэй, писавшей въ 1685 г., навязывали на бичи цвѣта своихъ возлюбленныхъ и особенно рьяно и искусно бичевали себя передъ окнами своихъ доннъ, а тѣ поощряли ихъ, польщенныя такою любезностью; для дамы даже считалось большою честью, если флагеллантъ ради нея наносилъ себѣ такіе удары, что забрызгивалъ ее кровью. Самоистязанія восточныхъ фанатиковъ также бываютъ часто только подготовкой къ половымъ актамъ. Впрочемъ, нечувствительность факировъ, дервишей и тому подобныхъ субъектовъ только отчасти зависитъ отъ религіозныхъ представленій и фанатическихъ блаженныхъ чувствъ, отчасти же отъ того одурѣнія, до котораго эти люди искусственно доводятъ себя при помощи различныхъ пріемовъ.

Цѣль бичеванія можетъ быть двоякая: во-первыхъ, опьяненіе идеей страданія и униженія, претерпѣваемыхъ для и черезъ кого-нибудь; это въ одинаковой степени имѣетъ силу для аскета и мазохистскаго сладострастника; только характеръ возбуждаемаго блаженства различный: тамъ оно такъ сказать небесное, здѣсь слишкомъ земное. Во-вторыхъ же, ради дѣйствія ударовъ на нервы сѣдалищной части; это дѣйствіе, возбуждающее въ половомъ отношеніи. Родителямъ и воспитателямъ недостаточно извѣстенъ тотъ фактъ, что подъ вліяніемъ возбужденія, производимаго сѣченіемъ, мальчики нерѣдко начинаютъ заниматься онанизмомъ, особливо, если они послѣ наказанія должны сидѣть или остаются одни. Этимъ пользуются половые инвалиды, ослабѣвшіе развратники; они заставляютъ себя сѣчь во время полового общенія, чтобъ вызвать возбужденіе и способность къ половому акту. Иногда достаточно одного сѣченія, чтобъ вызвать оргазмъ.

У религіозныхъ флагеллантовъ среднихъ вѣковъ дѣйствовали оба мотива: блаженной покорности Божеству — почему церковь первоначально поощряла ихъ — и полового возбужденія путемъ рефлекторнаго дѣйствія раздражаемыхъ нервовъ сѣдалищныхъ частей — поэтому позднѣе церковь преслѣдовала ихъ. Не исключена, конечно, возможность того, что религіозные самобичеватели ненамѣренно испытывали на себѣ возбуждающее дѣйствіе бичеваній, предпринятыхъ съ покаянной цѣлью; но, во всякомъ случаѣ, любовныя восклицанія и блаженныя изліянія этихъ самобичевателей нельзя съ увѣренностью считать подтвержденіемъ этого заключенія, такъ какъ экстазъ и истерическое возбужденіе играли здѣсь большую роль.

Уже писатели древности, Петроній, Менгзусъ, Фавентинъ и Целій Африканскій, упоминаютъ о сѣченіи, даже сѣченіи крапивой, какъ возбуждающемъ средствѣ для ослабѣвшихъ въ половомъ отношеніи лицъ; на томъ же вѣроятно, основаніи, то есть какъ средство, возбуждающее чувственность, сѣченіе женщины передъ половымъ актомъ рекомендовалось, какъ мы видимъ изъ Ювенала, тогдашними врачами, въ качествѣ средства противъ безплодія. Подобное же сообщаютъ І. Г. Мейбоміусъ Лейденскій (1629), Пауллини (1698), Джіованни Пико, графъ Мирандола, Брантомъ и другіе. „Многія античныя куртизанки посвящали Венерѣ плеть, пару шпоръ или узду, какъ знакъ своего искусства обуздывать любовниковъ“ (Гавелокъ Эллисъ). Животноводы также сообщаютъ, что прикосновеніе плети къ крупу возбуждаетъ жеребца въ половомъ отношеніи.

Впрочемъ, это примѣненіе сѣченія для усиленія половой способности представляетъ лишь внѣшнее сходство съ самоистя-

заніемъ болевождѣлеющихъ; въ дѣйствительности, это явленія по существу различныя. Первое есть извращенность (Perversität), второе извращеніе (Perversion); первое есть средство для достиженія извѣстной цѣли (устраненіе полового безсилія), второе есть самоцѣль (боль, униженіе само по себѣ испытывается какъ блаженство и повышаетъ половое наслажденіе). Для этого средство не должно быть непремѣнно возбуждающимъ боль, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда люди находятъ полное наслажденіе въ томъ, что проститутка пачкаетъ ихъ, и когда, слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи о рефлекторномъ дѣйствіи средства. Далѣе, у мазохиста желаніе подвергаться сѣченію возникаетъ прежде, чѣмъ онъ узналъ о раздражающемъ дѣйствіи сѣченія. Во многихъ признаніяхъ мазохистовъ сообщается также о случаяхъ разочарованія: мазохистъ, котораго представленіе о бичеваніи до тѣхъ поръ опьяняло, испытывалъ полное разочарованіе, добившись его наконецъ, такъ какъ оплаченное и производимое нанятой проституткой, оно не давало ему иллюзіи насилія, которое онъ долженъ терпѣть.

Претерпѣваніе насилій принимаетъ не исключительно тѣ формы, о которыхъ говорилось до сихъ поръ. Мѣсто бичеванія, топтанія, побоевъ и т. п. можетъ занимать унизительное обращеніе иного рода. У пассивныхъ болевождѣлеющихъ также встрѣчается омерзительное пристрастіе къ опачкиванію себя со стороны участника. Калъ, моча, менструаціонная жидкость, мокрота, потъ, ушная грязь и т. п. могутъ служить для этой цѣли. Сюда же относится лизаніе особенно грязныхъ и потныхъ ногъ, зада и половыхъ частей другого. Отвратительная наклонность получать половое удовлетвореніе посредствомъ лизанія половыхъ частей лица того же пола, какъ увидимъ ниже, тоже имѣетъ, въ большинствѣ случаевъ, мазохистскій корень; здѣсь, какъ это часто случается, мы имѣемъ соединеніе двухъ противоестественныхъ наклонностей въ одномъ индивидуумѣ. Сюда относится также глотаніе мочи, сѣмени и кала другого.

Такъ напримѣръ, осквернитель труповъ Ардиссонъ пилъ мочу деревенскихъ женщинъ; Таксиль сообщаетъ то же объ „épongeur"'ахъ, то есть мужчинахъ, которые сосутъ изъ губокъ мочу въ женскихъ писсуарахъ, имѣющихся при нѣкоторыхъ театрахъ; Тардье — о „Schnüffler"'ахъ, которые наслаждаются тамъ же запахомъ женской мочи; Біанки — о женщинѣ, которую возбуждалъ и доводилъ до опьяненія запахъ мужскихъ отхожихъ мѣстъ; Стефановскій разсказываетъ о русскомъ купцѣ, заставлявшемъ проститутокъ дома терпимости плевать въ стаканъ, изъ котораго онъ пилъ. Мегеры лесбійской „любви" смѣшиваютъ, по Эйленбургу, въ любовномъ кубкѣ мочу обѣихъ сторонъ.

Совершающимъ такія отвратительныя вещи въ большинствѣ случаевъ уже неясно, что ихъ наслажденіе проистекаетъ изъ стремленія терпѣть. Символическому садизму также соотвѣтствуетъ символическій мазохизмъ. Такіе мужчины разыгрываютъ комедіи, которыя кажутся совершенно безсмысленными; въ дѣйствительности же, онѣ служатъ для нихъ символическими представленіями унизительныхъ или страдательныхъ процессовъ, соотвѣтствующихъ ихъ извращенію.

Сюда относится разсказъ Крафтъ-Эбинга о новобрачномъ, который требовалъ отъ своей молодой жены въ первое время брака, чтобы она намыливала ему ночью лицо. — Паскаль упоминаетъ о чудакѣ, который находилъ свою забаву въ томъ, что проститутка раздѣвала его и оставляла связаннымъ и

безпомощнымъ, съ завязанными глазами, на полчаса въ темной комнатѣ. — Тотъ же авторъ сообщаетъ о другомъ субъектѣ, который въ извѣстные дни отправлялся въ квартиру одной особы. Тутъ его принимала въ гостиной маркиза въ бальномъ платьѣ, величавшая его „графомъ". Онъ начинаетъ миндальничать, но дама отклоняетъ его ухаживанія. Онъ становится все нѣжнѣе и пытается наконецъ поцѣловать даму въ плечико. „Маркиза" приходитъ въ негодованіе, звонитъ; является спеціально для этого нанятый лакей и выталкиваетъ „графа" вонъ. Послѣдній уходитъ, вполнѣ удовлетворенный, и щедро платитъ участникамъ этого дурачества.

Наконецъ, чтобы дополнить параллель, нужно упомянуть, что идеальному садизму соотвѣтствуетъ идеальный мазохизмъ. Въ этомъ случаѣ идеи и представленія о тѣлесныхъ или душевныхъ истязаніяхъ, претерпѣваемыхъ отъ женщины, не превращаются въ дѣло. Поэтому, все, сказанное выше объ идеальномъ садизмѣ, относится и къ идеальному мазохизму, только содержаніе возбуждающихъ представленій иное. Но духовный мазохистъ, такъ какъ онъ обыкновенно сильнѣе предается онанизму, вслѣдствіе чего къ ненормальному влеченію присоединяется слабость спинного мозга, раньше, чѣмъ другіе мазохисты, приходитъ къ импотенціи.

Направленіе мысли такихъ ненормальныхъ натуръ всего лучше обнаруживается въ слѣдующемъ письмѣ, заимствованномъ изъ книги Крафтъ-Эбинга, которое мы печатаемъ почти безъ измѣненій, выкинувъ лишь нѣкоторыя непристойныя мѣста:

„Всемилостивѣйшая Государыня! Госпожа! Богиня! Съ глубочайшимъ почтеніемъ и нижайшей покорностью нижеподписавшійся есть фантазеръ à la Захеръ-Мазохъ.

Въ качествѣ такового онъ повергается передъ вами, какъ воплощеннымъ идеаломъ „Венеры въ шубѣ", съ униженною просьбою удостоить его пинка ногою и разрѣшенія лизать, какъ вашъ песъ, подошвы вашихъ башмачковъ. А затѣмъ, о сударыня, не откажите ему въ милостивомъ позволеніи, лежа передъ вами въ пыли и попираемому вашею ножкой, разсказать вкратцѣ свою исторію: съ юныхъ лѣтъ мои чувства манила мысль цѣловать ногу прекрасной женщины, быть попираемымъ этой ногой, получать отъ нея пинки, быть третируемымъ, какъ рабъ, дрессируемымъ, какъ собака, женщиной, моей госпожей. Видѣть укротительницу звѣрей было моимъ величайшимъ наслажденіемъ, и когда она попирала ногою, въ изящномъ башмачкѣ съ высокимъ каблукомъ, львовъ и тигровъ, я приходилъ въ экстазъ. Позднѣе я познакомился съ „Дамой въ шубѣ". Особенно восхищалъ меня „Красный дворъ", такъ какъ я находилъ мысль лизать какъ собака подошвы моей госпожи очаровательной. Съ тѣхъ поръ это высшій пунктъ моихъ мечтаній. Въ моей фантазіи рисуются картины, какъ обладательница имѣнья бьетъ своихъ рабовъ, ѣздитъ на нихъ, какъ на лошадяхъ, дрессируетъ ихъ, какъ собакъ! О, если бы вы согласились доставить мнѣ такое блаженство! Быть можетъ вамъ захочется хоть это письмо растоптать ногами, чтобы я могъ прижать его къ губамъ, какъ прекраснѣйшую награду.

Я вижу, какъ при чтеніи этихъ строкъ, ваши губы презрительно подергиваются. Маленькая ножка въ элегантномъ башмачкѣ топаетъ о коверъ, маленькая ручка хватаетъ рукоятку бича, и вы произносите сквозь зубы: „О, я понимаю тебя, рабъ! я понимаю твой визгъ, собака. Если бъ ты былъ здѣсь у моихъ ногъ! Ты бы узналъ, что твое стремленіе не обмануло тебя! я женщина, я могу быть госпожей. Я понимаю твое влеченіе, рабъ, я понимаю твои хамскія чувства, песъ, такъ же, какъ понимаю и цѣню сладость свирѣпой деспотіи. Своимъ каблукомъ я выбила бы тебѣ правый глазъ, и заставила бы тебя слизывать кровь съ моего каблука, собака! Я надѣла бы на свои ботинки шпоры и истерзала бы тебя ими и опять заставила бы тебя лизать кровь".

Я униженно молю объ отвѣтѣ, валяюсь у вашихъ ногъ, лижу каблуки вашихъ башмачковъ, сударыня, и остаюсь вашимъ рабомъ, вашей собакой".

Съ пассивнымъ болевожделѣніемъ, мазохизмомъ, не слѣдуетъ смѣшивать внѣшне сходное съ нимъ явленіе, половое рабство, или половое послушаніе (Крафтъ-Эбингъ). Подъ нимъ подра-

зумѣваются тѣ случаи, когда индивидуумъ вслѣдствіе и ради своихъ половыхъ отношеній къ другому лицу (обыкновенно противоположнаго пола, при противоестественныхъ половыхъ отношеніяхъ того же) попадаетъ въ такую необычайную зависимость, что совершенно утрачиваетъ свободу воли и самостоятельность дѣйствій. Хотя отсюда вытекаютъ поступки, клонящіеся ко вреду попавшаго въ такую зависимость и нарушающіе нравственность и приличія; хотя мы имѣемъ здѣсь дѣло съ необычайнымъ, ненормальнымъ явленіемъ, но его нельзя считать болѣзненнымъ, какъ мазохизмъ. — Отношенія между мужчиной и женщиной опредѣляются естественнымъ закономъ, освященными временемъ нормами, нравами и обычаями (также законами). Половое рабство перемѣщаетъ распредѣленіе правъ и силъ въ предѣлахъ этихъ отношеній въ одну сторону. Женщина чаще попадаетъ въ такое зависимое положеніе, чѣмъ мужчина. Это очень понятно. Уже существующія государственныя, общественныя и религіозныя постановленія, регулирующія отношенія между мужчиной и женщиной, направлены всецѣло въ пользу перваго. Но, съ другой стороны, женщина поднялась на гораздо высшую ступень на пути къ идеалу нравственности, чѣмъ средній мужчина. Поэтому, женщина гораздо болѣе энергическій представитель моногаміи, чѣмъ подчиняющійся болѣе полигамическимъ склонностямъ мужчина. Она также больше, чѣмъ онъ, заинтересована въ сохраненіи завязавшихся отношеній; ея стоимость на рынкѣ брака и любви выше, когда она можетъ предложить первый цвѣтъ своей любви; а материнская любовь заставляетъ ее удерживать при себѣ защитника своихъ дѣтей. Ея наклонности и тысячелѣтняя практика научили ее нравиться мужчинѣ. Это привело, съ одной стороны, къ извѣстному отреченію отъ самостоятельности, а съ другой — къ болѣе глубокой склонности къ мужчинѣ, предлагающему все то, чего она требуетъ. Если безграничная преданность женщины мужчинѣ, который кажется ей незамѣнимымъ, совпадетъ съ наклонностью послѣдняго по возможности использовать это отношеніе, то естественная зависимость женщины можетъ усилиться безгранично. Подобныхъ мужей мы можемъ наблюдать ежедневно.

„Сюда относятся охотникъ до приданаго, который беретъ большія деньги за то, что разрушаетъ легко создающіяся иллюзіи дѣвушки о немъ; съ разсчетомъ дѣйствующій соблазнитель женщинъ, спекулирующій на откупное и плату за молчаніе; воинъ въ золотыхъ погонахъ или музыкантъ съ львиной гривой, умѣющіе быстро добиться трепетнаго „умру безъ тебя“, которое обозначаетъ уплату долговъ и хорошее содержаніе; сюда же относятся и солдатъ на кухнѣ, любовь котораго кухарка уравновѣшиваетъ любовью и насыщеніемъ, подмастерье, пропивающій сбереженія хозяйки, которая вышла за него замужъ, и сутенеръ, побоями заставляющій проститутку, съ которой живетъ, ежедневно добывать ему извѣстную сумму. Это лишь нѣкоторыя изъ безчисленныхъ формъ подчиненія, въ которое женщина легко попадаетъ въ силу своей интенсивной потребности любить и трудностей своего положенія“ (Крафтъ-Эбингъ). Болѣзненныя натуры легче попадаютъ въ половое подчиненіе, чѣмъ нормальныя, какъ показываетъ особенно характерно рабская зависимость выродившихся проституток отъ своихъ сутенеровъ.

Для мужчины любовь имѣетъ болѣе эпизодическій характеръ, для него она въ меньшей степени является содержаніемъ и задачей жизни. Имъ управляетъ болѣе побужденіе къ завоеванію, женщиной — побужденіе сохранить завоеванное и сдѣлаться ма-

терью. (Эта своеобразная разница сказывается даже у добровольно воздержныхъ въ половомъ отношеніи; монахъ отказывается отъ женщины, чтобы успѣшнѣе справляться съ другими задачами. Монахиня же, отказавшись отъ возлюбленнаго на землѣ, мечтаетъ о возлюбленномъ на небѣ.) При всемъ томъ мы встрѣчаемъ достаточно мужчинъ, находящихся въ половомъ подчиненіи, хотя все же число ихъ и не такъ велико, какъ женщинъ. Сюда принадлежитъ полчище мужей, находящихся подъ башмакомъ у жены, въ особенности старые мужья молодыхъ женъ, желающіе возмѣстить покорностью недостатокъ тѣлесныхъ преимуществъ; и пресловутый „графъ“ (въ роли таковаго можетъ фигурировать и биржевой заяцъ), который старается щедростью и денежными затратами устранить молодыхъ конкурентовъ; и субъекты, одержимые слѣпой и безумной страстью, которую умѣютъ эксплоатировать опытныя женщины, субъекты, способные ради какой-нибудь проститутки или авантюристки махнуть рукой на самоуваженіе, нравственность, приличіе, будущее, состояніе, жену и дѣтей; и коронованные селадоны, предоставляющіе своимъ любовницамъ управлять государствомъ. Подобныя отношенія не разъ служили предметомъ художественнаго изображенія. Наиболѣе извѣстные примѣры полового подчненія изображаютъ „Гризельда“ Гальма, „Катя изъ Гейльбронна“ Клейста, „Манонъ Леско“ аббата Прево, „Клей“ Ришпена. Можноуказать также на недостойныя отношенія, отъ которыхъ не могли отдѣлаться такіе поэты, какъ Катуллъ, Проперцій, даже Гете; на гибель Самсона изъ-за Далилы (рис. 206), Антонія изъ-за Клеопатры, и на любовную службу съ ея испытаніями и извращенными обязательствами рыцарства эпохи миннезингеровъ!

Половое подчиненіе мужчины также безъ труда объясняется указанной выше разницей побужденій мужчины и женщины; у послѣдней оно отличается большей пассивностью. Послѣдняя вынуждаетъ мужчину, ради пріобрѣтенія женщины, преодолѣвать извѣстное сопротивленіе. Если мужчина пренебрегаетъ законами, установленными для защиты женщины, или если законодательныя, соціальныя и государственныя установленія направлены односторонне въ его пользу, то женское сопротивленіе преодолѣвается простымъ насиліемъ; послѣдствіями являются принудительные браки, умыканіе, покупка женщинъ и тираническое многоженство. Но если законы не допускаютъ насильственнаго овладѣванія женщиной со стороны мужчины, то осуществленіе его желаній зависитъ отъ добровольнаго подчиненія женщины. Чѣмъ болѣе слѣпа страсть мужчины, и чѣмъ разсчетливѣе и пассивнѣе женщина, тѣмъ больше опасность для мужчины попасть въ половую зависимость отъ женщины. Оттого пожилыя женщины часто оказываютъ безграничное вліяніе на молодыхъ любовниковъ, и мезальянсы чаще случаются у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ. Народовѣдѣніе показываетъ намъ даже, что половое подчиненіе мужчины можетъ сдѣлаться народнымъ установленіемъ; вмѣсто отцовскаго права, дѣйствующаго у большинства дикихъ и культурныхъ народовъ, водворяется материнское, матріархатъ, отнимающее у мужчины всѣ или большую часть его семейныхъ преимуществъ (Patria potestas, обладаніе домомъ, передача имени дѣтямъ и т. д.) (ср. также стр. 133 слѣд.).

На высшихъ ступеняхъ развитія материнское право можетъ доходить до полнаго женовластія, при которомъ мужчина существуетъ только для воспроизведенія и работы, дѣла же общественныя, государственныя, даже военныя находятся въ рукахъ женщинъ. Наиболѣе извѣстный примѣръ женскаго государства — амазонки греческой первобытной эпохи. У многихъ народовъ, гдѣ нынѣ господствуетъ мужская и отцовская власть, мы еще находимъ слѣды существовавшаго когда-то женовластія и материнскаго права. Разумѣется, совершенно неправильно, на основаніи такихъ слѣдовъ существованія материнскаго права у дикихъ племенъ, считать его болѣе первичнымъ явленіемъ, чѣмъ отцовское. Человѣческія учрежденія развивались многообразно. Иногда они приводили къ женскому, иногда къ мужскому господству.

Но если безвольное подчиненіе власти другого свойственно какъ половому рабству, такъ и мазохизму, то въ другихъ отношеніяхъ эти два явленія рѣзко различаются. Половое рабство не представляетъ какого-либо извращенія. Оно возникаетъ вслѣдствіе ненормально сильнаго воздѣйствія нормальной побудительной причины, любви (чувственности), при несоразмѣрно слабомъ противодѣйствіи воли. Порабощенный приведенъ къ женскому полу нормальнымъ побужденіемъ и стремится заслужить его нормальную склонность. Онъ унижается не изъ склонности къ униженію, а потому, что такова воля другого лица, которой онъ не смѣетъ сопротивляться. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что привычка къ послушанію, въ концѣ концовъ, приводитъ къ автоматически выполняемой службѣ, которая подразумѣвается сама собою настолько, что уже не достигаетъ болѣе сознанія; поэтому противо-представленія подъ конецъ даже перестаютъ возникать. Напротивъ, мазохистъ одушевленъ совершенно извращеннымъ, болѣзненнымъ побужденіемъ. Оно отличается отъ обычнаго побужденія качественно, по природѣ, а не только по величинѣ. Онъ стремится къ униженію ради него самого. Оно для него наслажденіе, обладаетъ ли онъ въ другихъ отношеніяхъ естественнымъ или противоестественнымъ половымъ влеченіемъ. Онъ добровольно совершаетъ унизительное дѣйствіе ради этого самаго дѣйствія, и склонность къ подчиненію проявляется у него раньше, чѣмъ явится предметъ этой склонности.

Какъ же возникаетъ болевождел ѣніе, въ его активной и страдательной формахъ, какъ садизмъ и какъ мазохизмъ? Здѣсь передъ нами еще далеко не достаточно разъясненный отдѣлъ человѣческихъ душевныхъ болѣзней, относительно которыхъ мнѣнія во многомъ расходятся.

Активное и страдательное болевождел ѣніе — двѣ параллели, если не двѣ противоположности. Общая черта того и другого — странное соединеніе полового сладострастія и боли (въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ мы уже опредѣляли). Выше уже пояснено, что болѣзненныя отношенія вытекаютъ непосредственно изъ нормальныхъ. Стало быть, намъ нужно прежде всего установить нормальныя. Но изслѣдованіе первоначальныхъ основъ у культурнаго человѣка крайне затруднено, такъ какъ соціальныя, общественныя и религіозныя учрежденія почти изгладили первоначальное. Поэтому приходится обращаться къ отношеніямъ, существующимъ у первобытныхъ племенъ и у животныхъ.

Человѣка отличаетъ отъ животныхъ способность мыслить понятіями. Мышленіе посредствомъ понятій—называемое также умомъ (Intelligenz)—связано съ обладаніемъ рѣчью. Животное, у котораго нѣтъ языка, „думаетъ“ безъ понятій, просто посредствомъ связыванія образовъ воспоминаній въ головномъ мозгу съ побужденіями и аффективными возбужденіями. Въ отношеніи занимающаго насъ случая отсюда вытекаетъ, что всѣ тѣ болѣзненныя формы полового побужденія, слѣдовательно и болевожделѣніе, и противоестественное половое влеченіе, для существованія которыхъ необходима наличность отвлеченныхъ представленій въ головномъ мозгу, не могутъ существовать у животнаго, что, слѣдовательно, подобныя по внѣшности состоянія у животнаго должны имѣть другую причину, которая не можетъ заключаться въ болѣзнен-

Рис. 206. Ослѣпленіе Самсона. Съ картины Рембрандта

номъ содержаніи представленій. Иными словами: изученіе нормальной связи побужденій и чувствъ легче у животнаго, чѣмъ у человѣка.

Мы видимъ, что во всемъ животномъ царствѣ борьба и половое побужденіе тѣсно связаны. (Олень бьетъ упрямую самку рогами; заяцъ, кошка, оселъ и другіе очень чувствительно кусаютъ самокъ во время сопротивленія; у многихъ пауковъ, наоборотъ, самка умерщвляетъ самца послѣ половаго акта, а оплодотвореніе пчелиной матки стоитъ жизни трутню.) Ухватки животныхъ въ борьбѣ и въ ухаживаніи также приблизительно одинаковы. Игры и притворныя схватки животныхъ носятъ ясный характеръ борьбы! У дикарей свадьба часто представляетъ дѣйствительную или притворную борьбу, дѣйствительное или притворное умыканіе. У цивилизованныхъ народовъ мы также находимъ рядъ свадебныхъ обычаевъ, указывающихъ на принужденіе и насиліе. Поддразниваніе, шуточныя взаимныя колотушки и толчки мы наблюдаемъ у влюбленныхъ и вступающихъ въ бракъ, какъ при-

творную борьбу у животныхъ. Любовный укусъ особенно въ ходу у нѣкоторыхъ націй, напримѣръ у итальянцевъ, хотя и у другихъ не представляетъ рѣдкости. Но именно любовный укусъ приводитъ къ тяжелымъ и самымъ тяжкимъ формамъ болевожделѣнія, къ сладострастному убійству, къ каннибализму и питью крови. Въ возрастѣ наступающей половой зрѣлости число преступленій противъ личности необычайно возрастаетъ, соотвѣтственно связи между любовью и воинственностью (Мурро). Слѣдовательно, бо́льшая активность мужчины (направленная въ большинствѣ случаевъ противъ женщины) основное явленіе половой жизни.

У дикаря и у животнаго стремленіе къ насильственнымъ дѣйствіямъ, связанное съ половымъ напряженіемъ,разрѣшается отчасти въ борьбу съ соперниками; у культурныхъ людей, гдѣ, съ одной стороны, устраняется борьба между соперниками, съ другой, и женщина въ силу культурныхъ установленій и нравовъ не оказываетъ такого сопротивленія мужчинѣ, она принимаетъ поэтому на себя все воздѣйствіе съ его стороны. Такимъ образомъ, культура и этимъ путемъ содѣйствуетъ садизму.

Это причиненіе насилія не кажется непріятнымъ женщинѣ, если даже соединяется съ чувствомъ боли; только боль должна быть незначительна, чтобы она заглушалась сладострастіемъ. И мужчина, причиняющій боль, обыкновенно дѣлаетъ это не съ цѣлью собственно причиненія боли; онъ предполагаетъ, что женщина охотно выноситъ ее. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что женщинѣ свойственна недостаточная чувствительность влагалища, что необходимо именно въ интересахъ половыхъ сношеній и рожденія; чтобы повысить эту чувствительность, на мужской членъ часто надѣваются раздражающія кольца, прикрѣпляются палочки и т. д.; сюда относится приспособленіе (Ampallang), примѣняемое туземцами Сѣверной и Южной Америки, китайцами, въ Остъ-Индіи, даже въ Россіи, но главнымъ образомъ на островахъ Малайскаго архипелага. Этотъ инструментъ, примѣненіе котораго требуется женщинами, показываетъ, что извѣстное насиліе, по мужскимъ понятіямъ болѣзненное, женщинамъ можетъ доставлять наслажденіе. Любовная игра улитокъ естественный прообразъ этого явленія. Если теперь окинуть общимъ взглядомъ перечисленныя выше явленія, то не трудно убѣдиться, что боль и насиліе, хотя не настоящая жестокость, играютъ роль въ любовномъ ухаживаніи самцовъ за самками.

Это странное сочетаніе двухъ вещей, настолько противорѣчащихъ другъ другу, какъ сладострастіе и боль, объясняется тѣми измѣненіями, которыя происходятъ въ тѣлѣ животныхъ и людей передъ и во время спариванія. Вся любовная игра животныхъ имѣетъ цѣлью довести до высшей степени полнокровіе и возбудимость тѣхъ нервныхъ органовъ, которые находятся въ связи съ половымъ чувствомъ и половымъ аппаратомъ. Пѣніе, прыжки и хлопанье крыльями самцовъ птицъ, ихъ призывные крики, безумныя круговыя движенія самца паука и извѣстныя повадки млекопитающихъ имѣютъ цѣлью усилить возбужденіе самки; этимъ самымъ одновременно усиливается возбужденіе самца. Съ своей стороны самка притворнымъ бѣгствомъ и сопротивленіемъ усиливаетъ возбужденіе обѣихъ сторонъ. Оттого

и у дикарей танецъ часто представляетъ чисто эротическую игру движеній, исполняемую съ цѣлью сообщить обоимъ поламъ необходимое половое возбужденіе.

Но этотъ приливъ крови къ головному мозгу, мускуламъ и половымъ частямъ, необходимый для полового акта, это напряженіе всѣхъ нервныхъ элементовъ, разрѣшающееся въ половомъ актѣ, значительно усиливаются извѣстными душевными возбужденіями (аффектами). Половое возбужденіе, любовь, можетъ разсматриваться какъ состояніе сильнаго раздраженія; къ тому же приводитъ ухаживаніе и душевное возбужденіе аффектами, изъ которыхъ сильнѣйшіе гнѣвъ и страхъ. Одинаковость физіологическихъ дѣйствій различныхъ процессовъ, любви, движенія, страха и гнѣва, ведетъ къ тому, что они могутъ усиливать и замѣщать другъ друга. Гнѣвъ усиливаетъ половое возбужденіе. Наоборотъ, половое возбужденіе можетъ приводить къ вспышкамъ гнѣва.

Брантомъ разсказываетъ объ одномъ субъектѣ, который могъ сближаться съ женой, лишь приводя себя искусственно въ гнѣвное возбужденіе. Фере сообщаетъ о молодомъ человѣкѣ, у котораго всякая попытка совершить половой актъ кончалась припадкомъ буйства, такъ что онъ бывалъ выталкиваемъ изъ домовъ терпимости, принужденъ былъ платить убытки, а позднѣе долженъ былъ развестись съ женою.

Возникаетъ состояніе, которое можно назвать эротическимъ опьяненіемъ (извѣстно, что олень во время течки нападаетъ на человѣка, особливо на женщину; такъ же воспламеняются самцы дикихъ куриныхъ птицъ. Самцы млекопитающихъ и пѣтухи часто наносятъ своимъ противникамъ смертельныя раны; относительно пѣтуховъ извѣстно, что они пытаются иногда содомизировать поверженныхъ соперниковъ; даже осторожный слонъ приходитъ во время течки въ неистовое возбужденіе.) Любовь и гнѣвъ, какъ говоритъ Крафтъ-Эбингъ, сходятся въ томъ отношеніи, что ищутъ свой объектъ, стремятся его подчинить и превратить свою силу въ прилагаемую къ нему дѣятельность; та и другой приводятъ психомоторные центры въ состояніе сильнѣйшаго возбужденія и находятъ при посредствѣ этого возбужденія свое нормальное выраженіе. Оттого природа пользуется этимъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ любви и гнѣва и ихъ взаимнаго вліянія, какъ усиливающимъ средствомъ, въ процессѣ ухаживанія и актѣ спариванія.

Чувство страха дѣйствуетъ вполнѣ сходно съ гнѣвомъ. Обыкновенно взрывъ гнѣва самца является причиной страха самки; поэтому, гнѣвъ играетъ роль побочнаго возбужденія, служащаго для усиленія полового влеченія самца — такую же роль играетъ страхъ въ отношеніи полового влеченія самки. И такъ какъ страхъ самки усиливаетъ гнѣвное возбужденіе самца, и наоборотъ, то при такомъ распредѣленіи въ процессѣ ухаживанія они наиболѣе удачно пополняютъ другъ друга. Слѣдовательно, легкій страхъ передъ мужчиной, чувство зависимости отъ мужчины вполнѣ входятъ въ планъ творенія. Такъ какъ мужчина въ половой жизни во всемъ животномъ и человѣческомъ мірѣ представляетъ нападающую, преслѣдующую и одолѣвающую при спариваніи сторону, то въ качествѣ возбудительнаго средства для своей 'нападающей дѣятельности онъ нуждается въ боязни и

страхѣ (конечно, отчасти притворныхъ) и соотвѣтствующей имъ стыдливости женщины, которая, въ свою очередь, чтобъ получить возбужденіе, нуждается въ страхѣ и зависимости отъ мужчины. Сказанное выше о возбуждающемъ вліяніи страха пополняется тѣмъ фактомъ, что даже скорбь дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ на нѣкоторыя, особливо женскія, натуры. Объ этомъ напоминаютъ быть можетъ извѣстныя празднества, попойки и состязанія, устраиваемыя иногда послѣ похоронъ. Несомнѣнно къ области болѣзненнаго относятся случаи, въ родѣ исторіи той англійской дамы, которая на похоронахъ своего отца влюбилась въ распорядителя похоронъ, случаи полового возбужденія при участіи въ погребеніи и расположенія украшеній трупа съ цѣлью возбужденія извращенныхъ развратниковъ. Одинъ авторъ напоминаетъ по этому поводу о распространенномъ по всему свѣту разсказѣ о неутѣшной вдовѣ, которая рыдаетъ на могилѣ своего мужа, но вскорѣ уже милуется съ часовымъ. (Намъ, нѣмцамъ, всего лучше извѣстенъ его варіантъ въ пѣснѣ Шамиссо, гдѣ вдова даже выбиваетъ зубъ у трупа мужа и помогаетъ повѣсить его вмѣсто тѣла казненнаго преступника съ недостающимъ зубомъ, украденнаго у зазѣвавшагося часового.)

Итакъ, въ нормальномъ организмѣ подобныя проявленія страстей (страхъ и гнѣвъ) могутъ дѣйствовать возбуждающимъ образомъ; но они не безусловно необходимы. Въ болѣзненно измѣненномъ, въ невропатическомъ организмѣ они дѣйствуютъ гораздо сильнѣе; организмъ, половое побужденіе котораго обыкновенно по той же причинѣ бываетъ повышеннымъ, реагируетъ на нихъ гораздо сильнѣе. Въ заключеніе, устанавливаются даже отношенія зависимости. Настоящая боль, настоящее насиліе становятся желанными. Боль становится необходимымъ средствомъ раздраженія полового чувства. Разумѣется, чѣмъ болѣе у такихъ ослабленныхъ и возбудимыхъ натуръ эти раздраженія выступаютъ на первый планъ, тѣмъ больше значенія они пріобрѣтаютъ; наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ, они заступаютъ въ желаніяхъ и вожделѣніяхъ больного мѣсто естественнаго объекта, полового соединенія. Придаточное становится главнымъ.

Можно вмѣстѣ съ Крафтъ-Эбингомъ видѣть причину садизма въ ненормально усиленномъ стремленіи къ рѣзкому воздѣйствію на объектъ раздраженія и въ болѣзненно усиленной потребности подчинить женщину, и, наоборотъ, источникъ мазохизма въ дошедшемъ до экстаза стремленіи къ рѣзкому воздѣйствію со стороны любимаго предмета, связанному съ половымъ подчиненіемъ, — и, слѣдовательно, признавать извѣстную противоположность явленій въ этихъ двухъ ненормальностяхъ; но существенной противоположности между ними не будетъ. Имъ обще стремленіе къ одной и той же цѣли: состоянію высочайшаго возбужденія. Къ этому состоянію приводитъ боль. При этомъ совершенно безразлично, причиняется ли боль или терпится. На практикѣ чистые случаи „садизма“ или „мазохизма“ очень рѣдки. Нерѣдко садизмъ является замаскированнымъ мазохизмомъ. У самого де-Сада обнаруживаются ясныя черты мазохиста. Обширная группа субъектовъ, не причиняющихъ и не испытывающихъ боли, а возбуждаемыхъ въ половомъ отношеніи простымъ зрѣлищемъ истязаній, чтеніемъ о жестокостяхъ

и т. п. представляютъ, вообще говоря, нѣчто среднее между садистами и мазохистами. Это дѣленіе удобно для клиническихъ описаній, тутъ есть различіе чувствъ, но тутъ нѣтъ фактической противоположности.

Душеніе, удавливаніе, связываніе и утопленіе, какъ всѣ акты, затрудняющіе дыханіе, сопровождаются извѣстнымъ возбуждающимъ дѣйствіемъ; отсюда представленіе о причиненіи или претерпѣваніи такихъ процессовъ. Душеніе и удавливаніе садистовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ самоповѣшенію, showраспятію представителей нѣкоторыхъ сектъ. Сѣченіе и самосѣченіе потому играетъ столь значительную роль при обѣихъ формахъ болевождѣленія, что это самое энергичное и все же наименѣе вредоносное воздѣйствіе на другого человѣка.

Дѣятельному и страдательному вожделѣнію обще то, что они прирождены. Это, разумѣется, слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы какому-либо человѣку была отъ природы присуща болевожделѣющая форма полового побужденія. Этого не бываетъ, какъ и при противоестественныхъ половыхъ наклонностяхъ (см. стр. 531 слѣд.), хотя въ популярныхъ изложеніяхъ (къ сожалѣнію также и въ нѣкоторыхъ научныхъ) это именно утверждается. Прирождено болѣзненное предрасположеніе, то есть пониженная способность къ сопротивленію и повышенная воспріимчивость къ извѣстнымъ раздраженіямъ; при чемъ эта повышенная раздражимость свойственна спеціально тѣмъ частямъ головного мозга, въ которыхъ сосредоточиваются воспріятія и представленія чувственныхъ и болевыхъ процессовъ, равно какъ ихъ ассоціаціи. У болѣзненно предрасположенныхъ раздраженіе, свойственное извѣстной области, легче передается другой, посторонней, и обнаруживается возбудимость извѣстныхъ областей такими раздраженіями, которыя у здороваго не могутъ возбуждать данной области или возбуждаютъ ее гораздо слабѣе. Только этимъ объясняется, какимъ образомъ боль и насиліе, которыя уже у нормальнаго мощно вмѣшиваются въ половую жизнь, могутъ пріобрѣтать такое рѣшающее значеніе у больного. Но разъ половая центральная область оказывается чрезмѣрно доступной для не-полового раздраженія, и, наоборотъ, не-половыя области чрезмѣрно доступными для полового раздраженія, то уже только отъ степени этого уклоненія зависитъ, будетъ ли и въ какой мѣрѣ дѣйствовать наряду съ ненормальнымъ раздраженіемъ нормальное, иными словами, составятъ ли насиліе и боль все содержаніе половыхъ стремленій болевожделѣющаго или только ихъ необходимый аттрибутъ.

Какъ во многихъ другихъ явленіяхъ, мы здѣсь часто должны считаться съ **случайной причиной**, не въ томъ смыслѣ, чтобы случайное совпаденіе зрѣлища сѣченія, какой-либо жестокости, съ половымъ возбужденіемъ могло превратить нормальнаго субъекта въ болевожделѣющаго, а въ томъ смыслѣ, что у невропата, обладающаго ненормальной склонностью связывать ненормальныя раздраженія съ нормальными, особенно сильное впечатлѣніе можетъ пробудить дремавшую до тѣхъ поръ ненормальность и подѣйствовать такъ сильно, оставить такія живыя воспоминанія, что нормальная игра половыхъ представленій и дѣйствій разъ навсегда оказывается уничтоженной.

Напомнимъ по этому поводу сообщеніе Фере объ одномъ бродягѣ, который, предаваясь однажды вмѣстѣ съ другимъ субъектомъ непотребнымъ дѣйствіямъ въ придорожной канавѣ, былъ страшно возбужденъ зрѣлищемъ надрывающихся подъ ударами кнута лошадей. Впечатлѣніе не изгладилось, и позднѣе онъ искалъ такихъ сценъ. Напомнимъ далѣе, что зрѣлище сѣченія въ школѣ можетъ оказать рѣшающее вліяніе на всю жизнь!

Въ отдѣльныхъ случаяхъ зависитъ болѣе или менѣе отъ остальныхъ душевныхъ свойствъ человѣка, повліяетъ ли на него данное происшествіе въ смыслѣ активнаго или пассивнаго болевожделѣнія. (Такъ, сѣченіе или зрѣлище сѣченія обнаженныхъ заднихъ частей подѣйствуетъ на немужественную натуру, въ родѣ Руссо, въ сторону мазохизма, на болѣе мужественную, какъ въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ сообщаютъ Маньянъ и Крафтъ-Эбингъ, въ сторону садизма.)

Судебно-медицинское значеніе активнаго болевожделѣнія гораздо больше, чѣмъ страдательнаго. Сладострастное убійство, равно какъ и членовредительство и истязаніе животныхъ совершаются людьми, которые не могутъ считаться нормальными. Часть ихъ дѣйствительно помѣшанные; сладострастные убійцы почти всегда являются таковыми. Формы помѣшательства, чаще всего при этомъ встрѣчающіяся, главнымъ образомъ — идіотизмъ, эпилепсія, алкоголизмъ и старческое слабоуміе. Смотря по степени, смотря по мѣрѣ, въ какой эти болѣзни исключаютъ сознаніе и свободное опредѣленіе воли, виновные въ подобнаго рода преступленіяхъ заслуживаютъ оправданія и заключенія въ сумасшедшій домъ или признанія для нихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Но большинство садистовъ вполнѣ вмѣняемы и отвѣтственны за свои поступки. Ненормальная наклонность сама по себѣ еще не оправданіе проступка или преступленія. Гарайо, о которомъ упоминалось выше, былъ эпилептикомъ, Жилль де Рецъ былъ несомнѣнно сумасшедшимъ, а классическимъ примѣромъ активнаго боле вожделѣнія вслѣдствіе старческаго слабоумія можетъ служить дряхлый Тиверій (рис. 207), который послѣ замѣчательнаго правленія, удалившись въ преклонномъ возрастѣ на Капри, предавался тамъ гнуснѣйшему разврату и убійствамъ, описаннымъ Светоніемъ. — Страда тельное болевожделѣніе тоже можетъ оказаться предметомъ судебнаго разбирательства, такъ какъ члено вредительство, учиненное надъ больнымъ, наказуемо и въ томъ случаѣ, если учинено по его желанію. Половое подчиненіе, уже не разъ приводившее къ нарушенію супружеской вѣрности, обману, растратѣ, воровству, можетъ претендовать на болѣе или менѣе снисходительное отношеніе развѣ только въ виду пониженной силы моральныхъ противопредставленій.

Противъ болевожделѣнія нѣтъ лѣкарствъ въ обычномъ смыслѣ этого слова; но внушеніе и гипнозъ могутъ дать хорошіе результаты. Важнѣе — предупредительныя средства. Въ дѣлѣ воспитанія нужно стремиться къ устраненію онанизма и отказаться отъ тѣлесныхъ наказаній. Такъ какъ садизмъ и мазохизмъ проявляются въ формѣ душевныхъ эпидемій, то нужно имѣть въ виду опасность популярной литературы о половыхъ извращеніяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что чтеніе Захеръ-Мазоха и сродныхъ ему писателей воспитываетъ въ массахъ страдательное болевожделѣніе; и такъ же несомнѣнно, что модныя нынѣ и усваиваемыя обыкновенно незрѣлыми умами заблужденія Ницше, провоз-

глашающаго состраданіе „моралью рабовъ“, а отреченіе отъ него „моралью господъ“, страшно разросшаяся порнографическая литература и сенсаціонная пресса съ подробнѣйшими сообщеніями о всякомъ отвратительномъ преступленіи не менѣе способствуютъ развитію садизма, чѣмъ въ свое время произведенія де Сада.

* *
*

Къ числу самыхъ первичныхъ и неотъемлемыхъ пріобрѣтеній высшихъ животныхъ и человѣка принадлежитъ ихъ расчлененіе на мужскихъ и женскихъ индивидуумовъ, которые взаимно привлекаютъ другъ друга въ половомъ отношеніи съ цѣлью спариванія и воспроизведенія. Тѣмъ болѣе противоестественнымъ (или, если хотите, противнымъ развитію, „противоэволюціоннымъ“) является существованіе извращеннаго полового чувства, въ силу котораго мужчина испытываетъ половое влеченіе къ мужчинѣ, женщина — къ женщинѣ.

Рис. 207. Тиверій.
Статуя въ ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

Какъ и при другихъ разстройствахъ половыхъ ощущеній, такъ и здѣсь отдѣльный половой актъ между лицами одного пола еще не доказываетъ, что дѣло идетъ объ извращенномъ половомъ побужденіи. Всюду, гдѣ испытывающіе половое влеченіе и половое вожделѣніе люди лишены возможности удовлетворять ихъ нормальнымъ способомъ, они могутъ доходить до половыхъ актовъ, совершаемыхъ надъ тѣломъ представителя того же пола: въ тюрьмахъ, казармахъ, интернатахъ, на судахъ и т. д. Но эти уклоненія только вспомогательное средство, замѣняющее нормальныя половыя отношенія, невозможныя въ силу внѣшнихъ причинъ. Они, такъ сказать, только актъ самоудовлетворенія на тѣлѣ другого человѣка. Какъ только представится случай къ нормальнымъ половымъ отношеніямъ, отъ этого вспомогательнаго средства въ большинствѣ случаевъ охотно отказываются. Сношенія съ мальчиками утонченныхъ развратниковъ, возникающія единственно изъ стремленія пощекотать свою чувственность, также не имѣютъ ничего общаго съ извращеніемъ полового чувства. Это послѣднее характеризуется скорѣе неправильной дѣятельностью тѣхъ, ближе неизвѣстныхъ намъ, частей головного мозга, въ которыхъ воспринимаются половыя раздраженія и возникаютъ возбужденія.

Безъ сомнѣнія, очень интересенъ тотъ общеизвѣстный и подтвержденный точными изслѣдованіями Карша фактъ, что половые акты между представите-

лями одного и того же пола очень часто случаются въ средѣ животныхъ, какъ между самцами, такъ и между самками, но настоящей извращенности, то есть предпочтенія своего пола и рѣшительнаго отвращенія къ другому, среди животныхъ не бываетъ. Такъ какъ человѣкъ и животныя организованы въ существенныхъ чертахъ одинаково, то причина этого можетъ заключаться только въ томъ, что возвышаетъ человѣка надъ животнымъ, именно въ обладаніи разумомъ. („Онъ жилъ бы немножко лучше — говоритъ Мефистофель о человѣкѣ, — если бъ ты не надѣлилъ его отблескомъ небеснаго свѣта. Онъ называетъ его разумомъ и употребляетъ для того, чтобы быть животнѣе всякаго животнаго".) Зачатки разума прирождены человѣку; само же разумное мышленіе пріобрѣтается подъ вліяніемъ воспитанія. Отсюда можно заключить, что если источникъ извращеннаго полового чувства, разумъ, есть нѣчто пріобрѣтенное, то и зависящее отъ него, то есть противоестественная половая склонность, не можетъ быть прирожденной, а должна быть пріобрѣтенной.

Какъ при тѣхъ извращеніяхъ полового чувства, о которыхъ рѣчь была выше, такъ и при извращеніи половой воспріимчивости, границы между обычнымъ и необычнымъ, здоровымъ и болѣзненнымъ очень неопредѣленны. Индивидуумы, возбудимые въ половомъ отношеніи, могутъ чувствовать влеченіе къ обимъ поламъ, не будучи однако извращенными.

Какъ выше объяснено, возбуждающимъ образомъ дѣйствуютъ прежде всего половые признаки другого индивидуума. Такъ какъ эти признаки всего замѣтнѣе на неодѣтомъ тѣлѣ, то сильнѣйшее чувственное раздраженіе должна производить нагота. (Извѣстный фактъ, что полуодѣтое тѣло иногда раздражаетъ сильнѣе неодѣтаго, не опровергаетъ этого положенія; такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ одежда раздражаетъ сильнѣе потому, что оставляетъ больше простора воображенію, игрѣ фантазіи, чѣмъ нагая дѣйствительность, которая часто рѣшительно обманываетъ ожиданія. Гдѣ не грозитъ такое разочарованіе, тамъ и нагота обыкновенно дѣйствуетъ гораздо сильнѣе, напр. въ произведеніяхъ искусства.) Принадлежавшая первоначально только половымъ признакамъ, видимымъ на нагомъ тѣлѣ, способность оказывать раздражающее дѣйствіе переносится на наготу вообще. Наши культурныя и климатическія условія, требующія закрыванія тѣла, чрезвычайно благопріятствуютъ раздражающему дѣйствію наготы. Поэтому нечего удивляться, что на нѣкоторыхъ индивидуумовъ голое тѣло обоихъ половъ, а затѣмъ, благодаря игрѣ фантазіи, и одѣтое тѣло мужчины и женщины вообще оказываютъ раздражающее дѣйствіе.

Людямъ съ чрезмѣрно сильнымъ половымъ влеченіемъ, воспріимчивымъ и увлекающимся красотою, эта опасность естественно грозитъ въ большей степени, чѣмъ нормальнымъ, среднимъ людямъ. Даже такой человѣкъ, какъ Гёте, не остался вполнѣ чуждымъ ей. Гомосексуалы и нѣкоторые изслѣдователи называютъ это „бисексуальностью", половой двойственностью.

Противъ этого термина нечего было бы возразить, если бы подъ нимъ подразумѣвалось только, что данный индивидуумъ можетъ возбуждаться какъ своимъ, такъ и чужимъ поломъ. Но въ литературѣ гомосексуаловъ подъ „бисексуальностью" подразумѣвается обыкновенно не просто анормальная раздражимость, а прирожденная двойственность извѣстныхъ аппаратовъ головного мозга. Это совершенно недоказанное мнѣніе исходитъ изъ допущенія, что нервные центры, завѣдующіе половымъ чувствомъ, заложены въ головномъ мозгу вдвойнѣ, какъ мужской и какъ женскій. Обыкновенно развивается только одинъ центръ. Смотря по тому, разовьется ли тотъ или другой изъ этихъ центровъ или оба, происходятъ индивидуумы нормальные, съ влеченіемъ къ другому полу, или же ненормальные, съ влеченіемъ къ тому же полу (гомосексуалы), или, наконецъ такіе, которые чувствуютъ влеченіе какъ къ мужчинѣ, такъ и къ женщинѣ (бисексуалы). Но это допущеніе двойственности половыхъ задатковъ произвольно и недостаточно обосновано, и мы не имѣемъ никакого права выводить изъ него дальнѣйшее заключеніе о сохраненіи и развитіи обоихъ задатковъ.

Эти „бисексуалы" обыкновенно чувствуютъ болѣе сильное влеченіе къ представителямъ другого пола, чѣмъ къ представи-

телямъ своего, и никогда не испытываютъ болѣе сильнаго влеченія къ представителямъ своего пола, чѣмъ къ представителямъ чужого. Ихъ еще нельзя назвать ненормальными и болѣзненными, хотя дѣйствія ихъ могутъ быть противны природѣ.

Теперь мы вступаемъ въ настоящую область извращеннаго полового чувства. Научнымъ изслѣдованіемъ относящихся сюда явленій мы обязаны, главнымъ образомъ, Маньяну, Крафтъ-Эбингу, Моллю, Дессуару, Рафаловичу, Эйленбургу, Гавелокъ-Эллису и Шренкъ-Ноцингу. Со времени изслѣдованій знаменитаго вѣнскаго ученаго Крафтъ-Эбинга, различаютъ цѣлый рядъ ступеней этого своеобразнаго полового извращенія: слабыя степени примыкаютъ непосредственно къ бисексуальности, о которой мы только что говорили. Здѣсь также [наряду съ влеченіемъ къ своему полу] существуетъ влеченіе къ чужому. Послѣднее обыкновенно развито слабѣе или даже проявляется только въ сонныхъ грезахъ. Всегда грозитъ опасность окончательнаго превращенія этого двойственнаго полового влеченія въ полное извращеніе нормальнаго. Но если даже нѣтъ влеченія къ женщинѣ, то на этихъ первыхъ ступеняхъ нѣтъ и отвращенія къ ней. Больной обыкновенно сознаетъ ненормальнсоть своего побужденія, при случаѣ старается излѣчиться отъ негои можетъ достигнуть извѣстнаго успѣха въ этомъ направленіи, если ему удастся улучшить состояніе своей нервной системы. Дальнѣйшая ступень — урнингизмъ (уранизмъ); при немъ уже рѣзко выражено отсутствіе склонности, даже отвращеніе къ половымъ сношеніямъ съ женщинами; оно соединяется съ ясно выраженной склонностью къмужчинамъ; извращеніе простирается не только на физическую, но и на психическую область, такъ что возникаютъ уродливыя представленія, переносящія на мужчинъ нормальныя половыя отношенія съ женщинами. Характеръ, привычки, подъ конецъ даже сознаніе, могутъ стать вполнѣ женскими; въ особенности у тѣхъ, которые предпочитаютъ при такого рода половыхъ сношеніяхъ роль женщины. Въ подобныхъ случаяхъ можно съ полнымъ правомъ говорить о „превращеніи въ женщину“ (Verweibung). На высшихъ ступеняхъ даже тѣлосложеніе пріобрѣтаетъ нѣкоторыя формы другого пола (женоподобіе мужчинъ, мужеподобіе женщинъ), и въ заключеніе, съ помощью цѣпи ложныхъ представленій, больной постепенно достигаетъ увѣренности, что онъ, собственно говоря, женщина, или, по крайней мѣрѣ, обладаетъ строеніемъ и жизненными привычками женщины. То же имѣетъ силу для больныхъ женщинъ съ гомосексуальными склонностями (лесбійская любовь); только названія здѣсь другія.

Названія „урнингъ“, „урнингизмъ“, которыя въ кругахъ профановъ и урниговъ прилагаются ко всякому гомосексуально „влюбленному“, ко всякимъ гомосексуальнымъ половымъ отношеніямъ, обозначаютъ собственно только высшую степень такъ называемаго прирожденнаго извращеннаго полового чувства. Насколько вообще оправдывается разграниченіе прирожденной и пріобрѣтенной гомосексуальности, мы еще будемъ говорить ниже (см. стр. 542). Пока ограничимся замѣчаніемъ, что мы отказываемся отъ этого разграниченія въ нашемъ изложеніи! Авторъ этихъ названій — ганноверскій юристъ Ульрихсъ, который въ половинѣ прошлаго столѣтія, подъ псевдонимомъ Нума Нумацій, отстаивалъ равноправіе этого продукта вырожденія и извращенія съ нормальными половыми отношеніями.

Названіе, со свойственнымъ этимъ людямъ самодовольствомъ, произведено отъ имени „Веусъ Уранія“, то есть „Небесная любовь“, и при этомъ ссылаются

обыкновенно на „Пиръ“ Платона Въ этомъ діалогѣ греческаго философа древнѣйшая Афродита, дочь Урана, рожденная безъ матери, мать Эроса Урана, называется богиней любви къ мальчикамъ (главы 8 и 9). На этомъ основаніи „Пиръ“ Платона считается въ гомосексуальной литературѣ гимномъ въ честь гомосексуальной любви. Но это грубая ошибка, въ чемъ, конечно, не убѣдишь гомосексуаловъ: въ платоновскомъ „Пирѣ“ обсуждаются различные виды любви, начиная съ грубочувственныхъ и кончая чисто духовной формой. Высшей формой признается, соотвѣтственно склонностямъ грековъ, духовная связь между двумя мужчинами или между мужчиной и юношей, освящаемая Венерой Ураніей.

Эта ненормальность, какъ показываютъ изслѣдованія Карша, встрѣчается не только у культурныхъ народовъ, но и у „первобытныхъ“ племенъ. Но у культурныхъ народовъ процентъ гомосексуаловъ выше; повидимому, древность и глубина культуры способствуютъ развитію этой ненормальности. Благодѣтельная культура въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оказывается величайшимъ врагомъ человѣка, такъ какъ является главнымъ источникомъ вырожденія. Поэтому культура должна благопріятствовать развитію болевождедѣнія и гомосексуальности, какъ она способствуетъ развитію преступности и проституціи. По даннымъ гомосексуаловъ этотъ порокъ сильнѣе распространенъ въ Германіи, Англіи и Австріи, чѣмъ во Франціи; въ Италіи же мужская проституція существуетъ только для иностранцевъ. Данныя объективныхъ историковъ говорятъ противоположное.

Изъ столь сильнаго распространенія порока можно пока вывести лишь одно заключеніе, — что условія его возникновенія существуютъ всюду. Тѣмъ не менѣе — общая участь всѣхъ статистикъ — этими данными пользуются представители враждебныхъ лагерей для обоснованія своихъ мнѣній. Но совершенно неправильно заключать, вмѣстѣ съ гомосексуалами, на основаніи факта сильнаго распространенія этого порока, что онъ представляетъ прирожденное, естественное физіологическое явленіе; нельзя согласиться и съ тѣми изслѣдователями, которые выводятъ отсюда пріобрѣтенный характеръ порока, или, наоборотъ, утверждаютъ, что гомосексуальность есть явленіе атавизма, то есть возвратъ къ баснословной эпохѣ, когда обезьяноподобные предки человѣка были будто бы еще обоеполыми, гермофродитными существами. Характерно для высокой самооцѣнки урниговъ то обстоятельство, что они отвергаютъ эту, безспорно довольно странную, гипотезу, утверждая, что гомосексуальность, наоборотъ, означаетъ прогрессъ человѣчества, его движеніе къ половому многообразію, разносторонности и совершенству.

Число урниговъ или ихъ процентное отношеніе къ населенію трудно установить, такъ какъ именно существующія наказанія за гомосексуальныя отношенія между мужчинами заставляютъ урниговъ скрывать свои занятія отъ властей; вслѣдствіе этого, подвергающіеся карѣ закона составляютъ лишь малую часть общаго числа. Съ другой стороны, благодаря характерной крайней лживости урниговъ и ихъ стремленію представлять эту ненормальность очень распространенной, стремленію, которое несомнѣнно ввело въ обманъ также очень уважаемыхъ медицинскихъ писателей, число урниговъ сильно преувеличивается. Есть же среди нихъ такіе, которые увѣряютъ, будто изъ двухъ или трехъ людей одинъ непремѣнно урнингъ!

Мнѣнія о численности гомосексуаловъ, въ виду полной ненадежности статистическихъ данныхъ, сильно расходятся. Они колеблятся между 0,01 и 10 процентами. Межъ тѣмъ какъ Ульрихсъ въ 1867 насчитывалъ еще только одного урнинга на пятьсотъ взрослыхъ людей (мужчинъ) и опредѣлялъ число ихъ для Германіи (включая Австрію) въ двадцать пять тысячъ, а для Берлина въ 500—1,000, одинъ изъ паціентовъ берлинскаго врача Молля считаетъ одного урнинга на пятьдесятъ человѣкъ. Съ этимъ согласуются результаты опроса берлинскихъ студентовъ и рабочихъ, предпринятаго извѣстнымъ агитаторомъ

въ пользу отмѣны § 175 имперскаго уголовнаго уложенія, докторомъ Альбертомъ Гиршфельдомъ. По этой, конечно не вполнѣ надежной и вызвавшей возраженія, статистикѣ въ Берлинѣ оказывается 2,2 процента гомосексуаловъ. Предполагая, что всѣ эти данныя правильны и могутъ быть обобщены, въ Германіи (безъ Австріи) имѣется милліонъ двѣсти тысячъ, въ Берлинѣ пятьдесятъ тысячъ людей съ исключительными или преобладающими гомосексуальными наклонностями, и число гомосексуаловъ за тридцать пять лѣтъ возросло относительно сильнѣе, чѣмъ общая цифра населенія. Эти данныя оправдываютъ тѣхъ, кто видитъ въ урнингизмѣ серьезную опасность въ будущемъ. Гавелокъ-Эллисъ, замѣчательный англійскій писатель по половымъ вопросамъ, опредѣляетъ число гомосексуаловъ въ образованныхъ слояхъ англійскаго населенія въ пять процентовъ, среди женщинъ вдвое выше; въ низшихъ слояхъ они встрѣчаются рѣже. Когда какой-нибудь урнингъ утверждаетъ, что онъ зналъ шестьсотъ, даже девятьсотъ „урнинговъ", то въ этомъ обыкновенно нѣтъ преувеличенія; такъ какъ нужно принимать въ разсчетъ, какъ много вообще развратниковъ, и какъ велико число неспособныхъ къ сопротивленію людей, которыхъ любопытство, настоятельныя просьбы, корыстолюбіе, воспоминанія дѣтства, послушаніе, разница возраста и класса заставляютъ уступать. Но такихъ людей еще нельзя называть „урнингами".

Какъ нѣтъ ни одной націи, такъ нѣтъ ни одного сословія, отъ рабочихъ до государственныхъ людей и теологовъ, свободнаго отъ этого порока. Въ простонародьѣ, гдѣ праздность, всякаго рода нервныя разстройства и страсть къ наслажденіямъ не такъ сильно распространены, это зло, по даннымъ писателей не гомосексуаловъ, не такъ сильно распространено, какъ въ высшихъ слояхъ населенія. Что извѣстныя группы особенно страдаютъ отъ этого порока, объясняется различными причинами: прирожденнымъ или пріобрѣтеннымъ вслѣдствіе половыхъ излишествъ извращеніемъ въ однихъ случаяхъ, въ другихъ же сами женственныя наклонности урнинга заставляютъ его выбирать болѣе женскую профессію.

Извращенное влеченіе ясно обнаруживается обыкновенно уже по завершеніи періода развитія, тогда какъ раньше замѣчается колебаніе влеченія въ обоихъ направленіяхъ. До наступленія половой зрѣлости у нормальнаго человѣка отсутствуетъ вообще всякое половое влеченіе, а при еяно рмальномъ наступленіи оно сказывается вначалѣ только какъ стремленіе къ половой дѣятельности, не обнаруживая ясно выраженнаго гомосексуальнаго или обращеннаго на другой полъ направленія. То же бываетъ и у ребенка-урнинга. Но половое развитіе начинается въ этомъ случаѣ раньше, какъ у всѣхъ индивидуумовъ съ задатками невропатіи. Могутъ ли проявляющіяся въ это время дѣвическія наклонности мальчика (предпочтеніе общества матери и дѣвочекъ мужскому обществу, пристрастіе къ кукламъ, женской одеждѣ, рукодѣльямъ и т. п.) служить доказательствомъ прирожденнаго болѣзненнаго влеченія, это еще требуетъ по меньшей мѣрѣ тщательной провѣрки и объективнаго изслѣдованія. Въ признаніяхъ урниновъ эти дѣвическія черты подчеркиваются особенно обстоятельно, какъ нѣчто очень важное. Но этимъ разсказамъ нельзя придавать большого значенія. Кто безпристрастно припомнитъ собственное дѣтство, тотъ найдетъ въ немъ много такого, что съ предвзятой точки зрѣнія можно было бы объяснить какъ проявленіе урнингизма. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда женственность „урнингическихъ" дѣтей бросается въ глаза, еще нѣтъ основанія предполагать прирожденнаго измѣ-

ненія всей личности, то есть превращенія характера мальчика въ характеръ дѣвочки; достаточно принять въ соображеніе общее невропатическое предрасположеніе такихъ натуръ, рано обнаруживающееся въ различныхъ чудачествахъ. Наконецъ, укажемъ на сознательное вначалѣ, а позднѣе становящееся безсознательнымъ стремленіе многихъ урнинговъ выдавать себя не за нѣчто болѣзненное, но за нѣчто прирожденное, за „третій полъ“, а главное за нѣчто въ высшей степени интересное, вступающее въ борьбу съ преслѣдованіемъ закона и общественнымъ презрѣніемъ. Эти обстоятельства заставляютъ ихъ посылать всякому интересующемуся этимъ предметомъ — главными жертвами естественно оказываемся мы, врачи — длиннѣйшія жизнеописанія съ мельчайшими подробностями, часто оказывающіяся попросту вольнымъ переложеніемъ исторій больныхъ изъ трудовъ Молля и Крафтъ-Эбинга.

Только въ очень немногихъ крайнихъ случаяхъ, относительно которыхъ является даже вопросъ, можно ли, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, причислить ихъ къ урнингизму, наблюдаются тѣлесныя уклоненія; обыкновенно же урнинги стараются копировать женщинъ въ манерахъ, жестахъ, повадкахъ, походкѣ, прическѣ, удаленіи бороды и усовъ, обстановкѣ, занятіяхъ, голосѣ и одеждѣ. Одежда можетъ быть только особенно нарядной и кокетливой; иногда же подъ мужской одеждой носятся корсеты, женскіе чулки и т. п., а многіе урнинги чувствуютъ себя вполнѣ хорошо только тогда, когда могутъ ходить дома въ женскомъ платьѣ. Большая часть урнинговъ, однако, не обнаруживаетъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ женственности.

Напротивъ, почти всѣ они обладаютъ душевными свойствами, которыя придаютъ имъ извѣстное сходство съ женщинами и потому у мужчины должны возбуждать презрѣніе. Таковы безграничное тщеславіе, ревность, своенравіе, хвастливость и лживость. Послѣдняя превосходитъ всякое вѣроятіе. Она порождаетъ трогательныя признанія, интересныя и пикантныя исторіи, и не только водитъ перомъ романистовъ, но даже обманываетъ научныхъ писателей. Такъ, напр., одинъ гомосексуальный врачъ пишетъ: „Строгое понятіе о чести недоступно пониманію урнинга“, а одинъ больной: „Урнингъ обладаетъ дурными свойствами обоихъ половъ и ни однимъ хорошимъ качествомъ того или другого; у него чувственность и эгоизмъ мужчины, и тщеславіе, поверхностность, страсть нравиться, хитрость, коварство, болтливость, фальшь и трусость женщины. Но онъ не обладаетъ ни характеромъ и волей мужчины, ни самоотверженіемъ женщины. Урнингъ, по своему характеру, духовный выродокъ“. Несомнѣнно, урнингическій авторъ хватаетъ черезъ край. Прежде всего, не слѣдуетъ обобщать. И среди урнинговъ есть люди съ выдающимися способностями и твердымъ характеромъ, бывали люди, являвшіеся украшеніемъ своего отечества и себѣ подобныхъ. По мнѣнію Рафаловича, прирожденные урнинги въ гораздо меньшей степени обладаютъ нравственными недостатками, ведутъ менѣе безпутную жизнь и болѣе достойны уваженія, чѣмъ большинство тѣхъ, у которыхъ противоестественныя наклонности развились въ силу воспитанія. Послѣдніе и внѣ по-

ловой сферы проявляютъ признаки вырожденія и моральной негодности. „По крайней мѣрѣ, одно можно считать установленнымъ: люди, которые развращали, портили и грязнили душу и жизнь юности, обыкновенно созданные воспитаніемъ урнинги. Они не всегда были анормальными, но они болѣе безнравственны и чаще достигаютъ цѣли, такъ какъ у нихъ больше точекъ соприкосновенія съ нормальными молодыми людьми, чѣмъ у внушающихъ послѣднимъ отвращеніе прирожденныхъ урнинговъ". Эти слова заслуженнаго французскаго автора не теряютъ своей цѣны даже въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что такъ называемое прирожденное извращенное влеченіе, въ дѣйствительности, есть пріобрѣтенное въ ранней юности; очевидно, душевныя свойства тѣхъ урнинговъ, у которыхъ извращенное направленіе влеченія обнаруживается одновременно съ развитіемъ самаго влеченія, съ одной стороны, подають меньше поводовъ къ опасенію, а съ другой представляютъ болѣе женственныя черты, чѣмъ душевныя влеченія тѣхъ, у которыхъ развращеніе и половыя излишества привели къ окончательной побѣдѣ гомосексуальной наклонности только послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго существованія не ясно выраженнаго („не дифференцированнаго") полового влеченія или даже послѣ нормальной вначалѣ половой дѣятельности.

Быть можетъ, въ связи съ женственной натурой урнинговъ находится ихъ своеобразное пристрастіе къ военнымъ и вообще къ мундирамъ. Въ Англіи есть полки, въ которыхъ болѣе половины солдатъ торгуетъ своимъ тѣломъ. Но, въ случаѣ недостатка солдатъ, потребность урнинга въ мундирѣ могутъ удовлетворить швейцаръ, почтальонъ и т. п.

Въ религіозномъ отношеніи встрѣчаются всѣ оттѣнки отъ конфессіонализма до монистическаго атеизма, и не представляетъ рѣдкости адская ненависть къ религіи и церкви, объясняемая отказомъ всѣхъ религіозныхъ обществъ разрѣшить урнингу удовлетвореніе его влеченій.

Черты урнингизма можно также замѣтить въ художественныхъ научныхъ произведеніяхъ. Мы подразумѣваемъ не излюбленный пріемъ тѣхъ урнингическихъ писателей, которые выискиваютъ „гомосексуальныя" мѣста въ произведеніяхъ и письмахъ каждаго автора, съ единственною цѣлью прикрыть мантіею величія свою собственную жалкую наготу, нѣтъ, мы имѣемъ въ виду ихъ произведенія, служащія для агитаціи и пропаганды. Отъ грошевой брошюрки разносной книжной торговли до научныхъ журналовъ эта литература обнаруживаетъ однѣ и тѣ же черты, изъ которыхъ самая выдающаяся — тщеславное самолюбованіе авторовъ. Научнымъ и истиннымъ оказывается только то, что сами урнинги утверждаютъ о своей природѣ; возраженія отвергаются, какъ неправильныя или даже какъ ученая безсмыслица. Въ полемикѣ съ противниками господствуетъ аффектированный презрительный тонъ, кокетливое, манерное научное изложеніе. Упрямо отстаивается собственное мнѣніе; и сколько бы разъ ни были опровергнуты данныя гомосексуаловъ, на нихъ снова и снова ссылаются, какъ ни въ чемъ не бывало.

Восхваленія заслугъ автора или редактора, доставленныя якобы не гомосексуальными авторами и рецензентами, занимаютъ много страницъ. Невѣроятное отсутствіе критики свойственно большинству этихъ статей; и какъ женщины въ спорахъ обыкновенно хватаются за всевозможныя побочныя мелочи, такъ и служащая для агитаціонныхъ цѣлей литература гомосексуаловъ отличается своей охотою къ спорамъ, вздорнымъ копаніямъ въ мелочахъ и упусканіемъ изъ вида главныхъ пунктовъ. Понятно, что такое партійное отношеніе къ вопросамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, не можетъ содѣйствовать цѣлямъ науки и, пожалуй, даже приноситъ серьезный вредъ. Въ популярныхъ

грошевыхъ брошюркахъ прядется та же нить, что и въ научныхъ сочиненіяхъ, только гораздо грубѣе. Такимъ образомъ, и литература гомосексуаловъ обнаруживаетъ характерныя черты женоподобія.

Не всѣ гомосексуалы одинаково относятся къ своему положенію. Нѣкоторые изъ нихъ чувствуютъ себя крайне несчастными. У женатыхъ при этомъ играетъ роль сознаніе невѣрности по отношенію къ женѣ, у болѣе порядочныхъ — стыдъ и отвращеніе къ самимъ себѣ, у другихъ — гипохондрическое и меланхолическое настроеніе и зависящее отъ него тѣлесное разстройство. Нѣкоторыя необъяснимыя самоубійства урнинговъ, вѣроятно, происходятъ на почвѣ этого душевнаго состоянія.

Но, вообще, эти люди чувствуютъ себя несчастными не потому, что обладаютъ ненормальнымъ влеченіемъ, а потому, что законъ и недостатокъ подходящихъ случаевъ затрудняютъ имъ удовлетвореніе своей страсти. Напротивъ, счастливо влюбленный урнингъ можетъ чувствовать себя въ самомъ блаженномъ настроеніи. У нѣкоторыхъ хватаетъ даже безвкусія и смѣлости расхваливать свое состояніе. Они считаютъ себя особо, не въ примѣръ прочимъ, „взысканными счастьемъ любви". Дурно отзываются гомосексуалы о врачахъ, такъ какъ большинство послѣднихъ считаютъ ихъ или не вполнѣ нормальными душевно (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова) или испорченными людьми, но отнюдь не здоровымъ естественнымъ явленіемъ, не „третьимъ поломъ". Общественное пренебреженіе въ высшихъ кругахъ и насмѣшка, съ которой относится къ этимъ субъектамъ здоровое, чуждое всему противоестественному, чувство простого человѣка, также сильно задѣваютъ тщеславіе урнинга.

„Въ любовной жизни" урнинга главную роль играетъ обыкновенно онанизмъ. Лишь немногіе урнинги не предаются этому пороку. Невозможность или затруднительность удовлетворить свое побужденіе другимъ способомъ приводятъ къ этому занятію однихъ, удерживаютъ при немъ другихъ. Но въ большинствѣ случаевъ занятіе онанизмомъ — и крайне неумѣренное — начинается задолго до обнаруженія урнингизма. Тотъ и другой соотвѣтствуютъ ранней половой зрѣлости, повышенному половому влеченію и слабой волѣ. т. е. очевиднымъ проявленіямъ болѣзненныхъ задатковъ, которые такъ часто обнаруживаются у этихъ людей.

Въ подобныхъ случаяхъ онанизмъ сопровождается пагубными послѣдствіями, такъ какъ, съ одной стороны, усиливаетъ нервность, а съ другой, извращаетъ направленіе половыхъ стремленій. Если ненормальное влеченіе достаточно сильно, чтобы перевѣсить уваженіе къ закону и морали, то дѣло доходитъ до половыхъ сношеній мужчины съ мужчиною. Соображенія разнаго рода удерживаютъ насъ отъ подробнаго изложенія этихъ отвратительныхъ дѣйствій. Читатель найдетъ обстоятельное изложеніе этой стороны предмета въ замѣчательной работѣ Молля. Мы, съ своей стороны, ограничимся слѣдующимъ: урнинги, въ большинствѣ случаевъ, не любители мальчиковъ, какъ думаютъ въ публикѣ; они обыкновенно вовсе не пользуются для половыхъ сношеній, вмѣсто женскаго влагалища, заднимъ проходомъ и прямой кишкой мальчиковъ; этимъ занимаются преимущественно нормальные развратники, ищущіе разнообразія и щекотанія чувственности. Напротивъ, многіе урнинги играютъ при этомъ страдательную роль. Обыкновенно отношенія между урнингами сводятся къ взаимному половому раздраженію; нерѣдко надъ тѣломъ другого производятся дѣйствія, подобныя совокупленію; у совершенныхъ выродковъ или очень низко стоящихъ морально важную роль играетъ лизаніе половыхъ органовъ другого съ проглатываніемъ или безъ проглатыванія сѣмени, при чемъ въ большинствѣ случаевъ активное положеніе предпочитается пассивному. Краткій перечень этихъ поступковъ уже приводитъ къ заключенію, что у урнинговъ мы имѣемъ дѣло либо съ извращенными дѣйствіями,

превратившимися вслѣдствіе продолжительной практики въ извращенныя привычки, либо (у такъ называемыхъ прирожденныхъ) не съ прирожденнымъ побужденіемъ къ этимъ извращеннымъ дѣйствіямъ, а только съ болѣзненнымъ предрасположеніемъ нервной системы; она воспринимаетъ въ качествѣ нормальныхъ и естественныхъ такія раздраженія, которыя заставляютъ здороваго человѣка содрагаться отъ отвращенія. Урнинги, какъ мы уже замѣтили, не питаютъ преимущественнаго влеченія къ дѣтямъ; нѣкоторые изъ нихъ даже предпочитаютъ пожилыхъ людей (такъ называемая геронтофилія Крафтъ-Эбинга). Именно то обстоятельство, что урнинги далеко не въ такой мѣрѣ, какъ нормальные развратники, гоняются за несовершеннолѣтними мальчиками, сохранившими еще много дѣвическихъ чертъ, показываетъ, что они не просто развратники, но прежде всего ненормальные.

Отношеніе урнинговъ къ женщинамъ бываетъ чрезвычайно различнымъ. Есть такіе, которымъ самая мысль о половыхъ или хотя бы просто любовныхъ отношеніяхъ къ женщинѣ внушаетъ отвращеніе и даже общество женщинъ противно; но есть и такіе, которые, не испытывая къ женщинамъ полового влеченія, любятъ, однако, ихъ общество, такъ какъ пользуются его симпатіями (?) за свои женственныя повадки. Половое безсиліе по отношенію къ другому полу часто обнаруживается совершенно неожиданно у такихъ, которымъ не ясна собственная природа. Другіе вступаютъ въ сношенія съ женщинами, но такъ же охотно или еще охотнѣе съ мужчинами; нерѣдко влеченіе къ половымъ сношеніямъ съ послѣдними проявляется только по временамъ, а въ промежуткахъ господствуетъ нормальное влеченіе. Иногда половой актъ съ женщиной оказывается возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, если урнингъ представляетъ себѣ, что онъ имѣетъ дѣло съ мужчиной. Такіе люди могутъ даже жениться; но, разумѣется, очень многіе изъ нихъ не хранятъ супружеской вѣрности, а предаются въ то же время гомосексуальной любви. Вѣроятно значительная часть случаевъ мужского безсилія, супружеской холодности, а также и женскаго равнодушія къ половымъ отношеніямъ объясняется гомосексуальными, конечно, скрытыми, наклонностями. При всемъ томъ, благодаря общности интересовъ и моральнымъ соображеніямъ, отношенія между супругами могутъ оставаться хорошими. Конечно, когда женщина узнаетъ въ чемъ дѣло, она обыкновенно требуетъ развода, такъ какъ не хочетъ имѣть дѣла съ двуполымъ существомъ, которое внушаетъ ей презрѣніе. Отсюда слѣдуетъ, что совершенно недопустимо, ради исцѣленія урнинга, женить его на молодой вожделѣющей женщинѣ. Это большой грѣхъ въ отношеніи какъ больного мужчины, такъ и здоровой женщины.

Невропатическая натура урнинга приводитъ къ тому, что (гомосексуальныя) любовныя отношенія часто принимаютъ мечтательный и фантастическій характеръ. Въ этомъ отношеніи урнингъ не отличается отъ нормальнаго мечтателя; предметъ его склонности превращаетъ мечту въ карикатуру. Вслѣдствіе этого онъ часто попадаетъ въ половое подчиненіе, что даетъ возможность разнымъ негодяямъ изъ среды настоящихъ и ненастоящихъ урнинговъ всячески изводить и эксплоатировать его. Но часто вся эта мечтательность только маска, подъ которой скрывается обыкновенное противоестественное вожделѣніе. Сюда относится также якобы платоническая, то есть не связанная съ половымъ вожделѣніемъ, склонность къ другому мужчинѣ; на самомъ дѣлѣ, настоящій урнингъ, въ силу своего извращенія, не способенъ къ ней; въ лучшемъ случаѣ между „дружками“ дѣло доходитъ только до возбужденія, а не до настоящихъ половыхъ дѣйствій. Только между болѣе порядочными изъ нихъ и тѣми, которые собственно вовсе не гомосексуалы, а только цѣнятъ мужскую дружбу и холодно относятся къ женскому полу, могутъ въ единичныхъ случаяхъ завязываться настоящія дружескія отношенія. Также двусмысленна пресловутая вѣрность возлюбленному, которая скрѣпляется даже иногда комедіей заключенія брака. Половая вѣрность и моногамія предполагаютъ такую высоту этики, силы воли и культурнаго воспитанія, которой нельзя ждать отъ выродившагося урнинга.

Послѣ всего вышесказаннаго насъ не удивитъ, что и другія, часто идущія рука объ руку съ вырожденіемъ ненормальности полового побужденія, какъ, напр., фетишизмъ, болевожделѣніе, чрезмѣрная половая возбудимость и др. часто оказываются налицо у урнинговъ.

Неэротическія взаимныя отношенія урниговъ, поскольку они вообще существуютъ, тоже представляютъ карикатуру нор-

мальныхъ общественныхъ отношеній между мужчинами и женщинами, включительно до баловъ и вечеринокъ.

Гомосексуальное половое влеченіе женщины — явленіе, несравненно болѣе рѣдкое. Дѣло въ томъ, что женщина вообще нравственнѣе мужчины, она желаетъ его, чтобы получить отъ его объятій ребенка, а не ради самихъ объятій, она познаетъ чувство сладострастія обыкновенно лишь сдѣлавшись любовницей или женой и гораздо менѣе подвержена раннему онанизму — главному корню гомосексуальной наклонности. Все, собственное чувство и воспитаніе, даже игрушки (куклы) съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ дней, направляетъ дѣвочку къ ея задачѣ быть матерью; поэтому развивающееся половое влеченіе никогда не можетъ оставаться неяснымъ въ такой степени и такъ долго, какъ у мальчика. Вслѣдствіе этого опасность подпасть подъ вліяніе впечатлѣній, дѣйствующихъ въ гомосексуальномъ направленіи, гораздо меньше. Надо замѣтить, правда, что вообще стыдливость женщины не позволяетъ ей съ такой охотой, какъ дѣлаетъ это урнингъ, распространяться о половыхъ грѣшкахъ, и что извращенная женщина, если она остается способной къ совокупленію, кажется менѣе порочной, чѣмъ извращенный мужчина. Экзальтированная дружба между дѣвушками также можетъ иногда имѣть эротическую окраску. Благоразумныя матери хорошо сдѣлаютъ, если будутъ сдерживать мечтательныя отношенія. Гомосексуальныя отношенія особенно часто имѣютъ мѣсто въ горахъ, въ мѣстахъ заключенія, въ домахъ терпимости, въ пансіонахъ, больницахъ, между женами неспособныхъ къ половому акту мужчинъ и, вообще, между женщинами и дѣвушками, которыя, обладая половымъ побужденіемъ, не имѣютъ случая удовлетворять его естественнымъ способомъ. Слѣдовательно, „лесбійская любовь“ такихъ женщихъ и дѣвушекъ въ большинствѣ случаевъ скорѣй извращенность (Perversität), чѣмъ извращеніе (Perversion), извращенное дѣйствіе, а не извращенное влеченіе; его цѣль — только достигнуть полового наслажденія, недостижимаго другимъ способомъ; это своего рода онанизмъ на тѣлѣ или, по крайней мѣрѣ, съ помощью другой женщины. Тѣсная дружба въ годы развитія, естественно, способствуетъ такимъ взаимнымъ глупостямъ совершенно такъ же, какъ у мальчиковъ. Такъ какъ сношеніе съ мужчиною представляетъ извѣстную опасность и черты характера нѣкоторыхъ мужчинъ могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ внушать женщинѣ презрѣніе къ мужчинѣ вообщѣ, то гомосексуальныя повадки, при наличности холоднаго отношенія къ мужчинѣ, еще не указываютъ на существованіе гомосексуальнаго влеченія съ такою опредѣленностью, какъ у мужчинъ.

Во всякомъ случаѣ, при наличности извѣстнаго предрасположенія, у женщинъ также можетъ обнаружиться извращенное половое чувство. Въ такомъ случаѣ онѣ представляютъ полное сходство, только въ обратномъ направленіи, съ извращеннымъ мужчиною. То же пристрастіе къ одеждѣ и занятіямъ другого пола, то же стремленіе уподобиться другому полу въ отношеніи характера, общественнаго поведенія, въ половомъ отношеніи и даже тѣлесномъ, — только, разумѣется, здѣсь копируется мужчина, какъ тамъ женщина. Въ случаѣ замужества подобныя женщины, въ качествѣ „холодныхъ натуръ“, послѣ рожденія перваго ре-

бенка, стараются избавиться отъ брачныхъ обязанностей. Эти „лесбіянки“ гораздо опаснѣе мужскихъ урнинговъ, онѣ еще губительнѣе дѣйствуютъ на нравственность и разрушаютъ счастье любви и брака свое и другихъ женщинъ. Подобныя женщины не разъ уже обманывали другихъ дѣвушекъ насчетъ своей истинной природы, вступали съ ними въ бракъ и даже осуществляли совокупленіе при помощи особаго инструмента.

Въ прежнее время съ ними расправлялись безъ долгихъ церемоній. По словамъ Бюсбекена, одну такую „трибаду“ утопили въ Константинополѣ, въ 1544 г., другую сожгли въ Бреславлѣ, третью повѣсили въ Гальберштатѣ.

Не слѣдуетъ смѣшивать съ извращенными въ половомъ отношеніи людьми *мужеподобныхъ женщинъ* и *женоподобныхъ мужчинъ*. Бываютъ мужчины, которые думаютъ и чувствуютъ совершенно по-женски, даже одѣваются на женскій ладъ, равно какъ и женщины съ мужскими повадками и мужскимъ направленіемъ мысли и чувства; даже и тѣлосложеніе можетъ иногда отчасти напомнить другой полъ (отложеніе жира, голосъ, волосы, формы таза, сѣдалищной кости и кадыка). Но эти личности обладаютъ половымъ влеченіемъ къ другому полу. Ихъ нужно отличать отъ урнингическихъ натуръ.

У настоящихъ гермофродитовъ, обладающихъ половыми органами обоихъ половъ, хотя бы эта двойственность не была вполнѣ ясно выражена, часто бываютъ смѣшенія или кажущіяся извращенія полового влеченія. Это понятно безъ дальнѣйшихъ поясненій. Образованіе внѣшнихъ половыхъ частей не остается безъ вліянія на образованіе полового чувства и наоборотъ. Развитіе всѣхъ органовъ совершается въ тѣсной связи съ соотвѣтственнымъ развитіемъ опредѣленныхъ частей головного мозга, которыя возбуждаются этими органами или передаютъ имъ возбужденія. Половые органы и половое чувство не составляютъ исключенія изъ этого закона. У животныхъ половое влеченіе опредѣляется исключительно этимъ закономъ. Напротивъ, у человѣка разумъ играетъ воздерживающую и регулирующую роль; „инстинктъ“ атрофированъ; только въ ненормальныхъ случаяхъ мы еще можемъ обнаружить его присутствіе. Тяжелымъ разстройствамъ, связаннымъ съ гермофродитизмомъ (ср. томъ I, 1-я часть, и стр. 338 этого тома), соединяющимся обыкновенно съ неполнымъ развитіемъ половыхъ частей, должны также соотвѣтствовать разстройства частей головного мозга, завѣдующихъ половымъ чувствомъ. Въ такихъ случаяхъ остатки инстинкта достаточно сильны, чтобы проявиться активно. Существующія женскія половыя железы или ихъ остатки порождаютъ влеченіе къ мужчинамъ у мужского гермофродита; то же самое въ противоположномъ направленіи происходитъ у женскаго. Но тогда какъ у гермофродита извращеніе половъ только кажущееся, такъ какъ ложно функціонирующимъ частямъ головного мозга соотвѣтствуютъ ложно функціонирующія половыя части, у урнинга, обыкновенно, не наблюдается никакой ненормальности въ образованіи половыхъ частей, а только извращенная дѣятельность головного мозга.

Такъ обстоитъ дѣло у тѣхъ гермофродитовъ, у которыхъ направленіе полового влеченія, повидимому, противорѣчитъ образованію внѣшнихъ половыхъ частей. Тѣ же гермофродиты,

у которыхъ направленіе полового побужденія, соотвѣтствуетъ внѣшнимъ половымъ частямъ, или, по крайней мѣрѣ, предполагаемому внѣшне различимому половому характеру, а не половымъ железамъ противоположнаго пола, не отличаются въ отношеніи проявленія „гомосексуальности“ отъ остальныхъ гомосексуаловъ.

Въ литературѣ гомосексуаловъ эта разница, обыкновенно, игнорируется. Отсюда попытки, уже не разъ опровергавшіяся историками, выдавать за „психическаго гермофродита“ или „психическаго гомосексуала“ всякаго выдающагося человѣка, обнаруживающаго признаки женственности (феминизма), отсюда же и поистинѣ ребяческое стремленіе выводить изъ разстройствъ всего тѣла и полового чувства гермофродитовъ заключенія о двойственной половой природѣ урнинговъ. Здѣсь можно упомянуть также о пресловутыхъ фотографіяхъ женщинъ, замаскированныхъ мужчинами, и мужчинъ, замаскированныхъ женщинами, объ усвоеніи „женскаго“ почерка мужчинами и „мужского“ женщинами, о называніи всякаго болѣе или менѣе значительнаго отложенія жира надъ грудными мышцами гинекомастіей и т. п. пустякахъ, которыми такъ богата урнингическая литература.

Если мы поставимъ себѣ вопросъ, какъ можетъ возникать такая, возбуждающая отвращеніе во всякомъ нормальномъ человѣкѣ, каррикатура полового чувства, то намъ слѣдуетъ приступать къ его рѣшенію безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній и остерегаться стремленія объяснять все какой-нибудь одной формулой. Урнинги хотя и не считаютъ своего состоянія обыкновеннымъ, но отрицаютъ и его болѣзненность; они видятъ въ немъ нѣчто столь же естественное и желательное, какъ и нормальныя отношенія мужчинъ съ женщинами. Это, разумѣется, совершенно неправильно. Относительно задачи полового влеченія — сохраненія вида — не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Тотъ, кто хочетъ навязать ему еще и другія задачи, выступаетъ съ несостоятельными утвержденіями и смѣшиваетъ съ задачей полового влеченія его побочныя дѣйствія, правда, очень важныя. Поэтому всякаго рода половая дѣятельность, при которой никоимъ образомъ не можетъ быть осуществлена естественная цѣль полового влеченія — противоестественна.

Если писатели-гомосексуалы возражаютъ на эти ясныя требованія разсудка ссылкой на то, что природа щедро расточаетъ матеріалы для воспроизведенія, но лишь ничтожная часть ихъ идетъ въ дѣло, то это ложное заключеніе легко опровергнуть. Вѣдь этотъ избытокъ воспроизводительныхъ матеріаловъ создается лишь для того, чтобы несмотря на всевозможныя препятствія и опасности, грозящія оплодотворенію, все-таки осуществить его. Гомосексуальныя отношенія, во всякомъ случаѣ, идутъ въ разрѣзъ съ этимъ планомъ природы.

Если индивидуумъ испытываетъ сильный позывъ къ противоестественнымъ поступкамъ, то это индивидуумъ ненормальный или больной.

Точно также неправильно ограничиваться, какъ это дѣлаютъ профаны, разговорами о порокѣ и довольствоваться моральнымъ негодованіемъ и запрещеніями со стороны закона. Только малая часть этихъ людей развратники, совершенно здоровые и прибѣгающіе къ гомосексуальнымъ отношеніямъ только за отсутствіемъ возможности нормальнаго полового удовлетворенія или ради утонченности и разнообразія; большинство—люди съ болѣзненнымъ влеченіемъ, все равно, прирождено ли оно или прі-

обрѣтено по собственной винѣ. Вопросъ о винѣ отдѣльнаго лица въ существованіи у него ненормальной склонности можетъ быть поставленъ только при обсужденіи предупредительныхъ мѣръ и видовъ на излѣченіе. Отдѣльное гомосексуальное дѣйствіе и при существованіи болѣзненнаго влеченія остается, разумѣется, безнравственнымъ; исключеніе составляютъ лишь тѣ случаи, въ которыхъ серьезная душевная болѣзнь исключаетъ свободное опредѣленіе воли, и больной дѣйствуетъ подъ вліяніемъ неодолимаго позыва; остальные урнинги дѣйствуютъ подъ вліяніемъ болѣзненнаго, однако все же преодолимаго влеченія. Обсужденіе каждаго отдѣльнаго случая можетъ быть дѣломъ судьи, въ нашемъ же изложеніи ему нѣтъ мѣста.

Мы, стало быть, различаемъ, какъ уже пояснено выше, слѣдующее: во-первыхъ, единичное ненормальное дѣйствіе человѣка, вообще склоннаго къ другому полу, слѣдовательно извращенность, а не извращеніе; во-вторыхъ, болѣзненное направленіе влеченія, которое обыкновенно приводитъ къ извращеннымъ дѣйствіямъ, но не обязательно сопровождается таковыми, — извращеніе. На границѣ между ними стоятъ тѣ, неправильно называемыя „бисексуальными", натуры, которыя, обладая нормальнымъ половымъ влеченіемъ, воспріимчивы также и къ прелестямъ собственнаго пола.

Ненормальное направленіе влеченія можетъ быть прирожденнымъ или пріобрѣтеннымъ; это же значитъ, что оно существовало съ самаго начала, или, съ другой стороны, что первоначально нормальное чувство исчезло. Поэтому характеръ пріобрѣтеннаго всего яснѣе познается въ тѣхъ случаяхъ, когда въ теченіе душевной болѣзни первоначально нормальная половая жизнь превращается въ гомосексуальную, какъ это бываетъ, напримѣръ, при прогрессирующемъ слабоуміи старческаго возраста, при измѣненіи головного мозга стариковъ. Интересенъ также тотъ фактъ, что у эпилептиковъ, болѣзнь которыхъ часто выражается только особеннымъ состояніемъ, не доходящимъ до припадка, можетъ проявляться въ теченіе этого состоянія наклонность къ гомосексуальнымъ дѣйствіямъ, не обнаруживающаяся въ здоровые промежутки. Эти явленія у душевно-больныхъ и эпилептиковъ наводятъ на мысль, что и у душевно здоровыхъ съ виду гомосексуаловъ имѣются подобныя же разстройства. Пріобрѣтенное болѣзненное влеченіе, по нашему мнѣнію, встрѣчается несомнѣнно чаще, чѣмъ такъ называемое прирожденное.

Возникновеніе пріобрѣтенной ненормальности, т. е. ненормальности, возникшей непосредственно изъ стадіи, когда половое чувство не было еще дифференцировано безъ первоначально нормальнаго полового чувства, происходитъ обыкновенно по совершенно опредѣленной схемѣ. Всегда можно установить болѣзненную дѣятельность головнаго мозга, онанизмъ и случайную причину. Если подвергнуть критическому разбору описаніе такъ называемыхъ прирожденныхъ случаевъ, то и въ нихъ мы такъ часто найдемъ три указанныя явленія, что группу пріобрѣтенныхъ ненормальностей придется значительно расширить на счетъ прирожденныхъ.

Онанизмъ (ср. также томъ I, 1-я часть, стр. 62 и 170; 2-я часть, стр. 483) чрезвычайно распространенный порокъ. Изъ нашей

городской молодежи, быть можетъ, девяносто процентовъ предаются ему. Но и во многихъ сельскихъ областяхъ онъ распространенъ гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Изъ сопоставленія широкаго распространенія этого порока и незначительнаго числа урнинговъ вытекаетъ, что онанизмъ лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ приноситъ вредъ. Все зависитъ отъ того, какой индивидуумъ, въ какомъ возрастѣ, въ какой мѣрѣ и какимъ способомъ предается этому тайному пороку. Чѣмъ позднѣе онъ начинаетъ, чѣмъ рѣже предается ему и чѣмъ менѣе отдѣльный актъ сопровождается украшающими представленіями фантазіи, тѣмъ менѣе этотъ порокъ отличается по своему значенію отъ умѣренныхъ половыхъ сношеній между мужчиною и женщиною. Нервная система не страдаетъ или страдаетъ лишь незначительно; направленіе мыслей, этическія, идеальныя чувства, характеръ, мораль, фантазія и половое влеченіе грѣшника остаются не затронутыми. Другой полъ сохраняетъ свою прелесть для его чувственности и болѣе высокихъ влеченій. Иначе обстоитъ дѣло, если субъектъ предается онанизму слишкомъ часто или сопровождаетъ его усиленной дѣятельностью фантазіи, или если его нервная система обладаетъ не нормально слабой способностью сопротивленія вреднымъ вліяніямъ. Такіе субъекты могутъ превращаться въ совершенно испорченныхъ людей.

Вначалѣ другой полъ оказываетъ еще сильное дѣйствіе на чувственность онаниста; но главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что представляетъ надѣленное особенными преимуществами средство возбужденія сладострастныхъ ощущеній. Но затѣмъ его духовная продуктивность и моральная воспріимчивость сильно убываютъ; половое стремленіе все болѣе и болѣе отрѣшается отъ душевныхъ движеній, оно становится болѣе животнымъ, болѣе грубымъ, и выступаетъ наконецъ въ сознаніи грѣшника только какъ таковое, внѣ всякой связи съ другими болѣе высокими чувствами. Почти всѣми замѣчено, что нормальный мужчина послѣ сношеній не только съ проституткой, но и съ любимой женой, испытываетъ извѣстную холодность, а у болѣе чувствительныхъ натуръ можетъ даже явиться легкое чувство отвращенія. Съ окончаніемъ полового акта для мужчины дѣло кончено, влеченіе удовлетворено; тогда какъ для женщины главное дѣло только начинается съ наступленіемъ беременности. Это чувство охлажденія обыкновенно быстро исчезаетъ. То же бываетъ у онанистовъ съ ихъ фантастическими представленіями о женщинѣ. У развратника, который не питаетъ къ женщинѣ, лежащей въ его объятіяхъ, никакого другого интереса кромѣ физическаго, и у онаниста высшей степени эта холодность сохраняется дольше и дѣйствуетъ энергичнѣе, такъ что, въ концѣ концовъ, уже не исчезаетъ въ промежуткахъ между двумя актами. Чѣмъ болѣе влеченіе къ женщинѣ исчезаетъ изъ фантазіи онаниста, тѣмъ большее значеніе долженъ пріобрѣтать онанизмъ, какъ таковой, и все, что усиливаетъ доставляемое имъ наслажденіе; на практикѣ утонченность наслажденія и разнообразія усиливается всѣми возможными средствами. Наконецъ, наступаетъ такой моментъ, когда холодность къ женщинѣ превращается въ прямое отвращеніе къ ней. Всѣ женскія прелести дѣйствуютъ отталкивающе; половой актъ совершается безъ всякаго удовольствія или съ отвращеніемъ; тогда какъ онанизмъ доставляетъ чрезвычайное удовлетвореніе. Обстоятельства, содѣйствующія отреченію отъ женщинъ, у тайныхъ онанистовъ: страхъ заразиться венерической болѣзнью, опасеніе беременности, отвращеніе къ физическимъ и душевнымъ порокамъ другой стороны и половое безсиліе. Иногда на этой почвѣ случаются настоящія катастрофы: данный субъектъ изъ любопытства или по чьему-нибудь совѣту пытается вступить въ сношенія съ женщиной. Но такъ какъ привлекаетъ его не женщина, а только сладострастное ощущеніе при истеченіи сѣмени, то обнаруживается позорное безсиліе. Такое приключеніе окончательно уничтожаетъ остатки его половыхъ способностей; стыдъ, боязнь дальнѣйшихъ неудачъ и стремленіе къ половому наслажденію удерживаютъ его отъ дальнѣйшихъ сношеній съ женщиной; а чувственность, чрезвычайно повышенная онаниз-

момъ, не позволяетъ ему остаться при воздержанiи и даже побуждаетъ его искать новыхъ путей для наилучшаго удовлетворенiя своего влеченiя. Это случается обыкновенно при участiи другого лица, преданнаго тому же пороку. Затѣмъ уже нѣтъ удержа: стремленiе повысить чувственное раздраженiе приводить къ повторенiямъ, къ усиленному разнообразiю при взаимномъ онанизированiи, и, наконецъ, даже къ педерастiи, то есть взаимному удовлетворенiю въ заднiй проходъ другого. (У женщинъ отношенiя совершенно тѣ же; такимъ же путемъ онѣ доходятъ подъ конецъ до взаимнаго щекотанiя и лизанiя половыхъ частей: лесбiйской любви.)

Дѣйствiя эти извращенныя; но душевно здоровый, нормальный, не отягченный наслѣдственнымъ порокомъ индивидуумъ, совершающiй эти дѣйствiя, еще не можетъ считаться извращеннымъ. Активные и пассивные участники остаются при этомъ тѣмъ, что они есть: мужчиной или женщиной; активные участники чувствуютъ себя соотвѣтственно своему полу мужчиной или женщиной. Они практикуютъ собственно только взаимное самоудовлетворенiе, и склонность къ участнику, поскольку таковая вообще существуетъ, есть только дружеская склонность, а не любовное увлеченiе. Слѣдовательно, такiе индивидуумы стоятъ еще очень близко къ нормальнымъ людямъ, которые прибѣгаютъ къ взаимнымъ услугамъ вслѣдствiе недостатка другого пола (воспитанники пансiоновъ, солдаты, матросы, арестанты и т. д). Но они представляютъ уже дальнѣйшую ступень развитiя, поскольку ихъ влеченiе къ женщинѣ потерпѣло ущербъ, не говоря уже объ упадкѣ ихъ половой способности.

У наслѣдственнаго невропата этотъ процессъ заходитъ дальше. Мало-по-малу у него развивается половая возбудимость при соприкосновенiи съ лицами своего пола. Половое возбужденiе, отрѣшившееся отъ представленiя о другомъ полѣ, снова соединяется съ сладострастными представленiями, но теперь уже гомосексуальнаго содержанiя, и впечатлѣнiя отъ лицъ того же пола, воспринимаемыя органами чувствъ, начинаютъ дѣйствовать такъ же, какъ впечатлѣнiя противоположнаго пола у нормальныхъ лицъ. Затѣмъ извращенiе, какъ уже пояснено выше, можетъ въ силу дальнѣйшаго развитiя достигать различныхъ степеней и доходить, въ концѣ концовъ, даже до бредовыхъ представленiй. — Такимъ образомъ, невропатическое предрасположенiе приводитъ обыкновенно къ такому состоянiю частей головного мозга, завѣдывающихъ половымъ чувствомъ, которое допускаетъ укорененiе гомосексуальнаго влеченiя. Вообще говоря, оно почти всегда бываетъ прирожденнымъ, т. е. должно считаться настоящимъ вырожденiемъ.

Поэтому вовсе не случайность то обстоятельство, что мы встрѣчаемъ гомосексуальныя отношенiя главнымъ образомъ у такихъ лицъ, которыя представляютъ изъ себя ясно выраженные типы вырожденiя, таковы бродяги и проститутки. То же наблюдается среди обитателей исправительныхъ домовъ. Въ большихъ городахъ развилась мужская проституцiя, эксплоатирующая болѣзненное влеченiе урнинговъ; она состоитъ почти исключительно изъ преступниковъ; ихъ способы дѣйствiя: шантажъ, угрозы, воровство, даже убiйства (конечно, въ составъ ихъ отчасти входятъ тоже болѣзненные субъекты). О бродягахъ Сѣв. Америки сообщаютъ, что каждый десятый изъ нихъ занимается непотребными дѣйствiями съ мужчинами или дѣтьми. Проститутки же, которыя представляютъ изъ себя не что иное какъ бродягъ и преступниковъ женскаго пола, предаются большею частью лесбiйскимъ мерзостямъ.

Чѣмъ ближе ненормальный субъектъ стоитъ къ такъ называе-

мымъ прирожденнымъ гомосексуаламъ, тѣмъ многочисленнѣе доказательства того, что его половая ненормальность представляетъ только частичное явленіе общаго невропатическаго состоянія. Крафтъ-Эбингъ указываетъ слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, половая жизнь такихъ индивидуумовъ развивается въ большинствѣ случаевъ ненормально рано и ненормально сильно. Не рѣдки и другія половыя ненормальности. Во-вторыхъ: душевная жизнь такихъ людей имѣетъ особенно мечтательный характеръ; ихъ половое влеченіе выступаетъ ненормально сильно въ ихъ сознаніи. Въ-третьихъ: кромѣ признаковъ вырожденія, выражающихся въ извращеніи полового чувства, часто оказываются на-лицо и тѣлесные признаки вырожденія. Въ-четвертыхъ: почти всегда наблюдаются и другія нервныя болѣзни, въ особенности слабонервность и болѣзненныя проявленія нервной дѣятельности. Слабонервность порождается или поддерживается онанизмомъ. Само собою разумѣется, у такихъ людей часто обнаруживается явленіе рѣзко выраженнаго нервнаго разстройства половой дѣятельности. Въ-пятыхъ: очень обыкновенны душевныя особенности (чудачество, слабоуміе, моральное заблужденіе); не рѣдки ясно выраженныя разстройства головного мозга, характеризующіяся періодическимъ помѣшательствомъ. Въ-шестыхъ: у предковъ подобныхъ лицъ, очень часто (въ двадцати — въ двадцати-пяти процентахъ случаевъ) можно доказать существованіе нервныхъ разстройствъ, душевныхъ болѣзней и другихъ признаковъ вырожденія. — По Рёмеру, уранизмъ въ тридцати-пяти процентахъ случаевъ является наслѣдственнымъ. Возможность рожденія урнинга въ предрасположенныхъ къ тому семействахъ тѣмъ больше, чѣмъ ближе моментъ зачатія ребенка къ моменту прекращенія половой способности родителей. По Гиршфельду, гомосексуальность рѣдко встрѣчается въ восходящей линіи родства лицъ, обладающихъ противоестественнымъ половымъ чувствомъ, но очень часто у ихъ братьевъ и сестеръ, родныхъ и двоюродныхъ. На сотню урнинговъ насчитывается приблизительно восемь такихъ, у которыхъ братъ или сестра также обладаютъ противоестественными наклонностями. Распредѣленіе урнингизма по отдѣльнымъ эпохамъ, народамъ и сословіямъ также даетъ возможность заключить о существованіи невропатическаго расположенія къ этому пороку. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что число гомосексуаловъ возрастаетъ въ эпохи наиболѣе интенсивной духовной дѣятельности, богатства и утонченныхъ наслажденій жизнью, у вырождающихся націй, въ большихъ городахъ у сословій, представители которыхъ отличаются особенной невропатичностью. Однакоже, въ очень значительномъ числѣ случаевъ, невропатическое предрасположеніе не можетъ быть установлено. Но мы имѣемъ основаніе заключить о цѣломъ по части и высказаться, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что у этого остатка также должны существовать какіе-нибудь недостатки въ устройствѣ головного мозга или въ мозговой дѣятельности. Обыкновенно, впрочемъ, эти уродливыя явленія не проявляются одни; при болѣе внимательномъ наблюденіи у нормальныхъ съ виду гомосексуаловъ очень часто можно обнаружить и другія ненормальныя черты, совершенно такъ же, какъ у людей съ болѣзненнымъ побужденіемъ къ воровству или поджогу и у субъектовъ, одержимыхъ moral insanity.

Во всякомъ случаѣ, эти уродливыя явленія бываютъ часто настолько незначительны, что ускользаютъ отъ вниманія профановъ и не мѣшаютъ больному въ исполненіи его жизненныхъ задачъ. Дѣйствительно, очень многіе урнинги оказывали выдающіяся услуги своему отечеству и являлись украшеніемъ своихъ націй въ области науки, искусства и политическаго творчества. Конечно, этимъ блестящимъ дарованіямъ (напримѣръ въ изящныхъ искусствахъ, музыкѣ, поэзіи и т. д.) не всегда соотвѣтствовали ихъ остальныя душевныя свойства, отмѣченныя дурнымъ направленіемъ и прирожденнымъ чудачествомъ.

Случайная причина въ большинствѣ случаевъ довершаетъ то, что еще не сдѣлано болѣзненнымъ предрасположеніемъ и онанизмомъ. Правда, въ признаніяхъ больныхъ мы рѣдко находимъ указаніе на случайную причину, но при болѣе точномъ изслѣдованіи ее всегда почти можно открыть. Надо также имѣть въ виду, что она часто умышленно или неумышленно замалчивается гомосексуалами, такъ какъ всѣмъ имъ свойственно стремленіе выставлять себя людьми иной природы, будто бы обнаружившейся у нихъ съ самаго начала. Уже онанизмъ можно, въ извѣстномъ смыслѣ, разсматривать какъ случайную причину; затѣмъ большую роль играетъ совращеніе къ взаимному непотребству, какъ это часто бываетъ въ институтахъ и пансіонахъ. До наступленія половой зрѣлости мальчики и дѣвочки находятся въ состояніи полового безразличія (половое влеченіе направляется болѣе на самый актъ, чѣмъ на какое-нибудь лицо): это состояніе развивается при содѣйствіи вліяній воспитанія и окружающей среды, но главнымъ образомъ, — въ силу естественнаго закона, въ томъ смыслѣ, что душевныя и духовныя свойства формируются соотвѣтственно внѣшнимъ половымъ признакамъ, образуя, въ концѣ концовъ, ясно выраженный, законченный и прочный мужской или женскій типъ. Но если въ теченіе развитія дѣйствуютъ такія возмущающія вліянія, какъ гомосексуальныя отношенія въ институтахъ и т. д., то у индивидуума съ ненормальными задатками, который могъ бы однако развиться въ нормальнаго человѣка, развитіе уклоняется въ сторону болѣзненнаго направленія. Другія случайныя причины — случайное зрѣлище гомосексуальныхъ дѣйствій, тяжелыя разочарованія и отталкивающія половыя впечатлѣнія при сношеніяхъ съ другимъ поломъ, но главнымъ образомъ, знакомство съ урнингами, вліяніе беллетристики, такъ называемыхъ „научныхъ“ брошюръ по половому вопросу и урнингическихъ произведеній.

Именно развращеніе молодежи словомъ, желаніемъ и дѣломъ превращаетъ урнингизмъ въ опаснаго паразита на соціальномъ и народномъ тѣлѣ. Урнинги и ихъ научные защитники утверждаютъ, правда, что развращеніе дѣтей практикуется исключительно нормальными развратниками, жаждущими утонченности и разнообразія половыхъ наслажденій. Но и урнинги не такъ ужъ невинны — такъ какъ нѣтъ никакого основанія, въ силу котораго гомосексуальные развратники должны бы были дѣйствовать иначе, чѣмъ развратники нормальные. Въ всякомъ случаѣ, надо признать, что развращеніе малолѣтнихъ не составляетъ ихъ печальнаго преимущества, и что оно свойственно, главнымъ образомъ, всякому разврату и старческому слабоумію. Но разъ дѣло идетъ о молодежи, надо имѣть въ виду и юношей въ возрастѣ около двадцати лѣтъ. За ними урнинги ухаживаютъ особенно усердно. Такъ какъ въ этомъ возрастѣ еще можно повліять на направленіе полового чувства, то развращеніе молодыхъ людей гомосексуалами надо считать главной

причиной урнингизма. Въ сочиненіяхъ урниговъ этотъ пунктъ постоянно замалчивается. Они съ большимъ азартомъ, хотя и съ извѣстнымъ основаніемъ, полемизируютъ противъ обвиненій въ развращеніи малолѣтнихъ или даже собственныхъ дѣтей, но упорно умалчиваютъ о развращеніи молодыхъ людей, уже не находящихся подъ защитою закона. Отъ этого тяжелаго обвиненія имъ не отдѣлаться. Эта вина не становится легче отъ того, что развращеніе часто совершается посредствомъ подкупа. Дѣло въ томъ, что не вся мужская проституція состоитъ, какъ можно бы было заключить по сочиненіямъ урниговъ, изъ вымогателей, жертвами которыхъ являются урнинги; наоборотъ, много молодыхъ людей, нетвердыхъ въ отношеніи моральныхъ принциповъ, подкупаются урнингами и такимъ образомъ гибнутъ тѣлесно и духовно. — Утверждаютъ, что довольно появиться парѣ урниговъ въ какомъ-нибудь населенномъ мѣстѣ, чтобы спустя нѣкоторое время порокъ оказался широко распространеннымъ. Іонійскіе греки, заразившіеся отъ дорянъ и азіатовъ, и Римъ, заразившійся отъ грековъ — вотъ предостерегающіе историческіе примѣры, показывающіе, какой грозный эндемическій и эпидемическій характеръ можетъ принять зараза, занесенная въ среду какого-нибудь населенія. — Въ нашу эпоху печатнаго слова опасность гомосексуальной литературы нельзя считать незначительной. Это замѣчаніе не опровергается указаніемъ на вредъ, причиняемый нормальной половой литературой. Очень печально, конечно, что порнографическія произведенія распространяются въ настоящее время массами и что мы ничего не можемъ подѣлать противъ людей, фабрикующихъ эту отраву, но это не причина считать гомосексуальную литературу не опасной. Во всякомъ случаѣ, если нормальная порнографія преждевременно побуждаетъ молодыхъ людей къ половымъ глупостямъ, то это меньшее зло, чѣмъ превращеніе еще не опредѣлившихся въ половомъ отношеніи юноши или дѣвушки въ урнингическую личность, благодаря чтенію урнингическихъ романовъ и агитаціонныхъ произведеній. Мнимо „просвѣтительная" литература гомосексуаловъ доставляетъ самое широкое распространеніе печальному заблужденію; ихъ ученіе о прирожденномъ, неизмѣнномъ характерѣ гомосексуальности порождаетъ въ головахъ многихъ нерѣшительныхъ молодыхъ людей убѣжденіе, что они тоже прирожденные урнинги. Возрасту, особенно склонному къ дружбѣ, внушаютъ мысль, что любовь между мужчинами есть стимулъ ненормальнаго явленія, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, послѣднее вызывается только извращеннымъ сладострастіемъ, и отталкивающія гомосексуальныя отношенія изображаются самыми привлекательными красками. Несчастье всякаго научнаго сочиненія о половомъ вопросѣ въ томъ, что имъ возможно при случаѣ злоупотреблять. Поэтому даже работы такихъ людей, какъ Крафтъ-Эбингъ и Молль, причиняли иногда вредъ. Но воззванія, сообщенія, опросы и статьи гомосексуаловъ, служащія агитаціоннымъ цѣлямъ, несравненно опаснѣе трудно доступныхъ научныхъ сочиненій; да и „наука", которая въ нихъ фигурируетъ, не такого рода, чтобы исправить наносимый ими вредъ.

Вспомогательными причинами являются также исключительное безобразіе, дѣлающее невозможнымъ успѣхъ у женщинъ, страхъ заразиться венерической болѣзнью и отвращеніе къ женщинѣ. — Принятое у насъ раздѣльное воспитаніе половъ также имѣетъ извѣстное вліяніе. Было бы пожалуй лучше, если бъ въ годы развитія платоническая влюбленность замѣстила черезчуръ восторженную дружбу, которая слишкомъ часто превращается въ общеніе съ цѣлью взаимнаго онанизма. Во всякомъ случаѣ ревностнымъ поборникамъ строгаго отдѣленія мальчиковъ отъ дѣвочекъ слѣдовало бы спросить себя, не замѣняютъ ли они, при наилучшихъ намѣреніяхъ, меньшаго зла бо́льшимъ! — Такъ какъ у многихъ индивидуумовъ половыя раздраженія исходятъ отъ сѣдалищной части и задняго прохода, то сѣченіе и другія раздраженія заднихъ частей часто также способствуютъ половымъ отношеніямъ между мужчинами. — Въ развитіи женскаго урнингизма, лесбійской любви, повинно отчасти и современное женское движеніе. Оно часто поощряетъ мужеподобные характеры, содѣйствуетъ сближенію между женщинами и отвращенію

къ мужскому полу. Иногда эти чудачества доходятъ до сознательнаго стремленія искать эротическаго возбужденія и удовлетворенія у женщинъ. Молодыя, еще не опредѣлившіяся въ половомъ отношеніи, дѣвушки, развращаемыя старшими, превращаются такимъ образомъ въ неизлѣчимыхъ гомосексуалокъ.

Эти случайныя причины часто играютъ роль лишь послѣдняго толчка, который заставляетъ свалиться камень, уже шатавшійся. Мы не можемъ согласиться съ Бине, по мнѣнію котораго однократное случайное, очень сильное впечатлѣніе (Choc fortuit) можетъ, породивъ болѣзненную связь идей, на всю жизнь опредѣлить направленіе полового чувства у совершенно нормальнаго человѣка. Утверждать это значитъ допускать такое мощное вліяніе случайностей на душевное развитіе, какого онѣ не могутъ имѣть. Напротивъ, многое говоритъ въ пользу мнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что продолжительное воздѣйствіе подобныхъ случайностей, въ періодъ не опредѣлившагося ясно полового влеченія, могутъ превратить въ гомосексуала даже совершенно нормальнаго индивидуума. Прирожденная человѣку потребность разнообразія половыхъ ощущеній можетъ усилить дѣйствіе вліяній, которыя вообще являются только случайными причинами, даже у индивидуумовъ, уже испытавшихъ нормальное половое чувство. Поэтому душевное предрасположеніе въ формѣ невропатическаго отклоненія, повидимому, не представляетъ безусловно необходимой предпосылки во всѣхъ случаяхъ. У людей съ ненормальнымъ предрасположеніемъ, обладающихъ также повышенной половой раздражительностью, мимолетныя вліянія играютъ болѣе значительную роль, хотя бы только въ смыслѣ случайныхъ причинъ.

Въ отношеніи прирожденнаго урнингизма мнѣнія расходятся. Выдающіеся авторитеты, какъ Крафтъ-Эбингъ и Молль, допускаютъ его существованіе, т. е. допускаютъ существованіе прирожденнаго предрасположенія, прирожденной неправильности развитія, заключается ли оно въ отсутствіи задерживающихъ вліяній, обусловливающихъ гармоническое развитіе влеченія и половыхъ частей, или въ томъ, что области головного мозга, обыкновенно не образующіяся, развиваются на счетъ областей, свойственныхъ данному полу. Мы не можемъ присоединиться къ этой гипотезѣ, и доказательства, приводимыя въ ея пользу, не убѣждаютъ насъ. Теорія двойственнаго образованія частей головного мозга, завѣдывающихъ половымъ влеченіемъ человѣка, есть грубая ошибка. Не половое влеченіе различно, а только объектъ, на который оно направляется. „Нѣтъ мужского головного мозга и женскаго головного мозга“, говоритъ Гохе, „а есть головной мозгъ мужчинъ и головной мозгъ женщинъ. Со времени перваго случая исцѣленія „прирожденнаго“ гомосексуала посредствомъ гипноза, ученіе о прирожденномъ характерѣ этой ненормальности можно считать опровергнутымъ. Неправильности развитія не устраняются гипнозомъ, — онъ дѣйствителенъ только противъ пріобрѣтенныхъ функціональныхъ аномалій. Прирожденныя разстройства нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что ненормальныя представленія полового характера присущи данному субъекту уже отъ рожденія или неизбѣжно должны развиться. Содержаніе представленій, подчиненныхъ какому бы то ни было влеченію, пріобрѣтаются только въ жизни; прирожденная ненормальность можетъ заключаться только въ чрезмѣрно повышенной способности полового влеченія и возбуждается случайными эротическими впечатлѣніями, и въ уклоняющейся отъ обычнаго типа чувствительности, въ силу которой удовольствіе и неудовольствіе вызываются другими вліяніями, чѣмъ у большинства людей. Эти душевныя особенности можно считать признаками вырожденія“. — Еще менѣе, чѣмъ вышеупомянутые люди науки, можетъ отклонить насъ отъ этой точки зрѣнія агитація гомосексуаловъ и ихъ такъ называемыхъ „научно-гуманитарныхъ комитетовъ“, научное безпристрастіе которыхъ является весьма сомнительнымъ.

Мы считаемъ и прирожденный урнингизмъ пріобрѣтеннымъ, но здѣсь ненормальность проявляется гораздо раньше и, въ большинствѣ случаяхъ, гораздо сильнѣе. Соотвѣтственно тому, мы находимъ, въ большинствѣ случаевъ, болѣе глубокія возмущенія душевныхъ предрасположеній, болѣе ясные признаки невропатіи, вырожденія. Половая ненормальность обусловлена такими же причинами, какъ и другія невропатическія уклоненія. Точныхъ свѣдѣній объ этомъ у насъ имѣется немного, но мы должны допустить, что подобные индивидуумы обладаютъ нервной системой, которая иначе функціонируетъ, иначе отвѣчаетъ на чувственныя впечатлѣнія, обладаетъ менѣе сильными задерживающими аппаратами и легче выходитъ изъ состоянія равновѣсія, чѣмъ здоровая. Не въ анатомическихъ измѣненіяхъ головного мозга, не въ прирожденномъ извращеніи функцій должны мы усматривать характерныя свойства и причину урнингизма, а въ ненормальной раздражимости, въ неправильномъ — качественно и количественно — реагированіи завѣдующихъ половымъ чувствомъ частей головного мозга на естественныя раздраженія. Поэтому раздраженія, которыя едва задѣваютъ нормальнаго человѣка, пріобрѣтаютъ значеніе и могутъ даже дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ раздраженія, вліяющія на нормальныхъ людей. Нервная система болѣе раздражима, менѣе способна къ сопротивленію, но также и менѣе способна удерживать и перерабатывать. Состояніе истощенія наступаетъ раньше. Первое раздраженіе, благодаря повышенной раздражимости, воспринимается жадно, позднѣйшія же встрѣчаютъ уже неспособныя къ ихъ воспріятію области, такъ сказать, наталкиваются на закрытыя для нихъ двери. Но первыя половыя раздраженія, дѣйствующія на ребенка, бываютъ обыкновенно гомосексуальными; они не воспринимаются нормальнымъ ребенкомъ, но воспринимаются болѣзненнымъ. Можно себѣ представить, что они настолько завладѣваютъ послѣднимъ, что уничтожаютъ или сильно понижаютъ его воспріимчивость къ позднѣйшимъ влеченіямъ, исходящимъ уже отъ другого пола. Вышеперечисленныя случайныя причины, недостатки воспитанія, онанизмъ, гомосексуальныя дѣйствія и пр. могутъ при подобныхъ условіяхъ оказывать усиливающее и закрѣпляющее дѣйствіе. Львиная часть принадлежитъ онанизму. Можно сказать, что урнингъ, не предававшійся этому пороку въ дѣтствѣ въ самыхъ необузданныхъ размѣрахъ, составляетъ крайне рѣдкое исключеніе, да и эти исключенія, быть можетъ, только исключительные лгуны.

„Урнингическія" дѣти, обнаруживающія задолго до наступленія половой зрѣлости наклонности и привычки другого пола (напримѣръ, у мальчиковъ игры съ куклами и дѣвочками, предпочтеніе родныхъ женскаго пола, пристрастіе къ женскимъ ролямъ), несомнѣнно существуютъ. Но, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ думать, что подобныя странности являются уже выраженіемъ полового извращенія. Онѣ просто соотвѣтствуютъ чудачеству, вообще проявляемому невропатическими дѣтьми. Очень многіе люди, впрочемъ, проявляли въ дѣтствѣ такія черты характера; но только урнингъ придаетъ этимъ пустякамъ значеніе, которымъ они вовсе не обладаютъ въ такой степени. Равнымъ образомъ къ чудачеству (и онанизму!) сводятся преувеличенная юношеская дружба, на которую урнинги постоянно ссылаются въ подтвержденіе своего мнѣнія о своей прирожденной инополой природѣ. — Наконецъ, упомянемъ о такъ называемыхъ скрытыхъ формахъ урнингизма, при которыхъ ненормальное состояніе наступаетъ лишь по временамъ, во снѣ, въ опьяненіи, половая воспріимчивость развивается чрезвычайно медленно, обнаруживаются признаки

женоподобія и женственность. Эту форму мы также не можемъ считать доказательствомъ прирожденнаго извращенія половой воспріимчивости. Мы думаемъ, что подобные люди только недоразвитые урнинги, что области головного мозга и нервной системы, завѣдывающія половымъ чувствомъ, у нихъ уже повреждены и обладаютъ характерной для этой ненормальности расшатанностью и повышенной способностью возбуждаться несоотвѣтственными раздраженіями и отвѣчать на нихъ ненормально въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ. Воспитаніе, усилія воли и представленія, получаемыя отъ окружающей среды, оказываются обыкновенно достаточными, чтобы сообщить этимъ областямъ силу, необходимую для реагированія на впечатлѣнія, исходящія отъ другого пола. Но въ опьяненіи, во снѣ и т. п. эти вліянія устраняются, и болѣзненное предрасположеніе обнаруживается.

Лѣченіе извращеннаго полового чувства встрѣчаетъ серьезныя затрудненія. Во-первыхъ, большая часть больныхъ не обращается къ врачу, такъ какъ ихъ удерживаетъ отъ этого стыдъ, боязнь несоблюденія тайны и преслѣдованія со стороны закона, увѣренность въ неизлѣчимости своего недуга, а во многихъ случаяхъ довольство своимъ положеніемъ, даже чувство счастливой любви. Но и начавшееся лѣченіе часто (по другимъ даннымъ—въ большинствѣ случаевъ) не приводитъ къ цѣли, такъ какъ безволіе этихъ людей дѣлаетъ успѣхъ невозможнымъ. Во многихъ случаяхъ болѣзнь сама по себѣ неизлѣчима или стала неизлѣчимой.

Методомъ лѣченія мы обладаемъ только со времени примѣненія внушенія въ гипнотическомъ снѣ. Успѣхъ этого метода не безспорный: на ряду съ неудачами сообщаютъ о блестящихъ результатахъ. Во всякомъ случаѣ, примѣнять его можетъ только хорошо знакомый съ практикой гипноза врачъ, вообще спеціалистъ по нервнымъ болѣзнямъ, а не первый попавшійся докторъ, не говоря уже о первомъ попавшемся профанѣ, умѣющемъ кое-какъ приводить въ гипнотическое состояніе. Необходимо самое тщательное обсужденіе признаковъ исцѣленія и самое осмотрительное индивидуализированіе. Въ большинствѣ случаевъ требуется нѣсколько сеансовъ, и лѣченіе можетъ длиться годы. Недостаточно внушить паціенту склонность къ другому полу. Прежде всего нужно устранить посредствомъ внушенія его ненормальную наклонность, и только когда это удалось, можно приступить къ внушенію наклонности къ другому полу. Если дѣйствовать не такъ осмотрительно, то лѣченіе или останется безуспѣшнымъ, или даже привьетъ урнингу, кромѣ гомосексуальныхъ пороковъ, пороки нормальные. Грубѣйшая ошибка внушить урнингу попросту общеніе съ другимъ поломъ. Неудача въ подобномъ случаѣ весьма вѣроятна, такъ какъ для такихъ опытовъ пользуются обыкновенно проститутками, а между тѣмъ урнингъ, которому непріятно, даже противно общеніе съ нормальными женщинами, естественно долженъ чувствовать сильнѣйшее омерзѣніе къ выродившейся проституткѣ! А неудача можетъ разомъ погубить все дѣло. Пытаться же излѣчить неизлѣченнаго урнинга посредствомъ брака было бы тяжелымъ грѣхомъ, даже преступленіемъ, по отношенію къ самому урнингу и его женѣ.

Поэтому во многихъ случаяхъ слѣдуетъ ограничиться, вначалѣ или вообще, борьбою съ повышенной половой раздражимостью, свойственной этимъ несчастнымъ, а также съ ихъ тщеславіемъ. Урнингъ долженъ разстаться съ воззрѣніемъ, будто

для него существуютъ другіе законы, чѣмъ для нормальныхъ людей. Конечно, тотъ, кто признаетъ за каждымъ человѣкомъ неограниченное право на удовлетвореніе своего влеченія, какъ нѣкоторые „просвѣтители“ и эстеты („Lebenskünstler“), тотъ можетъ только съ участіемъ пожать руку урнингу, просящему о помощи. Но не каждый человѣкъ имѣетъ право удовлетворять свое половое влеченіе, какъ ему заблагоразсудится. Тотъ же законъ, который требуетъ укрощенія полового влеченія въ интересахъ общества, запрещаетъ сифилитику, туберкулёзному, душевнобольному воспроизводить свои недуги, предписываетъ обрученнымъ и состоящимъ въ бракѣ вѣрность и цѣломудріе, тотъ же законъ можетъ обратиться съ подобными требованіями къ урнингу. Вѣдь у культурнаго человѣка есть и другія задачи, кромѣ удовлетворенія своего полового чувства! Безчисленные нормальные люди живутъ болѣе или менѣе воздержно. Изъ того, что половое чувство урнинга ненормально, вовсе не слѣдуетъ, что онъ долженъ подчиняться ему. Другія жизненныя задачи могутъ помочь ему въ борьбѣ, отвлекая его вниманіе отъ болѣзненныхъ представленій. Великіе люди изъ урниговъ сдѣлались великими не благодаря своему половому извращенію, а потому что въ борьбѣ съ нимъ одержали верхъ.

Неблагопріятные виды на излѣченіе дѣлаютъ весьма желательнымъ предупредительныя мѣры. Онѣ сводятся, какъ и воспитательныя задачи, къ борьбѣ съ нервнымъ и душевнымъ вырожденіемъ, онанизмомъ и половой распущенностью. Очень желательно было бы воспрепятствовать урнингамъ производить дѣтей, такъ какъ если послѣдніе не унаслѣдуютъ непосредственно урнингизма, то унаслѣдуютъ невропатическое предрасположеніе, и можно себѣ представить, какое воспитательное вліяніе подобные родители оказываютъ на своихъ дѣтей. Наконецъ, необходима самая энергичная борьба съ агитаціонными брошюрами урниговъ или, точнѣе сказать, наживающихся на урнингизмѣ спекулянтовъ, — брошюрами, которыя продаются въ любомъ кіоскѣ, у любого букиниста и развращаютъ сердце, умъ и половое чувство молодежи.

Еще нѣсколько словъ о судебно-медицинской сторонѣ вопроса!

Кромѣ не особенно значительной группы растлителей мальчиковъ, которые подвергаются карѣ закона за непотребство съ малолѣтними, остальные извращенные субъекты часто также вступаютъ въ столкновеніе съ уголовнымъ уложеніемъ. Ихъ чрезмѣрно повышенное половое чувство, моральное тупоуміе, часто наблюдаемое отсутствіе задерживающихъ представленій, побуждаютъ ихъ къ оскорбленію общественной нравственности. За исключеніемъ тѣхъ немногихъ субъектовъ, у которыхъ ненормальное половое чувство порождено дѣйствительной душевной болѣзнью, сопровождающейся омраченіемъ сознанія и исключающей свободное опредѣленіе воли, всѣ остальные, согласно господствующимъ нынѣ юридическимъ воззрѣніямъ, подлежатъ карѣ закона. Такъ оно и слѣдуетъ. Пріобрѣтенное или прирожденное болѣзнью душевное предрасположеніе можетъ быть признано только смягчающимъ обстоятельствомъ, не болѣе.

До нѣкоторой степени особое мѣсто занимаютъ постановленія закона, карающія половыя отношенія между двумя индиви-

дуумами одного и того же пола, хотя бы они не оскорбляли общественной нравственности. Въ Германской имперіи § 175 караетъ непотребство между мужчинами, въ Австріи же законъ болѣе послѣдователенъ, такъ какъ караетъ непотребство и между женщинами, „лесбійскую любовь“.

Въ русскомъ законодательствѣ предусмотрѣнъ, какъ наказуемое дѣяніе, „противоестественный порокъ мужеложства“, караемый лишеніемъ правъ и отдачей въ арестантскія отдѣленія отъ 4 до 5 лѣтъ, а въ случаѣ примѣненія насилія или совершенія акта надъ малолѣтними или слабоумными — каторжными работами отъ 11 до 12 лѣтъ (ст. 995 и 996 Уложенія о наказаніяхъ, т. XV Св. Зак. изд. 1885 г. и продолж. 1906 г.). Противоестественныя сношенія между женщинами по дѣйствующему закону ненаказуемы, если они не сопровождаются насиліемъ или поступками, оскорбляющими общественную нравственность.

Съ этими параграфами урнингизмъ воюетъ уже нѣсколько десятилѣтій, и въ настоящее время существуетъ „научно гуманитарный комитетъ“, правда, состоящій главнымъ образомъ изъ урнинговъ, который, опираясь на заявленія научныхъ знаменитостей, съ особеннымъ усердіемъ отстаиваетъ дѣло героевъ противоестественной любви. Кто знаетъ, какими способами добываются подписи громкихъ именъ, тотъ не можетъ придавать особеннаго значенія подобнымъ заявленіямъ

Главный аргументъ сторонниковъ этого движенія: несправедливо наказывать урнинговъ за то, что они обладаютъ другимъ половымъ влеченіемъ, чѣмъ нормальные люди. Внѣбрачныя отношенія нормальныхъ людей не подлежатъ карѣ закона. Не слѣдуетъ и гомосексуаловъ наказывать за такія же дѣйствія, которыя нормальнымъ людямъ разрѣшено совершать безнаказанно, — наказывать только потому, что природа въ данномъ случаѣ дѣлаетъ участниками этихъ дѣйствій лицъ одного пола. Этотъ аргументъ не выдерживаетъ критики. Ненормальное влеченіе не даетъ своему обладателю права практиковать его въ з а п р е щ е н н о й ф о р м ѣ. Наши уголовные законы стремятся защитить общество отъ противо-соціальныхъ склонностей отдѣльныхъ лицъ. Все болѣе и болѣе начинаетъ господствовать мнѣніе о преимуществахъ защитительныхъ законовъ передъ карательными, и то, что прежде понималось какъ возмездіе, теперь разсматривается какъ защита общества. Параграфъ 175 не противорѣчитъ этой перемѣнѣ взглядовъ. Если гомосексуалы вредятъ государственнымъ интересамъ, то здоровые, поддерживающіе государство элементы, несомнѣнно, вправѣ защищаться отъ паразитическаго урнингизма. А относительно опасности гомосексуаловъ не можетъ быть сомнѣнія: въ интересахъ государства поддерживать моногамный бракъ; а между тѣмъ урнингъ, обладающій повышенной половой раздражимостью, обыкновенно обнаруживаетъ склонность къ многоженству, разрушаетъ, въ качествѣ супруга или „друга дома“, семейное счастье и часто оказывается причиной развода. Въ интересахъ государства, чтобы семьи его гражданъ имѣли много дѣтей; а урнингъ, предающійся противоестественнымъ порокамъ, не можетъ служить этому государственному интересу. Если въ настоящую минуту Германіи не грозитъ убыль населенія, то для другихъ государствъ новаго и стараго времени этотъ вопросъ уже не разъ становился жгучимъ. Излюбленная ссылка гомо-

сексуаловъ на рабочихъ пчелъ, которыя также не выполняютъ половой функціи, совершенно несостоятельна, такъ какъ родъ человѣческій не дѣлится, подобно пчелиному государству, на индивидуумовъ, занимающихся исключительно работой, и индивидуумовъ, занимающихся только половымъ воспроизведеніемъ. Въ интересахъ государства оставаться сильнымъ и жизнедѣятельнымъ. Но исторія показываетъ намъ, что всюду, гдѣ усиливается гомосексуальная распущенность, гибель народа или, по крайней мѣрѣ, тяжелыя потрясенія не заставляютъ себя ждать. Въ интересахъ государства — свободное отъ постороннихъ цѣлей развитіе науки. Но гомосексуалы связываютъ науку съ агитаціей; они злоупотребляютъ наукой ради агитаціонныхъ цѣлей и придаютъ ей свою субъективную окраску. Похваляясь своей мнимой научностью, они фальсифицируютъ общественное мнѣніе даже въ руководящихъ кругахъ. Въ интересахъ государства блюсти тѣлесное и душевное здоровье своихъ подданныхъ. Но гомосексуалы проповѣдуютъ свои мерзости устно и въ печати, въ обществѣ и на улицѣ. Они прививаютъ такимъ образомъ заразу къ моральному тѣлу націи и создаютъ ненормальныхъ людей ко вреду этихъ послѣднихъ, равно какъ и государства и общества.

Гомосексуалы постоянно ссылаются на гигіеническое преимущество гомосексуальныхъ отношеній, которыя не грозятъ венерическимъ зараженіемъ; но это вѣрно лишь до извѣстной степени. Пишущему эти строки приходилось пользовать уже значительное число урнинговъ, зараженныхъ половыми болѣзнями. Правда, нормальные люди заболѣваютъ гораздо чаще, но не вслѣдствіе выбора участника, а только потому, что при собственно педерастіи шансы зараженія такъ же велики, какъ при нормальномъ половомъ актѣ. Урнинги же занимаются не столько педерастіей, сколько взаимнымъ онанизмомъ.

Такъ какъ, слѣдовательно, гомосексуалы наносятъ ущербъ интересамъ государства, то государство вправѣ обороняться отъ нихъ, какъ умѣетъ. Въ настоящее время это достигается посредствомъ наказанія за извѣстныя гомосексуальныя дѣйствія. Поэтому урнинги отнюдь не въ правѣ требовать отмѣны § 175.

При всемъ томъ, можно высказаться въ пользу его отмѣны, но исключительно съ практической точки зрѣнія. Во-первыхъ, эти угрозы наказаніемъ недѣйствительны, такъ какъ тамъ, гдѣ нѣтъ жалобщика, нѣтъ и судьи. Число урнингическихъ проступковъ очень велико, тогда какъ число наказаній ничтожно мало. Они караютъ не болѣе 0,0002 — 0,011 процента всѣхъ проступковъ. (Вышеупомянутый Магнусъ Гиршфельдъ опредѣляетъ число мужчинъ, практикующихъ гомосексуальныя половыя отношенія въ Германіи, въ 165,000, а число совершенныхъ ими въ теченіе года гомосексуальныхъ дѣйствій — 8.597,316. Это безъ сомнѣнія преувеличеніе, но и третьей части этого числа достаточно, чтобы признать смѣхотворно малымъ число осужденій вынесенныхъ на основаніи § 175.) А издавать недѣйствительные законы вовсе не въ интересахъ государства. Правда, законъ караетъ и другія преступленія (напримѣръ, воровство и вытравленіе плода), лишь малая часть которыхъ обнаруживается; но отмѣнять эти карательныя мѣры было бы неразумно въ виду ихъ несомнѣнно устрашающаго дѣйствія. Далѣе, создавая эти параграфы, законодатель первоначально имѣлъ въ виду только педерастію, удовлетвореніе полового влеченія при помощи задняго прохода другого лица; въ то время еще мало знали объ истинной природѣ урнин-

гизма и всякаго гомосексуала считали попросту глубоко испорченнымъ человѣкомъ. Но, въ дѣйствительности, подлинная „любовь къ заду“, если такъ можно выразиться, встрѣчается очень рѣдко, и урнинги хотя морально низшіе, но въ то же время — ненормальные люди. Всегда ли эта ненормальность бываетъ прирожденной, какъ утверждаютъ урнинги, или въ большинствѣ случаевъ пріобрѣтенной, какъ думаемъ мы, это совершенно безразлично съ точки зрѣнія вопроса ненаказуемости урнингическихъ дѣйствій: кто признаетъ не подлежащимъ наказанію прирожденное извращеніе, долженъ признать таковымъ и пріобрѣтенное. Кромѣ того, этотъ параграфъ формулированъ очень неточно. Правда, имѣется рѣшеніе имперскаго суда, признавшее непотребствомъ между мужчинами только дѣйствія, „подобныя совокупленію“, но и это рѣшеніе предоставляетъ слишкомъ большой просторъ судамъ по вопросу о томъ, какое именно дѣйствіе нужно признать подобнымъ совокупленію. О цѣляхъ „улучшенія“, преслѣдуемыхъ наказаніемъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи по отношенію къ неизлѣчимымъ урнингамъ; то же можно сказать относительно большинства случаевъ оскорбленія общественной нравственности. А главное, этотъ параграфъ создаетъ въ большихъ городахъ темную группу негодяевъ, мужскихъ проститутокъ, практикующихъ эту профессію въ разсчетѣ на эксплоатацію своихъ жертвъ. Угроза донести въ судъ — вотъ средство, при помощи котораго подобный негодяй немилосердно эксплоатируетъ попавшагося въ его лапы урнинга, вымогая у него все новыя и новыя суммы до полнаго разоренія и самоубійства жертвы. Можно сколько угодно говорить, что урнингъ страдаетъ не безъ вины, что, какъ показываетъ примѣръ Франціи, съ устраненіемъ карательныхъ мѣръ не прекращается вымогательство, что тѣ же негодяи при другомъ законодательствѣ находятъ для себя другую столь же почетную „профессію“, но надо же и о томъ подумать, что урнингъ, въ большинствѣ случаевъ, ненормальный человѣкъ съ пониженной способностью сопротивленія угрозамъ и соблазнамъ и что позоръ, доставшійся на его долю, задѣваетъ и его ни въ чемъ неповинную семью! Совершенно не видно, какой интересъ для государства сохранять это заржавленное оружіе закона. Вѣдь въ задачу государства не входитъ исправлять эстетическіе и моральные изъяны частныхъ лицъ! Въ государствахъ, гдѣ гомосексуальныя отношенія ненаказуемы, дѣло обстоитъ не хуже чѣмъ въ Германіи, и въ тѣхъ германскихъ государствахъ, гдѣ, какъ въ Баваріи и Гановерѣ, въ періодъ отъ 1815 до 1843 г. не примѣнялись карательныя мѣры за эти отношенія, не обнаружилось никакихъ вредныхъ послѣдствій. Возможно также, что агитація противъ параграфа 175 пріобрѣтаетъ урнингамъ больше друзей, чѣмъ отпугиваетъ ихъ содержащейся въ немъ угрозой наказаніемъ, но все-таки, повторимъ еще разъ, и **правомъ** на отмѣну этого законодательства урнинги не обладаютъ.

Мы не можемъ также считать несправедливостью по отношенію къ мужчинамъ (при томъ же законодательство изобилуетъ „несправедливостями“ по отношенію къ женщинамъ) отсутствіе въ нѣмецкомъ законодательствѣ карательныхъ мѣръ противъ „лесбійской любви“ между женщинами. Самое большее, что можно признать это пробѣломъ въ законѣ. Урнингистки

еще менѣе заслуживаютъ пощады, чѣмъ урнинги, такъ какъ онѣ соблазняютъ гораздо больше молодыхъ дѣвушекъ, чѣмъ урнинги мальчиковъ, онѣ развращаютъ многихъ женщинъ уже до брака, да и позднѣе нерѣдко внѣдряются въ ихъ святая святыхъ подъ маскою подруги; онѣ являются несчастьемъ многихъ браковъ и причиною многихъ разводовъ и представляютъ гораздо большую моральную опасность, чѣмъ извращенные мужчины. Тѣмъ не менѣе и для нихъ имѣютъ силу вышеизложенныя соображенія, выясняющія недѣйствительность наказанія и преслѣдованія этого порока.

Во всякомъ случаѣ нельзя ограничиться простою отмѣною этого параграфа, иначе зло можетъ принять, дѣйствительно, ужасающіе размѣры. Поэтому слѣдовало бы ввести нѣкоторыя дополненія въ главу тринадцатую уголовнаго уложенія Германской имперіи, трактующую о преступленіяхъ и проступкахъ противъ нравственности. Такъ, параграфъ 147, карающій изнасилованіе женщины, нужно распространить и на изнасилованіе мужчины. Равнымъ образомъ, можно, согласно предложенію Зоммера, расширить § 173 въ томъ смыслѣ, чтобъ подъ кровосмѣшеніемъ понимались половыя отношенія не только между родственниками разныхъ половъ, но и между родственниками одного пола. Полнаго вниманія заслуживаетъ мысль наказывать мужскую проституцію чувствительнымъ штрафомъ; эта мѣра не только облегчитъ жизнь урнингамъ, но и обезопаситъ на нѣкоторое время общество отъ этого во всѣхъ отношеніяхъ преступнаго сброда, который предается своей постыдной профессіи въ тѣсномъ союзѣ съ преступниками и женской проституціей. Но главное, надо значительно повысить возрастную границу, по достиженіи которой половыя сношенія съ молодыми людьми становятся ненаказуемыми. Въ настоящее время только § 182 защищаетъ дѣвушекъ до шестнадцатилѣтняго возраста отъ соблазнителя мужчины. Гомосексуалы ничего не имѣютъ противъ защиты мальчиковъ до этого возраста, тогда какъ въ настоящее время, согласно § 176(3) послѣдніе находятся подъ защитою закона только до 14 лѣтъ. Гомосексуалы отлично понимаютъ, что это придется не по вкусу только нормальнымъ половымъ развратникамъ, такъ какъ главными жертвами гомосексуаловъ являются молодые люди въ возрастѣ отъ 16 до 25 лѣтъ. Но такъ какъ въ эти годы половое чувство, по Моллю, часто еще не вполнѣ опредѣлилось, направленіе его не установилось окончательно, то развращеніе этой возрастной группы наноситъ ущербъ не только нравственности, но и половому влеченію; оно опять-таки воспитываетъ урниговъ. То же имѣетъ силу по отношенію къ соблазнителямъ женскаго пола. Поэтому тотъ, кто хочетъ отмѣнить § 175, долженъ замѣнить его, по меньшей мѣрѣ, слѣдующимъ постановленіемъ: „совращеніе къ гомосексуальнымъ отношеніямъ индивидуума, не достигшаго двацатипятилѣтняго возраста, карается тюремнымъ заключеніемъ“. Но при этомъ должно производиться тщательное разслѣдованіе, чтобъ не возбуждать судебнаго процесса изъ-за каждой шалости между школьниками.

Иванъ Блохъ, Вахенфельдъ, Лёвенбергъ требовали насильственнаго помѣщенія урниговъ во врачебныя заведенія въ видахъ ихъ полового обузданія. Такъ какъ урнинги, дѣйствительно, часто бываютъ излѣчимы, то предложеніе это можно

бы было испытать уже въ ихъ собственномъ интересѣ, тѣмъ болѣе, что расходы по устройству такихъ принудительныхъ санаторій и по осуществленію этого плана окажутся, вѣроятно, не слишкомъ высокими. Нечего и говорить, что сами урнинги и слышать не хотятъ о подобномъ планѣ.

Гёте замѣтилъ, что любовь къ мальчикамъ такъ же стара, какъ само человѣчество: можно поэтому сказать, что она свойственна природѣ, хотя и направлена противъ природы. То, что угадалъ геній этого человѣка, подтвердили научныя изслѣдованія позднѣйшаго времени. Дѣйствительно, уже въ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ человѣчества имѣются указанія на гомосексуальныя отношенія, а этнологическія изслѣдованія показали, что этотъ порокъ распространенъ по всей землѣ среди культурныхъ и дикихъ народовъ.

Изъ книгъ Моисея и Судей можно видѣть, что не только жители Содома, но и сами древніе іудеи были уже знакомы съ этимъ порокомъ. У многихъ народовъ Востока гомосексуальный актъ входилъ въ составъ религіозныхъ церемоній и былъ типичнымъ явленіемъ для сословія жрецовъ; на праздникахъ Истаръ, Астарты, Ваала, Молоха, Изиды и Озириса въ различныхъ странахъ Передней Азіи и на берегахъ Нила совершались безстыдныя оргіи. Въ древней Индіи имѣлись настоящіе учебники половыхъ извращеній.

Грецію писатели называютъ классической страной педерастіи, или, по крайней мѣрѣ, любви къ мальчикамъ и юношамъ. Конечно, почва здѣсь была превосходно подготовлена. Греческая женщина была въ глазахъ мужа только машиной для рожденія дѣтей и старшей служанкой. Духовно стояла она вообще ниже своего мужа. То, что было создано римскимъ и христіанскимъ вліяніемъ, тѣсное душевное общеніе мужа и жены, жизнь взаимными интересами и ради взаимныхъ интересовъ, осталось чуждымъ греческому міру. Но сердце мужчины требуетъ оказательствъ любви и дружбы. Того, чего не могла дать ему женщина, эллинъ искалъ въ сношеніяхъ съ другими мужчинами: дружбы, духовной дѣятельности, пониманія красоты, задачъ культуры и общаго стремленія къ благу отечества. Юноша видѣлъ въ старшемъ своего друга, совѣтника и покровителя, старшій видѣлъ въ мальчикѣ будущее. Вся жизнь грека была исполнена жаждою красоты и культомъ красоты, поэтому его должна была опьянять красота юноши, которому присуща вся прелесть созрѣвающей мужественности, еще смягченная однако женственной нѣжностью формъ.

Восхитительно рисуетъ Платонъ въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, какъ при выступленіи прекраснаго мальчика Хармида на палестру все присутствующее общество тотчасъ влюбилось въ него. Не слѣдуетъ думать, разумѣется, что всѣ эти люди почувствовали половое влеченіе къ юношѣ. Это былъ энтузіазмъ, обожаніе красоты. Но, конечно, это обожаніе красоты голаго мужского тѣла, могло доводить чувственную натуру до полового возбужденія и гомосексуальныхъ отношеній. Къ этому присоединились также вліянія дорическое и азіатское. У дорическаго племени (на Критѣ) гомосексуальныя отношенія существовали, повидимому, въ самой отдаленной древности, насколько мы можемъ проникнуть въ прошлое. Спартанецъ съ семилѣтняго возраста воспитывался съ мальчиками и ежегодно долженъ былъ проводить по нѣсколько мѣсяцевъ въ лагерѣ. Недостатокъ женщинъ, какъ и вездѣ, естественно приводилъ воина къ гомосексуальности. Вліяніе испорченной Азіи сказалось въ особенности послѣ персидскихъ войнъ. Въ концѣ концовъ гомосексуальность охватила всю Грецію, какъ душевная эпидемія, какъ половая мода. Позднѣйшая эпоха уже не могла себѣ представить отношеній дружбы въ миѳическій и первобытный періодъ иначе, какъ въ формѣ любовныхъ отношеній между мужчинами. Эросу, покровителю любви къ мальчикамъ (рис. 208) и Венерѣ Ураніи строили даже храмы, а у ѳиванцевъ гомосексуальныя отношенія считались бракомъ. Греческія женщины, покидаемыя своими мужьями ради гетеръ и мальчиковъ, вознаграждали себя подобнымъ же способомъ, и выраженіе „лесбійская любовь“ до сихъ поръ обозначаетъ противоестественныя отношенія между женщинами. Эту греческую любовь къ мальчикамъ не слѣдуетъ, однако, отожествлять съ гомосексуальностью. Поводомъ къ этому послужило названіе педерастія, которое обозначаетъ буквально „любовь къ мальчикамъ“, но не въ смыслѣ эротическихъ, половыхъ отношеній, какъ понимается это слово теперь. Отъ па-

шихъ урнинговъ греки отличались тѣмъ, что въ большинствѣ случаевъ они имѣли сношенія не только съ мужчинами, но и съ женщинами. Стало быть, первоначально дѣло шло только объ удовлетвореніи жажды красоты и дружбы и южной чувственности. На ряду съ этимъ существовалъ конечно и настоящій урнингизмъ.

Въ Римѣ со времени пуническихъ войнъ также стали случаться единичные гомосексуальные акты. Но только съ водвореніемъ испорченности нравовъ зараза распространилась. Карфагенянамъ Гамилькару Баркѣ, Гасдрубалу и Ганнибалу приписывались гомосексуальныя наклонности; насколько это справедливо, — лежитъ на отвѣтственности римскихъ историковъ. Несмотря на запрещеніе закономъ, въ императорскую эпоху этотъ порокъ былъ общераспространеннымъ. Въ стихотвореніяхъ Катулла, Марціала, Ювенала много указаній на это. У нѣкоторыхъ цезарей были любовницы мужского пола, съ которыми они даже вступали въ бракъ публично. Вообще римское гражданское общество эпохи цезарей характеризуется непрочностью брачныхъ узъ, распущенностью женщинъ (покидаемыхъ своими супругами ради мальчиковъ) и учрежденіемъ мужскихъ домовъ терпимости.

Рис. 208.
Статуя Эроса въ Неаполѣ.

О распространеніи этого порока у галловъ и германцевъ у насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній; въ древней Норвегіи, судя по ея литературнымъ памятникамъ, этотъ порокъ былъ извѣстенъ.

Хотя христіанство боролось съ этимъ порокомъ, какъ съ мерзостью передъ Господомъ, но въ средніе вѣка онъ пользовался широкимъ распространеніемъ. Церковные соборы не разъ осуждали это явленіе, свѣтское законодательство преслѣдовало его суровыми карами (до смерти на кострѣ включительно). Въ процессѣ тампліеровъ - правда, ничего не доказывающемъ вслѣдствіе своей политической подкладки — фигурируетъ обвиненіе въ томъ, что младшіе члены ордена служили старшимъ въ качествѣ любовницъ. Франція и позднѣе оставалась главнымъ гнѣздомъ гомосексуальнаго порока. Главнымъ очагомъ былъ дворъ, затѣмъ высшая аристократія, высшее духовенство, богатая буржуазія и прислуга. Такимъ же распространеніемъ пользовался этотъ порокъ въ Италіи, и ни владѣтельные дома, ни римская курія не чуждались его. Духовныя лица, а въ особенности монахи часто подвергались тогда обвиненіямъ въ гомосексуальныхъ отношеніяхъ. Однако осторожный изслѣдователь не долженъ принимать обвиненія за факты. Вообще вѣдь не одно сословіе не подвергается такъ легко грязнѣйшимъ обвиненіямъ и клеветамъ, какъ сословіе духовныхъ. Здѣсь большую роль играетъ партійная ненависть. Въ эпоху реформаціи особенно характерно проявилось это стремленіе бороться съ противниками при помощи клеветы. Поэтому нельзя основывать какихъ-либо выводовъ на томъ обстоятельствѣ, что протестанты обвиняютъ католическихъ монаховъ, монахинь, священниковъ и папъ во всевозможныхъ половыхъ распутствахъ, а католическіе писатели съ своей стороны осыпаютъ всевозможными клеветами протестантовъ. Чѣмъ сильнѣе человѣкъ или общество расходится съ какой-нибудь религіозной общиной, — они тѣмъ болѣе гнуснымъ чудовищемъ ее изображаютъ. Поэтому сообщеніе католическаго монаха Бальдуція о Кальвинѣ такъ же лишено всякаго значенія, какъ излюбленныя огульныя клеветы противъ всѣмъ ненавистнаго іезуитскаго ордена. Можно быть разнаго мнѣнія о пріемахъ борьбы, о морали и дѣлахъ этого учрежденія; но именно въ тѣхъ порокахъ, въ которыхъ всего чаще обвиняютъ іезуитовъ — въ половыхъ порокахъ — они безусловно неповинны. Monita secreta, о которыхъ упоминаетъ даже Молль, просто грубая поддѣлка одного венгерскаго обманщика (Дуръ).

Въ Турцію любовь къ мальчикамъ проникла рано и пріобрѣла громадное распространеніе. Персидскими и турецкими поэтами она воспѣвается безъ всякаго стѣсненія, если, конечно, мы правильно переводимъ этихъ поэтовъ.

Въ настоящее время этотъ порокъ распространенъ по всему Востоку, такъ какъ жизненные интересы этихъ народовъ сосредоточиваются главнымъ образомъ на половой дѣятельности; отсюда возникаетъ потребность въ утонченности и разнообразіи; поэтому настоящій урнингизмъ, соединенный съ отвращеніемъ къ женщинѣ, встрѣчается здѣсь сравнительно рѣдко; любовь восточныхъ людей къ мальчикамъ въ большинствѣ случаевъ просто повышенная чувственность чрезмѣрно возбудимыхъ въ половомъ отношеніи людей. Относительно Персіи, Египта, Аравіи и Марокко сообщаютъ, что въ этихъ странахъ мальчики, служащіе для полового наслажденія, составляютъ необходимую принадлежность каждаго дома. Въ Южной и Средней Америкѣ гомосексуальныя отношенія очень распространены; вырожденіе смѣшанной расы способствуетъ развитію этого порока. Напротивъ, въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ туземцы истреблены, онъ менѣе распространенъ. Въ Японіи низкій уровень народной нравственности естественно сказывается и въ этомъ направленіи. Ужасающее положеніе дѣлъ находимъ въ Китаѣ, гдѣ мальчиковъ ласкаютъ публично и всюду учреждены публичные дома съ мальчиками. Въ современной Европѣ сильно заражены Англія, Франція, Италія, Португалія, Греція, Россія и Германія. Этотъ порокъ встрѣчается также и у дикарей: у индѣйцевъ Канады и бродячихъ племенъ Камчатки, у первобытныхъ обитателей Мексики и Южной Америки, въ Меланезіи и Полинезіи, въ Малайскомъ архипелагѣ и у народностей Африки. Иногда мальчики воспитываются спеціально для этой цѣли. Въ другихъ мѣстахъ педерастія существуетъ какъ религіозный обычай.

Рис. 209. Алкивіадъ.
Бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

Многимъ историческимъ личностямъ приписываются гомосексуальныя наклонности. Но къ этимъ указаніямъ нужно относиться съ большой осторожностью, такъ какъ урнинги стремятся зачислить въ свои ряды всѣхъ выдающихся людей, и писатели гомосексуалы часто впадали въ ошибку, принимая страстныя и мечтательныя выраженія дружбы такихъ людей за доказательство ихъ гомосексуальной природы. Восторженная, мечтательная дружба, поцѣлуи и объятія друзей, клятвы въ любви и пренебреженіе или равнодушіе къ женщинѣ еще не могутъ считаться доказательствами извращеннаго полового чувства.

Въ качествѣ типичнаго образчика пріемовъ гомосексуальныхъ писателей назовемъ „Lieblingsminne und Freundesliebe“ Элизара Купфера, трактующую объ исторически извѣстныхъ отношеніяхъ дружбы и любви. Разумѣется, лишь ничтожно малая часть этихъ отношеній имѣла половую окраску. Но умышленно объединивъ безпорядочное описаніе этихъ разнородныхъ отношеній подъ общимъ заголовкомъ, авторъ этимъ самымъ создаетъ для себя положеніе, выгодное въ двойномъ отношеніи: любопытствующему читателю даютъ понять, что вся эта дружба есть не что иное какъ половая любовь къ мальчикамъ („Lieblingsminne“); если-же онъ съ негодованіемъ протестуетъ противъ такого оскверненія всякихъ нѣжныхъ отношеній, ему, пожимая плечами, указываютъ на выраженіе „любовь къ другу“ („Freundesliebe“) въ томъ же заголовкѣ, — выраженіе, подъ которымъ подразумѣвается простая дружба.

Пристрастіе къ скандалу, охотно обвиняющее монарховъ, знаменитыхъ людей и духовныхъ лицъ во всевозможныхъ порокахъ, также искажаетъ сужденіе историковъ.

О гомосексуальныхъ отношеніяхъ у древнихъ іудеевъ у насъ нѣтъ свѣдѣній. Утвержденіе, будто отношенія Іонафана къ Давиду имѣли гомосексуальный

характеръ, есть только смѣлая фантазія урнинговъ. — Относительно грековъ Калліаса, Алкивіада (рис. 209), Критія и Павзанія достовѣрно извѣстно, что они предавались гомосексуальнымъ отношеніямъ. — Маркъ Антоній и Катилина обвинялись въ этомъ порокѣ — правда, только своимъ политическимъ противникомъ, Цицерономъ. Цезарю приписываютъ половыя сношенія съ вифинскимъ царемъ Никомедомъ. Изъ римскихъ Цезарей Калигула, Неронъ, Тиверій, Гальба, Оттонъ, Титъ, Домиціанъ, Нерва, Траянъ, Адріанъ, Геліогабалъ и другіе обвинялись въ этомъ порокѣ историками, правда, не совсѣмъ безпристрастными. — О карфагенскихъ полководцахъ было упомянуто уже выше. — Во Франціи Генрихъ III (рис. 210), великій Конде (рис. 211), Филиппъ Орлеанскій (братъ Людовика XIV), кардиналъ Мазарини (рис. 212) несомнѣнно были урнингами или развратниками. — Исключительно развратникомъ былъ графъ Брюль, министръ Августа Саксонскаго. Почти съ абсолютной достовѣрностью обвиняются въ гомосексуальныхъ наклонностяхъ также слѣдующія лица: Карлъ XII шведскій (рис. 213), Эмиль-Марія Вакано, Оскаръ Уайльдъ, графъ Шакъ, Винкельманъ, Верлэнъ, Уотъ Уитманъ, генералъ Гекторъ Макдональдъ, быть можетъ также поэтъ графъ Платенъ и нѣкоторыя коронованныя особы новаго и новѣйшаго времени. — Предполагается, но не доказано, что тѣмъ же порокомъ страдали слѣдующія лица: Сократъ, Платонъ, Александръ Македонскій, Гефестіонъ, императоръ Августъ, папа Сикстъ V, Іаковъ I англійскій, Рудольфъ II габсбургскій, Микель Анджело, историкъ Іоганъ Мюллеръ, авторъ дѣтскихъ сказокъ Андерсенъ, Шекспиръ и поэтесса Сафо.

Рис. 210.
Генрихъ III, король Франціи.
Съ картины школы Фонтенебло XVI столѣтія.

Рѣшительно безъ всякихъ доказательствъ обвиняются въ томъ же порокѣ Эдуардъ II англійскій, Вильгельмъ Оранскій, Петръ Великій, папа Левъ X, Жанъ Кальвинъ, Теодоръ Беза, Торквато Тассо, Грильпарцеръ, Мольеръ, Бетховенъ, Карлъ-Марія Веберъ, Фридрихъ Шиллеръ (!), Рихардъ Вагнеръ (!), Ницше, Карлъ фонъ-Гольтей, принцъ Евгеній, Морисъ фонъ-Швиндъ, Тилли и Рафаэль (!!). Даже величайшій поэтъ Германіи не избѣжалъ этого подозрѣнія, такъ какъ въ своихъ застольныхъ пѣсняхъ онъ изображаетъ гомосексуальную любовь. Но для такого подозрѣнія Гёте, если можно такъ выразиться, обладалъ слишкомъ здоровымъ распутствомъ, и если ужъ кому-нибудь желательно унизить его, то скорѣе можно выставлять его бабникомъ, чѣмъ урнингомъ. Съ еще большимъ основаніемъ можно сказать то же самое объ англійскомъ поэтѣ лордѣ Байронѣ, который несомнѣнно былъ обыкновеннымъ, а не урнингическимъ развратникомъ. Его великій землякъ Шекспиръ также неосновательно занесенъ на золотую доску урнинговъ, за нѣсколько страстныхъ сонетовъ, обращенныхъ къ мужчинѣ. Въ высшей степени легкомысленно обвиняли Льва X и Микель Анджело. Біографъ перваго прославляетъ его исключительное цѣломудріе. Что касается Буонароти, этого мощнаго, гордаго, одареннаго сильнѣйшей волей къ власти и самоопредѣленію мастера и одного изъ самыхъ цѣломудренныхъ людей, то для обвиненія его нѣтъ рѣшительно никакихъ до-

казательствъ за исключенiемъ того, что онъ не имѣлъ никакихъ любовныхъ отношенiй, а вмѣсто нихъ, соотвѣтственно духу своего времени Возрожденiя съ его подражанiемъ античной древности, предавался культу восторженной мечтательной дружбы. Относительно Рафаэля Санцiо, который какъ никто предавался культу женщины, возведя ее въ санъ царицы небесъ, можно сказать то же самое.

* *
*

Въ нашихъ очеркахъ мы уже не разъ встрѣчались съ явленiемъ замѣщенiя естественнаго полового раздраженiя своеобразными раздражающими представленiями, которыя могутъ показаться безсмысленными, однакоже связаны какими-то невидимыми нитями съ половыми представленiями. Напомнимъ о вышеописанныхъ дѣятельныхъ и страдательныхъ любителяхъ символическаго болевожделѣнiя. Всю группу этихъ явленiй, при которыхъ нормальное половое удовлетворенiе часто замѣщено символической формой, можно назвать эротическимъ символизмомъ.

Рис. 211. Людовикъ принцъ Конде. (Великiй Конде.)
Старинная гравюра.

Особое мѣсто въ этой группѣ занимаетъ фетишизмъ. Въ этомъ случаѣ какая-нибудь часть тѣла является символомъ всего тѣла. Раздраженiя, исходящiя отъ этой части, дѣйствуютъ на фетишиста такъ сильно, что перевѣшиваютъ влiянiе всей личности и устраняютъ или почти устраняютъ его. Корни фетишизма таятся уже въ здоровомъ человѣкѣ. Бинэ, Ломброзо и Крафтъ-Эбингъ считаютъ фетишизмъ даже неразлучнымъ спутникомъ нормальной любви и нормальнаго полового раздраженiя. Притягательная сила и чары любви, оказываемыя одной личностью па другую такъ, что эта послѣдняя вполнѣ прилѣпляется къ первой и, по крайней мѣрѣ въ теченiе нѣкотораго времени, только совершенно равнодушно относится къ другимъ личностямъ, есть одно изъ самыхъ цѣнныхъ, самыхъ цѣлесообразныхъ установленiй во всемъ царствѣ природы. Это одинъ изъ рычаговъ, создавшихъ единобрачiе, которое содѣйствуетъ культурѣ и цивилизацiи, является опорою государства, нравственности и общества. Если бы чувственныя и душевныя возбужденiя всегда равномѣрно исходили отъ всей личности, то раздраженiя въ качественномъ отношенiи различались бы очень мало. Это и бываетъ, вообще говоря, въ тѣхъ случаяхъ, когда женщиною интересуются исключительно какъ половымъ объектомъ, безразличнымъ въ отношенiи своихъ душевныхъ и остальныхъ

тѣлесныхъ свойствъ, когда ею пользуются для мимолетнаго удовлетворенія мужской похоти посредствомъ акта совокупленія. Но за исключеніемъ этихъ случаевъ влеченіе возбуждаютъ только совершенно опредѣленныя и совершенно различныя въ отдѣльныхъ случаяхъ тѣлесныя и душевныя свойства; если же весь образъ въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе, то лишь потому, что душевное и тѣлесное состояніе воспринимающаго случайно оказываются благопріятными для этого, то есть потому, что объекту соотвѣтствуютъ, такъ сказать, хорошее освѣщеніе и хорошая фотографическая пластинка. Извѣстно фетишистское дѣйствіе отдѣльныхъ частей женскаго тѣла и женскаго платья: дѣйствуютъ глаза, волосы, цвѣтъ волосъ, лицо, талія, бедра, руки, ноги, ротъ, даже запахъ, при томъ какъ естественное испареніе, такъ и искуственные духи, дѣйствуютъ также цвѣтъ и покрой платья, перчатки, чулки, обувь, шляпа и пр.

Рис. 212. Кардиналъ Мазарини.
Гравюра Ф. Пуальи съ портрета П. Миньяра.

Половыя раздраженія исходятъ отъ одежды потому, что въ ней проявляется половой характеръ носителя. Поэтому мода пользуется одеждою для того, чтобы подчеркнуть и усилить характерные признаки (грудь, тазъ, формы мускуловъ, ширину плечъ, мужскіе половые органы и т. д.).

Но допускать вмѣстѣ съ Штрацемъ и другими, что первоначально назначеніемъ одежды было не прикрываніе нагого тѣла, а его украшеніе съ цѣлью усилить половое влеченіе, значило бы заходить слишкомъ далеко. Что мы знаемъ о побудительныхъ мотивахъ, заставившихъ, много тысячъ лѣтъ тому назадъ, первобытныхъ людей одѣть свое тѣло? Можно предполагать, что тутъ играли роль самыя разнообразныя цѣли: въ одномъ случаѣ къ употребленію одежды привело желаніе украсить свое тѣло, въ другомъ—суровость климата. Чувство стыда могло приводить къ одеждѣ, и наоборотъ — одежда могла развивать чувство стыда. Въ противоположность одеждѣ, татуировка съ самаго начала была украшеніемъ и, можетъ быть, также средствомъ привлеченія. Но относить ее цѣликомъ къ половой жизни на томъ основаніи, что иногда она предпринималась ради выставленія напоказъ половыхъ органовъ, или въ связи съ половыми процессами, значитъ впадать въ одно изъ тѣхъ печальныхъ преувеличеній, которыми часто грѣшатъ одаренные фантазіей писатели.

Подобно тому, какъ платье и отдѣльныя части тѣла могутъ быть предметомъ фетишизма, встрѣчаются подчасъ любители отдѣльныхъ душевныхъ свойствъ. Какъ женщина можетъ оказывать въ смыслѣ фетишизма вліяніе на мужчину, такъ и обратно—опредѣленныя мужскія частичныя явленія дѣйствуютъ на женщинъ. Такъ называемые „красавцы“ мужчины, пышущія силою мужскія фигуры, мужскія характерныя свойства и недостатки, благородство,

мужество, сила, рыцарское достоинство, но также и поручикъ, цирковый наѣздникъ, первый теноръ и волокита, далѣе обладатель „идеальныхъ" усовъ, равно какъ и обладатели духовныхъ и эстетическихъ преимуществъ, могутъ играть роль разбивателей сердецъ. Такъ какъ одному нравятся однѣ, другому другія свойства, то извѣстныя лица, обладатели волшебнаго фетиша, возбуждаютъ влеченіе, другія — нѣтъ или не въ такой степени. Такъ возникаютъ склонности, пристрастія, симпатіи отдѣльныхъ лицъ. Такъ какъ зрѣлище фетиша связано съ особенными сладострастными ощущеніями, то и самъ носитель фетиша долженъ возбуждать подобныя же сладострастныя ощущенія; любовь обобщается, переносится съ части на цѣлое, и частичное явленіе дѣйствуетъ съ такою силой, что самыя пошлыя черты цѣлаго, даже серьезные недостатки упускаются изъ вида или даже кажутся привлекательными. Въ восторженномъ увлеченіи цѣлому приписываются такія достоинства, что всякій, на кого фетишъ не дѣйствуетъ, найдетъ эту оцѣнку смѣхотворной или преувеличенной. — Такимъ образомъ нормальная любовь дѣлаетъ заключеніе отъ части (фетишъ) къ цѣлому, конечно часто неправильное. Другое дѣло болѣзненный фетишизмъ. Начинается онъ такъ же, какъ нормальная любовь. Ему тоже цѣлое кажется желаннымъ изъ-за части. Но тогда какъ тамъ (въ случаѣ нормальной любви) другія частичныя свойства вслѣдствіе ихъ связи съ фетишемъ кажутся такими же прекрасными, какъ фетишъ, — здѣсь сладострастныя чувства, возбуждаемыя фетишемъ, такъ сильны, что фетишистъ почти или вовсе не заботится о другихъ свойствахъ; ихъ дѣйствіе совершенно заглушается. Въ періодъ „юной любви" всякій, кто умѣетъ кропать стишки, воспѣваетъ „очи", „воздушную походку" и „пышныя кудри" своей возлюбленной, обожаетъ цвѣтокъ, письмо, ленточку дамы своего сердца, какъ вѣрующій частицу креста Господня; эти тѣлесные или вещественные аттрибуты могутъ быть фетишами, они могутъ придавать прелесть возлюбленной; но во всякомъ случаѣ въ сознаніи влюбленнаго они являются предметомъ обожанія только потому, что составляютъ часть любимой особы. Напротивъ, для ненормальнаго субъекта фетишъ самъ по себѣ есть все; фетишъ поглощаетъ весь его интересъ. Онъ уже не половое раздражающее средство, а становится непосредственнымъ объектомъ разряженія энергіи полового чувства. Слѣдствіемъ является то, что въ нормальномъ случаѣ фетишъ, разлученный съ тѣломъ своего носителя и съ воспоминаніемъ о послѣднемъ, теряетъ всякій интересъ, тогда какъ здѣсь онъ можетъ въ большей или меньшей степени сохранить интересъ. Поэтому фетишистъ не только нуждается въ фетишѣ для подготовки или во время

Рис. 213.
Король Карлъ XII шведскій.
Гравюра М. Бернигерота.

осуществленія полового акта, чтобы достигнуть необходимаго настроенія и возбужденія, но часто бываетъ и такъ, что противоестественныя возбужденія при посредствѣ фетиша и различныя дѣйствія съ нимъ замѣняютъ для такого человѣка всякое половое общеніе. При такихъ обстоятельствахъ понятно само собой, что онанизмъ у многихъ фетишистовъ играетъ гораздо большую роль, чѣмъ нормальное половое общеніе. Этотъ порокъ, виновникъ столькихъ извращенностей, создаетъ и здѣсь невропатическую почву, благопріятныя условія для дѣйствія случайныхъ причинъ и для полового безсилія даннаго субъекта; онъ доставляетъ фитишисту возможность удовлетворять ненормальное побужденіе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда (какъ, напримѣръ, при фетишизмѣ обуви) больному трудно установить связь между культомъ фетиша и совокупленіемъ, и служитъ, вообще, вспомогательнымъ средствомъ удовлетворенія для многихъ половыхъ инвалидовъ этой группы.

И на болѣзненныхъ фетишистовъ могутъ оказывать притягательное дѣйствіе всѣ части женскаго тѣла и женской одежды.

Одинъ можетъ имѣть общеніе только съ женщиной, обладающей этимъ фетишемъ, другой достаетъ его изображеніе, или (если дѣло идетъ о частяхъ одежды) самый фетишъ и предается при его помощи, или только глядя на него, тайному грѣху, для третьяго нелѣпыя и повидимому лишенныя всякаго значенія манипуляціи съ фетишемъ замѣняютъ всякій половой актъ. Фетишистомъ волосъ, или, точнѣе сказать, фетишистомъ парика, былъ тотъ странный господинъ, который, по сообщенію Жеми, могъ имѣть общеніе съ женою лишь въ томъ случаѣ, если она надѣвала парикъ, а онъ нѣжно ласкалъ его во время совокупленія. Такъ какъ парикъ служитъ только отъ пятнадцати до двадцати дней, то въ теченіе пяти лѣтъ эта супружеская чета извела ихъ немало: семьдесятъ двѣ штуки. Къ фетишистамъ волосъ принадлежатъ также отрѣзыватели косъ, которые, время отъ времени, появляются въ большихъ городахъ и обрѣзаютъ въ давкѣ косы у дѣвушекъ. Дѣлая это, они подчиняются почти неодолимому влеченію. Въ моментъ обрѣзыванія такой субъектъ испытываетъ все сладострастіе любви. Похищенные волосы служатъ затѣмъ для онанизма. (У одного такого субъекта нашли шестьдесятъ пять косъ и локоновъ, тщательно разсортированныхъ по конвертамъ.) Какъ всѣ вообще разстройства полового чувства, фетишизмъ можетъ соединяться съ другими ненормальностями. Въ такомъ случаѣ уже въ выборѣ фетиша можетъ проявиться болѣзненность. Къ группѣ дѣятельныхъ болевождѣлѣющихъ садистовъ принадлежатъ, какъ мы видѣли, подкалыватели дѣвушекъ, любители сѣченія мальчиковъ, сладострастные убійцы и т. п. субъекты; для нихъ фетишемъ является текущая кровь, боль и крикъ истязуемаго, удушеніе и чувство удушья. Осквернителямъ труповъ, которые съ безумной яростью и возбужденіемъ кромсаютъ на куски трупъ, соотвѣтствуютъ фетишисты, разрывающіе во время занятія онанизмомъ украденный фетишъ, напр., носовой платокъ, фартукъ и т. п. Но и у страдательныхъ болевождѣлѣющихъ мазохистовъ бываетъ свой фетишъ: „дама въ шубѣ“, кнутъ, жесты госпожи и т. п. По этому поводу можно напомнить о любителяхъ грязнаго полового наслажденія, „любовные восторги“ которыхъ требуютъ выпачкиванія женщины или выпачкиванія самого себя женщиною (каломъ, мочею, сѣменемъ, плевками и т. п.) Мы отнесли ихъ къ болевождѣлѣющимъ, но подобное явленіе можно найти и у фетишистовъ. Фетишемъ въ такомъ случаѣ является какой-нибудь продуктъ выдѣленія. Не такъ неаппетитно, но немногимъ лучше, пристрастіе нѣкоторыхъ чудаковъ къ женщинамъ, обладающимъ тѣми или другими физическими недостатками (напримѣръ косоглазіемъ, хромотою и т. п.). Фетишизмъ башмаковъ и туфель принадлежитъ, по мнѣнію Крафтъ-Эбинга, главнымъ образомъ, къ страдательному болевождѣлѣнію, такъ какъ эти предметы напоминаютъ о топтаніи ногами, т. е. о въ высшей степени унижающемъ проявленіи насилія надъ другимъ. Но бываютъ также случаи фетишизма обуви, не имѣющіе никакого отношенія къ мазохизму. (Такъ, одинъ паціентъ Гаммонда, страдавшій фетишизмомъ башмака, могъ вступить въ общеніе съ своей молодой женой только представляя себѣ ее башмакомъ, для чего вѣшалъ надъ постелью башмакъ, на который глядѣлъ во время совокупленія. На границѣ нормальнаго находится поступокъ рыцаря поляка, пьющаго за здоровье

своей дамы изъ ея башмака.) Простой фетишизмъ ногъ встрѣчается далеко не такъ часто, такъ какъ голую ногу гораздо рѣже случается видѣть, чѣмъ обутую. По той же причинѣ фетишизмъ перчатки, наоборотъ, гораздо рѣже фетишизма рукъ, такъ какъ руки чаще приходится видѣть безъ перчатокъ. Изъ остальныхъ предметовъ женской одежды фетишами всего чаще оказываются носовой платокъ и передникъ. Наиболѣе извѣстенъ случай Фритча (Крафтъ-Эбингъ), булочнаго подмастерья, котораго эта страсть заставила воровать носовые платки; при обыскѣ у него нашли четыреста сорокъ шесть дамскихъ носовыхъ платковъ (кромѣ того, по его словамъ, онъ сжегъ двѣ связки). Другіе фетишисты не отдѣляютъ фетиша отъ тѣла женщины; это любители извѣстныхъ нарядовъ: одному нравится только дама въ пышномъ туалетѣ, другому костюмъ маленькой дѣвочки, служанки, „тирольской" пѣвицы или одежда монахини, невѣсты, саванъ трупа. Въ Парижѣ есть дома терпимости, обладающіе цѣлымъ маскараднымъ гардеробомъ для удовлетворенія извращенныхъ вкусовъ посѣтителей. Къ этому фетишизму одежды относятся тѣ случаи, когда только одѣтая, а не нагая женщина возбуждаетъ мужчину. Этого явленія не слѣдуетъ смѣшивать съ общеизвѣстнымъ фактомъ (которымъ пользуются всѣ мастера порнографіи), что искусно прикрытое тѣло возбуждаетъ сильнѣе, чѣмъ открытое, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣйствуетъ иллюзія; подъ искусной драпировкою фантазія рисуетъ себѣ нѣчто особенно привлекательное; напротивъ, фетишистъ одежды чурается всякой иллюзіи; для него привлекательное заключается въ самомъ фетишѣ. Наконецъ фетишемъ можетъ быть извѣстная матерія. Возбуждающее шуршаніе шелковыхъ юбокъ, сладострастное ощущеніе при прикосновеніи къ бархату или мѣху (поэтому и къ живымъ животнымъ) описывались уже не разъ. Можетъ быть также желаннымъ извѣстное состояніе фетиша. Ноги или башмаки должны быть грязными, руки запачканными въ сажѣ, бѣлье заношено и т. д.

Значеніе болѣзненнаго фетишизма заключается въ порождаемомъ имъ половомъ безсиліи мужчинъ, а также и въ столкновеніяхъ съ закономъ, къ которымъ часто приводитъ фетишиста его ненормальность.

Половое безсиліе можетъ быть уже на лицо и обусловливаться исключительно онанизмомъ; въ такомъ случаѣ оно обыкновенно является результатомъ поврежденія половыхъ центровъ спинного мозга. Но въ большинствѣ случаевъ половое безсиліе является душевнымъ явленіемъ; половое раздраженіе вызывается только фетишемъ; если его нѣтъ, наступаетъ холодность или, по крайней мѣрѣ, пониженная чувствительность. Поэтому половыя сношенія часто оказываются возможными только при помощи всевозможныхъ ухищреній, сосредоточенія фантазіи на фетишѣ. Фетишистъ беретъ съ собой въ постель свой дамскій платокъ или башмакъ и сосредоточиваетъ на немъ всѣ свои мысли. Вслѣдствіе этого половыя сношенія часто оказываются тягостными и доставляютъ меньше наслажденія, чѣмъ простой онанизмъ. Но въ другихъ случаяхъ и вспомогательныя средства не помогаютъ; человѣкъ оказывается половымъ инвалидомъ; а такъ какъ въ большинствѣ случаевъ онъ обладаетъ крайней половой возбудимостью, то безсиліе причиняетъ ему серьезныя страданія, и онъ окончательно предается онанизму. При всемъ томъ улучшеніе и исцѣленіе посредствомъ гипнотическаго внушенія возможно.

Фетишисты одежды часто овладѣваютъ своимъ фетишемъ противозаконно, путемъ воровства или грабежа; садистически окрашенный фетишизмъ побуждаетъ другихъ разрѣзать на дамахъ въ давкѣ платья, опрыскивать ихъ кислотой, отрѣзывать косы. Виновники такихъ дѣйствій попадаютъ подъ судъ за воровство, грабежъ, порчу вещей и тѣлесныя поврежденія. Большинство ихъ не могутъ сослаться на непреодолимое побужденіе или на слабоуміе, какъ смягчающее обстоятельство, и потому подвергаются законной карѣ. Въ другихъ случаяхъ наличность непреодолимаго побужденія очевидна; именно, при періодическомъ, лишь временно обнаруживающемся фетишизмѣ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда проступки совершаются только въ состояніи опьяненія. Разумѣется, бываютъ юридическія недоразумѣнія. Почти невѣроятнымъ кажется тотъ фактъ, что, напр., одинъ нижнебаварскій крестьянинъ, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ человѣкъ рабо-

тящій и честный, шесть разъ былъ осужденъ за кражу носовыхъ платковъ, пока, наконецъ, въ седьмой разъ болѣе толковый разборъ обнаружилъ его болѣзненность. Эта странная болѣзнь обнаруживается только на почвѣ ненормальнаго или болѣзненнаго душевнаго состоянія. Соотвѣтственно тому фетишисты обнаруживаютъ также и другія душевныя ненормальности и половыя извращенія. Затѣмъ уже на почвѣ этого предрасположенія легко пріобрѣтается фетишизмъ. Дѣйствительно, не подлежитъ повидимому никакому сомнѣнію, что чистыя случайности, случайное совпаденіе какого-нибудь происшествія съ половымъ возбужденіемъ, могутъ надолго опредѣлить направленіе полового чувства индивидуума, надолго сдѣлать фетишемъ тотъ или другой предметъ. Такія случайности могутъ имѣть мѣсто при играхъ, чтеніи, различныхъ занятіяхъ и онанизмѣ дѣтей. Это совпаденіе случается въ періодъ пробужденія полового чувства; позднѣе оно изглаживается изъ памяти; подобнымъ же образомъ можетъ возникать фетишизмъ нормальнаго человѣка. Но въ этомъ случаѣ фетишъ не въ такой степени является господиномъ положенія; онъ допускаетъ на ряду съ собою и другія половыя возбужденія.

Возможныя половыя извращенія далеко не исчерпываются вышеперечисленными группами. Развратники и развращенные люди придумываютъ самыя невозможныя вещи. Очень обыкновенно намѣренное обнаженіе половыхъ частей на глазахъ дѣтей и женщинъ, такъ называемый эксгибиціонизмъ, часто соединяющійся съ публичнымъ онанизированіемъ. Дурацкую противоположность ему представляютъ субъекты, стремящіеся шлепать или гладить женщинъ по закрытому заду въ давкѣ („Frotteurs"). Вообще эти субъекты, люди съ повышенной половой раздражимостью, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ лишены возможности удовлетворить себя нормальнымъ способомъ; поэтому виновниками такихъ дѣйствій часто оказываются подростки, гомосексуалы или старые половые инвалиды. Иногда играютъ роль садистическіе мотивы, сознаніе грубаго дѣйствія. Эксгибиціонизмъ вслѣдствіе суевѣрія (религіозные обряды) или какъ грубый народный обычай (обнаженіе зада въ знакъ презрѣнія) не имѣетъ ничего общаго кромѣ названія съ половымъ эксгибиціонизмомъ. — Люди, оскверняющіе статую, носятъ названіе пигмаліонистовъ, по имени греческаго художника Пигмаліона, влюбившагося въ статую собственной работы. Въ подобныхъ случаяхъ дѣло идетъ большею частью о субъектахъ съ чрезвычайно повышенной половой возбудимостью, не находящихъ другого способа удовлетворенія; поэтому здѣсь также фигурируютъ гомосексуалы. Нѣкоторые усматриваютъ здѣсь садистическій моментъ въ виду неподвижности статуи или даже сближаютъ это явленіе съ некрофиліей въ виду того, что статуя холодна. Другіе толкуютъ объ эстетическихъ побудительныхъ мотивахъ, но все это гипотезы, лишенныя основанія. Въ близкомъ родствѣ съ вышеназванными обнажателями половыхъ частей находятся субъекты, которымъ доставляетъ удовлетвореніе выкрикивать женщинѣ въ ухо грязныя слова. Быть можетъ, исключительно духовный онанизмъ практикуютъ тѣ, которые мысленно насилуютъ сидящую противъ нихъ или только представляемую ими женщину. Есть мужчины, которыхъ сознаніе наличности

друга дома приводитъ въ пріятное возбужденіе, есть и такіе, которые водятъ своихъ женъ въ домъ терпимости и даже наслаждаются зрѣлищемъ ихъ совокупленія съ посѣтителями дома. Въ подобныхъ случаяхъ могутъ играть роль мазохистическія влеченія на ряду съ половымъ возбужденіемъ, которое вызывается зрѣлищемъ или представленіемъ половыхъ сценъ („миксоскопія“ и „Voyeurs“). Объ отвратительныхъ „нюхателяхъ“ („Schnüffler“) и „губочникахъ“ („epongeurs“) мы уже упоминали, говоря о мазохизмѣ. Другіе находятъ наслажденіе въ подсматриваніи изъ какого-нибудь уголка испражняющихся или мочащихся женщинъ. Близкое сосѣдство половыхъ органовъ и выдѣленій, побуждаютъ фантазію связывать эти вещи; но и мазохизмъ можетъ играть при этомъ извѣстную роль. „Науку“, которая изслѣдуетъ отношенія между половымъ наслажденіемъ и выдѣленіями, окрестили звучнымъ именемъ „скатологіи“, и представители ея съ большимъ запасомъ „учености“ доказываютъ, что всюду и во всѣ времена имѣлись любители подобнаго свинства. Какъ мужчины, такъ и женщины занимаются иногда содоміею (скотоложствомъ). Содомія отчасти обусловлена садизмомъ.

Нѣкоторые изъ этихъ субъектовъ, какъ уже упомянуто, только люди съ чрезмѣрно повышенной половой возбудимостью, часто испорченные. Другіе поражены различными разстройствами (слабоуміе, эпилепсія, неврастенія, идіотизмъ и др.); мужчины, которые практикуютъ совокупленіе въ задъ, въ ротъ, между грудями или подмышку женщины, обыкновенно не принадлежатъ къ числу душевнобольныхъ, равно какъ и женщины, предающіяся лесбійской любви. Рѣшеніе вопроса о томъ, считать ли даннаго субъекта душевно здоровымъ или душевно больнымъ, имѣетъ громадное значеніе для судебной оцѣнки его дѣйствій, въ случаѣ жалобы. Значительная часть этихъ поступковъ несомнѣнно является результатомъ душевной болѣзни. Поступки совершаются либо подъ вліяніемъ дѣйствительно непреодолимаго побужденія, либо же отсутствуетъ сознаніе наказуемости преступленія, доходящее въ нѣкоторыхъ случаяхъ до полнаго омраченія сознанія. Въ случаяхъ слабоумія, эпилепсіи, идіотизма и многихъ другихъ душевныхъ болѣзней, это очевидно. Но иногда сознаніе и воля не въ такой сильной степени ограничены и можетъ послѣдовать обвинительный приговоръ, несмотря на то, что ненормальное душевное состояніе должно бы было послужить „смягчающимъ обстоятельствомъ“. Мужчины (въ Австріи и женщины), вступающіе въ половыя отношенія съ представителями своего пола, субъекты, занимающіеся скотоложствомъ или оскверненіемъ труповъ, садисты и фетишисты, въ случаѣ столкновенія съ закономъ, обыкновенно также присуждаются къ наказанію. Но такъ какъ большая часть подобныхъ преступниковъ поражена болѣзненнымъ предрасположеніемъ, то на этой почвѣ развилось серьезное, можно даже сказать, враждебное столкновеніе между судьями и врачами, въ существованіи котораго виноваты, по нашему мнѣнію, обѣ стороны. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые эксперты преувеличиваютъ болѣзненность обвиняемыхъ, даже иногда находятъ ее тамъ, гдѣ она отсутствуетъ. Можно вполнѣ понять судью, который послѣ одной изъ такихъ экспертизъ съ негодованіемъ воскликнулъ: „Но вѣдь въ такомъ случаѣ можно всякаго

отвѣтчика объявить кандидатомъ въ сумасшедшій домъ и требовать его освобожденія отъ суда, такъ какъ съ точки зрѣнія г-на эксперта нѣтъ человѣка, который не былъ бы извращеннымъ“. Мы не видимъ также особенной несправедливости въ томъ, что человѣкъ, одержимый болѣзненнымъ побужденіемъ, подвергается наказанію, такъ какъ удовлетвореніе болѣзненнаго побужденія вовсе не оправдывается его наличностью, подобно тому, какъ наличность нормальнаго побужденія еще не даетъ права удовлетворять его въ любомъ мѣстѣ и съ любымъ лицомъ. Но съ другой стороны нельзя отрицать, что многіе душевнобольные, которыхъ съ научной точки зрѣнія никоимъ образомъ нельзя считать вполнѣ отвѣтственными, приговаривались къ болѣе или менѣе тяжелымъ наказаніямъ, и что судьѣ вообще присуща наклонность принимать во вниманіе исключительно поступокъ, игнорируя личность того, кто его совершилъ. Но самъ по себѣ поступокъ еще ничего не говоритъ,—онъ можетъ быть совершенъ какъ больнымъ, такъ и здоровымъ. Рѣшающее значеніе имѣютъ ближайшія обстоятельства поступка, поведеніе виновника, его духовное и душевное состояніе. Если же судья не принимаетъ во вниманіе болѣзненнаго состоянія виновнаго, то онъ рискуетъ подвергать наказаніямъ людей невмѣняемыхъ или не вполнѣ вмѣняемыхъ; но это, пожалуй, еще наименьшее зло. Гораздо хуже то, что наказаніе обрушится не столько на виновнаго, сколько на общество. Вмѣсто того, чтобы признать садистическое чудовище больнымъ субъектомъ и обезвредить его на всю жизнь, посадивъ въ сумасшедшій домъ, его признаютъ преступникомъ и присуждаютъ къ наказанію, по отбытіи котораго онъ снова возвращается въ общество. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наша современная система наказаній въ не особенно отдаленномъ будущемъ подвергнется кореннымъ преобразованіямъ. Принципъ наказанія-возмездія долженъ уступить мѣсто обезвреживанію опасныхъ для общества лицъ. Принудительное лѣченіе больныхъ проститутокъ, несмотря на свою почтенную древность, вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ правовымъ понятіямъ. Оно примѣняется въ интересахъ самой проститутки и общества; подобнымъ же образомъ будущее правовое міросозерцаніе окажется полезнымъ какъ для самихъ извращенныхъ, такъ и для согражданъ, благополучію которыхъ они угрожаютъ.

Рис. 214. Одиссей и Калипсо. Съ картины Арнольда Бёклина.

Глава XIII.

Мужчина и женщина въ поэзіи.

Профессора Карла Боринскаго въ Мюнхенѣ.

Всякій, кто ознакомится съ современнымъ направленіемъ поэзіи культурныхъ народовъ, будетъ въ правѣ заключить, что все ея содержаніе и занятіе исчерпываются отношеніемъ между полами, и къ тому еще въ какой формѣ! „Изученіе истеріи представляетъ много привлекательнаго именно для поэта, который ex officio долженъ заниматься половою жизнью (!)“. Вотъ довольно краснорѣчивое изреченіе — одно изъ тысячъ подобныхъ же замѣчаній — заимствованное нами изъ одного современнаго еженедѣльника. Но что оно значитъ въ сравненіи съ предложеніемъ рекомендовать исторію литературы психіатрамъ, какъ собраніе матеріаловъ по половой патологіи, — предложеніемъ, которое во всеуслышаніе дѣлалось въ послѣднее время?!

Оставляя въ сторонѣ юмористическую сторону и отчасти лукавую иронію подобныхъ заявленій, простая возможность ихъ и сочувствіе, встрѣчаемое ими, въ особенности въ женскомъ обществѣ, достаточно ясно говорятъ о значеніи нашего современнаго понятія о поэзіи для вопроса, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ томѣ. Въ большой публикѣ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ дарвинизма, привыкли думать, что какъ „исторія есть продолженіе зоологіи“, такъ поэзія есть спеціальное человѣческое выраженіе полового подбора. То самое побужденіе, которое на-

дѣляетъ достигшаго половой зрѣлости самца ослѣпительными красками, задорнымъ гребнемъ, внушительной гривой и т. п., которое приводитъ къ борьбѣ оленей, къ токованію тетеревовъ и проч., которое достигаетъ уже извѣстной художественной высоты въ ритмическомъ рокотѣ, нѣжныхъ треляхъ и мелодичныхъ руладахъ пѣвчихъ птицъ, — то самое побужденіе звучитъ въ изящныхъ строфахъ, дѣйствуетъ въ очаровательныхъ образахъ, соблазняетъ въ увлекательныхъ любовныхъ приключеніяхъ поэта — при содѣйствіи или безъ содѣйствія музыки, первоначально всецѣло входившей въ него, въ поэтическое искусство. Этимъ именно объясняютъ явленіе, которое въ другихъ отношеніяхъ не совсѣмъ вяжется съ теоріей: современные толкователи античнаго ученія о furor poeticus (поэтическое неистовство) безъ церемоніи отбрасываютъ, какъ „натянутость“, своеобразную идеализацію, присущую вышедшей изъ моды, „устарѣвшей“ поэзіи, которая сама признается, что

Süsse Liebe denkt in Tönen,
Denn Gedanken stehn zu fern,
Nur in Tönen mag sie gern
Alles, was sie will, verschönen.

(Нѣжная любовь думаетъ звуками, мысли далеки отъ нея, только въ звукахъ она можетъ украсить все, что хочетъ.)

Именно въ интересахъ болѣе глубокаго пониманія нашей темы, мы должны если не вполнѣ отвергнуть, то значительно ограничить и исправить эти представленія. Во-первыхъ, не вѣрно, будто поэзія цѣликомъ входитъ въ область любовной жизни или исходитъ изъ этой области, будемъ ли мы изслѣдовать ея корни въ исторіи человѣчества (исторически), или въ жизни отдѣльныхъ лицъ (индивидуально, психологически). Не только исторія самой поэзіи, но и, въ еще большей степени, наиболѣе близкія къ ней науки о языкѣ и религіи, а съ другой стороны антропологія и біографія, подтверждаемыя данными новѣйшихъ отраслей знанія — политической экономіи и этнологіи — показываютъ намъ, что первоначальными и главнѣйшими возбудителями поэтическаго одушевленія были совершенно иныя стороны человѣческой природы: загадки міра и порождаемыя ими чувство зависимости, миѳотворчество и стремленіе къ жертвѣ; отношенія средствъ спеціально поэтическаго искусства — ритма и творческой фантазіи — къ потребности въ работѣ и отдыхѣ, при всевозможныхъ условіяхъ человѣческаго существованія въ городѣ и въ деревнѣ, у моря и въ горахъ; воздѣйствіе окружающей природы и образа жизни, а въ особенности человѣческихъ характеровъ; смѣна и измѣнчивость вещей. Особенно сильнымъ возбудителемъ поэзіи является при этомъ оборона отъ опасности, такъ что именно войны, трудныя предпріятія всякаго рода, колонизація, плаванія съ цѣлью открытій или случайныя и т. п. являются древнѣйшими темами поэзіи всѣхъ народовъ.

Можно, однако, согласиться съ тѣмъ, что исключительное выступленіе полового побужденія въ качествѣ возбудителя поэзіи характеризуетъ извѣстный возрастъ отдѣльныхъ лицъ, даже цѣлыя эпохи въ исторіи человѣчества, равно какъ и отдѣльные народы сравнительно съ другими! Но научное изслѣдованіе легко убѣждается, что чисто животная точка зрѣнія не приво-

дитъ къ пониманію этого явленія. Мало того, здѣсь не поможетъ и болѣе высокая такъ называемая естественная точка зрѣнія, разсматривающая человѣка въ связи съ остальнымъ животнымъ міромъ! Роль культуры въ такъ называемомъ развитіи человѣка не всегда заключается въ простомъ возвышеніи и облагораживаніи природы; нерѣдко она — къ сожалѣнію! — умерщвляетъ или искалѣчиваетъ эту природу, растлѣваетъ ее или придаетъ ей искусственный характеръ. Къ этому присоединяются трудности его спеціально человѣческаго духовнаго (предусматривающаго будущее) существованія, возрастающее усложненіе его жизненныхъ условій. — Все это приводитъ къ тому, что естественные законы половой жизни, кажущіеся такими простыми въ дарвиновской теоріи естественнаго подбора, разрѣшаются въ дѣйствительной человѣческой жизни въ полчище произвольныхъ нравственныхъ и безнравственныхъ обычаевъ, уклоненій и прямыхъ извращеній, особенныхъ и спеціальныхъ случаевъ, которые не всегда легко втиснуть въ удобную научную рубрику такъ называмого „вырожденія“.

Нѣтъ ничего болѣе диференцированнаго, болѣе „индивидуальнаго“, чѣмъ эта сторона человѣческой жизни. Въ ней все сводится къ особенному случаю,—отсюда право поэзіи на нее. Явленія „не-и противоестественнаго подбора“ (Miss- und Unzuchtwahl) — какъ можно ихъ назвать въ противоположность дарвиновскому естественному подбору — въ эпохи переразвитой культуры, подобной нашей, когда естественный образъ жизни крайне затрудненъ, даже совершенно неосуществимъ, дѣлаютъ половыя отношенія столь-же благодарнымъ, сколько доходнымъ предметомъ спекуляціи поэтическаго ремесла. Легко доказать, что такъ называемое „романтическое“ и „идеальное“ пониманіе половой любви, осуждаемое модернистами какъ ложное и ненаучное, въ дѣйствительности гораздо болѣе согласуется съ духомъ истиннаго естественнонаучнаго ученія. Къ сожалѣнію, именно на это ученіе ссылается „новая“, т. е. отвѣчающая требованіямъ минуты, вообще же давно извѣстная, практика такъ называемой „натуралистической“, т. е. половой литературы.

Но мы должны при этомъ ясно понять съ самаго начала, что даже простое и непосредственное перенесеніе естественныхъ отношеній половъ — принимая ихъ такъ, какъ они изображаются въ теоріи подбора — въ область поэзіи должно предварительно пройти сквозь призму спеціальной человѣческой природы. Оно должно принимать въ разсчетъ духовныя свойства человѣка. Ревъ, издаваемый при течкѣ, половой призывный крикъ, еще не „стихотвореніе“. Правда, вполнѣ элементарная сила молодого человѣческаго голоса („верхнее до“ теноровъ) уже производитъ на женщинъ не менѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ вся связанная съ нимъ поэзія и музыка. Но и оно должно быть по меньшей мѣрѣ искусственно обработано въ школѣ, его звукъ долженъ быть чистъ и равномѣренъ, иначе оно не плѣнитъ, а только напугаетъ или разсмѣшитъ женщину. Итакъ, искусство, какъ изліяніе спеціально человѣческаго духа, какъ его родовой признакъ, само принадлежитъ къ этимъ первоначальнѣйшимъ проявленіямъ человѣческой половой жизни въ поэтически музыкальной области.

Никто, сколько-нибудь знакомый съ условіями поэтическаго творчества, не можетъ видѣть въ самыхъ вольныхъ стихахъ, въ самыхъ сладострастныхъ картинахъ, простое проявленіе „течки". Они могутъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, они могутъ быть написаны въ разсчетѣ на это дѣйствіе. Но сочиненіе подобныхъ стиховъ, также какъ и созданіе самыхъ чувственныхъ изображеній голаго человѣческаго тѣла въ живописи и скульптурѣ должно происходить въ свободномъ отъ полового возбужденія состояніи, подъ вліяніемъ чисто эстетическихъ соображеній и разсчетовъ, иначе получится нѣчто смѣхотворное и безобразное. Именно, въ случаѣ неудовлетвореннаго полового влеченія, человѣческій духъ часто обнаруживаетъ стремленіе удалять и отталкивать отъ себя половыя представленія. Виландъ писалъ свои „серафическія" цѣломудренныя стихотворенія, когда былъ холостякомъ, неудовлетвореннымъ въ половомъ отношеніи, а свои скабрезныя вещи—когда сталъ солиднымъ и спокойнымъ женатымъ человѣкомъ.

Эти указанія имѣютъ существенное значеніе при обсужденіи вопроса о выраженіи половой жизни въ поэзіи. Она проявляется здѣсь съ самаго начала, соотвѣтственно природѣ поэтическаго творчества, не въ своей животной похотливой формѣ, но проникнутая, оживленная и, въ своихъ высшихъ выраженіяхъ, опредѣленная и просвѣтленная воздѣйствіями духа. Запомнимъ это и вспомнимъ о словахъ апостола! Въ отношеніяхъ филистерскаго брака, санкціонированнаго церковью и закономъ, не трудно найти то, что можно назвать не-духовнымъ, даже животнымъ. Въ самой сладострастной, въ самой легкомысленной любовной пѣсни Анакреона, Катулла, Беранже и Гейне вѣчно живетъ то, что находится въ связи съ святостью: духъ! Теперь намъ будетъ понятно одно изъ самыхъ поразительныхъ явленій половой жизни въ поэзіи, которое иначе моглобы показаться дикимъ и безсмысленнымъ. Это тотъ замѣчательный фактъ, что именно у народовъ духа и при томъ въ принятой ими книгѣ, созданіе которой приписывается такъ называемому святому Духу, въ Библіи, половая жизнь является символомъ наивысшаго, что можетъ постигнуть человѣческій духъ: символомъ его отношенія къ Божеству. Пожизненный союзъ мужа съ женою даетъ представленіе для пониманія совершенно не-чувственнаго или, если хотите, сверхчувственнаго отношенія: отношенія духовной основы міра къ человѣческой душѣ. Сначала подразумѣвалась душа народа Израильскаго, потомъ все болѣе и болѣе, уже у псалмопѣвцевъ и пророковъ, и наконецъ совершенно опредѣленно въ христіанствѣ — душа отдѣльнаго человѣка. Это нечувственное отношеніе понимается какъ „брачный союзъ", а въ „Пѣсни Пѣсней" даже какъ влюбленность жениха и невѣсты. Отреченіе отъ вѣры, безбожіе пророки характеризуютъ въ сильнѣйшихъ чувственныхъ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ области половой жизни, какъ нарушеніе брачнаго обѣта. Поэтому у старыхъ нѣмецкихъ переводчиковъ Библіи, а черезъ нихъ и вообще въ старомъ языкѣ, то, что мы нынѣ называемъ „ветхимъ и новымъ завѣтомъ", передавалось, вполнѣ согласно съ израильскимъ духомъ, выраженіемъ „ветхій и новый бракъ" (Altiu und niuwiu ê). Классическая миѳологія, быть можетъ подъ вліяніемъ восточ-

ныхъ воздѣйствій, возвышалась уже до подобнаго представленія. Въ прекрасной сказкѣ объ Эросѣ (Амурѣ) и Психеѣ человѣческая душа, являющаяся въ образѣ царской дочери, внушаетъ своей красотою и невинностью любовь самому богу любви.

И здѣсь невидимый богъ заключаетъ любовной союзъ въ формѣ половыхъ отношеній. Только, сообразно чистой поэтической фантазіи грековъ, невидимость символизируется здѣсь ночною темнотою: лишь по ночамъ приближается онъ къ своей возлюбленной и формально запрещаетъ ей видѣть его при свѣтѣ. Иначе онъ долженъ навсегда покинуть ее. Завидующая красотѣ Психеи мать бога, сама богиня красоты, Афродита (Венера) подговариваетъ ея завистливыхъ сестеръ внушить ей подозрѣніе, что ее посѣщаетъ по ночамъ безобразное чудовище (драконъ). Психея рѣшается освѣтить лампадкою своего возлюбленнаго на его ложѣ. Пораженная его неземной красотой, она роняетъ на его тѣло каплю горячаго масла изъ дрожащей лампады; онъ пробуждается — исчезаетъ. Возмущенная богиня любви (т. е. ея вожделѣніе!) подвергаетъ Психею несказаннымъ пыткамъ. Гонимая ею, она должна спуститься въ Адъ, но въ концѣ концовъ, послѣ самыхъ суровыхъ испытаній, просвѣтленная, освободившаяся отъ грѣха, возносится къ своему милому на небо (Олимпъ) (рис. 215).

Рис. 215. Вознесеніе Психеи. Съ фрески Рафаэля.

Въ цѣломъ ряду особенно популярныхъ поэтическихъ произведеній — напомнимъ, напримѣръ, о Паминѣ и ея матери, „царицѣ ночи“, въ „Волшебной флейтѣ“, о Лоэнгринѣ и Эльзѣ“ — не трудно найти точки соприкосновенія съ этимъ миѳическимъ первобытнымъ поэтическимъ творчествомъ. Но современной публикѣ и въ голову не приходитъ истинное значеніе этихъ образовъ, которое въ первобытномъ поэтическомъ творчествѣ выражается такъ очевидно, что становится яснымъ даже для профана въ поэзіи: именно, что здѣсь дѣло идетъ о символическомъ изображеніи естественнаго явленія, характернаго

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Геро и Леандръ.

По картинѣ Фердинанда Келлера.

для пробуждающейся половой жизни и для ея выступленія въ сознаніе, — явленія ночныхъ истеченій сѣмени (поллюцій). Изліяніе масла изъ лампады, которымъ сопровождается восхищеніе, и слѣдующее за нимъ исчезновеніе любимаго образа, такъ чувственно наглядно и въ то же время такъ чувственно благородно символизируютъ ночную грезу о половомъ общеніи, что мы въ правѣ усматривать въ этомъ миѳѣ мастерское произведеніе поэзіи, духовно просвѣтляющей чувственность на совершенно естественной почвѣ.

При этомъ, однако, не забыта и чисто духовная сторона. Нѣкоторые философы, проповѣдники воздержанія въ теоріи, равно какъ и проклинающій міръ и его воспроизведеніе Шопенгауэръ, усматриваютъ въ гоненіяхъ, которымъ подвергается Психея, принужденная служить богинѣ любви, ея любовныя муки и сознаніе полового грѣха. А это послѣднее можетъ возникать только вслѣдствіе фактическихъ, а не пригрезившихся, половыхъ сношеній. Но можетъ быть правильнѣе усматривать здѣсь намекъ на то, что разъ пробудившаяся половая потребность уже не знаетъ болѣе покоя, но томится и тоскуетъ по своемъ дополненіи „какъ идеалѣ“, пока наконецъ не найдетъ его послѣ своего преобразованія уже не въ этомъ мірѣ, а въ высшемъ, чисто духовномъ (т. е. въ небѣ)? Мы, по крайней мѣрѣ, усматриваемъ здѣсь глубокую основную идею, которую поэзія всегда стремилась найти въ благородномъ человѣческомъ элементѣ половой склонности. Она даетъ намъ въ то же время ключъ къ объясненію трагическаго пониманія высокаго и чистаго въ любви: пониманія, что „любовь первая даетъ страданіе“ (какъ выражается тоже очень древнее стихотвореніе: нѣмецкая пѣсня о Нибелунгахъ). И такое серьезное напоминаніе въ высокой поэзіи о полахъ, грезящихъ о небѣ, которое они найдутъ во взаимномъ общеніи, знакомо уже первобытной поэзіи. Въ духѣ строгаго обостренія брачной обязанности ея скорбями и тяготами, оно высказывается уже въ библейскомъ повѣствованіи о первой парѣ людей, „прародителей“ и ихъ изгнаніи изъ рая. Въ смыслѣ оплакиваемаго неосуществленнаго идеала любви она звучитъ и сѣтуетъ съ незапамятныхъ временъ въ народной пѣснѣ:

Es waren zwei Königskinder,
Die hatten einander so lieb.
Sie konnten beisammen nicht kommen,
Das Wasser war zu tief.

(Они были царскія дѣти и такъ любили другъ друга! Но вода была слишкомъ глубока, и имъ нельзя было сойтись.)

Наше художественное приложеніе, „Геро и Леандръ“, изображаетъ чисто символически, хотя въ одушевленной страстью ситуаціи, трагическую катастрофу осиротѣлой героической любви: мы видимъ достигшую наконецъ цѣли своего нечеловѣческаго напряженія, уже бездыханную жертву „волненія моря и любви“.

Правда, классическая поэзія древности, какъ языческая, такъ и библейская, отодвигаетъ, по возможности, на задній планъ эту мрачную сторону любовной жизни. Размягченіе чувствъ, безсильно уступающихъ половой трагикѣ и доходящее у современныхъ людей, какъ мы еще увидимъ ниже, до болѣзненнаго бреда

и исключительности (мономаніи), еще невѣдомо этому здоровому дѣтству исторіи человѣчества. Такъ именно можно охарактеризовать классическую древность. Половыя отношенія въ ея поэзіи, какъ и въ ея жизни, являются хотя и облагороженной всѣми чарами фантазіи и всей прелестью искусства (музы и граціи!), но совершенно естественной вещью. Ихъ важная въ государственномъ отношеніи сторона, бракъ, регулируется политически и экономически строго, но вполнѣ трезво. Для античнаго поэта это неприкосновенная святыня.

Клитемнестра, извѣстная изъ трагической поэзіи невѣрная супруга греческаго царя Агамемнона, сопротивляется своему соблазнителю, пока при ней находится пѣвецъ,

которому царь Агамемнонъ,
Въ Трою готовяся плыть, наблюдать поручилъ за супругой.

И Эгисту удается овладѣть ею лишь послѣ того, какъ

Тотъ пѣснопѣвецъ былъ сосланъ Эгистомъ на островъ безплодный,
Гдѣ и оставленъ; и хищныя птицы его растерзали.

(*Одиссея.* Пѣснь III, стихъ 267 и слѣдующій; ср. также *Землеописаніе* Страбона I, 23.)

Именно эта поэзія создала возвышенные образы половой жизни, которые стоятъ передъ вѣками какъ безсмертные образцы ея радостей и испытаній: Гектора, когда онъ встрѣчаетъ въ Скейскихъ воротахъ свою супругу Андромаху съ сыномъ Астіанаксомъ и ласкаетъ младенца, испуганнаго развѣвающейся гривою отцовскаго шлема; (Иліада, VI, 390 и слѣд.) трогательную жалобу Андромахи по поводу смерти мужа съ трагическимъ описаніемъ судьбы осиротѣвшаго ребенка (Иліада, XXII, 460 и слѣд.); супружескую вѣрность Пенелопы и Одиссея во время двадцатилѣтняго отсутствія „благороднаго страдальца“ въ теченіе Троянской войны и послѣдовавшаго за нимъ десятилѣтняго блужданія по морямъ, и его скорбь и тоску по супругѣ и по родинѣ въ плѣну у прекрасной нимфы Калипсо (рис. 214). Напомнимъ также разсказъ о томъ, какъ она, распуская по ночамъ ткань, обуздываетъ нетерпѣніе жениховъ, пожирающихъ добро Одиссея, пока онъ не возвращается для отмщенія.

А ея благоразумно сдержанный отвѣтъ сыну, когда онъ упрекаетъ ее въ безчувственности за то, что она не сразу бросается въ объятія мужа, наружность котораго измѣнилась до неузнаваемости (Одиссея, XXIII, 105 и слѣд.):

Сердце, дитя, у меня въ несказанномъ волненіи, слова
Я произнесть не могу, никакой мнѣ вопросъ не приходитъ
Въ умъ, и въ лицо поглядѣть я не смѣю ему; но когда онъ,
Подлинно, царь Одиссей, возвратившійся въ домъ свой, мы способъ
Оба имѣемъ надежный другъ другу открыться: свои мы
Тайные, людямъ другимъ неизвѣстные, знаки имѣемъ.

Но когда онъ выдержалъ испытаніе, показавъ, что ему извѣстны самыя секретныя особенности ихъ спальни,

у нея задрожали колѣна и сердце.
Признаки всѣ Одиссеевы ей онъ исчислилъ: заплакавъ
Взрыдъ, поднялась Пенелопа и кинулась быстро на шею
Мужу и, милую голову нѣжно цѣлуя, сказала:
„О! не сердись на меня, Одиссей! межъ людьми ты всегда былъ
„Самый разумный и добрый. На скорбь осудили насъ боги;

„Было богамъ неугодно, чтобъ сладкую молодость нашу
„Вмѣстѣ вкусивъ, мы спокойно дошли до порога веселой
„Старости. Другъ, не сердись на меня и не дѣлай упрековъ
„Мнѣ, что не тотчасъ, при видѣ твоемъ я къ тебѣ приласкалась;
„Милое сердце мое, Одиссей, повергала въ великій
„Трепетъ боязнь, чтобъ меня не прельстилъ здѣсь какой иноземный
„Мужъ увлекательнымъ словомъ: у многихъ коварное сердце.. “.

Тогда его сердце наполнилось глубокою скорбью и когда онъ плача, прильнулъ къ ея груди,

Веселилась она, возвращеннымъ любуясь супругомъ,

подобно тому, какъ

Въ радость, увидѣвши берегъ, приходятъ пловцы, на обломкѣ
Судна, разбитаго въ морѣ грозой Посейдона, носяся
Въ шумѣ бунтующихъ волнъ, воздымаемыхъ силою бури...
Радостно землю объемлютъ они, избѣжавъ потопленья [1].

И однако, это та же самая поэзія, которая смущала даже болѣе строгую древность своими изображеніями боговъ въ ихъ половыхъ отношеніяхъ. Впрочемъ, въ соблазнительныхъ картинахъ любовныхъ похожденій главнаго бога Зевса и его Олимпійскаго дома, Гомеровская поэзія только возвела половую распущенность, процвѣтающую подъ охраной европейской моногамной, основанной на силѣ, культуры, до идеальныхъ образовъ различныхъ типовъ любовной практики, свойственной всѣмъ вѣкамъ. Усматривали же сознательную иронію надъ европейской похотью, тлѣющей подъ формами придворной утонченности и вѣжливости, въ исторіи царской дочери Европы, давшей свое имя нашему материку послѣ того, какъ ее соблазнилъ Зевсъ, похитившій ее изъ круга придворныхъ дамъ и перевезшій черезъ моря въ образѣ быка. Ревнивая супруга Зевса, Гера отомстила за этотъ образъ, не особенно лестный для ея пола. Она въ свою очередь превратила его возлюбленную, свою жрицу Іо въ „сумасшедшую корову“. Было бы грубою ошибкою видѣть въ этихъ миѳахъ, отголоскахъ первобытнаго культа животныхъ (у египтянъ), изображеніе противоестественныхъ половыхъ отношеній. Эти послѣднія греческая поэзія затронула въ исторіи „подруги быка“ Пазифаи. На первомъ планѣ въ греческой поэзіи стоитъ сравненіе съ животными, какъ это ясно изъ наиболѣе извѣстнаго въ настоящее время миѳа о „Ледѣ и Лебедѣ“ (рис. 216). У грековъ, какъ видно изъ многихъ мѣстъ Платона, возрастъ перваго пушка на подбородкѣ, еще сохранившемъ дѣтскую нѣжность, бѣлизну и блескъ кожи, считался временемъ наивысшаго расцвѣта красоты мужского пола. Поэтому „образъ лебедя“ является повидимому чисто символическимъ уподобленіемъ, какъ и „воловьи глаза“, т. е. большіе выпуклые глаза Геры (Юноны). Для позднѣйшихъ періодовъ искусства сохранилась отъ этого сравненія „лебединая шея“. Пророческая любовная греза Овидія (Amores, III, 5), въ которой возлюбленная является въ видѣ бѣлоснѣжной коровы, а возлюбленный кажется самому себѣ быкомъ, свидѣтельствуетъ о живучести этого эротическаго сравненія съ животными, сохранившагося до позднѣйшихъ временъ классической древности, напоминающихъ уже во многихъ отношеніяхъ

[1] Переводъ Жуковскаго.

о современности. Въ настоящее время дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе:

O König Wiswamitra,
O, welch ein Ochs bist du,
Dass du so viel kämpfest und büssest
Und alles für eine Kuh!

(Heine.)

(О, Висвамитра, ты подлинно быкъ, если такъ воюешь и терпишь изъ-за коровы.)

Зевсъ олицетворяетъ здѣсь прежде всего мощь, которой, когда она выступаетъ въ качествѣ искателя, не можетъ сопротивляться ни одна смертная женщина. Облако, подъ видомъ котораго Зевсъ обнимаетъ Іо (рис. 217), молнія, которой онъ убиваетъ чрезмѣрно любопытную Семелу, человѣчески реально (независимо отъ миѳологическихъ отношеній къ погодѣ) напоминаютъ о томъ, что любовныя отношенія съ знатными лицами надо сохранять въ секретѣ. Даная же, къ которой Зевсъ можетъ проникнуть только подъ видомъ золотого дождя, (рис. 218) не даетъ забыть о томъ, „чего стоитъ“ благосклонность женщины съ точки зрѣнія трезваго разсудка.

Фотографія Фотогр. Общ. въ Берлинѣ.

Рис. 216. Леда и Лебедь.

Съ картины Кореджіо.

Личныя, даже духовныя преимущества отнюдь не имѣютъ здѣсь рѣшающаго значенія по представленію поэтовъ. Самъ Аполлонъ, богъ поэзіи, тщетно преслѣдуетъ красавицу Дафну. Все чего онъ добивается, это—лавръ, въ который она превртилась: удачный символъ обычной земной участи „поэтической любви“.

Но и любовный жребій женщины — въ этомъ поэтическомъ изображеніи фактическихъ житейскихъ отношеній въ образахъ вѣчныхъ боговъ — отнюдь не соотвѣтствуетъ идеалу дарвиновской теоріи. Сама богиня красоты и любви Афродита (Венера) отдана въ жены безобразному хромому Гефесту (Вулкану). Искусникъ кузнецъ выполняетъ функцію ея кормильца, а менѣе интеллигентный богъ войны Аресъ (Марсъ) — какъ и другой представитель того же типа: красавецъ охотникъ Адонисъ — функцію любовника. Здѣсь опять таки мы находимъ краснорѣчивое изображеніе вѣчнаго тайнаго влеченія женской красоты къ военнымъ. Золотая сѣть, которую обманутый мужъ набрасываетъ на обманывающую его парочку, выставляя ее на показъ смѣющемуся собранію боговъ, указываетъ единственное преимуще-

ство, которое достается на долю бѣдному художнику: художественное изображеніе любовной связи! Послѣднее однако не ограничивается грубо-чувственной стороной въ отношеніяхъ половъ, какъ показываетъ другая олимпійская любовная связь: склонность цѣломудренной богини луны (Артемида или Діана) къ прекрасному пастуху Эндиміону, къ которому она подкрадывается, когда застаетъ его спящимъ, и слегка цѣлуетъ его. Первоначальный смыслъ этого миѳа, — любовное истолкованіе естественнаго процесса: кажущагося легкаго прикосновенія луннаго диска къ бѣлой горной вершинѣ, напоминающей формою человѣка. Въ своей поэтической обработкѣ онъ показываетъ, что древность умѣла отводить надлежащее мѣсто и спеціально такъ называемымъ „романтическимъ", сдержаннымъ, стыдливымъ чувствамъ. Мало того, въ своей Палладѣ-Аѳинѣ (Минерва) классическая древность приняла въ число своихъ божественныхъ образовъ поэтическій идеалъ чистой и тѣмъ не менѣе матерински чувствующей дѣвы, которая охраняетъ въ опасности храбрыхъ, мудрыхъ, цѣломудренныхъ. Въ этомъ образѣ, равно какъ и въ изображеніи дѣятельности и непорочнаго зачатія Аѳины (изъ головы отца боговъ), соотвѣтствующаго ея чистотѣ, классическая древность поэтически предвосхитила и по-своему разработала современный церковный идеалъ. Чтобы имѣть ясное представленіе о томъ, какъ далека эта античная половая поэзія отъ фривольности или отъ современнаго прославленія нарушенія брачнаго обѣта, надо всегда имѣть въ виду упомянутыя нами въ самомъ началѣ глубоко религіозныя представленія, изъ которыхъ исходило въ своемъ поэтическомъ творчествѣ древнее язычество. Необычайное, сверхчеловѣческое предписывается уже тѣмъ обстоятельствомъ, что великіе благодѣтели человѣчества — боги и герои — всегда являются плодомъ такихъ божественныхъ любовныхъ похожденій. Отсюда поговорка: „Quod licet Iovi, non licet bovi" (что подобаетъ Зевсу — именно какъ быку, увезшему Европу — то не подобаетъ первому попавшемуся быку). Несомнѣнно, античный умъ приходилъ здѣсь къ такимъ же возрѣніямъ на естественныя отношенія бога, какъ производителя людей, какія высказываются въ Библіи

Фотогр. изд. Леви въ Вѣнѣ.
Рис. 217. Юпитеръ (Зевсъ) и Іо.
Съ картины Кореджіо.

о его духовныхъ отношеніяхъ къ человѣческой душѣ. Именно, великое, необычайное было признакомъ того, что въ отношеніяхъ между полами дѣйствовало божественное начало. Въ этомъ отношеніи античный умъ предвосхитилъ теорію Дарвина за три тысячи лѣтъ до ея появленія, хотя грекъ и называлъ „начало отбора“ на своемъ наивномъ языкѣ — „богомъ Зевсомъ“ или „Аполлономъ или Посейдономъ“. Если мы примемъ въ соображеніе, изъ какого грубаго низменнаго источника (вавилонскій и сирійскій культъ производящей природы) греческая фантазія заимствовала эти половыя представленія о божествѣ, насъ поразитъ скорѣе свѣтлая высота пониманія и человѣчности, которой она сумѣла достичь. Простая строгая супружеская вѣрность изображается, напримѣръ, въ египетскомъ миѳѣ объ Изидѣ и Озирисѣ, объ ихъ разлукѣ и окончательномъ соединеніи совершенно иначе, чѣмъ въ образахъ Зевса и Геры, но вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо грубѣе, гораздо животнѣе, какъ показываетъ уже допущеніе „скотовъ въ чертогѣ боговъ“ (Гёте) на Нилѣ.

Фотогр. изд. Леви въ Вѣнѣ.
Рис 218. Даная. Съ картины Тиціана.

Напротивъ, въ Греціи представленіе о божественномъ ребенкѣ, искупителѣ міра, въ концѣ концовъ исчезнувшее на Нилѣ, было связано съ такимъ незаконнымъ плодомъ любви отца боговъ Вотъ что даетъ просвѣтительное значеніе и этическое оправданіе этимъ религіознымъ половымъ представленіямъ поэзіи — такъ же какъ и представленіямъ Библіи о „Мессіи“ (помазанникъ, по-гречески „Христосъ“), Сынѣ Божіемъ. Уже Геркулесъ, какъ благодѣтель человѣчества, освобождающій міръ отъ чудовищъ, открывающій доступъ къ его сокровищамъ и чудесамъ, принимая на себя его бѣды и опасности, представляетъ въ естественномъ смыслѣ то самое, что Христосъ въ духовномъ, душевномъ. Но, преслѣдуемый Герою, „законной женой“ (его имя и значитъ: „прославленный Герой“!) ею;!

Tief erniedrigt zu des Feigen Knechte,
Ging in ewigen Gefechte
Einst Alcid des Lebens schwere Bahn.

(Шиллеръ.)

[Глубоко униженный рабской службой у труса, проходилъ нѣкогда Алкидъ (его родовое имя, произведенное отъ слова „сила“), въ вѣчной борьбѣ тяжелый путь жизни].

Посрамивъ своей примѣрной жизнью неблагодарность и вражду міра, которыя его и доводятъ до мученической смерти, онъ проклинаетъ свое происхожденіе, указывая этимъ на трагическую участь именно лучшихъ между дѣтьми, рождающимися отъ незаконной любви. Если бы въ эпоху распространенія христіанства не процвѣталъ всюду культъ Геркулеса, оно врядъ ли бы добилось окончательнаго признанія со стороны государства.

Библія также знаетъ и подчеркиваетъ эту чисто естественную сторону идеи Спасителя. Такъ, напримѣръ, Гедеонъ, „судья израильскій" въ минуту наивысшей опасности, есть такое дитя незаконной любви; но въ особенности Соломонъ, мудрѣйшій изъ царей и представитель международнаго могущества Израиля, — онъ сынъ Давида отъ Вирсавіи, которую тотъ добылъ посредствомъ позорнаго устраненія ея мужа, воина Уріи. Въ нахожденіи и воспитаніи Моисея дочерью египетскаго царя звучитъ тотъ же мотивъ.

Уже трезвая римская древность пыталась изобразить въ комическомъ или, по крайней мѣрѣ, въ трагикомическомъ свѣтѣ глубокомысленную идею этой возвышеннѣйшей половой поэзіи. Плавтъ, а за нимъ и новѣйшіе поэты (Мольеръ и Генрихъ Клейстъ) использовали рожденіе Геркулеса въ драматическихъ пьесахъ, героемъ которыхъ является супругъ, обманываемый верховною властью ради божественной цѣли. Вѣдь и въ исторіи Геркулеса, какъ въ исторіи Спасителя міра, признаваемаго церковью, номинальный отецъ (образъ котораго въ первомъ случаѣ принимаетъ на себя Зевсъ) присутствуетъ при рожденіи ребенка, производимаго на свѣтъ таинственной божественной силой.

Отъ подобныхъ мыслей далека высокая поэзія древности, которая, напротивъ, относилась съ благочестивымъ почтеніемъ къ этой глубокой идеѣ божественнаго опредѣленія или, если хотите, вліянія на половыя сношенія, разрѣшающіяся исключительно благороднымъ плодомъ. Здѣсь половое начало воспринято поэзіей, такъ сказать, освобожденнымъ отъ всякихъ слѣдовъ животности, хотя и сохранившемъ вполнѣ естественный характеръ. Вѣдь послѣдняя причина зачатія есть божественная тайна, недоступная для науки. Эта поэзія можетъ слѣдовательно пользоваться божественными половыми отношеніями, какъ оправданіемъ божественнаго Провидѣнія противъ человѣческой недальновидности и слабости, какъ основаніемъ для предписанія моральныхъ обязанностей и самоотверженнаго служенія святому. Богъ или богиня не обманываютъ смертныхъ, когда сближаются съ ними въ производящей любви. Они сдерживаютъ свое обѣщаніе. Они ведутъ своихъ возлюбленныхъ, наперекоръ ихъ земной слѣпотѣ, къ цѣли ясной только для ихъ просвѣтленнаго взгляда. Въ особенности ясно это выступаетъ въ „Іонѣ", быть можетъ прекраснѣйшей изъ трагедій Эврипида. Въ такомъ именно духѣ трактуется въ ней любовь Аполлона къ дочери аѳинскаго царя Креузѣ, какъ тайная защита имъ своего сына отъ ея слѣпого бѣшенства, порожденнаго отчаяніемъ. Этотъ сынъ становится родоначальникомъ Іонянъ, къ которымъ причисляли себя аѳиняне, зрители этой трагедіи. Въ древности не только отдѣль-

Рис. 219. Еліазаръ и Ревекка у колодца. Съ картины А. Койпелля.

ные роды, но и цѣлыя національности съ гордостью выводили свою родословную отъ такихъ половыхъ сношеній божественной природы. Вспомните о родоначальницѣ римлянъ или о матери Александра Великаго, основателя эллинистической міровой монархіи!

На Дальнемъ Востокѣ — еще въ легендѣ о рожденіи Чингисхана (около 1200 г. нашей эры) — мы также встрѣчаемъ подобныя представленія.

Это поэтическое возвышеніе половыхъ отношеній до божества опиралось на представленіе о безтѣлесныхъ — при всей ихъ чувственной видимости — богахъ.

Боги были эфирными существами, соперничество которыхъ въ половомъ отношеніи не могло возбуждать ревности въ людяхъ уже потому, что оно совершалось не въ смыслѣ человѣческаго соприкосновенія. Въ сказкахъ о феяхъ и эльфахъ позднѣйшихъ временъ сохранилась эта религіозная половая по-

эзія древняго міра послѣ того, какъ его боги принуждены были уступить исключительному владычеству церкви. Даже одна изъ самыхъ извѣстныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ печальныхъ главъ церковной исторіи — сожиганіе вѣдьмъ за любовныя сношенія съ чертями — находитъ ключъ къ своему объясненію въ религіозной половой поэзіи. Въ своемъ догматѣ о рожденіи Спасителя церковь сохранила для народа живѣйшее воспоминаніе о древней языческой половой поэзіи и въ то же время подвергла проклятію ея дальнѣйшую разработку въ старомъ духѣ. Вслѣдствіе этого древніе боги по необходимости должны были обратиться въ „чертей". Изъ героевъ древнихъ, сыновей боговъ, вышли „чертовы дѣти" (Teufels Kinder): Мерлинъ, Робертъ, еще въ XVIII столѣтіи маршалъ Люксембургъ.

До какой степени античной поэзіи было чуждо современное сантиментальное и фривольное отношеніе къ брачной измѣнѣ, показываетъ возмущеніе и негодованіе, вызванныя единственной попыткой (Эврипида) обработать эту тему. Въ его трагедіи, именно потому и послужившей образцомъ для позднѣйшей поэзіи брачной измѣны — классическую обработку той же темы въ новѣйшей поэзіи дали Расинъ и Шиллеръ — излагается исторія Федры, супруги аѳинскаго героя Тезея. Ея невѣрность вызвана при томъ склонностью къ сыну ея благороднаго супруга отъ его брака съ царицей амазонокъ. Это Ипполитъ, напоминающій мать мужественной борьбой съ половымъ вожделѣніемъ, при помощи неустанной тѣлесной и военной дѣятельности. Уже въ этой, самой ранней, драматической обработкѣ, при господствѣ болѣе простыхъ, чуждыхъ, даже прямо враждебныхъ современной эротической сантиментальности нравовъ обнаруживаются характерныя черты, всюду и во всѣ времена свойственныя подобнымъ утонченнымъ образчикамъ половой поэзіи. Таковы: тщетная борьба измѣняющей стороны — въ данномъ случаѣ, что особенно характерно, женщины, самымъ своимъ положеніемъ осужденной на сдержанность и пассивность — съ преступной страстью; ненависть и бѣшенство по поводу отказа, связанныхъ съ рѣшеніемъ, неизбѣжнымъ, въ этого рода поэзіи, даже въ случаѣ успѣшной супружеской измѣны, — рѣшеніемъ погубить вмѣстѣ съ собою и возлюбленнаго: въ данномъ случаѣ изъ мести (посредствомъ оклеветанія передъ Тезеемъ) и чтобы не доставался никакой другой женщинѣ, въ другихъ случаяхъ, чтобы соединиться въ смерти. То обстоятельство, что языческій поэтъ и здѣсь ищетъ завязку и развязку своей трагедіи въ своихъ божествахъ (виновницей несчастья Ипполита является возмущенная его холодностью богиня любви, зажигающая въ Федрѣ страсть къ нему, его защитницей — божественное олицетвореніе цѣломудрія, бодрая охотница Артемида) можетъ показаться дикимъ современному и христіанскому міросозерцанію; но оно свидѣтельствуетъ о глубокомъ философскомъ смыслѣ и чистой поэзіи. Такъ какъ

> ... постигнутая гнѣвомъ богини любви,
> Ты любишь (чему дивиться?), подобно столь многимъ смертнымъ...
> ... Любовь неудержима, когда она мощно бушуетъ:
> Того, кто уступаетъ ей, она касается нѣжной рукой;
> Но того, кто дерзаетъ ей противиться,
> Она хватаетъ и позорно смиряетъ...

Конечно, во всѣ эпохи высочайшей задачей поэзіи является постиженіе тайныхъ соотношеній человѣческой природы (и не только человѣческой), какъ уравновѣшивающихъ другъ друга дѣйствій объединяющей всеприроды (Allnatur). И вотъ, согласно ея закону (представляемому какъ „божество любви“) именно равнодушіе Ипполита вызываетъ страсть Федры:

Ибо тотъ, для кого безразлично,
Возбуждаетъ ли онъ, волнуетъ ли онъ другого, —
Тотъ задѣваетъ, тотъ оскорбляетъ!

Эта древнѣйшая трагедія брачной измѣны оберегаетъ однако свой античный духъ отъ вѣянія позднѣйшаго восторженнаго обожанія женщины. Напротивъ! Ея авторъ заходитъ (подъ вліяніемъ личныхъ печальныхъ испытаній) такъ далеко въ своемъ женоненавистничествѣ, что влагаетъ въ уста героя, приведеннаго въ ужасъ любовными поползновеніями со стороны мачехи, восклицаніе:

О Зевсъ! ты испортилъ счастье человѣка,
Создавъ на свѣтъ женщину!
Если бы ты хотѣлъ сохранить нашъ бренный родъ,
Онъ не былъ бы обязанъ своимъ существованіемъ женщинѣ...

Мы еще увидимъ, что ненависть между полами (съ обѣихъ сторонъ!) и въ поэзіи составляетъ неизбѣжное дополненіе къ ихъ любви.

Классическая древность однако усматривала въ подобныхъ вещахъ только натяжки и заблужденія. Въ трагедіи Эврипида она услыхала только жалобу влюбленной женщины, оскверняющую достоинство трагической сцены, такъ что комедія Аристофана вмѣняетъ ее Эврипиду въ вѣчный позоръ. Изгнаніе полового томленія и дурачества изъ высокой поэзіи древнихъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ понятіямъ о религіозныхъ, государственныхъ и моральныхъ интересахъ, живыми носителями и хранителями которыхъ чувствовали себя поэты. Но въ кругу этихъ интересовъ остается и бракъ. Поэтому въ немъ нѣтъ мѣста для эротики. Этому понятію вполнѣ соотвѣтствуетъ патріархальная форма заключенія брака въ Библіи: тутъ, напримѣръ, испытанный слуга дома сватаетъ для наслѣдника на чужой сторонѣ незнакомую супругу (предварительно убѣдившись въ томъ, что она подходитъ для этой цѣли по своему семейному положенію) (рис. 219). Тутъ влюбленному искателю, служащему ради красивой дочери, навязываютъ ея старшую некрасивую сестру (потому что „въ нашемъ мѣстѣ такъ не дѣлаютъ, чтобы младщую выдать раньше старшей“). Эта разсудочность характеризуетъ брачные нравы древности. На первомъ планѣ стоитъ соотвѣтствіе между супругами — при чемъ и физическія качества оцѣниваются проще и непринужденнѣе, чѣмъ въ наше условное, одѣтое и разодѣтое время! — а тамъ „стерпится — слюбится“. Отрицательное отношеніе къ браку по любви между представителями не только враждебныхъ племенъ и націй, но и разныхъ государствъ, если между ними не существовало спеціальнаго договора (connubium), не удивительно при постоянныхъ войнахъ и суровомъ военномъ правѣ древнихъ. Въ случаѣ войны чужеземка становилась рабыней побѣдителя, — зачѣмъ же ему было дѣлать ее своею супругой? Такимъ образомъ, напримѣръ, жен-

щины и дѣти троянскихъ героевъ сдѣлались послѣ завоеванія Трои рабынями грековъ. Андромаха, вдова Гектора, достается (по разсказу римскаго поэта Виргилія) сыну Ахиллеса; и поэма не находитъ ничего страннаго въ томъ, что она имѣетъ отъ него дѣтей, — даже усматриваетъ въ этомъ своего рода вознагражденіе за причиненное ей зло.

Такъ античная поэзія понимаетъ грозную трагику брака между представителями чуждыхъ государствъ. Данаиды въ Аргосѣ убиваютъ въ свадебную ночь своихъ египетскихъ родственниковъ, не желая сдѣлаться ихъ женами. Язонъ, одинъ изъ эллинскихъ національныхъ героевъ, похитилъ съ помощью пожертвовавшей для него всѣмъ волшебницы, дочери царя, Медеи, въ Колхидѣ (на Кавказѣ) чудесное сокровище ея страны, золотое руно. Изъ благодарности онъ женится на ней, и она, устроивъ его бѣгство, бѣжитъ вмѣстѣ съ нимъ. Но на греческой родинѣ обнаруживается все разстояніе между нимъ и чужестранкой, дочерью варварскаго племени. Его связала съ нею только опасность. Счастье отдѣляетъ его отъ нея и побуждаетъ его искать подходящую супругу среди своихъ. Тогда начинаетъ бушевать ненависть, родная сестра половой любви. Она уничтожаетъ не только себя, дѣтей невѣрнаго, но и старается поразить его еще сильнѣе: мучительной смертью его избранницы, — не его самого! Возмущенная половая страсть благороднаго (поэтическаго типа) характеризутся тѣмъ, что для нея важна не смерть невѣрнаго, а смерь соперницы.

Какъ простой брачный конфликтъ, эта тема, врядъ ли понятная въ своихъ глубинахъ современному равномѣрно цивилизованному міру, также сильно привлекала новѣйшую поэзію. Наше время знаетъ подобныя же препятствія, становящіяся между влюбленными развѣ только въ сословныхъ, а еще болѣе въ вѣроисповѣдныхъ различіяхъ, — и мы надѣемся, что позднѣйшимъ временамъ они будутъ казаться еще менѣе понятными, чѣмъ намъ отношенія между „эллинами и варварами". Грильпарцеръ удачно выражаетъ разницу между тупой, угрюмой дочерью варварскаго племени и остроумнымъ жизнерадостнымъ грекомъ, заставляя ее, послѣ перваго свиданія съ нимъ, ограничиться замѣчаніемъ:

Онъ говоритъ, говоритъ, говоритъ...

и позднѣе, когда она вдвойнѣ гордая въ своей некультурности, дѣлаетъ жалкую попытку удержать его при себѣ, плѣнивъ домашними испытанными средствами:

Язонъ! я знаю пѣсню!..

Новѣйшее искусство тоже пытается изобразить во всемъ его своеобразномъ величіи этотъ вулканическій типъ трагической любви къ чужеземцу. Ансельмъ Фейербахъ сдѣлалъ изъ этого задачу своей жизни (рис. 220).

Тѣмъ болѣе поражаетъ снисходительное отношеніе къ этому предмету, которое мы находимъ у самаго исключительнаго народа древности, іудеевъ. Библейская любовная идиллія между богатымъ землевладѣльцемъ Воозомъ и бѣдной бездомной чужеземкой Руфью, съ которой онъ познакомился, когда она собирала колосья на его полѣ, тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что отъ этой

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 220. Отплытіе [illegible]ны Ансельма Фейербаха.

связи преданіе производитъ національнаго героя, царя Давида, (а христіанская легенда—Спасителя). Но и здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ заботливо библейскій разсказъ подчеркиваетъ заслугу чужеземки, ея привязанность къ израильтянкѣ Ноемини („твой народъ будетъ моимъ народомъ и твой Богъ моимъ Богомъ“), чтобы оправдать этотъ необычайный бракъ.

Но тамъ, гдѣ античная поэзія оставляетъ въ сторонѣ бракъ, тамъ, гдѣ она вращается въ широкихъ низахъ общественной жизни, въ которой замужняя женщина не принимала участія, ея эротика проявляетъ такую свободу языка и остроумія, на которую уже больше не рѣшались даже самые безнравственные періоды позднѣйшей поэзіи. Конечно, остается вопросомъ, много ли выиграла общественная нравственность отъ того, что эротическая поэзія новаго времени научилась щадить „цѣломудренный слухъ“, отнюдь не устраняя, однако, того, безъ чего „не могутъ обойтись цѣломудренныя сердца“. Скабрезность, фривольность, пикантное закутываніе и поддразниваніе полового чувства двусмысленностью — тѣмъ, что французская поэзія, особенно отличающаяся по этой части, называетъ „l'equivoque“ — всѣ эти средства, при помощи которыхъ новѣйшая эротика умѣетъ соблюдать „les dehors“, необходимыя въ гостиныхъ свѣтскихъ дамъ, напрасно было бы искать въ античной поэзіи. Естественность выраженія того, что собственно и составляетъ естественную тему половой поэзіи, связанная съ особеннымъ тактомъ въ нахожденіи оттѣнковъ, соотвѣтствующихъ характеру темы, привлекаютъ въ античной поэзіи того, кому претятъ тайные пороки современной „pruderie“. Онъ скоро убѣждается, что эта поэзія, въ противоположность современной, не такъ дурна, какъ она желаетъ ка-

заться: что въ своемъ стремленіи быть откровенной, отражать нападеніе или „слегка осадить“ нападающаго, она сильнѣе сгущаетъ неизбѣжную при этомъ грязь, чѣмъ того требуетъ дѣйствительность; короче сказать, она, какъ заносчивая юность, до нѣкоторой степени фанфаронитъ въ этомъ пунктѣ. Извѣстное изреченіе этой античной эротики: „пусть мое стихотвореніе непристойно, зато моя жизнь чиста“, не было пустымъ словомъ; оно оправдывается жизнью многихъ изъ этихъ поэтовъ, что подтверждается свидѣтельствомъ объективныхъ, строгихъ по отношенію къ нравственности, судей (законодателя Солона, императора Августа и другихъ) и иллюстрируется прозвищами нѣкоторыхъ изъ нихъ (напримѣръ, прозвищемъ „дѣвственникъ“, присвоеннымъ Виргилію). Стоитъ только сравнить эротическія сцены у Теокрита, привлекающія своей наивностью и естественной пристойностью, съ козлинымъ сладострастіемъ, которое вноситъ въ подобныя описанія, напримѣръ, Виландъ — въ прикрытой по французскому образцу формѣ, — и всякое здоровое чувство опредѣлитъ безъ малѣйшаго колебанія, гдѣ тутъ обрѣтается нравственность и гдѣ — приличіе. Чуждые этому нашему половому „приличію“ — какъ до нѣкоторой степени и современные южные народы — древніе были чужды и нашей половой безотвѣтственности: насколько намъ извѣстно, у нихъ не было женщинъ, занимающихся убійствомъ дѣтей и фабрикаціей ангеловъ. Подкинутыя дѣти находятся подъ покровительствомъ боговъ, это любимые герои поэзіи. Спеціалистокъ по сердечнымъ дѣламъ и такъ называемыхъ „треугольныхъ хозяйствъ“ въ нашемъ смыслѣ у нихъ не имѣлось. Римскій упадокъ нравовъ императорской эпохи, какъ его описываетъ съ этой стороны уже Горацій, характеризуетъ паденіе античнаго міра. На ряду съ нѣкоторыми другими современными явленіями обнаруживается въ эту эпоху и такъ называемое „чичисбейство“ — язва позднѣйшей клерикализированной Италіи. Въ этомъ отношеніи можно указать на VI элегію I книги Тибулла, гдѣ любовникъ настоятельнѣйше проситъ „супруга“ своей милой оберегать ее для него.

Нельзя умолчать о томъ, что веселый здоровый обликъ античнаго эроса былъ купленъ учрежденіями, чуждыми нашимъ современнымъ понятіямъ — къ сожалѣнію, только не нравамъ, лежащимъ въ основѣ этихъ понятій. Извѣстно, какимъ выдающимся положеніемъ въ духовномъ, эстетическомъ и даже политическомъ отношеніяхъ пользовались гетеры, напр. Аспазія, подруга великаго Перикла (смотри X главу этой книги). „Купленная любовь“, фактически признаваемая таковою, не замаскированная романтикою и не освященная бракомъ, создавала, однако, отношенія, въ которыхъ деньги не играли роли, или по крайней мѣрѣ играли гораздо меньшую роль, чѣмъ въ наше время, добродѣтельно отворачивающееся отъ гетеризма. Во всякомъ случаѣ, въ этой поэзіи, которую современная комедія любви находитъ „холодной“ и „безчувственной“, отношенія между полами изображаются такъ правдиво, просто и неприкрашенно, какъ не умѣла ихъ изображать никакая позднѣйшая поэзія. Не представляла ничего чрезвычайнаго неразрывная любовная связь этого рода на всю жизнь (Горацій и Лидія, Катуллъ и Лесбія), и даже за гробомъ (Цинтія Проперція, ср. VII элегію IV книги,

гдѣ она является ему во снѣ послѣ своей смерти). Эти отношенія тѣмъ искреннѣе, что никакое принужденіе, никакая условность, никакое сантиментальное самолюбованіе не опредѣляютъ и не окрашиваютъ ихъ. Но того жизненнаго, пластическаго міра представленій, который чувство древнихъ, возвышенное серьезнымъ отношеніемъ къ искусству и природѣ, сумѣло воплотить въ чарующихъ образахъ античной половой поэзіи, новѣйшая, изнемогающая въ предчувствіяхъ и вздохахъ, любовная поэзія съ ея подернутымъ слезою взоромъ, даже не видитъ; иначе она, конечно, почувствовала бы его сильнѣе. Тотъ же, кому родственное направленіе духа, усиленное научнымъ изученіемъ и любовью къ природѣ, помогло сбросить съ своихъ глазъ это покрывало, тотъ знаетъ, какая поэзія и нынѣ заслуживаетъ парнасскихъ лавровъ; и будетъ ли это Гёте или Мёрике, онъ охотно откажется ради нихъ отъ современной популярности рождественскаго изданія въ переплетѣ съ сусальнымъ золотомъ.

Но любовное ухаживаніе въ фактическомъ мужскомъ значеніи этого слова — у дверей возлюбленной, какъ и нынѣ „подъ окошечкомъ милой“ въ крестьянской средѣ — составляетъ главный мотивъ и содержаніе античной половой поэзіи. Одинъ изъ пріемовъ, тѣсно соприкасающійся съ нашей темой, при помощи котораго эта любовная поэзія связываетъ художественныя представленія съ естественными, внушенъ постояннымъ естественнымъ желаніемъ прикасаться къ милой. Поэтъ желаетъ превратиться во все, что она носитъ на своемъ тѣлѣ; все, что ей мило, все, что окружаетъ ее въ повседневной жизни, онъ рисуетъ, превозноситъ, прославляетъ или оплакиваетъ (напр., Катуллъ смерть ея птички) съ важностью, которую любовь придаетъ самымъ ничтожнымъ пустякамъ; этимъ самымъ онъ вноситъ въ свое стихотвореніе цѣлый міръ изящества, прелести и красоты, окружавшихъ античныхъ людей въ ихъ повседневной жизни. Вообще, живое описаніе лица — не сухой перечень его прелестей, а вѣрное схватываніе моментовъ ихъ проявленія — его украшеній, его обстановки, у древнихъ поэтовъ живѣе и естественнѣе, чѣмъ у современныхъ, уже благодаря ихъ общественной жизни подъ открытымъ небомъ, среди изображеній боговъ, постоянно побуждавшихъ къ поэтическимъ сравненіямъ. Даже художественное описаніе украшеній, нарядовъ соприкасается съ жизнью природы: съ обиліемъ цвѣтовъ и прекрасныхъ деревьевъ, съ стрекотаніемъ цикады, съ жужжаніемъ пчелы, съ болѣе богатымъ, чѣмъ нынѣ, животнымъ міромъ юга. Такъ, ужаленный пчелою ребенокъ Эросъ съ плачемъ бѣжитъ къ своей матери: „Непослушный ребенокъ! Теперь ты видишь, какую боль причиняютъ твои стрѣлы сердцамъ людей“. Подготовленное уже религіей, которая въ существѣ своемъ является чистой поэзіею, эта связь съ природой создаетъ все новые и новые одушевленные образы для спеціальныхъ видовъ любви и тонкихъ оттѣнковъ чувства. Какую пульсирующую жизнь пріобрѣтаютъ ландшафтъ и природа, благодаря безыскусственному, обусловленному всеобщей народной вѣрой внесенію въ нихъ половыхъ отношеній. И какую правду! Это подтверждаетъ именно на вершинѣ современнаго естествознанія другъ и наблюдатель брыз-

жущей, жужжащей, щебечущей, бурлящей, гудящей, шумящей и электрически разряжающейся любовной жизни природы! Наша поэзія нахально втягиваетъ всю природу въ свое маленькое, индивидуальное любовное чувство. Античная поэзія скромно искала его во всѣхъ индивидуальныхъ проявленіяхъ жизни природы и благодаря этому находила зерно дѣйствительности подъ нереальной оболочкой миѳическихъ образовъ. Пестрая фантастика Арнольда Бёклина (рис. 221) дала нашему растерявшемуся въ заботахъ дня времени отдаленное, неполное представленіе о томъ, какая пульсирующая жизнь природы скры-

Рис. 221. Морская идиллія. Съ картины Арнольда Бёклина.

вается въ этой миѳологической фантазіи, охаянной „какъ школьно-классическая".

Именно въ этой чисто чувственной поэзіи половая любовь играетъ такую духовную роль, что она приличествуетъ даже веселому, бодрому старцу. Въ нашей „сверхчувственно-чувственной" поэзіи уже пожилой человѣкъ, въ роли изнывающаго, повергнутаго въ отчаяніе любовника, представляетъ столь же излюбленную, сколько жалкую фигуру. Античная же любовная поэзія на вершинѣ своего развитія прославляетъ именно старика, Анакреона Теосскаго, какъ творца особаго рода поэзіи, которую и въ настоящее время называютъ по его имени—анакреонтической. Въ своихъ послѣднихъ отпрыскахъ, уже въ эпоху основанія великихъ церквей, она нашла въ Персіи, принявшей уже исламъ, свое послѣднее блестящее выраженіе въ лицѣ старика Гафиза (рис. 222). Эти старцы-поэты, подобно Софоклу, когда его, уже въ преклонномъ возрастѣ, спросили о его дѣйствительныхъ любовныхъ отношеніяхъ, не разливались

въ безполезныхъ жалобахъ, а съ улыбкой выражали свое удовольствіе по поводу избавленія отъ власти капризнѣйшаго изъ всѣхъ тирановъ, Эроса. Конечно, югъ съ его жизнью на улицѣ, съ его прохладными, открытыми, служащими духу, а не тупоумію, скромными остеріями, уже самъ по себѣ служилъ подходящимъ фономъ для этихъ роскошныхъ поэтическихъ явленій, тріумфовъ жизни. Гёте, въ его сѣверной обстановкѣ, находился въ очень неблагопріятныхъ условіяхъ, когда пытался осуществить эту задачу классической поэзіи для своего народа и своего времени.

Безспорно, требуется много такта, чуткости и духовнаго превосходства, чтобы человѣчески облагородить и удерживать на надлежащей духовной высотѣ эту сферу человѣческихъ отношеній. А это достижимо, какъ показалъ опытъ, лишь путемъ вовлеченія ея въ поэзію, но разумѣется въ цѣлостную, ясно охватывающую и отражающую весь міръ, а не въ одностороннюю, зарывающуюся въ половую жизнь, все равно, сантиментальную или сладострастную, поэзію. И ужъ, конечно, не въ поэзію, прилаженную къ церковной и полицейской цензурѣ! Такъ какъ эта послѣдняя всегда добивается худшаго, расцвѣта самыхъ низменныхъ побужденій въ ихъ извращеннѣйшей формѣ подъ маской благопристойности и лживаго отрицанія всякаго существованія этой сферы. Такъ нужно понимать и то обстоятельство, что античная половая поэзія открыто принимала въ кругъ своихъ темъ наиболѣе общее и частое, одинаково типично проявляющееся у обоихъ половъ извращеніе полового побужденія, гомосексуальную любовь. Многія изъ этихъ стихотвореній можно читать съ удовольствіемъ, только потому, что ихъ переносишь на другой полъ, на женскій, а пѣсни Сафо на мужской. Что можно сказать, когда поэтъ въ обширномъ собраніи античной лирики, давшемъ названія нашимъ „антологіямъ", восклицаетъ: „...насколько мужчина сильнѣе женщины, настолько сильнѣе и вожделѣніе къ нему!" Отсюда, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ заключать, какъ это охотно дѣлаютъ въ наше время, о противоестественности античной жизни и античной поэзіи, напримѣръ — и въ особенности — Сафо. Мы имѣемъ изобильныя доказательства того, что противоестественность, какъ таковая, встрѣчала во всѣхъ духовныхъ и нравственныхъ кружкахъ такое же осужденіе, какъ и нынѣ, но что въ общемъ къ ней относились спокойнѣе и терпимѣе, какъ и ко всему находящемуся на границѣ между здоровьемъ и болѣзнью, нравственностью и безнравственностью, законнымъ и противозаконнымъ. Ея чисто духовная форма, въ какой мы встрѣчаемъ ее у величайшихъ геніевъ человѣческой исторіи — согласно мистическому закону соприкосновенія святого и нечестиваго! — находила мѣсто въ поэзіи и философіи (Платонъ). Именно это предохраняло многихъ склонявшихся къ ней — но склонявшихся, въ большинствѣ случаевъ, скорѣе подъ вліяніемъ своеобразнаго и несчастливаго развитія, чѣмъ вслѣдствіе болѣзненныхъ или преступныхъ задатковъ — отъ окончательнаго погруженія въ тину извращенности. Мало того, судя по нѣкоторымъ даннымъ, гомосексуальная любовь въ ея духовной формѣ считалась могущественнымъ средствомъ воспитанія и въ то же время предохранительнымъ средствомъ противъ соблазновъ полового побужденія (см. Плутархъ, Ликургъ:

глава XVIII). Иначе, конечно, не довѣряли бы своихъ дочерей Сафо для завершенія ихъ образованія! Въ виду устраненія замужнихъ женщинъ отъ общественной жизни нравами и законодательствомъ, враждебнымъ эмансипаціи, въ этомъ усматривали своего рода предохранительное средство для мужчинъ и женщинъ противъ нарушенія брачнаго обѣта. Онѣ должны были удовлетворять потребности своего ума и сердца въ сношеніяхъ въ достойными существами своего пола. Примемъ также въ соображеніе: постоянныя обязательныя занятія гимнастикой, роль

Фотогр. изд. Фр. Ганфтенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 222. Гафизъ. Съ картины Ансельма Фейербаха.

политической дѣятельности въ жизни мужчины, домашняго хозяйства, еще не облегченнаго механическими вспомогательными средствами новаго времени, въ жизни женщины — у Гомера царицы работаютъ за прялкою, царевны стираютъ бѣлье: отношенія, которыя продолжаются еще и въ средніе вѣка! Наконецъ, сплетни, которымъ на югѣ, при жизни почти на улицѣ, предаются съ особеннымъ рвеніемъ. Все это очень долго служило достаточнымъ противовѣсомъ. Но съ упадкомъ гимнастическихъ игръ, военной дѣятельности, государственной жизни и домашняго хозяйства всюду водворяется половая испорченность, которую римскіе поэты императорской эпохи изображаютъ въ такихъ отталкивающихъ картинахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣйствительно противоестественное направленіе половой жизни въ концѣ концовъ, кажется, одержало верхъ. Гимназіи превратились въ притоны разврата, такъ что іудеи эпохи Маккавеевъ вполнѣ

основательно всѣми силами противились ихъ учрежденію. Негодующее восклицаніе іудейскаго фарисея, попавшаго въ Грецію, апостола Павла, о блудодѣяніи, какого не слышно даже у язычниковъ, является, къ сожалѣнію, послѣднимъ свидѣтельствомъ объ отношеніяхъ половъ въ греческой литературѣ.

Поворотъ въ сторону, совершенно противоположную греческой любовной жизни, характеризуетъ поэзію такъ называемаго средневѣковья. Это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто человѣческая природа, въ короткій періодъ нашего историческаго развитія, стала совершенно другой. Но въ области человѣческихъ идей — какъ въ своего рода духовной атмосферѣ — рѣдко или никогда не водворяется затишье или выравниваніе противоположностей, а всегда господствуетъ одно какое-нибудь направленіе вѣтра. Имъ опредѣляется теченіе общественныхъ дѣлъ, нравовъ и учрежденій. Но подъ этой оболочкой человѣческія отношенія оказываются во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ, въ большинствѣ случаевъ, поразительно одинаковыми, и половыя отношенія не являются исключеніемъ изъ этого правила. Есть стихотвореніе, правда, очень позднее, Агатіаса (въ любовныхъ эпиграммахъ греческой антологіи), которое начинается словами: „какую тропинку любви избрать?", и даетъ живой и строго-нравственный обзоръ всѣхъ формъ эротическихъ отношеній. Оно кончается рискованной остротой. Все это показываетъ, что для добросовѣстнаго человѣка („педанта", какъ его клеймятъ въ царствѣ Эроса) въ древности было такъ же трудно разобраться въ этомъ отношеніи, какъ позднѣе и въ настоящее время.

Раскройте книгу въ родѣ „Платоновскихъ законовъ"—книгу, авторъ которой жилъ въ средоточіи греческаго міра, повсюду опредѣлявшаго античные нравы. Вы найдете въ ней далеко заходящіе проекты ограниченія и принудительнаго брачнаго регулированія половыхъ отношеній, при чемъ требуется примѣненіе всей силы законовъ. Весьма замѣчательно, конечно, что тутъ же разрѣшается и свободное общеніе половъ, лишь бы оно не было публичнымъ (не вызывало скандала). Самый строгій христіанскій пуританизмъ не могъ бы зайти дальше. Только Платонъ, какъ ранѣе Будда, а позднѣе апостольскій святой пуританизма Павелъ — въ противоположность современнымъ жалобамъ на мужчинъ, дѣлаетъ женщинъ отвѣтственными за неосуществимость половой строгости! Такимъ образомъ, Платонъ, именно въ міросозерцаніи грековъ, въ ихъ религіи, въ ихъ поэтическомъ просвѣтленіи любви, видитъ главнѣйшее изъ всѣхъ препятствій къ осуществленію своихъ аскетическихъ законовъ.

Водвореніе христіанства въ качествѣ единаго духовнаго правителя народовъ (церковь) подрѣзало въ самомъ корнѣ вліяніе классическаго язычества на нравы и съ тѣмъ вмѣстѣ на поэзію. Менѣе извѣстны и легко упускаются изъ вида въ высшей степени своеобразныя превращенія, извращенія и уклоненія — и при томъ, къ удивленію, отнюдь не только въ аскетическомъ смыслѣ— которыя должна была пережить поэзія подъ вліяніемъ новаго аскетическаго принципа. Переходя къ этому предмету, мы просимъ читателя разъ навсегда имѣть въ виду тему, которая насъ здѣсь занимаетъ и которая исключаетъ объективную

оцѣнку аскетическаго принципа какъ таковаго. Мы не будемъ напоминать въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ, что именно въ этой связи онъ долженъ являться противоестественнымъ и враждебнымъ. Это отношеніе и именно въ его необходимости должно само собой удерживаться въ памяти.

Zwischen Sinnenglück und Seelenfrieden
Bleibt dem Menschen nur die bange Wahl

(Для человѣка остается только робкій выборъ между чувственнымъ счастьемъ и душевнымъ міромъ.)

Такъ характеризуетъ нѣмецкій поэтъ угрюмое міросозерцаніе, которое отдѣляетъ Бога нашего міра отъ бога его классической юности и на высокомъ челѣ которой засіялъ примирительный лучъ новой религіи. Эта новая религія была религія могилы для чувственнаго міросозерцанія язычества. Она пришла съ кладбища, втройнѣ оплакивая всѣхъ рождающихъ. Она проповѣдывала конецъ міра. Ея проклятіе отяготѣло надъ побужденіемъ, которое гарантировало его дальнѣйшее существованіе. Это побужденіе само по себѣ оказывалось „грѣхомъ“, который влечетъ за собою потерю блаженства (рая, уготованнаго невинности).

Соблазнительница на этотъ грѣхъ, женщина, становится такимъ образомъ орудіемъ въ рукахъ злого начала (змія), „князя міра сего“, „лжеца искони“, „дьявола“. Ибо въ половомъ актѣ, въ этой „приманкѣ природы“, которая „такъ щедро обѣщаетъ, не выполняя ни одного изъ своихъ обѣщаній“, кульминируетъ міровой обманъ, Майя! Такъ рѣшили буддійскіе толкователи церковнаго христіанства, на которомъ, несомнѣнно, сказались индійскія вліянія (легко обнаруживаемыя въ манихействѣ).

Уже Ветхій Завѣтъ предложилъ свой миѳъ объ утратѣ рая половой невинности по винѣ женщины. До вполнѣ дьявольскаго образа женщины доходитъ онъ въ легендѣ о Далилѣ, коварной соблазнительницѣ Самсона (см. рис. 206). Она уничтожаетъ его силу, выдавая его тайну своимъ. Она выдаетъ имъ его самого. Но, позорно ослѣпленный, благодаря женщинѣ, онъ губитъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ собой. Такъ невыгодно для женщины преобразовался здѣсь древній миѳическій мотивъ Эроса и Психеи.

Замѣчательнымъ для насъ остается то, что проклятіе этого лживаго соблазна тяготѣетъ исключительно надъ женщиной, тогда какъ въ мужчинѣ усматриваютъ искупительное начало, Спасителя, который въ этомъ смыслѣ можетъ поставить гордый вопросъ: кто изъ васъ можетъ упрекнуть меня въ какомъ-либо грѣхѣ? Въ поэзіи и классическомъ искусствѣ христіанства господствуетъ первоначально „образъ жены міра“, обманчивой расточительницы пагубныхъ призрачныхъ благъ: спереди прекрасной обольстительной женщины, сзади отвратительнаго, кишащаго червями, разлагающагося трупа! Ибо „грѣхъ (все то же половое общеніе), когда онъ созрѣетъ, рождаетъ смерть“. Смерть есть искупленіе вины, которая заключается въ половомъ актѣ.

Какъ могло подобное міросозерцаніе въ церковномъ міроправленіи опираться, главнымъ образомъ, именно на женщину, оставалось бы совершенно непонятнымъ, если бы въ отношеніи

противорѣчивой женской природы не выяснилась, какъ несомнѣнный, опытомъ доказанный фактъ, одна истина: дѣйствительное и прочное господство надъ нею достижимо лишь для вполнѣ отрѣшившейся отъ нея, пожертвовавшей половымъ побужденіемъ свободѣ, побѣдившей самое себя, мужественности. Мы не будемъ развивать эти замѣчанія, такъ какъ это воззрѣніе, въ нагляднѣйшемъ отношеніи къ власти (Граля) и въ самой экзальтированной формѣ, знакомо теперь, благодаря Рихарду Вагнеру („Парсеваль“), даже нашей оперной публикѣ. Мы еще коснемся ниже его лестныхъ для женщины формъ. Въ церкви, все болѣе и болѣе опиравшейся на „благочестивый полъ“, оно выработалось именно при посредствѣ поэзіи.

Даже принимая въ соображеніе страстную эротику, которая, въ этой связи идей, снова развивалась въ ней — и именно въ ней — мы можемъ все-таки высказать въ качествѣ общаго положенія, что половая любовь въ этой поэзіи носитъ рѣшительно характеръ запретнаго. Въ классической древности поэты предостерегаютъ противъ ея отталкиванія, даже противъ простого откладыванія, не говоря уже объ отреченіи. „Лови моментъ!“ (carpe diem) — это извѣстное наставленіе извѣстнаго всякому со школьной скамьи римскаго поэта можно назвать девизомъ античной любовной поэзіи: скоро поблекнутъ твои розы, упрямая дѣвушка! Скоро зароютъ тебя въ землю, сомнѣвающійся, колеблющійся, занятый дѣлами человѣкъ! Удѣли мѣсто любви, не жалѣй для нея времени! Пой ей пѣсни и прими участіе въ ея пирѣ!

Теперь, наоборотъ, уже говорятъ о простомъ писаніи стиховъ въ честь любви:

Desine scribere, desine mittere carmina blanda,
Carmina mollia, carmina turpia, vex mimoranda.

(Гильдеберта Турскаго, XI столѣтія.)

(Полно писать, полно сочинять любовные стихи, нѣжные, постыдные, быстро запоминаемые, стихи!)

Сами же любовныя радости, прелесть, юность, красота оказываются приманками сатаны для „дѣла тьмы“. Такимъ остается любовное наслажденіе даже въ бракѣ! Его истинную заслугу доведенная до крайнихъ предѣловъ проповѣдь покаянія ставила въ усиленномъ умерщвленіи плоти супругами. Его пагубныя послѣдствія могла предотвратить только церковь своими таинствами, отнимая новыя, рождающіяся въ тѣлесной оболочкѣ, души у ихъ естественнаго господина, дьявола. „Венера“, античная богиня любви, превратилась въ злую волшебницу, которая повсюду въ пещерахъ горъ (наиболѣе извѣстная „Герсельбергъ“ въ Тюрингенѣ) раскидываетъ свои адскія любовныя сѣти, привлекая къ себѣ заблудшія души, въ родѣ рыцаря Тангейзера, и обрекая ихъ на вѣчную погибель. Ея роль приблизительно соотвѣтствуетъ здѣсь той, которую играла въ гомеровской древности злокозненная чародѣйка Цирцея, превратившая спутниковъ Одиссея въ свиней; очень прозрачная аллегорія въ духѣ нашей темы. Это любовное колдовство, какъ мы уже видѣли, представляетъ почти все, что осталось средневѣковью отъ языческой поэзіи; какъ и ея послѣдніе (римскіе) представители, Виргилій, Горацій, Овидій — послѣдній

главнымъ образомъ въ связи съ своимъ искусствомъ любви („Ars amandi“) — продолжали жить въ памяти народа, какъ волшебники, „Weise Meister“. Любовные напитки, элексиры, приворотныя зелья, амулеты, любовная жертва (общераспространенная тогда свирѣпая вѣра въ цѣлебную силу крови, нашедшая выраженіе въ исторіи друзей „Амиса и Амилеса“ и прокаженнаго „бѣднаго Генриха“), любовная месть, доходившая до зажариванія и подаванія на столъ сердца соперника: вся эта дикая игра суевѣрій ясно характеризуетъ темную сторону, къ которой былъ отодвинутъ міръ эротическихъ представленій.

Предчувствіе этой участи при владычествѣ новаго бога сказывается уже въ античномъ эротическомъ суевѣріи. Его праздникъ, который въ Римѣ еще до христіанства пользовался большимъ уваженіемъ среди послѣдователей всѣхъ восточныхъ культовъ, іудейская суббота (названная вслѣдствіе смѣшенія съ культомъ свѣтилъ „днемъ Сатурна“; это названіе сохранилось въ англійскомъ „Saturday“), считался несчастливымъ днемъ для всѣхъ любовныхъ предпріятій. Этотъ богъ, въ противоположность языческимъ богамъ, царилъ внѣ, „по ту сторону міра“. Но такъ какъ эротическія представленія неотдѣлимы отъ религіозныхъ, то даже подвергнутая гоненію половая любовь проложила себѣ путь къ этому чуждому, далекому, не соприкасающемуся съ міромъ, святому богу.

Ближайшимъ послѣдствіемъ явилась непомѣрно высокая оцѣнка цѣломудрія, дѣвственности какъ мужчины, такъ и въ особенности женщины. Проистекая изъ величайшаго почтенія къ безбрачію, какъ безгрѣшному состоянію, она переносится и на половыя отношенія и ихъ правила. Въ этомъ направленіи положеніе женскаго пола, совершенно поколебленное на естественной почвѣ, въ концѣ концовъ снова укрѣпляется вдвойнѣ и втройнѣ, такъ что церковь, столь неблагосклонная къ женщинѣ по своей идеѣ, могла въ теченіе столѣтій опираться почти исключительно на нее. Отсюда офиціальная церковная молитва о „благочестивомъ полѣ“! Здѣсь мы опять встрѣчаемъ рядъ идей, спеціально относящихся къ нашей темѣ. Упомянутая выше (ср. стр. 578 и слѣд.) высочайшая половая поэма о рожденіи искупляющаго міръ божественнаго ребенка, разрабатывавшаяся все тоньше и тоньше въ отношеніи духовности производящаго бога и абсолютной чистоты и дѣвственности человѣческой матери, вызвала этотъ поворотъ. Такимъ образомъ изъ Евы съ зміемъ, соблазнительницы мужчины ко грѣху, вышла въ концѣ концовъ чистая божественная дѣва, сокрушительница змія. Соблазняющее, пагубное яблоко (любовное яблоко) расширилось въ земной шаръ, надъ которымъ она возносится какъ побѣдительница: какъ древняя цѣломудренная богиня луны съ ея аттрибутомъ, луннымъ серпомъ, но въ то же время и какъ новая богиня любви, мать бога любви!

Не случайно, вмѣстѣ съ этимъ центральнымъ языческимъ произведеніемъ, проникло въ первоначально чуждую всякимъ прикрасамъ, простую и тусклую, іудейскую церковь все классическое язычество съ его пестрой толпой пластическихъ образовъ боговъ (теперь „святые“), съ его богатствомъ красокъ въ

изображеніяхъ и одеждахъ, съ его торжественными процес сіями и музыкально-театральными представленіями. Исторія искусства и поэзіи, вдохновительницей которыхъ въ этотъ вѣкъ всецѣло являлась церковь, доказываетъ это на каждомъ шагу.

Но и въ этомъ пестромъ поэтически-художественномъ нарядѣ церковь не могла забыть своей анти-сексуальной идеи. Въ средоточіи священныхъ половыхъ представленій этого вѣка становится бракосочетаніе стараго мужчины съ молодой дѣвушкой, — дѣвическая жертва. Не жертва дѣвственности, но сохраненіе дѣвственности, какъ жертва! Въ этомъ случаѣ половая поэзія пріобрѣла нѣчто въ высшей степени своеобразное: именно античную идею любовной жертвы, которая въ восточномъ культѣ Милитты, „высшей богини“ (Кибелы во Фригіи), приводила къ религіозной проституціи, — а здѣсь, въ порывѣ неистоваго самооскопленія, привела, въ своемъ извращеніи, къ пожертвованію половой любовью, къ отреченію отъ любви!

Эта не особенно естественная идея проявляется первоначально, какъ легко понять, въ различныхъ произведеніяхъ свободной не церковной поэзіи: напримѣръ, въ выше упомянутой, поэтически обработанной въ Германіи Гартманомъ фонъ Ауэ (рис. 223), легендѣ о молодой дѣвушкѣ, которая добровольно отдаетъ себя на смерть ради больного, такъ какъ врачъ требуетъ „дѣвической крови“ для исцѣленія ею проказы. Конечно, этотъ авторъ, самый привлекательный и благодушный изъ нѣмецкихъ разсказчиковъ средневѣковья, постарался придать этой темѣ, отзывающейся лазаретомъ (и въ высшей степени ненавистной Гёте), привлекательныя благодушныя формы. Больной у него является рыцаремъ, помѣщикомъ родителей дѣвушки, въ усадьбу которыхъ онъ удаляется, чтобы скрыть отъ свѣта свою ужасную болѣзнь. Дѣвушка еще совсѣмъ ребенокъ, его любимица, которую онъ въ шутку называетъ своей маленькой невѣстою (ст. 341). Случайно она подслушиваетъ, какъ въ разговорѣ со своими родителями, которые уговариваютъ его предпринять еще разъ поѣздку для излѣченія въ Салерно (центральный пунктъ средневѣковой медицины), добрый господинъ сообщаетъ имъ, какое ужасное средство требуется для его излѣченія.

Послѣ этого у нея назрѣваетъ въ безсонныя скорбныя ночи (ст. 539 и слѣд.) рѣшеніе пожертвовать собою для этой цѣли. Всѣ слезы родителей не могутъ удержать ее отъ этого. Рыцарь, опьяненный надеждою на излѣченіе, соглашается и отправляется съ ней въ Салерно. Здѣсь особенно сильное впечатлѣніе производитъ сцена, когда ножъ уже наточенъ „въ операціонной залѣ“, но ожидающій въ сосѣдней комнатѣ рыцарь, внезапно почувствовавшій угрызеніе совѣсти, бѣшено стучитъ въ дверь, желая остановить жестокое лѣченіе. Онъ видѣлъ въ щелку красоту жертвы. Онъ не хочетъ купить жизнь такою цѣною, къ величайшему отчаянію дѣвушки, которую онъ снова отвозитъ домой.

Da erzeigte der heilige Christ
Wie lieb ihm Treu und Erbarmen ist,
Und schied sie da beide
Von all ihrem Leide

Und machte ihn da zur Stund
Rein vom Aussatz und gesund.

(„Тогда показалъ Святой Христосъ какъ любы ему вѣрность и сострааніе и освободилъ ихъ обоихъ отъ всей ихъ скорби и сдѣлалъ его чистымъ отъ проказы и здоровымъ. Стихъ 1365 и слѣд.)

Радость свиданія съ родителями была такъ велика, „что уста ихъ смѣялись, а изъ глазъ дождемъ струились слезы" (стихъ 1414 и слѣд.). И когда родные и близкіе выздоровѣвшаго начинаютъ настаивать, чтобъ онъ женился, онъ естественно выбираетъ свою „маленькую невѣсту", „которой онъ обязанъ здоровьемъ, честью и жизнью (стихъ 1493 и слѣд.) — ее или никого!" „И такъ какъ поповъ было довольно, то ее отдали ему въ жены".

Если эта любовная исторія, даже независимо отъ госпитальнаго мотива, имѣетъ далеко невеселый характеръ, то это объясняется неестественной аскетикой церковнаго шаблона, пропитывающей ее. Чисто человѣческое состраданіе дѣвушки, которое поэтъ, съ несомнѣнно намѣреннымъ искусствомъ, сливаетъ съ наивной эротикой, немедленно переходитъ въ церковную литанію, какъ только рѣчь заходитъ о жертвѣ. На мольбы родителей (стихъ 543 и слѣд.) она отвѣчаетъ какъ монахиня, желающая удалиться въ монастырь. Она перечисляетъ всѣ тогдашніе аргументы въ пользу удаленія отъ міра, въ томъ числѣ и такіе, которые находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ ея позднѣйшимъ возвращеніемъ къ жизни:

Mich freit ein Mann auf freiem Gut,
Dem geb' ich meinen Leib in Hut,
Dem bringt sein Pflug in Hülle Brot,
Auf seinem Hof ist niemals Not,
Ihm stärben weder Ross noch Rinder,
Ihm mühen keine schreien den Kinder...

(„Меня беретъ въ жены Мужъ на свободной землѣ (Христосъ) — его попеченіямъ я вручаю свое тѣло — его плугъ приноситъ ему хлѣбъ въ изобиліи — на его дворѣ никогда не бываетъ нужды — у него не умираетъ ни конь ни скотина — его не безпокоютъ плачущія дѣти... Стихъ 775 и слѣд.)

Такой же искусственно-экзальтированый характеръ носятъ ея упреки колеблящемуся врачу (стихъ 1107 и слѣд.), котораго она смѣясь называетъ трусомъ. Онъ де хочетъ заставить ее отказаться отъ „небеснаго вѣнца"! Дѣло въ томъ, что вся исторія Дѣвы, послужившая прообразомъ для поэзіи и классическихъ искусствъ, представляетъ сплошной вызовъ природѣ — отъ начала, когда ангелъ возвѣщаетъ о рожденіи Сына ей, которая „не знаетъ мужа", черезъ продолженіе, когда она кормитъ и баюкаетъ ребенка въ хлѣву у пастуховъ и спасается отъ преслѣванія царя въ Египетъ, до конца, когда на нее, совершенную Дочь-Мать („Figlia del suo figlio", Данте), Сынъ-Отецъ возлагаетъ вѣнецъ дѣвства. Но именно потому она и годилась для юныхъ первобытныхъ народовъ, укрощеніе и воспитаніе которыхъ имѣло существенное значеніе для церкви, какъ носительницы культуры. Кельты, германцы и славяне сходятся въ томъ, что признаютъ въ женщинѣ нѣчто сверхъестественное, мистическое, пророческое, что особенно дѣятельно и властно проявляется въ случаѣ сохраненія дѣвства. У народовъ классической древности (грековъ и римлянъ) слѣды этого воззрѣнія

сказываются въ существованіи женщинъ пророчицъ (дельфійская Пифія, римская Сивилла, весталки), но для нихъ было неслыханною вещью абсолютное владычество женщинъ, о которомъ говоритъ намъ древняя богемская сага о Любушѣ; или кельтическое сказаніе о верховной жрицѣ Нормѣ, трагическая судьба которой, постигшая ее за любовь къ мужчинѣ, извѣстна изъ оперы; или преданія о германскихъ веледахъ, которыя пользовались такимъ политическимъ вліяніемъ, что сосѣдніе батавскіе народы (въ Нидерландахъ) послѣ битвы въ Тевтобургскомъ лѣсу, принужденные выбирать между римлянами или Германцами, объявили: для насъ больше чести повиноваться римскимъ вождямъ, чѣмъ германскимъ женщинамъ (Тацитъ, „Исторіи“, V, гл. 25). Съ этими особенностями варварскихъ народовъ, Римъ очень скоро научился считаться, когда ему пришлось покорять ихъ не вызывающей и не примиримой силой оружія, а смиреннымъ, но тѣмъ болѣе настойчивымъ епископскимъ посохомъ.

Разсмотрите, напримѣръ, роль, которую играетъ женщина въ древнегерманскомъ героическомъ эпосѣ еще задолго до того, когда сказалось вліяніе церковной легенды о Дѣвѣ! Сравните въ этомъ отношеніи германскій эпосъ съ греческимъ, даже съ римскимъ, хотя онъ уже очень далекъ отъ мужественнаго героическаго вѣка Гомера. Правда, десятилѣтняя война съ Троей загорѣлась изъ-за женщины, изъ-за Елены, супруги Менелая, увезенной Парисомъ. Спеціальная тема Гомеровской поэмы, гнѣвъ Ахиллеса, также загорается изъ-за прекрасной дѣвушки Бризеиды, которую отнимаетъ у національнаго героя царь Агамемнонъ. Но роль женщинъ исчерпывается тѣмъ, что онѣ служатъ чисто пассивнымъ предлогомъ къ дѣйствію. Дѣйствуютъ же исключительно мужчины. Елена только разъ показывается на стѣнѣ Трои, собственно для того, чтобы слушатели или читатели поэмы не упускали изъ вида перваго повода къ войнѣ. Она просто должна заставить признаться даже стариковъ, что изъ-за такой женщины стоитъ вести хотя бы и безконечную войну. Но сама эта женщина ведетъ себя такъ, какъ будто все дѣло совершенно ее не касается. Читателю современныхъ романовъ кажется совершенно непостижимымъ ея чисто женское равнодушіе ко всему тому злу, которое она причинила; ему представляются чудовищными половыя отношенія къ соблазнителю, которыя она продолжаетъ безъ всякаго стѣсненія. Въ Одиссеѣ вѣрная жена и хозяйка Пенелопа стоитъ въ центрѣ дѣйствія. Но сама она въ дѣйствіе не вмѣшивается. Она означаетъ только конецъ, какъ Елена начало борьбы. Она играетъ роль преміи побѣдителю. Римскій искусственный эпосъ Виргилія, Энеида, далеко уступаетъ Гомеровскому по внутренней правдѣ и вѣрной передачѣ дѣйствительности. Такъ, существеннымъ недостаткомъ, въ поэтическомъ смыслѣ, является уже то обстоятельство, что здѣсь протежэ богини любви не изнѣженный волокита, какъ у Гомера (Парисъ), а претерпѣвающій много невзгодъ и лишеній герой поэмы, Эней, родоначальникъ Рима. У Гомера такимъ героямъ покровительствуетъ Паллада-Аѳина[1] (ср. выше стр. 577).

[1] Энею, впрочемъ, и у Гомера (гдѣ онъ также является въ роли мужественнаго героя) покровительствуетъ Афродита, защищая его, раненаго, отъ Діомеда, который однако заставляетъ ее удалиться, ранивъ въ руку. *Перев.*

Но въ отношеніи женщины и римскій эпосъ дѣлаетъ лишь незначительныя уступки тому, что признается теперь основой романическаго дѣйствія: именно, руководящей и господствующей роли женщины. Любовная связь Энея съ карфагенской царицей Дидоной остается (путевымъ) эпизодомъ. Она (чужеземка, ср. выше стр. 582), само собою разумѣется — правда, уже съ прибавкой сантиментальнаго описанія горя покинутой — приносится въ жертву государственнымъ интересамъ, военнымъ и политическимъ обязанностямъ. Можно подумать, что римскій поэтъ имѣлъ при этомъ въ виду дѣйствительную романтическую связь — характеризующее упадокъ античнаго духа, несчастное увлеченіе римскаго тріумвира Антонія египетской царицей Клеопатрой — какъ предостерегающій примѣръ, показывающій, куда приводитъ мужчину, въ политическомъ и житейскомъ отношеніи, зависимость отъ женщины.

Теперь возьмите нѣмецкій (германскій) героическій эпосъ: Нибелунговъ и (Гильду) Гудрунъ! Первый можно назвать, по его содержанію, „местью Кримгильды"; такимъ образомъ уже заглавія обѣихъ поэмъ показываютъ, что главную роль въ нихъ играютъ женщины. И здѣсь въ основѣ дѣйствія увозъ женщинъ и женская вѣрность, какъ тамъ увозъ Елены и вѣрность Пенелопы. Но здѣсь увезенныя — Брунгильда, Гильда — обладаютъ воинственнымъ и мстительнымъ духомъ, возбуждаютъ и разжигаютъ борьбу между мужчинами. Мало того, мотивъ женской вѣрности сливается здѣсь съ мотивомъ гибели героя черезъ женщину, такъ какъ ангелъ вѣрности (Кримгильда) превращается въ ангела мести. Какъ у грековъ паденіе Трои происходитъ изъ-за Елены, такъ здѣсь „der Nibelunge nôt" изъ-за Кримгильды. Но здѣсь женщина уже не является простымъ предлогомъ, а внутренней причиной, даже силой, дарующей побѣду въ бояхъ мужчинъ, силой, которая, какъ валкирія Брунгильда, должна быть сначала завоевана въ тѣлесномъ бою. „Черезъ ея любовь онъ одолѣлъ въ бою", говоритъ въ заключеніе Гудрунъ. Грекамъ это показалось бы смѣшнымъ. Ихъ сказаніе объ амазонкахъ, женщинахъ, сражающихся какъ мужчины, и о побѣдѣ надъ ними (еще до Трои и Аѳинъ!) — имѣетъ въ виду исключительно борьбу героическаго эллинскаго духа съ варварскими нравами.

Новѣйшая поэзія (Генрихъ Клейстъ) сумѣла и здѣсь найти матеріалъ для романтическихъ сценъ: между царицей амазонокъ Пентезилеей и ея побѣдителемъ Ахиллесомъ. Но въ древности, даже не чуждый, при случаѣ, романтизма (Энеида, I, 490 и слѣд.) Виргилій ничего не знаетъ объ этомъ. Идея заставить героя влюбиться въ красоту убитой противницы, подготовленная пластическимъ искусствомъ, проявляется только у средневѣковаго продолжателя Гомера, Квинта Смирнскаго (въ первой книгѣ). Въ древнѣйшей легендѣ, которую трагически обработалъ также Эсхилъ, гомеровскій Терситъ попрекаетъ Ахиллеса этой любовью, Ахиллесъ усматриваетъ въ этой насмѣшкѣ такое оскорбленіе, что убиваетъ оскорбителя. Изъ-за Бризеиды Ахиллесъ приходитъ въ бѣшенство. Однако за оружіе онъ берется не ради нея, а ради убитаго друга, Патрокла. Пенелопа только одинъ изъ мотивовъ, влекущихъ Одиссея на родину. Онъ хочетъ только во-

обще вернуться домой, изъ варварскихъ странъ въ Элладу. И для женщины въ изгнаніи (Ифигенія) мотивомъ тоски является не любовь, а родина: „душа ея тоскуетъ по греческой землѣ“.

Но теперь любовь является побудительнымъ мотивомъ дѣйствія и исключительнымъ содержаніемъ тоски. Общій эротическій идеалъ выступаетъ при этомъ на мѣсто пестраго разнообразія житейскихъ любовныхъ отношеній, о которыхъ еще Лукрецій (IV, 115—261) такъ мѣтко замѣчаетъ, что для каждаго объектъ его любви (половое дополненіе) становится Еленой или богиней; что каждый смѣется надъ выборомъ другого, а относительно самого себя не замѣчаетъ, какъ подъ вліяніемъ страсти изъяны превращаются для него въ достоинства:

„Негритяночкой“ называютъ смуглую; неряха — „не любитъ рядиться“; съ кошачьими глазами — „Паллада“; съ мужскимъ лицомъ — „Индуска“; карлица — „одна изъ грацій, чудо остроумія“, дылда же оказывается „величественнаго роста“; заикающаяся „не любитъ болтать“, а нѣмая „слишкомъ застѣнчива“; та же, которая болтаетъ, судачитъ и несетъ вздоръ, — „блуждающій огонекъ“. Кожа да кости — „стройная красавица“; съ огромными грудями — „Церера, кормящая Вакха“; курносая — „маленькій фавнъ“, а у толстогубой — „ротикъ, созданный для поцѣлуевъ“.

Теперь подобныя вещи не находятъ мѣста въ сознаніи, не говоря уже объ изложеніи. Ихъ замѣнила вѣчно одна и та же безкровная схема „чистой, высокой, добродѣтельной женщины“, въ такъ называемой поэзіи трубадуровъ, нѣмецкихъ миннезингеровъ. Уже слово „Minne“ обозначаетъ чисто надуманный родъ любви, такъ какъ оно значитъ собственно „думать“, „носить въ мысляхъ“. Это именно, въ связи съ неуклюжей, но искренней свѣжестью „рыцарскаго“ вѣка, придаетъ этой поэзіи ея своеобразное очарованіе: ту полукомическую, полутрогательную юность, которая въ соотвѣтственный періодъ жизни отдѣльнаго лица, какъ „дурачество зеленой молодости“, возбуждаетъ насмѣшку, но и тайную зависть въ болѣе зрѣломъ человѣкѣ. Такъ какъ все же это высшее, что противоположность половъ можетъ дать въ духовномъ отношеніи самому индивидууму:

Разверзлись небеса для взора, въ блаженствѣ сердце расплылось ..

какую бы странную фигуру ни изображали собою въ дѣловомъ мірѣ эти юные влюбленные, и какъ бы ни были малоцѣнны достоинства ихъ поэзіи съ общей точки зрѣнія. Дѣйствительно, эта поэзія обладаетъ тѣмъ же свойствомъ, какимъ отличается и чисто, идеально влюбленный въ глазахъ другихъ: она скучна. Авторъ только что цитированнаго стиха, въ качествѣ критика, зло, но мѣтко охарактеризовалъ эту поэзію весны, „Minnedichtung“: „Тутъ вѣчно весна приходитъ, зима уходитъ, а скука остается“. Именно это общее и лишенное индивидуальной физіономіи отношеніе къ весеннему пробужденію природы связываетъ вполнѣ симптоматически эту поэзію пробужденія любви — въ жизни отдѣльнаго лица и въ исторіи литературы — съ дѣйствительностью. И не случайнымъ признали мы выше фактъ, что человѣческая природа окружила пробуждающееся въ ней половое побужденіе, точно стѣною, этимъ блаженнымъ сму-

Рис. 223. Легенда о бoихъ. Съ картины Поля Гэя.

щеніемъ, этой безкорыстной чистотою и высотой — конечно, лишь воображаемой — представленій.

Только этотъ вѣкъ былъ въ состояніи поэтически серьезно разработать даже совершенно невинную дѣтскую игру въ любовь въ разсказѣ „Flor und Blanchetlor" по образцу восточной символической басни о Розѣ и Лиліи. Эти дѣти чисто романтически и романически, съ момента своего рожденія, случившагося въ одинъ и тотъ же день, предназначены другъ для друга. Мать дѣвочки взята въ плѣнъ отцомъ мальчика. Ихъ совмѣстное воспитаніе (coedukation) — рука объ руку, съ золотыми досками и грифелями, которыми они, впрочемъ, занимаются гораздо меньше, чѣмъ поцѣлуями (стихъ 442 и слѣд.), рекомендуется вниманію — и оправданію — современныхъ педагогическихъ мечтателей. Въ особенности заслуживаетъ вниманія истерическое поведеніе обоихъ въ моменты разлуки. Впрочемъ, даже эта юная сказочная парочка не обходится „безъ дитяти искупителя". Таковымъ является (стихъ 307 и слѣд.) „длинноногая Берта", поэтическая мать „Императора" средневѣковой поэзіи, Карла Великаго.

Чисто духовный символъ въ эротикѣ, „Gottesminne" его религіи, сопровождаетъ этотъ вѣкъ во всѣхъ его учрежденіяхъ, ежедневно, ежечасно. По всѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ онъ проповѣдуется и объясняется въ церкви. Благодаря этому вѣкъ становится воспріимчивымъ и способнымъ къ аллегорической любовной игрѣ чистыми абстракціями — добродѣтелями, науками, даже строго философскими теологическими понятіями, которыя мы можемъ уразумѣть теперь только съ помощью труда и учености. Тогда же это было общепонятно. Иначе пластическое искусство не давало бы ему такого широкаго, такого исключительнаго мѣста и при томъ не только въ священныхъ предметахъ, но и съ особенной охотой въ декоративномъ искусствѣ и художественныхъ ремеслахъ. Поэты клали его въ основу не случайныхъ только, но глубоко личныхъ поэтическихъ изліяній: напримѣръ, Данте въ мощной поэтической исповѣди о своемъ обращеніи къ новой жизни. Послѣднимъ руководитъ и направляетъ къ желанной цѣли его возлюбленная, Беатриче — т. е., по смыслу имени, подательница блага, теологическое понятіе о благодати (рис. 224 и 225). Петрарка, уже отворачивающійся отъ церковнаго идеала и сознательно возвращающійся къ древности, также дѣлаетъ свою Лауру — личность которой, можетъ быть, не существовала въ дѣйствительности — чисто аллегорическимъ выраженіемъ награды поэта, лавроваго вѣнка, на который намекаетъ ея имя.

Похоже, какъ будто отчужденіе и удаленіе бога этого вѣка отъ міра сказывается во всѣхъ его любовныхъ изліяніяхъ. Такъ какъ въ немъ вступили во сферу культуры молодые дальніе народы, то дальнее, чуждое и безъ того играетъ у нихъ важную роль. Въ особенности у германцевъ того времени, то, что „издалека" и его противоположность совпадаютъ съ понятіями значительнаго и незначительнаго, даже прямо хорошаго и дурного. Такъ и въ нашей области, чуждое является теперь въ поэзіи—опять таки въ самой рѣзкой противоположности съ возрѣніями древности (ср. стр. 582 и слѣд.) — идеаломъ эротической, даже брачной, связи. Просмотрите средневѣковую рыцарскую поэзію съ ея любовными приключеніями. Какія чуждыя имена, какія далекія фантастическія страны! Такъ какъ нѣмецкіе поэты сочиняли въ большинствѣ случаевъ по французскимъ образцамъ, то чуждыя формы аллегорическихъ именъ и фантастика географическихъ представленій соединяются еще съ французскими онѣмеченными выраженіями. Такъ, царица души Парсеваля, на которой онъ женится въ одномъ изъ своихъ странствій, называется „Кондвирамуръ" (Kondwiramur, Conduire amour). Любовь этихъ половъ обрѣтается въ отдаленной части свѣта, какъ „святая земля" ихъ религіи. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что весьма реальное воздѣйствіе борьбы съ маврами на политику и сношенія въ Крестовыхъ походахъ оставило ясные слѣды и въ

половыхъ отношеніяхъ. Романтическая парочка влюбленныхъ дѣтей, о которой мы говорили выше, символически изображаетъ эротическое соглашеніе между Востокомъ и Западомъ въ средневѣковыхъ войнахъ (стихъ 324 и слѣд.).

Flôre was ein heiden (язычникъ, безъ сомнѣнія, мавръ), Blanchefl̂ur cristâne (христіанка изъ Испаніи, такъ какъ ея мать была захвачена во время паломничества къ Sante Jacôbe, т. е. къ Іакову Компостельскому [стихъ 429]). Но всего яснѣе выражается и всего дальше заходитъ это въ легендѣ о графѣ фонъ

Съ разр. Fred. Hollyer въ Лондонѣ.
Рис. 224. Salutatio Beatricis in Terra. Съ картины Данте Габріоля Россети.

Глейхенъ! Этотъ крестоносецъ попросту привозитъ своей супругѣ въ ея Тюрингскій замокъ восточную красавицу, которая на чужой сторонѣ спасла ему жизнь и на которой онъ женился изъ благодарности (рис. 226). Какой краснорѣчивый символъ культурныхъ и религіозныхъ отношеній! но въ то же время какое разстояніе отъ Язона и Медеи (см. стр. 583), Тезея и Аріадны, Энея и Дидоны, отъ естественныхъ предразсудковъ древней эпохи!

Этимъ еще не исчерпывается область чувствъ и представленій, характеризуемая этимъ наивнымъ признаніемъ бигаміи (даже со стороны первой домашней жены графа фонъ Глейхенъ);

къ ней также относится исходящее равнымъ образомъ изъ священныхъ и изобильныхъ половыхъ предпосылокъ ухаживаніе за женой другого, какъ объектомъ поэтической рыцарской любви. Сдѣлать цѣлью этихъ платоническихъ мечтаній дѣвушку, казалось, въ виду опасности соблазна, нарушеніемъ почтенія къ дѣвственности. Но рыцарскій поэтъ не желалъ искать удовлетворенія правъ своего сердца, какъ для себя, такъ и для своихъ героевъ, дома. Даже здѣсь, въ кругу самыхъ честныхъ отношеній, его манило только чуждое и — какъ видно изъ при-

Съ разр. Fred. Hollyer въ Лондонѣ.

Рис. 225. Salutatio Beatricis in Eden. Съ картины Данте Габріеля Россетти.

знаній этихъ поэтовъ — запретное. Это естественное послѣдствіе міросозерцанія, съ точки зрѣнія котораго половыя сношенія сами по себѣ являются „запретнымъ плодомъ". Именно это запретное становится теперь предметомъ общей идеализаціи, которую этотъ юношески чувственный вѣкъ исключительно по схемѣ своего церковнаго ученія продѣлываетъ надъ всѣми земными вещами. Секретность этой любви, старанія избѣжать огласки, преодолѣваніе затрудненій при свиданіяхъ съ милой, составляютъ главную приправу и существенное содержаніе этой, въ другихъ отношеніяхъ такой однообразной поэзіи. Она отличается отъ современныхъ романовъ и драмъ на тему о нарушеніи супружеской вѣрности — быть

Съ разр. д-ра Э. Альбертъ и К° въ Мюнхенѣ.

Рис. 226. Возвращеніе графа фонъ Глейхенъ. Съ картины М. Ф. Швинда.

можетъ съ выгодою для себя въ смыслѣ поэтическомъ, но врядъ ли выгодно въ нравственномъ отношеніи, — тѣмъ, что она выдавала себя за личное переживаніе поэта и чисто таковымъ и была. Такъ какъ человѣческая природа всецѣло исключаетъ возможность для такихъ отношеній оставаться только „идеальными“, только поэтическими „façon de parler“, — объ этомъ свидѣтельствуетъ фактическая исторія того времени.

Недаромъ же его поэтическими любовными героями, въ напоминающемъ первобытный лѣсъ любовномъ саду риѳмован-

ныхъ рыцарскихъ романовъ, являются Тристанъ и Изольда,—отравленная любовнымъ напиткомъ кельтической саги, превращающимъ ненависть въ неугасимую любовь, чета, преступная не только по отношенію къ міру, но и по отношенію къ себѣ самимъ. Въ самомъ дѣлѣ, она, ирландка, ненавидитъ британца, какъ хитраго побѣдителя ея родственника, національнаго героя, Морольта. Сначала онъ равнодушенъ къ ней и добываетъ ее только для своего дяди короля Марка (рис. 227). Но онъ предназначенъ въ соблазнители, какъ это обнаруживается позднѣе въ отношеніи второй Изольды, своими дважды нарушавшими брачный обѣтъ родителями и своимъ положительно-методическимъ

Съ фотогр. Туглера въ Боценѣ.

Рис. 227. Борьба Тристана и встрѣча его съ невѣстою.
Стѣнная живопись въ замкѣ Рункельштейнъ близъ Боцена.

воспитаніемъ для роли романическаго героя: истребителя драконовъ и сердцеѣда. Она объяснялась бы теперь патологически: до такой степени естественнымъ является, къ сожалѣнію, именно этотъ характеръ женщины, потерявшей стыдъ и потому не знающей удержу, жестокой, готовой обманывать и людей и Бога. Она даетъ порученіе убить служанку (Брангену), посвященную во всѣ тайны, которую она подсунула вмѣсто себя королю Марку. Затѣмъ она внезапно хочетъ видѣть ее живою и повѣсить наемныхъ убійцъ. Безстыдство, съ которымъ она выпрашиваетъ у короля своего любовника себѣ въ „защитники", и безсовѣстное лицемѣріе, съ которымъ она приноситъ клятву въ своей вѣрности, вызываетъ у нѣмецкаго поэта ужасные стихи:

Da sieht man, dass der heilige Christ
Solch windfang wie ein Ärmel ist...
Er ist den Herzen gleich bereit
Zur Falschheit wie zur Ehrlichkeit.

Ist es Ernst, ist's falsches Spiel,
Er ist so wie man's grade will!

(Тутъ видно, что Святой Христосъ для такихъ вертушекъ ничего не значитъ... Онъ одинаково служитъ сердцамъ для фальши и для честности Серьезное ли дѣло или фальшивая игра, его повернешь куда захочешь!
Стих. 15739 и слѣд.)

Въ концѣ концовъ, неистовый пылъ чувственнаго любовнаго вожделѣнія разрушаетъ у этой, предобразующей будущіе типы, четы всѣ границы половой сдержанности и заставляетъ ее позабыть о всѣхъ мѣрахъ предосторожности. Это не мѣшаетъ злополучному, обманутому мужу буквально липнуть къ водящей его за носъ парочкѣ. Онъ прямо таки хочетъ быть обманутымъ, какъ идеальный рогоносецъ, который не въ силахъ разстаться съ своей потаскушкой женой. Въ отношеніи этого типа новѣйшая поэзія невыгодно отличается отъ античной поэзіи, относящейся къ подобнымъ горемыкамъ юмористически и насмѣшливо (см. стр. 576). Дѣло въ томъ, что здѣсь не жалѣютъ никакихъ ингредіентовъ, чтобы придать этой поэмѣ о любовномъ напиткѣ, по возможности, соблазнительный характеръ. Разсуждаетъ же авторъ ея нѣмецкой поэтической обработки, въ отношеніи нашей темы безспорно простодушнѣйшій изъ всѣхъ этихъ поэтовъ, Готфридъ Страсбургскій, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ даетъ въ высшей степени чувственное описаніе ихъ любовныхъ отношеній — „уста къ устамъ и грудь къ грудямъ“ — о прелестяхъ запретной любви! (Стихъ 17929 и слѣд.) И осудившій эту эпоху вмѣстѣ съ ея поэзіей на адскія муки, Данте — который (по словамъ Делингера) „запятналъ ея грязью и собственную пророческую мантію“ — не безъ основанія отмѣчаетъ соблазнительное дѣйствіе этой поэзіи, такъ ревностно скрывающей и отвергающей античную откровенность въ половыхъ вещахъ, именно

Съ разр. Fred. Hollyer въ Лондонѣ.

Рис. 228. Паоло и Франческа.
Съ картины Данте Габріеля Россети.

на добропорядочныя, воспріимчивыя къ возвышеннымъ и красивымъ фразамъ, натуры (Паоло Малатеста и Франческа Римини). „Сводникомъ (!) была книга (именно, „Ланчелотъ съ Озера“, одинъ изъ этихъ рыцарскихъ романовъ) и тотъ, кто ее написалъ. Въ тотъ день уже мы больше не читали“... (рис. 228).

И Данте принадлежитъ къ не рѣдкимъ съ того времени поэтамъ, которые, расточая неумѣренныя хвалы эротическому идеалу и осуществляя его — въ поэзіи и жизни — въ различныхъ, не только въ идеальныхъ и аллегорическихъ отношеніяхъ, не посвятили ни одной буквы во всѣхъ своихъ литературныхъ произведеніяхъ собственнымъ женамъ.

Судьба средневѣковой эротической поэзіи была рѣшена, когда изъ исключительныхъ круговъ высшаго дворянства она начала распространяться въ болѣе широкихъ слояхъ общества, въ заключеніе, даже между городскими ремесленниками („Мейстерзингеры“). Подобное общественное явленіе, именно въ смыслѣ охарактеризованной здѣсь стороны, менѣе чѣмъ какое-либо другое способно сдѣлаться „модой“. Тѣмъ не менѣе, какъ показываютъ еще и нынѣ его неискоренимые остатки, ни одно не пустило болѣе прочныхъ корней въ европейскую общественную жизнь. — „Дама“ (лат. Domina = госпожа), рыцарскіе аллюры „ухаживанія“ съ ихъ свитой всякаго рода церемоній, наконецъ кодексъ чести „дуэли“! — Уже въ эпоху ея наивысшаго расцвѣта здравый смыслъ одного (правда, баварскаго) поэта, который называетъ себя Вернеръ-садовникъ, сатирически освѣщаетъ смѣшныя и пагубныя послѣдствія проникшаго даже въ крестьянскую среду стремленія къ въ высшей степени двусмысленнымъ рыцарскимъ отношеніямъ (въ риѳмованной повѣсти о „Мейерѣ Гельмбрехтѣ“, заносчивомъ крестьянскомъ сынѣ, который губитъ себя и свою сестру, благодаря брачному союзу послѣдней съ „искателемъ счастья“, т. е. по современной терминологіи — „проходимцемъ“). Во что превратилось, въ концѣ концовъ, сверхчувственное рыцарское „Minnedichtung“, можно видѣть изъ того, что въ порядочномъ обществѣ подъ конецъ считалось неприличнымъ произносить слово „Minne“. Ревнивое бѣшенство мужей на поэтическихъ обожателей ихъ женъ въ дѣйствительности врядъ ли доходило до такихъ ужасныхъ мѣръ противодѣйствія, о которыхъ разсказываетъ сама эта поэзія (легенда о рыцарѣ Де Куси, ср. балладу Уланда и старо-итальянскія новеллы): именно до предложенія женѣ зажареннаго вырѣзаннаго сердца убитаго любовника. Знатные господа, какъ уже въ 1526 г. герцогъ Людвигъ Суровый Баварскій и еще въ XV столѣтіи герцогъ Филиппо-Марія, послѣдній Миланскій Висконти, прозаически расправлялись съ поэтически невѣрными женами, предавая ихъ суду и казни.

Обратное дѣйствіе этой духовной эротики на ея носительницу, церковь, не преминуло сказаться. Эпоха ея наиболѣе мощныхъ властителей, въ которыхъ какъ будто еще разъ воплотилось отчужденіе первоначальнаго христіанства отъ міра и его ненависть къ воспроизведенію, эпоха Григорія VII (Гильдебранда, нѣмца!) и Иннокентія III (автора пользующейся большимъ вліяніемъ книги „О бѣдственности человѣческаго состоянія“) является въ то же время эпохой расцвѣта этой соблазнительной поэзіи и ея

спеціально церковнаго культа Маріи (отъ XI до XIII столѣтія). Идеальная, но повидимому не только духовная — судя по ея ужасному прекращенію вслѣдствіе семейной мести! — любовная связь между французскимъ церковнымъ учителемъ Абеляромъ и аббатессой Элоизой говоритъ, во всякомъ случаѣ, о въ высшей степени жизненныхъ отношеніяхъ этой церковной эротики къ фактической. Только два столѣтія отдѣляютъ этихъ папъ отъ развратника Нероновскаго типа на папскомъ престолѣ Александра VI (Борджіа). Каковъ попъ, таковъ и приходъ. Не слѣдуетъ, конечно, судить о половой жизни духовенства — особливо славившихся въ то время нищенствующихъ монаховъ — такъ, какъ это дѣлаютъ, начиная съ XIV и XV столѣтій, народная литература, новеллистика и театръ, обновившійся главнымъ образомъ на почвѣ обличенія пороковъ духовенства. Но безпристрастныя свидѣтельства безупречныхъ, спокойныхъ авторовъ изъ среды самаго духовенства (напримѣръ капуцина Іоганна Паули въ его собраніи анекдотовъ „Schimpf und Ernst") подтверждаютъ безчисленными доказательствами фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію: что и въ половомъ отношеніи XV вѣкъ представляетъ кульминаціонный пунктъ одичанія и пагубныхъ вліяній духовенства.

Можно съ разныхъ сторонъ разсматривать вызванный этимъ обстоятельствомъ поворотъ всемірной исторіи, осуществленный реформаціей; но врядъ ли можно отрицать, что для средняго человѣка дѣло шло главнымъ образомъ о половомъ вопросѣ. Во всякомъ случаѣ успѣхъ реформаціи въ народныхъ кругахъ объясняется этой стороной дѣла. Старая церковь подтверждаетъ это тѣмъ усердіемъ, съ которымъ она (въ такъ называемой противореформаціи) послѣдовала примѣру реформаторовъ въ этой области и съ одной стороны пуританской чисткой, съ другой мудрымъ использованіемъ своего вліянія на женскій полъ вернула свои утраченныя позиціи. Напомнимъ здѣсь объ особенно тѣсно связанныхъ съ нашей темой, неоднократно сказывавшихся въ поэзіи и до тошноты надоѣвшихъ въ публицистикѣ, вліяніяхъ католической исповѣдальни, особливо въ связи съ іезуитской моралью („казуистика").

При объясненіи новаго направленія половыхъ воззрѣній не слѣдуетъ однако, на ряду съ этой чисто духовной стороной, упускать изъ виду и весьма естественные мотивы, побуждавшіе къ большей строгости въ половыхъ отношеніяхъ и къ повышенной оцѣнкѣ ихъ гражданскаго защитнаго приспособленія, брака. Эти мотивы вытекали прежде всего изъ перваго опустошительнаго проявленія сифилиса (Lues) въ Европѣ, совпадающаго съ этой эпохой. Они столкнулись съ тѣмъ „возрожденіемъ классической древности" (Rinastimento, Renaissance), которое чистая человѣчность („гуманизмъ") стремилась водворить въ формахъ болѣе высокой духовной жизненной дѣятельности: въ государствѣ, наукѣ и искусствѣ, на развалинахъ духовно и нравственно оскудѣвшей церкви. Ужасная болѣзнь, представляемая теперь какъ наказаніе античной богини любви (отсюда названіе „венерическая болѣзнь"), отнынѣ рѣетъ зловѣщимъ призракомъ на заднемъ фонѣ эротической поэзіи. Тщетно надѣялись справиться съ нею при помощи кучи лѣкарствъ и „средствицъ"; тщетно пытались — въ высшихъ и наивысшихъ кругахъ — смягчить ея ужасный харак-

теръ пріятнымъ именемъ „галантная болѣзнь“! Одинъ поэтическій врачъ „Cinquecento“ (XVI столѣтія) Іеронимо Фракасторо сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣческихъ, въ смыслѣ элегантнаго опоэтизированія ужасной болѣзни, „dont la nature est d'empoisonner les meilleures joies de la vie“ (по современному французскому отзыву объ этомъ стихотвореніи, появившемуся впервые въ Веронѣ въ 1530 г.). Въ Германіи ее долго называли „французской болѣзнью“, или короче, „французомъ“ намекая на ту націю, литература которой во всѣ времена находилась въ тѣснѣйшей связи съ распущенностью въ любовной жизни. (Дѣйствительное происхожденіе этого названія объясняется тѣмъ, что болѣзнь обнаружилась впервые во французской арміи, осаждавшей Неаполь въ концѣ XV столѣтія).

Въ Германіи одинъ изъ первыхъ и наиболѣе потрудившихся для реформаціи гуманистовъ Ульрихъ фонъ Гуттенъ преждевременно погибъ жертвой этой болѣзни. Не только въ наши дни подавала она поводъ къ жалобамъ на эротику и обусловленное ею воспроизведеніе міра; но и въ особенности въ XVII („der abenteuerliche Simplicissimus“) и въ XVI — II у Вольтера (maître Pangloss въ „Кандидѣ“); въ началѣ XIX, напримѣръ, у предвосхитившаго fin de siécle алкоголически грубаго студента драматурга Граббе (Берл., изд 1875 г. I, стр. 227: „Г о т л а н д ъ. Ты любишь? смотри, берегись Венеры!“)

Мы должны принимать въ соображеніе подобные моменты, чтобы и съ этой стороны оцѣнить политику брака реформаторовъ.

Съ двумя важнѣйшими въ этомъ отношеніи учрежденіями, къ которымъ пришла въ концѣ концовъ старая церковь — безбрачіемъ духовенства и нерасторжимостью брака — было покончено. Отмѣною безбрачія разсчитывали исправить невозможное состояніе, до котораго дошло, благодаря строгому примѣненію, въ теченіе четырехъ столѣтій, запрещенія брака, единственное въ то время образованное сословіе въ духовномъ и моральномъ отношеніяхъ, а теперь и въ отношеніи физическаго здоровья. Вторая же реформа навязывалась сама собою, чтобы устранить опасность господства женщины (въ самомъ широкомъ смыслѣ), раньше исключенную безбрачіемъ руководящаго, духовно господствующаго сословія. Не слѣдуетъ оцѣнивать черезчуръ низко значеніе этого пункта, особливо въ связи съ естественными наклонностями народовъ, выступившихъ на первый планъ со времени средневѣковья.

Римская церковь п о л и т и ч е с к и никогда не дѣлала тайны изъ того, что главную цѣлью ея упорныхъ настояній на целибатѣ является независимость духовенства — оставляя въ сторонѣ религіозные мотивы Евангелія. Обратите вниманіе на печальный опытъ, превратившій въ страстнаго поборника развода одного изъ поэтовъ реформаціи, человѣка строгихъ нравовъ и съ пуританской складкой, именно Мильтона, и вы легко усмотрите внутреннюю связь между двумя основными реформами половой жизни новаго времени. „Вы, моя милая, — сказалъ онъ женѣ, въ бытность свою статсъ-секретаремъ Долгаго парламента, — „хотите ѣздить на четвернѣ. Я же хочу быть честнымъ человѣкомъ“.

Имя Мильтона, болѣе чѣмъ какое-либо другое, объясняетъ намъ, почему поэзія реформаціи, въ противоположность старо-цер-

ковной, ухватилась за Ветхій Завѣтъ и сдѣлала его своимъ образцомъ. Кромѣ его національнаго и мірского законодательства (въ противоположность потусторонности и отчужденію отъ міра Новаго Завѣта) въ немъ дѣйствовала въ особенности патріархальная практика брака, Моисеевское брачное право, которое разрѣшаетъ выдать женѣ „разводное письмо“, чтобы покончить съ невыносимымъ раздоромъ. Идеалъ женщины, поскольку о таковомъ могла быть рѣчь въ то время, также совершенно иной. Вмѣсто безцвѣтной „чистой дѣвы“ на поэтическую сцену выступаютъ героини, страдалицы, патріотки библейскаго народа: Юдиѳь, мать Маккавеевъ, дочь Іевфая, Сусанна, Эсфирь; и при томъ въ буквальномъ смыслѣ на сцену: свѣтскаго театра, возрождающагося послѣ тысячелѣтняго проклятія церковью, несмотря на все сопротивленіе пуританскихъ ревнителей.

Уже имена этихъ героинь даютъ понять, что въ вѣкъ реформаціи поэзія руководится въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ отнюдь не эротическимъ интересомъ. Въ самомъ дѣлѣ, эротическое отрезвленіе никогда не проявлялось въ западной поэзіи такъ сильно, какъ въ эпоху реформаціи, — именно потому, что она становится мірской, а не аскетически чуждой міру, какъ въ первые вѣка христіанства! — Народная новеллистика и ученый гуманизмъ въ Италіи, Раблэ, Монтэнь во Франціи, Гансъ Саксъ, Себастіанъ Брандтъ, Томасъ Мурнеръ и даже сатирики заискивающаго передъ модой семнадцатаго вѣка въ Германіи, оставивъ въ сторонѣ всякую „Venusnarrheit“, обнаруживаютъ по отношенію къ женскому полу холодную внимательную сдержанность. Она поражаетъ тѣмъ более, что возвышается надъ безуміемъ вѣка, который „обожествилъ“ женщину. Реформаторскому вопросу о бракѣ посвящена цѣлая литература, которая обсуждаетъ вопросъ, приличествуетъ ли разумному человѣку жениться и „носить рога“, что считалъ неизбѣжнымъ Панургъ, странный герой романа Раблэ. Съ полной серьезностью высказывается сомнѣніе, „можно ли считать женщинъ разумными существами“.

Особенный интересъ представляетъ Англія, такъ какъ ни въ одной странѣ женщина, во всѣхъ слояхъ общества, вплоть до престола (королева Елизавета), не помогала реформаціонному движенію такъ мужественно и съ такимъ успѣхомъ. Правда, у Шекспира — имя котораго первымъ приходитъ въ голову при мысли объ англійской поэзіи — это сказывается лишь тѣмъ, что онъ (еще всецѣло коренящійся въ культурѣ Возрожденія и Реформаціи и чуждый ея женоненавистничеству) умѣетъ съ несравненной объективностью изображать женщину во всѣхъ проявленіяхъ ея природы съ ихъ тончайшими оттѣнками. Нѣмецкая и французская женщина того времени не дали бы ему матеріала для наблюденія и изображенія этой полноты свободно, и при томъ строго въ своихъ границахъ, развивающагося женскаго существа; о романскихъ же націяхъ, вернувшихся послѣ необычайно смѣлыхъ эмансипаторскихъ попытокъ къ средневѣковому женскому режиму, и говорить нечего! Поэтому у Шекспира можно изучать, какой переворотъ произошелъ за это время въ отношеніяхъ между полами. Даже „Ромео и Джульетта“ (рис. 229), несмотря на обольстительную поэзію трубадуровъ, которая въ ней звучитъ — правда въ элегическомъ тонѣ трубадура уже гумани-

стическаго, Петрарки — отнюдь не представляетъ условнаго прославленія „Minne“. Пьеса эта есть въ строжайшемъ античномъ смыслѣ, трагедія любви, какъ „Ate“, т. е. какъ слѣпо бушующей страсти, несущей смерть и погибель. Его „Отелло“ показываетъ, съ глубочайшимъ знаніемъ души и людей и въ полной противоположности съ наивнымъ эротическимъ предпочтеніемъ иностранокъ въ средніе вѣка, ужасныя возможности, вытекающія изъ различія расъ даже при наилучшихъ, почти идеальныхъ, условіяхъ брака. Его „Укрощеніе строптивой“ заключаетъ совершенно въ духѣ реформаціоннаго гуманизма — даже непосредственно подъ вліяніемъ Аріосто — недвусмысленный отпоръ вздорнымъ женскимъ поползновеніямъ выйти за предѣлы той правовой сферы, которую имъ можетъ отвести англичанинъ. Но его Корделія представляетъ высочайшее воплощеніе способности къ самоотверженію просто разумной, великодушной женщины, противопоставляемое расчетливому фразерству, властолюбивой и корыстолюбивой холодности, олицетворяемой ея сестрами, но также и безумію необузданной мужской натуры въ ея старческомъ упадкѣ, въ лицѣ короля Лира. Она воплощаетъ эти свойства какъ дочь, тогда какъ Имогена и Герміона — какъ супруги, Віола — какъ возлюбленная, Миранда — какъ дочь и возлюбленная. И все-таки даже въ этихъ типахъ какъ далекъ отъ обычнаго „ангела“ въ женскомъ образѣ этотъ наблюдатель, который на ряду съ ними видѣлъ насквозь и такую кокетку какъ Крессида, такихъ фурій какъ королева Маргарита (въ „Генрихѣ VI“), такихъ демоновъ какъ леди Макбетъ, такихъ чертовокъ какъ Гонерилья и Регана, дочери Лира! По поводу „Клеопатры“ въ удивительной Плутарховской драмѣ о любовномъ увлеченіи римскаго тріумвира Антонія одинъ тонко образованный читатель нашего времени (Генрихъ Абекенъ) даже

Ф. Брукманъ въ Мюнхенѣ.

Рис. 229. Ромео и Джульета.

Съ картины Виктора Мюллера.

ставитъ вопросъ: „Какъ могъ англичанинъ изобразить такую женщину?" Общественнаго возвеличенія и украшенія любовной игры, которое вмѣстѣ съ другими рыцарскими пережитками средневѣковья сохранила до нашего времени Испанія — политическая противоположность Англіи — для Шекспира не существуетъ. Для него это „много шума изъ ничего" („Much ado about nothing"); затраченное на это усиліе—„потерянный трудъ" („Loves labour's lost, въ русскомъ перев. „Безплодныя усилія любви"). Самое существенное во всемъ этомъ, съ точки зрѣнія трезваго отношенія къ дѣлу — потребность женщины въ мужчинѣ — онъ изобразилъ подъ характернымъ заглавіемъ: „Все хорошо, что хорошо кончается". Въ ней дѣвушка, очень выдающаяся даже въ духовномъ отношеніи (какъ врачъ), заставляетъ мужчину, въ котораго она влюблена и который относится къ ней съ самымъ оскорбительнымъ презрѣніемъ, сдѣлать дѣйствительнымъ бракъ, въ который онъ принужденъ былъ вступить съ нею, для чего она ночью обмѣнивается ролью съ его любовницею и такимъ образомъ становится беременной отъ него.

Къ постоянству эротическихъ ощущеній у мужчины Шекспиръ относится скептически; сравните рѣчь герцога, обращенную къ Віолѣ въ „Какъ вамъ будетъ угодно". Онъ указываетъ на ненадежность любовника, клянущагося въ вѣчной вѣрности въ особой комедіи („Два веронца"), въ которой невѣрный въ концѣ концовъ очень деликатно выпутывается изъ своего положенія. Преступное лицемѣріе драконовскихъ законодателей полового пуританизма онъ разоблачаетъ съ умышленной рѣзкостью въ „Мѣра за мѣру", при чемъ однако наказываетъ злополучнаго нарушителя имъ же изданнаго закона — только женою!

Шекспиру приписываютъ на основаніи его поэтическихъ признаній (Сонеты) мизогинію. „Слабость твое имя, женщина!" — восклицаетъ Гамлетъ по поводу своей преступной матери. А Ричардъ III торжествуетъ, добившись руки женщины у гроба ея отца, имъ же убитаго: „была ль когда такъ ведена любовь! была ль когда такъ женщина добыта!" Тѣмъ болѣе вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что Шекспиръ не только эротическую вѣрность, но и вообще человѣческую доброту воплощалъ преимущественно въ женскихъ образахъ. Къ этому побуждаетъ его, конечно, главнымъ образомъ поэтическое дѣйствіе, а отчасти уже современный поэтическій идеалъ его, какъ мы это скоро увидимъ.

Вѣдь не случайно, конечно, возобновляется современное идеализированіе женщины въ восемнадцатомъ столѣтіи въ Англіи, странѣ, гдѣ реформація достигла власти, какъ раньше этотъ идеалъ впервые сформировался въ Италіи и южной Франціи, центрахъ средневѣковой церковной власти. Но женщина, которую пустилъ въ ходъ англійскій „чувствительный романъ"—съ тѣхъ поръ такая же необходимая принадлежность на всемъ земномъ шарѣ, какъ душистое мыло—уже не высокая и далекая „небесная" возлюбленная. Эту послѣднюю безуспѣшно старался возродить еще раньше (уже въ XVII столѣтіи) французскій прозаическій романъ. Его рыцарскія безплотныя фигуры въ псевдоантичныхъ костюмахъ современнаго высшаго общества подверглись уничтожающей критикѣ классическаго французскаго bon

sens (Буало), ихъ литературные круги, „ученыя женщины“ и „смѣшныя жеманницы“ были осмѣяны комедіей Мольера. Уже не изъ „дворовъ любви“ и „небесныхъ сіяній“, а отъ семейнаго очага исходитъ возрожденіе средневѣковаго поэтическаго идеала женщины въ реформированной Европѣ. Какъ бѣлокурый перлъ безупречной женственности, извѣстный и изъ нашихъ семейныхъ (фельетонныхъ) романовъ, выступаетъ этотъ идеалъ — часто въ видѣ невинной поселянки — навстрѣчу „восторженной порочности“ интереснаго мужчины. Она превращаетъ его послѣ трагическихъ столкновеній всего чаще въ добраго буржуазнаго образцоваго супруга и папашу! Такъ новая поэтическая дѣва въ качествѣ пасторской дочки противостоитъ на реальной почвѣ парящему въ облакахъ идеалу средневѣковаго рыцарства. Только новѣйшій „комическій романъ“, эта необходимая реакція мужского разсудка на современные романтическіе вкусы, именно въ католической Испаніи высмѣявшій этотъ женскій идеалъ романтическаго рыцаря („Донъ Кихотъ“) въ лицѣ несравненной Дульцинеи Тобозской, не пощадилъ и реформаторскаго преобразованія романтической героини. Его родина, Англія, обнаруживаетъ у своихъ романистовъ-сатириковъ (Свифтъ, Стернъ, Фильдингъ до Теккерэя и Боца-Диккенса) яснѣйшее пониманіе всей условной лжи, на которой построенъ и этотъ новый идеалъ.

Уже это самоограниченіе показываетъ, что не изъ англійской литературы вышли современныя преувеличенія и — подъ конецъ прямо болѣзненныя — извращенія эротическаго идеала. Повинна въ этомъ главнымъ образомъ Франція, въ другихъ отношеніяхъ страна bon sens и эротическаго легкомыслія. Всемірное господство ея языка въ XVIII столѣтіи содѣйствовало эпидемическому литературному распространенію оргій современной эротической чувствительности. И здѣсь кладетъ начало французскій писатель, хотя и не французъ по рожденію, одаренный своеобразнымъ талантомъ и оказавшій замѣтное вліяніе на всѣ области современной жизни, Жанъ Жакъ Руссо, „citoyen de Genève“.

Вспомнимъ, какое значеніе имѣлъ Руссо въ политикѣ, правѣ и наукѣ для революціонной эпохи, — для той эпохи, которая, отвергнувъ съ страстнымъ увлеченіемъ всѣ сверхчувственныя опоры человѣческихъ отношеній, усматривала въ „Природѣ“ абсолютное лѣкарство противъ всѣхъ изъяновъ и соблазновъ! Оно достигаетъ кульминаціоннаго пункта въ пламенномъ и слезномъ обожаніи женщины, и при томъ запрещенной женщины, принадлежащей по закону другому, которое натуралистическій отецъ церкви современнаго соціализма излагаетъ въ „Новой Элоизѣ“ (ср. стр. 609). Руссо, реформированный писатель католическаго юга, возводитъ въ своемъ романѣ на степень истины то, что реформированный сѣверъ считалъ только побочной, строго ограниченной опорой своей семейной и общинной церковности: самовластное обновленіе средневѣковаго романтическаго идеала любовнаго ухаживанія.

То, что было тогда только скрытой дѣйствительностью часто лицемѣрнаго аллегорическаго любовнаго экстаза, теперь, въ потокѣ бурныхъ ощущеній, становится оффиціально признаннымъ центральнымъ пунктомъ: возведенное на степень высшаго чело-

вѣческаго счастья, поистинѣ обожествленное, обладаніе желанной женщиной.

Совершенно особенная философія, которую можно назвать „софистикой чувственности“, и еще болѣе своеобразное искусство выдавать эротическую экзальтацію за нѣчто естественное, даже морально необходимое въ отношеніяхъ между полами, побѣдоносно вступаютъ, въ этомъ романѣ, въ область европейской изящной литературы и въ ея общество.

Герой романа недаромъ „maître d'études“ — въ Германіи употребляютъ болѣе рискованный терминъ: „домашній учитель“ (Hauslehrer) — молодой дамы, которую онъ посвящаетъ въ искусство любви! При ея посредствѣ (въ любовныхъ письмахъ этого романа въ письмахъ и при посредствѣ ея подруги, превозносящей ее какъ ангела) возвѣщаетъ этотъ maître d'études amoureux ту двойственную мораль любовнаго ухаживанія, которая у себя провозглашаетъ „священнымъ“ все то, что лицемѣрно проклинаетъ у другихъ, не столь избранныхъ созданій (метресса Лауретта Пизана). По мнѣнію оскорбленнаго отца компрометированной барышни этотъ домашній учитель — „мнимый остроумецъ, пустомеля („un diseur des riens“), способный скорѣе погубить разумную дѣвушку, чѣмъ научить ее чему-нибудь путному“. Но для матери это — „достойный человѣкъ прекраснаго поведенія и репутаціи, нравственный и талантливый“. Что пользы для отца семейства въ томъ, что онъ въ порывѣ раздраженія даетъ дочери пощечину (рис. 230), — послѣднюю пощечину, которая была получена „дамой“ въ литературѣ. Она при этомъ падаетъ, получаетъ легкій ушибъ, и такимъ образомъ ставитъ его въ роль чернаго злодѣя. Но другая мѣра „варвара отца“, именно возстановленіе пошатнувшейся репутаціи дочери посредствомъ брака съ пожилымъ человѣкомъ того же круга, не возбуждаетъ въ ней такого негодованія. Она „искупаетъ этимъ — по ея словамъ — свою вину“.

Слѣдуетъ отмѣтить, что романъ изложенъ въ формѣ коротенькихъ, мастерски подражающихъ дѣйствительности, писемъ. Возможно, впрочемъ, что многія изъ этихъ писемъ были подлинными любовными письмами (изъ отношеній Руссо къ госпожѣ Гудето); говорятъ, будто и вмѣсто именъ Сентъ-Пре — такъ зовутъ домашняго учителя и героя романа — стояло другое имя (Жанъ-Жакъ?). Если эта метода очаровывать посредствомъ отталкиванія — доходящаго до оскорбительнаго презрѣнія — апелируя въ то же время къ **мужчинѣ** въ домашнемъ учителѣ, посредствомъ **расположенія**, выказываемаго при всѣхъ, и **холодности** наединѣ, примѣняемая ангельской Юліей („Новая Элоиза“), не клеймится названіемъ виртуознаго кокетства, то этимъ она обязана двойственной морали любовнаго ухаживанія: соединеннаго или не соединеннаго съ чувствительностью. Послушайте, какъ она сообщаетъ ему (Lettre XIII перваго тома) о „неожиданной встрѣчѣ въ рощицѣ“ — пока еще въ присутствіи подруги, — а онъ — глупецъ, — испуганный, предлагаетъ ей „новый планъ занятій“. Онъ получаетъ — на первый разъ отъ **обѣихъ** барышень — поцѣлуй (рис. 231) и описываетъ (Lettre XIC) разницу между ихъ дѣйствіемъ: „... Я поцѣловалъ эту очаровательную подругу, и никогда еще я не чувствовалъ такъ ясно

что впечатлѣнія таковы, какими ихъ дѣлаетъ сердце. Но что было со мною минуту спустя, когда я почувствовалъ... рука моя дрожитъ... сладкій трепетъ... что твои розовыя губки... губки Юліи... прижимаются къ моимъ губамъ, твои руки обнимаютъ мое тѣло. Нѣтъ, небесный огонь не воспламеняется такъ ярко, такъ быстро, какъ тотъ, что разлился во мнѣ въ моментъ твоего объятія. Всѣ части моего „я“ слились въ этомъ восхитительномъ прикосновеніи. Огонь прорывался между вздохами нашихъ пылающихъ губъ, мое сердце изнемогало подъ бременемъ восхищенія... и вдругъ я увидѣлъ, что ты блѣднѣешь, закрываешь глаза и, поддерживаемая кузиной, опускаешься безъ силъ. Такъ ужасъ заглушилъ радость, и мое счастье длилось всего мгновеніе... Нѣтъ! береги свои поцѣлуи! Я не могу выносить ихъ. Они слишкомъ жгучи, слишкомъ сильны для меня. Они пронизываютъ меня насквозь. Они могутъ свести меня съ ума! Одинъ, только одинъ, уже повергъ меня въ такое волненіе, отъ котораго я никогда не оправлюсь!“

Изъ „Новой Элоизы“ Руссо
Рис. 230. Отеческая пощечина.
Съ рисунка Моро, гравюра д'Эльво.

Не является ли необходимымъ напоминаніемъ о дѣйствительной подкладкѣ всей этой сверхчувственной чувственности совершенно другой языкъ, которымъ онъ говоритъ послѣ обильнаго угощенія съ выпивкой, и который она отмѣчаетъ съ негодованіемъ. Онъ клянется, валяясь предъ нею въ пыли, совершенно отказаться отъ спиртныхъ напитковъ. Но это опять таки ей не подходитъ, и она — согласно правиламъ двойственной морали амурныхъ дѣлъ — отдѣлывается отъ него шуткой. Неизбѣжный, весьма ординарный, конецъ этихъ частныхъ столкновеній легко предвидѣть. Онъ иллюстрируется горькими обвиненіями, которыя героиня бросаетъ соблазнителю и въ ту же минуту беретъ ихъ обратно, заканчивая обычной женской казуистикой: я сдѣлала это изъ состраданія (pitié) къ нему.

Впрочемъ, вино, дѣйствующее совершенно въ ея духѣ, эта сверхчувственная чувственность нашла въ давнишнемъ вспомогательномъ средствѣ эротики, которое какъ лейтмотивъ проходитъ черезъ этотъ романъ и на практикѣ одновременно съ нимъ пріобрѣло свое, еще и нынѣ длящееся, господство надъ европейскимъ салономъ: въ музыкѣ. Врядъ ли нужно пояснять, о какой именно музыкѣ идетъ рѣчь. Названіе „салонная музыка“ говоритъ само за себя; хотя въ настоящее время подъ эту рубрику нужно отнести многое, что самъ салонъ не обозначаетъ этимъ именемъ. Великій философъ и знатокъ музыки среди

философовъ государства, Платонъ во всякомъ случаѣ не потерпѣлъ бы ея въ своемъ „образцовомъ государствѣ“! Эту роль играла уже въ то время главнымъ образомъ опера, и именно безпутная любовная опера, сладкая нѣжность которой, во вкусѣ тогдашняго либреттиста поэта Метастазіо, съ тѣхъ поръ разгорѣлась до неистовства! Ея мелодическіе стихи, сплетающіе въ пышныхъ фразахъ любовь со смертью, сдѣлались международнымъ языкомъ этого рода эротики. Какъ она практиковалась при въ высшей степени почтенномъ, даже „священномъ“ музыкальномъ салонномъ времяпровожденіи — иногда (рис. 232) даже не только между влюбленными героями, но, какъ бы ради упражненія, и крестъ-на-крестъ — выражаясь въ дуэтахъ съ поцѣлуями, о томъ даютъ понятіе сцены нашего романа, который въ этомъ отношеніи — какъ уже замѣчено, отнюдь не случайно! — представляетъ классическій образецъ въ всемірной литературѣ.

Изъ „Новой Элоизы“ Руссо.
Рис. 231. Пробный поцѣлуй.
Съ рис. Моро, грав. д'Эльво.

Авторъ „Новой Элоизы“ далъ въ своей „Исповѣди“ ключъ къ пониманію этой поэзіи половой неврастеніи, а въ своемъ педагогическомъ произведеніи, „Эмилѣ“, изобразилъ ея практическія послѣдствія. Проклятіе современной буржуазной молодежи, онанизмъ, связанный съ раннимъ развращеніемъ благородной покровительницей, которую онъ называетъ своей „мамой“ (!), опредѣлили всю его жизнь. Эта жизнь дѣлится затѣмъ — въ высшей степени знаменательно для позднѣйшаго, опредѣлившагося подъ вліяніемъ Руссо, направленія половой сферы — между восторженными, слезливыми поэтическими любовными отношеніями съ знатными дамами „общества“ и довольно безцеремоннымъ механическимъ удовлетвореніемъ полового побужденія, а подъ конецъ связью съ экономкой Терезой, дѣтей которой онъ отдавалъ въ воспитательный домъ! Находящаяся въ тѣсной связи съ этой удобной практикой теорія воспитанія, иллюстрируемая образцовымъ питомцемъ Эмилемъ, ставитъ своей исключительной цѣлью возможно болѣе здоровое развитіе половой функціи. Она находитъ естественное увѣнчаніе въ своевременномъ соединеніи Эмиля съ такъ же воспитанной женской половиной, „Софіей“ (аллегорически: мудрость?). Только заблудившееся, искалѣченное, испорченное, издѣвавшееся въ своихъ жизненныхъ привычкахъ и модахъ надъ самыми элементарными требованіями природы и гигіены, поколѣніе париковъ и косичекъ, шнуровокъ и фижмъ могло видѣть „Природу“ въ наив-

номъ анимализмѣ Руссо, могло усматривать соціальное евангеліе въ его ученіи объ обществѣ, лишенномъ всякаго историческаго. юридическаго и политико-экономическаго обоснованія. Только въ виду окостенѣнія духа, которое несли съ собой застывшая въ мертвомъ буквоѣдствѣ реформація и окрѣпшая подъ вліяніемъ іезуитовъ противореформація среди мелочнаго деспотизма тогдашнихъ государствъ, крикъ отчаянія Руссо подѣйствовалъ на угнетенное человѣчество какъ призывъ къ избавленію. Онъ велъ „общество“ изъ „салона“ въ вольную природу. Онъ не утратилъ этой дѣйственности и до сего дня, несмотря на то, что отношенія въ вѣкъ политической и соціальной революціи измѣнились въ совершенно противоположномъ смыслѣ. Конечно, тогдашнія преувеличенныя надежды на благотворное дѣйствіе (животной) природы, предоставленной самой себѣ — „bona dea“ древнихъ — понизились, поскольку идеализація природы Руссо превратилась въ современный „естественнонаучный“ матеріализмъ. Этотъ упадокъ находитъ свое выраженіе въ томъ модномъ пессимизмѣ, который попрежнему ищетъ желаннаго освобожденія отъ своей сверхчеловѣческой индивидуальности всего чаще въ объятіяхъ женщины. Такова практика буддійской салонной религіи, отрицаніе міра и утвержденіе себя въ обожаніи природы, культивируемомъ нашей эпохой. Ея божество женскаго пола (природа!), какъ и богиня воспроизведенія „великая мать“ въ древнихъ восточныхъ половыхъ культахъ.

Первая жертва, принесенная новымъ духомъ этому направленію, находится въ тѣснѣйшей связи съ англійскимъ чувствительнымъ романомъ и Руссо: это Вертеръ — Гёте. Только по отношенію къ нему можно утверждать въ трагическомъ смыслѣ, что здѣсь мужчина, мужское начало принесено въ жертву природѣ, обожествленной въ женщинѣ. Юлія Руссо („Новая Элоиза“) умираетъ естественной смертью отъ родовъ въ законномъ бракѣ, — символъ зловредной условности буржуазнаго общества, на которую сѣтуетъ авторъ. Ея педагогическій любовникъ, т. е. самъ Руссо, остается въ живыхъ, чтобы воспитывать дѣтей по новой методѣ. Вертеръ, чувствительный поклонникъ Лотты, невѣсты его друга Альберта, счастливъ получить изъ ея рукъ равнодушно передаваемые ему пистолеты (рис. 233), при помощи которыхъ онъ намѣревается устранить себя изъ міра: „они прошли черезъ твои руки, ты стирала съ нихъ пыль, я цѣлую ихъ ты-

Изъ „Новой Элоизы“ Руссо
Рис. 232. Занятія музыкой.
Съ рис. Моро, грав. д'Эльво.

сячу разъ, ты прикасались къ нимъ. И ты, небесный духъ, благопріятствуешь моему рѣшенію и ты, Лотта, передаешь мнѣ орудіе, ты, изъ рукъ которой я желалъ принять смерть, и, ахъ, принимаю ее!“.

Самъ Гёте не одинъ разъ и настойчиво высказывался противъ героя своего юношескаго произведенія, жадно проглоченнаго міромъ, вплоть до его верховъ (Наполеонъ). Стало быть рѣзкій приговоръ этому нездоровому изліянію западнаго полового бреда, привлекшему въ качествѣ таковаго вниманіе даже на отдаленнѣйшемъ востокѣ (Китай), вынесенъ самимъ Гёте. Вертеръ прославилъ Гёте, но въ то же время заставилъ его подозрительно относиться къ литературной славѣ и публикѣ, которая постоянно ожидала и требовала отъ него „такихъ же вещей“. „Много оплаканная тѣнь“, къ которой онъ самъ не одинъ разъ обращался съ требованіемъ: „отвяжись отъ меня!“, преслѣдовала его какъ призракъ, напоминая ему о сумбурной, смутной, протекшей въ духотѣ сантиментально-революціоннаго настроенія эпохи, юности, отъ которой онъ отдѣлался героической работой надъ собою при содѣйствіи естествознанія и древности. Гёте самъ видѣлъ въ „Вертерѣ“ только выдѣленіе болѣзненныхъ соковъ современности. И то, что противодѣйствуетъ въ этомъ романѣ сладострастному погруженію въ половое страданіе и состраданіе: живое участіе къ мелочамъ семейной жизни (Лотта рѣжетъ дѣтямъ хлѣбъ, кормитъ съ губъ канарейку), любовное отношеніе художника къ природѣ, отвращеніе къ фразеологіи салона и канцеляріи, даже естественная — хотя подавляемая своего рода эротическимъ святошествомъ — ревность къ Альберту (рис. 234), — то именно и есть здоровое и цѣнное въ этомъ, породившемъ цѣлую литературу подражаній, продуктѣ западнаго напряженія половыхъ нервовъ. Слабое представленіе объ этомъ напряженіи даетъ слѣдующее, вырванное изъ связи съ цѣлымъ, мѣсто:

29 Іюліуса (!).

„Нѣтъ, хорошо, все хорошо! — Я — ея мужъ! Боже, создатель мой, если бъ ты уготовалъ мнѣ это блаженство, вся моя жизнь была бы непрерывной молитвой. Я не ропщу, прости мнѣ эти слезы, прости мнѣ мои тщетныя желанія! Она — моя жена! Когда бъ я могъ заключить въ свои объятія самое милое созданіе подъ солнцемъ... дрожь пронизываетъ мое тѣло, Вильгельмъ, когда Альбертъ обнимаетъ ея стройное тѣло“.

Это напоминаетъ о пылѣ, съ которымъ въ то время Клопштокъ передъ всей Германіей молилъ Бога за свою Фанни — вполнѣ посредственное, тупое, дюжинное существо — въ своей одѣ „Къ Богу“ 1748 г. (строфа 24 и слѣд. до конца, гдѣ онъ доходитъ даже до непроизвольно комическаго аргумента: „Въ ея объятіяхъ онъ будетъ лучше воспѣвать Мессію“). Недаромъ же Клопштокъ и въ „Вертерѣ“ поминается, какъ святой эротики. Только Лессингъ, одинъ изъ немногихъ, сохранившихъ свой мужской разсудокъ въ періодъ всеобщей вертероманіи и предложившій противъ нея столь же радикальное, сколько общеупотребительное, сексуально-гигіеническое средство, — только Лессингъ неодобрительно покачалъ головой: „Какая дерзость, такъ серьезно просить Бога о женщинѣ!“

Какъ настоятельно, впрочемъ, чувственность предъявляетъ свои права въ этой экзальтированнѣйшей изъ всѣхъ любовныхъ исторій, показываютъ такіе эпизоды, какъ сцена на балу во время бури и знаменитая заключительная сцена между Лоттой и Вертеромъ, когда онъ вырываетъ у нея, колеблющейся между гнѣвомъ и любовью, поцѣлуй. Эта чувственная примѣсь способствовала успѣху „Вертера“ въ широкихъ кругахъ. Ея умышленное, тщательное устраненіе въ романахъ Жанъ Поля, которые, впрочемъ, тоже довольно долго владычествовали надъ модой, вовсе не составляетъ, по нашему мнѣнію, ихъ особаго преимущества. Такъ какъ наряду съ обожествленіемъ половыхъ отношеній между мужчиной и женщиной, при чрезвычайно рискованныхъ темахъ и положеніяхъ (Liebenküs, Flegeljahre), оно только поддразниваетъ, а это худшее, что можно сказать о половой поэзіи. Къ сожалѣнію, и Гёте принесъ жертву этому молодому направленію, вообще не соотвѣтствовавшему его натурѣ — къ чести послѣдней. Дипломатическая важность и кристальная чистота языка, съ какою онъ изображаетъ въ „Wahlverwandtschaften“ — заглавіе, основанное на естественно-научномъ (изъ химіи!) сравненіи — „перекрестную любовь“ двухъ парочекъ, какъ нѣчто необходимое, при всемъ искусствѣ и житейской мудрости автора производитъ удручающее впечатлѣніе. „Небесная дѣвушка“ (Оттилія), образъ которой представляетъ себѣ Эдуардъ . . . во время сношеній съ женой, чтобы произвести ребенка, похожаго на возлюбленную, при всей вѣрности природѣ и жизни, характеризующей Гете, — жертва музы Жанъ-Поля.

Рис. 233. Лотта.
Съ рисунка Дан. Ходовецкаго, гравюров. Д. Бергеръ.

Гёте разочаровывалъ романтическихъ женщинъ своего времени — думавшихъ найти въ немъ „Вертера“ или барона Эдуарда изъ „Wahlverwandtschaften“ — уже своей спокойной

довольной внѣшностью, изобличавшей въ немъ „только Германа“ изъ его эпической повѣсти. Это самый отрадный фактъ въ исторіи современной эротической литературы. Такъ какъ „Германъ и Доротея“ представляетъ здѣсь такой же просвѣтъ гармоническаго взаимопроникновенія духа и природы на общечеловѣческой, каждому доступной основѣ, какъ явленіе самого Гёте во всѣхъ областяхъ современной безпокойной, растрепанной, напряженной и перенапряженной жизни, которая не чувствуетъ себя дома ни въ мірѣ, ни въ себѣ самой.

Рис. 234. Вертеръ.
Съ рисунка Дан. Ходовецкаго, гравиров. Д. Бергеръ.

Эта способность чувствовать себя дома даже въ такое безпокойное время, какимъ его рисуетъ исторія сватовства сына патриція маленькаго городка за бѣдную героическую эмигрантку французской революціи, — это и есть потерянный рай современной эротики, изъ котораго въ библіи и древности — какъ изъ эпохи юности — „вѣчно звучитъ ей пѣснь“. Недаромъ же одинъ поэтическій духъ, бѣжавшій отъ современной половой поэзіи въ государственныя дѣла и въ изслѣдованіе санскрита (Вильгельмъ Гумбольдтъ), избралъ именно это произведеніе великаго античнаго эротика, чтобы доказать на немъ возможность возстановленія античной поэтической дѣйствительности въ нашемъ внутреннемъ мірѣ (ср. въ особенности главу XLI его книги о „Германѣ и Доротеѣ“).

Простая рейнская крестьянская дѣвушка въ черномъ спенсерѣ съ краснымъ переплетомъ, у которой на рукахъ изгнанная родильница и цѣлая куча младенцевъ и которая такъ прозаически условливается съ сыномъ торговца рейнвейномъ о наймѣ и, глубоко оскорбленная матримоніальными намеками отца, немедленно хочетъ оставить его домъ, — это удивительно не поэтическое созданіе высочайшей поэзіи растетъ вмѣстѣ съ жизнью и опытомъ каждаго. Доротея не ангелъ небесный и не нарко-

тическій цвѣтокъ не въ мѣру напряженной эротики. „Ея взоръ блисталъ не любовью“, но „свѣтлымъ разсудкомъ и требовалъ разсудительнаго разговора“. Разсудочность, отличительное свойство женскаго духа, считающагося только съ дѣйствительностью въ противоположность мужскому разуму, взвѣшивающему возможное и необходимое, и потому конструирующему и идеализирующему природу, — эта свѣтлая разсудочность явно обнаруживается у Доротеи и составляетъ ея женское достоинство. Ибо она научаетъ ее тому, что свойственно только вѣнцу ея пола: понимать свою задачу, дѣйствительную задачу женщины въ этомъ мірѣ, который вовсе не есть ни любовный садъ, ни говорильня:

. . . На меня вы напрасно глядите съ раздумьемъ:
Жребій женщины — быть заранѣ готовой къ услугамъ,
Только ими она, наконецъ, достигаетъ до власти
Той заслуженной, которая въ домѣ ей помогаетъ.
Брату служитъ сестра, съ малолѣтства родителямъ служитъ —
Такъ и вся жизнь у насъ ограничена вѣчнымъ уходомъ
Или занятьемъ всегда и то и другое готовить,
Благо, если она привыкла во всякое время,
Днемъ и ночью, равно поспѣвать на каждое дѣло,
Если работа пустой, игла ей не кажется тонкой,
Если, живя для другихъ, она о себѣ забываетъ!
Всѣ эти добрыя качества будущей матери нужны
Въ часъ, какъ младенецъ ее, больную, разбудитъ, отъ слабой
Требуя пищи, и къ боли еще пріобщится забота.
Двадцать мужчинъ сообща не вынесутъ трудности этой;
Да и сносить не должны, но быть намъ должны благодарны[1].

Эта серьезная, надежная основа женственности сообщаетъ ея поведенію неизмѣнную тактичность и тамъ, гдѣ это нужно, чуткость, которая не противорѣчитъ „героизму женщины“, но обусловливаетъ его. „Эта дѣвушка не какая-нибудь бродяга“, такъ защищаетъ ее влюбленный, противъ нападокъ отца. Умудренный опытомъ поэтъ — не фантазеръ, измышляющій „любовныя исторіи“! — не упускаетъ изъ вида навести въ надлежащемъ мѣстѣ справки о будущей супругѣ и домохозяйкѣ. Онъ подчеркиваетъ то обстоятельство, что на своей родинѣ, передъ несчастьемъ, постигшимъ ея земляковъ, она имѣла опредѣленное семейное положеніе и была уже обезпечена. Но и ея покойный женихъ сдѣлался жертвой ужасовъ революціи, такъ какъ „въ первомъ одушевленіи высокой мысли стремился къ благородной свободѣ, но боролся съ произволомъ и интригами“ Она дѣлитъ судьбу изгнанницы съ знатными высокородными господами, князьями и королями, которые скитаются по странѣ переодѣтые, часто лишенные самаго необходимаго. Въ ней Германъ находитъ самого себя. Ея судьба, олицетворяющая въ то же время бѣдствіе родины, приводитъ его, неуклюжаго, застѣнчиваго юношу, которому „салонъ“ далъ насмѣшливое прозвище „Тамино“, потому что онъ еще не знаетъ новой въ то время Моцартовской оперы, къ сознанію его задачи какъ мужчины и гражданина. Какъ подлинный Тамино, онъ готовъ идти съ своей возлюбленной въ огонь и въ воду. Онъ хочетъ защищать родину отъ революціонныхъ ордъ, изгнавшихъ ее. Только те-

[1] Переводъ Фета.

перь чувствуетъ онъ себя одинокимъ, свои занятія пустыми, свое существованіе безцѣльнымъ. Здѣсь сказывается не какая-нибудь зеленая міровая скорбь. Онъ совершенно просто говоритъ сочувствующей матери: „мнѣ недостаетъ жены“. О высокомъ искусствѣ, въ связи съ естественностью, которая достигаетъ высоты античнаго эпоса въ этомъ простомъ разсказѣ, мы можемъ упомянуть лишь мимоходомъ: укажемъ, напримѣръ, сцену возвращенія домой черезъ виноградникъ, когда молодая чета, съ любимаго мѣстечка Германа, подъ старой грушей, смотритъ на освѣщенныя окна будущаго общаго дома. И послѣдующее постепенное сближеніе въ началѣ столь далекихъ другъ отъ друга молодыхъ людей: отъ ушиба ноги на ступенькахъ виноградника, впервые заставляющаго ее безпомощно опуститься на его грудь (рис. 237), до недоразумѣнія изъ-за шутки отца, которое, однако, вырываетъ у сконфуженной, съ горечью чувствующей только свое зависимое положеніе, дѣвушки признаніе въ склонности, до тѣхъ поръ тщательно скрываемой.

Къ какимъ варіаціямъ способенъ этотъ высокій въ своей человѣческой природѣ эротическій идеалъ, Гёте показалъ въ то же время въ „Вильгельмѣ Мейстерѣ“, болѣе сильный и многосторонній характеръ котораго также отражаетъ внутреннюю природу поэта, какъ Германъ его внѣшность. Его „ученическіе годы“ жизни классически рисуютъ ищущаго мужчину также въ отношеніяхъ къ женщинѣ по мѣрѣ того, какъ передъ нимъ проходятъ, въ мастерскомъ изображеніи, всѣ стороны современной женственности: безхитростная преданность въ Маріанѣ, кокетливое легкомысліе въ Филинѣ, исполненное предчувствій томленіе въ Миньонѣ, вульгарная дѣловитость въ Терезѣ, чтобы упомянуть только о главнѣйшихъ. Но воплощенное благородство чувствъ женщины, которая „или полюбила навсегда, или еще не любила“, явившееся передъ храбрымъ раненымъ, какъ отдаленная мечта, въ образѣ амазонки Натали, въ концѣ концовъ дѣйствительно достается на его долю. Достигшій въ этомъ произведеніи полноты знанія жизни, поэтъ однако именно въ немъ выдвинулъ въ качествѣ центральнаго пункта то необходимое дополненіе и высшее проявленіе идеализирующей эротики, которое въ „признаніяхъ прекрасной души“ находитъ свое религіозное выраженіе: „самоотреченіе“. Именно „чистая женская душа“, наученная дѣйствительностью любовной суеты міра, становится въ этой сферѣ женой и наставницей (Meisterin) Вильгельма!

Быть можетъ именно эта безусловная поэтическая откровенность сдѣлала „Вильгельма Мейстера“ такимъ несимпатичнымъ для „романтической школы“. Онъ показался ей „квинтъ-эссенціей прозы“. Но еще болѣе отвращался отъ него въ своихъ классическихъ произведеніяхъ Шиллеръ, который именно по отношенію къ нашей темѣ является въ романтическомъ свѣтѣ. Въ нѣкоторыхъ драмахъ своего зрѣлаго возраста Шиллеръ, и при томъ не только въ виду требованія темы и драматическаго дѣйствія, оказывается на пути къ тому средневѣковому католическому воззрѣнію на половую среду, какъ на служеніе злому духу, къ тому мечтательному пониманію дѣвственности, какъ чего-то божественнаго, о которыхъ мы говорили выше (см.

стр. 592 и слѣд.). Въ тѣснѣйшей связи съ этимъ находится упрекъ, дѣлавшійся Шиллеру, въ неумѣніи рисовать женскіе характеры. Въ виду невыгоднаго сравненія съ мастерствомъ Гёте въ этомъ отношеніи, слѣдуетъ напомнить о томъ, что не только драматургъ, но и мужчина, точнѣе сказать — вѣчный юноша въ Шиллерѣ, проявляется въ этомъ идеальномъ изображеніи его Амаліи и Тэклъ. Идеальной натурѣ борца, какова шиллеровская, присуща извѣстная односторонность: ей понятенъ только борющійся мыслящій мужчина, но не болѣе или менѣе пассивная, живущая чувствомъ, женщина. Неспособная проникнуть въ эти интимности, пониманіе которыхъ часто оказывается не въ пользу женщины, подобная натура сохраняетъ юношеское поклоненіе абстрактной высотѣ и нравственному вліянію женщины вообще, которое такъ часто сказывается у Шиллера — въ „Достоинствѣ женщинъ“, въ „Колоколѣ“ и другихъ произведеніяхъ.

Въ романтической поэзіи, обратившейся къ среднимъ вѣкамъ, былъ въ концѣ концовъ возстановленъ эротическій идеалъ миннезингеровъ, хотя подошли къ нему совершенно противоположнымъ путемъ. Въ то время религіозный образъ божественной чистоты былъ совлеченъ съ небесной высоты въ круговоротъ человѣческой любовной возни, а подъ конецъ и въ тину лицемѣрной, даже преступной похоти. Здѣсь эротическія осложненія — „проблемы“, какъ ихъ любили называть въ то время — которыя только и занимали „большой свѣтъ“ европейскаго салона, были, при помощи внѣшней блестящей культуры, искусственно взвинчены на такую высоту и посредствомъ утонченной софистики поддерживались на такой высотѣ, что заинтересованная ими публика серьезно воображала, будто она живетъ жизнью духа. На самомъ же дѣлѣ, вереница романовъ и театральныхъ пьесъ занимала ее изо дня въ день только картинами ея чувственности.

Это отношеніе къ романтизму, часто высказывавшееся серьезными наблюдателями міра, должно отвергнуть чрезмѣрныя претензіи, заявляемыя этой литературой, которая раньше только боролась за свое существованіе, теперь же стремится устранить и подавить всякую другую. Во времена романтизма она была еще далека отъ такой исключительности. Напротивъ, это беллетристическое направленіе дало толчокъ расширенію области литературныхъ изслѣдованій. Особенно близкое отношеніе къ нашей темѣ имѣетъ широкая и во многихъ отношеніяхъ интересная область европейской н а р о д н о й п ѣ с н и, которая, послѣ классическихъ попытокъ Лессинга, Гердера и Гёте, была впервые шире изслѣдована главнымъ образомъ романтиками и оказалась плодотворной для живой литературы.

Положеніе женщины въ Европѣ заставляетъ ожидать, что и поэзія рабочаго народа въ этой части свѣта трактуетъ отношенія между полами богаче, глубже и разностороннѣе, чѣмъ въ другихъ. Въ этомъ отношеніи народныя пѣсни даютъ болѣе опредѣленное, ясное и цѣльное представленіе о характерѣ различныхъ націй, чѣмъ ихъ литературы. Если даже признавать, какъ это принято нынѣ въ противоположность прежнимъ воззрѣніямъ, что народъ и въ своей пѣснѣ только усваиваетъ духовныя пріобрѣтенія высшихъ сословій, донашиваетъ ихъ устарѣвшія моды,

то все же нельзя не подивиться жизненности, самостоятельности этого процесса ассимиляціи, въ результатѣ котораго заимствованное народомъ превращается въ нѣчто однородное и характерное, его собственное. Вслѣдствіе этого и въ національной пѣснѣ, какъ въ народныхъ костюмахъ, національный характеръ выступаетъ нагляднѣе, однороднѣе, не такъ заслоняется колебаніями моды и оттѣнками индивидуальности. Къ сожалѣнію, какъ народный костюмъ, такъ и народная пѣсня всюду почти вымерли. Какъ объ одеждѣ намъ приходится судить по рисункамъ, сохранившимся отъ старыхъ временъ, и музейнымъ реставраціямъ, такъ и здѣсь доступные намъ матеріалы исчерпываются старинными собраніями и скудными остатками, которые удалось спасти изслѣдователямъ нашего времени. Процессъ возникновенія народныхъ пѣсенъ характеризуютъ въ духѣ нашей темы („душевная жизнь не отдѣлима отъ половой жизни") напечатанныя недавно въ нѣмецкомъ журналѣ „März" будто бы „настоящія" любовныя письма баварской крестьянской дѣвушки.

Какая пестрая масса оттѣнковъ обнаруживается въ народной пѣснѣ, очевидно въ связи съ національными племенными различіями, по отношенію къ нашей темѣ: отношеніямъ между полами. Наряду съ почти магометанскими повадками южныхъ славянъ Балканскаго полуострова, гдѣ раздраженный національный герой сербскихъ народныхъ пѣсенъ выкалываетъ кокетливые глаза высокомѣрной красавицѣ, отказывающей своимъ поклонникамъ, царитъ въ облакахъ мистическаго обожанія вѣчно огорченная, сверхнѣжная „дама" испанскихъ романсовъ! Въ противовѣсъ материнскому чувству и сверхженской покорности литовско-славянскихъ дѣвическихъ пѣсенъ, грозятъ, проклинаютъ и мстятъ скандинавскія валькиріи. Нарушеніе брачнаго обѣта, которое, впрочемъ, какъ утверждаютъ люди, знающіе французовъ, играетъ въ литературѣ послѣднихъ гораздо большую роль, чѣмъ въ ихъ жизни (въ противоположность другимъ народамъ), озадачиваетъ своей безцеремонностью во французской народной пѣснѣ:

Да, на зло моему мужу скажу я:
Мой милый держитъ меня въ объятіяхъ;

или:

Хоть это тебѣ и не нравится, муженекъ,
Но съ тобой я буду завтра, а сегодня ночью съ милымъ.

(По Karl Bartsch, „Alte französ. Volkslieder", S. 118 f.)

Какъ рѣзко отличается это гальское легкомысліе, которое хвастается нарушеніемъ брачнаго обѣта, точно какой-нибудь заслугой, отъ сѣверной угрюмости бретонскихъ и норманскихъ пѣсенъ сѣвернаго побережья Франціи! И даже отъ унылой пѣсни влюбленной до безумія дѣвушки (Mad song) по ту сторону канала въ странѣ spleen'a — пѣсни, такъ хорошо знакомой міру, благодаря Шекспировскимъ драмамъ (пѣсни Офеліи и Дездемоны)! Въ Германіи, родинѣ Вертера, ей соотвѣтствуетъ подобный же, хотя, конечно, менѣе привлекательный типъ народной пѣсни, пѣсня влюбленнаго мальчика:

Sie hat mir Treu versprochen,
Gab mir den Ring dabei,

Sie hat die Treu gebrochen,
Das Ringlein sprang entzwei [1].

Эйхендорфъ, а въ особенности Гейне сдѣлали основнымъ тономъ своей лирики этотъ мотивъ народной пѣсни, вошедшій въ моду благодаря романтикѣ. Ея пѣвучесть завоевала ей широкое мѣсто въ музыкальныхъ произведеніяхъ великихъ романтическихъ композиторовъ со времени Шуберта. Его „Müllerlieder" и „Winterreise" (на слова Вильгельма Мюллера, написавшаго также, какъ это ни странно, „греческія пѣсни") сразу показываютъ намъ, что именно мотивъ несчастной любви — со стороны мужчины — чаруетъ нѣмцевъ въ этихъ пѣсняхъ. Психіатровъ должны интересовать типичныя формы проявленія любовнаго бреда, болѣзненнаго любовнаго гнѣва въ этой лирикѣ, равно какъ и въ настоящихъ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ онѣ выступаютъ еще рѣзче, такъ какъ не смягчены эстетическимъ вкусомъ поэта: „Слышу я, какъ шумитъ серпъ — шумитъ онъ на жнивьѣ" — серпъ шумитъ о любви. „Любовь погибла" (=сжата). „Тамъ вверху въ долинѣ — вода кружитъ колесо — меня кружитъ только любовь съ вечера до утра". Именно въ этихъ прозаическихъ деталяхъ особенно ясно выступаетъ идіотизмъ эротической мономаніи. „Пошелъ я къ колодцу — но пить не могъ"... такъ какъ „увидѣлъ свою милую съ другимъ". Это зрѣлище заглушаетъ его жажду. У другого мысль о немъ „останавливаетъ кусокъ въ глоткѣ".

У Гейне всего сильнѣе проявляются эти болѣзненныя черты нѣмецкой Вертеровской пѣсни, какъ мы можемъ ее назвать. Тревожная мечтательная жизнь больного любовью даетъ ему поводъ и матеріалъ для самой широкой и разнообразной трактовки. Тамъ, гдѣ народная пѣсня съ ея узкимъ кругозоромъ принуждена умолкнуть, остроумная голова культурнаго человѣка находитъ возможность „играть своей скорбью".

...Den Gärtner nährt sein Spaten,
Den Bettler sein lahmes Bein,
Den Wechsler seine Dukaten,
Den Heine die Liebespein:

Er singt bei nächtlicher Lampe
Den Jammer, der ihn traf,
Und gibt ihn dann bei Campe
Heraus in klein Oktav. [2]

Извѣстный пріемъ этого поэта любовной тоски подшучивать надъ самимъ собой и прерывать ѣдкими остротами монотонную жалобу злополучнаго влюбленнаго, которая въ противномъ случаѣ была бы невыносима, съ самаго начала вызвалъ упреки по его адресу, особенно рѣзкіе въ настоящее время. Но въ немъ-то и заключается тайна его колоссальнаго успѣха. Съ точки зрѣнія нашей темы, мы должны сознаться, что этотъ пріемъ кажется намъ единственнымъ средствомъ сдѣлать поэтической немужественную фигуру хронически несчастно-влюбленнаго, которая въ противномъ случаѣ была бы не только невыносимой, но

---

[1] Она поклялась мнѣ въ вѣрности и при этомъ дала мнѣ кольцо; она нарушила клятву, колечко переломилось.

[2] Садовника кормитъ его лопата, нищаго его хромая нога, мѣнялу его червонцы, а Гейне любовныя муки: онъ воспѣваетъ ночью при лампѣ скорбь, которая его поразила, а затѣмъ издаетъ у Кампе маленькими томиками.

и подлинно **смѣхотворной**. Поэту это удается только потому, что онъ самъ никогда не забываетъ объ этой тайной смѣхотворности, и благодаря этому беретъ надъ ней верхъ и выбиваетъ оружіе у критики.

Послѣдняя, впрочемъ, отнюдь не склонна усматривать въ Гейне поэта „юныхъ страданій" его „Книги пѣсней". Она признаетъ его вождемъ „**молодой Германіи**", того направленія изящной литературы, которое наряду съ любовнымъ экстазомъ нѣмецкой романтики представляло „**эмансипацію плоти**" въ эротикѣ, какъ „новое міросозерцаніе" (не слишкомъ головоломное). Впрочемъ, педантизмъ половой распущенности, старающейся выразить въ фривольныхъ теоріяхъ и непристойныхъ парадигмахъ слишкомъ человѣческое „человѣческаго подсознанія" — какъ называютъ теперь то, на что неприлично даже намекать, въ эротической области — подготовляется уже на первыхъ стадіяхъ нѣмецкой романтики. „Люцинда" Фридриха Шлегеля съ ея безстыднымъ выставленіемъ на показъ эротическихъ тайнъ, отличается отъ ординарныхъ непристойностей высшей порнографіи только смѣшнымъ теоретизирующимъ самодовольствомъ. Пропаганда „молодой Германіи" нашла свой центральный пунктъ въ Парижѣ. Изъ вдохновлявшихъ ее французскихъ вліяній заслуживаетъ вниманія предшествовавшая дѣятельность Анри Бейля (Стендаля), оттого-то и откопаннаго снова въ наши дни. Въ лицѣ его передъ уставшей отъ революціи наполеоновской Европой явился циническій ненавистникъ „реформаціонно-эгоистической" духовности съ ея свитой германскихъ семейныхъ добродѣтелей, „бѣлокурой" германской скуки, безтемпераментности и безрадостности. Стендаль-Бейль — рьяный парадоксальный панегиристъ „католически-эгоистической" чувственности романскаго міра, съ ея индивидуализмомъ, которому естественное не кажется постыднымъ, съ ея наслажденіемъ „dolce far niente", съ ея почти легализированной въ формѣ итальянскаго чичисбейства супружеской невѣрностью. Въ романѣ „Le rouge et le noir" (символическіе цвѣта, обозначающіе наслажденіе жизнью и удаленіе отъ міра!) дѣлаетъ онъ, тѣснѣйшимъ образомъ примыкая къ „Новой Элоизѣ" Руссо, именно аскетически воспитаннаго католическаго **священника** поборникомъ правъ природы въ духѣ Руссо и фанатическимъ — даже до эшафота! — исповѣдникомъ супружеской невѣрности.

Старое гальское пристрастіе къ непристойностямъ, вотъ что въ сущности привело въ Парижѣ второй имперіи къ „новому поэтическому искусству", дѣлающему половыя отношенія центральнымъ пунктомъ всего человѣческаго мышленія, творчества и дѣятельности. Но мантія грознаго судьи, въ которую оно при этомъ облекалось, плохо подходитъ къ этой тенденціи съ ея цинически откровенными признаніями въ меркантильныхъ мотивахъ („pour la vente") и еще хуже дѣйствуетъ на безчисленныхъ читателей: жуировъ обоихъ половъ, любителей скандала, искателей возбуждающаго чтенія, а главнымъ образомъ, къ сожалѣнію, на „требующую просвѣщенія" полузрѣлую или даже совсѣмъ незрѣлую молодежь. Дворъ и общество галантнаго Наполеона III отнюдь не были зеркаломъ добродѣтели; буржуазія, слишкомъ

быстро преуспѣвшая послѣ Іюльской революціи, всего менѣе являлась извнѣ и снаружи бѣлоснѣжнымъ сокровищемъ половой воздержности. Точно ли, однако, это такъ ново, такъ неслыхано въ исторіи человѣчества, что оправдываетъ страшный судъ, возвѣщенный этой литературой по поводу буржуазныхъ нравовъ, о томъ можетъ судить знатокъ исторіи. Во всякомъ случаѣ эта обличительная литература жила на счетъ обвиняемой сытой буржуазіи, которая проглатывала ее совсѣмъ не съ цѣлью своего моральнаго сокрушенія, а какъ хорошо приготовленное въ разсчетѣ на haut-goût кушанье, въ числѣ своихъ прочихъ блюдъ.

Ея представители, чисто французскіе таланты, съ характерною для нихъ наблюдательностью, точной, острой, фотографически вѣрно схватывающей именно побочное и мимолетное — писавшіе на языкѣ и по мѣркѣ большого свѣта, еще усиливали дѣйствіе зла. Эти таланты именно во Франціи не представляютъ чего-либо новаго въ описываемой области. Даже остроумный энциклопедистъ Дидро не погнушался въ своихъ „Bijoux indiscrets“ — т. е., въ переносномъ значеніи слова, сокровищахъ (невинности) женщинъ, которыя выбалтываютъ здѣсь о своихъ приключеніяхъ, — сдѣлать вкладъ въ литературу, называемую попросту „порнографіей“. Отвратительная приправа того же кушанья извращенностью въ „классическихъ“, въ этомъ смыслѣ, романахъ маркиза Де-Сада (садизмъ, ср. стр. 503 и слѣд.) относится равнымъ образомъ уже къ XVIII вѣку, а романъ (латинскій) на тему лесбійской любви, Aloysia Sigala, даже къ XVII. Уже вполнѣ къ услугамъ общей занимательной литературы обработалъ эти спекуляціи на половые нервы Ретифъ де ла Бретонъ, котораго нѣмецкіе классики находили весьма замѣчательнымъ писателемъ. Вильгельмъ Гумбольдтъ, будучи посланникомъ въ Парижѣ, искалъ знакомства съ этимъ авторомъ и подробно пишетъ о немъ Гёте (письма 21 и 22 ихъ переписки). Уже у него обнаруживается — вскорѣ сказавшаяся гораздо сильнѣе — реакція романскаго міра противъ указаннаго выше, когда мы говорили объ англійскомъ романѣ, германизированія эротическаго идеала: „S'est une âme de bois. Mais je déteste depuis tout qui est blond. Ce sont des âmes molles, des âmes d'éponges“ (Это деревянная душа. Но я ненавижу съ тѣхъ поръ все бѣлокурое. Это дряблыя души, губчатыя души“). Шиллеръ говоритъ о романѣ Ретифа; „Разоблаченное человѣческое сердце (Coeur humain dévoilé)“: „Несмотря на все отталкивающее, плоское и возмутительное, я еще не встрѣчалъ такой бурной чувственной натуры, а разнообразіе типовъ, особливо женскихъ, жизненность и современность описанія, характеристика нравовъ, изображеніе французской сути извѣстнаго класса населенія не могутъ не интересовать“ (въ 404 письмѣ къ Гёте, — ср. 516).

Этотъ авторъ далеко не пользовался успѣхомъ въ свою бурную эпоху, грандіозныя событія которой искали художественнаго выраженія въ античной формѣ. Лишь послѣ того, какъ знамена революціи и орлы Наполеона были убраны въ кладовую, наступила благопріятная „конъюнктура“ для этой стороны литературнаго рынка. Патетическая исключительность, съ какою первый „изобразитель дѣйствительности“ парижскихъ бульваровъ и mai-

sons meublées „буржуазнаго царства“, Онорэ де Бальзакъ, былъ провозглашенъ „Колумбомъ новаго литературнаго міра“, объясняется расцвѣтомъ этого литературнаго ремесла, превратившагося въ міровую силу. Первоклассные писатели работали въ этой области. Можно подумать, что для нихъ существуетъ только „извѣстный классъ народа“, о которомъ Шиллеръ говорилъ по поводу романовъ Ретифа. Братья Гонкуръ, потомки старинной французской знати, отличавшейся тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, въ качествѣ „поэтовъ“ не знали ничего, кромѣ темныхъ животныхъ душевныхъ состояній явно или тайно проституирующихъ женщинъ. Какую бездну сомнительнаго, по меньшей мѣрѣ не къ мѣсту пріуроченнаго, „психологическаго анализа“ расточаетъ Флоберъ въ своей, тоже провозглашенной „геніальнымъ откровеніемъ“, „Госпожѣ Бовари“, на исторію брачной невѣрности какой-то „провинціалки“! Жатва этого посѣва созрѣла для выдающагося какъ многосторонностью своего таланта, такъ и прилежаніемъ въ отношеніи своего доходнаго ремесла, Эмиля Зола. Пусть „подлинный и непосредственно изучаемый матеріалъ“, который, по словамъ рекламы, онъ собиралъ въ различныхъ сферахъ жизни для каждаго изъ своихъ произведеній, не слишкомъ содержателенъ и цѣненъ; пусть описаніе клиническихъ и патологическихъ процессовъ (напримѣръ, родовъ въ „La terre“) — введенное Зола въ „изящную“ литературу — можетъ вызвать только улыбку у врача: все же никто не отниметъ у Зола чисто французскихъ литературныхъ преимуществъ — большой подвижности духа, умѣнья съ удивительной легкостью, хотя соотвѣтственно тому довольно однообразно, рисовать фигуры дѣйствующихъ лицъ и увлекательнаго искусства въ описаніяхъ и изображеніяхъ. Сужденіе Шиллера о романахъ Ретифа буквально примѣняется къ Зола. Только въ нихъ „извѣстный классъ народа“ успѣлъ превратиться въ „типъ человѣчества“! Первый сенсаціонный успѣхъ Зола, романъ проститутки „Нана“, повліялъ на всю его дальнѣйшую дѣятельность какъ бы въ силу внушенія и совершенно подавилъ проявлявшіеся раньше задатки болѣе нѣжныхъ, болѣе чистыхъ образовъ. Этотъ романъ даетъ непрерывную вереницу интимнѣйшихъ картинъ половыхъ сношеній, которыя дѣйствительно могутъ произвести впечатлѣніе, будто мужчина и женщина въ этомъ мірѣ ничего другого не дѣлаютъ да и дѣлать больше нечего. Если здѣсь впечатлѣніе до нѣкоторой степени оправдывается распущенностью того общественнаго круга, который изображается въ романѣ, то перенесеніе того же угла зрѣнія въ другіе круги жизни — въ буржуазную семью („Домашній очагъ“, Pot-bouille), въ искусство („Твореніе“, l'Oeuvre), въ земледѣліе („Земля“, La terre) и т. д., является чрезмѣрнымъ обобщеніемъ и преувеличеніемъ. Половое побужденіе фигурируетъ здѣсь въ качествѣ какого-то адскаго демона, въ жертву которому приносятся честь, порядочность, миръ, семейныя чувства, радость художественнаго творчества и съ помощью котораго холодныя до мозга костей женщины заманиваютъ въ свои сѣти, „приманиваютъ свою дичь“; это могло бы произвести впечатлѣніе безсознательно проводимой церковно-аскетической тенденціи католическаго писателя, если бы авторъ въ другихъ произведеніяхъ, къ сожалѣнію слабоватыхъ и поверхностныхъ

(„Лурдъ“, „Римъ“), не заявилъ себя врагомъ церкви и соціальнымъ революціонеромъ въ современномъ научномъ смыслѣ. Но съ его точки зрѣнія — связанной съ одностороннимъ, якобы-научнымъ, обобщеніемъ теоріи наслѣдственности — все современное общество только искупаетъ „грѣхи отцовъ“. Нельзя ускользнуть изъ желѣзныхъ лапъ необходимости, намѣчающей свои жертвы за много поколѣній до ихъ рожденія. Педантизмъ, съ которымъ въ безконечной серіи романовъ „Les Rougons-Macquarts“ развертывается эта мрачная ученость, могъ бы вызвать улыбку, если бъ не порождалъ такого отчаянія. Если прибавить сюда несомнѣнную способность Зола копаться именно въ темныхъ сторонахъ человѣческой природы и, съ убѣдительной съ виду научностью, сводить на-нѣтъ всякій порывъ довѣрія, всякую силу рѣшенія, то соціальныя преимущества этого „научнаго романа“ передъ старой энергичной проповѣдью покаянія и юмористически грубыми капуцинадами окажутся весьма сомнительными. Нигилизмъ, къ которому уже приводитъ эротическая мономанія Руссо-Вертера, усилился и распространился благодаря гипнотизирующему вліянію Зола, сосредоточивающаго вниманіе молодежи на животномъ фокусѣ половой жизни. Послѣдствіями его являются моральная тупость, эстетическое извращеніе, семейная, общественная и политическая грубость.

Въ наше время разнузданной путаницы понятій, несостоятельныхъ обобщеній на животной основѣ (теорія расъ), догматизирующей чувственности, все это, какъ извѣстно, приведено въ систему. „Изящная“ литература, все болѣе и болѣе превращающаяся въ литературу полового и женскаго вопроса, возвела въ законъ не только въ эстетикѣ, но и главнымъ образомъ въ логикѣ, „foul is fair and fair is foul“ Шекспировскихъ вѣдьмъ. Онъ превращаетъ бѣлое въ черное и черное въ бѣлое, распинаясь за „истину“ и обвиняя во „лжи“ всякаго, кто не согласенъ съ нею. Въ лицѣ Ницше декадентъ нѣмецкаго профессорства, въ лицѣ Ибсена даже мрачный сѣверный пуританизмъ, заключили союзъ съ „духомъ“ „молодой Германіи“. Великопостная проповѣдь полового изнуренія со времени Шопенгауэра проводится уже не подъ знакомъ креста, а во имя буддійскаго нигилизма. Поразительное сходство съ нимъ обнаруживаетъ проповѣдь русскаго Льва Толстого, предающаго проклятію половое побужденіе въ духѣ своихъ земляковъ скопцовъ. Копанію въ половой сферѣ, съ обязательными скорбными восклицаніями сладострастнаго самоуродованія, обязано это, вполнѣ восточное, чисто индійское настроеніе своей нынѣшней популярностью въ салонахъ. Уже Гёте съ неудовольствіемъ предвидѣлъ наступленіе этого. У Ницше убѣжденіе въ необходимости полового воздержанія ради высшаго полета духа чередуется съ проявленіями оргіастическаго цинизма и бѣшеными выходками противъ христіанскаго монашества. Его „веселая наука“ съ ея идеаломъ „пляшущаго бога“ напоминаетъ о неистовомъ культѣ воспроизведенія у оскопленныхъ жрецовъ фригійской Кибелы и магометанскихъ дервишей. Благодаря ему и его ученому другу Эрвину Роде вниманіе большой публики обратилось къ дикой и мрачной сторонѣ древности, какъ уже раньше во Франціи — благодаря жестокимъ сценамъ сладострастія, кровожадности и распятій Флоберовскаго „Саламбо“, разыгрываю-

щимся въ мрачно-роскошномъ Карѳагенѣ, и „Афродиты“ Пьера Луи въ декадентски-эстетической Александріи. Флоберовскій антично-садистическій продуктъ „Иродіада“ въ настоящее время господствуетъ въ образѣ Саломеи въ драматическихъ и „музыкальныхъ“ переработкахъ на сценахъ всего міра. Свое женоненавистничество Ницше заимствовалъ у Шопенгауэра и старался нѣкоторымъ образомъ перевести его изъ индійской въ античную сферу классическихъ женоненавистниковъ (Симонидъ Аморгскій, Эврипидъ). Но собственно оно вовсе не подходитъ къ нему: ни къ его мягкой распущенно-своенравной женственной натурѣ, ни къ его феминистскому стилю, который съ полнымъ основаніемъ можно назвать женскимъ за его словечки, вѣчные прыжки, патетическія восклицанія и заклинанія. Да и его особливый успѣхъ у женщинъ, которыхъ онъ, въ противоположность Шопенгауэрскому „отрицанію воли къ жизни“, предназначаетъ для „рожденія будущихъ сверхчеловѣковъ“, характеризуетъ тенденціи Нитше. Съ тѣхъ поръ литература и общество кишатъ „сверхженщинами“.

Болѣе послѣдовательно и съ сознательнымъ разсчетомъ на женскую, главнымъ образомъ, публику современнаго театра поступаетъ скандинавскій авторъ Генрихъ Ибсенъ, дѣлая феминизмъ центральнымъ пунктомъ своихъ натуралистическихъ драмъ. Какъ сатирическій наблюдатель упадка современной буржуазіи, онъ, по образцу француза Эмиля Зола, усматриваетъ единственное основаніе этого упадка вполнѣ одностороннe — но съ вѣрнымъ разсчетомъ на успѣхъ — въ половой испорченности буржуазіи. Только, въ отличіе отъ Зола, онъ, по выше указаннымъ соображеніямъ, взваливаетъ всю отвѣтственность исключительно на мужчинъ. Женщинъ, холодно покидаемыхъ ими, мошеннически эксплоатируемыхъ, безсовѣстно заражаемыхъ послѣдствіями ихъ разврата (половыми болѣзнями), онъ дѣлаетъ мученицами ихъ системы и ихъ обвинителями по всѣмъ статьямъ и пунктамъ. Громадный успѣхъ Ибсена объясняется тѣмъ, что женщинамъ, какъ извѣстно, нравится именно эта роль. Къ тому же успѣхъ этотъ послѣ (патологически несостоятельной) драмы „сифилитической наслѣдственности“ („Призраки“) поддерживался всѣми средствами публицистической пропаганды. Ненавистническое и безжалостное, подкапывающее семейный миръ, разрушающее бракъ, дѣйствіе этого писателя распространило эту практику въ кругахъ совершенно чуждыхъ — къ счастью! — его предпосылкамъ. Поэтому вліяніе Ибсена на отношеніе между полами въ наше время является гибельнымъ. Ибсенъ работаетъ по Шопенгауэровскому рецепту, предполагая именно супруговъ совершенно различными по природѣ (согласно посылкѣ о половомъ дополненіи), „отчего возникаетъ огромное и почти нормальное неравенство въ бракахъ“. Такъ какъ это коренное различіе для Ибсена отражается большею частью именно въ половой жизни, которая при томъ на сценѣ можетъ быть выражена только въ прикрытой формѣ, то изъ этого единственнаго — маленькаго и пошлаго — основанія вытекаетъ „таинственное величіе“ его драмъ. Такъ, въ „Росмерсгольмѣ“ герой, обладающій холодной въ половомъ отношеніи натурой и терзаемый дикой чувственностью своей жены, становится вдобавокъ жертвою жадной похотливости

сатанинскаго созданія. Подобнымъ же безумнымъ дьяволомъ съ болѣе темными необузданными побужденіями является „Гедда Габлеръ“, мужъ которой такой же благодушный дурачекъ, какъ мужъ „Женщины съ моря“. Эта послѣдняя по временамъ теряетъ всякое представленіе о своемъ супругѣ, такъ что становится свободной для прежнихъ отношеній. Всѣмъ этимъ браконарушительницамъ свойственна нисколько насъ не удивляющая (ср. стр. 581 и 617) игра съ самоубійствомъ, которая ихъ „облагораживаетъ“, давая имъ возможность „умереть красиво“ или „свободно“. Но въ какую безвкусную стряпню превратились въ концѣ концовъ „Тристанъ и Изольда“ въ сѣверной пасторской усадьбѣ „Росмерсгольмъ“; пистолеты Вертера, переданные изъ рукъ Лотты въ руки Гедды Габлеръ! Ново, но къ счастью также нелѣпо и противоестественно проявленіе этого мотива убійства у матери по отношенію къ больному сыну въ „Призракахъ“ и въ „Маленькомъ Эйольфѣ“. Какъ тамъ болѣзнь сына изображается какъ слѣдствіе добрачнаго распутства отца, такъ калѣчество маленькаго Эйольфа есть искупленіе брачнаго распутства матери, которая всячески побуждаетъ своего пассивнаго супруга къ исполненію супружескихъ обязанностей, игнорируя его холодность. Ибсенъ тѣсно соприкасается здѣсь съ проповѣдью брачнаго цѣломудрія графа Толстого (въ „Крейцеровой сонатѣ“), которая тоже извѣстна намъ изъ среднихъ вѣковъ, только во всякомъ случаѣ не въ качествѣ темы для салоннаго времяпровожденія, разрабатываемой въ романахъ и на сценѣ. Мы умалчиваемъ здѣсь о фальшивыхъ, даже прямо лживыхъ (имѣя въ виду фарисейскую буржуазную публику этого якобы обвинителя буржуазіи) с о ц і а л ь н ы х ъ предпосылкахъ Ибсена. Но и въ этой спеціальной области, которая имѣетъ отношеніе къ нашей темѣ, свѣтъ и тѣни распредѣлены по нашему мнѣнію неправильно въ этихъ пьесахъ. Поэтическое наблюденіе тенденціозно извращено. Никогда еще, съ тѣхъ поръ какъ міръ изображается въ поэтическихъ картинахъ, женскій характеръ не изображался такъ невѣрно, какъ въ главномъ документѣ современной женской эмансипаціи, „Норѣ“.

Здѣсь женщина, тайно поддѣлавшая вексель въ пользу своего мужа юриста, героически отворачивается отъ него. Вмѣсто того, чтобы на колѣняхъ благодарить за ея преступленіе, какъ она ожидала, онъ возмущается, но его весьма понятное возбужденіе тотчасъ утихаетъ, какъ только онъ узнаетъ, что с к а н д а л а можно избѣжать. А между тѣмъ, вѣдь это самая выдающаяся, вытекающая изъ ея интимнѣйшей половой конституціи, характерная черта ж е н щ и н ы въ п р о т и в о п о л о ж н о с т ь м у ж ч и н ѣ: в с ѣ м ъ жертвовать общественному мнѣнію и въ особенности быть готовымъ на все, лишь бы избѣгнуть такъ называемаго „скандала“! Всѣ Ибсеновскіе мужчины являются болѣе или менѣе въ этомъ женственномъ свѣтѣ. Этимъ они обязаны общимъ феминистическимъ чертамъ его пьесъ и въ особенности недостойному половому подчиненію женщинамъ. Въ этомъ отношеніи старый „Строитель Сольнесъ“, который ставитъ дѣло своей жизни въ зависимость отъ каприза глупой дѣвченки, представляетъ во всей половой поэзіи всѣхъ временъ и народовъ еще непревзойденный кульминаціонный пунктъ мужского подчиненія женщинѣ. Этотъ кульминаціонный пунктъ можетъ

показать всякому, кого еще не научила жизнь, куда мѣтитъ женщина, чувствуя надъ собой только ласкающую руку подчиненнаго ей мужа. „Мужчина становится простой игрушкой безумныхъ капризовъ этихъ милыхъ созданій“ (Кауэргофъ).

Завершается ли этимъ высшимъ пунктомъ извращенія естественныхъ отношеній половъ въ поэзіи нашъ историческій обзоръ? Выполняетъ ли онъ мѣру для нашего времени? Является ли та „поэтическая фантазія“, которая дала имя мазохистскому извращенію полового побужденія, увѣнчаніемъ и завершеніемъ эротической поэзіи всѣхъ временъ и народовъ? Присматриваясь къ тому явленію, которое называетъ себя „Новымъ Свѣтомъ“, склоняешься къ утвердительному отвѣту на эти вопросы. То, что называютъ въ предосудительномъ смыслѣ „американизмомъ“ (правильнѣе, вообще „маммонизмомъ“), къ сожалѣнію, повидимому, вполнѣ способно поощрять дальнѣйшее развитіе направленія, не уступающаго средневѣковому по извращенности. Люди, занятые исключительно дѣлами (business), жизнь которыхъ проходитъ въ „дѣланіи денегъ“ (money-making), представляютъ для эротической поэзіи опасную антитезу рыцарства. Они не создаютъ изъ женщины духовнаго идеала, но дѣлаютъ ее чувственнымъ идоломъ. Тамъ природа мстила за чрезмѣрное напряженіе, здѣсь обнаруживаются печальныя послѣдствія разслабленія. Тамъ „служеніе женщинѣ“ наполняло жизнь, посвященную приключеніямъ, съ ея, во всякомъ случаѣ мужскими, добродѣтелями, съ ея поэзіей, стремившейся, въ своей безцвѣтной отвлеченности, въ высшія сферы духа. Здѣсь культъ женщины является совершенно матеріальнымъ дополненіемъ къ „дѣлу“. Все его назначеніе — растрачивать то, что собрано всѣми средствами униженія и безхарактерности. Нельзя пренебрегать, въ высшемъ политическомъ смыслѣ, тѣсной связью этой формы „женскаго вопроса“ съ язвой государственнаго организма: продажностью. Политическій учитель новѣйшаго времени, въ большинствѣ случаевъ непонимаемый въ его суровой римской государственной морали, и въ данномъ отношеніи всего менѣе „безнравственный“, Николо Макіавелли выразилъ это въ отнюдь не личной, а фактически символической новеллѣ „Бельфагоръ“ (Ваалъ-Фегоръ, см. „Кн. Числъ“, гл. 25, ст. 3 и слѣд.). Этотъ важный для нашей темы, въ виду его библейской роли, чортъ посланъ владыкой ада въ міръ, чтобы провѣрить жалобы грѣшниковъ, взваливающихъ отвѣтственность за свои преступленія на современный бракъ. Но хотя онъ въ качествѣ безпристрастнаго судьи самымъ добросовѣстнымъ образомъ выбираетъ себѣ невѣсту („Гонесту“, т. е. „честную“, Honesta, „бѣдную дѣвушку изъ хорошей семьи“), однако непомѣрная требовательность жены и ея родни вскорѣ доводитъ его до разоренія. То, что онъ при этомъ испыталъ лично подъ властью женщины, заставляетъ его какъ можно скорѣе убраться изъ этого ада въ свой прежній. Изъ мести онъ вселяется, какъ „бѣсъ истеріи“, въ такихъ женщинахъ, которыя становятся высшей жизненной цѣлью для своихъ мужей въ этой маммонистической суетѣ. Женщина становится въ этомъ случаѣ для мужчины единственнымъ содержаніемъ жизни, всецѣло затрачиваемой на возню съ пустыми цифрами и безсодержательными цѣнностями. Содержаніемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ только и можетъ его

Рис. 235. Германъ и Доротея.
Съ картины Юліуса Ольдаха.

желать духовная пустота и душевное отупѣніе, неспособныя ничего достигнуть кромѣ кратковременныхъ моментовъ опьянѣнія: посредствомъ своенравія, посредствомъ „каприза", посредствомъ раздраженія, приманки и ослѣпленія чувствъ. Проклятіе, тяготѣющее надъ чувственнымъ наслажденіемъ, какъ самоцѣлью, при чемъ оно быстро истощается и требуетъ постояннаго усиленія, необходимо влечетъ за собою безумную жажду превзойти другъ друга: въ роскоши, въ эффектахъ (сенсаціяхъ), въ разнообразіи. Съ точки зрѣнія этой части человѣчества всѣ успѣхи техники и промышленности достигаются лишь для того, чтобы содѣйствовать ей въ этомъ, пустопорожнемъ, убійственномъ для души и нервовъ времяпровожденіи.

Было бы, конечно, печально, если бы это оказалось „послѣднимъ словомъ" эротической поэзіи человѣчества. Подобная перспектива дала бы сильнѣйшее оружіе въ руки самымъ яростнымъ противникамъ этой поэзіи въ средѣ педагоговъ, врачей, юристовъ и теологовъ. Мы рады поэтому, что можемъ закончить нашъ очеркъ указаніемъ на неизбѣжную реакцію, уже наступаю-

щую. Она обнаруживается въ замѣтномъ отвращеніи отъ нашей темы въ общественныхъ кругахъ, дающихъ тонъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Слѣды этого можно уже замѣтить въ современной поэзіи. Открытіе высшихъ учебныхъ заведеній для женщинъ, организованное распространеніе потока спеціальнаго образованія, раньше столь исключительнаго, въ самыхъ широкихъ общественныхъ кругахъ, стремленіе къ ограниченію, опаснѣйшихъ и въ смыслѣ нашей темы, враговъ человѣчества — алкоголизма и распутства, — внезапное мощное распространеніе физическихъ упражненій, если не въ античномъ, то подражающимъ античному духѣ, — все это, конечно, еще нельзя считать предвѣстниками „новаго времени". Тѣмъ менѣе можно видѣть въ этомъ гарантіи „неограниченныхъ возможностей" въ смыслѣ извращенія и устраненія вѣчныхъ законовъ и фактовъ человѣческаго, слишкомъ человѣческаго, какъ думаютъ нѣкоторые энтузіасты. Но одно можно видѣть во всемъ этомъ, именно по отношенію къ нашей темѣ: клапаны, безсознательно создаваемые здравымъ смысломъ человѣчества, думающаго о своемъ самосохраненіи, и стремящагося найти выходъ изъ невыносимаго положенія. Возникнутъ ли отсюда новые идеалы и формы отношеній между полами въ поэзіи и какіе именно; въ состояніи ли будутъ „простыя товарищескія отношенія" между мужчиной и женщиной, о возможности которыхъ столько разсуждаютъ и спорятъ, создать новый видъ любви и брака, это совершенно внѣ области нашего разсужденія. Довольно того, что обѣ стороны снова учатся существовать для самихъ себя. Онѣ оказываютъ этимъ обществу и себѣ несравненно большую услугу, чѣмъ соображеніями объ эротикѣ будущаго, которыя, какъ и все подобное въ жизни и искусствѣ, основывается на современности и потому слишкомъ скоро оказываются фактами прошлаго. Истинно будущее тихо и непримѣтно, но съ необходимостью растетъ въ нѣдрахъ таинственной работы естественныхъ силъ. Но оно издѣвается надъ пророками, которые хотятъ преждевременно извлечь его на свѣтъ. Зная это, мы должны надѣяться, что и новый идеалъ эротической поэзіи будетъ совпадать со старымъ въ томъ,

что онъ останется вѣрнымъ чистой природѣ!

Рис. 236. Общественныя развлеченія на воздухѣ. Съ картины А. Ватто.

Глава XIV

Мужчина и женщина въ изобразительномъ искусствѣ.

Лотеръ Бригеръ-Вассерфогеля въ Берлинѣ.

Примѣненіе человѣческаго тѣла въ изобразительномъ искусствѣ не является непремѣнно признакомъ особенно высокой ступени культуры. Оно вообще имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ искусство служитъ религіознымъ чувствамъ человѣка. Уже некультурный дикарь испытываетъ потребность признавать себѣ подобныя существа за тѣми естественными силами, которымъ онъ поклоняется, каковы, напримѣръ, солнце, молнія, вода или огонь. Эти силы становятся до нѣкоторой степени ближе къ нему, если онъ представляетъ ихъ себѣ людьми, которые отличаются отъ него только величіемъ и могуществомъ. Только послѣ этого онъ можетъ къ нимъ приблизиться, можетъ найти пути и средства пріобрѣсти ихъ милость или отклонить ихъ гнѣвъ, угрожающій ему бѣдствіями.

Это простое представленіе о людяхъ, надѣленныхъ сверхъестественными силами, не можетъ, конечно, удовлетворить дикаря, мышленіе котораго еще примитивно и чрезвычайно наивно.

Онъ долженъ видѣть то, чему молится. Такимъ образомъ онъ приходитъ къ тому, что начинаетъ изображать своихъ боговъ. Идолы первобытныхъ племенъ, которые часто кажутся намъ такими забавными, являются для нихъ единственными формами, въ которыхъ они вообще могутъ представлять себѣ боговъ. Такимъ образомъ первыя изображенія человѣческой фигуры всюду являются на службѣ еще грубыхъ, несовершенныхъ религіозныхъ понятій. Эти изображенія, разумѣется, еще нельзя назвать образцовыми художественными произведеніями. Дикарь еще не обладаетъ никакими свѣдѣніями о строеніи человѣческаго тѣла, ни о средствахъ художественнаго изображенія. Онъ создаетъ свои изображенія боговъ исключительно на основаніи тѣхъ поверхностныхъ понятій о человѣческомъ тѣлѣ, которыя подсказываетъ ему его неопытный глазъ. Онъ не обладаетъ свѣдѣніями о мускулахъ и костяхъ, ни о разнообразныхъ положеніяхъ, которыя можетъ принимать человѣческое тѣло. Онъ еще не знаетъ различій, связанныхъ съ сидѣніемъ или стояніемъ. Поэтому всѣ изображенія боговъ наивныхъ народовъ отличаются убійственнымъ однообразіемъ. Различіе между мужчиной и женщиной, которое въ природѣ уже проявляется въ каждой чертѣ лица, еще неизвѣстно этимъ дикимъ скульпторамъ. Но, во всякомъ случаѣ, мы должны привѣтствовать въ этихъ первыхъ, анатомически невѣрныхъ и безжизненныхъ произведеніяхъ, начатки пластики, т. е. искусства воспроизводить формы тѣла изъ какого-нибудь матеріала.

Весьма естественно, что дикія племена искали способы придать этимъ изображеніямъ боговъ болѣе или менѣе величественный видъ, который и внѣшне отличалъ бы ихъ отъ людей. Для этого ихъ наивное воспріятіе находило только одно средство: раскрашиваніе. Всѣмъ извѣстенъ обычай дикарей татуироваться, т. е. разрисовывать тѣло всевозможными узорами. Простой человѣкъ довольствуется татуировкой на рукѣ, вождь племени означаетъ свою знатность тѣмъ, что покрываетъ свое тѣло всевозможными пестрыми рисунками. Мы находимъ этотъ обычай, возникновеніе котораго относится къ древнѣйшимъ временамъ существованія человѣчества, еще и нынѣ даже у культурныхъ народовъ въ средѣ бѣднѣйшихъ классовъ, не имѣющихъ понятія о его происхожденіи.

Такъ какъ богъ важнѣе, чѣмъ начальникъ племени, то для него требуется больше краски. Идолы дикарей раскрашиваются елико возможно; чѣмъ больше красокъ и чѣмъ ярче краски, тѣмъ важнѣе богъ. И мы съ удивленіемъ замѣчаемъ, что въ раскрашиваніи идоловъ мало-по-малу проявляется все больше и больше искусства. Здѣсь, стало быть, мы также находимъ начатки другого способа художественнаго изображенія человѣка: живописи.

Одна греческая легенда разсказываетъ слѣдующее: однажды фракійскій юноша бесѣдовалъ со своей подругой. Былъ жаркій полдень, и солнце отбрасывало тѣнь обоихъ влюбленныхъ на бѣлую стѣну, у которой они сидѣли. Вдругъ юноша вскочилъ и обвелъ контуры тѣни своей возлюбленной на стѣнѣ, чтобы такимъ способомъ сохранить для потомства ея прекрасный образъ. — Это только сказка, хотя и очень милая, о происхо-

жденіи живописи. Въ дѣйствительности не любовь была матерью изображенія человѣка въ пластическомъ искусствѣ.

Мы должны сдѣлать одно замѣчаніе: при художественномъ изображеніи человѣка, пластика и живопись вначалѣ никогда не раздѣлялись. Пластика постоянно является господствующимъ элементомъ, краски подчиненнымъ и служатъ только для вящшаго украшенія первой. Въ то же время эти первые опыты свидѣтельствуютъ о божественномъ, въ извѣстномъ смыслѣ, происхожденіи искусства. Оно представляетъ изъ себя нѣчто драгоцѣнное, роскошь; никогда, насколько намъ извѣстно, дикарю не приходило въ голову художественно воспроизводить повседневную жизнь. Вначалѣ искусство является служанкой религіи. Это происхожденіе налагаетъ печать на все его дальнѣйшее развитіе и приводитъ къ тому, что оно развивается тѣмъ привлекательнѣе и прекраснѣе, чѣмъ одухотвореннѣе и благороднѣе религія, пока не достигаетъ, наконецъ, своего кульминаціоннаго пункта у обожавшихъ красоту грековъ.

Эти немногія замѣчанія облегчаютъ намъ переходъ къ культурнымъ народамъ. Въ сущности это огромный прыжокъ: отъ простѣйшихъ попытокъ скульптуры дикарей къ чрезвычайно высоко стоящему искусству древняго Египта. Древній Египетъ — страна, естественное плодородіе которой, въ связи съ высокой духовной одаренностью ея жителей, явились благопріятными условіями для чрезвычайно счастливаго развитія искусства. Правда, и въ египетскомъ искусствѣ еще господствуетъ раскрашенная статуя, но въ то же время уже происходитъ отдѣленіе пластики отъ живописи. Въ немъ нужно различать офиціальное и неофиціальное искусство, т. е. то, которое ставитъ своей задачей изображеніе боговъ и царей, отъ того, которое интересуется и болѣе скромными существами.

Египетская религія представляетъ уже очень сложное и запутанное ученіе, изъ котораго много прекраснаго перешло позднѣе въ другія религіозныя системы. Боги ея очень многочисленны и разнообразны, что заставляло художниковъ выходить изъ рамокъ старыхъ шаблоновъ и искать новыхъ средствъ характеристики. То обстоятельство, что нѣкоторые изъ боговъ являются полу-животными, полу-людьми — какими бы дикими ни казались намъ эти фигуры — имѣло свою хорошую сторону, такъ какъ расширяло художественный кругозоръ скульптора, заставляя его наблюдать и изучать формы животныхъ. Дальнѣйшій моментъ развитія можно видѣть въ томъ, что задачей египетскаго художника было прославленіе военныхъ и мирныхъ подвиговъ его царей. Для этого онъ долженъ былъ изображать то, что раньше никѣмъ еще не изображалось: человѣческое тѣло въ движеніи.

Египетъ былъ автократическое государство. Поэтому искусство не должно было посягать на величіе царей, т. е. фараона и его супруги. Они изображались всегда въ одной и той же условно величественной позѣ земныхъ боговъ. Замѣчательная портретность этихъ изображеній восхищаетъ даже современныхъ людей. Но черты мертвы и холодны, что нужно приписать не художнику, а приказанію. Тѣмъ болѣе могло развернуться это искусство въ изображеніи болѣе обыденныхъ вещей. Сюда

относится мастерски раскрашенная деревянная статуя надсмотрщика надъ работами Раанка. Благодушная фигура и веселая жирная физіономія, даже руки и ноги, изображены съ такою вѣрностью и силой, что внушаютъ полное уваженіе къ художнику. Или возьмемъ найденную въ одной гробницѣ статуэтку изъ известняка, изображающую дѣвушку, которая перетираетъ зерно на муку. Работа мускуловъ тѣла, стоящаго на колѣняхъ, сердитая физіономія съ удрученнымъ выраженіемъ человѣка, для котораго работа есть зло, а не необходимость — все это заслуживаетъ величайшей похвалы.

Въ изображеніи рабочихъ классовъ египетское искусство вообще достигаетъ наибольшаго успѣха. Оно обладаетъ замѣчательной способностью передавать характерныя черты и точнымъ знаніемъ человѣческаго тѣла, передаетъ во многихъ деталяхъ различіе между мужчиной и женщиной и уже умѣетъ воспроизводить всю прелесть женской красоты. Такъ, напримѣръ, голова Нефертъ (изъ гробницъ Мейдума) отличается чисто женской нѣжностью. Конечно, ему, какъ всякому раннему искусству, во многомъ присуща извѣстная деревянность.

Чѣмъ болѣе египетское искусство превращалось въ чисто придворное искусство, тѣмъ условнѣе оно становилось, пока, наконецъ, не потеряло на этомъ пути всѣ свои прежнія достоинства. Оно часто изображало мужчину и женщину вмѣстѣ. Но оно еще не пробовало ставить ихъ въ какія-либо отношенія другъ къ другу. Пластическое искусство народовъ и племенъ древняго Востока врядъ ли можно назвать искусствомъ въ нашемъ смыслѣ. Оно лишь въ очень немногихъ случаяхъ возвышается надъ ремесломъ — правда, нерѣдко ремесломъ грандіознѣйшаго стиля. Человѣкъ играетъ въ этомъ искусствѣ исключительно декоративную роль, которая объясняется частью недостаточнымъ знаніемъ его тѣлеснаго строенія, частью тѣмъ обстоятельствомъ, что древне-восточное искусство дѣйствовало исключительно въ офиціальной и придворной сферѣ, совершенно исключавшей возможность изображенія съ натуры.

Пластическое искусство, какъ изображеніе, вызывающее иллюзію жизни, возрождается у грековъ и достигаетъ въ произведеніяхъ греческихъ художниковъ еще и нынѣ непревзойденной высоты. Грекъ былъ воспріимчивый, жизнерадостный человѣкъ, развивавшійся среди счастливыхъ условій природы подъ лучезарнѣйшимъ небомъ; способность чувствовать прекрасное была ему присуща, какъ ни одной расѣ до или послѣ. Отъ Востока, съ которымъ они находились въ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ, при посредствѣ своихъ малоазіатскихъ городовъ, греки заимствовали любовь къ роскоши, къ которой принадлежитъ и искусство. Съ своей стороны эта раса, по существу чисто практическая, внесла въ свое пластическое искусство опредѣленное направленіе въ томъ смыслѣ, что поскольку оно служило не для практическихъ цѣлей, т. е. постройки и украшенія домовъ, оно занималось почти исключительно изображеніемъ человѣка. Поразительно какъ мало интересуется греческое искусство окружающей его природой и въ какой сильной степени оно является своего рода самообожествленіемъ человѣка.

Не маловажную роль въ этомъ своеобразіи греческаго духа

играли религіозныя понятія грековъ или точнѣе: это своеобразіе всего ярче обнаруживается въ религіозныхъ понятіяхъ. Если для уроженца древняго Востока богъ представляется чѣмъ-то громаднымъ и свирѣпымъ, далеко превосходящимъ человѣка силой, то грекъ, прирожденный художникъ и любитель искусства, видѣлъ въ немъ только болѣе красиваго человѣка. Конечно, и греческія сказанія о богахъ далеко не бѣдны возбуждающими ужасъ эпизодами, но психологическая основа этихъ эпизодовъ по существу до того человѣческая, что боги становятся, благодаря имъ, только ближе, а не страшнѣй.

Слѣдуетъ отмѣтить важное различіе: искусство древняго Востока творитъ людей по тѣмъ представленіямъ, которое оно имѣетъ о своихъ богахъ, греки же творятъ своихъ боговъ посредствомъ идеализаціи людей, которыхъ они видятъ. Такъ возникаетъ высокое искусство. Здѣсь не мѣсто разсматривать отдѣльно произведенія великихъ художниковъ, Праксителя, Фидія, Мирона, Скопаса и другихъ; мы хотимъ только вкратцѣ изложить, какъ греческое искусство справилось съ своей задачей, созданіемъ идеальнаго типа „человѣка".

Греческая пластика начинаетъ съ деревянныхъ изображеній и очень быстро переходитъ къ мрамору. Она заимствуетъ изъ Азіи тему „голаго юноши", сначала съ безформеннымъ туловищемъ и съ головой въ видѣ обрубка. Задачей ранняго греческаго искусства становится разрѣшить поставленную здѣсь проблему; воспроизвести настоящаго юношу съ ясно выраженными чертами лица и съ естественно расчлененнымъ тѣломъ. Образцовъ у грековъ не было, имъ приходилось создавать изъ того, чѣмъ они обладали, изъ специфически греческаго, искусство оригинальнаго типа, чисто греческое искусство.

На фронтонѣ Эгинскаго храма мы находимъ изображенія, которыя уже за пятьсотъ лѣтъ до Р. Х. разрѣшаютъ эту задачу технически довольно совершенно. Голыя, снабженныя только шлемомъ, мечемъ и щитомъ мужскія фигуры анатомически почти безупречны, хотя производятъ, по нашимъ современнымъ понятіямъ, неудовлетворительное впечатлѣніе. Можно сказать, что статуя еще не пріобрѣла господства надъ своими мускулами. Движенія нѣсколько шаблонны въ анатомическомъ отношеніи, хотя ошибокъ нѣтъ, для обозначенія движенія употреблено не больше мускуловъ, чѣмъ необходимо. Цѣлесообразность налицо, но красота еще отсутствуетъ.

Дѣйствительное понятіе о греческомъ идеалѣ мужчины этой ранней эпохи, даетъ намъ, извѣстная подъ названіемъ Стефаноса (рис. 237), статуя нагого юноши на виллѣ Альбани. Судя по ней, прекраснымъ считался въ то время мужчина, члены котораго свидѣтельствовали прежде всего о большой физической силѣ. Тѣло крайне неуклюже и неграціозно, негибко; его окоченѣлость находится въ некрасивомъ противорѣчіи съ нарочитымъ, умышленнымъ изяществомъ позы. Замѣчательна при этомъ невѣрная, чрезмѣрно малая величина головы, которая сама по себѣ уже представляетъ довольно благородный греческій типъ съ короткими завитками на лбу, прямымъ острымъ носомъ и средней величины ртомъ надъ крѣпкимъ крупнымъ подбородкомъ. Нѣчто женственное еще несомнѣнно чувствуется

Рис. 237. Статуя Стефаноса.

во всей этой манерѣ, но эта черта никогда вполнѣ не исчезала изъ греческаго искусства.

Персидскія войны повышаютъ самосознаніе греческаго народа, вызываютъ подъемъ его значенія, его дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ его искусства. Грекъ все болѣе и болѣе освобождается отъ чуждыхъ вліяній и ищетъ въ природѣ своего собственнаго народа источниковъ художественной силы. Шаблонъ и условность исчезаютъ. Грекъ постигаетъ тайну движенія, которую египтянинъ уловилъ только въ теченіе короткаго періода своего искусства. Великолѣпнымъ образчикомъ этого расцвѣта греческаго искусства можетъ служить общеизвѣстная статуэтка (бронза) мальчика, вынимающаго занозу (рис. 238) въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ. Мальчикъ, занозившій ногу, присѣлъ, чтобы вытащить занозу. Локоны на головѣ еще непріятно стилизованы, и вынужденность движенія не вполнѣ побѣждена. Но съ удивительнымъ мастерствомъ переданы формы угловатыхъ, но уже закругляющихся подъ вліяніемъ наступающей зрѣлости, мускуловъ, а трудно воспроизводимое, обусловленное самой темой, смѣшеніе покоя и подвижности, дѣйствуетъ съ самой убѣдительной силой. Мы находимъ уже всю греческую воспріимчивость къ естественному въ этой бронзовой статуэткѣ, привѣтствующей насъ у входа въ храмъ высокаго греческаго искусства.

Мужской идеалъ классическаго греческаго искусства представленъ прежде всего Дискометателемъ Мирона (см. рис. 95, въ т. I, часть I). Въ произведеніяхъ Мирона греческая скульптура шагнула отъ холоднаго воспроизведенія формы человѣческаго тѣла къ жизни. Всякая жесткость и условность исчезли, въ естественной соразмѣрности движутся члены. Миронъ никогда не изображаетъ покоя, но всегда одинъ какой-либо моментъ, при которомъ тѣло находится въ бурномъ и страстномъ движеніи. Онъ индивидуализируетъ тѣло, т. е. для него уже не безразлично, подходятъ ли голова и туловище другъ къ другу, или нѣтъ, для него цѣлое должно образовать высшее единство. Его Дискометатель живетъ и дышетъ. Въ его движенія вѣришь, тогда какъ въ раннемъ искусствѣ движенія производятъ впечатлѣніе неправдоподобнаго. Его великій соперникъ Полигнотъ, который въ противоположность Мирону весь спокойствіе, созда-

Съ фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.
Рис. 238.
Статуэтка мальчика, вынимающаго занозу.

етъ собственно греческій типъ мужской красоты. Напримѣръ, тѣло „Діадумена“ сильнаго и крѣпкаго строенія, но отнюдь не производитъ впечатлѣніе дюжаго, такъ какъ Полигнотъ умѣетъ соединять извѣстную дюжесть отдѣльныхъ членовъ съ стройной соразмѣрностью цѣлаго. При сильномъ развитіи нижнихъ конечностей, верхняя часть тѣла кажется узковатой и нѣжной. Пропорціональная голова, не обнаруживая особаго своеобразія, производитъ благородное впечатлѣніе. Руки и ноги, на нашъ взглядъ, великоваты, но грекъ чувствовалъ иначе. У Фидія, величайшаго ваятеля Греціи, находимъ гораздо болѣе изящное дальнѣйшее развитіе стараго идеала. Члены не столько сильны, сколько изящны и хорошо сформированы, и главное значеніе придается стройности цѣлаго. Голова маловата въ сравненіи съ тѣломъ, и черты ея обнаруживаютъ почти женственную мечтательность. Проложенное Фидіемъ направленіе развиваетъ до его наибольшей высоты Пракситель. Красота и благородство формъ (ср. „Гермесъ“ рис. 239) основныя черты этого очаровательнѣйшаго изъ греческихъ ваятелей. Онъ снова усиливаетъ формы, но зато создаетъ головы, которыя можно обозначить современнымъ выраженіемъ „нервный“. Голова узкая и вытянутая, подбородокъ короткій и мягкій, какъ у женщины. Узкія ноздри какъ будто дрожатъ отъ возбужденія, и надъ узкимъ прямымъ лбомъ волосы курчавятся красивыми завитками.

Рис. 239. Статуя Гермеса въ Олимпіи, Праксителя.

При всемъ мастерствѣ исполненія, идеалъ мужчины, созданный греческимъ искусствомъ, отнюдь не соотвѣтствуетъ нашему. И нельзя поставить въ упрекъ современному человѣку, если онъ не знаетъ, какъ къ нему отнестись. Насъ восхищаетъ въ греческомъ искусствѣ не „что“, а „какъ“, совершенство исполненія, благодаря которому мы и теперь еще чувствуемъ себя въ музеѣ точно въ собраніи боговъ.

Къ положенію женщины въ прославленной классической древности нельзя прилагать масштабъ современныхъ отношеній. Грекъ, впечатлительный, жизнерадостный человѣкъ, отнюдь не считалъ женщину равноправнымъ товарищемъ. Она была для

Съ фотогр. Д. Андерсона въ Римѣ.
Рис. 240. Амуръ и Психея.
Статуя въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

него чѣмъ-то въ родѣ экономки, и немногія сохранившіяся до нашего времени произведенія греческой живописи, изображающія сцены изъ совмѣстной жизни мужчины и женщины, трактуютъ ее именно въ этомъ смыслѣ. Рѣдко встрѣчаются картины, посвященныя любви, если не считать тѣхъ, которыя предназначались для спаленъ и ваннъ богатыхъ людей и изображали вполнѣ откровенно человѣческую половую жизнь. Благородныя изображенія человѣческой любовной жизни, какъ, напр., удивительная группа „Амуръ и Психея“ (рис. 240), относятся почти исключительно къ богамъ.

Душевная жизнь еще чужда этому искусству. Женщина въ глазахъ эллиновъ была прекрасный сосудъ наслажденія, внѣшность котораго достойна вниманія, но духъ не идетъ въ счетъ. Нигдѣ въ произведеніяхъ древнихъ — исключая первыхъ поэтовъ, какъ Гомеръ — нѣтъ и рѣчи о взаимномъ дополненіи и пониманіи супруговъ, которыя въ настоящее время составляютъ главную прелесть брака. Тамъ, напротивъ, господствуетъ воззрѣніе, близкое къ восточнымъ гаремнымъ отношеніямъ. Но для женской внѣшности греческій художникъ сумѣлъ найти настолько совершенное выраженіе, что все позднѣйшее одушевленіе искусства не могло превзойти его.

Находящаяся нынѣ въ Неаполѣ статуя охотящейся Артемиды (рис. 241) можетъ служить хорошимъ образчикомъ первой ступени греческаго идеала женщины. Еще ни одинъ художникъ дѣйствительно выдающагося значенія не оказывалъ вліянія на эстетическое чувство грековъ на этой первой стадіи развитія. Съ прирожденнымъ эстетическимъ чутьемъ, но безъ особеннаго поэтическаго полета, пастухъ, перешедшій къ осѣдлому быту, воплощаетъ въ камнѣ свой идеалъ. Богиня охоты Артемида въ этомъ изображеніи сильно смахиваетъ на простую крестьянку, которую только длинная, плотно охватывающая тѣло одежда и золотой полумѣсяцъ въ волосахъ отличаютъ отъ іонійской пастушки. Рука и нога большія и лишены всякаго изящества, плечо крупное и мясистое, выступаетъ изъ широкаго рукава. Богиня изображена

Мужчина и женщина. II. Т-во „Просвѣщенiе“ въ Спб.

Венера Милосская.

(По фотографiи Жиродонъ въ Парижѣ.)

быстро идущей, ноги, обрисованныя складками одежды, плотны и мускулисты. Все тѣло, въ половину естественной величины, крѣпкаго и сильнаго сложенія, привыкшее къ работѣ, но безъ всякаго изящества, съ грузными бедрами женщины, привыкшей къ тяжелому труду. Энергическое, дружески улыбающееся лицо обнаруживаетъ уже, хотя еще не вполнѣ выработанные, всѣ признаки позднѣйшаго греческаго стиля: большіе, но лишенные выраженія глаза, подъ красиво изгибающимися бровями, прямой, на концѣ притупленный носъ и довольно большой ротъ, съ легкой ямочкой на подбородкѣ подъ нимъ.

Отсюда греческое искусство быстро развивается до Фидія. Къ стилю Фидія близко стоитъ находящаяся въ Дипденѣ Аѳина Гопа. У нея удивительно пропорціональная нога, мягкое, нѣжно обрисованное верхней одеждою, колѣно; прекрасное слегка выпуклое бедро. Руки все еще нѣсколько велики — пережитокъ болѣе раннихъ идеаловъ—напротивъ, форма плечей выше всякой похвалы; не будучи массивными, они отличаются нѣжной, сильной полнотой и обнаруживаютъ пріятное изящество и ловкость движеній. Шея круглая и крѣпкая. Мягко округленный подбородокъ мечтательный. Такая же нѣжная мечтательность разлита по всему лицу, сіяющему той безсознательной и потому чарующей прелестью, которая можетъ по цѣлымъ часамъ приковывать взоръ восхищеннаго зрителя.

Но лучезарнѣйшимъ произведеніемъ всѣхъ временъ, торжественнымъ гимномъ женской красоты, является твореніе неизвѣстнаго мастера, Венера Милосская. Нѣжное, упругое тѣло богини красоты передано съ чарующей правдивостью, дивное бедро изваяно съ совершенствомъ, которому нѣтъ равнаго. Туловище слегка повернуто вправо, какъ будто богиня стыдится своей очаровательной юности и въ то же время гордится ею. Та же горделивость, то же величіе сочетаются въ мраморныхъ чертахъ лица съ прелестью безупречной красоты. Благодаря своему безукоризненному совершенству, Венера Милосская сдѣлалась для всѣхъ временъ идеаломъ женской красоты.

Такимъ образомъ физическая красота мужчины и женщины достигла уже въ греческомъ искусствѣ такого совершенства выраженія, выше котораго не могли подняться позднѣйшія времена. Но грекамъ не хватало одного: углубленія, которое, конечно, могло повредить красотѣ. Къ этому воспроизведенію душевныхъ свойствъ пластическимъ искусствомъ мы теперь и обратимся.

Греція приходитъ въ упадокъ. Вмѣстѣ съ нею падаетъ ея искусство. Чувственность, выродившаяся подъ вліяніемъ стремленія къ роскоши, какъ таковой, и сладострастія,

Рис. 241.
Статуя Артемиды (Діаны).

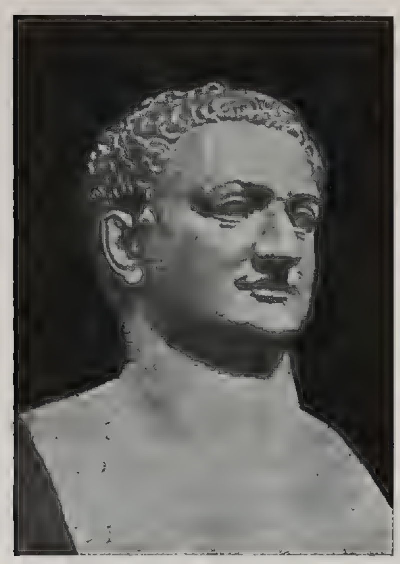


Рис. 242. Титъ.
Колоссальная голова въ Національномъ музеѣ въ Неаполѣ.

уничтожаетъ чистое наслажденіе красотою тѣлесныхъ формъ. Произведенія позднѣйшаго античнаго искусства частью слащавы, частью стремятся къ бьющему на эффектъ изображенію человѣческихъ страстей. Только въ азіатскихъ колоніяхъ Греціи, гдѣ благодаря жаднымъ сосѣдямъ уцѣлѣлъ воинственный духъ, предохранявшій отъ вырожденія, еще появляются прекрасныя произведенія, не представляющія, впрочемъ, дальнѣйшаго успѣха сравнительно съ тѣмъ, что уже было достигнуто.

Римляне, смѣнившіе грековъ въ военномъ господствѣ, не были способны наслѣдовать ихъ искусство. Римскія изображенія половой жизни превосходятъ подобныя же греческія изображенія непристойностью, не обладая ихъ изяществомъ. Офиціальное римское искусство, при чрезвычайной технической ловкости, слишкомъ разсудочно и слишкомъ несамобытно и неоригинально, чтобы создать что-нибудь новое. Недостатокъ чувства и эстетическаго чутья обнаруживается въ особенности въ изображеніи женщины, для котораго чувство всегда имѣло и будетъ имѣть рѣшающее значеніе. Эти произведенія,—крайне сухія, шаблонныя работы, въ которыхъ больше значенія придается правильности складокъ одежды, чѣмъ воспроизведенію личной красоты. Гораздо счастливѣе были римляне въ изображеніи мужчины. Не тамъ, гдѣ дѣло шло о воспроизведеніи мужской красоты, а тамъ, гдѣ нужно было воспроизвести черты характера, т. е. опять таки при болѣе или менѣе разсудочной работѣ. Такъ, дошедшіе до насъ бюсты римскихъ императоровъ, изъ которыхъ мы приводимъ нѣкоторые на рис. 242—245, превосходны въ своемъ родѣ, и мы можемъ прочесть на ихъ лицахъ ихъ хорошія и дурныя страсти и исторію ихъ жизни, но именно это совершенство, не допускающее никакого духовнаго дополненія, производитъ раздражающее впечатлѣніе и сильно отзывается ремесломъ.

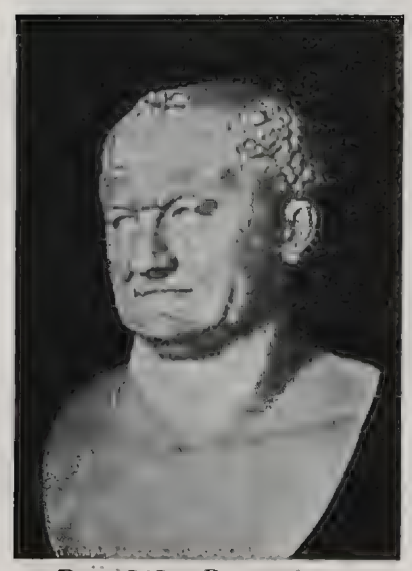


Рис. 243. Веспасіанъ.
Колоссальная голова въ Національномъ музеѣ въ Неаполѣ.

Къ этому присоединилась и другая причина гибели искусства: распространеніе христіанства. Нѣтъ сомнѣнія, что христіанская религія вначалѣ нанесла искусству страшный ударъ, какъ ни плодотворно было ея вліяніе на него впослѣдствіи. Греческій міръ проповѣдывалъ радость жизни и евангеліе человѣческой красоты. Христіанство проповѣдывало страданіе жизни и ничтожество всякой земной красоты.

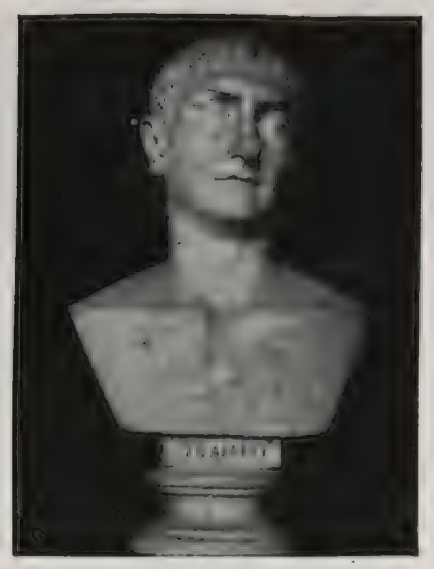


Рис. 244. Траянъ.
Бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

Греческій міръ славилъ своихъ боговъ тѣмъ, что изображалъ ихъ болѣе прекрасными, чѣмъ красивѣйшіе изъ людей. Быть богомъ значило для него быть идеаломъ красоты. Христіанство учило о Богѣ неземномъ, передъ которымъ человѣкъ и все человѣческое ничто. Радоваться этому „ничто“ ему казалось грѣхомъ. Великій учитель церкви Антоній, Падуанскій святой, проклялъ въ пламенныхъ выраженіяхъ Сократа, греческій міръ и его искусство. Мѣсто тѣлесной красоты заняла прекрасная душа.

При такихъ обстоятельствахъ блистательному подъему искусства, естественно, долженъ былъ предшествовать его плачевный упадокъ. Страданіе есть область, которую не легко завоевать пластическому искусству. Оно искажаетъ черты лица, разрушаетъ чистоту линій человѣческаго облика. Скорбящій и кающійся не могутъ быть прекрасными въ греческомъ смыслѣ. Красоту, присущую этимъ вещамъ, не легко было найти.

Вполнѣ согласно своему духу, христіанство отвергло изображеніе голаго человѣческаго тѣла, какъ нѣчто грѣховное, и такимъ образомъ уничтожило главную область тогдашняго искусства. Искусство — учила религія —, должно служить ей и потому не можетъ изображать ничего нечестиваго. Слѣдствіемъ этого была смерть искусства. Первыя христіанскія изображенія, изображенія Дѣвы Маріи, Троицы, внушенныя боязнью всего чувственнаго, условны, безжизненны и лишены всякой художественной оригинальности. Этотъ родъ искусства переходитъ изъ Рима въ Византію, нынѣшній Константинополь, сдѣлавшійся центромъ новой христіанско-римской имперіи. Изъ Византіи же оно снова возвращается въ Италію. Но здѣсь тѣмъ временемъ, въ теченіе тысячелѣтія слишкомъ, выросло новое поколѣніе, которое снова промѣняло идеалъ отреченія своихъ отцовъ на жизнерадостность язычества, одушевивъ послѣднюю духовными цѣнностями христіанства.

Наступаетъ новая великая эпоха въ искусствѣ: Возрожденіе. Оно ознаменовано наиболѣе полнымъ сліяніемъ греческаго духа и христіанства, какое только знаетъ исторія культуры. Оно также исходитъ изъ той точки зрѣнія, что искусство должно быть служанкой религіи, но при

Рис. 245. Адріанъ.
Бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

Фотогр. Леви въ Вѣнѣ.
Рис. 246. Pieta.
Съ картины Андреа дель Сарто.

этомъ не чуждаться ничего человѣческаго. Наряду съ страданіемъ жизни оно признаетъ и радость жизни, и чѣмъ сильнѣе на родинѣ Возрожденія, Италіи, развивается любовь къ искусству, тѣмъ болѣе гимнъ радости заглушаетъ жалобу страданія.

Итальянецъ надѣленъ чрезвычайной силой чувственной воспріимчивости; его не могла отвратить отъ земного даже религія отреченія отъ жизни. Но религія обуздываетъ эту бьющую черезъ край жизнерадостность, придаетъ ей гармонію, сообщаетъ ей ритмъ и красоту, и такимъ образомъ просвѣтляетъ ее въ искусство. Итальянецъ не обладаетъ соціальнымъ смысломъ, который игралъ ту же роль у грековъ. Онъ не обладаетъ способностями строителя государства. Вѣра въ Бога и потустороннюю жизнь сообщила мѣру людямъ Возрожденія; съ ея исчезновеніемъ исчезло и величіе.

Эта своеобразная смѣсь религіозности и земной радости, обусловившая величіе итальянскаго искусства, обнаруживается уже въ раннемъ Возрожденіи, въ произведеніяхъ его перваго

Съ фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.
Рис. 247. Парнасъ. Съ фрески Рафаэля.

великаго мастера Джіотто. Среди библейскихъ лицъ онъ рисуетъ портреты — свой, великаго поэта Данте и другихъ современниковъ, — пріемъ, возбуждавшій негодованіе ревностныхъ христіанъ того времени и вызвавшій много нападокъ по адресу Джіотто. Этотъ пріемъ укореняется все болѣе и болѣе. Впереди идетъ Флоренція. Постепенно онъ заходитъ такъ далеко, что въ картинахъ религіознаго содержанія всѣ лица, отъ Маріи до служителей, оказываются портретами современниковъ художника. Такимъ образомъ итальянскіе художники увѣковѣчили на картинахъ лица великихъ людей своего отечества. Если художникъ хотѣлъ отомстить комунибудь за обиду, то рисовалъ его въ видѣ Іуды Искаріота или другого отрицательнаго типа. Весь городъ стекался посмотрѣть картину, узнавалъ изображенное лицо, смѣялся, и такимъ образомъ данный субъектъ терпѣлъ поношеніе, противъ котораго не могъ ничего подѣлать.

Съ фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.
Рис. 248. Бронзовый Давидъ.
Донателло.

Конечно, образъ господствуетъ, и религіозное христіанское движеніе на первомъ планѣ. Но уже великій художникъ Филиппо Липпи, бывшій монахъ, придаетъ миловиднымъ мадоннамъ своихъ образовъ черты своей хорошенькой любовницы, бѣглой монахини. А Андреа дель Сарто (см. его авто-портретъ, рис. 100 въ томѣ I, часть 1), одинъ изъ величайшихъ художниковъ этого вѣка, картину котораго, „Pieta“ (Благочестіе) мы воспроизводимъ на рис. 246, постоянно рисуетъ свою невѣрную красавицу-жену. Вокругъ Мадонны мы видимъ на его картинахъ знатныхъ дамъ того времени и его возлюбленныхъ, а святые—портреты современниковъ художника. Все это, въ строго-христіанскомъ смыслѣ чудовищное кощунство, свидѣтельствуетъ о силѣ жизненности итальянцевъ эпохи Возрожденія.

Исторія Дѣвы Маріи представляетъ для нихъ неисчерпаемую тему. Но уже не въ старомъ смыслѣ той эпохи, когда Марія была только царицей небесной. Она очеловѣчивается, превращается въ женщину, такую же, какъ всякая другая, въ женщину, которая любитъ и страдаетъ. Отъ появленія ангела съ вѣстью, которую она выслушиваетъ, краснѣя, какъ скромная дѣвушка, до вознесенія на небо, всякая фаза ея жизни трактуется съ любовью. Даже періодъ родовъ находитъ художественное воспроизведеніе. У Андреа дель Сарто, напримѣръ, она лежитъ на

заднемъ планѣ большой, элегантной комнаты, усталая и изнеможенная, на богато убранной роскошной кровати, и знатныя дамы являются освѣдомиться объ ея здоровьѣ (см. рис. 267 въ томѣ I, ч. II). Роскошь эпохи сообщается и религіозному искусству. Марія уже не жена бѣднаго плотника, а богатая дворянка.

Такіе примѣры лучше характеризуютъ искусство эпохи Возрожденія, чѣмъ длинныя и скучныя теоретическія разсужденія. Это искусство, которое дѣлаетъ своимъ предметомъ жизнь современности, горячую, пульсирующую жизнь. Уже не искусство приспособляется къ религіи, а происходитъ обратный про-

Съ фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.

Рис. 249. Іеронимъ Ассизскій передъ тѣломъ святого Франциска.
Стѣнная живопись Джіотто.

цессъ. Такимъ образомъ возвращается язычество, наслажденіе изображеніемъ прекраснаго человѣческаго тѣла. Красота — первое требованіе, которое предъявляетъ къ картинѣ человѣкъ Возрожденія. Этимъ самымъ дается и дальнѣйшая характеристика искусства Возрожденія: какъ искусства аристократическаго, а не демократическаго. „Народъ“ на этихъ картинахъ состоитъ изъ нарядныхъ, состоятельныхъ гражданъ. Изображеніе людей процвѣтаетъ. Но это знатные, холеные люди, гладкая кожа и гибкіе члены которыхъ знакомы только съ наслажденіями жизни, а не съ ея страданьями и трудомъ. Взгляните, напримѣръ, на любую картину Рафаэля (рис. 247). Даже его воины привыкли спать на шелковыхъ постеляхъ.

Это намѣчаетъ границы искусству Возрожденія, въ другихъ отношеніяхъ столь безграничному. Только къ концу этого періода настроеніе измѣняется, когда люди очнулись отъ своей грезы о красотѣ, возвращенные къ печальной дѣйствительности

полчищами чуждыхъ народовъ, попиравшими почву Италіи копытами своихъ коней.

Еще у перваго мастера эпохи Возрожденія, у Джіотто (рис. 249) художественное воспроизведеніе людей ограничивается головами. Мы хотимъ сказать, что, несмотря на болѣе точное знаніе человѣческихъ формъ, чѣмъ столѣтіе назадъ, фигуры еще угловаты въ своихъ движеніяхъ, а анатомически очень неудовлетворительны. Ихъ тѣла въ большинствѣ случаевъ окутаны широкими одеждами, скрывающими формы. Но въ характери-

Съ фотогр. Броджи во Флоренціи.

Рис. 250. Поклоненіе волхвовъ. Съ картины Сандро Боттичелли.

стикѣ мужского лица Джіотто достигаетъ уже очень значительной высоты. Прежній идеалъ прямого греческаго носа замѣщенъ орлинымъ носомъ, съ легкой выпуклиной, напоминающимъ о клювѣ орла. Губы узкія и слегка поджатыя, и окружающія ихъ складки выражаютъ непреклонную энергію. Подбородокъ острый и длинноватый, лобъ чрезвычайно высокій и довольно прямой. Самыя энергичныя лица безбороды. Борода въ большинствѣ случаевъ признакъ извѣстнаго добродушія и мягкости. Вообще же мужскія и женскія лица часто еще очень сходны.

Изъ Флоренціи, колыбели итальянскаго искусства, исходитъ новый, великій расцвѣтъ, первыми крупными представителями котораго являются скульпторы Донателло и Верроккіо. Извѣстный бюстъ отмѣнно безобразнаго полководца Никколо да

Уццано обнаруживаетъ уже характерныя черты типа, который здѣсь вырабатывается. Огромный носъ выдается, точно клювъ коршуна, надъ очень худымъ лицомъ. Нижняя губа и подбородокъ чувственные, верхняя губа, узкая и прямая, выражаетъ сосредоточенную энергію. Глубоко сидящіе глаза смотрятъ на свѣтъ умно, холодно и властно. „Давидъ“ Донателло (рис. 248) характеризуетъ тѣлесный идеалъ того времени. У молодого Давида длинное туловище, для котораго ноги нѣсколько коротки. Все тѣло плотное и крѣпкое съ подвижными, привыкшими къ дѣятельности мускулами. Рука еще очень тонка. Лицо, обрамленное локонами, немного женственно — мягко, но складки, идущія отъ носа ко рту, уже обнаруживаютъ энергію.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.

Рис. 251. Іоаннъ Креститель.

Съ картины Леонардо да Винчи.

Вероккіо разрабатываетъ дальше типъ человѣка, самостоятельно прокладывающаго себѣ путь въ жизни, въ конной статуѣ Коллеони въ Венеціи (см. рис. 87 въ т. I, ч. I). Этотъ авантюристъ весь энергія. Мощное тѣло, съ широко раздвинутыми ногами, бодро сидитъ на конѣ. Жесткія, рѣзкія черты обвѣтреннаго лица выражаютъ грубую энергію и ни передъ чѣмъ не отступающую жизненную силу. Таковъ былъ мужчина того времени.

Но авантюристъ пріобрѣтаетъ богатство и вліяніе, а съ ними вкусъ къ искусству и благосостоянію. Его энергія утончается, становится культурою. Онъ научается любить наслажденія и проводитъ свои досуги съ женщинами и художниками.

Мужчины, которыхъ рисуетъ на своихъ картинахъ Сандро Боттичелли (рис. 250), уже продѣлали это превращеніе. Они пріобрѣли болѣе гибкія тѣла и члены и охотно наряжаются въ дорогія платья. Лица ихъ еще полны энергіи, но къ этой энергіи уже примѣшивается странная мечтательность, которая говоритъ о роскоши и женской любви. Но все же это мужчины, съ ясно

Рис. 252. Іоаннъ Креститель.
Съ картины Рафаэля.

выраженными признаками людей, дѣйствующихъ обдуманно и ни передъ чѣмъ не отступая.

Эта ясно выраженная мужественность все более и более исчезаетъ. Святой Себастьянъ Перуджино въ Парижскомъ Луврѣ, съ его нѣжными округлыми членами, похожъ на прекрасную бѣлокурую дѣвочку. Тотъ же типъ мы находимъ на картинахъ Франча, учителя Рафаэля. Но всего сильнѣе выступаетъ это женоподобіе мужчины, изнѣженнаго роскошной жизнью, у величайшаго художника Италіи Леонардо да Винчи. Этого нельзя сказать о его произведеніяхъ, изображающихъ вѣчные типы, какъ „Тайная вечеря“ въ Миланѣ; но такія картины какъ Парижскій „Іоаннъ Креститель“ (рис. 251) вызываютъ нѣкоторое смущеніе. Полныя бедра, нѣжные, покрытые тонкимъ пушкомъ члены и чисто женственная кокетливая улыбка на

Съ фотографіи бр. Алинари во Флоренціи.
Рис. 253. Сотвореніе Адама. Съ фрески Микель Анджело.

Съ фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.
Рис. 254. Пиръ у Ирода. Съ картины Филиппо Липпи.

чувственныхъ губахъ уничтожаютъ почти всякую разницу между мужчиной и женщиной.

Микель Анджело съ его сильными страстными фигурами сверхчеловѣческой силы и мощи (ср. рис. 253, также рис. 96 т. I, ч. I и рис. 172 въ т. I, ч. II) вноситъ новый порывъ энергіи. Имъ пользуется Рафаэль, котораго „Іоаннъ Креститель" (рис. 252) — тоже въ Парижѣ, впрочемъ уже снова указываетъ на другое направленіе.

У Микель Анджело не было учениковъ. Содома создаетъ свои мягкія, нѣжныя мужскія тѣла. Великій венеціанецъ Джорджоне ненавидитъ все, что напоминаетъ о силѣ, и его рыцари видимо чувствуютъ себя неловко въ своихъ латахъ.

Съ фотогр. бр. Алинари во Флоренціи.
Рис. 255. Лодовика Торнабуони.
Деталь изъ стѣнной живописи „Рожденія Маріи" Доменико Гирляндайо.

Тамъ, гдѣ дѣло идетъ не о простомъ портретѣ, а въ большинствѣ случаяхъ и въ портретахъ, итальянское искусство, начавшее съ изображенія воина, изображаетъ теперь мужчину, который ищетъ и находитъ свое единственное счастье въ любви, Мужчину, который пересталъ быть мужчиной.

Какъ показываетъ уже направленіе, принятое изображеніемъ мужчины въ итальянскомъ искусствѣ XVI и XVII столѣтій, эти художники были гораздо больше живописцами женщины, чѣмъ

Фотогр. общ. въ Берлинѣ.
Рис. 256. Дочь художника Лавинія.
Съ картины Тиціана.

мужчины. Это своеобразная эпоха поклоненія женщинамъ. Женщина, которая въ искусствѣ древности считалась сама по себѣ художественнымъ произведеніемъ, принимаетъ теперь участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Ея отношеніе къ мужчинѣ и семьѣ доставляетъ матеріалъ для художниковъ. Интересно замѣтить, что живописцы и художники Возрожденія охотнѣе и съ бо̀льшимъ проникновеніемъ, изображаютъ Дѣву Марію, чѣмъ ея Сына Искупителя. Женщина, какъ возлюбленная, женщина, какъ мать: таковы двѣ великія темы искусства отъ XIV до XVI столѣтія.

Люди этой эпохи походятъ на грековъ тѣмъ, что воспринимаютъ произведенія искусства не разсудкомъ, а чувствомъ. Но они отличаются отъ грековъ тѣмъ, что желаютъ знать душевную жизнь, побужденія, характеръ изображаемыхъ лицъ. Фра Филиппо Липпи открываетъ любовь для искусства. Его „Пиръ у Ирода“ (рис. 254), находящійся на Прадо въ Парижѣ, есть попросту флорентійская сцена. Иродіада этого пира не кто иной какъ Лукреція Бутти, съ которой художникъ жилъ въ свободномъ бракѣ. Онъ рисуетъ Мадонну, это опять таки Лукреція Бутти, которая съ блаженной улыбкой наклоняется надъ Божественнымъ Младенцемъ. Религія стала плотью. Всякая женщина Богоматерь, всякому не-

Рис. 257. Часть карт. „Смерть св. Екатерины“.
Тинторетто.

винному ребенку присваивается крестъ и терновый вѣнецъ.

Взгляните, напримѣръ, на любую картину великаго портретиста этой эпохи Доменико Гирляндайо. Губы его женщинъ раздуваются, взоры ищутъ мужчину, выраженіе лица откровенно говоритъ о любви. Необычайно проницательными глазами смотритъ живописецъ на этихъ женщинъ, какъ показываетъ нѣжный профиль флорентійской дамы Лодовики Торнабуони (рис. 255). Здѣсь дѣло идетъ только о любящихъ женщинахъ. Тутъ происходитъ разрывъ между греческимъ духомъ и Возрожденіемъ. Красота женщинъ греческаго искусства заключается въ формахъ тѣла и чертахъ лица, красота женщинъ Возрожденія часто только въ ихъ выраженіи — но зато въ высшей степени. Но эти произведенія художниковъ скрываютъ въ себѣ глубокую мысль, они представляютъ изъ себя какъ бы настоятельные вопросы о причинахъ женской красоты.

Фотогр. общ. въ Берлинѣ.

Рис. 258. Поющіе ангелы передъ Гентскимъ алтаремъ.
Братьевъ Губерта и Яна ванъ Эйкъ.

До какой степени искусство Возрожденія превосходитъ древность проникновеніемъ въ душевную жизнь, всего лучше показываетъ мастерское произведеніе Леонардо, „Мона Лиза“ (см. рис. 295 въ т. I, ч. II). Здѣсь выраженъ цѣлый міръ чарующей красоты. Великій англійскій писатель Вальтеръ Патеръ говоритъ объ этомъ произведеніи: „Этотъ образъ, который такъ странно возникаетъ здѣсь, подлѣ васъ, выражаетъ осуществленіе тысячелѣтняго томленія мужчины. Это красота, которая дѣйствуетъ изнутри наружу. какъ бы собраніе, клѣтка къ клѣткѣ, самыхъ рѣдкихъ желаній и самыхъ тонкихъ страстей. Сопоставимъ его мысленносъ какою-нибудь изъ бѣломраморныхъ греческихъ богинь — мы будемъ глубоко взволнованы этой красотой, въ которой воплощается душа со всѣми ея больными чувствами!“

Великіе венеціанскіе художники Джорджоне (см. рис. 363 въ т. I, ч. II) и Тиціанъ (рис. 256, см. также рис. 101 и 102 въ т. I, ч. I, рис. 246, 2±7, 291, 292, 376 въ т. I, ч. II и рис. 124 и 218 этого тома) обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи уже упадокъ. Они, равно какъ Веронезе и Тинторетто (рис. 257, см. также рис. 271 въ т. I, ч. II), рѣдко даютъ что-либо больше чисто тѣлесной красоты.

Самые разнообразные женскіе типы встрѣчаемъ мы на картинахъ этой эпохи, смотря по тому, въ какомъ городѣ жилъ художникъ. Флорентинка — у Гирляндайо — тонка и худощава, довольно высокаго роста, съ блѣднымъ нервнымъ лицомъ, бѣлокурыми или каштановыми волосами. У Тиціановской венеціанки удивительные золотисто-рыжіе волосы. Она средняго роста съ полнымъ, но пропорціональнымъ тѣломъ и широкими бедрами, съ цвѣтущимъ круглымъ, не слишкомъ тонкимъ лицомъ, на которомъ свѣтятся, какъ два брильянта, большіе голубые глаза. Римлянка— смотри Рафаэля (рис. 14 въ т. I, ч. II) — занимаетъ какъ бы середину между этими двумя типами. Позднѣе сюда присоединяется южная итальянка — у Риберы — чисто романскій типъ, роскошный и тѣмъ не менѣе полный гибкости.

„Одушевленная красота“ — вотъ, стало быть, девизъ, которымъ можно охарактеризовать эту эпоху въ исторіи искусства.

Фотогр. общ. въ Берлинѣ.

Рис. 259. Поклоненіе Младенцу. Съ картины Гуго ванъ деръ Геса

„Красота“! Дѣло въ томъ, что итальянское искусство эпохи Возрожденія не видитъ собственно ни скорби, ни радости человѣка. Изображаетъ ли оно людей, которые страдаютъ, или такихъ, которые наслаждаются — оно всегда выражаетъ ихъ чувство лишь настолько, насколько оно совмѣстимо съ его понятіями о красотѣ. Чувственность еще господствуетъ надъ душою. Голая душа и подлинный, освобождающій смѣхъ здѣсь не передаются. Быть можетъ это потому, что они несвойственны романской природѣ, а можетъ быть и потому, что у этихъ художниковъ не хватало мужества на безобразіе. Какъ бы то ни было, эти области остались для двухъ другихъ націй: нѣмцевъ и голландцевъ.

Искусство изображать чисто душевныя настроенія такъ убѣдительно, что вопросъ о красотѣ отступаетъ совершенно на задній планъ, возникло во Фландріи, и его первымъ великимъ произведеніемъ былъ Гентскій алтарь братьевъ Губерта и Яна ванъ Эйкъ. Какъ уже сказано, ни въ отношеніи красокъ, ни въ отношеніи формъ это искусство не можетъ тягаться съ итальянскимъ. Ева Гентскаго алтаря не представляетъ ничего привлекательнаго. Она неуклюжа и мѣшковата, животъ неестественно узокъ, туловище подъ грудями до невозможности сужено, лицо старое и корявое. Но выраженіе, съ которымъ глаза, сами по себѣ вполнѣ

спокойные, смотрятъ съ этого лица на яблоко въ рукѣ, есть нѣчто новое въ искусствѣ. Какъ будто человѣкъ, утомленный суровымъ существованіемъ, желаетъ наконецъ доставить себѣ наслажденіе. Таковъ же Адамъ. Онъ безобразенъ до отвращенія. И то же выраженіе въ лицѣ.

Здѣсь это искусство уже отмежевалось отъ итальянскаго: въ противоположность аристократическому итальянскому искусству наслажденія здѣсь создается демократическое искусство страданія, которое проповѣдуетъ: красота ничто, чувство же все. Даже поющіе ангелы въ Гентскомъ алтарѣ некрасивы и унылы, а рыцари въ дорогихъ латахъ точно ни разу не обѣдали досыта.

Рис. 260. Святое семейство. Съ рисунка Альбр. Дюрера.

Ванъ Эйки представляютъ антитезу итальянцамъ. Итальянецъ говоритъ: „Слишкомъ сильныя страсти безобразятъ. Поэтому я не буду изображать страстей“. — „Хорошо, — говорятъ ванъ-Эйки,— мы сдѣлаемъ своихъ людей безобразными. Въ такомъ случаѣ ихъ украситъ выраженіе ихъ чувствъ“. Фландрія оказалась права.

Еще рѣзче, чѣмъ у ванъ Эйковъ, выступаетъ тотъ же принципъ у Гуго ванъ деръ Гёса. Изъ всѣхъ этихъ художниковъ онъ рисуетъ самыхъ отталкивающихъ людей, некрасивыхъ до уродства. Но мы не въ силахъ оторваться отъ этихъ людей. Люди итальянскаго искусства боги, а эти — друзья. Добрыя, тощія, некрасивыя лица озарены внутреннимъ свѣтомъ, такъ что согрѣваютъ намъ сердце. Вотъ на алтарномъ образѣ Гёса пастухи складываютъ руки, поклоняясь младенцу Христу (рис. 259). Никогда итальянское искусство не создавало ничего подобнаго. Руки некрасивы, мозолисты, изуродованы работой, но каждая жилка въ нихъ трепещетъ отъ благоговѣнія и восторга. Это болѣе глубокая жизнь, чѣмъ у Тиціана.

Величайшій изъ этихъ фландрскихъ художниковъ Мем-

лингъ. Онъ соединяетъ преимущества всѣхъ остальныхъ. Новое въ немъ красочность, приближающаяся къ итальянцамъ, хотя другого рода.

Близко родственно фландрскимъ художникамъ по духу изображеніе людей въ нѣмецкой живописи средневѣковья. Кельнская школа, въ лицѣ, напр., Стефана Лохнера, отличается такой же глубиною выраженія, но крайней неумѣлостью въ воспроизведеніи формъ тѣла. Анатомическія познанія ничтожны, и рисунокъ, нерѣдко при удивительной красотѣ красокъ, очень слабъ. Это не имѣетъ ничего общаго съ часто упоминаемой „наивностью" старыхъ мастеровъ. Они не были ни наивнѣе, ни бездарнѣе другихъ. Но технически они сильно отстали.

Съ фотогр. Леви въ Вѣнѣ.
Рис. 261. Три граціи.
Съ картины П. П. Рубенса.

Тирольскій рѣзчикъ по дереву Михаэль Пахеръ, великій художникъ, обладаетъ хорошими знаніями о строеніи человѣка и умѣетъ характеризовать. При этомъ онъ демократъ въ искусствѣ. Его апостолъ Петръ выглядитъ бродягой. Это не вредитъ дѣлу. Искусство идетъ впередъ.

Высшей ступени своего развитія достигаетъ нѣмецкое Возрожденіе въ Нюрнбергѣ. Здѣсь творитъ великій ваятель Вейтъ Штосъ. Надъ его произведеніями въ храмахъ вѣетъ дыханіе итальянской красоты. Люди у него обладаютъ мускулами и умѣютъ ими пользоваться. Тѣмъ временемъ вырабатывается и германскій типъ. Женщины стройныя — скорѣе слишкомъ нѣжныя, чѣмъ слишкомъ дебелыя, съ правильными чертами лица, маленькимъ тупымъ носомъ и гладкими бѣлокурыми волосами. Средняго роста мужчины, часто меньше женщинъ, очень широкіе и коренастые. Признакъ знатности и сана — завитая борода.

Этотъ типъ находитъ и увѣковѣчиваетъ Альбрехтъ Дюреръ, величайшій живописецъ Германіи. Создаетъ ли онъ влюбленную парочку или мадонну (рис. 260) — потоки глубочайшаго чувства изливаются его людьми другъ на друга и на зрителя. Найдется ли итальянецъ, который бы умѣлъ такъ изображать внутреннюю жизнь? У Дюрера люди тоже рѣдко бываютъ красивыми. Лица большею частью костлявыя, формы угловатыя. Но глаза на довольно некрасивомъ лицѣ „Меланхоліи", эти глаза, озаряющіе однимъ взглядомъ вѣчность, — такіе глаза могъ

Рис. 262. Рембрандтъ, автопортретъ. Съ офорта.

создавать еще только Леонардо да Винчи. Самъ Рафаэль не могъ. Изъ нихъ свѣтится то, что, кромѣ Бога, можетъ дать только художникъ сверхчеловѣческой силы: безсмертная душа.

При всей полнотѣ своихъ способностей къ чувственному наслажденію мужчина и женщина въ искусствѣ Возрожденія выглядятъ жестокими, гордыми, надменными и не чуждыми горечи людей, осушившихъ до дна кубокъ жизни и почувствовавшихъ вкусъ горькаго осадка. Только въ произведеніяхъ величайшихъ мастеровъ это выраженіе просвѣтляется до „улыбки надъ жизнью". Такъ, мадонны Боттичелли улыбаются скорбной улыбкой пугливой покорности, а въ чертахъ Моны Лизы Леонардо да Винчи сквозитъ сознаніе, что наслажденіе жизнью убиваетъ. Съ другой стороны, искусство, о которомъ мы сейчасъ говорили, представляетъ для насъ, современныхъ людей, нѣчто такое, что мы, въ большинствѣ случаевъ, уважаемъ, не любя. Люди на этихъ картинахъ слишкомъ неземные для нашего воспріятія. Они смотрятъ впередъ съ суровой серьезностью, съ чуждымъ землѣ выраженіемъ тѣхъ, кто

Фотогр. Общ. въ Берлинѣ.

Рис. 263. Менонитскій проповѣдникъ Ансло. Съ картины Рембрандта.

предпочитаетъ потустороннее посюстороннему. Всѣ эти великіе живописцы не знали, не рисовали одной вещи: смѣха. А вѣдь именно смѣхъ есть самое разрѣшающее и освобождающее свойство человѣка: онъ можетъ разсѣять какъ паутину самыя тяжелыя заботы и помогаетъ людямъ переносить самые мрачные часы жизни.

Изъ Голландіи внезапно врывается въ міровое искусство не-

Рис. 264. Занятіе музыкой.
Съ картины Николая Ланкре.

удержимый смѣхъ: она открываетъ смѣющагося человѣка для пластическаго искусства. Смѣхъ признакъ здороваго человѣческаго разсудка въ противоположность слегка преувеличенному томленію чувствъ, а Голландія страна здороваго человѣческаго разсудка преимущественно передъ всѣми другими. Появляется рядъ великихъ живописцевъ, которые всѣ рисуютъ роскошными здоровыми красками смѣющагося человѣка и его жизнь, жизнь веселаго наслажденія жизнью. Тенирсъ, Вуверманъ, Брюгель (см. рис. 102 этого тома), Францъ Гальсъ (см. рис. 59 въ томѣ I, часть I), Якобъ Іордейсъ и, величайшій изъ всѣхъ, Петръ Павелъ Рубенсъ, автопортретъ котораго съ его первой женой Изабеллой Брандъ воспроизведенъ въ

снимкѣ, приложенномъ къ седьмой главѣ первой части I тома. Взглянемъ на картину Іорденса. Ничего возвышеннаго, ничего болѣзненнаго. Группа здоровыхъ пышущихъ силой людей сидитъ, смѣясь отъ удовольствія, за большимъ круглымъ столомъ, заваленнымъ всевозможными хорошими вещами, рыбой, жаркимъ, фруктами. Одна рука засовываетъ въ ротъ огромный кусокъ, а другая обнимаетъ веселую краснощекую сосѣдку.

У Рубенса, гдѣ это направленіе достигаетъ вершины искусства, оно утончается въ томъ смыслѣ, что онъ раздѣваетъ своихъ голландокъ и заставляетъ ихъ вести свою веселую жизнь въ видѣ боговъ, фавновъ и нимфъ (ср. рис. 44 въ томѣ I, первая часть, и рис. 197 этого тома). Каждое движеніе этихъ людей свидѣтельствуетъ о бьющемъ черезъ край здоровьѣ. Дебелое, красное мясо. Мужчины дюжіе, мускулистые, десятипудовые. У нихъ огромныя руки и ноги, и мясистыя лица съ расплывающимися чертами. Женщины не уступаютъ имъ по вѣсу (рис. 261). Крупныя формы, вылѣзающія изъ платья. На багровыхъ лицахъ большіе блестящіе голубые глаза, надъ прямыми высокими лбами пышныя бѣлокурыя кудри. Все у нихъ плотное и круглое. Онѣ привыкли къ обильной ѣдѣ и питью.

Рис. 265. Тиранка.
Съ картины Франческо Гойя.

Любимое мѣстопребываніе этихъ людей трактиръ. Здѣсь они галдятъ и дурачатся отъ избытка здоровья и силъ, отпускаютъ очень свободныя шуточки и не забываютъ о любовныхъ дѣлишкахъ. Религіозныя картины въ томъ же родѣ, какъ и свѣтскія. Мадонна фламандская крестьянка. Не робкая и стыдливая, а бодрая и ни передъ кѣмъ не стѣсняющаяся, она кормитъ грудью

плотнаго младенца Христа и улыбается во весь ротъ, радуясь, что онъ сосетъ такъ жадно.

Съ развитіемъ утонченности, съ привычкой къ роскоши, смѣхъ утихаетъ. Уже люди Рубенса только подсмѣиваются. На портретахъ его горячо любимой второй жены, роскошной бѣлокурой Елизаветы Фурманъ, мы часто даже замѣчаемъ на губахъ сантиментальную складку, которая не особенно подходитъ къ этому искусству.

Рис. 266. Портретъ Мунаррица.
Съ картины Франческо Гойя.

Смѣхъ печально замираетъ у Рембрандта (рис. 262 и 263, ср. также рис. 48, 99 въ томѣ I, часть I, рис. 181 въ томѣ I, часть II, и рис. 123 и 206 этого тома), безспорно одного изъ величайшихъ живописцевъ всѣхъ временъ. Лица сдѣлались болѣе узкими, блѣдными и серьезными. Великое похмелье послѣ великаго пира. Удручающее уныніе. Рембрандтъ еще сохраняетъ всю силу прежнихъ, его люди тоже геркулесовскаго сложенія и здоровья. У него еще жива старая безмѣрная жизненная сила, которая съ одинаковымъ наслажденіемъ рисуетъ старуху и молодую дѣвушку. Но радость жизни угасла. Тщетно старается онъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ автопортретовъ придать своимъ чертамъ бодрое, веселое выраженіе (см. снимокъ, приложенный къ 10 главѣ II части I тома: „Портретъ художника и его жены“). Что-то неудовлетворенное, угрюмое проглядываетъ въ нихъ, и подъ маской напускной бодрости чувствуется горькое уныніе поколѣнія упадка.

Рококо — вѣкъ вырожденія людей. Проституція не станетъ лучше оттого, что мы будемъ называть ее красивыми именами. А рококо былъ проституціей, духовной и тѣлесной. Греція открыла для искусства красоту человѣческаго тѣла, искусство Возрожденія надѣлило ее душею и чувствомъ. Рококо научило его злоупотреблять тѣмъ или другимъ. Неосмысленная жажда наслажденій, неосмысленное стремленіе нравиться, неосмысленное влеченіе къ обществу проникаютъ въ искусство. Тутъ все становится маленькимъ, миленькимъ и шаловливымъ. Грѣхъ теряетъ мощь и величіе прошлыхъ временъ; это уже не грандіозная страсть, а мелкая пошлость.

Уже по внѣшности типы мужчины и женщины сблизились въ такой степени, какъ ни въ одну изъ прошлыхъ эпохъ. Оба необычайно нѣжны и безсильны, съ тонкими немускулистыми членами. Обликъ у мужчины совсѣмъ не мужественный. Пухлыя нѣжныя черты лица съ мелкими линіями, какъ у женщины, блѣднаго и продолговатаго, часто обрамленнаго изящными женскими локонами. Сама женщина превратилась въ куклу. Извѣстныя мейссенскія фигурки могутъ служить образчиками безсильной концепціи этого вѣка. Эти куколки, эти женщинки, ничтожныя головы которыхъ вмѣщаютъ только мысли о любовникахъ, о прическѣ и туалетѣ, не обладаютъ даже красотой въ истинномъ художественномъ смыслѣ. При болѣе внимательномъ разсматриваніи обнаруживаются лица безъ выраженія, неправильныя, несимметрическія, обработанныя на манеръ мумій парижскими искусниками по части красоты. Все слишкомъ мило, чтобъ быть дѣйствительно прекраснымъ.

Рис. 267. Женскій портретъ.
Съ картины Франческо Гойя.

Изображаемымъ людямъ естественно соотвѣтствуютъ и ихъ дѣйствія. Рѣдко попадается предметъ достойный увѣковѣченія со стороны искусства. Иногда художнику поручаютъ увѣковѣчить военнаго героя. Въ такихъ случахъ примѣняются самые странные пріемы. Жертву наряжаютъ иной разъ даже въ римскій панцырь, въ которомъ она видимо чувствуетъ себя очень неловко. Изъ-подъ воинственнаго наряда высовывается тонкая, бѣлая, не привыкшая къ военному ремеслу рука съ кружевнымъ платочкомъ.

Искусство рококо вертится исключительно на отношеніяхъ между мужчиной и женщиной. Но не ради любви, а ради наслажденія. Эти мужчины соблазнители, эти женщины шлюхи.

При всемъ томъ нельзя отрицать, что и въ этомъ искусствѣ найдется много эстетическихъ цѣнностей. Крупнѣйшій изъ этихъ живописцевъ Антуанъ Ватто несомнѣнно великій художникъ; ученикомъ его былъ, между прочимъ, Николай Ланкре

(рис. 264). Ватто группируетъ своихъ куколокъ преимущественно въ тѣнистыхъ мѣстахъ, у ручейковъ (рис. 236). Но сколько прелести онъ вноситъ въ эти группы! Какъ непринужденно и граціозно движутся его фигуры! Какъ весело играютъ краски у этого великаго мастера красокъ! Одно новшество прежде всего бросается въ глаза у Ватто. Древность показывала голаго человѣка. Возрожденіе начало одѣвать его. Но одежда все еще была второстепенной вещью сравнительно съ человѣкомъ. Здѣсь, въ рококо, одежда становится главнымъ дѣломъ.

Съ фотогр. Леви въ Вѣнѣ.
Рис. 268. Генералъ Эберкромби.
Съ картины Джошуа Рейнольдса.

Какъ ничтожна часто такая изящная куколка! Но одежда на ней всегда роскошная. И кажется, будто любовь сосредоточивается на ней, а не на лицѣ. Влюбленные страстно прижимаютъ къ устамъ этотъ шелкъ и бархатъ. Мы находимся въ первомъ періодѣ великаго господства моды и можемъ съ удовольствіемъ изучать его на картинахъ Ватто.

Самая печальная сторона этой эпохи въ томъ, что она потеряла вкусъ къ нагой человѣческой красотѣ въ искусствѣ. Иногда изображаются еще — хотя большею частью съ порнографическими цѣлями — нагіе люди, но какъ неуклюжи ихъ формы, какое отсутствіе вкуса и пониманія этого рода красоты! Здѣсь путь лежитъ отъ великаго Ватто къ маленькому Фрагонару. Для этого послѣдняго человѣкъ превратился въ простую вѣшалку для платья. А его искреннее, сильное увлеченіе похотливой игрой, для которой важна не красота, а пикантность. Никогда еще человѣкъ не подвергался такому униженію въ искусствѣ.

Фотогр. изд. Фр. Ганфштенгля въ Мюнхенѣ.
Рис. 269. Портретъ
Съ картины Томаса Гэнсборо.

Мы не должны при этомъ забывать одного! Въ этотъ вѣкъ жили Руссо, проповѣдывавшій возвращеніе къ природѣ, и Вольтеръ, безпощадно осмѣявшій общество своей эпохи. Такимъ образомъ, уже подготовляется лѣкарство противъ разъѣдающей болѣзни, поразившей человѣчество и искусство. Гнилая эпоха рушится и возникаетъ новая, свѣжая эпоха, полная радостныхъ надеждъ. Наступаетъ Великая Революція и безжалостно уничтожаетъ испорченное общество. Таковъ законъ природы. Такъ очищается мѣсто для рвущихся впередъ юныхъ силъ, которыя снова проявляютъ болѣе грандіозное воспріятіе и творчество въ жизни и искусствѣ.

Историческая задача этого краткаго очерка выполнена въ той мѣрѣ, въ какой это допускаетъ мѣсто, и намъ остается только разсмотрѣть изображеніе мужчины и женщины

въ современномъ искусствѣ. Само собою разумѣется, здѣсь невозможны такія опредѣленныя сужденія, какъ при изложеніи прошлыхъ направленій въ искусствѣ. Культурно-исторически мы стоимъ еще среди этого новаго искусства и естественно еще не можемъ относиться къ его исторической оцѣнкѣ такъ же объективно, какъ къ искусству уже пережитыхъ эпохъ. Далѣе, затрудняетъ и то обстоятельство, что наша эпоха еще не получила такого типическаго выраженія, какъ греческая, Возрожденія и Рококо. При наименованіи этихъ эпохъ передъ нашими духовными глазами тотчасъ возникаетъ совершенно опредѣленный человѣческій характеръ съ чрезвычайно индивидуальной культурной окраской. Новое время еще не выяснилось такъ опредѣленно.

Съ разрѣш. Fred. Hollyer'а въ Лондонѣ.

Рис. 270. Любовь среди развалинъ. Съ картины Бёрнъ Джонса

За исключеніемъ нѣкоторыхъ работъ Менье и Родена, въ пластическомъ искусствѣ, несмотря на всѣ гипотезы, еще нѣтъ специфически современнаго человѣка, и даже работы Менье имѣютъ гораздо болѣе тѣсную внутреннюю связь съ греческимъ искусствомъ и съ Донателло и Вероккіо, чѣмъ думалъ ихъ авторъ.

Въ преддверіи современнаго искусства стоитъ мощный испанскій живописецъ Франческо Гойя (рис. 265—267), безмѣрная жизненная сила и художественный захватъ котораго напоминаютъ Рембрандта. Онъ завершаетъ Рококо, такъ какъ еще рисуетъ миловидныхъ играющихъ куколокъ. Но въ то же время онъ художественный пророкъ новаго времени, такъ какъ уже проповѣдуетъ художественный индивидуализмъ. Мы видимъ у него, какъ новое искусство ищетъ путь отъ Рококо назадъ къ Возрожденію. Мужчина на картинѣ долженъ быть мужчиной, женщина женщиной. Этотъ значитъ, что прежде всего остального должны быть выражены характерныя особенности пола. Такъ, Гойя ищетъ среди мужчинъ особенно охотно некрасивыя модели, но типично мужскія. Онъ любитъ коренастыя, крѣпкія

фигуры, съ сильно развитыми мускулами и мощными шеями, на которыхъ возвышаются крупныя, изрытыя морщинами многодумныя головы. Напротивъ, женщины нѣжны и воздушны, болѣе руководятся чувствомъ, чѣмъ разсудкомъ. Это стройныя фигуры, съ нѣжными членами, съ маленькими руками и ногами и блѣднымъ, очень чувственнымъ лицомъ.

Новая черта въ этомъ искусствѣ, которая чрезвычайно рѣзко отличаетъ его отъ средняго Возрожденія, это его безусловная правдивость. Гойя стремится дать не красоту, а характеристику; онъ выдѣляетъ изъ линій тѣла все лишнее и оставляетъ, какъ художественно цѣнное, лишь то, что рисуетъ личность.

Такимъ образомъ намѣчены линіи развитія, которыхъ до сихъ поръ придерживается, въ общемъ и цѣломъ, современное искусство. Прежде всего упомянемъ объ Англіи. Здѣсь развивается искусство буржуазное. Англія демократическое государство съ сильнымъ развитіемъ соціальныхъ чувствъ, и буржуазія играетъ въ ней такую роль, какъ, можетъ быть, нигдѣ въ Европѣ. Этихъ людей рисуетъ Джошуа Рейнольдсъ, величайшій портретистъ Англіи. Плотные здоровые люди, со лбами мыслителей и лицами, на которыхъ написано дѣйствіе (рис. 268). Даже въ женщинахъ Рейнольдса есть что-то героическое. Онѣ стройны, но сильнаго тѣлосложенія, съ почти мужской осанкой. Узкія бедра и хотя энергическія, но тонкія и блѣдныя лица придаютъ имъ выраженіе благородства. Типъ головы англичанина у Рейнольдса продолговатый съ рѣзко выступающимъ подбородкомъ и высокимъ, слегка откинутымъ лбомъ.

Его преемникъ въ роли моднаго живописца, пользовавшагося популярностью среди англійской публики, Генсборо, существенно утончаетъ этотъ типъ (рис. 269). Онъ рисуетъ знатнаго гражданина, умѣющаго наслаждаться жизнью, и любитъ изображать женщинъ въ роскошныхъ туалетахъ, пышныхъ локонахъ и съ пріятною улыбкой на лицѣ. Этотъ типъ сохраняется у цѣлаго ряда подражателей, не достигавшихъ высоты обоихъ мастеровъ, пока его не измѣняютъ снова Данте Габріель Россетти (см. рис. 224, 225 и 228) и Бёрнъ Джонсъ (рис. 270, см. также рис. 334 и 365 въ томѣ I, часть II). Россетти, итальянецъ по происхожденію, сохраняетъ основныя черты первыхъ, но изображаетъ тѣло довольно слабымъ, а лицо возбужденнымъ страстью, не подходящей къ типу, что придаетъ его фигурамъ отпечатокъ чего-то болѣзненнаго, иногда почти призрачнаго. Бёрнъ Джонсъ также сохраняетъ типъ, но это живописецъ покорности судьбѣ, рисующій почти безтѣлесныхъ людей съ неподвижными, безнадежными глазами.

Отмѣтимъ одну странную черту этого періода англійскаго искусства: онъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно можетъ дѣйствовать искусство на людей, достаточно чуткихъ, чтобы сообразоваться съ его образцами. Англійская женщина чувствуетъ себя до нѣкоторой степени обязанной осуществлять нѣжный, одухотворенный идеалъ, созданный живописью, и инстинктивно сообразуется съ этими картинами въ своей внѣшности. Типомъ современной англійской красавицы, высокой, стройной и бѣлокурой, съ блѣдными чертами хрупкаго личика, мы въ значительной степени обязаны Генсборо.

Съ фотогр. Д. Ріеля въ Парижѣ.

Рис. 271. Портретъ г-жи N.
Съ картины Клода Монэ.

Французъ — человѣкъ быстрыхъ движеній, онъ не силенъ, но гибокъ; онъ большей частью маленькаго роста, но члены его находятся въ чрезвычайно правильномъ отношеніи другъ къ другу. Его духъ такъ же подвиженъ, какъ его тѣло. Поэтому Парижъ столица міра и французъ считается самымъ общественнымъ человѣкомъ, такъ какъ онъ берется за все, но ни при чемъ не остается долго; такой типъ чрезвычайно трудно фиксировать пластическому искусству.

На этомъ основаніи французское искусство сравнительно поздно дошло до изображенія своего народнаго типа. Раньше оно только подражало типамъ чуждыхъ народовъ, какъ они изображались въ ихъ искусствѣ. Наиболѣе замѣчательный французскій живописецъ Эженъ Делакруа первый сталъ изображать на своихъ картинахъ подлинно французскихъ людей. Людей не особенно представительныхъ: черноволосыхъ, маленькихъ, невѣроятно подвижныхъ. Женщины не красавицы, но очаровательны. Тонкія, очень выразительныя лица съ задорнымъ вздернутымъ носикомъ, пара большихъ и прекрасныхъ глазъ подъ низкимъ круглымъ лбомъ, увѣнчаннымъ тщательно завитыми волосами. Этотъ типъ сохранился до сихъ поръ. Рисуетъ ли Пуви де Шаванъ святыхъ (см. рис. 400 въ т. I, ч. II) или Гюставъ Морэ королей и грѣшницъ Востока, — все это французы. Наконецъ, у Манэ, Монэ (рис. 271) и Дегаса появляется натурализмъ. Они изображаютъ намъ жизнь этого типа въ сценахъ флирта и дома, въ театрѣ и на балу. Ренуаръ и Бенаръ рисуютъ почти исключительно свѣтское

общество съ удивительной роскошью и изяществомъ красокъ. Они любятъ потоки электрическаго свѣта, мужчинъ во фракахъ и женщинъ въ драгоцѣнныхъ шелковыхъ и кружевныхъ платьяхъ съ брильянтами въ прекрасныхъ волосахъ. Красотою своихъ произведеній они въ значительной степени обязаны необычайнымъ красочнымъ эффектамъ, достигаемымъ посредствомъ сочетанія различныхъ частей человѣческой одежды. Здѣсь чувствуется легкій отголосокъ рококо.

Въ сторонѣ отъ этого общаго направленія французскаго искусства стоятъ его трое величайшихъ современныхъ мастеровъ: Милле, Менье и Роденъ. Милле избралъ героемъ своего мощнаго творчества французскаго крестьянина. Онъ рисуетъ его на его землѣ, вѣрнымъ сыномъ которой онъ является. Въ своей крестьянской одеждѣ — почти такой же, какъ и въ другихъ странахъ — стоитъ онъ на ней, рослый, ширококостый и неповоротливый, съ грубыми, рѣзкими, но характерными чертами лица, держа въ грубой рукѣ орудіе, которымъ онъ обрабатываетъ свой участокъ земли. Менье создаетъ работника, съ которымъ онъ познакомился въ бельгійскихъ копяхъ (см. три рисунка въ VII гл. III т.: „Промышленность", „Голова рудокопа" и „Зовущая работница"). Его типы напоминаютъ во многомъ Милле. Онъ отличается отъ него тѣмъ, что нѣсколько приближаетъ лицо работника къ греческому типу, отъ чего происходитъ своеобразная противоположность. Общая черта у обоихъ та, что, изображая женщинъ, они замѣняютъ жесткую грубость своего рода кокетливой мягкостью. Недаромъ же оба французы.

Внѣ всякихъ рамокъ находятся произведенія величайшаго изъ всѣхъ, Огюста Родена (см. рис. 25 этого тома). Его фигурамъ, запечатлѣннымъ безграничной мощью, чуждо не только все французское, но и вообще все узко національное. Ихъ безсмертная всеобщая человѣчность ставитъ ихъ на ряду съ произведеніями величайшихъ ваятелей всѣхъ временъ, какъ, напримѣръ, Микель Анджело. Роденъ находитъ искусство воспроизводить совершенно безобразное—въ своей статуѣ „Старуха" — и одухотворяетъ это дряхлое тѣло той великой душевной красотой, въ отношеніи которой все тѣлесное кажется только временной оболочкой.

Изъ всѣхъ странъ свѣта, изображеніе мужчины и женщины всего нормальнѣе развивалось въ Германіи. Германія не знала тѣхъ соціальныхъ переворотовъ, которые вносили неожиданныя направленія, новые моменты въ изображеніе мужчины и женщины во Франціи, Англіи и Италіи. Эротическая жизнь также имѣла у нѣмцевъ болѣе здоровый характеръ, оставаясь частнымъ дѣломъ, тогда какъ романскіе народы склонны выносить эти вещи въ публику. Она никогда не опредѣляла направленія истинно нѣмецкаго искусства — не говоря о занесенномъ изъ-за границы.

Такимъ образомъ, прямая линія развитія ведетъ отъ великихъ мастеровъ средневѣковья къ новому времени. Типъ, увѣковѣченный уже Дюреромъ, сохраняется, разумѣется съ измѣненіями, которыя время вноситъ въ человѣческіе типы — и въ нашемъ современномъ искусствѣ. Рослые, голубоглазые и бѣлокурые мужчины и женщины толпятся на его картинахъ. Мужчина высокъ и силенъ, обладаетъ черезчуръ большими — съ точки зрѣнія чистаго идеала красоты — руками и ногами и про-

изводитъ впечатлѣніе не столько красивой внѣшностью, сколько энергической мужественностью своего существа. Женщина также никогда не бываетъ куклой, миловидность ей совершенно чужда. Фигура у нея стройная, съ чистыми линіями, создающими прекрасное цѣлое, не поражающее какими-либо отдѣльными, выдающимися чертами. Ея красота состоитъ въ извѣстной мечтательности ея существа, чувственной, но не пошлой.

Въ этомъ цѣломудріи лежитъ причина того, что нѣмецкій живописецъ передаетъ наготу людей гораздо чище и свободнѣе отъ заднихъ мыслей, чѣмъ современное искусство большинства странъ. Такія величины, какъ Роденъ, разумѣется, стоятъ внѣ этого сравненія. Нельзя также отрицать, что и въ Германіи появляются картины эротическаго содержанія, но въ этихъ случаяхъ почти всегда можно обнаружить иностранное вліяніе.

Въ произведеніяхъ Ходовецкаго, иллюстрировавшаго великія творенія нашихъ классиковъ, эта буржуазная добродѣтель является еще нѣсколько ограниченной и тупой (см. рис. 144 въ т. I, ч. I). Но у Морица фонъ Швинда она уже чрезвычайно утончается. Здѣсь уже видно, что нѣмецъ — художникъ идеала. Швиндъ показываетъ намъ новобрачныхъ, отправляющихся въ свадебное путешествіе. Жена сидитъ въ экипажѣ, мужъ садится къ ней (рис. 93 этого тома). Все дышетъ чистотою, нѣтъ и намека на мысли, которыя пришли бы романскому художнику по поводу подобной темы. Любовь есть идеальная вещь. Мужчина и женщина цѣлуются и милуются и радуются другъ на друга въ величайшей невинности сердца. Людвигъ Рихтеръ и Шпицвегъ — достойные эпигоны этого искусства. Конечно, съ теченіемъ времени это направленіе вырождается въ непріятную слащавость.

У Лембаха, которому мы обязаны великолѣпнымъ портретомъ Бисмарка (см. снимокъ, приложенный къ IV главѣ I части I тома, также портретъ Мольтке, рис. 62), какъ ни былъ онъ, живописецъ большого свѣта, доступенъ чуждымъ вліяніямъ, также нельзя отрицать извѣстной чистоты, несмотря на многія пикантныя модели.

Изъ нынѣ живущихъ художниковъ всего утонченнѣе продолжаетъ искусство Швинда Людвигъ фонъ Гофманъ. Нѣжная миловидность и цѣломудренная застѣнчивость характерные признаки его живописи. Въ нѣмецкомъ искусствѣ есть нѣчто лирическое.

Этимъ мы не хотимъ сказать, что нѣмецкому искусству чужды эротическія проблемы. Врядъ ли найдется какое-нибудь извращеніе человѣческой жизни, которое не нашло бы своего выраженія въ произведеніяхъ величайшаго изъ нынѣ живущихъ нѣмецкихъ художниковъ — Макса Клингера. Въ его офортахъ (рис. 378 въ т. I, ч. II) мы находимъ сцены, передающія самыя интимныя стороны человѣческой жизни. Цѣлый рядъ ихъ посвященъ жизни проститутки. Но глубокая серьезность этихъ произведеній никому не внушитъ фривольной мысли.

Таково нѣмецкое изображеніе мужчины и женщины: за возбужденіями минуты оно стремится уловить чисто человѣческое вѣчное, для котораго не существуетъ времени и мелочностей.

300412011
Государственная библиотека Югры